

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

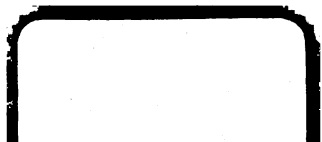
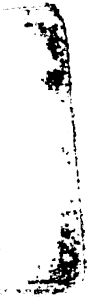
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929234 6

INDEXED

Callan

3217

*QCA

*QCA

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

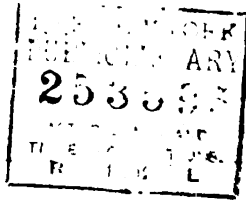
ИЗДАНИЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРІЦА и К^о.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 1835 года, декабря 31 дня.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

БИБЛОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЯ

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Чу, двѣнадцать!.... Сторонили!
За бокалы! Веселѣй!
Мы наследства не дѣлили;
Все унесъ съ собой злодѣй!
Миръ усопшему межъ нами
Подъ вѣнкомъ изъ повѣянкъ!
Выпьемъ въ честь его друзьями.
Славный малый былъ старикъ!

На рожденіе!..... Забудемъ
Ссоры съ дикою враждой.
Поцѣлуемся! Пробудимъ
Утро съ радостной зарей.

Звѣзды падаютъ снопами;
 Весель, чистъ небесный сводъ;
 Праздникъ хлопаеъ крылами, —
 Намъ родился новый годъ!

Встрѣтимъ гостя всѣ въ весель,
 Убаюкаемъ дружный!
 Пусть уснетъ на новосель,
 И проснется веселый!
 Обовьемъ его цвѣтами,
 Закидаемъ мишурой;
 Освнимъ, хоть разъ, мечтамъ,
 И махнемъ потомъ рукой!

Выростай нашъ гость желанный,
 Укрѣпляйся и мужай!
 И, сорвавъ покровъ туманный,
 Счастья, злата намъ давай!
 Больше злата! Съ нимъ достанемъ
 Все, — и счастье, и покой.....
 И тебя еще обманемъ!
 Выростай нашъ дорогой!

ТИМОФЕЕВЪ.

ВОСТОКЪ.

Изъ заволжья, изъ роднаго края,
 Гости, соколы залетны,
 Покручали сумки нерѣшетны,
 Долги гривы заплетая;
 На коняхъ ретивыхъ посадились,
 На отъѣздъ перекрестились,
 Выѣзжали на широкій путь.
 Что замолкли? въ тишинѣ,

Что волнуешь молодецку грудь?
Мысль о дальней сторонѣ?
Ахъ, не тамъ ли воздухъ чудотворный,
Тотъ Востокъ, и тѣ сады,
Гдѣ не вынетъ вѣтерокъ проворный,
Бьютъ ключи живої воды;
Рай-весна цвѣтеть, не увядаетъ,
Нѣга, роскошь, пиръ въ лѣсахъ,
Солнышко горитъ, не догараетъ
На высокихъ небесахъ!
Теремъ златъ, а въ немъ душа-дѣвица,
Красота, княжая дочь;
Блещетъ взоръ, какъ яркая зарница
Раздираетъ черну ночь.
Если жъ кровь ея зажжется,
Если вспыхнетъ на лицѣ, —
Позабудь о матерн, отцѣ;
Съ кѣмъ душой она сольется
Станомъ гибкимъ, бѣлыми руками
Друга мила обвиваетъ,
Крѣпко жметъ, румяными устами
Жизнь до капли испиваетъ!
Путники! отъ дочери княжой
Отбѣгите неоглядкой!
Молодые! къ сторонѣ чужой
Не влекитесь думой сладкой,
Не мечтайте черодѣйныхъ сновъ!
Тѣхъ земель неправославныхъ
Дивна прелесть и краса луговъ;
Сладки капли росъ медвяныхъ,
Злакъ шелковый, жемчуги въ зернѣ.
Что же видно въ сторонѣ?
Столбъ бѣлѣтъ на степи широкой,
Будто сторожъ одинокой,
Камень! онъ безъ надписи стоитъ:
Темная подъ нимъ могила,

Сирый имъ зашельца прахъ покрытъ.
 И его любовь манила;
 Чааяль: «Тутъ весельемъ разольюсь,
 Дни на вѣки удомжатся!»
 Грѣшный позабылъ святую Русь....
 Дни темнѣютъ, вновь зарятся;
 Но ему лучемъ не позлатятся
 Изъ-за утреннихъ паровъ
 Божьи церкви, градъ родимой, отчій домъ!
 Буйно пожилъ вѣкъ, а нынѣ —
 Миръ ему! одинъ лежитъ въ пустынь,
 И никто не поискалъ,
 Не нарѣзалъ имени, прозванья
 На отломкѣ дикихъ скалъ;
 Не творять молитвы, поминанья;
 Персть забвенью предана;
 У одра больного пожилая
 Не корпѣла мать родная,
 Не рыдала молода жена....

А. ГРИВОВАДОВЪ.

БѢДНЯКЪ.

Я въ мутный жизненный потокъ
 Не знаю брошенъ чьей рукою;
 Меня съ рожденья злобный рокъ
 Повиль, какъ ризой; ницетою.
 Узнать, обнять, лобзать отца,
 Сестру иль мать — была бы радость;
 Мой путь былъ горе до конца;
 Я одинокъ; изъ дѣтства въ младость
 Входя, бользненно рыдалъ,
 Но и въ слезахъ, доверья полный,

Въ роскошномъ будущемъ, я ждалъ
Всего прекраснаго!

Какъ волны

Бѣжали годы. Бѣдный жилъ;
Свѣтъ раскрывался : что въ немъ льстило,
Чѣмъ я дышалъ, что ждалъ, любилъ,
Все обмануло! Измѣнило!
О, такъ! чѣмъ глубже гѣмъ грустнѣй
Шелъ бѣдный въ шумный рынокъ свѣта;
Какъ отъ гробовъ онъ отъ людей
Не зналъ участя и привѣта;
Не понять, погранъ, презрѣнъ, тихъ,
Въ семьѣ огромной братьямъ чуждый,
Онъ, сжавши сердце, брелъ межъ нихъ,
Учась не имѣть въ нихъ нужды.

Разсудокъ росъ межъ тѣмъ по днямъ,
И буйно требовалъ науки;
Я посвятилъ себя трудамъ;
Далъ знаньямъ умъ, искусствамъ руки.
Съ горячей жадностью, спѣша
Умъ богатить для жизни нищей,
Я грядъ плоти заглуша,
Духовной пресыщался нищей.
И вотъ, успѣхъ труды вѣнчалъ!
Но мой успѣхъ былъ снова горе.
Чего хотѣлъ? Чего искалъ?
За чѣмъ кидался въ это море?
Въ немъ челнъ надеждъ конецъ разбить;
Мечты, послѣдніе обманы
Волнами смыты; духъ обвить
Сомнѣнья въ хладные туманы;
Страстей свѣтильникъ угашенъ;
Умъ гордый отдаленъ отъ неба....
Наукой я всего лишень; —
Она, дала мнѣ только — хлѣба!

Да; какъ побѣдною ногой
 Я сталъ въ пути наукъ мудреномъ,
 То богачи пошли толпой,
 Ко мнѣ, несчастному, съ поклономъ.
 Я имъ обдумывалъ дѣла,
 А ихъ за трудъ мой награждали,
 Зато, съ роскошнаго стола
 Они, какъ псу, мнѣ кость кидали.
 Но я цѣнилъ тогда людей.
 Не горе ль? Въ этой нищей долъ,
 И спѣсь развратныхъ богачей
 Меня не оскорбляла болъ?
 Кчему жъ я свѣтъ понять желалъ,
 И бодро противъ бѣдъ крѣпился?
 Зачѣмъ сны милые терялъ?
 И горькимъ истинамъ учился?
 О люди! страшно съ вами жить,
 Когда не связанъ съ вами кровью,
 Когда не можешь васъ любить
 Слѣпою, дѣтскою любовью.
 Тамъ, вы сгибались какъ тростникъ,
 Въ порокъ въздались какъ репейникъ;
 Здѣсь, продавали свой языкъ,
 И жизнь носили, какъ ошейникъ....
 Расчетъ и злато, вотъ кумиръ:
 Ему и за него вы льстили;
 Въ трупъ смрадный обративши мѣръ,
 Какъ червь, вы этимъ трупомъ жили.
 Все, что природа вамъ дала
 Такъ было дивно, такъ прекрасно!
 Взгляните жъ на свои дѣла:
 Все измѣнили вы! Ужасно!

Любовь и дружба не земли —
 Слова; въ нихъ нѣтъ для сердца нищи.
 Я слышалъ ихъ, какъ издали

Звукъ золота послышитъ нищій;
 Я вниль, какъ Богъ свѣтлы онъ;
 Теплы какъ солнца лучъ багряный;
 Но видѣлъ ихъ какъ въ сладкомъ снѣ
 Мы видимъ льстивыя обманы.

Такъ; за роскошный жизни пиръ,
 Я, какъ больной, засѣлъ уныло.
 Онъ взоръ манилъ — мой дивный мѣръ,
 Но сердцу все въ немъ измѣнило!

Когда жъ придетъ урочный часъ,
 Для всѣхъ равно неотразимый,
 И я, отца заслышавъ гласъ,
 Сберусь къ возврату въ домъ родимый?
 Къ чьимъ персямъ преклоню главу,
 Въ недугъ смертнаго томленья?
 Кого къ одру я подзову
 Чтобъ взять и дать благословенье?
 Кому скажу свое прости
 Въ великій часъ послѣдней муки?
 Кто на отчужденной груди
 Скреститъ срадальческія руки?
 Въ чьемъ сердцѣ пробужу тоску?
 Кто, добрый, съ свѣтлою мольбою
 На гробъ уронитъ горсть песку,
 Шепнувъ — «Покойникъ, миръ съ тобою»?
 Никто!!.....

Я въ жизненный потокъ
 Не знаю брошенъ чьей рукою;
 Меня, съ рожденья, злобный рокъ
 Повилъ, какъ ризою, нищетою!

В. АЛЕКСАНДРОВЪ.

БАЛЛАДА.

=

Не чудное и ложное мечтанье,
 И не молва пустая разнеслась,
 Но вѣрное, ужасное преданье,
 Въ Украинѣ есть у насъ,

Что, если кто, откинувъ всѣ заботы,
 Съ молитвою держа трехъ-дневный постъ,
 Приходить въ ночь Родительской субботы
 Къ усопшимъ на погость?

Тамъ узреть онъ тѣхъ жалобныя тѣни,
 Обречено кому уже судьбой,
 Быть жертвами въ тотъ годъ подземной сѣни
 И кельи гробовой.

Младый Избранъ съ прекрасною Людмилой
 И перстнемъ былъ и сердцемъ обрученъ;
 Но думалъ онъ, встревоженъ тайной силой,
 Что наша радость — сонъ!

Но вѣщій страхъ съ тоской неотразимой,
 Волнуя духъ, къ нему тѣснится въ грудь;
 И въ книгу онъ судьбы непостижимой
 Мечтаетъ заглянуть.

И, отложивъ мірскія всѣ заботы,
 Съ молитвою держа трехъ-дневный постъ,
 Идетъ онъ въ ночь Родительской субботы
 Къ усопшимъ на погость.

Повсюду мракъ, и вѣтеръ вылъ, и тмилась
 Межъ дымныхъ тучъ осенняя луна;
 Казалось, ночь сама себя страшилась,
 Ужасныхъ тайнъ полна.

И ужь давно Избранъ подъ темной нвой
Сидѣлъ одинъ на камнѣ гробовомъ ;
Хладна кровь , но взоръ нетерпѣливой
Во мглѣ бродилъ кругомъ.

И въ полночь вдругъ онъ слышитъ въ церкви стоны,
И настѣжь дверь , затворами звуча !
И вотъ , летитъ изъ церкви, отъ иконы ,
По воздуху свѣча !

И свой полетъ, мелькающей струею ,
Къ гробамъ она таинственно стремитъ ;
И мертвецовъ вожатой роковою
Въ воздушной тмѣ горитъ.

И мертвые въ гробахъ зашевелились ,
Проснулись вновь подземные жильцы ,
И свѣжія могилы разступились ,
И встали мертвецы.

И видитъ онъ тѣхъ жалобныя тѣни ,
Обречено кому уже судьбой ,
Быть жертвами въ тотъ годъ подземной сѣни ,
И кельи гробовой.

Ихъ мраченъ ликъ, и видно, что съ слезами
Смеженъ ихъ взоръ на вѣки смертнымъ сномъ.
Ужель они , увядшими сердцами ,
Тоскуютъ о земномъ ?

Но въ Божій храмъ предтечей роковою ,
Воздушная свѣча ужь ихъ ведетъ ,
И въ мертвыхъ онъ подъ бѣлой пеленою
Невѣсту узнаетъ.

И тѣнь ея, эфирная, младая ,
Еще красой и въ саванѣ цвѣла ,
И, къ жениху печальный взоръ склоняя ,
Вдохнула и прошла.

И все обмылось. Безумецъ сокрушенный ,
 Съ того часа лишенъ душевныхъ силъ ;
 Безъ чувствъ, безъ слезъ онъ бродить изумленный
 Какъ призракъ межъ могиль.

И тихій гробъ невесты обнимаетъ ,
 И шепчетъ ей : « Пойдемъ къ ввнцу ! »
 И ввтръ ночной лишь восмъ отввчаетъ
 Живому мертвецу.

КВАНЪ КОЗЛОВЪ.

ГНЪЗДО ГОЛУБЪ.

Вожь Амру, десница халифа Омара,
 Вихремъ набгъ на блаженную землю Египта ;
 Новое благо онъ несъ ей : новую веру
 Въ Бога единого и въ Магомета пророка.
 Грозно училъ победитель упорныхъ гауровъ,
 Правды свѣта не зращихъ въ Коранъ доввчюмъ.
 Много ихъ было ; путь не тысячами, тмами
 Жертвъ устилалъ правовѣрный вождь Аравійскій.
 Грады и веси пылали ; по долгой осадѣ
 Пала одна изъ столицъ : походъ на другую.
 Скрылся Нилъ подъ судами съ припасомъ воинскимъ ;
 Строн конныхъ и пѣшихъ, шатры уже съ поля
 Снявъ, сложили на мсковъ ; остался единый,
 Пышный : какъ храмъ снаружи, снутри же какъ небо.
 Сто невольниковъ черныхъ, безмолвно, недвижно,
 Ждутъ, чтобы вышелъ и знакъ имъ подалъ владыка ;
 Вмигъ, муравьи рабочіе, снимутъ, и съ ношей
 Вслвдъ побѣгутъ, отъ коня не отстанутъ, чтобы вмигъ же,
 Гдѣ пожелаеть почить, раскинуть отъ зноя.
 Вотъ уже солнце взошло, и кончавъ молитву,

Вышелъ Амру со своимъ вчоглавогъ любимымъ ;
Ласково отдалъ эмирамъ привѣтъ , и промовлялъ :

« Чада пророка, вѣры правой свѣтила !
« Если бѣ гласъ я имѣлъ , какъ цѣтель безсмертный ,
« Звонкимъ пѣніемъ слышимый до неба седьмого ,
« Собралъ бы рать , и всѣмъ сказалъ мусульманамъ ,
« Что чрезъ избранныхъ васъ и другимъ возвѣщаю .
« Путь нашъ отсѣлъ къ морю , на градъ нечестивый .
« Древо его востроилъ Скандеръ великій ,
« Греческій царь ; потомъ овладѣли Квириты .
« Купля богатая въ немъ и злату нѣтъ счета ;
« Книгъ же богопротивныхъ столько , что дважды
« Самъ невѣрче жглы ихъ : огня не достало .
« Тамъ гнездились всѣ ложныя вѣры :
« Скорпионъ Египтянъ скотамъ , и солнцу проклятыхъ
« Персовъ кровосмѣсителей , Элинъ и Рима
« Блудныя басни , Сирскій сирадъ , и Еврей ;
« Грѣхъ истребимъ живописныхъ , какъ грѣхъ изваянныхъ
« Грудю неспыныхъ писемъ сождемъ предъ Кораномъ :
« Сходное съ нимъ бесполезно , несходное вредно :
« Вѣчная слава намъ внуковъ избавить заразы .
« Градъ же злочестный въ примѣръ другимъ да погибнетъ ;
« Стѣны и зданья сгладимъ съ песчанымъ поморьемъ ,
« Жителямъ смерть . Донинѣ щадилъ я невѣрныхъ ;
« Бралъ въ неволю мужей , и двѣ ихъ въ гаремы ,
« Малыхъ дѣтей просвѣщалъ ученьемъ Ислама ;
« Но отвергли мой даръ слѣпцы Скандерона :
« Казнь имъ , и женамъ , и старцамъ , сосущимъ младенцамъ .
« Такъ я поклялся , эмиры , и войску велите
« Также поклясться — Богомъ , великимъ пророкомъ .
« Все я сказалъ , идите . А вы , Эѳіопы ,
« Псы ! собирайте шатеръ , и коней подавайте . »

Бросились всѣ къ давно желанной работѣ ;
Но чуть верхній наметъ слегка колыхнулся ,
Съ самаго входа , сквозь кисти шелковыхъ подборовъ

Порхнула съ шумомъ голубка, и вдалѣ не помчалась;
 Все надъ шатромъ носили сизыя крылья
 Робкую птицу, вьющуюсь быстро кругами.

«Стой!» вскричалъ повелитель; всѣ руки опали.
 «Лѣвстницей станьте предъ входомъ одинъ на другаго.»
 Рабъ ближайшій припалъ, руками надъ первымъ
 Подняли двухъ и трехъ, и четвертаго. «Будеть,»
 Молвилъ Амру; «Селимъ, ичогланъ твой прекрасный,
 «Сядь на псовъ, и взгляни: не гнѣздо ли голубка
 «Тамъ подъ навѣсомъ свила? Увидишь и скажешь.»

Отрокъ съ разбѣга пяти Эѳіопамъ на плечи
 Прыгнулъ и съѣлъ; поникъ къ землѣ и шатнулся
 Столпъ ихъ живой, но трепетныхъ вмигъ подъ собою
 Справилъ черныхъ коней смѣющихся всадникъ:
 Горе имъ, если бѣ сронили любимца владыки!

«Чудо!» вскричалъ онъ, и гнѣздо и пташки живыя.
 «Только сегодня пробились малютки изъ яицъ;
 «Голодны бѣдныя, пискомъ просятъ подачи:
 «Жаль ихъ, владыко! Какъ бы гнѣзда не разрушить?»

«Милый Селимъ,» отвѣтилъ Амру, «мнѣ довольно
 «Было бы просьбъ твоихъ; ты знаешь, отказа
 «Нѣтъ никогда имъ; но кромѣ ихъ, матери птицы
 «Рушить гнѣзда не хочу: въ немъ счастья примѣта.
 «Голуби жъ болѣе всѣхъ пернатыхъ любезны
 «Намъ челоуѣкамъ: мало, что за море вѣсти
 «Носятъ друзей, гонцы воздушные наши;
 «Ангель Божій самъ бесѣду съ пророкомъ
 «Велъ чрезъ голубку: для вѣрныхъ — птица святая.
 «Грѣхъ не дать птенцовъ ей выкормить къ жизни;
 «Жизнь есть Божій даръ: въ немъ люди невластны.
 «Богъ имъ судилъ подъ моимъ родиться наметомъ:
 «Пусть же въ немъ возрастутъ, и Бога прославятъ;
 «Вмѣстѣ прославимъ и мы, и здѣсь, гдѣ раскинутъ

«Ратный шатеръ, построимъ мечеть для молитвы.
 «Слушать, рабы! докомъ возвращуся, не двигать
 «Съ мѣста шатра; блюдите денно и ноцно
 «Цѣлость его, а пуще гнѣздо голубицы.
 «Хищныхъ птицъ и гяуровъ гоните стрѣлами.
 «Живы чтобъ были птенцы и безвредны; иначе
 «Убыль пера съ виновныхъ взыщу головою.
 «Бдемъ, Селямъ!.... Но конь твой изъ блага черный
 «Сталь отъ брызговъ: тину рыль онъ копытомъ;
 «Конюхъ, не счистивъ, тебѣ и подвелъ; не боится
 «Рукъ твоихъ песь: ты слишкомъ съ презрѣнными кротокъ.»

Молвилъ, поѣхалъ; Селямъ же остался. Повинный
 Конюхъ устами прилипъ къ ногѣ ичоглана,
 Чаая прощенья; но отрокъ замыслилъ другое:
 Дважды кружилъ дуговидною саблей Дамасской
 Острой, на ловкій ударъ намахивалъ руку;
 Въ третій, привставъ надъ сѣдломъ, и намѣтивъ на шею,
 Срезалъ съ плечъ: двѣнадцати-лѣтняя сила!
 Тѣло само упало, голову сбросилъ
 Сгвѣшно всадникъ ногой, чтобъ нежную обувь
 Кровь не сквернила; взглянулъ на трупъ, улыбнулся,
 Крикнулъ коню, и помчался въ догоню владыки.

КАТЕНИНЪ.

ЧУВСТВО ДОЧЕРИ.

Когда пастухъ въ тѣни прохладной,
 Овецъ съ любовью бережетъ;
 Онъ убежденъ, — покой отрадной
 Средь стада милаго живетъ.
 Ни громъ, ни буря, ни ненастье,
 Не совратятъ его съ пути;
 Ему повсюду съ стадомъ счастье, —
 И въ тучномъ полѣ и въ глуши!

Т. XIV. — Отд. I.

2

Не ты ли, пастырь благодатный,
 Не ты ль живешь для насъ однихъ?
 Отецъ, владыко безпристрастный,
 Среди заботъ — всегда святыхъ!

На крутизнь горы высокой,
 Вдали отъ всѣхъ мірскихъ заботъ,
 Орель съ птенцами, черноокой,
 Полетъ ихъ юный стережетъ,
 И съ сердцемъ, полнымъ чувствъ богатыхъ,
 Не ищетъ счастья въ суетъ!
 Какъ въ тучахъ темныхъ, синеватыхъ,
 Съ горы онъ зреть весь міръ во тмѣ.

Не ты ль, орель? не ты ли счастье
 Съ роднымъ гнѣздомъ въ утесъ вѣшь;
 И послѣ въ ведро и въ ненастье,
 Своей любовью стережешь!

Въ уединенной тишинѣ,
 Въ глухомъ лѣсу, средь нвѣ тѣнистыхъ,
 Гдѣ ручеекъ, въ струяхъ серебристыхъ,
 Шумитъ, играя въ тростникъ,
 Цвѣтокъ, не пышной, не нарядной,
 Подъ кровомъ неба и мечты,
 Питаясь влагою отрадной,
 Живешь, вдали отъ суеты.

Не ты ли кровомъ поднебеснымъ
 Мой юный разумъ осѣнилъ;
 И, озлативъ лучемъ прелестнымъ,
 Мнѣ радость съ счастьемъ подарилъ!

На горахъ камней, скалъ кремнистыхъ,
 Средь черныхъ дебрей и лѣсовъ,
 Бѣгутъ ключи, въ потокахъ чистыхъ, —
 Какъ бы скрываясь отъ оковъ;

Бѣгутъ, клокочуть, возрастають,
 Быстра, могуча сила водъ!
 И вдругъ мгновенно утихають,
 Влетѣвъ рѣжкой въ гранитный сводъ.

Наставникъ, данный намъ судьбою,
 Не такъ же ль мы передъ тобой?
 Летимъ кипучею волною,
 И тонемъ въ радости святой.

М — И Л — А.

МОРЕ.

Вѣтеръ море взбушевалъ; —
 Въ моръ ходитъ пѣнный валъ,
 Въ дикій брегъ
 Быстрый бѣгъ
 Направляетъ;
 Добѣжалъ,
 Престоналъ,
 Раздробился и упалъ,
 Исчезаетъ.

Снова черная волна
 И свирѣпа, и страшна,
 Вдругъ встаетъ,
 Брызги бьетъ
 И несется;
 Гуль глухой,
 Адскій вой,
 Въ темныхъ безднахъ подъ водой,
 Раздается.

Горе бѣднымъ кораблямъ!

Страхъ заносчивымъ ладьямъ!

Моря вой,

Моря бой

Ихъ настигнуть;

Занесутъ,

Разнесутъ,

Объ скалы ихъ разобьютъ, —

И погибнуть!

Вѣтеръ буйный пересталъ; —

Стихло море. Валъ опалъ;

Не шумить,

Не греметь,

Отдыхаетъ.

И свѣтло —

Какъ стекло

Его зыбкое чело, —

И блистаетъ.

Вы неситесь, корабли!

И вы, легкія ладьи!

Онъ пропалъ,

Прозвучалъ

Часъ печали;

Моря гнѣвъ,

Его ревъ,

Его демонскій нагѣвъ —

Замолчали.

П Р О З А .

НОВЫЙ ГОДЪ ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ 1638 и 1700.

=

Мысль настоящему; память былому.

Двѣнадцать часовъ пробило на древней Кремлевской башнѣ; прозвучала мѣдь, какъ-будто слышный на-мгновеніе голосъ времени. Годъ, сынъ вѣчности, до начала своего слитый въ безвѣстномъ лонѣ вѣковъ съ своей матерью, отторгнутый отъ нея рукою судьбы, тихо и быстро, тяжело и весело переступавшій черезъ триста шестьдесятъ пять ступеней въ глазахъ нашихъ, обмытый потомъ и слезами, одвѣченный не многими радостями, свѣтлыми надеждами при началѣ какъ всѣ его братья, мрачно закрывающій урну свою при окончаніи, — разорвалъ неразрывную цѣпь событій, будто нить паутины, и, утомленный, исчезъ снова въ безднѣ вѣчности недоступной. Тамъ ставить онъ теперь свою урну, тамъ высыпаетъ изъ нея жребіи властителей и нищихъ, старцевъ и юношей, мужей сильныхъ и дѣвъ юныхъ. Тихая память оставшихся однимъ, грозный судъ потомства другимъ, благословеніе и проклятіе, скорбь и радость, смѣхъ и слезы, — все сопровождаетъ минувшій годъ въ тѣ безконечныя пространства бытія, гдѣ прошедшее, настоящее, будущее, смѣняются одно другимъ, какъ легкая тѣнь, какъ переливъ цвѣтовъ при восхожденіи или закатѣ солнца, и все — единый мигъ!

Мѣдь простенала. Звуки исчезли. Снова начался счетъ мгновений на часахъ нашего мгновеннаго бытія; снова радостный кликъ живущаго раздался привѣтомъ новому гостю міра, новому году. Внутреннее племя людей въ эти минуты опять забыло прошедшее, опять живетъ настоящимъ, — живетъ, мчится такъ безпечно и весело, влачится такъ грустно и печально, отъ дня ко дню и вѣчно въ одномъ настоящемъ. Свѣтская суета опять поспѣшила поздравить честолюбіе и знатность; юность опять такъ радостно глядитъ на «Новый годъ», на новаго безвѣстнаго гостя міра. Старость съ улыбкой думаетъ; «Еще годъ для меня!» Печаль и грусть повторяютъ то же, но съ другимъ чувствомъ: «Еще годъ для меня!» И все пролетаетъ, какъ звуки колокола, сказавшіе намъ наступленіе новаго счета дней съ древней башни Кремлевской..

«День, день!» думаетъ человекъ, смотря на восходящее солнце: «кто знаетъ, сколь многихъ изъ насъ не будетъ, когда ты завечерѣешь!» День! А годъ? Какъ часто повторяю я это слово, и чѣмъ далѣе движусь на пути жизни, тѣмъ чаще повторяю его. И какъ не повторять!..... Міръ пустѣетъ передо мною съ каждымъ мгновениемъ; рѣдѣютъ мои сопутники съ каждымъ днемъ. Чѣмъ далѣе идемъ, тѣмъ сильнѣе, каждый годъ, каждый день, разрушаютъ у меня какую-нибудь прекрасную мечту, уносятъ какую-нибудь очаровательную надежду, уничтожаютъ какое-нибудь дотолъ еще манившее обольщеніе. Если начинающійся день внушаетъ грустную думу — «Какъ знать, — съ его окончаніемъ можетъ-быть, мы не досчитаемся еще одного между нами!» — что жъ говорить человекъ начинающійся годъ?

Сколь многихъ нѣтъ уже теперь, кто встрѣчалъ этотъ минувшій 1835 годъ съ веселою улыбкою на-

дежды и радости, со слезою скорби, и не дождался другого года! Умерла улыбка, засохла слеза. Еще снѣга зимы не стояли, еще весна не успѣла распахнуть по землѣ зеленое покрывало, а ихъ уже не было. Сколь многимъ пламенное лѣто явилось предвѣломъ бытія; сколь многимъ осенняя буря завывла голосомъ смерти, и на сколь многія могилы палъ первый снѣгъ новой зимы! Сердца разорваны; любовь разметана по воздуху, и для многихъ оставшихся благодатное забвеніе успѣло уже явиться, помогло сбросить одежду печали; для другихъ мелькнула уже улыбка радости на ихъ устахъ.

И тщетны великіе, поучительные уроки! и напрасно каждый мигъ твердитъ человѣку о ничтожествѣ надеждъ его! Великіе не слышатъ уроковъ за голосомъ обольстительныхъ мечтаній; малые за шопотомъ суетливыхъ заботъ и мелкихъ отношеній жизни. Напрасно голосъ вдохновеннаго поэта указываетъ имъ на гробы, — «сѣдины дряхлѣющей вселенной

Съ какимъ братскимъ участіемъ, вмѣсто торжественныхъ трубъ, возвѣщающихъ людской суетѣ появленіе Новаго года, хотѣлъ бы я внушить людямъ въ Новый годъ иную мысль, — мысль о ничтожествѣ мірскаго, объ отраднѣй надеждъ только за гробомъ, надеждъ, покупаемой не суетою, не мечтами, не гордымъ помысломъ, но великою мыслью о вѣчности, важною думою о цѣли бытія, помышленіемъ о той памяти добра и зла, какую оставляемъ мы въ здѣшнемъ мірѣ.

Каждому изъ насъ придетъ время такой мысли. Но кому прежде придетъ оно? Кто скажетъ при наступившемъ годѣ, что прежде нежели онъ канетъ въ вѣчность, на могилѣ твоей, пылкій, блестящій юноша, — на твоей могилѣ, очаровательная дѣва, — не будетъ размышлять какой-нибудь дряхлый старикъ, скло-

нивъ, на дрожащую руку, съдую, пожелтлую голову, и повторяя слова поэта: «О, сколько видѣлъ я промчавшихся мимо меня прелестныхъ дѣвъ и крѣпкихъ юношей, за которыми затворились скрыпучія ворота кладбища! Предавайтесь очарованію жизни, минутныя царицы! Идетъ, идетъ время; когда убѣгутъ отъ васъ всѣ обольщенія вашего юнаго владычества, ничто, ничто не займетъ вашихъ разочарованныхъ сердець; ничто, развѣ кромѣ сновъ любви, такъ рано испуганной жизнью, кромѣ отдаленной грусти о свѣтлыхъ лѣтахъ юности, погибшихъ отъ холоднаго дуновенія времени.»

«Прошедшему для другихъ, для насъ наступающему!» говорили обитатели древней Эллады, въ молчаніи осушая фіаль, поднесенный среди шумной радости пиршества, которая умолкала, когда подносили этотъ роковой фіаль.

Въ розовомъ вѣнкѣ, но закрытый непроницаемымъ покрываломъ, всегда находился какой-то безмолвный гость на пиршествахъ обитателей древняго Египта. Кто осмѣливался снимать его вѣнокъ и подымать его покрывало, тотъ видѣлъ — скелетъ человѣческой....

Байронъ пилъ изъ черепа, обдѣланнаго въ видѣ золотой чаши, и начерталъ на немъ: «Не трепещи; не думай, чтобы духъ мой исчезъ, улетѣвъ отсюда; смотри на меня какъ на друга, отъ котораго, не такъ, какъ отъ головы живаго, не услышишь ты ничего печальнаго..... Я жилъ — я любилъ — я пилъ, какъ ты..... Я умеръ: брось земль мои бѣдныя останки, и налей вина въ черепъ мой — пей изъ меня! Прикосновеніе губъ твоихъ не можетъ оскорбить меня такъ, какъ прикосновеніе червя.....»

— Но зачѣмъ хочешь ты отравлять жизнь мою помышленіемъ о смерти? Зачѣмъ при обновленіи весны

напоминать осень и зиму, разрушительницъ прелетѣй весеннихъ?

Такъ говоришь ты, чадо нѣги, сынъ роскоши, и задумчиво пѣнишь въ хрусталь звѣздистое вино свое.

Но отчего жъ ты задумался?

— Всему своя череда! Забвеніе будущему, забвеніе прошедшему! Лови день: онъ твой, если подарилъ тебя мгновеніемъ радости.

— Кчему твои напоминанія? Кчему твой урокъ о суетѣ, о мгновенности всего живущаго? Напрасная забота. Я самъ знаю все это: «ничто не ново подъ солнцемъ; все суета.»

Изъ уроковъ царя-мудреца ты извлекъ только необходимость этого безпечнаго равнодушія, только необходимость этой окаменѣлости сердца къ урокамъ мудрости, бѣднякъ!

Не слушай меня, но трепещи: и для тебя идетъ неизбежный часъ, когда и тебѣ тяжело явится темная рука судьбы, и, въ очахъ твоихъ, на развалинахъ царствъ и гробахъ народовъ напишетъ ужасающее *Мани*, *фокель*, *фаресъ*..... А! тогда ты затрепещешь; какъ дитя, ты закроешь руками глаза свои. Для чего жъ не слушалъ ты этихъ словъ, когда они звучали тебѣ въ каждомъ ударѣ часовъ, отзывались въ каждомъ звукѣ стѣннаго червячка, говорили въ каждой каплѣ дождя, которая размывала твоѣ великолѣпное жилище? Внимай и ужасайся, неготовый путникъ вѣчности, когда тотъ же голосъ проявился громами небесъ, трескомъ падающихъ государствъ и ихъ памятниковъ, пожарами раскаленнаго солнца, зловѣщими кометами въ небѣ и удушливимъ мракомъ на землѣ! Приблизился часъ, часъ отчета, страшнаго отчета, — и, если онъ не наступилъ еще, въдаешь ли ты, когда наступитъ этотъ часъ?.... Безчувствуй, но не дерзай насмѣшкою, тон-

кимъ расчетомъ остроумія и безвѣрной науки , заглушать голосъ проповѣдника , если онъ являетъ предъ очами твоими позорище кончины бытія , присутствіе Невидимаго, притекшаго на судъ, и громовымъ голосомъ восклицаетъ: « Боже ! гдѣ избранные твои ! »

О , никогда , никогда не былъ такъ нуженъ этотъ угрожающій голосъ какъ въ наше время изученнаго безчувствія души , разсудительной холодности сердца , расчитаннаго равнодушія страстей , обдуманнаго презрѣнія жизни ! Не уважалъ наслажденія , мы ищемъ его ; задушая тоску души , мы насильно влечемъ себя на рынокъ страстей ; зная пустоту удовольствія , мы всѣмъ жертвуемъ ему !

— Зачѣмъ отравлять жизнь нашу грустною думою ?

Отравлять ! Когда ее отравляютъ , не мысль и дума , но ваше бездушіе и бессмысліе ! Мало того , что мы не слышимъ голоса скорбящей души и вопля сироты-сердца : мы не хотимъ слышать ихъ ; мы гонимъ ихъ отъ нашего черстваго сердца , отъ нашихъ великолѣпныхъ чертоговъ ума ; намъ скучно съ ними.....

Итъ , напоминаніе необходимо. Пусть будетъ оно тщетно , пусть сѣмя его падаютъ на бесплодную ниву. Если благодѣтельный порывъ вѣтра увлечетъ и немногія изъ нихъ на какую-нибудь плодородную почву ; если мое напоминаніе заставитъ хоть одного человѣка съ трепетомъ взяться рукою за сердце , съ ужасомъ ощупать пустоту на мѣстѣ сердца ; если хоть у него отзовется въ пустой кельѣ черепа хоть одна темная идея — довольно : благослови жребій свой , провозвѣстникъ мудрости , гроза безчувствія современнаго !

Не всегда желалъ бы я видѣть на пирахъ нашихъ скелетъ въ розовомъ вѣнкѣ ; не всегда подносилъ бы я веселье сердца , вино , въ черепъ ; но мнѣ бы хотѣлось , чтобы иногда , на зарѣ надеждъ , при свѣтѣ наслаж-

деніи, въ норывахъ веселья, въ упоеніи радости, мелькала передъ людьми исполинская, грозная тѣнь напоминанія о мгновенности, суетѣ міра, тщетѣ надеждъ, пустотѣ наслажденій, веселья и радостей. Пусть люди изглаживаютъ цифры часовъ на часовой доскѣ: невидимый перстъ времени, какъ часовая стрѣлка, да грядетъ передъ нами по безцифренному пространству доски, и тѣмъ разительнѣе будетъ взглядъ на нее, если ему не на чемъ опереться, если нѣтъ на ней часовыхъ чиселъ.....

Что это? Куда дѣвались двѣсти лѣтъ? Гдѣ мы? Ужъ не въ старинной ли Москвѣ съ золотыми маковками, не на Красной ли Площади, не въ толпѣ ли народа православнаго? Русскія лица, Русскія рѣчи, Русскій языкъ. Площадь кипитъ воскреснувшею жизнью; Кремль красуется старинною славою; колокольный звонъ возвѣщаетъ побѣду Русскаго оружія надъ врагомъ; мимо насъ ѣдутъ посольства шаха Персидскаго и короля Датскаго, поздравлять Государя-Царя съ побѣдою; празднуютъ «Новый годъ» 7143-й отъ сотворенія міра, 1635-й отъ рождества Бога Слова.

Свѣтлое сентябрьское * солнце взошло надъ Москвою. Вся Москва двинулась съ мѣста; всѣ идутъ,

* Всякому, полагаемъ, извѣстно, что начало года донинѣ уже три раза измѣнялось въ Россіи. Съ древнихъ временъ считали мы годы съ весны, или съ марта мѣсяца, и такъ велось это до начала XV столѣтія. Говорятъ, будто митрополитъ Киприанъ убѣдилъ тогда Великаго Князя Василія Дмитріевича начинать счисленіе съ осени, съ сентября, или *Септемврія*, какъ называли его въ то время, отблагодаривъ Бога за милость его въ минувшее лѣто, и моля его «благословить вънець лѣта своею благостью,» — слова, донинѣ повторяемые нами, хотя мы начинаемъ годъ уже не съ вѣнца лѣта. Такъ считали въ то время Греки, и съ тѣхъ поръ наши предки начинали годъ со дня Св. Симеона Лѣтопроводца, котораго память празднуется въ первый день сентября; это продолжалось около трехъ сотъ лѣтъ, до 1700 года, когда Петръ Великій, видя, что вся Европа считаетъ годы съ января, повелѣлъ и въ Россіи ввести такое же лѣтосчисленіе. Нынѣ празднество Новаго года начинается у насъ съ полуночи; у предковъ началось оно съ восхожденія солнечнаго.

спѣшать въ Кремль. Сльшенъ благовѣсть въ *Реутъ*, двухъ-тысячный, *поліелейный* колоколь, вылитый въ 1622 году мастеромъ Андреемъ Чоховымъ, по повелѣнію царя Михаила Феодоровича. Вотъ, идемъ и мы, идемъ мимо церкви Василя Блаженнаго, переходимъ черезъ кирпичный ровъ по Спаскому Мосту. Снимите шляпу, входя въ Фроловскія Ворота: таковъ обычай; самъ Царь-Государь снимаетъ здѣсь шапку. Мы вступаемъ въ святилище Россіи, «Кремль Московскій.» Здѣсь Калита огородилъ дубовыми стѣнами пребываніе будущихъ властителей «всѣя Руси;» Димитрій Донской замѣнилъ огорожу Калиты каменными стѣнами; Іоаннъ воздвигъ ихъ твердынями на грозу враговъ. Вотъ направо у васъ Вознесенскій монастырь, заложенный супругою Донскаго. Тутъ гробницы всѣхъ Великихъ Княгинь и Царицъ Русскихъ, — Елены Глинской и Анастасіи Романовой, Марѣи Собакиной и Софіи Палеологъ. Передъ вами храмъ Николы Гостунскаго, воздвигнутый на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояло нѣкогда Татарское подворье, куда Великіе Князья приходили бить челомъ посламъ гордаго хана. Направо, далѣе, Чудовъ монастырь: въ немъ покоится великій святитель Алексій, митрополитъ; тутъ жилъ и мудрствовалъ нѣкогда Максимъ Грекъ; тутъ страдалъ и умеръ за отечество великій Гермогенъ. Взгляните направо: поля-Москвы передъ глазами вашими; все Замоскворѣчье, отъ Воробьевыхъ Горъ до Васильевскаго Стана, Введенскихъ Горъ, Крутицъ и Симоновой Слободки, видно, какъ на блюдечкѣ. Мы протѣснились сквозь безчисленное множество народа на Царскую Площадь. Съ одной стороны передъ нами древній Успенскій храмъ зодчества Аристотеля Болонскаго, гдѣ хранится великая святыня, — Икона Владимірская, принесенная изъ Владиміра въ дни нашествія Тимурова, и гдѣ покоятся патриархи и митрополиты Россійскіе, отъ святителя Петра до Филарета.

«навыченъ Астрономіи, и притомъ географусъ, небесный бѣгъ въдаещъ и землемѣрію обыкъ, и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ вѣдомъ; а намъ таковъ мастеръ годенъ.» Олеарій, можетъ-быть, останется въ Москвѣ. А этотъ другой, что разговариваетъ съ Олеаріемъ, молодой человѣкъ въ щегольской шляпѣ съ перьями и сапогахъ съ огромными раструбами, такой живой, такой пламенный: это славный стихотворецъ Нѣмецкій Павелъ Флеммингъ. Можетъ-быть, онъ читаетъ Олеарию свой «Сонетъ къ Москвѣ-Рѣкѣ.» Подойдемъ, подслушаемъ. Да; мы не ошиблись: и въ какомъ восторгѣ отъ стиховъ Флемминга этотъ крошечный, толстый Нѣмецъ! Это Яковъ Лотихъ, богатый купецъ Гамбургскій, давно живущій въ Москвѣ. Онъ оборачивается къ Олеарию и импровизируетъ ему свои стихи:

Doch wiederholst du Held von neu den langen Zug,
Und zierest deinen Weg mit Flemmings schönen Versen!

Знаете ли вы, отчего у насъ такая дружба съ Голштиніею? Говорятъ, будто король Датскій проситъ нашего Царя отдать юную и мудрую дочь свою, Царевну Ирину, за его сына, князя Волдемара.... Кому это кланяется Олеарій? А! мы и не замѣтили послать, присланныхъ отъ молодой Шведской королевы Христины. Вамъ извѣстно, что въ прошедшемъ году герой отецъ ея палъ въ кровавой битвѣ за счастье народовъ Германіи, и Христина ищетъ дружбы Русскаго Царя.

Но, кажется, утрення служба кончилась въ Успенскомъ соборѣ? Точно. Бьетъ три часа дня; начинается благовѣстъ «въ большой колоколъ». Святѣйшій патріархъ Іоасафъ пошелъ изъ своихъ крестовыхъ палатъ въ соборную церковь; всѣ снимаютъ шляпы; изъ Успенскаго собора несутъ ковры и паволоки,

«щія многія лѣта, вамъ Великому Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Россіи, умножилъ лѣта живота и даровалъ свыше побѣду, и крѣпость, и храбрость, и одолѣніе на вся видимые враги, и возвысилъ вашу Царскую десницу надъ бусурманствомъ и латинствомъ, и надъ всеми иноземными языки, браней хотящими, и покорилъ подъ ноги ваши всякаго врага и супостата, устроивъ царство ваше мирно и немятежно, въ изобиліи плодовъ земныхъ. Дай, Господи, да вы, Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи, Самодержецъ, здоровы будете, съ своею Государынею, Царицею и Великою Княгинею, нашею Государынею Евдокією Лукьяновною, и съ Царевичемъ Алексіемъ Михайловичемъ, Царевичемъ Іоанномъ Михайловичемъ и Царевною Ириною, Анною и Марьею Михайловнами, и съ своими Государевыми богомольцами, съ преосвященными митрополитами, архіепископами, епископами, архимандритами, игуменами, со всемъ освященнымъ соборомъ и съ бояры, и съ христіанскимъ воинствомъ, съ доброхотами, и со всеми православными христіанами. Здравствуй, Царь, Государь, нынѣшній годъ, и впредь идущія многія лѣта, въ родъ и въ роды и во вѣки!»

Первосвятитель низко кланяется потомъ всему народу, и Царь сходитъ съ мѣста своего, также низко кланяется, провозглашая вслухъ: «Люди православные, Богомъ мнѣ данные! здоровы будете въ Новое лѣто.»

Тысячи голосовъ возносятъ кликъ: «Здравствуй, здоровъ будь, Царь, Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ!»

Бѣдные, нищіе, страдающіе продираются къ нему, восклицая: «Царь Государь! начни Новый годъ милостиво, да милостивъ къ тебѣ будетъ Господь Богъ!»

И нарочно приставленные люди раздаютъ милостыню, у просящихъ принимаютъ приготовленные ими челобитныя. При звонѣ колоколовъ, мгновенно загремявшемъ на «сорока сорокахъ» церковей Московскихъ, Царь идетъ въ Благовѣщенскій, патриархъ идетъ въ Успенскій соборъ къ литургіи. Волненіе въ народъ: одни прикладываются къ иконѣ праздника, другіе поздравляютъ другъ друга «съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ,» обнимаются, цѣлуются; снова начинается «благовѣсть,» и народъ тихо расходится изъ Кремля; каждый спѣшитъ въ приходскій храмъ свой къ обѣднѣ.

— Какъ? спрашиваетъ какой-то чужеземецъ у другаго чужеземца: этимъ окончилось все торжествованіе Новаго года? Скажите, вы уже такъ давно живете въ Москвѣ?

— Да, я давно живу съ этимъ благочестивымъ, добрымъ народомъ. Торжество Новаго года оканчивается у него этимъ величественнымъ обрядомъ, который вы видѣли.

— Зрѣлище трогательное! Оно напоминаетъ мнѣ древній Востокъ, его библейскіе, патриархальные нравы: тысячи людей, и среди ихъ Царь и первосвященитель, сонмъ иерарховъ и священниковъ, царедворцевъ и воеводъ; и это свѣтлое небо надъ ихъ головами; и эти древніе храмы, дрожащіе отъ гула колоколовъ; и эта благоговѣйная тишина молящихся..... прекрасно, умилительно! Но куда же теперь спѣшитъ народъ?

— Теперь всѣ спѣшаютъ въ храмы Божіи къ литургіи. Потомъ каждый пойдетъ къ «старшему» въ родѣ; поздравить его; здѣсь не знаютъ нашихъ визитовъ; родные собираются потомъ у старшихъ, обѣдаютъ вмѣстѣ, и тихо расстаются послѣ обѣда, полагая, что день Новаго года надобно провести въ тишинѣ и благочестивомъ размышленіи, чтобы благословеніе Бо-

жѣ осѣнило потомъ тишиною и милостію небесною цѣлый годъ.

Торжество «лѣтопровожденія», описанное мною, возобновлялось въ Москвѣ ежегодно въ первый день сентября, до 1700 года, съ немногими измѣненіями, по одинаково въ сущности.

Уже нѣсколько лѣтъ единодержавствовалъ Петръ; уже волны морей лелѣяли невиданный дотолъ Русскій флотъ; устраивалось новое, сильное войско, взять былъ Азовъ, и не только Черное, Бѣлое и Балтійское Моря видѣли Петра, но съ изумленіемъ смотрѣла уже на него Европа, недоумѣвая, «въ самомъ ли дѣлѣ, это Царь Московскій работаетъ въ мастерскихъ «Сордама и Дешфорда;» уже исчезли замыслы Софій, разсѣялось мятежное скопище стрѣльцовъ, и тысячи преобразованій ознаменовывали каждый день дѣятельной жизни двадцати-семи-лѣтняго Государя, какъ, декабря 15, 1699, обнародованъ былъ неожиданный указъ его, которымъ повелѣвалось праздновать «начало Новаго 1700 года и новаго XVIII вѣка,» съ перваго января. При барабанномъ боѣ, повсюду на площадяхъ читали указъ Царскій.

«Великій Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, указалъ сказать: извѣстно ему, Великому Государю стало, что не только во многихъ Европейскихъ христіанскихъ странахъ, но и въ народахъ Славянскихъ, которые съ Восточною, Православною нашею Церковью во всемъ согласны, каковы Воюхи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары, и самые его Великаго Государя подданные Черкасы, и всѣ Греки, отъ которыхъ вѣра наша православная принята, всѣ тѣ народы согласно лѣта свои исчисляють отъ Рождества Христова въ восьмой день снуста, то есть, января съ перваго числа, а не отъ созданія міра,

*

«за многую рознь считанія въ тѣхъ лѣтахъ. И нынѣ
«отъ Рождества Христова доходитъ 1699 годъ, а бу-
«дущаго января перваго числа настанетъ 1700 годъ,
«кушно и новый столѣтній вѣкъ. И для того добраго
«и полезнаго дѣла указалъ Великій Государь впредь
«лѣта счислять, и въ приказахъ, и во всякихъ дѣлахъ
«и крѣпостяхъ писать, съ нынѣшняго января перваго
«отъ Рождества Христова 1700 года.»

Всѣ цовиновались Царской волѣ и первое января
1700 года черезъ четыре мѣсяца послѣ наступленія
«стараго года,» въ Москвѣ и всюду торжествовали
новый вѣкъ и Новый годъ. Старики, можетъ-быть,
сѣтовали тихонько; но молодежь, въ «Нѣмецкомъ»
платѣ, съ обрѣтыми бородами, весело праздновала
новый годъ; съ насмѣшкой назвали тогда старый
годъ съ перваго сѣнтября «бабымъ лѣтомъ». Это
названіе сентябрю сохранилось донинѣ.

Самъ Петръ подробно распорядился о томъ, какъ
праздновать Новый годъ. Указомъ его было предпи-
сано: «Въ знакъ добраго начинанія и новаго столѣт-
няго вѣка, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, послѣ
должнаго благодаренія Богу и молебнаго пѣнія въ
церквахъ, по большимъ проѣзжимъ и знатнымъ ул-
цамъ знатнымъ людямъ, и у домовъ нарочитыхъ ду-
ховнаго и мірскаго чина, предъ воротами учинять нѣ-
которое украшеніе изъ древъ и вѣтвей сосновыхъ,
словыхъ и можжевеловыхъ, противъ образцовъ, ка-
ковы сдѣланы на Гостиномъ Дворѣ, у нижней Ап-
теки, или какъ удобнѣе и пристойнѣе, смотря,
по мѣсту и воротамъ, учинить возможно; а лю-
дямъ скуднымъ комуеждо хотя по древу, или по вѣт-
ви надъ воротами, или хороминою своею, поставить,
и чтобы то поспѣло будущаго января къ первому
1700 года; а стоять тому украшенію января же въ
первый день, въ знакъ веселія, другъ друга поздра-

влять съ Новымъ годомъ и столѣтнимъ вѣкомъ, и учинять сіе, какъ на большой Красной Площади огненные потѣхи начнутся и стрѣльба будетъ. И по знатнымъ домамъ, боярскимъ и окольныхскимъ, и думнымъ и знатнымъ людямъ, палатнаго, воинскаго и купческаго чина знаменитымъ людямъ, коемуждо на своемъ дворѣ, изъ небольшихъ пушечекъ, у кого есть, и изъ мелкаго ружья учинить трижды стрѣльбу, и выпустить нѣсколько ракетокъ, сколько у кого случится, и по улицамъ большимъ, съ перваго по седьмое число, по ночамъ огни зажигать изъ дровъ, или изъ хвороста, или соломы; а гдѣ мелкіе дворы, собратъся пять, или шесть дворовъ, тако жъ огонь класть; или кто похочетъ, на столбахъ, по одной или по двѣ, или по три смоляныя худыя бочки, наполня соломою, или хворостомъ, зажигать; а предъ бургомистерскою Ратушею стрѣльбъ и огненнымъ украшеніямъ по разсмотрѣнію быть.»

Все исполнено по указу. Въ самую полночь началось утреннее пѣніе во всехъ церквахъ Московскихъ, какъ бывало это въ день Свѣтлаго воскресенія. Потомъ въ Кремль отсюду пошли новоустроенныя полки, повезли пушки; самъ Петръ въ мундирѣ Преображенскаго полка предводилъ войскомъ на Красной Площади. Въ Успенскомъ Соборѣ служилъ литургію митрополитъ Стефанъ Яворскій, и въ проповѣди говорилъ о преждемъ лѣтосчисленіи съ марта мѣсяца и необходимости и удобствъ начинать годъ съ января. Потомъ начался молебень; громъ ружей и пушекъ загремялъ при возглашеніи многолѣтія. Принявъ поздравленія знатныхъ, Государь вышелъ къ войску, при крикѣ ура. Народъ смотрѣлъ съ любопытствомъ на воинскій парадъ, и потомъ бросился къ угощенію приготовленному въ трехъ мѣстахъ, гдѣ стояли бочки съ пивомъ и виномъ, и лежали горы калачей. Въ Кремлевскій дворецъ съѣзжались по приглашенію Государя ино-

земные послы, Нѣмецкіе его генералы и офицеры, Русскіе бояре и царедворцы; на половинѣ Царицы Евдокин, супруги Петра, былъ обѣдъ для ихъ женъ и дочерей. Заздравные кубки весело переходили изъ рукъ въ руки за Царскимъ обѣдомъ. Съ наступленіемъ вечера, вся Москва освѣтилась огнями. Петръ самъ объѣзжалъ по улицамъ и зажигалъ фейерверки, устроенные въ разныхъ частяхъ города; народъ толпами шествовалъ повсюду, любуясь на невиданныя торжества; пушечная пальба гремѣла между-тѣмъ въ Кремль, и по возвращеніи Государя туда, сожженъ былъ великолѣпный фейерверкъ на Кремлевской горѣ. «Съ моимъ хозяйствомъ, фейерверки мнѣ не дорого становятся,» говорилъ Петръ: «но если бы они стоили и большихъ издержекъ, я не жалѣлъ бы: они приучаютъ моихъ Русскихъ къ военному огню; это я знаю по опыту.»

Между-тѣмъ во дворцѣ открылся вечерній пиръ, гдѣ находились жены и дочери Русскихъ бояръ и сановниковъ, на ряду съ женами и дочерьми иностранцевъ, Нѣмецкихъ генераловъ и офицеровъ, и иноземныхъ пословъ. Въ то время, указомъ повелѣно уже было: «Женскому полу имѣть въ честномъ обхожденіи съ людьми совершенную свободу, и замужнимъ женамъ и дѣвицамъ ходить не закрываясь на свадьбы, на пиршества, и на всякія публичныя увеселенія.»

Музыка играла во дворцѣ, и два хора пѣвчихъ пѣли попеременно; кто умѣлъ плясать, тотъ плясалъ; самъ Петръ выдумывалъ такіе танцы, въ которыхъ могли участвовать даже и неумѣющіе. Вы знаете Русскія восьмерки и мятелицы: ихъ всякій плясать можетъ. Мятелицей назывался прежде скорый танецъ, который плясали подъ музыку, и, просто подъ пѣсню «Мятелица, мятелица, чему старый не женится», если не было музыки: становились въ кружокъ, сколь-

ко угодно паръ, и первая пара вертѣлась на правую руку; потомъ кавалеръ вертѣлся съ сосѣднею дамою на лѣвую, его дама съ сосѣднимъ кавалеромъ также на лѣвую; тотчасъ оба вертѣлись на правую руку, переходили къ третьимъ парамъ, и такъ даже, пока пары, перебранныя ими, также начинали вертѣться между собою. Отъ этого все приходило въ движеніе, и такъ какъ надобна была особенная ловкость, чтобы не замѣшаться, а танцоваль всякій, то почти всегда слѣдовали замѣшательство, смѣхъ, путаница. Перебравши всѣ пары, дѣлали крестъ, кругъ, шенъ, и оканчивали общимъ кругомъ. Восьмерка походила на мятелицу, только танцовали ее въ восемь паръ, съ нѣкоторыми измѣненіями. Потомъ, съ учрежденіемъ «ассамблей,» явились менуеты, польскія, грось-фатеры, англезы, и такъ называемые, *церемоніальные танцы*. Мятелицу и восьмерку, лѣтъ за двадцать, можно было еще видать съ провинціяхъ, вмѣстѣ съ матрадурами, манимасками, тампетами, эссезами, англезами, краковьяками, горлицами. Теперь все это и тамъ вытѣснено *сидячими мазурками* и Французскою кадрилию. Ужинъ заключилъ торжество новаго 1700 года.

Вниманіе народа было увлечено невиданнымъ до того времени празднествомъ; за нововведеніями послѣдовали другія событія которыми особенно былъ обилень 1700 годъ. Августа 18, праздновали миръ съ Турціею: Азовъ былъ присоединенъ къ Русскому царству, а 19 августа Петръ обнародовалъ манифестъ о войнѣ противъ Шведовъ; 22 августа онъ писалъ къ Апраксину: «Мы здѣсь, въ 18 день, объявили миръ съ Турками, съ зѣло прензряднымъ фейерверкомъ, а въ 19 день объявили войну противъ Шведовъ, и сего числа пойдемъ въ походъ.» Сентября 23, онъ былъ уже подъ Нарвою, а въ ноябрѣ, послѣдовало здѣсь извѣстное сраженіе. — «Зачѣмъ не было

тамъ меня самого!» восклицалъ великій. «Но это несчастіе должно почестъ счастіемъ,» прибавилъ онъ послѣ перваго движенія: «неволя прогнать лѣность, побудить къ денному и нощному труду, покажетъ искусство, и Шведы побѣдами своими научатъ насъ побѣждать!» Тотчасъ, двинувъ Шереметева въ Лифляндію, онъ писалъ къ нему: «Не лѣнь есть при несчастіи бодрости лишаться; иди, не отговаривайся ничѣмъ, даже болѣзнию: боленъ бываетъ только трусь и бѣглець.» И въ 1702 году палъ передъ нимъ Нотебургъ; въ 1703 заложенъ Петербургъ; въ 1704 пала Нарва. Геніемъ вездѣсущимъ являлся Петръ. Въ 1708 году Карлъ былъ уже въ Малороссіи: левъ Швеціи и орелъ Россіи сходились на распрю кровавую, сошлись, и въ 1709 погибла слава Карла XII подъ Полтавою.....

Всемогуцій, да осѣнитъ духъ Петра безсмертнаго наши сердца и умы съ наступившимъ Новымъ годомъ. Могу ли пожелать чего либо лучше отчизнѣ моей?

Н. ПОЛЕВОЙ.

=

НОВАЯ ЛАДОГА.

=

Отъ Шлюссельбурга до Новой Ладоги столько же версть, сколько лѣтъ первый городъ пробылъ во власти Шведовъ, то есть, девяносто, — считая отъ временъ Делгагарди до взятія Нѣтебурга Петромъ Великимъ. Дорогу между обоими городами описывать не стану по двумъ причинамъ, во-первыхъ, потому что на ней, кажется, нѣтъ ничего замѣчательнаго, во-вторыхъ, потому что, выѣхавъ изъ Шлюссельбурга часовъ въ семь вечера, я вскорѣ задремалъ, и темная ночь и качанье кареты убаюкали меня такъ, что я проснулся уже часовъ въ пять утра, приближаясь къ Новой Ладогѣ. Правда, повременамъ будили меня сильные толчки экипажа и напоминали обязанность путешественника описывать все на пути своемъ: просыпаясь, я тотчасъ осматривался, и замѣтилъ, въ первый толчекъ, какой-то каналъ; во второй толчекъ, бревенчатый заборъ; въ третій, козла съ большими рогами; въ четвертый — ровно ничего.

Рано утромъ пріѣхали мы въ Новую Ладогу. Названіе «новая» ясно намекаетъ, что была «старая» Ладога, а это намекаетъ, что ее основалъ, или какъ въ лѣтописи, срубилъ Рюрикъ; а имя Рюрика намекаетъ, что Старая Ладога принадлежала къ числу древнѣйшихъ городовъ Россіи. Послѣ основанія этого города при устьѣ Волхова, впадающаго въ озеро Неву, оно получило имя «Ладожскаго». У Скандинавовъ Ладога была извѣстна подъ именемъ Альдейгабурга. Они ли переименовали по-своему слово Ладога, или наши предки передѣлали на свой ладъ, произнося —

Ладога, вместо — Альдейга? И что такое значить — ладога или альдейга?

Альд, ald, значитъ въ древнихъ Германскихъ языкахъ — старый; дейгъ, deiga, deich, digue, плотина. Составимъ слова, и выйдетъ, что древняя Альдейга, Alddeiga или Aldeiga, означала «старую плотину». Этимъ можно доказать, что Рюрикъ срубилъ свой фортъ, Ладогу, у старой разрушенной плотины, которую исправилъ и возстановилъ для огражденія города отъ наводненій, а доказать, что наводненія были тогда очень часты и значительны — весьма легко. За водою дѣло не станетъ. Широкий Волховъ и цѣлое Ладожское Озеро къ услугамъ каждаго любителя старыхъ и новыхъ взглядовъ. Впрочемъ плотина могла служить Рюрику не столько для защиты отъ наводненій, сколько для того, чтобы останавливать лодки куческія изъ Новгорода и военныя, приходящія изъ Скандинавіи для набѣговъ и «витяжества», и такимъ образомъ господствовать въ устьѣ Волхова надъ торговлею новыхъ своихъ подданныхъ и разбойничьей предприимчивостью прежнихъ своихъ соотечественниковъ.

Если это производство слова «Ладога» не нравится, можно представить другое. На томъ мѣстѣ, гдѣ Рюрикъ основалъ городъ, стоялъ кумиръ Славянскаго бога любви, Ладо. Если же кумира и не было, то по-крайней-мѣрѣ стоялъ тутъ плетень, а за плетнемъ росла крапива, а въ крапивѣ былъ престолъ Ладо, отъ котораго городъ Ладога и получилъ свое названіе. Славяне заимствовали этого бога у древнихъ Литовцевъ, а по понятіямъ Литовскихъ богослововъ, богъ любви обиталъ всегда гдѣ-нибудь за плетнемъ, въ крапивѣ.

Если и это объясненіе имени Ладоги не удовлетворяетъ критиковъ, можно предложить третье. Ладъ, ладить, сладить. Вотъ три слова, которыя ясно по-

казываютъ отъ чего произошло имя Ладоги. Рюрикъ сдѣлалъ со Славянами, потому сдѣлалъ городъ, сказалъ — ладно!, и Славяне, поладивъ съ Варягами, назвали основанный городъ, въ память этого, Ладогою.

Если и это толкованіе покажется неладнымъ, то можно пріискать четвертое, по-умнѣе. Наше слово «ладъ» — не коренное; оно происходитъ отъ Персидскаго *ладъ*, которое значитъ — цвѣтущее состояніе. Городъ, основанный Рюрикомъ, вскорѣ началъ процвѣтать; а такъ какъ Рюрикъ, по мнѣнію школьниковъ, или правильнѣе послѣдователей «новой школы,» пріѣхалъ не изъ-за моря, а съ сухаго пути, изъ Азіи, то очевидно, что онъ былъ Азіятецъ, — Бухарецъ или Персіянинъ, который зналъ, кромѣ своего природнаго языка, и древній Санскритскій. Это доказывается тѣмъ, что онъ, пріѣхавъ караваномъ изъ Азіи, какъ обыкновенно пріѣзжаютъ изъ Азіи, составилъ названіе основаннаго имъ города изъ двухъ словъ, — изъ Персидскаго *ладъ*, и изъ Санскритскаго *акши*, которое значитъ — око, глазъ. Видя «цвѣтущее состояніе» своего новаго города, онъ берегъ его какъ свое «око,» и назвалъ *Ладъ-акши*; Славяне перевели *акши*, и вышло слово *Ладъ-око*, *Ладоко*, *Ладога*, *Ладога* и такъ далѣе.

А если ужъ и это объясненіе, которое впрочемъ мнѣ кажется весьма глубокомысленнымъ, не соответствуетъ требованіямъ высшихъ взглядовъ, такъ извольте придумать какое угодно. Для меня это все-равно! Я хотѣлъ только понравиться корнесловамъ, и въ особенности послѣдователямъ новой исторической школы, растолковавъ происхожденіе и смыслъ слова «Ладога,» какъ они все толкуютъ. Одинъ изъ нихъ доказывалъ, что Несторъ, писавшій о Рюрикѣ и Ладогѣ, былъ не лѣтописецъ, а миѣ, что самъ Рюрикъ съ братьями Синеусомъ и Труворомъ — также миѣ. Ми-

бы у насъ въ такой же модѣ какъ въ Германіи. Несторъ пишетъ: «И избрашася триѣ братья съ роды своими, и пояша по себѣ всю Русь и придоша къ Славеномъ первое, и срубиша городъ Ладогу и съде въ Ладозѣ старѣйшій Рюрикъ.» Такъ какъ ужъ доказано, что и Несторъ и Рюрикъ — миѣы, то и Ладога должна быть вымысль лѣтописцевъ, — самый отчаянный миѣъ, какой только существовалъ во всѣхъ миѣологіяхъ. Рюрикъ не могъ основывать городовъ, потому что онъ самъ человѣкъ безъ основанія.

Въѣхавъ въ Ладогу и осматривая городъ, я нѣсколько разъ благодарилъ новую школу. Она избавила меня отъ грубой ошибки, отъ смѣшнаго заблужденія. Вспомнивъ ея баснословно высокіе взгляды и открытія, я тотчасъ догадался, что ѣду не по городу, а по миѣу; что всѣ эти улицы, площади, дома, заборы и даже постоялой дворъ, гдѣ я остановился, не что иное, какъ басни, вымыслы и темныя преданія.

И какъ вымысль всегда лучше сущестственности, Ладога понравилась мнѣ болѣе Шлюссельбурга. Улицы менѣе, чѣмъ тамъ, кривы, и здѣсь есть даже проспекты, изъ которыхъ лучшій можетъ равняться съ любою изъ Петербургскихъ улицъ, въ Гавани или на Пескахъ. Попадаются дома, — виновать! миѣы, — каменные, бѣленые и небѣленые, размѣра небольшого и архитектуры романтической, то есть, не совсѣмъ правильной. Эти вымыслы, построенные изъ дерева, можно раздѣлить на древніе, средніе и новые. Новые довольно велики и красивы, въ два и въ одинъ этажъ со свѣтелкой на верху; выкрашены свѣтло-зеленой, ярко-оранжевой, сврой и желтой красками. Средніе миѣы — просто бревенчатые или обитые некрашенымъ тесомъ. Древніе похожи на избушки, и многіе изъ нихъ почтительно кланяются сосѣднимъ новымъ домамъ. Одинъ древній миѣъ совсѣмъ развалился, и при-

ходить въ забвеніе: передняя стѣна съ половиною кровли бьетъ челомъ пробѣжающимъ и проходящимъ, а задняя стѣна съ другою частію кровли посматриваютъ изъ-за передней стѣны на улицу.

Хозяинъ гостиницы, гдѣ мы остановились и объѣдали, былъ большой любитель Словесности. Въ залѣ у него нашли мы, между многими картинами, четырехъ литераторовъ, повѣшенныхъ рядомъ, а имянно — стариннаго проповѣдника Сильвестра Кулябку, Петра Буслаева, автора большой поэмы, напечатанной въ 1734 году, «Умозрительство душевное о преселеніи въ вѣчную жизнь превосходительной баронессы Маріи Яковлевны Строгоной,» Василья Никитича Татищева, извѣстнаго Русскаго Историка, и Василья Кирилловича Тредіаковскаго, Русскаго пѣта, надворнаго совѣтника и Элоквенціи профессора.

Извѣстно, что Екатерина II, любя Русскую Словесность и отечественный языкъ, требовала, чтобы въ собраніяхъ, бывавшихъ въ Эрмитажѣ, всѣ говорили по-Русски, и постановила правиломъ, чтобы всякій, кто вмѣшаетъ въ разговоръ иностранное слово, прочиталъ въ наказаніе сто стиховъ изъ Телемахиды Василья Кирилловича. Эта строгая мѣра произвела то, что Русскіе начали говорить по-Русски. Теперь, слава Всевышнему, нѣтъ уже у насъ того смѣшнаго пристрастія ко всему иностранному, какое встарину бывало; однако жъ, если бы нынѣ возстановить законъ Екатерины, Телемахида Василья Кирилловича едва-ли бы не сдѣлалась Русскою книгою, наиболѣе читаемою въ лучшихъ обществахъ.

На гравированномъ портретѣ, въ Новоладожской гостиницѣ, Василій Кирилловичъ изображенъ въ огромномъ парикѣ, съ раздвоившимся полнымъ подбородкомъ, съ бородавкою на лѣвой щекѣ и съ книгой въ правой рукѣ. На корешкѣ книги написано — т е л.

Какъ искусно этими тремя буквами художникъ намекнулъ на лучшее произведеніе Василія Кирилловича! Подъ портретомъ надпись:

«Стихъ начавшаго стопой прежде всѣхъ въ Россіи
Взоръ художествомъ черты предъявляютъ сіи;
Се есть Третьяковскій, трудолюбивый филологъ,
Какъ то увѣрять съ мѣрой и безъ мѣры слогъ;
Почести лишитъ его страсть колы ни кипѣла,
Но воздать ему въвнокъ правда преуспѣла.»

На другой сторонѣ улицы, напротивъ гостиницы любителя Словесности живетъ любительъ Художествъ. Въ полукругломъ окнѣ свѣтелки увидѣли мы адебастровыя бюсты. Посрединѣ окна стоялъ Наполеонъ, а справа и слева маленькіе грудные бюсты, кажется, Кутузова и какой-то дамы. Всѣ три бюста обращены лицомъ на улицу, что показываетъ діаметральную противоположность Ново-Ладожскихъ обычаевъ съ Петербургскими, въ которыхъ принято обращать бюсты затылкомъ къ окошку. Если бъ кто замѣтилъ Ново-Ладожскому любителю художествъ, что онъ какъ-будто показываетъ предпочтеніе Наполеону передъ его побѣдителемъ, поставивъ подлѣ маленькаго Кутузова большаго Наполеона, любительъ художествъ, разсердясь за обидное подозрѣніе, безъ-сомнѣнія тотчасъ прогналъ бы императора Французовъ съ окошка въ кухню или посадилъ бы его въ темный чуланъ. Но такое подозрѣніе невозможно въ отношеніи къ Русскому. Я думаю, что это сдѣлано съ намѣреніемъ: тѣмъ пріятнѣе для Русскаго вспомнить, глядя на маленькій бюстъ Кутузова, котораго такъ умаляютъ скульпторы и нескульпторы, что онъ побѣдилъ великаго Наполеона.

Мы обошли весь городъ. Въ немъ нѣтъ ни примѣчательныхъ строеній, ни историческихъ памятниковъ. Одно названіе города составляетъ примѣчательную древность. Городъ расположенъ на лѣвомъ берегу

Волхова, версты за двѣ отъ Ладожскаго Озера. Волховъ здѣсь очень широкъ: можно было забиться и подумать, что смотришь на Неву; съ набережной у Лавнаго Сада. Во всемъ городѣ только двѣ церкви, весьма близко одна отъ другой. Мы вошли на колокольню: отсюда — видъ прелестный во всѣ стороны. Озеро Ладожское синѣется въ дали, занимая гораздо больше пространства на горизонтѣ нежели Финскій Заливъ, когда на него смотришь съ террасы Петергофскаго Монплезира. На синевѣ озера, далеко, бѣлѣлись, освѣщенные солнцемъ, паруса гальотовъ и унодоблялись туманнымъ звѣздочкамъ на лазури неба. Ближе къ берегу, множество мелкихъ судовъ и лодокъ въ разныхъ направленияхъ разсѣкали волны озера.

На берегу его, близъ устья Волхова, живописно возвышалась колокольная церковь, посреди большаго села, Криницы. Съ другой стороны села блестяла площадь озера, которое величиною вдвое превосходитъ Парголовское, столь знаменитое, но огромности, въ числѣ озеръ, разсѣянныхъ въ окрестностяхъ Петербурга. Но въ сравненіи съ Ладожскимъ озеро у села Криницы казалось чуть замѣтною лужицей. Противуположный берегъ Волхова на значительномъ протяженіи зеленѣлъ рощами, нестрѣлъ деревнями. Съ колокольни, смотря въ даль во всѣ стороны, вездѣ видишь жизнь, движеніе, исключая одного кладбища, окружающаго колокольню, гдѣ этого вовсе не замѣтно: своимъ однообразнымъ, унылымъ видомъ оно напоминаетъ зрителю, чѣмъ оканчиваются пестроты, движенія и жизнь. Толпа дѣтей однако жъ рѣзвилась на кладбищѣ. Весело перепрыгивая съ камня на камень, они прятались за памятники, кружились около нихъ, ловили другъ друга, спорили, смѣялись, шутили, боролись, любовались бумажнымъ змѣемъ, который, какъ точка, чернѣлъ въ воздухѣ, и не глядели себя

подъ ноги, — и хорошо дѣлали! Но какъ похоже все человечество на этихъ дѣтей! Не такъ ли оно шумитъ, смѣется, плачетъ, веселится, ссорится на прахъ прежнихъ поколѣній, не глядя подъ ноги, и вперяя взоры въ вышину, на пустыя игрушки, которыя тамъ мелькаютъ и столько же, если не болѣе, занимаютъ взрослыхъ какъ бумажные змѣи дѣтей. Съ какимъ трепетнымъ вниманіемъ слѣдуютъ взрослые глазами за этими игрушками! — того и гляди, что улетятъ: порвись только ниточка!

Мы возвратились въ гостиницу и съѣли обѣдать. Вдругъ на улицѣ, подъ окномъ, раздалась музыка.

— Что это за серенада?

Два крестьянина, въ красныхъ рубашкахъ и сѣрыхъ кафтанахъ, играютъ казачка на двухъ скрипкахъ. Другая пара пляшетъ. Одинъ танцоръ безъ шляпы, въ кафтанѣ на распашку, съ восторгомъ на лицѣ; другой въ шляпѣ, нахлобученной до бровей, въ кафтанѣ, засыпанномъ мукою, — вѣроятно мельникъ, — съ равнодушіемъ и нѣкоторою важностью во взорахъ. Первый плясалъ, по выраженію Загоскина, «съ вывертами да вычурами,» такими, что и сказать нельзя. Другой, подбоченясь, выступалъ чинно и мѣрно, какъ-будто опасаясь уронить съ головы шляпу. Нѣтъ сомнѣнія, что никогда еще человечество не плясало въ Новой Ладогѣ такъ забавно. Если это не былъ мнѣ, — потому что все, относящееся къ Старой и Новой Ладогѣ, подлежитъ величайшему сомнѣнію, то этотъ танецъ обнаруживаетъ появленіе новой школы въ Русской пляскѣ, неуступающей въ потѣхъ новой исторической школѣ. Мы смѣялись чуть не до слезъ. Заплативъ за серенаду, я спросилъ, гдѣ научились эти крестьяне играть на скрипкѣ?

— Въ Ригѣ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Мы туда ходили на работу.

— Долго ли вы тамъ были?

— Съ полгода, баринь!

Таково преданіе этихъ добрыхъ людей. Въ полгода научились они играть весьма изрядно на скрипкѣ, занимаясь между-тѣмъ работою! Эта Новоладожская черта показалась мнѣ довольно замѣчательною. Русскій, если и въ Ригу сходить, такъ не даромъ: онъ принесетъ съ собою по-крайней-мѣрѣ мнѣ о Нѣмецкой музыкѣ!

На паромъ перевезли насъ съ каретою и лошадьми черезъ Волховъ, по тому самому мѣсту, гдѣ я, лѣтъ за тридцать проѣхалъ по тонкому льду, въ тяжеломъ возкѣ. Несмотря на опасность этой переправы, видно, не суждено было тѣмъ струямъ Волхова, которыя тогда протекали подо льдомъ, унести меня въ озеро. Гдѣ эти струи теперь? и гдѣ теперь тотъ я, что былъ лѣтъ за тридцать!....

Черезъ двадцать минутъ пристали мы къ другому берегу, и отправились далѣе.

К. МАСАЛЬСКІЙ.

=

КТО СУМАСШЕДШЕ?

Nel mezzo del camino di nostra vita,
Mi ritrovai, per una selva oscura,
Che la diritta via era smarrita *.

DANTE.

Въ послѣдніе дни XVIII столѣтія въ одномъ Европѣйскомъ городѣ жили два друга: имъ досталась, по наслѣдству отъ внуковъ Адамовыхъ, несчастная страсть, слабость, родъ болѣзни, — смертная охота обо всемъ спрашивать. Еще въ дѣтствѣ ихъ часто бранили и наказывали, когда они надоедали учителямъ съ вопросами, — зачѣмъ огонь горитъ вверхъ, а вода бѣжитъ внизъ? зачѣмъ треугольникъ не кругъ, а кругъ не треугольникъ? зачѣмъ одинъ изъ ихъ учителей сухощавъ, а другой тучень?... И прочее тому подобное. Тщетно доказывали имъ, что на свѣтѣ существуютъ два рода вопросовъ, — одни, которыхъ разрѣшеніе знать нужно и полезно, и другіе, которые можно отложить всторону. Наши молодые люди спрашивали: какос различіе между полезнымъ и бесполезнымъ, между необходимымъ и излишнимъ? И снова имъ за то мыли голову.

Вотъ, однажды, учитель объявилъ нашимъ молодымъ людямъ, что они прошли и Грамматику, и Исторію, и Поэзію, и что наконецъ они будутъ учиться такой наукѣ, которая разрѣшаетъ всѣ возможные вопросы, и что эта наука называется Философіей.

Молодые люди были внѣ себя отъ изумленія, и готовы были спросить, — что такое Грамматика? что та-

* На половинѣ пути нашей жизни, я замѣтилъ, идучи темнымъ лѣсомъ, что прямая дорога потеряна.

кое Исторія? что такое Поэзія? Но вторая половина учительскаго объявленія такъ ихъ утѣшила, что они на этотъ разъ рѣшились промолчать и изподтишка наготовить многое множество вопросовъ для своей новой науки.

И вотъ, одинъ учитель принесъ имъ Баумейстера, другой Локка, третій Дюгальда, четвертый Канта, пятый Фихте, шестой Шеллинга. Какое раздолье! Спрашивай о чемъ хочешь, — на все отвѣтъ. И еще какой! Одѣтый въ силлогистическую форму, испещренный цитатами, съ правами на древность происхожденія, обдѣланный, обточенный.

Въ самомъ дѣлѣ, на этомъ пути наши молодые люди имѣли минуты восхитительныя, минуты небесныя, которыхъ сладости не можетъ понять тотъ, кого не томила душевная жажда, кто не припадалъ горящими устами къ источникамъ мыслей, не упивался его магическими струями; кто, еще не возмужавши, успѣлъ растлить умъ сладострастіемъ расчета; кто съ раннихъ лѣтъ отдалъ сердце въ куплю, и на торжищѣ ежедневной жизни опрокинулъ сокровищницу души своей.

Счастливыя, небесныя минуты! Тогда, для юноши, философъ говорить съ сердечнымъ убѣжденіемъ; тогда юношѣ, въ стройной системѣ, представляется вся природа; тогда вы вѣрите книгѣ; тогда вы не хотите сомнѣваться, — все ясно! все понятно вамъ!

Счастливыя мгновенія! предвѣстницы рая! зачѣмъ такъ скоро вы улетаєте?

Чтобы удобнѣе преслѣдовать истину, чтобы повѣрить ее въ ея развитіяхъ, чтобы достигнуть той цѣли, которая нарушала сонъ ихъ и тяготила бдѣніе, наши молодые друзья раздѣлили свои труды: одинъ предался наукамъ, и главнѣйшею изъ нихъ избралъ Медицину, какъ науку, гдѣ теорія требуетъ самыхъ осязаемыхъ примѣненій; другой художествамъ, и глав-

*

нѣйшимъ избралъ себя Музыку, какъ искусство, котораго языкъ выражаетъ внутреннѣйшія ощущенія чловѣка, невыразимыя словами. Каждый старался приспособить истины, находимыя и въ жизни, и въ системахъ философовъ, къ избранному предмету.

Имъ попадались книги и люди, изъ которыхъ одни увѣряли ихъ, что чловѣчество достигло послѣдней степени своего совершенства, что все объяснено, все сдѣлано, и ничего болѣе ни дѣлать, ни объяснять не остается; другіе, что чловѣчество не сдѣлало ни шагу со временъ своего паденія, что оно двигалось, но не подвигалось; третьи, что, хотя чловѣчество и не достигло до совершенства, однако въ наше время рѣшенъ по крайней-мѣрѣ вопросъ — какимъ образомъ отличать истину отъ бредней, дѣльное отъ недѣльнаго, важное отъ неважнаго; что въ наше время уже сдѣлалось непростительнымъ чловѣку, какъ говорить, образованному, не уметь опредѣлить себя круга занятій и не знать цѣли, къ которой онъ долженъ стремиться; что наконецъ, если чловѣчество можетъ еще подвигнуться къ совершенству, то не иначе какъ слѣдуя тому пути, который оно себя теперь избрало.

Защитники настоящаго времени сверхъ-того утверждали, что допуская все несовершенство, которое естественнымъ образомъ связано со всѣми дѣлами чловѣческими, все нельзя не признать того, что разбросанныя философическія системы древнихъ мыслителей нынѣ замѣнены стройными системами; что въ Медицинѣ мѣсто недоконченныхъ опытовъ и сказокъ заступили стройныя теоріи, гдѣ всѣ возможныя болѣзни чловѣка подведены подъ разряды, гдѣ для каждой пріискано приличное названіе, каждой опредѣленъ способъ леченія; что Астрологія у насъ обратилась въ Астрономію, Алхимія въ Химію, магическая восторженность въ болѣзнь, излечимую хорошо рассчитанными микстурами; что въ искусствахъ — поприще

поэта освобождено отъ предразсудковъ, замедлявшихъ пометъ его, и положены лишь необходимыя границы его свободъ: наконецъ въ устройствѣ общества развѣ безопасность не замѣнила прежнихъ смуть, и, вообще, права между народами и частными людьми не опредѣлены ли съ большею точностью? Въ самыхъ мелкихъ явленіяхъ общества, даже въ одеждѣ, развѣ просвѣщеніе не устранило всѣхъ прежнихъ нелѣпныхъ требованій, которыя столько же какъ и тогдашнія мнѣнія связывали всякое движеніе и дѣлали сходбища людей тягостною работою? А книгопечатаніе? а паровыя машины? развѣ не раздвинули они круга дѣятельности челоуѣка и не показываютъ славныхъ побѣдъ, одержанныхъ имъ надъ противоборствомъ природы?

Такъ! восклицаютъ они: XIX вѣкъ понялъ, въ чемъ состоитъ задача, заданная ему Провидѣніемъ, — соединить наибольшее развитіе духовной силы съ наименьшимъ напряженіемъ физической.

Все это заставило неразъ задуматься нашихъ наблюдателей. Между-тѣмъ время проходило, юноши становились мужчинами, а вопросы... вопросы въ головѣ ихъ разрастались, переплетались, и сжимали мозгъ въ тонкую перепонку.

Какъ! спрашивали они: Медицина на послѣдней степени совершенства, — но вотъ является губительная болѣзнь, умерщвляетъ жителей тысячами, и изумленные жрецы Эскулапа провожаютъ ея шествіе остоубенными глазами, не знаютъ даже какъ назвать новаго путника?

Математика на высшей степени совершенства, а точный единственно вѣрный языкъ ея остается для нея одной, и тщетно другія науки выпрашиваютъ нѣсколько формулъ отъ роскошнаго стола ея выраженій? Математика на высшей степени совершенства, а ~~до сихъ поръ~~ измѣряетъ одиѣ линейки, — и внутрен-

нее число предметовъ остается для нея недостижимымъ? Физика, это торжество XIX вѣка, достигла, высшей степени совершенства, а сообщенія между людьми, — единственное средство, чтобъ люди поняли другъ друга и общими силами устремились на побѣду природы, почти не существуютъ; грубыя преграды положены между людьми, и безъ того раздѣленными различіемъ языковъ!

Химія на высшей степени совершенства, — мы пережгли всѣ произведенія природы, — но которое изъ нихъ мы возстановили? которое объяснили? поняли ли мы внутреннюю связь между веществами? ихъ таинственныя соотношенія? и то еще на низшей степени природы, посреди грубыхъ минераловъ? А что дѣлается съ Химіей при видѣ жизни органической? Ни одна нить ея покрова не приподнята; мы населили природу произведеніями собственной своей лабораторіи, дали одно имя различнымъ веществамъ, различныя одному, тщательно описали ихъ, — и осмѣлились назвать это наукою?

А законы общества? Много бессонныхъ ночей провели люди въ размышленіи объ этомъ предметѣ! Много споровъ разрушили согласіе между владыками людскихъ мнѣній! Много, много крови пролито для защиты идей, которыхъ существованіе ограничивалось двумя днями! Сперва нашлись тѣ, кому принадлежитъ честь изобрѣтенія фантома, который они осмѣлились назвать «человѣческимъ обществомъ», — и все принесено было въ жертву фантому, а привидѣніе осталось привидѣніемъ! Нашлись другіе. «Нѣтъ!» сказали они: «счастіе всѣхъ невозможно; возможно лишь счастіе бѣльшаго числа.» И люди приняты за математическія цифры; составлены уравненія, выкладки; все предвидѣно, все расчислено; забыто одно, — забыта одна глубокая мысль, оставшаяся только въ выраженіи нашихъ предковъ, — *счастіе всѣхъ и каж-*

даго. И что же? внѣ общества нашествія, самое безнравственное изъ злоупотребленій, наполняютъ страницы человѣческой исторіи; внутри общества превращеніе всѣхъ законовъ Провидѣнія, холодный порокъ, холодное искусство, пламенное лицемеріе, и безвѣріе во все, даже въ совершенствованіе человѣчества.

Странъ, погрязшей въ нравственную бухгалтерію прошедшаго столѣтія, суждено было произвести челоуѣка, который сосредоточилъ всѣ преступленія, всѣ заблужденія той эпохи, и выжалъ изъ нихъ законы для общества, строгіе, одѣтые въ математическую форму. Этотъ челоуѣкъ, котораго имя должно сохранить для потомства, сдѣлалъ важное открытіе: онъ догадался, что природа ошиблась, разливъ въ челоуѣчествѣ способность размножаться, и что она никакъ не умѣла согласить бытія людей съ ихъ жилищемъ. Глубокомысленный мужъ рѣшилъ, что должно поправить ошибку природы и принести ея законы въ жертву фантому общества. «Правители!» восклицалъ онъ въ мнимо-философскомъ восторгѣ: «мои слова не пустая теорія; моя система не слѣдствіе умозрѣній; я кладу ей въ основаніе двѣ аксіомы, — первое, челоуѣкъ долженъ ѣсть, — второе, люди множатся. Вы не спорите?... Вы согласны со мною?... Такъ слушайте же: вы думаете о благоденствіи вашихъ подданныхъ, вы думаете о соблюденіи между ними законовъ Провидѣнія, объ умноженіи силъ вашего государства, о возвышеніи челоуѣческой силы? Вы ошибаетесь, какъ ошиблась природа. Вы спокойны, вы не видите, какое бѣдствіе она разлила вокругъ васъ. Смотрите, вотъ мои счеты: если ваше государство будетъ благоденствовать, ежели оно будетъ наслаждаться миромъ и счастіемъ, въ двадцать пять лѣтъ число его жителей удвоится; черезъ двадцать пять лѣтъ еще удвоится; потомъ еще, еще..... Гдѣ жъ найдете вы въ природѣ средства доставить имъ пропитаніе? Правда, при уве-

личивающемся народонаселеніи должно увеличивать-ся число работниковъ : съ тѣмъ вмѣстѣ, должны увеличиваться и произведенія природы. Но какъ?... Смотрите : я все предвидѣлъ, все рассчиталъ : народонаселеніе можетъ увеличиваться въ геометрической пропорціи, какъ 1, 2, 4, 8 ; произведенія же природы въ ариѳметической, какъ 1, 2, 3, 4, и прочая. Не обольщайтесь же мечтами о мудрости природы, о добродѣтели, о любви къ человѣчеству, о благотворительности ; вникните въ мои выкладки : кто опоздалъ родиться, для того нѣтъ мѣста на пиру природы ; его жизнь есть преступленіе : спѣшите же препятствовать бракамъ ; пусть развратъ истребитъ цѣлыя поколѣнія въ ихъ зародышѣ ; не заботьтесь о счастіи людей и о мирѣ ; пусть войны, морь, холодъ, мятежи, уничтожатъ ошибочное распоряженіе природы, — тогда только объ прогрессіи могутъ слиться и, изъ преступленія и бѣдствій каждаго члена общества, составится возможность существованія для самаго общества. » И эти мысли никого не удивили ; имъ возражали какъ обыкновенному мнѣнію : что я говорю? — мысли Мальтуса, основанныя на простой ариѳметической ошибкѣ въ расчетъ, съ высоты парламентскихъ кафедръ, какъ растопленный свинець катятся въ общество, пожигають его благороднѣйшія стихіи и застываютъ въ нижнихъ слояхъ его: Смотри рѣчь лорда Брума *!

Можетъ - быть, есть одно утѣшительное въ этомъ явленіи: Мальтусъ есть послѣдняя нелѣпость въ чело-вѣчествѣ. По этому пути дальше итти невозможно.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое наука въ наше время? Въ ней все рѣшено — все, кромѣ самой науки. Все доказано, все, — и та и другая сторона, и ложь и истина, и да и нѣтъ, и просвѣщеніе и невѣжество, и гармонія міра и хаосъ созданія. Одна мысль разрослась,

* 16 декабря, 1819.

захватила огромное пространство, а другая стоит против нея, ей противоположная, какъ власть противъ власти!... и нѣтъ борьбы;— борьба кончилась. На полѣ битвы встрѣчаются блѣдые, изнеможенные ратники съ поникшими лицами, и болѣзненнымъ голосомъ спрашиваютъ другъ друга: Гдѣ жъ побѣдители?— Нѣтъ побѣдителей! все мечта! въ мѣръ идеальномъ, какъ въ грубомъ мѣръ вещества, растеть репейникъ возлѣ розы, манцилла возлѣ кокоса, и не мѣшаютъ другъ другу!— Это ли совершенство, ожданное людьми? это ли совершенство, завѣщанное мудрыми? это ли совершенство, предреченное поэтами?

А Поэзія? Философическимъ ножомъ вы раскрыли составъ ея, разсѣкли таинственныя связи, которыми соединяются ея стихіи, разобрали ихъ, оцифровали, положили подъ стекло; вы взрыли пепель Индѣйскій и Греческій; вы отчистили ржавчину на кольчугахъ среднихъ вѣковъ, и въ кладбищѣ Исторіи хотѣли отыскать жизнь поэтическую. Ты ошибался, великій поэтъ, когда передъ смертію возвѣщаль, что съ тобой кончлса вѣкъ поэзіи; наоборотъ выразили вдохновенную мысль твои ослабѣвшіе органы, какъ бываетъ въ той странной болѣзни ума и воображенія, когда человекъ называетъ камень хлѣбомъ и змѣю рыбою! Не такъ говорили уста твои, когда, полный жизни, ты въ символахъ передавалъ намъ будущую судьбу человечества. Нѣтъ, истинный вѣкъ поэзіи и не наступалъ еще! Ты самъ былъ случайнымъ гармоническимъ звукомъ, нечаянно вырвавшимся изъ хаоса нестройныхъ музыкальныхъ орудій. Неужли Поэзія есть болѣзненный стонъ? Неужли удѣлъ совершенства— страданіе? Такъ, по-вашему, страдаетъ и мудрость мировъ?.... Преступная мысль, внушенная адомъ, трепещущимъ своего паденія! Одно мнимо—поэтическое язычество могло приковать Прометей къ скаль.

Поэтъ!.... Поэтъ есть первый судья челоуѣчества. Когда, въ высокоу своемъ судилищѣ, озаряемый купиноу несгаряемой, онъ чувствуетъ, что дыханіе бурно проходитъ по лицу его, тогда читаетъ онъ букву въка въ свѣтлой книгѣ всевѣчной жизни, провидитъ естественный путь челоуѣчества и казнить его совращеніе. Нынѣ ли въщій судья въ состояніи произнести неумытнный судъ свой? Нынѣ ли, когда онъ сходитъ со ступеней своего престолу такъ низко, что страдаетъ вмѣстѣ съ другими, что дѣлится съ людьми скорбный хлѣбъ нищеты душевной, и забываетъ гдѣ престолу его, гдѣ его царственная трапеза? сомнѣвается въ ея существованіи!

А между-тѣмъ наша планета старѣетъ; безостановочно ходитъ равнодушный маятникъ времени, и каждымъ размахомъ увлекаетъ въ пучину въка и народы. Природа дряхлѣетъ; испуганная, приподнимаетъ она передъ челоуѣкомъ свое тяжелое покрывало, показываетъ ему свои трепещущія мышцы, морщины възавшіяся въ лице, и взываетъ къ челоуѣку: стонуть ея песчанья степи, помертвѣлыя отъ его удаленія; зоветь его водная стихія, вытѣсненная изъ нѣдръ земли коралловыми островами; развалины безыменныхъ народовъ рассказываютъ страшную повѣсть о томъ, какая казнь ожидаетъ беззаботную лѣнь челоуѣка, допустившаго природу опередить себя.

Громко и непрерывно природа взываетъ къ силѣ челоуѣка: безъ силы челоуѣка нѣтъ жизни въ природѣ.

Мгновенія дороги. А люди еще спорятъ между собою о своей силѣ, о дневныхъ заботахъ, какъ Византійскіе царедворцы во время нашествія варваровъ! Они собираютъ свои скудельные сосуды, любятъ ими, цѣнять и торгуютъ, — но уже у воротъ неистовый врагъ, уже колеблется утлыя зданія древней науки,

уже грозитъ имъ паллящій огонь , и тучи холоднаго праха несутся надъ ея чертогами. Еще мгновение ! испадуть они ; ничтожество поглотитъ все , тьмъ гордился могущество чловѣка.....

Такія мечты тревожили юношей. Между-тѣмъ возставали передъ ними видѣнія прошедшаго ; рядами проходили мимо нихъ святые мужи, заклавшіе жизнь свою на алтарь безкорыстнаго знанія ; мужи, которыхъ высокія мысли , какъ блистательныя кометы, разнеслись по всѣмъ сферамъ природы и озарили ихъ яркимъ свѣтомъ. Неужели труды, бдѣнія, жизнь этихъ мужей, была пустою насмѣшкою судьбы надъ чловѣчествомъ ? Сохранились преданія — когда чловѣкъ былъ въ самомъ дѣлѣ царемъ природы ; когда каждая тварь слушалась его голоса, потому что онъ умѣлъ назвать ее ; когда всѣ силы природы какъ покорные рабы пресмыкались у ногъ чловѣка : неужли въ самомъ дѣлѣ чловѣчество совратилось съ истиннаго пути своего и , быстро , своевольно, стремится къ своей гибели ?

Это заставило нашихъ юношей спросить себя : въ самомъ ли дѣлѣ мы понимаемъ эти свѣтила міра ? въ самомъ ли дѣлѣ мы понимаемъ другъ друга ? мысль не тускнеть ли, проходя сквозь выраженіе ? то ли мы произносимъ , что мыслимъ ? слухъ не обманываетъ ли насъ ? то ли мы слышимъ, что произноситъ языкъ ? мысли высокіихъ умовъ не подвергаются ли тому жъ оптическому обману , который безобразитъ для насъ отдаленные предметы ?

Простолюдинъ понимаетъ своего собрата , но не слова свѣтскаго чловѣка ; свѣтскіе люди понимаютъ другъ друга и не понимаютъ ученаго ; и между учеными нѣкоторымъ удавалось писать цѣлыя книги съ твердою увѣренностью , что ее поймутъ только два или три чловѣка во всемъ мірѣ. Соедините же оба

конца этой цепи, поставьте простолюдина передъ выраженіемъ мысли мудрѣйшаго изъ смертныхъ : тотъ же языкъ , тѣ же слова , а низшій обвинитъ высшаго въ безуміи . И , послѣ этого , мы еще вѣримъ нашимъ выраженіямъ ? Мы не боимся предавать имъ своихъ мыслей ? мы осмѣливаемся думать , что понимаемъ другъ друга ? мы осмѣливаемся думать , что смѣшеніе языковъ прекратилось ?

Одинъ изъ наблюдателей природы пошелъ еще далѣе : онъ возбудилъ сомнѣніе еще болѣе горестное для самолюбія человѣческаго ; рассматривая физиологическую исторію людей , которыхъ обыкновенно называютъ сумасшедшими , онъ утверждалъ , что нельзя провести вѣрной определенной черты между здоровою и безумною мыслию . Онъ утверждалъ , что на всякую , самую безумную мысль , взятую изъ сумасшедшихъ дома , можно отыскать равносильную , ежедневно обращающуюся въ свѣтъ . Онъ спрашивалъ , какое различіе между увѣренностью одной женщины , что въ груди ея былъ цѣлый городъ съ башнями , колокольнымъ звономъ и теологическими диспутами , и мыслию Томаса Вилдуса , автора известной книги о сумасшедшихъ , что жизненные духи , находясь въ непрерывномъ движеніи и сильно притекая къ мозгу , производятъ въ немъ взрывы , подобно пороку ? какое различіе между понятіемъ одного сумасшедшаго , что , когда онъ движется , движутся всѣ предметы вокругъ него , и доказательствами Птолемея , что солнечная система обращается вокругъ земли ? какое различіе между бѣдною дѣвушкой , которая почитала себя приговоренною къ смертной казни , и мыслию Мальтуса , что голодъ долженъ наконецъ погубить всѣхъ жителей земнаго шара ?

Состояніе сумасшедшаго не имѣетъ ли сходства съ состояніемъ поэта , всякаго генія-изобрѣтателя ?

Въ самомъ дѣлѣ, что замѣчаемъ мы въ сумасшедшихъ?

Въ сумасшедшихъ всѣ понятія, всѣ чувства, собираются въ одинъ фокусъ; у нихъ частная сила одной какой-нибудь мысли втягиваетъ въ себя все, принадлежащее къ этой мысли, изъ всего міра; получаетъ способность, такъ сказать, отрывать части отъ предметовъ, тѣсно соединенныхъ между собою для здороваго человѣка, и сосредоточивать ихъ въ какой-то символъ. Мы говоримъ — понятія сумасшедшихъ нелѣпы: но ни какой здоровый человѣкъ не въ состояніи собрать въ одинъ пунктъ столько многоразличныхъ идей о предметѣ? И это явленіе, нельзя не сознаться, весьма подобно тому мгновенію, въ которое человѣкъ дѣлаетъ какое-либо открытіе, потому что для всякаго открытія нужно пожертвовать тысячами понятій общепринятыхъ и кажущихся справедливыми: оттого не было почти ни одной новой мысли, которая бы въ минуту своего появленія, не казалась бреднями; нѣтъ ни одного необыкновеннаго происшествія, которое бы въ первый моментъ не возбуждало сомнѣнія; нѣтъ ни одного великаго человѣка, который бы въ часъ зарожденія въ немъ новаго открытія, когда еще мысли не развернулись и не оправдались осязаемыми послѣдствіями, не казался сумасшедшимъ. Развѣ не почитали сумасшедшимъ Колумба, когда онъ говорилъ о четвертой части свѣта? Гарвея, когда онъ утверждалъ обращеніе крови? Франклина, когда онъ брался управлять громомъ и молніею? Фультона, когда онъ каплею горячей воды рывался привести въ движеніе силу, превосходящую всѣ силы природы? И, что всего замѣчательнѣе, состояніе генія въ минуты его открытій дѣйствительно подобно состоянію сумасшедшаго, по-крайней-мѣрѣ для окружающихъ: онъ также пораженъ одною своею мыслию, не хочетъ слышать о другой, вездѣ и во

всемъ ее видить, все на свѣтъ готовъ принести ей въ жертву. Мы называемъ человѣка сумасшедшимъ, когда видимъ, что онъ находитъ такія соотношенія между предметами, которыя намъ кажутся невозможными: но всякое изобрѣтеніе, всякая новая мысль, не есть ли усмотрѣніе соотношеній между предметами; незамѣчаемыхъ другими или даже непонятныхъ? Такъ нѣтъ ли нити, проходящей сквозь всѣ дѣйствія души человѣка и соединяющей обыкновенный здравый смыслъ съ разстройствомъ понятій, замѣчаемымъ въ сумасшедшихъ? На этой лѣстницѣ не ближе ли находится восторженное состояніе поэта, изобрѣтателя, не ближе ли къ тому, что называютъ безуміемъ, нежели безуміе къ обыкновенной, животной глупости? То, чему даютъ имя здраваго смысла, не есть ли слово въ высшей степени упругое, которое употребляетъ и простолюдинъ противъ великаго человѣка, ему непонятнаго, употребляетъ и геній, чтобы прикрыть свои умствованія и не испугать ими простолюдина? Словомъ, безуміе — эластическое состояніе: бреда не суть ли высшая степень умственнаго человѣческаго и инстинкта? степень столь высокая, что она дѣлается совершенно непонятною, неуловимою для обыкновеннаго наблюденія? Для того чтобы объять его, не должно ли находиться на той же степени? — точно также какъ для того, чтобы помать человѣка, не надобно ли быть человѣкомъ?

Но, говорятъ, сумасшествіе есть болѣзнь: раздражится нервъ, разстроится органъ, и душа не дѣйствуетъ! Такъ толкуютъ медики. «Неужли вы думаете,» спрашиваютъ они, «что душа возвышается, когда дѣйствуетъ черезъ болѣзненный органъ; что человѣкъ лучше видитъ, когда его зрѣніе воспалено; что онъ лучше слышитъ, когда ухо его поражено страданіемъ!» Не знаю; но въ лѣтописяхъ Медицины мы встрѣчаемъ людей, которымъ раздраженное со-

стояніе зрѣнія или слуха давало возможность видѣть тамъ, гдѣ другіе не видали, видѣть въ темнотѣ, слышать незамѣтный, несуществующій для другихъ шорохъ, угадывать происшествія, отдаленныя на неизмѣримое пространство. Если то же и съ мозгомъ?... Распиреніе нерва, протянутаго отъ мозга къ орудіямъ чувствъ развѣ не можетъ стѣснить той или другой части мозга? Спросите у Френелоговъ, какое слѣдствіе можетъ произвести стѣсненіе того или другого органа!....

Такія наблюденія, — справедливыя или нѣтъ, не знаю, — породили въ нашихъ молодыхъ философахъ непреодолимое желаніе изслѣдовать людей, которые живя между другими, въ большей мѣрѣ пользуются досаднымъ или почетнымъ названіемъ сумасшедшихъ, и въ этихъ людяхъ поискать разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыя до-сихъ-поръ укрывались отъ людей съ здравымъ смысломъ. Въ этомъ намѣреніи они пустились путешествовать по свѣту.

Достигнутъ ли они своей цѣли? Ихъ новый взглядъ на природу не породитъ ли новаго заблужденія? Проглянетъ ли для нихъ солнце сквозь темнину лѣса, или блеснетъ имъ въ глаза волшебный замокъ съ гостепріимными воротами, полный свѣта и гармоническихъ звуковъ.... и разметится какъ совидѣніе? Кто знаетъ!

Кто знаетъ! Быть-можетъ насмѣшливая толпа, гордая своимъ равнодушіемъ, умножитъ число сумасшедшихъ моими пылкими юношами. Быть-можетъ, — что еще горестнѣе, — сумасшедшіе оттолкнутъ ихъ какъ людей съ здравымъ смысломъ.

Какъ бы то ни было, я обѣщаю, со всѣмъ возможнымъ хладнокровіемъ собрать ихъ наблюденія, чувства, мечты, порожденныя въ слезахъ надежды и въ

мукахъ опасенія, — и, когда-нибудь, похоронить ихъ въ печати, этомъ печальномъ кладбищѣ всѣхъ человѣческихъ мыслей*.

Можетъ-быть иныя призадумаются надъ ихъ нагробнымъ камнемъ, другіе посмѣются, третьи спросятъ: зачѣмъ смѣшивать ума лишенныхъ съ сумасшедшимъ?....

БЕЗГЛАСНЫЙ.

=

* Кажется, что это обещаніе, къ общему удовольствію читателей статьи, сбудется очень скоро. Намъ извѣстно, что Г. Безгласный въ самомъ дѣлѣ издаетъ сочиненіе, подъ заглавіемъ «Домъ сумасшедшихъ», въ составъ котораго вѣроятно войдетъ и эта статья. *В. для Ч.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДВА МАЛЬЧИКА.

БАСНЯ.

«Сенюша, знаешь ли, покаместъ какъ барановъ
Опять насъ не ногнали въ классъ,
Пойдемъ-ка да нарвемъ въ саду себѣ каштановъ!»
— Нѣтъ, Федя, тѣ каштаны не про насъ!
Ты знаешь вѣдь какъ дерево высоко:
Тебѣ, ни мнѣ, туда не влѣсть,
И намъ каштановъ тѣхъ не вѣсть! —
«И, милой, да начто жъ догадка!
Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка.
Я все придумалъ, погоди!
На ближній сукъ меня лишь подсади,
А тамъ мы сами умудримся,
И досыта каштановъ набѣдимся.»
Вотъ къ дереву друзья со всѣхъ несутся ногъ.
Тутъ Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтель, весь потокомъ обливался,
И Федя наконецъ вскарабкаться помогъ.
Взобрался Федя на приволье:
Какъ мышькѣ въ закромѣ, вверху ему раздолье!
Каштановъ тамъ не только всѣхъ не съѣсть, —
Не перечеть!
Найдется чѣмъ и поживиться
И съ другомъ подѣлится.
Что жъ! Сеня отъ того прибытокъ вышелъ малъ
Онъ бѣдный на низу облизывалъ лишь губки;

Т. XIV. — Отд. I.

Федюша самъ вверху каштаны убиралъ,
А другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки.

Видалъ Федюшъ на свѣтѣ я, —
Которымъ ихъ друзья
Вскарабкаться наверхъ усердно помогали,
А послѣ ужъ отъ нихъ — скорлупки не видали!

И. КРЫЛОВЪ.

ВСАДНИКЪ.

Друзья мнѣ скучно! Нѣтъ ли страсти,
Хоть на прокатъ, у васъ во власти?
Мои прошли..... И, бѣдный я,
Какъ опустѣлая ладья,
Поникнувъ грустно парусами,
Ношусь безъ цѣли надъ волнами.

Что въ этой жизни! Гдѣ влеченье
Къ тебѣ, святое назначенье?
Какое чувство воскресить,
Что хищный разумъ умертвить?
Какими мощными цѣпами
Связать намъ землю съ небесами?.....

Друзья, мнѣ скучно. Сколько цѣлей
Вкругъ вашихъ скромныхъ колыбелей!
Въ моей лишь трупъ съ живымъ челою;
И черный вранъ сидитъ на немъ.
Чего жъ ты, вранъ мой, ожидаешь?
И не летишь?..... и не терзаешь?.....

Ярче мѣсяць двурогой!
Мчись, мой конь бѣлоногой?

Башни и замки мелькають кругомъ ;
 Воздухъ крутится , какъ море , волнами ,
 Облако пыли , упершисьъ челомъ ,
 Давить дыханіе..... Что передъ нами?
 — «Свадьба! Невѣста съ молодымъ женихомъ
 Идутъ изъ церкви съ златыми вѣнцами.»

Ярче мѣсяць двурогой
 Мчись , мой конь бѣлоногой!

Пусть ихъ вѣнчаются! Пусть до зари
 Сладко пируютъ съ своими гостями.
 Намъ не вѣнчаться. Темнѣть..... ни зги!
 Мчись , легкокрылой мой!..... Что передъ нами?
 — «Волны тумана , народъ , и вдали
 Черные дроги и гробъ со свѣчами.»

Ярче мѣсяць двурогой!
 Мчись , мой конь бѣлоногой!

Что намъ до мертвыхъ! Могила — весь міръ!
 Долго мы жили , мой конь , съ мертвецами ;
 Долго лобзали ничтожный кумиръ.
 Дальше , удамый мой!..... Что передъ нами?
 — «Праздникъ рожденія. Радостный пиръ.
 Вотъ и младенецъ , обвитый цвѣтами.»

Ярче мѣсяць двурогой!
 Мчись мой конь бѣлоногой!

Все еще люди! Огромень нашъ свѣтъ!
 Слышишь , какъ грянулъ своими цѣпями?
 Мчись , легкокрылой мой! Близо разсвѣтъ ;
 Небо все въ пурпуръ..... Что передъ нами?
 — «Грозный курганъ , черной мглою одѣтъ ;
 Дикая стань , лишь земля съ небесами.»

*

Прочь, ты мвсацъ двурогой!
Стой, мой конь бѣмоногой!

Все это наше! Проснулся зефиръ,
Радостно солнце взыграло лучами;
Веселье и сладостеньъ будетъ нашъ пиръ.....
Вѣрный товарищъ мой, что передъ нами?
— «Свѣтъ, безпредѣльность, прекраснѣйшій мiръ
Съ бурною волей, съ золотыми мечтами!»

ТИМОФЕЕВЪ.

КУДРИ.

=

Кудри дѣвы — чародѣйки,
Кудри — блескъ и аромать,
Кудри — волны, кольца, змѣйки,
Кудри — шелковый каскадъ!
Вейтесь, лейтесь, сыпьте дружно,
Пышно, искристо, жемчужно!
Вамъ не надобенъ алмазь;
Вашъ извивъ неуловимый
Блещеть краше безъ прикрасъ,
Безъ перловой діадимы:
Только роза, цвѣтъ любви,
Роза, нѣжности эмблема,
Краситъ прелестью Эдема
Ваши дивныя струи.

Помню сладость пирной ночи,
Живо помню я, какъ вы,
Задремавъ, чрезъ ясны очи
Ниспадали съ головы:
Въ благовонной сѣрѣ бала
При пылающихъ свѣчахъ

Нышно твѣ отъ васъ дрожала
 На груди и на плечахъ ;
 Ручка нѣжная кидала
 Васъ небрежно за ушко ;
 Сердце юношей пылало,
 И металось высоко.
 Мы, влюбленные, смотрѣли :
 Пламень душу разрывалъ,
 Умъ тускнѣлъ, уста нѣмѣли,
 И вопросъ въ очахъ сверкалъ :
 « Кто жъ владыцѣ будетъ полный
 Этой розсыпи златой ?
 Кто-то будетъ эти волны
 Черпать смѣлою рукой ?
 Кто изъ насъ, друзья страдалцы,
 Будетъ амвру ихъ впивать,
 Навивать ихъ шелкъ на пальцы,
 Поцмуетъ припекать,
 И съ безумною любовью
 Ихъ во тьмѣ, по изголовью,
 Беззавѣтно разсыпать ? »

Кудри, кудри золотыя,
 Кудри хитрыя, густыя,
 Юной прелести вѣнецъ !
 Вами юноши плѣнялись, —
 И мольбы ихъ выражались
 Стукомъ пламенныхъ сердецъ ;
 Но, изловленные взглядомъ
 И доступны лишь ему,
 Вы, ручнымъ, безцѣннымъ кладомъ,
 Не далися никому :
 Появились, порѣзвились, —
 И, какъ въ море водъ хрустальъ,
 Ваши волны укатились
 Въ неизвѣданную даль !

В. ВЕНЕДИКТОВЪ.

ОТПЛЫТИЕ ВИТЯЗЯ.

=

На каменной горѣ, святая
Обитель инокинь стоитъ,
Подъ той горой волна морская,
Клубяся, бурная, шумить.

Нежна, какъ тѣнь подруги милой,
Мелькая робко въ облакахъ,
Луна взошла, и блескъ унылой
Дрожить на башняхъ и крестахъ.

И надъ полночными волнами
Разсѣвъ страхъ, въ ихъ грозномъ снѣ
Она жемчужными снопами
Ложится въ зыбкой глубинѣ.

Корабль межъ волнъ, одѣтыхъ мракомъ,
Быль видѣнъ, бурямъ обреченъ;
И ужъ фонарь отплытъ знакомъ
Быль на кормѣ его зажженъ.

Тамъ, бездны тайной роковою
Судьба пловцовъ отравлена, —
А здѣсь небесной тишиною
Обитель инокинь полна.

Пловецъ крутится, обнимая
Весь ужасъ бѣдъ, надежды тѣнь, —
А здѣсь отшельница святая
Всю жизнь узнала въ первый день.

Но есть, за мирными стѣнами,
Еще любя земной обманъ,
Сердца, волнуемы страстями,
Страшнѣй чѣмъ бурный океанъ.

Насъ приняли, и посадили ;
 И скоморохи казаки
 На *тарабанахъ* загудили.
 Намъ медъ и пиво подносили ,
Вареники и *голушки* ,
 И чару вкусной *вареницы* ,
 Усладу сельской вечерницы ;
 А лобо-бриты старики
 Роменскій въ *люлькахъ* западали ,
 Хлѣбая сливянки глотки .
 — Какъ вы свежи ! какъ бѣволницы !
 Какой у васъ веселый взглядъ !
 И въ лентахъ радужныхъ нарядъ !
 Запойте жъ, дѣвчины-пѣвицы ,
 О вашей милой старинѣ
 О давней Гетманской войнѣ !....
 Запойте, дѣвки, *пѣсню-Чайку* ,
 И помяните въ пѣсняхъ мнѣ
 Хмельницкаго и Наливайку .
 Но вы забыли старину
 Тотъ вѣкъ , ту страшную войну ,
 То время людямъ дорогое
 И то дешевое житье !
 Такъ напѣвайте жъ про другое ,
 Про ваше сельское бытѣе .
 И вотъ поеть : « Гей , *мати* , *мати* !
 « Со мной *жартуетъ* вотъ у хаты ,
 « Шутливый гость , миздой *Москаль* ! »
 И отвѣчала ей старушка :
 « Ему ты , дочка , не подружка :
 « Не заходи въ чужую даль ,
 « Не будь глупа , не будь слугою !
 « Его изъ хаты кочергою ! »
 Опять поеть : « Шумить , гудѣтъ
 « И дождикъ дробинькой идетъ :
 « Что мужу я скажу седому ?

«И кто меня проводить къ дому?....
 И ей откликнулся козакъ :
 «За кружкой дядовскаго меда :
 «Ты положиися на сосѣда
 «Онъ не хмѣлень, и не дуракъ ;
 «Вотъ онъ тебя проводить къ дому!»
 — Но пѣсня есть одна у васъ :
 Какъ тошно Грицу молодому ,
 Какъ, бѣдный, онъ въ тоскѣ угасъ.
 Запой же, гарная дѣвица ,
 Мнѣ пѣснию молодаго Грица. —
 «Зачѣмъ ты, въ полѣ, по зарямъ,
 «Берешь невѣдомыя травы?
 «Зачѣмъ, тайкомъ, къ ворожеямъ,
 «И съ вѣдьмой знаешься лукавой?
 «И подколонныхъ змѣй, съ приправой,
 «Варишь украдкою въ горшкѣ?»
 Ахъ! чернобровая колдуетъ!
 А бѣдный *Гриць*?..... Онъ все тоскуетъ ;
 И онъ изсохъ, какъ тѣнь, въ тоскѣ,
 И умеръ онъ..... Мнѣ жалко Грица !
 Онъ сходенъ..... Поздно! Вечерница
 Идетъ къ концу, и намъ пора!
 Грязна дорога, и гора
 Взвилась крутая передъ нами ;
 И мы, съ напѣтыми мечтами, —
 Въ повозку. Колоколь гудить,
 Ямщикъ о чемъ-то говорить ;
 Но я, мечтой, на вечерницѣ, —
 И все грущу о бѣдномъ Грицѣ!

С. ГЛЕНКА.

СУДЬБЫ СЕРДЦА.

=

ПОВѢСТЬ.

=

— Евгенія, твой танцоръ тебя ищетъ.

— Какой танцоръ?

— Не притворяйся, моя милая. Тотъ, который танцевалъ съ тобою уже двѣ кадрили.

— Отчего жъ онъ мой?

— Ты видно очень ему понравилась. Посмотри, съ какимъ восторгомъ онъ глядитъ на тебя съ другаго конца залы!

— Я его и не примѣчала.....

Собесѣдница убѣжала. Евгенія осталась на своемъ стулѣ, освѣжая себя легкимъ и блестящимъ опахаломъ. Она тогда горѣла всѣмъ сладострастіемъ бала, ея глаза блистали какъ брилльянты, ея грудь роскошно вздувалась надъ голубымъ газомъ, зыблясь подобно пѣнь ослѣпительной бѣлизны, которая качается на мягкой морской волнѣ, — она была восхитителька. Замѣчаніе вѣтренной подружки возбудило любопытство въ ея чистой, дѣвственной душѣ: она украдкою устремила взоръ въ другой конецъ залы, чтобъ рассмотреть того, кого Аннета называла ея танцоромъ.

— Онъ не дурень собою! подумала Евгенія.

Незнакомецъ тронулся съ мѣста.

— Гвардейскій офицеръ, и лучше всѣхъ, кого я здѣсь вижу, подумала Евгенія.

Незнакомецъ стоялъ уже передъ нею, какъ-бы въ остолбенѣніи.

— Ахъ, какъ вы прекрасны, сударыня! сказалъ онъ ей съ невольнымъ восторгомъ.

Дѣвушка не отвѣчала и покраснѣла.

— Не принимайте этого, сударыня, ни за комплиментъ ни за наглость. Самъ не знаю, что я говорю. Это вырвалось у меня.....

— Вы желаете танцевать со мною? сказала смущенная дѣвушка, не зная, что отвѣчать ему на это.

Они стали въ кадрили, которая, въ то мгновеніе образовалась. Евгенія дрожала, но дрожала сладостно, всякой разъ какъ рука этого молодого танцора прикасалась къ ея рукѣ. Онъ говорилъ съ ней много, но всё о такихъ вещахъ, о которыхъ упоминать не стоитъ. Она находила его чрезвычайно умнымъ и любезнымъ. Маменька скоро сказала ей, что пора домой.

Евгенія не могла заснуть всю ночь. На другой день голова у ней страхъ разболѣлась, — что однако жъ не помѣшало ей думать о молодомъ гвардейцѣ.

Съ какимъ тщаніемъ одѣлась она на слѣдующій балъ Дворянскаго Собранія! Какъ она была красива! Она никогда еще не была такъ прелестна, какъ въ тотъ вечеръ. Но молодого гвардейца не было на балѣ.

Евгенія теперь сама просила маменьку скорѣе воротиться домой. Она проплакала всю ночь.

На третьемъ, на четвертомъ балѣ, на вечерахъ, въ собраніяхъ, въ театрѣ, — нигдѣ не было гвардейца. Онъ пролетѣлъ черезъ Москву какъ молнія, и исчезъ навсегда. О, сколько слезъ стоилъ онъ бѣдной Евгениі!.... Всѣ мужчины казались ей послѣ этого безобразными и скучными.

— Извинникъ! воскликнула она съ досадою и презрѣніемъ, обернулась на другой бокъ, чтобъ уснуть, и своа начала плакать.

— Я никогда не выйду замужъ! сказала она съ той рѣшимостью, которую внезапно внушаетъ отчаяніе. Никогда! Никогда!!.....

Было восемь часовъ вечера. У догорающаго каминна, котораго пламя едва освѣщало большую комнату, сидѣла молодая женщина; склонивъ голову на руку, она смотрѣла на искры, которыя повременамъ отдѣлялись отъ огня. Блѣдность лица и изнеможеніе, замѣтное во всѣхъ чертахъ, ясно доказывали, что она страдала: погруженная въ думы, она не обращала вниманія на высокаго, сѣдаго старика, который, сложивъ на груди, руки ходилъ изъ угла въ уголь, и украдкою на нее посматривалъ. По выраженію его лица, по нетерпѣнію, замѣтному въ его движеніяхъ, можно было догадываться, что онъ былъ недоволенъ. Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ, смотрѣлъ въ окно на степь, которую томно освѣщала луна, и на Днѣпръ, который виднѣлся вдали; наконецъ подошелъ къ молодой женщинѣ, и, склонясь на спинку ея кресель, сказалъ:

— Лучше ли тебѣ, Евгенія?....

При звукѣ этого голоса, она какъ-будто пробудилась.

— Да; мнѣ лучше, но я еще очень слаба, отвѣчала она, вздохнувъ.

— Ты можешь однако жъ выйти въ гостиную; тамъ уже давно ждутъ тебя.

— Позволь мнѣ остаться здѣсь; дорога утомила меня, и я желала бы отдохнуть.

— Но тебѣ надобно же будетъ прійти къ ужину..... Что подумаютъ Дульскіе?

— Извини меня передъ ними..... Скажи имъ, что я чувствую себя нездоровой.

— Какое упрямство! Я не видывалъ еще подобныхъ капризовъ!

Она не отвѣчала.

— Ежели ты точно такъ больна, лучше было бы сидѣть дома.

— А развѣ я не просила тебя, чтобъ ты ѣхалъ одинъ?

Онъ съ досады укусилъ себѣ губы.

— Ты непременно требовалъ, чтобъ я ѣхала съ тобою; ты и дома увѣрялъ, какъ и теперь, что болѣзнь моя мечтательная, что эта поѣздка сдѣлаетъ мнѣ пользу: я повиновалась тебѣ, я поѣхала..... Позволь же мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, нынѣшній вечеръ немного отдохнуть..... Мы вѣдь пробудемъ здѣсь еще цѣлую недѣлю?

— И цѣлую недѣлю ты будешь все охать и жаловаться.

— Жаловаться? Слышалъ ли ты когда-нибудь, чтобъ я жаловалась? Кажется, я не заслужила этого упрека.

— Но ты всегда такъ грустна, такъ задумчива..... Могутъ подумать, что ты несчастлива.....

Она молчала.

— Что жъ ты молчишь! Или я сказалъ правду?....

— Что могу я отвѣчать тебѣ? Виновата ли я, что характеръ мой тебѣ не нравится?..... Я всегда была такою.

— Нѣтъ, не всегда! Только со времени нашей же-нидѣбы напала на тебя эта грусть; прежде была ты весела, безпечна....

— Тогда я была моложе..... и, что всего болѣе, я была здорова.

Онъ отошелъ отъ нея и началъ опять ходить по комнатѣ. Не прикинувшись къ противорѣчію, онъ бѣсилъ, что жена осмѣливалась противиться его воли; чувствовалъ себя виноватымъ, что, несмотря на ея просьбы, принудилъ ея ѣхать съ собою, и однако не хотѣлъ въ томъ сознаться, и старался найти какой-нибудь предлогъ, чтобы обвинить ее. Досада его усиливалась еще болѣе отъ того холоднаго равнодушія, съ которымъ Евгенія ему отвѣчала; онъ бы желалъ, чтобъ и она сердилась по его примѣру. Долго хо-

длалъ онъ, придумывая что бы сказать, наконецъ оставившись передъ нею и проворчалъ :

— Ежели ты такъ больна, зачѣмъ же не ляжешь?

— Я сейчасъ позову Парашу, отвѣчала она.

Она хотѣла встать; но силы ей измѣнили, и она упала опять въ кресла.

Онъ видѣлъ это, жалость зашла въ его сердце, и онъ внутренно упрекалъ себя въ жестокости.

— Я могу это сдѣлать: пришлю къ тебѣ Парашу.... ты точно больна, Евгенія. Пусть сонъ подкрѣпитъ тебя; завтра можетъ-быть тебѣ будетъ лучше.... Прощай, меня ждуть къ висту.

Онъ поцѣловалъ ее въ голову, и вышелъ изъ комнаты. Сказавъ нѣсколько ласковыхъ словъ, онъ думалъ, тѣмъ загладитъ всѣ вины свои, и забылъ о Парашѣ, которую хотѣлъ позвать къ Евгеніи. Онъ съелъ спокойно за карты.

Евгенія, — это была та самая Евгенія, которую вы видѣли въ началѣ моего разсказа, — также не думала о снѣ: она попрежнему осталась въ креслахъ, и, склонивъ голову на грудь, потонула въ печальныхъ думкахъ. Она устремила неподвижный взоръ на угасшія угли камина и думала: «Такъ угасну и я скоро!» И тогда на устахъ ея появлялась улыбка, но улыбка не радости, а горькаго упрека судьбѣ. Какая-то безнадежность..... Бѣдная женщина, девятнадцать лѣтъ она отказалась уже отъ всѣхъ радостей; она перестала вѣрить счастью; душа ея, не испытавъ еще наслажденій жизни, была уже подавлена ея бременемъ. Подобно цвѣтку, который не разпустилъ еще лепестковъ и уже застигнутъ раннимъ морозомъ, она увидѣла на утрѣ жизни; и не было солнца, которое могло бы обогрѣть ее живительными лучами! и не было сердца, которому она могла бы передать свои горести и въ его участіи найти отраду своимъ стра-

даніямъ! Кто же предалъ это юное, это доброе созданіе на жертву року?

Госпожа Заволинская. Оставшись вдовою въ тѣхъ лѣтахъ, когда женщина можетъ еще нравиться, она предавалась всѣмъ удовольствіямъ свѣта. Имѣя порядочное состояніе, приумноженное трудами покойнаго мужа, она могла жить довольно хорошо и даже роскошно. Госпожа Заволинская была слишкомъ суетна, чтобы не воспользоваться своими лѣтами и мужниными деньгами, и домъ ея сдѣлался на нѣкоторое время сборнымъ мѣстомъ лучшаго Московскаго общества: балы, обѣды, праздники привлекали туда толпою молодежи, жаждущую удовольствій, и она, окружась обожателями, упоенная ихъ ласкательствомъ, почитала себя совершенно счастливой. Одно только иногда ее тревожило: у нея была дочь, — маленькая, десятилѣтняя Евгенія. Увлеченная вихремъ свѣта, госпожа Заволинская не имѣла времени заняться воспитаніемъ дочери; ктому жъ ей было какъ-то совѣстно имѣть десяти-лѣтнюю дочь: при ней она казалась десятью годами старѣе. Для отвращенія этого неудобства, она рѣшилась какъ-можно скорѣе удалить ее, помѣстила ее въ Смольный Монастырь, въ Петербургъ, и тогда еще съ болѣею страстію, съ болѣшимъ безуміемъ, погналась за удовольствіями свѣта. Въ этомъ, увѣряю васъ, нѣтъ никакой личности къ госпожѣ Заволинской: я пишу Всеобщую Исторію. Такъ прошло восемь лѣтъ. Непомѣрныя издержки и дурное управленіе разстроили имѣніе госпожи Заволинской; долги росли, и скоро лишилась она почти всего состоянія: вмѣстѣ съ нимъ миновалось для нея и все счастье, включая въ то и красоту, которая много потерпѣла отъ этой безпорядочной жизни. Какъ ни старалась она сглаживать морщины, появлявшіяся на лицѣ, ни румяна, ни притиранья уже ни сколько не помогали; тридцать семь лѣтъ предательски выглядывали

изъ-за румянъ и пугали толпу молодыхъ повѣсь, которые такъ долго восхищались картиною, не зная толку въ живописи. Домъ госпожи Заволинской опустѣлъ; друзья и знакомцы, прежде столь прилѣжные, не находя въ немъ уже тѣхъ удовольствій, мало-помалу удалились, и она скоро увидѣла себя покинутою всѣми, безъ состоянiя, безъ красоты, безъ денегъ и безъ умѣнья переносить съ твердостью несчастiе. И такъ какъ это каждый Божiй день повторяется вездѣ и всюду, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и даже въ Тулѣ, то объ этомъ нечего и распространяться.

Между-тѣмъ Евгенiя, забытая матерью, но хранима благотворнымъ попеченiемъ Той, которая такъ долго была утѣшенiемъ и опорой всѣхъ страждущихъ и съ высоты перваго трона въ мiрѣ разливала съ материнскою нѣжностью щедроты на юныя головы своихъ питомицъ, — Евгенiя разцвѣтала подобно розѣ подъ рукою заботливаго садовника. Въ уединенныхъ стѣнахъ монастыря, куда не доходили ни шумъ ни развратъ свѣта, образовались ея умъ и сердце; тамъ научилась она любить все доброе, все прекрасное, и была бы совершенно счастлива, если бъ забвене матери не помрачало иногда ясныхъ дней ея юности. Время выпуска приближалось. Госпожа Заволинская поручила одной дальней родственницѣ взять Евгению изъ монастыря и привезти ее въ Москву. Съ великимъ сожалѣнiемъ, съ какими слезами оставила Евгению мирную обитель, гдѣ протекло ея младенчество! Передъ нею открывалось безконечное зрѣлище свѣта, совершенно ей чуждаго, и котораго она не знала даже по слуху. Какая судьба ожидала ея? будетъ ли она такъ счастлива? что должно испытать это чистое сердце, которое досель билось только невинною радостью детскихъ игоръ? несясь на блестящихъ волнахъ свѣта, по порывамъ его бурь, по направле- нию вѣтровъ, причалитъ ли оно, это сердце, къ ти-

хому и веселому берегу земнаго благополучія, или будетъ выброшено на негостепріимныя льды, разбито объ острыя скалы, растерзано хищными тварями?... Юное воображеніе представляло ей міръ одѣтымъ самыми яркими и пріятными красками; она считала всѣхъ людей добрыми; ихъ страсти, ихъ пороки, были ей неизвѣстны; она знала только по имени горести жизни, для которыхъ человекъ изобрѣлъ столько названий, что онѣ составляютъ половину словаря каждаго языка: эти слова были еще для ней безъ значенія.

Госпожа Заволинская встрѣтила дочь свою не съ той нѣжностью, не съ тою любовью, которой Евгенія имѣла право ожидать послѣ столь долгой разлуки. Евгенія всегда съ восторгомъ думала о своей матери, съ нетерпѣніемъ ожидала минуты свиданія съ нею, — и, бѣдная дѣвушка, оледенѣла отъ ея холоднаго поцѣлуя! Ея любящее сердце, которое надѣялось въ материнской привязанности найти первую пищу для своего огня, было вдругъ поражено ядовитою стрѣлою. Первую горечь въ жизни она испытала тамъ, гдѣ обыкновенно полагаютъ источникъ первой радости женщины. Скоро однако жъ она стала привыкать къ этому жестокому состоянію, принаровилась къ причудамъ матери и старалась кротостью и нѣжностью возбудить ея любовь. Госпожа Заволинская, съ другой стороны, была очень довольна пріѣздомъ Евгеніи: красота дочери, ея умъ, ея таланты, возродили въ ней самыя блестящія надежды; она могла на эту розовую приманку опять привлечь въ свой домъ толпу молодежи; она могла выдать ее замужъ за богатаго, знатнаго человека, и опять возвратитъ себѣ тотъ вѣсъ, которымъ прежде пользовалась въ обществѣ. Мысль эта преслѣдовала ее безпрестанно, и она рѣшилась употребить для ней всѣ средства. Оттолкнутая отъ материнской груди, Евгенія съ дѣтскою беспечностью отдалась удовольствіямъ столицы: балы,

собрания, театры куда мать возила ее, поглощали все ее вниманіе; ей все казалось новымъ, все возбуждало ее любопытство; она была окружена молодыми людьми, которые наперерывъ старались ей нравиться; она слушала ихъ пошлыя ласкательства и еще оstarалась равнодушной. Умъ ея былъ слишкомъ образованъ, чтобъ надутыя фразы Московскихъ модниковъ могли произвести надъ нею какое-нибудь впечатлѣніе. Она любила танцовать, и для ней было все-равно, съ кѣмъ она ни танцуетъ, — хоть съ армейскимъ пѣхотинцемъ! Вотъ почему она не обратила вниманія на молодаго и красиваго офицера, который былъ такъ пораженъ ея необыкновенной красотой, ни на его блестящій мундиръ гвардейскаго гусара. Но ей недавно кончилось семнадцать лѣтъ; воображеніе ея было пламенно; въ душѣ ея таилась искра того огня, который мигомъ сожигаетъ сердца женщинъ: достаточно было одного намѣка нескромной пріятельницы, чтобъ возбудить въ ней огненное чувство, которое благовоспитанныя дѣвушки такъ глубоко прячутъ въ своей груди, такъ долго берегутъ и накапливаютъ, чтобъ излить на перваго мужчину, тронувшаго ихъ въ минуту особеннаго расположенія къ счастью и наслажденію. Это называется первою или неожиданною встрѣчею, и я думаю, что въ подобной встрѣчѣ заключается всегда земное благополучіе двухъ лицъ разнаго пола. Люди большею частію шумѣютъ пользоваться ею, но эти «первыя встрѣчи» не могутъ быть слѣдствіемъ простаго случая и безъ всякой важности въ природѣ, въ которой все предусмотрено и ничего не происходитъ наудачу. Мужчина и женщина, которые такъ встрѣчаются, безъ сомнѣнія предназначены другъ другу, и какъ природа не можетъ желать зла своимъ произведеніямъ, какъ она клонитъ все къ ихъ благосостоянію, то здѣсь и должно быть начало нашего ничтожнаго счастья. Это, какъ вы изволите видѣть,

приводится къ простому дѣйствию инстинкта. Я не говорю, чтобы тѣ, которые повинуются его внушенію, всегда достигали счастья: они часто бываютъ искривлены воспитаніемъ, которое заранѣе поссорило ихъ между собою; еще чаще, послѣ своего соединенія, уступаютъ они противоположнымъ влеченіямъ общества; но природа въ этомъ не виновата, и моя теорія такъ называемой «первой встрѣчи» остается въ своей силѣ. Вся судьба Евгеніи заключалась конечно въ этой кадрили: предписанія инстинкта не были уважены; дѣвушка долгое время горѣла любовію, молодой человѣкъ вѣроятно также, но они болѣе не видались, и счастье, мелькнувши между ними, пролетѣло мимо и оставило ихъ на всю жизнь.

Евгенія страдала тѣмъ болѣе, что обращеніе матери съ нею не позволяло ей излить своего горя въ то самое сердце, подѣ которымъ образовалось ея собственное. Но Провидѣніе, желая положить лекарство подлѣ яда, дало дѣвушкамъ слезы, чтобы онѣ умывали свое воображеніе послѣ обмана первой встрѣчи, ежели она останется безъ естественнаго послѣдствія по причинѣ постороннихъ обстоятельствъ: изъ этой купальни, сердца ихъ выходятъ опять чистыми и свѣжими, хотя уже менѣе воспримчивыми для впечатлѣній счастья. Евгенія постепенно забыла это первое потрясеніе души, а госпожа Заволинская, не примѣчая ея грусти, не оставяла своихъ любимыхъ плановъ, всюду искала жениховъ для дочери, и наконецъ выборъ ея палъ на отставнаго генерала, Пила Алексѣевича Зорина. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти; военные труды, раны и болѣзни, прибавили къ настоящимъ его годамъ еще десять лишнихъ, и все это составляло почтенный итогъ лѣтъ шестидесяти. Наружность его была не слишкомъ привлекательна, чисто отставная за ранами, а повелительный тонъ и грубость пріемовъ не могли сдѣлать его любезнымъ въ глазахъ

вича Альтонскаго: прошу полюбить, славный малой; недавно выписанъ въ нашъ полкъ изъ гвардіи, изъ Петербурга.

Юрій сказалъ нѣсколько словъ хозяину, разсыпавшемуся передъ нимъ въ комплиментахъ; поклонился всему собранію, и былъ представленъ имянинницѣ. Взоры всѣхъ устрѣмились на него, а деревенскія барышни смотрѣли на него съ особеннымъ любопытствомъ. Молодой, красивый гусарь, съ черными усами, да еще и Петербургской: въ степи это не бездѣлица! Онъ перешептывались; одна хвалила его талію, другая его глаза, третьей нравились волосы: однимъ словомъ онъ сдѣлался предметомъ всѣхъ разговоровъ.

Послѣ обѣда гости разбрѣлись по комнатамъ; мужчины усѣлись за карты, старушки за лото, барышни и молодыя дамы, взявшись подъ руки, ходили по залѣ изъ угла въ уголъ и украдкою поглядывали на Юрія, который былъ въ первый разъ въ этомъ домѣ, и не зная никого, занялся разговоромъ съ маленькимъ сыномъ Дульскихъ. Ротмистръ увидѣлъ его сидящаго въ углу съ ребенкомъ, и вытащилъ оттуда: онъ представилъ своего товарища нѣкоторымъ дамамъ и Умный Юрій скоро познакомился съ помѣщицами; но, привыкши къ другому роду общества въ столицѣ, не находилъ удовольствія въ ихъ бесѣдѣ, и начиналъ раскаяваться, что поѣхалъ съ ротмистромъ. Онъ хотѣлъ затра же возвратиться въ городъ, усердно занятъ службой и отказаться отъ всѣхъ знакомствъ.

Вечеру, во время танцевъ, онъ замѣтилъ Евгенію: въ ней не было ничего степнаго; нарядъ ея поражалъ своей простотою и вкусомъ; непринужденность въ обращеніи доказывала, что она не всегда жила въ этомъ кругу и вѣроятно знала лучшее общество. Юрій долго смотрѣлъ на нее: ему казалось, будто онъ когда-то ее видѣлъ, но онъ не могъ припомнить, гдѣ именно.

Его особенно тронула задумчивость, выражавшаяся во всѣхъ чертахъ ея лица; не зная даже ея имени, онъ уже принималъ въ ней участіе; тайный голосъ говорилъ ему, что она несчастна, и онъ не могъ наглядѣться на прелестную незнакомку.

— Что такъ задумался? спросилъ ротмистръ, ударивъ его по плечу: зачѣмъ не танцуешь?

— Послушайте, ротмистръ: скажите мнѣ, кто эта дама, вотъ тамъ у окна?

— Э, братъ, я вижу у тебя вкусъ не дурень! Это Евгенія Александровна Зорина, жена того отставнаго генерала, которому я рекомендовалъ тебя.

— Такъ она замужемъ?

— Да, замужемъ..... Она ваша Петербургская, по-крайней-мѣрѣ воспитывалась тамъ въ какомъ-то институтѣ или монастырѣ.

— А какъ ее звали?

— Заволинская.

— Заволинская? Боже мой!..... Такъ точно, это она!

Юрій оставилъ удивленнаго ротмистра, и подошелъ къ Евгеніи. Онъ просилъ ее протанцовать съ нимъ вальсъ; но она извинилась, сказавъ, что не танцуетъ. Не смотря на отказъ, Юрій остался подлѣ нея, завелъ разговоръ, и между прочимъ сказалъ ей, что имѣлъ удовольствіе видѣть ее однажды въ Москвѣ, на балѣ Дворянскаго Собранія, и даже танцовать съ нею. Онъ такъ хорошо напѣмнилъ ей обстоятельства этого свиданія, что нельзя было сомнѣваться, что онъ тотъ самый «измѣнникъ», о которомъ года за четыре она столько думала и плакала.

Евгенія узнала его, но скрыла отъ него даже слѣдъ воспоминаній, мгновенно воскресшихъ въ ея умѣ.

Здѣсь я могъ бы сочинить довольно хорошую тираду о волшебномъ могуществѣ первой любви, но это противно моимъ правиламъ. У меня однажды была

возлюбленная, бѣлая и розовая какъ цвѣтокъ пахучаго гороху, — которая, не хвастая, меня обожала : жестокая судьба разлучила наши нѣжные сердца ; мы поклялись любить другъ друга до могилы ; это была, клянусь вамъ, первая наша любовь : когда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ я опять ее увидѣлъ , она ужѣ была замужемъ, и ни мое интересное лице , ни мои божественные (впрочемъ немножко сѣрые) глаза , ни мои огненные , волканическія клятвы , ничто въ мірѣ не могло поколебать ея добродѣтели, — которая , во всякомъ случаѣ, согласитесь, не была же гранитная ! Она такъ равнодушно говорила со мной о прежней нашей привязанности, о священномъ, какъ мы всегда его называли, чувствѣ, которое спаявало наше существованіе , какъ я вамъ говорю о обѣдѣ Дульскихъ. Любовь забытая похожа, для женщины, на изорванный вексель , который только свидѣтельствуетъ о бывшемъ займѣ, но никого не обязываетъ къ уплатѣ. Вы должны взять новый.

Я сомнѣваюсь даже въ томъ , призабилось ли сердце Евгеніи при внезапномъ возобновеніи этого знакомства. Она завела съ «мосѣ Альтонскимъ» пріятный разговоръ о Москвѣ, о Петербургѣ, о общихъ знакомцахъ и знакомкахъ, — такъ точно и моя бывшая возлюбленная ! — была любезна и холодна, хотя и не замѣтила, какъ прошелъ цѣлый часъ, который они провели вмѣстѣ ; а онъ , очарованный умомъ и прелестями Евгеніи, забылъ напротивъ намѣреніе свое уѣхать въ городъ, и предался весь воскресшей мечтѣ , сознаваясь въ душѣ, что давно уже не былъ такъ счастливъ. Онъ прожилъ у Дульскихъ цѣлую недѣлю, познакомился коротко съ Ниломъ Алексѣевичемъ, видѣлъ безпрестанно Евгенію, и чѣмъ болѣе узнавалъ ее, тѣмъ болѣе находилъ въ ней совершенствъ ; эта недѣля показалась ему однимъ веселымъ днемъ , и , когда онъ возвращался съ ротмистромъ въ городъ , уже не

говорилъ ему ничего ни противъ степенъ ни противъ помѣщицъ.

=

Въ маленькой чистой комнатѣ, выбѣленной мѣломъ, по стѣнамъ которой висѣли ружья и пистолеты, за большимъ дубовымъ столомъ, гдѣ были разбросаны книги, сидѣлъ Юрій; передъ нимъ лежалъ листъ бумаги и онъ рисовалъ на немъ женской портретъ. Онъ такъ углубился въ свою работу, что не замѣтилъ вошедшаго ротмистра, который нѣсколько минутъ уже стоялъ за нимъ. Ротмистръ, соскучась дожидаться толкнулъ тихонько Юрія; тотъ вздрогнулъ, схватилъ бумагу и проворно закрылъ ее другимъ листомъ.

— Ротмистръ, это вы? Я не слыхалъ какъ вы вошли.

— Что мудренаго! ты былъ занятъ.

— Да; я чертилъ планъ линейнаго ученія.

— Право? Но у этого плана есть носъ и двое глазъ.

— Онъ еще не конченъ, но когда окончу.... Послѣ я пожалуй покажу вамъ.

— Ну, какъ хочешь, а теперь прошу сказать, что съ тобою сдѣлалось. Вотъ уже болѣе мѣсяца какъ тебя не видать. Съ тѣхъ поръ какъ тебя поставили со взводомъ въ деревню къ Зоринымъ, о тебѣ нѣтъ ни слуху ни духу.

— Я былъ занятъ службой. Вы знаете, у меня во взводѣ много рекрутъ; я хотѣлъ, чтобъ къ смотру они могли быть на конѣ.

— Прекрасно. Давно ли напала на тебя такая страсть къ службѣ? Кажется, за тобой не было прежде такого грѣха.

Юрій не зналъ, что отвѣчать; онъ видѣлъ, что ротмистръ не вѣрилъ ему. Желая перемѣнить разговоръ, онъ спросилъ, что новаго въ городѣ.

— Ничего; моя сѣрая лошадь захромала. Ну, а что у васъ? здоровы ли Зорины? Ты, я думаю, и ихъ также рѣдко видишь? Служба одолеваетъ!

— Нѣтъ, ротмистръ , я вижу ихъ каждый день ; но вы вѣрно пріѣхали не за тѣмъ только , что бы повидаться со мною: вы вѣрно навѣстите также и ихъ?....

— Разумѣется. И если ты хочешь , мы можемъ теперь же къ нимъ отправиться.

Юрій не заставлялъ повторять два раза предложеніе, и черезъ пять минутъ они были уже у Зоринныхъ.

Нилъ Алексѣевичъ встрѣтилъ ихъ въ гостиной. Обрадовавшись ротмистру , съ которымъ давно не видался , и поболтавъ съ нимъ , какъ выражался ротмистръ , о разныхъ разностяхъ , Нилъ Алексѣевичъ утащилъ его въ кабинетъ , гдѣ ихъ ожидали шахматы. Они занялись игрой , и оставили Юрія одного а онъ, отъ нечего-дѣлать, сталъ, перебирать запыленные листы Сенатскихъ Вѣдомостей. Скоро наскучило ему это занятіе ; онъ съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на дверь , но въ двери никто не являлся. Юрій перешелъ въ залу: тамъ стояло форте-піано и онъ хотѣлъ разогнать скуку свою музыкой , но тамъ же сидѣла у окна и Евгенія. Она печально смотрѣла на сѣрыя тучи, гонимыя порывистымъ вѣтромъ , и повремениамъ отирала слезы на блѣдныхъ щекахъ. Долго стоялъ Юрій въ молчаніи; горестъ придавала еще болѣе прелести этой прекрасной женщинѣ ; онъ смотрѣлъ на нее съ почтеніемъ. Онъ боялся подойти, боялся помѣшкать этимъ слезамъ , которыя можетъ-быть были единственнымъ ея утѣшеніемъ. О, съ какимъ восторгомъ отдалъ бы онъ всѣ дни счастья , завѣщанные ему судьбою , если бъ только этимъ пожертвованіемъ могъ купить благополучіе той, которая уже во второй разъ заставила биться его сердце ! Но что могъ онъ сдѣлать ? Какъ разорвать цѣпи , которыя приковали ее къ грубому старику , въ холодныхъ объятіяхъ котораго молодость ея погибала какъ цвѣтокъ , застигнутый дыханіемъ зимы ? какъ возвратитъ ей мечты

утраченные на вѣки? Онъ страдалъ жестоко въ глубинѣ своего сердца.

Долго еще стоялъ бы Юрій, не смѣя прервать ея горести, если бъ она не встала и не отошла отъ окна. Увидѣвъ Юрія, она смутилась, и хотѣла скрыть слезы своихъ слезъ.

— Вы были здѣсь, господинъ Альтонскій? сказала она. Простите меня, я засмотрѣлась въ окно.

— Я боялся васъ обезпокоить. Что такъ сильно привлекало ваше вниманіе? На какой предметъ смотрѣли вы такъ долго?

— На эту снѣжную, безпредѣльную пустыню. Что дѣлать! въ нашихъ степяхъ нѣтъ красивыхъ мѣстополюженій, и мы должны довольствоваться тѣмъ, что имѣемъ.

— Но отъ насъ ли зависитъ быть всегда довольными тѣмъ, что судьба дала намъ въ удѣлъ?

Евгенія тихо вздохнула.

— Какъ угрюмы эти дикія степи! сказалъ Альтонскій. Онъ стелется передъ нами въ вѣчномъ своемъ однообразіи, какъ несчастная жизнь, для которой будущее такъ же печально какъ и прошедшее.

— Я вижу вы скучаете въ нашихъ степяхъ; вы жалуете о Петербургѣ.

— О, вы дурно меня поняли! Здѣсь хотѣлъ бы я жить и умереть..... И что мнѣ въ Петербургѣ? что въ этомъ обществѣ, наполненномъ эгоистами? Тамъ душа можетъ только ожесточиться, окаменѣть; напротивъ того здѣсь.....

Онъ замолчалъ, остановилъ свой взоръ на Евгеніи, и въ этомъ взорѣ она прочитала всю тайну его сердца. Онъ уже страстно любилъ ее! Евгенія уже давно замѣтила совершенную перемену въ его характерѣ: два мѣсяца стоялъ онъ съ своимъ взводомъ въ деревнѣ Нила Алексѣевича, каждый день былъ вмѣстѣ съ нею, видѣлъ, какъ она страдала отъ своего мужа,

съ какою ангельскою кротостью переносила его капризы, — и состраданіе еще болѣе раздуло пламя, вспыхнувшее изъ-подъ простывшаго пепла. Сначала, онъ думалъ, что одно благородное участіе къ судьбѣ бѣдной женщины, такъ непреодолимо влекло его къ Евгеніи; но скоро съ ужасомъ почувствовать, что она завладѣла всѣмъ его существомъ, что онъ безъ нея жить не можетъ. Какъ часто, сидя передъ нею, когда она вышпывала въ пальцахъ, смотрѣлъ онъ на нее съ такимъ же восторгомъ, какъ въ тотъ вечеръ, когда увидѣлъ ее впервые въ залѣ Дворянскаго Собранія! Она не подымала глазъ отъ работы, но видѣла или, лучше сказать, чувствовала палящій взоръ его, который падалъ прямо на ея чистое чело. Какія мечтанія закрадывались тогда въ грудь несчастной женщины! Предъ нею былъ человекъ, котораго сердце отдавалось ей безусловно, котораго любовь могла бы составить счастье всей ея жизни, — и непреодолима преграда возвышалась между ними: счастье ея было уже продано! Въ измученной душѣ не оставалось даже надежды!.... Она снова любила, и должна была скрывать свои чувстваванія, старалась утаить ихъ отъ самой себя, почитала ихъ преступными. Часто, дожидаясь съ нетерпѣніемъ прихода Юрія, она встрѣчала его съ притворною холодною. Она видѣла, сколько этотъ пріемъ ее огорчалъ бѣднаго Юрія, и не смѣла ободрить его улыбкой. Внутреннія боренія, ночи проведенныя безъ сна, въ слезахъ и отчаяніи, разрушали и безъ того слабое ея здоровье, и она гасла какъ погасаетъ послѣдняя звѣзда утра при появленіи животворящаго солнца.

Юрій и Евгенія молчали. Сердце ее билось скоро, она не смѣла взглянуть на него, — боялась, чтобы увлеченный страстью, онъ не рѣшился высказать ей чувства, кипѣвшія въ его груди, — и боялась этого съ наслажденіемъ. Но душа молодого человека была

слишкомъ объята пламенемъ, и слова не могли бы высказать того, что онъ чувствовалъ. Онъ пожиралъ глазами эту женщину, стоявшую передъ нимъ какъ призракъ высокаго помысла передъ разгоряченнымъ воображеніемъ поэта; онъ видѣлъ какъ вздымалась ея грудь, какъ минутный румянецъ вспыхивалъ на ея блѣдныхъ щекахъ, какъ пробѣгали робкія мысли по ея бѣлому челу, наклоненному къ землѣ, и не могъ раскрыть устъ, скованныхъ почтеніемъ къ несчастію. Евгенія, страдая подъ тяжестью этого томительнаго положенія, первая рѣшилась прервать молчаніе, и спросила его видѣлся ли онъ уже съ ея мужемъ.

Мужъ!.... При этомъ вопросѣ Юрій какъ-будто упалъ съ неба, куда занесла его мечта. Онъ опять былъ на этой холодной землѣ, гдѣ лучшія чувства должны молчать передъ условными законами приличія. Мужъ!... Тяжкій вздохъ готовъ былъ вылетѣть изъ груди его: онъ подавилъ его, и отвѣчалъ, что оставилъ Никола Алексѣевича за шахматами съ ротмистромъ.

— Съ ротмистромъ? Развѣ онъ здѣсь? А вы мнѣ этого не сказали!.... Я такъ давно его не видала!....

И съ этимъ словомъ она побѣжала въ кабинетъ; Юрій пошелъ за нею, сълъ печально въ уголъ, взялъ книгу и началъ читать, не понимая ни одного слова, не видя даже печати.

Нилъ Алексѣевичъ, не успѣвъ выиграть у ротмистра ни одной партіи, былъ въ дурномъ расположеніи духа. Пасвистывая старинный маршъ, онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, и искалъ къ чѣму бы придаться. Ему попалась на глаза кошка, которую Евгенія очень любила: свернувшись клубкомъ, она расположилась на письменномъ столикѣ Никола Алексѣевича, и вмѣсто постели выбрала себѣ толстую книгу Московскихъ Вѣдомостей. Нилъ Алексѣевичъ схва-

тилъ ее за ногу, и такъ сильно ударилъ объ уголь печи, что бѣдное животное упало мертвое къ ногамъ своей покровительницы.

— Нилъ Алекексьевичъ, за что ты убилъ ее!.... Не стыдно ли тебѣ?.... Ты зналъ, какъ я любила ее.

Вотъ все, что сказала Евгенія; но этихъ словъ было достаточно, чтобы взбѣсить старика. Онъ забылся до того, что, несмотря на присутствіе гостей, сталъ кричать на жену и упрекать ее во всѣхъ безпорядкахъ, которые дѣлались въ домѣ. Евгения заплакала, и хотѣла уйти изъ комнаты.

— Стойте и слушайте, когда я говорю съ вами! закричалъ мужъ, схвативъ ее за руку.

Юрій вскочилъ. Женщину, которую онъ обожалъ, осмѣливались оскорблять въ его присутствіи! Вся кровь кинулась у него въ лице, губы задрожали, онъ былъ готовъ броситься на безумнаго мучителя слабаго и нѣжнаго существа; но ротмистръ, примѣчавшій за своимъ другомъ, остановилъ его.

— Опомнись! ты ее погубишь! шепнулъ онъ Альтонскому, пожавъ его руку изо всей силы.

Юрій ускользнулъ изъ кабинета, схватилъ фуражку, и опромѣтью побѣжалъ домой. Скоро пришелъ и ротмистръ, и засталъ его въ ужасномъ волненіи. Юрій долженъ былъ признаться ему въ любви своей къ Евгении.

— Я видѣлъ уже это прежде твоего признанія, сказалъ ротмистръ: но знаетъ ли объ этомъ Зорина?

— Я никогда не говорилъ ей ни слова.

— Я тебѣ вѣрю, но неужели ты думаешь, что любовь познается только словами? Зорина — женщина, и отъ нея не могло скрыться то, что я, простой солдатъ, замѣтилъ такъ скоро.

— Такъ что жъ, ротмистръ, тѣмъ лучше; пусть она знаетъ, что я люблю; пусть она знаетъ, что есть на

свѣтъ сердце, которое умѣло понять ее, что есть человекъ готовый пожертвовать ей жизнью, счастьемъ, всѣмъ....

— Тише, братъ, тише! Все это прекрасно, но къ чему приведетъ тебя? Зорина не можетъ быть твоей; если она не знаетъ еще о твоей страсти, чему я однако жъ худо вѣрю, то скоро узнаетъ. Но она жена человека, которому ты обязанъ гостепріимствомъ. И я называю подлецомъ того, кто въ состояніи обольстить жену гражданина, который принялъ его въ своемъ домѣ какъ друга. Подлецомъ!.... понимаешь меня Юрій? Это имя дано подобнымъ господамъ всѣми благородными людьми, и оно не можетъ примѣняться къ человеку, который носитъ Русскій мундиръ. Если бъ Зорина принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, для которыхъ кокетство составляетъ все благо жизни, я бъ и тогда не одобрилъ твоей затѣи, потому что мужъ ея старъ и ты у него гость: честный человекъ никогда не платитъ измѣною и срамомъ за гостепріимство, предложенное съ радушіемъ и принятое съ восхищеніемъ; но Зорина добродѣтельна.... Теперь она только несчастлива: хочешь ли ты ее сдѣлать еще достойною презрѣнія и преступной?.... Послушайся меня, Альтонскій: совѣты мои внушены опытомъ; подъ этой грубой наружностью скрывается сердце, которое нѣкогда страдало не менѣе твоего.... Я любилъ тоже.

По лицу стараго ротмистра пробѣжала горестная улыбка, въ которой отразилось воспоминаніе минувшаго, и свѣтлая слеза, скатившись по изрубленной щекѣ, упала на его длинный усъ.

Юрій былъ тронутъ: онъ чувствовалъ справедливость его словъ, но былъ молодъ, а въ молодости худо постигаются совѣты холоднаго разсудка. Онъ однако жъ протянулъ руку Ротмистру.

— Что жъ мнѣ дѣлать? сказалъ Юрій.

— Разстаться.

— Разстаться? Нѣтъ, ротмистръ, нѣтъ! Я не могу жить, не видя Евгеніи; присутствіе ея сдѣлалось для меня такъ же необходимо какъ воздухъ, которымъ я дышу. Я могу обѣщать вамъ только одно, — никогда не говоритъ ей о любви. Я буду молчать вѣчно.....

— Бѣзумецъ! ты общаешь то, чего исполнить не въ силахъ. Одна минута, одно слово могутъ рѣшить все, и тогда ни какая власть, ни какія пожертвованія, не отвратятъ несчастія. — Юрій! присовокупилъ онъ твердымъ голосомъ: ты долженъ мнѣ дать честное слово, что разстанешься съ Зориной, или я назову тебя недост.....

Альтонскій не далъ ему доворить начатаго слова, которое могло унасть позорнымъ пятномъ на его благородную душу, и безмолвно протянулъ дражащую руку. Съдой воинъ пожалъ ее съ искреннимъ чувствомъ.

— Вотъ это такъ! сказалъ онъ. Я узнаю въ тебѣ моего сослуживца, и въ этой рукѣ руку достойную владѣть Русскою саблею. Будь проклятъ, кто смѣлъ подозрѣвать Русскаго офицера въ способности нарушить долгъ чести. Я былъ увѣренъ въ тебѣ, Альтонскій!.... Довольно напомнить тебѣ твою обязанность, ты ее исполнишь..... Впрочемъ я пособлю тебѣ: упрошу полковаго командира перевести тебя въ другой эскадронъ; если нужно, тебя пошлютъ даже въ главную квартиру. Тамъ служба разсѣетъ тебя, а время поможетъ истребить изъ сердца страсть, которая не можетъ составить твоего счастья.

Долго еще говорилъ ротмистръ. Юрій стоялъ передъ нимъ какъ вкопанный и повременамъ страхивалъ съ вѣкъ крупныя слезы, которыя падали на землю. Съ разтерзаннымъ сердцемъ ввѣрилъ онъ судьбу свою Смѣльскому, и далъ ему слово не видѣться съ Евгеніей,

до получения отъ него извѣстiя объ успѣхѣ его старанiй.

Онѣ обнялись.

— Прощай, Альтонскiй. Богъ да поддержитъ тебя! Знаю какъ тяжело отказаться отъ надеждъ, которыя насъ прельщали; но чѣмъ труднѣе побѣда, тѣмъ больше славы. Прощай!

Ротмистръ бросился въ сани; ямщикъ ударилъ по лошадамъ, и Юрiй остался одинъ. Онъ проплакалъ цѣлую ночь, и заря застала его въ горестныхъ мечтахъ о той, которую онъ долженъ былъ скоро оставить навѣки.

Прошло ~~два~~ дня въ ужасныхъ мученiяхъ сердца, и Юрiй ни разу не былъ у Зориныхъ. Евгенiя не понимала, куда онъ дѣвался, и не рѣшалась спросить объ немъ. Но Нилъ Алексѣевичъ, привыкши видѣть его каждый день и полагая, что онъ боленъ, самъ къ нему отправился. Ему стыдно было неприличной сцены, которой онъ сдѣлалъ его свидѣтелемъ, и хотѣлось возстановить въ молодомъ офицерѣ хорошее мнѣнiе о своемъ супружескомъ благополучiи. Онъ нашелъ Альтонскаго печальнымъ, и, видя блѣдность его лица, безъ труда повѣрилъ, что одна только болѣзнь была причиной отсутствiя. Нилъ Алексѣевичъ проендѣлъ у него цѣлый вечеръ, и между прочимъ сказалъ, что скоро ѣдетъ въ городъ; уходя, онъ просилъ пожаловать завтра отобѣдать вмѣстѣ съ нимъ и Евгенiей Александровною, и увѣрялъ, что при головной боли дурно сидѣть дома.

Юрiй принялъ приглашенiе, и не пошелъ къ Зоринымъ, хотя совѣсть говорила ему, что онъ могъ бы исполнить просьбу своего хозяина безъ ущерба слову, которое далъ ротмистру. Онъ написалъ письмо къ Нилу Алексѣевичу, и извинился болѣзною. Это пожертвованiе долгу чести стоило его душѣ страшныхъ усилiй,

и онъ дѣйствительно почувствовалъ себя нездоровымъ.

Отъ ротмистра долго не было никакого извѣстiя. Письмо его должно было уничтожить всѣ надежды на будущее. Юрiй страшился этого роковаго удара, и желалъ, чтобы онъ скорѣе разразилъ его; чтобы его пытка скорѣе кончилась — смертію, — или разлукою, что для него было все-равно.

Наконецъ пришло письмо. Я не берусь описывать чувствованiй злополучнаго юноши при полученiи этого посланiя. Все кончено!..... надобно разстаться..... навсегда. Навсегда! При этомъ убiйственномъ словѣ, пылающiя глаза Юрiя, невольно остановились на ящикѣ съ пистолетами, который стоялъ на ящикѣ, подлѣ его кровати: ему казалось, что въ этомъ ящикѣ заключается благотворное утѣшенiе, которое манитъ его въ свои объятiя. Судорожная улыбка искривила его уста и ужаснымъ образомъ перемѣшала всѣ черты лица: онъ сдѣлалъ шагъ впередъ..... Религiя остановила его за руку.

Съ письмомъ въ рукѣ онъ отправился къ Зоринымъ. Евгенiя сидѣла съ мужемъ въ залѣ. При его появленiи яркiй румянецъ радости мгновенно вспыхнулъ на ея щекахъ, но видъ этого письма скоро разилъ на нихъ блѣдность испуга и тяжкаго предчувствiя. По движенiю креповаго платочка, накинутаго на плечи, можно было замѣтить, какъ сильно волновалась грудь несчастной: она молчала, не спросила даже о причинѣ столь долгаго отсутствiя, боялась, чтобы трепещущiй голосъ не обнаружилъ ея смущенiя. Юрiй съ своей стороны какъ-бы избѣгалъ ея; онъ поклонился ей при-нужденно, подошелъ прямо къ мужу, и сказалъ, что пришелъ проститься съ ними, потому что начальство дало ему другое назначенiе и отзываетъ его въ городъ. Евгенiя окаменѣла на своемъ стулѣ. Пилъ Алексѣевичъ былъ въ отчаянiи. Онъ жалѣлъ объ его от-

ездъ: одинъ Альтонскій составлялъ все ихъ общество, и съ его перемѣщеніемъ не оставалось никого, кому бы старикъ могъ описывать знаменитый переходъ черезъ Кваркенъ.

— Когда же вы уѣзжаете? спросилъ онъ офицера.

— Сю минуту.

— Да погодите немного, почтеннѣйшій! Подарите намъ хоть полчаса вашего времени. Мы васъ такъ любили!..... Быть-можетъ никогда опять не увидимся.

Евгенія вздрогнула.

— Посидите минутку съ Евгеніей Александровною; я только напишу писмецо въ городъ, которое буду васъ просить отдать по принадлежности. Могу ли надѣяться на вашу вѣжливость?..... Душенька, постарайся занять Юрія Николаевича, чтобы онъ не скучалъ, покаместъ я.....

Нилъ Алексѣевичъ уѣжалъ торопливо въ свой кабинетъ. Юрій стоялъ неподвижно на томъ же мѣстѣ, гдѣ Нилъ Алексѣевичъ его оставилъ. Евгенія не приподнимала глазъ. Минуты съ три они не сказали другъ другу ни слова; наконецъ Евгенія прервала тягостное молчаніе.

— Вы были нездоровы? сказала она дрожащимъ голосомъ.

— Да; я былъ боленъ, и только по этой причинѣ не имѣлъ удовольствія видѣть васъ цѣлую недѣлю.

Они опять замолчали. Сердца ихъ были слишкомъ полны, и языкъ не находилъ словъ. Юрій чувствовалъ въ груди жаръ какъ-бы отъ воюющаго кинжала, и начиналъ уже раскаиваться, что не уѣхалъ безъ прощанія. Евгенія сверхъ-того боялась, чтобы онъ не заговорилъ о сценѣ между ею и мужемъ, которой онъ и ротмистръ были очевидцами. Душевное волненіе придало ей чертамъ видъ страдальческой, и блѣдность постепенно усиливалась на ея лицѣ.

— Но вы сами, Евгения Александровна, кажется, не совсѣмъ здоровы, сказалъ онъ. Я никогда не видалъ васъ такой блѣдной!

— О, нѣтъ!..... я здорова..... Я совершенно здорова.... Это ничего!.... Вы уѣзжаете сегодня?

— Сегодня; ту же минуту..... Я..... бѣгу отсюда.

— Вы на насъ гнѣваетесь?

— Гнѣваюсь?.... Ни сколько! Напротивъ, этотъ отъѣздъ слишкомъ для меня прискорбенъ. Я надѣялся..... Ахъ, какъ тяжело разставаться съ тѣмъ, что намъ дорого! Какъ ужасно не унести съ собою даже увѣренности, что память объ насъ будетъ жить въ сердцахъ людей, которыхъ мы любили!

— Память объ васъ!..... воскликнула Евгения, и тихія слезы заструились по ея лицу.

Бѣдная женщина, сердце увлекло ее! Эти слезы выжаты были отчаяніемъ, котораго она уже не могла преодолѣть; она хотѣла скрыть ихъ, и лице ея вспыхнуло краскою стыда. Она закрыла его руками.

Юрій подбѣжалъ къ ней въ неизъяснимомъ восторгѣ.

— Да; я ѣду, сказалъ онъ, но ѣду счастливѣйшимъ изъ людей.....

И онъ схватилъ ея руку..... Она силилась освободить ее, но онъ уже осыпалъ ее поцѣлуями.

— Евгения! теперь я не могу, не долженъ скрывать того, что такъ долго таилъ въ глубинѣ моей души. Евгения! я люблю.... Уже второй разъ въ жизни этотъ пламенный образъ наполняетъ мою душу..... Мы были суждены другъ другу!....

— Что вы дѣлаете? Замолчите! ахъ, замолчите!..... развѣ не знаете вы, что я принадлежу другому?

И она съ ужасомъ отталкивала его отъ себя. Глухія рыданія вырывались изъ ея груди; холодныя слезы безнадежной любви лились изъ глазъ потокомъ.

— Евгения, ради Бога, успокойтесь! Я хотѣлъ навѣки схоронить въ груди моей эту тайну, но судьба опредѣлила иначе: одна слеза, вырвавшаяся у васъ невольно, сказала мнѣ все; она подарила меня счастьемъ, о которомъ я не смѣлъ даже мечтать. О, теперь, могу я итти на край свѣта, и никто не отыметъ у меня моего сокровища!.... Но будьте спокойны Евгения: любовь моя чиста; она достойна предмета, который внушилъ ее. Я знаю, участь ваша связана съ участью человѣка, который не умѣетъ цѣнить васъ. Да судить Богъ тѣхъ, кто погубилъ васъ! Я знаю, теперь мы не можемъ принадлежать другъ другу.... Я это знаю, и длятого бѣгу отсюда!

Евгения только въ эту минуту постигла все благородство поступка Юрія. Она сама чувствовала необходимость разлуки, но мысль объ этомъ убивала ее. Великодушіе молодого человѣка придало ей силы.

— Бѣгите! бѣгите! быстро сказала она: но..... (прибавила съ глубокимъ вздохомъ) куда же?

— Самъ не знаю! Знаю только, что мнѣ должно бѣжать отсюда. Ежели останусь, я рано или поздно изменю себѣ. Я буду не въ состояніи видѣть грубое съ вами обращеніе мужа вашего. Я помню еще тотъ вечеръ, когда онъ такъ жестоко оскорбилъ васъ, и если бы не Ротмистръ.....

— Ротмистръ?

— Онъ знаетъ все.... Не пугайтесь, добрая Евгения: Смѣльскій человѣкъ благородный, и я нашелъ въ немъ истиннаго друга. О, еслибъ вы слышали, что онъ говорилъ мнѣ! Его совѣты, его убѣжденія, заставили меня образумиться; онъ показалъ мнѣ бездну, въ которую я могъ бы повергнуть себя и васъ.....

Юрій показалъ Евгениі письмо ротмистра. Онъ коротко, но пламенно, описалъ ей боренія своего сердца, — какъ ему было трудно обрѣчь себя на до-

бровольное изгнаніе, — какъ ужасна была для него мысль о разлукѣ съ нею. Теперь утѣшало его одно, — взаимность обожаемой женщины, къ которой онъ питалъ безпредѣльное уваженіе. Онъ клялся свято сохранить любовь свою и беречь ее какъ драгоценный залогъ, который охранить его отъ всѣхъ слабостей и пороковъ.

Глаза Юрія горѣли необыкновеннымъ пламенемъ; говоря о любви, онъ былъ весь проникнутъ ея священнымъ восторгомъ. Евгенія слушала, и не могла не почитать его. Она протянула ему руку; онъ прижалъ ее къ пылающимъ устамъ.

— Теперь уже поздно! сказала она съ глубокимъ чувствомъ. Ахъ, зачѣмъ не узнали мы другъ друга ранѣе! Зачѣмъ судьба раздѣлила насъ послѣ первой встрѣчи, и бросила на жертвенникъ безнадежности ту любовь, которая не была еще преступленіемъ!.....

Рыданія опять заглушили ея голосъ; она склонила на руку голову и пребыла нѣсколько минутъ въ этомъ положеніи.

— Но къ чему эти бесполезныя слезы! сказала она, какъ бы просыпаясь отъ тяжкаго сна: онъ не возвратятъ прошедшаго!.... Мы должны разстаться!.... Поѣзжай те, Юрій, старайтесь забыть меня.... во второй разъ! Жизнь можетъ подарить вамъ еще много радостей: не пренебрегайте ими; разлука и время помогутъ вамъ истребить изъ памяти ту, которая не могла принадлежать вамъ.... Вы найдете, можетъ-быть женщину которая оцѣнитъ васъ и пойметъ такъ же хорошо, какъ я васъ понимаю; женщину, которой любовь не будетъ преступленіемъ.... Любите ее, Юрій!.... я буду счастлива вашимъ счастьемъ.... Богъ милосердый, можетъ-быть, скоро призоветъ онъ меня къ себѣ!

Она устремила къ небу глаза, отуманенные слезами; на лицѣ ея изобразилось пльнительное спокой-

ствіе и уста тихо шептали молитву. Прошло нѣсколько минутъ въ торжественномъ молчаніи, наконецъ Евгенія встала и отерла слезы.

— Пусть дружба заступитъ въ сердцахъ нашихъ всякое другое чувство, сказала она несчастному молодому человѣку, который стоялъ почти безъ чувствъ. Да! дружба не можетъ быть преступленіемъ. Общайтесь же мнѣ, что ни одно слово, ни одна буква, не напомнятъ мнѣ сегодняшняго разговора. О, если бъ мы могли забыть его!....

Онъ хотѣлъ взять ея руку. Евгенія отняла ее съ достоинствомъ.

— Прощайте, благородная Евгенія! сказалъ онъ печально: будьте счастливы!.... Общайтесь мнѣ вспоминать иногда обо мнѣ.... Прощайте....

Онъ не могъ продолжать; слезы залили его голосъ. Онъ съ отчаяніемъ схватилъ руку Евгеніи, и судорожно сжалъ ее въ своихъ рукахъ. Евгенія забыла все, — мужа, который былъ за нѣсколько комнатъ и могъ слышать ея рыданія, — святость долга, которою была проникнута за мгновеніе. Она видѣла только Юрія; въ эту минуту только онъ существовалъ для нея въ цѣломъ мірѣ. Любовь, безнадежность, внутренняя боренія разтерзали ея сердце. Юрій тихо привлекъ ее къ себѣ, и она упала на его грудь: горячіе уста молодого человѣка прильнули къ ясному челу страдальцы.

И въ сосѣдней комнатѣ раздавался кашель. Юрій и Евгенія отскочили другъ отъ друга. Старикъ уже шевелился въ кабинетѣ. Юрій побѣжалъ къ нему на встрѣчу, остановилъ его въ дверяхъ, и, разспрашивая какъ найти того, къ кому было адресовано письмо, далъ Евгеніи время успокоиться и осушить слезы.

Медлить было нечего. Тройка уже стояла у подъезда. Онъ простился съ Ниломъ Алексѣевичемъ, подошелъ почтительно къ Евгеніи, поцѣловалъ ея ру-

ку, бросился изъ комнаты, — и звонъ колокольчика заглушилъ послѣднее — прости.

Она долго стояла у окна, и смотрѣла на печальную степь, по которой неслась кибитка; въ глазахъ ея не было слезъ, — онѣ всѣ изсякли въ сердцѣ; полный мѣсяцъ освѣщаль снѣжную равнину, и сыпалъ палевые лучи на бѣлый саванъ, которымъ зима окутала землю. Вскорѣ черное облако налетѣло на мѣсяцъ, и вся окрестность утонула во мракѣ.

Евгенія тихо отошла отъ окна. Въ спальнѣ ея, передъ образомъ Спасителя теплилась лампада. Она пала передъ нимъ на колѣни и ангелъ молитвы освѣнилъ ея крыломъ своимъ.

Она молилась объ Юрѣ.

=

На краю горизонта, тамъ гдѣ море сливается съ небесами, пылали еще послѣдніе лучи заходящаго солнца и, разливая пурпуровое сіяніе на поверхность прекраснѣйшаго въ мірѣ залива, съ сожалѣніемъ прощалось съ его синими, прозрачными волнами. Прохладный ветерокъ, вѣявшій съ моря, приносилъ съ собою благоуханія миртовыхъ рошъ Искіи и Капры, и заунывная пѣснь рыбака, скользившаго въ легкомъ челнокѣ по гладкому зеркалу водъ, раздавалась въ отдаленіи, вторила тихому ропоту волнъ, которыя плескались о песчаный берегъ.

Неаполь! гдѣ перо, которое въ состояніи описать чудную красоту твою? Гордый соперникъ нѣкогда славной Венеціи, ты превзошелъ ее и яркимъ сіяніемъ твоего солнца и упоительною прохладой твоихъ ночей. Воздухъ твой дышетъ ароматомъ, каждое дунуеніе твоего вѣтра вливаетъ въ душу сладость и нѣгу, въ тебѣ все восхитительно, — и эти пригорки, раскинутые въ такомъ живописномъ безпорядкѣ, — и эти острова цвѣтовъ и пальмъ, брошенные наудачу въ

голубыя волны залива. Въ лѣсахъ твоихъ виноградныя лозы перемѣшались съ золотомъ лимоновъ и померанцовъ; въ густой тѣни твоихъ лавровъ живутъ жасмины и розы, а прозрачное небо раскидываетъ надъ всѣми ими свой лазуревый шатеръ, который вѣчно новъ и чистъ. Кто, кто въ этомъ земномъ раю, гдѣ все улыбается, все пылаетъ счастьемъ, поставилъ этотъ мрачный, закоптѣвшій Везувій, который стоитъ здѣсь какъ демонъ, пораженный проклятіемъ Бога!

Юрій задумчиво сидѣлъ на обломкѣ гранита, на берегу залива, и часто вперялъ безумный взоръ въ трубу грознаго волкана, изъ которой постоянно струился ручеекъ легкаго дыма.

Юрій, разставшись съ Евгеніей, отправился сперва въ главную квартиру арміи, и пробылъ тамъ около шести мѣсяцевъ; единственнымъ утѣшеніемъ его были письма ротмистра, которыя онъ получалъ довольно часто. Ротмистръ, однако, всячески избѣгалъ повода говорить объ Евгеніи; онъ не хотѣлъ поддерживать напоминаніями бесполезную страсть своего друга. Но, время, на помощь котораго ротмистръ полагался, только усиливало страсть Юрія. Ни занятія по службѣ, ни шумные пиры товарищей, не могли разсѣять его грусти. Онъ переносился воображеніемъ въ Украинскія степи, и видѣлъ ее блѣдную, больную, страдающую подъ железнымъ игомъ стараго и своеправнаго мужа. Онъ зналъ, что не можетъ ничего сдѣлать для облегченія ея участи, и эта мысль подавляла его всей своей тяжестью. О, какъ желалъ онъ войны! Съ какою радостью устремился бы онъ въ пыль сраженій, чтобы подъ градомъ пуль забыться на минуту, или навсегда. Но война не являлась по его желанію, и онъ, съ каждымъ днемъ, становился мрачнѣе и печальнѣе. Мать его, добрая старушка, любившая сына безъ памяти, замѣтила изъ писемъ его тоску, которой онъ былъ добычею, и пожелала возвращенія его въ

Петербургъ. Ея стараніями онъ получилъ отставку, и послѣ двухъ-лѣтняго отсутствія пріѣхалъ опять на берега Невы. Здѣсь эта тоска часто ему самому становилась уже несносною: тогда, какъ безумный, бросался онъ въ вихрь свѣта; хотѣлъ въ его шумѣ заглушить голосъ сердца, хотѣлъ забыться въ его блестящемъ чаду. Образъ ея и тутъ всюду его преслѣдовалъ: Юрій возвращался домой также несчастливый какъ и уходилъ. Здоровье его разстроивалось; родные совѣтовали ему путешествовать. Онъ увѣдомилъ ротмистра о своемъ отъѣздѣ за границу, и просилъ хоть изрѣдка утѣшать его письмами. Обѣхавъ Германію и Францію, взглянувъ на столицу всѣхъ модъ и всѣхъ глупостей, онъ скоро очутился въ Неаполѣ, и, сидя на берегу чудеснаго залива, подъ этимъ пышнымъ небомъ Италіи, средь этой роскоши природы, мечталъ опять о снѣгахъ Украинскихъ степей: тамъ на дальнемъ Сѣверѣ, въ глуши унылыхъ пустынь похоронилъ онъ свое счастье, и туда неволью стремилось все его существо. Это невѣроятно, однако жъ это правда. Онъ уже сидѣлъ здѣсь нѣсколько часовъ; раскрытое письмо лежало у него на колѣняхъ. По прямой вытяжкѣ буквъ, составленныхъ изъ ряда отвѣсныхъ палочекъ, связанныхъ сверху и снизу горизонтальными линейками, можно было узнать въ почеркѣ гвоздеобразную грамоту ротмистра.

Что же писалъ ротмистръ?

Письмо было длинно: онъ истощилъ все свое краснорѣчіе на введеніе, чтобы имъ приготовить своего друга къ роковому извѣстію, и кончилъ отрывистымъ увѣдомленіемъ о смерти Евгеніи. Онъ писалъ также, что полкъ ихъ выступилъ въ походъ въ самый день отправленія письма, но Юрій не дочиталъ до этого; въсть о смерти той, которую онъ и въ разлукѣ любилъ такъ пламенно, сразила его какъ громомъ; онъ едва не лишился чувствъ. Тотъ, кто терялъ близкихъ

сердцу, кто плакалъ на могилѣ матери, у кого хладнокровно исторгали послѣднюю надежду на счастье, — тотъ пойметъ, что происходило тогда въ душѣ бѣднаго Юрія.

Неаполь прекрасенъ только для глазъ веселыхъ и чистыхъ. Не таковъ онъ для другихъ. Пѣть ничего угрюмѣе, ничего безобразнѣе, ничего отвратительнѣе въ мѣрѣ — этого свѣтлаго неба, этихъ богатыхъ рощей, этихъ живописныхъ холмовъ и этого величественнаго залива, когда невзначай посмотришь на нихъ въ глаза, покрашенные бурюю копатыю несчастья, — самый скверный солнечный телескопъ, какой я знаю. Это Обьская Губа! Сто разъ хуже ея!

=

На широкомъ балконѣ одной изъ дачъ, которыми щеголяетъ нашъ Гаменный Островъ, въ тихій вечеръ 11 июля 1826 года, когда Пева, такъ свѣтло, такъ лѣниво, катилась мимо зеленыхъ береговъ и такъ чисто отражала въ зеркалѣ своемъ вершины кудрявыхъ березъ и елей, вы бы увидѣли, гуляя, двоихъ мужчинъ, сидѣвшихъ съ сигарами въ зубахъ. У одного изъ нихъ были длинные усы и широкій рубецъ на щекѣ; другой былъ молодъ и блѣденъ.

— Скучно! сказалъ блѣдный. Такая тоска, что нѣтъ силы!

— Женись, сказалъ усатый, пуская носомъ струю табачнаго дыма.

— Матушка повторяетъ мнѣ то же самое каждый вечеръ, сказалъ первый.

— Матушка умная женщина, сказалъ второй.

— Да меня одна эта мысль приводитъ въ трепеть. Матушка требуетъ невозможнаго!... Она стара, и желаетъ видѣть меня, передъ смертію счастливымъ....

— Такъ будь счастливымъ, въ угожденіе матушкѣ. Что жъ тутъ невозможнаго!

— Твое хладнокровіе мнѣ право не подѣ силу, Смѣльскій (это былъ нашъ ротмистръ). Я не хочу жениться. Вотъ уже два года матушка просить меня объ этомъ : она выбрала мнѣ дѣвушку прекрасную, добрую, образованную, которую я зналъ еще ребенкомъ, и которая могла бы составить счастье каждаго благороднаго чело-вѣка. До-сихъ-поръ, подѣ разными предлогами старался я отговариваться ; но просьбы моей матери съ каждымъ днемъ становятся убѣдительнѣе, она со слезами молитъ меня исполнить ее желаніе : я не знаю, что мнѣ дѣлать !

— Послушай Юрій ! (это былъ нашъ Юрій Альтонскій) желаніе матери твоей весьма натурально и благо-разумно : и почему бы тебѣ не исполнить его ? Ты уже въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ жизнь семейная можетъ доставить истинное счастье. Къ тому жъ ты самъ говоришь, что та, которую она выбрала, и пре-красна, и добра, и образованна : чего жъ лучше ?

— Но я не могу любить ея, Смѣльскій, любить такъ, какъ она того заслуживаетъ. Ея нѣжная, благородная душа захочетъ взаимности ; она принесетъ мнѣ въ даръ любовь чистую, безпорочную : что могу я дать ей въ замѣну этого ? Сердце разтерзанное страданіями, убитое тоскою ! сердце, въ которомъ не умерла еще любовь къ другой женщинѣ !

— Полно братъ ! выкинь изъ головы всѣ эти вздоры ! Повѣрь мнѣ, ея попеченія, любовь, дружба, побѣдятъ твоє равнодушіе ; супружество наложитъ на тебя новыя обязанности, и въ аккуратномъ ихъ исполненіи ты найдешь занятіе, котораго теперь не достаетъ тебѣ. Супружество тоже служба, любезный другъ.

Друзья, поговоривъ, разстались. Юрій пошелъ къ своей матери, и утѣшилъ ее своимъ согласіемъ. Она съ восторгомъ обняла сына, и въ ея радостныхъ слезахъ молодой чело-вѣкъ нашелъ награду за побѣду,

одержанную надъ своимъ сердцемъ. Рѣшась исполнить волю матери, Юрій не имѣлъ уже причины мѣдлить. Согласіе Лидіи, — такъ звали его невѣсту, — не было сомнительно; онъ давно зналъ объ ея привязанности. Лидія была воспитана его матерью: судьба отказала ей въ богатствѣ, зато наградила всеми дарами, какихъ могутъ желать себѣ женщины. Сверхъ того она была моложе и лучше Евгениі, и Юрій, какъ ни предубѣжденный въ пользу покойницы, не могъ оспаривать этого факта. Онъ любилъ ее какъ сестру. Ротмистръ говорилъ, что это хорошее начало. Сердце его слишкомъ много страдало, оно было измучено, оно перегорѣло въ безнадежной страсти. Ротмистръ, которому этотъ слогъ былъ не подъ силу, говорилъ, что оно перебѣсилось. Лидія отдавалась ему со всей довѣрчивостью дѣвственной души.

— Неужли ты принесешь ей зато въ даръ, воскликнулъ ротмистръ, только одну холодную дружбу? Фу, ты, Господи, Боже мой! Гусарь, который не сможетъ любить хорошенькой женщины изо всей силы!....

Самолубіе молодого человѣка было сильно задѣто этимъ замѣчаніемъ, и черезъ двѣ недѣли Юрій и Лидія стояли уже у алтаря. Въ эту торжественную минуту онъ произнесъ въ душѣ клятву составить счастье доброй Лидіи; онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы не вспомнить объ Евгениі, но въ самомъ этомъ напряженіи ума къ забвенію было ужасное воспоминаніе.

Послѣ обряда, ротмистръ крѣпко пожалъ руку своему другу, и со слезами на глазахъ сказалъ: — Теперь ты будешь счастливъ!

— Надѣюсь, сказалъ новый супругъ, и расцѣловалъ стараго солдата.

Но, несмотря на предсказаніе опытнаго ротмистра, первое время женидѣбы было для Юрія довольно тягостно. Судьба отказывала ему въ томъ упопительномъ счастьи, которымъ украшаются первые дни

брака. Часто, оставаясь одинъ съ Лидіей, онъ съ трудомъ поддерживалъ разговоръ : онъ не находилъ словъ, которыми бы могъ отвѣчать на ея ласки, на ея мечты о будущемъ, и внутренно упрекалъ себя за холодность; онъ хотѣлъ переселить себя въ нее; быть нѣжнымъ, внимательнымъ, — и нѣжность его была поддѣльна, — и вниманіе было притворно. Онъ съ большимъ трудомъ привыкалъ къ новому своему состоянію нежели какъ прежде къ фронтовой службѣ, и часто мысль — что онъ не будетъ умѣть составить счастье жены, любившей его со всѣмъ жаромъ молодой души, приводила его въ отчаяніе. Скоро однако жъ любовь Лидіи, ея заботливая нѣжность, ея кротость, побѣдили это равнодушіе : онъ уже не скучалъ ея бесѣдой, даже находилъ въ ней наслажденіе; образованный умъ Лидіи, вѣрность ея сужденій, ея таланты, все съ каждымъ днемъ трогало его болѣе и болѣе, а увѣренность, что Лидія скоро возведетъ его въ высокій санъ отца, усиливала еще его привязанность честелюбіемъ. Жена, мать, другъ — это цѣлый міръ! И въ немъ пріятно протекала жизнь Юрія; онъ рѣдко оставлялъ свой домъ, еще рѣже посѣщалъ общества. Однимъ словомъ онъ былъ счастливъ. Порой воспоминаніе объ Евгеніи наводило на него тихую грусть: тогда онъ думалъ объ ней, и минувшее возставало передъ нимъ какъ смутный сонъ, отъ котораго онъ теперь пробудился, какъ тяжкая мечта, упавшая на дно моря жизни въ самое первое путешествіе наше. Онъ старался забыть о минувшемъ, и съ надеждой взиралъ на будущее. О будущее, ты мрачно какъ Петербургскій день!....

Однако въ Петербургѣ, на который я клевету, разъ какъ-то былъ ясный день. Всѣ помнятъ его по-сю-пору. Великолѣпный день! одинъ изъ тѣхъ зимне-весеннихъ дней, когда Невское солнце, выглянувъ изъ за сѣрыхъ тучъ, гдѣ оно такъ любитъ скры-

ваться, бросаетъ свѣтлыя апрѣльскіе лучи на грязныя улицы и почернѣвшіе снѣга сѣверной Пальмиры; когда Невскій Проспектъ пестрѣетъ толпами гуляющихъ; когда въ великомъ переворотѣ природы, старый вѣкъ, цѣлое почтенное поколѣніе старыхъ, затасканныхъ саней, погибаетъ, и новая порода лакированныхъ дрожекъ, міръ юный и полный будущностью, оживляетъ планету и надежды извозчиковъ. Въ этотъ достопамятный день, Юрій, кончивъ занятія свои въ департаментъ — я забылъ сказать, что онъ, для усиленія домашняго счастья, скоро послѣ женидбы вступилъ въ статскую службу, — пробирался домой по Малой Милліонной. Онъ шелъ тихо, и размышлялъ о чемъ-то. Едва онъ успѣлъ поравняться съ дверью Англійскаго Магазина, какъ высокій лакей въ синей ливрѣ, выскочилъ оттуда и чуть-чуть не сшибъ его съ ногъ. Юрій остановился, лакей поспѣшно отворилъ дверцы подѣхавшей кареты, и въ нее порхнула дама въ траурѣ. Юрій, по обыкновенію всѣхъ счастливыхъ мужей или, можетъ-быть, машинально, заглянулъ въ карету. Дама въ это время откидывала свой вуаль. О удивленіе! о ужасъ! образъ Евгеніи поразилъ его взоры.... Лакей приказалъ ѣхать домой; карета понеслась по Большой Морской; онъ, какъ громомъ оглушенный, стоялъ, не понимая, что съ нимъ сдѣлалось. Онъ не вѣрилъ самому себѣ, — думалъ, что глаза обманули его или что ему явилось привидѣніе. Женщина эта не могла быть Евгеніей! Евгенія давно умерла! Однако сходство было такъ поразительно, что онъ невольно слѣдилъ глазами удаляющуюся карету. Наконецъ желаніе, весьма естественное въ каждомъ мужѣ, узнать кто была эта хорошенькая дама, заглушило въ немъ всѣ другія чувства: онъ бросился на извозничьи дрожки, которыя важно прыгали по ухабамъ, только что вышедши изъ сарая каретника и составляли всю гордость бѣднаго Ваньки, и приказалъ

скакать за каретой. «Красненькая» была обещана изумленному хозяину.

Извозчикъ, который приписывалъ торопливость первого съдока непреодолимой прелести своихъ дрожекъ, не жалелъ своей лошадки : онъ былъ въ восхищеніи и передавалъ ей свой энтузіазмъ плетью; дрожки летѣли; Юрій былъ весь страданіе ; страхъ потерять карету изъ виду на какомъ-нибудь поворотѣ заставлялъ его забывать все ужасы весенней мостовой. Только счастливые мужья, которые догоняли прежнихъ своихъ любовницъ по такой дорогѣ, могутъ понять тѣ мученія, какія онъ переживалъ въ эти немногія минуты. Наконецъ карета остановилась у одного каменнаго дома, въ одной улицѣ, которой названіе не составляетъ ни какой важности. Юрій соскочилъ съ дрожекъ, и добѣжалъ къ подъѣзду въ то самое время, когда упали подножки кареты. Дама, взглянувъ на того, кто заградилъ ей дорогу, перепрыгнула черезъ двѣ ступеньки съ крикомъ : — Юрій Николаевичъ !....

Юрій, подавая ей руку, стоялъ какъ окаменелый : онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ ; передъ нимъ была Евгенія, въ полномъ цвѣтѣ жизни и красоты; онъ чувствовалъ прикосновеніе ея руки, онъ слышалъ ея голосъ, онъ не могъ произнести ни одного звука.

— Какъ я счастлива !..... Я опять васъ вижу !.....

И, взявъ за руку, она влекла его за собою.

Когда они вошли въ комнаты, Евгенія съ улыбкой, въ которой сіяло все ея счастье, почти со слезами, смотрѣла на своего Юрія. Она съ трепетомъ ждала его отвѣта; но онъ молчалъ. Она думала, что прочтаетъ въ его взорахъ радость, восторгъ ; любовь ; но взоръ его былъ неподвиженъ, и отражалъ только удивленіе. Евгенія съ ужасомъ отступила отъ него: мысль, что она уже ея не любитъ, мелькнула въ ея умѣ, и морозъ по всему тѣлу.

— Вы смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ? сказала она. Неужели вы не узнали меня? Живы ли вы?.....

Онъ какъ-будто очнулся. Евгенія, которую онъ такъ долго оплакивалъ, спрашиваетъ его, живъ ли онъ!..... Онъ забылъ Лидію, клятвы, даже новые узы, которыми юная супруга привязывала его къ себѣ, готова ему вскорѣ сладостное имя отца, забылъ все; быстро схватилъ ея руку и съ горестью, съ отчаяніемъ, съ болію, смотрѣлъ ей въ глаза. Въ выраженіи его лица было что-то страшное. Уста его дрожали. Евгенія испугалась, и нѣсколько мгновеній не смѣла сказать ни слова.

— Вы не умерли?

— Вы не умерли?

Эти два вопроса въ одно время вылетѣли изъ устъ обоихъ любовниковъ и привели ихъ еще въ большее замѣшательство. Я бы желалъ на эту минуту быть великимъ живописцемъ, чтобы изобразить вамъ на ихъ лицахъ тѣ чувства, которыми наполнены были ихъ сердца. Перомъ я не въ состояніи выразить этой борьбы любви и изумленія.

— Вы въ траурѣ? сказалъ Юрій, трепеща при новой мысли о смерти Нила Алексѣевича и свободѣ Евгеніи. По комъ это?

Евгенія покраснѣла, глаза ея наполнились крупными слезами, она упала въ кресла, и отвѣчала дрожащимъ голосомъ:

— Я считала васъ умершимъ уже два года и думала, что это платье, будетъ связывать остатокъ моей несчастной жизни съ вашею могилою!

Юрій не владѣлъ болѣе собою. Въ восторгѣ, весьма понятномъ всякому, кто любилъ и сомнѣвался, онъ бросился передъ ней на колѣни и покрылъ ея руку поцѣлуями. Легкій, застѣнчивый поцѣлуй коснулся его волосъ, и наполнилъ его сладостью. Тутъ

онъ вспомнилъ о Андѣи; огонь отчаянія или угрызенія совѣсти пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ ; онъ вскочилъ на ноги , и, силясь подавить въ себѣ возгорающійся пожаръ худо потушенной страсти , встрѣтилъ торжественную улыбку Евгениі , которой радость видѣть его живымъ и сознание быть еще любимой, придали все свое очарованіе.

Юрій долженъ былъ призвать въ помощь всю свою твердость.

— Кто вамъ сказалъ, что я умеръ? спросилъ онъ, садясь передъ нею въ креслахъ.

— Вашъ пріятель , ротмистръ Смѣльскій , отвѣчала она.

— Смѣльскій?!

— Онъ самъ. Скоро послѣ вашего отъезда за границу, мы получили отъ него письмо, которымъ онъ доносилъ намъ, мимоходомъ, о вашей смерти въ Германіи и потерѣ въ васъ лучшаго своего друга.

— Это странно ! вскричалъ Юрій, внѣ себя отъ изумленія. Смѣльскій также.....

Онъ остановился. Юрій не хотѣлъ еще болѣе унижать своего пріятели въ мнѣніи ея , и умолчалъ, до объясненія съ ротмистромъ , что извѣстіе , которое самъ получилъ въ Неаполь объ ея смерти , происходило изъ того же источника.

— Вы хотѣли сказать что-то о Смѣльскомъ ?

— Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ Юрій.

— Письмо это пришло въ началѣ болѣзни моего мужа. Вы можете представить , какъ оно меня сразило. Нужны были вся сила религіи и чувство долга къ больному другу, чтобы перенести этотъ ударъ. Во все время болѣзни Нила Алексѣевича , я старалась не вспоминать объ васъ..... Но когда Богу было угодно отозвать его въ вѣчность.....

— Вашъ мужъ умеръ ?

Цѣлый адъ разверзся передъ бѣднымъ Юріемъ , и онъ былъ готовъ броситься въ него.

— Когда я увидѣла себя свободною.....

Лакей вошелъ въ комнату съ докладомъ , что пріѣхала Марья Васильевна.

— Когда я могла, безъ преступленія , посвятить себя чувству , которое по одному воспоминанію , было мнѣ дорого въ жизни.....

Юрій опять схватилъ съ жаромъ ея руку , которую она отняла съ улыбкою, указывая на дверь.

— Я прожила почти три года въ деревнѣ , одна съ моими слезами , и навѣки осталась бы тамъ , если бѣ дѣла не заставили меня пріѣхать на короткое время въ Петербургъ..... Я никогда не ожидала счастья, которое судьба готовила мнѣ въ этомъ городѣ.....

Марья Васильевна съ шумомъ вошла въ комнату. Они встали оба.

— Ахъ , тетушка ! сказала Евгенія, весело идучи къ ней на встрѣчу.

Онѣ начали цѣловаться. Юрій былъ чрезвычайно радъ неожиданному пріѣзду тетушки. Сердце у него стеноло подъ ударомъ каждаго слова Евгенія , которая всю жизнь обречена была любви одного человека, и злой рокъ безпрерывно вырывалъ его изъ ея объятій. И еще этотъ человекъ любилъ ее такъ пламенно !..... Нѣтъ сомнѣнія, что есть особая судьба для сердець. Да ; онъ чувствовалъ , что и теперь любить ее , какъ въ минуту ихъ разлуки. Она была свободна, и онъ , не зная этого , пожертвовалъ своей рукой мечтѣ о другомъ счастьи! Она думала объ немъ съ той же чистою любовію , когда онъ произносилъ клятвы быть вѣрнымъ другой женщинѣ !....

Онъ быстро схватилъ свою шляпу.

— Оставайтесь, сказала Евгенія съ прелестною улыбкою, въ которой была и нѣжная просьба и повелѣніе.

Но Юрій былъ въ такомъ волненіи , что не могъ оставаться долѣе, Онъ обѣщалъ повидаться съ ней очень скоро, и простился. Съ довѣрчивостью, съ восторгомъ провожала она взоромъ — уходящаго. Она предавалась всѣмъ сладостнымъ ощущеніямъ души любящей, и въ будущемъ видѣла долгіе дни блаженства , которые должны были съ избыткомъ вознаграждать ее за страданія, за терпѣніе, за всѣ жестокія побѣды надъ самой собою. Счастлива была она въ эту минуту! Сладки были мечты, которыя она лелѣяла! Увы, это счастье , эти мечты , скоро должны были разлетѣться передъ ужасною истиною, и отчаяніе , ожидая своей жертвы , уже простирало къ ней свои ледяныя объятія!

Юрій выскочилъ изъ ея дома какъ сумасшедшій, и побѣжалъ прямо къ ротмистру. Старый солдатъ сидѣлъ въ халатѣ передъ круглымъ зеркаломъ и усердно работалъ обѣими горстями , давая горизонтальное направленіе своимъ усамъ, которые всё стремились къ центру земли. Приходъ Юрія отнюдь не помѣшалъ его занятію.

— Смѣльскій! ты писалъ ко мнѣ, что Зорина умерла.

— Писалъ, братецъ.

— А къ ней ты писалъ , что я умеръ за границую?

— Э?..... гдѣ? за границей?..... Не хочешь ли выкурить сигарку?

— Не хочу! Отвѣчай мнѣ, что это значить.

— Что значить?..... Согрѣшилъ, братъ Юрій Николаевичъ! Ну, что прикажешь дѣлать! Написалъ! Вѣдь это для общаго вашего счастья. Оно значить то , что вы другъ для друга умерли , и не должны болѣе думать о томъ, что было.

— Благодарю , ротмистръ. Ты сдѣлалъ мое несчастье!

— Фу! какое несчастье! Что тебѣ залѣзло въ голову?

Гдѣ жъ тутъ несчастіе , когда вы , благодаря этому , жили по-сю-пору какъ подобаетъ честнымъ людямъ .

— Зачѣмъ же ты не написалъ мнѣ , что мужъ ея умеръ тому уже почти три года ?

— Вотъ этого-то я и не зналъ ! Въ самомъ дѣлѣ , умеръ ?..... Когда жъ это ? Стало быть , послѣ того , какъ я уѣхалъ въ Москву и вышелъ въ отставку ? Вообрази себѣ , онъ умеръ !..... Я никогда не полагалъ , чтобъ онъ могъ умереть .

Юрій бросился на диванъ , заломалъ руки и взвелъ глаза къ небу .

— Что съ тобой , любезнѣйшій ? продолжалъ ротмистръ , быстро вставая съ мѣста : ты мнѣ кажешься какъ-будто не свой !..... То , что я сдѣлалъ , было сдѣлано съ самымъ лучшимъ намѣреніемъ . Я столько же уважалъ несчастное положеніе Зориной , сколько любилъ тебя . Я былъ ихъ другомъ и твоимъ , и считалъ бы себя недостойнымъ имени честнаго человѣка и Русскаго офицера , если бы , потворствуя вашей немѣстной страсти , допустилъ васъ до того , чтобъ ты покрылъ ее безчестіемъ , себя позорнымъ именемъ обольстителя добродѣтельной женщины и измѣнника правамъ гостепріимства . Какъ твой другъ и твой начальникъ , я долженъ былъ употребить «всѣ зависящія отъ меня» средства , чтобъ потушить чувство , которое не вело васъ къ добру . Послѣ твоего отъѣзда , я навѣщалъ нѣсколько разъ Зориныхъ , и видѣлъ ее совершенно несчастною отъ любви , которую ты ей внушилъ . Не было другаго способа утвердить ее въ мужествѣ и терпѣніи , какъ только прекратить всю надежду на сближеніе между вами . Я рѣшился . Я сперва извѣстилъ ее , что ты боленъ ; потомъ , что ты умеръ..... Да откуда ты узналъ объ этомъ ?

— Ко мнѣ писали изъ Украйны , сказалъ Юрій , вздыхая .

Онъ пришелъ къ ротмистру съ сердитымъ видомъ, но былъ слишкомъ благороденъ, чтобы не оцѣнить честныхъ побужденій своего пріятеля, и чувствовалъ справедливость его словъ, какъ ни проклиналъ въ душѣ его несчастное вмѣшательство. Но участіе ротмистра въ его благополучіи уже дважды оказалось гибельнымъ, и онъ не захотѣлъ ввѣрять ему въ третій разъ своей тайны. Юрій скрылъ отъ него присутствіе Евгени въ Петербургѣ. Ротмистръ наговорилъ кучу гусарскихъ правдоученій о домашнемъ счастьи, и они разстались добрыми друзьями.

Юрій возвратился домой уже около вечера: Лидія выбѣжала къ нему навстрѣчу; она съ нѣжностью бросилась въ его объятія, но когда уста ея коснулись его щеки, холодный трепеть пробѣжалъ по его жиламъ. Хотя Юрій рѣдко оставался въ городѣ такъ долго, не предупредивъ жены, однако Лидія не имѣла привычки спрашивать, гдѣ онъ былъ, и только радовалась его возвращенію. Онъ чувствовалъ однако жъ, что долженъ былъ выдумать какой-нибудь предлогъ въ оправданіе своего отсутствія, и въ первый разъ прибѣгнулъ ко лжи. Юрій покраснѣлъ при мысли, что онъ обманываетъ ту, которая вѣритъ ему такъ безопасно, и что ложь эта не могла быть послѣднею. Онъ проклиналъ свою судьбу.

Несмотря на всѣ старанія казаться веселымъ и спокойнымъ, онъ безпрестанно задумывался, и насто не слыхалъ того, что говорила ему Лидія. Никогда вечеръ не казался ему столь продолжительнымъ: онъ желалъ быть одинъ, голова его горѣла, тысячи мыслей смѣнялись въ умѣ, и ни на одной изъ нихъ онъ не могъ остановиться. Наконецъ вечеръ кончился. Въ домъ уже всѣ спали, только одинъ онъ не могъ заснуть. Сколько бореній раздирали его душу! Долгъ, совесть, повелѣвали ему открыть Евгени все, бѣжать ея; Лидія имѣла столько правъ на его привязанность,

уваженіе, вѣрность; она была счастлива увѣренностью въ его любви; и одно слово, одна минута, могли навѣки разрушить ея благополучіе, повергнуть ее въ бездну отчаянія, лишитъ всего. Но Евгенія была его первою и самою сладостною мечтою, одною изъ тѣхъ дорогихъ мечтъ въ мірѣ, которыя иногда неотвязны какъ само несчастье; которыя ржавчиной падаютъ на сердце человека, окисляютъ его, и наконецъ съѣдаютъ. Евгенія получила его первыя и самыя искреннія клятвы; Евгенія незнавшая доселѣ въ свѣтѣ ни радостей, ни счастья, жила только надеждой, что когда-нибудь страданія ея вознаградятся, и, когда надежда умерла, она еще осталась на ея могилѣ: ни годы, ни разлука, не перемѣнили ея сердца, — и въ ту минуту, когда мечты ея должны были совершиться, когда она начинала вѣрить въ возможность счастья, одно слово должно было разрушить все! О, какъ ужасно мучили бѣднаго Юрія эти мысли! На что бы онъ ни рѣшился, какое бы намѣреніе ни принялъ, бѣдствіе казалось неизбѣжнымъ: изъ двухъ женщинъ, равно дорогихъ ему, одна должна была погибнуть. Увѣренность эта терзала его, и утренняя заря застала еще въ борьбѣ съ лютойшимъ отчаяніемъ.

Онъ всталъ. Солнце подымалось на востокъ, и заглядывало въ окно спальни. Лидія почивала спокойно. Сонъ ея былъ тихъ и безмятеженъ, и по улыбкѣ, роскошно спавшей на мягкомъ, розовомъ лицѣ, можно было догадаться, что сладкая мечта ее лелѣяла. Юрій смотрѣлъ на нее съ глубокимъ участіемъ и печалью; страсти кипѣли въ его груди, и голосъ совѣсти говорилъ, что онъ долженъ былъ пощадить это невинное созданіе. Тягостна была эта минута, въ которую онъ долженъ былъ обречь на гибель Евгенію; но долгъ повелѣвалъ, и Юрій рѣшился сказать ей все.

Около вечера отправился онъ къ Евгеніи съ намѣреніемъ открыть ей тайну; но извѣстно какъ слабо

человѣческое сердце; это вошло даже въ поговорку! Юрій увидѣлъ ее, и слова замерли на устахъ, и тайна осталась при немъ. Онъ думалъ — пусть еще этотъ день будетъ она счастлива надеждой! завтра скажу ей все.....

Такъ думалъ онъ и на слѣдующій вечеръ, и на третій, и на четвертый. Дни проходили, а онъ молчалъ, и съ каждой минутой признаніе становилось тягостнѣе, потому что любовь возгоралась всё болѣе и болѣе.

Увы, увy! въ числѣ этихъ дней, или вечеровъ, пришелъ такой вечеръ, сладкій и поздній вечеръ, стоявшій почти имени ночи, послѣ котораго признаніе въ истинѣ равнялось уже безчестию. Всѣ мудрыя мѣры ротмистра оказались въ этотъ вечеръ ничтожными.

Въ большой комнатѣ, слабо освѣщенной послѣдними лучами вечерняго солнца, склонясь на окно, стояла молодая, прекрасная женщина. Сильное безпокойство выразалось на ея лицѣ, и порой крупныя слезы, выкатываясь изъ черныхъ глазъ, падали на вздымающуюся грудь. Долго уже стояла она такимъ образомъ; прислонивъ голову къ стеклу и, казалось, ждала кого-то. Взоръ ея силился пропикнуть въ сумракъ вечера, но въ сумракъ не являлось ничего утѣшительнаго. Шумъ отворившейся двери заставилъ ее обернуться. Она бросилась на встрѣчу вошедшему. Нѣтъ, это не онъ!

— Вы однѣ, Лидія Михайловна? сказалъ ротмистръ: гдѣ же Юрій?

Лидія была не въ силахъ отвѣчать. Слезы пресѣкли ея голосъ. Она упала въ кресла, рыдая.

Испуганный ротмистръ бросился къ ней.

— Что съ вами? Что такое случилось? Гдѣ Юрій?

— Не знаю: вотъ уже болѣе шести часовъ какъ я жду его!

— Такъ вотъ отчего вы плачете? Полноте, Лидія Михайловна! стоитъ ли такъ беспокоиться? Онъ можетъ-быть куда забѣжалъ..... Его что-нибудь задержало.....
Еще не такъ поздно.

Но Лидія продолжала плакать.

— Успокойтесь; онъ вѣрно скоро воротится.

— Скоро!... за тѣмъ, чтобъ опять оставить меня!...
О, какъ я несчастлива!

— Что вы сказали! Вы несчастливы? Ради Бога, выведите меня изъ недоумѣнія! Здѣсь, вѣрно, что нибудь случилось? Не мучьте меня..... Вы знаете, я другъ Юрія, вашъ другъ.

Голосъ стараго солдата дрожалъ, и предчувствіе чего-то не добраго запало въ его сердце. Лидія встала, и взяла ротмистра за руку.

— Да, вы другъ мой; вы честной, доброй человѣкъ; вамъ могу сказать мое горе....

Ротмистръ вздрогнулъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на Лидію.

— Вотъ уже болѣе недѣли, какъ Юрій всегда оставляетъ меня одну; ничто не можетъ удержать его дома. О, какъ онъ перемѣнился!... Онъ сталъ мраченъ, молчаливъ; какое-то горе гнететъ его; ни мои ласки, ни любовь моя, не могутъ разсвѣять его задумчивости; мнѣ даже кажется, какъ-будто нѣжность моя надѣдаетъ ему.

— Это вѣрно такъ вамъ кажется. Можетъ-быть не-приятности по службѣ, о которыхъ онъ не хочетъ вамъ сказать....

— Нѣтъ, нѣтъ! онъ скрываетъ отъ меня другую тайну. Безпокойство и тоска отняли у меня сонъ; я слышала, какъ онъ въ бреду безпрестанно произносить одно имя.... имя женщины!.....

— Женщины!

— Да. Вы знаете, какъ я люблю его, какъ я была

счастлива до сихъ поръ ; но эти безпрестанныя отлучки.... этотъ бредъ....

— Ради Бога, скажите, какое онъ имя произносить ?

— Евгениі !

— Евгениі ? О, вамъ нечего бояться ! Ахъ, Лидія Михайловна, я не думалъ, чтобъ вы были рѣвнивы !

— Да ; я рѣвнива. Я боюсь потерять то благо, которымъ была счастлива ; которымъ владѣла нераздѣльно. Я боюсь.....

— Но вы боитесь напрасно. Эта Евгения далеко отсюда ; даже, сказать вамъ правду, она давно умерла.

— Умерла ? Вы знали ее ? Такъ Юрій ее любилъ ?....

Она не могла говорить далѣе.

— Выслушайте меня, Лидія Михайловна, продолжалъ ротмистръ. Я зналъ ту Евгению, которой имя такъ напугало васъ. Когда-то, давно..... Юрій былъ еще очень молодъ.....

Ротмистръ разсказалъ подробно о знакомствѣ Юрія съ Евгенией, смягчая какъ-можно болѣе всѣ обстоятельства, и стараясь представить страсть своего друга давно забытою шалостью молодой и неопытной головы.

— Но отчего жъ произносить онъ такъ часто ея имя ?

— Разъ воображеніе не представляетъ намъ часто предметовъ, о которыхъ мы и не думаемъ ? Я самъ, примѣрно сказать, каждую ночь командую во снѣ эскадрономъ, и кричу во все горло, такъ что неразъ перенуждалъ сосѣдей. Привычка, Лидія Михайловна !... Послушайтесь совѣта друга, не давайте сомнѣнію овладѣть вашимъ сердцемъ : въ супружествѣ сомнѣніе влечетъ за собою большія бѣды, несчастіе закрадывается въ семейство, и два человѣка, любившіе другъ друга, изъ пустяковъ становятся чужими....

— Да, ротмистръ, вы правы ! Сомнѣніе уже само по себѣ несчастіе. Но какъ трудно иногда избѣгнуть его !

— Откровенность въ такомъ случаѣ лучшее лекарство. Поговорите съ Юріемъ: онъ вѣрно не захочетъ терзать васъ молчаніемъ, и расскажетъ вамъ то же самое, что я рассказывалъ. Вы убѣдитесь, что тутъ нѣтъ ничего опаснаго.... Старья, забытыя дѣла, которыя надобно отправить въ архивъ. Да вотъ и онъ самъ. Я слышу его голосъ; онъ спрашиваетъ объ васъ. Я васъ оставлю однихъ.

— Останьтесь. Передъ вами у насъ нѣтъ никакой тайны.

Дверь отворилась, и Юрій вошелъ въ комнату. Лидія не побѣжала къ нему на встрѣчу, какъ то бывало прежде. Невольный страхъ удержалъ ее. Онъ подошелъ къ ней, поцѣловалъ, и молча протянулъ руку къ ротмистру. Въ эту минуту подали свѣчи. Лидія и ротмистръ взглянули на Юрія: онъ былъ блѣденъ какъ смерть и, казалось, сильно встревоженъ.

— Откуда такъ поздно? спросилъ ротмистръ.

— Одно важное дѣло задержало меня въ департаментъ, отвѣчалъ Юрій отрывисто и не покраснѣлъ.

Онъ уже умѣлъ лгать превосходно.

— Ты напрасно не прислалъ сказать объ этомъ. Лидія Михайловна очень беспокоилась: я засталъ ее въ слезахъ.

Юрій печально взглянулъ на жену. Взоръ его выражалъ сожалѣніе, тоску, отчаяніе. Онъ сѣлъ подле нея, взялъ ее за руку, и тихо сказалъ:

— Ты плакала, Лидія?....

При этихъ словахъ, слезы, которыя она старалась удержать, брызнули изъ ея глазъ; она закрыла лице руками, и тихо рыдала. Ротмистръ ушелъ въ другую комнату, и сталъ разсматривать картины, которыя тысячу разъ видѣлъ.

— Лидія! другъ мой! что съ тобою?... отчего эти слезы?...

— Ахъ, Юрій, Юрій, какъ все перемѣнилось!

Онъ вздрогнулъ, и опустилъ ея руку.

— Ты видишь перемѣну?... во мнѣ?

— Да; ты сдѣлался мраченъ, задумчивъ. Ты уже меня не любишь, Юрій!

— Лидія! какъ могла такая мысль прійти тебѣ въ голову? И отчего эти подозрѣнія?

— Твои частыя отлучки..... и то имя, которое ты часто произносишь во снѣ.....

Дыханіе замерло въ его груди.

— Имя?... какое имя?

— Имя Евгеніи....

Юрій вскочилъ. Ударъ грома, разразясь надъ его головою, не оглушилъ бы его такъ ужасно. Вся кровь хлынула къ сердцу, лице стало страшно, глаза засверкали дикимъ огнемъ. Въ отчаяніи, схватясь обоими руками за волосы, онъ воскликнулъ:

— Несчастный!.... Евгенія!....

И какъ безумный, онъ кинулся въ дверь. Онъ побѣжалъ въ свой кабинетъ черезъ комнату, въ которой былъ ротмистръ, и вѣроятно его не примѣтилъ. Смѣльскій, испуганный его свирѣпымъ видомъ, пошелъ вслѣдъ за нимъ. Встревоженная Лидія, забывъ всю ревность, бѣжала за своимъ мужемъ, и остановилась не прежде какъ увидѣвъ, что ротмистръ идетъ къ нему на помощь. Она смиренно съела на стулъ и облилась слезами.

Юрій сидѣлъ у стола, склонивъ голову на обѣ руки, и не смотрѣлъ на ротмистра. Тотъ назвалъ его по имени.

Онъ вскочилъ, взглянулъ, дико на ротмистра и, не сказавъ ни слова, началъ ходить по комнатѣ.

— Юрій! что это значитъ? спросилъ ротмистръ торжественнымъ голосомъ.

Отвѣта не было.

— Юрій, давно ли голосъ друга сталъ чуждъ твоему сердцу? Давно ли потерялъ я право на твою довѣрен-

ность? Ты страдаешь, какая-то тайна тяготитъ тебя, и тотъ, который съ радостью отдавъ бы за тебя жизнь свою, не можетъ исторгнуть у тебя даже одного слова!

Опершись на каминъ, Юрій прислонилъ пылающее чело къ холодному мрамору, и молчалъ.

Тяжкій вздохъ вылетѣлъ изъ груди ротмистра.

— Я вижу у меня нѣтъ болѣе друга. Я опять одинъ на землѣ. Прощай!

Слезы выступили на глазахъ воина, и онъ не старался скрыть ихъ. Взглянувъ еще разъ на Юрія, ротмистръ медленно пошелъ къ двери.

Юрій бросился къ нему, остановилъ его, — и они молча смотрѣли другъ на друга. Въ глазахъ ротмистра была дружба, въ глазахъ Альтонскаго изступленіе.

Уста Юрія дрожали; онъ хотѣлъ что-то говорить, и не рѣшался; наконецъ онъ сказалъ:

— Теперь ты все узнаешь.... О, вы сдѣлали мое несчастіе!.... Нѣтъ, не вы.... судьба! Жестоко играетъ мной судьба!... Вы даже не будете обо мнѣ жалѣть!... потому что (Онъ усилилъ голосъ) я человекъ презрѣнный!

— Что ты говоришь, другъ мой! воскликнулъ Смѣльскій: ты не въ своемъ умѣ!

Юрій нагнулся къ уху ротмистра, и сказалъ ему вполголоса съ свирѣпымъ равнодушіемъ:

— Я убилъ ее!

— Кого? О комъ ты говоришь?

— Ее. Она здѣсь!

— Кто она?

— Она! закричалъ несчастный на всю комнату: говорятъ тебѣ, она! Евгенія! Она давно здѣсь.

— Евгенія?

— Да, Евгенія. Она здѣсь. Я видѣлъ ее каждый день. Она не перестала любить меня. Она свободна, а я.... же-

ить! (Онъ опять наклонился къ уху ротмистра, и судорожно сжалъ его руку) Я убилъ ее!

— Безумецъ! вскричалъ ротмистръ подавленнымъ голосомъ, отступая отъ него.

— Не бойся! Законъ меня не накажетъ. Я не смѣлъ сказать ей, что я женатъ, что вы меня женили.... Несчастливая женщина долго оставалась въ заблужденіи, которое составляло все ея благополучіе. Сегодня сама она узнала..... Кто-то сказалъ ей..... Она не хотѣла вѣрить. Я пришелъ къ ней, и она сострахомъ спросила меня объ этомъ. Я долженъ былъ признаться. Я предсталъ передъ нею обманщикомъ, подлецомъ, человекомъ достойнымъ всякаго презрѣнія; я долженъ былъ за себя краснѣть.... Сцена была ужасная.... Ахъ, ужасная, ужасная! Я вышелъ отъ нея безъ чувствъ, и когда проходилъ подъ ея окнами, женщина ринулась мнѣ подъ ноги съ третьяго этажа..... Это была Еваге.....

Громкій крикъ раздался за дверью. Ротмистръ и Юрій бросились изъ комнаты: передъ ними, на полу лежала беременная Лидія, блѣдная, безъ дыханія безъ жизни. Несчастливая слышала весь разговоръ Юрія, кромѣ послѣднихъ словъ, когда уже умъ и память ея помрачились. Она пала передъ ужасною истиною невѣрности своего мужа. Она была беременна!

— Боже милосердый, я убилъ и эту!.... Лидія! Лидія! прости убійцъ!

Юрій схватилъ безчувственную руку жены, взглянулъ на ротмистра, старавшагося привести ее въ чувство, и бросился назадъ въ кабинетъ. Прошла минута, — въ кабинетъ раздался выстрѣлъ, — и вбѣжавшій туда ротмистръ увидѣлъ Юрія плавающего въ крови. Пуля раздробила ему черепъ.

Ротмистръ упалъ на безчувственное тѣло своего друга; но слезы не воскрешаютъ мертвыхъ. Горестъ,

его была ужасна; онъ плакалъ какъ ребенокъ надъ тѣмъ, котораго любилъ какъ сына и не думалъ пережить. Жестокая мысль, что онъ нѣкоторымъ образомъ, своимъ добрыми намѣреніями, былъ причиной злополучной судьбы обоихъ любовниковъ, раздирала его душу, и онъ едва не палъ самъ подъ бременемъ отчаянія.

Между-тѣмъ Лидія была приведена въ чувство, и первый предметъ, который поразилъ ее взоры, былъ окровавленный трупъ мужа. Источникъ жизни мгновенно изсякъ въ ее груди, и, черезъ три дни, ротмистръ, потерявшій все, что привязывало его къ міру закрылъ на вѣки глаза той, которая умѣла только любить и страдать.

На одной недѣлѣ были преданы землѣ всѣ три жертвы свирѣпой страсти, которую зовутъ любовью. Случаю было угодно, чтобы мѣсто для могилы Евгенин избрали именно подлѣ ямы, которую копали для ея убійцы. Лидія похоронена рядомъ съ своимъ мужемъ, и вы легко узнаете на Волковомъ Полѣ ихъ три могилы по тремъ красивымъ дубкамъ, образующимъ правильный треугольникъ, въ серединѣ котораго лежитъ гранитная плита безъ всякой надписи. На плитѣ часто сидитъ женщина въ глубокомъ траурѣ. Это мать Юрія.

НИКОЛАЙ М.—Ъ.

СКАЗКА

О ГЕОРГІИ ХРАБРОМЪ И О ВОЛКЪ.

=

Сказка наша гласить о древнемъ и дивномъ побытѣ времешъ первородныхъ, — о томъ, что дѣялось и творилось, когда скоть, и звѣрь, и рыба, и птица, какъ переселенцы, какъ новозданцы, какъ новички въ мѣрѣ, не знали еще ни складу ни ладу въ быту своемъ, не обжились еще ни съ людьми ни съ мѣстомъ своего пребыванія, ни сами промежъ собой, не знали порядка и начальства; говорили кто по-Татарски, кто по-Калмыцки, и не добились еще толку, кому кого глотать, а кому съ кѣмъ въ ладахъ односумомъ жить, кому съ кѣмъ знаться или не знаться, кому кого душить, а кого болтаться.

Сѣрый волкъ, по-тогдашнему бирюкъ, обмогавшись на тощакъ голодухою сутки трое, въ чайшии фетвѣ, разрѣшающей ему скоромный столъ, — побрелъ наконецъ добиваться толку на мѣрскую сходку, гдѣ, какъ послышалъ онъ мелькомъ отъ лисицы, бѣжавшей оттолъ мимо логва его съ цыпленкомъ въ зубахъ, Георгій Храбрый правилъ судъ и рядъ и чинилъ расправу на малаго и на великаго.

Пришелъ сѣрый на вѣче; сталъ поодашь, поглядѣлъ, присѣлъ на заднія лапы по-собачьи; опять поглядѣлъ, прислушался; вздохнулъ тяжело, покачалъ головой, облизался и поворотилъ оглобли назадъ. «Тутъ не добьешься и толку,» подумалъ онъ про себя: «крику и шуму довольно, а что дальше — не знаю. Чѣмъ затесываться, среди бѣлаго дня, въ эту толпу, отару, вагату, табунъ, стадо, стаю, гуртъ, въ это шумное, сто-

голосное скопище, гдѣ отъ толкотни парь валить, отъ крику пыль стоитъ; чѣмъ туда лѣзть среди блага дня, такъ лучше брести во-свояси. Я не дуракъ; хоть и знаю, что и мнѣ, какъ и людямъ, сказано — вѣкъ живи, вѣкъ учись, а умри дуракомъ, однако, до поры до времени, поколѣ смерть сама на меня не наткнется, не хочу быть дуракомъ.» Видно у сѣраго и въ тѣ поры совѣсть была не чиста. И вотъ, онъ пришелъ домой, залѣзъ въ трущобу глухую, повалился на бокъ, и сталъ для забавы и отъ бездѣлья, щелкать зубами, дѣлать наблюденія надъ своей шубой. Наступила ночь, и сѣрый смѣкнулъ, что этакъ сытъ не будешь. «Совсѣмъ бѣда! совсѣмъ курсакъ пропалъ!» ворчалъ онъ про себя: «животы хоть уздечки вяжи, а *поашать* нечего!» Онъ вылѣзъ изъ терновника, ожилъ и освѣжился маленько, когда рѣзкій сѣверякъ пахнулъ по его тулупу, взбивая мохнатую шерсть; очи у него загорѣлись въ темноту, и онъ пустился волчьей скачкою, поднявъ морду на вѣтеръ; пустился по широкому раздолью, и скоро почувствовалъ живность. Но, какъ это, видно, была еще первая попытка сѣраго промыслить кусъ на свой пай, то онъ не умѣлъ еще разобрать, ни разнюхать, на какую поживу онъ, по милости шайтана, наткнулся; а только, облизываясь, крадучись, да поддернувъ брови къверху и приподнявъ уши, прошепталъ тихохонько: «Что-то больно сладкое!»

Онъ заползъ въ стадо сайгаковъ; и какъ они, сердечные, были о-ту-пору совсѣмъ глупы, не строги и по-смирнѣе пынѣшнихъ овецъ, то сѣрый нашъ, безъ хлопотъ, пары двѣ, на отборъ, зарѣзалъ, да еще другимъ бѣднякамъ, какъ пошли они на утекъ, кому колено, кому бедро, а кому и шею, выломилъ. Сайгаки всполошились, шарахнулись, прыснули по полю, вправо и влево, пробѣляли тревогу: кто на свѣтъ живой да съ ногами былъ, всѣ сбѣжались, — звѣри и птицы на-

лице, а рыбы, по встрѣтившимся непредвидѣннымъ препятствіямъ относительно сухопутнаго перехода, послали отъ себя пословъ, трехъ думныхъ черепахъ съ раки и лягушки, которые однако жъ, старые и малые, изморившись на-смерть, въ срокъ прибыть не могли: потому дѣло на сходкѣ порѣшено и безъ нихъ, и съ той поры уже рыбы лишены навсегда гѣмоса.

Такъ, звѣри сбѣжались, день проглянулъ, и сѣраго нашего застали врасплохъ уже надъ послѣднею четвертью третьяго сайгака. Вы видите, что волкъ и о-ту-пору шутить со скотами не любилъ. Но ему не ладно отозвалась эта первая попытка: дѣло новое, дѣло непривычное стерпится — слюбится, а на первый разъ и вѣлось дыбомъ; подумать страшно. И звѣри, и птицы, всѣ ахнули, на такую бѣду небывалую глядя; одинъ только молодой лошакъ, вчерашняго помету, стоялъ и глядѣлъ на изуродованныхъ собратій своихъ, что гусь на зарницу. Но міръ присудилъ не такъ: костоправъ медвѣдь, осмотрѣвъ раненыхъ, повилянулъ имъ изломанные шейки да ножки, повиправилъ измятые суставчики, и ворчалъ, покачивая головой и утираясь лапой: «Не ладно этакъ-то дѣлать! этакъ что пути будетъ? Руки ноги повиломалъ, а которому и совсѣмъ карачунъ задалъ: это не ладно дѣло!» Между тѣмъ бабы сошлись со всѣхъ сторонъ, и начали голосить по покойникамъ. «Охъ, ты мой такой-секой, свѣтъ-супругъ, сизой орель, ясный соколъ! На кого вы насъ круглыхъ сиротъ покидаете? А кому вы насъ приказываете? А кто намъ, сердечнымъ, вдовамъ и дѣтямъ усопшихъ, кто намъ будетъ воду возить, кто станеть дрова рубить, кто будетъ насъ любить и жаловать, кто захочеть хвалить и миловать, кто хлѣбомъ кормить и виномъ поить?» И прочая. Наконецъ приказались люди и за сѣраго: «Кто онъ, грѣховодникъ? Не дѣлалъ ли онъ что-нибудь такого сюда!» Онъ бы за этимъ не очень погна-

ся, что ему сдѣлали, на первый разъ, палочный выговоръ; при чемъ мишка исправлялъ должность кѣта, и, присѣвъ на корточки, надѣвъ рукавицы и засучивъ рукава, отсчиталъ сърому, честно и добросовѣстно, сто одинъ по приговору, такъ, что на съромъ тулупъ горой вздулся, — а на немъ шкура и не чернаго соболя, да своя, — онъ бы говорю за этимъ не очень погнался, да ему то обидно было, что ему и впредь не вѣльно было таскать сайгаковъ; а на вопросъ — чѣмъ же ему прикажутъ кормиться? не разрѣшать ли по-крайней-мѣрѣ телятички? — не дали ни какого толковаго отвѣта, а кричали только всѣ вголосъ: «Чтобы онъ не смѣлъ, ни подъ какимъ видомъ, приступать самовольно къ рѣзницкой и мясницкой должности! чтобы не проливалъ ни одной капли крови, не разбойничалъ ни по большимъ торнымъ путямъ, ни по глухимъ захоlustьямъ, а велъ себя честно и добропорядочно, тихо, скромно и чинно!» Сѣрый плакалъ навзрыдъ, пожималъ плечами и спрашивалъ: «Что же, господа товарищи, прикажете мнѣ ѣсть? чѣмъ мнѣ быть сытымъ? неужли круглый годъ скоромнаго куска въ ротъ не брать? Такъ возьмите у меня эти зубы, да дайте мнѣ бычачьи!» — Чортъ тебѣ товарищъ, а не мы! отвѣчали ему; и сходка мірская, шумное вѣче, по окончаніи *съкуцин*, кончилась, и каждый побрелъ во-свояси, разговаривая съ дружкой вслухъ, и посмѣиваясь надъ сѣрымъ пріятелемъ нашимъ, и побранивая сѣраго же, который сидѣлъ подгорюнившись, какъ богатырь Недотыка, поджавъ хвостъ и повѣсивъ голову, и поглядывалъ на недоглоданныя рожки, ножки и косточки.

Изъ этого мы видимъ, что на большой сходкѣ, которую сѣрый нашъ прогулялъ, былъ уже установленъ Георгіемъ Храбрымъ нѣкоторый порядокъ: было учинено должностное росписание, и назначеніе, да установлено временное правленіе и расправа.

«Этакъ не ладно! сказалъ сѣрый про себя по-Татарски, покачивая головою на повислой, костяной шеѣ: этакъ совсѣмъ *лманъ булуръ*, плохо будетъ! Да начто же меня, грѣшнаго, съ этими зубами на свѣтъ посадили?» Онъ оправился, отряхнулся, и, чтобы честнымъ путемъ промышлять, чтобы допытаться толку и ладу, пошелъ искать Георгіа Храбраго.

«Георгій! сказалъ онъ, присѣвъ передъ витяземъ и наклонивъ униженно неповоротливую шею свою: *пришла моя твоя просить. Дѣла наша вотъ какой: мнѣ ашать надо; курсакъ совсѣмъ пропалъ, а никто ѣсть не даетъ! Далъ ты мнѣ зубы да когти, губы да пасть: начто же ты далъ мнѣ ихъ, да еще большой курсакъ, укладистое брюхо, коли ему порожнему быть не можно, а класть туда нечего? Прикажи ты, Георгій, меня накормить, напоить, — воды правда я самъ дѣсыта налакаюсь, — прикажи накормить, нето стану таскать *маханъ*, мясо, баранину, что попало. Я вчера наѣлся, Георгій, и теперь потерпѣть можно до четверга, а тамъ — воля твоя, прикажи ты меня кормить, хоть раза по два въ недѣлю.»*

Георгій Храбрый былъ о-ту-пору занятъ дѣлами, по управленію ввѣренной ему царемъ Салтаномъ области вновь созданнаго народа и войска; ему было не до волка, и онъ отправилъ его, сказавъ: «Ступай, братецъ, по командѣ, къ воеводѣ моему, къ туру гнѣдому: онъ тебя накормить.»

«Ну, вотъ этакъ бы давно!» сказалъ сѣрый, и побѣжалъ, подскочивъ весело, въ ту сторону, гдѣ паслось большое стадо рогатаго скота: «Я бы вчера и не подумалъ таскать сайгаковъ самоуправствомъ, коли бь кто мнѣ посулилъ говядины; куй *иты*, *сыгырь иты*, будь баранина, или говядина, но мнѣ все-равно; былъ бы только *маханъ*.»

Онъ подошелъ къ быку туриному и просилъ сдѣлать, по словесному приказанію Георгіа, зависящее

отъ него распоряженіе объ утоленіи законнаго голода его. «Стань вотъ здѣсь, сказалъ быкъ, да повернись ко мнѣ бокомъ.» Сѣрый сталъ. Быкъ, задравъ хвостъ и выкативъ бѣлма, разогнался, подхватилъ волка рогами, и махнулъ его черезъ себя. «Сытъ, чтоли?» спросилъ онъ, когда сѣрый, перевернувшись на-ленту раза три черезъ голову, грянулся объ землю крестцомъ навзничь. Волкъ черезъ силу приподнялся и поплелся безъ оглядки, присѣдая всѣмъ задомъ, какъ разбитая старуха на костыляхъ. У быка, на каждомъ рогу, осталось по клоку шерсти, не меньше Литовскаго коитуна.

Сѣрый добрель кой-какъ до логва своего, прилежъ, лежалъ, обмогался да облизывался трое сутокъ, на-силу отдохнулъ. Обругавъ мошенниками и быка и всѣхъ воеводъ Георгія, — разумѣется не вслухъ, — пошелъ онъ таки опять искать суда и расправы. «Ну, дядя Георгій, сказалъ онъ, заставъ его опять за дѣломъ: спасибо тебѣ! я, послѣ закуски твоей, на силу выходился!» — А что? спросилъ Георгій Храбрый: не даетъ хлѣба быкъ, что ли? — Какого хлѣба, дядя Георгій! бойся Бога! у насъ, когда вставлялъ ты мнѣ эту морду да зубы, у насъ уговоръ былъ не на хлѣбъ, а на мясное! — Ну, и чтожь, быкъ не даетъ мяса? — Да не даетъ! — Видно было законное препятствіе, продолжалъ Георгій Храбрый: видно не такъ подвели справку. Ступай же ты къ тарпану, къ коню, моему окольничему, онъ дастъ.

Сѣрый оглядѣлся: косячекъ тарпановъ пасется тутъ за нимъ недалечко. Онъ подошелъ. Жеребецъ, наостривъ уши, раздувъ ноздри, заржалъ, наскакалъ на сѣраго, и, недавъ ему слова вымолвить, махнулъ по немъ задними ногами, такъ, что если бы тотъ не успѣлъ присѣсть и увернуться, да если бы, по счастью, тарпанъ не былъ сзади безъ глазъ, сѣрый можетъ-

статься и не сталъ бы больше докучать Георгию зубами своими. Увернувшись, взвѣлъ онъ, закричалъ благимъ матомъ, подбѣжалъ къ Георгию Храброму, и просилъ неотступно, чтобы тотъ самъ приказалъ тарпану накормить его. «Видишь, говорилъ онъ, видишь самъ, что при тебѣ дѣлаетъ со мной окольникій твой тарпанъ! Благо, что самъ ты видалъ, а тобы опять, чай, не повѣрилъ!»

Георгій осердился на сѣраго за то, что не даетъ ему покою: «Всѣ люди какъ люди, одинъ ты шайтанъ; все подаешь намъ прошенія, да требуешь законнаго рѣшенія; пристаешь, что съ ножемъ къ горлу, — подай да подай! Погляди вотъ на ягнятъ, погляди на воробушковъ, на ласточку, на зайца: всякъ потихоньку себѣ подбираетъ крохи да былинки, и сытъ, и не докучаетъ начальству; а ты, нахалъ, радъ бы любовь за глотку ухватить. Поди, говорятъ тебѣ, да проси честно, смиренно, чинно, не иди этакимъ забіякою. Посмотри ты самъ на себя, на кого ты похожъ?..... Поди къ старостѣ барану, да попроси изъ чести, чтобы накормилъ тебя, да и отвяжись отъ меня; нето я велю объявить тебя ябедникомъ и взять съ тебя подписку, что впередъ не будешь домогаться удовлетворенія ни по какому дѣлу.»

Сѣрый пошелъ; напередъ скупался, вымылся, постынулъ зубами съ шубы своей засохшую грязь и колышки, отряхнулъся, прибрался, расчесался и отправился, облизываясь и охорашиваясь, къ барану. Тотъ, поглядѣвъ на щегола и наслушавшись сладкихъ рѣчей его, приказалъ стать надъ крутымъ яромъ и оборотиться къ нему задомъ. Волкъ сталъ и повѣсилъ хвостъ, — по охотничьи, по лѣно, — и голову, наострилъ ухо и распустилъ слюнки по скоромномъ блюду: баранъ разогнался позадь его, ударилъ по немъ костянымъ лбомъ, что тараномъ въ стѣну, волкъ полетѣлъ

подъ гору, въ оврагъ, и упалъ за-мертво на дно пропасти. У него въ глазахъ потемнѣло, зарыбѣло, заиграли мурашки; голова пошла кругомъ, что жерновъ на поставѣ; въ ушахъ зазвенѣло и на сердце налегло горой каменной. Онъ тутъ пролежалъ до-ночи; очнувшись, провалялся да прокашлялъ до бѣла-свѣта; и весь другой день еще шатался по оврагу словно угорьлый. Какъ онъ тужилъ, какъ охалъ, какъ бранился, и плакалъ, и клялъ Божій свѣтъ, и жалобно завывалъ, и глаза протиралъ; какъ наконецъ вылезъ, отдохнулъ и опять-таки пошелъ къ отцу-командиру, къ Храброму Георгію, за судомъ да за правдою, этого всего пересказывать не для чего; довольно, что Георгій Храбрый послалъ его къ десятской свиньѣ, да и та добромъ не далась, а испортила сърому шубу, — знать наткнулся онъ на кабана, — да распорола клыкомъ бокъ. Сърый, со смиреніемъ и кротостію, тѣмъ древнимъ вѣкамъ свойственною, зализалъ опять, кой-какъ, рану свою, и снова пошелъ къ Георгію, съ тѣмъ, однако жъ, чтобы съѣсть и самаго его, буде и теперь еще не учинитъ ему суда и расправы и не разрѣшитъ скромнаго стола.

Онъ попалъ въ добрый часъ. Георгій Храбрый былъ и веселъ, и въ духѣ, и на бездѣльѣ; онъ посмѣялся, пошутилъ, потрепалъ съраго по тулупу, и приказалъ ему итти къ человѣку просить милостыни. «Поди, говорилъ онъ, поди въ сосѣдній пригородъ и попроси тамъ у добрыхъ людей насущнаго ломтя; да прѣси честно и кланяйся, и не скаль зубовъ, не щетинь шерсти по хребту, не гляди такимъ звѣремъ!» — Охъ, дядя Георгій! отвѣчалъ волкъ: самъ ты знаешь бѣду мою; кланяйся и бы радъ, да у меня шея не гнется. А мнѣ ли щетиниться! Опаршивѣлъ я, знать, съ голоду, такъ и шерсть встала. Богъ тебѣ судья, коли еще обманешь! — «Поди же, поди, сказалъ Георгій: люди народъ добрый, сердобольный; они не только

накормить тебя и напоить, да еще научать тебя лучше моего какъ и впередъ промышлять.»

Сърый, на чужомъ пиру съ похмѣлья, весело послушалъ, да невеселъ сталъ. Ему плохо вѣрилось всему, что сулилъ дядя Георгій; онъ пуще всего боялся, чтобы краснойбай опять не надулъ его: да уже дѣлать было нечего; голодъ морить, по свѣту гонить: на палатяхъ лежать, такъ и ломтя не видать!

Добѣжавъ до пригорода, сърый увидѣлъ большія хоромины, бѣлокаменныя. Голодай нашъ махнулъ, ни думавъ, ни гадавъ, черезъ заборъ, да вбѣжалъ въ перыя двери; засталъ тамъ, въ большой избѣ, много рабочаго народу, и началъ объясняться, вѣжливо и не смѣло, — какъ говорятъ солдаты, *учливо*; рассказалъ, въ чемъ сила и за чѣмъ онъ пришелъ; говорилъ, что онъ нынче сталъ, по такому-то дѣлу, на бѣломъ свѣтѣ безъ вины виновать; что онъ бы и радъ не грѣшить, да *курсакъ* донимаетъ; что Георгій Храбрый водилъ его, о-сю-пору, въ дуракахъ, но наконецъ смиловался надъ нимъ и велѣлъ итти къ людямъ, къ сердобольному и многоискусному роду, и просить помощи и пособія. Все это говорилъ онъ по своему, по-Татарски, а случившійся тутъ рядовой изъ Казанскихъ Татаръ толковалъ товарищамъ слова нищаго. Волкъ нашъ попалъ не на псарню, и не въ овчарню, а попалъ въ казармы, на полковой дворъ, къ служивымъ, приданнымъ людямъ, и забѣжалъ прямо въ швальню. Солдаты-художники обступили его; хохотъ, смѣхъ, шумъ, крикъ, оглушилъ бѣдняка до того, что онъ трусливо поджималъ хвостъ и почтительно присѣлъ, среди обступившей его толпы, на заднія лапки. Самъ закройщикъ, кинувъ работу, подошелъ слушать краснаго новаго разбора, и помиралъ, на него глядя, со смѣху. Наконецъ всѣ ребята присудили одного изъ ~~солдатъ~~, криваго Тараса, который, состоя при шваль-

нъ, для ради шутовской рожки своей служилъ за урядъ дурака и грѣлъ портнымъ утюги, да таскалъ воду на кухню, — присудили его въ подояніе волку, на снѣдь, на поправу, и начали съ хохотомъ уськать да улюкать волка на Тараску: «Бери его! бери не бось! возьми этого, вотъ тебѣ махань!» Но сѣрый нашъ не любилъ, да и не умѣлъ, жеманиться: Онъ звѣремъ лютымъ кинулся на криваго Тараску, и ухватилъ его за воротъ. Ребята, съ перепугу, повскакивали на столы да на прилавки, а закройщикъ, какъ по молодцоватѣ всѣхъ ихъ, на печь; и бѣдный Тараска, за шутку ледящихъ товарищей своихъ, едва не поплатился головошкой. Онъ взмолился сѣрому и просилъ, изъ, подъ него, пощады: «Много ли тебѣ прибудеть, говорилъ онъ, коли ты теперь меня съѣшь? Мало того, что во мнѣ, кромѣ костей, кожи да сухоталья, ничего не найдешь: долго ли ты мной сытъ будешь? сутки, а много много что двое; да какъ съ казенной аммуниціей, со всѣмъ, проглотишь, такъ, буде не подавишься, съ тебя възьмутъ вдвое: а тамъ, что станешь ѣсть? Пусти-ка ты лучше меня, такъ я тебя научу, какъ по добру по-здорову и со дня въ день поживляться можно; я сдѣлаю изъ тебя такого молодца, что любо да два; что всякая живность и скоромъ сама къ тебѣ на курсы пойдетъ, только ротъ по шире раззѣвай!»

Волкъ подумалъ, да и согласился. «Я за этимъ самымъ и прищелъ, говорилъ онъ, чтобы васъ, господа, честию просить научить меня, надоумить и накормить. Я знаю, что вы умомъ своимъ да знаніемъ законовъ всегда сыты бываете; обижать же я самъ не хочу никого. Одна только крайность заставила меня ухватить милость вашу за воротникъ. Дѣлай изъ меня, что хочешь, только научи, какъ мнѣ быть сытымъ?»

Тараска Кривой побѣжалъ и принесъ собачью шкуру, отмоталъ иглу на лѣцканъ, и зашилъ бѣднаго вол-

ка въ собачій кожухъ. Вотъ какимъ походомъ на волкѣ появилась шкура собачья: а каковъ онъ до этого былъ собой, не знаемъ; а сказываютъ, что былъ-де волкѣ кротокъ, смиренъ и добръ зѣло, и всѣ его жаловали, и въ гости къ себѣ звали, и членомъ разныхъ благотворительныхъ комитетовъ назначали.

«Вотъ тебѣ и вся не долга, сказалъ Тараска, закрывъ и откусивъ нитку: вотъ тебѣ совсѣмъ Максимъ и шапка съ нимъ; теперь ты не чучело, не пугало, а молодецъ хоть куда! Теперь ни какой плуть тебя не станетъ чуждаться, а всѣ, малый и великій, будутъ съ тобою за панебрата жить; а выйдешь въ лѣсъ, да разинешь пасть свою пошире, такъ не то куликъ, глухой тетеревъ за честь почтетъ и влетитъ, съ удовольствіемъ!»

«Да не тѣсно ль мнѣ будетъ?» спросилъ свѣрый, пожимаясь въ новомъ кафтанѣ своемъ. — Нынче у статскихъ кафтаны на такой фасонъ, отвѣчалъ Тараска косою: шьютъ въ обтяжку и съ перехватомъ; а на тебя я потрафилъ, кажись, какъ-разъ, рихтигъ; угадалъ молодецки и пригналъ на щипокъ: хоть самъ погляди на себя, хоть у людей спроси!»

Ужъ свѣрый нашъ хотѣлъ было сказать шведу спасибо, да оглянувся: анъ господа военные съ прилавокъ да съ печи пососкакивали; смѣхъ, крикъ, шумъ; ухватилъ каждый чтò попало, и давай лупить свѣраго въ обновъ, въ статскомъ кафтанѣ! А тому ни повернуться, ни разходиться. Пустился свѣрый, безъ оглядки, во всѣ четыре, въ чистое поле, и радъ, чтò ушелъ въ новомъ, фасонистомъ тулупѣ своемъ; а что попался онъ изъ ряда въ рогожу, догадался, хоть и вскорѣ, да поздно. Онъ сталъ теперь ни звѣремъ ни собакой: спеси да храбрости съ него посбили, а ремесла не дали; кто посильнѣе его, кто только сможетъ, тотъ его и бьетъ и душитъ; кто послабѣе, тотъ

бѣгаетъ отъ него, лишь только учуетъ; а ему, въ чужихъ сапогахъ, плохая забава, — не догонитъ часомъ и барана, а сайгакъ и куйрука (хвоста) ему не покажетъ; словомъ обижаетъ его всякой; не признаютъ волкомъ, не даютъ ни суда ни расправы, и, что хуже всего, отъ собакъ житья нѣтъ ему на бѣломъ свѣтѣ. Онъ слышать въ немъ и волчій духъ и свой: да такъ злы на оборотня, что рыщутъ за нимъ всюду, чуютъ, гдѣ бы ни засѣлъ, теребятъ за шубу, гонять и выживаютъ со свѣта долой, ходу не даютъ, грызутъ да рвутъ съ него тулупъ свой, и бѣдному голодаю, сѣрому, нѣтъ ни житья ни бытья; а суждено ему отнынѣ и довѣки пробиваться да пробавляться кой-какъ украдкою да утайкою: слоняется онъ по міру: то тутъ, то тамъ, урветъ да ухватитъ скоромный кусокъ да мясной клочекъ, — и живъ, поколѣ шубы гдѣ нибудь не сняли.

Съ той поры онъ къ Георгію Храброму, въ приказъ, ни ногой; знать никого не хочетъ; всякую вѣру утратилъ въ правду и въ расправу; живетъ записнымъ боромъ, мошенникомъ, и думаетъ про себя: «Проклиналъ я васъ, кляните жъ и вы меня; а на расправу свою вы меня, и въ день преставленія свѣта, не притянете; хотъ живымъ возьмите да изжарьте, хотъ жгите, хотъ рѣжьте, а уже болѣе меня не проведете!»

КАЗАКЪ ЛУГАНСКІЙ.

ОЧЕРКИ

ВОЕННЫХЪ СЦЕНЪ.

1812—1814.

=

....Et quorum pars minima fui.

Справедливо говорятъ, что воспоминанія молодости услаждаютъ старость, въ особенности когда они относятся къ важнымъ событіямъ Исторіи. Но какая эпоха можетъ представить болѣе такихъ событій чѣмъ краткій промежутокъ времени, который отдѣлилъ лѣто 1812 года отъ весны 1814? Много въковъ потонуло въ прошедшемъ, много потонетъ въ будущемъ, но вѣрно ни въ одномъ изъ нихъ не было и не будетъ двухъ лѣтъ такихъ полныхъ и чудныхъ. Они заключаютъ въ нѣдрахъ своихъ цѣлую сокровищницу наставленій, открытую для каждаго мыслящаго человѣка, который захочетъ изучить уроки, данные тогда Провидѣніемъ человечеству. Счастливый въ моемъ ничтожествѣ сознаніемъ, что я самъ былъ пылинкою въ составѣ огромныхъ орудій, которыми дѣйствовало Провидѣніе для достиженія своей цѣли, я всегда съ неизъяснимымъ удовольствіемъ переношусь мыслію къ тому времени, когда минутныя бѣдствія отечества уступили мѣсто торжествамъ и славъ, тѣмъ болѣе чистой, что мы великодушно оплатили за покушеніе завоевать насъ освобожденіемъ народовъ, упавшихъ подъ тягостью владычества ихъ вождя. Александръ былъ достоинъ своего высокаго назначенія: онъ показалъ міру, что въ борьбѣ патріотизма, проникнутаго глубокимъ религіознымъ чувствомъ и довѣріемъ къ правотѣ своего дѣла, съ

всемогуществомъ человѣческаго генія, располагающаго безчисленными средствами, побѣда всегда принадлежить первому. Такой патріотизмъ одушевлялъ всѣхъ Русскихъ воиновъ, которые имѣли счастье участвовать въ незабвенныхъ походахъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, и сообщилъ нашимъ подвигамъ совершенно особливый характеръ; но для полнаго уразумѣнія этого характера необходимо прислушаться къ біеніямъ Русскаго сердца при каждомъ переворотѣ столь занимательной политической драмы, которой театромъ была Европа. Я берусь за перо именно съ намѣреніемъ передать читателямъ впечатлѣнія, возбужденныя во мнѣ достопамятными событіями, которыхъ былъ свидѣтелемъ, *et quorum pars minima fui*. Въ моихъ очеркахъ не должно искать ни ученыхъ стратегическихъ разборовъ, ни картинъ общихъ военныхъ дѣйствій. Другіе съ отличнымъ успѣхомъ совершили этотъ трудъ; я хочу рассказать только то, что видѣлъ подлѣ себя, въ двухъ шагахъ отъ меня, — не далѣе; изобразить только тѣ обстоятельства, въ которыхъ принималъ какое-нибудь участіе, обрисовать ихъ фізіогномію и дать отчетъ въ чувствахъ, которыя они во мнѣ возбуждали.

Когда вѣсть о вторженіи несмѣтныхъ полчищъ Наполеона разнеслась по Россіи, можно сказать, что одно чувство одушевило всѣ сердца, приверженныя къ Царю и отечеству. Нельзя было скрывать отъ себя опасности, которою грозили многочисленныя арміи подъ начальствомъ самаго знаменитаго и опытнаго полководца; передъ нимъ уже со страхомъ пали многія Европейскія державы, и каждый изъ насъ желалъ только принести въ жертву родинѣ свою жизнь и достояніе, предоставляя Богу обратитъ этотъ порывъ священнаго чувства къ торжеству правосудія. Проникнутый такимъ же чувствованіемъ, я оставилъ деревню, гдѣ жилъ, и поспѣшилъ въ Петербургъ

просить о назначеніи себя въ дѣйствующую армію, вовсе не думая о выгодахъ и невыгодахъ, которыя мнѣ предстояли при опредѣленіи въ службу.

Я выѣхалъ изъ этой столицы 12 іюля. Назначеніе мое было въ главную квартиру второй арміи, которою тогда командовалъ генераль отъ инфантеріи князь Багратіонъ. Въ то время первая армія, подъ начальствомъ генерала Барклая-де-Толли, находилась въ укрѣпленномъ лагерѣ при Дриссѣ, а вторая, выступивъ изъ своихъ квартиръ въ Волынской губерніи, подвигалась для соединенія съ нею. Такое расположеніе обѣихъ армій поставило меня въ необходимость примкнуть къ первой и слѣдовать за нею до предполагаемаго соединенія. Я сначала направилъ путь на Дриссу, но узнавъ дорогою, что армія двинулась оттуда къ Витебску, своротилъ на Полоцкъ и нагналъ ее въ то самое время, когда происходила кровавая битва подъ Островнымъ.

Изъ всѣхъ впечатлѣній, поражающихъ неопытнаго молодаго человека при вступленіи его на военное поприще, я не думаю, чтобы какое-либо могло сравниться съ тѣмъ, которое ожидало меня при моемъ приѣздѣ въ главную квартиру. Чтобы не сбиться съ дороги, я ѣхалъ по направленію пушечной пальбы, и первая картина, которая представилась моимъ глазамъ, были раненые, принужденные оставить поле сраженія и искать врачебной помощи. Разрубленные черепы, отрѣзанныя руки и ноги, вопль страждущихъ, смерть грозившая этимъ несчастнымъ, которые за минуту до того были здоровы и не ожидали такой участи, — все это такъ меня взволновало, что слезы ручьемъ брызнули изъ глазъ, и я долженъ былъ удалиться отъ зрѣлища, нестерпимаго для семнадцатилѣтнаго юноши. Впослѣдствіи, мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ гораздо ужаснѣйшихъ

картинъ разрушенія, но никогда уже не чувствовалъ я того, что ощутилъ въ это время.

Два брата мои служили въ лейбъ-гвардіи конномъ полку; я присоединился къ нимъ до встрѣчи со второю арміею. Жаръ былъ нестерпимый; войска шли день и ночь, отдыхали на привалахъ по два или по три часа, и потомъ снова продолжали свой путь. Такимъ образомъ дошли мы до Смоленска, подъ стѣнами котораго явились въ концѣ іюля. Князь Багратіонъ прибылъ туда еще наканунѣ. Соединеніе Русскихъ армій не могло совершиться съ большимъ успѣхомъ: одинъ день разницы могъ бы имѣть самыя гибельныя послѣдствія.

Я тотчасъ явился къ князю Багратіону, который принялъ меня съ особенною ласкою и оставилъ при себѣ на ординарцахъ. Дивизія генерала Невѣровскаго, сбитая превосходными силами изъ-подъ Краснаго, предвѣщала, что Смоленскъ скоро будетъ предметомъ всѣхъ непріятельскихъ усилій. Главнокомандующій, Барклай-де-Толли, не хотѣлъ, какъ извѣстно, дать генеральнаго сраженія, но ему необходимо было удержать на нѣсколько времени за собою Смоленскъ для того, чтобы армія могла совершить свое дальнѣйшее отступленіе. Это дѣло поручено было генералу Раевскому.

Во время пребыванія нашего въ Смоленскъ, я былъ свидѣтелемъ одной сцены, о которой упоминаю только для того, чтобы показать, что кромѣ внѣшнихъ враговъ у насъ были еще другіе. Офицеръ, присланный отъ генерала Невѣровскаго съ извѣстіемъ объ его пораженіи, привезъ съ собою шкатулку, сначала разбитую, потомъ запечатанную. Съ нимъ пріѣхали пожилой мужчина въ губернскомъ мундирѣ, съ Аннипскимъ крестомъ на шеѣ и его семнадцатилѣтній сынъ. Шкатулку отнесли въ кабинетъ главнокоман-

дующаго, а два незнакомца остались съ нами въ приемной залѣ. Черезъ четверть часа дверь кабинета отворяется; князь Багратионъ съ грознымъ видомъ подходитъ къ старшему изъ прїѣзжихъ, и не говоря ни слова срываетъ съ него Аннинскій крестъ. Они съ воплемъ бросились ему въ ноги, но дѣло кончилось тѣмъ, что князь приказалъ взять ихъ обоихъ подъ стражу. Я не имѣлъ въ послѣдствіи случая узнать, чѣмъ рѣшилась участь этихъ несчастныхъ, но это обстоятельство уже тогда убѣдило насъ въ существованіи измѣнниковъ въ провинціяхъ, которыя мы только-что оставили.

Подъ Смоленскомъ, 4 и 5 августа, происходила упорная битва, между тѣмъ какъ обѣ арміи отступали къ Дорогобужу; 6 числа городъ былъ очищенъ, причемъ увезена и икона Смоленской Божіей Матери; а 7, первая армія выдержала жаркое сраженіе у Валутиной Горы. Вторая шла параллельно съ нсю въ направленіи къ Вязьмѣ.

Приближаясь къ Гжатску, мы узнали о прибытіи новаго главнокомандующаго, и всѣ съ нетерпѣніемъ стали готовиться къ битвѣ. Кутузовъ чувствовалъ необходимость дать генеральное сраженіе, не доходя до Москвы, тѣмъ болѣе, что Французская армія во всякомъ случаѣ должна была претерпѣть большой уронъ, котораго ей невозможно было замѣнить, тогда какъ мы ежедневно усиливались подкрѣпленіями, подходившими со всѣхъ сторонъ государства. Мѣстомъ для битвы было избрано Бородинское поле, въ девяти верстахъ отъ Можайска.

Арриергардныя дѣла съ нѣкотораго времени сдѣлались гораздо упорнѣе. Двадцать четвертаго числа, въ направленіи отъ Колоцкого Монастыря къ деревнѣ Шевардиной, большая часть арміи князя Багратиона вступила въ бой. Битва была кровопролитная и про-

должалась до поздней ночи. Мы отбили у непріятеля нѣсколько орудій, уступили ему часть своихъ, но самая кровавая схватка завязалась у деревни Шевардиной. Здѣсь мнѣ представилась ужаснѣйшая картина обоюднаго ожесточенія, какой я не встрѣчалъ послѣ въ продолженіе цѣлой компаніи. Сражавшіеся баталіоны, Русскіе и Французскіе, съ растянутымъ фронтомъ, раздѣленные только крутымъ но узкимъ оврагомъ, который не позволялъ имъ дѣйствовать холоднымъ оружіемъ, подходили на самое близкое разстояніе, открывали одинъ по другому бѣглый огонь, и продолжали эту убійственную перестрѣлку до тѣхъ поръ, пока смерть не разметала рядовъ съ обѣихъ сторонъ. Еще разительнѣе стало это зрѣлище подъ вечеръ, когда ружейные выстрѣлы сверкали въ темнотѣ какъ молніи, сначала очень густо, потомъ рѣже и рѣже, покуда все утихло, по недостатку сражающихся. То было первое дѣйствительно жаркое дѣло, въ которомъ мнѣ случилось участвовать, и я счастливо отдѣлался отъ такой опасности только контузіею въ лобъ. Вечеромъ, поздно, послѣ этой жестокой схватки, я провожалъ князя Багратіона на квартиру, отведенную въ деревнѣ Семѣновской: онъ оставилъ меня ужинать съ собою и начальникомъ штаба графомъ Сень-При. За ужиномъ князь замѣтилъ, что у меня окровавленъ лобъ, и, узнавъ причину, желалъ сохранить мнѣ навсегда память этого случая.

Двадцать пятое число прошло въ приготовленіяхъ къ генеральному сраженію. По всей линіи провозили икону Смоленской Божіей Матери; глубокая тишина, которая царствовала повсюду, была предвѣстницею грозы. На другой день, въ пять часовъ утра, перестрѣлка послышалась у лѣваго фланга, который занимала вторая армія, и въ одно мгновеніе распространилась по всей линіи. Раздался громъ двухъ тысячъ пушекъ и двухъ сотъ тысячъ ружей, которыя извер-

гали смерть съ такою адскою быстротою, что всякое спасеніе казалось невозможнымъ. Это заставило князя Багратіона сказать намъ: «Здѣсь и трусь не найдеть мѣста!» Въ одиннадцать часовъ, обломокъ гранаты ударилъ нашего возлюбленнаго генерала въ ногу и сбросилъ его съ коня. Здѣсь суждено ему было кончить блистательное военное служеніе, въ продолженіе котораго онъ вышелъ невредимъ изъ пятидесяти битвъ. Его отличные подвиги подъ начальствомъ безсмертнаго Суворова и собственныя распоряженія, когда онъ командовалъ арміями противъ Шведовъ и Турковъ, увѣнчали его заслуженными лаврами. Быстрое и искусное движеніе, которому мы обязаны соединеніемъ Русскихъ армій подъ Смоленскомъ, ставитъ его въ число избавителей Россіи въ 1812 году. Къ сожалѣнію, блистательный успѣхъ этой кампаніи не усладилъ послѣднихъ минутъ князя Багратіона; онъ скончался въ имѣніи моего отца, селѣ Симъ, Владимірской губерніи, 12 сентября, въ самое горькое время для сердца, пылавшаго любовью къ отечеству. Прахъ его покоится тамъ понынѣ. На надгробномъ памятникѣ его можно было написать — *Hic cinis, ubique fama*. «Прахъ здѣсь, слава вездѣ». Когда его ранили, онъ, несмотря на свои страданія, хотѣлъ дожидаться послѣдствій скомандованной имъ атаки второй кирасирской дивизіи и собственными глазами удостовѣриться въ ея успѣхѣ; послѣ этого онъ почувствовалъ облегченіе и оставилъ поле битвы. При послѣднемъ прощаньи со мною, онъ, по Высочайше предоставленной ему власти, произвелъ меня въ офицерскій чинъ, и посоветовалъ явиться въ Кіевскій драгунскій полкъ, куда онъ меня опредѣлилъ, потому что чрезвычайно уважалъ храбраго командира этого полка, полковника Эммануеля, о которомъ я часто буду имѣть случай говорить въ продолженіе этихъ очерковъ.

Бородинскаго сраженія никто уже не называетъ

проиграннымъ: оно стоило ужаснаго множества людей, и ни одна сторона не приобрѣла рѣшительнаго перевѣса. Извѣстно, что Французская армія отступила ночью за двѣнадцать верстъ, и что съ нашей стороны было предпринято на другой день наступательное движеніе; но главнокомандующій, получая со всѣхъ сторонъ донесенія о невозможности опредѣлить настоящую убыль и число людей могущихъ быть въ строю, рѣшился отступить.

Сильная боль отъ контузій, полученной 24 числа въ голову, и усталость принудили меня отправиться въ Москву, куда я прибылъ 31 августа. Видъ этой величественной столицы въ то время совершенно измѣнился. На улицахъ почти не было экипажей; дворянство и множество жителей другихъ сословій выѣхали изъ города. Люди, которые изрѣдка попадались на встрѣчу, походили на безпріютныхъ сиротъ, ожидающихъ неизбежнаго бѣдствія. Стоило только выйти на улицу, въ военномъ мундирѣ, чтобы привлечь къ себѣ толпы любопытныхъ: тотчасъ начинались распросы, — идетъ ли непріятель? какъ кончилось Бородинское сраженіе? будетъ ли сраженіе подъ Москвою? бѣжать ли изъ города? Эти вопросы ставили меня въ большое затрудненіе, однако я успокоивалъ тѣхъ, которые собирались оставить столицу, увѣрялъ ихъ въ невозможности сдачи Москвы непріятелю безъ упорнаго сопротивленія. Признаюсь откровенно, я былъ увѣренъ въ истинѣ моихъ словъ, и никакъ не представлялъ себѣ, чтобы столица Россіи могла быть отдана Французамъ безъ выстрѣла. Я раздѣлялъ это убѣжденіе со всѣми моими сослуживцами, которые не имѣли свѣдѣній о планѣ, принятомъ военнымъ совѣтомъ въ деревнѣ Филяхъ.

Въ воскресенье, 1 сентября, я отправился къ обѣднѣ въ Успенскій Соборъ. Преосвященный Августинъ

служилъ въ послѣдній разъ, но никто этого не могъ предвидѣть. Толпа народа наполняла храмъ Божій. На всѣхъ лицахъ изображалась глубокая горестъ и вмѣстѣ покорность воле Всевышняго. Никогда не видалъ я такого всеобщаго благочестія; всѣ сердца единодушно были расположены къ молитвѣ. Воспоминаніе объ этой достопамятной обѣднѣ не изгладится изъ моей памяти. Преосвященный служилъ съ глубокимъ чувствомъ умиленія, и когда поднимая взоры къ Небу, онъ трогательнымъ голосомъ произнесъ слова—«Горѣ имѣемъ сердца», всѣ присутствующіе устремили глаза, омоченные слезами, къ единому Утѣшителю въ скорбяхъ нашихъ. Богъ услышалъ моленія этого собранія вѣрующихъ; онъ дозволилъ разрушеніе и поруганіе своего храма для того, чтобы истребить поругателей и возвести его въ новомъ великолѣпнн изъ развалинъ.

На другой день, я всталъ рано поутру, съѣлъ на коня и поскакалъ къ Смоленской Заставѣ съ намѣреніемъ узнать тамъ что-нибудь о дѣйствіяхъ арміи, и въ случаѣ новой битвы, спѣшить къ своему мѣсту, чтобы вмѣстѣ съ другими жертвовать собою за древнюю столицу отечества. Недалеко отъ заставы, я встрѣтилъ главнокомандующаго, который со всѣмъ своимъ штабомъ въѣзжалъ въ городъ. Случай былъ превосходный для разрѣшенія моихъ недоразумѣній. Я нашелъ тутъ же роднаго брата моего; незадолго передъ тѣмъ поступившаго въ адъютанты къ генералу Кутузову, и присоединившись къ многочисленной свитѣ, ѣхалъ съ нею черезъ всю Москву, — что продолжалось болѣе двухъ часовъ. Всѣ казались углубленными въ размышленія; ничѣмъ непрерываема тишина и молчаніе царствовали въ продолженіе нашего таинственнаго шествія, котораго цѣль и направленіе не были никому извѣстны. Изрѣдка встрѣчались толпы жителей, на лицахъ которыхъ выражалось безпокойство. Ихъ вопросы оставались безъ от-

вѣта. Наконецъ вдали мелькнули два бѣлые столба. Застава! Но какая? Говорятъ, Коломенская. — Да куда же мы идемъ? — Богъ знаетъ! — Вотъ единственныя восклицанія и вопросы, которые прерывали молчаніе. У этой заставы мы нашли Московскаго военнаго губернатора графа Растопчина; онъ, не слѣзая съ лошади, переговорилъ шопотомъ съ главнокомандующимъ и возвратился въ Москву, которую мы покидали. Здѣсь только открылась намъ истина. Я не изъ числа людей, которые послѣ развязки увѣряютъ, что еще заранѣе предвидѣли послѣдствія сдачи Москвы непріятелю: неизъяснимая горестъ сдарила мое сердце, когда сомнѣнія наши исчезли. Могу сказать, что я раздѣлялъ это чувство со всѣми товарищами, которые подобно мнѣ судили по своимъ впечатлѣніямъ и не имѣли дальновидности, увѣнчавшей такимъ блистательнымъ успѣхомъ соображенія генераловъ Голеищева-Кутузова и Барклая-де-Толли. На третій день, когда зарево пылающей Москвы озарило насъ своимъ свѣтомъ, слезы градомъ потекли изъ глазъ моихъ. Но скоро сердце мое оживилось; я почувствовалъ внутреннюю отраду при мысли, что вмѣсто ожидаемыхъ наслажденій и покоя, врагъ найдетъ въ Москвѣ угощеніе, достойное Русскаго народа. Есть минуты въ жизни, которыя оставляютъ по себѣ неизгладимыя впечатлѣнія: я никогда не подъѣзжаю къ Москвѣ, безъ внутренняго содраганія отъ мысли о бѣдствіяхъ, которыхъ я былъ очевидцемъ. Этотъ городъ является мнѣ книгою, въ которой я читаю чудесную повѣсть страданій и торжества нашего отечества.

Имѣя намѣреніе отправиться къ своему полку, я освѣдомился объ его назначеніи, и узналъ, что полковникъ Эммануель раненъ подъ Бородинымъ и находится въ отсутствіи. Между-тѣмъ я представился нашему дивизионному командиру графу Сиверсу, кото-

рый предложилъ мнѣ остаться при немъ въ должности адъютанта. Отступивъ верстъ тридцать по Коломенской дорогѣ, мы поворотили проселкомъ на городъ Подольскъ. Пятнадцатаго числа подъ селеніемъ Красною Пахрою, мы имѣли кавалерійскую стычку съ неприятелемъ; день спустя завязалось арріергардное дѣло при селѣ Чириковѣ. Въ тотъ же день мы прошли черезъ Вороново, богатое помѣстье графа Раstopчнна, гдѣ этотъ великій гражданинъ, вполне достойный своей славы, предалъ огню свой собственный домъ, осуществляя въ маломъ видѣ мысль, которая превратила нашу древнюю столицу въ груды пепла и развалинъ. Не доходя до Тарутина, 22 сентября мы опять имѣли арріергардное дѣло, но можно было замѣтить, что неприятель не предполагалъ найти здѣсь главныя наши силы, потому что онъ прекратилъ преслѣдованіе. Къ тому жъ занятіе Москвы, отъ котораго Наполеонъ ожидалъ конца войны, ослабило его обыкновенную дѣятельность; онъ былъ увѣренъ, что мы первые вступимъ въ переговоры, и почиталъ второстепеннымъ дѣломъ распоряженія, нужныя для дальнѣйшаго хода компаніи. Такимъ образомъ онъ упустилъ насъ изъ виду; между-тѣмъ Кутузовъ, пожалованный за Бородинское сраженіе въ фельдмаршала, укрѣплялъ Тарутинское мѣстоположеніе, и сосредоточивалъ на этомъ пунктѣ всѣ свои силы. Эта позиція была выгодна тѣмъ, что прикрывала наши южныя губерніи и давала намъ возможность ударить неприятелю во флангъ или въ тылъ, куда бы онъ ни направилъ свои дальнѣйшія дѣйствія. Мы простояли здѣсь въ совершенномъ бездѣйствіи, отъ 22 сентября до 5 октября. Можно себѣ представить, что, въ продолженіе длинныхъ осеннихъ вечеровъ, единственными предметами разговоровъ въ нашихъ товарищескихъ бесѣдахъ были Россія и послѣдствія будущихъ военныхъ дѣйствій. Каждый, какъ обыкновенно во-

дится, рассуждалъ по-своему, но уныніе, овладѣвшее всѣми послѣ сдачи Москвы, очевидно уступало мѣсто надеждъ, особливо когда мы удостовѣрились, что ни въ какомъ случаѣ миръ не будетъ заключенъ въ предѣлахъ нашего отечества. Часъ, назначенный Провидѣніемъ для нашего торжества, приближался: съ 6 октября начинается для Французовъ рядъ непрерывныхъ неудачъ и пораженій, которыя черезъ три года приковали гордаго завоевателя къ скаламъ Св. Елены.

Я долженъ сказать мимоходомъ, что при вступленіи въ Тарутинскій лагерь, корпусный командиръ, графъ Остерманъ-Толстой, потребовалъ меня къ себѣ для исполненія при немъ должности адъютанта. Въ этомъ качествѣ я присутствовалъ при остальныхъ событіяхъ 1812 года. Фельдмаршалъ Кутузовъ, получивъ достовѣрное извѣстіе, что Французская конница и многочисленный корпусъ подъ предводительствомъ Неаполитанскаго короля сосредоточились у деревни Винковой, передъ нашею позиціею нѣсколько вправо, рѣшился возобновить военныя дѣйствія. Вечеромъ, 5 октября, мы выступили изъ Тарутина и, сдѣлавъ ночной переходъ, на разсвѣтъ очутились передъ Французами, которыхъ наше неожиданное появленіе привело въ замѣшательство. Послѣдовало Тарутинское дѣло. Черезъ недѣлю мы уже были подъ стѣнами Малоярославца. Наполеонъ употребилъ послѣднія усилія: Малоярославецъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, но къ вечеру наша армія успѣла построиться позади города. Ночь прекратила сраженіе. На другой день, 13 октября, мы заняли выгодную позицію въ увѣренности, что непріятель возобновитъ атаку. Удивленіе наше было чрезвычайно, когда мы узнали, что Наполеонъ рѣшился отступить и направилъ свой путь на Смоленскую дорогу, столько разъ опустошенную. Часъ освобожденія насталъ: сердца наши исполнились радости и

надеждъ. «Великъ Русскій Богъ!» восклицали мы въ восторгъ. Всякой, кто носитъ военный мундиръ и любитъ свою родину, пойметъ наши страданія при видѣ бѣдствій Россіи; но въ эту минуту, когда надежда победы и освобожденія превратилась въ увѣренность, мы всѣ ожили сердцемъ. По вступленіи въ Мало-ярославецъ, желая воздать Богу благодарное молебствіе за избавленіе отечества отъ опасности и за явное его покровительство, я поспѣшилъ къ тамошнему собору. Но какъ выразить чувство крайняго негодованія, когда, приготовивъ умъ и сердце къ молитвѣ, спѣша въ церковь съ мыслию о благости Всевышняго, я прочиталъ на дверяхъ его храма надпись—*Ecuries du général Guilleminot!* Я заглянулъ въ церковь, и увидѣлъ, что гнусная надпись не обманывала. Я долго не могъ опомниться отъ волненія, произведеннаго во мнѣ этимъ поруганіемъ святѣни. Въ то время я вполне понялъ и испыталъ жажду мщенія. Впрочемъ это горестное зрѣлище возобновлялось потомъ при каждой церкви, мимо которой проходилъ непріятель.

Для предупрежденія непріятели на большой Смоленской дорогѣ, намъ предписано было итти на Вязьму, черезъ городъ Медынь. Удивительно, что Наполеонъ не избралъ этой дороги, кратчайшей и неразоренной. Октября 22 мы явились въ четырехъ верстахъ отъ Вязьмы. Корпусъ генерала Милорадовича сильно тѣснилъ Французскаго маршала Даву; мы ударили ему во флангъ и довершили его пораженіе. Вечеромъ, мы заняли Вязьму, объятую пламенемъ. Непріятель набросалъ гранатъ въ дома; ихъ трескъ былъ слышенъ во всѣхъ частяхъ города, въ продолженіе цѣлой ночи. Здѣсь представляется одно замѣчательное обстоятельство, которое ясно показываетъ, что перстъ Божій назначилъ Французскую армію къ истребленію. Сраженіе подъ Вязьмою происходило 22 октября, въ прекрасную теплую погоду, при яр-

комъ солнцѣ. Мы даже досадовали, что такое благоприятное время позволить Наполеону уйти отъ Русскихъ морозовъ. Но въ ночи того же самаго числа, вдругъ поднялась сильная мятель, и морозъ въ *восемнадцать* градусовъ (у моего генерала, графа Остермана, былъ термометръ) неожиданно установилъ жестокою зиму, которая послѣ того не прекращалась. Мы продолжали преслѣдованіе, при которомъ безпрестанно встрѣчали ужаснѣйшія картины смерти. На каждомъ шагу намъ попадались несчастные, остолбенѣвшіе отъ холода; они сначала шатались какъ пьяные, потому что морозъ добирался до мозга, и потомъ падали мертвые. Другіе сидѣли около огня въ страшномъ оцѣпенѣнннн, не замѣчая, что ихъ ноги, которыя они хотѣли отогрѣть, превратились въ уголь. Многіе съ жадностью ѣли сырую падалину. Я видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ, дотащившись до мертваго тѣла, терзали его зубами и старались утолить эту отвратительную пищу голодъ, который ихъ мучилъ. Мы не могли подать помощи этимъ несчастнымъ, потому что сами имѣли нужду въ необходимыхъ потребностяхъ жизни, идучи по дорогѣ, опустошаемой каждымъ днемъ съ начала компаніи. Я ѣлъю недѣлю довольствовался простыми сухарями и хлѣбною водкою, которая печально случилась у маркитанта : мой генералъ никогда не держалъ у себя стола во время похода. Ночь 26 октября была для меня самая ужасная. Мы ѣльый день дрались подъ Дорогобужемъ, вытѣснили непріятеля изъ занятаго имъ укрѣпленія и отбили многихъ нашихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ конной гвардіи полковника Соковнина и поручика князя Петра Голицына, а на ночь я расположился на бивакахъ, въ снѣгу, въ двадцать шесть градусовъ мороза при сильномъ вѣтрѣ, безъ соломы, безъ дровъ и безъ пищи. У меня не было даже теплой одежды, потому что, находясь всегда въ передовыхъ войскахъ, я не

имѣлъ даже возможности запастись вещами нужными для зимы. Труды этой кампаніи разстроили мое здоровье и оставили въ немъ слѣды, которые не исчезли до сихъ поръ. Но кто могъ жаловаться на свои страданія при видѣ страданій Французской арміи! Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ былъ причиною, что, не доходя до Смоленска, насъ поворотили въ Кобызево, проселочною дорогою, по которой мы продолжали путь безъ важныхъ происшествій. Однако, въ это время, мнѣ случалось дѣлать такія утомительныя поѣздки по приказанію моего генерала, что однажды я проскакалъ около восьмидесяти верстъ верхомъ на одной и той же лошади и наконецъ заѣхалъ въ глубокой снѣгъ, откуда не могъ уже ее вытащить. Я былъ — одинъ, въ необозримой снѣжной пустынь. Къ счастью моему, оставшій фургонъ изъ главной квартиры, заблудившись, проѣзжая этимъ мѣстомъ, вывелъ меня изъ ужаснаго положенія, гдѣ мнѣ оставалось только замерзнуть.

Нашъ корпусъ не участвовалъ въ прочихъ событіяхъ кампаніи 1812 года. Фельдмаршалъ, желая дать арміи время успокоиться послѣ такихъ великихъ трудовъ, предоставилъ адмиралу Чичагову и графу Витгенштейну довершить пораженіе непріятеля при переходѣ черезъ Березину. Но это не входитъ въ составъ моего повѣствованія: я не былъ въ Березинскомъ дѣлѣ. Проводивъ армію до Минской губерніи и удостовѣрившись, что намъ уже не будетъ случая пріобрѣсти славы, я отпросился въ отпускъ въ Москву, куда вступилъ мой отецъ съ ополченіемъ Владимірской губерніи, которымъ онъ командовалъ. Я ѣхалъ въ Москву по той же усѣянной трупами дорогѣ, черезъ Смоленскъ опустошенный пожарами и взрывомъ укрѣпленій, черезъ Дорогобужъ, Вязьму, Гжатскъ и Можайскъ: каждый шагъ по этой огромной могилѣ возобновлялъ во мнѣ воспоминанія, еще свѣ-

жия и живыя. Вездѣ встрѣчалъ я тысячи подводъ, нагруженныхъ мертвыми тѣлами къ сожженію. Это горестное зрѣлище подавало поводъ къ размышленіямъ, не слишкомъ выгоднымъ для чести человѣческаго рода.

Я пріѣхалъ въ Москву 4 декабря. Но Москва ли это была? Деревянные дома, которыхъ было такъ много, исчезли; на мѣсть ихъ торчали высокія, голыя трубы. Каменные строенія превращены въ безобразныя, закоптылыя стѣны; Кремль взорванъ; церкви сожжены, или разграблены и осквернены. Въ такомъ видѣ предстала глазамъ моимъ Москва-Блокаменная въ декабрь 1812 года. Но мы должны благословлять Провидѣніе: оно устроило все къ лучшему; изъ развалинъ Москвы Россія возникла могущественнѣе всѣхъ державъ Европейскихъ. Эта мысль руководила и Императора Александра, когда онъ избралъ для медали, выбитой въ память кампаніи 1812 года, надпись, которая была лозунгомъ всей отечественной войны: «Не намъ, не намъ, а имени твоему!»

Я узналъ въ Москвѣ объ изгнаніи изъ Россіи послѣднихъ остатковъ Французской арміи, удѣльвшихъ отъ общаго истребленія: этотъ результатъ давно уже предвидѣли. Но переправа Наполеона черезъ Березину не удовлетворила нашихъ ожиданій.

Кампанія 1813 года не могла открыться прежде весны: слѣдовательно у меня было довольно времени. Но такъ какъ я рѣшился ѣхать на почтовыхъ лошадяхъ только до границы, а оттуда продолжать путь на своихъ, то я оставилъ Москву около половины февраля съ намѣреніемъ явиться прямо въ свой полкъ. Для этого я поѣхалъ на Бѣлостокъ, Варшаву и Дрезденъ. Перемены, совершенныя успѣхами нашего оружія, казались мнѣ сновидѣніемъ. Въ шесть мѣсяцевъ, мы перешли изъ затруднительнаго положенія, кото-

рому я никакъ не могъ предвидѣть такой скорой и блистательной развязки, въ самомъ сердце Германіи. Съ какимъ уваженіемъ, и даже восторгомъ, принимали тогда Русскихъ офицеровъ жители этой Германіи, которые послѣ долгаго угнетенія подъ игомъ Наполеона видѣли въ насъ будущихъ избавителей и людей, показавшихъ первый примѣръ сопротивленія непобѣдимому. Впрочемъ должно отдать справедливость побѣдителямъ: они были достойны такого лестнаго приѣма; въ нихъ вовсе не было того хвастовства, которое даже извинительно послѣ подобныхъ торжествъ; Русскій офицеръ и солдатъ умѣютъ воздавать Богу то, что принадлежитъ Богу, и Кесарю то, что принадлежитъ Кесарю.

Узнавъ въ Дрезденѣ, что Кіевскій драгунскій полкъ, въ которомъ я служилъ, стоитъ въ Цвикау, Саксонскомъ городѣ, лежащемъ за четырнадцать миль, и прямо туда отправился и явился къ моему начальнику, генераль-маіору Эммануэлю, который принялъ меня чрезвычайно ласково и предложилъ остаться при немъ. Я не могъ пожелать ничего лучшаго, и почитала счастіемъ учиться военному дѣлу подъ руководствомъ такого опытнаго наставника. Я поспѣлъ къ самому началу военныхъ дѣйствій; черезъ нѣсколько дней произошла Люценская битва; которая не имѣла для нашего отряда ни какихъ другихъ бѣдствій, кромѣ отступленія къ Дрездену, куда шла вся Пруско-Россійская армія.

Для яснѣйшаго уразумѣнія событій, необходимо бросить взглядъ назадъ. Наполеонъ, избѣгнувъ участи, которая ожидала его при переправѣ черезъ Березину, и видя, что его присутствіе болѣе не нужно для погибающей арміи, оставилъ ее на произволь бѣдственной судьбы и поспѣшилъ въ Парижъ, чтобы употребить всѣ средства для образо-

ванія войска и отразить наши покушенія, неизбѣжныя послѣ тѣхъ огромныхъ успѣховъ, которые мы получили. Его дѣятельность и снисходительность сената, который по его волѣ издавалъ законы о наборѣ нужнаго числа конскриптовъ, создали въ непродолжительное время новую армію, впрочемъ бѣдную конницей. Кавалериста труднѣе выправить чѣмъ пѣхотинца; притомъ же легче было замѣнить выбывшихъ изъ строю людей, нежели лошадей. Зима съ 1812 на 1813 годъ была употреблена на образованіе и сосредоточеніе новой арміи; въ апрѣлѣ она уже была готова къ выступленію въ походъ подъ личнымъ предводительствомъ своего императора. Въ это время Пруссія присоединилась къ Россіи для общихъ усилій въ войнѣ противъ честолюбія одного человѣка. Начало компаніи, ознаменованное сраженіемъ при Люценѣ, послѣ котораго послѣдовало отступленіе союзныхъ войскъ къ Дрездену, должно было сообщить болѣе увѣренности въ самихъ себя Французскимъ конскриптамъ и возвысить надежды Наполеона: онъ снова видѣлъ себя побѣдителемъ и начальникомъ арміи, созданной какъ бы волшебствомъ.

Вмѣстѣ съ приказаніемъ ретироваться на Дрезденъ, генералу Эммануэлю дано было порученіе прикрывать съ своимъ отрядомъ переправу войскъ, которыя должны были переходить черезъ Эльбу по лодочному мосту, составленному нарочно для этой цѣли нѣсколько повыше города. По ту сторону Дрездена, внизъ по теченію, былъ устроенъ такой же мостъ. Непрiятель направилъ всѣ свои усилія на этотъ послѣдній пунктъ для овладѣнія переправою. Наша позиція съ лѣвой стороны была очень крѣпка и оттого Французы не слишкомъ на нее нападали, но здѣсь случилось одно замѣчательное происшествіе, которое представляетъ такое странное соединеніе счастья съ

несчастьемъ, что я не могу устоять противъ желанія передать его читателямъ. Я думаю, что въ льтописяхъ войны нельзя встрѣтить другаго столь же необыкновеннаго событія.

Когда войска перешли черезъ мостъ, котораго защита была намъ ввѣрена, на той сторонѣ рѣки остался еще батальонъ Шлюссельбургскаго полка въ редутѣ, служившемъ къ прикрытію переправы. Въ то самое время какъ я отвезъ ему приказъ, оставить укрѣпленіе, штабъ-офицеръ, который по должности своей обязанъ былъ разрушить переправу по прекращеніи въ ней надобности, обратился къ генералу Эммануелю и просилъ разрѣшенія подрубить канаты и зажечь мостъ. Батальонъ Шлюссельбургскаго полка, вышедши изъ редута, вступалъ въ это мгновеніе на доски. Генераль сдѣлалъ замѣчанія, что на мосту находился еще цѣлый батальонъ; но офицеръ отвѣчалъ, что онъ успѣетъ перейти пока будутъ зажигать, и отдалъ приказаніе приступить къ дѣлу. Пусть себѣ представляютъ зрѣлище, которое вдругъ явилось нашимъ взорамъ. Я не въ состояніи выразить нашего ужаса! Какъ скоро, по зажженіи, канаты были подрублены, сила теченія Эльбы привела плашкоты въ безпорядокъ, доски переломались и разошлись сами собою, и огонь мигомъ охватилъ горючія вещества, расположенныя вдоль по мосту, и батальонъ Шлюссельбургскаго полка былъ окруженъ пламенемъ. Положеніе несчастныхъ воиновъ, осужденныхъ на неминуемую гибель отъ огня или воды, было тѣмъ ужаснѣе, что никакъ нельзя было подать имъ помощи. Спасеніе казалось невозможнымъ; но чего не можетъ совершить Богъ тамъ, гдѣ силы человека ничтожны. Въ этой роковой крайности, одинъ солдатъ, болѣе другихъ предпримчивый, бросается съ моста въ воду, не оставляя ни ружья, ни сумки. Всѣ думали, что онъ исчезнетъ

въ волнахъ, но къ общему удивленію вода дошла ему только до плечъ. Неужели на этомъ самомъ мѣстѣ Эльбы, столь быстрой и глубокой, есть бродъ? Видъ солдата, который шель въ водѣ и безпрепятственно приближался къ берегу, перемѣнилъ вопли ужаса въ радостныя восклицанія. Въ одно мгновеніе цѣлый батальонъ бросился въ рѣку и мы имѣли счастье быть свидѣтелями его спасенія: не только люди, но и самая аммуниція уцѣлѣла вся безъ исключенія. Чѣмъ болѣе я размышляю объ обстоятельствахъ этого происшествія, тѣмъ болѣе желаю уподобить его тому чуду, силою котораго волны Чермнаго Моря разверзлись нѣкогда для избраннаго народа. Даже окрестные жители не знали, что въ этомъ мѣстѣ есть бродъ; пионеры, которые наводили мостъ, никакъ не подозрѣвали его существованія: имъ однако жъ нельзя было бы не замѣтить его, если бъ онъ прежде находился здѣсь, подъ ихъ ногами. Для чего было наводить мостъ тамъ, гдѣ въ немъ не предстояло ни какой надобности, гдѣ можно переходить въ бродъ, и гдѣ само разрушеніе устроенной переправы не остановило бы непріятели, преслѣдующаго насъ въ случаѣ отступленія? Сверхъ того, это было весною, когда снѣга, тающіе на горахъ Саксонской Швейцаріи и Богеміи, поднимаютъ воду во всѣхъ рѣкахъ, и особенно въ Эльбѣ. Въ другія времена года дѣти должны были бы переходить безопасно въ этомъ мѣстѣ. Пусть толкуютъ чудесное спасеніе нашихъ товарищей, какъ хотятъ, все-таки, по-крайней-мѣрѣ для меня, въ этомъ происшествіи таится что-то сверхъестественное, чего я не могу объяснить себѣ безъ предположенія особенной милости Божіей. Я сожалею, что мнѣ не удалось узнать впослѣдствіи, существуетъ ли этотъ бродъ по-сю-пору, или исчезъ послѣ нашего перехода, какъ явился неожиданно для сохраненія гор-

сти храбрѣхъ защитниковъ праваго дѣла и одушевленія остальныхъ упованіемъ на помощь Неба.

Послѣ этого событія, которое глубоко насъ поразило, мы продолжали отступать къ Бишофсвердену; дорогою генераль Эммануель замѣтилъ мнѣ, что въ военномъ дѣлѣ нельзя имѣть слишкомъ много опытности, и что излишнее довѣріе къ другимъ можетъ быть источникомъ событій, самыхъ непредвидимыхъ и самыхъ гибельныхъ по своимъ слѣдствіямъ. На другой день, генераль получилъ приказаніе образовать летучій отрядъ и идти съ нимъ къ горной цѣпи, замыкающей равнину, которая простирается отъ Дрездена до Силезіи. Съ высоты этихъ горъ мы должны были наблюдать за движеніями непріятеля и каждый день доносить главнокомандующему. Назначеніе было очень важно, потому что оно ставило нашъ отрядъ съ боку Французской арміи и давало намъ возможность слѣдить за малѣйшими ея дѣйствіями. Недостатокъ кавалеріи не позволялъ непріятелю сдѣлать рекогносцировки на своемъ правомъ флангѣ и открыть новыхъ аргусовъ, которые были отъ него такъ близко. Мы продолжали наблюденія до самой Бауденской битвы; но присутствіе наше въ горахъ не могло навсегда остаться неизвѣстнымъ, и Французы выслали отрядъ, которому поручено было принудить насъ къ отступленію. Мы имѣли съ нимъ жаркія схватки 29 апрѣля при Вессигѣ, 30-го при Етолпнѣ, 6 и 7 мая подъ Нейкирхеномъ. Несмотря на эти встрѣчи, цѣль наша была достигнута. Мы собирали достовѣрныя свѣдѣнія о движеніяхъ Французской арміи и доставляли ихъ въ главную квартиру. 8 и 9 произошло сраженіе на поляхъ Бауденскихъ, и нашему отряду удалось сдѣлать счастливую диверсію противъ праваго непріятельскаго фланга, которая содѣйствовала къ уничтоженію его усиленій этой стороны. Во время нахождения моего въ

летучемъ отрядѣ, я неоднократно имѣлъ случай удивляться вѣрности взгляда и воинской смѣтливости генерала Эммануеля. Съ возвышеній, которыя мы занимали, можно было обозрѣть всю обширную долину, покрытую Французскими войсками. Ни одно ихъ движеніе не избѣгало отъ нашего начальника: онъ не выпускалъ изъ рукъ зрительной трубы и ни разу не ошибся въ предположеніяхъ своихъ относительно цѣли переходовъ. Гонцы отправлялись по нѣскольку разъ въ день въ главную квартиру, съ подробными донесеніями о томъ, что происходило у непріятеля. Генераль Доврѣ, въ то время начальникъ штаба арміи, говорилъ мнѣ впоследствии, что свѣдѣнія, доставленныя нами, принесли великую пользу. Такимъ образомъ мы шли съ боку Наполеоновои арміи до Силезіи.

Провидѣнію, безъ сомнѣнія, было угодно ослѣпить Наполеона на счетъ опасности его положенія: оно дозволило ему пожать новыя лавры, и битва при Бауценѣ заставила нѣсколько времени думать, что звѣзда его, затмившаяся въ кампаніи 1812 года, взойдетъ съ новымъ блескомъ въ 1813. Союзники отступили черезъ Рейхенбахъ, Гёрлицъ на Силезію, гдѣ мы узнали, что идутъ переговоры о заключеніи перемірія. Офиціальное извѣстіе пришло къ намъ между Стригау и Яцеромъ. Отряду генерала Эммануеля поручено было охранять передовыя линіи, такъ, что мы не воспользовались даже тѣми удобствами, которыя имѣла цѣлая армія, расположенная на хорошихъ квартирахъ. Намъ пришлось стоять на бивакахъ, на пограничной чертѣ, въ продолженіе всего перемірія.

Мы находились въ странѣ богатой превосходными мѣстоположеніями, и притомъ въ самое лучшее время года. Съ согласія моего генерала, я сдѣлалъ небольшое путешествіе къ Исполнскимъ Горамъ,

Riesen - Gebirge , которыхъ тишина и романтическіе виды внушали задумчивость и поражали меня разительной противоположностью съ бурнымъ образомъ нашей военной жизни. Я посѣтилъ Гиршбергъ , Грейфенбергъ , Швейдницъ , Глапецъ , Рейхенбахъ и проѣхалъ даже до Ландеккскихъ минеральныхъ водъ , гдѣ въ то время были Ихъ Величества, Императоръ Александръ и король Прусскій. Множество офицеровъ всѣхъ чиновъ приумножили блистательное общество, собравшееся на водахъ. Мы сходились всякій вечеръ въ танцевальную залу. На одномъ изъ этихъ вечеровъ я имѣлъ счастье въ первый разъ видѣть юную принцессу , дочь Его Величества Прусскаго короля, нынѣшнюю Императрицу Всероссийскую. Она ослабляла своей красотой. Императоръ Александръ сдѣлалъ съ Нею нѣсколько круговъ вальса. Тайное предчувствіе говорило намъ, что родственный союзъ царствующихъ домовъ Россіи и Пруссіи скрѣпитъ связи, соединявшія въ то время двѣ великія державы. Я имѣлъ счастье , наравнѣ съ прочими Русскими офицерами , обратить на себя вниманіе Его Величества короля Прусскаго , который нѣсколько разъ удостоивалъ меня своего разговора и спрашивалъ объ участіи , какое я принималъ въ войнѣ 1812 года и въ новой кампаніи, прерванной перемиріемъ.

Эта прогулка по веселой и прекрасной Силезіи будетъ всегда въ числѣ моихъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній. Но труба войны уже призывала насъ къ новымъ битвамъ, и я поспѣшилъ къ своему храброму и достойному начальнику. Между-тѣмъ, послѣ прекращенія переговоровъ въ Прагѣ , Австрія положила на всы свое могущественное содѣйствіе. Такимъ образомъ всѣ народы, желавшіе свергнуть съ себя иго Наполеона, соединились съ Русскими.

Когда срокъ перемирія кончился , мы перешли черезъ обширную черту , и первая наша встрѣча съ не-

приятелемъ была при Цобтенъ на Бобръ , 7 августа. Сраженіе нашего авангарда съ корпусомъ Мандональда принадлежитъ къ числу самыхъ упорныхъ дѣлъ, въ которыхъ мнѣ случилось находиться : я забылъ упомянуть , что со времени возобновленія военныхъ дѣйствій нашъ отрядъ составлялъ авангардъ корпуса графа Ланжерона , котораго войска принадлежали къ Силезской арміи , бывшей подъ командою Блюхера. Послѣ Цобтенскаго дѣла , мы приблизились къ главнымъ силамъ союзной арміи, которая оставались въ значительномъ разстояніи назадъ ; для этой цѣли мы отступили къ Голдбергу , гдѣ имѣли 11 августа жаркую схватку съ неприятелемъ, который и здѣсь, какъ при Цобтенъ, превосходилъ насъ числомъ. Но день генеральной битвы былъ близокъ , и мы снова отретировались къ Кацбаху , рѣчкѣ , которая сходитъ съ горъ и омываетъ долину того же имени. Съ самаго возобновленія войны погода дѣлалась часъ-отъ-часу хуже; дождь лилъ не переставая, мы всѣ были промочены до костей , но сушились было нѣкогда. Отъ 7 до 14 августа всѣ усилія неприятеля были исключительно направлены противъ нашего арріергарда, состоявшаго изъ двухъ полковъ сгереи , трехъ полковъ кавалеріи и двѣнадцати пушекъ. Эти войска , въ особенности пѣхота , были чрезвычайно утомлены не столько переходами , сколько отъ дурной погоды , при которой они безпрерывно должны были отражать превосходныя силы неприятеля. Въ такомъ состояніи находились они 14 августа. На разсвѣтъ этого дня, несмотря на дождь, который шелъ сильнѣе обыкновеннаго, мы завязали съ неприятелемъ дѣло, превратившееся къ вечеру въ общее сраженіе. Отступая понемногу, мы довели Французовъ до самыхъ линій Силезской арміи , состоявшей изъ корпусовъ Юрка , Ланжерона и Саксна , и расположенной на Кацбахской равнинѣ. Нашъ отрядъ занималъ крайнюю оконечность лѣваго

крыла, которая прислонена была къ горѣ, покрытой лѣсомъ. Перемокишія ружья отказались служить союзникамъ; вся честь битвы принадлежала пушкамъ и холодному оружію. Кавалерія генерала Васильчикова разбивала цѣлыя карре на правомъ крылѣ и отняла у непріятеля сто орудій. Но положеніе лѣваго становилось часъ отъ часу затруднительнѣе. Я уже сказалъ, что защита этого важнаго пункта была ввѣрена войскамъ арріергарда, измученнымъ усталостью и битвами, которыя они выдержали въ теченіе недѣли. Къ вечеру Французы повели съ этой стороны атаку съ такою стремительностью, что наша пѣхота пришла въ замѣшательство и подалась назадъ. Все зависѣло отъ одного рѣшительнаго мгновенія; непріятель, овладѣвъ холмами, которые съ лѣвой стороны господствовали надъ всею нашею позиціею, могъ поставить на нихъ батареи, стрѣлять вдоль нашей линіи и принудить ее къ отступленію, несмотря на успѣхи праваго крыла. Надобно было удержать эти холмы за нами, чего бы то ни стоило. Не имѣя ни подкрѣпленій, ни резервовъ, генераль Эммануель замѣнилъ ихъ своимъ мужествомъ и рѣшительностью. Онъ приказалъ украинскому казацкому полку, подъ начальствомъ князя Щербатова, занять лѣсъ позади нашей пѣхоты и рубить всякаго пѣхотинца, который покусится пробираться сквозь эту цѣпь. Въ то же время, съ своими офицерами, бросается онъ долой съ коня, собираетъ утомленныхъ стрѣлковъ, ободряетъ своимъ примѣромъ войска, при крикахъ ура стремительно атакуетъ непріятеля въ щтыки и принуждаетъ его къ отступленію. Надобно было видѣть этотъ прекрасный подвигъ для того, чтобы судить объ его чудесномъ дѣйствиіи и о вліяніи, какое имѣлъ на солдатъ примѣръ начальника. При этомъ случаѣ подо мною была убита лошадь. Наконецъ усилія наши увѣщались успѣхомъ, но критическое по-

ложеиіе лѣваго фланга союзной арміи въ самую рѣшительную минуту битвы, и способъ, которымъ оно было исправлено, остались неизвѣстными, потому что генераль Эммануель соединялъ съ мужествомъ скромность, дѣлалъ свое дѣло и не хвасталъ.

Принужденная къ отступленію Французская армія, съ трудомъ могла совершить его въ порядкѣ, по причинѣ разлива рѣчекъ, поднятой безпрерывными дождями. Это обстоятельство доставило намъ на другой день новый успѣхъ при Пильграмсдорфѣ, гдѣ Кіевскій драгунскій полкъ отбилъ у непріятели семь орудій. Я долженъ здѣсь принести дань уваженія памяти полковника Парадовскаго, командира Финляндскаго драгунскаго полка, одного изъ храбрыхъ, падшихъ на поляхъ Кацбаха. Казалось, само Небо остерегало этого неустрашимаго офицера отъ участи, которая его ожидала. Въ Цобтенскомъ дѣлѣ, ядро упало у самыхъ ногъ его и совершенно покрыло его землею; при Голдбергѣ, надъ головою его лопнула граната, которая сильно его оконтузила и обезобразила. Въ Кацбахскомъ сраженіи, ядро оторвало у него голову. Миръ его славному праху!

Отступление Французской арміи становилось болѣе и болѣе затруднительнымъ отъ разлива рѣкъ и дурнаго состоянія дорогъ, испорченныхъ дождями. Переправа ея черезъ Бобръ обвѣщала намъ новую побѣду. Въ самомъ дѣлѣ, 17 августа, нашъ авангардъ въ соединеніи съ восемнадцатою дивизіею князя Щербатова заставилъ Французскую дивизію генерала Пюто положить оружіе и уступить намъ всю свою артиллерию и обозъ. Мы продолжали преслѣдованіе до Рейхенбаха, но здѣсь непріятель началъ вдругъ дѣйствовать наступательно. Это служило признакомъ присутствія Наполеона, который, негодуя на Кацбахское пораженіе, спѣшилъ лично сразиться съ нами. Унич-

чтоженіе корпуса Вандамма при Кульмъ случилось въ это самое время и принудило его возвратиться снова туда, гдѣ его дѣла настоятельно требовали его присутствія.

Я много пострадалъ отъ дурной погоды и наконецъ заболѣлъ лихорадкою, которая заставила меня отказаться на нѣсколько времени отъ участія въ трудахъ моихъ сослуживцевъ. Получивъ позволеніе остаться для поправленія здоровья, я поселился до совершеннаго выздоровленія въ Юуръ, небольшомъ Силезскомъ городѣ. Горячка удержала меня въ постель цѣлый мѣсяць. Оправившись отъ недуга и предвидя великія событія, я поспѣшилъ возвратиться къ моему мѣсту, но по невозможности пробраться черезъ Дрезденъ, занятый непріателемъ, долженъ былъ сдѣлать большой объѣздъ на высшую Лузацію. Къ величайшей досадѣ, я прибылъ въ армію въ ночь, которая послѣдовала за знаменитую Лейпцигскую битвою, однако я успѣлъ еще принять участіе въ подвигъ, безпримѣрномъ въ лѣтописяхъ войны и котораго вся честь принадлежитъ генералу Эммануелю.

Въ качествѣ начальника авангарда, генералъ нашъ имѣлъ обыкновеніе лично обозрѣвать положеніе непріятеля: на другой день послѣ Лейпцигскаго сраженія, онъ, исполняя эту добровольную обязанность, отправился за аванпосты, имѣя при себѣ только капитана Кнобеля, поручика Зельмица, меня, и восемь кавалеристовъ для прикрытія. Мы проѣхали вдоль по берегамъ Эльстера сколько было нужно нашему начальнику для его наблюденій и уже поворотили назадъ, когда замѣтили двухъ человекъ, которые старались пробраться на противоположный берегъ по обломкамъ разрушеннаго моста, состоявшаго изъ поперечныхъ перекладинъ, одинъ изъ нихъ старался провести съ собою лошадь, которая поскользнулась,

упала и исчезла въ волнахъ. Генераль Эммануель под-скакалъ къ мосту и угрозами принудилъ незнаком-цевъ перейти снова на нашу сторону и сдаться. Одинъ изъ плѣнниковъ разстегнулъ шинель, показалъ намъ свои знаки отличія, и объявилъ, что онъ гене-раль Лористонъ. Мы поскорѣ взяли его съ собою. Недалеко оттуда намъ представилась довольно ши-рокая улица Лейпцигскаго предместья, которая пере-сѣкала нашу дорогу. Въ то самое время, какъ мы со-бирались черезъ нее переѣхать, мы увидѣли Фран-цузскій батальонъ, который шелъ въ величайшемъ по-рядкѣ, съ заряженными ружьями. Впереди находи-лось человѣкъ двадцать офицеровъ. Когда мы взаим-но усмотрѣли другъ друга, мы остановились. Изви-лины тропинки, по которой мы ѣхали, и деревья быв-шія по ея сторонамъ, скрывали нашу малочисленность. Генераль Эммануель, чувствуя, что здѣсь нельзя дол-го размышлять, и замѣтивъ нѣкоторое замѣшательство между Французами, закричалъ имъ стенторовымъ го-лосомъ: *Bas les armes!* «Кладите оружье!» Изумлен-ные офицеры начали совѣтоваться между собою, но нашъ неустрашимый начальникъ, видя ихъ колебаніе, закричалъ имъ снова: *Bas les armes ou point de quartier!* «Кладите оружье, не то вамъ не будетъ пощады!» И въ то же мгновеніе, махая саблею, обратился съ уди-вительнымъ присутствіемъ духа къ своему отряду, какъ-будто для того, что бы скомандовать атаку. Но тутъ всѣ Французскія ружья упали на землю какъ по волшебству, и двадцать офицеровъ, предводимые ма-іоромъ Ожердъ, братомъ маршала, поднесли намъ свои шпаги. Генераль сказалъ имъ съ благородствомъ, что онъ вѣрить ихъ чести, и велѣлъ всему отряду плѣн-ныхъ идти впереди насъ. Офицеры, благодарные за этотъ знакъ довѣренности, повинуются ему, и идутъ передъ нами къ аванпостамъ, отъ которыхъ мы уда-лились-было на значительное разстояніе. Достигнувъ

до лагеря, мы могли подумать надосугѣ объ опасности, отъ которой насъ чудеснымъ образомъ избавило присутствіе духа и отвага генерала. Если бы одному изъ нашихъ плѣнниковъ вздумалось насъ пересчитать, мы бы погибли. Лористонъ, углубленный въ размышленія во время страннаго шествія слишкомъ четырехъ сотъ человекъ, положившихъ оружіе предъ двѣнадцатю Русскими, обратился къ нашему начальнику съ вопросомъ: «Кому я имѣлъ честь отдать свою шпагу?» — Вы имѣли честь сдаться, отвѣчалъ онъ, Русскому генералъ-маіору Эммануелю, командиру трехъ офицеровъ и восьми козаковъ. — Надобно было видѣть досаду и отчаяніе Лористона и всѣхъ Французовъ.

Взятые нами плѣнные приводили въ большое затрудненіе нашего генерала, которому надобно было идти далѣе. Узнавъ, что Ихъ Величества, Императоръ Россійскій и Прусскій Король, находятся со всѣмъ своимъ штабомъ на большой Лейпцигской площади, онъ представилъ самому Императору бывшаго Французскаго посланника въ Россіи. Но побѣда, одержанная наканунѣ, была ознаменована такимъ множествомъ трофеевъ, что наши не были замѣчены, и этотъ прекрасный подвигъ долго оставался въ неизвѣстности.

Преслѣдованіе непріятеля отъ Лейпцига до Франкфурта не представляетъ ничего замѣчательнаго: Французская армія была въ совершенномъ разстройствѣ. Баварцы, соединившіеся въ то время съ нами, готовили своимъ прежнимъ союзникамъ въ Ганау приѣмъ, который долженъ былъ напомнить имъ Березину. Но Наполеонъ прошелъ невредимо, потому намъ суждено было завѣщать нашимъ внукамъ еще компанію 1814 года.

Франкфуртъ-на-Майнѣ представилъ въ эту эпоху такое блистательное собраніе монарховъ, принцевъ

крови, военныхъ и дипломатическихъ знаменитостей, какого до тѣхъ поръ нигдѣ не бывало. Однажды, прохаживаясь съ генераломъ Эммануелемъ по улицамъ города, мы встрѣтили Прусскаго короля. Его Величество сказавъ нѣсколько словъ генералу, пристально посмотрѣлъ на меня и удостоилъ спросить, не тотъ ли я офицеръ, котораго онъ видѣлъ въ Ландеккѣ. Услышавъ отъ генерала Эммануеля, что я служу подъ его начальствомъ, король поздравилъ меня съ этимъ.

Такъ какъ всѣ были увѣрены, что открытые тогда переговоры о мирѣ не будутъ имѣть ни какихъ послѣдствій, то переправа Русской арміи черезъ Рейнъ была назначена 1 января. Въ ожиданіи этого дня мы заняли квартиры въ городѣ Гохгеймъ, который сообщилъ свое имя знаменитому вину. Такимъ образомъ кончилась для меня кампанія 1813 года. Въ сравненіи съ кампанією 1812 года, она была не что иное какъ прогулка, предпринятая для удовольствія.

КНЯЗЬ Н. ГОЛИЦЫНЪ.

=

II.

ПОСТРАДШАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СВѢТСКАЯ ЖЕНЩИНА.

ПАРИЖСКІЕ ПРАВЫ.

.....«5 іюня. Эта пустыня мнѣ нравится. Третьяго дня, какъ мы сюда пріѣхали, графъ ужасно жалѣлъ, что замокъ такъ запущенъ. Крыльце поросло репейникомъ и даже въ пріемной залѣ пробивалась трава. Въ часовнѣ алтарь облѣпленъ былъ мелкими цвѣточками, а колоколъ совсѣмъ исчезъ подъ плющемъ. Птицы вездѣ свили гнѣзда.

«О, это запустѣніе восхищаетъ меня! Здѣсь вездѣ чувствуешь отсутствіе человѣка. Мнѣ весело ходить по этой землѣ, которую нѣсколько лѣтъ топтали только олени и дикія козы. Здѣсь я дышу воздухомъ, который не отравленъ страстями и ласкалъ одни только цвѣты, которыхъ запахъ достигаетъ до моей груди. Графъ не беспокоитъ меня и не мучитъ работою. По должности секретаря его, мнѣ приходится написать только письма два-три въ недѣлю. Жизнь моя хороша, какъ только можетъ быть, когда очарованія исчезли. Это проточная вода, которую я пью безъ жажды, это привычка, потому что надобно пить.

«10 июня. Я жжегъ сегодня локонъ, который похитилъ у нея: только этотъ локонъ у меня отъ нея и оставался!

«Что же такое была она, эта женщина, которую я такъ любилъ? Она казалась столь нѣжною, столь преданною! она такъ презрительно улыбалась при взглядѣ на свѣтскіе предразсудки, что я считалъ ее существомъ неземнымъ, сильнымъ и чистымъ!.... И эта женщина, отдавъ мнѣ свое сердце, не рѣшилась отдать руки, потому что я бѣденъ! Она вышла за этого гадкаго доктора, предалась ему безъ любви, чтобы пользоваться какимъ-нибудь значеніемъ въ свѣтъ, ѣздить на балъ въ новомъ платьѣ и кататься по улицамъ въ коляскѣ! И эта женщина усомнилась въ будущности, которую готовила ей любовь!....

«О, ты не знаешь, Анна, что я бы тебѣ доставилъ! Я былъ такъ силенъ своей любовью! я бы достигъ всѣхъ возможныхъ цвѣей, купилъ бы всѣ радости, какихъ бы ты ни пожелала!

«Ты любила богатства, — я бы пріобрѣлъ для тебя палаццо Италіанскій, окруженный мраморомъ, статуями и фонтанами. Свѣтъ проникалъ бы къ тебѣ тамъ не иначе какъ сквозь цвѣты и шелковыя занавѣсы. Ноги твои покоились бы на коврахъ, мягче только-что вышиваго снѣга; я бы обвинилъ тебя блондами, бархатомъ, райскими птицами; я бы засыпалъ тебя золотомъ, драгоценными каменьями. И, ослѣпленный всѣмъ этимъ блескомъ, этими наслажденіями, взоръ твой отдохнулъ бы на мнѣ, и ты бы сказала себѣ: Какъ бѣдно все это въ сравненіи съ его любовью!

«Ты любила славу, — для тебя пріобрѣлъ бы я одно изъ этихъ знаменитыхъ именъ, которыя долго гремятъ на землѣ. Я бы озарилъ чело твое блестящею звѣздою; я бы принялъ тебя подъ кровъ моего генія;

я бы смѣшалъ тебя съ моею жизнью, такъ, чтобы имя твое никогда не могло быть отдѣлено отъ моего.

«И ты бы ходила въ толпѣ женою гордою, всѣмъ уважаемою: въ каждомъ ропотѣ слышала бы ты имя твоего любезнаго; каждый женскій взоръ говорилъ бы тебѣ, что ты счастлива; каждый голосъ повторилъ бы: Это она! — и матери указывали бы на тебя дѣтямъ, чтобы они могли когда-нибудь сказать, что тебя видѣли.

«О, я сдѣлался бы всѣмъ, что ты любишь, я бы составилъ для тебя Эдемъ, и самъ, сталъ бы стражемъ у входа, чтобы не впускать туда горестей.

«И вмѣсто всего этого, Анна, ты заняла въ свѣтѣ мѣсто обыкновенное, ты сдѣлалась женщиною пошлою.

«Я ненавижу тебя, Анна, потому что ты убила мечты мои, потому что ты втоптала въ грязь вѣнокъ обольщеній; я ненавижу тебя, потому что ты показала мнѣ что такое женщина!

«Теперь, будь проклята, и я стану смѣяться! Сдѣлайся дурною и бѣдною, и я ни разу не скажу: Бѣдная Анна!

«Ты продалась какъ товаръ! Пусть господинъ твой тобою владѣть.

«15 июня. Дочь графа пріѣхала изъ пансіона. Теперь прощай спокойствіе и уединеніе! Здѣсь, вѣрно, начнутся балы и пиршества: что мнѣ тогда дѣлать?.....

«Я видѣлъ эту дѣвушку: она прекрасна и простодушна. Она спрашивала меня, весело ли жить въ деревнѣ, хорошее ли молоко даютъ коровы, начали ли пѣть соловьи. Жаль мнѣ графа: что ему дѣлать въ Парижѣ изъ этого прелестнаго ребенка? Она слишкомъ мила, слишкомъ невинна для роли, которую ей придется играть. А у него только эта дочь и есть!.... Бѣдный отецъ!.....

«18 юнл. Ночи ныче прекрасны. Я люблю сидѣть по вечерамъ на балконѣ и смотрѣть на звѣзды. Вчера окно гостиной было полурастворено. Я видѣлъ Эрнестину; она сидѣла неподвижно у фортепiанъ. Между двумя свѣчами, она походила на статую нимфы, бѣлую и прекрасную, которая стояла въ саду нашего скромнаго мѣстечка, и которую я такъ любовался, когда былъ еще ребенкомъ! Она начала пѣть. Не знаю, болѣе ли обыкновеннаго душа моя была расположена къ нѣжнымъ ощущенiямъ, но этотъ женскій голосъ, раздающійся посреди смѣшанныхъ странныхъ звуковъ ночи, разшевелилъ всю поэзію моего сердца. Въ промежуткахъ между куплетами романса слышенъ былъ только плескъ пруда о тростникъ, или жалобный вздохъ птички, пробужденной въ моховомъ гнѣздѣ своемъ. Я ощущалъ тогда что-то неземное во всемъ существѣ моемъ; мнѣ казалось, что это одна изъ первыхъ ночей мірозданія, когда новый человекъ, лежа на травѣ, еще удивленный и жизнію своей и всѣмъ что видѣлъ, блуждалъ восхищенными взорами по лѣсамъ, по водамъ, по звѣздному небу и съ неизъяснимымъ наслажденiемъ прислушивался къ отдаленному гимну ангела, который слетѣлъ съ неба, чтобы посмотреть на новорожденную землю.

«Она перестала пѣть и ушла, а я, я долго оставался на томъ же мѣстѣ подъ влиянiемъ этихъ ощущенiй. Потомъ я взялъ скрипку и началъ импровизировать. Мнѣ казалось, что невидимая рука прикасалась къ струнамъ; я не чувствовалъ ни скрипки, ни смычка моего. Когда я кончилъ, мнѣ показалось, что окно противъ меня тихонько затворилось: неужели она меня слушала?

«19 юнл. Графъ просилъ меня поучить дочь его музыкѣ. Онъ говорилъ, что много слышался о моихъ музыкальныхъ дарованiяхъ, которыя я скрываю. Тутъ

начались обыкновенныя похвалы, которыми осыпаютъ тѣхъ, отъ кого ожидаютъ услуги. Я бы отказалъ, но пока отецъ просилъ, она смотрѣла на меня съ такимъ умоляющимъ видомъ!..... Я согласился. Впрочемъ эти уроки будутъ не очень утомительны, даже пріятны. Эрнестина уже порядочно играетъ; я снова начну съ нею учиться.

«Завтра начнутся наши уроки. Она ужъ разъ двадцать напоминала мнѣ объ этомъ.

«30 июня. Посмотрите, какъ эта дѣвушка бѣгаетъ по лугамъ и аллеямъ? Посмотрите, какъ она прекрасна, когда, шумливая, несется съ распущенными волосами!

«Веселье ея въ воздухъ; она дышетъ радостью. Она смѣется, она любитъ жить. У ней меньше заботъ, чѣмъ у пчелки, у птички, у кузнечика. Она умѣетъ плести вѣнки изъ фіялокъ и маргаритокъ. Она любитъ искать въ кустахъ зеленые орѣхи, срывать лоснящіяся груши, садиться у мельницы и смотрѣть какъ вода, журча, протекаетъ по бѣленькимъ ея ножкамъ. Она любитъ, рано утромъ, раздвигать листы, чтобы посмотреть на птичекъ, еще спящихъ въ гнѣздахъ; она любитъ гоняться по полямъ за голубыми стрекозами и радужными бобочками.

«У ней есть голуби, которые цѣлуютъ ее въ розовыя губки, барашки, которые сбѣгаютъ, когда она ихъ кличетъ и ластятся къ ней своими бѣлыми, мягкими головками; на окнѣ красуются у ней цвѣты, и запахъ ихъ ее будитъ. У ней есть прудъ съ синею, тихою водою, и челнокъ колышется на немъ посреди цвѣтовъ.

«И когда, сидя въ качающейся лодкѣ, она нагибается къ водѣ, вода говоритъ ей, что она прекрасна!

«Какъ она счастлива! Вся природа принадлежитъ ей; она ее любитъ и ею любима; она бѣгаетъ по жиз-

ни какъ по саду, и видитъ вокругъ себя только цвѣты и зелень..... а надъ нею улыбается небо!

«Но она, бѣдняжка, и не знаетъ, что все это ея только на время; она не знаетъ, что создана не для этихъ простыхъ наслажденій, и что ея ждетъ свѣтъ со всѣмъ своимъ великолѣпьемъ, со своими обманчивыми радостями.

«Скоро уже придется ей подобрать волосы, которые развѣваются по плечамъ ея какъ у ребенка; надобно будетъ сбросить это бѣлое платье и этотъ вѣнокъ изъ маргаритокъ.

«Тогда она узнаетъ, какъ тяжело носить на головѣ золото и брилліанты! какъ несносны букеты безъ запаха и улыбки безъ радости!

«О, ей не надобно забывать, что она дочь знатнаго графа, что она принадлежитъ большому свѣту!

«Зачѣмъ же Богъ создалъ ее богатою дѣвушкою? Зачѣмъ не родилась она въ сельскомъ домикѣ, на скатѣ холма, съ садикомъ, съ большимъ деревомъ у порога, гдѣ бы у нея было нѣсколько тысячъ франковъ ежегодно, чтобъ поддерживать матеріальное существованіе, и гдѣ бы старушка мать, съ очками на носу, съ чулкомъ въ рукѣ, любовалась ею, когда она бѣгаетъ, и заботилась только о томъ, чтобы она не ушиблась или не получила солнечнаго удара!

«Тогда, быть-можетъ, передъ нею явился бы добрый молодой человекъ, какъ я, который тоже занималъ бы неважное мѣсто въ свѣтъ, но любилъ бы тихія, семейныя удовольствія, и они вмѣстѣ, любя другъ друга, жили бы счастливо.....

«Вмѣсто этого судьба дала бѣдной дѣвушкѣ огромной замкъ съ большими лѣсами, и она должна будетъ отказаться отъ тишины полей и промѣнять ее на роскошный шумъ города. Отецъ когда-нибудь скажетъ: Вотъ человекъ, который будетъ тебѣ хорошимъ мужемъ, потому что онъ герцогъ и можетъ попасть въ

министры. И бѣдняжка по-неволѣ будетъ обѣщать ему и любовь и вѣрность, и она сдѣлается его женою!

«Но кто знаетъ, до чего доведутъ ее тогда обманутыя надежды! Что станется съ этимъ сердцемъ, когда оно будетъ страдать застуженнымъ счастьемъ, не будетъ знать, за что ухватиться въ жизни, кромѣ шумнаго опьяненія и обольстительныхъ, непрочныхъ радостей свѣта. Тогда чувствительность этого сердца необходимо должна обратиться противъ него, и наивность этой души, раздраженной и ожесточенной, превратится въ безстыдство.

«И это не можетъ быть иначе, ребенокъ, потому что ты дочь богача! потому что ты принадлежишь свѣту, въ которомъ властвуютъ деньги и честолюбіе!

«2 июля. Эрнестина пѣла сегодня утромъ романсъ, въ которомъ говорится, что любить два раза невозможно..... Правда ли это?

«У женщинъ, можетъ-быть; но у насъ, нѣтъ.

«Мужчина, боецъ въ жизни, является передъ женщиною, покрытый пылью и грязью поприща. Онъ можетъ казаться прекраснымъ и тогда, когда страсти подернули чело его блѣдностью и вдавили глаза. Прельщаетъ въ немъ не чистота, но сила. Если повилика обовѣется около этого мрачнаго и крѣпкаго дуба и осыплетъ его своими цвѣтами, онъ будетъ весело возвышаться, представляя смѣсь прелести и силы. Но пронесся ураганъ, изорвалъ повилику; дубъ стоитъ, попрежнему, мрачный и одинокій. Конечно, грубая кожа его долго будетъ сохранять слѣды объятій погибшей подруги, но когда-нибудь другая повилика обовѣетъ его своими цвѣтами, и онъ снова будетъ возвышаться, какъ нѣкогда, могущественный и прекрасный.

«Такъ и мужчина: даровавъ одной женщинѣ любовь и покровительство, онъ можетъ даровать потомъ тоже самое и другой.

«4 июля. Ръшительно, эта дѣвушка очень добра; она еще совершенный ребенокъ, и я хочу смотрѣть на нее какъ на ребенка. Когда я пою что-нибудь печальное, она плачетъ навзрыдъ; а потомъ, стыдясь своей чувствительности, убѣгаетъ. Бѣдняжка, она стыдится своего сердца, какъ-будто предчувствуетъ, что въ ея состояніи смѣшно имѣть сердце!

«6 июля. Она присылаетъ мнѣ всякое утро букетъ цвѣтовъ, которые сама набираетъ. Запахъ ихъ наполняетъ всю мою комнату; и этотъ запахъ, какъ-бы воспоминаніе, я безпрерывно въ себя вдыхаю. Она говоритъ, что эти букеты — билеты за мои уроки. Графъ, къ счастью, мало о насъ заботится; онъ очень занятъ своими мызниками и своими лѣсами, которые вырубаютъ.

«10 июля. Теперь мы, послѣ уроковъ, читаемъ въ гостиной. Въ ней такъ же много ума, какъ доброты. Мы устроились прелестно; а графъ ничего объ этомъ и не знаетъ: его почти никогда нѣтъ дома. Мы обходимся между собою какъ родственники, которые давнымъ-давно знаютъ другъ друга. Мнѣ очень нравится эта простая жизнь, эта дружественная фамиллярность, по которой я могу играть съ ея перчатками и вытаскать цвѣтокъ у нея изъ-за пояса. Для меня нѣтъ ничего на свѣтѣ смѣшнѣе и неблагопристойнѣе чопорности и жеманства, которыя установлены обычаями въ обхожденіи молодыхъ мужчинъ съ дѣвушками. Наши дѣвушки вѣчно какъ-будто въ оборонительномъ положеніи и готовы защищаться. Онѣ пугаются каждаго взгляда, малѣйшаго тѣлодвиженія; стыдливость ихъ не что иное какъ инстинктъ порока. Онѣ какъ-будто говорятъ: Что вы ни дѣлайте, а насъ не проведете! О, эти дѣвушки благовоспитанныя знаютъ, когда надобно покраснѣть!

«12 июля. У графа гости; они пробудутъ цѣлый день; я не выйду изъ моей комнаты.

«Охъ, я теперь чувствую, что напрасно пріучилъ себя къ этому родственному обхожденію, которое не можетъ всегда продолжаться. Черезъ мѣсяць мы будемъ въ Парижъ. Тамъ Эрнестина явится въ большомъ свѣтѣ, и мнѣ невозможно уже будетъ обходиться съ нею попрежнему, какъ съ равною мнѣ. Глупецъ я, что самъ себѣ приготовилъ сожалѣнія! Сердце мое похоже на тѣ растенія, которыя ко всему прильпляютъ, и которыя потомъ надобно отрывать. У меня это врожденный недостатокъ; если я не оторву своего сердца и не брошу его въ толпу, оно далеко разовьется. Можетъ-быть современемъ у меня достанетъ духа привить къ нему немножко эгоизма, чтобы оно не такъ скоро росло. Дорога въ свѣтъ широка и гладка только для того, кто вырвалъ изъ груди всю безпокойную чувствительность. Энтузіазмъ какъ парь, — сильный двигатель только по немногимъ приготовленнымъ для того дорогамъ, а въ другихъ мѣстахъ, онъ причиняетъ только паденія. Благородныя страсти, высокое честолюбіе, производятъ только безпорядки и несчаствія.

«Надобно изуродовать душу, чтобы жить спокойно. Блаженны евнухи умомъ и сердцемъ! они могутъ безъ желаній прогуливаться посреди обольщеній свѣта.

«13 іюля. Они еще и сегодня не уѣхали. Когда же они уѣдутъ? О, какъ голоса и смѣхъ ихъ меня мучать! какъ мнѣ несносно ихъ видѣть!

«А она, она, кажется, радуется имъ, смѣется съ ними; она бѣгаетъ съ этими молодыми людьми по саду; она клочетъ ихъ издали, бросаетъ въ нихъ цвѣтами безразсудная!

«Она не понимаетъ, что эти люди могутъ однимъ взглядомъ обезчестить женщину; что, въ неосторожномъ поступкѣ дѣвушки, они ищутъ только повода къ соблазну; что они убираются ея стыдомъ какъ

моднымъ украшеніемъ. Она не знаетъ.....! Но, впрочемъ, что-же мнѣ до этого и къ чему писать всѣ эти глупости!

15 июля. Мнѣ было очень скучно сегодня, да и всѣ эти дни. Она брала урокъ.

— Давно уже я не имѣлъ чести васъ видѣть, сударыня.

— Кто же виноватъ! Зачѣмъ вы сидѣли въ своей комнатѣ? Я три раза за вами посылала.

— Я не хотѣлъ нарушать вашихъ удовольствій.

«Она взглянула на меня.

— Съ которыхъ поръ, мосьё Альфонсъ, вы стали думать, что ваше присутствіе можетъ нарушать мои удовольствія?

— Печальное мое лице испортило бы все ваше удовольствіе. Притомъ, я далеко отсталъ въ вѣжливости, въ веселости, отъ молодыхъ людей, которые у васъ были. Да сверхъ-того, мнѣ нельзя было и явиться на глаза вашимъ гостямъ. Я не нашелъ у себя ни одной пары бѣлыхъ перчатокъ.

— Иронія не извиненіе. Можетъ-быть учтивѣе было бы прійти безъ перчатокъ, чѣмъ не приходите, когда васъ три раза звали.

«Она, бѣдняжка, говорила это голосомъ, дрожащимъ отъ чувства и досады, — досады, которая у дѣвушекъ такъ близка къ слезамъ: я бы долженъ былъ взять ея руку и просить у нея прощенія, но я былъ не въ духъ и, глупый гордецъ, я вообразилъ себѣ, что она хотѣла обидѣть меня! Я всталъ.

— Я секретарь вашего батюшки, сказалъ я: онъ нанялъ меня для того, чтобы писать для него письма, а не для того чтобы забавлять гостей его; окончивъ работу, я могу дѣлать что мнѣ угодно.

«Я пошелъ уже къ дверямъ; но рыданія заставили меня остановиться. Она заливалась слезами. О, тутъ вся моя бессмысленная гордость разлетѣлась въ прахъ!

Я побѣждалъ къ ней, осмѣлился схватить ея руки, и тысячу разъ просилъ у ней прощенія. Я тоже плакалъ; я съ ума сходилъ отъ сожалѣнія, отъ раскаянія, отъ блаженства.

«Я сказалъ ей, кажется, что я былъ очень несчастливъ, что ея веселость меня мучила, что я вообразилъ себѣ, что она ни сколько меня не любитъ.... Богъ знаетъ, чего я не говорилъ!.... Она протянула мнѣ руку, и я прижалъ ее къ губамъ моимъ. Другая ея рука опустилась на мою голову.... Я чувствовалъ, какъ она трепетала въ волосахъ моихъ. Она произнесла мое имя и убѣжала.»

=

Вечеръ былъ удущливый, и ни малѣйшій вѣтерокъ не проникалъ въ залу, великолѣпно освѣщенную. Между-тѣмъ всѣ шесть оконъ были отворены. Сельскіе виды, ласкаемые луной, являлись въ ихъ стрѣльчатыхъ рамахъ, какъ полотно картины. Можно было подумать, что это шесть ландшафтовъ какого-нибудь великаго живописца, висящіе на стѣнахъ: такъ природа была спокойна и неподвижна!

Теплая безжизненность атмосферы, казалось, сообщалась и гостямъ, потому что танцы шли вяло, музыка часто молчала, и женщины, не дорожа забавами, поникали головами какъ цвѣтки передъ бурей.

Между-тѣмъ, графъ ничего не жалѣлъ, чтобы праздникъ его былъ какъ-можно болѣе блестящъ. Онъ за недѣлю еще созвалъ все лучшее Парижское общество на балъ, который давалъ въ своемъ Сень-Клудскомъ замкѣ. Тутъ были всѣ извѣстные лица: люди знатнѣйшихъ фамилій, большіе капиталисты, знаменитые адвокаты, журналисты, ученые и художники. Въ этой смѣшанной толпѣ всѣ состоянія сливались подъ однообразнымъ, чернымъ, печальнымъ костюмомъ, который дали свѣту либеральные Англичане,

чтобы сдѣлать всѣхъ людей равными хоть по безобразію.

По обычаю, заимствованному тоже у Англичанъ и принятому теперь въ Парижъ, дамы сидѣли въ одномъ концѣ залы, а мужчины стѣснились въ другомъ: это составляло какъ-бы два непріятельскихъ лагеря; и съ обѣихъ сторонъ начинали уже множество опасныхъ сшибокъ, и не одно сердце было уже пронзено взглядами.

То была средняя пора бала, когда воображенія, разгоряченныя тысячами сладострастныхъ образовъ и еще не притушенныя усталостью, блуждаютъ въ пламенныхъ мечтахъ. Что-то упоительное вдыхалось вмѣстѣ съ воздухомъ, который былъ наполненъ благоуханіемъ цвѣтовъ и женщинъ; горячая сырость покрывала самыя чистыя чела; было что-то электрическое въ этой атмосферѣ, которую мужчины впивали вмѣстѣ съ запахомъ полей и влажными взорами двушекъ.

И посреди этой упоительной теплоты, молнія по временамъ возвѣщала приближеніе грозы.

Вдругъ раздался громъ: сначала глухой, потомъ шумный, глубокій, ужасный!

И вминуту веселый говоръ замолкъ, и послышался шопотъ испуга.

Женщины, блѣднѣя, взглядывались; музыка прекратилась; голоса понизились. Въ залѣ воцарилось молчаніе.

— Громъ!!!

И въ ту жь минуту молнія освѣтила всю комнату, и ужасный раскатъ грома потрясъ се въ самыхъ основаніяхъ.

Женщины разбѣжались по другимъ комнатамъ, крича, чтобы скорѣе затворили окна. Почти всѣ мужчины пошли за ними.

Однако жъ въ залѣ осталось нѣсколько дамъ, свѣтскихъ амазонокъ, которыхъ ничто не пугаетъ. Музыка, по требованію ихъ, снова заиграла, и онѣ, смѣясь, посреди ударовъ грома и молніи, вальсировали въ объятіяхъ мужчинъ, которые для нихъ остались въ залѣ. Ноги ихъ едва касались до пола въ вихрь изступленнаго танца, пукли и платья развѣвались, изъ влажныхъ устъ вылетали безсмысленныя восклицанія веселья....

Опершись на балконъ, Альфонсъ спокойно смотрѣлъ на страшное зрѣлище разгневанной природы. Ему приходило въ голову, что и эти женщины были некогда чисты и робки, что одно прикосновеніе свѣта ихъ измѣнило, что современемъ можетъ-быть и Эрнестина сбросить съ себя тягостную невинность, и также, трепеща всѣмъ тѣломъ, дыша огнемъ, будетъ переходить на балъ изъ рукъ въ руки. Погруженный въ эту печальную мысль, онъ не слыхалъ, что его зовутъ. Кто то взялъ его за руку. Онъ оглянулся: подле него была Эрнестина, блѣдная, съ растрепанными волосами.

— Не стойте тутъ, Альфонсъ; ради Бога, затворите балконъ. Развѣ вы не слышите грозы?

— Что мнѣ до нея! отвѣчалъ молодой человекъ.

— Боже мой, да развѣ вы не видите молніи? неужели вы хотите привлечь ее сюда?

— Оно конечно было бы жаль: эти женщины такъ счастливы!

— Охъ, не смѣйтесь и подите отсюда! Здѣсь страшно стоять!....

— Страшно? Неужели вы бонтесь, чтобы я не послужилъ проводникомъ электричеству?....

Эрнестина съ удивленіемъ взглянула на него.

— Да притомъ, погибнуть отъ грома — смерть очень занимательная, хорошаго стилиа. Завтра имя мое было

бы во всѣхъ газетахъ, и вы сами могли бы рассказывать, что видѣли, какъ громъ убилъ чело­вѣка.

— Какъ вы жестоки въ своихъ шуткахъ!

— Отчего жъ жестоко? Тогда бъ, по-крайней-мѣрѣ обо мнѣ стали говорить, и знакомые мои не забыли бы меня, можетъ-быть, съ недѣлю.

Дѣвушка сложила руки съ горестнымъ выраженіемъ упрека.

— Боже мой, что съ вами сдѣлалось? сказала она.

— Ничего. Я смотрю, какъ танцуютъ. Но вы, сударыня, вы что-то очень блѣдны; громъ нарушилъ ваше веселье, а здѣсь онъ еще слышнѣе: развѣ вы не боитесь стоять тутъ въ дверяхъ?

— Я не боюсь грома, сказала Эрнестина, поспѣшно ставъ на балконъ подлѣ Альфонса.

Въ эту минуту молнія разсѣкла небо.

Эрнестина затрепетала, но стояла неподвижно и смотрѣла во всѣ глаза.

За этой молніей послѣдовалъ, ударъ глухой и уже отдаленный.

— Гроза проходитъ, сказалъ Альфонсъ. Красные облака улетаютъ и подымается свѣжій вѣтерокъ. Утѣштесь, сударыня, балъ снова сейчасъ начнется.

Она ничего не отвѣчала, но Альфонсъ услышалъ за­глушенные вздохи и обернулся, чтобы поглядѣть на нее. Она плакала.

— Что съ вами, Эрнестина? Ради Бога, что съ вами?

— Вы очень безжалостны, сказала молодая графиня, стараясь скрыть свои слезы.

— Неужели то, что я сказалъ, могло заставить васъ заплакать? Развѣ вы не видите, что я не въ ду­хѣ? Вы знаете, что среди свѣтской толпы я всегда скученъ и сердитъ.

— Но чѣмъ же я виновата? За-что вы меня мучите?

— Простите меня, Эрнестина! Что дѣлать! я никакъ не могу удержать въ сердцѣ всей горести, которую

оно наполнено. Признаюсь вамъ, мнѣ всегда досадно видѣть, что эти удовольствія веселятъ васъ. Мнѣ кажется, будто воздухъ, которымъ вы здѣсь дышите, оскверняетъ васъ.

— Боже мой, сказала Эрнестина съ одною изъ этихъ невыразимыхъ полуслезныхъ улыбокъ: вы удивительно строги! вы вѣчно вооружаетесь противъ бабовъ и танцевъ! Неужли это такъ дурно?

— Нѣтъ; для васъ, Эрнестина, это ничего, потому что вы ищете на балѣ удовольствія, движенія и, можетъ-быть, невиннаго наслажденія кокетства; но большая часть этихъ женщинъ, которыя выставляютъ напоказъ свои брилліанты и голыя плечи!..... Знаете ли, что, если бъ теперь написать на лбу у каждой изъ нихъ самую тайную ея мысль, всякой отвернулся бы отъ этого какъ отъ безстыдной афишки? Эти мужчины! знаете ли вы, что все это убійцы, которые готовятъ западню, чтобы погубить въ ней доброе имя какой-нибудь изъ васъ? Знаете ли вы, что тутъ нѣтъ, можетъ-быть, и трехъ мужчинъ, которые посовѣстились бы обезславить васъ, васъ, бѣдняжка! Впрочемъ нѣтъ, не васъ; вы знатны и богаты: имъ выгоднѣе жениться на васъ, чѣмъ васъ погубить. Они готовы жениться на васъ, не зная васъ, не любя васъ, не заботясь о томъ, будете ли вы съ ними счастливы; даже безъ тѣхъ предосторожностей, которыя бы они приняли, если бъ дѣло шло о покупкѣ лошади. Какъ же вы хотите, Эрнестина, чтобы я не былъ печаленъ, когда вы весело, довѣрчиво, ходите посреди всѣхъ этихъ опасностей? Какъ же вы хотите, чтобы я не сердился, видя какъ вы играете своимъ благополучіемъ съ лицемѣрами и эгоистами?

— А неужели вы думали, Альфонсъ, что я предоставляю этимъ людямъ что-нибудь другое кромѣ руки въ перчаткѣ? Они мнѣ нужны только для того, чтобы

водить меня въ танцахъ. Балъ кончился, и я забываю ихъ какъ цвѣты, которые выбрасываю изъ волосъ.

— Но развѣ не видите, Эрнестина, что вы должны провести всю жизнь въ этомъ обществѣ, которое сравниваете съ цвѣтами? Но развѣ вы не чувствуете, что ваше сердце цѣлый день заботится о гостяхъ, и что у него нѣтъ для друзей ни минуты свободной? Съ недѣлю уже я не могъ видѣть васъ одну и поговорить съ вами откровенно! Для этого надобно было, чтобъ началась гроза; потому что, прибавилъ онъ съ меланхолическою улыбкою, нѣсколько минутъ дружескаго разговора — случай въ нашей жизни, какъ гроза въ этомъ балѣ.

Молодая графиня слушала внимательно; она задумалась.

— Вы говорите правду, отвѣчала она послѣ минутнаго молчанія: но, Боже мой, что же мнѣ дѣлать?

— Ничего; продолжайте расточать вашу душу, пока она вся облетитъ; этого требуетъ ваше положеніе въ свѣтѣ; и забудьте друзей бѣдныхъ и безъизвѣстныхъ, которые не могутъ слѣдовать за вами въ эту блестящую толпу.

— О, неужели вы думаете, что я такъ скоро все забыла и лишилась сердца?

— Вамъ надобно объ этомъ постараться. Сердце свѣтской женщины должно быть, какъ алмазь, твердо и блестяще.

— Не говорите этого, ради Бога! Вы опять заставите меня заплакать! Вы сегодня очень, очень безжалостны со мною! Но чего вы хотите? скажите, что мнѣ дѣлать? я васъ послушаюсь. Я, можетъ-быть, ошибаюсь; но мнѣ кажется, что не хорошо смѣяться надъ моимъ заблужденіемъ, не указывая мнѣ истины. Когда заблудившійся ребенокъ протягиваетъ къ вамъ руку, вы не отталкиваете его съ насмѣшкою въ толпу. Альфонсъ, вы обѣщали быть моимъ другомъ!

И девушка¹ съ простодушною горестью протянула трепещущую руку къ молодому секретарю своего отца.

Досада Альфонса растаяла отъ этой невинной ласки. Онъ съ восторгомъ схватилъ руку Эрнестины, и прижалъ ее къ груди своей, потомъ къ губамъ.

— Не сердитесь на меня, сказалъ онъ. О, я виновать, вы истинный ангель! Но если бъ вы знали!.... Я такъ привыкъ быть съ вами, пользоваться вашею дружбою,.... мнѣ такъ больно, что все это кончилось!

И посмотрѣвъ вокругъ себя, не слушалъ ли ихъ кто, онъ прибавилъ :

— Вы не знаете, Эрнестина, объ чемъ я иногда мечтаю: я никогда не посмѣю сказать вамъ этого, но мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы сами угадали. Скажите мнѣ, неужели молчаніе мое ничего не говоритъ вамъ? Неужели вы не знаете, отчего я страдаю, видя, какъ вы принимаете угожденія другихъ? Отчего я не нахожу словъ, когда остаюсь одинъ съ вами? Посмотрите: я плачу, держа вашу ручку; плачу, и не стыжусь этого, хоть я и мужчина. О, когда я съ вами, мнѣ бы хотѣлось быть добрымъ, прекраснымъ, богатымъ, могущественнымъ, славнымъ; я бы хотѣлъ быть ангеломъ, чтобы вы сказали мнѣ — Ангель! Вся жизнь моя зависитъ отъ вашего взгляда; я веселъ или печаленъ, смотря по тому, нѣжны, или разсѣянны ваши взоры. Боже мой, Эрнестина, неужели вы этого не понимаете?

— Кто жъ вамъ сказалъ, что я не понимаю? отвѣчала она, вполголоса и потупивъ голову.

— Неужели, Эрнестина?.... О, такъ вы знаете....

— Молчите, молчите, Альфонсъ! сказала она въ испугъ

Потомъ, какъ-бы для того, чтобы загладить это женское движеніе сердца, она положила другую свою

руку въ руку Альфонса и, въ величайшемъ смущеніи, опустила голову ему на грудь.

— Эрнестина! сказалъ онъ, съ упоеніемъ прижимая ее къ себѣ.

— Альфонсъ!....

Легкій шумъ заставилъ ихъ обернуться. Двѣвушка вдругъ отскочила всторону.

— А, ты здѣсь, моя милая, сказала молодая герцогиня Картонъ, выставивъ голову между полами занавѣсокъ : я такъ и думала.

И потомъ, съ улыбкою полу-любезною, полу-насмѣшливою, она прибавила :

— Я надѣюсь, что Г. Терсенъ позволитъ тебѣ пойти потанцовать. Кадрили уже на мѣстахъ.

— Кадрили? сказала Эрнестина съ невольною радостію: я общала первую твоему братцу.

И она начала надѣвать перчатки.

Уходя съ балкона, она еще разъ обернулась къ Альфонсу.

Альфонсъ, скрестивъ на груди руки, слѣдовалъ за нею глазами.

=

Эрнестина встала уже часа два, но еще не одѣвалась. Она лежала на кушеткѣ, зябко окутавшись кашемировымъ пеньюаромъ и бѣлая, голая ея ножка играла съ бархатною туфлею. Веселый огонекъ пылалъ передъ нею, и она разсѣянно ощипывала рѣдкіе цвѣтки померанцоваго дерева, стоявшаго подлѣ нея въ краснаго дерева кадкѣ.

Она встала съ постели въ какой-то задумчивости и заботѣ. Она чувствовала меланхолическое расслабленіе ума, которое обыкновенно печалитъ на другой день бала. Быть-можетъ, впрочемъ, какая-нибудь тревожная мысль примѣшивалась къ ея мечтаніямъ,

какъ вдругъ дверь отворилась, и герцогиня Картонъ, смѣясь, вошла въ комнату.

— Какъ! ты еще только встаешь! сказала она, протягивая къ Эрнестинѣ объ руки и цѣлуя ее въ глаза: это самая свѣтская лѣность! хотъ бы не пансіонеркѣ!

— Вчерашній балъ измучилъ меня.

— Ты однако жъ больше говорила чѣмъ танцевала.

Эрнестина покраснѣла и потупила глаза.

— Полно ребячиться; я вѣдь не пристыдить тебя хочу. Ты смущаешься, какъ-будто я собираюсь бранить тебя. Неужели я такъ страшна? Я не бабушка, которая смотритъ на любовниковъ какъ на дикихъ звѣрей. Погляди на меня хорошенько: у меня нѣтъ ни очковъ, ни бороды.

Молодая графиня не могла не улыбнуться.

— Ну, ну, не бойся меня, Эрнестина! сказала молодая дама, сѣвъ подлѣ своей пріятельницы съ ласковою простотою обращенія и обнявъ одной рукою ея талію: ты, вѣрно не забыла, что мы съ тобою скакали въ пансіонъ черезъ веревочку. Правда, что я уже оканчивала курсъ, когда ты еще начинала только глаголы перваго спряженія; но эта разница въ лѣтахъ теперь исчезла, ты уже большая дѣвушка. Надѣюсь, что мы, попрежнему, пріятельницы?

— О, конечно, милая Альбертина.

— Слава Богу; называй меня всегда просто по имени. Это напоминаетъ мнѣ то время, когда мы, бывало, ходили въ бѣлыхъ передничкахъ, отъ которыхъ вѣчно пахло масломъ съ хлѣбомъ. Помнишь?

И онѣ принялись хохотать какъ пансіонерки.

— Кстати о твоёмъ любезномъ: знаешь-ли ты, моя милая, что онѣ очень не дуренъ?

— О комъ ты говоришь? Объ Альфонсѣ Терсенѣ?

*

— Притворяйся, смиренница. Ты вѣрно совсѣмъ и не знаешь его!

— Нѣтъ, этого я не говорю, Альбертина; онъ очень добрый и благородный молодой человекъ.

— И очень умный.

— Не правда ли?

— Только немножко оригиналь.

— О, онъ былъ такъ несчастливъ!

— Да, да, конечно; всѣ эти молодые люди, съ прекрасными блѣдными лицами и большими черными глазами, всегда очень несчастны. Послушай этихъ господъ, такъ подумаешь, что сердце ихъ кладбище, въ которомъ они погребли всѣ радости, всѣ надежды жизни.

— Ты шутишь, Альбертина; но онъ говоритъ правду, повѣрь мнѣ.

— Нѣтъ, не шутя, Г. Терсенъ очень хорошъ. Но позволь дать тебѣ дружескій совѣтъ: ты позволяешь ему слишкомъ вольно обходиться съ тобою. Дѣвушка должна быть осторожна. Когда выйдешь замужъ, дѣло другое. Замужняя женщина можетъ пренебрегать всѣми этими пустяками, и дѣлать что угодно. Но въ твоёмъ положеніи, тотчасъ замѣтятъ, что Г. Терсенъ ухаживаетъ за тобою. Вчера уже объ этомъ говорили. Въ свѣтѣ всегда думаютъ дурное! Это можетъ повредить тебѣ и помѣшать найти хорошую партію.

— Да, милая моя, увѣряю тебя, что я и не думаю о замужствѣ.

— Да можно и не думать, однако жъ поступать осторожно. Не надобно пренебрегать выгодными партіями.

— Я бы очень рада была, если бъ никто обо мнѣ не думалъ.

— Отчего жъ это? сказала Альбертина, серьезно взглянувъ на нее.

— Отчего? повторила вполголоса Эрнестина, отвернувшись, потупивъ глаза и играя съ бахрамою кушетки..... Отчего? Оттого, что я не хочу выйти замужъ.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ не на-шутку влюблена въ этого Г. Терсена?

Эрнестина молчала; но ея смущеніе и краска отвѣчали за нее.

Альбертина захохотала.

— О чемъ ты смѣешься? спросила молодая графиня, почти обижаясь.

— Не сердись, моя милая..... только ты, право, самый безразсудный ребенокъ!.... Ну, ну, дай же мнѣ руку и не хмурься. Но скажи ты мнѣ, ради Бога, откуда ты взяла такую странную идею? Какъ тебѣ пришло въ голову выйти замужъ за секретаря отца твоего?

— Я тебѣ не говорила, что выйду за него замужъ. А, впрочемъ, если бъ и такъ, что жъ тутъ удивительнаго? Развѣ это невозможно оттого, что онъ бѣдный секретарь?

— Оно, конечно, и это непустая причина. Но я женщина безъ предрассудковъ. Мнѣ нужды нѣтъ, что Г. Терсенъ сынъ адвоката: но у него нѣтъ ни какого мѣста въ свѣтъ!

— Охъ, онъ пріобрѣтетъ себѣ мѣсто!

— Да какъ же это можно? У него ничего нѣтъ!

— Зато я богата.

— Тѣмъ болѣе ты въ правѣ искать богатаго мужа. И притомъ, скажи, ради Бога, неужели ты думаешь, что батюшка твой когда-нибудь позволить тебѣ выйти за Г. Терсена?

— Я этого не говорю: кто же тебѣ сказалъ, что я хочу выйти за Г. Терсена? Но батюшка уважаетъ его, говорить, что онъ человекъ съ дарованіями, и, можетъ-быть.... онъ бы согласился....

— Никогда, моя милая! Батюшка твой слишкомъ знаетъ свѣтъ, чтобы позволить тебѣ сдѣлать такое дурачество. Э, моя милая, которая изъ насъ, при выходѣ изъ пансіона, не имѣла какой-нибудь пустой страсти! Это очень занимательно, очень мило. Любишь и плачешь! Но только не выходишь замужъ, потому, изволишь видѣть, что въ замужствѣ надобно думать о счастіи всей жизни.

— А развѣ ты думаешь, что съ мужемъ, котораго любишь, нельзя быть счастливой?

— Оно, конечно, моя милая, прекрасно.... Положимъ, что эта любовь все замѣняетъ; но неужели ты думаешь, что она продолжается всю жизнь. Браки по любви всегда почти несчастны. Жаль, конечно, но это вещь извѣстная. Посмотри, Каролина Арнимъ вышла замужъ по любви, противъ воли родителей.... Мужъ промоталъ все ея имѣніе. Г-жа Дортень..... ты ее знаешь.... тоже бракъ по любви: мужъ отказываетъ ей въ самомъ необходимомъ; у ней нѣтъ даже кабриолета. Повѣрь мнѣ, замужство дѣло серьезное. Чтобы не ошибиться, надобно приступить къ нему хладнокровно: страсть всегда ослѣпляетъ. Ничего не можетъ быть опаснѣе, какъ любить челоуѣка, за котораго выходишь замужъ. Не забывай, мой другъ, что замужство — значеніе въ свѣтъ, а не забава сердца. Богатство доставляетъ всегдашнія наслажденія....

— А любовь, Альбертина?

— Любовь занимаетъ очень немного мѣста въ суткахъ, мой другъ. Какъ бы ты ни была влюблена, все болѣе проводишь времени въ одѣваньи, въ гуляньи, чѣмъ въ любви. Да притомъ, Эрнестина, скажи, сдѣлай милость, если бъ у тебя не было ни богатства, ни значенія въ свѣтъ, если бъ ты принуждена была скрываться въ толпѣ, развѣ тебѣ не досадно было бы видѣть, что всѣ твои пріятельницы богаче, блес-

тащѣй тебя? развѣ ты не стала тогда бы жалѣть, что пожертвовала минутной, дѣтской прихоти судьбою всей своей жизни? Различіе состояній, моя милая, не мечта; это говорить только тѣ, которые занимаютъ въ свѣтѣ низкія мѣста; это бредни нашихъ Парижскихъ журналистовъ. Въ театрѣ ты не промѣняла бы своей ложи на верхнюю галерею, потому что въ ложѣ тебѣ лучше. Въ свѣтѣ, мой ангелъ, какъ въ театрѣ: тѣ мѣста и лучше, которыя дороже.

— Да помилуй, Альбертина, если бѣ даже все это была правда, развѣ можно любить и не любить, какъ хочешь? А когда любишь, такъ забыть невозможно!

— Полно, пожалуй-ста; это совсѣмъ не такъ трудно, какъ ты думаешь. Послушай, я буду съ тобой откровенна, потому что ты вѣрно этого не разболтаешь. Я тоже была влюблена въ другаго, когда выходила замужъ. О, если бѣ ты меня тогда видѣла!.... Я была въ совершенномъ отчаяніи!.... Цѣлыя три ночи я плакала такъ, что совсѣмъ подурнѣла. Потомъ, все это прошло благополучно, я и сама не знаю какимъ образомъ.... Я ѣздила по баламъ; у меня была абонированная ложа, прекрасный экипажъ; нѣкогда было и подумать о моемъ горѣ. И теперь я счастлива совершенно.

— Боже мой! сказала Эрнестина задумчиво: мнѣ бы этакъ никогда не сдѣлать.

— Попробуй, отвѣчала Альбертина, тогда и увидишь.

Разговоръ еще нѣсколько времени продолжался въ томъ же тонѣ. Герцогиня Картонъ, нѣжно и умно подсмѣивалась надъ своей пріятельницей, не нападая прямо на ея раждающуюся страсть, но окружая ее сочувствіями и препятствіями.

Когда она уѣхала, Эрнестина была, можетъ-быть,

еще недовольнѣе чѣмъ прежде, но не такъ уже печальна.

Возвратясь домой, герцогиня Картонъ, бросилась въ кресла, не скрывая своей досады.

Услышавъ шумъ, человекъ лѣтъ сорока, который сидѣлъ на софѣ и читалъ журналъ, приподнял голову.

— Ахъ, это вы, Альфредъ! сказала она, увидѣвъ его: я думала что это мужъ мой.

— Братъ на кладбищѣ. Онъ хоронитъ одного государственнаго совѣтника и будетъ говорить рѣчь на его могилѣ.

— Онъ вѣчно свое! Эти господа перы и депутаты поставляютъ на погребенія рѣчи какъ похоронное общество подсвѣчники и катафалку. Впрочемъ, я тоже сейчасъ ораторствовала.

— Гдѣ же это? И вы, кажется, не довольны дѣйствіемъ своего краснорѣчія?

— Я ужасно раздосадована. Я была у Эрнестины.

— А!.... Ну что жъ?

— Ну что! Вышло то, что я вамъ говорила. Она влюблена въ Терсена.

— Секретаря отца ея? Онъ не можетъ быть препятствіемъ; у него ничего нѣтъ.

— Да она этого и знать не хочетъ. Она готова всю жизнь пѣшкомъ ходить, чтобы только за него выйти. Она совсѣмъ помѣшана.

Человекъ, сидѣвшій на софѣ, началъ смѣяться.

— Неужели вы вѣрите прочности этихъ страстей, сестрица? Женское сердце похоже на кожу, которая бываетъ у насъ въ бумажникахъ: какъ бы крѣпко не было на ней написано, тотчасъ все можно стереть.

— Вы вѣчно такъ объ насъ думаете, сказала Альбертина, съ досадою вставая съ кресель. У насъ нѣтъ ни энергіи, ни постоянства, ни воли. Теперь прошу

пожорно, любезный братецъ, потрудиться самимъ стереть съ сердца Эрнестины имя, которое на немъ написано. Кчему мнѣ мѣшаться въ это дѣло? Если это такъ легко, вы и одни можете все кончить.

— Какъ вамъ не стыдно сердиться! Вы знаете, что намъ невозможно обойтись безъ васъ; не забудьте, что эта женитьба намъ непременно нужна, что мнѣ очепь этого хочется, и что вы обѣщали помочь мнѣ.— Притомъ, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ и съ нѣкоторою важностью, вы знаете, что это необходимо по нашимъ политическимъ видамъ. Вступивъ въ родство съ графомъ, мы съ братомъ можемъ всего надѣяться.

— Все это такъ. Но я знаю Эрнестину, лучше чѣмъ вы. Присутствіе Терсена здѣсь очень опасно. Надобно бы удалить его.

— Это можно сдѣлать. Я подумаю объ этомъ. Возьмитесь только за вашу пріятельницу, милая Альбертина, а я повिдаюсь съ графомъ и устрою все, какъ слѣдуетъ. Въ палатѣ депутатовъ я незамѣтнымъ образомъ могу съ нимъ сблизиться. Я знаю, что онъ обѣщаль министру поддерживать новый проектъ закона; я было хотѣлъ говорить противъ, но теперь тоже стану подкрѣплять его. Такимъ образомъ мы съ нимъ тотчасъ сойдемся.

— Развѣ вы не боитесь, что это дурно будетъ принято въ публикѣ?

— Нѣтъ. Либерализмъ мой такъ извѣстенъ, что я спокойно могу приставать повременамъ къ министрамъ. Это даже очень хорошо, потому что показываетъ независимость мнѣній.

— Герцогу надо бы сдѣлать то же въ палатѣ перовъ.

— Избави Богъ! Подумають, что мы сговорились. Онъ будетъ говорить противъ министерскаго проекта, а подастъ голосъ въ пользу его. Такимъ образомъ

мы угодимъ и журналистамъ и министерству. Въ представительномъ правленіи иначе невозможно.

Дама и депутатъ взглянулись и оба захохотали.

— Вы будете министромъ, сказала Альбертина.

— Надѣюсь! отвѣчалъ Альфредъ Картонъ.

=

Герцогъ, герцогиня и Альфредъ Картонъ принялись за работу. Графъ былъ обойденъ со всѣхъ сторонъ, осыпанъ учтивостями и услугами. Альфредъ Картонъ былъ въ палатѣ депутатовъ предводителемъ одного изъ тѣхъ переметныхъ подраздѣленій, которыя склоняютъ сомнительное большинство направо и налево, смотря по тому, къ какой партіи они пристанутъ. Онъ умѣлъ придать своей благоразумной расчетливости видъ благородной независимости. Онъ пользовался, по своему политическому гермафродитизму, уваженіемъ обѣихъ партій, вокругъ которыхъ онъ и его послѣдователи скакали какъ наѣздники. Само собою разумѣется, что онъ дѣлалъ все это по корыстнымъ видамъ. Альфредъ Картонъ, какъ и вообще всѣ эти господа, былъ человекъ, душою преданный той партіи, которая могла его возвысить; по своему благоразумію, онъ ограничилъ честолюбіе одною корыстью. Роясь одной рукою въ мутной водѣ, чтобы вытащить изъ нея золото и почести, онъ не маралъ другой руки, и протягивалъ ее къ тѣмъ, которые считали себя честными, потому что еще не были подкуплены.

Занимая такое мѣсто въ палатѣ, онъ легко сблизился съ графомъ, который былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ депутатовъ министерской партіи. Ничто не было забыто для того чтобы привлечь его къ себѣ. Одинъ журналъ, которымъ Альфредъ Картонъ располагалъ, получилъ приказаніе восхвалять ежедневно графа, и ему дали знать, чья рука зажгла кадило.

Раза два или три, начиная говорить въ палатѣ, депутатъ средней партіи намѣкалъ не превосходный талантъ и благородный характеръ «одного изъ предшествовавшихъ» ораторовъ, то есть, отца Эрнестины. Журналы, замѣтивъ эту парламентскую въжливость, заключили изъ нея, что надобно ожидать переменъ министерства. Это подало поводъ къ нѣсколькимъ краснорѣчивымъ статьямъ, за которыя издатель *Constitutionnel* былъ приговоренъ къ уплатѣ двухъ тысячъ франковъ пени, а одинъ изъ редакторовъ *Gazette de France* убитъ на дуэли редакторомъ *Courrier Français*.

Графъ скоро угадалъ намѣренія Картоновъ, и родство съ ними нравилось ему по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ они искали его союза. Поэтому онъ охотно принималъ всѣ ихъ учтивости и отвѣчалъ на нихъ, такъ, что братья рѣшились сдѣлать прямое предложеніе. Графъ принялъ его весьма въжливю, но безъ излишней готовности, чтобы выгоднѣе договариваться о приданомъ. Герцогъ, черезъ котораго сдѣлано было предложеніе, замѣтилъ осторожность графа, но она его не безпокоила.

Между-тѣмъ Альбертина употребляла всѣ силы, чтобы заглушить въ сердцѣ Эрнестины любовь, противную ея намѣреніямъ. Она увлекла неопытную дѣвушку въ такой вихрь забавъ, что Альфонсъ видѣлъ ее только мелькомъ и притомъ при чужихъ. Повременамъ совѣсть Эрнестины какъ-будто укоряла ее въ томъ, что она ведетъ такую разсѣянную жизнь; повременамъ ей приходилъ на память молодой человекъ, которому она признавалась въ любви и котораго каждый день болѣе и болѣе забывала; но бальный шумъ заглушалъ этотъ голосъ; ловкіе танцоры шептали ей, что она прекрасна; она видѣла, какъ толпа ею восхищается; она слышала вокругъ себя ропотъ удивленія. Можно ли посреди всѣхъ

этих оболыщеній сохранить мысль печальную! При томъ Альбертина не покидала ея; она всегда была съ нею какъ злой духъ, повемножку скидала съ души ея дѣтскія пеленки и пріучала являться безъ покрываль стыда. Не вдругъ, постепенно, нѣжно и ласково, вырывала она изъ ея сердца всѣ прежнія вѣрованія, такъ, что Эрнестина почти и не замѣчала этого, потому что рука, которая надѣвала на нее вѣнокъ свѣтской барышни была ловка и легка, а голосъ, который искушалъ ее, исполненъ мелодіи и обѣщаній. Альбертина не нападала на любовь Эрнестины, не хулила сердечныхъ ея наклонностей. Напротивъ! Она вмѣстѣ съ нею выхваляла высокій характеръ Альфонса; она признавалась, что пріятно было бы пройти всю жизнь объ-руку съ этимъ прекраснымъ, благороднымъ молодымъ человѣкомъ; но похвалы всегда оканчивались вздохомъ, и герцогиня, дружески и съ прискорбіемъ, доказывала ей невозможность подобнаго союза и опасность питаться несбыточною надеждою. Такимъ образомъ Эрнестина нечувствительно пріучалась считать мечтою то, въ чемъ полагала свое благополучіе.

— Ну что жъ! говорила она: я совсѣмъ не выйду замужъ, если не могу быть за нимъ.

Альбертина улыбалась, покачивая головою.

— Да какъ ты это сдѣлаешь, моя милая? Захочешь ли ты огорчить отца? К чему же дѣлать полу-пожертвованія?

Эрнестина не отвѣчала; но надежда погасла въ ея сердцѣ, — а душа человѣческая не можетъ противиться долгому отчаянію; счастье, до котораго не надѣешься дожить, скоро забывается.

Между-тѣмъ графъ и Альфредъ Картонъ условились о союзѣ, котораго оба желали. Торговое предпріятіе было введеніемъ къ союзу. Они купили вмѣстѣ желѣзный заводъ, продававшійся въ Альзациі.

До этой покупки, графъ имѣлъ нѣсколько совѣщацій съ министрами; но никто не зналъ, что происходило при этихъ переворотахъ. Замѣчено было только, что два министерскіе проекта, по общему мнѣнію, вредные, были утверждены палатою депутатовъ, благодаря вліянію средней партіи, которою предводительствовалъ Альфредъ Картонъ. Недѣлю черезъ двѣ послѣ этого, въ Монитеръ былъ напечатанъ длинный докладъ военнаго министра о необходимости переимѣнить въ арміи тесаки, и поставка новыхъ тесаковъ, на нѣсколько милліоновъ франковъ, отдана была Альзасскому заводу.

Но то были факты неясные и неопредѣленные. Одинъ журналъ вздумалъ было вывести изъ этого заключенія невыгодныя для депутата Изерскаго департамента, Альфредъ Картонъ написалъ къ журналисту письмо, исполненное чувства оскорбленнаго достоинства и напшигованное словами — Хартія. Публика убѣдилась, что почтенный депутатъ ни сколько не измѣнилъ своихъ благородныхъ мнѣній.

Для управленія недавно купленнымъ заводомъ нуженъ былъ человекъ, заслуживавшій полную довѣренность, и графъ, по совѣту Альфреда Картона, отправилъ туда Альфонса.

Уже нѣсколько времени горькія мысли терзали бѣднаго Терсена. Онъ видѣлъ, что Эрнестина нечувствительно уступаетъ влеченію. Онъ чувствовалъ, что союзъ сердець ихъ всякой день болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Онъ цѣразъ жаловался; Эрнестина начинала плакать, произносила нѣсколько нѣжныхъ словъ, и, подаваясь надеждѣ, онъ снова вѣрилъ любви ея. Онъ однако жъ очень понималъ, что покинуть ее — значитъ потерять и что, безъ него, она не въ состояніи будетъ противиться обольщеніямъ свѣта. Съ другой стороны, не послушаться графа было невозмож-

но: это все-равно что поссориться съ нимъ безъ всякой причины. По-крайней-мѣрѣ, если бѣ онъ могъ, передъ отъѣздомъ, повидаться съ Эрнестиною!..... Но все было предусмотрѣно: герцогиня Картонъ наканунѣ этого дня увезла ее на дачу, и никто не зналъ когда онъ воротятся. Альфонсъ видѣлъ, что ему болѣе нечего дѣлать какъ предаться судьбѣ своей. Онъ рѣшился написать и ввѣрилъ письмо свое горничной Эрнестины, дѣвушкѣ, которой скромность и преданность онъ уже неразъ испытывалъ.

На другой день послѣ отъѣзда Альфонса, графъ съ Альфредомъ отправились на дачу, гдѣ были герцогиня и дочь его. Эрнестина замѣтила, что Г. Картонъ необыкновенно вѣжливъ и услужливъ съ нею. Ей не долго пришлось искать причины этого: черезъ два дня послѣ того отецъ призвалъ ее къ себѣ и объявилъ, что обѣщаль руку ея Альфреду.

Эрнестина была такъ поражена этимъ, что зашаталась. Она принуждена была опереться о ручку кресель.

— Что съ тобою? сказалъ графъ.

— Батюшка! вскричала она..... батюшка!.....

Руки ея скрестились, все тѣло трепетало, но рыданія помѣшали ей говорить.

Графъ показаль, будто не понимаетъ что съ нею.

— Полно, сказалъ онъ, успокойся; пугаться тутъ нечего. Это прекрасная партія, которая можетъ повести тебя ко всему.

Въ эту минуту Альфредъ Картонъ вошелъ въ комнату.

— Поди сюда, любезный другъ, сказалъ ему графъ. Я предувѣдомилъ Эрнестину. Вотъ твоя невеста.

Альфредъ подошелъ съ ловкою учтивостью, взялъ руку Эрнестины и поцѣловалъ ее.

— Могу ли я надѣяться, что предложеніе мое принято вами безъ отвращенія? сказалъ онъ.

— Конечно, отвечал графъ: вы какъ-будто созданы другъ для друга!

Альфредъ былъ слишкомъ въжливъ и остороженъ, чтобы добиваться прямого отвѣта на свой вопросъ.

— Пойдемъ, мой милый, продолжалъ графъ; ей надобно дать время успокоиться. Она такъ внезапно узнала честь, которую ты намъ дѣлаешь, что это совершенно смутило ее.

Депутатъ поклонился и вышелъ съ своимъ тестемъ.

Эрнестина много плакала, но это не измѣнило намѣреній отца. Графъ показывалъ, будто не замѣчаетъ ни красныхъ глазъ ея, ни блѣдности. Однажды она хотѣла броситься въ его объятія и во всемъ ему признаться; но онъ тихонько отвелъ ее отъ себя и сказалъ:

— Успокойся, Эрнестина; ты ребячишься.

И, поцѣловавъ ее въ лобъ, онъ ушелъ.

Графъ былъ одинъ изъ тѣхъ отцовъ, которые не трогаются горестью дѣтей своихъ, если рѣшили, что эта горестъ нужна; одинъ изъ тѣхъ отцовъ, которые напередъ расчитываютъ свою нѣжность какъ домашніе расходы и никогда не выходятъ изъ бюджета ни денежнаго, ни сердечнаго. Это ариѳметисты, у которыхъ ни просьбы ни слезы не могутъ разстроить опредѣленной суммы привязанности, и которые вводятъ движенія сердца въ общій счетъ жизни.

Почтенный депутатъ легко угадалъ, что причиною огорченія Эрнестины тайная любовь. Но онъ совершенно уже приготовилъ союзъ свой съ Альфредомъ. Картонъ и женскія слезы не должны были разстроить плана, столь хорошо обдуманнаго. Онъ любилъ дочь свою, но любовью, которая ежедневно отпускаетъ дитяти законную долю ласкъ и нѣжности; любовью хозяина, который тщательно заботится о сохраненіи принадлежащей ему вещи. Это будничная

привязанность, по которой въ свѣтъ васъ называютъ добрымъ мужемъ, добрымъ отцемъ, и которой вы не пожертвуете ни одной волею, ни одной страстью.

Притомъ онъ очень хорошо зналъ, что время скоро вымечиваетъ страданія сердець, которыя бьются подъ шалиями и шелковыми платьями. Такъ и случилось.

Слезы Эрнестины не могли течь вѣчно. Они изсыкли, и мѣсто ихъ заступила печаль, которая тоже мало-помалу разсылась. Молодая графиня, ободряемая Альбертиною, привыкла считать покорность свою благородною жертвою отцовской воли. Она облекла измѣну свою одеждою самопожертвованія, и наконецъ сама стала вѣрить этому лицемѣрному переодѣванью. Она уважала свою невѣрность и называла ее благороднымъ мужествомъ. Она не только не чувствовала угрызений совѣсти, но сама себя удивлялась, и считала себя великодушною жертвою. Балы и пиршества еще подкрѣпили ея дѣтскую покорность судьбѣ своей. На дачу съѣхалось множество гостей, и Эрнестина, хвалимая и превозносимая болѣе чѣмъ когда-нибудь, вальсируя и галопируя, сносила кое-какъ свое высокое самопожертвованіе.

Такимъ образомъ прошелъ мѣсяць. Надобно было возвратиться въ Парижъ. При этой мысли Эрнестина нѣсколько смутилась, но Альбертина, какъ-будто безъ намѣренія, сказала ей, что Альфонсъ уѣхалъ въ Альзацию. Мысль, что она, выходя изъ кареты, не увидитъ его, нѣсколько успокоила дѣвушку. Несмотря на это, подѣзжая къ дому она дрожала; ей все казалось, что онъ долженъ быть на балконѣ, и первый подастъ ей руку, какъ скоро дверцы кареты отворятся. Къ счастью, опасенія ея были напрасны. Альфредъ давно уже уѣхалъ.

Она побѣжала въ свою комнату и нашла ее въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ оставила при поспѣшномъ отъѣздѣ. На туалетъ ея еще лежала высохшая

роза, которую Альфонсъ далъ ей на последнемъ балѣ. Сердце ея стѣснилось.

Но, бросивъ взглядъ на каминь, она вскрикнула, покраснѣла и схватила письмо, котораго почеркъ она тотчасъ узнала.

То было письмо, оставленное Альфонсомъ передъ отъездомъ. Она смочила бумагу своими слезами и поклялась всѣмъ пожертвовать своему любезному.

Альбертина таскала ее по баламъ и гуляньямъ, окружала всѣми удовольствіями и утѣхами свѣта.

Почтенный депутатъ, оставшись однажды наединѣ съ нею, сыгралъ ей представительное правленіе, произнесъ превосходную рѣчь, наполненную громкими фразами, сказалъ въ заключеніе, что онъ жертвуетъ для нея собою, и вышелъ, отирая платкомъ сухіе глаза.

— Благородный человекъ! подумала Эрнестина: мнѣ бы надобно было узнать его прежде..... или не знать никогда!

Она перестала плакать надъ письмомъ Альфонса Терсена и сдѣлалась благоразумною.

=

Прошло десять лѣтъ. Альфонсъ Терсенъ сидѣлъ передъ огромнымъ бюро, заваленнымъ бумагами, копіями съ прошеній и сводами законовъ. Десять лѣтъ жестоко измѣнили его. Лице его было блѣдно, худо, и сѣдые волосы висѣли по вискамъ, оставляя открытымъ высокій лобъ его. Подлѣ него сидѣлъ молодой человекъ лѣтъ двадцати, блондинъ, съ голубыми свѣтлыми глазами, съ жаркимъ, гармоническимъ, исполненнымъ ласки голосомъ. То былъ Генрихъ Вернонъ, его воспитанникъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ пріѣхалъ въ Парижъ. Альфонсъ Терсенъ, сдѣлавшійся известнымъ адвокатомъ, спасъ имѣніе отца Генриха Вернона, и тотъ, умирая, пору-

чиль ему падзоръ надъ имѣніемъ и надъ поведеніемъ сына до его совершеннолѣтія.

Сначала Терсенъ принялъ это на себя какъ долгъ, но вскорѣ полюбилъ Генриха какъ сына. Никогда сердце молодаго челоуѣка не бывало чище, искреннѣе, пламениѣе ко всему доброму и прекрасному, чѣмъ у Генриха Вернона; никогда отличнѣйшія способности не соединялись съ великодушіемъ болѣе нѣжнымъ и преданнымъ. Нѣсколько счастливыхъ опытовъ, напечатанныхъ въ журналахъ, уже подали Терсену самыя блистательныя надежды на талантъ его. Въ ту минуту какъ Генрихъ вошелъ въ кабинетъ, Альфонсъ оканчивалъ статью его, напечатанную въ одной изъ лучшихъ газетъ Парижскихъ.

— Я былъ съ тобой, Генрихъ, сказалъ Терсенъ, улыбаясь и указывая ему на газету, которую держалъ въ рукахъ: статья твоя мнѣ нравится, но мнѣ бы хотѣлось, чтобъ она была въ другомъ мѣстѣ.

— Отчего жъ?

— Оттого, что люди, которымъ предстоить слава въ будущемъ, не должны, подобно Сибиллѣ, тискать своихъ оракуловъ на летучихъ листкахъ: издавать мысли свои отрывками всегда опасно.

— Но только такимъ образомъ и составляются репутаціи и имѣнія въ Литературѣ: газета — публичный глашатай, который прокричитъ ваше имя во всѣхъ закоулкахъ.

— Я именно и боюсь этихъ легкихъ успѣховъ и легкихъ обогащеній. Легкость обольщаетъ и заставляетъ жертвовать мимолетной, однодневной литературѣ ученіемъ основательнымъ и прилежнымъ. Газеты — домъ разврата для мысли. Толпа требуетъ отъ васъ, статейщиковъ, минутнаго наслажденія. Вы забавляете, вотъ и все. Ничто не связываетъ васъ съ читателями, ни любовь, ни довѣренность, ни уваженіе. Составивъ съ долгимъ трудомъ хорошую книгу, мы можемъ ска-

затъ себя : « На свѣтъ найдется хоть одинъ человекъ, для котораго эта книга будетъ проявленіемъ его самого, который полюбитъ меня за нее. Книга моя составитъ таинственный союзъ между моей душою и другими душами, разсѣянными въ толпѣ. Кто знаетъ, сколько друзей доставитъ мнѣ эта книга? Быть — можетъ, не одна женщина сдѣлается моей тайною любовницею и многія стануть боготворить мое имя! » И это убѣжденіе освѣжаетъ сердце пріятною довѣренностію, поощряетъ быть великимъ и не измѣнить своему гению. Тогда добросовѣстный трудъ дѣлается потребностію, и писатель прекрасенъ, потому что старается быть истиннымъ.

— Охъ, я самъ часто думалъ, неразъ чувствовалъ то, что вы говорите. Я не смѣшиваю славы съ извѣстностію. Я тоже думаю, что геній не долженъ каждый день посылать публикѣ визитную карточку и, подобно моднымъ дамамъ, выказывать вездѣ красоту свою. Муза должна жить въ свѣтлицѣ и пѣть далеко отъ шума и проясковъ. Да, я чувствую все это. Вы правы. Я не стану болѣе писать въ газетахъ.

— И хорошо сдѣлаешь, Генрихъ; учишься сначала и смѣшивайся со свѣтомъ, чтобы изучать его. Изображая бѣды жизни и страсти, ты долженъ писать ихъ съ натуры. Не погружайся въ уединеніе, иначе ты никогда не узнаешь среды, въ которой живешь. Тебѣ надобно видѣть общество, чтобы его описывать. Это галерея, въ которой ты найдешь много оригиналовъ для твоего альбома. Ты бываешь у графа, и его родныхъ?

— Бываю. По вашей рекомендаціи меня приняли такъ ласково, что это меня тронуло.

Терсенъ улыбнулся.

— Да; они люди благоразумные.

— Они чрезвычайно уважаютъ васъ.

— Иначе и не может быть; у них скверные процессы, а они знают, что я пользуюсь въ судахъ нѣкоторымъ вліяніемъ. Не забудь, что я далъ тебѣ только билетъ для входа за кулисы: не принимай всего этого за существенность и не подумай, чтобы эти люди были что-нибудь иное, а не актеры, играющіе свою роль.

— Вы, конечно, исключаете изъ этого числа госпожу Картонъ? сказалъ молодой человекъ, краснѣя: она не въ состояніи обманывать, потому что чувствительность и благорасположеніе сіяютъ на ея лицѣ. Она прекрасна еще болѣе добротой нежели красотой.

— Я никого не исключаяю Генрихъ; никого.

При имени Г-жи Картонъ, Терсенъ принялъ задумчивый видъ. Въ эту минуту кто-то вошелъ въ комнату, и Генрихъ Вернонъ удалился.

Мѣсяца черезъ два послѣ этого, Терсенъ возвращался отъ графа съ бала, на который онъ, противъ обыкновенія своего, похвально. Питомецъ его былъ съ нимъ и карета быстро катилась по Орсейской набережной.

Терсенъ былъ мраченъ. Генрихъ задумался. Оба сохраняли утомительное молчаніе. Наконецъ Терсенъ вдругъ прервалъ его.

— Такъ госпожа Картонъ, тебѣ очень нравится, Генрихъ?

Вернонъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Это внезапное откровеніе самой тайной его мысли такъ смутило его, что онъ не въ состояніи былъ тотчасъ отвѣчать.

— Очень нравится, сказалъ онъ наконецъ.

— О, очень! повторилъ Терсенъ, печально покачивая головою: мнѣ уже говорили объ этомъ, а сегодня я и самъ видѣлъ. Ты влюбленъ въ эту женщину.

— Я?

— К чему скрываться, Генрихъ? Волосы мои посѣдѣли, лобъ наморщился, но изъ этого еще не слѣ-

дуетъ , чтобы я былъ старикъ безъ сердца , который не въ состояннн понимать страстей. Дай мнѣ руку. Поговоримъ дружески, и будь откровененъ. Теперь темно; я не увижу, какъ ты покрасишься.

— Вы очень добры и снисходительны ; я не хочу и не могу васъ обманывать , но я еще и самъ не дѣлалъ себѣ этого вопроса.

— Развѣ ты не замѣчаешь , что не можешь пробыть ни одного дня безъ того, чтобы ея не видѣть ? что ты вездѣ ее преслѣдуешь ? что ты сердишься на тѣхъ, которые къ ней подходятъ ? что сегодня , когда она ласково съ тобой разговаривала , дотрогиваясь до тебя опашаломъ, ты поблѣднѣлъ отъ радости, и я быюсь объ закладъ , что ты едва не лишился чувствъ. Развѣ это не любовь ? Да и она ! развѣ ты не видишь, что она вездѣ слѣдуетъ за тобою глазами ? развѣ ты не знаешь, что она предпочитаетъ тебя всему на свѣтѣ ?

— Неужели ?.....

— Да ; мнѣ кажется, что такъ, и мнѣ жаль тебя, потому что я предвижу слѣдствія этой связи. Если любовь твоя не что иное какъ нечистое желаніе подъ благовидною личиною , и то уже дурно ; если же, напротивъ , это привязанность чистая и глубокая , то берегись , Генрихъ : ты бѣжишь съ закрытыми глазами къ пропасти ! Ты не знаешь, какимъ опасностямъ подвергаешься.

— Дѣло еще не дошло до того ; молчаливая любовь не можетъ оскорбить самаго подозрительнаго мужа, и....

— Ты меня не понялъ. Неужели ты думаешь , что я стану пугать тебя мужемъ ? Что до него ? Проступокъ женщины безчестить въ Парижѣ только того, кто отъ него страдаетъ , а не того , кто имъ пользуется. Это, конечно , несчастье , но у насъ , во Франціи, оно дѣйствительно такъ. Притомъ Альфредъ Картонъ

стоитъ всего. Но берегись, Генрихъ : можетъ-быть , то , что кажется тебѣ раемъ , адъ .

— Охъ , если бъ вы знали Эрнестину !

— А кто жъ тебѣ сказалъ , что я ея не знаю ? Тебя , вѣрно , прельстила въ ней искра восторженности чувствъ ? Она была женщина съ сердцемъ . Не ея вина , что свѣтъ изсушилъ это сердце . Она несчастная женщина , которая не могла произвести въ душѣ своей совершенной пустоты . Но не обманывайся ни печальною задумчивостью , которую ты иногда увидишь на лицѣ ея , ни порывами чувствительности , ни ея минутною страстію . Все это у нея только на поверхности сердца и до глубины его не достигаетъ . Пожалѣй объ ней , потому что она должна много страдать ; но не люби ея : большой свѣтъ лишилъ ее возможности сдѣлать мужчину счастливымъ . Въ сердцѣ ея всегда будутъ твоими соперниками балы , брилліанты и титла . Если она тебя любитъ , такъ потому , что существованіе ея пусто и тревожно , что она ищетъ , къ чему бы прилѣпиться ; ей попалась подъ руку любовь , и она хочетъ ее попробовать . Дѣло въ томъ , что , наскучивъ всѣмъ , она старается снова разцвѣтить жизнь свою , и находить въ тебѣ отблескъ прежнихъ своихъ ощущений , воспоминаніе дѣвичьихъ лѣтъ своихъ . Она надѣется возродить себя посредствомъ этой привязанности . Женщины , которыхъ сердце пожрано свѣтомъ , всегда слѣдуютъ этимъ путемъ . Когда празднества имъ наскучили , онѣ принимаются за любовь ; но если и того для нихъ недостаточно , онѣ прибѣгаютъ къ пороку . Такъ , несчастные , притупивъ чувства пьянствомъ , не распознаютъ уже вкуса прекраснѣйшихъ винъ , и начинаютъ пить самыя ѣдкія , самыя жгучія водки . Но не думай , чтобы соприкосновеніе съ тобою было сильно очистить , оживить ее , чтобы любовь постоянная могла укорениться въ ея сердцѣ : нѣтъ , свѣтъ погасилъ ее молніею . Снаружи она еще сохраняетъ человѣческую

форму, но внутри она — прахъ и пепель. Связать твое юношеское сердце съ этимъ сожженнымъ сердцемъ, значить пришивать новое къ старому. Берегись, Генрихъ, ты оторвешь и послѣдніе куски!

— О, я не хочу вамъ вѣрить! Нѣтъ, если бѣ этотъ ангель былъ таковъ, какъ вы говорите, надобно было бы во всемъ сомнѣваться. Это не можетъ быть, а если бѣ было, то я не хотѣлъ бы этого знать. Вы бы не стали будить меня, если бѣ знали какъ прекрасенъ сонъ мой.

— Отчего же ты думаешь, что я не знаю этихъ сновъ? Я тоже спалъ нѣкогда въ своихъ заблужденіяхъ. Кто же, хоть однажды въ жизни, не воображалъ, что нашелъ женщину, которую можетъ боготворить? И я нѣкогда лелѣялъ всѣ эти мечты, и знаю, что, когда онѣ исчезли, надобно закрыть голову какъ Цезарь и ждать, чтобы жизнь тебя убила.

— Зачѣмъ же вы хотите отнять у меня эти мечты?

— Напротивъ, я хочу сохранить ихъ тебѣ, и потому именно совѣтую остерегаться. Я со страхомъ вижу, что и ты скоро, подобно мнѣ, погрузишься въ равнодушіе и презрѣніе къ людямъ. Ахъ, ты еще молодъ, ты не знаешь, что значить повергнуться въ сомнѣніе! О, Генрихъ, когда недоувѣрчивость и отвращеніе однажды овладѣютъ тобою, ничто уже въ свѣтъ не будетъ тебѣ мило! Ты сдѣлаешься тогда демономъ, который оскверняетъ цвѣты, стараясь сорвать ихъ; ты будешь пронзать взорами сквозь грудь; ты увидишь дурную сторону всѣхъ вещей; ты уже не въ состояніи будешь наслаждаться заблужденіемъ. Равнодушіе все равно что зараза.... она изгоняетъ человѣка изъ свѣта, отторгаетъ его отъ всего живущаго..... И эта зараза неизлечима! Боже мой, какъ я это знаю; о, какъ я это знаю!

Голосъ Герсена наполнился слезами.

— Я тоже это понимаю, отвѣчалъ молодой человекъ съ чувствомъ: но вы сами говорите, что страданіе сдѣлало васъ недовѣрчивымъ. Вы, можетъ-быть, сомнѣваетесь въ душу, которая стоитъ того, чтобы ей вѣрили. Неужели всѣ сердца портятся въ роскоши и наслажденіяхъ, и подъ свѣтскою оболочкою не можетъ быть ничего чистаго и непорочнаго?

— Послушай, вскричалъ Терсенъ, схвативъ своего питомца за руку. Надобно тебѣ это рассказать. Это старая исторія. Лѣтъ десять назадъ я былъ еще молодъ, я еще довѣрялъ, хотя уже былъ однажды обманутъ. Вдругъ, посреди мрака моей жизни, явилась дѣвушка лѣтъ семнадцати, дѣвушка, невыразимо чистая и невинная. Она сжалилась надъ моей печалью, и вскорѣ я увидѣлъ, что она готова любить меня. Сначала я противился, потому что боялся. Я зналъ, что эта привязанность можетъ когда-нибудь прерваться, и что все счастье моей жизни повиснетъ на ней. Но она плакала, и я забылъ свое благоразуміе. О, тогда небо спустилось для меня на землю! Это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Я начиналъ уже смѣяться надъ прежними моими опасеніями. Я не понималъ, какъ могъ нѣкогда думать, что такая любовь когда-нибудь кончится. Наконецъ я принужденъ былъ уѣхать, и два мѣсяца былъ въ отсутствіи. А когда возвратился..... дѣвушку звали — госпожею Картонъ!

Генрихъ вскрикнулъ.

— Эта исторія поучительна, не правда ли? сказалъ Терсенъ съ горькою улыбкою.

Но молодой человекъ уже ничего не слышалъ. Съ глухимъ стономъ закрылъ онъ лице руками, и сквозь пальцы его струились слезы. Оба долго молчали.

— Что жъ, Генрихъ, сказалъ Терсенъ, нагнувшись къ своему воспитаннику: ты не отвѣчаешь?

— Я люблю ее! сказалъ Генрихъ, рыдая.

Прошло девять часовъ, въ небольшой часовнѣ, которую государственнѣйшій совѣтникъ Альфредъ Картонъ построилъ въ замкѣ своемъ подлѣ Сень-Клу. Дѣвочка лѣтъ семи шла по большой лѣстницѣ, держась за руку няньки. Когда она дошла до площадки, дверь отворилась, и Альфредъ Картонъ явился въ шлафрокъ и съ газетами въ рукѣ.

— Откуда ты, Лизанька, сказалъ онъ, глядя ее по головѣ.

— Я сейчасъ встала, папенька.

— Да вѣдь ты спишь не на верху?

— Да, сударь; съ нѣкотораго времени насъ перевели на верхъ, сказала нянька.

— Для чего же это?

— Не могу сказать, сударь; знать, та комната была нужна.

— Да; ее отдали бѣдному господину, сказала дѣвочка, приподнявъ голову съ гнѣвнымъ и угрожающимъ видомъ.

Г. Картонъ посмотрѣлъ на няньку, какъ бы требуя отъ нея объясненія.

— Барышня зоветъ Г. Вернона бѣднымъ господиномъ.

— Такъ Г. Вернонъ живетъ въ этой комнатѣ?

— Да, сударь.

Альфредъ Картонъ не сказалъ ни слова: онъ повернулся и быстро взглянулъ на эту комнату. Трудно было угадать, для чего ли онъ взглянулъ, чтобы замѣтить, какъ близка эта комната отъ спальни жены его, или просто, безъ намѣренія. Какъ бы то ни было, онъ потрепавъ дочь по щечкѣ, сказалъ, чтобы она была пай, и ушелъ, не поцѣловавъ ее.

Дѣвочка пошла съ нянькою къ комнатѣ матери.

Дверь была не плотно притворена. Лизанька отворила ее.

Г-жа Картонъ сидѣла спиною къ дверямъ, опершись головою на руку и смотря на медальонъ, который держала въ другой рукѣ.

Дѣвочка шла тихо, и шумъ шаговъ ея, ослабленный богатымъ ковромъ, разостланнымъ на полу, не привлекъ вниманія ея матери. Она осторожно влѣзла сзади на кресла и взглянула черезъ плечо Эрнестины.

— Портретъ блѣднаго господина! сказала она съ отрывистымъ хохотомъ.

Г-жа Картонъ вскрикнула и вскочила съ кресель, такъ, что едва не опрокинула ребенка.

— Несносная дѣвочка! сказала она, увидѣвъ дочь: какъ ты меня испугала! Сойди отсюда!... сойди!.... Боже мой, я вся дрожу.

И она съѣла въ величайшемъ волненіи.

— Зачѣмъ же вы не постучитесь, Тереза? сказала она обращаясь къ нянкѣ: вы вѣрно не притворили двери, когда ушли отсюда. По вашей милости, меня когда-нибудь застанутъ врасплохъ; хорошо, что это она, а то бы могъ войти кто-нибудь другой. Вы непростительно безпечны и очень мало привязаны ко мнѣ.

Тереза, по-видимому, поняла всю важность этого упрека, потому что робко отвѣчала:

— Виновата, сударыня; впередъ этого не будетъ.

— Прошу покорно, Лизанька, не пугать меня такимъ образомъ въ другой разъ. Если это впередъ случится, я не стану пускать тебя сюда.

Дѣвочка не отвѣчала ни слова и стояла съ сердитымъ видомъ, молча, положивъ обѣ руки въ карманы передника.

Г-жа Картонъ спрятала за корсетъ медальонъ, который еще держала въ рукахъ. Лизанька смотрѣла на нее.

— Поди сюда, сказала Эрнестина.

Дѣвочка медленно подошла.

— Обойми меня и не дѣлай гримасъ.

Говоря это, Г-жа Картонъ привлекла ее къ своимъ колѣнамъ и загнула голову Лизаньки назадъ, чтобы поцѣловать ее. Черные, съ синеватымъ отливомъ, волосы дѣвочки распались на обѣ стороны, и смуглое ея личико все обнажилось.

Въ чертахъ этого ребенка было что-то странное. Онъ такъ припоминали лице Эрнестины, какъ демонъ послѣ паденія походилъ на ангела. Круглые глаза ея бросали острые, дикіе взгляды; хохоть выходилъ изъ тонкихъ губъ ея не иначе какъ отрывистыми, громкими звуками; на лицѣ ея всегда замѣтна была какая то важность, но важность безъ спокойствія; напротивъ съ какой-то рѣзкой, деревянной подвижностью, какъ подвижность чертъ маски на пружинахъ. Если иногда выраженіе кротости смягчало серіозность ея фizioноміи, то была кротость хитрая какъ у кошки, кротость, которая не изъ сердца выступала на лице. Между-тѣмъ, разсмотрѣвъ хорошенько лице дѣвочки, можно было замѣтить сходство съ Эрнестиною и съ Альфредомъ Картономъ: тутъ была душа послѣдняго, проглядывавшая сквозь оболочку первой. Въ этомъ ребенкѣ былъ зародышъ злобы.

По-видимому, эта самая мысль поразила и Эрнестицу, потому что она приподняла дѣвочку и сказала:

— Теперь, ступай играть вотъ здѣсь въ рощицѣ и будь умница; я стану смотрѣть на тебя изъ окна

— Я не хочу въ рощицу, сказала дѣвочка.

— Отчего такъ?

— Вчера я была тамъ, и блѣдный господинъ прогналъ меня. Онъ велѣлъ мнѣ итти играть въ большой садъ.

— Видно ты его беспокоила. Онъ можетъ-быть хотѣлъ читать.

— О, нѣтъ! ты тотчасъ пришла, и онъ пошелъ съ тобою гулять.

Эрнестица сдѣлала знакъ досады.

— Что тебѣ до этого? сказала она. Ты вѣчно жалуешься на Г. Вернона!

— Я не люблю блѣднаго господина, сказала дѣвочка глухимъ голосомъ и потрясая черными своими волосами какъ гривую.

— Злая дѣвочка! За что жъ ты его не любишь? А онъ всегда даетъ тебѣ конфетъ! У тебя очень дурное сердце! Уведите ее, Тереза. Пошла отсюда, я не люблю тебя!

Дѣвочка взяла няньку за руку, бросивъ сердитый взглядъ на мать. Какъ скоро онъ выпли за дверь, Тереза сильно дернула ее за руку.

— Негодная дѣвочка, какъ ты смѣешь сердить маменьку? Никогда не говори, что ты видѣла ее съ блѣднымъ господиномъ. Слышишь ли, никогда! Ты ее этимъ очень огорчишь.

— А блѣднаго господина тоже огорчу?

— Разумѣется. Молчи; не думай объ немъ, занимайся своими куклами.

— Такъ я могу огорчить блѣднаго господина! повторила дѣвочка, улыбаясь.

Она такъ его ненавидѣла! Но отчего происходила эта ненависть Лизаньки къ Генриху Вернону? Какая обида накопила столько вражды въ такой юной душѣ? Это длинная исторія, которой никто не хотѣлъ узнать и разсмотрѣть: чтобы рассказать ее, мы должны начать нѣсколько выше.

Когда Эрнестина, черезъ два года послѣ того какъ вышла замужъ, сдѣлалась беременной, ей сначала было это очень досадно. Она огорчалась мыслию, что талія ея испортится, и что она лишится юной наружности, по которой незнакомые всегда принимали ее за дѣвушку; но это было непродолжительно. Она вскорѣ почувствовала материнскій инстинктъ, котораго даже большой свѣтъ уничтожить не можетъ; она заранѣе гордилась тѣнью человеческого

существа, которую носила; она начала уважать себя, какъ-будто чувствовала, что съ этихъ поръ на ней лежитъ долгъ быть полезною; она заранее любила неизвѣстнаго ребенка, который шевелился у ней подъ сердцемъ. Новость этого чувствованія еще усиливала его живость. Эрнестина обратила на него весь остатокъ своего энтузіазма. Это было, по-крайней-мѣрѣ, чувствованіе новое, страсть, которую можно поставить въ жизни на мѣсто удовольствій, почти уже истощенныхъ. Она заранее представляла себѣ прелестныя картины этой жизни, полной самоотверженія; она воображала себѣ младенчество, окруженное всею поэзіею, которую мы придаемъ ему какъ пеленки, и которая происходитъ отъ насъ, а не отъ него. Она съ упорнымъ восторгомъ обнимала новорожденную дочь свою. Альфредъ Картонъ не радовался, узнавъ, что у него дочь, а не сынъ, и это еще усилило любовь Эрнестины, прибавивъ къ ней прелесть противорѣчій. Она никому не хотѣла ввѣрить попеченія кормить ребенка. Ей казалось, что это значило бы дѣлиться съ другою женщиною правами матери. Она сама хотѣла ходить за своимъ ребенкомъ, утѣшать его, изучать, исполнять его прихоти.

Это доставляло ей множество новыхъ, восхитительныхъ заботъ. Качанье колыбели, крики новорожденной, баюканье, — все было новымъ свѣтъ, который вдругъ открылся передъ нею. Она была счастлива, какъ въ тотъ день, когда въ первый разъ поѣхала на балъ. Но вскорѣ усталость утишила ея рвеніе. Зеркало говорило ей, что она похудѣла и стала блѣдна; она плакала съ горя. Притомъ, Лизанька росла, не соответствуя ея надеждамъ; Лизанька, какъ всѣ другія дѣвочки въ этомъ возрастѣ, только что жила. Любовь ея была голодъ. Мать знала она только по груди, которую сосала.

— Погляди жь на меня, малютка, говорила иногда

Эрнестина въ безумной своей материнской нѣжности: ты меня очень любишь, малютка?

Малютка устремляла на нее свои тусклые, бессмысленные взоры, и глаза ея, — неблагоударные! — ничего не говорили, когда глаза ея матери блестяли любовью. Эрнестина печально качала головою; она видѣла, что ребенокъ почти все-равно что мужчина: какой-то составъ изъ тѣла и эгоизма. Прелестныя мечты ея разлетѣлись и материнская любовь хладѣла.

Потомъ наступила зима, и съ нею начались балы. Эрнестина вспомнила, что на ней лежать свѣтскія обязанности; она исполнила, и даже слишкомъ, долгъ матери, — сама кормила своего ребенка: теперь она очень могла уже не исключительно имъ заниматься. Пока Лизанька была бездушною массою, которую надобно было только кормить и мыть, стыдно было бы ввѣрить ее чужимъ попеченіямъ: но теперь, какъ она начинала понимать и чувствовать, какъ это тѣло ожилося душою и какъ она должна была сдѣлаться чѣмъ-нибудь, ангеломъ или дьяволомъ, какая ей надобность въ непрерывной заботливости матери? Всякой могъ замѣтить ее, ребенокъ былъ уже отнять отъ груди.

Все это растолковали Г-жѣ Картонъ тѣмъ легче, что временное удаленіе отъ свѣта снова пристрастило ее къ его наслажденіямъ. Да притомъ не такъ ли поступаютъ и лучшія матери? Она рѣшилась возвратиться къ прежнему образу жизни, надзирая впрочемъ иногда, на досугъ, и за воспитаніемъ Лизаньки.

Ребенокъ росъ на чужихъ рукахъ, среди наемниковъ, которые при немъ расчисляли, что можетъ принести каждое доброе дѣло, и душа дѣвочки наметывалась эгоизмомъ. Эрнестина замѣтила усиливающуюся сухость сердца своей дочери; она видѣла, что ребенокъ уже бережетъ свои ласки, стараясь извлекать изъ нихъ пользу. Однажды кто-то чужой пришелъ

къ Г. Картону и хотѣлъ взять Лизаньку на руки. Онъ былъ очень дурень, и дѣвочка съ крикомъ воспротивилась его ласкамъ. Эрнестина подозвала ее къ себѣ и наговорила, что стыдно упрямитъ, что надобно быть ласковою съ этимъ господиномъ.

— А что ты мнѣ дашь, если я его поцѣлую? спросила дѣвочка, пристально глядя на мать.

Все воспитаніе заключалось въ этихъ словахъ. Но усилія, которыя употребляла Эрнестина, чтобы переждать этотъ характеръ, были не довольно дѣятельны, не довольно послѣдовательны, чтобы произвести какой-нибудь результатъ. Быть-можетъ впрочемъ, что ребенокъ родился съ дурными наклонностями, что душа отцовская была заразительна; можетъ-быть, дурныя качества также переходятъ по наследству, какъ нѣкоторыя болѣзни. Какъ бы то ни было, Эрнестина, обманутая въ своихъ материнскихъ надеждахъ, стала искать, чѣмъ бы другимъ занять свое сердце. Прелести свѣта мало-по-малу исчезли: всѣмъ утомленная, она начала жалѣть с своимъ дѣвичьемъ счастьемъ, о своей первой, простодушной любви. Въ это время узнала она Генриха Вернона. И Генрихъ сдѣлался ея любовникомъ.

Тогда вся остальная материнская любовь сердца потонула въ этой новой и могущественной страсти. Лизанька была совершенно забыта. Дѣвочка замѣтила это, и никогда не могла простить, не потому, чтобы она жалѣла о проблескахъ нежности маменьки, но она привыкла къ слабости и снисходительности, къ ласкамъ, которыя всегда сопровождались подарками или какимъ-нибудь пріятнымъ для ребенка возволеніемъ. Смѣшленная дѣвочка чувствовала, что Генрихъ Вернонъ отнял у нея мѣсто любимицы, и что сердце матери, занятое другимъ чувствомъ, уже не обращалось къ ней, какъ прежде по недостатку иной привязанности. Тутъ зародилась въ душѣ ея рев-

ность, иногда столь сильная у детей. Она чаще была съ матерью, замѣчая, что это ей въ тягость. Надобно было удалять ее принужденіемъ, и это еще усилило злобу ребенка.

Генрихъ съ своей стороны тоже не любилъ ея, потому что она напоминала ему Альфреда Картона: да притомъ докучливость этого ребенка неразъ прерывала самыя нѣжныя бесѣды его съ Эрнестиною и оттавливала на устахъ ея признаніе, готовое вылетѣть. Онъ не скрывалъ своей досады, и потому дѣвочку неразъ за него холодно принимали, прогоняли, даже наказывали. Лизанька все это замѣчала, и причины неудовольствія на «блѣднаго» господина, какъ она его называла, накопили въ сердцѣ ея ненависть жестокою. Быть-можетъ впрочемъ, что зерно врожденной ненависти къ Генриху таилось въ сердцѣ этого ребенка: бываетъ магнитическое, взаимное влеченіе; бываетъ также и таинственное, природное отвращеніе, по которому два человѣка противны другъ другу; отвращеніе, зажигающееся иногда при первомъ взглядѣ на незнакомца, при одномъ произнесеніи его имени. — чувство непостижимое, но оно часто лучше разсудка можетъ служить предостереженіемъ!

Какъ бы то ни было, Лизанька понемногу дошла до того, что возненавидѣла Генриха Вернона всѣми силами души своей. Она догадывалась, что можетъ вредить ему, и держала ручку свою всегда поднятою, чтобы сразить его, какъ скоро случай представится. Впрочемъ это расположеніе не было у ней ни слѣдствіемъ принятаго намѣренія, ни даже всегдашняго желанія, но нѣчто, болѣе неизмѣнное, болѣе терпѣливое, болѣе неумолимое — инстинктъ. Нѣкоторыя изъ злонамѣренныхъ ея пересказовъ уже возбудили вниманіе Альфреда Картона, которому продолжительное пребываніе Генриха въ его Сенъ - Клюд-

скомъ замѣтъ становилось подозрительнымъ. Неудовольствіе Альбрета ежедневно усиливалось какимъ-нибудь новымъ замѣчаніемъ. Притомъ разнымъ непріятности раздражили съ нѣкотораго времени его характеръ. Политическое его положеніе, нарисовавшись явственнѣе, принудило откровеннѣе дѣйствовать передъ публикою, и маска растаяла у него на лицѣ. Это превращеніе навлекло ему множество оскорбленій. Журнализмъ, долгое время имъ обманываемый, мстилъ за себя подвергая его ежедневной, нескончаемой пытке. Эти нападенія, которыхъ отразить было невозможно, непрерывно раздражали его. Подобно всѣмъ невеликодушнымъ людямъ, которыхъ страданія обыкновенно дѣлаютъ злыми, онъ искалъ вокругъ себя поводы къ жалобамъ, чтобы на кого-нибудь излить свою досаду. Онъ чувствовалъ потребность мучить кого бы то ни было, и онъ сдѣлался тѣмъ болѣе склоннымъ къ подозрѣніямъ, что съ жадностью искалъ проступка, за который бы можно было наказывать.

Притомъ, между имъ и Эрнестиною были давнишнія причины непріязни. Мнимое великодушіе, которымъ онъ украшался въ глазахъ дѣвушки, вскоре исчезло подъ глазами супруги. Она видѣла, какъ этотъ человекъ, казавшійся такимъ благороднымъ, скидывалъ съ себя всѣ добрыя чувствованія, какъ безпокойный нарядъ; какой глубокой эгоизмъ таился подъ великодушною поверхностію, которая ее прельстила. Обольщенная съ своихъ надеждахъ, она открыла, что бракъ ея былъ негодный обманъ, разбой, и что этотъ человекъ убилъ счастье ея жизни.

Тогда она получила къ нему отвращеніе. Ему самому неловко было отъ своей низости, когда онъ увидѣлъ, что она разгадана. Между-тѣмъ они оба сохраняли наружность взаимнаго благораепоположенія; съ обѣихъ сторонъ презрѣніе и ненависть оставались въ предѣлахъ учтивости. Но подъ этою видимою ти-

пиною таились жестокия бури. Столкновение происшествій каждую минуту могло разбить рухлую поверхность ихъ согласія, потому что эти два существа, чувствующія другъ къ другу отвращеніе, были связаны между собою только общностью выгодъ.

=

— Ты уже хочешь уйти, Генрихъ? Ахъ, побудь еще немножко!

— Всѣ думаютъ, что я уже два часа какъ увѣхалъ, Эрнестина; мужъ твой самъ проводилъ меня до выѣзда; мы погибли, если меня здѣсь увидятъ!

— Боже мой, да почему жъ ты не остался! Что мнѣ до его досады и до его подозрѣній! Мы бы по крайней-мѣрѣ могли еще нѣсколько минутъ видѣться, а теперь сколько дней должна я провести безъ тебя, Генрихъ, безъ твоихъ взоровъ, которые меня сжигаютъ, безъ твоихъ поцѣлуевъ, которые меня съ ума сводятъ.... Генрихъ!....

И она страстно обвила руками шею своего любезнаго. Тотъ прижалъ ее къ груди и долго не отпуская.

— Эрнестина, не держи меня, не лишай меня мужества! Мы непременно должны разстаться. Иначе мы подвергаемъ опасности наше благополучіе. Въ Парижъ мы опять сойдемся, а между-тѣмъ я буду писать къ тебѣ.

— Да, да, пиши всякой день. Адресуй письма твои къ Терезѣ: эта дѣвушка вѣрна и предана мнѣ. Мы можемъ на нее положиться.

Они подошли къ дверямъ кіоска.

— Лошадь моя стоитъ за рощицей, сказалъ Генрихъ. Мнѣ стоитъ только пройти огородъ.

Эрнестина оборотилась къ окну, изъ котораго видна была большая дорога.

— Да, да, вотъ она. Несносная лошадь! она какъ-будто зоветъ тебя и съ нетерпѣнїя роетъ копытами землю. Какъ бы мнѣ хотѣлось быть на ея мѣстѣ! Если бь моей крестной матерью была какая-нибудь благодѣтельная волшебница, я бы просила ее перевести душу мою въ тѣло твоей лошади или твоей любимой собаки. Я вездѣ бы за тобою слѣдовала, ложила бь у ногъ твоихъ.... О, Генрихъ, я бы хотѣла быть всѣмъ, что тебѣ принадлежитъ, чтобы никогда съ тобою не разлучаться!....

— Ахъ, не говори со мной такимъ образомъ, сказалъ Генрихъ, схвативъ обѣими руками ея голову и покрывая ея поцѣлуями: не говори со мной такимъ образомъ, я не въ состоянїи буду увѣхать! Не говори со мной совсѣмъ.

Онъ вырвался изъ ея объятій.

— Прощай, Эрнестина! посмотри не увидить ли кто, какъ я выйду изъ кіоска.

Она высунулась изъ окошка.

— Никого нѣтъ, сказала она. Однако жь, постой.... я вижу кого-то сквозь шпалеры.... Это Лизанька.... Негодная дѣвчонка, она вѣчно преслѣдуетъ меня, какъ мой злой геній!... Но съ ней кто-то есть.... Боже мой!.... мой мужъ!....

— Твой мужъ!

— Они идутъ въ эту сторону. Не выходи, Генрихъ; они тебя увидятъ. Они уже близко.

— Остерегись, чтобы они и тебя не увидали.

Эрнестина отскочила отъ окна и стала прислушиваться. Г. Картонъ дѣйствительно обходилъ вокругъ кіоска, пробираясь вдоль шпалеръ изъ розановъ. Скоро послышался его голось.

— Быть не можетъ, Лизанька: какъ же ты видѣла теперь Г. Вернона въ огородъ, когда онъ ужъ часа два назадъ уѣхалъ?

*

— Право, папенька, видѣла. Онъ прошелъ подлѣ меня, какъ я рвала маргаритки. Онъ шелъ скоро.... такъ скоро.... Да, вотъ, папенька, сказала она нагибаясь: вотъ его перчатка.

И дѣйствительно она подняла замшевую перчатку. Г. Картонъ взялъ ее.

— И ты видѣла, что маменька твоя прошла послѣ сюда же?

— Эхъ, папенька, нѣтъ!..... какіе вы!..... маменька прошла сюда не послѣ, а прежде блѣднаго господина.

Они вышли на чистое мѣсто, гдѣ возвышалась скала въ нѣсколько футовъ и на ней стоялъ кіоскъ.

Г. Картонъ быстро обвелъ глазами все это мѣсто.

— Никого нѣтъ, сказалъ онъ.

— Въ маленькомъ домикѣ, папенька, сказала Лизанька, понизивъ голосъ.

Онъ пошелъ къ бесѣдкѣ. Но Эрнестина и Генрихъ все слышали. Зато когда Альфредъ внезапно, не постучавшись, отворилъ дверь кіоска, Эрнестина, которая читала, сидя на канапе, приподняла голову съ самымъ естественнымъ трепетомъ неожиданности. Г. Картонъ однимъ взглядомъ осмотрѣлъ всю комнату. Эрнестина была одна.

— Васъ сегодня нигдѣ не найдешь, сказалъ онъ довольно сурово: ужъ съ часъ какъ я васъ ищу, и никто не могъ сказать мнѣ гдѣ вы.

— Если бъ я это знала, я бы сама пришла къ вамъ, отвѣчала Эрнестина ласково.

— Съ нѣкотораго времени, вы очень любите этотъ кіоскъ! Мнѣ кажется, впрочемъ, что въ вашихъ комнатахъ, читать по-крайней-мѣрѣ также покойно какъ и въ этой отдаленной бесѣдкѣ, если только вамъ нравится въ ней не то именно, что она далеко отъ дома.

Это было сказано съ ироніею, недоброжелательно; но Эрнестина не хотѣла понимать, и отвѣчала съ самымъ естественнымъ простодушіемъ:

— Да; и притомъ отсюда прекрасный видъ на поле.

— О, видъ прекрасный! Тѣмъ болѣе, что видна и большая дорога и можно провожать глазами тѣхъ, которые ѣдутъ отсюда.

— Это точно довольно занимательно, отвѣчала она безпечно.

Альфредъ. Картонъ невольно обнаружилъ нетерпѣніе.

— Однако жъ вамъ надобно будетъ разстаться съ этою очаровательно бесѣдкою, потому что дня черезъ три мы переѣдемъ въ городъ.

— Неужели? вскричала Эрнестина съ радостью уже непритворною.

— Я зналъ, что это васъ обрадуетъ. Дача должна казаться вамъ простою и скучною, съ тѣхъ, поръ какъ мы здѣсь одни.

— Да, кажется, у насъ ужъ давно ни кого не было чужихъ!

— А развѣ Г. Вернонъ намъ не чужой?.....

— Онъ, короткій пріятель.....

— Слишкомъ короткій! вскричалъ Альфредъ, взбѣшенный притворнымъ хладнокровіемъ Эрнестины. И я долженъ вамъ сказать, что эта короткость мнѣ не нравится, и не потерплю я чтобы она продолжалась въ Парижѣ.

— Помилуйте, за что вы сердитесь?

— Сдѣлайте милость, сбросьте съ себя эту маску кротости и хладнокровія. Между нами это притворство совершенно бесполезное. Я молчалъ, пока вы сохраняли наружную благопристойность; но я не потерплю, чтобы вы марали мое имя своимъ постыднымъ поведѣніемъ.....

— Что вы говорите!.....

— Позвольте; выслушайте меня; потомъ вы будете говорить. Я ни сколько не требую привязанности, ко-

торой бы въ правъ былъ ожидать отъ васъ; я знаю, что вы выше всѣхъ этихъ слабостей. Я давно уже отказался отъ наслажденій сердца.....

— Не говорите, о сердцѣ, вскричала Эрнестина съ едва удерживаемымъ негодованіемъ: ради Бога не говорите о сердцѣ! Это совершенно бесполезно. Здѣсь слышать васъ только Богъ и я, — мы васъ знаемъ.

— И я тоже васъ знаю, сударыня. Привязанности отъ васъ я не требую, я уже сказалъ вамъ; но я воздержу васъ отъ дурачествъ, которыя безчестятъ мое имя. Я не хочу, не хочу быть въ числѣ тѣхъ снисходительныхъ мужей, которые дышатъ своимъ срамомъ какъ чистымъ воздухомъ; не хочу, чтобы на меня указывали пальцемъ. Устроивъ все для исполненія моихъ плановъ, я не потерплю, чтобы несчинка остановила меня на пути, чтобы вѣтреность женщины покрыла меня стыдомъ и сдѣлала всеобщимъ посмѣшищемъ. Устоявъ противъ страшныхъ нападеній записнаго журнализма, я не хочу пасть подъ булавочными ударами мелкихъ листковъ; я не попущу, чтобы они повѣсили мое доброе имя на позорномъ столбѣ. Нѣтъ, я не потерплю этого! слышите ли, не потерплю!.....

— Что съ вами сдѣлалось? Что вы говорите?... Это какой-то странный бредъ!.....

— Нѣтъ, нѣтъ, это истина, вскричалъ Альфредъ Картонъ, сжавъ кулаки и топнувъ ногою. Благодаря вамъ, поношенія уже начались. Сначала они были неясны, неопредѣленны, но теперь всякой день становятся яснѣе и опредѣленнѣе. По вашей милости, имя мое будетъ скоро въ числѣ тѣхъ, которыя нельзя прочесть или услышать, не сопровождая ихъ оскорбительнымъ смѣхомъ. Стая журнальныхъ клеветниковъ насядетъ на мое доброе имя какъ на пададь, чтобы разнести его по клочкамъ. Да они ужъ и начали эту мерзкую войну!..... Посмотрите, посмотрите сами.....

И онъ развернулъ дрожащею рукою газету, которую держалъ сжатую и скомканную въ кулакъ, и подалъ ее Эрнестинѣ.

— Здѣсь, здѣсь! сказалъ онъ, указывая пальцемъ: читайте, читайте вслухъ.

Она начала читать вполголоса; потомъ вдругъ остановилась, пробѣжала остальную часть статьи глазами и покраснѣла до самыхъ волосъ.

— Какая гнусность! сказала она.

— И вы видите, что всѣ дѣйствующія лица тутъ весьма хорошо обозначены, даже и поэтъ, котораго волокитство, какъ говорить, вамъ совсѣмъ непротивно.

— И вы еще не отместили за подобное оскорбленіе? вскричала Эрнестина.

— Кому? поэту или газетчику? Поэту было поздно, потому что онъ уже уѣхалъ, когда я получилъ этотъ журналецъ.

— Помилуйте!...

— Впрочемъ, быть-можетъ, поэтъ и газетчикъ одно и то же лице. Г. Вернонь молодъ, ему надобно еще составить себѣ имя, а это всего легче нападая на людей извѣстныхъ. Я знаю, что онъ пишетъ для газетъ, и легко можетъ-быть, что онъ и герой пьесы и авторъ этой статьи....

— Ужасъ! Какъ можно предполагать въ людяхъ такую подлость?

— А кто жъ вамъ сказалъ, что Г. Вернонь не подлецъ?....

— Ради Бога, что вы говорите! вскричала Эрнестина, вскочивъ въ испугъ съ софы.

— Чего жъ вы испугались? Развѣ онъ меня слышитъ?

Этотъ вопросъ сдѣланъ былъ съ такою увѣренностью, что Эрнестина въ отчаяніи, почти безъ силъ, опустилась на канapé.

— Как же онъ можетъ васъ слышать? съ трудомъ проговорила она: онъ теперь въ Парижѣ.

— Полно такъ ли?

— По-крайней-мѣрѣ... я такъ думаю... вы сами видѣли какъ онъ съѣлъ на лошади.

Г. Картонъ, не отвѣчая, покачалъ головою. Тутъ было минутное молчаніе.

— Блѣдный господинъ не увхалъ, сказалъ изъ угла тихій голосъ.

Эрнестина затрепетала. Г. Картонъ обернулся.

Лизанька тихонько вошла во время предыдущаго разговора и стояла у окна въ огородъ: это былъ ея голосъ.

— Почему ты знаешь? спросилъ Г. Картонъ.

Двочка, не отвѣчая, указала пальцемъ на край рощи. Онъ посмотрѣлъ въ эту сторону.

— Это, точно, его лошадь! вскричалъ онъ.

При этихъ словахъ онъ внезапно обернулся и захватилъ взглядъ Эрнестины, которая съ ужасомъ смотрѣла на окно, противоположное тому, гдѣ стоялъ онъ. Г. Картонъ поглядѣлъ въ ту сторону. Мужская перчатка, такая же какъ та, которую Лизанька нашла въ саду, лежала у занавѣса, тщательно задернутаго.

Тутъ Альфредъ Картонъ все понялъ.

Съ минуту онъ стоялъ неподвижно отъ бѣшенства; глаза Эрнестины были устремлены на его глаза, и руки ея съ умоляющимъ видомъ скрестились.

Альфредъ сдѣлалъ два шага впередъ; потомъ, вдругъ остановился.

— Лизанька, выдѣ отсюда, сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

Двочка вышла. Альфредъ бросился къ окну, съ котораго не спускалъ глазъ, и отдернулъ занавѣсъ. Генрихъ Вернонъ стоялъ передъ нимъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого происшествія, Генрихъ Вернонъ и Альфонсъ Терсенъ прохаживались

визитъ въ Булонскомъ Лэсу. Между Генрихомъ и Альфредомъ Картономъ назначена была дуэль.

Предлогомъ къ поединку была статья Генриха, противъ Г. Картона, напечатанная наканунѣ въ одномъ журналѣ. Одинъ только Г. Терсенъ зналъ настоящую причину дуэли. Какъ ни благовиднѣе былъ избранный соперниками предлогъ, но Альфонсъ не дался въ обманъ, и наканунѣ добился истины отъ своего воспитанника. Картонъ самъ предложилъ Вернону это средство, чтобы избѣжать соблазна и найти поводъ къ поединку.

Терсенъ легко понялъ, что заставило Картона избрать такой странный предлогъ. Онъ ходилъ нѣсколько времени подлѣ Генриха, вдругъ остановился и посмотрѣлъ на часы.

— Г. Картонъ, сказалъ онъ, нигдѣ не измѣняетъ привычкамъ свѣтскаго человѣка: прѣзжаетъ и на дуэль такъ же поздно какъ на балъ. Ты знаешь, кто его секундантъ?

— Нѣтъ.

— Вѣрно, какой-нибудь перъ. Это дѣло должно произвестись какъ-можно болѣе шуму. У насъ, во Франціи, государственный совѣтникъ дерется на дуэли только для того, чтобы объ этомъ говорили во всѣхъ журналахъ.

— Мнѣ кажется, напротивъ. Г. Картонъ долженъ избѣгать всѣхъ толковъ, которые могутъ обезчестить его.

— Ребенокъ! какъ плохо ты знаешь конституціонныя нравы! Неужели ты думаешь, что онъ хочетъ отмстить тебѣ за оскорбленіе своего самолюбія или сердечныхъ привязанностей? Развѣ ты не видишь, что эта дуэль—политическій расчетъ. Онъ надѣется устрашить журналистовъ, которые на него нападаютъ, показавъ имъ, что умѣетъ отмщать за обиды. Види себя въ необходимости требовать отъ тебя удовле-

нія, онъ хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ извлечь изъ этого пользу. Онъ знаетъ, что смѣшное убиваетъ человека государственнаго, и онъ хочетъ устрашить, чтобы надъ нимъ не смѣялись. Онъ думаетъ, что если нарумянится твоей кровію, то никто не посмѣетъ взглянуть ему близко въ лицо. Притомъ, онъ можетъ-быть боялся, чтобы ты не разгласилъ своихъ любовныхъ приключеній, а ему нужна, не честь жены, — что ему до этого! — но ея репутация. О, повѣрь мнѣ, онъ все это хорошо понялъ! Депутаты люди ловкіе и расчетливые. Они все умѣютъ употребить въ свою пользу; у нихъ все подставка; даже безчестіе приносить имъ прибыль. Надѣнь имъ на шею рогатку, они и ее позолотятъ и превратятъ въ рыцарское ожерелье.

Генрихъ съ важною печалью слушалъ Терсева.

— Все это можетъ-быть правда: но что мнѣ до этого человека и его тайныхъ намѣреній? Надобно было только сохранить доброе имя Эрнестины; онъ предложилъ мнѣ средство, и я долженъ былъ согласиться.

— Эхъ, если ему хотѣлось статьи, которая бы могла послужить поводомъ къ дуэли, ты бы сказалъ мнѣ! Я бы сообщилъ тебѣ хорошіе матеріалы.

Генрихъ хотѣлъ отвѣчать, но вдругъ посреди облака пыли показался тильбюри.

— Это онъ! сказалъ молодой человекъ.

Картонъ и его секунданты вышли изъ экипажа и пошли къ тѣмъ, которые ожидали ихъ.

Картонъ извинился въ томъ, что опоздалъ, и всѣ четверо углубились далѣе въ лѣсъ. Наконецъ они остановились.

Терсень и секундантъ Альфреда Картона сошлись и уговорились объ условіяхъ поединка.

— Я не говорю вамъ о примиреніи, замѣтилъ секундантъ, потому что Г. Картонъ объявилъ рѣшительно, что не хочетъ ничего слышать объ этомъ.

Терсень улыбнулся.

— Знаю, сударь, сказалъ онъ: пистолетный выстрѣлъ необходимъ для того, чтобы журналисты его услышали! Мы готовы.

Противники стали другъ противъ друга на двадцати шагахъ. Оба выстрѣла раздались въ одно время. Пуля Генриха попала въ дерево, пуля Картона въ грудь молодого человѣка.

Въ тотъ же вечеръ во всѣхъ газетахъ говорили о поединкѣ Г. Альфреда Картона съ Г. Генрихомъ Вернономъ, прибавляя, что жизнь послѣдняго въ опасности.

Нападенія на государственнаго совѣтника Картона въ тотъ же день прекратились. Между-тѣмъ Генрихъ не умеръ отъ своей раны. Благодаря попеченіямъ своего опекуна, онъ мало-по-малу оправился; но выздоровленіе его превратилось въ томительную болѣзнь, которая противилась всѣмъ усиліямъ медицины. Терсенъ вскорѣ со страхомъ увидѣлъ, что опасность только измѣнилась въ своей формѣ, и что леченіе, которому надобно было подвергнуть Генриха, истощивъ въ немъ жизненныя силы, оставило зародышъ чахотки, отъ которой онъ уже не могъ вылечиться.

Вскорѣ еще одна причина усилила эти опасныя признаки. Пока рана Генриха Вернона была опасна, Г-жа Картонъ весьма аккуратно присылала узнавать объ его здоровьи. Услышавъ, что ему лучше, она радовалась, и ей казалось, будто съ нея спало тяжкое бремя. Зная, что не сдѣлалась причиною его смерти, она стала размышлять объ этой связи, которая уже причинила ей столько горестныхъ минутъ. Нѣсколько мѣсяцевъ разлуки утишили порывы ея страсти; она привыкла къ отсутствію Генриха, и любовь ея сдѣлалась почти оставленною привычкою. Возвращаясь въ Парижъ, она снова была окружена всѣми очарованіями свѣта. Она говорила сама себѣ, что эта исключительная, ревнивая привязанность, которой предавалась она

на дачѣ, необходимо сдѣлалась бы тяжелою цѣпью среди шумныхъ городскихъ удовольствій. Притомъ, это чувство лишилось уже для нея всей новости и свѣжести. Ей хотѣлось знать, что такое любовь двадцати-лѣтняго поэта, и теперь она знала. Этотъ молодой человекъ былъ романомъ, прочитаннымъ отъ доски до доски; перелистывать его во второй разъ было бы скучно. Притомъ въ свѣтъ много говорили о дуэли Картона съ Генрихомъ. Къ этимъ рассказамъ примѣшивали имя Эрнестины. Какъ скоро всеобщее вниманіе обращалось на нее, неблагоприятно было бы возобновить связь, прерванную такимъ ужаснымъ образомъ. Притомъ и самая пылкость молодого человека была опасна, потому что онъ не умѣлъ принимать предосторожностей, упреждающихъ соблазнъ; а она, какъ женщина благообразная, знала, что въ свѣтъ порокъ не такъ опасенъ какъ страсть, потому что онъ лучше скрывается. Притомъ, не значило ли это подвергать Генриха новымъ опасностямъ? Одна эта мысль приводила ее въ трепеть.

Всѣ эти причины заставили ее принять рѣшительное намѣреніе. Она весьма кстати вспомнила обязанности, которыя налагаетъ на нее званіе супруги и матери. И она рѣшилась благородно пожертвовать имъ остатками любви своей. Она написала къ Генриху письмо, исполненное горестной преданности судьбѣ своей, и окончила посланіе, требуя назадъ свой портретъ. Бѣдный Генрихъ, читая это письмо, упалъ въ обморокъ.

Пришедъ въ чувства, онъ отослалъ къ Г-жѣ Картонъ портретъ, но безъ всякаго отвѣта. Эрнестина видѣла въ этомъ только неучтивость.

Но Генрихъ!.... Онъ чувствовалъ, что пораженъ смертельно, и порадовался этому: если бъ болѣзнь его не убила, онъ самъ бы лишилъ себя жизни.

Сердце его было не одно изъ тѣхъ мѣдныхъ сердецъ, которыя громко отзываются подъ ударами страстей, но которыхъ звуки постепенно ослабываютъ : у него все было сильно и огненно. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей вѣрующихъ, которые облакаются въ свое вѣрованіе такъ, что совершенно сливаются съ нимъ, сосредоточиваютъ въ немъ всю жизнь свою; изъ тѣхъ людей, которыхъ можно убить мыслию, и въ сердце которыхъ каждое чувствованіе входитъ какъ ключъ до самой рукоятки.

Потеря Эрнестины была для него не только потерю привязанности, но разрушеніемъ бытія. Эта женщина была для него олицетвореніемъ мечты счастья; лишившись ея, онъ лишился міра, который самъ себя создалъ. Онъ не имѣлъ уже ни довѣренности, ни надежды. А онъ еще былъ такъ молодъ, такъ полонъ энтузіазма! Это разочарованіе было какъ паденіе Фаэтона съ неба въ адъ. О, тогда-то понялъ онъ то, что говорилъ ему Терсенъ! Но уже было поздно. Онъ чувствовалъ, что не можетъ, подобно ему, погрузиться въ презрѣніе и идти одинъ по пути жизни. Болѣзнь не оставила ему довольно силы для того, чтобы рѣшиться на это жестокое существованіе.

Онъ предался отчаянію. Онъ отравлялъ себя воспоминаніями, умерщвлялъ себя своей душою. То была продолжительная кончина, которую онъ самъ себя причинялъ, самъ терпѣлъ, и самъ созерцалъ. Наконецъ онъ почувствовалъ, что часъ его наступаетъ.

Ему хотѣлось въ послѣдній разъ поговорить съ тою, которая его убила. Онъ написалъ къ ней, возвратилъ ей всѣ ея письма и медальонъ съ ея волосами, который онъ всегда носилъ на груди. Но Г-жа Картонъ не получила его посланія: она была на дачѣ и пріѣхала только на другой день.

Коляска ея въехала къ Люксембургу по узкой улицѣ Св. Иакова. Противъ нея сидѣла герцогиня Картонъ съ Лизаньюкою; подлѣ Лизы — молодой, блѣлый, Нѣмецкій полковникъ, состоявшій при Австрійскомъ посольствѣ. Она весело разговаривала съ нимъ вполголоса. Молодой иностранецъ игралъ ея опухшими и сморщившимися глазами, увлажненные сладострастною нѣжностью.

— Фи, какая скверная улица! сказала вдругъ Эрнестина, нюхая духи: какъ можно жить въ этой грязи, безъ солнца, безъ цвѣтовъ, безъ деревьевъ!

— Что жъ до этого? сказалъ блѣлый и румяный полковникъ съ прелестною меланхолией: здѣсь есть то, что замѣнить и солнце, и цвѣты, и деревья.

— Что жъ такое, полковникъ?

— Взглядъ женщины, взглядъ женщины любимой. Онъ освѣжаетъ, освѣщаетъ и разливаетъ благоуханіе.

Глаза Эрнестины съ чувствомъ невыразимой кротости обратились на полковника.

Въ эту минуту въ узкой улицѣ скопились экипажи, и коляска принуждена была остановиться.

— Что тамъ? спросила Эрнестина.

— Похороны, сударыня.

— Какая несчастная встрѣча! Это цѣлый день испортить.

— Какъ много траурныхъ каретъ, сказала герцогиня. Кого-жъ это хоронятъ?

— Г. Генриха Вернона, отвѣчалъ какой-то голосъ.

Объ женщины съ живостью обернулись. Эрнестина вскрикнула и поблѣднѣла; герцогиня захохотала.

— Ахъ, это вы, Г. Терсенъ? сказала она: я не могла постигнуть, чей это голосъ. Какъ вы насъ напугали!

Адвокатъ, молча, поклонился.

— Г. Вернонъ скончался? Какъ жаль! сказала герцогиня.

— Блѣдный господишь умерь? вскричала Лизанька: ахъ, тѣмъ лучше!

И она, улыбаясь, устремила на гробъ свои яркіе, суровые глаза.

— Кто этотъ молодой человекъ? спросилъ полковникъ: вы его знали?

— Немножко, отвѣчала вполголоса Эрнестина.

И коляска поскакала.

=

Старуха! Она теперь старуха!

Быть старухой! Только простая женщина и свѣтская дама знаютъ какъ прискорбно быть старою! Для первой старость нищета, для второй скука. Для одной голодь желудка, для другой голодь души. Потому что одной недостаетъ насущнаго хлѣба, другой привычныхъ удовольствій.

Другимъ семейныя привязанности, попеченія о дѣлахъ, баловливость бабушки, всѣ домашнія наслажденія: знатная Парижская дама, состарѣвшись, не имѣетъ семейства. Она жила на балахъ, а теперь, не она уже, дочери ея ѣздятъ на балъ!

Она живетъ въ одиночествѣ. Всѣ воспоминанія ея обращаются въ сожалѣнія, потому что, вспоминая красоту свою, она чувствуетъ, что теперь дурна; вспоминая, какъ за нею бѣгали, она еще болѣе думаетъ объ одиночествѣ, въ которомъ ее оставляютъ. Счастіе ея заключалось во всемъ, что дѣлаетъ прекрасною, что привлекаетъ вниманіе, и это счастіе на открытомъ воздухѣ изсохло отъ дуновенія старости.

Безразсудная, не знала, что счастія нельзя сберечь иначе, какъ запрятавъ его въ сердце!

Она лишилась всего, что любила. Она страдаетъ, но страданія ея никого не трогаютъ: это болѣзнь душъ

холодныхъ, истасканныхъ; болѣзнь, которая гноится завистью, злобою и ненавистью; болѣзнь старыхъ людей, которые никого не любятъ.

Такова — состарѣвшаяся Эрнестина.

Она прошла искусственную жизнь богачей во всю длину ея; теперь она достигла конца, въ томъ видѣ, въ какой привело ее путешествіе. На пути лился на нее дождемъ эгоизмъ и пробилъ ее до костей. Врожденныя ея добрыя наклонности изгладились отъ тренія ихъ о общество; она дошла до того же, до чего доходятъ и другія; у ней не было ни однимъ порокомъ менѣе, ни одною надеждою болѣе.

Г. Картонъ умеръ въ то самое время, когда едва не сдѣлался министромъ не помню которой революціи, — ихъ было такъ много! — и Эрнестина отплакала блестящее положеніе въ свѣтъ, котораго съ нимъ лишилась.

Дочь ея давно уже вышла замужъ за какого-то Г. Сарлофа. Женщина сдержала все, что обѣщала дѣвочка. Мать уже два раза принуждена была тягаться съ нею въ судъ. При третьемъ процессѣ дочь ее обобрала и оклеветала.

Теперь Эрнестина Картонъ живетъ почти въ бѣдности, — играетъ въ вистъ по маленькой и злословить.

Echelles des femmes, par M. Souvestre, 1835.

=

СВѢТЪ, КАКЪ ОНЪ ЕСТЬ.

=

СТАТЬЯ Г. ВОЛЬВЕРА.

=

«Какая славная вещь этотъ свѣтъ? Вчерашній балъ у леди Ленноксъ что за прелесть? Вся такія милья, и Шарлотта такая хорошенькая. Лучше этой дѣвочки я никогда не видалъ. Однако жъ пора одѣваться. Бельфоръ будетъ въ двѣнадцать часовъ и съ лошадыю, которую хочеть мнѣ продать. Какое счастье имѣть такого пріятеля, какъ Бельфоръ! — Умѣеть занять, добрая душа, чертовски уменъ, и какое прекрасное сердце! Ахъ, какъ жаль! дождикъ; да что за бѣда, — прояснится; а если и нѣтъ, можно играть на бильярдѣ. Какая славная вещь этотъ свѣтъ!»

Такъ бесѣдовалъ самъ съ собою Чарльзъ Неджентъ, молодой человекъ двадцати одного года, филантропъ и оптимистъ. Онъ былъ сирота, хорошей фамиліи и съ состояніемъ; отважный, щедрый, довѣрчивый и откровенный. Способности его были выше обыкновенныхъ; онъ питалъ теплую любовь къ словесности и обладалъ чистымъ вкусомъ. Онъ даже преклонялъ коленно предъ Философіей, но спокойныя и холодныя пріятности, съ которыми богиня встрѣчаетъ своихъ рабовъ, скоро надоели молодому обожателю. «Прочь! воскликнулъ онъ однажды утромъ, швырнувъ отъ себя томъ Ла-Рошфуко, котораго онъ воображалъ, что понимаетъ: «Къ чорту съ этимъ себялюбивымъ и унижительнымъ уставомъ! Люди совсѣмъ не тѣ подлыя твари, какими ихъ здѣсь описываютъ: лучше имѣть высокія мысли о своихъ ближнихъ». Любезная Опытность, надъ какимъ множествомъ прекрасныхъ чувствъ

вованій намърена ты подшутить? Правду говорить Гёте, что Судьба учительница славная, только и до-рогая.

— А! Любезный Неджентъ, здоровъ ли? И въ комнату вошелъ Капитанъ Бельфоръ, красивый смуглякъ съ легкой притязательностью и съ большимъ прямодушіемъ въ физиономіи. — А вотъ и лошадь. Подойдемъ къ окну. Видишь, какая славная поступъ? Каково идетъ! Замъчаешь переднія ноги? А какъ держать хвостъ! Нѣтъ, право, мнѣ кажется, я тебѣ ея не уступаю.

— Да, любезнѣйшій, я согласенъ, что тебѣ должно быть жаль съ ней разстаться. Чудесная! И — совершенно здорова?

— Вели осмотрѣть.

— Ужли ты думаешь, я не повѣрю тебѣ на слово? А цѣна?

— Назначай самъ. Князь Поль давалъ разъ сто восемьдесятъ; но для тебя.....

— Я согласенъ.

— Нѣтъ, Неджентъ, съ тебя я возьму полтора ста.

— Мнѣ не надо льготы: вотъ тебѣ ассигнація на сто восемьдесятъ гиней.

— Ей Богу, мнѣ совѣстно; впрочемъ ты такой богачъ. Джонъ! Сведи лошадь на конюшню Г. Неджента. Гдѣ ты нынче обѣдаешь? Подъ вывѣской кокосоваго дерева?

— Пожалуй.

Молодые люди выѣхали вмѣстѣ верхами. Неджентъ радовался своей новой покупкѣ. Они обѣдали въ трактиръ. Бельфоръ велѣлъ подать раннихъ персиковъ. Неджентъ расплатился. Они отправились въ Оперу.

— Замъчаешь ты эту фигурантку, Флорину? Спросилъ Бельфоръ: какова ножка, а?

— Ммъ, сомне са; но танцуетъ целовко, нѣтъ ничего особеннаго.

— Помилуй! да пойдѣмъ, поговори съ ней. Она нравится больше всѣхъ другихъ танцовщицъ.

Они пошли за кулисы, и Бельфоръ убѣдилъ своего пріятеля, что онъ долженъ быть въ восхищеніи отъ Флорины. Черезъ нѣсколько дней у фигурантки завелась карега, и Неджентъ уживалъ у ней по этому случаю два раза въ недѣлю.

Неджентъ написалъ повѣсть для одного альманаха: это было его первымъ литературнымъ опытомъ; она была недурна и чрезвычайно читалась. Однажды онъ сидѣлъ праздно за своимъ завтракомъ; ему доложили, что пришелъ Г. Гильпинъ, и явился высокій, худощавый челоувѣкъ, весь въ черномъ.

Г. Гильпинъ сдѣлалъ самый почтительный поклонъ и испустилъ вздохъ особенно глубокій. Неджентъ тотчасъ почувствовалъ живое участіе къ незнакомому. «Мнѣ, сударь, крайне прискорбно, что я вынужденъ васъ беспокоить, произнесъ дрожащимъ голосомъ Г. Гильпинъ: Я, я ... я..., и глухой, чахотный кашель остановилъ его рѣчь. Неджентъ предложилъ ему чашку чаю. Онъ отказался, и продолжалъ свою исторію.

Сказка Г. Гильпина скоро сказывается, если не онъ самъ раскащикомъ. Онъ несчастный литераторъ, который нѣкогда жилъ въ довольствѣ, но поручился за вѣроломнаго друга, и тотъ убѣжалъ; непредвидѣнные обстоятельства; ангелъ жена, и четверо дѣтей какъ херувимы; у него есть книга, готовая къ выпуску, но теперь онъ въ послѣдней крайности; онъ ужасался необходимости просить пособія; былъ сильно пораженъ великодушными чувствованіями, излитыми въ повѣсти Г. Неджента; лучъ надежды блеснулъ у него въ душѣ, и вотъ зачѣмъ пришелъ Г. Гильпинъ. Никогда не бывало такого трогательнаго олицетворенія литературной Скорби, какъ Г. Григорій Гильпинъ. Блѣдный, страждущаго и почтеннаго вида, онъ часто кашлялъ и былъ въ глубокомъ траурѣ. У Неджен-

та защемило сердце, онъ сунуль въ руку Г. Гильпину ассигнацію, обѣщалъ болѣе дѣятельное пособіе, и Г. Гильпинъ вышелъ отъ него исполненный чувствъ живѣйшей благодарности за почтительное состраданіе Г. Неджента.

«Какое счастье, что я богатъ,» сказалъ молодой филантропъ, отворяя шкатулку.

Неджентъ поѣхалъ на *conversazione* къ леди Ленноксъ. Она была вдова, и премилая: немножко изъ простыхъ и немножко изъ отличныхъ, немножко прекрасна и немножко жеманна, и очень, очень чувствительна. У ней была одна дочь, и приданого ни копейки; она принимала живое участіе въ молодомъ чловѣкѣ съ такимъ замѣчательнымъ дарованіемъ и такой необыкновенной любезностью, какъ Чарльзъ Неджентъ. Онъ сидѣлъ подлѣ нея, они говорили о бездушій свѣта, а насчетъ этого, мужчины въ двадцать одинъ годъ и дамы въ сорокъ пять особенно краснорѣчивы. Леди Ленноксъ жаловалась, Г. Неджентъ защищалъ свѣтъ. «Кто не очень развращенъ, сказано гдѣ-то въ Запискахъ Г-жи д'Эпине, тотъ толкуетъ не много о невинности», и ни что такъ не обличаетъ нашего собственнаго добродушія, какъ нападки на бездушіе другихъ.

«Несравненная женщина! думалъ Неджентъ: какія теплыя чувства! и какая хорошенькая дочка! О, очаровательное семейство!»

Шарлотта Ленноксъ играла что-то трогательное; Неджентъ облокотился на фортепіаны: они говорили объ музыкѣ, о поэзіи, о прогулкахъ по водѣ, о чувствѣ, и объ Ричмондъ-Гиллѣ. Они уговорились на *partie de plaisir*. Неджентъ дурно спалъ эту ночь: онъ дѣйствительно былъ влюбленъ.

Когда онъ всталъ поутру, день былъ свѣтлый и прекрасный; Бельфоръ, лучший изъ друзей, пріѣдетъ къ нему черезъ часъ; Бельфорова лошадь, лучшая изъ

лошадей, свезетъ его въ Ричмондъ, и тамъ онъ встрѣтится съ леди Ленноксъ, пріятнѣйшею изъ матерей, и Шарлоттою, очаровательнѣйшею изъ дочекъ. Фигурантка всегда была заурядъ; теперь она вовсе забыта. «Право пріятно жить на свѣтъ!» повторялъ Неджентъ повязывая галстухъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого счастливаго дня, — не скажу, черезъ сколько именно, — Неджентъ былъ одинъ въ своей комнатѣ и раслаживалъ взадъ и впередъ, сложивъ руки на груди, съ нахмуренными бровями. «Какой плуть! какой бездѣльникъ! Лошадь ужъ хромала, когда онъ мнѣ ее продалъ, — не стоитъ десяти фунтовъ! А я такъ довѣрчиво. . . . Проклятая глупость! Это бы еще не бѣда; но навязать мнѣ свою отставную подругу! сдѣлать меня посмѣшищемъ свѣта! Клянусь, онъ будетъ у меня раскаяваться! Занялъ денегъ, потомъ насмѣялся моему добродушію; затащилъ меня къ себѣ въ клубъ, чтобъ ограбить! Но, слава Богу, я еще могу застрѣлить его! . . . А! полковникъ; вотъ одолжили!»

Полковникъ Нельморъ, пожилой человекъ, очень извѣстный въ обществѣ, съ прекраснымъ лбомъ, съ умнымъ созерцательнымъ взглядомъ, и съ пріятною осанкой, вошелъ въ комнату. Неджентъ развернулъ передъ нимъ длинную роспись своихъ жалобъ и заключилъ просьбою доставить отъ него вызовъ лучшему изъ друзей, капитану Бельфору. Полковникъ приподнял брови.

— Послушайте, мой любезный, я согласенъ, что капитанъ поступилъ съ вами нехорошо, но за какую именно обиду вы думаете его вызвать?

— Вообще, за все его поведеніе.

Полковникъ засмѣялся.

— Онъ сказалъ вчера, что я сдѣлался ужаснымъ болваномъ и что онъ меня обтесаетъ. Онъ говорилъ это Сельвину, въ альковъ у Вайта.

Полковникъ нюхнулъ табуку.

— Любезный другъ, сказалъ онъ потомъ : вы , я вижу , не знаете свѣта. Пріѣзжайте ко мнѣ отобѣдать нынче , ровно въ семь. Мы поговоримъ объ этомъ. Между-тѣмъ право нельзя стрѣляться за то, если васъ назовутъ болваномъ.

— Нельзя стрѣляться ! Такъ что жъ мнѣ дѣлать ?

— Смѣяться , покачать головой и сказать : — Ахъ, Бельфоръ , какой ты злой !

Полковникъ успѣлъ предупредить вызовъ , но негодование Неджента на лучшаго изъ друзей кипѣло попрежнему : Онъ отказался отъ Нельморова приглашенія : ему должно было обѣдать у Ленноксовъ. Между-тѣмъ онъ отправился съ своими думами въ тѣнистую часть Кенсингтонскихъ Садовъ.

Онъ сѣлъ въ бесѣдкѣ и осматривалъ , съ нравоученіями въ головѣ, начальныя буквы, числа и остроты, начертанныя давно истлѣвшими руками на удивленіе потомству.

Веселое общество шло мимо этого убѣжища; смѣхъ и голоса опережали его шаги. « Да , говорилъ пронзительный , сухой голосъ , по которому Неджентъ узналъ одного изъ модныхъ остряковъ : да-съ , я подслушалъ васъ , леди Ленноксъ , когда вы бесѣдовали о чувствѣ съ Неджентомъ : фи ! какъ могли вы тратить время такъ напрасно ! »

— Ахъ , бѣдняжка ! онъ въ самомъ дѣлѣ очень простоватъ съ своими фразами ; впрочемъ онъ такой добрый и притомъ чрезвычайно полезенъ.

— Полезенъ ?

— Да ; занимаетъ пустое мѣсто за обѣдомъ , какъ скоро его пригласятъ ; даетъ мнѣ лошадей , когда мои простудятся ; подписываетъ на бѣдныхъ и снабжаетъ цвѣтами мою гостиную. Словомъ , будь онъ поумнѣе, онъ былъ бы не такъ пріятенъ : въ немъ только и хорошаго , что недостатки.

Такъ чувствительнѣйшая изъ матерей описывала молодаго человѣка, самаго любезнаго и съ отличнѣйшими способностями. Неджентъ былъ пораженъ какъ громомъ; общество удалилось, онъ остался непримѣченныиъ.

Онъ бѣсился, проклинался, выходилъ изъ себя. Чтобъ онъ повѣхалъ на обѣдъ! Нѣтъ, онъ напишетъ къ леди такое письмо, которое проколетъ ее книжками. Но дочь ея; Шарлотты тутъ не было. Шарлотта, о! Шарлотта совсѣмъ не то что ея мать: она самое простодушное, самое милое созданіе, и любить его, — это очевидно. Тутъ ужъ нельзя обманываться. Да, для нея повѣдетъ онъ на обѣдъ; онъ подавить свое справедливое негодованіе.

Вотъ онъ у леди Ленноксъ. Гостей множество. Молодой маркизь Остерли только-что воротился изъ путешествія. Онъ сидитъ подлѣ прелестнѣйшей изъ дочекъ. Неджента какъ не бывало. Однако жъ послѣ обѣда онъ нашелъ случай шепнуть Шарлоттѣ нѣсколько словъ. Онъ намекнулъ нѣжный упрекъ и просилъ ее спѣть его любимый романсъ: «Мы встрѣтились въ толпѣ». Шарлотта охрипла, простудилась; Шарлотта не могла пѣть. Неджентъ вышелъ вонъ и пустился домой. На концѣ улицы онъ замѣтилъ, что забылъ тросточку. Онъ воротился, радуясь предлогу бросить сердитый взглядъ на самое простодушное созданіе въ мірѣ, и этотъ взглядъ, думалъ онъ, не дастъ уснуть цѣлую ночь. Онъ входитъ въ гостиную: Шарлотта услаждаетъ маркиза Остерли своимъ «Мы встрѣтились въ толпѣ», а онъ слушаетъ, опершись на спинку ея стула.

Шарлотта Ленноксъ была молода, мила и лукава. Лордъ Остерли былъ молодецъ, неопытенъ и тщеславенъ. Не прошло мѣсяца, онъ ужъ сдѣлалъ предложеніе, и оно, разумѣется, было принято.

«Добро! сказалъ однажды утромъ бѣдный Неджентъ, выходя изъ глубокой задумчивости: дружба предала меня, любовь мнѣ измѣнила, но удовольствіе дѣлать добро все еще остается. Дружба покидаетъ насъ на первой ступени жизни, любовь на второй, доброжелательство длится до гроба! Бѣдный Гильпинъ! какъ онъ былъ благодаренъ! Надо постараться доставить ему это мѣсто.» Для развлеченія онъ взялъ одинъ новый журналъ и открылъ его въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была жестокая брань на его прекрасную повѣсть въ альманахъ. Сатира не ограничивалась однимъ сочиненіемъ; она захватывала и личность автора. Онъ былъ представленъ набитымъ дуракомъ, умственнымъ карликомъ, ничтожной тварью, уродцемъ! Это очень пріятныя вѣсти для разстроеннаго человѣка, особенно, пока онъ къ нимъ не привыкъ. Неджентъ только успѣлъ кинуть журналъ на другой конецъ комнаты, какъ пришелъ его стряпчій поговорить о совершеніи закладной на часть имѣнія, которую щедрый Неджентъ вынужденъ былъ отдать въ чужія руки. Стряпчій былъ человѣкъ довольно пріятный и свѣтскій, хорошо знакомый съ нуждами и обстоятельствами молодыхъ людей. Онъ замѣтилъ, что Неджентъ что-то не въ духѣ, и естественнымъ образомъ приписывалъ это закладной. Чтобъ разсѣять его мысли, онъ началъ издалека общимъ разговоромъ.

— Какіе есть плуты на свѣтѣ! сказалъ онъ.

Неджентъ вздохнулъ.

— Вотъ напримѣръ нынче утромъ передъ тѣмъ, что итти къ вамъ, встрѣтилось у меня довольно странное обстоятельство. Одинъ господинъ доставилъ своему зятю средства быть избраннымъ въ депутаты отъ мѣстечка, а этотъ воспользовался актомъ, которымъ добрый старикъ передалъ ему

свой капиталъ, и поддѣлъ его на триста фунтовъ слишкомъ годоваго дохода. Вчера я возился съ однимъ злостнымъ банкротомъ : какъ давно и съ какимъ хладнокровнымъ расчетомъ замыслилъ онъ свое плутовство ! А отъ васъ пойду къ одному литературному мошеннику, который на основаніи чухотнаго кашля и чернаго платья вотъ уже два года живетъ очень хорошо мірскимъ подаваніемъ.

— А !

— Онъ надулъ самымъ жестокимъ образомъ своего дядю поддѣлкою акта, а тотъ дважды разстроивалъ имѣніе, чтобъ избавить плута отъ бѣды, и теперь долженъ или понести утрату, или ослабить судебнымъ преслѣдованіемъ собственную семью. Разумѣется, племянничекъ зналъ доброту моего довѣрителя, иначе бы онъ не рѣшился : чѣмъ добре чело-вѣкъ, тѣмъ онъ больше страждетъ.

— Какъ его зовутъ ? Гиль.... Гиль.... Гиль.... Гиль-пинъ ! проговорилъ запинаясь Неджентъ.

— Онъ самый ! Ого, не нагрѣлъ ли онъ и васъ, Г. Неджентъ.

Прежде чѣмъ нашъ герой успѣлъ отвѣчать, ему подали письмо. Неджентъ распечаталъ : оно было отъ издателя того журнала, гдѣ его разругали. Вотъ оно —

«Милостивый государь !

«Отлучавшись въ прошломъ мѣсяцъ изъ Лондона по необходимому дѣлу, я поручилъ журналъ стороннему лицу, которое очень дурно выполняю свои обязанности. По возвращеніи моемъ сегодня, я былъ изумленъ и опечаленъ, найдя въ нынѣшнемъ номерѣ нападеніе на васъ, исполненное личностей и несправдливости. Не могу выразить, сколько я объ этотъ сожалею, тѣмъ болѣе, что глупая статья написана литературнымъ поденщикомъ, который добываетъ свое прожитаніе ругательными статьями. Для убѣжденія васъ въ моихъ чувствахъ, препровождаю другую, еще болѣе неприличную критику, которую вы намъ доставили для слѣ-

дующей книжки и за которую, къ сожалѣнію, хозяева журнала уже заплатили безнравственному ея сочинителю. Игнорую честь быть,» и прочая.

Неджентъ взглянулъ на вложенную бумагу: рука Г. Григорія Гильпина, признательнѣйшаго изъ всѣхъ несчастныхъ литераторовъ.

— Вы нынче что-то печальны, любезный Неджентъ, сказалъ полковникъ Нельморъ, увидѣвъ своего молодого пріятеля въ Сентъ-Джемскомъ Паркѣ съ поникшей головою.

— Я несчастливъ, я недоволенъ: для меня сошелъ весь лоскъ съ жизни, отвѣчалъ Неджентъ вздыхая.

— Люблю побѣгать съ задумчивымъ человѣкомъ, сказалъ полковникъ: пойдете вмѣстѣ, и отобѣдаемъ у меня tête-à-tête по-холостому. Вы напередни отказались отъ моего приглашенія: не посчастливится ли мнѣ нынче?

— Я плохой собесѣдникъ, возразилъ Неджентъ: но я вамъ очень благодаренъ, и съ удовольствіемъ принимаю вашъ зовъ.

Полковникъ Нельморъ прожилъ съ полвѣка; знавалъ горе въ свое время и видѣлъ много жестокихъ дѣйствительностей жизни. Но онъ терпѣлъ и жилъ не даромъ. Онъ не былъ теоретикъ и не прикидывался философомъ; но умѣлъ довольствоваться небольшимъ состояніемъ, умѣлъ быть общительнымъ со всѣми на-выками уединенія; наблюдательнымъ съ любовію къ наукѣ, и особенно дѣлалъ много добра вообще, именно потому, что не держался ни какой системы въ особенноти.

— Да, сказалъ Неджентъ, когда они сидѣли за столомъ, и молодой человѣкъ открылъ старому другу своего отца все, что казалось ему безпримѣрнымъ его несчастіемъ,—и вѣроломство Бельфора, и измѣну Шарлотты, и мошенничество Гильпина: да, говорилъ онъ, я теперь вижу свою ошибку; я уже не люблю своихъ

ближнихъ ; не надѣюсь ни на любовь, ни на дружбу , ни на искренность, ни на добродѣтель свѣта ; я уже не брошусь съ открытымъ сердцемъ въ эту шайку плутовъ ; не стану бѣгать людей, но буду презирать ихъ.

Полковникъ улыбнулся.

— Надѣньте-ка шляпу, мой любезный, и пойдѣте со мной въ гости Нечего извиняться : это одна старушка, которая звала меня на чашку чаю.

Недженъ надулся , но пошелъ. Они отправились къ одному маленькому домику въ Реджентсъ-Паркъ. Ихъ приняли въ чистую комнату, гдѣ они нашли слѣпую старушку, веселаго вида и милую въ обращеніи.

— Ну, а каковъ вашъ сынъ ? спросилъ полковникъ, послѣ первыхъ привѣтствій: давно ли вы его видѣли?

— Давно ли ! вы знаете , что онъ рѣдкою деиъ не зайдетъ ко мнѣ или по-крайней-мѣрѣ не напишетъ. Съ тѣхъ поръ какъ я ослѣбла , ему нечего отъ меня ждать , и я конечно должна быть для него бременемъ при его малыхъ доходахъ и при издержкахъ свѣтской жизни, которую онъ ведетъ ; однако жъ будь я самая богатая мать въ Англійи и имѣй все въ своемъ распоряженіи , онъ и тогда не могъ бы быть до меня добрее и внимательнѣй. Онъ охотно откажется отъ самаго веселаго общества , чтобъ притти читать мнѣ вслухъ , чуть я не такъ здорова или не въ духъ ; онъ продалъ лошадей , чтобъ было чѣмъ заплатить миссъ Блендли : иначе , съ моимъ ли достаткомъ имѣть при себѣ такую музыкантшу. Музыка теперь мое главное наслажденіе. Охъ , онъ образецъ всѣхъ сыновей, хотя свѣтъ и думаетъ, что онъ разсѣянъ и нечувствителенъ ; но если бъ знали какъ онъ меня любитъ ! вскрикнула мать, сложивъ руки , и слезы ринули у ней изъ глазъ. Недженъ былъ очарованъ ; полковникъ ободрялъ старушку продолжать , и молодому человѣку показалось , что никогда не проводилъ онъ времени

такъ пріятно, какъ слушая материнскія похвалы этому нѣжному сыну.

— Ахъ , полковникъ ! сказалъ онъ Нельмору , когда они вышли : сколько вы благоразумнѣе меня : вы выбрали знакомыхъ съ осторожностью. Чего бѣ я не далъ за то , чтобъ имѣть такого друга , каковъ долженъ быть этотъ добрый сынъ. Но вы не сказали мнѣ ихъ имени.

— Терпѣніе , отвѣчалъ полковникъ , нюхая табакъ : мнѣ надо зайти еще въ одно мѣсто.

Онъ повернулъ въ маленькую аллею и постучался у одной избушки. Женщина съ груднымъ ребенкомъ отворила дверь , и Неджентъ очутился среди той веселой бѣдности, которая такъ нравится богатымъ.

— Ага ! сказалъ Нельморъ , осматриваясь вокругъ : вы кажется устроились теперь довольно удобно ; благодѣтель вашъ не любитъ дѣлать добро вполнину.

— Дай Богъ ему здоровья ! Охъ , сударь , какъ подумаешь , сколько онъ самъ нуждается , что переносить изъ-за денегъ и какъ злословятъ его люди , такъ право не знаешь , какъ и выразить свою благодарность. Онъ самъ себя ограбилъ , чтобъ помочь намъ , и только потому , что знавалъ мужа въ молодости.

Полковникъ далъ женщинѣ продолжать. Неджентъ отеръ глаза и оставилъ кошелекъ въ избушкѣ.

— Кто этотъ удивительный , жертвующій собою человекъ ? спросилъ онъ , когда они опять вышли на улицу. Онъ самъ въ нуждѣ : еслибъ я могъ пособить ему ! Ахъ , вы уже мирите меня со свѣтомъ. Я вижу , что вы затѣмъ и привели меня сюда. Есть добрые люди точно такъ же какъ есть злые. Не всѣ же Бельфоры и Гильпины ! Но имя , скажите имя благодѣтеля этого бѣднаго семейства :

— Пойдите , сказалъ полковникъ , когда они вошли въ Оксфордъ-стритъ : вотъ счастье , я вижу одну добрую женщину , съ которой мнѣ нужно поговорить.

— Г-жа Джонсонъ, сказалъ онъ, обращаясь къ здоровой, благовидной женщинѣ среднихъ лѣтъ, которая съ корзинкой на рукѣ выходила изъ масляной лавки : вы все хлопочете по своимъ дѣламъ, — домашнія закупки. Скажите, какова ваша молодая хозяйка ?

— Слава Богу, сударь, я такъ рада, отвѣчала женщина съ поклономъ. А вы, сударь, какъ въ своемъ здоровьѣ ?

— Да такъ, по своимъ грѣхамъ хорошо. А хозяйка ваша, небось, только веселится, ни о чемъ не тужить, не думаетъ ? а ?

— Что вы, сударь ! вскинулась на него женщина : лучше нашей молодой хозяйки нѣтъ на свѣтѣ : я ее знала еще вотъ такую !

— Что она, — добронравна ? спросилъ полковникъ улыбаясь.

— Ужъ какая смиренная, такъ я чай не можетъ и вымолвить грубаго слова. Такой кроткой, такой терпливой барыни нарѣдкость.

— Ну, и сострадательна ? Или ужъ это слишкомъ ?

— Ахъ, батюшка ! сама за мной ходила, когда я вывихнула ногу, упавши съ лѣстницы, и каждый вечеръ, прежде чѣмъ выѣдетъ со двора, зайдетъ бывало ко мнѣ въ комнату съ своимъ умильнымъ личикомъ и посмотреть не нужно ли чего мнѣ увѣчной.

— И вы думаете, что она будетъ доброю женой ? Говорятъ, будто она не такъ то любила своего суженаго.

— Любила ль, нѣтъ ли, про это мы не знаемъ, а то вѣрно, что она во всемъ норовитъ угодить хозяину, и я слышала своими ушами, какъ онъ говорилъ нынче утромъ братцу : — Артуръ, если бъ ты зналъ, что у меня за сокровище !

— Правда, правда, сказалъ полковникъ : я говорилъ нарочно, чтобъ посмотреть, какъ вы вступитесь за свою хозяйку ; я знаю, что она прекрасная дама. Мое почтеніе !

— Я видалъ эту женщину прежде, сказалъ Неджентъ: только не припомню гдѣ; по виду она должна быть ключницей.

— Точно такъ.

— Какъ приятно слышать о превосходной женщинѣ среди большаго свѣта, продолжалъ Неджентъ вздыхая: и какъ это видно, что добрая служанка была чистосердечна въ своихъ похвалахъ. Счастливый мужъ, кто бы онъ ни былъ!

Они пришли къ полковнику. Нельморъ взялъ сочиненіе одного философа и прочелъ вслухъ:

«Хотите ли любить челоувѣчество? Ожидайте отъ него какъ можно меньше. Хотите ли смотрѣть на его «недостатки безъ горечи? Приучайтесь прощать ихъ, «и понимать, что снисхожденіе есть справедливость, «которой слабое челоувѣчество можетъ требовать отъ «благоразумія. Ни что такъ не располагаетъ насъ къ «снисхожденію, къ закрытію нашихъ сердець отъ ненависти, къ отверзтію ихъ началамъ челоувѣколюбивой и кроткой нравственности, какъ глубокое знаніе «челоувѣческаго сердца. Оттого, гениальные и благоразумнѣйшіе люди были всегда самые снисходительные,» и прочая.

— Теперь приготовьтесь къ изумленію. Добрый сынъ, которому вы столько удивлялись, котораго вы такъ желали имѣть другомъ, — капитанъ Бельфоръ; великодушный челоувѣкъ, жертвующій собою, которому вы такъ благородно вызывались оказать помощь, этотъ челоувѣкъ — Г. Гильпинъ; а та молодая дама, которая въ цвѣтъ здоровья, красоты, разсѣянности и побѣдъ, ходила за больной служанкою, и въ которой мужъ нашелъ сокровище, это — Шарлотта Ленноксъ!

— Боже мой! вскрикнулъ Неджентъ: чему же мнѣ вѣрить? Не подшутили ли какъ-нибудь надъ моимъ разсудкомъ, и напоследокъ не выйдутъ ли Бельфоръ, Гильпинъ и миссъ Ленноксъ образцами совершенства?

— О нѣтъ; до этого имъ далеко. Бельфоръ разсвѣтливый, беззаботный, человекъ шаткой нравственности и очень сомнительной чести; онъ замѣтилъ, что вамъ надобно купить опыта, что вы должны быть къ-мъ-нибудь обобранны, и взялъ это на себя, чѣмъ предоставлялъ другому. Онъ послѣ смѣялся на вашъ счетъ не потому, чтобъ презиралъ васъ, — напротивъ, я думаю, что онъ васъ очень любилъ по-своему, — но потому, что въ окружающемъ его свѣтѣ каждый находитъ удовольствіе посмѣяться надъ своимъ знакомцемъ. Шарлотта Ленноксъ видѣла въ васъ очень хорошую партію, — я думаю, даже рѣшительно васъ предпочитала, — но ее учили всю жизнь, что экипажъ, богатство и званіе гораздо лучше любви. Она не могла не соблазниться быть маркизою Остерли, — изъ двадцати двѣушекъ ни одна не устояла бы противъ искушенія, — тѣмъ не менѣе она очень добрая, очень милая женщина, сердобольная хозяйка и порядочная жена. Гильпинъ всѣхъ ихъ хуже: очевидно, что онъ слутъ, но такъ же очевидно, что онъ и въ крайности. Вѣроятно, ему самому было очень жаль нападать на васъ, своего щедраго благодѣтеля; но онъ живетъ въ такомъ обществѣ, гдѣ самолюбіе уничтожаетъ всѣ чувства приличія и личнаго достоинства, гдѣ брань почитается остроуміемъ и смѣшленостью, а клевета безпристрастіемъ, и такъ какъ онъ собака на языкъ, то журналы не могутъ купить у него ничего кромѣ брани. Не думайте, чтобъ онъ лаялъ на васъ изъ злости, изъ неблагодарности, изъ порочности; нѣтъ, онъ лаялъ по привычкѣ, въ той мысли, что это очень мило, — лаялъ за десять гиней. Однако жъ Гильпинъ такой человекъ, который, поддѣвъ отца роднаго на десять фунтовъ, съ радости тутъ же отдастъ половину нищему. Въ настоящемъ случаѣ онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ лучшаго чувства: онъ служилъ другу своего дѣтства. Не многіе забываютъ эти раннія связи,

какъ бы ни разрывали они другія. Вы ошибались не только въ томъ отношеніи, что принимали дурныхъ людей за лучшихъ, но ошибались вдвойнѣ, принимая обыкновенныхъ людей то за лучшихъ, то за худшихъ; вступая въ дружбу съ тѣмъ, кто бы могъ быть пріятнымъ знакомцемъ; почитая челоѵка въ нуждѣ за челоѵка съ достоинствомъ, и добрую, хорошенькую дѣвушку за высокій образецъ челоѵческой природы. Потомъ вы было попали въ противоположную крайность и сдѣлались такъ же неразборчивы въ подозрѣніяхъ какъ въ довѣрчивости. О, если бѣ я могъ льстить ся надеждою, что избавилъ васъ отъ этого опаснѣйшаго изъ двухъ заблужденій!

— Избавили, любезный Нельморъ; и сдѣлайте милость, одолжите мнѣ вашего философа.

— Съ удовольствіемъ; но одно короткое правило заключаетъ въ себѣ все, чему могутъ научить васъ философы, потому что они только распложаютъ это правило, а оно просто — «Берите свѣтъ, какъ онъ есть.»

The Student, by Edward L. Bulwer. 1835.

=

ТРЕХСКАЗОЧНЫЙ ПАША.

СОЧИНЕНИЕ КАПИТАНА МАРРИЕТА *.

Жилъ былъ паша. Я могъ бы сказать когда: но къ чему это? Лучшая хронологія въ мірѣ — жилъ-былъ паша.

Онъ жилъ въ одномъ бейликѣ, въ нѣкоторомъ пашалыкѣ. Но прежде былъ не пашею, а цирюльникомъ. Обладая пронырствомъ и храбростью, онъ успѣлъ со- стряпать возстаніе въ пользу своего предшественника, и былъ награжденъ отъ него довольно значительнымъ мѣстомъ въ арміи. Онъ дѣйствовалъ удачно съ отдѣль- нымъ отрядомъ, между-тѣмъ какъ его начальнику не благопріятствовало военное счастье, и получилъ при- казь отнять у него голову и заступитъ его мѣсто. Онъ съ равнымъ искусствомъ и поспѣшностью исполнялъ то и другое. Высочайшій фирманъ утвердилъ его на вакантномъ пашалыкѣ. Его служебныя качества были всѣ превосходной степени: онъ былъ очень низокъ, очень толстъ, очень безграмотенъ, очень бышенъ и очень тупъ.

На слѣдующее утро по вступленіи въ важный санъ, собственная его голова находилась въ рукахъ цирюль- ника, хитраго, смѣшленаго Грека Цини Мустафы, ко- торый сдѣлался правовѣрнымъ, соображая однажды въ тюрьмѣ выгоды и невыгоды быть повѣшеннымъ и быть мусульманиномъ. Цирюльники — особы повѣ- ренныя по многимъ причинамъ. Перебѣгая отъ одной

* The Pasha of many tales. By captain Marryat. London, 1835.

головы къ другой, для дневнаго пропитанія, они собираютъ предметы для разсказовъ, которые, какъ бы ни были иногда утомительны, занимаютъ по необходимости слухъ всякаго, кто только подвергается ихъ операціи, не позволяющей употреблять ни одного органа кромѣ слуха. Притомъ, мы всегда какъ-нельзя болѣе расположены къ человѣку, который въ силахъ перерѣзать намъ горло, когда только захочетъ, — и послѣ этой мысли, какъ не считать пустяками всѣхъ поэтическихъ вольностей его обращенія! Человѣку, который даже своего пашу беретъ за носъ, нельзя запретить говорить.

— Мустафа, сказалъ паша, ты знаешь, по милости Аллаха милосердаго, милостиваго, я снялъ головы со всѣхъ, кто только оставлялъ свои туфли у дверей покойнаго паши?

— Ля иляхъ иль Аллахъ! Нѣтъ божества кромѣ Аллаха! Такъ погибнуть всѣ враги Вашего Благополучія. Развѣ не были они дѣти шейтана? отвѣчалъ Мустафа.

— Правда, Мустафа; но этимъ открылся мѣсто визиря, а кого я знаю, чтобы способенъ былъ занять его?

— Пока пашею Ваше Благополучіе, визиремъ развѣ не можетъ быть даже дитя? Кто не способенъ управлять пашалыкомъ, будучи руководимъ безошибочною мудростью?

— Знаю это хорошо, возразилъ паша: но руководить визиря все равно, что быть визиремъ самому. Тогда не на кого свернуть, если завяжется дѣло съ Султаномъ. *Иншаллахъ!* если угодно Аллаху, визирева голова должна цорой спастись мою собственную.

— Что мы за собаки, сказалъ Мустафа, чтобы беречь свои головы, тогда какъ есть случай выручить ими жизнь своего господина? Начто намъ головы подъ вашимъ начальствомъ? Счастливъ тотъ, кому предо-

предложено принести свою голову для сохранения головы высокостепенной! То будетъ счастливѣйшій день его жизни.

— По-крайней-мѣрѣ то будетъ послѣдній, прибавилъ паша

— Позволено ли будетъ рабу вашего высокаго порога, сказалъ Мустафа послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, замѣтить, что вамъ нуженъ въ визири человекъ съ большимъ умомъ; онъ долженъ вести дѣла такъ чисто, чтобъ не оставалось ни одного крючка, за что можно бы было прицѣпиться; ну вотъ такъ чисто, какъ я теиерь брѣю блистательнѣйшую голову вашей высокостепенности, не оставляя на ней ни одного волоска, да и не задѣвая за кожу.

— Правда, Мустафа.

— Онъ долженъ держать глазъ остро на недовольныхъ правительствомъ, чтобы выбирать и удалять ихъ изъ толпы, подобно тому какъ я поступаю съ немногими съдыми волосами, которые осмѣливаются показаться въ свѣтлѣйшей и великолѣпнѣйшей бородѣ вашей.

— Правда, Мустафа.

— Онъ долженъ тщательно стирать всѣ нечистоты съ поверхности пашалыка, какъ я давеча съ вашего величественнаго уха.

— Правда, Мустафа.

— Онъ долженъ быть знакомъ съ тайными пружинами дѣла, какъ съ составами мыла и маслами для точенья бритвъ.

— Правда, Мустафа.

— Притомъ, онъ долженъ быть вѣчно благодарнымъ вашему высокопорожію за высокія почести, возложенныя на него.

— Все, что ты сказалъ, удивительная правда: но гдѣ мнѣ найти такого человекъ?

*

— На свѣтъ все есть, продолжалъ Мустафа: если хоти-те болвана или монашеника, не нужно далеко ходить, сейчасъ найдете; но отыскать такого человѣка, какой вамъ нуженъ, трудное дѣло. Я знаю только одного.

— Кто жь это?

— Одинъ изъ тѣхъ, чья голова есть подножіе для вашей высокостепенности, отвѣчалъ Мустафа, растянувшись передъ пашею: вашъ презрѣннѣйшій рабъ, Мустафа!

— Аллахъ, Аллахъ! Такъ ты это на себя намекалъ! Ну ладно. Когда одинъ цирюльникъ могъ сдѣлаться пашею, другой можетъ быть у него визиремъ. Ужъ славно мы съ тобой забрѣемъ правовѣрныхъ!

— *Машиаллахъ*, эфенди мой! чудо, какъ забрѣемъ.

— Да вотъ въ чемъ дѣло, Мустафа: хорошаго визиря легко найти; имъ можетъ быть всякой, тогда какъ для хорошаго цирюльника требуется много дарованій. Я не хотѣлъ бы лишиться твоей бритвы.

— Вашему рабу, сказалъ Мустафа, предопредѣлено было видѣть многія отдаленныя страны; онъ имѣлъ случай замѣтить, что тамъ одинъ человѣкъ часто занимаетъ нѣсколько должностей, несравненно болѣе противоположныхъ чѣмъ мѣста цирюльника и визиря, которыя, право, очень легко соединить. Мудрецы говорятъ, что въ старыя времена судьбы народовъ рѣшались всегда во время туалета. Пока буду мылить величественный лобъ Вашего Благополучія, вы можете давать мнѣ приказы, отрѣзать кому нужно голову, отнять у кого угодно имѣніе, и тому подобныя, и въ одно время вы будете исполнять долгъ усерднаго правителя и чистоплотнаго мусульманина.

— Правда, Мустафа. На условіи, что ты останешься цирюльникомъ, я жалуя тебѣ шубу визирскую.

Мустафа снова распростерся съ бритвой въ рукѣ. Вставъ, онъ продолжалъ свою операцію.

— Ты умѣешь писать, Мустафа? замѣтилъ паша, послѣ нѣкотораго молчанія.

— *Истагфиръ Аллахъ?* Оборони, Господи! чтобъ я когда-нибудь учился грамотѣ: я бы почелъ себя недостойнымъ того сана, въ который вы возвели меня.

— Что не нужно для меня, то иногда необходимо мѣмү визирю, замѣтилъ паша.

— Читать — не мѣшаешь, возразилъ Мустафа: въ этомъ я согласенъ; а насчетъ письма смѣю доложить свѣтлѣйшему уму вашему, что это столь же опасно, сколько бесполезно. Много умныхъ людей погибло отъ этого знанья; а всего опаснѣе оно для особъ, пользующихся властью. Примерно сказать, благополучнѣйшій эфенди мой, отправляетъ письменный приказъ спровадить кого-нибудь; его перехватываютъ, и представляютъ въ Стамбуль для обвиненія васъ передъ правительствомъ. Будь приказаніе это изустное, вы бы отреклись отъ него какъ-нельзя лучше, и въ доказательство своей невинности забили бы палками татара, который везъ его.

— Правда, Мустафа.

— Дѣдъ раба вашего, продолжалъ цирюльникъ-визирь, занималъ должность главнаго сборщика по таможнѣ; онъ всегда бѣсился, когда принужденъ былъ братья за перо. Онъ убѣдился и выдавалъ свое мнѣніе за неоспоримую истину, что правительство не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ грамота процвѣтаетъ. «Замѣть это, Мустафа,» говорилъ онъ мнѣ однажды: «вотъ что значить проклятое письмо! Берешь деньги для казны, давай расписку. Что же выходитъ? То, что казна теряетъ отъ этого тысячи тысячъ. Спросишь во второй разъ уплату, тебѣ показываютъ расписку. Ну, если бъ не знали этого проклятаго изобрѣтенія, *иншаллахъ*; можно было бы, по благости Господней, брать подать съ одного и того же лица по два, по три раза.

Помни, Мустафа, продолжалъ онъ, что грамота только останавливаетъ дѣлопроизводство.»

— Правда, Мустафа, сказалъ паша: у насъ впередъ не будетъ письма.

— Да, Ваше Благополучіе; получать расписки не худо, лишь бы самимъ не давать. У меня есть молодой Грекъ невольникъ; его можно употребить на афи дѣла. Онъ хорошо читаетъ. Онъ недавно читалъ мнѣ исторіи о «Тысячѣ одной ночи.»

— Исторіи? вскричалъ паша. Кто они такіе? Я никогда не слыхалъ объ нихъ.

— Это сказки.

— А! я люблю сказки.

— Если угодно будетъ Вашему Присутствію послушать ихъ, рабъ вашъ будетъ ожидать повелѣній, сказать визирь.

— Приведи его сегодня вечеромъ, Мустафа; мы выкуримъ по трубкѣ, и слушаемъ какъ онъ читаетъ. Я люблю сказки; онъ располагаютъ ко сну.

Первое засѣданіе двухъ правительственныхныхъ особъ было проведено какъ нельзя единодушнѣе и кончилось рѣшеніемъ. Два бывшіе цирюльника возсѣли на софѣ правленія и закурили калянь взаимнаго содѣйствія, пуская дымъ самодовольствія на всѣ стороны свѣта. Мысль таможеннаго сборщика приведена была въ исполненіе: «Жизнь или кошелекъ, безъ расписки», сдѣлалось первымъ вопросомъ для cadaго подсудимаго; палачи потирали руки отъ радости; все было спокойно. Они начали царствовать.

На слѣдующій день, Мустафа явился къ пашѣ, какъ было приказано, съ своимъ Грекомъ — невольникомъ. Новый визирь сѣлъ на подушкѣ у ногъ паши; подали трубки; невольникъ былъ введенъ въ ихъ присутствіе, и сталъ у фонтана посерединѣ залы, съ книгою.

Пашѣ такъ понравились эти сказки, что онъ не только ни разу не вздремнулъ ночью, но еще велѣлъ Гре-

ку читать ихъ всякое послѣ-обѣда, до-тѣхъ-ночь, пока ноги невольника не подогнутся отъ устали и языкъ не перестанеть дѣйствовать. Такимъ образомъ чтеніе шло скоро, и скоро кончилось, потому что повѣстей больше не было. Онѣ были прочтены во второй разъ. Потомъ паша началъ раздумывать, какъ провести вечеръ; потомъ онъ впалъ въ ипохондрію; наконецъ ему стало такъ скучно, онъ такъ раздражился, что самъ Мустафа, его визирь и цирюльникъ, приближался къ нему со страхомъ.

— Мустафа! сказалъ онъ однажды ему, сидя подъ его бритвою. У тебя нѣтъ больше этихъ исторій.

— Я поищу въ городъ, отвѣчалъ визирь.

— Не нужно, сказалъ паша. Я не хочу городскихъ исторій; хочу точно такихъ сказокъ, какъ тѣ, которыя слушалъ султанъ; мужъ Шегразады. Слава Аллаху, развѣ я не трехбунчужный паша? У меня есть три бунчука, и должны быть каждый вечеръ три сказки.

— Это ясно какъ день, присовокупилъ Мустафа. Какъ такому властелину довольствоваться одной сказкой цѣлый вечеръ? Можетъ ли рабъ вашъ способствовать къ исполненію вашихъ желаній?

— Я уже придумалъ препровожденіе времени, Мустафа; приходи вечеромъ и увидишь.

Мустафа явился послѣ обѣда. Паша курилъ свою трубку и казалось о чемъ-то думалъ; отложивъ ее всторону, онъ захопалъ въ ладоши и приказалъ евнуху позвать къ себѣ любимѣйшую невольницу изъ гарема.

Она вошла, закутанная въ покрывало.

— Рабыня ваша ожидаетъ повелѣній.

— Зинеба, сказалъ паша, любишь ли ты меня?

— Рабыня ваша развѣ не обожаетъ и самого праха, попираемаго ея господиномъ?

— Правда!..... но теперь у меня есть желаніе..... Смотри, Зинеба! это моя воля.... (паша пустилъ нѣ-

сколько струй дыма). Дѣло въ томъ..... я желаю, чтобъ ты какъ-можно проворнѣй сдѣлала мнѣ невѣрность.

— *Валлахъ вель неби!* Аллахъ и пророкъ его! Ване Присутствіе сегодня въ веселомъ расположеніи духа, вскричала Зинеба и поворотилась, чтобъ выйти изъ комнаты.

— Напротивъ, я въ самомъ серьезномъ духѣ; я подтверждаю, что приказалъ; ожидаю исполненія моего желанія.

— Мой эфенди помѣшался, что ли? Или онъ явно предался запрещенному напитку? Аллахъ, Аллахъ! Надо позвать хекима.

— Исполнишь ли то, что я тебѣ повелѣлъ? вскричалъ паня сердито.

— Развѣ мой эфенди призвалъ рабу свою для того, чтобъ безчестить ее? Кровь моя превратилась въ воду при такой ужасной мысли. Сдѣлать вамъ невѣрность! *Истагфиръ Аллахъ!* не доведи, Господи!..... Не готовъ ли и евнухъ съ мѣшкомъ?

— Да, готовъ; но если ты меня любишь, все-таки должна исполнить мое желаніе.

— Я не сдѣлаю этого, отвѣчала Зинеба: развѣ эфенди мой связался съ шейтаномъ? Срамъ! стыдъ!.....

Она убѣжала, плача отъ гнѣва.

— Вотъ тебѣ любовь! Хорошо говорятъ мудрецы, что женщины созданы для противорѣчія. Когда хочешь, чтобъ онъ оставались вѣрными, онъ день и ночь будутъ искать случаевъ обмануть тебя; дай имъ способъ быть невѣрными, вели имъ это, онъ упорствуютъ, притворяются невинными. Я было такъ уладилъ въ своей головѣ, чтобы онъ, каждая поочередно, сдѣлали мнѣ невѣрность. Я бы отрубилъ имъ всѣмъ головы, и потомъ, подобно султану твоихъ исторій, сталъ бы брать свѣжую жену всякую ночь до тѣхъ поръ,

пока не наткнулся бы на такую, которая умѣетъ разсказывать повѣсти не хуже Шеграады. Видишь, Мустафа, какъ женщины любятъ!

— Безмозглый вошь, Ваше Благополучіе! сказалъ визирь презрительно.

Мустафа, который, свѣлся просебя странной идеѣ пашин, былъ тѣмъ не менѣе немного встревоженъ. Онъ увидѣлъ, что сказочная манія такъ имъ овладѣла, что ея слѣдствія, доколь она не пройдетъ или не будетъ удовлетворена, могутъ быть пагубны и для него. Ему пришло въ голову, что можно дать лицу пашинскому сумасбродству, не употребляя такихъ романическихъ мѣръ. Подождавъ немного, пока сошла краска гнѣва и отчаянія съ лица пашин, онъ обратился къ нему съ предложеніемъ.

— Планъ, придуманный Вашимъ Благополучіемъ, таковъ, какого только можно было ожидать отъ необъятной мудрости вашей. Но пророкъ, — да будетъ онъ благословенъ! — развѣ не сказалъ въ Книгѣ, что умнѣйшіе изъ людей часто искушаются глупостью и упорствомъ любимаго пола!.... Да будетъ позволено рабу вашему представить, что халифъ Гарунъ-аль-Рашидъ, съ своимъ визиремъ Мансуромъ слышали лучшія новѣсти, бродя ночью переодѣтые по городу. По всей вѣроятности, то же самое будетъ и съ вами, если вы поступите какъ этотъ халифъ, сопровождаемые низайшимъ изъ рабовъ вашихъ.

— Правда, сказалъ паша, обрадованный выдумкою. Приготовь два платья, и черезъ часъ мы будемъ въ дорогъ. *Шюкуръ Аллахъ!* благодареніе Богу! наконецъ мы понали на истинную тропу.

Мустафа, досталъ пару купческаго платья, — это, какъ онъ замѣтилъ, была одежда халифа и его визиря, когда они ходили инкогнито. Самолюбіе его властелина было удовлетворено идеєю, что онъ подражаетъ Гаруну-аль-Рашиду.

Было темно, когда они отправились на приключенія. Мустафа приказалъ нѣсколькимъ вооруженнымъ невольникамъ слѣдовать за собою въ известномъ разстоянн, на случай нужды въ ихъ помощи. Строгя мѣры, принятыя новымъ пашею при вступленн на нравительственную подушку для предупрежденн народныхъ сборницъ, и которыя во всей силѣ вънолднлись бдительными патрулями, были причиною, что они нашлн улицы совершенно пустыми. Паша сердился теперь на свои приказанн.

Нѣсколько времени ходили они изъ улицы въ улицу, не встрѣчая никого. Паша, отвыкшій ходить пѣшкомъ, началъ уже пыхтѣть и показывалъ признаки досады, какъ замѣтили на углу улицы трехъ чловѣкъ, сидѣвшихъ и разговаривавшихъ между собою. Они подошли къ нимъ тихо въ то самое время, какъ одинъ изъ собесѣдниковъ говорилъ другимъ: — «Да, счастливъ тотъ, кто можетъ всегда владѣть черствой коркой, какою я теперь ломаю себѣ послѣднн зубы!»

— Что они говорятъ, Мустафа? сказалъ важно паша. Это злоумышленники. Я хочу знать причину этого замѣчанн. Мустафа, ты долженъ привести ко мнѣ этихъ людей завтра, по окончанн дивана.

Мустафа поклонился въ знакъ послушанн, и, приказавъ невольникамъ взять бесѣдовавшихъ подѣ стражу, послѣдовалъ за пашею, который, уставши отъ прогулки и довольный первымъ опытомъ подражанн великому Гаруну, направилъ шаги прямо во дворецъ, и тотчасъ легъ въ постель.

Возвратившись домой, Мустафа велѣлъ привести къ себѣ задержанныхъ.

— Человѣкъ! сказалъ визирь старѣйшему изъ своихъ арестантовъ: ты произнесъ сегодня вечеромъ слова, которыя подслушалъ эфенди пашн, паша, и онъ хочетъ знать причину, почему ты сказалъ, что

«счастливы тотъ, кто можетъ владѣть черствой коркой, какою я теперь ломаю свои послѣдніе зубы».

Тотъ намъ на колѣни со страха.

— Клянусь вашей свѣтлости верблюдской послѣднего пророка, что никогда и не помышлялъ объ изменѣ, ни о роптаніи на правительствѣ пинни.

— Человѣкъ! Я не вѣрю этому, возразилъ Мустафа съ строгимъ взглядомъ: въ твоихъ словахъ есть что-то загадочное. Твоя «черствая корка» намекаетъ на строгость права Его Благополучія, пинни; «ломать послѣдніе зубы» значитъ — вы недовольны нашимъ правительствомъ; а слова — «счастливы, кто можетъ владѣть этою черствой коркой» явно показываютъ, что ты готовъ съ радостью сдѣлать возмущеніе и овладѣть казною.

— *Аллахъ, Аллахъ!* Да не войдетъ душа презрѣннаго раба вашего въ рай, говорилъ несчастный, если этими словами я хотѣлъ сказать что другое, кромѣ того, что они значать. Когда бъ ваша свѣтлость были, какъ я, иногда безъ куска хлѣба, вы сознали бы всю справедливость моего отзыва.

— Что нужды, сознаю ли я это или нѣтъ, возразилъ визирь. Дѣло въ томъ, что Его Благополучіе не будетъ доволенъ твоимъ оправданіемъ, пока ты не расскажешь ему какой-нибудь повѣсти, связанной съ твоимъ замѣчаніемъ.

— *Истагфиръ Аллахъ!* чтобъ я рассказалъ повѣсть для обмана Его Благополучія!

— Послушайте, мошенники! вскричалъ гнѣвно Мустафа. Вы составляли заговоръ противъ пинни, и я васъ велю, всѣхъ троихъ, посадить на колы, если каждый изъ васъ не расскажетъ завтра хорошенькой сказки Его Благополучію. Тотъ, чья повѣсть будетъ занимательна, можетъ получить отъ него нѣсколько червонцевъ въ награду; не то молитесь Аллаху и готовьтесь къ смерти. Васъ позовутъ не раньше какъ

завтра послѣ обѣда, и времени вамъ остается еще довольно для приисканія исторій.

— Не позволите ли, ваша свѣтлость, сходить мнѣ домой, чтобъ посоветоваться съ женой, сказалъ упомянувшій въ разговорѣ о черствой коркѣ, тогда какъ два другіе молчали, дрожа всѣмъ тѣломъ. У женщины много ума для росказней. При ея помощи рабъ вашъ будетъ въ состояніи исполнить высокостепенное требованіе.

— Нѣтъ, сказалъ Мустафа; вы останетесь у меня подъ стражей; но, какъ она въ самомъ дѣлѣ можетъ пособить тебѣ, то пошли за нею. Женщины точно владѣютъ этимъ талантомъ. Ступайте въ тюрьму, негодяи, сочинять повѣсти для благополучнѣйшаго паши.

Мустафа отдалъ нужныя приказанія и удалился.

Какъ освободились несчастные, обвиненные въ изменѣ, явствуетъ изъ слѣдующихъ повѣстей, которыя они рассказали вечеромъ передъ грознымъ пашей. Сперва предсталъ главный зачинщикъ заговора.

I.

ПОВѢСТЬ О ПОГОНЩИКѢ ВЕРБЛЮДОВЪ.

Презрѣннѣйшему рабу Вашего Присутствія предстоитъ объяснить тѣ темныя слова, слышанныя блистательнымъ ухомъ вашимъ, которыя вырвались изъ устъ этого раба прошлою ночью. Да изгонитъ весь мракъ сомнѣній изъ высокостепенной головы простая повѣсть о моей жизни.

Я феллахъ (мужикъ) этой земли, — что показываетъ и моя одежда; но я не всегда былъ такъ бѣденъ какъ теперь. Отецъ мой имѣлъ множество верблюдовъ и отдавалъ ихъ въ наемъ караванамъ. По его смерти, я наслѣдовалъ его имѣніе и благорасположеніе тѣхъ,

кому онъ вѣрно служилъ. Оттого я имѣлъ много дѣла и мои верблюды всегда были въ наймѣ; и какъ я сопровождалъ ихъ самъ, изъ опасенія, чтобъ съ ними не обходились дурно, то мнѣ посчастливилось быть нѣсколько разъ въ Меккѣ и я приобрѣлъ титулъ хаджи. Жизнь моя протекала въ опасностяхъ и радостяхъ. Я съ восторгомъ возвращался въ нѣдра семейства, къ женѣ и дѣтямъ, послѣ странствованій, бѣдъ и лишений, и чувствовалъ всю цѣну дома въ немногіе часы пребыванія между ними. Я крѣпко работалъ и сдѣлался богатымъ.

Во время одного труднаго путешествія съ караваномъ черезъ Эль-тигскую пустыню, случилось, что верблюдица принесла мнѣ верблюженка. Я думалъ сперва оставить его на мѣстѣ на произволь судьбы, потому что верблюды мои и безъ того много терпѣли; но животное показывало столько силы и статности, что я рѣшился взять его съ собою. Я облегчилъ одного изъ верблюдовъ, снявъ съ него половину ноши, которую раздѣлилъ между остальными, и посадилъ на него верблюженка. Мы благополучно прибыли въ Каиръ, и какъ молодое животное немного подросло, я имѣлъ новую причину быть довольнымъ, что сохранилъ ему жизнь. Всѣ знатоки называли его чудомъ красоты и силы, предсказывая, что онъ нѣкогда будетъ избранъ въ священныя верблюды, на несеніе Алкорана въ караванъ богомольцевъ, странствующихъ въ Мекку. Такъ и случилось, лѣтъ пять спустя, въ продолженіе которыхъ я по-прежнему провожалъ караваны, богатыя съ каждымъ годомъ.

Мой верблюдъ достигъ полнаго совершенства; онъ былъ около полутора аршина выше другихъ, и я предложилъ его шейхамъ, въ кандидаты на величайшую почесть, какой только можетъ удостоиться четвероногое. Они избрали бы его немедленно, не случись тутъ одного дервиша, который, неизвѣстно по

квюй причинѣ; совѣтовалъ имъ не брать моего верблюда, утверждая, что караванъ будетъ несчастливъ, если на него возложатъ Алкоранъ.

Какъ этотъ человекъ слылъ за пророка, шейхи устрашилися его рвчей и не давали рвшительнаго отвѣта. Разсерженный внимательствомъ дервиша, я обругалъ его; онъ поднялъ шумъ; за него вступилась чернь, и меня едва не разтерзали. Между-тѣмъ какъ я убирался, негоднй бросилъ сзади меня горсть пещу, крича: «Такъ погибнетъ караванъ, если этому проклятому верблюду позволятъ нести Книгу Аллаха!» Вслѣдствіе этого выбрали другаго верблюда, хуже моего, и я обманулся въ надеждѣ. Но на слѣдующій годъ дервиша не было въ Каирѣ, и какъ никто не могъ представить верблюда красивѣе моего, то шейхи выбрали его единогласно.

Я поспѣшилъ домой, къ женѣ, обрадованный счастьемъ, которое, какъ я надѣялся, принесетъ благословеніе на мой домъ. Она была также въ восторгѣ, и самый верблюдъ, казалось, съ радостью ожидалъ своего предназначенія, отвѣчая хвостомъ на всѣ наши ласки, сгибая и протягивая длинную свою шею и кладя голову намъ на плечи.

Караванъ собрался. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ, какіе когда-либо отправлялись изъ Каира, и считалъ тысячу восемь сотъ верблюдовъ. Можете себѣ представить мою гордость, когда въ продолженіе церемоніи по улицамъ города, я самодовольно указывалъ женѣ на пышное животное, ведомое подъ устцы, усѣянные золотомъ и камнями, толпой эмировъ въ зеленой одеждѣ, несущее на себѣ ящикъ, въ которомъ хранится священная Книга, и важно выступающее въ сопровожденіи музыки и хоровъ поющихъ мужчинъ и женщинъ.

Караванъ расположился за городомъ. Я возвратился домой, оставивъ верблюдовъ подъ надзоромъ моего

помощника. На другое утро я простился съ женою и дѣтьми, и почти уже вышелъ изъ дому, какъ меньшее мое дити, двухъ лѣтъ отъ роду, остановило меня: оно просило воротиться на минуту и дать ему прощальный поцѣлуй. Когда я взялъ его на руки, оно, по обыкновенію, сунуло рученку свою въ мой карманъ, надѣясь найти тамъ плоды, которые я, бывало, приносилъ ему съ базара; но ихъ тогда не было; я передалъ маютку на руки матери, и поспѣшилъ, чтобъ не опоздать на сборное мѣсто. Распоряженія заняли цѣлый день, и караванъ тронулся въ путь тотчасъ по захожденіи солнца. На третью ночь мы уже были въ Хаджаръ, гдѣ остановились для запасенія себя водою изъ Суаза на все время изнурительнаго перехода черезъ пустыню Эль-тигскую.

Во время нашего здѣсь отдыха, когда я сидѣлъ, куря трубку, среди верблюдовъ, отдыхавшихъ на козляхъ, замѣтили дромадера, который быстрымъ шагомъ шелъ изъ Каира. Онъ пронесся какъ молнія; но я успѣлъ узнать въ его свдокъ почтеннаго дервиша, который годъ тому назадъ пророчилъ бѣды для каравана, если мой верблюдъ понесетъ Алкорацъ въ Мекку.

Дервишъ остановилъ своего дромадера у палатки эмиръ-эль-хаджа, который начальствовалъ караваномъ. Любопытствуя узнать причину его прибытія, которая могла быть въ связи съ исторіею моего верблюда, я посвѣшилъ туда, гдѣ онъ остановился. Я увидѣлъ его разглагольствующаго передъ эмиромъ и народомъ: онъ опять предсказывалъ несчастье и гибель всему каравану, если мой верблюдъ не будетъ убитъ немедленно, и если не выберутъ, намѣсто его, другаго. Поораторствовавъ нѣсколько времени самымъ торжественнымъ голосомъ, чтобы произвести смущеніе въ станѣ, онъ поворотилъ дромадера на западъ и въ нѣсколько минутъ скрылся изъ виду.

Эмиръ былъ въ смущеніи; ропотъ и переговоры возникли въ толпѣ. Я страшился, чтобы не уступили внушеніямъ дервиша, и не приесли въ жертву моего верблюда. Опечаленный судьбою любимаго животного и лишеніемъ сопряженной съ нимъ выгоды, я рвался солгать.

— О эмиръ! сказалъ я, не слушай этого челоуэка; онъ мой врагъ. Онъ ходилъ ко мнѣ въ домъ, вѣлъ хлѣбъ мой, курилъ мой табакъ, и былъ столь неблагодаренъ, что обольстилъ мать дѣтей моихъ. Я выгналъ его изъ дому, и вотъ почему онъ хочетъ отомстить мнѣ. Будь онъ здѣсь, я скажу ему въ-лице эту истину.

Мнѣ повѣрили; слова дервиша были презрѣны; мы въ ту же ночь двинулись въ пустыню Эль-тигъ, страшнѣйшую изъ пустынь вселенной, гдѣ волны песку несутся какъ на моръ. Длинная цѣпь каравана тянулась по ней тихо, безъ шуму, и издали, въ песочной пыли, казалась, рядомъ тѣней.

Съ нами ничего не случилось вопреки предсказанію дервиша, и послѣ изнурительнаго семи-ночнаго пути, мы благополучно прибыли въ Накель, гдѣ наполнили водою опустѣвшіе мѣшки. Мои знакомцы, встрѣчаясь со мною у колодезь, подсмѣивались падъже пророчествами моего врага. Намъ оставалось еще три дня пути до прибытія въ городъ Акабу, и мы опять пустились въ мучительное странствованіе.

Утромъ на второй день, съ часъ послѣ того, какъ мы разбили палатки, исполнилось ужасное пророчество дервиша и наказаніе Божіе за мою ложь.

Темное облако появилось на горизонтъ; оно постепенно увеличивалось въ объемъ, дѣлаясь желче и желче, возвышаясь болѣе и болѣе, пока не покрыло половину небосклона, и вдругъ, внезапно ринулось на насъ ураганомъ, неся все передъ собою; горы пе-

ску, сорванные съ своего основанія , катались по нашимъ богомольнымъ головамъ. Пышная палатка эмира первая подверглась страшному дуновенію; она очутилась передо мною, летя быстрѣе дромадера , тогда какъ другія были прижаты къ земль, унесены въ вѣдухъ или странно кружились на своемъ мѣствѣ.

Столбы песку непрерывно проходили надъ нами, опрокидывая и задушая людей и животныхъ ; верблюды, чуя по инстинкту приближеніе язвительнаго вѣтра, зарывали морды въ песокъ ; мы дѣлали то же, ожидая своей судьбы съ трепетомъ и въ молчаніи. Но самумъ не излилъ еще на насъ всѣхъ своихъ ужасовъ. Черезъ нѣсколько минутъ ничего нельзя было различить, — все было въ мракъ , ужасномъ мракъ, одушевленномъ стовами умирающихъ, пронзительными криками женщинъ , бышными рыканіями животныхъ, которыя бѣгали взадъ и впередъ , и давили тысячи людей, подобно имъ искавшихъ спасенія въ отчаяніи.

Я былъ сброшенъ на-земь своимъ верблюдомъ , и, подвернувъ подъ него голову, ожидалъ смерти со всѣмъ ужасомъ челоуѣка , который чувствуетъ , что гнѣвъ Божій направленъ именно на него. Почти цѣлый часъ я оставался въ такомъ положеніи, и вѣрно нѣтъ въ самомъ адѣ мукъ ужаснѣе тѣхъ , которыя я вытерпѣлъ въ продолженіе этого времени. Губительный вѣтеръ дулъ попеременно порывами то холодными какъ ледъ на горахъ Ливана, то жаркими какъ воздухъ натоленной печи. Въ одну минуту я десять разъ вздрагивалъ отъ пронзительнаго холода и столько же разъ таялъ отъ огненнаго жара. Палящій песокъ сыпался въ мое платье ; всѣ поры кожи затворились ; я едва могъ дышать прижатый къ земль огромнымъ животнымъ , — и это было единственное средство для моего сохраненія ! Наконецъ воздухъ сталъ менѣе душливъ, и я уже не ощущалъ дунове-

нія вѣтра. Мало-по-малу я поднялъ голову, но глаза мои лишились своей силы; я ничего не видѣлъ кромѣ желтизны. Я вообразилъ, что ослѣпъ: какое спасеніе для слѣпаго въ пустынь Эль-тигской? Я снова приклонилъ голову, подумалъ о женѣ и о дѣтяхъ, и горько заплакалъ.

Слезы имѣли спасительное вліяніе на мое тѣло. Я почувствовалъ себя оживленнымъ и снова поднялъ голову — я могъ уже видѣть! Я распростерся полный признательности къ Всевышнему, и всталъ на ноги. Да; я могъ видѣть. Но что представилось моимъ взорамъ! Я бы навсегда закрылъ ихъ съ благодарностью. Облака были ясны и не покрывали, какъ прежде, большей части горизонта. Но тысячи живыхъ существъ, которыя были со мною, — людей, лошадей, верблюдовъ, — гдѣ они? Гдѣ эмиръ-эльхаджъ и его стража? гдѣ мамлюки, аги, янычары, шерифы, шейхи? гдѣ священный верблюдъ, фигляры и музыканты? гдѣ различные народы и поколѣнія, составлявшіе караванъ? Все погибло!! Новыя горы песку указывали на могилы, гдѣ они погребены, и только мѣстами выглядывали члены людей и животныхъ, не покрытые песчаной волною. Всѣ исчезли, кромѣ одного, и одного, который своей ложью былъ причиною небеснаго гнѣва и гибели другихъ, — кромѣ меня!

Нѣсколько времени безсмысленно, въ отчаяніи, смотрѣлъ я на эту печальную картину; мнѣ пришло въ голову, что я для того оставленъ въ живыхъ, чтобы, мнѣ видѣть на невинныхъ жертвахъ, какъ моя ложь заслуживала быть наказанною. Жена и дѣти также представились моему уму, и я рѣшился, если можно, спасти жизнь, въ которой, кромѣ ихъ, уже ничто не привязывало меня къ землѣ. Я оторвалъ лоскутокъ отъ моей чалмы, и, вытрясывая песокъ изъ кровавыхъ ноздрей, пошелъ по полю смерти.

Между песчаными холмами я встрѣтилъ нѣсколькихъ верблюдовъ, которые не были занесены. Примѣтивъ водоносный мѣшокъ, я бросился къ нему, чтобъ утолить мучительную жажду; но вода выпарилась, мѣшокъ былъ сухой, не осталось ни капли. Я нашель другой мѣшокъ, — также сухой: Тогда рѣшился я разрѣзать одного верблюда, и добылъ воды, сохраненной въ желудкѣ. Утоливъ немного жажду, — жаркая и вонючая вода верблюжьего желудка показала мнѣ самымъ пріятнымъ питьемъ, — я поспѣшилъ вскрыть остальныхъ животныхъ, прежде чѣмъ они подвергнутся гніенію, чтобы собрать нѣсколько капель въ мѣшокъ. Я успѣлъ налить такимъ образомъ около полумѣшка, и тогда возвратился къ своему верблюду, подь которымъ лежалъ во время самума. Я съѣлъ на трупъ животного и размышлялъ о лучшемъ способѣ добраться до какого-нибудь селенія. Я зналъ, что находятся источники на одинъ день пути отсюда, но не имѣлъ надежды на свои силы. Я зналъ и дорогу, которой должно держаться. День кончался; я рѣшился попытаться.

Я всталъ по захожденіи солнца, и съ мѣшкомъ воды на спинѣ отправился въ ненадежный путь. Я шель всю ночь; на разсвѣтъ мнѣ показалось, что я прошелъ полусуточный путь каравана; слѣдственно, мнѣ оставалось провести еще день въ этой пустынѣ безъ защиты отъ палющаго солнца, и одну ночь безъ отдыха. Хотя у меня было достаточное воды, но не было ни какой пищи. По восхожденіи солнца, я съѣлъ на пригорокъ горячаго песку, и, подь зноемъ огненныхъ лучей, въ продолженіе двѣнадцати битыхъ часовъ, едва не лишился ума. До полдня мозгъ мой еще болѣе разгорячился, и я совсѣмъ не могъ владѣть разсудкомъ. Зрѣніе ослабло; я видѣлъ то, чего не было. То озеро представлялось мутнымъ глазамъ, и я былъ такъ увѣренъ въ его существованіи, что всталъ и хо-

тѣль идти къ нему, но истощенныя силы не позволили исполнить намѣренія. То большія деревья примѣчалъ я въ небольшомъ разстояніи, и отличалъ акаціи, тамариски, сикоморы, колеблющіяся отъ вѣтра: бросился, чтобъ воспользоваться ихъ тѣнью, и нашель вмѣсто ихъ небольшой кустъ блага терновника.

Такъ мучился и рвался я къ обманчивымъ призракамъ весь этотъ мучительный день. Настала ночь; звѣзды приглашали меня въ дорогу. Я напился воды изъ мѣшка, и двинулся въ путь, отыскивая его по костякамъ прежнихъ каравановъ. Съ началомъ дня я завидѣлъ городъ Акабу, но еще въ далекомъ разстояніи. Оживленный надеждою, я, для легкости, бросилъ мѣшокъ съ водою, удвоилъ шаги, и черезъ полчаса былъ на берегу источника, гдѣ жадно глоталъ пригоршнями его чистую влагу. О, какъ я былъ счастливъ тогда! Какъ отрадно лежать подъ тѣнью деревъ, дыша свѣжимъ воздухомъ, слушая чиликанье птицъ и вдыхая запахъ благовонныхъ травъ и цвѣтовъ! Все соединилось въ этомъ восхитительномъ мѣстѣ. Я радѣлся, обмылся, и, напившись снова воды, вналъ въ глубокій сонъ.

Проснувшись, я чувствовалъ себя легче и свѣжѣе, но тогда голодъ началъ терзать мои внутренности. Уже три дня какъ я былъ безъ пищи, и до тѣхъ поръ удобно переносилъ это лишеніе. Болѣе взыскательная жажда заглушала дотолъ позывъ къ ѣдѣ. Теперь, когда сильнѣйшее требованіе было удовлетворено, слабѣйшее возрасло, и становилось часъ отъ часу мучительнѣе. Я прошелся немного, и смотрѣлъ въ даль, въ надеждѣ, не увижу ли путниковъ или каравана; но тщетно ожидалъ ихъ, и возвратился къ источнику. Прошло еще нѣсколько часовъ, не было ни откуда помощи. Силы покинули меня; я чувствовалъ себя умирающимъ: при журчаніи ручейка, пѣньѣ птицъ и прохладномъ вѣтрѣ, надо было разстаться съ родною

жизнiю ! Лучше быть занесеннымъ въ пустынь, чѣмъ мучиться въ такомъ раю, думалъ я. Я легъ въ ожиданiи смерти, потому что не имѣлъ болѣе силы сидѣть, и повернулся къ источнику, котораго освѣжительныя воды продлили мое существованiе : тутъ я ощутилъ что-то твердое подъ бокомъ. Я думалъ, что это камень, и протянулъ руку, чтобъ оттолкнуть его ; но камня тутъ не было, что-то давило мнѣ въ карманъ, Я опустилъ туда руку и цынулъ : то былъ кусокъ черстваго хлѣба. Въ безмолвiи смочилъ я его благодарными слезами, и думалъ, что онъ низпосланъ небомъ : да ! онъ былъ низпосланъ свыше, потому что онъ даръ невиннаго дитяти, моей малютки, которая положила его ко мнѣ въ карманъ при прощанiи, когда я думалъ, что она тамъ ищетъ плодовъ. Я дотащился до источника, обмочилъ въ немъ черствую корку и проглотилъ ее съ молитвою и глубокимъ родительскимъ чувствомъ.

Она спасла мнѣ жизнь, потому что на другой день прибылъ туда караванъ. Купцы обошлись со мной очень благосклонно, посадили на одного верблюда, и я снова возвратился въ свое семейство, которое уже отчаявался когда-нибудь увидѣть. Съ этого времени я сдѣлался бѣденъ, но доволенъ. Я стоялъ того, чтобъ судьба лишила меня богатства за мою злобу, и безропотно покорился волѣ Аллаха.

Вотъ моя повѣсть. Теперь, я думаю, Ваше Благополучiе признаете справедливость словъ моихъ. « Счастливъ тотъ, кто во всякое время можетъ владѣть коркою хлѣба ! »

— Правда, сказалъ паша ; это не дурная повѣсть. Я тебя прощаю. Быть-можетъ, ты не имѣлъ ни какого злаго умысла противъ меня, говоря это. Аллахъ тебѣ судья. Но, впредь, берегись ! Мустафа, дай ему пять червонныхъ, и отпусти.

Погонщикъ оставилъ диванъ распростершись передъ пашею и радуясь счастливому окончанію дѣла, за которое вчера угрожали такими наказаніями. Паша помолчалъ нѣсколько времени, закурилъ трубку и замѣтилъ, что — *Аллахъ кебиръ* ! Богъ великъ. — Этотъ человекъ, прибавилъ онъ, вытерпѣлъ много, и что же получилъ ? Титулъ пилgrimа, *хаджи* ? Это не много. Я однако жъ никакъ не воображалъ услышать такую хорошую сказку о «коркѣ хлѣба». Его описаніе самума дереть меня по кожѣ. Какъ ты думаешь, Мустафа, можетъ ли правовѣрный войти въ рай, не посѣтивъ Каабы и гроба пророка ?

— Несомнѣнная Книга говорить, что всякій, кто можетъ, долженъ исполнить этотъ священный обрядъ, чтобъ угладить дорогу въ рай. Кто можетъ ! а Ваше Благополучіе — *истагфиръ Аллахъ* ! — развѣ вы имѣли когда время ѣхать въ Мекку ? и развѣ не пойдете безъ того въ рай ?

— Правда, у меня никогда времени не было. Въ молодости я брилъ бороды правовѣрныхъ ; потомъ, ихъ грабилъ, а теперь, *шюкюръ Аллахъ*, благодареніе Богу, рѣжу имъ головы. Развѣ это все не занятіе ? Не правда ли, Мустафа ? Это правда !

— Ваше свѣтлое Благополучіе — сама мудрость. Одинъ Аллахъ и Магометъ пророкъ его ! Мухаммедъ Избранный — да будетъ надъ нимъ небесное благословеніе ! Когда онъ говоритъ, что странствованіе къ Каабѣ есть ключъ къ небу, то указываетъ этимъ только на тѣхъ, которые свободны отъ занятій, и не мѣшаетъ продолжать свое дѣло тѣмъ, кто трудится во имя пророка.

— Въ такомъ случаѣ, Мустафа, надобно выпить лекарства.

Онъ вытащилъ изъ подъ подушки серебряную флягу, наточилъ себѣ въ горло Хюсскаго вина, утеръ бороду рукавомъ и снова спряталъ таинственный со-

судъ, который выдавалъ всегда передъ своими придворными за лекарственную стклянку. Его *хекиме*, докторъ, приносилъ ему каждое утро эту флагу и отдавалъ торжественно въ диванъ, провозглашая громко, такъ, чтобы всѣ слышали, удивительныя свойства «микстуры», которая въ ней заключается. Между-тѣмъ Мустафа называлъ втораго заговорщика.

— Кто ты таковъ? грозно спросилъ паша.

— Я рабъ вашъ, Гуккабакъ, изъ Франковъ, бывший сенсимонистъ, содержу питейный домъ подъ сѣнію высокаго и мудраго правительства вашего.

— Изъ Франковъ? Хорошо. Наплевать на могилы отцовъ ихъ!..... Всѣ Франки — бездѣльники и невѣрные. Ты злоумышленникъ!

— Что я за собака, чтобы умышлять зло противъ звѣзды правителей, еликовъ благотворителей, цвѣта въроизждителей? Я вашъ богомолецъ, пылъ туфлей вашихъ. Я родился въ Марсели, гдѣ сперва былъ цирюльникомъ; потомъ занимался въ Парижѣ преобразованиемъ челоуѣчества, которому прежде брилъ бороды; наконецъ пять разъ ища всюду истинной вѣры, объѣхалъ на кораблѣ море — Океанъ, ища всюду истинной вѣры, свободной жены и наилучшаго правительства, и нашелъ все это въ счастливой области, которою вы правите. *Машаллахъ*, эфенди мой! во всей вселенной нѣтъ правленія кротче и благоразумнѣе вашего и нѣтъ религiи удивительнѣе Магометовой....

— *Гай, гай!* Воскликнулъ паша съ важностью. *Ля ильгъ иль Аллахъ, ве Мухаммедъ ресулъ Аллахъ!* Нѣтъ божества кромѣ Аллаха, а Магометъ пророкъ его. Правленіе наше основано на правосудіи и милосердіи.

— Поэтому я поселился здѣсь, подъ тѣнью дерева вашего величія, и принялъ законъ послѣдняго пророка, котораго да благословить Аллахъ.

— Пекъ эи! очень хорошо!..... Молимъ Аллага, чтобы онъ простилъ тебѣ хрѣхи твои. Но ты говоришь, что объѣхалъ пять разъ море — Океанъ, и видѣлъ всѣ чудеса вселенной: оправдывайся тотчасъ, негодяй, какія видѣлъ ты чудеса! Нето, какъ ты пойманъ въ злоумышленіи..... Клянусь Аллахомъ!.....

— Если вамъ угодно выслушать меня, сказалъ Гуккабакъ со страхомъ, я расскажу все что видѣлъ.

— Только не лги! Воскликнулъ паша. За малѣйшую ложь я велю повѣсить тебя внизъ головою.

— Клянусь своимъ глазомъ, примолвилъ ренегатъ, лгать не стану. Кто посмѣетъ исказить правду малѣйшею примѣсью лжи передъ мудростью, которая знаетъ превосходно всѣ тонкости вещей?

Паша, въ знакъ удовольствія, извергъ изъ себя столбъ табашнаго дыму ртомъ, носомъ, ушами и всѣми порами тѣла.

II.

СТРАНСТВОВАНІЯ ГУККАБАКА.

Ваше Благополучіе изумитесь неслыханнымъ приключеніямъ, которыя случились со мной особенно во время послѣдняго моего путешествія; смѣло могу увѣрить, что ни прежде, ни послѣ, судьба не поставляла никого въ такія опасныя положенія.

Несмотря на опасности, которымъ я подвергался въ прежнія плаванія по Океану, разъ я согласился принять начальство надъ однимъ китоловнымъ судномъ, чтобы снова отправиться въ море. Мы вышли изъ Марселя въ самый разъ, чтобъ поспѣть на сѣверъ въ лучшее время года и возвратиться оттуда прежде чѣмъ наступитъ зима. Намъ очень посчастливилось въ Баффинномъ Заливѣ: мы въ короткое время встали на

палубу сто восемьдесятъ пять китовъ. Осень только что началась, когда я предложилъ возвратиться. Насъ отнесло нѣсколько къ югу, и мы наткнулись на двѣ или три пловучія ледяныя горы, на гребнѣ которыхъ лежали стада вальросовъ, или моржей. Какъ у насъ было много порожнихъ боченковъ, то я рѣшилъ наполнить ихъ жиромъ этихъ животныхъ, и для нападенія на нихъ спустилъ лодки. Мы убили множество моржей и положили ихъ на судно. Ловля продолжалась очень успѣшно: мы лишились одной только лодки, которую проглотилъ проклятый китъ вмѣстѣ съ людьми. Вѣтеръ внезапно погналъ насъ далѣе на югъ, и къ большому леднику, подлѣ котораго мы охотились, прибило вдругъ нѣсколько ледяныхъ горъ помельше. Багорщики замѣтили это, и совѣтовали мнѣ воротиться на корабль; но я такъ забавлялся охотою, что не обратилъ вниманія на ихъ слова. Одинъ моржъ лежалъ въ небольшой впадинѣ на правой сторонѣ ледника, я направилъ туда свою лодку. Въ томъ мѣстѣ разстоянія между двумя ледяными горами было не болѣе десяти сажень; отъ сильнаго удара шквала ледники вдругъ сомкнулись; люди, бывшіе въ другихъ лодкахъ, проворно удалились, но тѣ, которые гребли въ моей лодкѣ, между тѣмъ какъ я стоялъ на носу съ багромъ для пораженія чудовища, не прежде замѣтили опасность какъ тогда, когда лодку вдругъ прижало къ леднику другой ледяною горой и смолело въ прахъ съ ними.

Стоя на носу и слыша шумъ сзади, я имѣлъ еще время, въ минуту отчаянія, броситься во впадину, прямо на спину моржу. Въ тотъ самый мигъ двѣ огромныя массы льду столкнулись; шумъ, я думаю, былъ ужасный; но я не слышалъ его: я былъ затертъ во льду. Впадина сперва представляла нѣсколько отвѣртій; когда началъ дуть южный вѣтеръ и ледники понесло на сѣверъ, они исчезли отъ плотнѣйшаго сбли-

женія массъ , я увидѣлъ себя кругомъ во льду , былъ заключенъ въ лѣдяной комнату , неимѣвшей и осьми футовъ въ квадратъ , въ обществѣ съ моржемъ.

Я не буду задерживать вашу мудрость описаніемъ моихъ чувствованій. Я полагалъ , что умру черезъ нѣсколько часовъ отъ недостатка воздуха : не то вышло. Сперва, правда, было нестерпимо душно отъ скопленія выдыхаемыхъ газовъ , и я навѣрное думалъ , что скоро задохнусь. Я припоминалъ всѣ свои грѣхи , молился за нихъ , и приготовлялся къ смерти. Но ледъ , соединясь съ теплотою , освобождалъ изъ себя значительную часть воздуха , и я чрезъ нѣсколько минутъ замѣтилъ , что началъ дышать свободнѣе. Чудовище , испуганное повидимому необыкновеннымъ приключеніемъ , лежало спокойно. Какъ всякій гибнущій хватается и за соломинку , то счастливая мысль пришла мнѣ тотчасъ въ голову по поводу этого моржа. Я сообразилъ , что такое огромное животное вдыхаетъ множество воздуха , несравненно болѣе меня , и рѣшился убить его для собственнаго сохраненія. Я вынулъ свой ножикъ и погрузилъ его въ позвоночную кость , между головой и шеей : звѣрь издохъ тотчасъ.

Я тогда слѣзъ съ его спины и помѣстился въ болѣе удобномъ мѣстѣ , въ той части пещеры гдѣ лежала его голова , къ которой я не могъ дотога приблизиться , изъ опасенія , чтобъ моржъ не досталъ меня своими длинными клыками. Дыханіе сдѣлалось еще легче. Ваше Благополучіе быть-можетъ изумится этому ; но , отчего бы то ни было , — ледъ ли снабжалъ меня воздухомъ , или онъ былъ такъ скважистъ , что пропустилъ его , только грудь моя не ощущала ни какого стѣсненія. Въ нашихъ странахъ бывали примѣры , что женщины и дѣти , до двухъ мѣсяцевъ лежавшіе подъ снѣгомъ , выходили изъ-подъ него живы и здоровы , несмотря на долгое лишеніе всего , даже пищи. Вспом-

живъ это, и убѣдился, что могу нѣсколько лѣтъ питаться мясомъ убитаго звѣря, и ласкалъ себя надеждою, что въ продолженіе этого времени еще буду спасенъ, если льдины придуетъ на югъ и онѣ растаютъ. Ледъ надъ моею головою не могъ быть толще одной сажени, потому что я могъ довольно хорошо различать день отъ ночи. Впослѣдствіи зрѣніе мое сдѣлалось такъ остро, что я удобно смотрѣлъ сквозь всѣ стѣны своей пещеры.

Въ первый мѣсяць голодь принуждалъ меня дѣлать частыя нападенія на туловище моржа; послѣ того аппетитъ у меня уменьшился, такъ, что я не прикладывался къ моему съѣстному запасу въ теченіе цѣлой недѣли: это, я думаю, отъ недостатка движенія. Я находился здѣсь около двухъ мѣсяцевъ, какъ однажды почувствовалъ необыкновенный ударъ, подобный землетрясенію; скатился въ глубину пещеры, нѣсколько минутъ отскакивалъ изъ одного конца комнаты въ другой, какъ ядро въ шелухѣ. Я лишился чувствъ; наконецъ увидѣлъ, что лежу на той стѣнѣ, что прежде была сводомъ пещеры. Изъ этого я заключилъ, что мой ледникъ столкнулся съ другимъ и былъ опрокинутъ имъ вмѣстѣ со мною. Сдѣлалось ли мое положеніе лучше, того я не зналъ; но перемена внушила мнѣ новыя надежды. Я сосчиталъ, что уже протекло пять мѣсяцевъ, что теперь была самая середина зимы: слѣдственно я не могъ быть освобожденъ раньше весны.

— Аллахъ великъ! воскликнулъ изумленный паша. Нѣтъ силы ни крѣпости развѣ у него!..... Да, какъ же ты считалъ время.

— О свѣтлѣйшій и великолѣпнѣйшій эфенди! отвѣчалъ Гуккабакъ: я тотчасъ объясню вамъ это. Однажды какъ-то зашибъ я ноготь еще на сушѣ, и думалъ, что потеряю его. Но онъ не сошелъ и росъ по-прежнему. Мнѣ любопытно стало наблюдать, какъ скоро растетъ ноготь у человѣка. На этомъ я основалъ свои

вычисления въ ледяной горѣ. Посмотрѣвши на длину ногтей, я узнавалъ время.

— Какъ чуденъ Богъ! *Валлахъ*, ты хорошо придумалъ; я бы и не догадался объ этомъ, замѣтилъ паша. Ну, продолжай свое оправданіе.

Протекло пять мѣсяцевъ по моему счету, какъ однимъ утромъ я услышалъ страшный шумъ почти возле меня. Черезъ нѣсколько времени я увидѣлъ зубцы пилы, прошедшіе въ мою комнату и навѣрное полагалъ, что какой-нибудь корабль прорѣзываетъ себѣ дорогу черезъ горы. Я не имѣлъ силы кричать такъ, чтобы меня услышали, однако съ трепетомъ ожидалъ освобожденія. Пила очень близко подходила къ мѣсту, гдѣ я былъ, и я подвергался по крайней-мѣрѣ быть раненымъ, если не распиленнымъ надвое; но, приблизившись дюйма на два къ моему носу, она вдругъ удалилась. Какъ ледъ надо мною былъ теперь перерѣзанъ, то я рѣшился подняться на поверхность ледника; но внезапный приливъ свѣжаго воздуха въ скважину, сдѣланную пилой, произвелъ во мнѣ крово-харканье и стѣснилъ грудь. Слыша голоса, я почиталъ свое спасеніе вѣрнымъ. Хотя я мало понималъ по-Англійски, однако различилъ имя капитана Парри, которое часто повторялось: вы слышали, конечно, это знаменитое имя?

— Пу! возразилъ паша. Наплевать на его бороду! Мы никогда не слыхивали о такомъ гяурѣ.

— Удивительно, ваша свѣтлость! Я полагалъ, что всякій знаетъ этого отважнаго мореплавателя. Я кстати замѣчу здѣсь, что впоследствии читалъ его путешествія. Онъ рассказываетъ, какъ о примѣчательномъ явленіи, о тепломъ парѣ, выходявшемъ изъ одной ледяной горы: а то былъ воздухъ, освободившійся изъ моей пещеры. Это обстоятельство ясно подтверждаетъ достовѣрность его замѣчаній, равно

какъ мое пребываніе въ ледяной горѣ, о которомъ я сейчасъ докладывалъ Вашему Присутствію.

Но, увы, надежды мои скоро исчезли; голоса ослабвали, и я чувствовалъ, что былъ придавленъ сло- емъ льда во время прохода по немъ корабля. Вставши, я увидѣлъ, что вода наполнявшая отверстія, сдѣлан- нья пилой, замерзла, и что я былъ снова запертъ, быть-можетъ навсегда. Я чуть не пытался съ отчаянія; рвалъ платье, колотилъ головою о ледяныя стѣны, и пытался прекратить мучительное существо- ваніе. Наконецъ, я легъ утомленный усиліями, и продолжалъ такъ нѣсколько дней.

Но въ нашемъ составѣ есть что-то, возвышающее насъ всегда надъ царствомъ отчаянія. Надежда не покидаетъ насъ и въ ледяной горѣ. Она поддержи- ваетъ до конца, и, хотя въ отчаяніи мы отвергаемъ ея напутствованіе, она блюдетъ за нами, и готова намъ помочь, лишь-только захотимъ послушаться ея обо- дрительныхъ внушеній. Я всегда находился подъ ея вліяніемъ и шесть мѣсяцевъ питался ею одной, по- тому что мой моржъ такъ замерзъ зимою, что никакъ нельзя было укусить его зубами.

Вотъ было уже лѣто, и ледъ, въ которомъ я сидѣлъ, очевидно начиналъ таять. Однимъ утромъ я чрезвычайно изумился, замѣтивъ, что солнечныя лу- чи измѣняли свое направленіе каждыя четверть часа. Если бъ это случилось только одинъ день и не въ определенные часы, я бы подумалъ, что ледникъ пере- вертывало различными теченіями; но правильность явленія поражала меня. Я продолжалъ наблюдать; странный феноменъ повторялся чаще и чаще; на- конецъ лучи стали измѣняться каждую минуту.

Послѣ нѣкотораго размышленія, мнѣ представи- лась ужасная мысль, что я нахожусь теперь у бере- говъ Норвегіи и попалъ въ теченіе страшнаго водо-

ворота, который зовутъ Мальстрёмъ; что я буду поглощенъ имъ. Пока я такъ думалъ, обращеніе происходило каждыя пятнадцать минутъ. «Это онъ!» вскричалъ я въ отчаяніи, какъ внезапно наступилъ страшный мракъ. Я погрузился въ водоворотъ! все кончено!

Да не покажется страннымъ вашей высокостепенности, что, когда прошли первыя мученія, причиненныя видомъ неминуемой гибели, я пересталъ ощущать страхъ, — я смѣялся надъ своимъ положеніемъ. Я былъ безчувственъ, и ожидалъ всѣхъ слѣдствій съ непостижимымъ равнодушіемъ. По ногтю я узналъ, что нахожусь уже шесть мѣсяцевъ въ недрахъ земнаго шара, куда водоворотъ увлекъ мою гору, какъ однажды вдругъ ослѣпило меня сильнымъ солнечнымъ лучемъ, пробившимся черезъ лдяную оболочку моей темницы, и я почувствовалъ, что опять ношусь на поверхности воды.

— Аллахъ всемогущъ! сказалъ паша. Ради бороды твоей, гдѣ же ты вышлылъ?

— Въ гавани Портъ-Рояль, въ Ямайкѣ, откуда привозятъ ромъ, Ваше Благополучіе. Вы съ трудомъ этому повѣрите; но божусь, что это суцая истина.

Трение и вода, пока гора находилась въ пропастяхъ дна морскаго, значительно уменьшила объемъ ледника. Онъ теперъ былъ не больше обыкновеннаго дома, и совершенно круглый какъ мячъ. Жаръ солнца въ этой сторонѣ такъ силенъ, что ледъ надъ моей головой вскорѣ растаялъ, и я увидѣлъ себя на свободѣ.

Спустя нѣсколько дней ледъ исчезъ и подо мною, и я остался одинъ средь моря верхомъ на костякѣ моего моржа. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что меня прибьетъ къ берегу, который виднѣлся на разстояніи одной мили, но прежде чѣмъ подулъ попутный вѣтръ, шейтанъ принесъ огромную акулу.

Мнѣ, извергнутому жерломъ Мальстрѣма, приходилось погибнуть отъ зубовъ этой хищной рыбы! Если бѣ я не успѣлъ отнять ногу, ея бы какъ не было, потому что акула разинула уродливую пасть и заразъ отхватила половину морской лошади. Она продолжала отрывать отъ нея кусокъ за кускомъ, такъ что я наконецъ началъ опасаться, чтобъ не дошла очередь и до всадника, когда, къ моему счастью, замѣтила насъ лодка съ неграми, которые охотились за летучею рыбою, и поспѣшили ко мнѣ на помощь. Они взяли меня къ себѣ на лодку, и представили губернатору, которому я рассказалъ всѣ свои приключенія; но Англичане думаютъ, что чудеса случаются только съ ними, и что никто не можетъ испытывать того, объ чемъ они еще не слыхивали. Дуракъ не повѣрилъ, назвалъ меня лжецомъ, и какъ недавно еще поймали здѣсь пиратскій шкунеръ и повѣсили весь экипажъ, то онъ причислилъ меня къ этой шайкѣ, и готовилъ мнѣ такую же участь. Къ счастью, по справкѣ оказалось, что они повѣсили уже сорокъ семь человекъ, а экипажъ состоялъ только изъ тридцати: такимъ образомъ я ускользнулъ отъ Англійскаго правосудія и мнѣ позволили оставить островъ. Меня приняли на корабль, отправлявшійся въ Америку, на томъ условіи, чтобъ я работалъ на немъ за свой проѣздъ.

Мы обогнули Багамскіе Острова и стояли на западъ отъ нихъ при легкомъ вѣтрѣ, какъ однимъ утромъ явилось нѣсколько тифоновъ въ различныхъ разстояніяхъ. Я былъ въ то время внизу, и никогда не видавши этого замѣчательнѣйшаго явленія, поспѣшилъ выйти на палубу, чтобъ удовлетворить свое любопытство.

— Стой, стой! что такое тифонъ? спросилъ паша: мы никогда объ немъ не слыхали.

— Тифонъ, Ваше Благополучіе, есть подъятіе огром-

ной массы воды къ облакамъ въ видѣ столба, одно изъ тѣхъ исполинскихъ явленій морской природы, которымъ она показываетъ всю ничтожность самыхъ могучихъ изобрѣтеній челоуѣка.

— Это тифонъ? сказалъ наша. Очень хорошо! Но, по твоему объясненію, я и теперь столько же знаю о тифонѣ, сколько прежде.

— Я опишу вамъ его гораздо подробнѣе, потому что никто на свѣтѣ этого лучше меня не знаетъ.

Черное облако плыло надъ нашими головами и быстро понижалось; оно вдругъ остановилось; часть его начала густѣть болѣе и болѣе, и приняла видъ огромнаго замерзшаго въ воздухѣ мѣшка. Изъ низшаго конца этого мѣшка высунулся тонкій, черный язычекъ изъ пара, который спустился до половины разстоянія между облакомъ и поверхностью моря. Между-тѣмъ волны вздымались все выше и выше, пока не закипѣли какъ въ огромномъ котлѣ, далеко отбрасывая иѣну во всѣ стороны. Черезъ нѣсколько минутъ поднялась тонкая нить воды въ воздухѣ и устремилась прямо въ язычекъ облака. Соединившись съ нимъ, нить воды стала видимо толстѣть въ объемѣ, доколѣ не произвела водянаго столба съ сажень въ поперечникъ. Такимъ образомъ долго пило жадное облако морскую воду. Когда оно насытилось, столбъ лопнулъ; море сдѣлалось смирнымъ по-прежнему; облако полетѣло на крыльяхъ вѣтра разлить благотворнымъ дождемъ свое бремя надъ сухими странами.

Пока я стоялъ на оконечности кормовой части, дивясь чудному дѣйствию природы, большая мачта переломилась и ударила меня съ такою силой, что я полетѣлъ въ море. Новый тифонъ сталъ образоваться близъ корабля, и капитанъ съ экипажемъ, устрашенные опасностью, подняли всѣ паруса, чтобы избѣжать гибели, и поплыли восторону, не обращая

вниманія на мое паденіе. Едва я вынырнулъ на поверхность, какъ замѣтилъ, что вода была въ сильномъ волненіи: уплыть было невозможно, потому что я находился въ самомъ кругу водоворота. Я предался своей судьбѣ.

Море волновалось сильнѣе и сильнѣе, меня все болѣе влекло къ центру водовращенія, и лишь-только я въ него попался, немедленно былъ поднятъ спиральною нитью воды, которая быстро возвышалась винтовымъ движеніемъ, чтобъ соединиться съ языкомъ, высунутымъ изъ густаго облака. Я, сидя на волнѣ, возвышался также, подобно мячику, который бы бросили въ фонтанъ, бьющій на дворѣ вашего высокопорожія. Случайно открылъ я глаза и увидѣлъ невдалекѣ нашъ корабль, съ палубы котораго направлены были всѣ подозрныя трубы на это необыкновенное приключеніе.

— Что тутъ необыкновеннаго! замѣтилъ паша.

Я вскорѣ достигъ до языка облака, который, казалось, съ нетерпѣніемъ ожидалъ меня. Мои волосы прежде всего подверглись его притягательной силѣ; я былъ поднятъ за нихъ вверхъ, и началъ вертѣться кругомъ съ увеличивавшеюся быстротою, все еще подымаясь выше. Наконецъ меня втянуло благополучно, я сѣлъ, чтобы перевести дыханіе, которое у меня захватывало.

— Ради Аллаха, на чемъ же ты сѣлъ, Гуккабакъ?

— На облакъ, Ваше Благополучіе.

— *Аллахъ, Аллахъ!* развѣ облако можетъ сдержать такую тяжесть?

— Если ваша свѣтлая высокостепенность приметъ въ соображеніе, что облако напиталось бездною божьей воды, то легко себя представите, что оно было въ силахъ сдержать мою особу.

— Правда, сказалъ паша. Это пречудесная исторія;

только прежде, чѣмъ ты сойдешь съ облака, разсѣжи-ка мнѣ изъ чего оно сдѣланы.

— Это трудно объяснить Вашему Благополучію; я могу только сравнить его съ сырою периною. Я нашелъ его чрезвычайно холоднымъ и влажнымъ, и чувствовалъ отъ него ревматизмъ цѣлый день.

Когда облако достаточно напиталось, столбъ лопнулъ, и мы быстро поднялись, такъ, что наконецъ я достигъ такой высоты, что дрожалъ отъ холода, какъ осиноый листокъ. Мы пролетѣли мимо одной радуги, и я очень изумился, что ключъ и ножикъ начали двигаться въ карманъ моего полукафтана; вскорѣ они выскочили изъ кармана и направились прямо на фіолетовые лучи дуги, которые, изволите видѣть, весьма сильно намагнитизированы, какъ я открылъ по этому случаю. Я упомянулъ объ этомъ странномъ обстоятельствѣ одной Франкской дамѣ, которую встрѣтилъ въ своихъ путешествіяхъ, и узналъ потомъ, что она сообщила эту новость во всѣ ученыя общества, а они выдали ее за свое открытіе; но какъ дама была очень милая женщина, то я простилъ ей ученую покражу. Тутъ мнѣ захотѣлось посмотреть на землю: я изумился, видя, что она скоро вертится....

— *Дуръ, дуръ!* стой, стой! вскричалъ паша: ты лжешь. Какъ ты могъ видѣть землю подъ собою, когда она была закрыта облакомъ, на которомъ ты сидѣлъ?

— Я проткнулъ пальцемъ дырочку въ облакъ, отвѣчалъ ренегатъ, и въ нее видѣлъ все оменъ удобно.

— Это другое дѣло! сказалъ паша.

— Мы находились внѣ сферы земнаго притяженія и потому стояли неподвижно. Я присидѣлъ здѣсь уже шесть часовъ, и хотя тогда какъ мы поднимались былъ почти прямо надъ берегомъ Америки, однако

теперь ясно различалъ всторонѣ крутой пикъ Мыса Добрая Надежды. Съ такой высоты я могъ не только составить себѣ правильную идею о формѣ нашей планеты, но даже понять ея чудное устройство, потому что мое зрѣніе проникало глубоко въ недра земли. Согласитесь, Ваше Благополучіе, что если хотятъ узнать что-нибудь любопытное, необходимо посидѣть на облакѣ.

— Правда, отвѣчало Его Благополучіе : но продолжай.

— Меня чрезвычайно занималъ химическій процессъ превращенія соленой воды въ прѣсную, который происходилъ тамъ съ необыкновенною быстротою. Вашей высокостепенности можетъ-быть покажется интереснымъ описаніе этого процесса....

— Нѣтъ, Гуккабакъ, это вовсе не интересно. Продолжай.

Удовлетворивъ совершенно мое любопытство, я началъ опасаться насчетъ своего страннаго положенія. О средствахъ для продолженія жизни я не заботился : ихъ было слишкомъ достаточно....

— Слишкомъ достаточно ! Какъ ? Что жъ ты ѣлъ ?

— Съжую рыбу, Ваше Благополучіе. Множество рыбъ попались вмѣстѣ со мною въ водяной столбъ, не считая лягушекъ и камней. Маленькія озера чистой воды были разбросаны вокругъ меня на облакѣ. Только холодъ былъ ужасный, и мнѣ казалось, что никакъ не проживу двухъ часовъ долѣе въ такой стужѣ. Что касается до того, какъ попасть на землю, это оставалось задачею, которой я не могъ разрѣшить.

Но она уже рѣшилась, потому что, облако, окончивъ свои химическіе процессы, свое пищевареніе, начало такъ же быстро спускаться, какъ прежде подымалось : оно соединилось со многими другими облаками. Видя, какъ они пересылаютъ другъ другу свои

электрическіе заряды при всякомъ столкновеніи, я трепеталъ отъ мысли, что если попаду въ молнію, то полечу внизъ съ громовымъ ударомъ и сожгу гдѣ-нибудь домъ. если не погибну здѣсь прежде отъ стрѣль небесной артиллеріи. Я былъ однако жъ такъ счастливъ, что избѣгъ бѣды. Облако мое спустилось на разстояніе не болѣе сорока или пятидесяти саженой отъ земли, и понеслось съ такою быстротою и съ такимъ шумомъ, что я тотчасъ догадался, что мы участвуемъ въ ураганѣ.

Приблизившись къ землѣ, оно не могло воспротивиться силѣ ея притяженія и принуждено было избавиться отъ своего бремени: я упалъ съ потоками воды, съ градомъ рыбъ, лягушекъ, жабъ и камней. Ураганъ былъ во всей силѣ. Вѣтеръ ревѣлъ и дулъ всѣми своими порывами, такъ что и я, вмѣстѣ съ лягушками, упалъ подъ острымъ угломъ.

— Подо что ты упалъ? прервалъ паша: я не понимаю.

— Я упалъ подъ острымъ угломъ, то есть, по косвенному направленію, Ваше Благополучіе, описывая гипотенузу между основаніемъ и перпендикуляромъ, образованными сложною силою вѣтра и силою притяженія.

— *Аллахъ, Аллахъ!* кто пойметъ такую чепуху! Говорите яснѣе. Смѣешься ты, что ли, надъ нашими бородами.

— *Истагфиръ Аллахъ!* помилуй, Богъ! рабъ вашъ смѣетъ ли ѣсть грязь, въ присутствіи благовоннаго ума своего эфендія и благодѣтеля?....

Я хотѣлъ сказать, что такова была сила вѣтра, что она несла меня по косвенному направленію, и такъ треснула о вершину одной волны, — къ счастью, это было еще надъ моремъ, — что я отпрянулъ отъ нея и потомъ несся еще рикошетомъ по нѣсколькимъ другимъ волнамъ, прыгая съ одной на другую, какъ яд-

ро, пущенное о поверхность моря, или какъ камешки, которые бросаютъ для забавы въ прудъ Греческіе мальчишки. Послѣдній скачекъ я сдѣлалъ на снасти небольшого корабля, но не успѣлъ опомниться, какъ слетѣлъ съ нихъ внизъ, и, къ счастью, уцѣпился ногами за киль. Въ такомъ положеніи я оставался нѣсколько времени, пока матросы не встали на ноги на палубу. Ураганъ стихъ. Облака исчезли, солнце засіяло во всемъ блескѣ, и природа, казалось, лукаво улыбалась причиненнымъ несчастіямъ. Корабль присталъ къ берегу, я также вышелъ на сушу, и узналъ, что мы прибыли въ Иль-де-Франсъ. Такимъ образомъ въ теченіе двѣнадцати часовъ я былъ перенесенъ съ одного конца земли на другой! Я нашелъ островъ совершенно разореннымъ: труды нѣсколькихъ годовъ были истреблены ужасами одного часа; жатвы исчезли; дома сравнялись съ землей; обломки кораблей лежали на берегу; только естествоиспытатели расхаживали по острову, подбирая жабу и лягушекъ и ругаясь между собою во все горло за то, откуда они взялись, — изъ почвы ли или съ облаковъ? Все показывало слѣды страшнаго опустошенія. Несмотря на то, я былъ принятъ съ радушіемъ земляками островитянами, и мы съ радости плясали и пѣли ровно цѣлыя сутки. Я сочинилъ новую, миленькую кадрили, которую назвалъ «Ураганомъ», и которая привела въ восторгъ всѣхъ жителей и съ лихвою вознаградила ихъ за всѣ убытки. Но въ гостяхъ хорошо, а дома еще лучше: съ нетерпѣніемъ ожидалъ я случая возвратиться на родину, и какъ одинъ Голландскій корабль отправлялся отсюда въ Марсель, я почелъ за счастье получить на немъ мѣсто на такихъ же условіяхъ, на какихъ отправился изъ Вестъ-Индіи. Мы отплыли, но пробывъ только двадцать четыре часа въ морѣ, я увидѣлъ, что капитанъ мерзавецъ и ужаснѣйшій деспотъ. Какъ я былъ измученъ и не могъ ис-

полнять трудной должности на мачтахъ, то меня до того забили, что я чуть-чуть не спятилъ съ ума: я былъ въ нервнѣйшей степени, убить ли капитана, или броситься за бортъ, или покориться судьбѣ. Однажды ночью, когда я лежалъ, страдая полученными днемъ побоями на палубѣ, со мною случилось важное происшествіе, которое было для меня причиною принятія исламизма и вчерашней бесѣды нашей съ погонщикомъ верблюдовъ, котораго рѣчи обратили на себя вниманіе Вашего Благополучія, когда вы прогуливались переодѣтые. «За что меня такъ преслѣдуютъ!» восклицалъ я въ отчаяніи. Въ ту самую минуту, какъ я произносилъ эти слова, предсталъ передо мною почтенный мужъ съ лучезарною бородою и съ книгою въ рукѣ, и отвѣчалъ мнѣ: —

— Потому, что ты, Гуккабакъ, не принялъ еще истинной вѣры.

— Какая же истинная вѣра? спросилъ я въ страхъ и удивленіи. Я сенсимонистъ, и отецъ Анфантенъ говорить, что это самая лучшая вѣра.

— Нѣтъ божества, кромѣ Аллаха единого, отвѣчалъ почтенный мужъ, и я пророкъ его.

— *Аллахъ экберъ!* великій Боже! воскликнулъ паша. Такъ это явился самъ Господинъ нашъ, Мухаммедъ-Избранный, — да низпошлетъ Господь на него свои благословенія!

— Это былъ онъ, Ваше свѣтлѣйшее Благополучіе; но я тогда былъ невѣрный и не могъ узнать его. Докажи мнѣ, что это истинная вѣра, сказалъ я ему.

— Изволь, отвѣчалъ онъ: я переверну сердце невѣрнаго капитана.

Онъ скрылся.

На слѣдующее утро, къ большому моему изумленію, явился ко мнѣ капитанъ корабля, съ слезами на глазахъ, просить прощенія за свои жестокости; ве-

лѣлъ перенести меня въ свою каюту, положить на собственную постель, и ухаживалъ за мною, какъ за роднымъ сыномъ. Въ скоромъ времени я выздоровѣлъ. Онъ позволилъ мнѣ не работать; просилъ меня считать себя гостемъ и оказывалъ всѣ возможныя ласки.

— *Аллахъ, Аллахъ!* воскликнулъ паша.

Я лежалъ на постель, когда ночтенный мужъ съ лучезарною бородою и съ книгой снова предсталъ передо мною.

— Убѣдилъ ли ты теперь?

— Да, отвѣчалъ я.

— Такъ докажи истину словъ твоихъ принятіемъ моею вѣры, лишь-только будешь въ состояніи это сдѣлать. Ты будешь награжденъ за то, — не теперь, а когда благочестіе твое будетъ испытано. Признавай меня; продолжай службу на морѣ, и когда впоследствии ты будешь стоять въ Каирскомъ диванѣ передъ двумя особами, бывшими одного съ тобой ремесла, расскажи имъ мое вѣлвіе. Ты сдѣлаешься начальникомъ пашинскаго флота, который подъ твоимъ предводительствомъ будетъ всегда счастливъ и побѣдоносенъ. Такова награда, ожидающая тебя за твою вѣрность.

Вотъ уже четыре года, какъ я принялъ истинную вѣру; но всегда мучусь сомнѣніемъ, не видя исполненія пророчества. Да и возможное ли дѣло, встрѣтить когда-нибудь въ диванѣ двухъ цирюльниковъ?

— *Ля илягъ иль Аллахъ!* вскричалъ паша. Судьбы Аллаха неисповѣдимы! Вѣдь Мустафа былъ цирюльникомъ! И я также!

— *Аллахъ экберъ!* воскликнулъ ренегатъ, распротершись. Такъ я начальствую вашимъ флотомъ?

— Съ этой же минуты, отвѣчалъ паша. Мустафа, да будетъ извѣстна всѣмъ моя воля.

— Но вышвышній начальникъ, возразилъ Мустафа, очень любимъ народомъ.

— Такъ возьми и отрѣжь ему голову. Что онъ за песь, чтобы смѣть сопротивляться повелѣніямъ пророка?

Визирь ударилъ челомъ.

Ренегать, съ улыбкою на устахъ, а Мустафа съ изумленіемъ, смотрѣли другъ на друга нѣсколько секундъ.

— Вы съ великими способностями, Гуккабакъ, замѣтилъ визирь.

— Благодаря вашему покровительству, которое я буду стараться заслужить и впередъ.

И ренегать оставилъ диванъ. Мустафа стоялъ въ изумленіи.

— Мустафа! сказалъ паша, отнимая трубку ото рта, послѣ долгаго безмолвнаго куренья. Я, право, думаю, зачѣмъ бы такъ беспокоиться нашему святому пророку о Франкской свиньѣ, о сынѣ шейтана, объ проклятомъ ренегать, котораго вся религія только въ его чалмѣ? И не странная ли вещь, что пророкъ назначилъ его начальникомъ моего флота?

— На то была мудрая воля Вашего Благополучія, отвѣчалъ Мустафа: вашъ приказъ исполненъ; я послалъ своего намѣстника возвести его въ должность.

— Но развѣ это не есть также воля пророка?

Отвѣта не было.

— Не прикажете ли принести къ блистательнымъ стопамъ вашимъ, сказалъ наконецъ Мустафа, вмѣстѣ съ головою прежняго начальника флота, и голову новаго?

Паша молчалъ. Спустя нѣсколько времени онъ воскликнулъ: — Странно! Странно! По-видимому, скоро всѣ мѣста въ моемъ пашалыкѣ заняты будутъ одними цирюльниками!

— Судьбѣ противиться невозможно, сказалъ Мустафа. Угодно ли Вашему Благополучію выслушать третьяго преступника?

— Кто онъ такой? Опять цирюльникъ!

— *Юкъ!* нѣтъ! Прекуріозный гяуръ; невѣрный о двухъ хвостахъ, пришедшій сюда изъ дальней страны, чтобы взглянуть на свѣтлые очи и неизмѣримую мудрость нашего эфендія и благодѣтеля, которой слава достигла до послѣднихъ предѣловъ вселенной.

— О двухъ хвостахъ? То есть, о двухъ бунчукахъ? Онъ Китайскій паша, что ли?

— Паша? *Истагфиръ Аллахъ!* Простая собака, подлѣйшая изъ собакъ, только съ двумя хвостами.

— Пусть войдетъ собака съ двумя хвостами, сказалъ паша. Мы позволяемъ.

Желтый, сухощавый, морщинистый Китаецъ былъ введенъ двумя стражами. Глаза его были очень малы и мутны; скулы выдались впередъ; носъ былъ едва примѣтный, но ротъ — весьма значительной ширины, съ черными какъ чернила зубами. Стражи остановились. Онъ бросился на колѣни и выполнилъ церемонію *ку-ту*, вытирая девять разъ пыль съ пола головою; потомъ растянулся плашмя лицомъ къ землѣ.

— Пусть встанетъ собака съ двумя хвостами, сказалъ паша.

Какъ это приказаніе было не тотчасъ исполнено церемоннымъ Китайцемъ, два солдата, которые привели его, схватили каждый за одну аршинную косу, и такъ подняли съ пола его голову. Китаецъ всталъ, смиренно опустивъ глаза въ землю.

— Изъ какихъ ты собакъ? спросилъ паша, забавляясь его покорностью.

— Я изъ Китая; я подлѣйшій рабъ вашъ, отвѣчалъ несчастный чистымъ Турецкимъ языкомъ. На родинѣ я былъ поэтѣмъ. Судьба привела меня сюда, и я теперь работаю въ дворцовыхъ садахъ.

— Если ты поэтъ и работаешь въ моихъ садахъ, что жъ ты дѣлалъ вчера ночью съ погонщикомъ вер-

блюдовъ и содержателемъ питейнаго дома, сидя съ ними на улицѣ ?

— Мнѣ предопредѣлено было сидѣть съ ними.

— Чѣмъ ты докажешь это ?

— Я расскажу вамъ исторію, которая случилась на моей родинѣ. Изъ разсказа моего вы убѣдитесь, что предопредѣленіе всегда сбывается. Что предречено, тому и быть.

— Можешь начать, сказалъ Мустафа, послѣ знака, подданнаго пашею.

Китаецъ вложилъ руку въ карманъ своего голубаго шерстянаго кафтана и вынулъ изъ него инструментъ, сдѣланный изъ черепахи съ четырьмя натянутыми струнами, и, тоненькимъ, монотоннымъ голоскомъ, который составлялъ нѣчто среднее между пѣньемъ и пискомъ, но не совсѣмъ противное слуху, началъ свою исторію. Прежде, онъ ударилъ въ свои гусли, и пробѣжалъ по нимъ прелюдію, которую можно себѣ представить рядомъ фальшивыхъ нотъ такимъ образомъ :

Ти-тумъ, ти-тумъ, тилли-лилли, ти-тумъ, ти-тумъ, тилли-лилли, тилли-лилли, ти-тумъ, ти.

И въ продолженіе всей своей исторіи, послѣ каждой глушости, онъ начиналъ эту музыку, ударяя въ свой милый инструментъ.

III.

ЧУДЕСНАЯ ПОВѢСТЬ О ХАНѢ.

Кто былъ пламеннѣе по своей природѣ, кто былъ болѣе созданъ для любви, чѣмъ великій Ханъ-Кунъ-шу, извѣстный въ поднебесныхъ архивахъ подъ именемъ выспреннѣйшаго Ю-анъ-ди, брата солнца и луны ? Чей дворъ былъ пышнѣе, чье войско многочисленнѣе, — у кого были обширнѣйшія владѣнія, облитыя че-

тырмя морями, которыя граничатъ съ цѣлымъ свѣтомъ? Но ему предопредѣлено было быть несчастнымъ, а мнѣ начать сегодня чудесную повѣсть о ханѣ печалми великолѣпнаго Ю-ань-ди.

Ти-тумъ, тилли-лилли

Да! онъ чувствовалъ, что ему чего-то не доставало. Всѣ его богатства, почести, власть, не наполняли сердца радостью. Онъ отвратился даже отъ писаній великаго Кунъ-дзы и мудраго Мынь-дзы; онъ закрылъ книгу. Онъ грустилъ о другомъ себѣ, кому бы могъ сказать: «Все это мое.» Сердце его билось о дѣвѣ, образцѣ красоты, передъ которой бы можно было преклонить колѣни. Онъ, кому весь міръ билъ челомъ девять разъ каждое утро, кому всѣ на землѣ служили рабами, вздыхалъ о рабствѣ любви! Но гдѣ найти красоту, достойную наложить оковы на брата солнца и луны, великолѣпнаго владыку поднебесной? Гдѣ отыскать красоту? На спинѣ черепахи есть таинственныя фигуры; въ таинственныхъ фигурахъ есть великая мудрость; но и тутъ ничего не сказано, гдѣ живетъ такая дѣва.

Ти-тумъ, тилли-лилли, ти-тумъ, ти.

Да! была одна, единственная, которая заслуживала быть его помощницей, быть царицею въ землѣ вѣчной весны, въ странѣ деревъ, которыхъ стволы золотые, вѣтви серебряныя, листья изумрудные, а плоды благовоннѣ яблокъ безсмертія. И гдѣ была такая луна, достойная невѣста солнца? Была ли она погружена въ облакахъ печали, утопала ли въ морѣ собственныхъ слезъ, или гуляла въ садахъ радости? Эти глаза, которые сожгли бы весь Пекинъ, подернуты были вѣчнымъ уныніемъ. И кто былъ причиною затмѣнія этой луны, если не нечистивый взяточникъ, министръ Су-чунъ-По-ли-хунъ-Ка-ди-ду?

Ти-тумъ, тилли-лилли.

Мандарины созваны были великимъ Ю-ань-ди, и дворъ во всей своей пышности склонилъ головы въ прахъ удивленія, когда услышалъ чудеса его краснорѣчія. «Слушайте меня, вы, первый классъ мандариновъ и князей поднебесной! внимайте вы словамъ Ю-ань-ди. Каждая птица, что летаетъ въ воздухъ, развѣ не имѣетъ у себя подруги въ гнѣздѣ, и каждый звѣрь самки? У васъ всѣхъ, развѣ нѣтъ глазъ, которые бы только на васъ однихъ блистали? Неужли я одинъ такъ несчастливъ своимъ величїемъ или великъ несчастїемъ, что не могу низойти до любви? И братъ солнца и луны, въ свое земное существованїе, не можетъ жить одинъ. Отщитѣ же на этомъ земномъ шарѣ дѣву-Красу, для меня, вашего владыки, чтобъ онъ, подобно брату своему, солнцу, которое всякую ночь ложится въ океанъ, могъ прилечь на груди своей возлюбленной. Ищите, говорю, во всѣхъ углахъ земли; старайтесь же скорѣе, и повергните ее сокровища къ нашему золотому подножію. Но напередъ, о мудрецы и астрологи, спросите планеты и звѣзды судебъ, чтобъ ихъ счастливое соединенїе предвѣщало добро небесной нашей особѣ и нашей Серединой Имперіи. Таковъ нашъ указъ.»

Ти-тумъ, тилли-лилли, ти-тумъ, ти.

Гдѣ та звѣзда, которая бы не поспѣшила повиноваться желанїямъ брата солнца и луны? Гдѣ та планета, которая бы не гордилась своимъ участїемъ въ рѣшенїи судьбы великаго? Да; всѣ онѣ съ умиленїемъ стали подъ астрябіей звѣздочетовъ, подобно великодушнымъ конямъ, которые трепещутъ отъ радости принять на себя любимаго всадника; но когда онѣ сошлись, чтобъ бросить лучи свои на страницу судьбы, мудрецы узнали, прочитавъ ее, что она исполнена слезъ и что радости исчезнуть какъ мыльный пузырь. Мудрецы глубоко вздохнули рѣшенїю судьбы, и съ поникнутыми головами принесли со-

держаніе страницы предопредѣленія къ великолѣпному Ю-ань-ди.

«Братъ солнца и луны вступитъ въ бракъ. Дѣва-Краса будетъ повергнута къ золотому подножію; но безцѣнный перлъ будетъ отысканъ и потерянъ. Будетъ радость, будетъ и печаль. Радость въ жизни, печаль въ жизни и смерти, потому что черный драконъ, враждебный Поднебесной Имперіи, угрожаетъ ей въ видѣ нависшей тучи. Такъ сказали звѣзды, и болѣе ничего не сказали.»

Ти-тумъ, тилл-лилли, ти-тумъ, ти.

Паша посмотрѣлъ на Мустафу и кивнулъ головою въ знакъ одобренія, какъ бы говоря — наконецъ, дошелъ до повѣсти! Мустафа поклонился пашѣ, и Китайскій поэтъ продолжалъ.

Золотые глаза великаго Ю-ань-ди наполнились серебряными слезами, когда прочтена была страница предопредѣленія. Но взошло солнце надежды и унесло священную росу на небо. Онъ позвалъ министра, проклятаго всѣми лѣтописями, Су-чунъ-По-ли-хунъ-Ка-ди-ду, и объявилъ ему, что онъ долженъ отправиться въ путь по цѣлому свѣту, его владѣнію, для отысканія красивѣйшихъ дѣвъ и представленія ихъ къ золотому подножію на будущій праздникъ фонарей. Но прежде чѣмъ онъ будутъ допущены къ озаренію лучами любви атмосферы славы, окружающей его небесную оеобу; прежде чѣмъ имъ дозволено будетъ производить вліянія на его великодушное сердце, надобно представить ихъ портреты въ залу Наслажденія: изъ двадцати тысячъ дѣвицъ, которыхъ лица изобразятся на слоновой кости, одна сотня будетъ выбрана приказомъ вкуса, составленнымъ изъ первыхъ мандариновъ и князей, и только эти портреты будутъ имѣть счастье удостоиться воззрѣнія золотаго глаза.

Нечестивый взяточникъ Су-чунъ-По-ли-хунъ-Ка-ди-ду исполнилъ возложенное на него дѣло. Богат-

ства сыпались въ его сокровищницу отъ честолюбивыхъ родителей , желавшихъ вступить въ родство съ братомъ солнца и луны ; но многія лица , которыхъ портреты были посланы въ приказъ вкуса , оказались такъ некрасивы , что засѣданіе положило сдѣлать выговоръ министру Су-чунъ-По-ли-хунъ-Ка-ди-ду за его странное понятіе о красотѣ.

Былъ одинъ мандаринъ , котораго дочь почиталась чудомъ красоты въ провинціи Си-дзянь . Отецъ ея , Вань-Ханъ , привезъ ее въ носилкахъ къ министру , который тотчасъ признался , что красоты ея поражаютъ какъ копьѣ , и что одна она достойна быть невестою брата солнца и луны ; но онъ потребовалъ отъ отца такой суммы денегъ , которой тотъ никакъ не могъ заплатить . Онъ однако жъ не посмѣлъ , думалъ отецъ , не отослать въ приказъ ея портрета , который и будетъ принять , и Вань-Ханъ почиталъ уже себя зятемъ небеснаго Ю-ань-ди . Молодой художникъ , рисовавшій ея портретъ , кончивъ его , на другой же день умеръ надъ нимъ отъ любви , восхищаясь неопостижимымъ совершенствомъ ея красоты . Портретъ былъ отправленъ къ негодному министру , но тотъ оставилъ его у себя , и подписалъ имя несравненной дѣвы подъ другимъ изображеніемъ , котораго лице никакъ не могло итти въ сравненіе съ ея божественною красотой . Приказъ вкуса выбралъ впрочемъ и это изображеніе въ числѣ сотни предназначенныхъ къ повѣшенію въ залъ Наслажденія , не потому чтобы нашло написанное лице красивымъ , а только по причинѣ славы выставленнаго подъ нимъ имени . Дѣвицы , представленныя на избранныхъ портретахъ , были приведены во дворецъ . Великолѣпный Ю-ань-ди вошелъ въ залу Наслажденія , которая освѣтилась тысячею фонарей , и провелъ глазами по портретамъ ступенчатыхъ красавицъ поднебесной , но ни одно лице не поразило его сердца , и онъ отвернулся въ до-

садъ на безвкусіе вѣка. «И это все, спросилъ онъ, что свѣтъ можетъ представить къ моему золотому подножію?» Приказъ вкуса распростерся весь, и сказалъ: «Все и болѣе нѣтъ.»

Вотъ на примѣръ это, вскричалъ императоръ съ гнѣвомъ, остановившись передъ мнимымъ портретомъ дочери Вань-Хановой: чье это неблагообразное лице, которое осмѣлилось попасть мнѣ на глаза, въ мою залу Наслажденія?

— Это, о государь, отвѣчалъ нечистивый Су-чунъ-По-ли-хунъ-Ка-ди-ду, прославленная красавица Чау-гынъ, которой отецъ осмѣливался говорить, что будетъ жаловаться золотому подножію, если ея портретъ не будетъ выбранъ. Въ провинціи Си-дзянь слава красоты ея такъ велика, что я не смѣлъ отказать ему въ его просьбѣ.

— Прежде всего объявляемъ всенародно, вскричалъ Сынъ неба, что цѣлая провинція Си-дзянь населена болванами, и на жителей ея повелѣваемъ наложить пеню во сто тысячъ унцій золота, за ихъ дурной вкусъ. Потомъ, да будетъ всѣмъ извѣстно, что хвастуна отца и безобразную дочь, которая имѣетъ притязаніе на красоту, приказали мы посадить навѣчно въ восточную башню нашего дворца. Дѣвицы пусть будутъ всѣ отосланы къ родителямъ, потому что не нашлось между ними ни одной, достойной быть невѣстою брата солнца и луны. Таковъ нашъ указъ.

Ти-гумъ, тилли-лилли, ти-гумъ, тилли-лилли, ти-гумъ, ти.

Повелѣнія императора были исполнены, и ими подтвердилась первая часть пророчества — «безцѣнный перлъ былъ отысканъ и потерянъ.»

Да! онъ былъ потерянъ, потому что блистательная Чау-гынъ мало-по-малу лишилась красоты своей, томясь въ одиночествѣ. Небольшая терраса

сдѣлалась единственнымъ мѣстомъ , гдѣ ей было позволено насладиться прелестями природы. Ночь съ умиленіемъ взирала своими безчисленными глазами на несправедливость и жестокость людей , когда однажды великолѣпный Ю-ань-ди, которому не все же было кушать чай безнадежности и отчаянія , вышелъ изъ своего дворца , чтобъ погулять одному съ своимъ раздумьемъ. Судьбѣ угодно было , чтобы въ это время и безцѣнный перлъ , томная и прелестная Чаугынь , приглашаемая великолѣпиемъ и тишиною ночи , также вышла попить песчаную кору террасы своей незамѣтною ножкой. Слеза дрожала на ея рѣсницѣ : Чаугынь мечтала о семейномъ счастіи, горько проклиная свою красоту , которая сдѣлалась жертвою злости и корыстолюбія и была виновницей ея одиночества, вмѣсто того , чтобъ возвести ее на небесное ложе могущественнѣйшаго государя. Она взглянула на веселое и спокойное небо , оно не сочувствовало къ ея красотамъ. Она бросила взоръ съ террасы на садъ : все было одиноко и безмолвно. Единственнымъ ея товарищемъ были ея слезы и гитара, которой звуки были еще печальнѣе ея печального голоса :

О , родительница моя ! воекликала она , моя любимая , но слишкомъ честолюбивая родительница ! неужели я не могу болѣе прижимать несчастной головы къ твоей груди ? Пророческій былъ сонъ , который ты видѣла при моемъ рожденіи : луна блистала съ минуту великолѣпнѣйшимъ свѣтомъ , потомъ начала быстро понижаться , и скрылась въ землѣ у твоихъ ногъ. Такъ и я — блистала короткое время , и теперь , подобно ей , скрыта въ землѣ , и еще въ такой юности ? Запертая въ стѣнахъ башни , лишенная надежды быть къмъ-нибудь увидѣна , хотя бы на портретъ , я погибла навѣки. Ты , моя гитара , единственный свидѣтель моихъ печалей ! соединимъ наши жалобныя пѣсни. Пусть хоть цвѣты сада услышать о нашей грусти и

блеснуть слезою росы изъ участія къ страданицѣ ! И Чау-гынь ударила въ струны и такъ начала выр-
жать печаль свою :

Тай-пи нань-шань ;
Вай-ши янь-янь ,
Хе-ха Хань-Хань ,
Ми-кинъ эль-чань ;
Яо-синь жу-тхань ;
Цу-кань дэн-пхань ,
Куэ-ли-цу чхань ,
Хо-юнь пу-дрань .

Ги-тумъ , тилли-лилли , ти-тумъ , тилли-лилли ,
ти-тумъ , ти .

Не знаю какъ понравился Вашему Благополучію этотъ соннетъ , но , по мнѣ , ни въ какомъ языкѣ нѣтъ ничего благозвучнѣе и трогательнѣе . Гармоническій плачь неподобной Чау-гынь отозвался не на однихъ безмолвныхъ цвѣтахъ : онъ поразилъ и величественныя уши Ю-ань-ди , сидѣвшаго на огромномъ бронзовомъ драконѣ , который былъ надъ самою террасою . Сынъ неба съ изумленіемъ слушалъ ея одинокое пѣнье и былъ восхищенъ пѣвнительнымъ голосомъ . Нѣсколько минутъ оставался онъ въ глубокомъ мечтаніи ; потомъ , сошедъ съ дракона , направилъ шаги къ воротамъ башни , и хлопнулъ въ ладоши . Евнухъ явился .

— Стражъ восточной башни , сказалъ императоръ , я слышалъ звуки гитары .

— Такъ , о украшеніе вселенной , отвѣчалъ невольникъ .

— Не духъ ли это ? сказалъ великолѣпный Ю-ань-ди . Чей небесный голосъ и теперь еще раздается въ ушахъ моихъ ?

— О , конечно , она не принадлежитъ къ смертнымъ съ той минуты , какъ ея мелодія отразилась въ небесныхъ ушахъ , отвѣчалъ черный стражъ восточной башни .

— Поди , и скажи всѣмъ высокимъ чинамъ , чтобъ они разстлали свои одежды на землю , когда она пойдетъ по ней въ наше присутствіе , къ дракону , который лежитъ подъ террасою.

Великолѣпнѣйшій Сынъ неба , братъ солнца и луны , Ю-ань-ди , возвратился на прежнее мѣсто , между тѣмъ какъ евнухъ спѣшилъ исполнить непреложныя повелѣнія . Мандарины поспѣшно раздѣлись , и устлали своими мѣховыми и бархатными платьями , которыя блещутъ серебромъ и золотомъ , все пространство отъ башни до дракона , превратившееся въ богатѣйшую тропинку небесъ . Безцѣнный перлъ , блистательная Чау-гынь , прошла по ней , какъ луна въ своемъ величїи , въ присутствіе всемогнутаго Ю-ань-ди.

— Безсмертный Фо , вскричалъ императоръ , когда поднятые фонари его мандариновъ освѣтили лице красавицы : кто этотъ злодѣй , который осмѣлился скрыть такія прелести отъ нашего свѣтлаго взора ?

Тогда несравненная Чау-гынь рассказала въ немногихъ словахъ о преступленїи и жадности нечестиваго министра Су-чунъ-По-ли-хунъ-Ка-ди-ду.

— Поспѣшите , мандарины , ножницами позора отрѣзать обѣ косы у негодяя , и мечемъ казни сорвать съ него голову.

Но звуки этого повелѣнія долетѣли изъ окна до ушей нечестиваго Су-чунъ-По-ли-хунъ-Ка-ди-ду : прежде чѣмъ явился къ нему палачъ , онъ уже сѣлъ на коня и , быстрѣе вѣтра , съ портретомъ небесной Чау-гынь въ карманъ , умчался далѣе отъ непреложнаго указа.

Ти-тумъ , тилли-лилли , ти-тумъ , тилли-лилли , ти-тумъ , ти.

Къ кому жъ убѣжалъ нечестивый министръ съ спасенною головою ? Онъ убѣжалъ къ хищнымъ народамъ пустыни , живущимъ на дикихъ коняхъ , съ ос-

тремя стрѣлами и длинными копьями. Три дня и три ночи бодрый конь его безъ устали высѣкалъ огонь копытами изъ камней дороги ; наконецъ вдругъ остановился , и , по выраженію поэта , склонилъ голову свою и померъ. Съ портретомъ безцѣнной Чау-гынь, въ карманѣ , нечестивый Су-чунъ-По-ли-хунъ-Ка-ди-ду предсталъ передъ хана Монголіи?

— О великій ханъ , сказалъ онъ , да будетъ стрѣла твоя вѣчно остра, вѣчно мѣтко копье и всегда быстрѣе какъ вѣтеръ твой конь ? Я рабъ твой. Повелитель милліона воиновъ , осмѣлится рабъ твой говорить тебѣ ?

— Ну , говори , что ли , отвѣчалъ свирѣпый ханъ , жуя огромный кусокъ конины.

— Ты знаешь , ханъ , что нѣсколько вѣковъ было обыкновеніемъ , чтобъ поднебесная имперія присылала тебѣ дѣвъ - красавицъ для твоего брачнаго ложа, для обезопасенія себя отъ твоихъ страшныхъ воиновъ. Пекинскій золотой дворъ тебя обманываетъ : онъ присылаетъ тебѣ самыхъ безобразныхъ и низкихъ дѣвокъ , пожаловавъ имъ сперва титуль принцессы. Но теперь есть тамъ дѣва , которой неоцѣненные прелести я ношу съ собою : одна она можетъ прилично занять твое высокое ложе.

Съ этими словами нечестивый министръ положилъ къ ногамъ великаго хана портретъ несравненной Чау-гынь.

Ханъ кончилъ свой обѣдъ , и саблею приподнялъ изображеніе безцѣннаго перла. Онъ посмотрѣлъ на него и показалъ своимъ дикарямъ , которые стояли вокругъ него въ совершенномъ безстрастіи , и не удивляясь блистательной красотѣ.

— Скажите мнѣ , предводители , въ состояніи ли эта бабья рожа увеселять меня ?

— Какъ не быть въ состояніи ! единогласно сказали предводители.

— Пусть такъ. Я не судья красотъ. Снимайте шатры; сегодня же вечеромъ мы откочуемъ на югъ.

И вся орда вторгнулась въ сѣверныя провинціи поднебесной имперіи, съ цѣлымъ милліономъ воиновъ, пстреляя все мечемъ и огнемъ, изъ ревности къ приобрѣтенію безцѣннаго перла для высокаго лова своего повелителя. Города и села служили какъ-бы потѣшными огнями сговора.

Ти-тумъ, тилли-лилли, ти-тумъ, ти.

Но возвратимся къ золотому двору: тутъ-то изумится свѣтъ необыкновенными событіями, которыя тамъ происходили. Мудрецы совѣтовались съ планетами и изрекли, что свадебная процессія должна выступить въ тридцать три минуты четырнадцатаго часа; иначе предпріятіе не будетъ счастливо. Палата церемоній совѣщалась три мѣсяца о обрядахъ. Кто можетъ описать великолѣпіе и славу праздника, кто дерзнетъ дать вѣрное понятіе о его пышности? Это невозможно, великолѣпный паша, это никакъ невозможно, хотя бы десять тысячъ поэтовъ каждый десятью тысячами стиховъ цѣлые десять тысячъ лѣтъ воспѣвали ее. Вотъ подробный и точный церемоніаль свадебной процессіи.

Впереди шли десять тысячъ полицейскихъ чиновниковъ, съ длинными бамбуками, ударяя ими вправо и влево для очищенія дороги, подъ звуки сладкой музыки, соединенной съ трогательнымъ пискомъ тѣхъ, которые потирали ноги, прихрамывая отъ полученныхъ ударовъ.

За ними, тянулись, по десяти врьдъ, сто тысячъ фонарей, которыхъ свѣтъ затмѣвалъ только блескъ всей церемоніи.

За ними шли погребальнымъ шагомъ пять тысячъ обезглавленныхъ преступниковъ, неся въ рукахъ свои головы за длинныя косы.

— Стой, стой! Что это за грязь ты на нашей бороде? вскричалъ паша. Слышишь, Мустафа, эта собака смѣетъ насмѣхаться надъ нами! Пять тысячъ человѣкъ несли въ процессіи свои головы!

— Величественный паша, возразилъ Китаецъ съ униженіемъ: если мудрость ваша признаетъ это сомнительнымъ, оно тѣмъ самымъ должно быть ложно. Но это ложь не раба вашего: въ подлинности факта удостовѣряють единогласно десять тысячъ безсмертныхъ постовъ Серединой Имперіи.

— Тѣмъ не менѣе это ложь, замѣтилъ Мустафа. Продолжать процессію, эфенди?

— Да; но, клянусь Аллахомъ, порядкомъ отколочу этого мерзавца, если онъ еще разъ осмѣлится смѣяться надъ нашими бородами.

За обезглавленными преступниками, которыхъ отвергаетъ мудрость Вашего Благополучія, шли преступники съ головами, которыя назначено было отрубить въ этотъ день, въ знакъ всеобщей радости.

Сперва шли двѣ тысячи разбойниковъ, приговоренныхъ быть повѣшенными за ноги, — эмблематическое выраженіе мысли, что они перевертывали порядокъ въ имперіи, — и оставаться въ такомъ положеніи, пока не будутъ исклеваны ястребами и другими хищными птицами.

Знамя.

Одинъ изъ разбойничьихъ атамановъ, который долженъ былъ быть задавленъ двумя дощечками, висѣвшими у него на шеѣ.

Второй разбойничій атаманъ. Онъ имѣлъ счастье участвовать въ процессіи на томъ положеніи, чтобы содрать съ него кожу и дать ему потомъ проглотить судебный приговоръ, написанный на бумагѣ, которая была напитана сильнымъ ядомъ.

Самый замѣчательный изъ преступниковъ шелъ вслѣдъ за ними. Онъ былъ въ большой милости при

дворъ и хранитель высочайшаго здоровья ; но его учили въ чтеніи христіанскихъ книгъ ; кромѣ того, онъ учинилъ и другія тяжкія преступленія : забрызгалъ однажды грязью мандарина первой степени и сбрасывалъ иногда свой мандаринскій кафтанъ , чтобы вмѣшиваться въ толпу чернаго народа , и тому подобное. Преступленія его были всѣ написаны на длинномъ листѣ бумаги, въ который окутана была его шея. Его присудили къ пыткамъ въ продолженіе двухъ часовъ , для забавы публики.

— Мустафа , сказалъ паша зѣвая и становя трубку всторону : пускай его продолжаетъ церемоніаль , я лягу спать. Разбуди меня , когда кончится исторія.

За нимъ слѣдовалъ лишившійся милости комнатный мандарицъ , который былъ злѣйшимъ врагомъ его. Онъ сидѣлъ на гагатовомъ тронѣ ; его руки подняты были , для смѣху , вверхъ , двумя палачами. Его преступленіе состояло въ томъ , что онъ игралъ въ кости съ кѣмъ-то изъ нижнихъ сословій. Позорная выставка была единственнымъ его наказаніемъ.

Таковы были преступники , которымъ посчастливилось страдать въ этотъ день всеобщаго веселія и счастья и стяжать себѣ этимъ безсмертную славу.

За ними , шли тысяча стрѣлковъ изъ корпуса голубаго знамени , съ метлами изъ конскихъ волосъ , чтобъ стереть слѣды крови преступниковъ.

Потомъ , десять тысячъ дѣвицъ , прелестныхъ и скромныхъ , въ бѣломъ платьѣ , воспѣвавшихъ подъ покрываломъ хвалы великому Кунъ-дзы.

Вслѣдъ за ними , десять тысячъ юношей , которые вторили шедшимъ впереди дѣвицамъ , воспѣвал хвалы всесправедливому Фо.

Пять тысячъ стрѣлковъ изъ корпуса зеленаго знамени : они несли въ рукахъ каждый по павлиному перу , чтобы извѣстно было , откуда дуетъ вѣтеръ.

Пять сотъ придворныхъ врачей, несшихъ коробки съ золотыми пилюлями.

Главный врачъ высочайшаго здоровья. Онъ несъ въ правой рукѣ пузырь, наполненный разными лекарствами.

За нимъ пятьдесятъ тысячъ сумасшедшихъ, по пяти врьдь, на привязи, и

Пятьдесятъ тысячъ бродягъ, съ руками скрученными на спинѣ.

Извѣстный еретикъ, основатель знаменитой секты. Онъ носилъ только одну косу вмѣсто двухъ, но коса его была въ шесть сажень длины. За нимъ, шли набожные приверженцы, безъ сапоговъ и безъ шапокъ.

Десять тысячъ молодыхъ женщинъ, убаюкивающихъ каждая своего малютку подъ звуки кларнетовъ и тромбоновъ, — эмблема мирнаго и спокойнаго брачнаго состоянія, въ которое вступалъ Сынъ неба.

Знамя любовнаго счастья, съ двумя огромными золотыми рогами.

Пять тысячъ политическихъ шарлатановъ, противорѣчившихъ одинъ другому: они вели жаркіе споры, въ потѣху народу, которому было очень не весело отъ ихъ шутокъ.

Ихъ глава, объясняющій ихъ системы на непонятномъ языкѣ.

Официальный паяцъ, который изумилъ всѣхъ поданныхъ поднебеснаго государства своими шутками и проворствомъ, съ каковымъ очистилъ у нихъ карманы.

Знамя согласія.

Поднебесный секретарь съ гусиными крыльями на плечахъ и верхомъ на государственной кассѣ.

Пять тысячъ бабъ, воспѣвающихъ хвалебные гимны въ честь онаго секретаря *.

* Не нужно объяснять читателямъ, что весь этотъ церемоніалъ есть тонкая сатира на конституціонное, и въ особенности, на Англійское пра

Счастіе Поднебесной Имперіи въ великолѣпной коробкѣ, сдѣланной изъ вишневоѣ косточки.

Пятьдесятъ тысячъ стрѣлковъ изъ корпуса краснаго знамени, которые пѣли гимны въ честь счастію.

Десять тысячъ поэтовъ, попарно. Они пѣли въ то самое время, каждый свою оду, на этотъ благословенный праздникъ.

Исторіографъ имперіи, одѣтый въ бархатъ съ головы до ногъ, и украшенный цѣпами изъ золота и драгоценныхъ камней: онъ держалъ въ рукахъ лѣтописи государства и ѣхалъ на прекрасномъ бѣломъ ослѣ, лицомъ къ его хвосту, для сохраненія своего безпристрастія.

Тутъ слѣдовалъ великолѣпнѣйшій Ю-ань-ди съ безцѣнною Чау-гынь, на массивной колесницѣ изъ древесной коры, украшенной глазами множества мушекъ и двѣнадцатю серебряными звѣздами на голубомъ полѣ, эмблемою родства съ небомъ брата солнца, луны и планетъ.

Двадцать тысячъ юношей, милыхъ какъ дѣвушки, одѣтыхъ въ мѣха черной лисицы, играли на маленькихъ арфахъ изъ слоновой кости. Они ѣхали верхомъ на черныхъ лошадяхъ.

Двадцать тысячъ негровъ, уродливыхъ какъ черти, одѣтыхъ въ мѣха бѣлаго медвѣдя, пѣли по козлячьи. Они ѣхали верхомъ на совершенно бѣлыхъ коняхъ.

Всѣ мандарины первой степени, съ глазами поднятыми къ небу, какъ бы умолявшими милосердаго Фо, чтобъ процессія скорѣе кончилась.

Всѣ мандарины второй степени, обрызганные грязью, которые посылали процессію къ чорту.

Двадцать милліоновъ народа, который ничего не видѣлъ и восхищался.

вительство. Легко догадаться на кого метилъ авторъ въ лицѣ «поднебснаго секретаря», которому пять тысячъ бабъ воспеваютъ похвалы.

Десять миллионъвъ женщинъ, которыя потеряли дѣтей въ толпѣ и кричали во все горло, отыскивая ихъ повсюду.

Десять миллионъвъ дѣтей, которыя потеряли своихъ матерей въ толпѣ и громко плакали.

Остатокъ народонаселенія поднебесной имперіи.

Такова была великая и блистательная процессія, въ которой участвовали всѣ жители, и для которой, слѣдственно, не было ни одного зрителя. Только три слѣпныя старухи лѣтъ полуторасти или двухъ сотъ, не были въ церемоніи: онѣ померли на-вѣсть отъ паразительнаго блеска процессіи.

Ти-тумъ, тилли-лилли, ти-тумъ, тилли-лилли, ти-тумъ, ти.

Процессія прибыла во дворецъ; безцѣнный перлъ былъ уже невѣстою, и сердце Ю-ань-ди пылало любовью. Она съли на алмазномъ тронѣ, другъ подлѣ друга. Но, что значить алмазь въ сравненіи съ ея глазами? Что значать красныя рубины передъ ея устами? Или, бѣлизна перловъ передъ ея улыбкой и рядомъ зубовъ ея? Ея полукруглыя брови были красивѣе радуги; краска щекъ ея раждала зависть во всякой розѣ поднебеснаго сада. Изъ состраданія къ придворнымъ, изъ которыхъ многіе ослѣпли отъ лучей ея прелестей, изданъ былъ указъ, которымъ позволялось мандаринамъ и князьямъ первой степени носить зеленыя очки. Великолѣпнѣйшій Ю-ань-ди страдалъ любовью какъ горячкой, и поднебесные врачи начали беспокоиться объ его здоровьѣ: по этой причинѣ, Чау-гынъ согласилась принимать его въ темной комнатѣ, и самъ Ю-ань-ди лишился наслажденія созерцать блистательную красоту своей супруги. Все было въ радости. Имперія оглашалась всеобщими похвалами безцѣнному перлу. Темницы были скрыты; преступники прощены; мечъ правосудія не вынимался изъ ноженъ; не били даже по пятамъ, —

все это въ честь несравненной Чау-гынь , которой красоту воспѣвали поэты до тѣхъ поръ , пока не охрипли и народъ не заснулъ ихъ слушавши .

— Кончишь ли ты когда-нибудь свои описанія церемоній , двухвостая собака ? сердито сказалъ визирь въ полголоса . Разсказывай скорѣе чудесную повѣсть .

— Слушаю и повинуюсь , отвѣчалъ Китаецъ .

Увы ! какъ скоро прошелъ этотъ бредъ счастья , исполнилось и предвѣщаніе , что «будетъ радость , будетъ и печаль» . Великолѣпнѣйшій Ю-ань-ди былъ исторгнутъ изъ своего блаженства вѣстниками , которые одинъ за другимъ доносили о приближеніи милліона вооруженныхъ варваровъ . Созванъ былъ торжественный совѣтъ и изданъ указъ — прогнать сѣверныхъ рабовъ въ ихъ страну вѣчныхъ снѣговъ и мороза . Императорская армія отправилась изъ столицы , исполнить приказанія , клянясь съѣсть всякаго пойманнаго врага . Но она никого не съѣла , потому что была разсѣяна , и возвратилась безъ луковъ , безъ стрѣлъ , безъ мечей , бѣжа стремглавъ передъ Монгольскимъ ханомъ . Въ бѣшенствѣ вскочилъ Ю-ань-ди съ престола и выдалъ другой указъ — прогнать сѣверныхъ рабовъ въ море , обливающее поднебесную имперію съ востока . Войско опять было послано противъ варваровъ и опять возвратилось , разбитое на-голову и говоря : «Какъ можемъ мы , питаюсь рисомъ и ходя пѣшкомъ , драться съ дикарями , которые не только живутъ на лошадяхъ , но даже ѣдятъ ихъ !» Монголы съ каждымъ днемъ приближались къ столицѣ , пока не подошли къ ней на одинъ день пути . И великій Ю-ань-ди , имѣлъ удовольствіе видѣть передъ собою посла отъ Монгольскаго хана съ такимъ предложеніемъ :

«Великій ханъ Монголін , Джунгарин , Хухунора и разныхъ другихъ степей и пустынь , бьетъ челомъ

величественному Ю-ань-ди. Онъ убилъ нѣсколько милліоновъ его подданныхъ, потому что они были измѣнники и не хотѣли защищать небеснаго престола. Онъ сжегъ нѣсколько тысячъ его городовъ, чтобы великій Ю-ань-ди могъ выстроить ихъ вновь и лучше. Все это совершилъ онъ съ трудами и усталостью, для вѣщаго доказательства покорности, питаемой къ великому Сыну неба. Онъ проситъ въ вознагражденіе только одного, — имѣть прелестную Чау-гынь, безцѣнный перлъ, свою невѣстою.»

Это было сказано изустно Монгольскимъ посломъ.

Великій Ю-ань-ди произнесъ съ высоты своего престола.

— Возврати мои благодарности великому хану, твоему государю и моему вѣрнѣйшему рабу, и скажи ему, что онъ получитъ всякую другую невѣсту изъ поднебесной имперіи, кромѣ безцѣннаго перла, который выходитъ за Сына неба. Другая дѣвица, достойная насъ и достойная великаго хана, будетъ ему подаркомъ отъ золотого двора. Таковъ мой указъ.

Но Монголь отвѣчалъ :

— Великій государь! мой великій ханъ требуетъ не указа, а безцѣнной Чау-гынь. Если я ворочусь къ нему безъ нея, онъ войдетъ въ твой городъ, и не пощадитъ ни мужчинъ, ни женщинъ, ни дѣтей.

Тогда пали къ золотому подножію князья и мандарины всѣхъ степеней, совершивъ надлежащимъ образомъ церемонію *ку-ту*, и первый министръ государства сказалъ : «Владыка вселенной, братъ солнца и луны, котораго указы исполняются во всемъ свѣтѣ и арміи непобѣдимы и многочисленны какъ песокъ на днѣ четырехъ морей! обрати вниманіе на слова вѣрныхъ рабовъ твоихъ. Выдай этому варвару безцѣнный перлъ, и мы будемъ вѣрно служить тебѣ.» И всѣ князья и мандарины вскричали : «Выдай без-

цѣнный перль!» И всѣ храбрые полководцы, выдернувъ сабли и махая ими, кричали: «Выдай варвару безцѣнный перль!» И вся армія и весь народъ вторили: «Выдай безцѣнный перль!»

Въ бѣшенствѣ вскочилъ Ю-ань-ди, и повелѣлъ наложить опалу и отрубить голову первому министру, всѣмъ князьямъ, мандаринамъ, всѣмъ полководцамъ, всей арміи, всему народу.

Ти-тумъ, тилли-лилли, ти-тумъ, тилли-лилли, титумъ, ти.

«Таковъ нашъ указъ!» кричалъ Ю-ань-ди; но какъ не оставалось никого, чтобы его исполнить, то указъ и не имѣлъ дѣйствія. И братъ солнца и луны увидѣлъ, что не имѣетъ болѣе власти; скрывая ярость, онъ велѣлъ подать объѣдъ послу. «Пусть накормятъ собаку,» сказалъ онъ, и удался въ комнаты безцѣнной Чау-гынь.

Когда великолѣпнѣйшая императрица выслушала слова своего Ю-ань-ди, она бросилась къ золотымъ ногамъ, говоря: «Пожертвуй мною; такова моя судьба. Пошли рабыню свою къ великому хану, она все исполнитъ. Говорятъ, что ханъ — человекъ страшный, высокогаго роста и сильный какъ слонъ.... Таково мое предопредѣленіе?»

Тогда великолѣпнѣйшій Ю-ань-ди пролилъ горькія слезы о своемъ бѣдствіи: онъ зналъ, что таково было его предопредѣленіе? Онъ отеръ свои золотые глаза, вывелъ несравненную Чау-гынь и отдалъ ее на руки послу, говоря: «Посылаю твоему государю и моему рабу безцѣнный перль. Я носилъ его нѣсколько времени, но онъ еще какъ новый. Теперь, пусть возвратится великій ханъ съ миллиономъ воиновъ въ свои степи и удалится изъ нашей поднебесной имперіи, по условію. Слышишь? Таковъ мой указъ.»

— Довольно того, что мой великій ханъ далъ слово, и ты отдалъ безцѣнную Чау-гынь: указа не къ чему.

Такъ говорилъ Монгольскій посолъ , удаляясь съ несравненною Чау-гынь.

Такъ лишился великій Ю-ань-ди своей невѣсты.

Какъ скоро посолъ представилъ прелестную Чау-гынь въ носилкахъ своему хану , предводитель съверныхъ рабовъ тотчасъ велѣлъ своимъ толпамъ возвращаться домой. Они начали быстро отступать , и въ нѣсколько дней достигли границъ безпредѣльной имперіи. Великій ханъ ни разу не полюбопытствовалъ даже увидать безцѣнный перль. Границу поднебеснаго государства составляла быстрая рѣка. Переправившись черезъ нее , ханъ сталъ лагеремъ на другомъ берегу , и пировалъ съ своими воинами. Конины и кумысу было множество. Когда кочевой напитокъ началъ играть въ его головѣ , онъ велѣлъ принести носилки съ безцѣннымъ перломъ къ своему шатру. Несравненная Чау-гынь , выглянувъ изъ паланкина , въ первый разъ увидѣла грознаго хана : его поступь , его уродливый видъ , его ужасно большой ротъ , поразили сердце безцѣннаго перла. Она приняла его за нечистаго духа , сложила руки на груди и плакала ; вся ея любовь возвратилась опять къ великолѣпному Ю-ань-ди.

Великій ханъ , опьянѣвъ отъ кумыса , приказалъ привести къ себѣ несчастную плѣнницу. Чау-гынь , сказала слугамъ , трепеща : « Скажите вашему господину , что я не могу показаться ему , не выкупавшись въ рѣкѣ. » И когда принесли къ хану ея отвѣтъ , онъ сказалъ : « Твѣ лучше ; пусть вымоется , если такъ грязна ; только поскорѣе. »

Слуги отнесли паланкинъ съ безцѣнною Чау-гынь на берегъ. Она стала на скаль , возвышавшейся надъ черными водами рѣки. « Какъ называется эта рѣка ? » спросила она у окружавшихъ ее.

Они отвѣчали: « Эта рѣка , о царица , отдѣляетъ Мон-

гольскія владѣнія отъ Китая и называется рѣкою Чернаго Дракона.»

—Исполнилось предвѣщаніе! воскликнула безцѣнная жемчужина. Таково мое предопредѣленіе, и кто можетъ противиться предопредѣленію!

Она подняла руки къ небу, и, испустивъ громкій крикъ, бросилась стремглавъ въ ревушія воды. Она исчезла навѣки.

Такъ исполнилось пророчество. Сынъ неба женился; сокровищница красоты повергнута была къ золотому подножію; безцѣнный перлъ былъ отысканъ, и потерянъ. Была радость и была печаль; радость была жизни; печаль была при смерти. Черный Драконъ оказался врагомъ поднебесной имперіи, потому что поглотилъ безцѣнную жемчужину.

Ти-тумъ, ти-тумъ, тилли-лилли, тилли-лилли, ти-тумъ, ти.

Звуки инструмента пробудили пашу.

— Кончено, Мустафа? спросилъ онъ, потирая глаза.

— Да, Ваше Благополучіе; предопредѣленіе исполнилось.

— Слава Аллаху! сказалъ паша. А предопредѣленіе, видно, было спать.

=

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ.

СОЧИНЕНІЕ Г. БОЛВЕРА *.

Какъ прекрасна Помпей! Не чудесенъ ли этотъ городъ минувшихъ временъ, который возникаетъ теперь изъ земли, чтобъ показаться, каковъ онъ былъ во времена минувшія? Покажите мнѣ ту страницу исторіи, написанную величайшимъ гениемъ, — самымъ вѣщимъ, самымъ догадливымъ на прошедшее, которая бы стоила этого ряда домовъ перваго вѣка, съ ихъ мебелью, картинами, утварью, гардеробами, гинекеями, которымъ теперь семнадцать столѣтій? Жители, кажется, отправились только погулять, когда вы пришли въ ихъ классическія жилища: они кажется, скоро будутъ назадъ; подождите ихъ съ четверть часа, они, право, воротятся. Сидитесь! подождемте! Они прибѣгутъ принять васъ въ своихъ прекрасныхъ домахъ, и какое восхищеніе для нихъ, людей перваго вѣка, познакомиться съ нами, людьми девятнадцатаго, ихъ потомками, ихъ учениками и ихъ судьями! Они станутъ бесѣдовать съ нами по-Латини и по-Гречески; вѣрно спросятъ, что мы сдѣлали съ ихъ образованностью, каковы наши успѣхи въ Искусствахъ, усовершили ли мы Поэзію, развили ли Философію, въ которыхъ брали у нихъ первые уроки? Славный народъ, эти древніе Помпейцы!..... Но я право боюсь, чтобъ они не слишкомъ скоро воротились съ прогулки и не застали насъ краснѣть у нихъ въ домахъ. Я бы не желалъ пускаться съ ними въ разговоръ по этой части.

* *The Last days of Pompei.* By E. L. Bulwer, 1835.

Что мнѣ сказать своимъ гостепріимнымъ хозяевамъ? Что въ восемнадцать вѣковъ мы не сдѣлали ни одной статуи, которая могла бы сравниться съ самой посредственной въ ихъ городѣ? Что мы исказили эту прекрасную Поэзію, которую они намъ передали? Что мы отстали отъ нихъ въ Философіи, прибавивъ къ ней всего-на-все нѣсколько утонченныхъ бредней, темнѣ Герцинійскаго Лѣса? Да они скажутъ, что мы еще варвары, такіе же варвары, какъ были Скныи и Германцы въ ихъ время! Они будутъ надъ нами смѣяться. Нѣтъ, Богъ съ ними, не хочу встрѣчаться съ этими Римлянами!

Но какъ вырваться изъ прекраснаго города, гдѣ все еще живетъ, хотя жители давно не существуютъ? гдѣ еще видны слѣды ихъ ногъ? гдѣ еще слышны ихъ бесѣды, ихъ крики, ихъ радости, ихъ печали, ихъ заботы, ихъ шутки? Этотъ городъ сущее очарованіе! Посмотрите, какъ люднѣютъ его улицы при первомъ звукѣ вашего воспоминанія. Взгляните на эту колоннаду. Слышите ли голоса? О, я точно ихъ слышу! Вотъ здѣсь, именно здѣсь, въ 79 году нашей эры, — это было вчера, можетъ-быть еще нынче утромъ: такъ все здѣсь свѣже и ново, — вотъ здѣсь, по этой прекрасной улицѣ, вѣхалъ въ золоченой колесницѣ, украшенной самой новомодной рѣзбою, пригожій молодой чело-вѣкъ, въ туникѣ съ широкими, жеманными борями, которыя обличали въ немъ дворянина и франка: это Главкъ, тотъ щеголь, котораго такъ знали всѣ Помпейскія женщины и о которомъ вы вѣрно тоже слышали. Здѣсь онъ повстрѣчался съ пріятелемъ Клодіемъ.

— А, Клодій! каково ты спалъ послѣ вчерашней счастливой игры? закричалъ онъ ему своимъ пріятнымъ, музыкальнымъ голосомъ.

Этотъ Главкъ отличался тѣми тонкими и изящными формами, съ которыхъ Аѳинскіе ваятели бра-

свои образцы: его Греческое происхождение обнаружилось и въ мягкихъ, кудрявыхъ волосахъ, и въ совершенной правильности его очертаній.

— Любезный Главкъ, отвѣчалъ ему Клодій: я очень радъ; я вижу, что ты вовсе не тужишь о своемъ проигрышѣ.

— Какъ можно заниматься проигрышемъ или выигрышемъ этихъ глупыхъ кружковъ металла?

— Посмотри-ка, вотъ Юлія; одна изъ первыхъ Помпейскихъ красавицъ, дочь стараго богача Діомеда, воскликнулъ Клодій, между-тѣмъ какъ къ нимъ приближалась молодая женщина съ завѣшеннымъ лицомъ и въ сопровожденіи двухъ невольницъ.

Юлія шла домой, вотъ сюда. Взгляните на доску съ надписью: это домъ Діомеда, ея отца.

— Прекрасная Юлія, привѣтствуемъ тебя, сказалъ Клодій.

Юлія приподняла покрывало; ея черныя, ясныя глаза остановились на Аеніянницѣ: взоръ высказывалъ нѣжность и упрекъ. Друзья пошли далѣе.

— Да! Юлія точно хороша, сказалъ Главкъ.

— А прошлаго года ты бы сознался въ этомъ немногo пламенный чѣмъ теперь.

— Признаюсь, съ перваго взгляда она, было, меня ослѣпила.

— Ты неблагодаренъ. Теперь ты вѣрно влюбленъ въ другую? Скажи же, кто та счастливица?.....

— Слушай, Клодій. За нѣсколько мѣслцевъ я жилъ въ Неаполь. Разъ вхожу я въ храмъ Минервы совершить моленіе. Глубокій вздохъ поражаетъ меня среди набожныхъ занятій; я оборачиваюсь, и вижу — позади меня женщина. Мы встрѣтились глазами. Никогда не видалъ я лица изящнѣе этого. — Ты не изъ Аеніянцевъ, сказалъ я, о, прекрасная дѣва? — «Гробы моихъ предковъ», отвѣчала она краснѣя, находятся у водъ

Илисса; я родилась въ Неаполь, но сердце мое все Аѳинское.» — Такъ принесемъ же вмѣстѣ жертвы ска- залъ я. — Молча вышли мы изъ храма; я готовъ былъ спросить, гдѣ она живетъ и можно ли мнѣ посѣтить ее, какъ молодой человѣкъ, у котораго въ лицѣ было какое-то родственное сходство съ нею, взялъ ее подъ руку. Она обернулась, и пожелала мнѣ добраго здо- ровья. Толпа насъ разлучила. Возвратившись домой, я нашелъ письма, которыя заставили меня отпра- виться въ Аѳины. Провелъ тамъ два мѣсяца. Вотъ вся моя исторія. Я не люблю, но вспоминаю и жалѣю.

Молодые люди, продолжая разговоръ, вошли въ изящный домъ Главка, гдѣ ожидали ихъ нѣсколько гостей и роскошный ужинъ. Пусть они ужинаютъ. Пойдемте смотрѣть этотъ храмъ Изиды. Очень ми- ленькой храмъ, не правда ли! Великимъ жрецомъ его былъ въ то время Калень: взгляните, вотъ над- писи на стѣнѣ. Такъ точно, это его рука. А здѣсь у периль храма стоялъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокаго роста, худощавый, но огромнаго и жилистаго сло- жения, съ тѣломъ бронзоваго цвѣта, обличившимъ его Египетское происхожденіе, — стоялъ, и поджидалъ, чтобъ разошлась толпа. Имя его Арбакъ. Когда сдѣ- лалось просторнѣе, одинъ изъ жрецовъ подошелъ и привѣтствовалъ его съ видомъ дружеской коротко- сти. Въ самомъ дѣлѣ они были очень коротки, и нѣ- когда упражнялись вмѣстѣ въ танцахъ Изиды; по- тому что этотъ Египтянинъ очень свѣдуущъ во всѣхъ магическихъ средствахъ ея мрачнаго и безстыднаго богослуженія.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобою, мой Калень, сказалъ Арбакъ подошедшему жрецу.

Жрецъ повелъ Арбака вотъ въ эту комнатку. Тутъ они сѣли за столъ, установленный множествомъ блюдъ съ плодами и яйцами, холодныхъ мясъ и сосудовъ съ отличнымъ виномъ.

— Ты знаешь, сказалъ Арбакъ, что за нѣсколько времени я повстрѣчалъ въ Неаполѣ Иону и Апекида, брата и сестру. По смерти ихъ родителей, которые знали и уважали меня, я сдѣлался ихъ опекуномъ. Юноша, послушный и кроткій, скоро уступилъ впечатлѣнію, которое я старался въ немъ укоренить. Я научилъ Апекида торжественной вѣрѣ въ Изиду. Я помѣстилъ его между вами: онъ одинъ изъ вашихъ товарищей.

— Такъ, отвѣчалъ Каленъ: но, воспламеняя въ немъ эту вѣру, ты лишилъ его благоразумія. Онъ пораженъ ужасомъ: наши мудрыя обольщенія, наши говорящія статуи и потайныя лѣстницы, возбуждаютъ въ немъ боязнь и отвращеніе. Говорятъ, что онъ бываетъ въ обществѣ людей, подозрѣваемыхъ въ преданности той новой вѣрѣ, которая отвергаетъ всѣхъ нашихъ боговъ.

— Этого-то я и боялся, сказалъ Арбакъ: но такъ и быть. Ты знаешь, какое было мое намѣреніе въ разсужденіи Ионы; тебѣ извѣстно, что я прочилъ ее себѣ въ царицы, въ супруги, въ Изиды моего сердца.

— Такъ она еще не твоя? спросилъ жрецъ.

— Нѣтъ; она меня любитъ, но какъ друга; она любитъ меня только умомъ. За этимъ-то я и пришелъ къ тебѣ.

— А какъ я могу тебѣ помочь?

— Я хочу пригласить ее къ себѣ на праздникъ: надобно ослѣпить, обоять, распалить ея чувства. Но напередъ должно опутать брата. Выслушай, я расскажу тебѣ все, что дѣлать.

Они начали шептаться. О, позвольте, друзья мои, рассказать вамъ всю эту исторію, одну изъ самыхъ ужасныхъ, какія только происходили въ этихъ стѣнахъ, теперь такъ безмолвныхъ!.....

Солнце весело освѣщало прекрасный домъ Главка, но еще веселѣе лились лучи радости въ сердце хо-

зьяна. Наканунѣ, послѣ ужина, Клодій предложилъ представить Главка милой Юноѣ, которая недавно прѣѣхала въ Помпеи; Главкъ согласился, входятъ, и онъ узнаеть свою незнакомку. Теперь онъ предавался самой сладкой задумчивости; онъ воскрешалъ въ своей памяти каждое слово, произнесенное очаровательнымъ голосомъ Юны. Въ это мгновеніе тѣнь затемнила порогъ комнаты, и молодая дѣвушка, полу-ребенокъ годами, нарушила его уединеніе. На рукъ несла она корзину цвѣтовъ; черты ея были ивжны, совершенно женски; взоръ, выражавшій покорную печаль, изгналъ съ ея усть улыбку, но пріятность осталась на нихъ неприкосновенною: она была слѣпа.

— Ахъ, моя Нидія! сказалъ Грекъ: это ты? Я былъ увѣренъ, что ты сейчасъ узнаешь о моемъ возвращеніи.

Нидія вздохнула и покраснѣла.

— Здоровъ ли ты? Ахъ, нечего и спрашивать! можетъ ли быть боленъ тотъ, кто видитъ солнце?

— Я здоровъ. А ты, Нидія, какъ выросла! На будущей годъ надо будетъ подумать, что намъ отвѣчать своимъ женамъ.

Румянecъ опять вспыхнулъ на щекахъ Нидіи, но тутъ она нахмурилась.

— Я принесла тебѣ цвѣтовъ, сказала она: простенькіе, но сейчасъ сорваны.

— Сама Флора не постыдилась бы этихъ цвѣтовъ, отвѣчалъ онъ ласково: и я опять возобновляю объѣтъ мой Граціямъ никогда не носить другихъ гирляндъ, покамѣстъ твои руки будутъ плести такія прекрасныя.

— А каковы цвѣты у тебя въ *viridarium*? Растутъ, хорошо?

— Удивительно! Я думаю, сами Лары за ними ухаживаютъ.

— Ахъ, какъ это мнѣ пріятно! Я ходила сюда такъ часто, какъ могла, поливать ихъ и смотрѣть за ними, пока тебя не было.

— Какъ мнѣ благодарить тебя, прелестная Нидія? Рука дитяти задрожала, когда Главкъ прижалъ ее къ сердцу.

Она отвернулась въ смущеніи, постояла еще нѣсколько минутъ на порогѣ, и потомъ, ощупывая дорогу длиннымъ посохомъ, который она употребляла съ большимъ искусствомъ, бѣдная дѣвочка побрела домой. Она остановилась, и постучала у нѣкотораго рода гостинницы; дверь отворилась, и грубый голосъ потребовалъ отъ ней отчета въ ея сестерціяхъ. Прежде, чѣмъ она успѣла отвѣчать, другой голосъ заговорилъ:

— Оставь, Бурбо, эти маленькіе сборы. Голосъ ея опять скоро понадобится на праздникъ у нашего богатаго патрона, а онъ платитъ хорошія деньги за такіе соловьиные языки.

— О, нѣтъ! воскликнула Нидія трепеща: я лучше буду ходить по міру съ утра до ночи, только не посылайте меня къ нему..... къ Арбаку.

— А отчего?

— Оттого что я молода и родилась не къ этому; женщины, которыхъ я тамъ встрѣчаю, не могутъ быть подругами той

— Что живетъ невольницей въ домъ гладіатора Бурбо, договорилъ голосъ съ грубымъ смѣхомъ.

Нидія поставила цвѣты, оперлась лицомъ на руки, и заплакала, не говоря ни слова.

Между-тѣмъ Главкъ пошелъ къ прекрасной Неаполитанкѣ. Онъ засталъ Іону сидящею среди прислужницъ. Ея арфа стояла подлѣ нея. Нужно ли говорить, что это свиданіе еще болѣе воспламенило сердце Грека? И можно ли слѣдовать съ хладнокровіемъ повѣствователя за каждымъ успѣхомъ этой люб-

ви, которая скоро сообщилась чувствительной, жаркой душой Ионы? Они уже любились, они уже были счастливы, и еще не говорили объ этомъ. Злой Египтянинъ, Арбакъ, этотъ опекунъ, котораго мы оставили наединъ со жрецомъ Изиды, упредилъ ихъ: онъ оклеветалъ Главка передъ Ионою, а она, привывши уважать Арбака, котораго считала самымъ добродетельнымъ человекомъ, повѣрила этимъ клеветамъ. Бѣдная дѣвушка повѣрила, что Главкъ говорилъ объ ней неосторожно, что онъ при всѣхъ хвалился ея любовью, и она стала несчастна, очень несчастна, такъ несчастна, какъ дѣвушки всѣхъ странъ и вѣковъ, которыя почитаютъ себя нелюбимыми. Въ Помпеи это было какъ и всюду. Иона плакала и перестала принимать Главка. Съ того часа, какъ Египтянинъ отъ нея вышелъ, она удалилась въ самую уединенную изъ своихъ комнатъ, и велѣла отказывать толпѣ, осаждавшей ея двери. Главкъ удивлялся переменѣ, но не отгадывалъ ея причины.

Иона не показывалась ни кому; но было одно исключеніе: Арбакъ требовалъ доступа и получалъ его. Она его не любила, но боялась; присутствіе его было для нея неприятно, но она никогда не думала положить конецъ его посѣщеніямъ. Арбакъ съ своей стороны рѣшился теперь употребить всю свою хитрость, чтобъ овладѣть сокровищемъ, котораго онъ такъ пламенно жаждалъ. Однимъ утромъ онъ засталъ ее особенно задумчивою и грустною.

— Ты никогда не видала внутренности моего дома? сказалъ онъ: посмотри его, быть-можетъ, это тебя займетъ. Въ немъ есть нѣсколько комнатъ, которыя объяснятъ тебѣ то, что ты такъ часто просила меня описать, — устройство Египетскаго дома. Посвяти же блюстителю и другу твоей юности одинъ изъ этихъ ясныхъ лѣтнихъ вечеровъ, и доставь мнѣ случай хва-

даться, что мое мрачное жилище было удостоено присутствія всѣми обожаемой Юны!

Не зная ужасовъ этого дома и опасностей, которыя ее ожидали, Юна охотно согласилась на предложеніе: условились — на слѣдующій вечеръ, и Египтянинъ удался съ веселымъ лицомъ, съ сердцемъ, трепещущимъ свирѣпой, нечистой радостью.

Утреннее солнце, то ясное и величественное солнце, которое и теперь золотитъ этотъ благословенный край, стояло надъ маленькимъ благоуханнымъ садомъ, заключавшимся въ перистиль Главкова дома. Главкъ лежалъ печально и безпечно на мягкомъ дернѣ, которымъ пересѣвались цвѣтники, и легкой навѣсъ пригнѣвлялъ надъ нимъ зной лучей лѣтняго солнца. Приходъ Нидіи вывелъ его изъ задумчивости.

— Нидія, другъ мой, сказалъ Главкъ: вотъ уже три дня — ты подъ покровительствомъ моихъ домашнихъ боговъ. Скажи, счастлива ли ты?

— Счастлива ли? отвѣчала невольница. Въ мірѣ нѣтъ ничего больше моего счастья, развѣ только моя благодарность. Мнѣ все кажется, что я еще въ рукахъ моей жестокой госпожи, когда вдругъ я услышала твой голосъ. Ты пришелъ на мой крикъ ты меня выкупилъ..... О, какъ я счастлива, что я твоя!

— Нидія, если я сдѣлаю тебя счастливой, помоги же и ты моему горю. Послушай, я люблю Юну.

— Я такъ и думала, произнесла печально Нидія.

— Я люблю, и ты должна итти сказать ей это. Я сейчасъ пошлю тебя къ ней.

Нидія залилась слезами.

— Дитя мое, ты плачешь, сама не зная, какое это для тебя благополучіе. Она будетъ тебѣ вмѣсто сестры. Но я не принуждаю тебя, милушка.

— Нѣтъ, если я могу служить тебѣ, приказывай. Посмотри, я ужъ не плачу; все прошло.

Главкъ написалъ письмо къ Юнѣ ; его любовь , его мученія были изображены въ немъ живо и сильно. Это письмо Нидія отнесла къ Юнѣ. Иона колебалась , она не хотѣла ничего принимать отъ Главка : но посланецъ — бѣдняжка слѣпая ! Какъ отказать ей ? Она изъ одного состраданія допустила ее къ себѣ , и изъ состраданія же , осыпавъ ее ласками , вручила ей записку къ молодому Аевиянину , гдѣ начертала одно слово , которое такъ живо выражаетъ состраданіе молодой дѣвушки къ любезному , одно слово — « Приходи ! »

Нидія разлила блаженство въ сердце Главка , который , самъ того не зная , раздиралъ сердце бѣдной Нидіи. Онъ ввѣрилъ ей другую записку къ Юнѣ. Она понесла ее вздыхая , но замедлила , и уже не застала Юны: ея не было , она отправилась къ гадкому Арбаку. Нидія испугалась : ей было извѣстно , какая опасность грозитъ Юнѣ ; она сама бывала у Арбака , ея голосъ украшалъ оргіи Египтянина. Въ одинъ изъ тѣхъ великодушныхъ порывовъ , которые встрѣчаются только у слѣпыхъ , она захотѣла спасти свою соперницу : объѣгаетъ городъ , ищетъ Главка , летитъ въ Изидинъ храмъ и находитъ тамъ Апекида.

— Точно ты Апекидъ ?

— Если ты меня знаешь , ужели не можешь вспомнить моего лица ?

— Я слѣпа. Глаза мои въ моемъ голосѣ. Поклянись , что ты Апекидъ .

— Клянусь богами , правою рукою , луною .

— Тсъ ! говори тише , подойди ко мнѣ , дай мнѣ руку . Знаешь ли ты Арбака ? клалъ ли ты цвѣты къ ногамъ мертвеца ? А ! рука твоя холодна ; слушай однако : сдѣлалъ ли ты ужасный объѣтъ ?

— Кто ты , откуда , блѣдная дѣва ? сказалъ съ робостью Апекидъ . Я не знаю тебя , и никогда не видалъ тебя прежде .

— Но ты слышала мой голосъ : довольно ; мы оба должны стыдиться воспоминаній. Слушай, у тебя есть сестра ?

— Говори ! говори ! что съ нею ?

— Иностранецъ ! ты знаешь пиры мертвеца ? Можетъ-быть, тебѣ пріятно раздѣлять ихъ : но желалъ ли бы ты, чтобы сестра твоя также въ нихъ участвовала, чтобы и она была въ гостяхъ у Арбака ?

— О боги !.... онъ не посмѣетъ ! Если ты обманываешь меня, я тебя истерзаю !

— Я говорю правду : и между-тѣмъ какъ я говорю Юна въ палатахъ Арбака, она въ первый разъ у него. Тебѣ извѣстнѣе, подвергается ли она опасности при первомъ посѣщеніи. Прощай.

— Постой на минуту ! воскликнулъ Апекидъ, удаляясь въ одну изъ келій близъ храма, и скоро явился одѣтый въ широкій плащъ, бывшій въ употребленіи у всѣхъ классовъ народа и который совершенно скрывалъ его жрическую одежду. — Теперь, сказалъ онъ скрежеща зубами, если Арбакъ осмѣлился но онъ не осмѣлится ! онъ не осмѣлится ! Какъ могу я подозревать его ? Неужели онъ низокъ до такой степени ? Я не думалъ этого но софистъ ! мрачный обманщикъ ! О боги, помогите !.... стой ! есть ли боги ? Да, есть однако одно божество, Мщеніе !.... О Нелизида, я справедливо наказанъ !

Но что же дѣлала Юна у Арбака ? Когда Юна вошла въ обширную залу Египтянина, страхъ овладѣлъ ею ; она находила что-то роковое и ужасное въ этихъ спокойныхъ, гробовыхъ лицахъ ~~Египтян~~ чудовищъ, которыя такъ мрачно дѣйствуютъ на душу странниковъ въ Египтѣ.

— Прекрасная Юна, сказалъ Арбакъ, наклонясь чтобы взять ся руку : вы затмили день, и лишь блескъ очей вашихъ освѣщаетъ эту комнату ; дыханіе ваше наполняетъ ее ароматами.

Онъ повелъ ее черезъ множество комнатъ въ которыхъ , казалось ей , не привыкшей къ другой роскоши кромъ мелкаго щегольства городовъ Кампаніи , заключались сокровища всего міра.

На стѣнахъ висѣли картины искусства не оцѣнимаго. Огни освѣщали статуи благороднѣйшаго вѣка Греціи. Кабинеты драгоценностей , — каждый кабинетъ былъ самъ по себѣ драгоценность , — занимали пространства между колоннами ; двери и притоки были изъ дорагаго дерева ; золото и драгоценныя камни блистали повсюду. Иона и Арбакъ то были наединѣ , то проходили мимо молчаливыхъ рядовъ невольниковъ , которые , приклоняя передъ Ионой колѣни , предлагали ей запястья , цѣпи , дорогіе камни , которые Египтянинъ тщетно просилъ ее принять.

— Я часто слыжала о вашемъ богатствѣ , сказала она съ удивленіемъ , но никакъ не могла вообразить такихъ огромныхъ сокровищъ.

— Я желалъ бы слить ихъ въ одну корону , которую помѣстилъ бы на этомъ лилейномъ чель.

Хитрый Арбакъ хотѣлъ ослѣпить молодую Неанолитанку своимъ богатствомъ и краснорѣчіемъ ; онъ старался пробудить въ ней желаніе обладать всѣмъ видѣннымъ ; онъ надѣялся , что она возьметъ владѣльца съ его собственностью , и что прелести его сокровищъ отразятся на немъ самомъ. Между-тѣмъ , Иона чувствовала тайное затрудненіе отъ вежливостей Египтянина , и съ тонкимъ искусствомъ , къ которому способны только женщины , старалась отвращать съ умысломъ направленные стрѣлы , не понимать или толковать иначе смыслъ Арбаковыхъ нѣжностей. Нѣтъ ничего слабѣе этого рода защиты : онъ походить на ворожбу Африканскихъ колдуновъ , которые думаютъ посредствомъ пера перемѣнить направление вѣтра.

Вдругъ, когда они остановились въ одной залѣ, убранной бѣлыми съ серебромъ занавѣсами, Египтянинъ хлопнулъ руками, и столъ, какъ-бы волшебною силою, поднялся изъ-подъ пола; ложе, или тронъ, съ пурпуровымъ балдахиномъ, явилось въ тоже время передъ Ионою, и изъ-за занавѣсовъ послышались звуки тихой и пріятной музыки.

Арбакъ самъ сѣлъ у ногъ красавицы, а дѣти, прелестныя какъ купидоны, замѣняли прислугу.

Пиршество кончилось, музыка перешла въ тихіе и умирающіе тоны, и Арбакъ обратился къ своей прекрасной посьтительницѣ:

— Не случилось ли тебѣ въ этомъ мрачномъ и обманчивомъ мірѣ, не случилось ли тебѣ, другъ мой, желать видѣть далѣе, поднять завѣсу времени и въ предѣлахъ судьбы различить туманныя черты будущаго? Не одно прошедшее является въ призракахъ: каждое происшествіе грядущее имѣетъ также свое изображеніе, свою тѣнь; приходитъ время, когда жизнь вступаетъ въ нее, тѣнь становится тѣломъ и идетъ въ міръ. Да! въ странѣ за гробомъ, всегда обитаютъ два незримые, духовные жителя, — то, что будетъ, и то, что уже было. Если нашею мудростью мы въ силахъ проникнуть въ эту страну, мы видимъ то и другое, и узнаемъ, какъ я уже узналъ, не только тайны умершаго но и судьбу живаго.

— Узналъ ты все это? Можетъ ли мудрость достигать такъ далеко?

— Не хочешь ли, Иона, повѣрнуть мои свѣдѣнія и видѣть представленіе твоей собственной судьбы? Эта драма сильнѣе Эсхиловыхъ, и одна изъ приготовленныхъ мною для тебя, если ты хочешь видѣть дѣйствія тѣней.

Неаполитанка дрожала. Она думала о Главкѣ, и вздохнула: суждено ли имъ соединиться? Отчасти сомнѣ-

ваясь, отчасти въря, отчасти устрашенная чудными словами хозяина, она молчала нѣсколько времени, и отвѣчала потомъ: — Хочу.

Египтянинъ всталъ, и, взявъ Иону за руку, повелъ ее черезъ залу; занавѣсы раздвинулись какъ-бы магическою рукою, и музыка заиграла въ громкомъ и веселомъ тонѣ; они прошли рядъ колоннъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ фонтаны бросали свои освежающія воды, и сошли въ садъ по широкимъ и покойнымъ ступенямъ. Вечеръ наступилъ; луна уже взошла высоко, и цвѣты, которые спятъ днемъ и наполняютъ своими ароматами воздухъ ночи, были разсыяны въ аллеяхъ, прорѣзанныхъ въ зелени, или, собранные въ корзинкахъ, подобно приношеніямъ стояли у подножія многочисленныхъ статуй, украшавшихъ дорогу, которой шли хозяинъ и его гостья.

— Куда ведешь ты меня, Арбакъ? сказала удивленная Иона.

— Вотъ туда, отвѣчалъ онъ, указывая на небольшое зданіе, стоявшее въ концѣ алев. Это храмъ посвященный Судьбѣ: наши обряды требуютъ такого священнаго мѣста.

Они прошли узкія сѣни; въ концѣ ихъ висѣлъ черный занавѣсъ; Арбакъ поднялъ его, Иона вошла, и увидѣла себя въ совершенной темнотѣ.

— Не бойся, сказалъ Египтянинъ: свѣтъ тотчасъ явится, — и съ этими словами нѣжный, теплый и постепенный свѣтъ окружилъ ее; когда онъ распространился на всѣ предметы, Иона увидѣла, что находится въ небольшой комнатѣ, со всѣхъ сторонъ завѣшенной чернымъ; ложе такого же цвѣта находилось подлѣ нея. Посрединѣ стоялъ маленькій жертвенникъ, а на немъ бронзовый треножникъ. Съ одной стороны, на высокой гранитной колоннѣ, находилась колоссальная голова изъ самага чернаго мрамора, въ которой, во вѣн-

ку изъ колосьевъ, осбнявшему чело, Иона узнала великую Египетскую богиню Изиду. Арбакъ стоялъ передъ жертвенникомъ, на который сложилъ онъ свою гирлянду и, казалось, выливалъ что-то на треножникъ изъ бронзовой вазы: вдругъ надъ треножникомъ вспыхнуло синее, яркое, разнообразное пламя; Египтянинъ съелъ подлѣ Ионы, и произнесъ нѣсколько словъ на непонятномъ для ней языкѣ; занавѣсъ за жертвенникомъ сильно заколебался, раздѣлился, и въ отверстїи Иона увидѣла блѣдный, неопредѣленный ландшафтъ, который постепенно становился яснѣе и свѣтлѣе для ея взоровъ; наконецъ она ясно различала деревья, рѣки, луга и всю разнообразную прелесть земли. Вскорѣ, передъ этимъ зрѣлищемъ явилась темная тѣнь и стала противъ Ионы; постепенно и надъ нею происходило то же очарованїе какъ и надъ всею сценою: она получила видъ и форму, и вотъ въ ея фигурѣ и лицѣ Иона узнаетъ — самую себя!

Сельскій видъ позади тѣни исчезъ, и замѣнился изображенїемъ великолѣпнаго дворца; посреди возвышался тронъ; темныя фигуры невольниковъ и стражей стояли вокругъ, и блѣдная рука держала надъ трономъ подобїе діадема.

Явилось новое дѣйствующее лицо, — мужчина: онъ съ ногъ до головы былъ покрытъ темною одеждою; нельзя было различить ни лица его, ни очертанїй; онъ сталъ на колѣни передъ призракомъ Ионы, схватилъ ея руку и указывалъ на тронъ, какъ-бы приглашая ее взойти туда.

Сердце Неаполитанки сильно билось. — Можетъ ли тѣнь открыться? прошепталъ у ней за спиною голосъ, голосъ Арбака. — «О, да!» тихо отвѣчала Иона.

Арбакъ поднялъ руку, призракъ сбросилъ съ себя плащъ, закрывавшїй его формы, и Иона вскрикнула: на колѣняхъ передъ ней стоялъ самъ Арбакъ.

— Такова дѣйствительно судьба твоя! говорилъ ей на ухо голосъ Египтянина: тебѣ предназначено быть женою Арбака.

Иона дрожала; черный занавѣсъ скрывъ фантазмагорію, и самъ Арбакъ, настоящій, живой Арбакъ, былъ у ногъ ея.

— О, Иона! сказалъ онъ, глядя на нее страстно: выслушай человека, который тщетно и долго боролся съ своею любовью. Я обожаю тебя! Судьбы не могутъ обманывать: ты назначена быть моею; я искалъ во всемъ свѣтѣ, и не нашелъ тебѣ подобной. Съ юности я мечталъ о такой женщинѣ какъ ты. Я спалъ, пока не встрѣчалъ тебя; я пробудился, и тебя увидѣлъ. Не отворачивайся отъ меня, Иона! обрати на меня эти глаза; пролей на меня свою улыбку. Мрачно въ душѣ моей, когда лице твое отъ меня скрывается! Освѣти меня, мое солнце, мое небо, мой свѣтъ дневной! Иона, Иона, не отвергай любви моей!

Одна, во власти этого удивительнаго и страшнаго человека, Иона однако не пугалась; уваженіе въ рѣчахъ его, ласковость въ его голосѣ, ободряли ее; въ собственной чистотѣ своей она находила защиту. Но она была поражена и изумлена; прошло нѣсколько минутъ пока она собралась съ силою отвѣчать.

— Встань, Арбакъ! сказала она наконецъ, и протянула къ нему руку, которую тотчасъ отдернула назадъ, когда почувствовала на ней жаркое прикосновеніе его губъ. — Встань! И если ты не шутишь, если въ самомъ дѣлѣ.....

— Если? сказалъ онъ нѣжно.

— Хорошо, такъ выслушай меня: ты былъ моимъ опекуномъ, моимъ другомъ, моимъ наставникомъ; я не ожидала этого новаго званія. — Не думай, прибавила она съ живостью, когда увидѣла въ черныхъ глазахъ его блескъ сильной страсти: не думай, что я смѣюсь, что я не тронута, что я не оцѣниваю этого предпочте-

нія; но скажи, можешь ли ты спокойно меня выслушать?

— Даже если слова твои должны поразить, уничтожить меня!

— Я люблю другаго! сказала она стыдливо, но твердымъ голосомъ.

— Княнись богами, адомъ! воскликнулъ Арбакъ, поднявшись во всю длину своего роста: ты не смѣешь мнѣ повторить этого! Невозможно! Кого ты видѣла? кого ты знаешь?

Устрашенная его внезапнымъ и не предвидѣннымъ бѣшенствомъ, она залилась слезами.

Арбакъ подошелъ ближе; его жаркое дыханіе сильно дуло на лице ея; онъ обвилъ руки вокругъ нея, но она вырвалась изъ этихъ объятій. Въ борьбѣ дощечка выпала у ней изъ-за пазухи на полъ. Арбакъ замѣтилъ это и схватилъ: то было письмо, полученное утромъ отъ Главка. Иона упала на ложе, полумертвая отъ страха.

Быстро глаза Египтянина пробѣжали по написанному. Неаполитанка не осмѣливалась взглянуть на него: она не видала мертвой блѣдности, покрывшей лице его; она не замѣтила судорожныхъ измѣненій лба, ни дрожанія губъ, ни волненія, поднимавшаго грудь его. Онъ прочелъ до конца, и потомъ, когда письмо выпало изъ рукъ его, сказалъ съ притворнымъ спокойствіемъ:

— Ты любишь того, кто писалъ это?

Иона рыдала, но не отвѣчала.

— Говори! вскрикнулъ онъ.

— Его, его!

— А имя его? Имя его Главкъ!

Иона сплеснула руками и осматривалась вокругъ, какъ-бы ища заступленія или убѣжища.

— Такъ слушай, сказалъ Арбакъ, понизивъ свой голосъ до шепота: ты скорѣе достигнешь могилы, не-

жели его объятій. Какъ! не думаешь ли, что Арбакъ потерпитъ такого соперника какъ этотъ нечистый Грекъ? не думаешь ли, что я берегъ плодъ до зрѣлости, чтобы уступить его другому? Нѣтъ, миленькая дурочка, нѣтъ! ты моя, вся, единственно моя, и потому потому я беру, требую тебя.

— Сказавъ это, онъ схватилъ Иону въ свои объятія, и въ этомъ порывѣ была вся мощность не любви, но мщенія.

Отчаяніе придало Ionъ сверхъестественную силу: она вторично вырвалась изъ его объятій, бросилась въ ту сторону, откуда вошла, отдернула въ половину занавѣсъ. Арбакъ схватилъ ея, но она опять вырвалась, и упала истощенная къ подножію колонны, на которой стояла голова Египетской богини. Арбакъ остановился на минуту, чтобы собраться съ духомъ, и потомъ снова бросился на свою добычу.

Въ это мгновеніе занавѣсъ быстро отдернулся, и Арбакъ почувствовалъ, что кто-то быстро и сильно схватилъ его сзади. Онъ обернулся, и встрѣтилъ сверкающіе взоры Главка и блѣдное, истомленное, но грозное лице Апекида.

— А! сказалъ онъ въ испугѣ: какая Фурія послала васъ?

— Безбожникъ! отвѣчалъ Главкъ, и схватился съ Египтяниномъ. Апекидъ между-тѣмъ поднялъ поумертвующую сестру свою, но силы его, истощенныя долгими душевными бореніями, были недостаточны: онъ не могъ нести Ионы, несмотря на ея легкость и невжность; онъ положилъ ее на ложе, сталъ передъ ней съ обнаженнымъ кинжаломъ и, глядя на борьбу Главка съ Египтяниномъ, былъ готовъ вонзить свое оружіе въ грудь Арбака, если бы тотъ остался побѣдителемъ. Нѣтъ, можетъ-быть, ничего страшнѣе борьбы безоружной животной силы, лишенной всѣхъ другихъ

пособій кромѣ природныхъ, управляемыхъ мщеніемъ. Противники охватились, рука каждого искала горла, лица ихъ были отвернуты назадъ, глаза сверкали, мышцы напряглись, губы были отверзты, а зубы судорожно сжаты. Оба они были одарены силою необыкновенною, одушевлены непримиримою злобою; они боролись, кружились, двигались взадъ и впередъ, проходили отъ конца до другаго тѣсное поприще, издавали вопли злобы и мщенія, снова приблизились къ жертвеннику, снова отошли къ подножію колонны, гдѣ началась борьба. Они разошлись, чтобы перевести дыханіе: Арбакъ прислонился къ колоннѣ, Главкъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

— О древняя богиня! воскликнулъ Арбакъ, обнявъ колонну и взведя глаза къ священному изображенію, которое на ней находилось: защити избраннаго тобою, излей твое мщеніе на этого поклонника недавней религіи, который святотатственною дерзостью оскверняетъ твое святилище и нападаетъ на служителя твоего, богиня!»

Едва онъ это произнесъ, огромныя и спокойныя черты богини какъ-будто оживились; сквозь черный мраморъ, какъ сквозь прозрачное покрывало, показался багровый и пламенный румянецъ; вокругъ головы сверкали молніи; глаза обратились въ шары зеленоватаго огня и, съ гнѣвомъ, съ яростью, казалось, были устремлены на Грека.

Удивленный и уstraшенный скорымъ и таинственнымъ отвѣтомъ богини на просьбу противника и несовершенно свободный отъ наслѣдственнаго суевѣрія его племени, Главкъ поблѣднѣлъ при чудесномъ и внезапномъ оживленіи мрамора; колѣна своего дрожали; онъ стоялъ, пораженный ужасомъ, уstraшенный, обезоруженный, передъ своимъ злодѣемъ. Арбакъ не далъ ему минуты опомниться. «Умри, не-

годный!» воскликнулъ онъ громовымъ голосомъ и бросился на Грека: «всемогущая богиня требуетъ тебя живаго на жертву.» Объятый ужасомъ въ первыя минуты своего суевѣрнаго страха, Грекъ потерялъ равновѣсїе; мраморный полъ былъ гладокъ какъ ледъ: онъ поскользнулся, — упалъ. Арбакъ поставилъ ногу на грудь павшаго противника. Апекидъ, наученный своими жреческими занятїями и знанїемъ Арбака не вѣрить сверхъестественному заступленїю кумировъ, не раздѣляя испуга своего товарища; онъ бросился впередъ, кинжалъ его блеснулъ въ воздухъ; внимательный Египтянинъ схватилъ его руку, когда она готова была поразить его: достаточно было одного движенїя сильной руки его, чтобъ вырвать оружіе у слабаго жреца; одинъ толчекъ повергъ его на землю; съ громкимъ и торжественнымъ восклицанїемъ Арбакъ взмахнулъ къверху кинжалъ. Главкъ смотрѣлъ на свою участь безъ робости, съ мрачною и презрительною рѣшимостью побѣжденнаго гладиатора; и въ эту страшную минуту полъ задрожалъ подъ нимъ. Съ быстрымъ, судорожнымъ движенїемъ возсталъ духъ, могущественнѣе Египтянина. Онъ пробудился, онъ движется, этотъ страшный *Демонъ землетрясенїя*, равно насмѣхаясь и презирая умыслы чловѣческаго коварства и неистовства чловѣческой злобы. Подобно Титану, приваленному горами, онъ возсталъ отъ долгаго сна, онъ ворочается на своемъ ложѣ, пещеры стонуть и дрожать отъ движенїя его членовъ. Тотъ, кто въ минуту мщенїя и могущества почиталъ себя полу-богомъ, униженъ до первобытнаго праха. Издалека подъ землею послышался глухой грохотъ: занавѣсъ заколебался какъ-бы движимый бурей, жертвенникъ пошатнулся, треножникъ упалъ, и, высоко надъ мѣстомъ борьбы, колонна дрожала и качалась изъ стѣроны въ сторону; черная голова богини сдвинулась и упала съ пѣдестала, и, въ то время какъ Егип-

танинъ стоялъ склонившись надъ своей обреченною жертвою, прямо между плечами и затылкомъ поразила его мраморная масса. Ударъ, подобно удару смерти, распростеръ его мгновенно безъ звука, движенія, безъ малѣйшаго признака жизни на землю, какъ-бы въ наказаніе отъ того самого божества, которое онъ возбуждалъ и призывалъ безбожно.

— Земля спасаетъ дѣтей своихъ, сказалъ Главкъ! становясь на ноги. Благословенно страшное землетрясеніе! возблагодаримъ провидѣнію боговъ!

Онъ помогъ Апекиду подняться, повернулъ лице Арбака, который имѣлъ видъ мертваго: кровь текла изъ устъ Египтянина на блестящую одежду; онъ упалъ изъ рукъ Главка, и кровавый потокъ заструился по полу. Земля вторично задрожала подъ ними: они принуждены были держаться другъ за друга. Движеніе такъ же внезапно прекратилось, какъ и настало. они не мѣшкали болѣе; Главкъ взялъ осторожно на руки Іону, и они поспѣшили удалиться изъ этого оскверненнаго вертепа. Но едва вошли они въ садъ, какъ встрѣтили бѣгуція со всѣхъ сторонъ въ безпорядкѣ толпы женщинъ и рабовъ, которыхъ праздничныя и блестящія одежды смѣшно противорѣчили страшной торжественности этого мгновенія: они, казалось, не замѣчали постороннихъ; они были заняты одной собственной опасностью. Послѣ шестнадцатилѣтняго спокойствія, горячая и измѣнчивая почва снова угрожала опустошеніемъ: слышенъ былъ одинъ крикъ — Землетрясеніе! землетрясеніе! Пройдя безпрепятственно сквозь шумную толпу, Апекидъ и его товарищи пустились прямо по одной аллеѣ, и вышли въ отворенную калитку: здѣсь, на маленькой дерновой скамьѣ, освѣщенной темной зеленью алоя, увидѣли они при лунномъ свѣтѣ спящую дѣвочку; она сидѣла согнувшись и горько рыдала. То была Нидія, которая привела ихъ сюда.

Ничто не препятствовало болѣе счастью Главка и Юны. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ назначенъ былъ день ихъ свадьбы, и сѣни Главкова дома уже были убраны гилянцами, а самъ онъ совершалъ ночью богатыя возліянія у дверей Юны. Онъ пересталъ существовать для своихъ веселыхъ товарищей; онъ всегда былъ съ невѣстою. Объ Арбакѣ слышали только, что онъ еще живъ; лежа на одрѣ страданія, онъ медленно выздаравливалъ, и не мѣшалъ любовникамъ, но единственно для того, чтобы свободнѣй думать объ отпущеніи.

Нидія была ихъ обыкновеннымъ и часто единственнымъ собесѣдникомъ. Они не угадывали тайныхъ огней, которые ее сжигали. Ихъ страстные рвчи, ихъ счастливая любовь, воспаляли ее болѣе и болѣе; иногда ненавистливые помыслы закрадывались ей въ душу; она жадѣла, что спасла свою соперницу. Порой, когда Главкъ ласкалъ ее какъ нѣжный братъ, ея тайна готова была вырваться изъ груди: эта борьба, эти вѣчныя терзанія, озлобляли ея характеръ и часто дѣлали ее вспыльчивою и своенравною. Главкъ и Юна приписывали это ея недугу, и щадили Нидію, какъ щадятъ ребенка, милаго и злополучнаго.

Было еще одно сердце, трепетавшее для Главка. Прекрасная Юлія, — вы помните эту Юлію, которая шла мимо, когда Главкъ слѣзъ съ своей золоченой колесницы и разговаривалъ съ Клодіемъ, — Юлія, дочь богатаго Диомеда, была тоже, на короткое время, предметомъ вниманія этого Главка, кумира покойныхъ Помпеевъ. Одинъ взглядъ на Юну былъ достаточенъ, чтобы уничтожить въ немъ эту прихоть до основанія. Юлія была кокетка, — изъ самыхъ знаменитыхъ! Щеголиха, суетная, разсѣянная! Досада, зависть, оскорбленное самолюбіе, присоединились въ полуденныхъ сердцахъ Юліи къ той любви, какою она могла чувствовать.

Чтобъ восторжествовать надъ Ионой, она бы все предприняла, всѣмъ бы пожертвовала. Искать, привлечь къ себѣ Нидію было первымъ ея помысломъ.

Прекрасная Юлія сидѣла въ своей комнатѣ, окруженная невольницами. Эта комната, какъ и спальня, находившаяся подлѣ, была не велика, но гораздо болѣе тѣхъ, какія обыкновенно назначались для отдыха и были такъ малы даже въ самыхъ роскошныхъ домахъ, что кто не видалъ ихъ, тотъ едва-ли можетъ составить себѣ понятіе о крошечныхъ свѣтелкахъ, въ которыхъ жители Помпеи, какъ видно, почитали удобнымъ проводить ночь. Впрочемъ «кровать» у древнихъ отнюдь не была такою важною частию домашнихъ тайнствъ какъ у насъ. Самое ложе походило болѣе на узкую небольшую софу, довольно легкую, чтобъ быть безъ-труда переносимой самимъ владѣльцемъ, и, вѣрно, его часто переносили изъ одной комнаты въ другую по прихоти хозяина или сообразно съ переменами погоды. Часть дома, обитаемая въ одномъ мѣсяцѣ, была можетъ-быть тщательно избѣгаема въ другомъ: такъ чувствительны были жители лучшаго климата въ мірѣ къ малѣйшимъ измѣненіямъ солнца и вѣтра, которыя для нашихъ грубыхъ тѣлъ, отвердѣвшихъ подъ суровымъ небомъ сѣвера, были бы едва замѣтны. Итальянцы того времени страннымъ и причудливымъ образомъ избѣгали сильнаго свѣта; ихъ мрачныя комнаты, съ перваго взгляда кажущіяся намъ ошибками архитектуры, были произведеніемъ самой утонченной заботливости. Въ портикахъ и садахъ они находили солнечный свѣтъ, когда было угодно избалованному вкусу; но во внутренности домовъ они искали болѣе прохлады и тѣни.

Комната Юліи на это время находилась въ нижней части дома, непосредственно подъ пріемными комнатами втораго этажа и окнами въ садъ, который

былъ съ ними въ уровень. Свѣтъ проходилъ только въ большую стеклянную дверь; но зрѣніе ея, привыкшее къ легкой темнотѣ, было довольно остро, чтобы хорошо различать какаго цвѣта одежда къ ней наиболее пристала, какія румяны наиболее возвышали блескъ черныхъ глазъ ея и давали видъ молодости и свѣжести ея щекамъ.

На столѣ, передъ которымъ она сидѣла, стояло небольшое круглое зеркало изъ самой чистой стали; вокругъ него были разставлены и разложены въ строгомъ чинѣ духи, помады, притиранья, мази, драгоценности, грѣбни, ленты, золотыя булабочки, — все, посредствомъ чего къ естественнымъ прелестямъ присоединяли помощь искусства и своеюправной моды. Темнота комнаты не препятствовала различать на стѣнахъ блестящія и живыя краски картинъ альфреско въ Помпейскомъ вкусѣ. Передъ столомъ и подъ ногами Юліи былъ разостланъ коверъ, — произведеніе Востока. Вблизи на другомъ столѣ находились серебряныя тазъ и кушинъ, погашенная лампада отличной работы, гдѣ художникъ изобразилъ купидона, спящаго подъ тѣнію миртоваго дерева, и небольшой свитокъ папируса, содержащій самыя нѣжныя элегіи Тибулла. Передъ дверью въ спальню висѣлъ занавѣсъ, богато вышитый золотыми цвѣтами. Такова была уборная красавицы за семнадцать столѣтій.

Прекрасная Юлія небрежно прислонилась къ спинкѣ своего кресла, между-тѣмъ какъ *ornatrix* (горничная), причесывавшая голову, осторожно собирала одну на другую множество небольшихъ пуклей, смѣшивая искусно поддѣльные съ настоящими, и доводила всю прическу до такой высоты, что голова казалась не на верху, а въ срединѣ ея стана.

Ея туника темно-янтарнаго цвѣта, возвышала черноту волосъ и смугловатость кожи, и падала ши-

рожили складками къ ногамъ, обутымъ въ туфли, прикрывленныя бѣлыми шнурками; множество жемчуга было даже на самыхъ туфляхъ пурпуроваго цвѣта, съ немного загнутыми вверхъ носками, наподобіе нынѣшнихъ Турецкихъ. Старая служанка, посвященная долгою омытностью во всѣ тайнства туалета, стояла подлѣ убиравшей голову, держа на рукѣ широкій украшенный гвоздиками поясъ гордой Юліи, и время-отъ-времени давала зодчей огромной прически наставленія, приправленныя искусною лестью самой госпожѣ.

— Воткни эту булавку правѣ.... ниже.... глупая! развѣ ты не видишь, какъ ровны эти прекрасныя брови? Можно подумать, что ты причесываешь Коринну, у которой все лице на сторону. Теперь прикалывай цвѣты.... Что это?... не эту пошлую гвоздику! ты выбираешь цвѣты не для блѣдныхъ щекъ Хлоры; только самыя блестящія идутъ къ молодому лицу домины Юліи.

— Тише! сказала госпожа, топнувъ своей маленькою ножкою: ты дергаешь меня за волосы, какъ-будто полешь дурную траву. Я исколю тебя всю булавками, мерзкая раба!

— Глупая тварь! продолжала церемоніймейстерша: развѣ ты не знаешь, какъ нѣжна госпожа наша? Ты убиралась не лошадиныя волосы вдовы Фульвіи! Теперь подавай ленту! Хорошо. Прекрасная Юлія, посмотрите въ зеркало: видали ли вы что-нибудь лучше самихъ себя?

Когда наконецъ, послѣ безчисленныхъ толковъ, затрудненій, отсрочекъ, плетеная башня была окончена, ближайшимъ занятіемъ было дать глазамъ Юліи ту нѣжную томность, которую производили прикладываніемъ къ рѣсницамъ и вискамъ чернаго порошка. Небольшая мушка, вырѣзанная на подобіе полу-мѣсяца, была искусно помѣщена возлѣ розовыхъ губъ,

чтобъ привлечь вниманіе на хорошенькія ямки на щекахъ и на зубы, надъ которыми искусство истощило всѣ свои средства, одно за другимъ, чтобы возвысить необыкновенную природную близну ихъ.

Другой невольницъ, до толъ стоявшей праздно, поручено было надѣть драгоценности, — жемчужныя серьги, по двое на каждое ухо; массивныя запястья, цѣпь изъ колець того же металла, на которой висѣлъ хрустальный талисманъ; на лѣвое плечо, красивую пряжку, въ которой была вставлена отличная камѣя Психей; поясъ изъ пурпуровыхъ лентъ, богато вышитый золотыми полосками и застегнутый переплетшимися змѣями, и наконецъ разныя кольца, на каждый суставъ бѣлыхъ и складныхъ пальцевъ. Туалетъ былъ теперь оконченъ по самой послѣдней модѣ въ Римѣ. Прекрасная Юлія взглянула на себя послѣднимъ взоромъ довольнаго тщеславія, и раскинувшись въ креслахъ, небрежно приказала младшей изъ своихъ невольницъ читать любовныя стихи Тибулла. Чтеніе еще продолжалось, какъ служанка ввела Нидію.

— Vale, Юлія, сказала цвѣточница, остановясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ сидѣла Юлія, и сложа руки на грудь: повинуюсь твоему приказанію.

— Ты хорошо сдѣлала, сказала госпожа: подойди ближе; ты можешь съѣсть.

Одна изъ служанокъ поставила стулъ возлѣ Юліи, и Нидія сѣла.

Юлія нѣсколько минутъ пристально смотрѣла на Тессалійку въ немного затруднительномъ молчаніи, потомъ приказала окружавшимъ удалиться и затворить дверь. Когда онѣ остались однѣ, она сказала, глядя разсѣяннo на Нидію и забывъ, что говоритъ съ такимъ существомъ, которое не можетъ наблюдать расположенія ея духа:

- Ты въ услуженіи у Неаполитанки Іоны?
- Я теперь, при ней, отвѣчала Нидія.
- Такъ ли она хороша, какъ объ ней говорятъ?
- Я не знаю, возразила Нидія: какъ могу я судить?
- Ахъ! я и забыла, что у тебя уши вмѣсто глазъ. Твой подруги невольницы говорятъ ли, что она хороша? Рабы, говоря между собою, забываютъ льстить даже господамъ своимъ.
- Онъ говорили мнѣ, что она прекрасна.
- Мнѣ!.... говорятъ ли, что она высока ростомъ?
- Да.
- Ну, и волосы у нея черные?
- Я такъ слышала.
- У меня тоже. Часто ли у нея бываетъ Главкъ?
- Каждый день, отвѣчала Нидія съ полу-удержаннымъ вздохомъ.
- Каждый день? въ самомъ дѣлѣ? Находитъ ли онъ, что она хороша?
- Надобно думать: скоро будетъ ихъ свадьба.
- Свадьба! вскрикнула Юлія, поблѣднѣвъ несмотря на поддѣльный румянецъ, и встала съ своего мѣста. Юлія долго молчала.
- Говорятъ, что ты Фессалійка, сказала она.
- Точно.
- Фессалія страна Магіи и колдовства, талисмановъ и любовныхъ зелій, сказала Юлія.
- Она всегда славилась своими чародѣями, робко отвѣчала Нидія.
- Такъ не знаешь ли ты, слѣпая Фессалійка, какой-нибудь любовной приманки?
- Я! сказала краснѣя цвѣточница: я! Какимъ же образомъ я?
- Твѣ хуже для тебя; я бы дала тебѣ столько золота, что ты могла бы выкупиться на волю.
- Но что, спросила Нидія, можетъ заставить прекрасную и богатую Юлію дѣлать такой вопросъ слугѣ?

Не обладает ли она богатствами, юностью и прелестью? Развѣ не довольно этихъ приманокъ, чтобы не нуждаться въ магии?

— Для всѣхъ кромѣ одного человѣка въ мѣрѣ, гордо отвѣчала Юлія: но можно сказать, что слѣпота твоя заразительна..... Но что за бѣда!

— И этотъ человѣкъ?.... живо спросила Нидія.

— Не Главкъ, отвѣчала Юлія съ обычнымъ притворствомъ: нѣтъ, не Главкъ!

Нидія стала дышать свободнѣе, и послѣ краткаго молчанія Юлія продолжала: но, говоря о Главкѣ и его привязанности къ этой Неаполитанкѣ, я вспомнила о дѣйствиіи любовныхъ зелий которыя, — почему знать! да и какая мнѣ нужда!— можетъ, она надъ нимъ употребила. Слепая, я люблю, я желала бы видѣть неблагодарнаго у ногъ моихъ; не для того, чтобы поднять, но для того, чтобы отвергнуть его. Когда мнѣ сказали, что ты Фессалійка, я вообразила, что молодой умъ твой наученъ мрачнымъ таинствамъ твоей отчизны.

— Увы, нѣтъ! тихо проговорила Нидія: ахъ, еслибы такъ!

— Благодарю по-крайней-мѣрѣ за доброе желаніе, сказала Юлія, не зная, что происходитъ въ груди цвѣтчицы.

— Но скажи мнѣ, ты слышишь разговоры невольницъ, всегда склонныхъ къ вѣрѣ въ таинственное, всегда готовыхъ употреблять волшебство для своихъ мелкихъ любовныхъ похожденій: не слыхала ли, не живетъ ли здѣсь какой-нибудь Восточный гадатель, которой бы зналъ силу чаръ, тебѣ неизвѣстныхъ? не пустой хиромантикъ, не рыночной шарлатанъ, но болѣе могущественный магикъ Индіи или Египта.....

— Изъ Египта, да, сказала съ робостью Нидія: и какой Помпеецъ не слыхалъ объ Арбакъ?

— Арбакъ?... справедливо! отвѣчала Юлія, хватаясь за напоминаніе. Говорять, что онъ выдѣ всѣхъ мелкихъ и ложныхъ хитростей этихъ пустыхъ обманщиковъ; что онъ свѣдуещъ въ наукѣ звѣздъ и въ таинствахъ древней Ночи: почему бы немогъ онъ знать и таинствъ любви?

— Если есть на свѣтѣ магикъ, который превосходилъ бы въ знаніи всѣхъ прочихъ, такъ это вѣрно страшный Арбакъ, отвѣчала Нидія и ощупывала свой талисманъ, говоря это.

— Онъ слишкомъ богатъ, чтобы колдовать изъ денегъ, продолжала Юлія презрительно: нельзя ли мнѣ посѣтить его?

— Это опасный домъ для молодыхъ и прекрасныхъ! возразила Нидія. Я слышала, что онъ страдаетъ....

— Опасный домъ? сказала Юлія, притворяясь, что слышитъ только первую фразу. Почему же?

— Его ночныя оргіи мерзостны..... по-крайней-мѣрѣ такъ говорятъ слуги.

— Клянусь Церерою, Паномъ, Цибелою, ты болѣе возбуждаешь во мнѣ любопытство нежели страхъ! отвѣчала легкомысленная и неосторожная Помпейка. Я хочу видѣть его и спросить о любви. Если любовь допускается на этихъ пиршествахъ, тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ знаетъ ея тайны.

Нидія не отвѣчала.

— Я хочу видѣть его нынче же, и почему не сейчасъ.

— Днемъ и при томъ положеніи, въ которомъ онъ теперь, тебѣ всего менѣе опасно бы, отвѣчала Нидія, уступая собственному внезапному желанію узнать, не обладаетъ ли дѣйствительно мрачный Египтянинъ какими-нибудь любовными чарами, о которыхъ Тессалійка такъ часто слыхала.

— И кто осмѣлится обидѣть дочь богатаго Диомеда? сказала Юлія горделиво: пойду!

— Можно ли мнѣ будетъ послѣ прийти къ тебѣ, узнать объ успѣхѣ? робко спросила Нидія.

— Поцѣлуй меня за участіе, которое ты принимаешь въ чести Юліи, отвѣчала она: конечно можно! Сегодня вечеромъ мы не дома ужинаемъ; приходи завтра, въ это же время, и ты все узнаешь. Мнѣ можетъ-быть нужно будетъ употребить тебя, чтобы..... Но теперь довольно. Постой, возьми это запястье въ награду за новую мысль, которую ты мнѣ подала; помни, что если ты оказываешь услугу Юліи, она умѣетъ быть благодарною и щедрой.

— Я не могу взять твоего подарка, сказала Нидія, возвращая запястье: но, несмотря на мою молодость, могу принимать участіе въ тѣхъ, кто любитъ, и любить..... безнадежно.

— Ты ли говоришь это? подхватила Юлія: ты судишь какъ свободная, и ты должна быть свободна! Прощай!

Злые люди счастливы на встрѣчи себѣ подобныхъ. Юлія поспѣшила къ Арбаку, говорила съ нимъ, просила у него любовнаго зелья. Съ той поры судьба Главка была въ рукахъ этого Египтянина; но не отъ него получить онъ роковое питье. Арбакъ совѣтовалъ Юліи поговорить съ одной колдуньей, знаменитой своими зельями; онъ предупредилъ ее, самъ поспѣшивъ къ колдунѣ, и, какъ на зло, эта женщина была ненавистницею Главка: онъ ее смертельно оскорбилъ, умертвивъ однажды ея любимую змѣю. Колдунья радостно согласилась на предложеніе Арбака, но она вручить Юліи не отраву, — мщеніе было бы слишкомъ коротко, — но ядъ опасный, который отниметъ у него разсудокъ, сдѣлаетъ его недостойнымъ Юны. Юлія видѣлась съ этой презрѣнной тварью; она уже дома; она держитъ въ рукахъ стклянку, отъ которой ожидаетъ своего благополучія. На другой день Главкъ

долженъ объдать у ея отца: завтра она будетъ любима!

Вдругъ послышался легкій шумъ.— Это ты, Нидія? О, благодареніе безсмертнымъ богамъ! Наконецъ я дома, я вышла изъ этой ужасной пещеры! Какая сцена, какіе страшные напѣвы! Но что объ этомъ говорить. Я достала питье; она ручается за его дѣйствіе. Прекрасный Главкъ вдругъ охладѣетъ къ моей соперницѣ, и я одна буду богинею Главка.

— Главка? воскликнула Нидія.

— Да, Главка: теперь я могу совершенно тебѣ ввернуться. Я люблю этого молодого Грека.

Можно себѣ представить, что должна была чувствовать Нидія! Сердце ея разрывалось, она едва переводила дыханіе. Однако жъ она скоро пришла въ себя, и у ней тотчасъ блеснула мысль, что дѣлать: она уже часто бывала въ Юліиной комнатѣ, и слѣдственно легко могла унести зелье. Любовь надѣляетъ слѣпыхъ ясно-видѣньемъ. Нидія просила, чтобъ ей описали цвѣтъ питья, которое ни запахомъ, ни вкусомъ, не разлилось по-видимому съ обыкновенной водою. Однажды, во время мгновеннаго отсутствія Юліи, она схватила зелье, вылила его въ другую склянку, наполнила Юліину свѣжей водою, положила ее подъ подушку, гдѣ она прежде была, и считала себя на одинъ шагъ отъ верховнаго блаженства.

Это завтра, этотъ обѣдъ, такъ нетерпѣливо жданые, наступили. Общество избранное, но среди котораго Юлія видѣла только своего Главка, пировало у Дюмеда. Юлія удержала Главка дольше всѣхъ гостей, говоря съ нимъ объ его возлюбленной. Она подарила ему ожерелье для Іоны и поднесла кубокъ вина за ея здоровье, но прежде подлила въ него воды, которую вчитала для себя благоприятною. Главкъ осушилъ кубокъ и откланялся Юліи съ сердцемъ, наполненнымъ Іоной. Воротяся домой, онъ нашелъ Нидію, подъ пор-

тикомъ сада. Онъ сказалъ ей нѣсколько нѣжныхъ словъ, жаловался на зной и попросилъ напиться. Рокковой мигъ наступилъ.

Нидія принесла любовное питье, заранѣе приготовленное. Она прислонилась къ стѣнѣ, вмѣсто опоры; лице ея побѣлѣло какъ снѣгъ. Главкъ поднесъ чашу ко рту, онъ уже проглотилъ около четверти всего питья, какъ вдругъ, взглянувъ на Нидію, былъ такъ пораженъ ея перемѣною, что тотчасъ остановился и, держа еще кубокъ, воскликнулъ:

— Нидія, тебѣ дурно? Что съ тобою, дитя мое?

Говоря это, онъ поставилъ чашу, и вскочилъ съ мѣста, чтобы подойти къ ней: вдругъ ему охватило сердце, и въ тотъ же мигъ онъ почувствовалъ какое-то смутное, дикое ощущеніе въ мозгу. Онъ невольно испустилъ громкій и пронзительный хохотъ; онъ былъ уже на краю сумасшествія и этого не подозрѣвалъ.

Нидія не отвѣчала на первый его вопросъ; испуганная, въ ужасѣ, она упала наземь, обнимала его колѣна, и рыдала въ отчаяніи.

— О, говори со мною! скажи, что ты не ненавидишь меня! Говори! говори!

— Клянусь свѣтлою богинею Красоты, прелестная сторона этотъ Кипръ! О, какъ наполняютъ тамъ виномъ вмѣсто крови! Жилы Фавна открыты, чтобы всѣ видѣли, какъ она искрится и кипитъ. Поди сюда, веселый старый богъ! Ты ѣдешь на козлѣ? Какая длинная и шелковистая шерсть на немъ! Онъ лучше всѣхъ скакуновъ въ Парѳин. Но вотъ что скажу тебѣ: вино твое слишкомъ сильно для насъ смертныхъ. Охъ, какъ прекрасно! вѣтви отдыхаютъ! зеленія волны роши поймали Зефира и утопили. Ни малѣйшій вѣтерокъ не тревожить вѣтвей, и я вижу сны, дремлющіе съ сложенными крыльями на неподвижномъ дубѣ; голубая струя сверкаетъ молчаливымъ полднемъ; водометъ бѣсѣтъ вверхъ. О водометъ! тебѣ не погасить лучей

Солнца моей Греціи, какъ ты ни стараешься своими проворными, серебряными руками. И кого я вижу тамъ между деревъ? Она движется какъ лучъ мѣсяца! На головѣ у ней вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ; въ рукахъ опрокинутая ваза, изъ которой она сыплетъ цвѣтныя раковинки и льетъ сверкающія воды. О, взгляни на это лице! взоръ чловѣка не видалъ ничего подобнаго. Смотри, мы одни; мы съ нею одни въ обширной рощѣ. На устахъ ея нѣтъ улыбки; она идетъ важно и легко. Ахъ, бѣги, это нимфа! — одна изъ дикихъ Напей. Кто ее увидитъ, сходитъ съ ума: бѣги! смотри! она замѣтила меня.

— О Главкъ, Главкъ! развѣ ты не узнаешь меня? Не говори такъ странно, ты убьешь меня однимъ словомъ!

Новая переменна казалось произошла въ разстроенномъ умѣ несчастнаго Аѳинянина. Онъ опустилъ руки на шелковистые волосы Ниди, игралъ ея кудрями, внимательно смотрѣлъ ей въ лице, и, — какъ-будто въ цѣпи его мыслей нѣсколько звеньевъ были еще не разорваны, — видѣ ея, казалось, напомнилъ ему Іону; но съ воспоминаніемъ объ ней безуміе его сдѣлалось еще ужаснѣе: оно одушевилось страстью.

— Клянусь Венерою, Діаною и Юноной, что если бѣ я несъ весь міръ на плечахъ, подобно земляку моему Геркулесу, я повергъ бы его въ хаосъ за одну улыбку Іоны! — Ахъ прелестная! обожаемая! присовокупилъ онъ невыразимо страстнымъ и жалобнымъ голосомъ: ты не любишь меня, ты меня отвергаешь! Египтянинъ очернилъ меня передъ тобою: ты не знаешь, сколько ночей проводилъ я подъ окномъ твоимъ, ты не знаешь, сколько разъ я видѣлъ захожденіе звѣздъ, ожидая, что ты встанешь, моя возлюбленная! И ты не любишь, ты оставляешь меня? Не оставляй меня теперь! я чувствую, что жизнь моя не продолжительна: позволь мнѣ смотрѣть на тебя до са-

мой кончины. Я изъ прекрасной страны твоихъ предковъ, я всходилъ на высоты Филе, рвалъ гiацинты и розы между оливковыми рощами Иласса. Ты не должна бы убѣгать меня: отцы наши были братьями. Говорятъ, что этотъ край прелестень, что воздухъ тамъ свѣжъ : но я возьму тебя съ собою.... О утаенный призракъ! зачѣмъ поднимаешься подобно тучѣ между ею и мною? Смерть лежитъ спокойно и страшно на челѣ твоемъ ; на устахъ твоихъ улыбка убійственная ; имя твое Оркъ, но на землѣ называютъ тебя Арбакомъ. Видишь, я знаю тебя! бѣги, мрачная тѣнь, твои чары тебѣ не помогутъ.

— Главкъ, Главкъ! кричала Нидія, выпуская его изъ объятій и падая безъ чувствъ подъ бременемъ отчаянія, раскаянія и страха.

— Кто зоветъ меня? воскликнулъ онъ громко. Юна, это ты! Они похитили ее, но мы спасемъ ее : гдѣ мой кинжалъ? А, вотъ! Иду, Юна, къ тебѣ на помощь, иду, иду!

Сказавъ это, Аэитянинъ однимъ прыжкомъ выско-чилъ изъ портика, прошелъ черезъ весь домъ и побѣжалъ, ворча про-себя, легкими, но не твердыми шагами по улицамъ. Ужасный напитокъ горѣлъ какъ пламя въ его жилахъ, и дѣйствию было можетъ-быть усилено еще виномъ, которое онъ пилъ передъ этимъ. Граждане, привыкшіе къ ночнымъ похождениямъ весельчаковъ, съ насмѣшкою сторонились отъ его не-твердой походки : они, разумѣется, думали, что онъ подъ вліяніемъ Индѣйскаго бога, которому не даромъ поклонялись въ Помпеяхъ ; но кто пристальнѣе смотрѣлъ ему въ лице, тотъ оставался въ невыразимомъ изумленіи и улыбка покидала уста его. Онъ прошелъ самыя многлюдныя улицы и, направивъ шаги свои къ жилищу Юны, очутился въ наименѣе обитаемой части города : онъ вошелъ въ уединенную рощу Ци-белы, гдѣ Апекидъ имѣлъ свиданія съ Олинеомъ.

Арбакъ, нетерпѣливо желая узмать, поднесла ли Юлія пагубное питье его ненавистному сопернику, рѣшился идти къ ней и отвести душу отъ неизвѣстности. Когда онъ проходилъ рощею Цибелы, ему встрѣтился Апекидъ. Апекидъ всегда съ ужасомъ видѣлъ пороки и плутни Изидиныхъ жрецовъ, — служеніе этой богини было тогда въ модѣ въ Италиі, — но послѣ происшествія съ его сестрою, онъ ненавидѣлъ ихъ отъ всей души. Онъ уклонился къ христіанамъ, которые обратили его безъ затрудненія. Онъ втайнѣ посвѣщаль ихъ сходки. Одинъ изъ нихъ, пламенный и набожный Олинъ, даже уговорилъ его открыть народу злодѣйства жрецовъ, и Арбаковы въ особенности. Апекидъ только-что разстался съ этимъ усерднымъ христіаниномъ, какъ имѣлъ несчастіе встрѣтить похитителя сестры своей.

— Гей, Апекидъ! сказалъ Арбакъ: когда мы сошлись съ тобой въ послѣдній разъ, ты былъ моимъ врагомъ. Я желалъ съ тобою видѣться, потому что мнѣ все-еще хотѣлось бы имѣть тебя питомцемъ и другомъ.

Апекидъ возрился на голосъ Египтянина и, вдругъ остановившись, посмотрѣлъ на него самымъ презрительнымъ взглядомъ.

— Мерзкій обманщикъ! сказалъ онъ: такъ ты еще вырвался изъ челюстей Смерти? Но не думай опутать меня опять своими злодѣйскими сѣтями. Я взялъ отъ тебя предосторожности.

— Полно, сказалъ Арбакъ очень тихимъ голосомъ: ты бѣсишься, что я хотѣлъ употребить насиліе противъ твоей сестры. Ты правъ; я горько раскаявался въ моемъ безразсудствѣ. Прости меня, я удовлетворю за оскорбленіе: я прошу твоей сестры въ замужество; отдай мнѣ ее, и вся моя жизнь загладитъ вину одной минуты.

— Египтянинъ! если бы я и согласился, сестръ моей несносенъ даже воздухъ, которымъ ты дышешь; но

мнѣ есть что прощать тебѣ и за себя: я могу простить, что ты сдѣлалъ меня орудіемъ твоихъ обмановъ, но никогда не прощу, что ты завлекъ меня быть пособникомъ твоихъ обмановъ, человѣкомъ безчестнымъ и оскверненнымъ. Тrepещи теперь: я готовлю часть, когда ты и твои лжебоги будутъ выведены наружу; твоя распутная, мерзостная жизнь изоблится передъ свѣтомъ, твои шутовскія пророчанія откроются, капище Изиды пойдетъ въ пословицу, сдѣлается укоромъ, великое имя Арбака будетъ предметомъ омерзѣнія. Тrepещи!

Чело Египтянина покрылось гробовою блѣдностью.

— Апекидъ, сказалъ онъ, что ты это задумалъ? что ты говоришь?

— Я говорю по вдохновенію истиннаго Бога, котораго я теперь рабъ, отвѣчалъ смѣло христіанинъ. Знай, что, по милосердію Его, человѣческое мужество назначило уже срокъ твоему лицезрѣнію и демнопоклонству: тrepещи, злой чародѣй, и прощай!

Всѣ свирѣпыя, отвратительныя страсти зашипѣли змѣями въ сердцѣ Египтянина. Онъ вполне видѣлъ угрожающую опасность; бросилъ вокругъ себя быстрый взглядъ: никого не было. Безмолвіе и удивленіе его искушало, и, только-что молодой христіанинъ повернулся и хотѣлъ итти, Арбакъ вонзилъ ему въ спину острое желѣзо.

Апекидъ упалъ, проколотый до самаго сердца; упалъ безмолвно, не испустивъ даже вдоха.

Арбакъ поглядѣлъ на него съ минуту; потомъ, чувствуя опасность, которой подвергался подлѣ убитаго, хотѣлъ было уйти, какъ увидѣлъ идущаго къ нему молодаго чловѣка, котораго ноги дрожали и подгибались на каждомъ шагу. Лице его было безцвѣтно какъ мраморъ. Египтянинъ узналъ Главка. Злополучный и помѣшанный Грекъ распѣвалъ безсвязную су-

масбродную пѣсню. «О!» подумалъ Египтянинъ, тотчасъ угадавъ причину этого ужаснаго состоянія: «такъ адское питье подѣйствовало? и Судьба послала тебя сюда, чтобъ разомъ сокрушить двухъ непріятелей?»

Когда Главкъ подошелъ къ трупѣ, изъ котораго темная кровь струилась еще по травѣ, это страшное зрѣлище не могло не остановить его, хотя онъ былъ совершенно лишень разсудка. Онъ нагнулся, чтобъ поднять тѣло. Египтянинъ бросился къ нему, толкнулъ его на трупъ христіанина, и началъ кричать изо всѣхъ силъ:

— Эй, граждане, эй! помогите! помогите! сюда! сюда! Разбой! Помогите, нето убійца вырвется.

Слома голову и зафыхавшись сбѣжались со всѣхъ сторонъ нѣсколько гражданъ.

— Подымите это тѣло, сказалъ Арбакъ: да смотрите хорошенько за убійцей.

Они подняли трупъ и къ великому ужасу открыли въ бездыханномъ жреца боготворимой Изиды: но они еще болѣе изумились, узнавъ въ обвиненномъ блгстательнаго, прекраснаго Аѳинянина. Зрители взволновались; нѣкоторые хотѣли вступить за добраго Главка и подозрѣвали самого Арбака въ злодѣяніи. Главка начали распрашивать: его безсвязные отвѣты; его прерывистая рѣчь заставляютъ почитать его виновнымъ.

— Онъ колобродитъ, сказалъ одинъ центуріонъ сострадательно: и въ безумствѣ заколомъ жреца. Всѣ же должно отвести его къ претору. Какая жалость! такой молодой и такой богатый; но велико и преступленіе: шутка ли, убить жреца Изиды въ полномъ облаченіи!

При этихъ словахъ, толпа какъ-бы еще живѣе вспомнила весь ужасъ его злодѣйства. Народъ содрогнулся въ набожномъ трепетѣ.

— Не мудрено, что земля тряслась, нося на себя такого изверга!

— Прочь его! закричали все.

— По его милости звѣрямъ не нужно будетъ гладиатора!

Одинъ женскій голосъ пронзительно раздавался надъ всеми другими.

Главка заключили въ тюрьму. Разсудокъ его скоро возвратился, потому что онъ проглотилъ только часть напитка и она произвела скоролетное дѣйствіе. Онъ зналъ свою безвинность въ преступленіи, которымъ его обременяли, но не имѣлъ ни какого средства оправдаться. Здѣсь, въ этой самой тюрьмѣ, встрѣтился онъ съ христіаниномъ Олинеомъ, который, въ своей ревности, опрокинулъ кумирь Изиды. Отягченный оковами, Главкъ получилъ отъ него первыя наставленія въ христіанствѣ, и хотя не былъ еще убѣжденъ, но душа его радостно упитывалась божественными надеждами и утѣшеніями, неизвѣстными развратной и матеріальной вѣрѣ, которую онъ исповѣдывалъ до тѣхъ поръ, хотя и пополамъ съ презрѣніемъ. Тогда онъ приготовился къ своей участи и ожидалъ ея спокойно. Въ скоромъ времени въ Помпѣе должны были праздноваться игры: комедія Плавта, гладиаторскій бой, сраженіе съ дикими звѣрями, все, что древность представляла веселаго, грознаго, кроваваго, предназначалось къ этому торжеству, котораго все нетерпѣливо ожидали. Объ немъ говорили на улицахъ и въ атриумахъ. Городскіе чиновники давно уже занимались приготовленіями. Не щадили ни какихъ издержекъ. Не доставало только тяжкихъ преступниковъ, чтобъ сражаться со львомъ и съ тигромъ, недавно привезенными изъ Африки: народъ требовалъ ихъ громкими криками. Главка выбрали на долю льву, Олинеа — тигру. Народъ рукоплескалъ выбору.

Между-тѣмъ злополучная Іона отдавала послѣдній долгъ брату и изнемогала отъ отчаянья: она ни минуты не подозрѣвала Главка въ убійствѣ Апекида; она была увѣрена, что виновенъ Арбакъ: но что могла она сдѣлать для избавленія друга? Поглощенная горемъ, занятая похоронными обрядами, она еще не знала, къ чему обрекли ея возлюбленнаго. Исполнивъ родственныя обязанности, она отправилась, въ сопровожденіи своихъ женщинъ, ходатайствовать въ его пользу. Только-что она вышла на улицу, Арбакъ, который подстерегалъ ее и не выпускалъ изъ виду, схватилъ бѣдную Іону, отвелъ ее къ себѣ, заперъ въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ своего обширнаго дома, и здѣсь, обливаясь слезами, терзаемая жестокою неизвѣстностью, она считала часы вдали отъ милаго, ничего не зная о судьбѣ его.

Нидія, бѣдная Нидія, ты была виною Главковыхъ бѣдствій! Тебѣ и пособлять ему: но что можешь ты сдѣлать, несчастная, лишенная зрѣнія? Все, что силенъ былъ изобрѣсти ея умъ, все ясновидѣніе ея души, все, что могла внушить ей любовь, было употреблено, — и тщетно! Въ отчаяніи она бѣжитъ къ Арбаку, проситъ его спасти Главкову жизнь, а злой Египтянинъ, опасаясь даже ея дѣтскихъ усилій, увлекаетъ ее къ себѣ и отдаетъ подъ самый строгій надзоръ невольникамъ.

Главкъ лишился вдругъ всего, что любилъ. Гибель его была неизбежна. Насталъ день праздника. Съ самаго утра безчисленная толпа, жаждущая кровавыхъ удовольствій, собралась въ прекрасномъ амфитеатрѣ Помпеи. Предварительныя игры кончились. За ними слѣдовали гладиаторскіе бои. Кровь струилась по усыпанному пескомъ поприщу; заклады предлагались, проигрывались, выигрывались и опять проигрывались. Народъ былъ упоенъ радостью и выдыхалъ свое грубое веселье раскатами бѣшеннаго хохота и повторительнымъ громомъ восклицаній.

Эдилъ Панса велѣлъ привести звѣрей и преступниковъ.

Главкъ и Олинѣ сидѣли вмѣстѣ въ той мрачной и тѣсной кельи, гдѣ преступники, назначенные звѣрямъ, ожидали страшной и послѣдней борьбы въ этой жизни. Глаза ихъ съ недавнихъ поръ привыкли къ темнотѣ до такой степени, что въ этотъ грозный часъ они могли видѣть другъ друга въ лице: недостатокъ свѣта еще болѣе усиливалъ ихъ мертвую блѣдность. Они однако жъ сидѣли съ поднятымъ, безстрашнымъ челомъ, члены ихъ не тряслись, уста были сомкнуты и тверды. Вѣра одного, гордость другаго, чистая совѣсть обоихъ и можетъ-быть отрада товарищества возвышали жертву на степень героя.

— Постой! Слышишь ты этотъ крикъ? Они рычатъ надъ человѣческой кровью, сказалъ Олинѣ.

— Слышу; у меня ноетъ сердце, но боги меня поддерживаютъ.

— Боги! О, безразсудный юноша! въ этотъ часъ признай только одного Бога. Не училъ ли я тебя въ темницѣ, не плакалъ ли, не молился ли за тебя? Въ моемъ рвеніи, не думалъ ли я болѣе о твоёмъ спасеніи, чѣмъ о моемъ собственномъ!

Главкъ молча опустилъ голову. Онъ чувствовалъ разницу между своимъ мужествомъ и мужествомъ товарища. Язычникъ только не трепеталъ; христіанинъ былъ въ восхищеніи.

Дверь отшатнулась съ скрипомъ; копыта блеснули на стѣнахъ.

— Главкъ, Аѳинянинъ, твоя очередь! сказалъ громкій и чистый голосъ: левъ тебя ожидаетъ.

— Я готовъ, отвѣчалъ Аѳинянинъ. Братъ и другъ, одинъ послѣдній подѣлуй! Благослови меня, и — прости!

Христіанинъ протянулъ руки, прижалъ молодаго язычника къ груди, поцѣловалъ его въ лобъ и въ ще-

ку, зарыдалъ голосомъ, и горячія его слезы градомъ льясь на лице несчастнаго.

— Не унывай, сказалъ Главку одинъ изъ стражниковъ: ты молодецъ, рѣзовъ, хорошо сложенъ. Тебѣ дадутъ оружіе; не отчаявайся, еще можешь побѣдить льва.

Главкъ не отвѣчалъ, но, стыдясь своей слабости, онъ сдѣлалъ судорожное усиліе и одолѣлъ самого себя. Ему вымазали все тѣло, раздѣвъ до нага; оставили только перевязь по чресламъ, дали въ руку кинжалъ — жалкое оружіе! — и повели на поприще.

Тутъ, когда Грекъ увидѣлъ на себѣ глаза многихъ тысячъ, онъ почувствовалъ, что онъ не смертный. Вся очевидность страха исчезла. Въ гибкой красотѣ его членовъ, въ его напряженномъ но не пасмурномъ челѣ, въ высокомъ презрѣніи, въ непокорномъ духѣ, который весь былъ наружъ, который говорилъ громкимъ голосомъ, въ его осанкѣ, въ его устахъ, въ его глазахъ, — во всемъ являлся онъ живымъ воплощеніемъ Греческой храбрости, — герой и вмѣстѣ богъ Олимпа.

Говоръ ненависти и содроганія надъ его злодѣйствомъ, которымъ встрѣтили его при входѣ, замеръ въ безмолвіи невольнаго удивленія и сострадающей почтительности.

— Клянусь Венерой, онъ чудо собою! говорили древнія дамы. Какъ бросать такого мужчину звѣрямъ!

Вниманіе зрителей обратилось на темный, неуклюжій предметъ въ срединѣ поприща. То была львиная клетка. Звѣрю не давали ѣсть цѣлыя сутки, и все утро онъ обнаруживалъ странное безпокойство, которое зритель приписывалъ позыву на голодъ. Однако жъ въ звѣрь замѣчалось болѣе страха нежели бѣшенства; его ревъ былъ страждущъ и жалобенъ; онъ опускалъ голову, вдыхалъ воздухъ сквозь рѣшетку,

ложился, вскакивалъ, и опять издавалъ свои дикіе и громкіе рыки.

Уста эдителя дрожали, щеки покрылись блѣдностью: онъ боязливо смотрѣлъ кругомъ, колебался, откладывалъ; народъ начиналъ терять терпѣніе. Медленно далъ онъ знакъ; смотритель, который стоялъ позади кѣлти, осторожно отнялъ рѣшетку, и левъ выпрыгнулъ на волю съ страшнымъ и радостнымъ ревомъ освобожденія. Смотритель поспѣшно удался съ поприща особымъ обгороженнымъ выходомъ, и оставилъ царя лѣсовъ глазъ-на-глазъ съ его добычей.

Главкъ сталъ въ самое твердое положеніе, и ждалъ его скачка съ поднятымъ вверхъ свѣтлымъ кинжалцемъ и съ слабой надеждою, что мѣткій ударъ пройдетъ врагу его въ мозгъ сквозь глазную впадину.

Но къ невыразимому удивленію всей толпы, звѣрь какъ-будто не примѣчалъ преступника. Въ первый мигъ своего освобожденія онъ вдругъ остановился на поприщѣ и поднялся на дыбы, жадно вбирая верхній воздухъ; но потомъ бросился въ сторону, и не на Аѳинянина. Рысью кружилъ онъ около поприща, вертя огромной головою изъ стороны въ сторону съ боязливымъ, тревожнымъ взоромъ и какъ-бы ища только выхода, чтобъ убѣжать. Раза два старался онъ перепрыгнуть чрезъ заборъ, отдѣлявшій его отъ зрителей, и, не успѣвая въ этомъ, издавалъ не ужасный, не царственный ревъ, а глухой вой и стenanія. Онъ не обнаруживалъ ни какого признака ярости или голода; хвостъ его тащился по песку, вмѣсто того чтобъ хлестать осунувшіяся ребра, и глаза, хотя иногда обращались на Аѳинянина, безопасно переходили опять на другіе предметы. Наконецъ, какъ-бы утомившись попытками къ уходу, онъ съ воемъ воротился въ свою кѣлть и легъ на отдыхъ.

Первое изумленіе общества, причисленное кротостью льва, скоро перешло въ негодованіе на его тру-

сость, и чернь, забывъ все состраданіе къ судьбѣ Главка, досадовала только на неудачу травли.

Эдиторъ закричалъ смотрителю:

— Что это значить? Возьми хлысть, выгони его вонъ и затвори клятку.

Но въ это мгновеніе подземный ударъ заставилъ по-выскакать съ лавокъ всѣхъ зрителей.

— Это чудо! воскликнули многіе голоса.

— Боги ознаменовали свое могущество! вопили другіе: вѣрно, этотъ человекъ невиненъ.

Но большая часть кричала:

— Это обманъ! Льва кормили! Раздразните льва! На крестъ смотрителя! на крестъ! Распятъ его сейчасъ!

Напрасно повелѣвалъ эдиль, напрасно преторъ возвышалъ голосъ, напоминая о законѣ. Народъ разсвирѣпѣлъ отъ кровавыхъ зрѣлищъ; онъ жаждалъ крови: суевѣрію помогало звѣрство. Воспламененная видомъ жертвъ, чернь забыла власть своихъ правителей. Вспыхнуло одно изъ тѣхъ страшныхъ волненій, которыя такъ обыкновенны между толпами невѣждъ, полусвободныхъ и полу-рабствующихъ, и которыя такъ часто случались въ Римскихъ провинціяхъ по особености ихъ учреждений. Власть претора гнулась какъ тростникъ отъ вѣтра; однако жъ, по его волѣ, стражи построились вдоль нижнихъ лавокъ, на которыхъ сидѣли высшія сословія отдѣльно отъ черни. Эта стража была слабой преградой; волны народнаго моря пріостановились на одинъ мигъ. Наступила минута безмолвія.

— Смотрите! воскликнулъ громовой голосъ изъ толпы: смотрите, какъ боги покровительствуютъ невинныхъ! Огни мстительнаго Орка возстаютъ противъ обвинителей!

Глаза толпы увидѣли съ невыразимой боязнью страшный дымъ, подымавшійся съ вершины Везувія въ видѣ исполинской сосны: лѣсина вся черная, въ-

тви какъ огонь, который ежеминутно мѣнялся въ своихъ отбѣнкахъ и переливалъ, то ярко вспыхивая, то замирая, и чуть краснѣя въ отдаленіи, и потомъ опять страшно озаря окрестность.

Царствовала мертвая, глубокая тишина, какъ вдругъ раздался лъвиный ревъ и изъ внутренности зданія отвѣчалъ ему болѣе пронзительный и свирѣпый крикъ другаго звѣря. Страшно предчувствовали они тягость атмосферы и предрекали наступающее бѣдствіе!

Между женщинами поднялись всеобщіе вопли; мужчины смотрѣли другъ на друга въ оиѣмѣніи. Въ этотъ мигъ земля затряслась подъ ихъ ногами; стѣны театра задрожали, и вдали послышался трескъ падающихъ кровель; еще мгновение, и нагорное облако ринулось къ нимъ, черное, и быстрое какъ потокъ, извергая изъ себя дождь пепла съ преобладающими обломками горящихъ камней. На виноградникъ, придавленный къ землѣ, на опустѣвшія улицы, на самый амфитеатръ, на все видимое пространство сыпался этотъ страшный дождь, при грозныхъ всплескахъ волнующагося моря.

Народъ уже забылъ и думать о звѣряхъ и преступникахъ: собственная безопасность была мыслию всѣхъ и каждаго. Всякой бѣжалъ прочь, толкая, тесня, давя другаго. Упавшихъ топтали безъ всякой осторожности; среди стоновъ, проклятій, просьбъ и незапныхъ воплей огромная толпа прорывалась изъ многочисленныхъ выходовъ. Куда бѣжать? Нѣкоторые, опасаясь вторичнаго удара, опрометью спѣшили по домамъ, забрать драгоценнѣйшее имущество и уйти, пока еще время; другіе боялись пепельнаго дождя, который ливнемъ лилъ на улицы, и прятались подъ крыши ближайшихъ домовъ, храмовъ, навѣсовъ. Но всё чернѣе, всё больше, всё грознѣе густѣла надъ ними

страшная туча. Незапная, могильная ночь опустилась вдругъ на царство полудня!

Изумленный своимъ спасеніемъ, сомнѣваясь во снѣ ли онъ или на яву, Главкъ былъ перенесенъ приставами поприща въ углубленіе одной изъ стѣнъ театра. Они накинули на него широкое платье и столпились кругомъ, дивясь и поздравляя его съ избавленіемъ. Благородное сердце Главка тотчасъ вспомнило объ Олинѣ. Онъ тоже былъ спасенъ отъ тигра рукою боговъ: неужели предоставить его новому, не менѣе ужасному роду смерти? Главкъ спѣшить по переходамъ, отыскиваетъ келью христіанина. Олинѣ стоялъ на колѣняхъ и молился.

— Встань! встань! другъ мой. Спасайся, и бѣги! Смотри! сама природа твой грозный избавитель!

Онъ вывелъ изумленного христіанина, указалъ на тучу, которая надвигала мрачнѣе и мрачнѣе, извергая градъ пепла, золы и пемзы, и приглашалъ вслушаться въ крики бѣжащей толпы.

— То рука Божія! Хвала Всевышнему! сказалъ набожно Олинѣ.

— Бѣги! ищи своихъ! Старайтесь спастись. Прости!

Олинѣ не отвѣчалъ. Высокія, торжественныя мысли поглощали его душу, и въ восторгъ онъ скорѣе славилъ милосердіе Божіе, чѣмъ трепеталъ передъ знаменемъ его силы.

Наконецъ онъ всталъ и поспѣшилъ, едва вѣдая куда.

Многочисленные служители Главка, бывшіе тоже на играхъ, окружили его при выходѣ изъ амфитеатра. Среди ихъ радостныхъ криковъ и всеобщаго безпорядка онъ узнаетъ объ участи Юны. Онъ ринулся какъ левъ, кипя бѣшенствомъ, и полетѣлъ стрѣлою по печальнымъ и опаснымъ улицамъ прямо къ дому Арбака — освободить, спасти ее! Немногіе рабы, которыхъ Египтянинъ оставилъ у себя дома, отправляясь съ прочими въ амфитеатръ, не могли сопротивляться

вооруженной толпѣ Главка, и когда настало изверженіе, они забились отъ страха въ самыя внутреннія убѣжища. Даже высокій Эѳіопъ бросилъ свое мѣсто, у дверей, и Главкъ прошелъ черезъ всѣ обширныя сѣни, не встрѣтивъ ни одного человѣка, отъ кого бы узнать, гдѣ комната Іоны. Между-тѣмъ мгла, покрывавшая небо, усиливалась съ такой быстротою, что онъ едва видѣлъ куда итти. Увитыя цвѣтами колонны какъ-будто дрожали и колебались, и онъ безпрестанно слышалъ, какъ пепель и камни съ грохотомъ сыпались въ непокрытый перистиль. Не переводя дыханія, шелъ онъ впередъ и громко звалъ Іону по имени; вдругъ на концѣ одной галереи послышался голосъ, — то былъ ея отзывъ! Броситься, сломать дверь, схватить Іону въ объятія, бѣжать съ ней изъ дому казалось ему дѣломъ одной минуты. Только выбрался онъ на улицу, бѣдная Нидія уцѣпилась къ нему за руку: она слышала его голосъ и поджидала у дверей, радуясь своему открытію, трепеща, называя его сладостнымъ именемъ господина, и все-таки ревнуя, — ревнуя даже и въ этотъ мигъ! Тогда послышался голосъ Арбака, который шелъ за своимъ богатствомъ и за Іоной, чтобъ спастись съ ними изъ Помпей, обреченной на гибель. Но воздухъ былъ уже такъ густъ и мраченъ, что враги не видали другъ друга, даже вблизи; только Главку мелькнула въ потьмахъ струя бѣлоснѣжной ризы Египтянина.

Тѣ трое спѣшили далѣе. Увы, куда? Они уже ни на шагъ не видѣли передъ собою; мгла сдѣлалась совершенною. Ужасъ и сомнѣніе овладѣли ими, и смерть, отъ которой Главкъ избавился, казалась ему только измѣненной и умножившею число своихъ жертвъ.

Между-тѣмъ языческіе жрецы обирали въ храмахъ золотые сосуды и прочія драгоценности, чтобы унести ихъ и распродать. Народъ бѣжалъ съ прокля-

тихи и печальными воплями. Женщины въ слезахъ, дѣти раздавленныя колесами, старики растоптанныя лошадыи, рабы омывающіе въ крови господъ язвы долго терпѣвныя оскорбленій, дикія толпы, грабящія дома богатыхъ подъ предлогомъ пособія, — вотъ ужасныя картины, которыя повсюду освѣщались длинными молніями волкана, при каждомъ ихъ взблескѣ.

Земля трещала въ основаніяхъ; воздухъ гудѣлъ безпрестаннымъ, оглушительнымъ громомъ, и среди всѣхъ этихъ ужасовъ гора извергала кипятокъ исполянскими столбами.

Вдругъ страшный градъ полугорящаго пепла палъ прямо къ ногамъ несчастныхъ путниковъ. Въ темнотѣ ничего не было видно, но слышался всеобщій вопль и стонъ.

Одинъ изъ гибельныхъ потоковъ волкана, смѣшанный съ обломками горѣлыхъ скалъ, излилъ всю свою ярость на цѣлую часть города: тамъ раздался крикъ смерти, — потомъ воцарилось безмолвіе вѣчности!

Пепелъ валился всё сильнѣе и сильнѣе; груды его подымались высоко, и удушливыя, смертоносныя пары медленно тянулись изъ нихъ клубами. Воздухъ становился нестерпимымъ и зловреднымъ. Несчастныя едва могли дышать; въ отчаяніи, хотятъ они бѣжать далѣе, пепелъ завалилъ нѣкоторыя проходы, а тамъ съ крикомъ отступаютъ они отъ кипучей лавы.

Скоро улицы опустѣли; толпы разсѣялись по убѣжищамъ; жупельныя рѣки и зола наполняли низменныя части города; но кое-гдѣ то слышались шаги бѣгущихъ, которые чуть брели въ золь, то видѣлись ихъ блѣдныя, безумныя лица при синеватомъ блескѣ молніи или при мелькающемъ, тускломъ мерцаніи факеловъ, которыми они старались освѣщать себѣ дорогу. Но, повременамъ, кипящая вода, пепельная выюга или таинственный, порывистый вѣтръ угашали эти блуж-

дающіе огни и , съ ними , послѣднюю надежду тѣхъ , кто ихъ несъ .

Въ улицѣ , ведущей къ Геркуланеуму раздался голосъ среди мглы : « Если бы мнѣ выбратъся въ поле , вѣрно я нашель бы нѣсколько повозокъ , а до Геркуланеума недалеко . Благодареніе Меркурію ! у меня мало , чего потерять , да и это малое со мною . »

— Эй ! помогите , помогите ! кричалъ жалобный и боязливый голосъ . Я упалъ , факель погасъ , рабы меня кинули : я Діомедъ ; десять тысячъ сестерціевъ , кто мнѣ поможетъ !

Въ тотъ же мигъ первый изъ этихъ двухъ людей почувствовалъ себя пойманнымъ за ногу .

— Злосчастье на тебя ! дуракъ , пусти меня !

— О , помоги , дай мнѣ руку !

— На , вставай .

— Это Клодій ? Куда ты ?

— Къ Геркуланеуму .

— Благословеніе богамъ ! намъ съ тобой по дорогѣ .

Отчего не укрыться въ моей виллѣ ? Ты знаешь , подъ нею длинный рядъ погребовъ : пепель не можетъ туда проникнуть . Но гдѣ дочь моя ?... Юлія ! Юлія !

Страшный трескъ горы , разорванной пламенемъ , заглушилъ его голосъ . Послѣ этого грохота , ужаснѣе ста громовъ вмѣстѣ , въ воздухѣ настала небольшой промежутокъ спокойствія .

Фонарь на городскихъ воротахъ мелькалъ ясно издали : бѣглецы торопились , достигли воротъ и прошли мимо часоваго . Молнія сверкала по гробовому его лицу и по ясному шлему ; но важныя его черты не утратили обычнаго выраженія . Онъ стоялъ прямо и неподвижно на своемъ мѣстѣ , стоялъ одинокъ среди грозной борьбы стихій . Его долгъ не позволялъ ему сойти съ часовъ для спасенія своей жизни .

Туча , которая превратила дневной свѣтъ въ глубокую мрачность , сдѣлалась твердою , непронцаемою

толщею. Темнота не столько имѣла сходства съ густѣйшимъ мракомъ ночи на открытомъ воздухѣ, сколько съ черною, совершенно безпрозрачною мглою тѣсной комнаты. Но съ возрастаніемъ тмы, усиливался и блескъ молній, которыми сверкалъ Везувій. Ужасная красота ихъ не ограничивалась обыкновенными оттѣнками огня : ни какая радуга не можетъ сравниться съ ихъ разнообразными и роскошными цвѣтами. То ярко-голубыя, какъ лазурныя глубины южнаго неба, то болотно-зеленыя, виющіяся тамъ и сямъ, какъ клубы огромной змѣи, то багровыя, разсѣкающія дымъ кровавыми струями и озаряющія весь городъ, то вдругъ переходящія въ смертную блѣдность, они измѣнялись какъ призраки и наводили невольный ужасъ своими превращеніями.

Въ промежуткахъ паденій пепла раздавался подземный гулъ вмѣстѣ съ ревомъ бушующаго моря ; и гораздо тише, доступный только уху чуткой боязни, слышался шумъ и свистъ паровъ, которые вырывались изъ горныхъ разсѣлинъ. Иногда туча какъ-бы отдѣлялась отъ своей толщи и, раздираемая молніями, принимала видъ огромныхъ человѣческихъ или чудовищныхъ очертаній, которыя прорѣзывали мракъ, преслѣдовали одно другое и быстро исчезали въ безпредельной безднѣ темноты : въ глазахъ и воображеніи устрашенныхъ путниковъ эти пары были настоящими исполинами, клеветами ужаса и смерти.

Зола во многихъ мѣстахъ была уже по-колѣно, и кипучія изверженія волкана пробирались во внутренность домовъ, распространяя сильный и удушливый запахъ. Мѣстами, страшные обломки скалъ, упавъ на крыши, покрывали улицы развалинами, которыя все болѣе и болѣе загрозозжали дорогу ; колебаніе земли становилось часъ-отъ-часу чувствительнѣй ; ступня какъ-будто скользила и ползла ; ни колесни-

цы, ни повозки, нельзя было удержать въ неподвижности даже на самомъ ровномъ мѣстѣ.

Иногда самые огромные камни, ударяясь одинъ о другой разлетались въ безчисленные дребезги и издавая искры, зажигавшія все горючее на пути своемъ. На равнинахъ, повыше города, темнота представлялась ужасная противоположность: во многихъ домахъ, и даже въ виноградныхъ садахъ, засвѣтился пожаръ, и мѣстами одинокіе огни грозно рисовались на черномъ полотнѣ мрака.

Часто, при мгновенномъ свѣтѣ зажженныхъ, но скоро гаснущихъ, факеловъ, толпы бѣглецовъ встрѣчались между собою: одни спѣшили къ морю, другіе оттуда. Океанъ быстро отступилъ отъ берега, совершенная темень лежала надъ нимъ, и на его грозные, стѣнящіе валы пепель и камни сыпались еще неизбежнѣе чѣмъ на городскія улицы, заслоненныя домами. Дикія, обезумленныя, объятые сверхъестественнымъ страхомъ, эти толпы встрѣчались, не имѣя досуга перемолвиться, посоветоваться, предостеречь другъ друга однимъ словомъ: зола и камни падали часто, хоть и не непрерывно; гасили огни, освѣщавшіе каждой тлѣть мертвыя лица другой, и заставляли всѣхъ искать убѣжища подъ ближайшей кровлею. Всѣ стхіи гражданственности распались на части. Повременамъ, при мерцаніи факеловъ, вы увидѣли бы вора, рядомъ съ высокими городскими властями, отягченнаго нежданной добычею и дрожащаго надъ ней какъ надъ собственнымъ достояніемъ. Если въ потмахъ жена разлучалась съ мужемъ, родители съ дѣтьми, тщетно было надѣяться свиданія. Каждый бѣжалъ какъ слѣпой, самъ не зная куда. Во всемъ разнообразномъ и многосложномъ механизмѣ общественной жизни не осталось ничего кромѣ первичнаго закона самосохраненія!

Посреди этого грознаго зрѣлища шель молодой Аэинянинъ съ Юною и слѣпою дѣвушкой. Вдругъ нѣсколько сотъ человекъ бросилось мимо ихъ на пути къ морю. Нидія оторвалась отъ Главка, котораго быстро увлекли съ Юною впередъ, и когда толпа уже прошла, Нидія всё не являлась. Главкъ громко звалъ ее по имени. Отвѣта не было. Они воротились тѣмъ же слѣдомъ, но тщетно; они ея не отыскали: очевидно, что людской потокъ увлекъ ее въ противоположную сторону. Подруга ихъ потерялась! А до сихъ поръ она была ихъ проводницей. Слепота приучила ее къ подобному положенію. Навыкнувъ ходить по извилинамъ города среди всегдашней ночи, она вела ихъ прямо къ морскому берегу, съ котораго они рѣшились искать спасенія. Теперь куда имъ было обратиться? Вездѣ та же неизвѣстность и та же темень. Усталые, безнадежные, въ безпамятствѣ, они однако жъ пошли далѣе, осыпаемые пепломъ и при свѣтѣ искръ, которыя сверкали изъ-подъ дробившихся камней.

— Увы, увы! проговорила Юна: я не въ силахъ идти далѣе; ноги вязнуть въ ѣдкой золѣ. Бѣги, другъ мой! бѣги, мой милый! предоставь меня моей участи!

— Невѣста! жена! смерть съ тобой лучше жизни въ разлукѣ! Куда, ахъ, куда идти намъ въ этой темнотѣ? Кажется, что мы только кружились и пришли теперь туда же гдѣ были за часъ передъ этимъ.

— Боги! камень раздробилъ крышку у насъ надъ головой. Бѣда идти по улицѣ!

— Благостовенная молнія! Смотри, Юна, смотри! портикъ храма Фортуны передъ нами. Заполземъ туда; онъ предохранитъ насъ отъ пепла.

Онъ взявъ свою любезную на руки и съ трудомъ добрался до храма. Онъ отнесъ ее въ самую отдаленную и укрытую часть портика и склонился надъ нею, чтобъ собственнымъ тѣломъ защитить ее отъ молній

и отъ пепла. Изящность и самоотверженіе любви могли осчастливить собою и эту бѣдствениую годину.

— Кто здѣсь? спросилъ глухимъ и дрожащимъ голосомъ кто-то, предварившій ихъ въ этомъ убѣжищѣ. Да все равно! при истребленіи міра не до того, чтобъ разбирать друзей и недруговъ.

Иона обернулась на звукъ этого голоса и съ слабымъ воплемъ укрылась въ объятія Главка; онъ посмотрѣлъ въ ту же сторону и узналъ причину ея испуга. Впотмахъ сверкали два огненные глаза: молнія освѣтила храмъ, и Главкъ съ содраганіемъ увидѣлъ льва, которому былъ предназначенъ въ жертву, а за нимъ, и не вдалекъ, лежала исполинская фигура гладиатора Нигера, который вовсе не подозрѣвалъ такого сосѣдства.

Эта молнія обмчила и звѣря и человѣка другъ передъ другомъ; но въ обоихъ инстинктъ былъ умерщвленъ. Левъ даже подползалъ всё ближе къ гладиатору, какъ-бы для товарищества, и гладиаторъ не отступалъ и не боялся. Переворотъ природы уничтожилъ влостепенные страхи и разорвалъ обычную связь ея.

Купа мужчинъ и женщинъ, съ факелами, проходили мимо храма. Они принадлежали къ обществу Назарянъ, и хотя выспреннее, неземное чувство не умертвило въ нихъ благоговѣйнаго ужаса, но по-крайней-мѣрѣ устранило ощущеніе боязни. Они долго думали, по повѣрью первыхъ христіанъ, что послѣдній день уже близко: теперь они вообразили, что онъ наступилъ.

— Горе! горе! кричалъ старшій изъ нихъ пронзительнымъ голосомъ. Господь нисходитъ творить страшный судъ! Онъ посылаетъ съ неба огонь передъ глазами человѣковъ! Горе вамъ, сильные и могущественные! Горе вамъ, ходящіе съ фащами и въ багрянницахъ! Горе идолопоклоннику и обожателю звѣрей! Горе вамъ, проливающимъ кровь святыхъ мучениковъ и ликующимъ надъ смертными истязаніями сыновъ

Отца Небеснаго. Горе любодѣйкъ, рожденной моремъ!
Горе! горе!!.....

Громкимъ и глубокимъ хоромъ эти люди оглашали воздухъ, повторяя: «Горе любодѣйкъ, рожденной моремъ! Горе! горе!»

Назаряне медленно шли далѣе, факелы ихъ еще мелькали, раздуваемые вѣтромъ, ихъ голоса еще пѣли угрозы и торжественныя предостереженія, пока они не скрылись въ изгибахъ улицы и въ темнотѣ, и мертвое безмолвіе не водворилось опять надъ окрестностью.

Въ одинъ изъ тѣхъ частыхъ промежутковъ, когда пепель переставалъ падать, Главкъ ободрилъ Іону пуститься въ путь. Когда они стояли въ сомнѣніи на послѣдней ступени портика, мимо брелъ старикъ, съ мѣшкомъ въ правой рукѣ и опираясь на юношу. Молодой человѣкъ несъ факель. То были отецъ и сынъ, — одинъ скупецъ, другой расточитель.

— Батюшка, сказалъ сынъ, если не можешь идти скорѣе, я долженъ тебя оставить, или мы оба погибнемъ!

— Бѣги, сынъ мой, и покинь своего старика.

— Неужли мнѣ бѣжать для того, чтобъ умереть съ голоду? Дай мнѣ свой мѣшокъ съ золотомъ!

И молодой человѣкъ ухватился за мѣшокъ.

— Несчастный! ты хочешь ограбить отца?

— Э! кому теперь объ этомъ говорить? Погибни, скряга!

Молодой повергъ старика наземь, вырвалъ у него мѣшокъ и побѣжалъ съ пронзительнымъ крикомъ.

— О, Боги! воскликнулъ Главкъ: слѣпы вы что ли въ темнотѣ? Не мудрено, если такія злодѣяства вовлекутъ и безвиннаго въ одну погибель съ преступнымъ. Іона, пойдѣмъ! пойдѣмъ!

Подвигаясь ощупью, Іона и ея милый продолжали свой безвѣстный путь. Въ минуты, когда вулканическія молніи освѣщали улицу, они руководствовались

ими въ дальнѣйшемъ направленіи: но зрѣлище, которое представлялось имъ при этомъ свѣтъ, ни сколько не могло ободрять ихъ. Тамъ, гдѣ зола лежала сухая и не смѣшанная съ потоками, извергаемыми горой, почва была покрываема близкою прокаженія и смерти. Въ другихъ мѣстахъ пепелъ и камни лежали горами, изъ-подъ которыхъ видѣлись полусокрытые члены задавленныхъ и разможенныхъ бѣглецовъ. Стоны умирающихъ прерывались дикими визгами женской боязни, которые слышались то вблизи, то вдали, и раздавались въ совершенной темнотѣ, были еще ужаснѣе отъ чувства безпомощности и неизвѣстности, въ которыхъ каждый себя видѣлъ; но среди всего этого явственно отдѣлялись разнообразныя свисты и шумы роковой горы, ея стремительныя вѣтры, ея крутящіеся потоки и повременамъ взрывъ и грохотъ болѣе яростныхъ и страшныхъ изверженій. И только вѣтеръ съ воемъ подымался на улицахъ, неслись тучи горячей пыли и такіе зловредныя и ядовитыя пары, которые вмигъ прерывали дыханіе и лишали чувства; а потомъ быстрый разливъ остановленной крови производилъ трепеть изнеможенія во всѣхъ жилахъ.

— О Главкъ! другъ мой.... ты мой.... возьми меня къ себѣ въ объятія! Одинъ поцѣлуй!.... дай мнѣ почувствовать около себя твои руки, и дай мнѣ умереть.... Я больше не въ силахъ!

— Ободришь хоть для меня, для моей жизни, милая Юна! Жизнь моя связана съ твоей..... Видишь, здѣсь факелы! Смотри, какъ они сопротивляются вѣтру. А! они выдержали его порывы.... Вѣрно, бѣглецы спѣшать къ морю: пойдемъ за ними.

Какъ бы въ одушевленіе любовникамъ и вѣтеръ и пепелъ пріостановились; воздухъ былъ чрезвычайно тихъ, гора казалась спокойною, быть-можетъ скопляя ярость для слѣдующаго взрыва: факелоносцы быстро двигались впередъ. «Мы приближаемся къ морю,» го-

ворилъ спокойнымъ голосомъ челоуѣкъ, шедшій первымъ. «Свобода и богатство каждому рабу, который переживетъ этотъ день! Смѣле! Говорятъ вамъ, что сами боги удостовѣрили меня въ избавленіи. Впередъ!»

— Пойдемъ, пойдемъ, Иона! съ этими людьми: мы спасемъя вмѣстѣ съ ними.

Онъ уже хотѣлъ увлечь ее. Надежда избавленія и блаженства улыбулась имъ обоимъ. Багровый отсвѣтъ факеловъ вполне озарилъ Главка и Иону, которая, трепеща и въ изнеможеніи, лежала у его груди. Нѣсколько рабовъ несли грузныя корзины и сундуки; передъ ними съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ, выступала рослая фигура — Арбака.

Главкъ отвернулся въ ужасѣ, и побѣжалъ съ Ионой въ рукахъ по улицѣ, которая была еще очень освѣщена. Вдругъ мрачная тѣнь налегла на воздухъ. Главкъ невольно взглянулъ на гору, и, что же! — одинъ изъ двухъ исполинскихъ гребней, на которые распалась ея вершина дрожалъ и колебался во всѣ стороны; потомъ, напутствуемый гуломъ, котораго силы не выразить ни какой языкъ, онъ рухнулъ съ своего горящаго основанія и ринулся огненною лавиной по скатамъ волкана. Въ тотъ же мигъ изверглась цѣлая бездна чернаго дыма и облегла своими клубами воздухъ, море и землю.

Пепельный дождь шелъ чаще и чаще, — гораздо сильнѣе прежняго, и распространялъ по улицамъ новое опустошеніе. Темнота опять одѣла ихъ непроницаемой пеленою, и Главкъ, котораго благородное сердце изнемогло въ отчаяніи, упалъ подъ защиту одной арки: сжавъ Иону въ своихъ объятіяхъ, онъ рѣшился умереть съновобрачною на этомъ ложѣ изъ развалинъ.

Между-тѣмъ Нидія, разлученная толпой съ Главкомъ и Ионою, тщетно старалась отыскать ихъ. На-

прасно възвышала она свой жалобный голосъ, которыми такъ отличаются слѣпые; онъ терялся въ тысячь другихъ криковъ болѣе себялюбиваго ужаса. Нѣсколько разъ возвращалась она къ тому мѣсту, гдѣ они разстались, но не находила своихъ товарищей, хватала каждаго прохожаго, спрашивала о Главкѣ и получала одни толчки отъ нетерпѣнія, свойственнаго отчаянью. Кто въ этотъ мигъ уберегъ хоть единую душу для ближняго? Въ картинахъ всеобщаго ужаса быть-можетъ всего ужаснѣе необычайное себялюбіе, которое онъ пораждаеть. Наконецъ Нидія остановилась на той мысли, что, такъ какъ между ними было рѣшено итти къ морскому берегу, ей всего лучше искать товарищей въ этомъ направленіи. Ощупывая дорогу посохомъ, который всегда носила съ собою, она съ немовѣрною ловкостью умѣла обходить развалины и брела прямо къ морю.

Бѣдная дѣвушка, какъ прекрасно было ея мужество! И судьба казалось благоприятствовала безпомощной. Кипящіе потоки ея не тронули; обломки горьлыхъ камней разбивали мостовую передъ нею и подлѣ нея, но щадили это слабое созданіе; а когда зола сыпалась на нее частымъ дождемъ, она отряхивалась и отважно пускалась далѣе.

Слабая, окруженная опасностями, но безстрашная и поддерживаемая однимъ желаніемъ, она была настоящей эмблемою Психеи въ ея странствіяхъ, эмблемой Надежды, идущей по долинь тѣни, эмблемою души, одинокой но не теряющей мужества среди опасностей и сътей жизни!

Однако путь ея безпрестанно затруднялся толпами, которыя то брели ощупью въ темнотѣ, то бѣжали стремглавъ при мгновенномъ свѣтѣ молній: вдругъ наскочила на нее толпа съ факелами, и бѣдняжка упала.

— Какъ! сказалъ одинъ изъ толпы: это добрая слепенькая? Клянусь Вакхомъ, не оставлю ея здѣсь погибнуть! Встань, Фессалійка! Ну вотъ! Что ты, ушиблась? Добро! Пойдемъ съ нами; мы къ берегу.

— О Саллюстій! Это твой голосъ! Благодареніе богамъ!..... Главкъ! Главкъ! Видѣлъ ты друга своего Главка?

— Нѣтъ! Онъ теперь вѣрно ужъ за городомъ. Боги, спасшіе его ото льва, спасутъ и отъ горы огненной.

Ободря такимъ образомъ Нидію, добрый эпикуреецъ велъ ее съ собою къ морю, не слушая ея страстныхъ моленій, чтобъ остановиться и поискать Главка. Съ выраженіемъ отчаянья произносила она громко это любезное имя, которое, и среди рева стихій, было усладительной музыкой для ея сердца.

Внезапное освѣщеніе, страшное изверженіе потоковъ лавы и подземный ударъ, которые я уже вамъ описывалъ, случились въ то время, какъ Саллюстій и его товарищи достигли прямой дороги, отъ города къ пристани, и здѣсь они были остановлены безчисленною толпою болѣе чѣмъ полу-населенія всего города. Народъ тысячами разсыялся по полю внѣ стѣнъ, не зная куда бѣжать отъ бѣдствія. Море отошло отъ берега, и тѣ, кто туда прибѣжалъ, были такъ испуганы его бушеваніемъ и сверхъестественной борьбою стихій, страшными чудищами, которыя отхлынувшія волны оставили наружъ, и шумомъ камней, которые падали въ воду изъ горы, что воротились къ сушѣ, какъ менте ужасному зрѣлищу. Такимъ образомъ сперлись тутъ два народныя теченія, — одно къ морю, другое оттуда, находя печальное утѣшеніе въ своей многочисленности и стоя въ отчаяніи, въ недоумѣніи.

— Миръ истребитъ огнемъ, сказалъ одинъ старикъ въ длинной, широкой одеждѣ, философъ стоической школы.

— И стоическая и эпикурейская мудрость объ согласны въ этомъ предсказаніи, и часъ наступилъ!

— Да! часъ наступилъ! воскликнулъ громкій голосъ, торжественный, но безстрашный.

Всѣ окружающіе обратились къ нему въ боязливомъ ожиданіи. То былъ голосъ Оливеа, который, среди преданныхъ ему христіанъ, стоялъ на обрывистомъ возвышеніи, гдѣ древніе Греческіе поселенцы соорудили храмъ Аполлону, теперь полу-разрушенный.

Едва онъ договорилъ, Везувій вспыхнулъ пожаромъ, однимъ изъ самыхъ ужасныхъ, какіе были въ этотъ день. Тогда Оливеа поднялся съ простертыми руками и пророческимъ челомъ, увѣнчаннымъ живыми сіяніями, и толпа узнала лице того, кто былъ обреченъ ею дикому звѣрю, и среди безмолвія раздался опять его вѣщій голосъ:

— Часъ наступилъ!

Христіане повторили этотъ кликъ. Другіе его подхватили: со всѣхъ сторонъ, женщины и мужчины, дѣти и старики повторяли не громко, но могильнымъ, страшнымъ говоромъ: «Часъ наступилъ!»

Нидія, не сказавъ ни слова, ускользнула отъ Саллюстія, пробралась сквозь толпу и пошла опять въ городъ, чтобъ спасти своего властителя отъ кончины міра. Съ горящимъ сердцемъ, которое хотѣло выскочить у ней изъ груди, она достигла форума и арки; нагнулась, искала оцупью, и звала Главка.

Слабый голосъ отвѣчалъ: — Кто зоветъ меня?

— Встань! иди за мною! Вотъ тебѣ рука! Главкъ, спасайся: пришелъ конецъ міру!

Въ удивленіи и незапно воскресшей надеждѣ Главкъ встаетъ.

— Опять Нидія! А, такъ ты еще жива!

Нужная радость его голоса пролилась въ сердце бѣдной Фессалійки, и она благословляла его за одну мысль объ ней несчастной.

Полу-ведя, полу-неся Иону, Главкъ слѣдовалъ за своимъ проводникомъ. Съ дивной осторожностью обошла она дорогу, которая вела къ толпѣ, и умѣла выбрать другую.

Они были уже недалеко отъ моря.

— Иона! другъ мой! мое сокровище! Мы спасены, благодаря этому ребенку. Купидонъ и Венера очевидно намъ покровительствуютъ. Иона, милая Иона, скоро начнется наше блаженство!

— О, какъ я уже счастлива! говорила Иона, обвивая его руками.

— Возблагодаримъ боговъ покровителей! воскликнули они всѣ трое вмѣстѣ.

И новый градъ камней страшно застучалъ по скалистой землѣ, на которой они съ трудомъ удерживались, скользя въ пещлѣ.

Послѣ этого слышались только стоны бѣдной слѣпой: она рвала на себѣ волосы и терзала грудь въ отчаяніи.

Въ Неаполитанскомъ Музеумѣ вы увидите два золотыя кольца, которыя найдены подлѣ двухъ остововъ: на одномъ изъ нихъ надпись — Главкъ, на другомъ — Иона.

Набожный Олинеъ услышалъ плачь несчастной Нидіи и повторенное имя Главка. Онъ бросился съ своей скалы къ тому мѣсту, откуда раздавались рыданія, и увидѣлъ Нидію, обнимающую бездыханное и обезображенное тѣло его товарища по бѣдствію. Онъ схватилъ ее за руку и увлекъ съ собой на скалу.

Ту же ночь они были уже въ морѣ. Темнота продолжалась и на слѣдующее утро. Бѣглецы, сидя на палубѣ, говорили о печальныхъ приключеніяхъ вчерашняго дня. Нидія тоже рассказала спутникамъ Олинеа исторію своего господина и свою собственную. И когда она дошла до града камней, когда ей надо было вымолвить, что Главкъ погибъ обнимая Иону, ея

спутники услышали паденіе въ воду чего-то тяжелаго. То была Индія: она схоронила въ волнахъ послѣднія слова разсказа, которыхъ не могла договорить.

=

Таковъ , или почти таковъ , романъ Г. Больвера. Это сочиненіе , которое имѣетъ для насъ Русскихъ особенную важность , потому что даетъ полнѣйшее понятіе о великомъ бѣдствіи , изображенномъ геніяльною кистью нашею Брюлловою , можетъ быть предметомъ многихъ упрековъ со стороны критики. Повѣсть , придуманная авторомъ для оживленія главнаго происшествія , не довольно интересна и , что всего хуже , не возникаетъ необходимо изъ особенныхъ нравовъ эпохи , но можетъ прилагаться ко всѣмъ нравамъ и всѣмъ эпохамъ ; авторъ часто увлекается за предѣлы предмета выказною классическою ученостію , и главный предметъ сочиненія , погибель Помпей , не объять во всемъ своемъ страшномъ величій. Существенный недостатокъ Г. Больвера — слабость воображенія : онъ всегда старается прикрыть его красотами отдѣльныхъ сценъ , въ которыхъ иногда бываетъ много силы и колорита. Чтобы сдѣлать повѣсть этого знаменитаго творенія болѣе интересною въ сокращеніи , нежели какъ она представляется читателю въ подлинникъ , признаемся , мы принуждены были допустить въ ней нѣкоторыя перемѣны.

=

МОНИКИНЫ.

НОВОЕ СОЧИНЕНІЕ КЮПЕРА *.

Сирь Джонъ Гольденкафъ, достопочтенный Англійскій баронетъ, прогуливался по улицамъ Парижа, засунувъ, по обыкновенію, руки въ карманы своихъ синихъ панталонъ и утопая умомъ въ великихъ теоріяхъ движенія и успѣха, всеобщей филантропіи и безконечнаго совершенствованія челоуѣка, на которыхъ помѣшались столица Франціи и онъ вмѣстѣ съ ея столицей. Блаторасположеніе къ его ближнимъ умножалось съ каждымъ шагомъ. Когда сирь Джонъ Гольденкафъ, баронетъ, подходилъ къ Елисейскимъ Полямъ, онъ уже безъ-ума любилъ родъ челоуѣческой, и, прошедши еще шаговъ двѣсти, вдругъ создалъ въ своей головѣ новый и блистательный планъ преобразованія общества, который, помощію непрерывнаго движенія, слѣдуя отъ успѣха къ успѣху, довелъ бы всѣхъ людей до того, что они были бы всѣ одинаково счастливыми, мудрыми, свободными, кроткими, дружными и совершенными. Онъ былъ безъ-памяти отъ своего изобрѣтенія: тайна идеальнаго счастья народовъ была найдена, и только стоило нѣсколько обдумать разныя части плана. Онъ готовился тиснуть ее въ газетахъ завтра же, и на слѣдующее утро челоуѣчество выступило бы на истинную дорогу безконечнаго совершенствованія. Теперь, когда я пишу, мы были бы уже крѣпко совершенны, — но сирь Джонъ Гольденкафъ зазѣвался.

Онъ увидѣлъ группу изъ шести челоуѣкъ разныхъ націй, которые привлекли все его вниманіе: двое изъ нихъ были Савояры, а четверо обезьяны.

* The Monnikins. By J. F. Cooper. 1835.

Савояры были немые, въ лохмотьяхъ и смуглые. Обезьяны были хорошо одѣтыя и причесанныя, впрочемъ обыкновенныхъ породъ, средней величины, по двѣ изъ каждаго пола. Онѣ одѣты были всѣ, больше или меньше, по Европейской модѣ, и старшій изъ двухъ самцевъ съ особеннымъ тщаніемъ былъ наряженъ въ гусарскій мундиръ, который придавалъ ему сильный воинственный характеръ, не совсѣмъ сходный съ его мимической природою; только куртка была вдвое короче, чѣмъ у гусаря челоуѣковъ, и панталоны не были довольно коротки для того, чтобъ выказать прекрасныя ноги, легкія, эфирныя и гибкія, совершенно противныя топорнымъ ногамъ Савояровъ. Испанская шляпа, украшенная развѣвающимися перьями и трехцвѣточною кокардою, покрывала переимчивую голову мартына; на бѣдрѣ его висѣла деревянная сабля, а въ рукахъ держалъ онъ маршалскій жезлъ въ видѣ дубинки съ щеткою.

Замѣтивъ, что вниманіе баронета обращено было на прелестныя четы, негодные Савояры тотчасъ начали заставлять ихъ прыгать на разныя манеры, чтобы усилить его любопытство. Невинныя жертвы ихъ грубаго обхожденія, особенно гусаръ, исполняли варварскіе приказы съ терпѣніемъ достойнымъ истиннаго философа. Онѣ даже предупреждали ихъ желанія, выдѣлывая раздѣе фантастическіе скачки и фокусы съ ловкостью выше всѣхъ похвалъ: одна мела улицу; другая, какъ истинный кавалеристъ, вскакивала съ размаху на спину собаки и развѣзжала на ней бодро верхомъ; третья каталась не на лошади, а на своей головѣ, кубаремъ; четвертая граціозно расхаживала впередъ и назадъ, какъ благовоспитанная дѣвица во второй фигурѣ Французской кадрили. Все это слишкомъ обыкновенно, скажутъ извѣстные читатели, никогда не размышлявшіе о совершенствованіи челоуѣка и даже не читавшіе великаго Вико. Но, милостивые го-

судари, есть на свѣтъ челоувколюбіе, есть любовь къ ближнему и соучастіе къ его бѣдствіямъ! «Представьте себя, говоритъ сирь Джонъ Гольденкафъ, баронетъ, что эти четыре особы, наряженныя въ странныя костюмы, краснорѣчіемъ своихъ глазъ явно вымаливали у меня своего освобожденія, émancipation, изъ-подъ палки жестокихъ Савояровъ! Одна изъ нихъ, особенно, ни на минуту не спускала съ меня нѣжныхъ глазъ своихъ: она повиновалась малѣйшему движенію плети чудовища, которое смѣло называться челоувкомъ; описавъ ногами въ воздухъ изящнѣйшій *salto mortale*, съ важностью спускалась она на прежнее мѣсто и бросала на меня взглядъ пламенный, исполненный любви, взглядъ глубоко проникавшій въ нѣдра моихъ филантропическихъ идей. Ничто не колебало ея величественной важности; уста ея ни разу не ослаблились улыбкою: она просила свободы. Что, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлали эти невиннѣйшія на свѣтъ животныя, чтобъ быть подвергнутыми такимъ анти-филантропическимъ мученіямъ? Развѣ онѣ не изъ мяса и костей, какъ мы грѣшныя? Развѣ онѣ не болѣе всѣхъ животныхъ приближаются къ челоувку, и не только по наружному своему облику, но и по уму, сколько мы знаемъ? И можно ли терпѣть, чтобъ наши ближайшія подобія, наши кузины изъ роду животныхъ, были терзаемы, какъ собаки, и еще хуже чѣмъ собаки? Если нынче такъ усердно хлопчутъ объ освобожденіи негровъ и женщины, я не вижу, почему бы освобожденіе обезьяны не могло сдѣлаться предметомъ благородныхъ усилій умовъ истинно философическихъ!

«Мы называемъ ихъ обезьянами: почему знать, не платятъ ли онѣ намъ тою же монетою, называя насъ, челоувковъ, на своемъ діалектѣ, обидными для нашего самолюбія именами? Нашему роду предлежитъ сдѣлать первый шагъ къ примиренію и показать, от-

носителю ихъ, чувства болѣе справедливыя и разсудительныя : надобно , наконецъ , оставивъ въковыя предрасудки , считать ближайшее къ намъ племя несчастною половиною нашего собственнаго , попавшеюся между высшихъ животныхъ , одичавшею въ ихъ обществѣ , и достойною всѣхъ нашихъ усилій и соучастія ! Я понялъ мою симпатію къ этимъ несчастнымъ эмигрантамъ изъ человечества ; послушался филантропическаго влеченія , и рѣшился..... Торгъ невольниками — игрушка въ сравненіи съ терзаніями моего ближняго въ Испанской шляпѣ ! Неужли могъ я оставить его страдать долѣе , въ потѣху этимъ несчастнымъ Савоярамъ ?

« Я приступилъ съ условіями о продажѣ къ хозяевамъ страдальцевъ. Нѣсколько наполеондоровъ уладили дѣло. Я взялъ въ руки веревочки , на которыхъ были привязаны несчастныя , и , давши три изъ нихъ пріятелю моему Г. Поку , который тутъ случился , чтобъ онъ проводилъ моихъ новыхъ пріятелей ко мнѣ домой , повелъ самъ на четвертой моего любимца въ гусарской курткѣ. Я гордо выступалъ съ нимъ по улицамъ Парижа , и презрительно взиралъ на недостойныя насмѣшки толпы , еще не освободившейся отъ феодальныхъ предрасудковъ.

« Мы направились прямо въ улицу Риволи , въ трактиръ , гдѣ я жилъ. У дверей обступили насъ новыя толпы невѣждъ съ предрасудками ; но наконецъ я былъ у себя , глазъ-на-глазъ съ моими любимцами. Освободившись отъ Г. Пока , я бросился обнимать и цѣловать ихъ , радуясь ихъ свободѣ болѣе , чѣмъ будетъ радоваться отецъ Анфантенъ свободной женщины , когда ее отыщутъ. Я велѣлъ отвести имъ отдѣльную комнату , и приказалъ слугамъ обходиться съ ними такъ же почтительно , какъ съ Англійскими баронетами. »

На другое утро , прежде чѣмъ баронету , — настоя-

нцему баронету, сирь Джонъ Гольденкафу, — принесли кофе, онъ снова принялся за свои вчерашніе планы о коренномъ преобразованіи общества и безконечномъ совершенствованіи человѣка. Его утѣшительныя и блестящія мечты прерывались иногда тихими, пискливыми, жалобными звуками, которые слышались въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ. Онъ не могъ сообразить, гдѣ, въ которой комнатѣ, вели столь жаркій разговоръ въ такое раннее время. Баронетъ зналъ своихъ сосѣдей: они вставали всегда въ десять или одиннадцать часовъ и тотчасъ уходили въ департаменты. Теперь было только девять. Сирь Джонъ началъ прислушиваться, — звуки тихіе, но жаркіе, — и казалось на разныхъ языкахъ. Они исходили изъ передней, которой дверь была полу-открыта. Онъ съѣлъ передъ нею, такъ, чтобы увидать, кто оттуда выйдетъ. Но оттуда никто не выходилъ. Сирь Джонъ всталъ, — и каково было его изумленіе, превратившееся потомъ въ безконечную радость! — онъ увидалъ четырехъ своихъ обезьянъ, которыя важно стояли въ углу передней и вели разговоръ о какомъ-то предметѣ. Двѣ старшія обезьяны, самецъ и самка, были главными ораторами. Онъ говорилъ, какъ обыкновенно обезьяны говорятъ; по-Французски; но можно было замѣтить, что одна изъ нихъ произносила слова сквозь стиснутые зубы, какъ Англичанинъ, а другая съ сильнымъ Русскимъ акцентомъ.

— Милостивые государи и сударыни, сказалъ сирь Гольденкафъ: извините, что осмѣлился прервать вашу бесѣду; но вы были и разговаривали въ передней. Я полагаю, извините Словомъ, вы можете быть увѣрены, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы принималъ столько участія во всемъ, что до васъ касается. Я знаю всю справедливость вашихъ жалобъ, и вы найдете во мнѣ лучшаго и самаго вѣрнаго цѣнителя вашего племени, которое до-сихъ-поръ, къ сты-

ду нашего рода, служить предметомъ невѣжественныхъ насмѣшекъ толпы и носить оковы постыднаго рабства. Можете ввѣрить мнѣ ваши требованія: даю вамъ слово истиннаго филантропа, что онъ будетъ съ моей стороны удовлетворены при первой возможности.

Всѣ гости были немного изумлены неожиданнымъ появленіемъ баронета и тѣмъ, что онъ имъ высказалъ. Дамы особенно смутились: младшая отогнула голову на сторону съ видомъ дѣвической скромности, тогда какъ старшая, уже довольно пожилая, опустила сперва глаза въ полъ, потомъ ободрилась, но всегда сохраняла важную осанку. Старшій изъ двухъ кавалеровъ, гусарь, приблизился къ баронету, отпустилъ поклонъ очень учтиво, и, пожавъ ему крѣпко руку, сказалъ:

— Милостивый государь, я бы показалъ чрезвычайно съ дурной стороны свои чувствованія и народный Моникинскій характеръ, если бъ не спѣшилъ выразить хотя малѣйшую часть той признательности, которой мы исполнены при настоящемъ случаѣ. Презрѣнные, бездомныя, оскорбляемые странники и невольники, мы наконецъ увидѣли блеснувшій лучъ надежды на лучшее, счастливѣйшее и достойное насъ положеніе.

— Признаюсь, сказалъ баронетъ, не смотря на все уваженіе, питаемое мной къ вашей породѣ, я никакъ не ожидалъ, что буду имѣть возможность говорить съ обезьянами. Я даже, извините, изумился, что особы вашего племени такъ хорошо объясняются на языкѣ...

— Сиръ Джонъ, отвѣчалъ важно гусарь, президентъ косматаго общества: Французскій есть языкъ всѣхъ благовоспитанныхъ обезьянъ.

— Съ кѣмъ имѣю я честь говорить?

— Я докторъ философіи Резонъ, дѣйствительный членъ разныхъ четвероногихъ ученыхъ обществъ и обезьяннхъ академій. А это мой другъ и воспитан-

никъ, графъ Чатерино, членъ обезьянной палаты перовъ. А это юная графиня Чатерино. Это — мадамъ Вигилянція Д'Урньеръ, ея почтенная гувернантка, которая уже воспитала многихъ знатныхъ обезьянокъ.

— Enchanté de faire votre aimable connaissance. Ваше отечество, любезный докторъ?

— Мы имѣемъ честь быть родомъ изъ Липгая, славнаго обезьяннаго королевства. Мы, сударь, всѣ до одного настоящія обезьяны, и называемся на своемъ языкѣ Моникины. Мы путешествовали всѣ четверо по чужимъ краямъ для образованія ума и сердца, какъ вдругъ имѣли несчастіе попасть въ руки людей, которые, въ противность всѣмъ правамъ личной свободы и независимости каждаго, насильно взяли меня, доктора философіи, въ гусары

— Люди настоящіе тигры! воскликнулъ баронетъ съ гнѣвомъ, пораженный благородствомъ чувствъ, познаніемъ правъ и высокою степенью образованности и просвѣщенія въ существахъ, которыя онъ почиталъ дотолъ безсловесными и низкими. Люди—варвары! мерзавцы! Простите имъ! Ихъ надобно сперва усовершенствовать, развить въ нихъ врожденную способность къ безпредѣльной совершимости, довести посредствомъ копѣчныхъ журналовъ до полнаго знанія природы и своего достоинства. Они современемъ будутъ доведены до этого, волею или неволею, при помощи соединенныхъ усилій трансцендентальныхъ филантроповъ..... Вы упомянули о палатѣ перовъ. Слѣдовательно, Липгай королевство конституціонное?

— Точно такъ. Всѣ обезьянныя государства уже дали себѣ конституціи.

— И либеральное?

— Чрезвычайно, какъ всѣ обезьянныя государства.

— Поэтому, вы слѣдуете благимъ началамъ движе-

нiя , успѣха , безконечнаго совершенствованiя вашего рода ?

— Нѣтъ, сирѣ Джонъ , мы этому не слѣдуемъ , потому что мы уже достигли совершенства: у насъ уже есть хвосты , которыхъ вы еще не имѣете. Мы тоже были нѣкогда такими людьми какъ и вы ; но, безпрерывно совершенствуя свою природу, наконецъ дошли до того, что превратились въ обезьянъ. .

— И, почтенный докторъ ! Это ужъ слишкомъ. Вы насмѣхаетесь надо мною ?

— Ни сколько , сударь. Увѣряю васъ , что это правда. Вы сами, весь вашъ родъ человѣческiй, переродитесь современемъ въ обезьянъ. Это неизбежно; таковъ законъ природы , законъ движенiя и успѣха. Совершенствуйтесь, совершенствуйтесь безконечно : будете ходить на четверенькахъ ; у васъ вырастутъ хвосты; и тогда вы, ваши народы, все ваше племя, будете истинно свободны, совершенны, миролюбивы; будете вполне наслаждаться идеальнымъ счастьемъ, потому что тутъ уже конецъ движенiю. Далѣе хвоста и подвинуться невозможно. Можете мнѣ повѣрить, сирѣ Джонъ, что оно такъ ! Лѣтописи нашего рода свидѣтельствуютъ о несомнѣнности факта. Впрочемъ это легко вывести и философскимъ разсужденiемъ.

— Любопытство послушать вашего разсужденiя, сказалъ баронетъ съ досадою и приходя въ замѣшательство.

— Извольте , сказалъ докторъ философи Резонъ. Не угодно ли садиться ?

Губки , устрицы , раки , бѣлуги , лососи , жабы, ящерицы , крокодилы , муравьеѣды , павiаны , негры , гиены , львы , Эскимосы , слоны , свиньи , Готентоты , орангутаны , человѣки и Моникины , — всѣ, безъ-сомнѣнiя, суть животныя. Низшую степень этой длинной лѣстницы занимаютъ губки , а высшую и послѣднюю, обезьяны , или Моникины. Всѣ суще-

ства раздѣляются на три большія семейства, — семейство совершенствующихся, неподвижныхъ и отступающихъ. Совершенствующимися называемъ мы тѣ животныя, которыя идутъ тихимъ, прогрессивнымъ, но низмѣннымъ путемъ къ идеальному совершенству земнаго быта, при непрерывномъ бореніи въ нихъ двухъ началъ созданной природы, матеріальнаго и духовнаго. Совершенствующееся семейство животныхъ, по нашимъ Монкинскимъ догматамъ, начинается тѣми породами, въ которыхъ матерія имѣетъ крѣпкій перевѣсъ надъ духомъ, и кончается тѣми, гдѣ духовное начало преобладаетъ надъ вещественнымъ и умъ столько совершенъ, сколько позволяетъ смертное состояніе. Но съ этой точки, породы, въ которыхъ вещество беретъ такой перевѣсъ надъ духомъ, что наконецъ подавляетъ его совершенно своею тяжестью, по необходимости начинаютъ нисходить. Это, какъ вы видите, просто система вѣковыхъ круговращеній Вико, которая теперь въ большомъ ходу у васъ и между всѣми мыслящими обезьянами. Такимъ образомъ, копи первичныхъ, вторичныхъ и третичныхъ почвъ земли доказываютъ, что въ первые вѣки нашей планеты существовали только исполинской величины скоты, — ящерицы, черепахи, мамонты, нппопотамы и колоссальныя растенія; въ нихъ матерія была накоплена ужасными, тяжелыми массами, и умъ, духъ, почти подавленъ ею. Послѣдующіе безчисленные перевороты земнаго шара, переработавъ, усовершенствовавъ матерію, сдѣлавъ ее болѣе тонкою, болѣе гибкою, болѣе послушною дѣйствіямъ воли и ума, произвели вмѣстѣ съ тѣмъ и уменьшеніе размѣровъ всѣхъ породъ. Явился человекъ. Это, какъ вы знаете, система Кювье, котораго тоже придерживаются всѣ обезьяны какъ и теорій Вико. Человекъ былъ сперва грубъ и колоссаленъ. Совершенствуясь, развивая свой умъ насчетъ матеріи, онъ кончилъ тѣмъ, что ослабилъ въ себѣ ма-

терію, и умалился самъ до нынѣшняго тощаго, маленькаго и слабаго роста; а слѣдуя далѣе по пути умственнаго совершенствованія еще онъ уменьшится до нашего миньютурнаго и красиваго объема, до легкихъ и тонкихъ формъ обезьяны. Безпредѣльное совершенствованіе ведетъ его неминуемо къ той степени, гдѣ матерія сдѣлается въ немъ сдишкомъ слабою, чтобы питать и поддерживать умъ. Тогда, умъ начнетъ испаряться; матерія, его безотвязная спутница, тотчасъ станетъ усиливаться, возвышаться, попирать духъ слабый и истощенный напряженіемъ, — и, вы увидите, человѣкъ нагнется къ землѣ, чтобы ходить на четверенькахъ; вы увидите, какъ онъ будетъ покрываться шерстью, и тогда образованіе хвоста будетъ знакомъ, что онъ достигъ высшей степени всевозможнаго совершенства и идеальнаго земнаго счастья, гражданскаго и политическаго.

— Хвоста, докторъ?

— Да, сирь Джонъ, хвоста. Человѣкъ, однимъ словомъ, сдѣлается обезьяною. Мы сами потомки этихъ человѣковъ, которые начали образоваться въ отдаленныхъ странахъ задолго до всѣхъ нынѣшнихъ народовъ, достигли апогея усовершенствованія и филантропін, и кончили свое поприще, обратившись въ насъ, Монкиновъ. Очевидно, что съ теченіемъ вѣковъ, матерія продолжала въ той же прогрессіи усиливаться, въ какой прежде ослабѣвала, кончить тѣмъ, что снова превратитъ насъ въ исполнскихъ животныхъ: люди, обезьяны исчезнутъ; какъ въ прежніе вѣки, явятся огромные мамонты, гиппопотамы, ящерницы, черепахи; матерія будетъ вполне господствовать, до тѣхъ поръ, пока новые перевороты, новая борьба между духомъ и веществомъ, не возстановятъ царства преобладанія духа, пока ростъ опять не станетъ уменьшаться и не возникнутъ люди, которые опять превратятся въ обезьянъ. Мы еще далеки, очень да-

леки онъ этого, сирь Джонъ. Во всякомъ случаѣ, доказано логически, философически, физиологически, геологически, систематически, что умъ всѣхъ этихъ господъ, которые теперь толкуютъ о безпредѣльномъ совершенствованіи чловѣка, неминуемо, по законамъ природы, перейдетъ отъ головы къ хвосту.

— Къ хвосту, докторъ!!

— Да, сирь Джонъ, къ хвосту. Честное слово!

Мы не можемъ слѣдовать за сирь Джономъ во всѣхъ подробностяхъ его походовъ и споровъ съ докторомъ-обезьяною. Приведенный сейчасъ отрывокъ, который не есть переводъ словъ знаменитаго автора, а только заключаетъ въ себя содержаніе и духъ первой части его книги, исполненной самыхъ утомительныхъ мелочей, самыхъ пустыхъ, непонятныхъ аллегорій убійственной длины и отнюдь не остроумныхъ, — этотъ отрывокъ можетъ дать достаточно ясное понятіе о направленіи и цѣли сочиненія. Дальнѣйшую исторію сирь Джонъ Гольденкафа можно рассказать въ нѣсколькихъ словахъ. По своей всеобщей филантропш, которая простиралась не только на весь родъ чловѣческій, но и на обезьянъ, какъ ближайшихъ намъ животныхъ и почти-чловѣковъ, онъ везетъ новыхъ друзей своихъ въ Англію, нанимаетъ тамъ для доктора Резона и его товарищей Американское судно, котораго капитаномъ его пріятель Г. Покъ, и сквозь тысячи опасностей привозитъ ихъ въ родную ихъ землю, Липгай, находящуюся въ какой-то части свѣта, называемой Моникиніей. Обезьяны спрыгиваютъ на берегъ; люди сходятъ туда же за ними, но почтенные странники, которыхъ они привезли на родину, принимаютъ ихъ у себя съ высокомеріемъ и учтивымъ презрѣніемъ. Графъ-обезьяна, Чаттерино, едва удостоиваетъ ихъ взгляда, и представляетъ сирь Джонъ Гольденкафа молодымъ хвостатымъ лордамъ своей страны, какъ сирь Джонъ представилъ бы, напри-

мърь, Африканскую обезьяну Англійскимъ баронетамъ. Наши путешественники, люди, проникнуты негодованіемъ противъ неблагодарности освобожденныхъ ими мартышекъ, которые во время своего пребыванія на ихъ корабль съѣли у нихъ цѣлый грузъ орѣховъ. Докторъ Резонъ съ высокопарнымъ видомъ приглашаетъ ихъ въ торжественное засѣданіе Обезьянной Академіи, гдѣ онъ будетъ читать диссертацию о людяхъ и отчетъ въ своихъ ученыхъ путешествіяхъ. Въ этой части книги находится одно превосходное мѣсто, гдѣ авторъ хотѣлъ изобразить засѣданія Французскаго Института и шарлатанство, отличающее нѣкоторыхъ членовъ этого ученаго сословія.

Будетъ рассказывать самъ баронетъ филантропъ.

«Пріодѣвшись и вычистившись, мы всѣ отправились къ Моникинскому Palais des Arts et des Sciences. У входа мы увидѣли, что насъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ: обезьяна швейцаръ сидѣла на кочкѣ у подъѣзда, и тотчасъ повела насъ на родъ отдѣльной и длинной каѳедры, нарочно для насъ построенной. Всегда пріятно быть въ числѣ особъ привилегированныхъ, и намъ тѣмъ болѣе было по сердцу занимать возвышенное мѣсто въ самой серединѣ круглой поляны, на которой академики-обезьяны имѣли свое засѣданіе, что могли все видѣть и быть видимы всѣми. Я поклонился членамъ, и, когда утихли первые порывы, изумленія и радости присутствующихъ, сталъ обозрѣвать обезьянную публику.

«Академики наполняли своимъ сословіемъ все пространство вокругъ насъ; обезьянная публика занимала внѣшній кругъ, сидя на кочкахъ или качаясь на вѣтвяхъ деревь. Какъ мѣсто было очень обширное, и кромѣ того, какъ невещественное начало совершенно преобладая надъ вещественнымъ въ родѣ Моникиновъ, дошло ихъ до крошечнаго возраста, то собраніе могло заключать въ себѣ не менѣе пятидесяти тысячъ хвос-

товъ. Прежде чѣмъ начался актъ, докторъ Резонъ подошелъ къ намъ, и сказалъ каждому по комплименту, изъявляя свое упованіе, что въ предстоящемъ торжествѣ наше людское общество будетъ оцѣнено справедливо и достойнымъ образомъ. Съ нами обходился такъ ласково, учтиво, съ такимъ уваженіемъ, что я и мои спутники не могли не предать забвенію высокоумія нашихъ хозяевъ, испытаннаго по прибытіи нашемъ въ ихъ землю. Докторъ еще бесѣдовалъ съ нами, какъ вошелъ въ залу первый министръ, и началась церемонія. Я между-тѣмъ имѣлъ время сказать нѣсколько словъ моимъ товарищамъ, и просилъ ихъ вести себя почтительно съ учеными членами Моникинской академіи и во всемъ брать примѣръ съ меня.

«Принимали новаго члена Академіи Вкуса и Тайныхъ Симпатій. Новый членъ выхвалялъ въ длинной рѣчи рѣдкія достоинства и ученость своего покойнаго предмѣстника, на мѣсто котораго онъ избранъ почетною академіей: онъ доказывалъ въ продолженіе одного часа и пятидесяти минутъ, что покойному его предшественнику нѣтъ и не будетъ подобнаго генія въ цѣломъ мірѣ, и что онъ, новый членъ, вступающій теперь въ его должность, есть послѣдній невѣжа, самый недостойный изъ всѣхъ, кого только академія могла выбрать въ такое важное званіе. Я былъ изумленъ хладнокровіемъ, съ какимъ ученые члены академіи слушали себя упрекъ въ томъ, что, на мѣсто великаго человѣка, выбрали они себя въ товарищи набитаго дурака. Но ознакомившись ближе съ Моникинами, я замѣтилъ, что у нихъ положено правиломъ непременно хвалить своего предмѣстника, и можно, если угодно, называть себя сущимъ болваномъ, лишь бы вмѣстѣ съ тѣмъ не понижать другихъ къ своему уровню. Увѣривъ слушателей въ совершенной своей бездарности, новый членъ преспокойно

свѣтъ между академиками, съ важностью и надменностью стариннаго члена ученаго сословія, — такъ, что между ними и дуракомъ не было примѣтно ни какой разницы.

«Послѣ краткаго молчанія, потока поздравленій съ выборомъ, и похвалъ его унизительной рѣчи, новоизбранный членъ снова всталъ, и началъ читать разсужденіе объ открытіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ наукѣ Тайныхъ Симпатій. Оно также было принято съ восхищеніемъ, и непремѣнный секретарь объявилъ вслѣдъ за этимъ, что академія опредѣлила снарядить ученый комитетъ изъ своихъ сочленовъ для разсмотрѣнія фактовъ, изложенныхъ въ рѣчи новопринятаго академика, и приложенія новой теоріи тайныхъ Симпатій къ благу и счастію Моникиновъ.

«Далѣе насъ угощали глубокомысленною диссертациею о различныхъ значеніяхъ слова *грдтъ-чвзбъ*, которое на нашемъ языкѣ значитъ «тьфу» Знаменитый филологъ, разсуждавшій объ этомъ предметѣ, показавъ чрезвычайно глубокія свѣдѣнія во всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ Моникиніи и необыкновенную проницательность въ объясненіи корней и измѣненій смысла этого слова. Онъ прежде всего началъ переставлять всѣ буквы слова, и такимъ образомъ торжественно доказавъ, что оно находится во всѣхъ языкахъ міра, и что слѣдственно всѣ языки происходятъ отъ Липгайскаго. Въ продолженіе цѣлаго получаса исчислялъ онъ значенія слова *грдтъ-чвзбъ*, измѣняя его произношеніе четыре тысячи сто два раза. Потомъ онъ приступилъ къ исчисленію всѣхъ его синонимовъ и ясно показалъ его бесполезность въ языкѣ, который имѣетъ столько другихъ словъ для его выраженія. Академія приняла съ восхищеніемъ ученое сочиненіе филолога, присудила дать ему золотую медаль и изгнать несчастное слово изъ Словаря Липгайской Академіи.

«Опытный и по-видимому весьма уважаемый членъ

всталъ послѣ филолога, и сдѣлалъ слѣдующее предложеніе. Всѣмъ извѣстно, что родъ Моникиновъ какъ нельзя ближе къ совершенству; что между Моникинами Липгайская нація — самая ученая и самая учтивая нація; что ея столица настоящій центръ образованности и просвѣщенія, и что, слѣдовательно, должно считать Липгайцевъ въ главѣ умственнаго міра и ожидать отъ нихъ рѣшенія будущей судьбы обществъ. Какъ нечего было сказать на эту аксіому, то краснорѣчивое предложеніе приняли съ патриотическимъ одобреніемъ и заглушили оратора рукоплесканіями. Наконецъ всѣ глаза обратились на доктора Резона, который, помолчавъ немного, взлѣзъ на дерево, предназначенное для торжественныхъ случаевъ, и началъ свою рѣчь.

«Онъ началъ пышнымъ и краснорѣчивымъ обращеніемъ къ наукамъ, и съ жаромъ говорилъ объ энтузіазмѣ, который кипитъ въ груди тѣхъ, кто имъ преданъ; который заставляетъ ученаго презирать бѣдствія, мученія, опасности, выгоды, все, для общаго блага и торжества истины. Послѣ этого единственнаго вступленія, философъ, бывший гусарь, приступилъ къ исторіи своего послѣдняго путешествія.

«Прежде всего, намекнулъ онъ объ удивительной пользѣ и мудрости того Липгайскаго обычая, который предписываетъ молодымъ баричамъ путешествовать для образованія ума и сердца, что доставляетъ старымъ докторамъ философин средство объѣхать разныя земли вмѣстѣ съ ними и на ихъ счетъ. Докторъ говорилъ, какъ онъ былъ избранъ, въ качествѣ наставника, для сопровожденія молодаго графа Чаттерино съ семействомъ, на время ихъ путешествія. Онъ распространился о нравственныхъ и физическихъ приготовленіяхъ къ предпріятію. Все; кажется, было выполнено имъ какъ нельзя лучше, потому что ученые его сочлены прерывали эту часть рѣчи одобри-

тельнымъ шопотомъ. Послѣ множества фигуръ, употребленныхъ ораторомъ на изъясненіе этихъ трехъ пунктовъ, мнѣ весьма пріятно было слышать, что наконецъ оцъ отправился, съ гувернанткою и двумя ихъ воспитанниками, въ далекое путешествіе, которое, говорилъ докторъ, «объщало важные результаты для области знаній, для счастья народовъ и для успѣха разныхъ наукъ Моникинскихъ.» Откровенно скажу, что я съ нетерпѣніемъ ожидалъ той главы его отчета, гдѣ онъ будетъ упоминать объ насъ и выскажетъ торжественно слова признательности и хвалы нашему личному характеру за ту поспѣшность, съ какою я кинулся на освобожденіе ихъ, за то мужество, которое я показалъ, защищая ихъ отъ обидъ и возвращая черезъ тысячи опасностей на родину. Это было бы утѣшительно для насъ, чужестранцевъ, въ далекой и неизвѣстной землѣ, и мои матросы ободрились бы при воспоминаніи о побѣжденныхъ опасностяхъ. Я заранѣе бросилъ торжествующій взглядъ на графа Чаттерино, который однако жъ, какъ бы ничего не замѣчая, продолжалъ шептаться съ молодыми обезьянами-баричами.

«Сочлены не могли нахвалиться остроумію и краснорѣчію философа; и въ самомъ дѣлѣ, рѣчь его была исполнена прекрасныхъ нравоученій, риторическихъ фигуръ, сильныхъ словъ и тонкихъ чувствованій. Полное его путешествіе опредѣлили издать въ видѣ отчета ученой экспедиціи о сдѣланныхъ открытіяхъ и наблюденіяхъ по всѣмъ частямъ наукъ и знаній.

«Онъ продолжалъ читать. Докторъ Резонъ умѣлъ внушить соучастіе собранію, которое трепетало, когда путешественники перебирались черезъ пропасти или на утесы или брели сквозь непроходимые лѣса, и успокоилось только тогда, когда счастливо миновали всѣ опасности.

«Онъ дошелъ наконецъ до того мѣста, когда путс-

шественники попались въ какую-то область, населенную людьми и, къ несчастію, лежавшую на ихъ пути. Докторъ краснорѣчиво распространился о неуваженіи, какое питають къ обезьянамъ въ этой грубой и варварской области; о обидахъ, которымъ они подвергались отъ людей, и о твердости Липгайскаго характера; о томъ, какъ ихъ схватили измѣною, и какъ они избѣгли дальшѣйшихъ поношеній, благодаря своему благоразумію. Зала огласилась патріотическими лапоплесканьями; хвосты, когти и челюсти пришли въ движеніе отъ негодованія на вѣроломность людей. Я и мои товарищи, замѣтивъ это, поинкли глазами въ землю отъ стыда, и придумывали между-тѣмъ средства избѣгнуть опасности мщенія. Любезный докторъ, замѣтивъ наше незавидное положеніе, тотчасъ обратилъ несчастный случай въ свою пользу. Въмѣсто того, чтобы рѣзко говорить, какъ они были схвачены свирѣпыми людьми, достойный философъ началъ доказывать, что все на свѣтѣ дѣлается вслѣдствіе заблаговременныхъ предопредѣленій «промысла народовъ», какъ то извѣстно всякому историку-обезьянѣ, и что имъ назначено было увидѣть людей для того, чтобы сдѣлать правильныя и ученые наблюденія о современномъ состояніи обществъ другой породы, изслѣдовать ихъ способности и оцѣнить ихъ нравственное положеніе. «Мы рѣшились изучить эту породу животныхъ, сказалъ почтенный докторъ, для пользы наукъ; наняли корабль, и, презирая всѣ опасности, смѣло отправились въ самую глубину человѣческаго міра!»

«Я съ изумленіемъ и страхомъ слушалъ о громахъ и молніяхъ, которыя постигли путниковъ подъ тропиками; о нападеніи на ихъ корабля разбойниковъ, съ которыми обезьяны дрались не на животь, а на смерть, и о прочихъ чудесахъ. Но ничто не можетъ выразить того восхищенія, восторга, крика, съ которымъ былъ принятъ этотъ рассказъ о необыкновенныхъ Моникин-

ских подвигахъ. Хвосты заюлили; лапы вертѣлись въ воздухъ; раздакъ всеобщій, единодушный крикъ радости въ честь знаменитыхъ путешественниковъ и новыхъ доказательствъ величія Моникинскаго характера вообще и Липгайскаго въ особенности!!

«Когда залпы всеобщаго восторга немного утихли, докторъ Резонъ сталъ продолжать свой отчетъ. Онъ представилъ описаніе и рисунокъ человѣческаго корабля, на которомъ, казалось, онъ, обезьяны, были полными господами и хозяевыми, изображалъ свои прогулки въ Мадрасть и на мысъ Доброй Надежды, и особенно распространился объ Островъ Святой Елены, гдѣ онъ пробыли почти цѣлую недѣлю.

«Описаніе Острова Св. Елены, сказалъ докторъ обезьяна, весьма важно и въ ученое отношеніи. Человѣческіе ученые называютъ его вулканическимъ; но самое поверхностное разсмотрѣніе его геологическаго строенія показываетъ, что почва его совершенно сходна съ Липгайскою. При-этомъ, докторъ представилъ нѣсколько кусковъ минераловъ, и спросилъ у своихъ ученыхъ слушателей — не сходны ли они какъ двѣ капли воды съ породами горы, что за версту отсюда? Вопросъ рѣшенъ былъ утвердительно, и ученый ораторъ имѣлъ счастье удостоиться при этомъ случаѣ и вниманія дамъ, которыя, не добиваясь толку въ вещахъ отвлеченныхъ, всегда любятъ простыя и разительныя доказательства.

«Прежде чѣмъ проститься съ островомъ, докторъ кстати замѣтилъ, что, отправившись однажды искать минераловъ, онъ былъ пораженъ видомъ какихъ-то животныхъ, которыхъ туземные люди называютъ на своемъ языкѣ «обезьянами». Онъ показался ему, по своей наружности и физическимъ свойствамъ, близкими къ племени Моникиновъ и, можетъ-быть, одного съ ними происхожденія. Почтенная академія видить, какъ было важно ознакомиться съ интересными

подробностями нравовъ, обычаевъ, языка, понятій, обрядовъ и просвѣщенія новооткрытаго народа. Съ этою цѣлью онъ провелъ цѣлый день въ обществѣ такъ называемыхъ «обезьянъ», и результатомъ его наблюдений было удостовѣреніе въ томъ, что онѣ дѣйствительно принадлежатъ къ огромному семейству Монкиновъ, сохранивъ много остроумія и другихъ слѣдовъ своего начала; но что умъ ихъ загрубѣлъ, и онѣ сдѣлались почти также глупыми какъ люди.

«Докторъ Резонъ говорилъ потомъ объ отплытіи съ Острова Св. Елены и пріѣздѣ въ Португаллію. Здѣсь, по его сказкамъ, онъ нанялъ нѣсколькихъ Савояровъ, для того чтобъ они служили ему проводниками въ продолженіе путешествія, которое онъ хотѣлъ совершить по Португалліи, Испаніи, Франціи, Швейцаріи, Италіи и другимъ странамъ Европы. Я только слушалъ и удивлялся! Никогда я не представлялъ себѣ такой разницы нашего обыкновеннаго возрѣнія на вещи съ философскимъ взглядомъ на нихъ обезьянъ, какъ при этомъ повѣствованіи почтеннаго мартына-академика. Въмѣсто того, чтобы жаловаться на худое обхожденіе и обиды, ученый докторъ, напротивъ, говорилъ съ безпристрастіемъ о нравахъ народовъ, между которыми ему приходилось жить, и степени ихъ образованности. Онъ обѣщавъ даже сообщить подробное разсужденіе о состояніи ихъ обществъ, въ слѣдующее собраніе академіи. Между-тѣмъ прозвонилъ колокольчикъ, знакъ закрытія настоящаго засѣданія, и философъ Резонъ, заключилъ свою рѣчь увѣреніемъ, что имя Монкиновъ въ большомъ уваженіи у всѣхъ этихъ народовъ, и что пріятно видѣть, какъ люди удивляются высокимъ качествамъ обезьянъ вообще и Липгайцевъ въ особенности.

«Докторъ съ сожалѣніемъ говорилъ, что онъ охотно провелъ бы еще два или три года въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ, для сравнительнаго наблюденія ихъ

устройства, но не могъ забыть возложенной на него обязанности наставника и ментора. «Путешествія были какъ-нельзя полезнѣе для всѣхъ насъ, сказалъ онъ: но дамы горѣли нетерпѣніемъ возвратиться въ Липгай; я долженъ былъ удовлетворить ихъ патріотическому желанію.» Они отправились въ Великобританію, страну, славящуюся искусствомъ своихъ мореходцевъ, и занялись тамъ нужными приготовлениями для отплытія. Нанять былъ корабль на условіи, что онъ будетъ избавленъ отъ всѣхъ пошлинъ въ Моникини и можетъ нагружаться произведеніями Липгай. Тысячи Англичанъ изъявляли желаніе отправиться съ ними, потому что всѣмъ, натурально, хотѣлось видѣть образованное государство; осторожность позволила взять только одного изъ нихъ, наиболѣе достойнаго. Король Великобританіи, величайшій государь въ той сторонѣ, упросилъ взять единственнаго своего сына и наследника престола, для усовершенствованія его путешествіемъ по Моникини, и поручилъ своему лорду генераль-адмиралу начальство надъ кораблемъ, котораго плаваніе было такой важности для наукъ вообще и для мореходства въ особенности.

«Тутъ, докторъ Резонъ сошелъ съ своей кафедры, и представилъ академіи нашего поваренка какъ наследнаго принца Великобританіи, а моего шкипера Пока какъ лорда генераль-адмирала. Онъ указалъ собранію на большое пятно сажи бывшее на щекѣ поваренка, утверждая, что это признакъ высокаго происхожденія. Что касается до капитана Пока, то осмотрѣвъ его съ ногъ до головы и не нашедши на немъ особенныхъ знаковъ его достоинства, почтенный философъ удовольствовался обращеніемъ вниманія господъ академиковъ на его красный носъ и вообще его мореходную наружность.

«Обращаясь, послѣ того, ко мнѣ, онъ рекомендовалъ меня ученому собранію какъ гувернера его ко-

ролевскаго высочества и какъ человѣка, пользующагося нѣкоторою репутаціею въ своемъ родѣ, прибавивъ, что съ саномъ наставника на меня возложена также должность выдумывать планы преобразованія челоувѣчества. Два матроса представлены были за адмираловъ, а остальные, сказалъ докторъ Резонъ, суть вице-адмиралы и капитаны Британскаго флота. Въ заключеніе ясно сказано было собранію, что всѣ мы привезены въ Липгай, подобно минераламъ съ Острова Св. Елены, ддя того чтобы служить образцами различныхъ породъ челоувѣческихъ.»

Должно признаться, что пребываніе сирь Джонъ Гольденкафа въ Липгайскомъ королевствѣ, и его замчанія о странѣ, составляютъ самую скучную часть сочиненія Г. Купера. Кто знаетъ многословность этого писателя, его страсть вдаваться въ самыя ненужныя подробности и не прощать читателю ни одного обстоятельства, не описавъ его какъ-можно длиннѣе, тотъ легко пойметъ, сколько этотъ образъ изложенія долженъ вредить аллегоріи, которой первое условіе — быть быстрой, короткой, живой. Часто трудно понять, что авторъ хочетъ описывать и надъ чѣмъ онъ смѣется. Это по большой части неудачныя аллюзіи, которыя не достигаютъ цѣли. Г. Куперъ дѣлается занимательнымъ тогда только, когда попадаетъ на свой настоящій предметъ, — на Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Сирь Джонъ Гольденкафъ встрѣчаетъ въ столицѣ Липгая странную обезьяну, которая, какъ онъ узнаетъ, пріѣхала сюда посломъ отъ обезьянной республики, называемой Липло. Читатели сами угадываютъ, что республика Липло не что другое какъ Американскіе Штаты. Подробности, которыя Г. Куперъ даетъ въ лицѣ этого посла о политическихъ нравахъ своего отечества, весьма любопытны, и это единственное мѣсто въ этой части книги, которое стоитъ быть выписаннымъ.

Сирь Джонъ Гольденкафъ, опечаленный шарлатанствомъ обезьянъ, играющихъ роль ученыхъ, возвращался въ задумчивости на квартиру.

«Я шелъ по большой площади, говорить онъ, когда ударъ по колену едва не сшибъ меня съ ногъ и обратилъ мое вниманіе на сторону. Ударъ былъ нанесенъ однимъ Моникиномъ, который совершенно походилъ на Липгайца, и только отличался отъ туземцевъ болѣе длинною и хуже вычесанною шерстью, суетливымъ видомъ и усѣченнымъ хвостомъ. Съ нимъ былъ другой Моникинъ, помоложе, но той же наружности.

«Старшій обратился ко мнѣ.

— Здравствуйте, сирь Джонъ Гольденкафъ, сказалъ онъ, снова треснувъ меня по колену.

Это, какъ я послѣ узналъ, есть дипломатическое привѣтствіе его отечества.

— Вы слишкомъ въжливы, сударь, сказалъ я. Позвольте изъяснить вамъ мое изумленіе, что я имѣю честь быть извѣстнымъ вамъ по имени.

— Помилуйте, какъ не знать! Мы народъ практической, гонимся только за положительнымъ, и слѣдуемъ за всѣми дневными новостями. Мы знаемъ все новое.

— Вы не Липгайскій подданный?

— Боже избави! Нѣтъ, сирь Джонъ, я гражданинъ Липпо, большой и славной республики, лежащей въ трехъ дняхъ плаванія отсюда. Мы народъ новый, сущее чудо по своимъ обычаямъ, чистотѣ нашихъ правилъ, мудрости законовъ и уваженію къ правамъ гражданина. Я, сверхъ-того, имѣю честь быть посломъ этой республики при Липгайскомъ дворѣ. Мы, правду сказать, одного происхожденія съ жителями Липга, государства, отъ котораго мы отложились и которое оставили далеко за собою во всѣхъ отрасляхъ благосостоянія и славы. Позвольте имѣть удовольствіе по-

знакомить васъ съ моимъ именемъ, въ возвратъ за счастье знать ваше собственное.

«Онъ всунулъ мнѣ въ руку визитную карточку съ своимъ именемъ и полнымъ титуломъ :

Генераль-маіоръ, Епископъ, Вице-адмиралъ, Судья, Полковникъ,
Капитанъ

Янки Пиплзъ - Слевъ ,

Чрезвычайный посланникъ и полномочный министр республики
Липло при Липтайскомъ дворѣ.

— Милостивый государь, сказала я, снявъ шляпу въ знакъ уваженія и поклонившись: я не зналъ прежде, съ кѣмъ имѣю честь говорить. Вы, кажется, занимаете множество разныхъ должностей и, конечно, съ одинаковымъ искусствомъ.

— Да, сударь; надѣюсь, что я былъ одинаково способенъ для выполненія каждой изъ этихъ должностей, одной какъ другой.

— Позвольте однако жъ замѣтить, господинъ генераль.... судья.... еписк.... Я, право, не знаю, который изъ этихъ титуловъ вамъ болѣе по вкусу?

— Можете употреблять какой угодно. Я началъ съ генерала, но кончилъ капитаномъ, когда получилъ настоящій чинъ полномочнаго министра. Но называйте меня по фамиліи, Пиплзъ-Слевъ: это единственный титулъ, которымъ я истинно горжусь. Называйте меня Пиплзъ-Слевъ, сирь Джонъ: на свѣтъ нѣтъ фамиліи благороднѣе этой*.

— Милостивый государь, вы меня чрезвычайно обя-зали. Но осмѣлюсь ли спросить, вы сами, лично, занимали всѣ эти мѣста въ теченіе вашей жизни, или какъ?

— Конечно, сирь Джонъ. Надѣюсь, вы не принимаете меня за самозванца?

* Незнающимъ Англійскаго языка должно объяснить, что *Пиплзъ-Слевъ* значить — рабъ черни.

— Помилуйте, какъ можно! Но, напримѣръ, судья, епископъ, и генераль-маіоръ — три должности такія разнообразныя по своимъ обязанностямъ, что соединеніе ихъ въ одномъ лицѣ я нахожу необыкновеннымъ даже для Моникинскихъ способностей.

Вовсе нѣтъ, сирѣ Джонъ. Я именно занималъ всѣ эти мѣста по выбору моихъ согражданъ, прослужилъ въ нихъ срочное время, и имѣлъ случай показать къ каждому свои способности.

— Вы должны были найти сначала довольно трудными столь разнородныя занятія, одно послѣ другаго.

— И, нѣтъ! Вы, я вижу, уже напитались Липгайскими предразсудками, хотя живете здѣсь недавно. Этотъ Липгай—настоящая земля предразсудковъ! Мой билетъ есть лучшее объясненіе того, что мы называемъ у насъ, въ Липло, круговращеніемъ должностей, *rotation in office*.

— Круговращеніемъ должностей!

— Да, сирѣ Джонъ, круговращеніе должностей есть система государственной службы, принадлежащая только намъ однимъ, нашей мудрой республикѣ, хотя она основана на вѣчныхъ и непоколебимыхъ началахъ здраваго разсудка. Нѣтъ ничего простѣе. У насъ, въ Липло, есть два огромные ящика въ видѣ колеса. Въ одинъ кладутъ имена гражданъ, въ другой названія должностей, и выдергиваютъ балы какъ въ лотерею. Что можетъ быть простѣе и натуральнѣе!

— Ваша система круговращенія очень проста, правда: но всегда ли она хороша?

— Какъ-нельзя лучше, сирѣ Джонъ! Можетъ ли быть иначе? Мы вертимъ колеса, и должности раздаются поровну.

— Но развѣ не можетъ быть обмана со стороны тѣхъ, которые назначаются выдергивать билеты?

— О, это ничего не значить! И они сами выбраны были такимъ же образомъ.

— Ну, а тѣ, которые выдернули свои билеты?

— Все круговращательно, сударь: на нынѣшній годъ они выдернули свои билеты, на слѣдующій ихъ соперники выдернуть свои.

— Но тутъ должны быть споры, обвиненія, упрёки.....

— Невозможная вещь; тѣ, чьи билеты вышли, всегда патріоты изъ патріотовъ. Нѣтъ, сударь, нѣтъ! мы не такіе дураки, чтобъ допускать несправедливости. Случай дѣлаетъ все. Случай дѣлаетъ васъ адмираломъ сегодня, судьей или проповѣдникомъ завтра. Случай дѣлаетъ и патріотовъ. Надобно своими глазами видѣть наше политическое устройство, чтобъ увѣриться, какъ прочно и выгодно имѣть случайныхъ патріотовъ и случайныя способности для отечества, и какъ далеко они оставляютъ за собою патріотовъ по чувству.

— Ммъ! гордо крикнулъ при этихъ словахъ товарищъ посла, желая обратить на себя наше вниманіе, потому что мы совсѣмъ не замѣчали его и онъ не вмѣшивался въ бесѣду.

— А! простите, сирь Джонъ, мою забывчивость. Позвольте представить вамъ моего товарища и согражданина, бригадира Доунрайта, молодого животного, который теперь путешествуетъ, подобно вамъ; прекрасная обезьяна, съ рѣдчайшими способностями даже между Монниками.

— Бригадиръ Доунрайтъ, очень радъ познакомиться съ вами! Но, господа, я слишкомъ невѣжливъ; войдемте, пожалуйста, ко мнѣ на квартиру, очень близко отсюда, если вамъ угодно удостоить меня нѣсколькими минутами вашего сообщества.

«Я повелъ ихъ въ трактиръ и мы усѣлись въ удобномъ мѣстѣ.

— Мнѣ кажется, сказалъ я, что я наконецъ понялъ вашу систему, генераль, кромѣ того, что касается до патріотовъ. Не будетъ невѣжливо съ моей стороны,

предложить вамъ вопросы о вашемъ гражданскомъ устройствѣ.

— Ни сколько. Наше гражданское устройство просто и коротко. Наша система основана на природѣ. Какъ народъ, мы составились мало-по-малу, бывъ вывозимы на корабляхъ съ преступниками изъ Липгага. Почувствовавъ наконецъ себя вольными и независимыми, мы начали устроить нашу политическую систему на крѣпкомъ основаніи и на прочныхъ правилахъ. Прежде всего провели въ каждомъ штатѣ республики Липло по двѣ линіи, которыя пересѣкаются подъ прямымъ угломъ. Эти линіи изображаютъ два противные образа мыслей о благѣ отечества. Всякій гражданинъ долженъ стать на ту или другую черту.

— И всякой долженъ непременно слѣдовать этому закону?

— Это не законъ, но общій обычай, который сильнѣе закона. Кто не выполняетъ его, почитается дуракомъ. Сперва хотѣли сдѣлать это статьей конституціи; но одинъ изъ нашихъ государственныхъ мужей ясно доказалъ, что тогда многіе не станутъ нарочно исполнять препознаго обыкновенія, и планъ былъ оставленъ. Когда двѣ великія политическія черты были опредѣлены, для кандидатовъ въ патриоты составилось искусство которое мы называемъ: «прыганіемъ черезъ черту». Я объясню вамъ это на опытѣ, чтобъ дать точное понятіе о нашихъ началахъ.

«При этихъ словахъ капитанъ-епископъ-адмиралъ взялъ палку, и провелъ ею двѣ прямыя линіи, пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ, на полу. Сдѣлавъ это, онъ сталъ на одну черту, и просилъ меня разсмотрѣть, точно ли онъ стоитъ на самой чертѣ. Важный тонъ его вопроса побудилъ меня сказать, что — точно.

— Вотъ это мы называемъ первую общественною позиціей. Каждый гражданинъ долженъ умѣть стоять ровно на той или другой великой политической ли-

ни. И ужъ послѣ этого начинается для него круго-
вращеніе должностей. Ежели на той линіи, на кото-
рой онъ стоитъ, не дають выгодныхъ мѣстъ, онъ дѣ-
лаетъ..... вотъ такъ!

«Тутъ капитанъ сдѣлалъ высокій прыжекъ на право
кругомъ и ловко сталъ на другой линіи.

— Славно, генераль! воскликнулъ я. Вашъ прыжекъ
превосходный!

— Такимъ образомъ онъ получаетъ все. И кто полов-
че, тотъ безпрестанно перепрыгиваетъ съ одной черты
на другую.....

«Вице-адмиралъ началъ прыгать по обѣимъ чертамъ
съ удивительною быстротою, такъ, что я не могъ воз-
дать полной справедливости его фиглярству.

— Это еще ничего! сказалъ онъ. Если бъ вы побы-
вали въ Липло, вы бы увидѣли, что все народонаселе-
ніе прыгаетъ такъ съ черты на черту, что предста-
вляетъ самое занимательное и одушевленное зрѣлище.

— Какъ! вскричалъ я: все народонаселеніе?

— Именно такъ, отвѣчалъ онъ. Конечно, есть между
вами хромые и безногіе, да тѣ нейдутъ въ счетъ.

— Но какъ же это, любезный Пипльзъ-Слевъ? Вы
всѣ дѣлаете скачки, а патриоты составляютъ у васъ
особый классъ.

— Я вамъ это сейчасъ объясню. Само собою разу-
мѣется, что, въ такомъ числѣ прыгающихъ, есть такіе,
которые прыгаютъ лучше другихъ. Вотъ именно тѣ,
которые прыгаютъ подальше и почаще съ одного
мѣстна на другое, или съ одной главной черты на дру-
гую, и называются у насъ патриотами.

— А патриоты изъ патриотовъ, о которыхъ вы упо-
мянули?

— Для этого надобно дѣлать скачки съ пируетами
или кубаремъ.....

«Липлоскій министръ сталъ на одной чертѣ, и про-
силъ меня обратить все вниманіе на новую эволюцію.

Тогда онъ быстро перекувырнулся въ воздухъ, и попалъ концемъ ноги на другой линіи. Это была прекрасная штука, и я не могъ не похвалить его ловкости.

— Я, сударь, сдѣлалъ этотъ маневръ пять разъ въ жизни. Для васъ, сирь Джонъ, это въ шестой. И высокій титулъ патріота изъ патріотовъ, который я ношу, основанъ именно на его успѣшномъ выполненіи. Кто это умѣетъ сдѣлать, тотъ считается у насъ политикомъ и можетъ драться съ врагами на противной линіи.

— Какъ, генераль! такъ эти линіи заняты двумя враждебными партіями гражданъ? Два разные образа мыслей о благѣ одного отечества живутъ въ такомъ несогласіи между собою?

— Какъ кошка съ собакой! И такъ какъ я имѣлъ честь упомянуть передъ вами о кошкахъ и о собакахъ, то могу еще присовокупить, что онѣ очень на насъ похожи. Киньте ихъ, или нашего брата, съ высоты, онѣ также упадутъ на кончики своихъ лапъ. Онѣ рѣдко женятся, не знаютъ вовсе разводовъ, терзаются между собою и большею частію не говорятъ ни слова: коротко сказать, милостивый государь, онѣ настоящіе и достойные насъ антагонисты, тѣломъ и душою.

— Вотъ странная вещь!

— Моникинская, сударь, замѣтилъ бригадиръ Доунрайтъ.

— Я начинаю понимать вашу систему, которая, безъ сомнѣнія, самая сообразная съ Моникинскими нравами и даетъ нищу къ соревнованію. Но вы, кажется, сказали мнѣ, что вы происходите отъ Липгайцевъ?

— Точно такъ, сударь.

— Отчего же вы укорачиваете вашъ благороднѣйшій членъ, который здѣсь, въ Липгаѣ, цѣнятъ выше всего и почитаютъ вмѣстилищемъ своего ума?

— Вы намѣкаете на наши хвосты? Природа раздала эти украшения не равной рукою, какъ вы можете ви-

дѣтъ во всемъ Лингавъ; у того оумъ длиннѣе, у этого короче: слѣдственно, одинъ бываетъ умнѣе, другой глупѣе. Но, какъ политическій бытъ Липлоскихъ гражданъ основанъ на всеобщемъ равенствѣ, то мы почитаемъ великій умъ вещью анти-республиканскою, неллиберальною, которая можетъ существовать только въ старыхъ монархическихъ королевствахъ, и требуемъ чтобы всѣ граждане англизировали свои хвосты, то есть, свои умы, подѣ одну мѣру.

«Тутъ и бригадиръ вступилъ въ нашу бесѣду и распространился о пользѣ англизованныхъ умовъ. Онъ подробно доказывалъ, что кромѣ вреда системѣ республиканскаго равенства, допущеніе въ общество большихъ умовъ неминуемо подѣйствовало бы на уменьшеніе числа патріотовъ, потому что дураки не получали бы важныхъ должностей и не стали бы любить отечества.

«Поблагодаривъ Г. Доунрайта за его очевидныя доказательства, я замѣтилъ, что думалъ найти ихъ систему основанною на правилахъ разсудка и природы, и вовсе не могъ подозрѣвать, чтобы они уродовали и обрѣзывали свои умы, вмѣсто того, чтобы ихъ совершенствовать.

— Такъ; но и мы совершенствуемъ свои умы, да только въ физическомъ отношеніи. Оно больше для насъ и не нужно. Какъ мы республиканцы, то должны имѣть все общее, умъ также. Это дѣлаетъ, что у насъ гѣтъ ни умныхъ ни дураковъ, — всѣ мы умно-дуракоаты. Самое блаженное состояніе, сударь! Мы не терпимъ ничего, что хоть немного повыше насъ, потому то это вредно республикѣ и можетъ ее уничтожить. Каждый заботится объ одномъ себѣ и никого на свѣтъ нать не хочетъ. Мы не ставимъ въ грошъ геніевъ, по онъ ясной причинѣ, что они деспоты. Появись только онъ между нами: мы его оклеветаемъ, раздавимъ, и нѣтъ умреть съ голоду.

Г. XIV. — Отд. II.

— Позвольте сдѣлать еще вопросъ. Вы выдергиваете билеты на всѣхъ гражданъ: неужли у васъ столько же мѣстъ сколько жителей?

— Разумѣется, сударь. Наши мѣста раздѣляются на два великіе разряда, — на мѣста внѣшнія и на внутреннія. Внутреннія мѣста занимаются тѣми, которые прыгають лучше другихъ съ одного общаго мнѣнія на другое; а кто скочилъ похуже, беретъ внѣшнія. Затѣмъ, есть еще подраздѣленія двухъ большихъ разрядовъ: мѣста могутъ быть почетныя, или даровыя, и выгодныя, или дѣйствительныя. Почетныхъ мѣстъ девять-десятихъ изо всего числа, и онѣ раздаются съ большимъ безпристрастіемъ особамъ, которыя жаждутъ только славы. На остальные мѣста выбираютъ по лотореѣ, на основаніи законовъ круговращенія должностей.

— А патріоты, они какую должность занимають? Не почетную ли?

— О, совсѣмъ нѣтъ! наши патріоты по выбору всегда сьумѣють добыть себѣ *что-нибудь*.»

Этимъ ограничимъ мы выписки изъ послѣдняго романа Г. Купера. Нельзя назвать его сочинія совершенно дурнымъ, но оно довольно утомительно, и остроуміе очевидно не далось автору. Французскіе журналисты излили на «Моникиновъ» весь свой критическій гнѣвъ, и именно за нанесеніе чувствительнаго удара любимѣйшимъ ихъ мечтамъ: мы, напротивъ того, находимъ замѣчательными и достойными чтенія тѣ самыя мѣста книги, гдѣ авторъ, — республиканецъ и гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ, — обнаруживаетъ всю нелѣпость надеждъ нынѣшнихъ Французскихъ и Англійскихъ либераловъ. Въ этихъ только мѣстахъ Г. Куперъ и возвышается до веселости и остроумія.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

а

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ

ТЕОРИИ ЭЛЕКТРО-МАГНИТНОСТИ.

=

Прежде всего, просимъ читателей нашихъ не пугаться этого заглавія: мы постараемся быть ясными и общепонятными до послѣдней степени возможности. Дѣло идетъ объ одномъ изъ любопытнѣйшихъ явленій природы и едвали не важнѣйшемъ вопросѣ Естественныхъ Наукъ, но котораго нынѣшнее состояніе, кажется, по-сю-пору не изложено ни въ новѣйшихъ Русскихъ сочиненіяхъ о Физикѣ, ни даже въ Ученыхъ Запискахъ нашихъ академическихъ сословій. Мы сочтемъ себя счастливыми, если, знакомя всю публику съ новѣйшими открытіями по части точныхъ наукъ, побудимъ эти самыя записки и сочиненія менѣе отставать отъ современнаго хода предметовъ, которымъ они посвящены исключительно.

Принимаясь за перо, чтобъ объяснить, на первый случай, послѣднія открытія, сдѣланныя въ области важной науки электричества и магнитности, мы чувствуемъ необходимость повторить въ самыхъ короткихъ словахъ первоначальныя основанія этихъ открытій и теорій, хотя и предполагаемъ ихъ извѣстными большей части нашихъ читателей. Мы желали бы, чтобъ никто изъ нихъ не имѣлъ повода жаловаться на темноту изложенія, и стремленіе къ этой цѣли должно извинить насъ въ глазахъ тѣхъ, кто уже болѣе знакомъ съ подробностями прежняго состоянія вопроса.

Электричество, какъ извѣстно, есть невыразимо тонкая, газообразная, летучая жидкость, невидимо разлитая въ ат-

мосферъ и земныхъ тѣлахъ, проявляющаяся въ известныхъ обстоятельствахъ въ видѣ громовой искры, или молніи, и въ разныхъ другихъ формахъ; родъ чрезвычайно легкаго, эфирнаго воздуха, носящагося въ обыкновенномъ, грубѣйшемъ и тяжеломъ воздухѣ; одинъ изъ невѣсомыхъ и весьма сильныхъ дѣателей природы, который проникаетъ землю и всѣ тѣла, не измѣняя однако жъ ихъ ни въ объемѣ, ни въ температурѣ, даже не обличая своего существованія ни какимъ явнымъ признакомъ до тѣхъ поръ, пока, возбужденный чѣмъ-нибудь къ дѣйствию, или такъ сказать выжатый изъ даннаго тѣла, онъ не обнаружитъ силъ, иногда удивляющихъ своей быстротою и разрушительностью, иногда менѣе могущественныхъ, зато болѣе упорныхъ и постоянныхъ. Эти видоизмѣненія электрической силы, который часто зависятъ отъ образа ея возбужденія, представляютъ весьма разнообразныя феномены, имѣющіе однако жъ такую связь, которая указываетъ на общность ихъ происхожденія.

Электричество можетъ быть вызвано къ дѣятельности механическою силою, химическимъ дѣвствіемъ, теплотою, магнитностью. Намъ вовсе неизвѣстно, почему возбуждается оно именно этими средствами, ни даже то, какимъ образомъ существуетъ оно въ тѣлахъ, — какъ вещество ли, или только какъ свойство вещества. Но нельзя говорить о предметѣ и особенно объяснить его, не давъ ему соответственнаго имени; поэтому согласились разумѣть подъ словомъ электричество чрезвычайно упругую жидкость, способную двигаться съ большимъ или меньшимъ удобствомъ въ скважинахъ или даже въ самой сущности матеріи; и такъ какъ опытъ показалъ, что въ одномъ электрическомъ состояніи тѣла притягиваются, въ другомъ отталкиваются, то предположили два рода электричества, — положительное и отрицательное. Впрочемъ дѣйствительно ли то двѣ разныя жидкости, или взаимное притяженіе и отталкиваніе тѣлъ происходитъ отъ избытка и недостатка ихъ электричества, въ этомъ нѣтъ ни какой важности, потому что всѣ явленія объясняются и по той и по другой гипотезѣ.

Вещества, въ которыхъ положительное и отрицательное электричество находятся въ соединеніи, безучастны или

нейтральны; они не привлекаютъ и не отталкиваютъ. Есть многочисленныйъ разрядъ тѣлъ, въ которыхъ это электрическое равновѣсіе нарушается треніемъ; тогда-то начинаютъ дѣйствовать, или разлучаются, два противныя электричества: положительное стремится въ одну сторону, отрицательное въ другую; сходныя электричества отталкиваются, разнородныя притягиваютъ другъ друга. Притягивающая сила совершенно равна отталкивающей на одинакомъ разстояніи, и, если нѣтъ какого-нибудь препятствія, онѣ совокупилются съ чрезвычайной быстротою и напряженіемъ, производя искру, взрывъ и толчокъ: тутъ равновѣсіе опять возобновляется, и электричество остается скрытымъ до тѣхъ поръ, пока новая причина вызоветъ его къ дѣятельности. Нельзя возбудить одного рода электричества, не возбудивъ равнаго количества другаго.

Каждому извѣстна полярность магнита и его свойство притягивать полюсами противныя полюсы другихъ магнитовъ и отталкивать подобные. Явленія магнитности, такъ же какъ и электричества, объясняются предположеніемъ двухъ чрезвычайно тонкихъ жидкостей, проникающихъ частицы магнита или намагниченнаго тѣла. Когда эти двѣ жидкости въ соединеніи, онѣ бездѣйственны, такъ, что вещества, въ которыхъ онѣ содержатся, не обнаруживаютъ ни какихъ признаковъ магнитности; но бывъ разлучены, онѣ становятся дѣятельны; каждая жидкость притягиваетъ противную и отталкиваетъ ту, которая съ ней однородна. Разложеніе въ тѣлъ соединенныхъ жидкостей производится вліяніемъ которой нибудь одной, отдѣлившейся въ другомъ ближайшемъ тѣлѣ. Разница по-видимому въ томъ, что электрическія жидкости ограничиваются поверхностями, тогда какъ магнитныя проникаютъ каждую частицу толщи. Сверхъ-того, электрическая жидкость постоянно стремится выступить, и выступаетъ, если не удержитъ ее стѣснительная сила окружающаго воздуха и другихъ непроводниковъ; такого стремленія нѣтъ въ магнитной жидкости, которая никогда не оставляетъ содержащаго ея тѣла, въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, и ни одинъ родъ полярности даже въ самоналѣйшемъ примѣтномъ количествѣ не переходитъ изъ одной части тѣла въ другую. Кажется,

что объ магнитныя жидкости, при разложеніи ихъ дѣйствіемъ намагничивающихъ силъ, подвергаются только нечувствительному перемѣщенію внутри тѣла. Дѣйствіе всѣхъ перемѣщенныхъ такимъ образомъ частицъ на каждую въ особенности составляетъ многосложную силу, которой степень и направленіе могутъ быть опредѣлены помощью анализа. Этимъ-то средствомъ Г. Пуассонъ успѣлъ доказать, что результатъ дѣйствія всѣхъ магнитныхъ элементовъ намагниченнаго тѣла есть сила, равная дѣйствию весьма тонкаго слоя, покрывающаго все пространство тѣла и состоящаго изъ двухъ жидкостей, — южной и сѣверной, которыя занимаютъ разныя его части. Другими словами, притяженія и оттолкновенія, производимыя магнитомъ снаружи, совершенно таковы, какъ бы они происходили отъ весьма тонкаго слоя каждой изъ двухъ жидкостей, занимающихъ одну поверхность въ равномъ количествѣ и распределенныхъ такъ, что совокупное ихъ дѣйствіе на всѣ точки внутри тѣла равно нулю. Такъ какъ это дѣйствіе есть разность полярностей, то уже можно было предвидѣть, что оно должно быть гораздо меньше каждой изъ нихъ порознь.

Кромѣ упомянутыхъ нами силъ здѣсь надо предполагать какую-нибудь сдерживающую силу, подобную тренію, которая останавливаетъ частицы обѣихъ жидкостей, мѣшая сперва ихъ разлученію, а потомъ соединенію. Въ мягкомъ желѣзѣ, или нѣтъ этой силы, или она чрезвычайно слаба, потому что желѣзо легко намагничивается и такъ же легко теряетъ свою магнитность, тогда какъ въ стали сдерживающая сила чрезвычайно могущественна: она не даетъ ей быстро намагничиваться и отнюдь не дозволяетъ утрачивать приобретенныя магнитныя свойства. Слабость сдерживающей силы въ желѣзѣ и могущество ея въ стали совершенно соответствуетъ доступности проводниковъ электрическимъ жидкостямъ — и сопротивленію, которое встрѣчаютъ онѣ отъ тѣлъ непроводящихъ. На каждомъ шагу аналогія между магнитностью и электричествомъ становится разительнѣй. Притяженіе и оттолкновеніе общи обоимъ; положительное и отрицательное электричества подобны сѣверной и южной полярности и повпнуются одному и тому же закону, то есть, разныя силы привлекаются, одинакія отталкиваются. Каж-

дая изъ этихъ четырехъ силъ поодиночкѣ способна къ могущественному дѣйствию, но какъ электрическое равновѣсіе возстановляется соединеніемъ двухъ электричествъ, такъ и магнитное совокупленіемъ двухъ полярностей. Всѣ эти силы дѣйствуютъ въ обратномъ содержаніи къ квадрату разстояній и слѣдственно подходятъ подъ одни и тѣ же механическіе законы. Несмотря на эту аналогію электрическихъ явленій съ магнитными, долго не подозрѣвали между ними той близкой связи, какая обнаружена новѣйшими открытіями. Однако жъ дѣйствіе сѣверныхъ сіяній и молніи на компасъ были давно извѣстны. Въ 1819 году Копенгагенскій профессоръ Эрстедъ первый сдѣлалъ важное открытіе, что потокъ Вольтовскаго электричества имѣетъ сильное вліяніе на магнитную стрѣлку, и это наблюденіе было основой теоріи электро-магнитизма, самой любопытной науки новѣйшихъ временъ, какъ потому, что она ведетъ къ отождествленію двухъ дѣйствій, доселѣ относимыхъ къ разнымъ причинамъ, такъ и потому, что она открываетъ намъ новую силу, которая не имѣетъ себѣ подобной въ системѣ міра, которая одолеваетъ всѣ препятствія, происходящія отъ тренія и упорнаго посредства (medium) и поддерживаетъ вѣчное движеніе, возможное по-видимому только черезъ нее.

Когда соединишь оба полюса Вольтова столба проволокой, электричество течетъ по этой окружности непрерывно. Если прямую часть этой проволоки расположить параллельно и горизонтально надъ магнитной стрѣлкою, стоящей вольно на меридіанѣ, дѣйствіе электрическаго тока, который бѣжитъ въ проволоку, тотчасъ заставитъ стрѣлку двинуться съ мѣста. Конецъ ея отойдетъ отъ сѣвера къ востоку или къ западу, смотря по направленію, въ какомъ бѣжитъ потокъ, и съ переменною этого направленія переменится и движеніе стрѣлки.

Всѣ опыты доказываютъ одно, что сила электрическаго потока дѣйствуетъ къ нему подъ прямыми углами и что слѣдственно она не похожа ни на какую изъ прочихъ извѣстныхъ намъ силъ. Всѣ силы въ природѣ дѣйствуютъ по прямымъ линіямъ: кривыя, описываемыя небесными тѣлами, происходятъ отъ совокупленія двухъ прямолинейныхъ силъ, между-тѣмъ какъ та, которую электрической потокъ обнару-

*

живаешь надъ полюсами магнита, отнюдь не привлекаешь и не удаляешь полюса, но заставляешь его кружить около самого себя. Предположимъ, что электрическая струя проходитъ черезъ центръ круга, котораго плоскость перпендикулярна потоку, а радиусъ равенъ разстоянію между потокомъ и стрѣлкою, направленіе силы будетъ всегда по касательной круга или подъ прямыми углами къ его радиусу. Г: Барло доказалъ, что дѣйствіе каждой частицы электрической жидкости въ проволоку на каждую частицу магнитной жидкости въ стрѣлкѣ находится въ обратномъ содержаніи къ квадрату разстояній.

Докторъ Фаредѣ первый успѣлъ заставить магнитный полюсъ обращаться около отвѣсной проволоки, въ которую онъ спускалъ электрической потокъ. Чтобы ограничить дѣйствіе электричества однимъ полюсомъ, онъ погрузилъ около двухъ третей маленькаго магнита въ сосудъ со ртутью и прикрѣпилъ нижній конецъ ниткой ко дну сосуда. Магнитъ плавалъ почти вертикально, выставляясь изъ-подъ ртути съвернымъ полюсомъ, и когда въ проволоку, касавшуюся ртути, спущенъ былъ положительно-электрической потокъ, онъ тотчасъ началъ обращаться слѣва вправо около проволоки. Въ тѣхъ же обстоятельствахъ, южный полюсъ вертится справа влево. Изъ этого опыта было очевидно, что можно заставить и проволоку обращаться около магнита, потому что дѣйствіе электрическаго потока на магнитный полюсъ необходимо должно сопровождаться соответственнымъ противодействіемъ магнитнаго полюса на электричество проволоки. Фаредѣ произвелъ оба эти движенія въ одно и то же время: проволока и магнитъ обращались въ одномъ направленіи около общаго центра движенія, слѣдуя другъ за другомъ.

Посредствомъ Вольтоваго электричества заставляли обращаться ртуть, и наконецъ профессоръ Ричи показывалъ въ Лондонскомъ Королевскомъ Институтѣ опытъ круговращенія воды въ неподвижномъ сосудѣ. Вода была въ двойномъ пустомъ стеклянномъ цилиндрѣ, и когда ее наэлектризовали, она начала вертѣться, измѣняя направленіе съ переменною полюсовъ Вольтова столба. Но одно изъ удивительнѣйшихъ дѣйствій новой силы представляется въ проволоку, свитой улиткою или штопоромъ и соединенной съ полюса-

ни того же столба. Если поставить въ улитку намагниченный стальной прутикъ или иглу такъ, чтобъ они опирались на нижнюю часть ея, то, при впускѣ электрическаго потока въ проволоку улитки, стальной прутикъ подымается дѣйстви-емъ этой невидимой силы и остается вислящимъ на воздухъ вопреки закону тяготѣнія. Электро-магнитная сила, возра-стающая съ каждымъ изгибомъ проволоки, влечетъ сѣвер-ный полюсъ магнита въ одну сторону, а южный въ другую, и вслѣдствіе этого боренія стальной прутикъ остается на вѣсу.

Посредствомъ Вольтовскаго электричества дѣлаются силь-нѣйшіе временные магниты: толстый, мягко-железный ци-линдръ сгибается въ видѣ подковы и обвивается толстой мѣд-ной проволокой въ шелку для разобщенія ея завитковъ. Ко-гда эта проволока соединяется съ Вольтовскимъ столбомъ, железо намагничивается такъ сильно, что подымаетъ иногда до шестидесяти пудовъ вѣсу, какъ доказали опыты профес-сора Генри въ Соединенныхъ Штатахъ. Утрехтскій профес-соръ Моль сдѣлалъ магнитъ, подымавшій пять пудовъ тя-жести, подъ вліяніемъ столбика, который былъ менѣе по-лутора дюйма въ квадратъ и состоялъ изъ двухъ металличе-скихъ пластинокъ, спаянныхъ вмѣстѣ. Удивительно, что дѣя-тель, возбужденный такимъ маленькимъ снарядомъ и разли-тый до большой массѣ желѣза, сообщаетъ силу, которая кажется вовсе несообразнвою.

Ученіе объ электро-магнитности, которое должно увѣковѣ-чить имя Эрстеда, связано со взаимнымъ дѣйствіемъ электри-ческихъ и магнитныхъ потоковъ: Г. Амперъ, открывъ влія-ніе электрическихъ потоковъ другъ на друга, присовокупилъ къ наукѣ новую отрасль, названную имъ электро-динамикой.

Когда электрическіе потоки бѣгутъ въ двухъ проволокахъ, расположенныхъ такимъ образомъ, что онѣ могутъ сходить-ся и расходиться, эти проволоки обнаруживаютъ взаимное влеченіе или отталкиваніе, смотря по тому, въ одинаковомъ ли или въ противоположномъ направленіи идутъ потоки: явленія измѣняются вмѣстѣ съ относительнымъ наклономъ и положеніемъ электрическихъ токовъ, которое можетъ быть параллельно, перпендикулярно, кругообразно, направлено къ одной точкѣ или въ разныя стороны, и смотря по тому

производить въ проволокѣхъ разнородныя движенія, прямолинейныя и круговыя, и заставляетъ обращаться витую проволоку, о которой мы прежде говорили и которую называютъ теперь электро-динамическимъ цилиндромъ. Такъ какъ предположеніе силы, измѣняющейся въ обратномъ содержаніи къ квадрату разстояній, совершенно согласно со всѣми наблюдаемыми феноменами, то эти движенія подходятъ подъ общіе законы динамики и анализа наравнѣ съ прочими отраслями Физики.

Электро-динамическіе цилиндры, пока течетъ въ нихъ электричество, дѣйствуютъ другъ на друга точно такъ, какъ бы они были магниты. Всѣ опыты, дѣлаемые цилиндромъ, можно производить и помощію магнита. Конецъ цилиндра, въ которомъ токъ положительнаго электричества движется въ томъ же направленіи, какъ часовыя стрѣлки, дѣйствуетъ въ видѣ южнаго магнитнаго полюса; другой конецъ, гдѣ потокъ идетъ въ противоположномъ направленіи, обнаруживаетъ сѣверную полярность.

Всѣ явленія показываютъ рѣшительную разность между электричествомъ въ движеніи и электричествомъ покоящихся, то есть, между Вольтовскимъ и обыкновеннымъ электричествомъ; законы, которымъ они слѣдуютъ не сходны во многихъ отношеніяхъ, хотя самыя электричества тождественны. Такъ какъ Вольтовское электричество течетъ непрерывно, оно не можетъ скопиться и слѣдственно не имѣетъ напряженія, то есть, не ищетъ вырваться изъ проводящихъ его проволокъ, которыя, въ свою очередь, не привлекаютъ и не отталкиваютъ легкихъ тѣлъ по близости, тогда какъ обыкновеннаго электричества можно скопить очень много въ разобщенномъ тѣлѣ, и въ этомъ спокойномъ состояніи стремленіе его освободиться соразмѣрно съ накопленнымъ количествомъ и съ сопротивленіемъ, которое оно встрѣчаетъ. Въ обыкновенномъ электриствѣ законъ дѣйствія тотъ, что разныя его роды притягиваютъ другъ друга, а одинаковыя отталкиваютъ. Въ Вольтовскомъ напротивъ, одинаковыя потоки, или тѣ, которые идутъ въ одномъ направленіи, притягиваютъ другъ друга, а отталкиваются разнородныя, или тѣ, которые текутъ въ противоположныхъ направленіяхъ. Обыкновенное электричество освобождается,

какъ скоро удалить давленіе атмосферы, но электро-динамическія дѣйствія остаются все тѣ же, будутъ ли проводники въ воздушномъ или въ безвоздушномъ пространствѣ.

Хотя сила электрическаго потока зависитъ отъ быстроты его движенія, скорость, съ какою бѣжитъ онъ въ проволокѣ, намъ вовсе неизвѣстна. Мы также не знаемъ однообразно ли это движеніе или нѣтъ, но способъ сообщенія электричества имѣетъ примѣтное вліяніе на его дѣйствія: если оно течетъ непрерывно, то причиняетъ уклоненіе магнитной стрѣлки; если жъ движеніе его перемежающееся или прерывистое, какъ потокъ, производимый обыкновенной электрической машиной при соединеніи положительнаго кондуктора съ отрицательнымъ, оно остается вовсе бездѣйственно.

Руководствуясь аналогіей между электро-динамическими цилиндрами и магнитами, Г. Амперъ создалъ теорію, основанную на взаимномъ влеченіи электрическихъ токовъ, къ которому можно свести всѣ явленія магнитности, допустивъ, что тѣла получаютъ магнитныя свойства отъ электрическихъ токовъ, кружащихъ около каждой ихъ части въ однообразномъ направленіи. Хотя каждая частица магнита имѣетъ одинаковыя свойства съ цѣлымъ, однако жъ общее дѣйствіе точно то же, какъ бы магнитныя свойства ограничивались одной поверхностью. Поэтому внутренніе электрическіе потоки должны покрывать одинъ другаго, и слѣдственно магнитность тѣла происходитъ, по предположенію, отъ поверхностнаго электрическаго потока, постоянно кружащаго въ направленіи, перпендикулярномъ къ магнитной оси, такъ, что взаимное дѣйствіе магнитовъ и всѣ явленія электро-магнитности сводятся на дѣйствіе и противодѣйствіе поверхностныхъ токовъ электричества, обнаруживающихъ свою силу подъ прямыми углами къ ихъ направленію. Несмотря на опыты, произведенные Г. Амперомъ для объясненія этого предмета, въ теоріи возбужденія магнитности электрическимъ потокомъ все еще остается довольно темноты. Изъ нея не лзя видѣть, происходятъ ли электрическіе потоки, которые прежде не существовали, чрезъ постороннее возбужденіе, induction, или дѣйствіе его ограничивается только сообщеніемъ однообразнаго на-

правленія безконечному числу электрическихъ токовъ, которые существовали прежде въ каждой частицѣ даннаго тѣла, и дѣлаеть ихъ такимъ образомъ способными къ обнаруживанію магнитныхъ явленій, точно такъ, какъ поляризація приводитъ волненія свѣта къ одной плоскости, хотя прежде они происходили во всѣхъ возможныхъ плоскостяхъ. Быть-можетъ, дѣйствіе электрическаго тока не только даетъ общее направленіе существовавшимъ уже потокамъ, но и увеличиваетъ ихъ силу. Какъ бы то ни было, допустивъ, что притяженіе и отталкиваніе стихійныхъ частей электрическихъ токовъ состоитъ въ обратномъ содержаніи къ квадрату разстояній и дѣйствуетъ подъ прямыми углами къ направленію потока, физики нашли, что притяженіе и отталкиваніе потока неопредѣленной длины, оказываемое вразсужденіи стихійной части другаго параллельнаго потока, въ какомъ бы то ни было разстояніи, находится въ прямомъ содержаніи къ кратчайшему разстоянію между обими. И такъ взаимное дѣйствіе электрическихъ потоковъ сводится на составленіе и разрѣшеніе силъ, и феномены электро-магнитности подчиняются законамъ динамики по теоріи Г. Ампера.

По закону равенства и обратности между дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ, должно было ожидать, что какъ электричество сильно наитствуетъ магниты, такъ наоборотъ и магнитность должна производить электрическія явленія. Доказавъ этотъ важный фактъ посредствомъ опытовъ, о которыхъ мы неразъ упоминали въ этомъ журналѣ, знаменитый докторъ Фаредѣ обогатилъ науку новою вѣтвію, которую онъ назвалъ магнито-электричествомъ. Мы приведемъ здѣсь только первоначальные его опыты, о которыхъ еще не говорили нашимъ читателямъ.

Докторъ Фаредѣ взялъ мягко-железное кольцо, навилъ на одну его половину много мѣдной проволоки улиткою и соединилъ съ Вольтовскимъ столбомъ, а другую половину, такъ же обвитую проволокой, которая однако жъ не касалась первой проволоки, привелъ въ сообщеніе съ гальванометромъ, служащимъ, какъ извѣстно, для измѣренія силы электрическихъ потоковъ. При первомъ соприкосновеніи снаряда съ Вольтовскимъ столбомъ, стрѣлка гальванометра

уклонилась. Но дѣйствіе это было временное: когда соприкосновеніе продолжалось, стрѣлка приходила въ свое обыкновенное положеніе и отнюдь не наитствовала постояннымъ теченіемъ электричества въ проволоку, которая была соединена со столбомъ. Но лишь только соприкосновеніе было прервано, стрѣлка гальванометра снова уклонилась, но уже въ противную сторону. Тѣ же дѣйствія были произведены снарядомъ изъ двухъ проволочныхъ улитокъ, навитыхъ на дерево, а не на желѣзо, откуда докторъ Фаредѣ заключилъ, что электрической потокъ, идущій отъ столба по одной проволоку, причиняетъ такой же потокъ въ другой, но только въ минуту соприкосновенія, и что при внезапномъ перерывѣ сообщенія электричества мгновенно возникаетъ потокъ, идущій въ противоположномъ направленіи. Эти короткіе потоки или волны электричества оказались способными намагничивать иглы, проходить сквозь небольшія пространства жидкости и даже производить мелкія искры, когда къ улиткѣ приставляли заостренные уголки; но не замѣчено было ни химическаго дѣйствія, ни другихъ признаковъ электричества. Стрѣлка гальванометра уклонилась и тогда, когда вмѣсто Вольтоваго потока употребляли обыкновенныя магниты, такъ, что магнитная и электрическая жидкости явились въ этомъ случаѣ тождественными.

Ученый естествоиспытатель взялъ потомъ улитку, свитую изъ двухъ сотъ двадцати футовъ мѣдной проволоки, вставилъ въ нее мягко-железный цилиндръ и, расположивъ этотъ снарядъ между сѣвернымъ и южнымъ полюсами двухъ стальныхъ магнитовъ, соединилъ концы его посредствомъ проволоку съ гальванометромъ: всякой разъ, какъ магниты сообщались съ железнымъ цилиндромъ, онъ тотчасъ намагничивался и производилъ уклоненіе стрѣлки въ гальванометрѣ. Если сообщеніе продолжалось, стрѣлка приходила въ свое естественное положеніе, а при перерывѣ сообщенія уклонилась въ противную сторону; съ переменною точкою соприкосновенія переменялось и направленіе стрѣлки. Сильныя магниты производили такое могущественное дѣйствіе, что стрѣлка гальванометра вертелась нѣсколько разъ сряду кругомъ; подобныя слѣдствія получались отъ одного приближенія улитки къ полюсамъ магнита или удаленія ея отъ нихъ.

Такимъ образомъ было доказано, что магниты производятъ на гальванометръ то же дѣйствіе, какое электричество. Хотя въ то время эти мгновенные потоки, раждаемые магнитами, не совершали химическаго разложенія, однако они ужъ производили судороги въ членахъ лягушки, и докторъ Фареде справедливо утверждалъ, что «дѣятель, проводимый металлическими проволоками, какъ выше описано, обладающій магнитностью и силою электрическаго потока, способный возбуждать судороги въ членахъ лягушки и наконецъ производящій искру, разряжаясь въ уголь, — этотъ дѣятель можетъ быть только электричество.» Отсюда видно, что магниты раждаютъ электрическіе потоки, производящіе точно тѣ же явленія, какъ и электрическіе потоки Вольтоваго столба; но они существенно разнятся въ томъ отношеніи, что магнито-электрическое дѣйствіе требуетъ времени, а Вольто-электрическое обнаруживается мгновенно.

Впослѣдствіи докторъ Фареде доказалъ тождество магнитной и электрической жидкостей, произведши искру, раскаливъ металлическія проволоки и наконецъ совершивъ химическое разложеніе посредствомъ магнито-электричества.

Совершенно новый источникъ магнитности открытъ Г. Араго въ вращательномъ движеніи. Если круглую мѣдную пластинку обращать надъ самой или подъ самой магнитною стрѣлкой, или магнитомъ, повѣшеннымъ такъ, чтобъ онъ могъ обращаться въ плоскости параллельной пластинкѣ, стрѣлка, или магнитъ, стремится слѣдовать за круговращеніемъ пластинки. Это совершенно независимо отъ движенія воздуха, потому что то же самое бываетъ и тогда, когда между магнитомъ и мѣдью будутъ держать стекло. Когда магнитъ и мѣдная пластинка неподвижны, между ними не замѣтно ни какой связи, ни притяженія, ни отталкиванія, ни чего другаго. Описывая этотъ феноменъ, Г. Араго говоритъ, что онъ обнаруживается не только въ металлахъ, но и во всѣхъ другихъ веществахъ, твердыхъ, жидкихъ и даже газообразныхъ, хотя относительная его сила зависитъ отъ рода движущагося вещества. Опыты доктора Фаредѣ объясняютъ и это странное явленіе. Мѣдная бляха, двѣнадцати дюймовъ въ поперечникъ и въ одну-пятую дюйма толщины, была помѣщена между полюсами сильнаго подковообразнаго магнита и сое-

дншена въ извѣстныхъ точкахъ мѣдными проволоками съ гальванометромъ. Пока бляха была неподвижна, не происходило ни какого дѣйствія, но какъ скоро начинали ее быстро вертѣть, гальванометрическая стрѣлка уклонялась иногда на девяносто градусовъ, а при однообразномъ вращеніи уклоненіе постоянно было въ сорокъ пять градусовъ. Когда движеніе бляхи обрацали въ противоположную сторону, стрѣлка уклонялась туда же, и такимъ образомъ постоянный токъ электричества пораждался обыкновеннымъ магнитомъ. Сила электричества, собираемого проволоками и сообщаемого ими гальванометру, измѣнялась съ перемѣщеніемъ бляхи вразсужденіи магнитныхъ полюсовъ.

Движеніе электричества въ мѣдной бляхѣ дѣлается постижимо, когда обратимъ вниманіе на то, что довольно движенія одной проволоки, машущей подобно спицѣ колеса, передъ магнитнымъ полюсомъ, для возбужденія въ ней электрическаго тока съ одного конца на другой. Теперь, если изъ множества такихъ спицъ составить колесо въ-самомъ-дѣлѣ и вертѣть его у магнитнаго полюса, какъ ту мѣдную бляху, каждый радіусъ или спица получить стремленіе имѣть въ себѣ потокъ, возбуждаемый при проходѣ его передъ полюсомъ. Но такъ какъ круглая бляха не что иное какъ безконечное число соприкасающихся радіусовъ или спицъ, то потоки побѣгутъ въ направленіи радіусовъ, если только будетъ проходъ для ихъ возвратнаго движенія, а въ сплошной бляхѣ этотъ проходъ представляется боковыми частями по обѣимъ сторонамъ каждаго радіуса, который приближается къ самому полюсу магнита. Эта гипотеза подтверждается наблюденіемъ: потоки положительнаго электричества идутъ отъ центра къ окружности, а отрицательнаго отъ окружности къ центру и наоборотъ, смотря по положенію магнитныхъ полюсовъ и направленію вращательнаго движенія, такъ, что проволока въ центрѣ мѣдной бляхи сообщаетъ гальванометру положительное электричество въ одномъ случаѣ, и отрицательное въ другомъ. Электричество, собираемое проволокой, которая въ соприкосновеніи съ окружностью бляхи, всегда противоположно тому, которое сообщается изъ центра. Очевидно, что когда бляха и магнитъ оба неподвижны, тогда нѣтъ ни какого дѣйствія; потому что электрическіе токи,

которые причиняютъ уклоненіе гальванометра, совершенно прекращаются. Тѣ же явленія можно произвести электромагнитами. Дѣйствія бываютъ одинаковы, когда вращается и магнитъ, а бляха остается на мѣстѣ. Если магнитъ ходить однообразно на своей оси, электричество одного рода собирается у полюсовъ, а противоположное у экватора.

Явленія, которыми сопровождался опыты Г. Араго, могутъ быть объяснены на основаніи этого начала. Когда и мѣдная бляха и магнитъ оба вращаются, дѣйствіе возбужденнаго электрическаго потока постоянно стремится уменьшать ихъ относительное движеніе и приводить ихъ въ состояніе относительнаго покоя, такъ, что если одинъ изъ нихъ придетъ въ вращательное движеніе отъ посторонней силы, другой будетъ стремиться вслѣдъ за нимъ съ одинаковой быстротою.

Когда пластинка желѣза или какого нибудь другаго вещества, способна сдѣлаться временнымъ или постояннымъ магнитомъ, вращается между магнитными полюсами, тогда разноименные полюсы на противоположныхъ сторонахъ пластинки покрываютъ, или нейтрализуютъ, дѣйствія другъ друга, такъ, что вовсе не оказывается электричества, тогда какъ одноименные полюсы по сторонамъ вращающейся пластинки усиливаютъ скопленіе электрической жидкости, и для достиженія этой цѣли достаточно даже одного полюса на концѣ. Но когда вращается мѣдь и вещества, нечувствительныя къ обыкновеннымъ магнитнымъ дѣйствіямъ, тогда одинаковые полюсы на противоположныхъ сторонахъ пластинки нейтрализуютъ другъ друга, разноименные усиливаютъ дѣйствіе, а одинъ полюсъ на краю или на концѣ пластинки не производитъ ничего. Это составляетъ отличительный признакъ между обыкновенной магнитностью и тою, которая поражается вращательнымъ движеніемъ. Если два несходные полюса, то есть, сѣверный и южный, производятъ болѣе дѣйствія, чѣмъ одинъ, это значитъ, что сила возбуждена электрическими токами; если два подобные полюса производятъ болѣе дѣйствія, чѣмъ одинъ, тогда сила не электрическаго начала. Эти изслѣдованія показали, что есть весьма немного тѣлъ, магнитныхъ какъ желѣзо. Поэтому докторъ Фареде распредѣляетъ всѣ вещества на три порядка вразсужденій

относительности ихъ къ магнитамъ: во-первыхъ, тѣ, которыя наитствуются магнитомъ въ спокойномъ состояніи, какъ-то желѣзо, сталь и никель, обладающіе обыкновенными магнитными свойствами; во-вторыхъ, тѣ, которыя намагничиваются только въ движеніи, при чемъ магнитная сила возбуждаетъ электрическіе потоки, — какова мѣдь; и наконецъ тѣ, которыя совершенно безчувственны къ магниту и въ движеніи и въ спокойномъ состояніи.

Извѣстно, что для произведенія Вольтовскаго электричества нужны три тѣла, изъ которыхъ одно должно быть жидкое. Но въ 1822 году, профессоръ Зебекъ, въ Берлинѣ, открылъ, что можно производить электрическіе потоки частнымъ приложеніемъ теплоты къ двумъ твердымъ проводникамъ электричества. Напримѣръ, если полукругъ висмута соединить съ сурьмянымъ такъ, чтобъ составилось кольцо, и нагрѣть его въ одномъ изъ спаевъ лампою, электрической токъ побѣжитъ въ кольцо изъ сурьмы къ висмуту, и такіе термо-электрическіе токи производятъ всякое электро-магнитное дѣйствіе. Компасная стрѣлка, поставленная внутри кольца или внѣ его, на небольшомъ разстояніи, уклоняется отъ естественнаго положенія соответственно пути электрическаго тока. Если это кольцо повѣсить такимъ образомъ, чтобъ оно могло вольно двигаться во всѣ стороны, оно будетъ повиноваться дѣйствію приближеннаго къ нему магнита и даже, если угодно, станетъ кружиться. По изслѣдованіямъ Г. Зебека, одно и то же вещество, неровно нагрѣтое, обнаруживаетъ электрическіе потоки, а Г. Нобили замѣтилъ, что во всѣхъ металлахъ, кромѣ цинка, желѣза и сурьмы, электричество течетъ отъ горячей части къ холодной. Этотъ естественный испытатель приписываетъ магнитность земнаго шара разности дѣйствій теплоты на многочисленныя вещества, изъ которыхъ состоитъ его черепъ, и въ подтвержденіе этой мысли онъ производилъ электрическіе потоки сопряженіемъ двухъ комковъ сырой глины, изъ которыхъ одинъ былъ теплѣе другаго.

Г. Бекерель устроилъ термо-электрическую батарею, или столбъ, изъ одного металла, и посредствомъ ея определялъ отношеніе между употребленнымъ жаромъ и силою полученнаго электричества. Онъ нашелъ, что въ большей

части металловъ сила потока возрастаетъ вмѣстѣ съ жаромъ до известнаго предѣла, но что этотъ законъ простирается гораздо дальше въ металлахъ огнеупорныхъ и неподверженныхъ ржавчинѣ. Опыты профессора Комминга показали, что взаимное дѣйствіе магнита и термо-электрическаго потока подлежитъ тѣмъ же законамъ, какъ дѣйствіе магнитовъ и потоковъ Вольтоваго электричества; следовательно всѣ феномены притяженія, отталкиванія и круговращенія могутъ быть обнаружены и термо-электрическимъ потокомъ. Г. Ботто, въ Туринѣ, разложилъ воду и нѣкоторые растворы термо-электричествомъ; однако жъ оно такъ слабо, что доселѣ не замѣчено въ немъ ни теплоты, ни свѣта, ни какихъ другихъ признаковъ напряженія.

Во всѣхъ опытахъ, о которыхъ мы до-сихъ-поръ говорили, употреблялись одни искусственные магниты; но само собою разумѣется, что магнитность земнаго сфероида, имѣющая столь могущественное вліяніе на компасъ мореплавателя, должна дѣйствовать и на электрическіе токи. Мѣдная проволока, согнутая прямымъ угломъ и движущаяся вольно на вертикальной оси, становится своей плоскостью подъ прямымъ угломъ къ магнитному меридіану какъ скоро пустятъ въ нее струю электричества. Въ тѣхъ же обстоятельствахъ подобный прямоугольникъ, повѣшенный на горизонтальной оси подъ прямымъ угломъ къ магнитному меридіану, принимаетъ одинаковое наклоненіе съ магнитною стрѣлкою. Но магнитность земли поражаетъ и электрическіе токи. Когда расположишь мѣдно-проволочную улитку, которой концы соединены съ гальванометромъ, въ уровень съ наклоненіемъ компаса и повернешь ее нѣсколько разъ, приравливая движеніе къ качаніямъ стрѣлки, послѣдняя скоро начнетъ качаться по дугѣ въ восемьдесятъ или девяносто градусовъ. Изъ этого очевидно, что какаѣ бы ни была причина земной магнитности, она производитъ электрическіе токи своимъ непосредственнымъ вліяніемъ на такой металлъ, который вовсе не способенъ къ обнаруженію обыкновенныхъ свойствъ магнита. Дѣйствіе на гальванометръ бываетъ гораздо сильнѣе, если вставить въ улитку мягко-железный цилиндръ, и тѣ же явленія слѣдуютъ какъ за вложеніемъ этого цилиндра, такъ и за вынутіемъ его изъ проволоки. Для объясненія

себѣ этого, надобно вспомнить, что желѣзо дѣлается черезъ вліяніе земной магнитности сильнымъ временнымъ магнитомъ : кусокъ желѣза, напримѣръ кочерга, становится магнитомъ на ту пору, какъ ее положить въ черту наклоненія магнитной стрѣлки.

Г. Біодъ составилъ теорію земной магнитности на основаніи наблюдений Гумбольдта. Допустивъ, что дѣйствіе двухъ противоположныхъ магнитныхъ полюсовъ земли на каждую ея точку состоитъ въ обратномъ содержаніи къ квадрату разстояній, онъ получаетъ общее выраженіе для направленія магнитной стрѣлки, которое зависитъ отъ разстоянія между сѣвернымъ и южнымъ магнитнымъ полюсомъ, такъ, что съ переменю одного изъ этихъ количествъ, соответственная переменна другаго будетъ извѣстна. Предположивъ, что разстояніе между полюсами измѣняется и сравнивая вычисленное направленіе стрѣлки съ наблюденіями Гумбольдта, онъ нашелъ, что чѣмъ ближе полюсы сводятся предположеніемъ, тѣмъ согласнѣе вычисленія съ наблюденными выводами, и что если предположить полюсы почти или совершенно совмѣстившимися, то разность между теоріей и наблюденіемъ будетъ сама малѣйшая. Изъ этого очевидно, что Земля дѣйствуетъ не какъ постоянно магнитное тѣло, котораго отличительная черта — два полюса въ извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Г. Барлоу изслѣдовалъ этотъ предметъ съ большимъ искусствомъ и успѣхомъ. Онъ во первыхъ доказалъ, что магнитная сила желѣзной сферы содержится въ ея поверхности; потомъ онъ изслѣдовалъ, какое будетъ поверхностное дѣйствіе этой сферы, въ состояніи временной магнитности, на компасную стрѣлку, если ее разобщить съ магнитностью земнаго шара. Выводы, которые онъ получилъ, подтвержденные глубокимъ анализомъ Г. Пуассона по предположенію двухъ полюсовъ, неопредѣленно близкихъ къ центру сферы, тождественны съ выводами Г. Біота изъ Гумбольдтовыхъ наблюдений. Отсюда слѣдуетъ, что законы земной магнитности, составленные по формуламъ Г. Біота, не согласны съ тѣми, которымъ повинуются постоянный магнитъ, но вполне соответствуютъ тѣмъ, которымъ подлежитъ тѣло въ состояніи временнаго намагниченья. Поэтому Землю должно почитать временно намаг-

ничиваемому постороннимъ вліяніемъ, а не настоящимъ магнитомъ. Г. Барло сдѣлалъ это чрезвычайно вѣроятнымъ, устроивъ деревянный шаръ съ выемками или пазами, по которымъ навивается мѣдная проволока отъ полюса до полюса параллельно съ экваторомъ. Когда электрическій потокъ пропущался въ проволоку, магнитная стрѣлка, повѣшенная надъ шаромъ и огражденная отъ вліянія земной магнитности, обнаруживала всѣ феномены наклоненія и отклоненія, смотря по положенію ея относительно деревяннаго шара. Такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что тѣ же явленія произошли бы и отъ термоэлектрическихъ потоковъ, вмѣсто Вольтовскихъ, если бы пазы деревяннаго шара наполнили кольцами изъ двухъ металловъ или изъ одного неровно нагрѣтаго, то кажется весьма вѣроятнымъ, что солнечная теплота есть тотъ великій дѣятель, который возбуждаетъ электрическіе токи въ поверхности или близъ поверхности земнаго шара дѣйствіемъ своимъ на вещества, его составляющія, и который, чрезъ перемѣны въ напряженіи этого дѣйствія, причиняетъ существенныя измѣненія компаса и другія волненія земной магнитности, обнаруживаемыя переходомъ направлений магнитныхъ линій, подобно тому, какъ тотъ же великій дѣятель наитствуетъ параллелизмъ линій одинаковаго тепла. Существованіе такихъ токовъ въ рудоносныхъ жилахъ явствуетъ изъ опытовъ Г. Фокса въ Коривельскихъ мѣдныхъ рудникахъ. Вѣроятно, однако жъ, что вѣковыя и періодическія возмущенія магнитной силы причиняются совокупнымъ дѣйствіемъ различныхъ обстоятельствъ. Г. Біо упоминаетъ между прочимъ близость горныхъ хребтовъ отъ мѣста наблюденія, и особенно дѣйствіе обширныхъ вулканическихъ огней, которые измѣняютъ химическое состояніе земной поверхности, измѣняясь и сами отъ времени до времени, — одни погасаютъ, другіе возникаютъ къ дѣятельности.

Сверхъ-того, очень вѣроятно, что до нѣкоторой степени Земля обязана магнитностью и своему вращательному движенію. Докторъ Фаредѣ доказалъ, что всѣ феномены вертящихся пластинокъ могутъ быть произведены помощью одной земной магнитности. Если мѣдную пластинку соединить съ гальванометромъ двумя мѣдными проволоками, одною въ центрѣ, другою при окружности, для собиранія и

сообщенія электричества, то при круговращеніи пластинки въ плоскости, проходящей чрезъ уровень наклоненія магнитной стрѣлки, гальванометръ не обнаруживаетъ ни какой чувствительности. Но какъ скоро пластинка наклонится къ этой плоскости, вращеніе ея начинаетъ возбуждать электричество, и оно становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе возрастаетъ наклоненіе пластинки, такъ, что когда она вертится подъ прямымъ угломъ къ наклоненію компаса, электричество достигаетъ высшей степени напряженія. Когда пластинка обращается въ одинаковомъ направленіи съ часовыми стрѣлками, электрической потокъ бѣжитъ въ ней отъ центра къ окружности, а когда она движется въ противоположномъ направленіи, потокъ также идетъ въ другую сторону. Самое большое уклоненіе гальванометра простиралось отъ пятидесяти до шестидесяти градусовъ, когда направленіе вращательнаго движенія приравнивалось къ качаніямъ магнитной стрѣлки. Такимъ образомъ, мѣдная пластинка, вертящаяся въ плоскости подъ прямыми углами къ наклоненію компаса, составляетъ новую электрическую машину, отличную отъ обыкновенной стеклянной веществомъ, которое есть, какъ извѣстно, лучший проводникъ, тогда какъ стекло совершеннѣйшій непроводникъ: кромѣ того, разобщеніе, необходимое для стеклянной машины, пагубно для мѣдной. Количество электрической жидкости, освобождаемой металломъ, по-видимому не менѣе того, которое доставляется стекломъ, хотя въ напряженіи существуетъ между ними большая разница.

По опытамъ доктора Фарее и по теоріи очень можно полагать, что вращеніе Земли производитъ электрическіе токи въ ея собственной толщѣ. Если такъ, то они должны течь поверхностно по меридіанамъ, и будь возможность приставить собирателей къ экватору и полюсамъ, какъ проволоки къ вертящейся пластинкѣ, отрицательное электричество собралось бы у экватора, положительное у полюсовъ; но безъ какой-нибудь замѣны проводниковъ для довершенія электрическаго круга, эти потоки не могли бы существовать, — точно такъ, какъ въ Вольтовскомъ столбѣ поддерживаются они проволоками, которыя соединяютъ полюсы и такимъ образомъ довершаютъ электрическую цѣпь, или окружность.

Такъ какъ движеніе не только металловъ, но и жидкостей, находящихся подъ вліяніемъ сильныхъ магнитовъ, возбуждаетъ электричество, то вѣроятно, что главное морское теченіе можетъ производить ощутительное дѣйствіе на видныя линіи склоненія магнитной стрѣлки, вследствие электрическихъ токовъ, которые идутъ поперекъ его отъ электро-магнитнаго дѣйствія земнаго шара. Даже корабль, который скользитъ по поверхности воды въ северныхъ широтахъ, долженъ возбудить электрическіе токи, пересѣкающіе черту его движенія. По замѣчанію доктора Фареде, электричество такъ легко возбуждается земной магнитностію, что едва можно передвинуть кусокъ металла, находящійся въ соприкосновеніи съ другою, безъ порожденія электрическихъ потоковъ, и слѣдственно, между частями паровыхъ и другихъ металлическихъ машинъ, должны существовать лобопытныя электро-магнитныя отношенія, которыхъ никогда еще не принимали.

Нельзя заключать ничего достовѣрнаго насчетъ магнитности Солнца и планетъ, хотя вращательное ихъ движеніе дѣлаетъ весьма правдоподобнымъ, что въ этомъ отношеніи они сходны съ Землею. По наблюденіямъ Гг. Біо и Ге-Люссака, въ ихъ аэростатическомъ путешествіи, магнитная сила не ограничена поверхностію земнаго шара, но простирается и далѣе. Умаленіе ея примѣтно, и такъ какъ она вѣроятно слѣдуетъ закону обратнаго содержанія къ квадрату разстояній, то сфера ея должна занимать неопредѣленное пространство. Можно полагать, что Луна сильно намагнитилась отъ соприкосновенія съ Землею и оттого, что большій ея поперечникъ всегда обращенъ къ намъ. Если магнитность разлита въ пространство подобно силѣ тяготѣнія, дѣйствіе Солнца, Луны и планетъ должно причинять всегдашнія перемѣны въ напряженіи земной магнитности, зависящія отъ безпрестанныхъ измѣненій относительнаго положенія этихъ тѣлъ между собою.

Если отъ частныхъ подробностей, которыя насъ теперь занимали, мы перейдемъ къ общему обзору всѣхъ родовъ электричества, то при нѣкоторыхъ особенностяхъ увидимъ между ними большое сходство. Въ послѣднее время Г. Фареде устранилъ на этотъ счетъ многія недоразумѣнія и по-

ставить тождественность разныхъ видовъ электричества въ всякаго спора. Мы не можемъ лучше заключить нашей статьи, какъ пересказать въ короткихъ словахъ изслѣдованія, предпринятыя знаменитымъ электрикомъ для повѣрки этого блестящаго обобщенія.

Точками сравненія взяты были притяженіе и отталкиваніе на ощутительныхъ разстояніяхъ; способность проникать въ остроконечій сквозь воздухъ, степень жара, магнитное дѣйствіе, химическое разложеніе, вліяніе на человеческое тѣло, и наконецъ искра.

Притяженія и отталкиванія на замѣтномъ разстояніи, которыми отличается въ такой высокой степени обыкновенное электричество, и въ меньшей — Вольтовскіе и магнитные потоки, не было замѣчено ни въ теплотворномъ, ни въ животномъ электричествахъ, не потому, чтобъ они были особеннаго рода, а по относительной ихъ слабости: если уменьшить количество и напряженіе обыкновеннаго электричества, оно тоже перестаетъ обнаруживать эти явленія.

Обыкновенное электричество удобно проходить изъ остроконечій сквозь воздухъ, но по опытамъ Г. Фареде, который принималъ въ риломъ этого сообщенія электрометръ и химическое дѣйствіе, Вольтовъ столбъ, составленный изъ ста сорока паръ плитокъ, не извергалъ электричества ни сквозь воздухъ, ни въ приемникъ воздушнаго насоса, — что также должно приписать слабости напряженія; потому что нужно огромное количество электрической жидкости для произведенія этихъ ощутительныхъ дѣйствій, и слѣдственно нельзя ожидать ихъ отъ слабѣйшихъ ея видовъ. Обыкновенное электричество легко проходить сквозь разреженный и горячій воздухъ, даже сквозь пламя. Докторъ Фареде произвелъ химическое разложеніе и уклоненіе гальванометра, пропустивъ Вольтовскаго электричества сквозь разогрѣтый воздухъ, и, по замѣчанію его, эти опыты суть только случаи изверженія сквозь воздухъ, которое происходитъ между угольными оконечностями полюсовъ свѣаго столба, когда ихъ разлучаютъ неподоволь послѣ соприкосновенія, — потому что воздухъ тогда нагрѣтъ. Сиръ Гомери Деви говоритъ, что огромный Вольтовскій снарядъ, въ Лондонскомъ Королевскомъ Институтѣ, пропускаетъ электричество сквозь четыре дюйма воз-

духа, и что въ приемникѣ воздушнаго насоса электричество пробьжить около полудюйма пространства, но что совокупныя дѣйствія разряженія и жара на остальной воздухъ такъ сильны, что дѣлають его способнымъ провести электричество еще дюймовъ на шесть или на семь. Лейденскую банку можно въ одинъ мигъ зарядить Вольтовскимъ или магнитнымъ электричествомъ, — новое доказательство ихъ напряженія. Подобныхъ явленій нельзя получить отъ другихъ родовъ электричества только по причинѣ ихъ слабости. .

Теплотворная сила обыкновеннаго и Вольтовскаго электричества давно была извѣстна, но свѣтъ обязанъ Г. Фареде чудеснымъ открытiемъ жара; производимаго магнитной жидкостью: ни въ животномъ, ни въ теплотворномъ электричествѣ не замѣчено ни какихъ признаковъ теплоты. Всѣ роды электричества имѣють сильныя магнитныя свойства, Вольтовская жидкость — въ высшей степени; и существованiе магнитнаго и теплотворнаго электричества открыто черезъ одну ея магнитность. Всѣ они склоняють компасную стрѣлку, и за исключенiемъ теплотворнаго электричества, всѣ производяють магниты по однимъ и тѣмъ же законамъ. Долго полагали, что обыкновенное электричество не склоняеть стрѣлки, и нужно было остроумiе Г. Фареде, чтобъ доказать несправедливость этого мнѣнiя. Онъ открыль, что и въ этомъ отношенiи обыкновенное электричество сходно съ Вольтовскимъ, но что оно требуетъ времени для своего дѣйствiя. Оно склоняло магнитную стрѣлку, пропущенное сквозь разряженный воздухъ, воду или проволоку. Множество химическихъ разложенiй совершено посредствомъ обыкновеннаго и Вольтовскаго электричества по однимъ и тѣмъ же законамъ и способамъ. Докторъ Деви разлагаль воду электричествомъ гнуса, который одаренъ отъ природы снарядомъ, похожимъ на Вольтовъ стѣлбъ и такъ же состоящимъ изъ пластинокъ, раздѣленныхъ влагою. Г. Фареде разлагаль, а Г. Ричи составляль воду магнитнымъ потокомъ; Г. Ботто, въ Туринѣ, показаль химическiя дѣйствiя теплотворнаго электричества въ разложенiи воды и нѣкоторыхъ другихъ веществъ. Электрическiе и гальваническiе удары, искры въ глазахъ и ощущение на языкѣ слишкомъ извѣстны: все это производится магнитнымъ электричест-

вошь даже до неприятной степени силы. Гниющъ и электрическій угорь даютъ сильные удары, а теплотворнымъ электричествомъ въ членахъ лягушки возбуждались судорожныя движенія. Последняя точка сравненія есть искра, общая обыкновенной, Вольтовской и магнитной жидкостямъ, и хотя ее не примѣчали еще въ теплотворномъ и животномъ электричествахъ, нѣтъ сомнѣнїя, что это единственно по ихъ слабости. Изъ всего этого докторъ Фареде заключилъ, что пять известныхъ намъ родовъ электричества тождественны между собою, и что разности въ напряженїи и въ количествахъ совершенно достаточны для объясненія того, что прежде почиталось ихъ отличительными качествами. Онъ представилъ еще большее удостовѣреніе въ ихъ тождествѣ, показавъ, что магнитная сила и химическое дѣйствіе электричества въ прямомъ содержанїи къ количеству жидкости, которая проходитъ чрезъ гальванометръ, каково бы ни было ея напряженіе.

Въ свѣтъ, теплоту, и электричество, или магнитности, природа представляетъ начала, которыя не причиняютъ ни какой ощутительной переменны въ весь тѣлъ, хотя присутствіе ихъ обнаруживается самыми замѣчательными механическими и химическими дѣйствїями. Тѣсная связь этихъ началъ между собою даетъ поводъ думать, что они будутъ наконецъ отнесены къ какой-нибудь одной силѣ высшаго разряда согласно съ общей экономїей системы міра, гдѣ самыя разнообразныя и сложныя дѣйствїя зависятъ отъ немногихъ всеобъемлющихъ законовъ. Эти дѣятели проникаютъ вещество во всѣхъ направленїяхъ; быстрота ихъ удивительна, а напряженіе измѣняется въ обратномъ содержанїи къ квадрату разстоянїй. Возбужденіе электрическихъ токовъ какъ магнитомъ, такъ и электрическимъ вліяніемъ, сходство образа ихъ дѣйствїя во множествѣ разныхъ обстоятельствъ, особенно — произведеніе искры магнитомъ, раскаленіе металлическихъ проволокъ, и химическое разложеніе уже ясно показали, что магнитности нельзя болѣе считать отдѣльнымъ независимымъ началомъ. Что свѣтъ есть видимая теплота, это кажется весьма вѣроятнымъ; и хотя явленіе свѣта и теплоты при переходѣ изъ одного тѣла въ другое электрической жидкости можно относить къ внезапному

сжатію воздуха, однако жъ возбужденіе электричества посредствомъ теплоты, вліянія ея на магнитныя тѣла и дѣйствіе свѣта на качанія магнитной стрѣлки обличаютъ между всѣми этими началами сокровенную связь, которая вѣроятно когда-нибудь обнаружится, а между-тѣмъ она представляетъ слабое поле изслѣдованій естествоиспытателямъ нынѣшняго и быть-можетъ будущихъ столѣтій.

Но о свѣтѣ и теплотѣ мы будемъ говорить особо. Мы намерены пройти въ теченіе нынѣшняго года такимъ же образомъ и другія теоріи по части точныхъ наукъ, чтобы, съ одной стороны, приспособить ихъ къ понятіямъ обыкновенныхъ читателей, которые найдутъ здѣсь на каждомъ шагу предметы, весьма достойные образованнаго любопытства, съ другой,—и мы отнюдь не скрываемъ этой злобной цѣли,—поставить учащихся въ возможность быть взыскательнѣе въ отношеніи къ такимъ наставникамъ, которые, не стараясь слѣдовать за наукою, толкуютъ имъ понинѣ, въ книгахъ и съ кафедры, о вещахъ, давно испытанныхъ совершеннѣе преобразование принятыхъ объ нихъ понятій.

=

ПОСЛѢДНЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

КАПИТАНА РОССА.

Между учеными событиями шести послѣднихъ годовъ нѣтъ ни одного, которое бы имѣло характеръ болѣе важный и отголосокъ болѣе громкій чѣмъ вторичное плаваніе капитана сиръ Джонъ Росса въ сѣверо-западные воды Ледовитаго Океана, — послѣдняя попытка отыскать проходъ для кораблей между Гренландією и Америкою. Два года сряду эта арктическая экспедиція наполняетъ своимъ шумомъ Европейскіе журналы, возбуждая удивленіе и энтузіазмъ оглушенныхъ читателей, которые наконецъ имѣютъ право спросить: какіе же именно плоды принесла она образованному свѣту? Мы отнюдь не раскаяваемся, что имѣли терпѣніе подождать до конца прошедшаго года, пока не вышли въ свѣтъ всѣ сочиненія, которыя могли пояснить ея подробности и слѣдствія: во-крайней-мѣрѣ обладаемъ мы теперь средствами обозрѣть предметъ во всемъ его пространствѣ. И число этихъ сочиненій такъ значительно, что для нихъ надобна особая полка въ библіотекѣ*.

Общее любопытство, возбужденное вопросомъ о сѣверо-западномъ проходѣ, уже начинало ослабѣвать, когда капи-

* Narrative of a second Voyage in search of a north-west passage, &c., performed by *sir John Ross*. 1833, 8-vo. — Narrative of a second voyage in search of a north-west passage, and of a residence in the arctic regions during the years 1829 — 1833. By *sir John Ross*, captain in the R. N. 1835, 4-to. — The late voyage of captain *sir John Ross*, to the arctic regions, from authentic information and original documents, transmitted by *William Light*, purser's steward to the expedition. By *Robert Huish*, 1835. — Report of a *Select Committee* of the House of Commons on the expedition to the arctic seas, commanded by captain *John Ross*, 1835. — Appendix to the Narrative of a second voyage, &c. By *sir John Ross*; including the reports of commander *James C. Ross*, and the Discovery of northern Magnetic Pole. 1835. — Supplement to captain *sir John Ross's* Narrative, &c. By *John Braithwaite*, 1835. — Explanation and Answer to *Mr. John Braithwaite's* Supplement, &c. By *sir John Ross*. 1835, « пр., « пр.

танъ Россѣ пустился въ это опасное путешествіе, въ которомъ долгое время считали его погибшимъ. Несмотря на множество важныхъ открытій, сдѣланныхъ во время прежнихъ экспедицій, ихъ неудачи, относительно главнаго предмета, охладили-было порывы ученаго энтузіазма и торговыхъ расчетовъ. Англійское правительство, довольно щедрое на пособія изъ государственной казны ученымъ предпріятіямъ своихъ офицеровъ, не считало себя болѣе въ правѣ продолжать усилія къ достиженію цѣли, на которую публика смотрѣла съ большимъ равнодушіемъ и даже съ нѣкоторою неприязнію.

Съ 1818 года, когда капитанъ Россѣ плавалъ въ первый разъ къ Баффину Заливу, отыскивая сѣверо-западный проходъ, на иждивеніи Британскаго правительства было сдѣлано не менѣе девяти экспедицій, которыхъ назначеніе стремилось къ тому, чтобы изслѣдовать арктической поясъ. Англійскій Комитетъ Географическихъ Долготъ, Board of Longitude, принималъ въ нихъ самое дѣятельное участіе, надѣясь не однихъ только открытій, по части Географіи, но и разрѣшенія многихъ вопросовъ высшей науки, и въ особенности тѣхъ, которые относятся къ виду земли. Лондонское Королевское Общество Ученыхъ соединило свои усилія съ глубокими соображеніями Комитета, и они вмѣстѣ оказали адмиралтейству весьма полезное содѣйствіе при общемъ ученомъ снаряженіи всѣхъ девяти экспедицій. Несмотря на такія старанія и щедрость участниковъ въ дѣлѣ, плоды этихъ отдаленныхъ странствованій, какъ бы мы ихъ ни считали важными, не были соразмѣрны средствамъ, которыя для нихъ стоили. Нѣтъ сомнѣнія, что, употребивъ эти деньги другимъ образомъ, можно было получить результаты, болѣе существенныя для науки и болѣе пріятныя для общества.

Любители Географіи, конечно, могутъ радоваться при видѣ новой черты береговъ, усѣянной именами застольныхъ товарищей, покровителей, друзей и братьевъ въ десятой степени счастливаго мореплавателя; но хотя это составляетъ родъ приращенія къ массѣ нашихъ познаній, однако, если посѣщеніе этихъ негостепріимныхъ странъ не обѣщаетъ ни какой другой пользы, то должно признаться, что увѣренность въ существованіи такихъ странъ и съемкѣ ихъ береговъ, которыхъ вѣроятно впоследствии ни кому не придется видѣть, —

дѣлю вовсе неважное и не стоитъ того, чтобы для нихъ подвергать опасности свою жизнь и жертвовать капиталами. Вся прибыль отъ подобныхъ открытій ограничивается тѣмъ, что на картѣ является новая линія, которая не служитъ ни къ чему и не доставитъ человечеству другаго утѣшенія въ горахъ, кромѣ того, что на листѣ бумаги будетъ въ этомъ мѣствѣ черная линія взамѣнъ прежняго пробѣла.

Но если бы даже исканіе сѣверо-западнаго прохода было дѣломъ похвальнымъ; если бы эти предпріятія усилили и расширили рыбныя ловли; если бы, при преслѣдованіи житейскихъ цѣлей, прояснились глубокіе ученые вопросы, то и тутъ планы дѣйствія зачинщиковъ и начальниковъ сѣверныхъ экспедицій едва-ли могли довести ихъ до такихъ результатовъ, потому что они всегда были дурно обдуманы и часто сопряжены съ злоупотребленіями. Вопросъ о сѣверо-западномъ проходѣ, преданный забвенію со времени путешествія капитана Фипса, былъ, въ 1817 году, возобновленъ Вилліамомъ Скорзби, мореплавателемъ высокихъ способностей и съ истинными талантами, который тогда былъ начальникомъ рыболовнаго судна, въ Гренландіи, а теперь — почтенный служитель церкви въ Экзетерѣ. Въ письмѣ своемъ къ сирѣ Джозефу Бенксу, онъ извѣстилъ его, что во временахъ года и положеніи льдовъ въ полярныхъ странахъ, произошла такая перемѣна, что, по всей вѣроятности, настала пора для разрѣшенія задачи, бывшей предметомъ столь долгихъ изслѣдованій. Услуги его не были приняты; но когда сирѣ Джозефъ Бенксъ представилъ его идею правительству, Англійское адмиралтейство снарядило суда, для отправленія ихъ къ полюсу, подъ начальствомъ капитана Джона Росса, который взялъ съ собою семнадцатилѣтняго племянника своего, Джэмза Росса. Это путешествіе было неудачно: читатели наши, можетъ-быть, припомнятъ себѣ, что въ 1818 году, капитанъ Россъ, возвращаясь изъ плаванія по Баффинову Заливу и прошедъ мимо Ланкастерскаго Пролива, Lancaster Sound, не замѣтилъ, что здѣсь берегъ разсѣкается, и показалъ его на своей картѣ сплошнымъ. По возвращеніи въ Англію, нѣкоторые изъ его спутниковъ стали обвинять его въ нерадѣніи и упрямой приверженности къ собственнымъ теоріямъ. Въ 1829 году, капитанъ Парри вдругъ открылъ

такъ Ланкастерскій Пролить и прошелъ съ кораблемъ черезъ землю, такъ хорошо нарисованную на картѣ Г. Росса. Эти обстоятельства много повредили славѣ капитана Росса: противъ него вышло нѣсколько злобныхъ безыменныхъ брошюръ; адмиралтейство и цѣлая публика обвиняли его въ совершенной неспособности къ управленію предпріятіями такого рода.

Рядъ экспедицій въ сѣверныя страны, о которыхъ мы упоминали, кончился неудачнымъ покушеніемъ капитана Парри проникнуть къ сѣверному полюсу. Любопытство публики было утомлено. Ревность правительства превратилась въ равнодушіе: подобно дѣтямъ, соскучившимъ своими игрушками, Англичане разбили и бросили подъ ноги орудія, которыми прежде занимались съ такимъ удовольствіемъ. Министерство не только отбѣнило постановленіе, которое обѣщало двадцать тысячъ фунтовъ (500,000 рублей) награды за открытіе сѣверо-западнаго прохода, но даже уничтожило Комитетъ Долготы, единственное ученое мѣсто, существовавшее на казенномъ иждивеніи, и которое играло такую дѣятельную и важную роль въ исторіи сѣверныхъ открытій.

Въ 1827 году, герцогъ Веллингтонъ отклонилъ предложеніе капитана Росса предпринять новое путешествіе къ сѣвернымъ морямъ; однако этотъ отказъ не охладилъ рвенія мореплавателя: онъ обратился къ щедрости частнаго лица, и сообщилъ всѣ свои планы другу своему, Г. Феликсу Буту, богатому Лондонскому пивовару.

Пока существовало парламентское постановленіе, обѣщавшее двадцать тысячъ фунтовъ за открытіе прохода, Г. Бутъ не хотѣлъ принимать участія въ предпріятіи, на которое можно было смотрѣть какъ на дѣло торговаго расчета. Обманутый въ надеждахъ, капитанъ Россъ снова представилъ правительству улучшенный планъ изслѣдованій сѣвернаго полюса, и, какъ должно было предвидѣть, снова получилъ отказъ. Но, по необыкновенному стеченію обстоятельствъ, неожиданное уничтоженіе, въ томъ же году, акта о наградахъ за сѣверо-западный проходъ разсвѣло недоумѣнія Г. Бута: онъ съ жаромъ принялъ къ планамъ своего пріятеля, какъ скоро экспедиціи его болѣе нельзя было подозрѣвать въ корыстныхъ видахъ, и ему самому имѣть «въ предметъ ничего

другого, кроме успеховъ науки и исполненія желаній друга».

Подъ сѣнью такихъ благородныхъ намереній, великодушный пивоваръ истратилъ отъ семнадцати до восемнадцати тысячъ фунтовъ на снаряженіе экспедиціи. Онъ далъ капитану Россу неограниченное право покупать на его счетъ все, что нужно для успеха, и предложилъ ему только одно условіе — чтобы его участіе въ экспедиціи было неизвѣстно до времени. Такимъ образомъ, тайна была сохранена до возвращенія Г. Росса, и публика находилась въ заблужденіи, полагая, что капитанъ предпринялъ свое послѣднее путешествіе на собственные деньги, и жертвовалъ жизнью и состояніемъ для поправленія своей репутаціи, которая очень пострадала послѣ исторіи съ Ланкастерскимъ Проливомъ.

Эта экспедиція, должно признаться, готовила болѣе успеховъ самому капитану нежели другимъ, въ томъ числѣ и наукъ. Онъ открылъ, вмѣсто пролива, *перешеекъ*, между Гренландіею и «Америкою», которая можетъ быть и Америка, хотя это еще не доказано; наградилъ своего друга пивовара каламбуромъ, назвавъ этотъ безплодный и покрытый льдомъ кусокъ земли смѣшнымъ именемъ *Boothia Felix**; отмытилъ за себя капитану Парри, доказавъ, что одинъ изъ заливовъ, открытыхъ послѣднимъ, именно Кресвельскій, заходитъ въ землю на тридцать миль далѣе чѣмъ показано на картѣ Парри; и возбудилъ сильное участіе публики Повѣствованіемъ, *Narrative*, о своихъ подвигахъ, трудахъ и страданіяхъ экипажа. Цѣлая Европа съ любопытствомъ читала эту книгу въ одномъ небольшомъ томѣ; журналы разнесли ее всю на выпискахъ; въ Англии друзья капитана открыли подписку для предложенія знаменитому мореплавателю, который обвѣщала *огромные результаты для науки*, національной награды. Капитанъ собирался изложить эти «огромные результаты» въ полномъ сочиненіи, которое онъ готовилъ вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ и спутникомъ во время экспедиціи. Два года прошли съ той поры

* Лондонскій пивоваръ называется *Felix Boothe*; *Felix* значитъ по-Латыни — счастливый: такимъ образомъ *Boothia Felix* заключаетъ въ себя двойной смыслъ — Бутин Счастливой и Бутинъ Феликсовой. Но, можетъ-быть, это приквчаніе и не нужно, потому что всѣ наши читатели знаютъ по-Латыни.

до выхода этого сочиненія. Между-тѣмъ, капитанъ Россъ испыталъ много непріятностей, и его репутація, возстановленная изданнѣмъ «Повѣствованіемъ», поколебалась снова; по причинѣ разныхъ обвиненій, пронесшихся на него въ публикъ и парламентскомъ комитетѣ, который хотѣлъ его наградить. Обвиненія были произнесены самими же участниками въ экспедиціи и даже его племянникомъ. Допросъ комитета, который находится у насъ передъ глазами, показываетъ съ весьма невыгодной стороны безкорыстіе капитана. Кажется, что даже честь небольшихъ открытій, сдѣланныхъ при этомъ случаѣ для науки, принадлежитъ одному племяннику, лейтенанту Россу, очень несправедливо забытому при раздѣлѣ выгодъ предпріятія: между-тѣмъ какъ дядя получалъ значительныя награды отъ парламента, который далъ ему пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, этому отличному молодому офицеру не досталось ничего кромѣ славы и убытковъ. Виліамъ Лайтъ (Light), спутникъ капитана Росса, Бретветъ (Braithwaite), фабрикантъ, дѣлавшій его паровую машину, и другіе издали противъ него цѣлыя томы, въ которыхъ упрекаютъ его въ разныхъ злоупотребленіяхъ и ошибкахъ. Несмотря на то, сирѣ Джонъ Россъ не выпускалъ въ свѣтъ своего большаго сочиненія, не оправдывался и не сообщалъ публикѣ своихъ открытій. Такая медленность удивляла многихъ и была бы вовсе непонятна, если бы Quarterly Review не изъяснилъ ея причины. Открытіе подписной лавки въ Лондонѣ, въ улицѣ Реджентъ-стритъ, отправленіе въ различныя стороны людей обыкновенно называемыхъ въ Англіи попрошайками, но величающихъ себя «агентами по такому-то графству», и которые стучались въ двери каждаго порядочнаго человѣка въ городахъ и селеніяхъ, — «не просить, а съ безотвязнымъ упрямствомъ требовать» — подписки на выставки видовъ ледяныхъ горъ въ Воксалѣ и панорамы «Бутін Счастливей», и еще нѣсколько другихъ обстоятельствъ, недостойныхъ того, чтобы ихъ исчислять, по-видимому оправдываютъ мнѣніе, которое приписывается эту отсрочку «торговымъ расчетамъ». Наконецъ въ началѣ 1835 года, капитанъ Россъ издалъ свое большое сочиненіе, и около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, появились два Дополненія, Appendix, которыя содержатъ въ себѣ из-

ложніе его открытія и великихъ пріобрѣтеній для науки, надѣлавшихъ такъ много шуму. Несмотря на толщину книги, напечатанной въ четверть листа, достаточно нѣсколькихъ страницъ для полнаго обзора ея содержанія : путешествіе было долго, и приключеній очень мало, а результатовъ почти ни какихъ. Эта книга повторяетъ на семистахъ сорока тяжелыхъ страницахъ, въ видѣ журнала, тѣ же малозанимательныя описанія, которые находятся въ Narrative, томъ 8, изданномъ въ 1833 году. Терпѣніе самаго отважнаго читателя едва-ли устоитъ противъ подобнаго разсказа. Говорятъ, что капитанъ старался оживить свой предметъ, прызвавъ къ себѣ на помощь искуснаго токаря періодовъ, доктора Мекъ-Коллока, который пользуется, или пользовался, нѣкоторою извѣстностью какъ сочинитель статей для Англійскихъ энциклопедій. Это очень правдоподобно, потому что въ слогѣ вездѣ замѣтна поддѣвка и эти накладныя украшенія не доказываютъ ничѣмъ хорошаго вкуса въ работникѣ. Самая замѣчательная вещь, которую мы узнаемъ изъ этого тома и его дополненій, есть обстоятельство, что щедрый но неосторожный покровитель экспедиціи изъ великаго пивовара сдѣлался маленькимъ баронетомъ, и что онъ теперь дворянинъ и *sir Felix Boothe, Bart.*

При такихъ-то обстоятельствахъ, капитанъ Россъ началъ и кончилъ свое путешествіе. Новизна его плана и основаніе его надеждъ на успѣхъ состояли въ томъ, что онъ хотѣлъ употребить паровое судно, котораго дно не глубоко входило бы въ воду. Для этого, онъ купилъ Ливерпульскій пароходъ Викторію, и замѣнилъ старыя колеса новыми и лучшими. Когда судно было укрѣплено и увеличено, оно могло поднимать сто пятьдесятъ тоннъ, включая въ это машину и нужный запасъ провизіи. Новая паровая машина, съ сильнымъ давленіемъ, была сдѣлана Бретветомъ. Гребныя колеса поддерживали вмѣстѣ огонь раздувальными мѣхами. Запасъ угля и провизіи былъ сдѣланъ на тысячу дней; инструменты всякаго рода также были куплены. Капитанъ Россъ назначилъ своего племянника вторымъ начальникомъ судна. Г. Томъ получилъ мѣсто эконома, а Г. Мекдаериндъ мѣсто хирурга. Весь экипажъ Викторіи состоялъ изъ двадцати четырехъ человекъ.

Такъ какъ припасовъ надобно было взять на несколько лѣтъ, капитанъ Россъ купилъ построенный изъ токового дерева корабль Джонъ, и нанялъ пятьдесятъ пять человекъ экипажа. Главная цель этого приобритенія состояла въ отведеніи къ Проходу принца Регента, Prince Regent's inlet, припасовъ, которыхъ не могла взять съ собою Викторія: для прикрытія надержекъ, экипажъ Джона долженъ былъ заиматься во время путешествія китовою ловлею, и привезти назадъ въ Англію часть вещей бывшихъ на Фурин, корабль, который капитанъ Парри былъ принужденъ оставить у Гренландскаго берега. Капитанъ Россъ нашелъ также подобнымъ имѣть другое судно такой величины, чтобы его удобно могла вести за собою Викторія, и по благосклонности своего адмиралтейства, получилъ крытое судно, Круэцштернъ, въ шестьдесятъ тонновъ, которое уже было въ одной изъ прежнихъ экспедицій, и два бота краснаго дерева, употребленные капитаномъ Франклиномъ.

Снарядившись такимъ образомъ, капитанъ Россъ, отплылъ на Викторію, изъ Вульвича, 23 мая 1829 года. Но Джонъ, по причинѣ возмущенія матросовъ, не могъ следовать за нимъ, и онъ пошелъ одинъ. Четырнадцатаго іюня, Викторія была застигнута необыкновенно сильною бурей, и вершина фокъ-мачты переломилась съ ужаснымъ трескомъ. Когда плователи починили свою изувѣченную мачту, демонъ бѣдствій явился имъ среди шума и испареній паровой машины Г. Бретвета. Облака дыма вырвались изъ раздавшихся печей; помпы трещали, и мѣхи испускали удушennыя стенанія. Но, несмотря на совокупную вражду борей и Бретвета, они, 23 іюля, наконецъ достигли до гостеприимнаго Датскаго поселенія Гольстейнборга, подъ 66°58' сѣверной широты, и 53°54' западной долготы отъ Гринвича. Описаніе этого поселенія было помѣщено въ нашемъ журналѣ изъ другихъ источниковъ, еще до появленія книги капитана Росса.

Іюля 27, капитанъ Россъ оставилъ берегъ Гренландіи, украшенный той яркою зеленью, отъ которой эта земля получила свое названіе. Пройдя мимо Баффинава Залива, онъ вошелъ въ Данкастерскій Пролівъ. Очень понятно, что видъ этого проклятаго пролива возбудилъ въ немъ сильную го-

рестъ: это видно изъ тѣхъ усилій, съ какими почтенный мореплаватель старается здѣсь, на многихъ страницахъ, оправдать свою разсѣянность во время прежняго путешествія.

Десятаго августа, Викторія миновала мысы Юрка и Варрендера; дня черезъ два вошла въ Проходъ принца Регента, а на слѣдующее утро открыла прекрасную гавань съ безопаснымъ якорнымъ мѣстомъ, которая получила названіе Залива Аделаиды, потому что была открыта въ день рожденія нынѣшней Англійской королевы. Надобно замѣтить, что капитанъ Россъ есть самый изобрѣтательный мореплаватель въ мірѣ на собственныхъ имена: нѣтъ ни малѣйшаго островка, утеса, лужи, которыхъ бы онъ не снабдилъ именемъ какого-нибудь принца, принцессы, ученаго, мореходца, пріятели или врага. Одинъ изъ его ученыхъ критиковъ утверждаетъ, что онъ истощилъ для этого весь списокъ подписчиковъ на свою книгу, — до такой степени его карта усыяна новыми географическими словами. Но онъ несправедливо выдаетъ эти новокрещенныя мѣста за новыя открытія, потому что капитанъ Парри два раза обозрѣвалъ весь этотъ берегъ. Находясь очень близко отъ того мѣста, гдѣ разбился Фурія, онъ тотчасъ рѣшился приступить къ исканію остатковъ корабля, открылъ его и воспользовался богатымъ магазиномъ съвѣстныхъ припасовъ, который капитанъ Парри здѣсь оставилъ. Сильное теченіе отнесло Викторію на югъ отъ этого занимательнаго мѣста; но послѣ многихъ усилій, ей наконецъ удалось до него достигнуть и удовлетворить живѣйшему любопытству цѣлаго экипажа.

Чудесное сбереженіе припасовъ Фуринъ, несмотря на суровость климата и частыя посѣщенія медвѣдей и лисицъ, составляетъ очень замѣчательную черту въ этомъ путешествіи; мы сообщили описаніе этого въ самомъ дѣлѣ *новаго открытія* въ № 18 (смѣсь, стр. 72) Б. для Ч. Неудача капитана Парри и развалины его корабля содѣйствовали такимъ образомъ успѣхамъ экспедиціи капитана Росса и благосостоянію его экипажа. Этимъ самымъ обстоятельствомъ было суждено спасти его впоследствии, когда его собственный корабль разбился и онъ былъ принужденъ возвращаться по тому же ужасному берегу, подѣ соединеннымъ дѣйствіемъ голода, наготы и холода. Хотя манна, которую онъ

питался, не падала съ неба, однако капитанъ Россъ не могъ не чувствовать, что она была дарована ему свыше.

Получивъ такимъ образомъ прекраснѣйшій запасъ провизіи и другихъ необходимыхъ вещей, капитанъ Россъ продолжалъ свои географическія открытія вдоль болѣе новой линіи береговъ. Иногда онъ плылъ по открытому морю и при благопріятномъ вѣтрѣ; иногда его заносило теченіемъ въ самую средину сросшихся льдинъ; случалось, что ихъ давленіе поднимало его корабль къ верху и угрожало судну паденіемъ, или что море выбрасывало его совершенно на ледъ; но капитанъ Россъ каждый разъ преодолевалъ опасность и благодарилъ Бога за свое спасеніе. Несмотря на чрезвычайную трудность дать вѣрное понятіе о подобныхъ случаяхъ, капитану посчастливилось сдѣлать слѣдующее довольно живописное описаніе, послѣ картины бѣдственнаго положенія, въ которомъ онъ находился 12 сентября.

«Къ несчастію, ни какое перо, говоритъ онъ, не можетъ сообщить настоящаго понятія объ этихъ явленіяхъ, а кисть не въ состояніи изобразить ни звуковъ, ни движенія. Въ людяхъ, которые не видали Сѣвернаго Океана зимою, или лучше сказать въ зимнюю бурю, слово «ледъ» возбуждаетъ одно воспоминаніе о томъ лѣдѣ, который лежитъ и плаваетъ спокойно, на рѣкѣ, озерѣ или каналѣ; оно вовсе не даетъ имъ идеи о томъ, что осужденъ видѣть и чувствовать плаватель по Ледовитому Морю. Надобно вспомнить, что ледъ здѣсь есть плавающая утѣсь, когда онъ въ водѣ, мысъ или островъ, когда стоитъ на землѣ; что онъ твердъ подобно граниту. Надобно представить себѣ, если можно, какъ эти хрустальные горы, увлеченныя силою теченія, мчатся черезъ узкій проходъ; какъ онѣ спшибаются подобно движущимся горамъ, съ громомъ и трескомъ, отбивая другъ отъ друга огромныя обломки, или раскалываются надвое и, наконецъ, потерявъ прежнее равновѣсіе, стремглавъ упадаютъ въ пучины, вздымая вокругъ себя море бурунами и крутя его какъ въ водоворотѣ. Въ то же время, плоскія льдины, ударяемыя вѣтромъ и прибоемъ волнъ объ эти массы или утѣсы, поднимаются изъ моря и упадаютъ снова назадъ, увеличивая невыразимый грохотъ и хаосъ, которые бываютъ при такихъ случаяхъ. Тутъ нѣкогда думать о томъ, что

вась ожидаетъ : каждая минута можетъ быть послѣднею , и каждая можетъ принести съ собою избавленіе и безопасность. Странное и бѣдственное положеніе ! Оно ужасно , но часто не даетъ времени для страха , — такъ неожиданны случаи , такъ быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ перевороты.»

Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ бѣдствій , капитанъ Россъ продолжалъ путь къ югу , и наконецъ былъ остановленъ льдомъ , 30 сентября 1829 года. Нашелъ прекрасную гавань , которую назвалъ Felix , опять въ честь своего друга , пивовара , приступилъ къ расчисткѣ своего корабля и устройству зимнихъ жилищъ. Несмотря на медленность своего плаванія и на препятствія , отъ которыхъ она происходила , онъ прошелъ триста миль далѣе всѣхъ прежнихъ экспедицій , и болѣе двухъ сотъ осьмидесяти миль отъ берега , описаннаго капитаномъ Франклиномъ. Все это очень хорошо , но и то надобно сказать , что другія суда уже посѣщали эти мѣста , потому что Эскимосы , которые здѣсь живутъ , узнали Каблуковъ , то есть , Европейцевъ. Довольный здоровьемъ и безопасностью экипажа , и положеніемъ , которое представляло много выгодъ для дѣйствія экспедиціи на слѣдующее лѣто , капитанъ съ радостью и надеждою вступилъ въ свою зимнюю тюрьму. Дрянная паровая машина , причина ихъ остановокъ на пути , ихъ досады и усталости , пришла въ такое состояніе , что превышала силы двухъ буксирующихъ ботовъ , и слѣдовательно не только не приносила пользы , но даже была важною помѣхою , составляя , съ нужнымъ для нея запасомъ угля , двѣ трети всего груза. Капитанъ Россъ рѣшился сдѣлать изъ Викторіи парусное судно : машину сняли и оставили вмѣстѣ съ ея печами на берегу , чтобы она возбуждала суетвріе и приводила въ недоумѣніе философію Эскимосовъ.

Здѣсь экспедиція провела зиму 1830 года. Мы уже описали эту зимовку , знакомство съ туземцами , которымъ капитанъ Россъ выдавалъ себя за колдуна , ихъ снѣговья деревни и ихъ образъ жизни. Экипажъ проводилъ время очень пріятно , кушая ростбифъ , которому капитанъ приписываетъ сильное свойство производить теплоту въ человеческомъ тѣлѣ. Изобиліе рыбы , въ особенности лососей , въ озерахъ и рѣкахъ этого края , изумительно. Сиръ Джонъ Россъ увѣряетъ , что въ теченіе зимы имъ иногда случалось захватывать по пяти ,

семи и осьми тысячъ лососей въ одну тоню. Одинъ опытный Русскій путешественникъ, Г. Добель, сказывалъ намъ, что въ Камчаткѣ нерѣдко ловятъ ихъ въ такомъ же множествѣ и даже болѣе, и не помнимъ въ какой Американской повѣсти читали мы любопытное примѣчаніе, что изъ водъ Сѣверной Америки часто вытаскиваютъ неводомъ такое огромное количество лососей, что ихъ бьютъ помощію лошадей, которыя давятъ ихъ копытами.

Дружба съ туземцами доставила капитану Россу важныя географическія показанія. Здѣшніе Эскимосы знали Иглулякъ, Зимніе Острова, и заливъ Repulse Bay; многіе изъ нихъ были въ состояніи нарисовать довольно правильный чертежъ береговъ. Они изобразили ему положеніе берега и многихъ озеръ, которыя находятся на твердой землѣ. Ихъ главный гидрографъ, Икмаликъ, узналъ различныя мѣста на картѣ открытій, сдѣланныхъ между Проходомъ принца Регента и заливомъ Repulse Bay; потомъ, взявши карандашъ, продолжилъ очеркъ далѣе отъ Акули, и весьма правильно нарисовалъ заливъ Веджеръ и рѣку того же имени. Капитанъ Россъ награвировалъ эту карту, и имѣлъ случай наградить одного изъ своихъ наставниковъ въ Географію, Тадуапую, деревянною ногою, которая возвратила ему способность ходить и была принята съ величайшею признательностію безногимъ Эскимосомъ и съ самымъ благоговѣйнымъ удивленіемъ его соотечественниками.

Чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли прохода на западъ отъ Нейчили, лейтенантъ Россъ, племянникъ капитана, предпринялъ свою первую поѣздку на твердую землю въ сопровожденіи старшаго подшкипера Бланки и двухъ туземныхъ проводниковъ, которые взяли съ собою свои сани, собакъ и припасы. Они отправились 5 апрѣля, въ двухъ саняхъ и съ десяти-дневнымъ запасомъ провизіи, и возвратились 11, посетивъ много мѣстъ, но ни одно изъ этихъ мѣстъ не означено на картѣ капитана Росса. Подобная небрежность достойна строгаго порицанія: читатель непріятно пораженъ ею какъ здѣсь, такъ и въ слѣдующихъ частяхъ сочиненія. Однако кажется, что лейтенантъ Россъ видѣлъ великое «западное море», и онъ увѣренъ, что они находились на берегахъ Америки. Во время поѣздки Эскимосскіе проводники расска-

зали ему обстоятельства, которые привели их на эту часть берега, къ тому самому мѣсту гдѣ стояла Викторія.

Несмотря на положительныя свидѣтельства туземцевъ, которые утверждали, что къ «западному морю» нѣтъ ни какого прохода, лейтенантъ Россъ считалъ необходимымъ убѣдиться въ томъ съ большею достовѣрностью. Двадцать втораго апрѣля, 1830, онъ отправился во второй разъ, имѣя при себѣ Бланки и молодаго Эскимоса, который взялся быти ихъ проводникомъ и оставилъ ихъ на половинѣ дороги. Мы не имѣемъ возможности слѣдовать за нимъ, потому что на картѣ нѣтъ Эскимосскихъ названій, употребляемыхъ въ книгѣ, но общій результатъ поѣздки, изъ которой онъ возвратился 22 числа, былъ тотъ, что у новаго Шегавокскаго селенія находится извилистый каналъ, имѣющій около двадцати пяти сажень ширины и одну милю длины, но что къ югу, отъ 70 градуса широты, нѣтъ прохода въ «западное море». Поэтому надобно было точнѣе осмотрѣть сѣверный берегъ, и лейтенантъ Россъ началъ, 27 апрѣля, свое третье сухопутное странствованіе. Приближаясь къ хижинамъ Эскимосовъ, съ подшкиперомъ Эбернети, и хирургомъ Г. Томомъ, онъ былъ непріятно удивленъ молчаніемъ жителей, которые обыкновенно пріѣтствовали Англичанъ радостными кликами. Замѣтно было отсутствіе женщинъ, — что служитъ признакомъ объявленной войны, — и опасенія непріязненныхъ дѣйствій со стороны туземцевъ подтверждались для путниковъ суровыми взглядами дикарей и видомъ ножей въ ихъ рукахъ. Это былъ единственный случай, при которомъ они обнаружили вражду противъ иностранцевъ, и причина такого негодованія очень любопытна. Камень, упавшій неизвестно откуда, убилъ наканунѣ мальчика, усыновленнаго старикомъ, который по-видимому начальствовалъ надъ этимъ Эскимосскимъ Становищемъ: дикари приписали это несчастіе сверхъестественному могуществу Англичанъ, и капитанъ Россъ былъ наказанъ за свое желаніе прослыть у нихъ колдуномъ, потому что они вооружились большими ножами, съ которыми ходять на медвѣдей, и едва не принесли въ жертву своему мщенію его племянника. Впрочемъ лейтенанту Россу стоило только погрозить имъ своимъ ружьемъ: они тотчасъ отступили бѣгомъ къ своимъ снѣговымъ хижинамъ.

*

Начались объясненія, и, при посредничествѣ женщинъ, которыя вездѣ очень любезны, даже у сѣвернаго полюса, миръ былъ возстановленъ.

Однако туземцы продолжали требовать, чтобы путешественники возвратились къ кораблю, потому что «имъ нельзя употреблять своихъ собакъ до истеченія трехъ дней послѣ смерти челоуѣка, принадлежащаго къ одному изъ семействъ становища». Не соглашаясь на это требованіе догматовъ Эскимосской вѣры, лейтенантъ обѣщалъ дать большую пилу тому, кто отправится съ нимъ въ путь. Послѣ нѣкоторыхъ совѣщаній, самъ отецъ убитаго мальчика, уступая просьбамъ жены и неодолимой прелести обѣщанной пилы, вывался быть его вожатымъ; вмѣстѣ съ нимъ пошедь Иль-Лакта, молодой челоуѣкъ, лѣтъ семнадцати. Описаніе этого путешествія, которое продолжалось до 4 мая и доставило имъ двухъ кабаргъ, написано, относительно Географин, на языкѣ совершенно неизвѣстномъ. Все имена — длиною съ пилу, которую лейтенантъ подарилъ своимъ наставникамъ, и представляютъ своими рядами Эскимосскихъ словъ совершенное подобіе острыхъ зубьевъ: сверхъ того, ни одного изъ нихъ нѣтъ на картѣ, хотя и сказано, что *нѣкоторыя* на ней означены. Впрочемъ, видно изъ книги, что въ этой позѣдкѣ были открыты къ сѣверо-западу отъ гавани Felix, рѣка Stanley и озеро Owen.

Для точнѣйшаго изслѣдованія перешейка, который отдѣляетъ Проходъ принца Регента отъ западнаго моря, лейтенантъ Россъ предпринялъ, въ маѣ, четвертую экспедицію, а въ концѣ того же мѣсяца, и самъ капитанъ Россъ пустился въ путь. Лейтенантъ взялъ съ собою четырехъ челоуѣкъ, и на три недѣли припасовъ. Пройдя черезъ Гремову Долину, Graham's Valley, и среднее озеро на перешейкѣ Boothia Felix, такъ названномъ въ подражаніе имени Arabio Felix или можетъ-быть по уваженію того благополучія, felicitas, какимъ наслаждается здѣсь несмѣтное народонаселеніе лососинное, они наконецъ достигли до высокаго мыса Изабеллы, прошли по «западному морю» къ острову Матти, и продолжали идти вдоль сѣверо-западнаго берега (предположительно) Америки: такимъ образомъ, они обошли самую сѣверную полосу этой части материка, и видѣли Франклиновъ Мысъ подъ 69°

31 13" широты и 99° 17' 58" западной долготы. Недостатокъ припасовъ заставилъ путешественниковъ возвратиться: они прибыли къ своему кораблю 13 июня.

Капитанъ Россъ вѣхалъ по слѣдамъ лейтенанта Росса до Падьяка, обозрѣвая заливъ Спенсъ и озера перешейка, и наконецъ черезъ мысъ Кеппелъ и Адольфовъ Островъ, возвратился на корабль. Изъ его разсказа видно, что перешеекъ Boothia Felix имѣетъ не болѣе двадцати пяти или шести верстъ ширины, изъ которыхъ прѣсноводныя озера занимаютъ восемнадцать, такъ, что между западнымъ и восточнымъ моремъ находится не болѣе семи веротъ земли. Если съверо-западный проходъ кому-нибудь нуженъ, тотъ долженъ теперь прорѣзать его себѣ при пособіи инженеровъ между заливомъ Boothia и Западнымъ Океаномъ.

Въ послѣднихъ недѣляхъ августа и въ началѣ сентября, дѣлались нетерпѣливыя приготовленія къ выходу изъ гавани, и, послѣ многихъ неудачъ, капитану посчастливилось пройти сквозь ледъ залива и выбраться подъ парусами на свободу, въ чистое море. Однако погода была такая суровая, что 23 сентября ихъ оковалъ морозъ, а 29 «почти исчезли всѣ надежды къ избавленію.» Они были принуждены прорубать ледъ, чтобы итти далѣе, и очищали себѣ, среднимъ числомъ, по четыре съ половиною сажени дороги въ сутки, пока не поселились еще на годъ въ Шерпфовой Губѣ, пройдя сто двадцать двѣ сажени въ теченіе всего октября мѣсяца.

Приготовленія ко второй зимовкѣ и происшествія, которыя притомъ случились, были тѣ же какъ и въ прошедшемъ году; но, къ великому неудовольствію путешественниковъ, Эскимосы въ эту зиму явились не прежде 21 апрѣля. Лейтенантъ Россъ отправился 20-го числа для изслѣдованія сѣвернаго прохода, о существованіи котораго говорили Эскимосы, и возвратился 1-го мая: ему удалось только соединить на картѣ чертою, въ направленіи Станлеевой Рѣки и озера Овенъ берегъ Шерифовой гавани съ тѣмъ участкомъ берега, лежащаго къ сѣверу отъ гавани Елизаветы, которую они обозрѣли съ корабля въ 1829 году.

Въ половинѣ мая 1831, капитанъ Россъ и его племянникъ предприняли поѣздки для обозрѣнія другой цѣпи озеръ иза-

надного берега полуострова. Они взяли на три недели припасовъ для двѣнадцати человекъ. Открывъ рѣку Сомагетъ, озера Крузенштернъ, Джекиль и Ганстенъ, лейтенантъ пошелъ далѣе для изслѣдованія западнаго берега, между тѣмъ какъ капитанъ, черезъ Падякъ, возвратился къ судну.

Продолжая идти на западъ съ тѣмъ, чтобы достигнуть до той точки новаго материка, которая совпадаетъ съ предполагаемымъ положеніемъ магнитнаго полюса, лейтенантъ шелъ по берегу въ направленіи къ сѣверо западу, и 1 июня, достигъ до магнитнаго полюса и опредѣлилъ его положеніе.

Такимъ образомъ лейтенантъ Джемсъ Россъ будетъ первый Европеецъ, который былъ на магнитномъ полюсѣ: по наблюденіямъ, которыя онъ произвелъ на мѣстѣ, полюсъ этотъ находится подъ $70^{\circ}5'17''$ сѣвѣрной широты и $96^{\circ}46'45''$ западной долготы отъ Гринвича. Естествоиспытатели — въ восхищеніи: магнитная стрѣлка обнаружила въ этомъ мѣстѣ явленія, которыя давно были ими предсказаны, хотя самый магнитный полюсъ не былъ доселѣ фактомъ, но только выводомъ отдаленныхъ наблюдений; стрѣлка стала отвѣсно къ землѣ и лишилась свойства указывать сѣверъ. Наклоненіе компаса было $89^{\circ}59'$, то есть, всего на одну минуту отъ совершенно вертикальнаго положенія, и стрѣлки, повѣщенные самымъ нежнымъ образомъ, который предоставлялъ имъ полную свободу движенія, не оказывали ни малѣйшей полярности. Лейтенантъ Россъ былъ такъ обрадованъ честию сидѣть на магнитномъ полюсѣ, что въ память своего пребыванія построилъ на немъ маленькую пирамиду изъ камней, водрузилъ Британское знамя и занялъ его во владѣніе своего государя. Его дядя, по возвращеніи въ Лондонъ, имѣлъ счастье повергнуть это знамя къ стопамъ его величества, короля, который наградилъ его орденомъ Бани за *такое* распространеніе предѣловъ Великобританской имперіи. Не уменьшая заслугъ племянника, который придалъ ученому умозрѣнію о магнитномъ полюсѣ достовѣрность факта, и поздравляя дядю съ королевскою милостью, которая по-видимому слѣдовала племяннику, нельзя не призвать, что эта комедія способна развеселить все сословіе естествоиспытателей. Лейтенантъ и капитанъ забыли, что магнитный полюсъ подвиженъ, что онъ каждый годъ подается на нѣсколько

версть къ западу; что жъ такое заняли они во владѣніе Великобританіи: — полюсь, или то мѣсто, гдѣ онъ былъ въ 1831 году? Ежели мѣсто, такъ это еще не находка, потому что такимъ же образомъ можно было занять всю страну, всѣ тамошніе острова, всѣ пловучія ледяныя горы, и никто не былъ бы въ претензіи на капитана за разстройство политическаго равновѣсія Европы столь неслыханнымъ увеличеніемъ Англійскихъ предѣловъ: но ежели самый полюсь, то вотъ новаго рода провинція, которая не можетъ устоять на-мѣстѣ, и въ теченіе извѣстнаго періода времени обойдетъ кругомъ земной шаръ! Когда магнитный полюсь, подвигаясь все на западъ, придетъ въ Тобольскую губернію, на Новую Землю или въ Цыпь-Заволокъ, кому тогда будетъ онъ принадлежать? Странное было бы обстоятельство, если бъ, на основаніи этого подвига Гг. Россовъ, потомки Англичанъ потребовали въ 2836 году дани съ потомковъ Россіянъ за магнитный полюсь, прибывшій въ окрестности Карской Губы или въ Русскую Лапландію! И что жъ, это за discovery, что за открытіе? Вещь, которая движется, можетъ только быть поймана, а не открыта.

Какъ бы то ни было, — открыли ль Гг. Россы магнитный полюсь, или его поймали, а всего замѣчательнѣе въ этомъ дѣлѣ то любопытное обстоятельство, что точка полюса, найденная посредствомъ наблюдений на-мѣстѣ, совершенно соответствуетъ той, которую извѣстный профессоръ Барло опредѣлилъ ему, въ отсутствіе экспедиціи, проведши на картѣ всѣ линіи равнаго склоненія стрѣлокъ: онъ сходятся именно въ томъ пунктѣ, гдѣ лейтенантъ Россъ означилъ свой «новооткрытый полюсь». Этотъ полюсь сильнѣе нашего Сибирскаго. Въ 1813 году профессоръ Ганстенъ полагалъ его подь $67^{\circ}10'$ широты и $92^{\circ}24'$ западной долготы, а по наблюденіямъ капитана Парри можно было назначать его пребываніе подь $71^{\circ}27'$ широты и $96^{\circ}53'$ долготы. Среднее движеніе полюса, по вычисленію Г. Ганстена доходитъ до $11'14''$, и слѣдственно періодъ полнаго его кругооборота совершается въ 1890 лѣтъ. Какъ съ 1813 по 1831 прошло семнадцать лѣтъ, то движеніе полюса къ западу въ теченіе этого времени должно равняться $3^{\circ}14'$: придайте это къ долготамъ Г. Ганстена, выйдетъ $95^{\circ}38'$, что разнится только на одинъ гра-

дусь отъ долготы полюса, выведенной изъ наблюдений капитана Парри и «открытія» лейтенанта Росса.

Благодаря ученаго лейтенанта и за-это, нельзя не пожалеть, что онъ не сдѣлалъ ни какихъ наблюдений относительно полюса сильнѣйшаго холода, который, какъ кажется, не совпадаетъ съ полюсомъ земнаго шара; помощью многочисленныхъ изслѣдованій Г. Брустеръ (Brewster) показалъ, что въ каждомъ полушаріи есть два полюса сильнѣйшаго холода. Это странное раздѣленіе тепла было выведено изъ наблюдений Скорзби, въ восточной Гренландіи, Г. Гизеке и правителей Датскихъ колоній въ западной части этого края, — наблюдений, продолжавшихся около семи лѣтъ. Метеорологическія изслѣдованія капитановъ Парри и Франклина подтвердили этотъ выводъ до такой степени, что его можно почитать физическимъ фактомъ, доказаннымъ не хуже всякаго другаго. Полюсъ сильнѣйшаго холода въ Америкѣ полагали подъ 73° сѣверной широты и подъ 100° западной долготы, то есть, немногимъ болѣе двухъ градусовъ отъ магнитнаго полюса и слѣдственно къ западу отъ перешейка, Бутіи, Boothia. Это предположеніе чрезвычайно подкрѣпляется слѣдующимъ замѣчаніемъ самого капитана Росса: «Лейтенантъ Россъ, говоритъ онъ, обозрѣвалъ берегъ еще дальше моего, и оба мы замѣтили, что температура западной стороны полуострова и западныхъ озеръ отъ десяти до пятнадцати градусовъ Фаренгейта ниже чѣмъ на корабль, который стоялъ отъ него къ востоку, и сравненія дѣлались съ такимъ тщаніемъ, что невозможно было ошибиться.»

Этотъ фактъ сближаетъ еще болѣе полюсы магнитный съ холоднымъ и дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что современемъ откроютъ между ними связь тѣснѣе одной случайной совмѣстности. Если такъ, то холодный полюсъ долженъ обходить землю въ 1890 лѣтъ подобно магнитному, и это объяснить какъ-нельзя лучше тѣ замѣчательные перевороты, которые происходили и происходятъ не только въ климатѣ, но даже въ растительныхъ и животныхъ произведеніяхъ земнаго шара.

Это приводитъ насъ къ любопытному вопросу о вліяніи на

наши климаты, приписываемомъ движенію ледяныхъ горъ и случайному накопленію льдовъ въ полярномъ поясъ.

Для точнаго разсмотрѣнія вопроса о составленіи и таяніи полярныхъ льдовъ необходимо пояснить истинныя начала распространения теплоты на земномъ шарѣ. Мы попытаемся сдѣлать это безъ всякихъ предположеній, въ самыхъ ясныхъ и точныхъ словахъ, и представимъ перечень всего, что ученые открытія заключаютъ въ себѣ наиболѣе положительнаго по этому предмету.

Когда гдѣ-нибудь землю, мы находимъ при спускѣ въ нее термометра, что приближаемся болѣе и болѣе къ опредѣленной степени температуры, которая останавливается на известной глубинѣ и не измѣняется даже при дальнѣйшемъ погруженіи. Эта точка термометрическаго равновѣсія не вездѣ одинакова, но вообще она заключается между тридцатью и пятидесятью футами подъ землею. Если яма вырыта въ началѣ зимы, температура по видимому возвышается у нижнихъ слоевъ, если напротивъ въ началѣ лѣта, температура покажется охлаждающеюся по мѣрѣ углубленія въ землю. Отсюда можно заключать, что впечатлѣнія тепла и холода, которымъ подвергается поверхность нашей планеты, переходятъ во внутренность ея очень медленно: внѣшняя температура какого-нибудь дня проникаетъ можетъ-быть не меньше мѣсяца одинъ дюймъ ея почвы. Поэтому, копая землю лѣтомъ, скоро дойдемъ до впечатлѣній предшествовавшей весны и зимы, потомъ до температуры осени и лѣта, а послѣ, спускаясь все болѣе и болѣе, увидимъ, что эти разные переходы теплоты смѣшаны между собою и образуютъ соединеніе, которое вездѣ одинаково.

Эти наблюденія легко дѣлать въ точности посредствомъ термометровъ съ длинными трубками, погружая ихъ въ землю на разныхъ глубинахъ. Четыре такіе инструмента, устроенные по Фаренгейту, и спущенные на одинъ, два, четыре и восемь футовъ въ землю, въ обширномъ саду, въ одномъ изъ сѣверныхъ графствъ Шотландіи, дали за 1816 и 1817 годы слѣдующіе выводы. Среднія показанія ихъ въ январѣ 1816 были 33°,0; 56°,3; 40°,7 и 43°,0. Въ тотъ же мѣсяць слѣдующаго года 35°,6; 38°,7; 45°,5; 45°,1. Но въ июнь этихъ двухъ годовъ, термометры показывали въ пер-

вый разъ $51^{\circ},6$; $50^{\circ},0$; $47^{\circ},1$; $45^{\circ},8$; въ другой разъ $51^{\circ},1$; $49^{\circ},4$; $47^{\circ},6$ и $47^{\circ},8$.

Замѣчательно, что въ этомъ климатѣ термометры почти согласны на всѣхъ глубинахъ въ двѣ разныя поры года, то есть, въ началѣ и въ концѣ лѣта. Такъ въ половинѣ мая 1816 года они всѣ приближались къ $43^{\circ},7$, а въ половинѣ сентября всѣ были почти на $51^{\circ},2$. На другой годъ въ тѣ же мѣсяцы показывали они $45^{\circ},1$ и $52^{\circ},1$. Очевидно, что въ первомъ изъ этихъ среднихъ показаній преобладало впечатлѣніе весны, а во второмъ впечатлѣніе лѣта. Среднее состояніе за весь годъ на тѣхъ же глубинахъ было въ 1816: $43^{\circ},8$; $44^{\circ},1$; $45^{\circ},1$ и $46^{\circ},0$, а въ 1817: $44^{\circ},9$; $45^{\circ},9$; $46^{\circ},2$ и $46^{\circ},8$: эти два года, особенно 1817, были холоднѣе другихъ. 18 августа 1818 года всѣ термометры остановились на 41° . Тотъ, который былъ на одинъ футъ глубины, сперва медленно, а потомъ быстро поднялся до 61° ; этой высоты достигъ онъ тринадцатаго іюня; шестнадцатаго, онъ опустился на 58° , а къ концу мѣсяца поднялся на 55° . Термометры, погруженные на два, четыре и восемь футовъ, постепенно подымались шестнадцатаго іюня то къ 55° , то къ 50° , то къ 47° ; въ концѣ мѣсяца они колебались между 53° , 51° и 49° . Въ предшествовавшіе годы термометръ, спущенный на одинъ футъ въ землю, не достигалъ своего максимума прежде половины или даже конца іюля: среднее показаніе 1815, 1816 и 1817 годовъ было 58° , 54° и 56° , тогда какъ въ 1818 году оно достигло 61° въ іюнь мѣсяцъ. Можно заключить изъ этихъ данныхъ, что температура земли всегда — средній результатъ впечатлѣній, произведенныхъ на поверхность ея въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и эти послѣдовательные слои тепла можно почитать архивами атмосферныхъ переворотовъ, которые совершились въ отдаленныя времена. Вліяніе временъ года, дѣйствующихъ на поверхность земли, не перейдетъ, быть-можетъ, пятидесяти футовъ въ цѣлое столѣтіе. Обильные источники, которые текутъ во внутренности нашей планеты и выносятъ на ея поверхность впечатлѣнія подземнаго тепла, представляютъ самые точные документы насчетъ свойства прежнихъ климатовъ. Эти источники, внимательно наблюдаемые въ разныхъ мѣстахъ, не обнаруживаютъ большаго неравенства температуры при возобновленіи временъ года, и выходя на глу-

бинъ ста или полутораста футовъ, производятъ все одинаковое дѣйствіе на термометръ. Замѣчено, что знаменитый Воклюаскій водопадъ, лежащій подъ $43^{\circ},55'$ широты и въ трехъ стахъ шестидесяти футахъ надъ уровнемъ Средиземнаго Моря, достигаетъ высшей своей температуры около перваго сентября, а низшей въ началѣ апрѣля: первая равняется $10^{\circ},8$, а послѣдняя $9^{\circ},8$ Реомюра ($56^{\circ},3$ и $54^{\circ},1$ Фаренгейта), что даетъ среднюю теплоту въ $10^{\circ},3$ Реомюра ($55^{\circ},2$ Фаренгейта). Онъ питается водами, выходящими изъ разстланныхъ огромнаго известковаго утеса и получающими атмосферное вліяніе по-видимому черезъ три мѣсяца. Вода бѣжитъ изъ утеса въ достаточномъ количествѣ для образованія, немного ниже ея истока, прозрачной рѣчки Сорги. Поэтому не совсѣмъ безосновательно полагать, что ежели окружающая насъ атмосфера и подвергалась нѣкоторымъ періодическимъ колебаніямъ, въ ней не произошло ни какой значительной перемѣны въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ.

Нѣкоторые естествоиспытатели хотятъ объяснить приведенные нами факты, помощію внутренней теплоты земнаго шара, происходящей, какъ они думаютъ, отъ средоточнаго огня, и въ подкрѣпленіе любимой своей гипотезы утверждаютъ, что на днѣ рудокопень температура выше. Но это наблюденіе основано на однихъ частныхъ обстоятельствахъ, каковы напрямъ, испаренія отъ лампъ и отъ дыханія рабочихъ, которыя скопляются и сгущаются подъ сводами штоленъ. Вода, которая сочится сквозь трещины и течетъ по умятой почвѣ рудокопни, имѣетъ всегда среднюю температуру той глубины, гдѣ она находится. Надобно еще замѣтить, что каменныя и земляныя вещества — весьма худые проводники теплотвора, и что вулканы имѣютъ очень мало вліянія на климатъ тѣхъ странъ, гдѣ они даже въ полной дѣятельности.

И такъ всегдашняя теплота земли происходитъ отъ простаго скопленія непрерывныхъ внѣшнихъ впечатлѣній. Эти впечатлѣнія получаетъ она или непосредственно отъ солнечныхъ лучей или посредственно чрезъ соприкосновеніе съ атмосферою; но воздухъ болѣе способенъ распространять теплоту нежели сосредоточить ее въ одной точкѣ. Легко доказать, что вся масса атмосферы содержитъ въ себѣ теплоты

не болѣе, чѣмъ слой воды въ десять или земли — въ пятнадцать футовъ толщиною. Смотри по относительной ихъ температурѣ, вѣтры приносятъ землѣ или отнимаютъ у ней теплотворъ; но солнце есть великій первоначальный центръ теплоты, которую движеніе атмосферы помогаетъ ровнѣе распредѣлять по всѣмъ частямъ нашей планеты. Теплота, сообщаемая воздуху или землѣ, постоянно соразмѣрна поглощенію солнечныхъ лучей, и слѣдствія все одинаковы, примемъ ли мы простую теорію, что теплота есть тонкая жидкость свѣта, соединенная съ его нижними слоями, или предпочтемъ другое мнѣніе, что свѣтъ всегда содержитъ въ себѣ примѣсь невидимаго вещества, которое называемъ мы теплотою.

Шаровидность земли и наклоненіе ея оси причиною, что количество свѣта или теплоты, которое на нее достигаетъ, бываетъ до такой степени различно, смотря по широтамъ. Сумма теплоты, которая въ одномъ мѣстѣ возвысила бы температуру ста тридцати пяти фунтовъ воды на цѣлый градусъ Фаренгейта, индѣ едва можетъ растопить одинъ фунтъ льда. Мѣра распущеннаго льда есть самое вѣрное и самое простое правило для оцѣнки количества потребленной приэтомъ теплоты. Приложивъ подобный расчетъ къ настоящему опыту, мы найдемъ, что солнечный свѣтъ во всей чистотѣ своей былъ бы достаточенъ для распущенія тридцати восьми футовъ, семи дюймовъ льда на экваторѣ, тринадцати футовъ, четырехъ дюймовъ въ средней широтѣ 45° , и у полюса по соразмѣрности. Изъ этого могущественнаго дѣйствія солнца, главная часть терлется безъ-сомнѣнія въ пучинахъ океана и быть-можетъ весьма большая останавливается и разсѣвается въ толщѣ атмосферы. Если бъ однако свѣтъ, достигающій на поверхность земли, за этими вычетами, скопился гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ, онъ произвелъ бы неравенство температуры, котораго нельзя бъ было перенести. Здѣсь любопытно то обстоятельство, какъ мало теплоты необходимо для поддержанія животной жизни и въ какомъ ничтожномъ количествѣ совмѣстна она со всѣмъ, что существуетъ. Холодъ, на абсолютномъ нулѣ, вѣроятно опускается на тысячу четырехста градусовъ ниже начальной точки Фаренгейтовыхъ дѣлений, и жаръ нашихъ печей долженъ тогда усилиться въдеся-

теро; между-тѣмъ немногія растенія вынесутъ переѣмну температуры въ пятьдесятъ градусовъ, и человекъ, самое переносливое изъ животныхъ, не стерпитъ стоградуснаго перехода.

Если бъ почти отрицательное свойство земли въ отношеніи къ проводимости теплотвора не имѣло перевѣса въ стороннемъ вліяніи, оно удерживало бы теплоту тамъ, куда бы она упала, и увѣковѣчивало бъ такимъ образомъ неровное дѣйствіе солнечныхъ лучей. Поэтому подвижность атмосферы играетъ въ экономіи природы важную роль, какъ великая бюстительница всей системы, раздающая посредственную теплоту и умѣряющая крайности климатовъ на всемъ пространствѣ земнаго шара. Теплота скопляется на примѣръ между тропиковъ, — это благодѣтельное движеніе гонитъ туда изъ высшихъ широтъ освѣжающія струи воздуха, и дѣятельность этихъ вѣтровъ, соразмѣрная возбуждающей ихъ причинѣ, препятствуетъ жару переходить извѣстные предѣлы: отсюда слѣдуетъ, что противоположные потоки въ атмосферѣ суть дѣятели, которые поддерживаютъ безпрестанный обмѣнъ температуръ между полюсами и экваторомъ. Направленіе этихъ токовъ иногда измѣняется, но они производятъ тѣ же дѣйствія, хотя идутъ косвенно и окольнымъ путемъ. Для вызова явленій нынѣшнихъ климатовъ достаточно, чтобъ разные вѣтры, дующіе въ теченіе года, подавались къ югу или къ сѣверу, среднимъ числомъ, на три версты въ часъ, или чтобъ они совершили въ годъ три перехода отъ экватора къ одному изъ полюсовъ. Не то, что бѣ эти вѣтры непосредственно разносили впечатлѣнія теплоты и холода съ одного края земли на другой, но безпрестаннымъ своимъ дѣйствіемъ они въ теченіе вѣковъ способствуютъ къ распространенію ихъ въ промежуточныхъ пространствахъ.

Система противоположныхъ воздушныхъ токовъ, ведетъ, относительно распредѣленія температуры по широтамъ, къ тому же закону, который выведенъ извѣстнымъ Геттингенскимъ профессоромъ Майеромъ по эмпирическому способу. Кажется, что измѣненіе средней температуры, науровнѣ съ моремъ, всегда пропорціонально синусу двойной сложности широты. Для параллелей каждаго десятаго градуса порядокъ выходитъ очень просто:

Широта.	Средняя температура.
0°.....	84° Фарен.....23° Реом.
10°.....	82°5.....22°5.
20°.....	78°.....20°5.
30°.....	71°.....17°5.
40°.....	62°5.....12°5.
50°.....	53°5.....9°5.
60°.....	45°.....5°5.
70°.....	38°.....2°5.
80°.....	33°5.....0°5.
90°.....	32°.....0°.

Средняя арифметическая величина, 11°, 5 Реомюра или 58° Фаренгейта, соответствует средней широты 45°; но истинная средняя температура на всей поверхности земли есть 15°, 5 Реомюра, или 67° Фаренгейта, и должна совпадать с параллелью 35° 51²/₃ земного шара.

Потоки, образующіеся въ атмосферѣ, такъ же существенно содѣйствуютъ къ переносу и распредѣленію теплоты, какъ и къ умѣренію чрезвычайнаго неравенства годовыхъ временъ въ широтахъ, лежащихъ ближе къ полюсу. Но движенія, производимыя въ такой огромной массѣ жидкости, очевидно должны слѣдовать здолгу за сложными причинами, которыя ихъ возбуждаютъ. Вотъ вѣроятно отчего происходятъ сильныя вѣтры, наступающіе послѣ удушливыхъ жаровъ и трескучихъ морозовъ и дующіе особенно въ сентябрѣ и мартѣ: моряки называютъ ихъ равноденственными вѣтрами. Въ краяхъ, смежныхъ съ арктическимъ полярнымъ кругомъ, природа простерла еще далѣе свою предусмотрительность для поправленія крайняго неравенства въ дѣйствіи солнечныхъ лучей. Зимой, плодотворное свѣтило въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ совершенно отказываетъ этимъ печальнымъ пустынямъ въ своемъ свѣтѣ; но послѣ какъ бы въ вознагражденіе за долгое отсутствіе, сіяетъ лѣтомъ столько же времени непрерывно. Потомъ, вслѣдствіе чудесной стройности природы, самая поверхность океана дѣлается обширнымъ полемъ, надъ которымъ истощаются крайности тепла и холода. Въ обыкновенныхъ случаяхъ вода поверхности, по мѣрѣ ея охлажденія и сжатія въ объемъ, погружается въ море, а нагрѣвшись, расширяется и всплываетъ опять наверхъ,

сообщая избытокъ своей теплоты, — но съ чрезвычайной медленностью, — массу, которая подъ нею. Въ моряхъ между арктическимъ полярнымъ кругомъ и полюсомъ, вода, всегда замерзлая или готовая замерзнуть, не подвергается почти ни малѣйшему измѣненію въ объемъ при какомъ бы то ни было переходѣ температуры; поэтому верхніе слои здѣсь всегда стоячіе и легко воспріимлютъ впечатлѣнія вѣтровъ, которые по нимъ пробѣгаютъ. Зимній холодъ свирѣпствуетъ невозбранно и замораживаетъ ихъ на глубину, соразмѣрную его силѣ и продолжительности. Лѣтомъ вся теплота истощается на растопленіе этихъ ледяныхъ полей, которыхъ каждый дюймъ въ толщину поглощаетъ столько теплотвора, сколько его нужно для возвышенія на цѣлый градусъ температуры объема воды въ десять съ половиною футовъ толщиною. Лѣтніе мѣсяцы почти пройдутъ прежде чѣмъ солнце успѣетъ распустить эту твердую кору моря, хотя во время солнцестоянія дѣйствіе его свѣта подъ полюсомъ четвертью сильнѣе чѣмъ на экваторѣ, и достаточно, въ теченіе дня, для растопленія ледянаго пласта въ полтора дюйма толщиною.

Если горизонтальные вѣтры служатъ къ уравновѣженію неправильнаго дѣйствія солнечныхъ лучей на поверхность земли, то потоки восходящіе и нисходящіе еще дѣятельнѣе поддерживаютъ равновѣсіе температуры дня и ночи. Земля, нагрѣтая свѣтомъ, которымъ непосредственно обливаешь ее солнце, сообщаетъ своей теплоты ближайшимъ частицамъ окружающаго ее воздуха; онъ раздается, начинаетъ восходить и такимъ образомъ сгоняетъ внизъ равное количество жидкости. Однажды установившись, эти вертикальные потоки продолжаютъ свое движеніе долго послѣ того, какъ первоначальная причина перестанетъ дѣйствовать, и поддерживаютъ приливъ холоднаго воздуха къ поверхности земли въ теченіе цѣлой ночи. Къ этому присоединяются еще охладительныя дѣйствія, которые чистое небо производятъ на землю по-видимому во всякое время. Совокупному вліянію этихъ дѣятелей должно приписать смягченіе суточныхъ перемѣнъ атмосферы въ знойномъ и въ умеренныхъ поясахъ. Изъ этого быстрого и непрерывнаго перелива верхнихъ и нижнихъ слоевъ воздуха вытекаетъ еще другое слѣдствіе, то есть, что одинаковое количество теплоты водворяется во всѣхъ высотахъ атмосферы.

Это ровное распределение тепла подчинено однако къ другому началу, которое производитъ правильную постепенность въ понижающейся температурѣ. Теплоемкость воздуха увеличивается въ прямомъ содержаніи къ его рѣдкости, такъ, что поднявшись и распространившись въ высоту, онъ претерпѣваетъ соразмѣрное пониженіе въ температурѣ, и эту убыль тепла, почти однообразную въ ея ходѣ, можно полагать въ одинъ градусъ на каждыя пятьдесятъ сажень. Поэтому предѣлъ всегдашняго мороза можно изобразить кривою, которая постепенно понижается, начиная отъ экватора, увеличиваетъ наклонъ въ широтѣ 45° и касается поверхности земли у полюса. Среднія высоты вѣчнаго мороза на экваторѣ и въ широтахъ 30° и 60° суть 15,207; 11,484 и 3,818 футовъ.

Теплота огромныхъ водоскоповъ рѣдко соответствуетъ въ точности средней температурѣ ихъ широты. Переменныя впечатлѣнія, которыя поверхность ихъ получаетъ отъ атмосферы, не проникаютъ въ ихъ толщу съ постепенной медленностью, какъ то бываетъ на землѣ, не перемишляются и не уравниваются на известномъ углубленіи. Главный проводникъ теплоты въ жидкостяхъ есть внутреннее дѣйствіе частнаго ихъ расширенія. Въ странахъ болѣе умеренныхъ, поверхностныя воды озеръ и морей, по мѣрѣ ихъ нагрѣванія и слѣдственно пріобрѣтенія ими удельной легкости, постоянно удерживаются на этой высотѣ; но лишь только онѣ охладѣютъ, тотчасъ сжимаются и относительная плотность тянетъ ихъ ко дну. Оттого въ глубинахъ озеръ и морей вода вообще гораздо студенѣе той, которая на поверхности. Дознано, что постепенность охлажденія замѣтна до двадцати сажень глубины, но далѣе — пониженіе температуры почти одинаково вездѣ куда ни опустимъ лота. Въ моряхъ, гдѣ есть мели и банки, холодные слои гораздо ближе къ поверхности. Ощутительное свѣженіе воды, замѣченное на глубинахъ немногихъ сажень, можетъ указывать мореплавателю близость мели или берега.

Однако жъ эти начала не примѣняются къ особеннымъ обстоятельствамъ арктическихъ морей. Расширеніе воды теплотою существенно разнится отъ расширенія ртути, масла и извиня; оно совсѣмъ не такъ однообразно какъ въ этихъ

жидкостяхъ, которыя потому и годны для термометровъ: вода надувается при самомъ таяніи, и едва температура ея возрастаетъ на нѣсколько градусовъ, она быстро переходитъ къ кипѣнію. Близъ предѣловъ величайшаго своего сжатія объемъ воды почти не измѣняется отъ теплаго впечатлѣнія. Когда поверхностныя воды океана дойдутъ до температуры отъ -2° до $+5^{\circ}$ Реомюра (28 до 44 градусовъ Фаренгейта), онѣ дѣлаются почти стоячими и чрезвычайно доступными вліянію внѣшняго холода: оттого полярныя моря всегда готовы замерзнуть при первомъ холодномъ вѣтрѣ. Годичныя перемѣны въ атмосферѣ скользятъ по поверхности этихъ морей, не проникая въ исподнія пучины. Въ противоположность тому, что замѣчается въ умѣренныхъ климатахъ, вода, доставаемая съ значительной глубины за полярнымъ кругомъ, теплѣе поверхностной: вотъ отчего пловучій ледъ обыкновенно начинается таять снизу, наитствуемый теплою, которая подымается со дна.

Когда большія массы льду растаятъ наконецъ отъ непрерывнаго дѣйствія солнца, послѣ этого остается еще теплота сомнительная и кратковременная; но черезъ нѣсколько недѣль, въ теченіе которыхъ слабыя лучи дневнаго свѣтила падаютъ на эти края чрезвычайно косвенно, морозъ снова начинается преобладать. Снѣгъ идетъ съ августа мѣсяца, и земля покрывается имъ на два или на три фута еще до наступленія октября. Вдоль береговъ и заливовъ, прѣсная вода, приносимая туда рѣчками или накопившаяся при таяніи прежнихъ снѣговъ, тотчасъ превращается въ крѣпкій ледъ. По мѣрѣ усиленія холода, воздухъ осаждаетъ свою сырость въ видѣ тумана, замерзающаго тканями, нитями, иглами, которыя почти непримѣтны, но такъ и колютъ лице: этотъ туманъ падаетъ въ большомъ изобиліи, пристааетъ въ тысячѣ фантастическихъ видовъ ко всѣмъ выдавшимся частямъ тѣлъ и унижаетъ ихъ разнообразными сталактитами. Со всей поверхности моря подымаются пары какъ изъ котла: это явленіе, называемое по-просту морознымъ дымомъ, происходитъ оттого, что въ эту пору температура воды все еще теплѣе окружающаго воздуха.

Разсыпаніе этихъ паровъ и очищеніе атмосферы служить признакомъ, что равновѣсіе между моремъ и внѣшнимъ хо-

лодомъ возстановилось : слой льда быстро разстилается по влажной равнинѣ и часто приобретаетъ дюймъ толщины въ одну ночь. Тогда иракъ динной зимы покрываетъ оледенѣлыя пустыни ; одна луна бросаетъ повременамъ своей блѣдный свѣтъ въ безконечную темень и только увеличиваетъ имъ ужасъ всей картины. Земля трещитъ, утесы разсѣдаются съ страшнымъ громомъ, и раскаты его отдаются двадцать разъ въ ледяныхъ стѣнахъ. Ни живой души, ни малѣйшаго движенія на поверхности земли и моря ; кажется, мертвый сонъ одолевъ эту часть творенія и отделилъ ее отъ остальнаго міра.

Къ концу марта солнце опять показывается на небосклонѣ ; но его томные лучи только чуть озаряютъ помумертвую природу, а отнюдь не возвращаютъ ей свѣта и жизни. Однако жъ мало-по-малу свирѣпость мороза начинаетъ ослабѣвать. Въ маѣ голодные жители рѣшаются выйти изъ своихъ юртъ : худые, едва держась на ногахъ, со спалыми глазами и съ закопченнымъ лицомъ, они тащатся къ морскому берегу и пытаются ловить рыбу, которая начинаетъ появляться. Солнце день-отъ-дня всходитъ выше, и сила его приобретаетъ болѣе напряженія. Снѣгъ садится и постепенно таетъ ; ледъ отдѣляется отъ скалъ огромными глыбами и съ громомъ катится по берегамъ ; потомъ и океанъ разрываетъ съ страшнымъ гуломъ свои окопы : обширныя ледяныя поля начинаютъ носиться по его поверхности, сталкиваются, разбиваются или гуляютъ по волѣ вѣтровъ и теченій. Видъ этихъ странствующихъ материковъ, говорить Мальте-Брунь, превосходить всѣ вымыслы воображенія : то вы видите горы чистаго хрустала и долины, усыяныя брилліантами ; то сѣрыя башни съ лучезарными шпицами, которые возвышаются надъ зубчатымъ ледянымъ валомъ.

До исхода іюня льды арктическихъ морей разбиваются, разносятся, и путь мореплавателю становится свободенъ, но атмосфера все еще бываетъ сыра и отягчена парами. Объ эту пору густой туманъ покрываетъ обыкновенно поверхность моря ; впрочемъ температура его умѣреннѣе температуры морознаго дыма, хотя происходитъ отъ той же причины, только въ обратномъ порядкѣ. Здѣсь слои воздуха теплѣе поверхности моря, съ которой они соприкасаются ; они холо-

дѣютъ и осаждаютъ свою сырость. Эти густые туманы, которые изрѣдка проникаются яснымъ небомъ, господствуютъ летомъ въ северныхъ моряхъ и дѣлаютъ плаванье крайне опаснымъ. Въ июль устанавливается наконецъ согласіе между температурой воздуха и воды, и солнце, во всеобщемъ сіяніи, льетъ волны ослабительнаго свѣта въ теченіе нѣсколькихъ недѣль: Незадолго до окончанія лѣта, въ тѣснинахъ, заливахъ и другихъ укрытыхъ мѣстахъ на берегу накапливается столько жару, что смола таетъ и течетъ по бокамъ кораблей.

Льды, которые такъ страшны мореплавателю въ водахъ арктическихъ, бываютъ двухъ разныхъ родовъ: одни происходятъ отъ прѣсной воды, другіе отъ соляной. Снѣгъ, безпрестанно падающій въ этихъ краяхъ, таетъ летомъ и образуетъ многоясленные водоемы и ручьи, стекающіе по берегамъ и въ глубокіе заливы, обставленные утесами. Здѣсь эта чистая и холодная вода скоро превращается въ слой льда, которому каждый годъ придаетъ новую толщину, пока бытъ-можетъ черезъ нѣсколько вѣковъ онъ получитъ объемъ и видъ горы и сравнится высотой съ смежными утесами. Тающіе снѣга, которые останавливаются на поверхности этихъ страшныхъ глыбъ также содѣйствуютъ къ ихъ увеличенію: они наполняютъ промежутки и случайныя трещины, такъ, что гора становится совершенно плотною и цѣльною. Во время этого накопленія, съ другой стороны дѣйствуетъ и истребительное начало. Всегдашнее треніе моря постепенно гложетъ основаніе ледяной горы, которая, достигнувъ высоты примѣрно въ тысячу или въ двѣ тысячи футовъ, уступаетъ наконецъ силѣ собственной тяжести, обрывается и съ шумомъ падаетъ въ океанъ. Здѣсь исполинская глыба гуляетъ высокимъ, утесистымъ островомъ до-дѣхъ-поръ, пока, загнанная вѣтрами и теченіями въ южныя широты, она убываетъ исподоволь и наконецъ совершенно исчезаетъ въ водахъ океана.

Таково, думаемъ мы, происхожденіе этихъ пловучихъ горъ: онѣ образуются какъ Альпійскіе и Пиренейскіе ледники. Ихъ ледъ чистъ, плотенъ и крѣпокъ, обыкновеннаго цвѣта съ лазоревыми отливами, и доставляетъ отважнымъ китоловамъ самую пріятную прѣсную воду.

Ученые долго занимались вопросомъ, способны ли воды

*

океана къ замерзанію, и въ доказательство невозможности этого факта представляли много нелѣпныхъ доводовъ; нынче этотъ вопросъ рѣшенъ окончательно, и замерзаніе морской воды дознано и наблюдениемъ и опытами. Однако жъ этотъ ледъ несовершеннаго вида, и его легко различить съ произведеніями правильной кристаллизаціи: онъ скважистъ, неплотенъ и грубо-прозраченъ. Онъ состоитъ изъ множества кристалльныхъ частицъ, зерноватыхъ или остроконечныхъ, которыя слиты между собою, и которыхъ промежутки содержатъ въ себѣ крѣпкій разсолъ, а губчатая ткань имѣетъ видъ замерзашаго сиропа. Этотъ соляной ледъ никогда не дастъ чистой воды; однако жъ если спустить разсолъ изъ промежутковъ, осталая масса превращается въ жидкость, годную при случаѣ для питья, несмотря на ея солоноватый отзывъ.

Морская вода обыкновенной соляности, то есть, та, въ которую входитъ тридцатая часть соли по вѣсу, замерзаетъ при 2 градусахъ холода по Реомюру (27° Фаренгейта), и только двумя градусами ниже точки замерзанія прѣсной воды. Въ странахъ полярныхъ, поверхность океана, которой температура никогда не бываетъ многимъ выше въ одну пору, чѣмъ въ другую, охлаждается въ концѣ лѣта очень скоро и достигаетъ предѣла, гдѣ начинается замерзаніе. Къ концу іюля или съ первыхъ чиселъ августа, ледяной черепъ покрываетъ волны въ одну ночь, и холодъ не перестаетъ свирѣпствовать, покаместъ этотъ первый слой не сдѣлается въ нѣсколько футовъ толщиною. По возвращеніи весны, солнце его проникаетъ, грѣетъ и смягчитъ; первый сильный вѣтеръ, которымъ надмятся воды океана, подыметъ его, взломаетъ и раздѣлитъ на огромные острова, которые разбиваются потомъ на болѣе мелкія части. Это бываетъ въ іюнѣ, какъ мы уже говорили, а черезъ нѣсколько недѣль море дѣлается на короткое время свободнымъ.

Тогда какъ ледяныя горы растутъ въками, эти острова образуются ежегодно, и ежегодно истребляются. Лды, происшедшіе изъ тающаго снѣга, тверды, прозрачны и достигаютъ иногда огромныхъ размѣровъ; но тѣ, которые изъ соляной воды, не имѣютъ ни той прочности, ни чистоты, и никогда не отличаются толщиною. Они держатся и плаваютъ

только въ известное время года; но если ихъ захватить ранними морозами, они сохраняются до слѣдующей весны.

Ледяныя поля, острова и другіе обломки обнаруживаются издали страннымъ явленіемъ на горизонтѣ, которое Англійскіе моряки называютъ ice blink, ледяной отсвѣтъ. Это по большей части чрезвычайно бѣлая, а иногда и желтоватосвѣтлая, полоса, которую ледь отражаетъ косвенно въ противоположной атмосферѣ. Это предзнаменованіе, которое всегда является въ ясную погоду, указываетъ опытному мореходцу, въ двадцати или въ тридцати миляхъ за предѣлами непосредственнаго зрѣнія, не только протяженіе и очертаніе, но и самое качество предстоящаго льда. Отсвѣтъ островковъ или архипелаговъ чисто бѣлый, а отсвѣтъ ледяныхъ полей желтоватъ.

Горы твердаго и чистаго льда, порожденныя вѣроятно многими вѣками, составляютъ, вдоль западныхъ береговъ Гренландіи, огромный валъ, который простирается до Девисова Пролива. Ни что не можетъ сравниться съ зрѣлищемъ, которое ихъ фантастическія формы представляютъ на известномъ разстояніи: церкви, замки, всякіе мосты, обелиски, куполы, чертоги, флоты подъ парусами, всѣ дѣла рукъ человеческихъ своенравно переняты морозомъ. Северо-восточные вѣтры сносятъ ихъ въ Атлантику, къ болѣе южнымъ широтамъ, и въ нѣсколько мѣсяцевъ они распускаются тамъ совершенно.

Глыбы прѣснаго льда кажутся черными, пока плаваютъ; но обломки, вытасценные на корабль, представляютъ чудесный отливъ то изумрудный, то сафирный. Хотя они прозрачны какъ кристаллъ, однако жъ въ нихъ бываютъ иногда воздушные или водяные пузырьки, образовавшіеся при замерзаніи. Этотъ чистый ледъ, котораго удѣльный вѣсъ только одной-пятнадцатой легче прѣсной воды, по этому самому возникаетъ изъ морской поверхности только одной-десятою своего объема: слѣдственно ледяная гора въ двѣ тысячи футовъ вышиною, упавъ въ море, представляется изъ подъ воды на двѣсти футовъ. До сиръ поръ кажется и не упоминали о горахъ большаго размѣра; впрочемъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, снѣгъ, который на нихъ падаетъ, и обильныя испаренія, которыя замерза-

югъ на ихъ поверхности, часто увеличиваютъ ихъ объемъ. Опытъ показываетъ, что если бъ жидкость, окружающая эти пловучія массы, имѣла только 4 градуса тепла (42° по Фаренгейту), толщина льда убывала бы по дюйму на каждый часъ или по два фута на день; а если верхніе слои моря предположить подъ влияніемъ 9° тепла (52° Фар.), то суточная убыль удвоится и будетъ слѣдственно въ четыре фута. Продолживъ вычисленіе, мы найдемъ, что гора въ шесть сотъ футовъ вышиною растаяла бы въ теченіе полутора дня; но чтобы таяніе шло быстрѣе, надобно только вѣтру гнать ее по водѣ. Скорость ея хода, доведенная до полуторы версты въ часъ, утравиваетъ обыкновенное дѣйствіе температуры.

Хотя эти огромныя тѣла часто попадаютъ въ окрестностяхъ Ньюфундленда, они рѣдко идутъ далѣе и никогда не переступаютъ сорокъ восьмага градуса широты. Въ странахъ арктическихъ, сила косности утверждаетъ ихъ въ водѣ такъ неподвижно, что китоловы причаливаютъ къ нимъ корабли. Они однако жъ употребляютъ при этомъ длинныя канаты и маневрируютъ на извѣстномъ разстояніи отъ горы, потому что части, которыя отъ нея отдѣляются, всплываютъ иногда съ такою быстротою, что непременно пробили бы киль судна, если бъ оно было на ихъ пути.

Льдины изъ соляной воды бѣловаты, скважисты и не такъ прозрачны. Разсолъ, который онѣ въ себѣ содержатъ, много увеличиваетъ ихъ плотность и не даетъ имъ выставить изъ-подъ воды болѣе пятой части ихъ объема. Толщина этого солянаго льда весьма переменчива, но никогда не превосходитъ шести футовъ. Мы уже сказали, что онѣ образуются и истребляются всякой годъ, и что развѣ только малая часть остается послѣ лѣтней оттепели. Таяніе длится три мѣсяца, и въ теченіе этого времени, теплота солнечныхъ лучей, несмотря на ихъ косвенность, дѣйствуетъ неослабно прямымъ путемъ или посредствомъ воды и воздуха, такъ, что силы ея достаточно для растопленія всего льда осенняго, зимняго и весенняго. Доказано опытомъ, что солнечный жаръ во время солнцестоянія можетъ растаить у самаго полюса пятидюймовый слой льда въ одну недѣлю. Поэтому легко вычислить, что годовое его дѣйствіе должно

распускать ледяную толщу въ сорокъ дюймовъ. Здѣсь необходимо замѣтить, что пасмурная атмосфера сѣверныхъ широтъ не пропускаетъ тѣхъ освѣжительныхъ вліяній, которыя чистое и лазурное небо кроткихъ климатовъ ниспосылаетъ въ пространство, и которыми теплотворное дѣйствіе солнца ослабляется на одну пятую: этотъ метеорологическій фактъ дѣйствительно дознанъ. И такъ приблизительное годичное таяніе льда въ полярныхъ краяхъ можно полагать до четырехъ футовъ.

Теплота, поглощаемая атмосферическимъ дѣйствіемъ растаяки, снова освобождается при замерзаніи, и эта чередовая смѣна образующагося и тающаго льда представляетъ наблюдателю новый примѣръ удивительной гармоніи и глубокаго преднамѣренія въ устройствѣ природы: здѣсь все рассчитано съ непостижимою мудростью для умѣренія крайняго неравенства температуръ. Если бѣ арктическія земли противопоставляли солнечнымъ лучамъ поверхность сухую и обнаженную, онѣ горѣли бѣ отъ лѣтняго зноя, а зимою гибли бы отъ холода, который могъ бы проникать ихъ до самой глубины. Ни животныя, ни растенія не вынесли бы этихъ двухъ крайнихъ климатовъ. Но при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, избытокъ лѣтней теплоты поглощается льдомъ, который она распускаетъ, а зимой отсутствіе ея отчасти вознаграждается тѣмъ вліяніемъ, которое имѣетъ на атмосферу образованіе льдовъ. Пока мѣстъ таетъ ледъ и потомъ пока вода замерзаетъ, во все это время температура атмосферы измѣняется только до извѣстныхъ предѣловъ. Такова чудесная стройность этой системы! и опытъ, основанный на множествѣ наблюдений, не дозволяетъ предполагать, чтобъ она когда-нибудь претерпѣла существенную перемену. Въ одинъ годъ образуется больше льда, въ другой больше его растаетъ; но смѣшно бы было вообразить, что сѣверные края освободятся когда-нибудь совсѣмъ отъ покрывающей ихъ ледяной оболочки. Пусть всѣ полярные льды отрѣшатся отъ полюса и исчезнутъ мало-по-малу въ южныхъ моряхъ; скоро образуются на-мѣсто ихъ другіе, не менѣе обширные и толстые, потому что они только дѣйствіе, а не причина того состоянія атмосферы, которое они очевидно умѣряютъ: и не значить ли это кружиться безъ тол-

ку, если приписывать льдам охлажденіе воздуха, и на оборотъ, охлажденію воздуха увеличеніе льдовъ?

Но каковы бы ни были ихъ измѣненія, эти льды никогда не могутъ ощутительно дѣйствовать на климаты нижнихъ широтъ. Пространства, гдѣ царствуетъ холодъ, занимаютъ весьма малую часть земли сравнительно съ обширностью сѣвернаго полушарія, котораго они составляютъ только восьмую долю, даже если назначить имъ предѣломъ параллель шестидесятаго градуса. А такъ какъ ледовитые края не простираются за семьдесятъ пятый градусъ, то можно полагать, что они занимаютъ только тридцать вторую часть нашего полушарія. Теперь, если и допустить предположеніе, что холодъ арктическаго полюса перейдетъ весь въ атмосферу юга, онъ все не можетъ произвести ни какого ощутительнаго измѣненія въ нашихъ климатахъ.

Пойдемъ далѣе и допустимъ со словъ нашего путешественника, что въ теченіе 1816 и 1817 годовъ три тысячи пятьсотъ квадратныхъ верстъ льда исчезли въ моряхъ Гренландіи между параллелями шестидесять четвертаго и восьмидесятаго градусовъ: это пространство не соответствовало бы четвертой доли поверхности Архангельской губерніи. Вычислено, что утрата теплоты на земномъ шарѣ отъ полнаго солнечнаго затмѣнія, которое произвело бы совершенную темноту только на одинъ часъ, равна той, которую причинилъ бы своимъ таяніемъ ледяной кругъ въ семьсотъ пятьдесятъ верстъ поперечника и въ полтора фута толщину. Этотъ объемъ превосходитъ по крайней мѣрѣ въ шестьдесятъ разъ ледяныя поля, отдѣляющіяся отъ Гренландіи, если приписать имъ среднюю толщину и въ тридцать футовъ; однако температура воздуха никогда не понижается болѣе, чѣмъ однимъ или двумя градусами во время солнечнаго затмѣнія, каково бы оно ни было.

Мы не согласимся съ химерическимъ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ, которые утверждали, что вѣтры могутъ переносить въ наши климаты полярныя вліянія: нынче доказано уже опытами, что воздушный потокъ, проходя надъ поверхностью, которая его теплѣе, вода ли то, или земля, проникается въ теченіе часа тою же температурою на глубину восьмидесяти футовъ, хотя черта соприкосновенія или вза-

иннаго тренія ограничивается поверхностью въ одну пяти-сотую дюйма толщиной. Если мы назначимъ полторы версты вышины этому слою воздуха, проникаемому исподней температурою, онъ потеряетъ всю жестокость своего холода и напитается легкой теплотою въ семьдесятъ часовъ движенія. Теперь, положимъ, что этотъ вѣтеръ пробѣгаетъ по тридцати верстѣ ежечасно; въ такомъ случаѣ онъ утратитъ всю свою студеность прошедъ около двухъ тысячъ верстъ. Поэтому холодные вѣтры, которые, по предположенію, шли бы къ намъ съ отдаленнаго сѣвера, должны были бы утрачивать послѣднюю свою силу въ широтахъ Москвы, Вильны, Нѣмецкаго Моря и такъ далѣе; пусть дѣйствіе ихъ продолжается нѣсколько вѣковъ непрерывно, оно все-таки не заморозитъ и поверхности океана: едва кака-нибудь часть ея станетъ холодѣть, возрастающая плотность заставитъ ее спуститься. И такъ, для того, чтобъ подѣйствовать на поверхность, вѣтру надлежало бы проникнуть всю массу, начиная съ самаго дна. По вычисленіямъ Лапласа, основаннымъ на сравненіи теоріи морскихъ приливовъ съ наблюденіями, собранными въ началѣ нынѣшняго столѣтія, средняя глубина океана превосходитъ пятнадцать верстъ. Предположимъ, что вѣтеръ, дующій съ какой-нибудь точки сѣвера и десятью градусами холоднѣйшей воды, господствуетъ въ Атлантическомъ Океанѣ шесть мѣсяцевъ ежегодно, пробѣгая по двадцати по три версты въ часъ; ему понадобится двѣсти двадцать лѣтъ для охлажденія этого огромнаго водоскопа только на одинъ градусъ.

Нѣкоторые думаютъ, что горы или ледяные острова, уносимые океаномъ, при вскрытіи полярнаго моря, къ югу, достаточны для охлажденія нашихъ климатовъ. Но при небольшомъ размысленіи легко удостовѣриться, что это отдаленное вліяніе не можетъ на нихъ дѣйствовать. Поверхность льдовъ, несомыхъ вѣтрами, по большей мѣрѣ, никакъ не превосходитъ тысячной доли пространства океана; следовательно общая температура не можетъ понизиться отъ нихъ даже на сороковую часть градуса, да и это слабое впечатлѣніе разсѣвается во время далекаго пути и конечно не достигаетъ въ среднюю Европу.

Господствовало еще другое заблужденіе. Изъ общепри-

нятаго предположенія, что льды въ арктическихъ моряхъ накопились въкамя, начали выводить заключеніе, что во всей Европѣ климатъ былъ прежде благообразнѣе. Этотъ вопросъ, разсмотрѣнный въ подробностяхъ, не представляетъ ни какого основанія къ такой догадкѣ. Жаловались и теперь жалуются, особенно старики, которыхъ тѣло доступнѣе холоду, что времена года перемѣшались, перепутались, измѣнились существенно. Послушать ихъ, природа истощила всю свою теплоту и настало конечное разрушеніе. Обширные лѣса росли на возвышенностяхъ сѣвера, тогда какъ теперь они тамъ очень рѣдки. Въ первые вѣка, уборка винограда во Франціи бывала нѣсколько недель ранѣе нынѣшняго; во времена Римлянъ большіе виноградники покрывали разныя части южной Англій, гдѣ теперь хмѣль растеть нехотя; слѣды сохи видны на многихъ холмахъ въ Шотландіи, которые потомъ оброшены и заглохли кустарникомъ.

Въ отвѣтъ на такія жалобы мы во-первыхъ замѣтимъ, что новыя лѣса не процвѣтаютъ на сѣверѣ, будучи лишены взаимной защиты, которую доставляли другъ другу старыя. Въ Англійи вырубали лѣсъ однажды, и слѣдствія были тѣ, какихъ надлежало ожидать. Въ Швеціи и Норвегіи, гдѣ естественныя лѣса почти повсемѣстны, неправильное истребленіе ихъ воспрещено полицейскимъ уставомъ. Рубка производится въ извѣстныя поры и то небольшими участками и въ разныхъ мѣстахъ; прогалины оставляются только между большихъ деревьевъ, которыя могутъ укрывать новыя разсадники, учреждаемые взамѣнъ прежняго лѣса. Тѣ края Швеціи, гдѣ случайные пожары вовсе истребили лѣса, отличаются безплодіемъ и пустышностью.

Что касается до винограда, вѣроятно въ древніе времена онъ былъ дикой породы, гораздо грубѣе и кислѣе нынѣшняго. То же замѣчаніе простирается на всѣ произведенія земледѣльчества. При уходѣ и со временемъ улучшается всякое растеніе, и плодъ его становится пріятнѣе на вкусъ. Римскіе солдаты, стоявшіе въ Британіи, разумѣется предпочитали какое бы то ни было вино отвратительной цереvizіи, или поміву, невѣжественныхъ Бриттовъ. Слѣды обработки на холмахъ Шотландіи доказываютъ только жалкое

состояніе земледѣлія въ древнія времена. Не зная ни плодотворности, ни землеудобренія, голодные жители воззали соху на-удачу въ первую нетронутую почву, которая имъ попадалась, и, собравъ съ нея одну или двѣ скудныхъ жатвы овса, снова обрекали ее на безплодіе. Скотъ, котораго зимою нечѣмъ было кормить кромѣ сухой соломы, гибнулъ въ ожиданіи весны. Самая почва, браздимая плугомъ только изрѣдка и то по большей части не впадать, нечувствительно переходила къ отвердѣнію и наконецъ къ совершенной безплодности. Прибавьте къ этому, что лѣнныя крестьяне, душаемые бременемъ тяжелой одежды, никогда не начинали работъ до солнечнаго восхода, и вы будете имѣть понятіе объ основательности жалобъ нашихъ отцевъ и современниковъ.

Трудно опредѣлить атмосферныя перемѣны въковъ отдаленныхъ. Термометръ, изобрѣтенный въ 1590 году знаменитымъ Санкторіемъ, сдѣлался точенъ и вѣренъ только съ 1724 года, когда усовершенствовалъ его Фаренгейтъ. Поэтому наши метеорологическія наблюденія не старѣе одного столѣтія; за прежнее время находимъ мы только краткія и безсвязныя замѣтки летописцевъ о состояніи жатвы, о качествѣ винограда, о продолжительности холода, о количествѣ инея и снѣга. Трудолюбивыя изслѣдованія, о которыхъ мы однажды говорили, въ статьѣ «Луна, Земля и люди» (Смѣсь, № 13), сдѣланы были въ этихъ грубыхъ памятникахъ Тоальдо и Пильграмомъ. Многотомное ихъ сочиненіе, изданное 1788 года по-Нѣмецки въ Вѣнѣ, содержитъ въ себѣ очень любопытное исчисленіе всѣхъ перемѣнъ температуры въ теченіе болѣе нежели тысячи лѣтъ. Мы не можемъ сообщить его здѣсь за недостаткомъ мѣста, но изъ него должно заключить, что въ теченіе десяти въковъ климатъ Европы не подвергся очень существеннымъ измѣненіямъ; что температура стала исподоволь ровнѣе, блѣгораствореннѣе, и что чрезвычайныя зимы и лѣта сдѣлались ощутительно рѣже. То же самое доказывалъ Г. Араго, какъ извѣстно всѣмъ нашимъ читателямъ, которые читаютъ третье отдѣленіе Б. для Ч. Мнѣніе Тоальдо объ атмосферныхъ переворотахъ, которые онъ почитаетъ зависящими отъ круговращенія небесныхъ тѣлъ, можетъ быть весьма правдоподобнымъ, хотя многіе надъ

нимъ смѣялись. Онъ подчиняетъ ихъ девятилѣтнему періоду, или полуобороту нодусовъ и апогея луны.

Такъ изъ числа годовъ, отличавшихся особеннымъ холодомъ, 1622 имѣлъ соотвѣтственную ему эпоху черезъ четыре періода или черезъ тридцать шесть лѣтъ, въ 1658 году, котораго зима была чрезвычайно морозна. Равный промежутокъ ведетъ насъ къ 1695 году, а еще пять періодовъ къ 1740, когда холодъ былъ также необыкновенный. Три періода простираются до 1767 года, девять лѣтъ до 1776, и восемнадцать до 1794, котораго холодъ продолжался и въ 1795 году. Потомъ, шагая все черезъ девять лѣтъ, мы получимъ годы 1803, 1812, 1821, 1830 и наконецъ 1839, который обѣщаетъ также очень холодную зиму. Но, быть-можетъ, зима 1839, не дожидаясь законнаго срока, рѣшилась, посѣтнить насъ нынче, потому что стужа, которая ознаменовала конецъ прошедшаго года, не уступаетъ въ жестокости морозамъ ни 1812 ни 1821 годовъ.

Изъ числа годовъ особенно жаркихъ, 1616 и 1652 разделены четырьмя девяти-лѣтними періодами, а еще три такіе періода, какъ девятые валы на морѣ, ведутъ къ 1679 году. Отъ 1701, который достопамятенъ своей необычайной теплотою, промежутокъ въ семнадцать лѣтъ, или около двухъ періодовъ, идетъ до 1718 года; три періода простираются до 1745, одинъ до 1754, и одинъ же до 1763; девять лѣтъ разделяютъ 1779 и 1788; 1818 почти соотвѣтствуетъ 1701 и 1719-му; 1827 и 1836 продолжаютъ рядъ до нынѣшняго времени, и слѣдственно, приближаясь къ концу одного изъ этихъ періодовъ, мы можемъ ожидать на будущее лѣто чрезвычайнаго жара, что сойдется съ возвращеніемъ Галлеевой кометы, которая вѣроятно будетъ опять видна весною.

Эти замѣчанія, вызванныя путешествіемъ капитана Росса, котораго всѣ страницы завалены льдами, представляютъ существенную разность съ заключеніями знаменитаго мореплавателя. Перейдемъ еще къ его новой теоріи сѣверныхъ сіяній. Онъ представлялъ ее на последнемъ сѣздѣ Британскаго Общества Споспѣшествованія Наукамъ, и она не была признана удовлетворительною; но такъ какъ сирь Джонъ Россъ имѣлъ особенный случай наблюдать это прекрасное

явленіе во всей его силѣ, то мы сообщимъ очеркъ новой теоріи.

«Экспедиція, говорить сирѣ Джонъ, которою я начальствовалъ въ 1818 году, не зимовала въ странахъ арктическихъ, и потому наблюденія мои въ это путешествіе ограничивались сентябремъ и октябремъ мѣсяцами. Корабль въ это время шелъ къ югу отъ 74 до 58 градуса сѣверной широты и при этомъ было замѣчено, что отъ 74 до 66 градуса сѣверное сіяніе видѣлось на югѣ, особенно около полуночи, а когда корабль перешелъ за 66 градусъ, оно стало видно на сѣверѣ. Нѣсколько разъ сіяніе явственно замѣчалось между двумя кораблями и въ промежуткѣ отъ кораблей до ледяныхъ горъ: это служитъ безспорнымъ доказательствомъ, что оно не могло быть выше нашей атмосферы, — вотъ единственный фактъ, совершенно дознанный мною въ первое путешествіе. Это наблюденіе повело меня къ изслѣдованію, какъ объяснить себѣ такую близость сіянія къ землѣ. И на Шотландской моей обсерваторіи и въ послѣднюю, продолжительную бытность въ арктическихъ странахъ, я обращалъ на это особенное вниманіе и пришелъ къ слѣдующему выводу: блестящій феноменъ, называемый сѣвернымъ сіяніемъ, совершенно зависитъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей на обширное пространство ледяныхъ и снѣжныхъ равнинъ и горъ, окружающихъ полюсы.

«Солнечные лучи отражаются во-первыхъ отъ неровныхъ, гладкихъ или пестрыхъ, поверхностей всякаго вещества, цвѣтнаго, покрытаго льдомъ или снѣгомъ, которое противопоставляется имъ въ точкѣ паденія круговращательнымъ движеніемъ земли; проходя черезъ полюсы, эти лучи достигаютъ и освѣщаютъ облака, которыя только и дѣлаются для насъ видимы посредствомъ этой иллюминаціи. Облака имѣютъ положительныя, отрицательныя, отражательныя свойства и слѣдственно могутъ производить всѣ замѣчаемыя при этомъ чудесныя явленія разсѣяніемъ воспринятыхъ лучей: такъ какъ они принимаютъ ихъ во всевозможныхъ направленіяхъ и смотря по состоянію атмосферы, то дѣлаются способными придавать особенное разнообразіе первоначальнымъ цвѣтамъ, отраженнымъ въ точкѣ паденія. Наконецъ, если обратить должное вниманіе на свойства свѣта, мож-

но удовлетворительно объяснить связь его и съ магнитностью, и съ электричествомъ.»

Это, какъ можно замѣтить, весьма сходствуетъ съ теоріею Г. Фишера, котораго истолкованіе сѣвернаго оцінія было наложено у насъ въ одной изъ первыхъ книжекъ прошедшаго года (№ 16, Сѣвсь, стр. 58).

Іюнь и іюль 1831 года, прошли на Викторіи безъ всякихъ замѣчательныхъ происшествій, кромѣ необычнаго улова лососей, которыхъ захватывали по три и четыре тысячи въ одну тону. Появленіе чистой воды на морѣ въ началѣ августа возбудило надежды узниковъ: корабль и боты были починены и приготовлены къ плаванію. Въ послѣднихъ числахъ августа, Викторія была уже на водѣ. Къ концу мѣсяца она подвинулась впередъ только на четыре мили, и прошла не далѣе гавани Викторіи, гдѣ экспедиція суждено было провести еще годъ. Эти двѣнадцать мѣсяцевъ, которые такъ же быстро проходятъ въ нашемъ краткомъ разсказѣ, какъ и въ длинномъ повѣствованіи капитана Росса, вызвали наружу весь героизмъ экипажа. Погода была суровѣе чѣмъ въ предыдущіе годы, — ртуть стояла ниже 15° холода, по Реомюру; въ теченіе ста тридцати шести дней. Здоровье путешественниковъ сильно пострадало; туземцы не являлись болѣе помогать имъ и разгонять ихъ скуку; оставалось только одно средство, — оставить корабль и возвратиться къ Баффинову Заливу на саняхъ и въ ботахъ, въ надеждѣ встрѣтить какое-нибудь китоловное судно, которое могло бы доставить ихъ въ Европу. Они рѣшились пуститься туда съ остаткомъ провизіи и съ ботами; черезъ нѣсколько времени хотѣли они бросить боты, для того чтобы идти скорѣе, и надѣясь найти на Фуріи не только сѣвственные припасы, но даже лодки, которыя тамъ были оставлены.

Капитанъ Россъ и его товарищи начали это опасное отступленіе 23 апрѣля, подвигая по-немногу впередъ свои припасы, каменный уголь и лодки, и возвращаясь на ночь туда, гдѣ ночевали наканунѣ. Они спали въ снѣговыхъ хижинахъ, до такой степени тѣсныхъ, что не было возможности перевѣнать своего положенія, и гдѣ температура доходила иногда до 30° ниже нуля, по Реомюру. Мерзлую пищу приходилось рѣзать пилой. Мятель засыпала ихъ снѣжными жилами,

и жестокость зимнихъ бурь держала ихъ нередко въ заключеніи по цѣлымъ днямъ.

До 21 мая 1832, они сдѣлали триста двадцать миль, но прошли въ прямой линіи только *тридцать*, и воротились къ кораблю. Странствованіе ихъ продолжалось цѣлый мѣсяцъ: они несли съ собою два бота и полный запасъ провизіи на пять недѣль. Тогда сдѣлали они всѣ нужныя распоряженія, чтобы рѣшительно пуститься въ путь 29 мая; спрятали свои вещи на берегу, на случай возвращенія, пригвоздили свой флагъ къ мачтѣ, осушили по прощальному стакану въ честь бѣднаго корабля, и простились съ Викторіей, — перешли тридцати-шести-пушечнымъ судномъ, которое капитанъ Россъ долженъ былъ оставить послѣ сорока-двухлѣтней службы. Передовая партія, состоявшая изъ лейтенанта Росса, Эбернети и Паркея, была отправлена къ Фуріи для свидѣтельствванія вещей, которыя на ней находились. Они встрѣтили капитана Росса на возвратномъ пути, 25 июня, и привесли ему радостное извѣстіе, что хотя три бота были отнесены теченіемъ на сѣверъ и одинъ изъ нихъ поврежденъ, однако хлѣбъ и другіе припасы хорошо сохранились и въ большомъ количествѣ. Экипажъ Викторіи продолжалъ путешествіе съ новымъ лучемъ надежды, и 1 июля достигъ Фуріи. На слѣдующій день, они, на скорую руку, построили хижину, которой въ шутку дали названіе *Соммерсетъ-гоуза*, и вечеромъ угостили себя роскошнымъ ужиномъ изъ припасовъ, найденныхъ на Фуріи. Три бота этого судна были изготовлены къ плаванію по Баффинову Заливу, и снабжены провіантомъ до 1 октября. На каждомъ ботѣ находилось по одному офицеру и семи человекъ нижнихъ чиновъ. Перваго августа, онъ отчалился отъ корабля, идя на своей сторонѣ всѣмъ вѣроятности успѣха. Проходя вдоль берега они льстили себя мыслию достигнуть до сѣверной оконечности льдовъ, и очистить себѣ путь черезъ Проходъ принца Регента. Частыя неудачи подвергнули ихъ терпѣніе жестокому испытанію. Ледъ замедлялъ ихъ плаваніе. Термометръ постоянно понижался. Вьюги и холодныя вѣтры не прекращались; въ концѣ сентября всѣ упованія разсѣялись, и отважные странники, цокоряясь неотвратимому приговору клима-

та, возвратились на Фурию, въ свой великолѣпный Сомерсетъ-гоузь, 3 октября.

Страшная зима 1832 года прошла подобно тремъ предъидущимъ, но съ меньшимъ разнообразіемъ, съ меньшими удобствами и большими опасеніями за будущее. Сомерсетъ-гоузь былъ окруженъ снѣжною стѣною, въ четыре фута толщины, и вскорѣ совершенно занесенъ тѣмъ же непрозрачнымъ веществомъ. Въ съѣстныхъ припасахъ не было изобилія, однако они удовлетворяли нуждамъ экипажа, который вообще сохранялъ довольно хорошее расположеніе духа.

Въ январь и февраль 1833, не случилось ничего замѣчательнаго, кромѣ смерти плотника; но мартъ мѣсяць былъ имъ крайне неблагопріятенъ, по причинѣ дурной погоды и совершеннаго заточенія, въ которомъ они находились. Здоровье всѣхъ пострадало, и они стали упадать духомъ. Старыя раны капитана Росса начинали его беспокоить, Г. Томъ, хирургъ, былъ боленъ, и двое матросовъ занемогли цынгою.

Въ апрѣль, двятельныя работы вывели ихъ изъ этого опаснаго состоянія; 23 числа, они начали переносить припасы къ ботамъ, оставленнымъ въ заливѣ Батти. Это стоило имъ четырехъ путешествій взадъ и впередъ, такъ, что они прошли до четырехъ сотъ верстъ. Къ 1 июня, всѣ вещи, которыя можно было сохранить, находились уже на ботахъ, и экипажъ возвратился еще разъ въ Сомерсетъ-гоузь за больными, наслаждаясь, въ остальные дни мѣсяца, зрѣлищемъ быстрого таянія снѣговъ и льда подъ лучами солнца. Осьмого іюля, они простились съ своимъ жилищемъ и отправились въ путь, таща съ собою трехъ больныхъ, которые были не въ состояніи ходить, между-тѣмъ какъ нѣсколько другихъ едва держались на ногахъ и не могли подать имъ ни какой помощи при переноскѣ саней. Путешественники достигли залива Батти 12 іюля, и до половины слѣдующаго мѣсяца простояли въ этомъ непріятномъ мѣстѣ, по причинѣ переменъ вѣтра и погоды. Четырнадцатаго августа, показала въ первый разъ узкая полоса воды, которой теченіе направлено было къ сѣверу. Въ четыре часа утра, всѣ принялись рубить ледъ на берегу, а когда вода стала прибывать при прекрасномъ западномъ вѣтрѣ, суда были спущены, больные и припасы уложены:

въ восемь часовъ они уже были въ морѣ. Безпокойства и радости такой минуты невозможно себѣ представить. Шестнадцатаго числа капитанъ Россъ достигъ до прежняго своего становища у сѣверо-восточнаго мыса Америки, а на другой день, миновавъ оконечность Eardly Point, укрылся отъ сильнаго вѣтра, въ двѣнадцать миляхъ къ западу отъ мыса Юрка. Въ этотъ день онъ прошелъ семьдесятъ двѣ мили, а къ следующему вечеру путешественники находились въ осмнадцать миляхъ отъ залива Possession Bay. Сильный вѣтеръ и бурное море удержали ихъ здѣсь до 25, когда они снова вышли въ море, пробрались на веслахъ черезъ проходъ Nacuboard, и, сдѣлавъ десять миль, открыли гавань.

Въ четыре часа утра, — всѣ еще спали, — какъ сторожевой матросъ, Девидъ Вудъ, примѣтилъ въ морѣ что-то похожее на парусъ. Лейтенантъ Россъ скоро удостоверился, что матросъ не ошибся. Боты были спущены; сдѣлали нѣсколько сигналовъ сырымъ порохомъ: но къ несчастію, судно быстро катилось къ югу. Въ десять часовъ, открыли на сѣверѣ другой парусъ; этотъ корабль также шелъ очень скоро и уже почти совсѣмъ скрылся отъ нихъ, какъ по-счастію вѣтеръ затихъ и они подошли такъ близко, что въ одиннадцать часовъ увидѣли на палубѣ матросовъ: они спускали ботъ на воду!

Черезъ нѣсколько минутъ, капитанъ Россъ былъ уже на корабль, который, по странному стеченію обстоятельствъ, находился въ старые годы подъ его командою. Мы описали эту встрѣчу въ одной изъ прошлогоднихъ книжекъ Б. для Ч.

Капитанъ Россъ прибылъ 18 октября на этомъ суднѣ въ Англійскій городъ Гуль, котораго жители дали ему право гражданства и публичный обѣдъ. На другой день онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, отпрапортовалъ о себѣ адмиралтейству, и былъ представленъ въ Виндзоръ королю, который милостиво его принялъ. Капитанъ поднесъ его величеству Британскій флагъ, поднятый на магнитномъ полюсѣ, и смѣлый мореплаватель былъ тутъ же награжденъ орденомъ Бани и титуломъ *sig.* Надобно прибавить, что Англійское адмиралтейство выдало подчиненнымъ капитана 4,500 фунтовъ стерлинговъ жалованья за все время ихъ путешествія: сверхъ-того всѣ они получили слѣдующіе чины и должности во флотѣ; лейте-

нантъ Россъ былъ произведенъ въ капитаны. Такимъ образомъ экспедиція стоила правительству и Г. Феликсу Буту миллионъ сто тысячъ рублей: признаться, это слишкомъ дорого — за убѣжденіе, что между Америкою и Гренландіею нѣтъ прохода, никому не нужнаго, — за то, что Г. Россъ не нашель, чего искалъ и чего вовсе не существуетъ.

Въ заключеніе этого слишкомъ морознаго путешествія, приведемъ нѣчто болѣе веселое. Надобно вспомнить, что капитанъ Россъ отправился въ 1829 году. Съ того времени, до его возвращенія, въ Европѣ произошло много переменъ. Въ журналѣ *Monthly magazine* и другихъ печатаются «Разговоры живыхъ», — статьи часто очень остроумныя, авторомъ которыхъ почитаютъ д'Израэли-Младшаго.

Одинъ изъ этихъ «разговоровъ» происходитъ между капитаномъ сиръ Джонъ Россомъ и его старымъ другомъ, капитаномъ Гомфрисомъ. Мы выпишемъ отрывокъ.

Россъ. Мнѣ бы очень хотѣлось, любезный Гомфрисъ, поскорѣ услышать, что скажутъ въ Англійю о моихъ знаменитыхъ открытіяхъ. Особливо, желалъ бы знать, какого мнѣнія объ нихъ будетъ мой старый соперникъ Барро. Я по-крайней-мѣрѣ десять разъ приготовлялъ депеши къ лорду Мельвилю и къ Г. Крукеру, укладывалъ въ маленькую коробочку, со всѣхъ сторонъ закрытую, и хотѣлъ бросить ее въ море, въ случаѣ если бы мнѣ пришлось погибнуть.

Гомфрисъ. Слава Богу, что мы наконецъ тебя отыскали: теперь ты можешь лично подать рапортъ, который хотѣлъ вверить морскимъ волнамъ. Только ты подашь его уже не лорду Мельвилю и не Г. Крукеру. Нынче первымъ лордомъ адмиралтейства — Сиръ Джемсъ Гремъ, Graham.

Россъ. Сиръ Джемсъ Гремъ, говоришь ты? Неужели тотъ Нортонберлендскій Вигъ, который явился въ парламентъ такимъ жаркимъ защитникомъ должностей безъ дѣла?

Гомфрисъ. Онъ самый. Но съ тѣхъ поръ какъ при мѣстѣ, онъ перемѣнилъ тонъ. Это, изволишь видѣть, по обстоятельству. Дѣло въ томъ, что его величество, несмотря на свое пристрастіе ко флоту, не можетъ удержать Сиръ Джемза Грема отъ того, чтобы онъ безпрестанно не сокращалъ расходовъ, не дѣлалъ безтолковыхъ экономій изъ хвастовства и не обрѣзывалъ бюджета нашего адмиралтейства.

Россъ. Онъ обрѣзываетъ нашъ бюджетъ? Ахъ онъ злодѣй! Но ты удивляешь меня, другъ мой: мнѣ казалось, что нашъ король предпочитаетъ сухопутное войско, и не жалуется насъ флотскихъ.

Гомфрисъ. Да правда, ты вѣдь не знаешь!..... Старый нашъ король, Георгъ IV, умеръ, и теперь у насъ королемъ бывший герцогъ Кларенскій, Вильгельмъ IV.

Россъ. А что, каковъ король Вильгельмъ IV? Строгъ ли онъ относительно дисциплины? Надѣюсь, что онъ велѣлъ уже повѣсить на мачтѣ Брума и Денмена, которые хотятъ непременно истребить всѣ науки, продавая ихъ по денежкѣ и обучая свѣтъ-книжной мудрости на мѣдные деньги..... Но я все думаю объ этомъ сирѣ Джемсъ Гремъ! какой скверный человекъ! Удивляюсь, какъ герцогъ пустилъ его въ свое министерство.

Гомфрисъ. Эхъ, мой любезный, совсѣмъ не то! Что ты тутъ толкуешь о герцогѣ, о Брумѣ, о Денменѣ, о скверныхъ людяхъ и дисциплинѣ. Все это перемѣнилось съ тѣхъ поръ какъ ты отправился ко льдамъ. Я не знаю даже остались ли на своихъ мѣстахъ земные полюсы.

Россъ. Надѣюсь, что у насъ, въ Англии, не было революціи?

Гомфрисъ. Нѣтъ еще, но..... оно не далеко отъ этого. Между тѣмъ, у насъ есть реформа парламента.

Россъ. Какъ! Неужели мнѣніе лорда Русселя, чтобы города Манчестеръ, Лидсъ и Бирмингамъ присылали членовъ въ парламентъ, принято! Какъ же герцогъ и Г. Пиль на это согласились?

Гомфрисъ. Вотъ уже скоро будетъ три года, какъ герцогъ слетѣлъ съ мѣста: Теперь министерствомъ управляютъ лордъ Грей и Виги.

Россъ. Возможно ли?.... Впрочемъ Грей добрый малой, хотя больно гордъ. Но кстати: ты говорилъ мнѣ о преобразованіи парламента? Что сдѣлалось съ торговцами гнилыхъ мѣстечекъ, и какъ ладить съ нимъ Грей?

Гомфрисъ. Вотъ тутъ-то и запятая, мой другъ: когда лордъ Грей вступилъ въ министерство, во всей Англии раздавался только одинъ крикъ — реформа! реформа! Грей обѣщаль крикунамъ поступить съ торговцами гнилыхъ мѣстечекъ, какъ гончая Билли съ согнечю крысъ: то есть, прогло-

тять ихъ всѣхъ въ десять минутъ. Онъ славно принялся за это дѣло; но ты сказалъ правду, — Грей добрый малой: на-скучивъ кровопролитіемъ въ битвѣ, онъ пощадилъ остальныхъ, и когда, послѣ сраженія стали считать убитыхъ, оказалось, не знаю по какому случаю, что погибли только одни мѣстечки нашихъ Тори, а тѣ, которыя держали сторону Вигговъ, вышли изъ побоища безъ вреда.

Россъ. Ты надо мною смѣешься! Что же дѣлало въ это время большинство, которое Тори всегда имѣютъ въ парламентѣ.

Гомфрисъ. Сказать тебѣ правду, — я самъ не знаю: тогда оно было оглушено, а теперь и не существуетъ: въ Нижней палатѣ, оно составляетъ меньшую часть; въ Верхней спорить, и со слезами на глазахъ уступаетъ черни. Но я не все тебѣ сказалъ. Парламентъ освободилъ негровъ въ Западной Индіи и снялъ монополию съ торговли чаемъ.

Россъ. Это настоящія чудеса! Англія вѣрно сдѣлалась очень счастливою землею. Безъ-сомнѣнія, съ тѣхъ поръ какъ Виги управляютъ, они нашли средство заплатить національный долгъ, на который всегда нападали?

Гомфрисъ. Скажи мнѣ, другъ мой, нашелъ ты сѣверо-западный проходъ?

Россъ. Нѣтъ.

Гомфрисъ. Ну, такъ вотъ отвѣтъ на твой вопросъ.

Россъ. И такъ король простилъ Бруму и Денмену!

Гомфрисъ. Говори же, любезнѣйшій, поучтивѣе, — лорду Бруму и лорду Денмену. Первый нынче лордъ-канцлеръ, а второй заступилъ мѣсто лорда Тентердена въ качествѣ лорда великаго судьи при Королевскомъ Судѣ.

Россъ. Клянусь тебѣ, что я не такъ бы удивился, если бы ты мнѣ сказалъ, что, со времени моего отъѣзда, въ Англіи ходятъ не на ногахъ а на головѣ.

Гомфрисъ. Покамѣстъ, еще не ходятъ на головѣ, но я не ручаюсь за то, что можетъ случиться впередъ, послѣ всего, чему мы были свидѣтелями въ эти чудные годы. При тебѣ, напиримѣръ, нельзя было промчатся по тридцати миль въ часъ въ каретѣ, безъ лошадей и набитой сотнею пассажировъ.

Россъ. Прежде одни путешественники имѣли исключительное право лгать, а теперь мнѣ кажется, Гомерись, что домошды прибрали къ своимъ рукамъ эту привилегію.

Гомфрисъ. Клянусь тебѣ честью, я говорю сущую правду. За нѣсколько дней до твоего возвращенія, Французскій наслѣдный принцъ прѣѣхалъ въ такой каретѣ изъ Ливерпуля въ Манчестеръ въ часъ и пять минутъ.

Россъ. Французскій наслѣдный принцъ!..... А, ты говоришь объ его высочествѣ Дофинѣ! Дофина, его супруга, изволила быть съ нимъ?

Гомфрисъ. Говорять тебѣ, Французскій наслѣдный принцъ, а не Дофинъ! Откуда ты взялъ Дофина? Я толкую о наслѣдномъ принцѣ, герцогѣ Орлеанскомъ. Онъ еще не женился.

Россъ. Давно ли Французскій наслѣдный принцъ называется герцогомъ Орлеанскимъ?

Гомфрисъ. Съ тѣхъ поръ какъ Французы, взбѣсившись, вздумали сыграть у себя пародію нашей революціи 1688 года, удалить отъ престола старшую линію своего королевскаго дома, этихъ, какъ говорилъ Стернъ, «добродушныхъ Бурбоновъ,» и посадить на ея мѣсто младшую, Орлеанскую.

Россъ. Часъ-отъ-часу удивительнѣе! а почему Французы это сдѣлали?

Гомфрисъ. Видишь ли, любезнѣйшій, нашъ братъ морякъ не государственный человекъ. Я никакъ не могъ хорошо разобрать этого страннаго дѣла. У людей оно бы кончилось ничѣмъ, а во Франціи вышли изъ него кровопролитія, бѣдствія, ужасы. Мнѣ кажется, что Французамъ, у которыхъ пятнадцать лѣтъ не было революціи, наскучило сидѣть сложа руки, и они придрались къ бездѣлицѣ, для того чтобы поднять суматоху. Впрочемъ безъ этой суматохи у насъ, въ Англія, не было бы реформы, и мы не отдѣлались бы отъ пятидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ пенсіона, который платили королю Леопольду.

Россъ. Англія платила пенсіонъ королю? Я этого не зналъ. А какое право имѣлъ чужой король на полученіе денегъ изъ нашего казначейства?

Гомфрисъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался королемъ, мы ему не платимъ ничего. Я говорю о принцѣ Леопольдѣ Кюбургскомъ.

Россъ. О мужъ нашей бѣдной принцессы Шарлотты? Такъ онъ сдѣлался королемъ? А какой земли?

Гомфрисъ. Бельгін.

Россъ. Бельгін! Это что за земля? Я ея не знаю.

Гомфрисъ. Это—новое королевство, составленное изъ южныхъ Нидерландскихъ провинцій, обезпеченныхъ Англією Голландскому королю Вильгельму, въ вѣчное и потомственное его владѣніе, по силѣ формальнаго поручительства и взаменъ тѣхъ колоній, которыя, знаешь?..... мы у него сироворили.

Россъ. Но когда мы дали поручительство, что онъ будетъ его собственностью, какъ же это могло случиться, что ихъ отнялъ принцъ Леопольдъ? Мнѣ кажется, что поручительство Англіи должно имѣть какой-нибудь вѣсъ.

Гомфрисъ. Полно объ этомъ говорить, любезнѣйшій: мудрость нашего статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ, лорда Пальмерстона, должна заранѣе успокоить тебя насчетъ чести Англіи. Ему знать про эти дѣла.

Россъ. Вѣдь ты мнѣ говорилъ, что министрами теперь Виги? А лордъ Пальмерстонъ — Тори; да еще старинный Тори.

Гомфрисъ. Мы преобразовали все это во время твоего отсутствія, любезный Россъ.

Россъ. Странно! А какимъ образомъ принцу Леопольду удалось сдѣлаться Бельгійскимъ королемъ.

Гомфрисъ. Бельгійцы забунтовались противъ Голландскаго короля, потому что они католики, а онъ протестантъ, и выбрали на его мѣсто принца Саксенъ-Кобургскаго, Леопольда.

Россъ. Такъ принцъ Леопольдъ сдѣлался католикомъ?

Гомфрисъ. Совсѣмъ нѣтъ. И не думалъ!

Россъ. Какъ же это?..... Да тутъ нѣтъ толку!

Гомфрисъ. Я уже сказалъ, другъ мой, что готовъ рассказывать тебѣ Европейскія новости, но что не берусь ихъ объяснять. Толку доискивайся самъ.

ПОДВИГЪ РУССКИХЪ ПЛѢННЫХЪ

ВЪ 1711 ГОДУ.

Въ 1700 году Карль XII разбилъ Русскихъ подь Нарвою, и, въ противность условію, удержавъ въ плѣну всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, отослалъ ихъ въ Швецію. Въ числѣ ихъ былъ князь Яковъ Федоровичъ Долгорукой, который въ 1711 году освободился изъ плѣна необыкновеннымъ образомъ. Подробности этого случая рассказываются по наслышкѣ или по преданію.

Голиковъ въ анекдотахъ о Петрѣ Великомъ говоритъ, что правительство Шведское разсудило отпратить часть Русскихъ плѣнниковъ моремъ изъ Стокгольма въ Готенбургъ: между ними былъ и князь Долгоруковъ. На «фрегатѣ», Русскихъ было болѣе нежели Шведовъ. Князь сообщаетъ участникамъ своего несчатія отважную мысль освободиться, и, получивъ ихъ согласіе, условливается, чтобы, когда въ вечернюю службу, — это было въ субботу, — запокуютъ Всемирную Славу и дойдутъ до словъ *Держайте убо, держайте людие Божіи*, вмгъ броситься всѣмъ на Шведовъ, обезоружить ихъ и овладѣть фрегатомъ. Все это было исполнено въ точности; противившихся, однихъ перекомили, другихъ столкнули въ воду, иныхъ перевязали и заперли подь палубу, оставивъ на волѣ одного шкипера, которому приказали везти себя къ Кроншлоту или Ревелю, подь опасеніемъ смерти въ случаѣ измѣны. Шкиперъ благополучно привелъ ихъ въ Ревель, гдѣ фрегатъ вошелъ въ гавань съ пушечною пальбою.

Голиковъ говоритъ еще, что этотъ анекдотъ сообщенъ ему родственникомъ Олонецкаго кушца Чаблина, который былъ также въ числѣ освободившихся изъ плѣна, и что то же самое подтвердилъ ему адмиралъ Алексѣй Ивановичъ Нагаевъ.

Покойный Николай Николаевичъ Бандышъ — Каменскій, слышалъ отъ своего дяди, Московскаго архіепископа Амвро-

сія, убитаго въ 1771 году возмутившеюся чернію и которому пересказывалъ фельдмаршалъ князь Долгоруковъ, что плѣнные условились, когда въ Богородичнѣ доидеть до стиха *Держайте убо*, тогда всѣмъ имъ бросить весла, потому что они шли греблю, а когда вторично запоютъ *Держайте лодіе Божіи*, тогда каждому схватить Шведа и, куда кто можетъ, его управить.

Это находится въ письмѣ Николая Николаевича къ одному изъ его пріятелей, отъ котораго получилъ я и копию съ слѣдующихъ двухъ весьма любопытныхъ актовъ, ни гдѣ еще ненапечатанныхъ. Оба акта ставятъ этотъ подвигъ нашихъ плѣнныхъ соотечественниковъ внѣ всякаго сомнѣнія, но представляютъ совсѣмъ другія подробности, которыя должны быть сохранены для Исторіи.

I.

Письмо князя Якова Федоровича Долгорукова къ князю Меншикову.

«Всепокорно доношу тебѣ, моему милостивому государю, какъ мы повезены были на размыну, и потомъ оставленъ я въ Якобштатъ, и которые были со мною; а князь Иванъ Юрьевичъ (Трубецкой) и Артамонъ Михайловичъ (Головинъ) близъ Абова: и о томъ о всемъ милости вашей извѣстно по моимъ письмамъ. А потомъ князь Андрей Хилковъ отъ генерала Кирота привезенъ къ Трубецкому и Головину; и держали насъ въ тѣхъ мѣстахъ четыре мѣсяца; а потомъ генераль Клеркъ, по указу, велѣлъ насъ вестъ черезъ Море Ботническое на Шведскую сторону въ городъ Уму (Умео). И Трубецкаго и прочихъ, чаю, повели, а подлинно я не свѣдомъ, а меня, и сущихъ со мною, посадили на шкуту подъ городомъ Нейкарбли (Нюкарлеби), и хотѣли вестъ въ Уму, и за противнымъ вѣтромъ нѣсколько дней стояли у берега между острововъ; и всемилосердый Богъ, въ Троицѣ славимый, предстательствомъ Богоматери, далъ намъ юнымъ благой случай и безстрашное дерзновение, что мы могли капитана и солдатъ, которые насъ провожали, поместить въ корабль подъ палубу и ружье ихъ отнять, и, по днямъ якорь июня 3 дня, пошли въ свой путь и вхали тѣмъ моремъ 120 миль, и, не добывъ Стекольна (Стокголма) за 10,

«поворотили на островъ Дакго, которой близъ острова Ес-
«лянъ, которые завоеваны побѣдоноснымъ оружіемъ Монар-
«шескимъ. И шкиперъ нашъ и штурманъ знали путь до
«Штекольна, а отъ Штекольна черезъ Балтійское Море они
«ничего не знали, и никогда тамъ не бывали, и карту мор-
«скихъ съ собою не имѣли; и то море перевзали мы безъ
«всякаго вѣдѣнія, управляющимъ древнимъ бѣдственно пла-
«вающихъ кормщикомъ, Отцемъ Николаемъ; и на которой
«островъ намѣрились, на самое то мѣсто, оный кормщикъ,
«страждущимъ скорый заступникъ, Великій Николай, насъ
«управилъ. И по обѣщанію нашему, какъ мы недостойные
«Создателю нашему Богу обѣщались, ту шкуту и на ней
«сержанта съ солдаты, и шкипера, и матросы, я отпустилъ,
«а капитана имѣю при мнѣ. И оттуда, подъ покровомъ дес-
«ницы Божіей, пріѣхали въ Ревель іюня 19, и желаемъ, да-
«бы всемилосердый Богъ допустилъ насъ немѣдленно ви-
«дѣть пресвѣтлыя очи милостивѣйшаго Государя, и, сколько
«возможно, въ пути медлить не будемъ. А освободились изъ
«неволи со мною 2 полковника, Гулицъ, Козодавлѣвъ; 3 по-
«луполковника, Гордонъ, Фондервиденъ, Декудре; 2 капи-
«тана, Бабичевъ и Каратеевъ; 2 поручика, Опочининъ да
«Путаловъ; 2 прапорщика, нѣсколько урядниковъ, и дра-
«гунъ, и солдатъ; и посадскіе со мною жъ выѣхали, которые
«не плѣнники, а пріѣхали въ Стекольнъ волею; священникъ
«Мелетинской, да племянникъ мой князь Андрей Борисовъ
«сынъ Долгорукой, котораго я взялъ къ себѣ изъ Копенга-
«гена; а всѣхъ насъ освободилось 44 человекъ.

«Желаю видѣть твои, государя моего, очи, и прошу ми-
«лости о указѣ о подводахъ отъ Нарвы до Петербурга, а
«повозокъ всѣмъ намъ по-крайней мѣрѣ надобно 34 съ телъ-
«гами; верховыхъ и въ коляску, 26.»

II.

Выписка изъ письма князя Меншикова къ князю Василью
Долгорукову, послѣ въ Даніи.

С.-Петербургъ, 28 іюня, 1711.

«При семъ не могъ оставить и того вамъ возвѣститъ, ка-
«кою радостью васъ и вашу всею фамилію Господь всемогущій

«въ сихъ числѣхъ даровать изволилъ; ибо въ 19 день сего мѣсяца весьма нечаянно вапгъ дражайшій сродникъ, мой же древній благодѣтель, князь Яковъ Федоровичъ Долгорукой, къ Ревелю на Шведскомъ корабль прѣвхаль; а какимъ образомъ, не инымъ какимъ способомъ, но чрезъ самую по-мощь Божию изъ столь продолжительнаго плѣну освобо-дился; и кого изъ лучшихъ нашихъ плѣнныхъ съ собою вы-везъ, о томъ изволите выразумѣть изъ письма его, къ намъ писаннаго, котораго при семъ копію посылаю. Во-истинну чудное и славное дѣло при такой своей старости на вѣч-ную себѣ славу учинилъ. Сюда мы его ожидаемъ въ сихъ числѣхъ, и подводы отъ Ревеля сюда поставлены, которому доброму гостю и его славному дѣлу зѣло радуюсь и васъ тѣмъ поздравляю.»

«PS. Князь Василій Лукичъ, здравствуй, и съ княгинею, и съ князь Александромъ. Я милостью Божіею и предста-тельствомъ Богоматери и Великаго Николая освободился, а по-подлинно уведомишься, изъ письма милостиваго нашего патрона, свѣтлѣйшаго князя; пишу сіе изъ дому его. Князь Андрей при мнѣ въ добромъ здоровьѣ. Дядя твой, Князь Яковъ Долгорукой.»

71

Д. ЯЗЫКОВЪ.

=

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ

УЧЕНІЯ О ЗВУКѢ.

=

Мы избираемъ на нынѣшній мѣсяць Акустику, — отрасль Естественныхъ Наукъ чрезвычайно любопытную для всякаго, — исключая глухихъ, — которая занимается изслѣдованіемъ дивныхъ явленій звука, этого орудія нашей образованности, этого источника чистѣйшихъ наслажденій челоуѣка. Музыка имѣетъ новую и болѣе высреннюю прелесть для того, кто понимаетъ теорію звука.

Одною изъ важнѣйшихъ польвъ воздуха для животнаго быта должно признать способность его передавать звукъ. Безъ воздуха, мертвое молчаніе господствовало бы въ природѣ. Онъ какъ и всѣ другія вещества, сообщаетъ сотрясенія тѣламъ, съ которыми соприкасается. Волны, возникающія въ воздухѣ отъ незапнаго ли побужденія, какъ напримѣръ отъ взрыва или отъ дрожаній натянутой струны, распространяются во всѣхъ направленіяхъ и производятъ въ слуховыхъ нервахъ ощущеніе, которое мы называемъ «звукомъ». Звонъ колокольчика не слышенъ подъ пустымъ пріемникомъ воздушнаго насоса: это явно доказываетъ, что атмосфера есть дѣйствительное посредство (medium) звуковъ. При легкомъ волненіи воды въ тихую погоду, жидкія частицы качаются въ вертикальной плоскости, то есть, вверхъ и внизъ, или подъ прямыми углами къ тому направленію, въ которомъ волны распространяются. Но качанія частицъ воздуха, производящія звукъ, не таковы: они совершаются въ томъ же направленіи, въ какомъ идутъ волны звука. Распространеніе его можно уподобить нивѣ, волнуемой сильнымъ вѣтромъ. Какъ ни кажется неправильнымъ съ перваго взгляда движеніе хлѣба на полѣ, можно однако жъ вычислить, что, при постоянномъ напряженіи вѣтра, всѣ волны одинаковы и равны, всѣ раздѣлены равными промежутками и движутся въ равный срокъ.

Незапный порывъ вѣтра наклоняетъ въ своемъ направленіи каждый колосъ равномерно и послѣдовательно; од-

нако, отъ упругости стеблей и побуждающей силы, каждый колось не только выпрямляется опять съ удаленіемъ давленія, но еще наклоняется почти столько же въ противную сторону, и продолжаетъ качаться одновременно взадъ и впередъ какъ маятникъ, всё уменьшая свои размахи, до тѣхъ поръ, пока упорство воздуха не остановитъ движенія. Эти качанія одинаковы для каждаго колоса, но такъ какъ они не всё начинаются въ одно время, а последовательно, то колосья въ одинъ и тотъ же мигъ приходятъ въ самыя разнообразныя положенія. Нѣкоторые изъ наклоненныхъ впередъ колосьевъ встрѣтятся съ другими, покачнувшимися назадъ, и, такъ какъ время качаній для всѣхъ одинаково, они будутъ то столпяться, то расходиться, то выпрямляться въ равныя промежутки времени: все поле представитъ правильный рядъ сгущеній и разрѣженій, отдѣленныхъ равными промежутками, гдѣ колосья будутъ въ своемъ естественномъ видѣ. Вслѣдствіе этихъ перемѣнъ нива будетъ покрыта свѣтлыми и темными полосами черезъ одну. Последовательныя волны, бѣгущія по хлѣбу съ быстротою вѣтра, совершенно различны и независимы отъ величины размаховъ каждаго колоса отдѣльно, хотя и тѣ и другіе происходятъ въ одномъ направленіи. Длина волны равна пространству между двумя колосьями, движущимися одинаково, а время качанія каждаго колоса равно тому, которое проходитъ между прибытіемъ двухъ последовательныхъ волнъ къ одной точкѣ. Единственная разница между волненіями хлѣбнаго поля и тѣми, которыя производятъ звукъ въ воздухѣ, та, что каждый колось приходитъ въ движеніе отъ внѣшней причины и не наитствуется движеніемъ прочихъ; тогда какъ въ воздухѣ, вслѣдствіе его сжимаемости и упругости, каждая частица, начинающая сотрясаться, сообщаетъ свои дрожанія смежнымъ частицамъ, а тѣ своимъ сосѣдкамъ, и такъ далѣе. Поэтому, отъ последовательныхъ дрожаній частицъ воздуха, происходятъ тѣ же сгущенія и разрѣженія, какъ и на нивѣ, причиняя волны во всей толщѣ воздуха, хотя каждая частица, какъ и каждый колось, никогда не уклоняется далеко отъ точки покоя. Зыбь жидкости и колебанія воздуха, подобно волнамъ хлѣбнаго поля, очевидно не суть действительныя массы, движущіяся въ томъ направленіи, въ какомъ они

идуть, а только очертанія движенія или формы, которыя стремятся и охватываютъ всѣ частицы зыблющейся жидкости, а тѣ тотчасъ приходятъ въ сотрясеніе. Такимъ образомъ толчекъ, данный одной точкѣ атмосферы, постепенно распространяется во всѣ направленія волнами, расходящимися, какъ отъ средоточія шара, на бѣльшее и бѣльшее пространство, но съ убывающимъ напряженіемъ оттого, что непрерывно возрастаетъ количество частицъ косной жидкости, которое сила должіа приводить въ движеніе: это — совершенное подобіе круговъ, которые образуются въ тихой водѣ паденіемъ камня и расходятся во всѣ стороны отъ центра возмущенія. Эти постепенныя сферическія волны суть только дѣйствія сотрясеній первыхъ частицъ, которымъ сообщено было движеніе.

Степень звука зависитъ отъ силы и объема первоначальныхъ сотрясеній воздуха; но, каковы бы они ни были, каждая волна дѣйствуетъ только впередъ, а не назадъ, развѣ будетъ отражена какимъ-нибудь препятствіемъ. Качанія воздушныхъ частицъ всегда чрезвычайно малы, тогда какъ волны звука бываютъ отъ немногихъ дюймовъ до нѣсколькихъ футовъ въ объемѣ. Разные роды музыкальныхъ инструментовъ, человѣческой голось, крикъ животныхъ, пѣніе птицъ, жужжаніе насѣкомыхъ, ревъ водопада, свистъ вѣтра и другія, невыразимыя, особенности звука, тотчасъ показываютъ безконечное разнообразіе воздушныхъ сотрясеній и дивную остроту и нѣжность уха, способнаго оцѣнить самыя мелкія различія въ законахъ колебанія воздушныхъ атомовъ.

Всякой шумъ происходитъ отъ неправильныхъ толчковъ, сообщаемыхъ уху, и если они коротки, внезапны и повторяются чаще извѣстной степени, ухо утрачиваетъ промежутки безмолвія и звукъ кажется непрерывнымъ. Но такой звукъ будетъ только шумомъ: для произведенія звука музыкальнаго, толчки и слѣдственно колебанія воздуха должны быть всѣ одинаковой продолжительности и силы, и притомъ слѣдовать одинъ за другимъ въ равныхъ промежуткахъ времени. Если ударить по ближайшему изъ цѣлаго ряда широкихъ, плоскихъ и равно удаленныхъ другъ отъ друга колевъ, стоящихъ прямо противъ уха, каждый колъ повто-

рять или отдасть первый звукъ, и эти отголоски, поражая ухо черезъ равные промежутки времени, произведутъ музыкальную ноту. Качество музыкальной ноты зависитъ отъ обрывочности, а напряженіе отъ силы и объема первоначальнаго толчка. Единственное свойство звука, разсматриваемое въ теоріи гармоніи, есть его высота, которая разнится смотря по быстротѣ качаній. Низкіе тоны, или басы, происходятъ отъ медленныхъ сотрясеній, которыя ускоряются по мѣрѣ того, какъ нота становится острѣе, или выше. Очень низкіе тоны не всѣмъ одинаково слышатся: докторъ Воластонъ, который дѣлалъ множество опытовъ надъ чувствомъ слуха, нашель, что многіе, впрочемъ вовсе не-глухіе, совершенно нечувствительны къ крику гжиголки, тогда какъ для другихъ онъ пронзителенъ до непріятности. Изъ этого онъ заключилъ, что слухъ человѣческой ограниченъ пространствомъ около девяти октавъ, отъ самонижайшаго звука органъ до высшаго писка насѣкомыхъ, какой намъ извѣстенъ. По замѣчанію его, «такъ какъ въ свойствахъ атмосферы нѣтъ ничего препятствующаго существованію волнъ несравненно чаще тѣхъ, которыя мы знаемъ, то можно полагать, что такія животныя какъ напримѣръ сверчки, которыхъ жизненные силы начинаются почти тамъ, гдѣ наши оканчиваются, имѣютъ способность слышать еще острѣйшіе звуки, о существованіи которыхъ мы и не знаемъ, и что есть другія насѣкомыя, которыя не слышатъ ничего обще съ нами, но одарены силою возбуждать и чувствомъ уловлять сотрясенія того же свойства какъ и тѣ, которыми образуются наши звуки, и между-тѣмъ столь отдаленныя отъ нашихъ, что можно приписывать имъ другое чувство, сходное съ человѣческимъ только по посредству (medium), которымъ оно возбуждается.»

Г. Саваръ, пріобрѣтшій такую славу многочисленностью и достоинствомъ своихъ акустическихъ изслѣдованій, доказалъ, что если высокая нота, при извѣстномъ напряженіи, нѣкоторымъ ушамъ слышна, а другимъ нѣтъ, это должно приписывать не высотѣ ея, а слабости. По опытамъ этого ученаго, и по новѣйшимъ изслѣдованіямъ профессора Витстона, надобно заключать, что если бь можно было сдѣлать толчки довольно сильными, трудно было бы на-

значить предѣлы человѣческому слуху съ котораго бы то ни было конца скалды. Г. Саварь устроилъ колесо девяти дюймовъ въ поперечникѣ съ тремя стами шестидесятью зубьями по ободу, въ равныхъ разстоянїяхъ одинъ отъ другаго, такъ, что, когда оно приводилось въ движенїе, каждый изъ нихъ касался поочередно кусочка карты. Звукъ возвышался съ быстротою вращенїа и былъ весьма чистъ, когда число ударовъ не превосходило трехъ или четырехъ тысячъ въ секунду, но далѣе онъ становился слабымъ и невнятнымъ. Колесомъ большаго размѣра можно было получить тонъ гораздо высшїй, потому что, при относительной рѣдкости зубьевъ, удары были сильнѣе и отдѣльнѣе другъ отъ друга. Съ семью стами двадцатью зубьями на колесѣ тридцати двухъ дюймовъ въ поперечникѣ, былъ слышенъ звукъ, производимый двѣнадцатью тысячами ударовъ въ секунду, что равняется двадцати четыремъ тысячамъ размаховъ струны : слѣдственно человѣческое ухо можетъ ощущать даже такой звукъ, который длится только одну-двадцати-четыре-хъ-тысячную часть секунды. Эта нота была явственно слышана Г-мъ Саваромъ и многими присутствовавшими, причеиъ онъ убѣдился, что посредствомъ другаго снаряда можно сдѣлать слышными еще острѣйшіе звуки.

Для низкихъ тоновъ Г. Саварь употреблялъ желѣзную полосу въ два фута, восемь дюймовъ длины, въ два дюйма ширины и въ полдюйма толщины, которая вращалась на своемъ центрѣ такъ, какъ бы концы ея были спицы колеса. Когда полоса вертится, она сообщаетъ воздуху движенїе, подобное ея собственному, и если подставить тонкую дощечку или карту къ самымъ ея оконечностямъ, воздушный потокъ мгновенно пресѣчается, когда конецъ полосы будетъ проходить передъ картою, — онъ стѣснится надъ нею и расширится подъ низомъ; но въ тотъ мигъ, какъ полоса пройдетъ, воздухъ, стремясь возстановить равновѣсіе, производитъ родъ взрыва, и если эти взрывы слѣдуютъ одинъ за другимъ быстро, раждается музыкальный звукъ, котораго быстрота соразмѣрна скорости вращенїа. Когда Г. Саварь вертилъ полосу медленно, слышался рядъ отдѣльныхъ ударовъ; съ возрастанїемъ быстроты, эти удары перешли въ хриплый звукъ; но какъ скоро быстрота сдѣлалась

достаточна для произведенія восьми ударовъ въ секунду, явственно слышалось весьма низкая музыкальная нота, соответствующая шестнадцати размахамъ въ теченіе того же времени : это самый низкій тонъ, какой до сихъ поръ производили. Когда быстроту полосы очень увеличивали, напряженіе звука становилось почти нестерпимо. Спицы вертящагося колеса производятъ ощущеніе звука по тому же самому началу, до которому, махая горящей лучиной, получаемъ представленіе огненнаго круга : сотрясенія, возбужденныя въ органъ слуха однимъ ударомъ, еще не успѣваютъ затихнуть, когда сообщается другой толчокъ. Для произведенія полной и непрерывной ноты, впечатлѣнія, испытываемыя слуховыми органами, необходимо должны задѣвать одно другаго. Вообще Г. Саваръ пришелъ къ заключенію, что самые острые звуки слышались бы такъ же легко какъ и низкіе, если бы можно было сократить продолжительность ощущенія соразмѣрно съ возрастаніемъ числа толчковъ въ известное время, и наоборотъ, что самые низкіе звуки слышались бы наравнѣ съ другими, если бы продолжительность ощущенія, производимаго каждымъ толчкомъ, можно было увеличить соразмѣрно съ ихъ числомъ въ данное время.

Быстрота звука однообразна и независима отъ свойства, объема и напряженія первоначальнаго толчка. Поэтому, звуки всякихъ родовъ и высотъ распространяются съ одинаковой быстротою. Малѣйшая разница въ ихъ скорости не совместна ни съ гармоніей, ни съ мелодіею; потому что ноты разныхъ высотъ и напряженій, взятые вмѣстѣ на небольшомъ разстояніи, доходили бы до уха въ разные времена. Быстрое послѣдованіе нотъ производило бы въ такомъ случаѣ совершенную разноголосицу. Но такъ какъ скорость звука зависитъ отъ упругости посредства, сквозь которое онъ проходитъ, то все, увеличивающее упругость воздуха, убыстряетъ и движеніе звука. Слѣдственно онъ распространяется скорѣе въ теплую погоду чѣмъ въ холодную, при одинаковомъ давленіи атмосферы. Въ сухомъ воздухѣ, при температурѣ замерзанія, звукъ проходитъ по 1089 футовъ въ секунду, а при 62 градусахъ Фаренгейта, или 13 Реомюра, по 1123 фута, или по 1150 верствъ въ часъ, что составляетъ около трехъ четвертей суточной скорости земна-

го экватора: въ тридцать два часа звукъ облетаетъ всю Землю. Такъ какъ всѣ феномены распространенія звука суть только следствія физическихъ свойствъ воздуха, то они предсказываются и вычисляются въ точности по законамъ Механики. Однако жъ найдено, что быстрота звука, определяемая наблюдениемъ, превышаетъ теоретическую на 173 фута, или на одну-шестую всей ея суммы. Лапласъ предполагаетъ, что такая разность можетъ происходить отъ возрастанія упругости воздуха вслѣдствіе освобожденія скрытаго теплотвора при звучныхъ волненіяхъ, и математическій расчетъ вполне подтвердилъ точность его видовъ. Воздушныя частицы, подвергаясь внезапному сжатію, освобождаютъ свою скрытую теплоту, и какъ воздухъ слишкомъ дурной проводникъ для того, чтобъ уносить его довольно скоро, она причиняетъ мгновенное и мѣстное возвышеніе температуры, которая, усиливая слѣдующее за тѣмъ расширеніе воздуха, причиняетъ еще большее освобожденіе теплоты; и такъ какъ она превосходитъ ту, которая поглощается въ ближайшемъ разрѣженіи, то воздухъ становится еще теплѣе, что способствуетъ распространенію звука. Анализисъ даетъ истинную его скорость въ выраженіяхъ возвышенія температуры, которое масса воздуха способна сообщить самой себѣ обнаруженіемъ своей скрытой теплоты, когда эта масса сжимается внезапно въ данной пропорціи. Но такого измѣненія температуры нельзя получить непосредственно на опытѣ; только обративъ вопросъ и принявъ быстроту звука данною наблюдениемъ, успѣли вычислить, что температура массы воздуха поднимается на одну-десятую градуса, когда сжатіе равно одной-сто-шестнадцатой его объема.

Вѣроятно всѣ жидкости упруги, хотя требуется значительная сила для ихъ сжатія. Вода сгущается почти на 496 десятиллионныхъ долей отъ каждой атмосферы давленія и слѣдственно можетъ передавать звукъ еще быстрѣе воздуха, потому что скорость звука въ водѣ простирается до 4,708 футовъ въ секунду. Человѣкъ подъ водою едва слышитъ звуки, производимые въ воздухѣ, но очень явственно различаетъ тѣ, которые производятся въ водѣ. По опытамъ Г. Колладона звонъ колокола подъ водою слышался въ Женевскомъ Озерѣ верстъ на двѣнадцать. Онъ же замѣтилъ, что шествию

звукъ въ водѣ весьма препятствуетъ прегражденіе его ка-кимъ-нибудь предметомъ, какъ напримѣръ выдающагося стѣною: звукъ подѣ водою похожъ на свѣтъ, потому что имѣетъ тоже родъ тѣни. Въ воздухѣ это гораздо менѣе ощу-тительно; тутъ онъ обходитъ всѣ круглыя зданія и другія преграды, такъ что слышится во всѣхъ направленіяхъ, хотя и съ уменьшенною силою, какъ то бываетъ при поворотѣ кареты за уголъ.

Скорость звука при проходѣ сквозь твердыя тѣла сораз-мѣрна съ ихъ жесткостью и гораздо большая чѣмъ въ воздухѣ или въ водѣ. Звукъ, который требуетъ времени для прохода сквозь воздухъ, почти мгновенно пробѣгаетъ проволоку въ шесть сотъ футовъ длиною, такъ, что его слышно два раза, сперва посредствомъ проволоки, а потомъ черезъ воздухъ. Легкость, съ которою сотрясенія звука распространяются по прожилку въ деревѣ, извѣстна всякому. Въ желѣзѣ, стеклѣ и нѣкоторыхъ родахъ дерева, проходятъ они по 18,530 футовъ въ секунду. Быстрота звука уменьшается разными обстоятельствами, какъ-то, паденіемъ снѣга, туманомъ, дождемъ или всякою другою причиною, нарушающею одинаковость средства, сквозь которое онъ долженъ проходить. По замѣчанію Гумбольдта, звуки слышнѣе ночью оттого, что атмосфера ровнѣе тогда нежели днемъ, когда плотность ея безпрестанно измѣняется отъ частыхъ колебаній температуры. Вниманіе его было обращено на этотъ предметъ шумомъ огромныхъ водопадовъ на Ориноко, который ночью казался втрое громче нежели днемъ, изъ равнины, окружающей Миссію Апуресь. Онъ удостовѣрился въ этомъ знаменитымъ опытомъ. Высокій бокаль, полуналитый шампанскимъ, не звенитъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ вино играетъ. Для произведенія музыкальной ноты, бокаль долженъ сотрясаться въ согласіи съ находящеюся въ немъ жидкостью, что невозможно по причинѣ газа, который подымается изъ вина и нарушаетъ его однородность: сотрясенія газа гораздо медленнѣе сотрясеній жидкости, и потому быстрота звука постоянно прерывается. По той же причинѣ распространенію звука, равно какъ свѣта, препятствуетъ не одинаковая плотность атмосферы. Сиръ Джонъ Гершель, въ своемъ прекрасномъ сочиненіи о звукѣ, объясняетъ это

явленіе слѣдующимъ образомъ : «Очевидно , говоритъ онъ , что звукъ , такъ же какъ и свѣтъ , долженъ затрудняться , тупѣть и сбиваться съ первоначальнаго направленія отъ смѣся воздуха разныхъ температуръ и слѣдственно разныхъ упругостей : такимъ образомъ та самая причина , которая производитъ чрезвычайную прозрачность ночнаго воздуха , дѣйствию вполнѣ одними астрономами , дѣлаеть его болѣе благопріятнымъ и для звука. Однако жъ нѣтъ сомнѣнія , что кромя-того мертвое безмолвіе , господствующее въ ночи , придаетъ нашимъ слуховымъ нервамъ чувствительность къ впечатлѣніямъ , которыя безъ этого остались бы незамѣченными. Подобіе между звукомъ и свѣтомъ въ этомъ отношеніи такъ же совершенно , какъ и во многихъ другихъ. Звѣзды исчезаютъ въ сіяніи дневнаго свѣта. Въ непрерывномъ гулѣ голосовъ , который стоитъ цѣлый день и , доходя къ намъ со всѣхъ сторонъ , ни на мигъ не оставляетъ уха въ совершенномъ покоѣ ,—въ этомъ всегдашнемъ и потому незамѣтномъ хаосѣ тѣ слабые звуки , которые наше вниманіе уловляетъ ночью , не производятъ ни какого впечатлѣнія. Ухо , подобно глазу , требуетъ долгаго и полнаго успокоенія , чтобы пріобрѣсть всю свою чувствительность.»

Можно было бы привести много примѣровъ силы и чистоты , съ которою звукъ раздается надъ поверхностью воды или по льду; представимъ одинъ : лейтенантъ Фостеръ могъ бесѣдовать черезъ всю гавань Портъ-Боуэна , — на разстояніи околомъ двухъ верстъ , — когда она замерла.

Напряженіе звука зависитъ отъ величины размаховъ жидкихъ частицъ , отъ силы преходящихъ сгущеній и расширеній , и отъ большаго или меньшаго числа частицъ , которыя подвергаются этимъ дѣйствіямъ. Мы опредѣляемъ силу звука по напору этихъ частицъ на наши органы : напоръ содержится какъ квадратъ быстроты , а не по косности частицъ которая просто въ прямомъ содержаніи къ быстротѣ. Если бъ это было иначе , не было бы звука , потому что косность отступающихъ волнъ воздуха уничтожала бы равную и противоположную косность волнъ наступающихъ , изъ чего можно заключить , что напряженность звука умалется въ обратномъ содержаніи квадрата разстояній отъ его источника.

Однако жъ въ трубѣ сила звука не убываетъ какъ на открытомъ воздухѣ, развѣ быть-можетъ отъ тренія о бока. Изъ множества весьма любопытныхъ опытовъ, дѣланныхъ Г. Бю надъ трубами Парижскихъ водопроводовъ, онъ вывелъ заключеніе, что можно разговаривать самымъ тихимъ шепотомъ въ цилиндрическую трубу около 3120 футовъ длиною, причемъ время передачи звука будетъ равняться 2,79 секунды. Въ большинствѣ случаевъ звукъ расходится во все направленія, такъ, что во всякое данное время занимаетъ сферическую поверхность; но докторъ Юнгъ показалъ, что изъ этого есть исключенія, напримѣръ, когда плоская поверхность сотрясается только въ одномъ направленіи. Въ такомъ случаѣ звукъ отдается съ наибольшею силою, когда ухо подъ прямымъ угломъ къ поверхности, и наоборотъ онъ едва слышенъ въ направленіи перпендикулярномъ къ ея краю. Тутъ ужъ невозможно, чтобы весь окружающій воздухъ сотрясался одинакимъ образомъ, потому что частицы, которыя позади звучащей поверхности, должны двигаться въ направленіи къ ней, тогда какъ частицы, которыя передъ нею, отступаютъ. Такъ, въ одной половинѣ окружающей сферы воздуха движенія его отступательны, между-тѣмъ какъ въ другой они наступательны; следовательно, по краямъ, гдѣ встрѣчаются эти двѣ части, движенія воздуха будутъ ни отступательны ни наступательны, и потому онъ долженъ быть въ покой.

Изъ теоріи равно какъ и изъ ежедневнаго опыта можно видѣть, что звукъ способенъ къ отраженію отъ поверхностей по тѣмъ же законамъ, какими управляется свѣтъ. Кто видалъ отбой волнъ отъ стѣны на берегу рѣки или широкаго канала, возникающій вслѣдъ за пароходомъ, тотъ будетъ имѣть совершенное понятіе объ отраженіи звука и свѣта. Такъ какъ всякое вещество въ природѣ болѣе или менѣе упруго, то его можно всколебать по его собственному закону дѣйствіемъ массы волнующагося воздуха; но, взаимно, и поверхность вещества сообщить потомъ свои колебанія окружающему воздуху. Такія отраженія производятъ эхо, или отголосокъ, и такъ какъ ихъ можетъ возникнуть цѣлый рядъ между двумя или болѣе преградами, то каждое дастъ отголосокъ первоначальнаго звука, который будетъ стано-

вѣться все слабѣе до тѣхъ поръ , пока не замретъ совершенно. Звукъ ослабляется отраженіемъ подобно свѣту. Если отражающая поверхность впадиной къ тому , кто слушаетъ , звукъ сойдется къ нему съ усиленнымъ напряженіемъ , которое будетъ еще значительнѣй , если поверхность — сферическая и сосредоточна , или концентрическая , съ слушающимъ. Волненія звука , расходясь изъ одного фокуса эллиптической впадины , сходятся по отраженіи въ другомъ : слѣдственно звукъ будетъ тѣмъ же слышенъ въ послѣднемъ , какъ бы первый былъ у самого уха. Раскаты грома приписываютъ иногда отраженію его разными облаками , что , можетъ-быть , справедливо до известной степени. Но сиръ Джонъ Гершель того мнѣнія , что сильныя и продолжительныя раскаты зависятъ отъ совокупленія звуковъ : такъ какъ электричество несравненно быстрѣе звука , то громъ можно почитать происходящимъ въ одинъ и тотъ же мигъ на всѣхъ точкахъ молніи струи. Звукъ ближайшей точки дойдетъ къ намъ прежде , и если струя сверкнетъ въ прямой чертѣ отъ зрителя , шумъ будетъ доходить постепенно отъ болѣе и болѣе отдаленныхъ точекъ молніи непрерывнымъ раскатомъ. Если направленіе струи будетъ болѣе наклонено , послѣдованіе звуковъ будетъ быстрѣе и напряженнѣе ; а если молнія описываетъ около зрителя круговую линію , звукъ будетъ доходить въ одинъ мигъ со всѣхъ точекъ и превратится въ оглушительный трескъ. Равномѣрно и подземные удары , слышимые при землетрясеніяхъ какъ отдаленный громъ , могутъ происходить отъ послѣдовательнаго дохожденія къ уху звучныхъ волнъ , распространяющихся въ одно время отъ ближайшихъ и болѣе отдаленныхъ точекъ , или , если эти волненія идутъ отъ одной точки , звукъ проходитъ разными путями сквозь слои неравной плотности.

Звуки подь водою очень явственно слышны въ воздухѣ , который непосредственно надъ нею , но сила ихъ убываетъ съ большою скоростью по мѣрѣ удаленія наблюдателя отъ поверхности , и на разстояніи отъ девятиста до ста тридцати сажень они становятся вовсе неслышными. И такъ , звучныя волны , подобно свѣтовымъ , не только преломляются , при переходѣ изъ плотнаго посредства въ рѣдкое , но и претер-

пѣвають совершенное отраженіе при очень косвенной встрѣчѣ съ препятствіями.

Законы столкновенія волнъ распространяются и на движеніе звука. Очевидно, что двѣ равныя и одинакія струны будутъ давать согласный тонъ, если онѣ сообщаютъ воздуху одно и то же число сотрясеній въ одно и то же время. Но если двѣ такія струны дотога близки къ согласію, что одна совершаетъ сто дрожаній въ секунду, а другая сто одно, то въ продолженіе первыхъ размаховъ оба звука соединятся и составятъ одинъ, вдвое сильнѣйшій каждаго изъ нихъ порознь, потому что воздушныя волны будутъ сходиться для слуха въ мѣстѣ и во времени; тутъ мало-по-малу одинъ станетъ опережать другаго, и при пятидесятомъ сотрясеніи онъ будетъ уже на полуразмахѣ впереди. Такъ какъ, волны, производящія звукъ, останутся равны для слуха, а между-тѣмъ отстающая часть одной совпадетъ съ наступающею другою, то онѣ необходимо уничтожатъ другъ друга и причинятъ мгновенное безмолвіе. Звукъ тотчасъ послѣ этого возобновится и будетъ постепенно возрастать до сотога размаха, когда обѣ волны соединятся и произведутъ звукъ вдвое сильнѣйшій нежели каждаго изъ нихъ отдѣльно. Эти промежутки безмолвія и сильнѣйшаго напряженія будутъ наступать каждую секунду; но если ноты слишкомъ различны между собою, то слышится только жужжаніе; если онѣ совершенно согласны, вовсе не будетъ промежутковъ сильнѣйшаго напряженія, потому что не будетъ столкновеній. Такъ, подъ именемъ столкновенія разумѣется здѣсь современность двухъ колебаній, въ которыхъ длины волнъ одинаковы. И какъ силу колебанія можно уменьшить, присоединивъ къ нему другое, идущее въ томъ же направленіи, то слѣдуетъ, что одно колебаніе можетъ быть совершенно уничтожено другимъ, когда волны одинаковой длины распространяются въ одно и то же направленіи, если только максимумы колебаній равны между собою и идутъ одно за другимъ на разстояніи полуволны.

Частицы упругихъ тѣлъ, внезапно потрясенныя какинъ-нибудь толчкомъ возвращаются къ естественному положенію рядомъ ровновременныхъ дрожаній, которыхъ быст-

рота, сила и продолжительность, зависятъ отъ упругости, формы и образа сцѣпленія этихъ частицъ между собою. Дрожанія ихъ сообщаются воздуху и по причинѣ его упругости возбуждаютъ попеременно сжатія и разширенія въ слояхъ его, которые ближе къ сотрясенному тѣлу, а отсюда они распространяются и далѣе. Нитка или проволока, натянутая между двухъ булавокъ, бывъ отведена въ сторону и потомъ вдругъ пущена, станеть дрожать до тѣхъ поръ, пока собственное ея упорство и сопротивленіе воздуха не приведутъ ея въ состояніе покоя. Это дрожаніе можетъ быть круговое, во всѣхъ плоскостяхъ или ограниченное одною, смотря по движенію, какое было сообщено. Въ фортепіано, гдѣ молоточекъ ударяетъ по струнамъ съ одного конца, дрожаніе образуетъ вѣроятно округлость, пробѣгающую снизу до верху, взадъ и впередъ. Можно получить разные роды дрожанія надъ однимъ и тѣмъ же звучнымъ тѣломъ. Положимъ, что фортепіанная струна даетъ низшее С, которое есть основная ея нота: если до нея дотронуться слегка въ самой серединѣ, такъ, чтобъ удержать эту точку въ покоѣ, каждая половина струны будетъ дрожать вдвое скорѣе ея всей, но въ противоположныхъ направленіяхъ; отрѣзки образуемыхъ ею округлостей будутъ попеременно то выше, то ниже естественнаго положенія струны, и отъ этого произойдетъ нота октавою выше С. Если удерживать въ покоѣ точку на трети протяженія всей струны, дрожанія будутъ втрое быстрѣе и издадутъ звукъ въ двѣнадцать разъ выше С. Если точку покоя избрать на четверти струны, дрожанія будутъ вчетверо быстрѣе размаховъ основной ноты: они дадутъ двойную октаву, и такъ далѣе. Изъпредъидущаго очевидно, что струна не могла бы давать такихъ согласныхъ звуковъ, если бъ не дѣлилась сама собою въ своихъ составныхъ частяхъ на два, на три, на четыре и болѣе отрѣзка, дрожащія противоположно и разграниченныя точками дѣйствительнаго покоя. Для удостовѣренія, надѣньте на струну сложенные бумажки въ половинѣ, трети, четверти или въ другихъ точкахъ ея протяженія: вы увидите, что онѣ будутъ оставаться на мѣстѣ смотря по соответствію звука, но тотчасъ соскочать, если придутся на промежуточныхъ точкахъ. Точки покоя, иначе называемыя узлами, суть только слѣдствія за-

кена столкновений. Если канатъ, прикрепленный съ одного конца, привести въ движеніе съ другого такъ, чтобы возбуждать вдоль его рядъ равныхъ между собою волнъ, онъ будетъ послѣдовательно отражаться неподвижною точкою, подходя къ противоположному концу каната, и на возвратномъ пути столкнется иногда съ наступающими волнами; а какъ эти противныя волны въ некоторыхъ мѣстахъ взаимно уничтожатъ другъ друга, точка каната, гдѣ это случится, останется въ покоѣ. Такимъ образомъ произойдетъ рядъ узловъ и отрѣзковъ, которыхъ число будетъ зависеть отъ напряженности и повторительности перемѣнныхъ движеній, сообщаемыхъ подвижному концу. Если струну укрѣпленную обоими концами, привести въ движеніе внезапнымъ ударомъ въ какой-нибудь ея точкѣ, первоначальный толчекъ раздѣлится на два, и они пойдутъ противоположными путями; отразятся отъ обѣихъ оконечностей и, приближавъ назадъ по всей длинѣ струны, снова отразятся каждый другимъ концемъ ея. Такимъ образомъ будутъ они ходить взадъ и впередъ, пересѣкая другъ друга при каждомъ переходѣ и иногда сталкиваясь, отчего произойдутъ узлы сотрасеній: поэтому движеніе струны, прикрепленной обоими концами, состоитъ изъ волненія или дрожанія, постоянно удвоющихся отраженіемъ отъ ея оконечностей.

Въ дрожащихъ тѣлахъ основной звукъ часто сопровождается соответственными ему другими. Если взять одну изъ самыхъ низкихъ фортепианныхъ струнъ, внимательное ухо услышитъ не только основную ноту, но различитъ всѣ другія, которыя звучатъ вмѣстѣ съ нею, хотя и всѣ съ меньшимъ и меньшимъ напряженіемъ, чѣмъ выше подымается звукъ. По закону современныхъ волненій, вся струна и каждая изъ составныхъ ея частей подвержены разнымъ и независимымъ дрожаніямъ въ одно и тоже время, и какъ всѣ происходящія оттого ноты слышатся вмѣстѣ, то не только воздухъ, но и ухо, сотрясается согласно съ каждою въ одинъ и тотъ же мигъ.

Гармонія состоитъ въ пріятномъ соединеніи звуковъ. Когда двѣ струны совершаютъ свои дрожанія въ равный срокъ, онъ тогда въ созвучіи, или унисонѣ. Но когда ихъ дрожанія

относятся между собою такъ, что послѣ нѣсколькихъ качаний наступаетъ для нихъ общій періодъ, онѣ производятъ аккордъ. Гдѣ дрожанія двухъ струнъ находятся другъ къ другу въ весьма простомъ содержаніи, гдѣ одна дваетъ, напримѣръ, два, три, четыре сотрясенія, въ то время, какъ другая дваетъ только одно, или гдѣ на три, на четыре, или болѣе, сотрясенія одной приходится по два другой, тамъ возникаетъ аккордъ, который тѣмъ совершеннѣе, тѣмъ короче общій періодъ. Напротивъ того въ дискордахъ, или разногласіяхъ, звуки слышатся отдѣльно, что производитъ несприятное дѣйствіе, потому что сотрясеніе находится другъ къ другу не въ простомъ содержаніи: одна изъ двухъ струнъ дваетъ, напримѣръ, восемь сотрясеній, тогда какъ другая совершаетъ пятнадцать. Удовольствіе, доставляемое гармоніей, докторъ Юнгъ приписываетъ любви къ порядку и къ правильному ходу ощущеній, свойственной человѣческой душѣ, которая услаждается совершенной правильностью и скорымъ возвратомъ сотрясеній. Онъ полагаетъ, что любовь къ поэзіи и танцамъ зависитъ въ нѣкоторой степени отъ рима первой и отъ правильности движеній вторыхъ.

Струя воздуха, проходя черезъ полый конецъ трубки, какъ напримѣръ въ рогъ; черезъ боковую дырочку, какъ во флейтѣ, или въ отверстіе съ гибкимъ язычкомъ, какъ въ кларнетѣ, приводитъ внутренній воздухъ въ продольныя сотрясенія поперебными сгущеніями и разрѣженіями его частицъ. Въ то же время этотъ столбецъ воздуха самъ собою раздѣляется на узлы, между которыми воздухъ также сотрясается продольно, съ быстротою въ обратномъ содержаніи къ длинѣ дѣленій, издавая притомъ основную ноту или одинъ изъ ея созвуковъ. Узлы происходятъ по началу столкновеній черезъ отраженіе продольныхъ волненій воздуха по концамъ трубки, какъ мы видѣли въ струнѣ; только, въ одномъ случаѣ волненія — продольныя, а въ другомъ поперечныя.

Трубка, отверзтая или запертая съ обоихъ концовъ, сотрясается вся или дѣлится на два, на три, на четыре отрезка, разграниченные узлами сотрясеній. Воздушный столбъ издаетъ основную ноту волнами, или дрожаніями одинаковой длины съ трубкою. Первый согласный звукъ производится

волнами, длиною въ половину трубки; второй волнами, длиною въ треть, и такъ далѣе. Гармоническихъ отдѣловъ столько же въ полой сколько и въ глухой трубкѣ, но они иначе расположены. Въ послѣдней оба конца суть узлы, а въ полой трубкѣ — съ каждой оконечности по полуотдѣлу, потому что воздухъ въ этихъ точкахъ не разрѣжается и не сгущается, будучи въ соприкосновеніи съ тѣмъ, который внѣ трубки. Если запереть одинъ конецъ полой трубки, основная ея нота будетъ октавою ниже, воздухъ раздѣлится на три, пять, семь, и такъ далѣе, отрѣзковъ, и волна, производящая основную ноту, будетъ вдвое длиннѣе трубки. Всѣ эти ноты можно получить отдѣльно, измѣняя напряженіе воздушной струи, то есть, дуть въ трубку съ большею или меньшею силою. При постоянномъ и легкомъ дуновеніи получится основная нота; если подуть сильнѣе, тонъ разомъ подымется на цѣлую октаву; при дальнѣйшемъ напряженіи послышатся двѣнадцатая нота, и такъ далѣе, но ни какая сила вѣтра не произведетъ тона, промежуточнаго къ этимъ. Можно получить такимъ образомъ всѣ флейтныя созвучія, начиная съ низшаго С или D, не измѣняя аппликатуры, однимъ только напряженіемъ вдуванія и переменною положенія губъ. Трубки одинаковыхъ размѣровъ, свинцовыя, стеклянныя или деревянныя, даютъ въ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ тонъ равной высоты, и это доказываетъ, что здѣсь одинъ воздухъ производитъ звуки.

Металлическія пружины, прикрѣпленныя за одинъ конецъ, будучи наклонены силою, возвращаются къ покою посредствомъ дрожаній, производящихъ очень пріятные тоны какъ напримѣръ въ ящикахъ съ музыкой: съ недавнихъ поръ начали дѣлать разные инструменты изъ металлическихъ пружинъ приводимыхъ въ сотрясеніе воздухомъ. Къ числу совершеннѣйшихъ между ними принадлежатъ симфоніонъ, концертина и эоловъ органъ Г. Вистона: они различны и дѣйствіемъ и способами, но всѣ обладаютъ бѣльшимъ или меньшимъ удобствомъ въ игрѣ и особенно выразительностью.

Сюда же принадлежатъ сирена, — инструментъ, весьма остроумно придуманный Г. Каньярь-де-ла-Туромъ для приведенія въ извѣстность числа дрожаній, соответствующихъ

въ одну секунду каждой тонической высотѣ: звуки производятся струями воздуха, которыя вырываются сквозь маленькія отверстія, расположенныя кругомъ въ правильныхъ разстояніяхъ на сторонѣ ящика, предъ которою вращается дискъ съ одинаковымъ числомъ отверстій. При обращеніи диска воздушные потоки то пересѣкаются, то пропускаются столько разъ, сколько въ немъ дырочекъ, и отъ этого происходятъ звукъ, котораго высота опредѣляется скоростью вращенія.

Стеклянный или металлическій пруть, если ударить его по одному концу или потереть вдоль мокрымъ пальцемъ, сотрясается впродоль какъ столбъ воздуха отъ перемѣннаго сжатія и расширения составныхъ его частицъ, что даетъ чистую и прекрасную музыкальную ноту особенной высоты, потому что эти вещества распространяютъ звукъ съ большою скоростью. Прутья, поверхности, вообще всѣ волнующіяся тѣла, разлагаются на узлы сотрясенія. Но въ поверхностяхъ, части, которыя остаются въ покоѣ во время дрожаній, суть линія, кривыя или плоскія, смотря по веществу, его формѣ и образу сотрясенія. Посыпьте немного мелкаго песку на поверхность стеклянной или металлической пластинки и возбудите въ ней волненія проведши смычкомъ по ея ребру, она издастъ музыкальную ноту, и песокъ тотчасъ распределится по узловымъ линіямъ, гдѣ онъ весь скопится и будетъ оставаться въ покоѣ, потому что отрѣзки поверхности съ обѣихъ сторонъ подвергаются различнымъ сотрясеніямъ: одинъ подымается, когда другой опускается, и какъ эти два движенія сходятся въ узловыхъ линіяхъ, то они обезсиливаютъ другъ друга. Узловыя линія измѣняются въ формѣ и положеніи, смотря по части пластинки, гдѣ проводятъ смычкомъ, и по мѣсту, за которое ее держатъ. Движенія песку показываютъ, въ какомъ направленіи происходятъ дрожанія. Если они перпендикулярны къ поверхности, песокъ будетъ метаться вверхъ и внизъ, пока найдетъ точки покоя. Если они касательныя, песокъ будетъ только ползти по поверхности къ узловымъ линіямъ. Иногда волненія бываютъ косвенныя или сложныя изъ двухъ предъидущихъ. Если провести смычкомъ по угламъ четырехугольной стеклянной или металлической пластинки, держа ее крѣпко посере-

дигъ, песокъ раздѣлится на двѣ приняыя линіи, параллельныя къ сторонамъ пластинки и пересѣкающіяся въ центра, такъ, что онѣ образуютъ на ней четыре равные квадрата, которыхъ движенія противоположны одно другому. Два діагональные квадрата будутъ волноваться на одной сторонѣ пластинки, два другіе на противной. Этотъ родъ дрожанія даетъ самый низкій тонъ въ пластинкахъ. Если пластинку по-прежнему держать за середину, и коснуться смычкомъ центра одной изъ сторонъ, дрожанія будутъ быстрые, и тонъ одною-пятою выше предъидущаго; песокъ разойдется по угламъ и раздѣлитъ пластинку на четыре равные треугольника, которыхъ каждая пара будетъ колебаться на противоположныхъ сторонахъ пластинки. Узловыя линіи и высота тона измѣняются не только съ точкою прикосновенія смычка, но и съ точкою, въ которой держать пластинку: такъ какъ эта точка въ покоѣ, то она необходимо опредѣляетъ положеніе одной изъ покоящихся линій. Формы, принимаемыя пескомъ на четыре-угольныхъ пластинкахъ весьма многочисленны и соответствуютъ каждая особенному образу дрожанія. Линіи круглыхъ пластинокъ еще замѣчательнѣе по своей симметріи, и формы, принимаемыя на нихъ не только можно раздѣлить на три системы. Первая изъ нихъ — поперечная; фигуры ея состоятъ изъ поперечниковъ, раздѣляющихъ окружность пластинки на равныя части, изъ которыхъ каждая сотрясается по-своему, различно съ смежными: на примѣръ, два поперечника, пересѣкающіеся подъ прямыми углами раздѣляютъ окружность на четыре равныя части; три поперечника на шесть частей, четыре на восемь, и такъ далѣе; на металлической пластинкѣ этихъ дѣленій можетъ быть до тридцати шести и до сорока. Вторая система есть концентрическая, гдѣ песокъ собирается въ круги, имѣющіе одно средоточіе съ пластинкою. Третья есть сложная система, гдѣ фигуры песку составляются изъ двухъ другихъ и образуютъ прекрасныя узоры. Кажется, Галилей первый замѣтилъ точки покоя и движенія на декѣ музыкальнаго инструмента, но полное открытіе симметрическихъ формъ узловыхъ линій въ пластинкахъ принадлежитъ знаменитому Хладни. Въ запискѣ, читанной года за два въ Лондонскомъ Корольскомъ Обществѣ Ученыхъ, Г. Витстонъ показалъ, что

всѣ Хладневы, и вообще всѣ узловыя фигуры дрожащихъ поверхностей, происходятъ отъ весьма простыхъ образовъ дрожанія, одновременныхъ и расположенныхъ одинъ надъ другимъ, и что узоры измѣняются смотря по сложности дрожаній, по числу ихъ ярусовъ и по угламъ, подъ какими они наслены. Если четырехъугольная пластинка дрожитъ, напрячь, такъ, что песокъ собирается въ прямыхъ линияхъ, параллельныхъ одной сторонѣ пластинки, и если притомъ возбуждаться такіа дрожанія, которыя бы заставили его образовывать линіи перпендикулярныя къ первымъ, когда пластинка была въ покоѣ, — совокупныя дрожанія принудятъ его собраться въ линіи діагональныя, идущія съ угла на уголъ. Г. Саварь дѣлалъ также преввычайно любопытные опыты надъ дрожащими плоскихъ стеклянныхъ полосокъ и цилиндрическихъ трубокъ или прутниковъ.

Всѣ твердыя тѣла, которыя звенятъ отъ удара, — колокола, стаканы, котлы, и прочая, мгновенно и съ усиленіемъ измѣняются въ своемъ видѣ, и, по упругости или стремленію возстановить свою естественную форму, подвергаются дрожаніямъ, происходящимъ отъ послѣдствіа сгущенія и разреженія частицъ твердаго вещества. Они также имѣютъ свои гармоническіе тоны и слѣдственно свои узлы. Вообще, когда упругая масса, какого бы ни было вида, дрожитъ поперегъ или впродоль, она всегда дѣлится на извѣстное число частей, которыя дрожатъ, не мѣшая другъ другу. Эти части — каждый мигъ одна отъ другой въ различномъ волненіи, и какъ точки или линіи, въ которыхъ онѣ сходятся, участвуютъ въ обоихъ волненіяхъ, то онѣ остаются въ покоѣ, потому что противоположныя движенія уничтожаютъ одно другое.

Воздухъ, несмотря на его тонкость, способенъ передавать свои волненія, соприкасаясь съ тѣломъ, которое имъ доступно и которое само ихъ возбуждаетъ. Вотъ отчего происходятъ сочувственныя дрожанія, раждаемыя тѣломъ, которое волнуется вблизи натянутыхъ струнъ, способныхъ слѣдовать его сотрясеніямъ, дрожа цѣлкомъ или раздѣляясь на гармоническіе отрезки. Если двѣ струны, равно натянутыя и изъ которыхъ одна вдвое или втрое длиннѣй другой, рас-

положить рядомъ и тронуть ту, что покороче, ея дрожанія сообщатся посредствомъ воздуха другой, которая придетъ въ такое волненіе, что раздѣлится на отръзки, равные длиною кратчайшей струнѣ. Которая-нибудь изъ органныхъ нотъ обыкновенно бываетъ въ созвучіи съ однимъ изъ стеколъ или даже съ цѣлымъ окномъ, и оно всегда звучитъ при этой нотѣ. То же самое бываетъ часто съ громовыми ударами. Звукъ самыхъ большихъ органныхъ трубъ не слышенъ до тѣхъ поръ, пока воздухъ не придетъ въ волненіе отъ одного изъ высшихъ аккордовъ, и звукъ становится чрезвычайно силенъ. Периодическія дрожанія дѣйствуютъ иногда на возвратъ одно другаго. Напримѣръ, двѣ смежныя органныя трубы, почти созвучныя, могутъ принудить одна другую къ совершенному согласію, и двое часовъ, которые значительно разнились между собою, иногда начинаютъ бить вмѣстѣ, если ихъ утвердить къ одной стѣнѣ. Извѣстно, что одни часы приводили въ движеніе маятникъ другихъ, стоя съ ними на одномъ и томъ же каменномъ основаніи. Эти насильственные качанія, которыя соотвѣтствуютъ въ своихъ періодахъ возбуждающей причинѣ, можно найти во всѣхъ отрасляхъ Физической науки. Укажемъ здѣсь только на приливы, слѣдующіе за Солнцемъ и Луною во всѣхъ ихъ движеніяхъ и періодахъ. Колебаніе земной оси также соотвѣтствуетъ возврату и представляетъ движеніе лунныхъ узловъ; оно отражается опять къ Лунѣ и дѣйствіе его видно въ колебанія орбиты этого свѣтила. Наконецъ самое ускореніе средняго движенія луны обнаруживаетъ дѣйствіе планетъ на Землю, отражаемое солнцемъ къ ея спутнику.

Вслѣдствіе легкости, съ которою воздухъ сообщаетъ волненія, можно представить всѣ феномены дрожащихъ пластинокъ, посыпавъ песку на бумагу или на пергамень, натянутый на большой развалистый бокаль. Чтобы натянуть бумагу или пергамень какъ слѣдуетъ, должно ихъ помочить и прикрѣпить по краямъ смолою; потомъ просушить и покрыть лакомъ, чтобы сырость атмосферы не причиняла перемѣнъ въ ихъ напряженіи. Если надъ этимъ снарядомъ держать концентрически стеклянный кружокъ, такъ, чтобъ плоскость его была параллельна поверхности бумаги, и привести кружокъ въ сотрясеніе, пройдя смычкомъ по его ребру, тогда

песокъ на бумагѣ приметъ тѣ же Хлядневы фигуры, какія будутъ на кружкѣ, потому что воздухъ сообщитъ ей весь его дрожанія. При медленномъ удаленіи кружка въ горизонтальномъ направленіи, узоры на бумагѣ будутъ соответствовать тѣмъ, которые на кружкѣ, покажется разстояніе не сдѣлается слишкомъ велико. Если, во время дрожанія, постепенно наклонять кружокъ къ горизонту, фигуры на бумагѣ будутъ измѣняться мало по малу, а когда онъ придетъ къ нему въ перпендикулярное положеніе, песокъ на бумагѣ соберется въ прямыя линіи, параллельныя къ плоскости кружка. Если дрожащій кружокъ обращать на его вертикальномъ діаметрѣ, узловыя линіи на бумагѣ тоже станутъ обращаться и слѣдовать въ точности за движеніемъ кружка. Изъ этого опыта можно видѣть, что движенія воздушныхъ частицъ въ каждой части сферической волны, которая идетъ отъ дрожащаго тѣла какъ центра, параллельны одно другому, а не расходятся какъ лучи. Когда подлѣ этого снаряда играютъ на флейтѣ что-нибудь тихо, каждая нота вызываетъ особенную песочную фигуру, которую слѣдующая нота замѣняетъ другой. Движеніе песку обнаружить даже такіе звуки, которые вовсе не слышны. По дрожаніямъ его на барабанѣ, осажденные открывали направленіе, въ какомъ дѣйствовала контръ-мина. Г. Саваръ, дѣлавшій эти прекрасныя опыты, употреблялъ тотъ же снарядъ для открытія узловыхъ линій въ массахъ воздуха. Онъ нашелъ, что комнатный воздухъ, приведенный въ волненія продолжительнымъ звукомъ органной трубы или другими средствами собирается въ массы, раздѣленныя узловыми обоюдо-кривыми линіями, какъ напримѣръ спирали, и по обѣимъ ихъ сторонамъ воздухъ находится въ противоположныхъ сотрясеніяхъ. Онъ даже примѣчалъ, какъ эти покоящіяся линіи выходили въ отверстіе окна и преслѣдовалъ ихъ на значительное разстояніе въ открытомъ воздухѣ. Песокъ сильно возмущается тамъ, гдѣ воздухъ въ наибольшемъ волненіи; онъ остается въ покоѣ на узловыхъ линіяхъ. Г. Саваръ замѣтилъ, что когда песокъ оборачивался отъ такой линіи вправо, звукъ казался идущимъ съ правой стороны, а когда влево, звукъ слышался съ лѣвой, потому что частицы воздуха были въ различномъ движеніи съ каждой стороны линіи.

Музыкальная струна издастъ очень слабый звукъ дрожа одна, по причинѣ малаго количества воздуха, который она приводитъ въ движеніе; но прикрѣпленная къ звонкой доскѣ, какъ напримѣръ на арфѣ или въ фортепіано, она сообщаетъ свои волненія ея поверхности, а отсюда всѣмъ частямъ инструмента, такъ, что цѣлый составъ его дрожитъ равномерно; и если прибавить къ этому обширную волнующуюся поверхность, которая будетъ передавать свои волненія большой массѣ воздуха, звукъ чрезвычайно усилится. Напряженность его бываетъ въ высшей степени, когда дрожанія струны или звучащаго тѣла перпендикулярны къ звонкой доскѣ, или деку, и въ самой низкой, когда они съ ней въ одной плоскости. Фортепіанный декъ расположенъ лучше нежели во всѣхъ другихъ инструментахъ: молотки ударяютъ по струнамъ такъ, что заставляютъ ихъ дрожать подъ прямыми углами къ деку. Напротивъ, на гитарѣ струны берутся косвенно, и тонъ оттого слабѣе, развѣ такъ глубоки бока, что дѣйствуютъ подобно деку. Хорошій декъ передаетъ не только разнообразныя степени высоты, но и всѣ безыменные качества, тона. Это теперь прекрасно выяснено профессоромъ Витстономъ цѣлымъ рядомъ опытовъ распространенія музыкальныхъ пьесъ черезъ твердые проводники, отъ арфы, фортепіано, скрипки, до кларнета, и прочая. Онъ нашель, что всѣ разнообразія высоты, качества и напряженности, передаются въ совершенствѣ со всѣми ихъ постепенностями, и могутъ быть сообщены посредствомъ длинныхъ проволокъ или прутьевъ деку, расположенному надлежащимъ образомъ въ отдаленной комнатѣ. Можно передать и повторить игру цѣлаго оркестра, соединивъ одинъ конецъ металлическаго прута съ декомъ, поставленнымъ близъ оркестра, такъ, чтобъ онъ отвѣчалъ всѣмъ инструментамъ, а другой съ декомъ арфы, фортепіано или гитары, помещенныхъ гдѣ-нибудь въ отдаленіи. Г. Витстонъ говоритъ: «Дѣйствіе этого опыта очень пріятно: звуки, правда, такъ слабы, что ихъ едва слышно въ нѣкоторомъ разстояніи отъ повторяющаго инструмента; но приставивъ къ нему ухо, вы слышите миниатюрный оркестръ; въ которомъ всѣ инструменты сохраняютъ свои отличительныя качества; а piano и forte, crescendo и diminuendo свои относительныя противоположности

Въ сравненіи съ обыкновеннымъ хоромъ музыкантъ, слышимымъ въ отдаленіи, этотъ оркестръ производитъ то же дѣйствіе, какое видъ ландшафта, который представляется сквозь вогнутое стекло въ уменьшенныхъ размѣрахъ, въ сравненіи съ тѣмъ самымъ мѣстоположеніемъ, видимымъ простыми глазами сквозь пасмурную атмосферу.»

Каждый замѣчалъ усиленіе звука отзывомъ во впадинахъ. Когда поютъ или говорятъ близъ отверстія широкоустаго сосуда, напряженность инаго тона, находящагося въ созвучіи съ воздухомъ во впадинѣ, часто увеличивается до высокой степени. Каждый сосудъ даетъ отзывъ, если передъ его отверстиемъ помѣстить тѣло, которое дрожить въ естественной нотѣ его пустоты и которое такъ велико, чтобъ покрыть это отверстие, или, по-крайней-мѣрѣ, чтобъ привести въ движеніе большую часть окружающаго воздуха. Звукъ будетъ попеременно отражаться то дномъ сосуда, то волнующимся тѣломъ у его устья. Первый толчекъ волнующагося тѣла отразится дномъ впадины, а потомъ самымъ тѣломъ въ то время когда оно и безъ-того даетъ новый толчекъ; этотъ усиленный звукъ также отразится два раза и сольется съ третьимъ толчкомъ; и какъ то же самое будетъ повторяться и при другихъ толчкахъ, то каждый изъ нихъ въ соединеніи со всеми своими эхами, чрезвычайно усилитъ напряженность звука.

Замкнемъ этотъ краткій обзоръ нынѣшняго состоянія Акустики замѣчаніями объ опытахъ поддвигаться къ произношенію аллопатныхъ буквъ. Известно, что около 1779 года, Г. Краценштейнъ, въ Петербургѣ, и Кемпеленъ, въ Вьенѣ, устроили машины, произносившія нѣсколько буквъ, словъ, и даже фразъ. Любопытные найдутъ въ № 20 Б. для Ч. описаніе говорящей машины устроенной недавно профессоромъ Витстономъ. Въ последнее время, Г. Виллисъ, въ Кембриджѣ, приспособилъ цилиндрическія трубы къ дудкѣ, которую можно сдвигать и раздвигать въ длину по произволению. Если раздвигать дудку въ то время какъ сквозъ нее проходитъ столбъ воздуха изъ органаго мѣха, гласныя произносятся въ слѣдующемъ порядкѣ, а, е, и, о, у. Раздвинувъ ее еще болѣе, послѣ нѣкотораго промежутка получишь эти буквы

въ обратномъ порядкѣ, у, о, и, е, а; потомъ, также черезъ известный промежутокъ, опять въ прямомъ, и такъ далѣе. Когда тонъ дудки очень высокъ, нельзя произвести нѣкоторыхъ гласныхъ, что замѣчается и надъ человѣческимъ голосомъ: пѣвицы не могутъ произносить *у* и *о* въ самыхъ высокихъ нотахъ. Изъ удивительныхъ открытій Г. Савара касательно свойствъ человѣческаго голоса и изъ опытовъ Г. Виллиса надъ механизмомъ гортани можно надѣяться, что выговоръ новѣйшихъ языковъ будетъ наконецъ переданъ не только зрѣнію, но и слуху потомства. Если бѣ древніе имѣли средства сохранять такъ опредѣленные звуки, ученый міръ и теперь бы откликался имъ сочувственными тонами на разстояніи цѣлыхъ тысячелѣтій, — и сколько жаркихъ споровъ между филологами, какой безны безполезныхъ книгъ, написанныхъ о «настоящемъ произношеніи» Греческаго и Латинскаго языковъ избѣгнули бы мы посредствомъ этихъ дудокъ!

ТОМАСЪ ЮНГЪ.

=

СТАТЬЯ Г. АРАГО.

=

Одинъ изъ необычайнѣйшихъ людей, какіе только существовали въ новѣйшее время, — человекъ, который зналъ все, что знаетъ родъ нашъ въ настоящую эпоху своей образованности, — который былъ одаренъ самыми противоположными спотобностями, доказалъ свѣтлый и глубокой умъ во всемъ, чего ни коснулась мысль его, обогатилъ почти всѣ отрасли знанія важными открытіями, — этотъ человекъ жилъ при насъ и при насъ нисшелъ въ могилу, и Европа не произносить его имени съ удивленіемъ! Сколько людей, которые не сдѣлали ничего важнаго для успѣховъ ума человѣческаго, пользуются и всемирною славою! Не одно пустое имя гремитъ на обонхъ полушаріяхъ; Юнгъ почти не извѣстенъ Европѣ!....

Томасъ Юнгъ родился въ Мильвертонѣ, въ графствѣ Соммерсетскомъ, 13 іюня 1775 года; родители его принадлежали къ сектѣ Квакеровъ. Онъ провелъ первые свои годы въ Майнгедѣ, у дѣда своего съ материнской стороны, Роберта Девиса, который, производя обширныя коммерческіе обороты, по рѣдкому исключенію, не переставалъ заниматься классическими авторами. Двухъ лѣтъ отъ роду Юнгъ уже бѣгло читалъ. Память имѣлъ онъ необычайную. Четырехъ лѣтъ онъ зналъ уже наизусть множество Англійскихъ и даже нѣсколько Латинскихъ стихотвореній, которыхъ тогда еще и не понималъ. Такимъ образомъ, имя Юнга, какъ нѣкоторыя другія имена, уже прославленные біографами, будетъ питать надежды или опасенія многихъ добрыхъ отцевъ семейства, которые въ урокахъ, высказываемыхъ дѣтьми безъ ошибки или плохо выучиваемыхъ, находятъ предвѣстіе ихъ блистательнаго поприща или несомнѣнный признакъ вѣчной посредственности. Но эти преждевременныя проблески генія ничего не доказываютъ. Пикъ де-ла-Мирандолъ, фениксъ

школьниковъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, былъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, весьма посредственнымъ писателемъ, а Ньютонъ, могущественный умъ, великій Ньютъ, — какъ говорятъ въ школахъ, учился плохо; ни сколько не любилъ ученья, и въ первый разъ началъ заниматься только для того, чтобы занять мѣсто ученика, который сидѣлъ выше его и колотилъ его ногами: двадцати двухъ лѣтъ онъ участвовалъ въ конкурсѣ на званіе адъюнкта и былъ побежденъ какимъ-то Ювделемъ, котораго имя, безъ этого случая, было бы нынче совершенно забыто.

Шести лѣтъ, Юнгъ поступилъ къ одному Бристольскому учителю, который, къ счастью его, былъ человекъ весьма посредственный. Не подумайте, чтобы это былъ парадоксъ: ученикъ по невозможности покориться медленной, неестественной методѣ учителя, сдѣлался самъ своимъ наставникомъ, и такимъ образомъ развились его блестящія способности, которыя, безъ сомнѣнія, были бы ослаблены излишнимъ пособіемъ.

Юнгу было восемь лѣтъ, когда случай, играющій въ жизни всѣхъ людей роль несравненно важнѣе той которую они, по своему тщеславію, ему приписываютъ, отвлекъ его отъ занятій исключительно литературныхъ и показалъ ему его призваніе. Одинъ землемеръ, человекъ съ большими дарованіями, подлѣ котораго онъ жилъ, очень полюбилъ молодаго Юнга. Иногда, по праздникамъ онъ бралъ его съ собою на мѣста, гдѣ производилъ онъ свои работы, и позволялъ ему играть со своими физическими и геодезическими инструментами. Приемы, посредствомъ которыхъ измѣряются расстоянія и опредѣляется высота предметовъ недосыгаемыхъ, поражали его юное воображеніе; но вскорѣ нѣсколько статей изъ Математическаго Словаря уничтожили для него всю непостижимость этихъ приемовъ. Съ этого времени въ воскресныхъ прогулкахъ бумажный змѣй былъ замѣненъ квадрантомъ. Вечеромъ, для отдыха, мальчикъ — инженеръ вычислялъ высоты измѣренныя утромъ.

Съ десяти до четырнадцати лѣтъ Юнгъ жилъ въ Комптонѣ, въ графствѣ Дорсетскомъ, у одного учителя, по имени Томсонъ, котораго память всегда была ему драгоценна.

Во все пять лѣтъ ученики Томсонова пенсіона, по обыкновенію Англійскихъ школъ, исключительно занимались мелочнымъ изученіемъ главнѣйшихъ Греческихъ и Римскихъ писателей. Юнгъ всегда былъ въ числѣ первыхъ учениковъ и между-тѣмъ онъ въ это время, на досугъ, выучился по-Французски, по-Италянски, по-Еврейски, по-Персидски и по-Арабски; первымъ двумъ языкамъ случайно, только чтобы удовлетворить любопытству одного изъ своихъ товарищей, у котораго было нѣсколько книгъ, напечатанныхъ въ Парижѣ, и которому хотѣлось знать, что въ нихъ написано; Еврейскому для того, чтобы читать Библію въ подлинникъ; Персидскому и Арабскому для того, чтобы рѣшить возникшій между воспитанниками вопросъ, такая ли же большая разница между Восточными языками какъ между Европейскими.

То, что я долженъ еще сказать, заставляетъ меня предупредить читателей, что при составленіи этой статьи я пользуюсь достоверными документами. Для столь немощныя успѣхи въ языкахъ, Юнгъ, гуляя по окрестностямъ Комптона, и пристрастился къ Ботаникѣ; не имѣя орудій увеличительныхъ, къ которымъ прибѣгаютъ естествоиспытатели, чтобы разсмотрѣть нѣжныя части растений, онъ вздумалъ самъ сдѣлать микроскопъ, безъ всякаго руководителя, кромѣ Мертинова описанія этого инструмента: для достиженія этой трудной цѣли, онъ долженъ былъ приобрести большую ловкость въ токарскомъ искусствѣ; алгебраическія формулы оптика представили ему символы, которыхъ онъ не понималъ, — то были символы выпуклостей, — и это поставило его въ большое затрудненіе, но, не рѣшаясь отказать отъ удовольствія увеличивать пестыки и тычинки, онъ разсудилъ, что лучше выучиться дифференціальнымъ счисленіемъ, чтобы понять проклятую формулу, чѣмъ посылать въ ближній городъ за микроскопомъ.

Пылкая дѣятельность молодого Юнга заставила его перейти за предѣлы человѣческихъ силъ. На четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ, его здоровье очень разстроилось. Разные признаки заставляли даже думать, что у него повреждено легкое, но эти опасенія были вскорѣ уничтожены искусствомъ врачей и нѣжными попеченіями всѣхъ его родственниковъ.

Богатый Англичанинъ, поручая домашнему наставнику своего сына, обыкновенно прискиваетъ ему товарища изъ числа молодыхъ людей его возраста, уже отличившихся успѣхами въ наукахъ. Такимъ образомъ Юнгъ сдѣлался соученикомъ внука Г. Девида Барклая, въ графствѣ Гертфордскомъ. Въ самый день вступленія его въ этотъ домъ, Г. Барклай, вѣроятно думая, что съ ребенкомъ четырнадцати лѣтъ не надобно быть слишкомъ взыскательнымъ, далъ ему переписать нѣсколько фразъ, чтобы видѣть каковъ у него почеркъ. Юнгъ, можетъ-быть, обидѣвшись этого рода испытаніемъ, попросилъ позволенія выйти въ другую комнату. Г. Барклай, видя, что отсутствіе его продолжается болѣе, чѣмъ нужно было бы для переписки нѣсколькихъ фразъ, начиналъ уже смѣяться надъ медленностью маленькаго Квакера, какъ онъ явился. Переписано было очень хорошо, — хоть бы учителю каллиграфіи; а о замедленіи невозможно было и говорить, потому что маленькій Квакеръ, какъ называлъ его Г. Барклай, не только переписалъ заданныя фразы, но перевелъ ихъ на *девять* разныхъ языковъ.

Домашній учитель, или, какъ говорятъ въ Англіи, tutor, которому поручено было воспитаніе этихъ дѣтей, былъ молодой человекъ съ отличными дарованіями, который въ то время занимался усовершенствованіемъ познаній своихъ въ древнихъ языкахъ; то былъ будущій авторъ Calligraphia Graeca. Онъ вскорѣ замѣтилъ чрезвычайное превосходство одного изъ своихъ воспитанниковъ передъ другимъ, и съ весьма похвальною скромностью признавался, что, въ общихъ ихъ занятіяхъ, настоящимъ наставникомъ былъ не всегда тотъ, кто носилъ это званіе.

Около того времени Юнгъ написалъ, прибѣгая къ оригинальнымъ источникамъ, подробный разборъ многочисленныхъ философскихъ системъ, которыя были преподаваемы въ различныхъ Греческихъ школахъ. Пріятели Юнга отзываются объ этомъ произведеніи съ чрезвычайнымъ уваженіемъ. Не знаю, сдѣлается ли оно когда-нибудь известнымъ публикѣ. Во всякомъ случаѣ, оно имѣло большое вліяніе на судьбу автора, потому что подробное, внимательное разсмотрѣніе странностей, которыхъ такъ много въ идеяхъ Греческихъ философовъ, ослабило въ сердцѣ Юнга прива-

занность къ правиламъ секты, въ которой онъ родился. Между-тѣмъ, онъ отдѣлился отъ нея совершенно только тогда, когда жилъ въ Эдинбургѣ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ.

Семейство Г. Барклая, а съ нимъ и Юнгъ, переезжали на нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ въ Лондонъ: Въ одномъ изъ этихъ путешествій Юнгъ встрѣтилъ достойнаго наставника. Докторъ Гиггинсъ посвятилъ его въ таинства Химіи: имя доктора Гиггинса, я долженъ упомянуть тѣмъ болѣе, что несмотря на многочисленные его протесты, ему отказываютъ въ участіи, которое по всей справедливости принадлежитъ ему въ теоріи опредѣленныхъ пропорцій, составляющей одно изъ прекраснѣйшихъ приобрѣтеній новѣйшей Химіи.

Докторъ Брокльзби, дядя Юнга съ материнской стороны, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ въ Лондонѣ врачей, не безъ причины гордился блестящими успѣхами молодаго племянника, общалъ иногда его сочиненія ученымъ, литераторамъ, свѣтскимъ людямъ, которыхъ одобреніе могло наиболее льстить его тщеславію. Такимъ образомъ Юнгъ, съ раннихъ лѣтъ, вступилъ въ сношенія съ Боркомъ и Виндгамомъ, членами Нижней Палаты, и съ герцогомъ Ричмондомъ. Послѣдній былъ въ то время гресмейстеромъ артиллеріи и предложилъ ему мѣсто помощника секретаря. Другіе два государственные дѣла тоже желали, чтобы онъ вступилъ въ администратцію, но прежде совѣтовали ему повхаты въ Кембриджъ и выслушать курсъ Правовѣднія. Съ такими могущественными покровителями Юнгъ легко могъ получить одно изъ прибыльныхъ мѣстъ, которыми люди, пользующіеся большимъ кредитомъ, надвѣяютъ тѣхъ, кто избавляетъ ихъ отъ работы и доставляетъ имъ средства блистать ежедневно, не оскорбляя притомъ ихъ тщеславія ни малѣйшею нескромностью. Къ счастью, Юнгъ имѣлъ сознаніе собственныхъ силъ; онъ чувствовалъ въ себѣ зародыши блестящихъ открытій, которыя могли прославить впоследствии его имя: онъ предпочелъ пезолоченнымъ цѣпямъ, которыми старались прельстить его, трудное но независимое поприще писателя. Честь и хвала ему! Приговоръ его долженъ служить урокомъ столькимъ мо-

людьми людямъ, которыхъ преждевременное честолюбіе мѣста отвлекаетъ отъ ихъ благороднаго назначенія и превращаетъ въ подъячнхъ: желательно, чтобы они, подобно Юнгу, не жертвовали скоропреходящему удовольствію скрѣплять бумаги уваженіемъ и признательностью, которыми публика всегда почти награждаетъ умственные занятія высокаго рода; а если бы, по заблужденію неопытности, наши они, что имъ предписываютъ пожертвованіе слишкомъ тягостное, мы советуемъ имъ поучиться честолюбію у великаго честолюбца, котораго гордость не знала границъ. Вотъ что Бонапартъ, первый консулъ, уже одержавшій побѣду при Маренго, говорилъ Г-ну Лемерсіе, который отказался отъ, весьма важнаго въ то время, мѣста государственнаго совѣтника. «Понимаю, сударь; вы любите литературу и хотите вполне ей предаться; мнѣ нечего сказать шротивъ этого. Да; я самъ, если бы и не былъ военнымъ, главнокомандующимъ и орудіемъ судьбы цѣлаго народа, конечно не сталъ бы бѣгать по кафедрѣмъ и предаваться, чтобы вѣдаться подъ началъ второстепеннымъ честолюбцамъ. Нѣтъ, нѣтъ! я бы углубился въ изученіе точныхъ наукъ, я бы пошелъ по пути Галилея, Ньютона. Я всегда успѣвалъ во всѣхъ важныхъ предпріятіяхъ; я, конечно, отличился бы также и учеными трудами: я бы оставилъ по себѣ прекрасныя открытія. Ни какая другая слава не прельстила бы моего честолюбія.»

Юнгъ избралъ поприще медицинское, надѣясь найти на немъ независимость и богатство. Онъ началъ обучатися Медици въ Лондонѣ, подъ руководствомъ Бели и Крукшенка; продолжалъ свои занятія въ Эдинбургѣ, гдѣ блистали тогда доктора Блакъ, Монро, Григори; но званіе доктора получилъ онъ только въ слѣдующемъ 1795 году, въ Гѣтингенѣ. Еще до этого времени Юнгъ, едва вышедъ изъ отрочества, уже показалъ себя ученому свѣту запискою о Ladanum, въ полемикѣ, въ которую вступилъ онъ съ докторомъ Беддоэсомъ по предмету теоріи Крафорда о теплородѣ; запискою о нравахъ пауковъ и системѣ Фабриція; наконецъ еще однимъ произведеніемъ, о которомъ я долженъ поговорить подробнѣе, по причинѣ его достоинства, необычайной славы, какую приобрѣло оно при самомъ

появленіи, и забвеніи, въ которомъ оставлено было впоследствии.

Королевское Общество Ученыхъ въ Лондонѣ пользуется во всѣхъ трехъ королевствахъ глубокимъ и заслуженнымъ уваженіемъ. Philosophical Transactions, издаваемая этимъ обществомъ, суть уже полтора вѣка знаменитый архивъ, въ которомъ хранятся доказательства правъ Британскаго генія на признательность потомства. Желаніе внести свое имя въ списокъ сотрудниковъ этого истинно національнаго изданія всегда было предметомъ живѣйшаго соревнованія для питомцевъ знаменитыхъ университетовъ Кембриджскаго, Оксфордскаго, Эдинбургскаго, Дублинскаго. Впрочемъ, это уже послѣдняя степень честолюбія ученаго: онъ стремится къ ней только тогда, когда издалъ какое-нибудь важное твореніе, а первые опыты его юныхъ лѣтъ доходятъ до публики путемъ болѣе скромнымъ, именно посредствомъ многочисленныхъ Reviews, которыя въ Англіи такъ сильно содѣйствовали успѣхамъ человѣческихъ знаній. Юнгъ пошелъ не по этому пути. Двадцати лѣтъ отроду онъ послалъ въ Королевское Общество Ученыхъ одно изъ своихъ сочиненій. Советъ общества, состоявшій изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ, обратилъ на этотъ трудъ большое вниманіе, и онъ вскорѣ появился въ Philosophical Transactions. То было разсужденіе о зрѣніи.

Задача была, конечно, не нова. Платонъ и ученики его занимались ею за три вѣка до нашего лѣтосчисленія; но нынче идеи ихъ объ этомъ предметѣ могутъ быть приводимы развѣ только для того, чтобы оправдать извѣстное и весьма не лестное изрѣченіе Лукіаново: «Нельзя выдумать такой нелѣпости, которая бы уже не была выдана какимъ-нибудь философомъ за истину.» Чтобы встрѣтить понятія объ удивительномъ явленіи зрѣнія, достойныя воспоминанія Исторіи, надобно перескочить нѣсколько вѣковъ и перейти изъ Греціи въ Италію. Тамъ, не запирая подобно Еллинскому философу, дверей своихъ отъ всѣхъ не-геометровъ, благоразумные испытатели природы обозначили единственный путь, по которому чловѣкъ, не спотыкаясь, можетъ достигнуть до области безвѣстнаго; тамъ Мауроликъ и Порга твердили своимъ современникамъ, что задача от-

*

крыть то, что есть, столь трудна, что по - крайней - мѣрѣ весьма неблагоприятно пускаться въ мѣръ умозрѣній для изысканія того, что должно быть; тамъ эти два знаменитые соотечественника Архимеда начали угадывать дѣйствіе различныхъ посредствъ, изъ которыхъ состоитъ глазъ, и рѣшились, какъ въ послѣдствіи Галилей и Ньютонъ, не посягать выше тѣхъ познаній, какіе могутъ быть постигнуты чувствами. Между-тѣмъ такова слабость человѣческая, что, слѣдовавъ весьма счастливо за главными склоненіями свѣта въ роговой оболочкѣ глаза и его хрустальной матеріи, Мауроликъ и Порта, уже у самой цѣли, останавливаются какъ передъ непреодолимою преградой, лишь только имъ возражать, что предметы должны бы представляться намъ къ верху ногами, если образы ихъ въ глазъ являются въ превращенномъ видѣ. Отважный умъ Кеплера, напротивъ того, не поколебался этимъ. Нападеніе начато было Психологією, и Психологією же, ясною, точною, математическою, онъ уничтожилъ это возраженіе. Подъ могущественною рукою этого великаго человека глазъ окончательно сдѣлался простымъ оптическимъ приборомъ, который извѣстенъ подъ именемъ камеръ-обскуры: глазная сѣтка есть бумага, на которой рисуются предметы, а хрустальная матерія замѣняетъ въ немъ увеличительное стекло.

Это уподобленіе, со временъ Кеплера всѣми принятое, представляло только одно затрудненіе. Камеръ-обскура, какъ и всякая зрительная труба, должна быть наведена на данный предметъ, сообразно его отдаленію. Когда эти предметы приближаются, бумагу надобно отдалять отъ стекла, а въ противномъ случаѣ приближать ее. Сохранить изображенія предметовъ всей необходимой чистоты невозможно, не измѣняя положенія стекла, если только выпуклость этого стекла не измѣняется, если оно не дѣлается выпуклѣе, когда его наводятъ на предметы отдаленные, и на оборотъ.

Природа, безъ-сомнѣнія, употребляетъ одинъ изъ этихъ способовъ, чтобы получать ясное изображеніе предметовъ, потому что человекъ можетъ видѣть ясно въ весьма различныхъ разстояніяхъ. Этотъ вопросъ сдѣлался для физиковъ

источникомъ множества объясненій и продолжительныхъ споровъ; въ преніи являются знаменитѣйшіе имена.

Кеплеръ, Декартъ, утверждаютъ, что весь глазъ можетъ вытягиваться и сплющиваться.

Потерфильдъ, Циннъ, говорятъ, что хрустальное вещество глаза двигается и въ случаѣ нужды приближается къ сѣткѣ или удаляется отъ нея.

Жюренъ, Мушенбрукъ, думаютъ, что, выпуклость роговой оболочки можетъ измѣняться.

Соважъ, Бурдело, полагаютъ, что это измѣненіе выпуклости происходитъ только въ хрустальномъ веществѣ. Той же системѣ слѣдуетъ и Юнгъ. Она развита въ двухъ запискахъ, которыя онъ въ разное время представлялъ Королевскому Обществу Ученыхъ въ Лондонѣ.

Въ первой, онъ смотритъ на предметъ только съ анатомической точки зрѣнія. Юнгъ доказываетъ прямыми и чрезвычайными наблюденіями, что хрустальное вещество глаза одарено фибрами или мускулами, превосходно приспособленными ко всемъ возможнымъ измѣненіямъ въ формѣ. Это открытіе ниспровергало единственное важное возраженіе, которое противопоставляли ипотезѣ Соважа, Бурдело, и прочихъ. Какъ скоро записка Юнга была напечатана, Гонтеръ (Hunter) объявилъ, что это открытіе принадлежитъ ему. Знаменитый анатомистъ принесъ этимъ большую пользу Юнгу, потому что сочиненіе Гонтера объ этомъ предметѣ не было ни издано, ни сообщено кому-либо. Впрочемъ споръ потерялъ вскорѣ всю свою важность: одинъ ученый доказалъ, что Лёвенгукъ, вооруженный своими сильными микроскопами, слѣдовалъ уже за всеми извилинами фибровъ хрустальнаго вещества рыбаго глаза и нарисовалъ ихъ положеніе. Чтобы пробудить вниманіе публики, уже утомленной столькими преніями нужны были знаменитые имена двухъ членовъ Королевскаго Общества Ученыхъ въ Лондонѣ, которые приняли участіе въ этихъ спорахъ. Одинъ изъ нихъ былъ искусный анатомистъ, другой — отличнѣйшій изъ Англійскихъ артистовъ: они представили Королевскому Обществу написанное ими обоими разсужденіе, въ которомъ

доказывали, что форма хрустального вещества изменяться никакъ не можетъ. Могъ ли ученый свѣтъ повѣрить чтобъ, саръ Эверардъ Гомъ и Рамсденъ, оба вмѣстѣ, могли произвести опыты не точные и ошибиться въ микрометрическихъ измѣреніяхъ! Юнгъ тоже этого не подумалъ, и публично отказался отъ своей теоріи. Поспѣшность, съ которою онъ призналъ себя побѣжденнымъ, столь рѣдкая въ молодомъ чловѣкѣ двадцати пяти лѣтъ и притомъ по случаю перваго ученаго труда, была непримѣрнымъ доказательствомъ скромности. И дѣйствительно Юнгу не отъ чего было отказываться. Въ 1800 году онъ снова развилъ теорію измѣненій формы хрустального вещества, въ запискѣ, противъ которой съ тѣхъ поръ не дѣлали ни какихъ важныхъ возраженій.

Ничего не можетъ быть простѣе его разсужденія, замысловатѣе его опытовъ. Прежде всего Юнгъ, посредствомъ микроскопическихъ наблюденій, которые сдѣлали бы и малѣйшія измѣненія чувствительными, устраняетъ ипотезу измѣненія въ выпуклости роговой оболочки. Лучше того: онъ поставляетъ глазъ въ особенномъ положеніи, въ которомъ измѣненія въ выпуклости не производили бы никакого дѣйствія; онъ погружаетъ его въ воду и доказываетъ, что и тогда способность видѣть въ различныхъ разстояніяхъ существуетъ во всей своей силѣ.

Потомъ онъ опровергаетъ множествомъ возраженій и опытовъ, которымъ противиться невозможно, второе предположеніе, будто размѣръ всего глаза измѣняется.

Задача казалась такимъ образомъ окончательно рѣшеною. Ясно, что если изъ трехъ возможныхъ предположеній два уничтожены, третье дѣлается уже необходимымъ; ясно, что если выпуклость роговой оболочки и продольный поперечникъ глаза неизмѣняемы, то форма хрустальной матеріи должна быть одарена способностью перемѣняться. Но Юнгъ на этомъ не останавливается; онъ доказываетъ прямо, явленіями измѣненія образовъ, что выпуклость хрустальной матеріи дѣйствительно перемѣнчива; онъ изобрѣтаетъ или по крайней мѣрѣ усовершенствуетъ инструментъ, который можетъ быть употребляемъ людьми наименѣе свѣдующими, наименѣе привычными къ иѣжнымъ опытамъ; и вооруженный этимъ

новымъ способомъ изслѣдованія, доказываетъ, что люди, которые, вслѣдствіе операціи сятія бѣльма, лишились хрустальнаго вещества, не имѣютъ способности *чисто* видѣть предметы въ *различныхъ* разстояніяхъ.

Надобно удивляться, что эта превосходная теорія, эта столь тѣсная цѣпь разсужденій и самыхъ нѣжныхъ опытовъ, которые непрерывно одни другихъ подкрѣпляютъ, не занимаетъ еще въ наукѣ почетнаго мѣста, которое безспорно принадлежитъ ей: но чтобы объяснить эту странность не надобно прибѣгать къ судьбѣ. Неужели Юнгъ былъ въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ часто говорилъ съ досадою, новая Кассандра, которая непрерывно открывала міру великія истины, и неблагодарные современники ихъ не принимали? Справедливѣе было бы замѣтить, что открытія Юнга не были извѣстны тѣмъ, которые могли бы оцѣнить ихъ; физиологи не читаютъ его превосходной записки, потому что она требуетъ большихъ познаній въ Математикѣ, которыхъ врачи обыкновенно не имѣютъ; физики также не обращаютъ на нее вниманія, потому что и при изустномъ преподаваніи и въ печатныхъ сочиненіяхъ публика требуетъ нынче только поверхностныхъ познаній, которыя безъ труда можетъ приобрести умъ самый посредственный. Во всемъ этомъ, вопреки мнѣнію знаменитаго Юнга, мы не видимъ ничего необыкновеннаго: подобно всемъ ученымъ, изслѣдывающимъ величайшія глубины науки, онъ не былъ понятъ толпою; но его бы могли вознаградить за то рукоплесканія людей избранныхъ. Въ подобномъ случаѣ надобно оцѣнивать похвалы не по числу ихъ, но по вѣсу.

Мысль къ прекраснѣйшему открытію Юнга, къ тому именно, отъ котораго имя его никогда не погибнетъ, подана ему была предметомъ, по видимому весьма ничтожнымъ, — мыльными пузырьками, столь легкими, такъ ярко окрашенными, которые едва вылетѣвъ изъ соломинки мальчика, дѣлаются игралищемъ малѣйшей струнъ воздуха. Излишне было бы доказывать, что мудренность явленія, его рѣдкость, польза, которую оно приноситъ въ искусствахъ, не всегда могутъ служить признаками важности его въ наукахъ. Мы думаемъ, что смѣло можно упоминать читателю о дѣтской иг-

рушкѣ, говоря о важномъ открытіи, которое мы хотимъ разобратъ, и что оно неменѣе того будетъ важно и прекрасно. Извѣстно, что яблоко, упавши къ ногамъ Ньютона подало этому великому человѣку мысль о простыхъ и богатыхъ законахъ, которыми управляется теченіе небесныхъ тѣлъ; что, лягушкѣ и ланцетному удару, науки обязаны были въ послѣднее время Вольтовымъ гальваническимъ столбомъ. Но если ужъ мыльные пузырьки не годятся въ ученое разсужденіи, то мы возьмемъ перегнанную воду, вещество, котораго прозрачность сдѣлалась пословицею, которое, въ чистомъ своемъ состояніи, принимаетъ только легкіе, едва замѣтные оттѣнки синяго и зеленаго цвѣтовъ и то въ большихъ массахъ. Чтобы вы подумали, если бъ кто безъ всякихъ объясненій сталъ утверждать, что можетъ придать этой водѣ столь чистой, столь безцвѣтной, какіе угодно, даже самые блестящіе цвѣты? что онъ умѣетъ сдѣлать ее лиловою, синею, зеленою, желтою какъ кора лимона, алою какъ кошениль, не измѣняя притомъ чистоты ея, не примѣшивая къ ней ни какихъ постороннихъ веществъ, не нарушая пропорціи ея составныхъ газовыхъ началъ? Вы необходимо стали бы почитать его не заслуживающимъ ни какого довѣрія, если бъ онъ прибавилъ, что для произведенія всего этого надобно только сдѣлать слой воды какъ-можно тонѣе; что слова *тонкій* и *цвѣтной* такъ сказать синонимы; что переходъ отъ одного отлива къ другому, совершенно противоположному, есть необходимое, неизбѣжное слѣдствіе простаго измѣненія толщины водянаго слоя; и что, напримѣръ, при переходѣ отъ краснаго къ зеленому это измѣненіе толщины не составляетъ и тысячной части толщины волоса! Между-тѣмъ, именно въ этихъ измѣненіяхъ толщины заключается вся тайна игры цвѣтовъ не только въ водяныхъ и мыльныхъ пузырькахъ, но въ легкихъ, тонкихъ слояхъ незримаго вещества, которые окружаютъ всѣ тѣла и составляютъ такъ сказать ихъ атмосферу, или оболочку.

Чтобы постигнуть, какимъ образомъ подобныя явленія двадцать вѣковъ сряду ежедневно поражали взоры физиковъ, не обращая на себя ихъ вниманіе, надобно вспомнить, что не многіе одарены драгоцѣнною способностью кстати удивляться.

Бойль проникъ первый въ этотъ богатый рудникъ. Но онъ ограничился подробнымъ описаніемъ разнообразныхъ явленій, порождающихъ радужность цвѣтовъ. Сотрудникъ его Гукъ, Нооке, пошелъ далѣе. Онъ полагалъ, что эта радужность происходитъ отъ перекрещиванія лучей, или, говоря его словами, отъ перекрещиванія волнъ, отражаемыхъ объемами поверхностями тонкаго водянаго слоя. Это была черта гевія, но она не могла быть постигнута въ такое время, когда свойство блага цвѣта было неизвѣстно, когда еще не знали, что бѣлый цвѣтъ состоитъ изъ сліянія семи разныхъ цвѣтовъ.

Ньютонъ особенно любилъ заниматься изученіемъ цвѣтовъ тонкихъ водяныхъ слоевъ. Онъ посвятилъ имъ цѣлую книгу знаменитаго своего сочиненія объ Оптикѣ; онъ опредѣлялъ законы ихъ происхожденія, посредствомъ удивительнаго ряда опытовъ, которыхъ никто въ послѣдствіи не превзошелъ. Освѣщая однообразнымъ свѣтомъ эти столь правильныя радужныя полосы, которыя рождаются около точки соприкосновенія двухъ увеличительныхъ стеколъ, лежащихъ одно на другомъ, онъ доказалъ, что для каждаго изъ простыхъ цвѣтовъ въ тонкихъ слояхъ всѣхъ родовъ существуетъ нѣсколько возрастающихъ толщинъ, въ которыхъ ни какой свѣтъ не отражается. Результатъ чрезвычайно важный: онъ заключаетъ въ себѣ ключъ ко всѣмъ этимъ явленіямъ.

Ньютонъ былъ не столь счастливъ въ теоретическихъ выводахъ, которыя извлекъ онъ изъ этого превосходнаго открытія. Говорить, какъ онъ, что лучъ свѣта, который отражается, находится *въ состояніи свободнаго отраженія*, а тотъ который весь проходитъ сквозь слой — *въ состояніи свободнаго проицанія*, значитъ выразить темными словами то, что уже показало намъ наблюденіе надъ двумя соприкасающимися увеличительными стеклами.

Теорія Томаса Юнга не подвержена этому упреку. Онъ не принимаетъ ни свободнаго отраженія, ни свободнаго проицанія за неотъемлемыя свойства лучей свѣта. Тонкій слой весьма хорошо замѣняется толстымъ зеркаломъ. Если въ нѣкоторыхъ точкахъ сго не видно ни какого свѣта, изъ этого

Юнгъ не заключаетъ, чтобы отраженіе совершенно прекратилось въ этихъ точкахъ; онъ полагаетъ напротивъ, что въ этихъ пунктахъ лучи, отражаемые второю поверхностью, встрѣчаясь съ лучами, которые отражаются первою поверхностью, совершенно уничтожаютъ ихъ. Этому-то явленію Юнгъ придалъ знаменитое названіе «интерференціи», мы назовемъ его «столкновеніемъ» лучей.

Ипотеза, конечно, чрезвычайно странная! Нельзя не изумиться, слыша, что ночь существуетъ при свѣтѣ солнца и притомъ въ такомъ мѣстѣ, куда лучи его свободно достигаютъ: но кто бы могъ подумать, что люди вздумаютъ утверждать, будто-бы темноту можно произвести, прибавивъ свѣтъ къ свѣту? Открытіе Юнга подверглось множеству насмѣшекъ. Даже важные физики говорили, что нелѣпо предполагать, будто одинъ лучъ солнца можетъ уничтожать другой лучъ.

Физикъ, конечно, имѣетъ право гордиться, если можетъ сообщить свѣту результатъ, до такой степени противный принятымъ идеямъ; но онъ долженъ тотчасъ подкрѣпить его доказательствами, если не хочетъ быть сравненъ съ восточными сказочниками, которые тысячу и одну ночь забавляли султана Шегръяра.

Юнгъ этого не сдѣлалъ. Онъ показалъ, что его теорія можетъ быть примѣнена къ явленіямъ, но далѣе не пошелъ. Когда потомъ онъ приступилъ къ доказательствамъ, публика была уже предубѣждена, и онъ не могъ побѣдить ея предубѣжденія. Между-тѣмъ опытъ, подавшій Юнгу поводъ къ этому открытію, не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Вотъ онъ:

Два солнечныхъ луча, если идутъ путями не параллельными въ извѣстномъ пространствѣ перекрещаются. Въ этомъ мѣстѣ положите листъ хорошей бумаги. Каждый лучъ, взятый отдѣльно, производитъ въ ней сильный блескъ; но когда эти два луча соединятся, когда они вмѣстѣ касаются бумаги, свѣтъ исчезаетъ: день замѣняется самою мрачною ночью.

Два луча не всегда взаимно уничтожаются въ точкѣ пересѣченія. Иногда въ нихъ замѣчается только частное осла-

бленіе, иногда они другъ къ другу присоединяются. Все зависитъ отъ пространства, пройденнаго ими, и это происходитъ по законамъ весьма простымъ, которыхъ открытіе во всѣ времена могло бы обезсмертить физика.

Разность путей, производящаго между лучами столкновение, сопровождаемое ихъ совершеннымъ уничтоженіемъ, не такъ важна въ отношеніи къ свѣтлымъ лучамъ разнаго цвѣта. Когда два бѣлыхъ луча перекрещаются, тогда одно изъ ихъ составныхъ началъ, напримѣръ красный цвѣтъ, можетъ находиться въ условіяхъ уничтоженія. Но бѣлый безъ краснаго есть зеленый! Такимъ образомъ столкновение свѣтлыхъ лучей обнаруживается явленіями окрашиванія; такимъ образомъ различные основные цвѣта дѣлаются видимыми, хотя не раздѣлены ни какою призмою. Теперь, надобно замѣтить, что въ пространствѣ не существуетъ ни одной точки, гдѣ бы лучи одинаковаго происхожденія, не пересѣкались, послѣ болѣе или менѣе косвенныхъ отраженій, и тутъ тотчасъ видно, какъ велика еще неизслѣдованная область, которую столкновение лучей представляетъ любознательности физиковъ.

Когда Юнгъ сдѣлалъ эту теорію извѣстною, наблюдателямъ уже представлялось множество случаевъ періодическаго явленія цвѣтовъ, и надобно прибавить, что всѣ эти явленія казались неизъясненными. Въ томъ числѣ надобно упомянуть о кольцахъ, которыя производятся посредствомъ отраженія, уже не въ мѣлкихъ кожицахъ воды, но въ толстыхъ стеклянныхъ зеркалахъ, нѣсколько выпуклыхъ; радужныя полосы различной ширины, которыя видѣются съ наружной стороны по краямъ тѣни тѣлъ, а иногда покрываютъ и всю ее, которыя Гримальди замѣтилъ первый; которыя тщетно занимали геній Ньютона и были вполнѣ объяснены уже Френелемъ; цвѣтныя дуги, красныя и зеленыя, которыя являются въ большемъ или меньшемъ числѣ непосредственно подъ семью призматическими цвѣтами главной радуги, и которыя казались дотога неизъяснимыми, что объ нихъ перестали и упоминать въ физикахъ; наконецъ яркіе круги, которые часто окружаютъ солнце и луну и непрерывно измѣняются въ своей ширинѣ.

Вспоминая, что очень многие уважают ученых теорин только тогда, когда онѣ могутъ имѣть непосредственное примѣненіе, я не могу окончить этого исчисленія феноменовъ, гдѣ являются болѣе или менѣе многочисленныя періодическіе цвѣта, не упомянувъ о кольцахъ, столь замѣчательныхъ по своей правильности и чистотѣ, которыми каждый нѣсколько яркій свѣтъ по-видимому окруженъ, когда смотришь на него сквозь груду прозрачныхъ частицъ одинаковой величины. Эти кольца подали Юнгу мысль объ изобрѣтеніи инструмента, весьма простаго, который онъ назвалъ «эриометромъ», и посредствомъ котораго можно безъ всякаго труда измѣрять величину самыхъ малѣйшихъ тѣлъ. Эриометръ, еще такъ мало извѣстный наблюдателямъ, имѣетъ передъ микроскопомъ то огромное преимущество, что вдругъ представляетъ *среднюю величину* милліона частицъ, заключающихся въ наблюдаемомъ пространствѣ. Притомъ онъ имѣетъ странную способность оставаться нѣмымъ, когда частицы слишкомъ различны между собою, то есть, когда опредѣленіе ихъ размѣровъ не представляетъ ни какой пользы.

Юнгъ употреблялъ также свой эриометръ на измѣреніе шариковъ крови разныхъ животныхъ, и пыли, производимой разными породами растений; на измѣреніе тонкости шерсти разныхъ животныхъ, употребляемой на фабрикахъ, начиная съ бобровой, самой тонкой, до волоса обыкновенныхъ Суссекскихъ овецъ, который, въ четыре раза съ половиною толще боброваго.

До Юнга различныя явленія цвѣтовъ, которыя я означилъ, не только не были объяснены, но и не имѣли ни какой связи между собою. Ньютонъ, который такъ долго этимъ занимался, не замѣчалъ, напримѣръ ничего общаго между радужностью тонкихъ прозрачныхъ слоевъ и радужными полосками, являющимися при переломленіи луча. Юнгъ доказалъ, что эти два рода цвѣтныхъ цвѣтистыхъ струй происходятъ отъ дѣйствія столкновенія лучей. Впослѣдствіи, когда открыта была хроматическая поляризація, онъ почерпнулъ въ нѣкоторыхъ измѣреніяхъ толщины замѣчательныя численныя сходства, которыя заставляютъ предполагать, что его теорія можетъ быть примѣнена современемъ къ этому странному роду

поляризаціи. Впрочемъ, признаться, тутъ надобно было по-
полнить большой недостатокъ. Тогда не были еще извѣстны
многія важныя свойства свѣта, и потому не возможно было
представить себѣ сколько странностей двойное отраженіе
производитъ въ нѣкоторыхъ кристаллахъ и граняхъ, по при-
чинѣ уничтоженій свѣта, происходящихъ отъ перекрещи-
ванія лучей; но Юнгу принадлежитъ честь, открытія этого
поприща, и онъ первый началъ разбирать эти іероглифы
оптики.

Слово іероглифы естественно переносятъ насъ къ другому
знаменитому открытію Юнга и на поле, на которомъ проис-
ходили уже многочисленныя, жаркія пренія. Мы говоримъ о
Египетскихъ іероглифахъ. Я не рѣшался сначала раздражать
страстей, возбужденныхъ этимъ вопросомъ. Секретарь ака-
деміи, исключительно занятой точными науками, могъ бы, ко-
нечно, предоставить этотъ вопросъ на рѣшеніе судей болѣе
свѣдующихъ; но недоумѣніе уничтожилось въ умѣ моемъ,
какъ скоро я вспомнилъ, что толкованіе Египетскихъ іеро-
глифовъ есть наука, въ которую всякой смѣло вдается,
и которая можетъ сдѣлаться со временемъ нѣкотораго рода
кабалистикой. Сообразивъ все это, я приступаю къ вопросу
объ Египетскихъ письменахъ; приступаю къ нему безъ вся-
каго предубѣжденія, съ твердымъ намѣреніемъ быть спра-
ведливымъ, съ пламеннымъ желаніемъ согласить выгоды обо-
ихъ ученыхъ, которыхъ смерть была недавно для всей Евро-
пы предметомъ заслуженнаго соболѣзнованія.

*Измѣнше было бы говорить, что справедливость почтеннаго астронома
есть справедливость совсѣмъ Французская, въ которой вѣсы держитъ
народное тщеславіе. Уважая глубокія познанія Г. Арагò, позволительно
однакожь предполагать, что онъ легко можетъ ошибаться въ дѣлѣ, кото-
рое касается до вопроса чисто филологическаго. Мы должны предудво-
ить читателей, что изложенное здѣсь мнѣніе о томъ, кому принадле-
жить изобрѣтеніе чтенія іероглифовъ, Юнгу или Шампольону-Млад-
шему, не есть мнѣніе Г. Арагò, и что мы даже не приводимъ его
доводовъ. Г. Арагò, какъ намъ кажется, смотритъ на дѣло не съ
той точки зрѣнія, какъ бы слѣдовало. То, что онъ говоритъ о Китай-
скихъ и Египетскихъ іероглифахъ, почитая ихъ результатомъ одина-
ковой мысли, совершенно несправедливо; впрочемъ онъ только повто-
ряетъ старинное, пошлое сравненіе этихъ двухъ образовъ письма,

Многія мѣста въ Геродотѣ, Діодорѣ Сицилійскомъ, Св. Климентѣ Александрійскомъ, показываютъ, что Египтяне употребляли два или три рода письма, и что по-крайней-мѣрѣ въ одномъ изъ нихъ символическіе или живописные знаки идей играли важную роль. Гораполонъ даже сохранялъ намъ смыслъ нѣкоторыхъ изъ этихъ знаковъ; такимъ образомъ извѣстно, что *кречетъ* означалъ душу; *ибисъ* сердце; *горлица* (что, конечно, довольно странно) челоуѣка вспылчиваго; *флейта* челоуѣка помѣшаннаго; число *шестнадцатъ* сладострастіе; *лягушка* челоуѣка неблагоразумнаго; *муравей* знаніе; *петля* любовь. и прочая, и прочая.

Знаки, сохраненные такимъ образомъ Гораполлономъ, составляли только весьма малую часть восьми или девяти сотъ знаковъ замѣченныхъ въ надписяхъ на монументахъ. Новѣйшіе писатели, между прочими Кирхеръ, старались увеличить число ихъ. Усилія ихъ не произвели никакихъ полезныхъ результатовъ: они показали только, до чего доходятъ люди, даже весьма ученые, когда въ изысканіи фактовъ они предаются своему воображенію. За неимѣніемъ данныхъ.

сравненіе, которое многіе, еще прежде его, дѣлали невникнувъ въ существо вопроса. Жаль, что въ числѣ людей, занимавшихся толкованіемъ іероглифовъ не было ни одного знатока Китайскаго языка. Клапротъ, конечно, зналъ его, но онъ искажалъ духъ Китайскаго языка, чтобы приспособить его къ своимъ системамъ, и занимался Коптскимъ языкомъ и іероглифами только для того, чтобы поперечить Шампольону-Младшему. Между-тѣмъ, по насъ, не подлежитъ сомнѣнію, что между Китайскимъ письмомъ и Египетскими іероглифами нѣтъ ничего общаго, ни въ происхожденіи ни въ системѣ: письмо Китайцевъ есть непосредственный и необходимый результатъ духа ихъ языка, который былъ бы совершенно непоятенъ, если бы его писать иначе, тогда какъ система іероглифовъ есть произвольная выдумка, несколько не необходимая по свойству Египетскаго языка; родъ игры въ ребусы, которыхъ отгадываніе вполне извѣстно было однимъ адептамъ. Такимъ образомъ разность между этими двумя системами состоитъ въ томъ, что одна изъ нихъ неизбежность, а другая ипалость. Мы рассмотримъ этотъ вопросъ въ другое время. Что касается до разности, находящейся Г-мъ Араго между Юнговымъ открытіемъ законовъ столкновенія лучей и его же системою толкованія іероглифовъ, эта разность натягута и можетъ быть убѣдительною только для народнаго тщеславія. Мы совершенно выпустимъ и ее. *Б. для Ч.*

истолкованіе Египетскихъ іероглифовъ, съ давняго уже времени, казалось всѣмъ разсудительнымъ людямъ задачей почти неразрѣшимую, какъ въ 1799 году Г. Буссаръ, Французскій инженеръ, принадлежавшій къ Бонапартовой экспедиціи, производя разысканія въ окрестностяхъ Розетты, нашель широкій камень, покрытый надписью трехъ различныхъ грамотъ. Одна часть надписи была на Греческомъ языкѣ; изъ нея, несмотря на поврежденія, узнали, что на этомъ памятникѣ одна и та же надпись изображена тремя различными родами письма, — священными, или іероглифическими Египетскими знаками, гражданскою грамотою и наконецъ Греческими буквами. Такимъ образомъ, по совершенно неожиданному счастью, получили Греческій текстъ съ переводами на Египетскій языкъ, или по-крайней-мѣрѣ Греческій текстъ, переписанный двумя системами знаковъ, бывшими некогда въ употребленіи на берегахъ Нила.

Этотъ Розетскій камень, сдѣлавшійся столь знаменитымъ, былъ взятъ Англичанами въ то время какъ Французы удалились изъ Египта. Онъ находится нынѣ въ Лондонскомъ Музеумѣ. Важность Розетской надписи поразила ученыхъ Каирскаго Института, и они передъ отъѣздомъ изъ Египта сдѣлали съ нея нѣсколько рисунковъ и снимковъ изъ алебаstra и сѣры.

Одинъ изъ знаменитѣйшихъ Европейскихъ ориенталистовъ, Г. Сильвестръ де-Саси, первый выступилъ въ 1802 году на поприще, которое эта двуязычная надпись открывала изысканіямъ филологовъ. Но онъ занимался только гражданскимъ Египетскимъ текстомъ. Онъ открылъ группы, представляющія разныя собственныя имена и ихъ азбучное свойство. Изъ этого видно, что по-крайней-мѣрѣ въ одной изъ Египетскихъ системъ письма, были знаки звуковые, то есть, настоящія буквы. Этотъ важный результатъ не подлежитъ уже сомнѣнію съ тѣхъ поръ какъ одинъ Шведскій ученый, Г. Акерbladъ, усовершенствовавъ трудъ Г. Саси, опредѣлилъ съ вѣроятностью, близкою къ достовѣрности, азбучное значеніе каждаго изъ знаковъ употребленныхъ для означенія собственныхъ именъ, содержащихся въ Греческомъ текстѣ.

Оставалась чисто іероглифическая часть надписи, или по-крайней-мѣрѣ та, которую почитали іероглифическою. Она

казалась неприкосновенною; никто не осмѣливался попытаться разобрать ее.

Тутъ Томасъ Юнгъ, какъ-бы по вдохновенію, объявляетъ, что во множествѣ знаковъ высѣченныхъ на камнѣ и представляющихъ или цѣлыхъ животныхъ, или какія-нибудь фантастическія предметы, или произведенія искусствъ и геометрическія фигуры, тѣ изъ нихъ, которыя заключаются въ некотораго рода четырехугольныхъ бантахъ, соответствуютъ собственнымъ именамъ въ Греческой надписи; особенно имени Птолемея, которое осталось цѣло въ іероглифической надписи. Вслѣдъ за этимъ Юнгъ призналъ, что знаки заключающіеся въ такихъ четырехугольникахъ, или патронахъ, *cartouche*, представляютъ не идеи а звуки; наконецъ подробнымъ и тщательнымъ разборомъ онъ старался опредѣлить, который именно звукъ соответствуетъ такому-то звуку слова «Птоломей» на Розетскомъ камнѣ, или «Береника» на другомъ памятникѣ. Но мысль, что эти четырехугольные банты, или патроны, заключаютъ въ себѣ собственные имена, изображенныя по азбучной системѣ, отнюдь не нова; еще въ 1766 году Дегинъ, въ печатной запискѣ, утверждалъ, что всѣ патроны въ іероглифическихъ надписяхъ содержатъ въ себѣ собственные имена. Этотъ ученый оріенталистъ, подкрѣпляя свое мнѣніе доводами, ссылался на подобный обычай, существующій у Китайцевъ. Послѣ него, объ этомъ догадывались Аккербладъ и сиръ Генри Сольтъ, Англійскій генеральный консулъ въ Египтѣ, который занимался іероглифами гораздо прежде, чѣмъ Шамполіонъ сталъ объ нихъ думать и въ то же самое время какъ Юнгъ въ Лондонѣ разбиралъ патроны. Изъ этого видно, что не Юнгу принадлежитъ пустая честь перваго открытія такой вещи, въ которой каждый болѣе или менѣе не сомнѣвался; но онъ первый въ Европѣ серьезно занялся разложеніемъ знаковъ, заключающихся въ патронахъ, на буквы, чтобы придать азбучное значеніе іероглифамъ, изображающимъ на Розетскомъ камнѣ слово «Птоломей».

Въ этомъ разысканіи, какъ и во всѣхъ своихъ занятіяхъ, Юнгъ явилъ доказательства своей удивительной провицательности, но онъ не могъ побѣдить всѣхъ трудностей. Такъ напруивръ, онъ иногда приписывалъ іероглифамъ значеніе

одной буквы, иногда цѣлаго слога, или даже двухъ. Отрывокъ азбуки, изданный Юнгомъ, заключалъ въ себѣ много и справедливаго и ложнаго. Слѣдуя этой системѣ Юнгъ находилъ на одномъ памятникѣ имя *Арсиное*, между-тѣмъ, какъ Шамполіонъ показалъ, что тутъ слово *самодержецъ* (autocrat), и читалъ имя *Эверчетъ*, въ патронѣ, гдѣ было изображено слово *Кесарь*. Между-тѣмъ въ его трудѣ много весьма удачнаго и Шамполіонъ-Младшій, принявъ систему Юнга и воспользовавшись его первыми открытіями, развилъ съ большимъ искусствомъ и даже усовершенствовалъ науку чтенія Египетскихъ собственныхъ именъ. Мы говоримъ, собственныхъ именъ, потому что мнимая наука чтенія мистическихъ письменъ древняго Египта заключается, пока, только, въ этомъ. Доля Шамполіона въ этомъ ученѣмъ предпріятіи весьма блистательна и достойна всякаго уваженія; никто не можетъ ея отнять у него; и въ знаменитомъ спорѣ о первенствѣ открытія всѣ были неправы. Ни Юнгъ, ни Шамполіонъ, не могли открыть того, что было извѣстно до нихъ и что утверждали многіе изъ ихъ современниковъ. Шамполіонъ гораздо болѣе Юнга сдѣлалъ для разбиранія патроновъ, но онъ погрѣшилъ по слабой сторонѣ своего характера, скажемъ откровенно, шарлатанствомъ, котораго онъ былъ не чуждъ. Онъ умолчалъ о томъ, чѣмъ обязанъ Англійскому ученому, и провозглашалъ, будто самъ онъ разобралъ всѣ буквы Египетской азбуки, между-тѣмъ какъ онъ заимствовалъ у Юнга все, что у него было доказаннаго. Въ энтузіазмѣ успѣха, Шамполіонъ слишкомъ далеко простеръ свои надежды, и впалъ въ тѣ же противорѣчія какъ Юнгъ: извѣстно, что онъ утверждалъ, будто-бы свободно можетъ читать *всѣ* Египетскіе тексты, и до какихъ парадоксовъ довело его это насильственное растяженіе первоначальнаго правила. Всѣ безпристрастные люди должны отдать справедливость Юнгу, признавъ, что онъ началъ съ успѣхомъ то, что съ успѣхомъ довершилъ Шамполіонъ Младшій.

Предѣлы этой статьи не позволяютъ мнѣ даже привести заглавія многочисленныхъ твореній Юнга*. Между-тѣмъ для его славы довольно было бы одного этого богатаго каталога.

* Съ этого мѣста начинаются опять слова Г. Араго. *Б. для Ч.*

Кто бы, читая хотя слѣдующій списокъ, не подумалъ, что я изчисляю труды, не одного человека, а цѣлой академіи.

Записка о железныхъ заводахъ.

Опыты о музыкѣ и живописи.

Изысканія о нравахъ пауковъ и системѣ Фабриція.

О прочности мостовыхъ арокъ.

Объ атмосферѣ Луны.

Описаніе шаромещащей черты.

Математическая теорія эпициклондальныхъ кривыхъ линій.

Возстановленіе и переводъ разныхъ Греческихъ надписей.

О средствахъ укрѣпить плотничную часть постройки кораблей.

О біеніи сердца и артерій, при круговращеніи крови.

Теорія приливовъ.

О треніи въ осяхъ машинъ.

О желтой лихорадкѣ.

О вычисленіи затмѣній.

Грамматическіе опыты, и прочая, и прочая.

Казалось бы, что произведенія столь многочисленныя, столь разнообразныя, требовали уединенной и трудолюбивой жизни одного изъ тѣхъ ученыхъ, которыхъ порода, правду сказать, переводится; которые съ ранней юности разводятся съ современниками и совершенно погребаются въ своемъ кабинетѣ. Томасъ Юнгъ, напротивъ того, былъ какъ говорится, человекъ свѣтскій. Онъ постоянно посѣщалъ самыя блестяшія въ Лондонѣ общества. Пріятность его ума и любезность обращенія одни уже были бы достаточны, для того чтобы обратить на него вниманіе; но представьте себѣ эти шумныя общества, въ которыхъ въ нѣсколько минутъ переговорахъ о пятидесяти различныхъ предметахъ, и вы легко вообразите, какъ высоко должны были цѣнить тамъ настоящую живую бібліотеку, гдѣ всякой могъ находить ясный, вѣрный, точный, ученый, отвѣтъ на вопросы обо всѣхъ возможныхъ предметахъ.

Юнгъ много также занимался Искусствами. Многія изъ его записокъ тамошнихъ, свидѣтельствуютъ о глубокихъ познаніяхъ въ музыкѣ, которыя онъ приобрѣлъ съ раннихъ лѣтъ. Объ его талантахъ въ исполненіи я говорить не стану, потому что есть только два инструмента, на которыхъ онъ не учился играть, но не знаю какіе именно. Склонность его къ жи-

вопись развивалась въ то время , какъ онъ жилъ въ Германіи : тамъ онъ совершенно углубился въ изученіе превосходной Дрезденской галлерей , не потому чтобы , видя работу какого-нибудь художника , умѣть сказать его имя : его постепенно занимали естественныя качества и недостатки высшихъ художниковъ , частыя переменны ихъ манеры , матеріальныя средства , которыя они употребляли въ дѣло , измѣненія , которыя эти матеріалы , между прочимъ яраки , претерпѣваютъ отъ дѣйствія времени . Однимъ словомъ Юнгъ изучилъ въ Саксоніи живопись точно такъ же , какъ въ своемъ отечествѣ изучалъ онъ языки и въ послѣдствіи науки . Впрочемъ для него все было предметомъ изысканій и размышленій . Университетскіе товарищи этого знаменитаго человека помнятъ забавный примѣръ подобнаго расположенія ума . Они рассказываютъ , что однажды войдя въ его комнату въ Эдинбургѣ , вскорѣ послѣ того какъ онъ взялъ первый урокъ минуэта , они увидѣли , что онъ съ циркулемъ въ рукъ проворно чертитъ фигуры танца и размышляетъ объ улучшеніяхъ , которыя можно было бы въ нихъ произвести .

Изъ секты квакеровъ , къ которой онъ сначала принадлежалъ , Юнгъ почерпнулъ мнѣніе , что врожденныя способности дѣтей со всѣмъ не такъ различны между собою , какъ обыкновенно полагаютъ . Любимымъ его правиломъ было : «Каждый человекъ можетъ сдѣлать то , что сдѣлалъ другой!» Самъ онъ никогда не уклонялся отъ испытаній , которымъ подвергали его правило . Въ первый разъ , какъ онъ ѣздилъ верхомъ , съ внукомъ Г . Баркляя , берейторъ , сопровождавшій ихъ , перескочилъ на лошади черезъ высокій заборъ . Юнгъ попытался сдѣлать то же , и уналъ шаговъ на десять ; онъ сдѣлалъ второй опытъ , и также не усидѣлъ на сѣдлѣ , но не упалъ , потому что удержался за голову лошади . Въ третій разъ маленькой квакеръ въ сплу своего правила сдѣлалъ то , что *могъ дѣлать и другой* . Я говорю здѣсь объ этомъ потому , что Юнгъ неразъ дѣлалъ подобныя попытки сначала въ Эдинбургѣ , потомъ въ Гёттингенѣ . Въ первомъ изъ этихъ городовъ Юнгъ , въ самое короткое время , выучился скакать на канатъ , не хуже записнаго плясуна , а въ Гёттингенѣ , тоже вслѣдствіе пари , онъ приобрѣлъ удивитель-

ное искусство вольтижировать на лошади, такъ, что могъ бы поспорить съ знаменитѣйшими вѣдоками Франкони. Такимъ образомъ тѣ, которые любятъ контрасты, могутъ представить себѣ съ одной стороны Ньютона, робкаго Ньютона, который, боясь упасть, ѣздилъ въ каретѣ не иначе, какъ разширивъ ноги и держась обѣими руками за дверцы, а съ другой знаменитаго его соперника стоящаго на двухъ лошадяхъ съ безпечною и самоувѣренностью вольтижера по ремеслу.

Въ Англии врачъ, который не хочетъ лишиться всей своей практики, не долженъ заниматься ни какими учеными или литературными разысканіями, не касающимися до врачебныхъ наукъ. Юнгъ долго покорялся этому предразсудку, и творенія его являлись безъ имени автора. Эта завѣса невѣстности была впрочемъ довольно прозрачна: Юнгъ означалъ всѣ свои сочиненія постепенно двумя послѣдовательными буквами какого-то Латинскаго девиза; но онъ сообщалъ этотъ девизъ всѣмъ своимъ знакомымъ и пріятелямъ, не дѣлая ни какой тайны. Притомъ, кто же могъ не знать, что знаменитый авторъ теоріи столкновения лучей былъ секретаремъ Королевскаго Общества Ученыхъ въ Лондонѣ по иностранной перепискѣ, что онъ читалъ въ Королевскомъ Институтѣ курсъ Математической Физики; что онъ вмѣстѣ съ сирь Гомфри Деви издавалъ ученые журналы, и прочая, и прочая? И надобно сказать, что онъ скрывалъ свое имя только при изданіи небольшихъ записокъ. Въ важныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при изданіи двухъ томовъ въ четверку, въ восемь или девять сотъ страницъ каждый, въ которыхъ всѣ вѣтви Естественной Философіи обработаны столь новымъ, столь глубокомысленнымъ образомъ, самолюбіе автора заставило забыть выгоды врача; Юнгъ отложилъ двѣ курсивныя очередныя буквы, которыхъ было бы не довольно на заглавномъ листѣ такого колоссальнаго творенія, и крупными литерами выставилъ свое имя.

Юнгъ никогда не имѣлъ большой медицинской практики ни въ Лондонѣ, ни въ Вортингѣ, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ время морскихъ купаній. По мнѣнію публики, онъ былъ слишкомъ ученъ! Надобно даже признаться, что его

врачебные курсы, например лекции, которые читал онъ въ Сентъ-Джорджскомъ госпиталѣ, имѣли мало посѣтителей. Чтобы объяснить эту страшность, говорили, что преподаваніе его было слишкомъ учено, слишкомъ высоко для обыкновенныхъ умовъ. Но мнѣ кажется, что недостатокъ успѣха лекцій Юнга надобно приписать необыкновенной откровенности, съ которой онъ говорилъ о непреодолимыхъ затрудненіяхъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу при изученіи многоразличныхъ разстройствъ нашей шаткой машины.

Въ наше время, когда всякой хочетъ скорѣе и безъ труда достигъ цѣли, профессоръ Медицины не могъ бы имѣть много слушателей, если бы онъ началъ первую свою лекцію слѣдующими словами, которыя заимствую я у доктора Юнга:

«Нѣтъ ни какой науки, которая бы была сложнѣе Медицины. Врачи, которые бросаются впередъ, не стараясь «достигнуть того, что видятъ, поступаютъ точно такъ же какъ люди, предающіеся преждевременному умозаключенію по наблюденіямъ, не подающимъ ни какой аналогіи». «И если бы потомъ профессоръ прибавилъ: «Въ лотереяхъ Медицины, тотъ кто имѣетъ десять билетовъ, конечно скорѣе можетъ надѣяться на выигрышъ, чѣмъ тотъ у кого ихъ пять.» Если бы слушатели, которыхъ первая фраза «не обратила въ бѣгство, и думали, что они играютъ въ лотерею, наврядъ ли они стали бы стараться достать какъ можно болѣе билетовъ, или, объясняя мысль Юнга, приобрести какъ-можно болѣе познаній.

Несмотря на всѣ свои познанія, а можетъ-быть именно по причинѣ ихъ многочисленности, Юнгъ былъ робокъ у постели больного. Тутъ пагубныя дѣйствія, могущія случайно произойти отъ самаго приличнаго лекарства, толпою представлялись уму его, перевѣшивали полезное дѣйствіе, котораго можно ожидать отъ этого лекарства, и повергали его въ нерѣшимость, конечно весьма естественную, но которой публика не любитъ. Эта же робость замѣтна и въ сочиненіяхъ Юнга по части Медицины. Этотъ человѣкъ, столь замѣчательный по смѣлости своихъ ученыхъ соображеній, сообщаетъ тогда одни голые факты. Не видишь, увѣренъ ли онъ въ правости своего дѣла, даже когда нападаетъ на

знаменитаго доктора Радклея, котораго тайна, въ самой счастливой и блистательной практикѣ состояла, по собственнымъ словамъ его, въ томъ что онъ приписывалъ лекарства наперекоръ здравому смыслу; или когда борется съ докторомъ Броуномъ, который, говорить онъ, разсматривая официальные документы больницы, ввѣренной искуснымъ врачамъ нашелся въ неприятной необходимости признать, что вообще лихорадки, предоставленныя собственному своему теченію, не опаснѣе и не продолжительнѣе, чѣмъ когда ихъ лечатъ по наилучшимъ методамъ.

Въ 1818 году Юнгъ былъ назначенъ секретаремъ Комитета Географическихъ Долготъ, и почти совершенно оставилъ медицинскую практику, занявшись мелочнымъ смотрѣніемъ за знаменитымъ «Морскимъ Мѣсяцословомъ», *Nautical Almanac*. Съ того времени въ «Журналъ Королевскаго Института» каждую треть появлялись многочисленныя диссертации о важнѣйшихъ предметахъ мореходства и Астрономіи. Сверхъ того, томъ, подъ заглавіемъ — *Illustrations of celestial mechanics of Laplace*, глубокомысленныя разсужденія о приливахъ, и прочая, достаточно доказывали, что онъ принялъ мѣсто не съ тѣмъ, чтобы ничего не дѣлать. Между-тѣмъ это мѣсто было для него источникомъ безчисленныхъ неприятностей. Морской Мѣсяцословъ былъ до того времени книгою, исключительно назначенною для флота. Многіе желали, чтобы въ немъ помѣщались также астрономическія эфемериды. Комитетъ долго на это не соглашался, и вопросъ сдѣлался предметомъ жесточайшихъ нападеній. Журналы всѣхъ партій, Вири и Тори, вступили въ бой. Общество, которое состояло изъ Деви, Волластоновъ, Юнговъ, Гершелей, Кетеровъ и Пондовъ, представляли толпою людей, я привожу собственныя слова, «повинующихся Віотійскимъ внушеніямъ»; Морской Мѣсяцословъ, прежде столь знаменитый, стали называть поношеніемъ Англійской націи. Если въ немъ находили опечатки, какія бывають и всегда будутъ въ книгахъ гдѣ много цифръ, то кричали, что весь Англійскій флотъ, отъ малѣйшей шлюбки до линейнаго корабля, обманутый этою ошибочной цифрою, подвергается величайшей опасности, погибнетъ въ пучинахъ океана, и такъ далѣе.

Говорятъ, будто главный виновникъ этихъ смѣшныхъ преувеличеній замѣтилъ въ Морскомъ Мѣсяцесловѣ всѣ эти страшныя погрѣшности только послѣ тщетнаго покушенія попасть въ члены Комитета Долготъ. Не знаю, справедливо-ли это. Во всякомъ случаѣ не хочу быть эхомъ злословныхъ толковъ, порожденныхъ этимъ споромъ; не могу умолчать, что членъ Королевскаго Общества Ученыхъ, о которомъ это говорили, уже нѣсколько лѣтъ посвящаетъ успѣхамъ наукъ часть своего богатства. Правда, что этотъ астрономъ, достойный всякаго уваженія, смотрѣлъ въ увеличительное стекло на важность своихъ проектовъ: это бы еще не бѣда; но ему непростительно было, не предвидѣть, что его полемическія преувеличенія будутъ приняты за истинныя его мнѣнія; непростительно забыть, что во всѣхъ времена и во всѣхъ странахъ бываетъ множество людей, которые, стыдясь своего ничтожества, съ радостью хватаются за всякій предлогъ къ соблазну и, подъ личиною общаго блага, съ наслажденіемъ дѣлаются Зоилами тѣхъ изъ своихъ современниковъ, которые славятся успѣхами. Въ Римѣ чловѣкъ, которому поручалось оскорблять триумфатора, былъ по-крайней-мѣрѣ невольникъ; въ Лондонѣ членъ Нижней Палаты наносилъ жестокія оскорбленія знаменитымъ ученымъ. Извѣстный этотъ ораторъ нападалъ на прекраснѣйшія въ Англіи имена, и съ смѣшною важностью въ полномъ собраніи парламента, взводилъ на нихъ нелѣпыя обвиненія. Министры, которые разглагольствовались бы нѣсколько часовъ о правахъ какого-нибудь гнилаго мѣстечка, не сказали ни слова въ защиту генія; и Комитетъ Долготъ, безъ всякой оппозиціи, уничтоженъ. На другой же день потребности безчисленнаго флота возвысили свой повелительный голосъ, и одинъ изъ обобранныхъ ученыхъ, бывший секретарь Комитета, докторъ Юнгъ, снова возвращенъ къ прежнимъ занятіямъ. Безсильное вознагражденіе! Ученый не менѣе того разлученъ со своими знаменитыми сочленами. Чловѣкъ благородный не менѣе того слышалъ, какъ высокіе плоды ума чловѣческаго цѣнились представителями народа на гиней, шеллинги и пенсы, какъ сахаръ, перецъ и корица!

Съ этого горестнаго времени здоровье Юнга, и безъ того уже ослабленное, стало видимо разстроиваться. Искусные

врачи, пользовавшіе его, вскорѣ лишились всякой надежды. Онъ самъ сознавалъ близость своей кончины, и ждалъ ея съ удивительнымъ спокойствіемъ. До послѣдней минуты онъ безпрестанно занимался Египетскимъ Словаремъ, который тогда печатался и вышелъ уже послѣ его смерти. Когда уже силы не позволяли ему встать и писать перомъ, онъ съ карандашемъ въ рукѣ читалъ корректуру. Однимъ изъ послѣднихъ дѣйствій его жизни была просьба, которою онъ убѣждалъ одного изъ своихъ пріятелей, чтобы тотъ не издавалъ брошюрки, написанной противъ всѣхъ содѣйствовавшихъ въ уничтоженіи Комитета Долготъ.

Десятаго мая 1829, Юнгъ, едва пятидесяти шести лѣтъ отъ роду, скончался окруженный своимъ семействомъ, которое обожало его.

При вскрытіи тѣла оказалось, что у него большая біющая жила окостенѣла.

Если я не слишкомъ неудачно исполнилъ свое дѣло, если я выставилъ, какъ мнѣ хотѣлось, всю новостъ превосходной теоріи столкновенія лучей, Юнгъ долженъ быть въ глазахъ моихъ читателей однимъ изъ знаменитѣйшихъ людей, какими только гордится Англія. Каждый уже конечно думаетъ опочестяхъ, возданныхъ творцу столь прекраснаго открытія. Къ сожалѣнію я долженъ сказать, что эта дума несправедлива. Смерть Юнга не произвела на его соотечественниковъ большаго впечатлѣнія. Ворота Вестминстера, такъ часто доступныя для посредственности, не отворились для чловѣка гениальнаго. Останки Томаса Юнга положены въ деревнѣ Фарнборо, въ скромномъ склепѣ родныхъ жены его. Равнодушіе Англійскаго народа къ трудамъ, столь важнымъ для собственной его славы, странно и довольно рѣдко, любопытно узнать причину.

Я бы показался неискреннимъ и былъ бы панегиристомъ, а не историкомъ, если бъ не признался, что Юнгъ вообще слишкомъ мало щадилъ понятливость своихъ читателей; что большая часть твореній, которыми науки ему обязаны, грѣшатъ нѣкоторою темностью. Однако жъ забвеніе, въ которомъ они были доселѣ оставлены, не могло происходить отъ одной этой причины.

Науки точныя имѣютъ передъ произведеніями искусства и воображенія преимущество, которое неразъ было замѣчаемо. Истины, изъ которыхъ онѣ состоятъ, проходятъ въ-ка, не теряя ничего ни отъ прихотей моды, ни отъ измѣнений вкуса. Но зато много ли судей найдешь, когда подынешься до извѣстной высоты? Ришлѣ выпустилъ на Корнеля стаю людей, которыхъ чужія достоинства приводятъ въ бѣшенство; Парижане освистали клеветовъ завистливаго кардинала и рукоплескали поэту. Геометръ, астрономъ, физикъ, занимающіеся высшими частями науки, никогда не дождутся подобнаго вознагражденія. Истинныхъ цѣнителей у нихъ во всей Европѣ не болѣе восьми или десяти. Предположите, что эти цѣнители равнодушны, пристрастны, завистливы, — и это бывало, — публика, принужденная вѣрить имъ на слово, никогда не узнаетъ что д'Аламберъ связалъ великій феноменъ равенства со всеобщимъ тяготѣніемъ; что Лагранжъ отыскалъ физическую причину коловращенія Луны; что со временъ Лапласа извѣстно, что ускореніе движенія этого сѣтила зависитъ отъ измѣненія въ орбитѣ земли, и прочая, и прочая. Ученые журналы, когда они составляются людьми, которые пользуются уваженіемъ публики, пріобрѣтаютъ такимъ образомъ въ иныхъ вещахъ вліяніе, часто пагубное. Таково было вліяніе, которое неразъ производило на публику *Edinburgh Review*.

Въ числѣ первыхъ сотрудниковъ этого знаменитаго журнала былъ некогда молодой писатель, Г. Брумъ, напитанный глубокимъ уваженіемъ къ трудамъ Ньютона. Къ несчастію, это чувство, столь естественное, столь законное, заставило его забыть, какъ много замысловатаго, плодотворнаго въ теоріи столкновенія лучей. Быть-можетъ, Юнгъ, излагая эту теорію, не всегда облакалъ свои рѣшенія, свои критики на Ньютона, формами вѣжливости, которая никогда не портитъ праваго дѣла, и которая была непремѣннымъ долгомъ со стороны человѣка съ умомъ столь возвышеннымъ, какъ авторъ «Естественной Философіи». Онъ подвергся, и даже слишкомъ, закону возмездія. *Edinburgh Review* напалъ на ученаго, писателя, геометра, испытателя природы, съ горячностью, съ рѣзкостью выражений, почти беспримѣрными въ ученыхъ преніяхъ. Публика

обыкновенно остерегается, когда съ нею говорить лзыками, такими страстными. Но въ этотъ разъ она, не разсматривая дѣла, приняла мнѣнія журналиста, и ес нельзя было упрекать въ легкомысліи. Дѣло въ томъ, что этотъ журналистъ былъ не одинъ изъ тѣхъ безбородыхъ аристарховъ, которые, не учившись, принимаютъ судить и рядить. Многія весьма хорошія записки, принятія Королевскимъ Обществомъ Ученыхъ, доказывали его познанія въ Математикѣ и доставили ему почетное мѣсто въ числѣ физиковъ, которымъ опытная Оптика была обязана своими успѣхами. Лондонскіе адвокаты считали его въ числѣ своихъ корифеевъ, Виги Нижней Палаты видѣли въ немъ пылаго оратора, который въ парламентскихъ преніяхъ будетъ часто счастливымъ противникомъ Каннинга. Съ этими правами на славу, Г. Брумъ восторжествовалъ, и имѣлъ печальное наслажденіе убить въ глазахъ своихъ соотечественниковъ высочайшую ученую славу своего вѣка.

Что можно противопоставить несправедливымъ критикамъ, которыя поддерживаются такимъ сильнымъ авторитетомъ. Я знаю, какую твердость почерпаютъ иные въ созерцаніи правости своего дѣла и въ убѣжденіи, что истина рано или поздно восторжествуетъ; но большая часть людей поддаются цдеѣ, неразлучной съ нашею природою, и которую можно перевести слѣдующимъ пошлымъ выраженіемъ: Что мнѣ до имени, когда я его уже не слышу! Принужденный отказаться отъ своего вѣрованія въ движеніе зсмли, Галилей, послѣ своего отреченія, говоритъ вполголоса: *E pur si muove!* Однако жъ она движется; но въ этихъ словахъ не надобно искать мысли, обращенной къ будущности: они только выраженіе жестокой досады, которая мучила знаменитаго старика. Юнгъ также въ нѣсколькихъ страничкахъ, которыя издалъ онъ въ отвѣтъ на *Edinburgh Review*, явилъ великое уныніе. Живость, рѣзкость выраженій, не могли скрыть чувства, которое его тяготило. Впрочемъ, поспѣшимъ сказать что ему отдана уже справедливость: нѣсколько лѣтъ уже ученый міръ видитъ въ немъ одного изъ величайшихъ людей нашего времени. Позднее вознагражденіе началось во Франціи, — это признаеть съ удовольствіемъ самъ Юнгъ. Я долженъ

прибавить, что за долго до этого времени, когда еще учение о столкновении лучей не имело приверженцевъ ни въ Англии, ни на твердой землѣ, Юнгъ находилъ въ собственномъ своемъ семействѣ особу, которая понимала его и которой одобрение должно было бы утѣшить ученаго въ несправедливости публики. Эта особа, которой физики всей Европы обязаны признательностью, извинить меня, если я довершу свою нескромность.

Въ 1816 году я ѣздилъ съ ученымъ моимъ другомъ, Г. Гелюссакомъ, въ Англию. Въ то время Френель выступилъ на ученое поприще со своею запискою о преломлении лучей. Это произведение, въ которомъ, по нашему мнѣнию, заключался важный опытъ, несогласимый съ Ньютоновою теоріею свѣта, весьма естественно сдѣлалось первымъ предметомъ въ разговорахъ нашихъ съ докторомъ Юнгомъ. Мы удивлялись, видя, что онъ старается умѣрнить наши похвалы открытію Френеля. Наконецъ онъ объявилъ намъ, что опытъ, который намъ такъ нравится, описанъ еще въ 1807 году въ его «Трактатѣ Естественной Философіи». Это утверждение показалось намъ несправедливымъ. Оно сдѣлало нашъ разговоръ мелочнымъ и продолжительнымъ. Г-жа Юнгъ была при этомъ, и не обращая по-видимому ни какого вниманія на наши споры; но, какъ мы знали, что смѣшной страхъ прослыть учеными женщинами и пріобрѣсть странное прозваніе *синихъ чулокъ*, заставляетъ Англійскихъ дамъ быть чрезвычайно осторожными при постороннихъ, то неучтивость наша поразила насъ только тогда, когда Г-жа Юнгъ вдругъ вышла изъ комнаты. Мы начали извиняться передъ ея мужемъ, какъ вдругъ она возвратилась съ огромнымъ инкварто подъ мышкою. То былъ первый томъ «Трактата Естественной Философіи». Она положила его на столъ, открыла, не говоря ни слова, на страницѣ 787, и указала намъ пальцемъ фигуру, въ которой криволинейный путь отраженныхъ лучей, — предметъ нашего спора, — былъ доказанъ теоретически.

Надѣюсь, что мнѣ простятъ эти мелкія подробности. Многочисленные примѣры пріучили людей почитать несправедливость, гоненія, нищету, обыкновенною наградою

тѣхъ, которые, не щадя трудовъ, посвящаютъ всю жизнь свою развитію чловѣческаго разума: необходимо указывать на исключенія, когда они представляются. Если мы хотимъ, чтобы юношество съ жаромъ предавалось умственнымъ трудамъ, то должны показывать ему, что великія открытія могутъ быть совмѣстны то же съ спокойствіемъ и благополучіемъ. Вырвемъ даже, если можно, изъ исторіи наукъ столько страницъ, которыя помрачаютъ блескъ ея. Постараемся убѣдить себя, что въ темницахъ инквизиціи дружественный голосъ нашептывалъ Галилею похвалы, которыя потомство готовило его памяти; что Борелли, еще не переселяясь въ богадельню, въ которой онъ умеръ, находилъ въ Римѣ и кровлю, чтобы укрыться отъ непогоды, и солому, чтобы отдохнуть на ней; и что Кеплеръ, великій Кеплеръ, никогда не зналъ терзаній голода!

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

БРАЧНЫЯ КОНТОРЫ.

Духъ предприимчивости и спекуляціи дѣлаеть у насъ такіе успѣхи, что мы скоро будемъ даже жениться посредствомъ компаній, брать акціи на невѣсту съ миллиономъ приданаго, какъ беремъ на долговѣчность трусящихъ смерти и на осторожность пьяныхъ слугъ съ огнемъ. Послѣ компаній для грязныхъ колясочекъ, компаній для переводныхъ романовъ и Богъ-вѣсть еще какихъ компаній, естественнымъ образомъ надобно ожидать скорого появленія компаній трезвости и брачныхъ конторъ.

Мы увѣрены, что есть многіе, которые были бы готовы услужить публикѣ и себѣ сватальными заведеніями, и многіе, которые желали бъ приобрѣсть богатую жену по билетамъ для входа на выставку невѣсть, такъ же легко, какъ иной беретъ кухарку или гувернантку изъ Справочнаго мѣста, но послѣднихъ удерживаетъ совершенное отсутствіе брачныхъ конторъ, а первые встрѣчаютъ преграду своей предприимчивости въ недостаткѣ свѣдѣній о правилахъ, устройствѣ и образѣ дѣйствованія подобныхъ заведеній. Изложить начала, на которыхъ основывается эта полезная промышленность у народовъ, опередившихъ насъ на поприщѣ образованности, значитъ чувствительно одолжить обѣ стороны.

Какъ компаніи для застрахованія на жизнь надобно изучать въ Англіи, точно такъ же брачныя конторы должны быть наблюдаемы во Франціи, и именно въ Парижѣ, гдѣ онѣ доведены до совершенства подъ именемъ Bureau de confiance или Bureau d'agence matrimoniale.

Попытаемся описать одну из таких конторъ, съ тѣмъ, чтобы она могла служить образцомъ для дѣятельности нашихъ спекулянтовъ.

Кто не читалъ въ Парижскихъ журналахъ о знаменитомъ Вилломъ (Villaume) главномъ учредителѣ этого рода справочныхъ мѣстъ, и Брюнѣ, который соединялъ воду съ огнемъ, и могъ бы даже женить Гётева Мефистофеля на дѣвѣ Орлеанской? Кому не извѣстны были сѣти искушенія этихъ агентовъ Гименей, въ которыя они ловили холостяковъ и дѣвицъ, искавшихъ только денегъ въ брачномъ союзѣ? Не одну увядшую дѣву, не одного сушенанаго холостяка поймали они на удочки своихъ газетныхъ объявленій. Любопытные женихи, послѣ свадьбы, неразъ вытирали свои очки, чтобы яснѣе разглядѣть высватанныхъ имъ подружекъ, которыя въ брачныхъ конторахъ Вилльома и Брюнѣ какъ-то казались имъ и моложе и красивѣе.

Брюнѣ имѣлъ всегда лучшихъ невѣстъ въ Парижѣ: сходно съ своею фамиліею, онъ охотнѣе сваталъ брюнетокъ, но у него случались и блондинки; тутъ были и богатые, и добродѣтельныя, то есть, небогатые, и жирныя и худощавыя, и черноглазыя, и сѣроглазыя, и съ небесно-голубыми взорами. Товаръ бывалъ отличнаго качества и продавался по самымъ сходнымъ цѣнамъ. Его безкончныя связи и знакомства со всеми сословіями доставляли ему средство угодить разнообразнымъ требованіямъ и вкусу каждаго искателя, и контора посѣщалась весьма порядочными людьми; объявленія его о богатыхъ невѣстахъ всегда читались съ жадностію всеми брачными спекулянтами.

По смерти Вилльома, и по отъѣздѣ всеобщаго свата Брюнѣ съ какою-то знаменитою особою въ качествѣ секретаря, конторы ихъ перешли въ руки другихъ подобныхъ агентовъ, которые продолжаютъ это знаменитое ремесло на томъ же основаніи, то есть, на ложныхъ обѣщаніяхъ и еще наглѣйшихъ обманахъ.

Всякому случалось видѣть въ иностранныхъ газетахъ частые вызовы жениховъ для какой-нибудь богатой сироты, молодой, стыдливой и благоразумной дѣвицы. Все это объявленія брачныхъ агентовъ. Вотъ одно изъ нихъ.

«Молодая особа, лѣтъ семнадцати отъ роду, миловидной

«наружности, съ приличнымъ воспитаніемъ и 25,000 франковъ годоваго дохода, потерявъ родныхъ во время холеры, желаетъ соединить свою судьбу съ человѣкомъ хорошаго поведенія и хорошихъ родителей; она не столько обращаетъ вниманія на имѣніе жениха, сколько на его нравственныя свойства. Спросить у Г-на de Saint-Loup, въ улицѣ Сень-«Никеръ, въ домѣ подь N° 33.»

Иногда вмѣсто юной сироты предлагаютъ въ газетахъ богатую вдову. Двадцать пять тысячъ дохода — для нихъ бездѣлица. Безстыдство этихъ спекулянтовъ простирается такъ далеко, что они смѣло объявляютъ въ газетахъ о богатой и прелестной дѣвицѣ со ста тысячами франковъ дохода, которая желаетъ найти себя жениха. Но, вообще, у нихъ принято за правило, что всякая невѣста, предлагаемая въ замужство чрезъ ихъ контору, должна непременно имѣть по малой мѣрѣ на пятнадцать тысячъ франковъ приданого.

Деньги такая приманка, что на нее попадаютъ ежедневно не только глупцы и записные зѣваки столицы, но даже умные люди, даже хитрые пройдохи. О слѣпое корыстолюбіе! какъ можетъ человѣкъ, знающій цѣну деньгамъ, быть столь легкомысленнымъ, чтобы повѣрить, что дѣвицы съ приданнымъ въ тридцать, пятьдесятъ, и сто тысячъ франковъ дохода ищутъ себя чрезъ газеты мужей, и готовы кинуться въ объятія лобаго бродяги на улицѣ! Несмотря на это, и вопреки здравому разсудку, многіе вѣрятъ такого рода объявленіямъ. Бывали конечно случаи, но чрезвычайно рѣдкіе, что приданое въ пятнадцать или двадцать тысячъ франковъ капитала попадалось кому-нибудь чрезъ свадебную контору. Однажды самому Брюнѣ какъ съ неба упала дѣвица съ десятью тысячами франковъ дохода. Всеобщій свать былъ въ то время холостъ: онъ пожалѣлъ пустить въ ходъ такое сокровище, и самъ на ней женился. Такимъ образомъ Брюнѣ, во все время длиннаго своего производства по брачнымъ дѣламъ, состряпалъ однажды очень выгодный бракъ, то есть, свой собственный; но послѣ этого, онъ закрылъ контору и уѣхалъ изъ Франціи.

Вотъ порядокъ, по которому надуваютъ большую часть жениховъ. Какой-нибудь холостой человѣкъ, среднихъ лѣтъ, то есть, котораго уже не прельщаютъ смазливый личики

бѣдныхъ красавицъ, ищетъ не романтической любви въ супружествѣ, но денегъ, а въ придачу къ нимъ готовъ взять и жену. Такой человекъ, за завтракомъ въ какой-нибудь провинціальной рестораціи, читаетъ въ *Constitutionnel* или *Journal des Débats*, между статейками о продажѣ лошадей и наймѣ квартиръ, объявленіе, въ которомъ сказано, что вдова или дѣвица, съ пріятною наружностью, хорошо воспитанная, и притомъ съ двадцатью пятью тысячами франковъ дохода, ищетъ себѣ мужа. Пожилой холостякъ, прочитавъ вызовъ два и три раза, записываетъ у себя въ памятной книжкѣ улицу и номеръ дома того, къ кому надобно адресоваться для спросу, — а это и есть брачный агентъ. Потомъ, отправившись домой, онъ обдумываетъ на досугъ свои стратегическіе планы, и для перваго приступа рѣшается послать письмо въ Парижъ, адресуя его по указанію газеты.

Черезъ нѣсколько дней пожилой холостякъ получаетъ отвѣтъ содержателя брачной конторы, *monsieur de Saint-Loup*, въ которомъ этотъ пишетъ своему кліенту, что такіа деликатныя сдѣлки не производятся черезъ переписку, что обѣ стороны должны лично переговорить между собою, и что онъ покорнѣе проситъ его пріѣхать въ Парижъ и пожаловать къ нему въ контору. Въ *postscriptum* иногда прибавляется слѣдующее: «Такъ какъ вы первые сдѣлали мнѣ это предложеніе, то будьте увѣрены, что до пріѣзда вашего, которымъ прошу однако жъ поспѣшить, отклоню всѣ подобныя порученія другихъ лицъ. Имѣніе невѣсты совершенно обезпечено, частью лежитъ въ Сохранной Казнѣ на процентахъ, частью заключается въ домахъ, лѣсахъ, земляхъ, виноградникахъ и прочая. Все это совершенно свободно отъ долговъ.»

Послѣ такого отвѣта, кто бы могъ усомниться или мѣшкать въ приступѣ къ счастливому сватовству? Провинціальный холостякъ, — а брачныя конторы именно и рассчитываютъ на провинціаловъ, — тотчасъ собирается въ путь, черезъ нѣсколько дней онъ ужъ въ Парижъ, и останавливается въ лучшей тамошней гостинницѣ. Выбривъ себѣ бороду, надушась всѣми косметическими снадобьями, надѣвъ чистое бѣлье и праздничное платье, онъ отправляется къ брачному агенту, *мосяё de Saint-Loup*.

Брачная контора обыкновенно помещается въ бель-этажъ, чистаго и свѣтлаго дома, окошками на улицу. Въ передней вась встрѣчаетъ ливрейный лакей, и ведетъ въ залу, изъ которой видна цѣлая анфилада хорошо меблированныхъ комнатъ. Великолѣпные столовые часы, вазы, канделябры, зеркала, драпировка окошекъ, однимъ словомъ все показываетъ, что въ комнатахъ агента царствуетъ роскошь и утонченный вкусъ большого свѣта. Отличная библіотека въ щеголеватыхъ шкафахъ заключаетъ въ себѣ книги съ богатыми переплетами, на спинкахъ которыхъ напечатано золотыми буквами: *Physiologie du mariage*, «Физиологія супружества», сочиненіе Г. Балъзака, весьма уважаемое брачными агентами; Картины супружеской жизни, Искусство любить, Искусство нравиться, и сотни другихъ книгъ подобнаго содержанія. Развѣшанныя по стѣнамъ картины тоже представляютъ обольстительныя сцены изъ супружеской жизни. На письменномъ столѣ, покрытомъ богатымъ сукномъ, разложены бумаги и распечатанныя письма, на которыхъ покоится мраморная плитка съ золотою стрѣлою, пронзающею два сердца. Тутъ всякая вещица имѣетъ свою пару: вседвойнѣ, то есть, все изображаетъ супружескую гармонію. Между прочими принадлежностями, у брачнаго агента всегда вы найдете въ комнатахъ пару миловидныхъ дѣтей, которыя играютъ въ залѣ: за неимѣніемъ своихъ, они берутъ на прокатъ такихъ купидоновъ; чтобы при видѣ прелестныхъ малютокъ возбудить охоту къ женитьбѣ у самаго черстватаго холостяка.

Минуть черезъ десять, является брачный агентъ и просить извиненія, что заставилъ такъ долго дожидаться посетителя. «Я всегда очень занятъ, говорить онъ, такими деликатными дѣлами, что они требуютъ большой осторожности, терпѣнія и самаго пронцательнаго ума.» По такомъ предисловіи агентъ обтирается, иногда шитымъ батистовымъ платкомъ, который, по его словамъ, подаренъ ему въ знакъ памяти одною счастливою супругою, вышедшею замужъ черезъ его посредство.

Зазволивъ въ колокольчикъ, мосье de Saint-Loup приказываетъ себѣ подать бульонъ, который приндситъ ему лакей въ серебряной чашкѣ, на такомъ же подносѣ. «Куда дѣвались другіе слуги? Иванъ, Петръ, Ганри, Гюставъ?» спра-

шиваешь онъ пошеднаго лакея. На это отвѣчаетъ лакей, что Иванъ нощь коляску, Петръ пошелъ взять ложу въ Оперъ, а Ганри и Гюставъ поухали съ порученіями его, агента, къ графинѣ де-Грекуръ и маркизъ де-Карлевиль, а также разбвнять на биржѣ банковый билетъ въ шестьдесятъ тысячъ франковъ. Кого не ослѣпять, не оглушать, не опѣшать такія продѣлки брачнаго агента, и кто же не попадетса въ эти силки, такъ хитро разставленные для простодушныхъ жениховъ? Человѣкъ, подавшій бульонъ агенту, представляеть у него, въ одномъ лицѣ, лакея, кучера, камердинера, повара, скорохода и секретаря: однимъ словомъ, это вѣрный помощникъ своего господина во всѣхъ его плутняхъ и затвяхъ.

Послѣ этого надувательнаго пролога начинается настоящая комедія. Брачный маклеръ, позавтракавъ на легкую руку, и вытеревъ ротъ салфеткою, говоритъ: «Теперь я къ вашимъ услугамъ, милостивый государь. Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?» Незнакомецъ, объявивъ свое имя, фамилію, мѣсто жительства, свой родъ жизни, продолжаетъ: «Я имѣю честь адресоваться къ вамъ, вразсужденіи молодой дамы, которая желаетъ выйти замужъ черезъ ваше посредство. Могу ли надвѣяться на благорасположеніе ваше и узнать покорооче?» Агентъ, съ особенною важностію, отвѣчаетъ: «Я увѣренъ, что вы занимаете почтенное мѣсто въ обществѣ?» Въ этомъ нѣтъ ни какого сомнѣнія! — «Такъ же какъ и ваши родители и родственники?» — Конечно, отвѣчаетъ провинціалъ. — «Насчетъ вашего поведенія я не хочу и спрашивать, будучи увѣренъ, что вы ничѣмъ не запятнали себя въ обществѣ?» — Вы можете объ этомъ узнать у любого жителя моей родины! — Въ такомъ тонѣ продолжается разговоръ около четверти часа. Маклеръ поминутно спрашиваетъ, а самъ отдѣмывается двумысленностями или комплиментами. Онъ такимъ образомъ испытываетъ легковѣріе искателя, рассчитывая впередъ, какія при случаѣ взять мвры, чтобы вывернуться изъ хлопотъ и обмануть такъ, чтобъ за обманъ не пойти подъ судъ.

Разнѣживъ льстивыми словами простодушнаго жениха, онъ прибавляетъ съ притворнымъ чистосердечіемъ: «Теперь поговоримте откровенно объ этомъ дѣлѣ: если я улажу вашу

бракъ, вы знаете, что мнѣ слѣдуетъ за труды? Очень немного! Я довольствуюсь двумя процентами со всего приданого.» — Очень хорошо! отвѣчаетъ провинціалъ.

- Деньги заплатите вы мнѣ послѣ свадьбы.
- Съ великою охотою.
- Такъ и дѣло съ концемъ! Невѣста будетъ ваша.

Не пускаясь ни въ какія подробности, агентъ предварительно проситъ посетителя заплатить конторную контрибуцію: за припечатаніе въ газетахъ брачнаго вызова, за сошты и прочія извѣстія насчетъ богатой невѣсты. Эта пошлина простирается до 400, 500, 600, 700 и до 800 франковъ, смотря по легковѣрью жениха и по богатству невѣсты. Бываютъ и такіе охотники до приданого, которые платятъ агентамъ впередъ по тысячѣ франковъ. Если дѣвица не очень богата, а только честнаго поведенія, конторная контрибуція уменьшается вполонину. На женскую добродѣтель въ Парижъ нынче курсъ очень понизился. Чтобы свататься на невѣсть, имѣющей двадцать тысячъ франковъ годового дохода, платятъ женихи впередъ 400 франковъ конторнаго взноса, и получаютъ за это квитанцію. Это первая издержка. Прибавивъ къ этой суммѣ 100 франковъ, женихъ имѣетъ право въ теченіе шести мѣсяцевъ приходять въ контору, и разсматривать всѣхъ дѣвицъ и вдовъ, которыя записываются тамъ въ невѣсты. Кто не согласится, что это очень выгодно! За бездѣлицу, за 100 франковъ, вамъ предлагаютъ выборъ подружки изъ сотни невѣсть, которыя, по словамъ агента, являются въ контору на смотръ женихамъ ежедневно. За эти 100 франковъ, вы получите печатный билетъ на гербовой бумагѣ, въ которомъ написано: «Я нижеподписавшійся симъ свидѣтельствую, что получилъ отъ господина N. 500 франковъ абонимента по моему агентству. Зато обязуюсь я помянутаго господина N. представлять всѣмъ дамамъ, какъ дѣвицамъ, такъ и вдовамъ, которыя будутъ въ теченіе шести мѣсяцевъ посѣщать мою контору, и долженъ употребить всѣ свои старанія и средства, дабы помянутаго господина N. женить на той особѣ, которую онъ избрать заблагоразсудить.» Подписаль: «Брачный агентъ, Horace de Saint-Loup.»

За записку этого свидетельства въ маклерской книгѣ слѣдуетъ 10 франковъ.

Такъ облегчивъ карманъ провинціала, просить его пожаловать въ контору на другой день, а между-тѣмъ агентъ спросить у невѣсты, угодно ли будетъ ей видѣть такого-то жениха.

Въ дѣлахъ такого рода ничего не выиграешь недоверчивостью. Если напримѣръ женихъ сперва захочетъ узнать, точно ли существуетъ на свѣтѣ такая богатая дѣвица, и не прежде согласится заплатить конторную пошлину, какъ взглянувъ на свою суженую; агентъ и на это согласится: но что пользы? Въ назначенный день и часъ, женихъ, одѣвшись по праздничному, является въ контору. Разумѣется, что онъ не застанетъ дома Г. агента; прождетъ часа два, и долженъ будетъ заплатить пошлину за входъ, которымъ воспользовался. Такъ, волею или неволею, онъ уже сдѣлался пренумерантомъ брачной конторы, и слѣдовательно попалъ въ тѣ же силки, какъ и тотъ, который заплатитъ деньги впередъ безъ спора. Но вотъ у подъезда звонятъ въ колокольчикъ. Сердце сильно бьется у провинціального жениха. Входитъ лакей съ запискою, написанною на розовой душистой бумагѣ. Невѣста нездорова, и не можетъ прѣхать въ контору съ своей «почтеннѣйшею тетушкой». Она покорнѣйше проситъ извиненія у Г. de Saint-Loup и у будущаго своего суженаго. Комедія все та же: кто впередъ заплатилъ деньги, тотъ по-крайней-мѣрѣ удовольствуется тѣмъ, что въ назначенный день увидитъ только — тетку. Надобно замѣтить, что продажныя невѣсты имѣютъ всегда тѣтокъ, а никогда отцевъ, ни матерей. Дядя невѣсты, если онъ не убитъ въ сраженіи при Бородинѣ или Лейпцигѣ, представляетъ также невидимку, потому что живетъ всегда въ отдаленіи отъ Парижа.

Тетка, съ которою женихъ желаетъ познакомиться, живетъ очень уединенно, принимаетъ рѣдко гостей, и сама почти никуда не выѣзжаетъ, хотя пользуется отличными знакомствомъ. Уже нѣсколько лѣтъ она дышитъ только для своей милой племянницы, которая однако жъ начинаетъ скучать одиночествомъ. По этой причинѣ она рѣшилась выдать ее замужъ, и, несмотря на свѣтскіе предрассудки, хочетъ

найти ей суженаго черезъ брачную контору, потому, что тамъ всякая невѣста выбираетъ себѣ жениха по своему вкусу. Это, говоритъ она, присовѣтовала ей одна пріятельница, которая выдала свою дочь замужъ такимъ же образомъ, и новобрачные живутъ очень счастливо. Тетка является одна въ контору, для переговоровъ, изъ предосторожности, чтобы племянница не тотчасъ согласилась на предложеніе любезнаго искателя, между-тѣмъ какъ отживающая вѣкъ старушка спокойно и безъ лицепріятія можетъ судить о достоинствахъ жениха, и прочая. Тетка однако жъ очень рада познакомиться съ такимъ милымъ человекомъ: его лѣта, наружность, состояніе — весьма удовлетворительны; она увѣрена, что онъ составитъ счастье ея воспитанницы. Она не спрашиваетъ объ его имени, фамиліи и чинѣ, потому что не хочетъ знать преждевременно всѣхъ подробностей (насчетъ которыхъ ей запрещено любопытствовать самимъ агентомъ): такіе распросы обыкновенно дѣлаются впоследствии, когда женихъ будетъ доволенъ невѣстою и невѣста одобритъ наружность жениха. Черезъ день назначается новое свиданіе.

Тогда уже пріѣзжаетъ съ теткой сама племянница, то есть, невѣста съ двадцатью тысячами франковъ годоваго дохода. Къ сожалѣнію, она закрыта непроницаемымъ вуалемъ, сквозь который ничего не увидишь кромѣ подобія двухъ глазъ, поперечной красной черты рта, и развѣ еще неясное зарево румянца, попросту румянь. На учтивости, въ которыхъ разсыпается провинціальный женихъ, таинственная красавица отвѣчаетъ очень скромно, съ длинными паузами и дрожащимъ голосомъ. Она отпускаетъ доврчивому провинціалу нѣсколько заученыхъ сантиментальныхъ фразъ, которыя обличаютъ въ ней умъ, впрочемъ взятый на прокатъ изъ новѣйшаго романа. Если искатель пожелаетъ увидѣть свою богиню въ собственныхъ ея чертогахъ, хитрая красавица потупляетъ глаза въ землю, а тетка тотчасъ изъясняетъ сожалѣніе, что не можетъ удовлетворить въ этомъ случаѣ жениха, потому что онъ сегодня же отправляется въ свою деревню по весьма нужному дѣлу. По возвращеніи, онъ надѣются, что господинъ N. сдѣлаетъ имъ большое удовольствіе своимъ посѣщеніемъ. Въ продолженіе этого раз-

говора племянница все смотритъ въ землю, и, сдѣлавъ обычный книксенъ, вмѣстѣ съ почтенною тетупшкою удаляется.

Вотъ все для перваго свиданія. Провинціалъ, восхищенный скромностью и благороднымъ тономъ невѣсты, беретъ шляпу и бросается вслѣдъ за своею богинею; но брачный агентъ нарочно преграждаетъ ему дорогу. Онъ увѣряетъ жениха въ непростойности подобнаго преслѣдованія, и искусно выводитъ его черезъ заднія двери квартиры на другую улицу, чтобы тотъ не зналъ даже того, въ которую сторону онъ отправились. Впрочемъ интересныя посѣтительницы не ушли изъ квартиры агента: онъ только спрятался въ особой комнатѣ, и готовъ повторить свои роли еще десять разъ, потому что наняты на цѣлый день, одна играть невѣсту, а другая старую тетку. Тетка и племянница породнились между собою только въ конторѣ брачнаго агента. Онъ до того случая отроду не видывали другъ друга. За каждое свиданіе съ женихами онъ объ получаютъ по 5 франковъ. Хотя онъ не имѣютъ квартиры у публичнаго свата, но онъ ихъ одѣваетъ и кормитъ. Въ особомъ гардеробѣ брачной конторы есть всегда платья и клоки разныхъ цвѣтовъ и матерій, шляпки, чепчики, канзу, шали, шарфы, пукли, косы, — бѣлокурыя, черныя и темнорусыя. Туалетъ снабженъ всевозможными притираньями и румянами. У стѣны стоятъ рядъ дамскихъ башмаковъ и полусапожковъ съ каблуками отъ одного до двухъ и трехъ вершковъ, смотря по надобности, то есть, какого роста нужно представить невѣсту. Также въ гардеробѣ находятся поддѣльные горбы, для такихъ невѣстъ, которыя сидятъ въ старыхъ дѣвахъ съ пятидесятью или шестидесятью тысячами годового дохода. Вообще у брачнаго агента заготовлены всякія снадобья для искуснаго обмана, чтобы одну и ту же невѣсту употребить на дневную выставку для разныхъ жениховъ. Если эти простаки пойдутъ жаловаться правительству на то, что ихъ надули, разумется, въ описаніи примѣтъ невѣсты встрѣтится разногласіе съ подлинникомъ и брачный маклеръ черезъ это выпутается изъ бѣды. Всякой разъ когда надобно теткѣ и племянницѣ представиться конторному пренумеранту, то есть, жениху, слуга въ передней громко зазвонитъ въ колокольчикъ. Пренумерантъ, конечно, воображаетъ, что дамы въ эту минуту пріѣхали въ контору, а онъ вышли только изъ уборной, что

бы играть поденную роль. Такимъ образомъ продолжается въ брачной конторѣ всегдашняя комедія. Въ одиннадцатъ часовъ утра тетка черноволосая, а племянница блондура. Въ полдень, невеста имѣетъ волосы темнорусые, а тетка съдые. Черезъ два часа, племянница является съ черными какъ смоль волосами, а тетка совершенно бѣлыми какъ у Альбиноса, и такъ далѣе, покуда всѣ женихи — пренумеранты перебиваются въ конторѣ. Если племянница представляетъ дѣвицу, у ней должны быть розовыя щеки, для этого всегда имѣютъ въ запасъ *rouge végétal*. Вдова, напротивъ-того, должна имѣть блѣдный и томный цвѣтъ лица. Иногда роль вдовы играетъ сама тетка: тогда предполагается, что она имѣетъ отъ восьмидесяти до ста тысячъ франковъ дохода; — следовательно съ такимъ огромнымъ имѣниемъ вдова смѣло можетъ считать себя отъ сорока восьми до пятидесяти шести лѣтъ. Давай только деньги, а за годами дѣла не станеть, говорятъ сребролюбивые искатели невестъ.

Если объ дамы, тетка и племянница, представляютъ вдовъ, въ такомъ случаѣ агентъ такъ улаживаетъ, чтобы вторая изъ нихъ имѣла вдвое болѣе дохода противъ первой, и притомъ скрывала въ себѣ какой-нибудь природный недостатокъ. Тогда агентъ шепчетъ на ухо жениху: *Choisissez la plus belle!* « Берите ту, которая получше собою, хоть она и не такъ богата! »

Случается часто, что женихъ съ нетерпѣніемъ забываетъ каждый день въ контору, чтобы осведомиться о прѣздѣ изъ деревни его невесты. Но читатель уже знаетъ, что наемная невеста и ея тетка вовсе не имѣютъ деревни: онѣ живутъ поблизости брачной конторы, въ какомъ-нибудь модномъ магазинѣ, а маклеръ даетъ этому обману такой видъ какъ будто онѣ выигрываютъ только время, чтобы не слишкомъ приглядѣться провинціальному жениху, который, какъ ему извѣстно, весьма имъ понравился.

Наконецъ, агентъ съ торжествующимъ лицомъ объявляетъ пренумеранту, что невеста возвратилась изъ деревни. Женихъ внѣ себя отъ радости, а мосье de Saint-Loup, пользуясь такимъ расположеніемъ духа въ искателя, совѣтуетъ ему угостить невесту и тетку приличнымъ завтракомъ, за которымъ можно будетъ уже нѣсколько полюбезничать и ознакомиться

покороче съ своей суженой. За вкуснымъ завтракомъ, и за рюмкою шампанскаго, говоритъ онъ, молодые люди бываютъ откровеннѣе, и дѣла по части сердечной скорѣе и легче улаживаются. «Такъ однимъ разомъ, прибавляетъ агентъ съ хитрой улыбкою, вы смѣло можете предложить ей свое сердце и руку, чтобы проводить ее домой.» Этотъ завтракъ будетъ стоить не болѣе 60 франковъ; за-исключеніемъ вина, «которое я уже приму на свой счетъ,» говоритъ мосьё de Saint-Loup. Влюбленнѣй въ приданое пренумерантъ соглашается на эту издержку и выдаетъ 60 франковъ маклеру.

На другой день завтракъ красуется уже на столѣ брачнаго агента; большая четверть телятины, рябчики, холодный паштетъ и окорокъ, украшенный лаврами. Все это похоже на театральное кушанье, сдѣланное изъ папки или дерева. Дамы очень мало кушаютъ. На все, чѣмъ ихъ ни подчиваютъ, онъ сухо отвѣчаютъ — merci! — и защищаютъ свои тарелки гораздо лучше, нежели свою добродѣтель. Онъ особенно упрямиваютъ жениха не рѣзать для нихъ большихъ ломтей телятины или ветчины. Это все — притворство, настоящая комедія безъ кулисъ и при солнечномъ свѣтѣ.

Если бы теткѣ и плямяницѣ агентъ строго не запретилъ насыщаться завтракомъ, взятымъ только для показу, эти дамы съѣли бы за одинъ присѣстъ цѣлый окорокъ, не отягчивъ ни мало желудка, и осушили бы двѣ или три бутылки вина. Но онъ не должны быть прозорливы, первое, потому что весь завтракъ взять на прокатъ у сосѣдняго ресторатора и долженъ почти въ цѣлости возвратиться къ своему хозяину; второе, что послѣ сытнаго кушанья и лишней рюмки вина можно проболтаться; наконецъ третье, что благовоспитаннымъ дамамъ непристойно кушать въ присутствіи жениха и заниматься слѣшкомъ своимъ мамономъ при сердечныхъ объясненіяхъ. Въ продолженіе завтрака брачный маклеръ поминутно вскакиваетъ со стула и уходитъ въ другую комнату, чтобы дать время для взаимныхъ объясненій жениху и невестѣ. Онъ простираетъ въ этомъ случаѣ услужливостъ свою еще далѣе, отводя любезную тетку въ другіе покои, чтобы его пренумерантъ могъ высказать все своей любезной, что у него на сердцѣ.

Провинціалъ успѣлъ уже открыться въ своихъ чувствахъ любезной дѣвицѣ, и отпустить ей нѣсколько поношенныхъ сантиментальностей, какъ тетка и агентъ снова являются на сцену. Со всѣмъ тѣмъ, еще далекъ конецъ переговоровъ, и простодушнаго жениха увѣряютъ, — невѣста и ея почтеннѣйшая тетушка, — что имъ очень пріятно будетъ принять у себя въ домѣ такого любезнаго кавалера, но что онѣ должны сперва собрать объ немъ нужныя свѣдѣнія, то есть, справки черезъ господина агента de Saint-Loup. «Впрочемъ мы твердо увѣрены, прибавляютъ дамы, что получимъ объ васъ самыя лестныя извѣстія изъ провинціи.» Между-тѣмъ мосье de Saint-Loup шепчетъ на ухо провинціалу, что онъ не будетъ переписываться черезъ почту насчетъ этихъ справокъ; что для такихъ случаевъ есть у него очень вѣрный и скромный прикащикъ, который исправляетъ его порученія по брачной конторѣ болѣе двадцати лѣтъ. «Онъ поѣдетъ въ вашу провинцію для личныхъ изслѣдованій.» По увѣренію агента, этотъ прикащикъ имѣетъ большой навыкъ и осторожность въ дѣлахъ такого рода. Самъ Г. de Saint-Loup охотно принялъ бы на себя эту священную обязанность своего званія, да не можетъ отлучаться изъ Парижа безъ большой потери времени; притомъ надобно заплатить ему за каждый день по пяти сотъ франковъ вознагражденія: это бы очень увеличило расходы жениха; потому что агентъ иначе не ѣздитъ какъ съ экстра-почтою; прикащикъ, напротивъ, будетъ доволенъ двадцатью франками въ день и поѣдетъ въ дилижансѣ. Такъ ужъ лучше послать прикащика!

Если женихъ приметъ на свою шею и эту издержку, маклеръ объявляетъ, что «почтеннѣйшая тетушка» невѣсты согласна заплатить половину расходовъ. Въ такомъ случаѣ нельзя жениху и спятиться, если онъ не хочетъ разрушить весь проектъ построения брака. Получивъ согласіе пренумеранта, мосье de Saint-Loup дѣлаетъ расчетъ: за десяти-дневное отсутствіе прикащика по 20 франковъ въ день, и 20 франковъ за мѣсто въ дилижансѣ, итого 280 франковъ. Черезъ четверть часа лакей приноситъ отъ тетки 140 франковъ, то есть, половину издержки на путешествіе прикащика. Провинціалъ, повѣсивъ уши, принужденъ послѣдовать примѣру тетки. Онъ выдаетъ требуемые 140 франковъ. Ту же минуту

слуга отправляется въ контору дилижансовъ, чтобы захватить мѣсто для прикащика, который и отправляется въ путь въ шесть часовъ по полудни. Прикащикъ путешествуетъ только для вида, до первой станціи, и въ десять часовъ вечера онъ уже опять въ Парижъ.

Въ теченіе предполагаемаго десяти-дневнаго путешествія прикащика, женихъ посѣщаетъ брачную контору, въ которой уже не находитъ своей невесты, а только встрѣчаетъ тетку. Это потому, что почтенная старушка все-еще боится, чтобы племянница не слишкомъ привязалась къ человеку, котораго такъ мало знаетъ. Она будто-бы въ разсѣянности вынимаетъ изъ ридикюля прекрасный бисерный кошелекъ, который очень нравится жениху. Тетушка увѣряетъ, что это работа племянницы, и что, если ему будетъ угодно, онъ можетъ принять эту бездѣлицу отъ нея въ подарокъ. Брачный маклеръ вѣдъ себя отъ удивленія, что женихъ такъ скоро успѣлъ понравиться своей интересной невестѣ, и уже получилъ отъ нея незабудку. Онъ совѣтуетъ жениху отдарить невесту приличнымъ образомъ, напримѣръ бриліантовымъ кольцомъ или другою вещицею, въ 250 франковъ, не болѣе. Вотъ уже шестая издержка!

Между-тѣмъ прикащикъ занемогъ въ дорогѣ и москѣ de Saint-Loup получилъ отъ него письмо, писанное въ Парижъ изъ города N. На письмѣ нѣтъ штемпеля! Да это ничего не значить: господинъ агентъ получилъ его подъ своимъ конвертомъ. Итакъ, письмо можно показать жениху безъ всякаго подозрѣнія. Болѣзнь продолжалась два дня, и стоила прикащику лишннихъ 40 франковъ. Давай сброкъ франковъ.

Слава Богу, дѣло идетъ къ развязкѣ! Женихъ, узнавъ о возвращеніи прикащика, тотчасъ прибѣгаетъ къ брачному маклеру для окончательныхъ распоряженій. Хитрый маклеръ съ печальною гримасою встрѣчаетъ жениха, и, дружески пожимая ему руку, говоритъ: «Мы получили изъ провинціи объ васъ наилучшую рекомендацію: но какая въ томъ польза? Я почитаю себя счастливымъ, что могу еще во время отъратить отъ васъ бѣду. Вы бы попались въ ужасную пропасть! Когда прикащикъ въ провинціи забиралъ объ васъ справки, я съ своей стороны также спрашивалъ о положеніи вашей невесты, и слава Богу, что заранѣе сдѣлалъ

важное открытіе: Подумайте..... отецъ вашей невѣсты какъ торжникъ!!! Онъ сосланъ на галеры, стоялъ у позорнаго столба, и заклеивенъ палачемъ.» Кому же придется охота жениться на дочери галернаго невольника?

Другому подобному жениху брачный маклеръ сочиняетъ иную басню, увѣряя, что его невѣста сидѣла за дѣтубійство цѣлый годъ въ смирительномъ домѣ; третьему, что дѣвица, за которую онъ сватался, обязана своимъ богатствомъ одному старому милліонеру, у котораго она была четырнадцать лѣтъ короткою пріятельницею; но какъ есть люди безъ предразсудковъ, то маклеръ прибавляетъ: «Слухъ носится, что эту дѣвицу подозрѣваютъ въ отравленіи ядомъ своего благодѣтеля.»

Теперь почтеннѣйшій женихъ ясно видитъ, что онъ обманутъ, обкраденъ и надутъ безъ пощады публичнымъ мошенникомъ,—агентомъ брачной конторы. Выходитъ, что легковѣрный провинціалъ заплатилъ, первый разъ 400 франковъ, второй 100, третій 10, четвертый 60, пятый 140, шестой 250, седьмой 40, — итого 1,000 франковъ. Положимъ только по пятидесяти корыстолюбивыхъ дураковъ въ годъ на контору, она имѣетъ вѣрнаго барыша 50,000 франковъ ежегодно. Нѣтъ въ свѣтъ промышленности лучше этой!

Брачный маклеръ, обобравъ своего кліента, уговариваетъ не унывать и попробовать счастья у другихъ невѣстъ, не столь богатыхъ, за то болѣе честныхъ и добродѣтельныхъ, къ которымъ посѣтитель также имѣетъ право присвататься въ качествѣ пренумеранта брачной конторы. Если надутый женихъ согласится на это предложеніе, онъ уже рѣдко застанетъ мосѣ de Saint-Loup въ конторѣ: одинъ разъ ему скажутъ, что агентъ уѣхалъ на дачу; другой, что онъ отлучился въ провинцію за важнымъ дѣломъ на нѣсколько недѣль. Короче сказать, до окончанія вашего абонимента, вы его никогда не увидите, а потомъ попросятъ васъ снова заплатить деньги за входъ въ контору, или вовсе избавить брачнаго агента отъ вашихъ посѣщеній. Если обманутый женихъ подастъ жалобу въ судъ или полицію, въ этомъ еще бѣда не большая для обманщика: онъ объявитъ, что точно получилъ деньги съ пренумеранта, за которыя въ теченіе шести мѣсяцевъ тотъ посѣщалъ его контору, и могъ видѣть всѣхъ при-

ходившихъ туда невѣсть. Какъ въ уложеніи нѣтъ такого закона, который бы можно было примѣнить къ подобному случаю, то обвиняемый освобождается отъ суда, а вы должны еще заплатить судебныя протори и убытки. Г. Кр — овь.

КАССЫ БЕРЕЖЛИВОСТИ.

Учрежденія, извѣстныя подъ именемъ «кассъ бережливости», *caisse d'épargne*, которыя въ наше время такъ быстро распространяются по всей Европѣ, суть родъ банковъ и потому имѣютъ съ ними нѣкоторое сходство. Это банки для самаго бѣднаго класса въ обществѣ, — для поденщиковъ, работниковъ, слугъ и всѣхъ вообще, кто трудомъ рукъ пріобрѣтаетъ насущное пропитаніе, но это вмѣстѣ и родъ благотворительныхъ заведеній.

Цѣль банковъ вообще двоякая: во-первыхъ, чтобъ доставить капиталисту вѣрное сохранное мѣсто для его капиталовъ, во-вторыхъ, чтобъ давать ему нѣкоторый доходъ въ видѣ процентовъ. Что касается до другихъ выгодъ отъ банковыхъ заведеній, какъ напримѣръ до умноженія представительныхъ знаковъ монеты, они не подлежатъ здѣсь разсмотрѣнію.

Бѣднякъ, по одному положенію своему, терпитъ многія невыгоды передъ богатымъ, и настоящій случай представляетъ этому особенный примѣръ. Богачъ легко найдетъ для своихъ капиталовъ мѣсто у такихъ людей, которые получаютъ отъ нихъ дохода болѣе платимыхъ ему процентовъ: но куда сунется бѣднякъ съ своей копѣйкой? А между-тѣмъ выгодное ея помѣщеніе для него-то и было бы наиболѣе необходимо.

Деньги служатъ къ удовлетворенію нуждъ настоящихъ или будущихъ. Бѣдный почти вовсе лишенъ возможности употреблять ихъ въ пользу будущаго, сколько по затрудненію хранить ихъ безопасно у себя, столько и по незнанію людей, которое препятствуетъ ему выбрать вѣрнаго хранителя. По этому желательно найти средство, которое безъ всякихъ неудобствъ доставляло бы людямъ низшихъ сословій возмож-

вость пользоваться сбережениями, сдѣланными трудолюбіемъ и расчетливостью.

Но желательно найти способъ, не сопряженный ни съ какими неудобствами; для этого должно, во-первыхъ, не превеличивать полезности заведеній, извѣстныхъ теперь подъ именемъ кассъ бережливости, чтобы узнать, до какой степени тѣ изъ нихъ, которыя учреждены досель, соответствуютъ желаніямъ филантропа и настоящимъ потребностямъ бѣднаго.

Мы видели, что первая цѣль банковъ та, чтобы доставить всякому, у кого денегъ болѣе чѣмъ ему нужно для непосредственнаго потребленія, сохранное мѣсто, гдѣ бы излишекъ могъ быть помѣщенъ въ совершенной безопасности. Въ этомъ отношеніи кассы бережливости вполне удовлетворяютъ всемъ требованіямъ.

Вторая цѣль состоитъ въ извлеченіи пользы отъ этихъ денегъ, которыя иначе лежали бы, не принося дохода: для бѣдныхъ эта цѣль еще существеннѣе чѣмъ для богатыхъ, и она получаетъ особенное направленіе въ банкахъ, учреждаемыхъ для рабочаго класса; она должна распространять въ немъ промышленность, внушать вкладчикамъ воздержаніе и служить средствомъ противъ нищеты. Если кассы бережливости дѣйствительно представляютъ эти выгоды, учрежденіе ихъ конечно одно изъ величайшихъ благодѣяній для человечества. Такъ ли это?

Первая мысль этихъ кассъ основана на инстинктѣ бережливости, предполагаемомъ у cadaго человека. Но какова бы ни была эта склонность, она ни къ чему не поведетъ у тѣхъ, которые не только не имѣютъ средства копить, но едва могутъ и содержать себя, — а таково положеніе большей части семейныхъ простолюдиновъ въ странахъ давней образованности. И такъ кассы бережливости касаются почти однихъ холостяковъ; да и между ими будетъ много исключеній. Холостяки вообще молоды, а въ молодости не такъ-то легко отказываться отъ удовольствій настоящихъ для отдаленной пользы.

Достоверно однако жъ, что часть, даже быть-можетъ большая часть, холостаго населенія воспользуется представля-

мымъ ей случаемъ что-нибудь сберечь. Но какія будутъ слѣдствія этой готовности?

Изъ молодыхъ холостяковъ мало кто не думаетъ о супружествѣ, и кто рано или поздно не осуществляетъ этой думы? Какъ скоро простодушнѣ женился, или, по-крайней-мѣрѣ, какъ скоро онъ обзавелся извѣстнымъ числомъ дѣтей, всякая возможность копить для него прекращается. Но кое-что отложено было прежде: куда это дѣвалось?

Оно или истрчено на свадьбу, на приданое, или нѣтъ.

Въ первомъ случаѣ содѣйствуетъ оно къ непосредственному удовольствію, какъ и всякая другая издержка, но не представляетъ средства на случай будущей нужды и оскудѣнія.

Во второмъ, сначала его не будутъ трогать, но когда дѣтей народится столько, что они станутъ потреблять весь заработокъ отца, еще одинъ лишній ребенокъ заставитъ почать кубышку; а этотъ ребенокъ не заставитъ себя ждать. Какъ скоро истощится маленькая казна, семейство прійдетъ въ такое положеніе, какъ бы она и вѣкъ не существовала.

Большая часть тѣхъ, которые писали о кассахъ бережливости, совершенно теряли изъ виду эти обстоятельства, такъ, что выводы ихъ имѣютъ очень мало цѣны. Другіе, которыхъ философскій умъ проникнулъ бы въ предметъ гораздо глубже, увѣрили себя, что учрежденіе кассъ бережливости улучшить положеніе рабочаго класса, ограничивъ его число. Вотъ какъ они разсуждаютъ:

Удобства, доставляемые холостякамъ, откладывая часть заработанныхъ денегъ, внушать имъ желаніе копить. Убѣжденные въ невозможности слѣдовать этому новому стремленію въ семейной жизни, они будутъ отсрочивать время брака; слѣдствіемъ позднихъ супружествъ будетъ естественно меньшее число дѣтей: отсюда умаленіе сожительства на жизненныя потребности, возвышеніе платы за работу и улучшеніе общаго состоянія рабочаго класса.

Если допустить первое, остальное безспорно изъ него слѣдуетъ; но есть люди, которые отвергаютъ посылку. Что преимущественно затрудняетъ нынче браки, говорятъ они, и притомъ въ честнѣйшихъ классахъ рабочаго народа, это недостатокъ средствъ обзавестись порядочнымъ хозяйствомъ.

но кассы бережливости дадутъ имъ къ тому способъ; онъ не только не замедлятъ супружество, но еще ускорятъ ихъ, а съ супружествомъ нищета возвращается къ бѣдному, и касса бережливости уже не въ состоянїи быть ему полезною. Сверхъ-того, охота копить только у немногихъ молодыхъ людей преодолѣть страсть къ женитьбѣ. Скупость свойственна старикамъ.

Вотъ разныя точки зрѣнїя, съ которыхъ можно разсматривать дѣйствїя, ожидаемыя отъ кассъ бережливости. Онѣ полезны для умѣренїя слишкомъ пылкихъ надеждъ изступленныхъ приверженцевъ подобныхъ учрежденїй и для того, чтобъ показать, сколько нужно еще другихъ обстоятельствъ, кромѣ расположенїя къ бережливости, если бъ вздумали произвести этими кассами значительное улучшенїе въ физическомъ или нравственномъ состоянїи бѣдныхъ людей. Въ соединенїи съ другими обстоятельствами, кассы бережливости конечно служатъ полезными пособїями для бѣднаго, но онѣ едва ли не принесутъ столько же вреда сколько добрыхъ слѣдствїй.

Перейдемъ къ историческому очерку этихъ заведенїй.

Первая мысль учрежденїя, имѣющаго нѣкоторое сходство съ кассами бережливости, подана въ 1797 году извѣстнымъ Бентамомъ въ Юнговыхъ «Лѣтописяхъ Земледѣлїя». Планъ Бентама обнималъ все, что относится до управленїя по дѣламъ бѣдныхъ, особенно заведенїе, которое онъ называлъ «банкомъ воздержности».

Оно имѣло цѣлю не только просто принимать деньги подъ сохраненїе, чтобы возвращать ихъ по требованїю вкладчика съ процентами, чѣмъ ограничиваются нынѣшнїя кассы бережливости; но должно было производить или маленькую пожизненную пенсїю съ той поры, какъ годы лишатъ вкладчика способности работать, или давать подобный доходъ его женѣ въ случаѣ его смерти, или снабжать приданымъ его дочерей, и такъ далѣе. Этотъ проектъ приближался болѣе къ тому, что называютъ нынче «кассами предусмотрительности,» или компанїями для застрахованїя на жизнь.

Предположенїе Бентама долго оставалось безъ послѣдствїй. Наконецъ одна дама попыталась устроить банкъ, приспособленный къ нуждамъ бѣдныхъ. Г-жа Присцилла Век-

Филдъ жила, въ 1803 году, въ Тоттенгамъ, многолюдномъ селеніи неподалеку отъ Лондона. Описание ея банка, сдѣланное ею самою, помѣщено въ «Запискахъ Общества Улучшенія Судьбы Бѣдныхъ». Мы сообщимъ только введеніе, которое можетъ дать понятіе объ этомъ банкѣ.

«Благотворительное заведеніе учреждено недавно въ Тоттенгамъ, въ графствѣ Миддельсексъ, съ тою цѣлю, чтобъ доставить вѣрное и удобное сохранное мѣсто деньгамъ, сбереженнымъ рабочими, слугами и другими бѣдными людьми. Оно состоитъ за поручительствомъ шести комиссаровъ, людей богатыхъ и способныхъ къ отвѣтственности: большая часть изъ нихъ имѣетъ значительную собственность въ земляхъ. Расчеты ведутся одной дамой и бывають только въ первый понедѣльникъ каждаго мѣсяца какъ по пріемамъ, такъ и по выдачамъ. Заведеніе принимаетъ всякую сумму свыше одного шиллинга (1 руб. 20 коп.), и на каждые двадцать шиллинговъ, остающіеся цѣлый годъ подъ сохраненіемъ, выдаетъ по *пяти* процентовъ. Каждый взносчикъ имѣетъ право требовать свои деньги при наступленіи расчетовъ; ни въ какое другое время заведеніе не занимается дѣлами.

«Собранныя деньги раздѣляются поровну между шестью комиссарами, которые употребляютъ ихъ на самыя выгодныя обороты, съ тѣмъ, чтобы доставить возможность платить вкладчикамъ проценты выше обыкновенныхъ. Для каждаго ста взносовъ назначается новый комиссаръ, чтобы никто изъ нихъ не могъ отваживать суммы, превышающей сто взносовъ. Одни рабочіе классы допускаются къ пользованію этими выгодами, безъ всякаго ограниченія врасужденія мѣстъ ихъ жительство.»

Въ 1805 и 1806 годахъ Г. Бонъ издалъ двѣ брошюры; изъ которыхъ первая имѣла по-видимому цѣлю указать средство къ охраненію бѣдныхъ отъ золь, сопряженныхъ съ нищетою. Планъ Г. Бона почти такъ же обширенъ, какъ Бентамовъ. Банки составляютъ только небольшую часть его, и притомъ они поддерживаются здѣсь не исключительно взносами бѣдныхъ; но какъ эти взносы тоже входятъ въ расчетъ, то предположеніе Г. Бона должно быть помѣщено въ категорію касъ бережливости.

Въ 1807 году пасторъ Вестъ-Кальдерскаго прихода въ Шотландіи учредилъ кассу бережливости для своихъ прихожанъ, а въ 1810, Г. Донкенъ основалъ почти такую же въ Ротвильдѣ.

Система Г. Донкена показываетъ знаніе сердца человѣческаго. Онъ сперва старался изучить предразсудки простаго народа и обойти по-возможности самыя нелѣпыя опасенія людей невѣжественныхъ и подозрительныхъ. Потомъ онъ искалъ привязать бѣдныхъ къ своему учрежденію какимъ-нибудь средствомъ, сильнѣйшимъ корысти, и нашелъ его въ властолюбіи. Планъ Г. Донкена предоставляетъ всѣмъ вносчикамъ, какъ акціонерамъ компаніи, нѣкоторое участіе въ управленіи кассою. Однако, чтобъ имѣть право давать голосъ въ общемъ собраніи, надобно быть членомъ по-крайней-мѣрѣ полгода и имѣть въ кассѣ пять фунтовъ стерлинговъ (125 рублей) взноса. Общее собраніе назначаетъ управителей и принимаетъ отъ нихъ счета; управители избираются между почетными членами, которыхъ выборъ зависитъ также отъ общаго собранія вносчиковъ. Губернаторъ, его наместникъ, шерифъ, помощникъ шерифа и подшерифъ, приходскіе пасторы, нѣкоторые городскіе чины и наконецъ благотворители, дѣлающіе въ определенное время подписки въ пользу кассы, суть почетные члены по праву.

Со времени основанія кассы Г. Донкена ни одного подобнаго заведенія не возникло до 1814 года, когда учредилась Эдинбургская касса бережливости. Она не имѣла такого успѣха какъ предъидущая, потому что вносчикамъ не оставили ни какого участія въ управленіи.

Въ 1813 году докторъ Гоггартъ сдѣлалъ успѣшныя опыты ввести эту систему въ Батъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ учредилось заведеніе, подъ названіемъ «Касса слугъ» почти на такихъ же началахъ, стараніями леди Изабеллы Догласъ, сестры графа Селькерка.

Въ 1815 году открыта касса бережливости въ Соутгэмптонъ, и около того же времени сдѣланы были нѣкоторые опыты въ Лондонѣ, въ Ковентъ-Гарденскомъ приходѣ, Г. Брезъ-Быомонтомъ; но планъ его не удался, потому что капиталъ долженъ былъ отдаваться въ проценты по частнымъ рукамъ, а это слишкомъ невѣрная спекуляція.

Въ 1816 году Г. Тельръ (Taylor) учредилъ кассу бережливости въ Лондонѣ и отдалъ ее въ управленіе самимъ вносчикамъ. Хотя заведеніе назначалось для одной изъ бѣднѣйшихъ частей Лондона, успѣхъ заведенія былъ такъ быстръ, что менѣе нежели черезъ десять мѣсяцевъ по его открытіи тысяча сто пятьдесятъ семь человекъ положили около семи милліоновъ рублей.

Въ теченіе того же года два другія обширнѣйшія заведенія возникли въ столицѣ Великобританіи.

Мы не говорили о планѣ барона Мазера касательно учрежденія въ каждомъ приходѣ пожизненныхъ пенсій въ пользу бѣдныхъ. Этотъ планъ изданъ былъ въ 1772 году съ примѣчаніями знаменитаго доктора Прайса. Главный его недостатокъ — неудобносполнимость, потому что онъ требуетъ отъ рабочихъ единовременнаго взноса такой суммы, которой они не въ состояніи скопить.

Планъ Г. Тельра теперь принятъ почти во всей Англіи; во Франціи, гдѣ кассы бережливости заведены около 1827 года и идутъ довольно плохо; въ Голландіи и Германіи, гдѣ также онъ устрояются, слѣдуютъ болѣе системѣ банковаго управленія. Но во Франціи еще въ первые годы революціи существовало заведеніе въ этомъ родѣ, подъ именемъ *Vierge d'économie*: оно, кажется, рушилось отъ неуспѣха. Въ Филадельфіи, съ 1816 года, есть такъ называемый «Банкъ промышленности».

По новѣйшимъ извѣстіямъ съ Ноября 1831 по Ноябрь 1833 года число новыхъ вносчиковъ въ кассы бережливости трехъ соединенныхъ королевствъ Великобританіи простиралось до 45,755 человекъ, и въ теченіе этого времени внесено было денегъ до тридцати пяти милліоновъ рублей. Всѣхъ взносовъ вообще было 475,155, а сложность изъ суммъ составляла около трехъ сотъ девяноста трехъ милліоновъ рублей ассигнаціями.

СВЕКЛО-САХАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

Въ статьѣ, помѣщенной въ одной изъ прежнихъ книжекъ Б. для Ч. *, мы обѣщали ознакомить читателей этого журнала съ нынѣшнимъ состояніемъ свекло-сахарнаго производства. Приступая теперь къ исполненію слова, находимъ нужнымъ изобразить также постепенный ходъ усовершенствованій, введенныхъ на нашихъ заводахъ, и это дастъ намъ случай замѣтить всѣ недостатки дѣла. Такой трудъ конечно будетъ не безъ пользы, особенно теперь, когда молодые хозяева съ такой опрометчивостью бросаются на эту промышленность.

Свекло-сахарное производство заключаетъ въ себѣ двѣ части, — земледѣльческую и фабричную. Не можетъ быть успѣха, если одна изъ этихъ частей находится въ небрежномъ состояніи: получайте хоть по 40 фунтовъ песку, изъ берковца корней, но когда не будетъ довольно свекловицы, вы останетесь въ убыткѣ.

Я не понимаю, какую пользу могутъ принести простыя объявленія о томъ, сколько кто получаетъ песку изъ берковца корней и сколько бы онъ получилъ если бѣ его свекловица была получше. Желаете ли вы дѣйствительно успѣха этой промышленности? — потрудитесь же намъ представить, сколько у васъ десятинъ было засѣяно свекловицею, сколько вы получили ея въ кругломъ счетѣ, и почемъ обошелся вамъ берковецъ корней; опредѣлите вкладочный капиталъ завода и сумму, употребляемую для производства; означьте на что именно ее употребляете, чтобы каждый, видя издали цѣнность матеріаловъ и заработную плату, былъ въ состояніи сообразить тѣ выгоды, какія онъ можетъ получать въ своихъ мѣстахъ; покажите выходы песку и патоки изъ всего количества переработанной свекловицы; благоволите сказать, безъ церемоній, почемъ вы продали ваши произведенія, и гдѣ. Только такіе отчеты могутъ раскрыть публикѣ эту промышленность во всѣхъ ея изгибахъ и доказать истинную любовь

* Библиотека для Чтенія, № V.

общей пользы со стороны ихъ сочинителей. Съ давняго времени у насъ вошло въ обыкновеніе, что каждый, желающій узнать о выгодахъ свекло-сахарнаго завода, ограничивается только однимъ вопросомъ — а сколько вы изъ четверти получаете песку? Правда, что мы уже мастера отвѣчать на этотъ вопросъ, однако жъ не мѣшало бы замѣнить его другимъ — сколько изъ десятины вы получаете свекловицы? Здѣсь потруднѣе будетъ отвѣчать. Кому не извѣстно, что земледѣліе у насъ еще очень плохо.

Есть много заблужденій: съ нѣкоторыми изъ нихъ, можетъ - быть, мы никогда не захотѣли бы разстаться; но заблужденія о предметахъ, обезпечивающихъ наше состояніе, слишкомъ для насъ самихъ тягостны. Здѣсь мы подрываемъ главнѣйшую пружину нашихъ удовольствій.

Къ такимъ заблужденіямъ должно отнести и то, которое мы имѣемъ о земледѣліи. Намъ говорятъ, что безцѣнность сельскихъ произведеній и недостатокъ капиталовъ не позволяютъ намъ измѣнить наше полеводство и воспользоваться улучшенными способами земледѣлія. Полноте, одна ли эта причина? Не распространяясь далеко, обратимся къ свекло-сахарнымъ заводчикамъ: отчего при такихъ выгодахъ, какія доставляетъ заводъ, и при такихъ способахъ, какіе многіе изъ насъ имѣютъ, земледѣльческая часть свекло-сахарнаго производства находится у насъ въ такомъ небрежномъ состояніи? Не скажете ли вы, что, и при теперешнемъ способѣ обработки, свекловица хорошо растетъ въ Россіи! Это было бы очень не дѣльно. Легко насчитать вамъ множество заведеній, которыя пришли въ упадокъ единственно отъ дурнаго урожая свекловицы. Будемъ же искренны, и согласимся, что, на земледѣліе, мы все еще смотримъ глазами Полифема, у котораго былъ всего одинъ глазъ, когда думаемъ, что оно менѣе требуетъ познаній и умственной дѣятельности чѣмъ мануфактурное дѣло. Мы много говоримъ и пишемъ о фабричной части свекловичнаго производства, — но вотъ прошло тридцать лѣтъ со времени появленія заводовъ, и еще не показалось ни одного дѣльнаго замѣчанія о воздѣлованіи свекловицы.

Вотъ почему вышедшее прошлаго года сочиненіе Г. Давыдова, «Краткое руководство къ воздѣлованію свеклови-

ны», какъ первое въ этомъ родѣ, должно быть любознательно для всѣхъ заводчиковъ. Вѣроятно самъ сочинитель не менѣе нашего понималъ недостатки этой части производства и; изданіемъ своего сочиненія, хотѣлъ положить ему прочное основаніе. Будемъ признательны за благое намѣреніе, и разсмотримъ, чѣмъ можемъ мы воспользоваться въ этомъ сочиненіи.

«Вновь поднятыя земли, или новы, вовсе не годятся, ни для посѣвовъ свекловицы, ни для пересадки ея, пока травяныя корепья, составляющіе дернъ, не перегниютъ совершенно. Для этого, въ первые два года должно на такихъ земляхъ сѣять просо или макъ, въ средней полосѣ Россіи; и рожь или овесъ, въ мѣстахъ болѣе холодныхъ.»

Это справедливо; но вмѣсто нивянныхъ растений, лучше сѣять картофель. Майскіе морозы вредятъ свекловицѣ не только въ сѣверныхъ губерніяхъ, но даже и въ Малороссіи. Прошлаго года, 23 и 30 мая были столь сильные морозы, что всѣ огородныя растенія пропали и много пострадала свекловица. Отъ такихъ морозовъ Г. Давыдовъ совѣтуетъ всѣ плантаціи прикрывать соломой. Для разсадника оно хорошо: но возможно ли исполнить это на плантаціи, состоящей изъ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ? Будетъ ли завтра морозъ,—это трудно отгадать въ майскіе вечера; а если бы и можно было, то не прежде какъ при закатѣ солнца: какъ же успѣть закрыть всѣ плантаціи, особенно въ такое время, когда люди большею частью разсыяны на другихъ работахъ? Кромѣ-того, при сборѣ на другой день соломы, сколько могутъ повредить молодыхъ растений! Нѣтъ, это совсѣмъ не удобоисполнительно. Несравненно лучшая мысль — обсаживать плантаціи деревьями и кустами, которые бы защищали свекловицу и отъ холодныхъ и отъ жаркихъ вѣтровъ.

Къ двумъ вреднымъ насекомымъ, которыхъ описалъ Г. Давыдовъ, надобно еще присоединить третье, — небольшой земляный жукъ, который подъѣдаетъ корень у самыхъ листьевъ. Прошлаго года, онъ много испортилъ свекловицы, особенно тамъ, гдѣ земля была болѣе утучнена.

Въ отдѣленіи «Упашка», для небольшихъ посѣвовъ отъ трехъ до пяти десятинъ, и для крестьянъ, обрабатывающихъ

*

свекловицу въ своихъ огородахъ, сочинитель совѣтуетъ «весьма настоятельно употребленіе заступа вмѣсто другаго орудія», и притомъ заступа, достигающаго до восьми вершковъ глубины. Г. Давыдовъ весьма справедливо говоритъ, что «ранніе посѣвы суть первое основаніе урожая»: но врядь-ли можно воспользоваться этимъ правиломъ, когда станешь копать наши плантаціи, да еще глубиною на восемь вершковъ!

Очищеніе пашни изложено у него довольно подробно, однако жъ, зная, сколько оно необходимо для всѣхъ нашихъ полей, и въ особенности для Малороссійскихъ, мы предлагаемъ подробнѣе читать объ этомъ въ «Ровильскихъ Запискахъ» Домбала.

Самая длинная и менѣе другихъ удовлетворительная статья — «Землеудобреніе». Сочинитель говоритъ, что «начиная отъ равнинъ южной Россіи до границъ Рязанской губерніи, туки по большой части не вывозятся въ поле, и народъ, собравъ противъ воли своей громады этого источника плодородія, удалится отъ него, переходя даже цѣлыми селеніями на другое мѣсто. Тамъ, гдѣ крайность заставила искать нѣкотораго урожая въ поправленіи почвы, землеудобреніе, даже въ лучшихъ нашихъ хозяйствахъ, употребляется почти не-хотя, и какъ-будто для очищенія хозяйственной совѣсти.» Если этихъ туковъ у насъ такъ много, надобно было показать намъ какъ употреблять ихъ съ пользою, какіе изъ нихъ преимущественно выгодны для свекловицы, какое количество нужно черезъ сколько лѣтъ возобновлять, и во что обходится удобренная десятина. Вы говорите, что въ Англии, Германіи и Франціи употребляютъ на десятину спѣлаго навоза по 4,800 пудовъ: да сколько же вы употребляете? По сходству нашего климата и почвы, это было бы для насъ любопытнѣе. Сочинитель предлагаетъ варить кошекъ, собакъ и другихъ животныхъ, получать изъ нихъ порошокъ и удобрять имъ наши плантаціи. Когда мы сваримъ всѣхъ нашихъ собакъ и кошекъ, тогда только онъ «не преминетъ сдѣлать извѣстными свои наблюденія» надъ этимъ свекло-сахарнымъ блюдомъ. Это заставляетъ думать, что Г. Давыдовъ еще не варилъ самъ ни кошекъ, ни собакъ, но будетъ варить. Между-тѣмъ, мы можемъ почитать его статью о землеудобреніи за сборникъ

чужихъ мыслей, выхваченныхъ изъ разныхъ журналовъ, и оставить ее безъ вниманія.

Хотя способъ посѣва, предлагаемый Г. Давыдовымъ, не новый, однако онъ описалъ его такъ подробно и представилъ столько дѣльныхъ замѣчаній, что нельзя не совѣтовать заводчикамъ читать съ полнымъ вниманіемъ статьи о посѣвахъ, о разныхъ полевыхъ разработкахъ, о пересадкѣ и уборкѣ.

Для большей ихъ пользы, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній.

Сочинитель предлагаетъ сѣять свекловицу на питомникъ для пересадки, и просто на мѣстахъ. Для этого, онъ всю плантацію разбиваетъ на двѣ части, — одну половину засѣваетъ, а другую засаживаетъ рассадою. Для посѣва на мѣстѣ дѣлаютъ у него ряды, отстоящіе одинъ отъ другаго на 14 вершковъ, а для питомника готовятъ гряды, на которыхъ сѣять свекловицу для рассады. Мы когда-то сказали, какъ трудно принимается рассада и какъ рѣдко достигаетъ она своей величины, и вотъ почему, предлагаемъ ее здѣсь какъ средство вспомогательное, а собственно всю плантацію надобно разбить на гряды и посѣять свекловицу рядами. Если въ маѣ будутъ перепадать дожди, урожай свекловицы вѣренъ, и тогда нѣтъ надобности заниматься пересадкою. Но если май не благопріятенъ, въ такомъ случаѣ надобно прибѣгнуть къ пересадкѣ, — десятины, на которыхъ дурной всходъ, переорать и засадить рассадою. Если въ это время будутъ дожди, пересадка можетъ быть удачна. Слѣдственно надобно, чтобъ рассадникъ каждый годъ былъ въ запасъ.

Употребленіе культиватора при полоньѣ весьма облегчаетъ работу, но я его бросаю, и вотъ почему: при маленькой свекловицѣ, трудно различить ряды, а при нашихъ нерасторопныхъ работникахъ, навѣрное вы потеряете значительное количество свекловицы; притомъ культиваторъ не истребляетъ всего бурьяну и, что хуже, присыпавши, онъ отнимаетъ возможность его выдолоть. Я совѣтую дѣлать широкія гряды, которыя сохраняютъ болѣе земли представляютъ болѣе удобства для полонья и взбиванія.

Слѣдуя порядку сочиненія, мы дошли до весьма важнаго вопроса — какой лучший способъ сохраненія свекловицы? Сочинитель говоритъ, что можно сохранять свекловицу въ не-

большихъ, пирамидальныхъ, узкихъ, невысокихъ и длинныхъ кучахъ, правильно складенныхъ, покрытыхъ соломой и потому земель въ три или четыре вершка толщиною: «свекловица, сложенная по этому способу, сохраняется до весны «безъ примѣтнаго поврежденія, но только въ такомъ случаѣ, «когда куча будетъ обвалена землею такъ, чтобъ ни одна соломинка не показывалась изъ земли: иначе, по ней не «прежънно прокрадется морозъ всередину.» Однако жъ, самъ сочинитель, несмотря на свое предлинное описаніе, не совсѣмъ убѣжденъ въ основательности этого способа, потому что онъ здѣсь же прибавляетъ: «но лучший способъ «сбереженія свекловицы состоитъ въ скорѣйшемъ превращеніи ее въ сахаръ.» Далѣе онъ говоритъ, что можно сохранять свекловицу въ холодныхъ сараяхъ, укрывши ее ржаной соломой. «Провяленная свекловица, находящаяся подъ «соломою, можетъ вынести морозъ въ 12° и 15 градусовъ, «ежели она совершенно защищена отъ холоднаго вѣтра.» Но вотъ, что любопытно: сочинитель предлагаетъ, для лучшей защиты отъ холоднаго вѣтра, строить «плетневые ма- «занки, покрытыя соломой съ досчатыми воротами.» Признаемся, что это предложеніе удивило насъ со стороны заводчика, который болѣе двѣнадцати лѣтъ занимается дѣломъ. Я самъ видѣлъ, какъ на заводѣ, находящемся недалеко отъ меня, одинъ Французъ, вызвавшись управлять производствомъ, точь-въ-точь употребилъ эти средства, и нельзя было выдумать ничего лучше, чтобы скорѣе уничтожить свекловицу. Поэтому не удивительно, что Г. Давыдовъ не вѣрить, чтобы можно было съ выгодною обрабатывать свекловицу болѣе шестидесяти дней. Чтобы въ этомъ разувѣриться, стоитъ только бросить Французскій способъ сохранять свекловицу: онъ не для нашего климата; посмотрите на старые Русскіе заводы, и особенно на заводъ Г. Мальцова, гдѣ свекловица сохраняется безъ поврежденія до февраля мѣсяца и въ это время обрабатывается почти съ такой же выгодною какъ и съ начала осени. Сохраненіе свекловицы есть предметъ весьма важный; онъ требуетъ подробнаго описанія; предѣлъ нашей статьи не позволяетъ этого исполнить: мы поговоримъ объ немъ когда-нибудь особо.

Наконецъ, статья «Урожай». Хотите ли знать сколько на

десятины родиться свекловицы? Не за чѣмъ вамъ ѣздить въ поле. Вы можете узнать это, сидя въ кабинетѣ. Стоитъ сдѣлать слѣдующій расчетъ: «Если десятину, въ 80 сажень длины и 30 ширины раздѣлять на ряды разстояніемъ на 14 «вершковъ», и въ каждохъ ряду одинъ корень будетъ сидѣть «отъ другаго среднимъ разстояніемъ на 10 вершковъ, то,» — по мнѣнію сочинителя, пустыхъ мѣсть на ней не случится, — «и будетъ 39,275 плантъ, а на сороковой десятинѣ 52,608.» Теперь надобно только узнать вѣсъ каждаго корня, но это не такъ легко, и мы здѣсь повѣримъ сочинителю: онъ пишетъ, что изъ сороковой десятины, при вѣсѣ пятифунтовыхъ корней, сборъ будетъ 655 берковцовъ. И какъ намъ теперь извѣстно, что, по его методу, изъ берковца корней получается «20 фунтовъ настоящаго сахару въ головахъ, «и по-крайней-мѣрѣ 10 фунтовъ превосходнаго песку изъ патоки», то можемъ сосчитать, сколько десятина принесетъ доходу. Расчетъ выходитъ такой изумительный, что мы сообщимся его представить.

Въ концѣ статьи мы читаемъ: «Я имѣлъ въ полѣ, на удобренныя и вскопанныя заступомъ сороковыхъ десятинахъ, урожай, простирающійся до 550 берковцевъ, а на пересожженныхъ урожай никогда не простирался свыше 200.»

Сколько же получалось изъ тѣхъ десятинъ, которыя были просто засѣяны, безъ заступовъ? Какъ великъ урожай круглымъ числомъ, и въ сложности нѣсколькихъ лѣтъ? Во что обходится берковецъ корней при этомъ способѣ обработки? На эти вопросы сочинитель не далъ ни какого отвѣта, что несказаннымъ образомъ огорчаетъ всѣхъ насъ, сахарныхъ его читателей.

Теперь перейдемъ къ фабричной части производства. Кругъ этого производства состоитъ въ извлеченіи соку, разложеніи, или отстоѣ, выпариваніи, обезцвѣчиваніи, сгущеніи, образованіи песку, или кристаллизаціи, и наконецъ проблывъ песку.

1. Извлеченіе соку. Свекловица состоитъ изъ многихъ разнородныхъ веществъ: по химическому разложенію теперь въ ней открыто двадцать три; но, видимо, она состоитъ изъ вещества мясистаго и жидкаго. Древесина составляетъ ея всѣ

щество мясистое: по разложению Пайена, на сто частей всу свекловицы, древесины находится только $1\frac{1}{2}$ части, а по опытамъ другихъ 4. Жидкое вещество состоитъ изъ воды, которой находится въ свекловицѣ отъ 80 до 90 сотыхъ. Въ этой водѣ распущены различныя соли, кислоты, и болѣе всего сахарное начало, котораго количество бываетъ различно: во Франціи отъ 6 до 11 сотыхъ, а у насъ, по опытамъ Г. Германна, отъ 4 до 13.

Удивительное дѣло природы: какимъ образомъ въ $1\frac{1}{2}$ части твердаго вещества заключается болѣе 90 частей жидкаго соку! Но здѣсь надобно вспомнить, что сокъ этотъ сгущается пектическою кислотою, которая имѣетъ то свойство, что, соединясь съ водою, образуетъ студенистое вещество, дающее всѣмъ плодамъ и корнямъ твердость. По опытамъ Пайена, этого студенистаго вещества во свекловицѣ находится до 3 сотыхъ.

Цѣль заводчика — отдѣлить въ свекловицѣ всѣ составныя части, такъ, чтобъ осталось одно только сахарное начало. Для-этого, заводчикъ начинаетъ прежде отдѣлять мясистое вещество отъ жидкаго.

Первая мысль Ашара была та, чтобъ распарить свекловицу, превратить ее въ тѣсто, и потомъ выдавить; но на дѣлѣ это оказалось неудобнымъ: тѣсто, положенное въ мѣшки, проходило вмѣстѣ съ сокомъ сквозь ткань. Надобно было добывать сокъ изъ сырой свекловицы. Выдумали различныя *рѣзки*, и при-этомъ легко было замѣтить, что чѣмъ мельче изрѣзана свекловица, тѣмъ болѣе выдавливается соку. Это подало мысль ввести въ употребленіе терки.

Чѣмъ мельче терка разрываетъ клетчатую ткань, или, что все-равно, чѣмъ болѣе разрушаетъ пузырьковъ, въ которыхъ содержится сокъ, тѣмъ она лучше. Первые терки, какія показались у насъ на заводахъ, были деревянныя, набитыя маленькими гвоздочками: теперь ихъ ни гдѣ неупотребляютъ. Въ 1825, Г. Нейгардтъ первый употребилъ на своемъ заводѣ терку Моллара, привезенную изъ Франціи.

Тогда же, на Людиновской фабрикѣ Г. Мальцова, была сдѣлана точно такая же терка и употреблена на его свекло-сахарномъ заводѣ. Съ тѣхъ поръ, Молларовы терки показа-

лись и на другихъ заводахъ. На-мѣстѣ онѣ стоятъ 350 рублей ассигнаціями. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что эти терки выгоднѣе прежнихъ деревянныхъ, но онѣ имѣютъ важные недостатки: разстояніе шлоковъ и величина блока, на который надѣваютъ ремень, имѣютъ такой размѣръ, что ихъ можно съ выгодою употреблять только тамъ, гдѣ движеніе производится водою или парами. Вотъ почему терки, которыхъ дѣлаются теперь въ Тулѣ, болѣе употребительны, и по-справедливости имъ надобно отдать преимущество, во-первыхъ потому, что для движенія нужно менѣе силы: при хорошемъ устройствѣ привода, двѣ лошади легко приводятъ въ движеніе терку, дѣлающую 560 оборотовъ на минуту; вторыхъ потому, что при одинакихъ условіяхъ, онѣ почти вдвое болѣе истераютъ свекловицы: въ четыре минуты десять пудовъ корней. Терка эта тоже стоитъ 350 рублей.

Однако жъ, какъ бы хороша ни была терка, если не дать ей ровнаго, быстрого движенія, достоинство ея будетъ не велико: этотъ недостатокъ терокъ я видѣлъ на лучшихъ нашихъ заводахъ. Я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на приводъ, сдѣланный на заводѣ князя Долгорукова: здѣсь терка дѣйствуетъ такъ же хорошо какъ Тульская, но стоитъ не дороже 50 рублей.

Свекла, превращенная дѣйствіемъ терки въ мезгу, завертывается въ толстое полотно и кладется въ прессы: здѣсь, отъ давленія, вытекаетъ сокъ, а въ полотнѣ остается твердое вещество, называемое выжимками.

Условія хорошаго прессы — какъ-можно менѣе времени и какъ-можно болѣе силы давленія. До-сихъ-поръ всѣ употребляемые нами прессы далеко не соотвѣтствуютъ этому требованію. Разсмотримъ тѣ прессы, которые употребляютъ на нашихъ заводахъ.

Желѣзныхъ винтовыхъ прессовъ: есть два сорта, одинъ съ шестернею, а другой съ чугуннымъ дуломъ, или, какъ обыкновенно называютъ, съ *пушкою*. Этотъ послѣдній сортъ вывезенъ Г. Нейгардтомъ изъ Франціи, а теперь дѣлаютъ такіе прессы на заводѣ Г. Мальцова, но они хуже чѣмъ прессы съ шестернею: нижній конецъ винта весьма скоро стерается, отчего прессъ давить неровно; дужки часто ломаются, «ра-

бота идетъ труднѣе и медленнѣе; притомъ они и дороже, — 250 рублей ассигнаціями. Прессъ съ шестернею — самый простой: хотя сила его давленія не такъ велика какъ гидравлическаго пресса, но его прочность, удобность при работѣ и самая дешевизна (120 рублей въ Москвѣ), ввели его въ общее употребленіе на нашихъ заводахъ.

Французскіе мастера хотѣли еще ввести у насъ винтовые ударные прессы, à percussion, но они такъ дурны, что объ нихъ нечего и говорить.

Пробовали еще у насъ употреблять цилиндрическіе прессы, но и это не имѣло ни какого успѣха: работа съ ними медленна, заутана, и, по отзывамъ Французскихъ заводчиковъ, сила давленія такъ слаба, что для окончательнаго дѣйствія необходимо надобно имѣть прессъ и другаго рода.

Остается еще гидравлическій прессъ. Кому не извѣстна эта ужасная сила, съ какою можно имъ дѣйствовать? Въ Англии устройство его доведено до совершенства: говорятъ, что сила давленія равна 120,000 пудамъ. Жаль очень, что гидравлическіе прессы не въ общемъ употребленіи на нашихъ свекло-сахарныхъ заводахъ. Причину этому — непомѣрно высокая цѣна, и ктому жъ у насъ не умѣютъ ихъ дѣлать прочно. Я находилъ ихъ на многихъ заводахъ, но въ дѣйствиіи дѣлалъ только на заводѣ графа Бобринскаго, а на прочихъ они были или совсѣмъ испорчены или дѣйствовали слабо. Нѣкоторые маловажныя неудобства легко могли бы быть уничтожены, если бъ прессы эти нашли болѣе охотниковъ.

Дѣйствуя такими прессами получаютъ свекловичнаго соку 70 частей противъ 100 частей свекловицы, или Эведеръ изъ берковца корней. Во Франціи дѣлали опытъ и, пережимая въ другой разъ мезгу, получали 78 частей: слѣдственно прибавлялась девятая часть противъ количества, полученнаго въ первый разъ; но это былъ только опытъ: нѣтъ ни какой выгоды терять время, чтобъ получать съ одинаковымъ трудомъ девятую часть. Однако, дѣйствуя гидравлическими прессами, ни кто не дошелъ до такого результата какъ Г. Давыдовъ: онъ получалъ во все производство до 80%, а употребивъ пропариваніе, у него выходило 90% и даже болѣе.

Я сказалъ, что у насъ въ общемъ употребленіи желѣзные винтовые прессы. Сила ихъ давленія несравненно меньше: перерабатывая свѣжую свекловицу и передавливая два раза, мы болѣе не получаемъ какъ 66⁰/₀, или 8¹/₂ ведеръ изъ берковца корней, при 7° плотности. Нѣтъ сомнѣнія, что это мало, вспомнивъ, что въ свекловицѣ находится воды 90⁰/₀; но потери этой не должно относить къ однимъ прессамъ: у насъ болѣею частію и терки дѣйствуютъ плохо. Следственно успѣхъ свекло-сахарнаго производства много зависитъ и отъ улучшенія механическихъ искусствъ.

Потеря эта давно составляетъ предметъ особеннаго вниманія многихъ заводчиковъ. Любопытно разсмотрѣть, какими способами хотѣли исправить подобный недостатокъ производства.

Мы видѣли, что Ашаръ распаривалъ свеклу, думая получить сокъ такимъ образомъ, но опытъ его былъ неудаченъ; послѣ него испытывалъ то же самое средство Шампонё, и тоже неудачно.

Г. Щегловъ, въ своемъ «Муравьѣ», 1828, описалъ способъ извлеченія соку, употребленный на заводъ Г. Всеволожскаго близъ Петербурга: свекловица, дѣйствіемъ терки, превращается въ мезгу; мезгу эту кладутъ въ деревянные ящики, внутри обложенные свинцомъ, пересыпаютъ известью, закрываютъ плотно крышкою и впускаютъ пары. Когда мезга упарится, ее выкладываютъ въ «верето» и выжимаютъ сперва легко, помощію доски, потомъ кладутъ ее въ «колѣнчатый прессъ» а тамъ еще въ сложный винтовой прессъ, гдѣ и оканчивается давленіе. Такимъ образомъ получается 10 ведеръ соку изъ 10 пудовъ корней. Сокъ сливается въ котлы, гдѣ его подвариваютъ до тѣхъ поръ, пока плотность его будетъ въ 15° по ареометру Бомё; потомъ оставляютъ его въ покоѣ. Черезъ четыре часа сокъ спускаютъ въ выпарные котлы.

Такимъ образомъ получали 22 фунта изъ 1 четверти корней.

Повторяя этотъ способъ, я дѣйствительно получилъ выгоды большіе чѣмъ обыкновеннымъ способомъ, но онѣ не были такъ значительны, чтобъ могли вознаградить издержки, необходимыя на устройство паровика. При этомъ опытѣ, я

имѣлъ случай убѣдиться, что, употребляя извѣсть прежде, чѣмъ мезга пережмѣтъ цѣвѣтъ, много облегчаются послѣдующія работы.

Въ журналѣ L'Agriculteur manufacturier было подробное описаніе, какъ для вторичнаго пережиманья прессами пропаривать выжимки въ шкафахъ, сдѣланныхъ нарочно для этого. И у насъ ихъ пробовали, однако жъ убѣдились, что хотя соку по объему выходитъ больше, но сахару едва-ли не меньше: выпускаемые пары, охлаждаясь, превращаются въ воду, разжижаютъ сокъ и тѣмъ подвергаютъ его порчѣ.

Носаржевскій предлагалъ рѣзать свекловицу въ ломти, сушить ихъ, а потомъ вымачивать водою. Сушить свекловицу—дѣло самое пустое.

Теперь остается разсмотрѣть тѣ выгоды, о какихъ возвѣстилъ Г. Давыдовъ, дѣйствуя прессами. Извѣстно, что Г. Давыдовъ представилъ намъ вдругъ двѣ методы: одна изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы получать сокъ, пропаривая ломти свекловицы и выжимая ихъ прессами; другая, чтобы получать сокъ, вымачивая ломти или мезгу холодною водою: Обѣ методы были приняты такъ торжественно, что невольно взумили самыхъ опытныхъ заводчиковъ и даже публику. Начнемъ съ первой, — пропариваніе ломтей свекловицы.

Въ 1833 году показалась брошюрка «Взглядъ на свекло-сахарное производство». На первой страницѣ авторъ говорилъ, «что правительство въ нѣкоторыхъ Европейскихъ государствахъ не обращало по сіе время вниманія на эту новую промышленность, во-первыхъ, потому что настоящіе «результаты сахаро-добыванія изъ свекловицы дѣйствительно ничтожны и нисколько не оправдали первоначальныхъ «ожиданій», и такъ далѣе. Въ заключеніе было сказано, что *бытіе* или *небытіе* свеклы, *to be*, *or not to be*, покровительство или отверженіе этой промышленности правительствомъ, «относится прямо къ выходамъ сахарнаго песку изъ даннаго «количества корней.» Отчего жъ такъ? Это силлогизмъ *ab absurdo*, и весьма неудачный. Можно получать двѣнадцать фунтовъ песку изъ берковца, и, если этотъ песокъ заводчику обойдется такъ же дешево какъ колонисту песокъ тростниковый, свекло-сахарная промышленность заслуживаетъ вын-

манія; и обратно, можно получить песку *тридцать фунтов и болѣе*, но если эти «тридцать фунтов и болѣе» обходятся дороже тростниковаго песку, она будетъ бесполезна. Следственно «бытіе» промышленности замѣнить не отъ однихъ выходовъ песку, но также отъ дешевизны матеріаловъ, отъ простоты способа производства.

Далѣе: «При существующемъ положеніи нашихъ заводовъ и при высшихъ даже цѣнахъ, рѣдкому фабриканту очищается теперь чистой прибыли 2 рубля съ четверти.» Это показываетъ, что почтенный сахарофилъ, занимаясь, какъ самъ пишетъ, двѣнадцать лѣтъ постоянно этою отраслю промышленности, былъ чрезвычайно несчастливъ, что не могъ достигнуть даже до тѣхъ выгодъ, въ какихъ теперь не сомнѣвается и простой сахароваръ. Въ первой нашей статьѣ, мы сравнили отчеты заводовъ Г. Мальцова и барона Котца, а въ концѣ этой увидимъ еще отчетъ завода графа Бобринскаго: всѣ они ясно убѣждаютъ, что почтенный авторъ несчастливъ также и въ составленіи себѣ вѣрнаго понятія о промышленности, которой посвятилъ онъ двѣнадцать лѣтъ, — цѣлый Китайскій циклъ времени. Для разрушенія этой печальной картины довольно посѣтить заводъ графа Бобринскаго, гдѣ, какъ пишетъ директоръ Комитета Сахароваровъ, «каждому показываютъ все производство, не дѣлая изъ того секретовъ, и предлагаютъ всѣ возможныя удобства для удовлетворенія пытливости посѣтителей.»

Въ концѣ брошюрки о свеклѣ представлено нѣсколько мыслей о «Финансовой наукѣ»: онѣ очень занимательны, но мы не остановимся на нихъ, — не *saccharifex ultra bettam*, — и перейдемъ къ тому, что относится къ производству. «Выходы, моими средствами обработки и независимо отъ воли работниковъ, пишетъ авторъ, простираются отъ 24 до 30 фунтовъ и болѣе изъ каждой десяти-пудовой четверти.» После этого, каждому желательно узнать, въ чемъ состоятъ эти средства обработки; но это не легко. Вотъ условія автора: «Если правительству угодно будетъ, удостовѣряться въ моихъ средствахъ производства, удостойте ихъ своего покровительства, я передамъ ихъ тогда *въ общую извѣстность*, и предоставлю себѣ только одно право — но»

«лучить одинъ разъ навсегда отъ всякаго заведенія, которое приметъ мое усовершенствованіе, ничтожную сумму «для каждаго изъ нихъ, 1,000 рублей съ каждаго 5,000 «четвертей производства, и ниже этого сбора. Единственное вознагражденіе со стороны правительства, въ которомъ вѣроятно оно мнѣ не откажетъ, состояло бы въ освобожденіи меня и дѣтей моихъ, въ случаѣ моей смерти, отъ «возможнаго когда-нибудь налога по этому производству.»

Этотъ способъ передачи усовершенствованій въ «общую извѣстность» довольно новъ, и, послѣ него, тѣмъ, которые желали бы передать свои изобрѣтенія въ «частную извѣстность», не остается другаго средства какъ обнародовать ихъ черезъ газеты.

Московское Земледѣльческое Общество обратило вниманіе на этотъ вызовъ, и просило графа Бобринскаго и Г. Шишкова, въ качествѣ депутатовъ общества, принять на себя трудъ осмотрѣть производство Г. Давыдова и сообщить свои замѣчанія. Съ нетерпѣніемъ ждали мы мнѣнія графа Бобринскаго, но, къ сожалѣнію, узнали послѣ, что «обстоятельства, вызвашіе графа въ Петербургъ, не позволили ему лично присутствовать при производствѣ работъ Г. Давыдова»: такъ сказано въ рѣчи правителя общества.

Донесеніе Г. Шишкова, читанное въ обществѣ 8 января, подтверждало всѣ открытія Г. Давыдова и даже нѣсколько объясняло ходъ производства. Выпишемъ, что болѣе замѣчательно.

«Сокъ добывается пропариваніемъ ломтей свекловицы и «прессами. Такого соку получено, на каждые 10 четвертей въ «десять, пудовъ 144 ведра въ 6° плотности по ареометру, а «по приведеніи въ 7 $\frac{1}{2}$ градусовъ, соку было 114 бедеръ.»

«Сгущеніе соку производилось слабыми парами на снарядѣ непрерывной выпарки, изобрѣтенія Г. Давыдова, и «который по чрезвычайной простотѣ устройства и быстрому «сгущенію сахарнаго раствора (въ продолженіе 3 минутъ) заслуживаетъ преимущество передъ всякимъ другимъ способомъ выпариванія.»

«Песку всего получено 24 $\frac{1}{10}$ фунта изъ четверти. Такъ какъ производство было дѣлано 15 декабря, то свекловица

«была повреждена: при свяжей свекловицъ выходы должны быть гораздо значительнѣе,» и прочая.

Въ заключеніе депутатъ говорить: «Новый способъ Г. Давыдова заслуживаетъ преимущество, не говоря уже о почти двойномъ выходѣ произведеній, дешевизною устройства, уменьшеніемъ рабочей силы и помѣщенія, и простою своею, хотя наблюденіе было дѣлано при самыхъ невыгодныхъ для Г. Давыдова обстоятельствахъ..... Можно поздравить отечество наше съ открытіемъ, которое принесетъ большую выгоду въ хозяйствѣ и совершенно утвердитъ у насъ сахаро-добываніе изъ свекловицы, какъ богатѣйшую отрасль земледѣлія и промышленности.» По выслушаніи этого донесенія, «всѣ присутствующіе члены единогласно опредѣлили — Дмитрію Александровичу Давыдову, «за его неутомимые труды и патріотическія пожертвованія, поднести первую золотую медаль и благодарственный адрессъ.»

Все это было напечатано, правда не очень красивыми, но зато довольно крупными литерами. Кто не порадовался благодѣтельному открытію, которое затмѣвало все, что донынѣ было изобрѣтено по сахарной части! Уже многіе, собравши тысячу, другую, рублей, готовы были отправиться къ изобрѣтателю и просить его открыть свою методу, этотъ единственный источникъ для поддержанія упавшихъ нашихъ доходовъ; какъ вдругъ, въ 27 номеръ Московскихъ Вѣдомостей читаемъ, что, 3 марта 1834 года, по поводу новыхъ открытій Дмитрія Александровича Давыдова, опредѣлено сдѣлать экстраординарное засѣданіе.

Какъ! новыя открытія? Мы еще не успѣли ознакомиться съ методою, принятою такъ торжественно ученымъ обществомъ въ январѣ, какъ въ мартѣ уже готова и другая! И послѣдняя обѣщала быть еще лучше первой, потому что она уничтожала первую и изобрѣтатель, за право пользоваться второю методою, требовалъ несравненно дороже чѣмъ за первую.

Въ чемъ же состояли эти новыя открытія? Вотъ какъ онѣ объяснены въ томъ же номерѣ Московскихъ Вѣдомостей. Г. Дружининъ, прибывшій на заводъ Г. Давыдова по окончаніи уже свидѣтельства сдѣланнаго Г. Шишковымъ, нашелъ

Дмитрія Александровича Давыдова занятого *новымъ способомъ* сахароваренія посредствомъ холодной вымочки свекловицы поврежденной до того, что она отзываеть гнилью. «Этотъ новый способъ столько же превосходитъ тотъ, который только-что освидѣтельствовалъ Г. Шишковъ, сколько первый превосходилъ прежніе способы сахародобыванія.»

Волшебство, и только! Изобрѣтатель былъ очевидно того же мнѣнія какъ и Московскія Вѣдомости, потому что онъ взялъ привилегію не на тотъ способъ, которымъ былъ такъ восхищенъ Г. Шишковъ, но на способъ холодной вымочки. Здѣсь невольно рождается вопросъ — отъ чего изобрѣтатель такъ скоро успѣшилъ уничтожить первую методу (пропариваніе) и замѣнилъ ее новою, *холодною вымочкою*? Намъ говорятъ, что первая метода Г. Давыдова «представляетъ довольно затрудненій, какъ въ устройствѣ такъ и въ содержаніи, починкѣ» и что она выдумана была «не для деревенскаго быта*». Какъ! не сами ли вы, восхваляя эту методу, утверждали, что «она заслуживаетъ преимущество, сверхъ двойнаго почти выхода произведеній, *дешевизною устройства, уменьшеніемъ рабочей силы и экономіею и своей простотою*?» Не сами ли вы поздравляли отечество «съ открытіемъ, которое принесетъ большую выгоду въ *хозяйствѣ* и совершенно утвердитъ сахародобываніе въ Россіи»? Неужели метода «холодной вымочки» можетъ быть еще лучше, еще дешевле и проще методы, которой выгоды такъ увлекательно описаны въ брошюркѣ Г. Давыдова? Вотъ онъ: «1. Ежедневное производство можетъ быть *утроено*, а число работниковъ уменьшается *вполовину*. 2. Каждая часть произведеній выходитъ готовою къ продажѣ или рафинировкѣ черезъ *восемь дней и меньше*, когда при обыкновенныхъ способахъ для того нужно шесть недель. 3. Помѣщеніе, при большемъ производствѣ, и безъ малѣйшей тѣсноты, потребно не больше того, которое необходимо для *самыхъ малыхъ заведеній* въ настоящемъ ихъ видѣ; и присмотръ за всѣми работами можетъ сосредоточенъ быть *въ одномъ мѣстѣ*».

* Слова Г. Шишкова. Записки Комитета Сахароваровъ.

«4. Капиталъ для новыхъ заведеній нуженъ несравненно менше; ибо каждое изъ нихъ, на производство 100 четвертей въ сутки, не можетъ стоить болѣе 12,000 рублей, какъ бы материалы ни были дороги въ томъ краѣ. 5. Исполнительныя средства до того просты, что управление можетъ, безъ малѣйшаго опасенія, быть поручено необразованному челоуьку. И наконецъ, выходы простираются отъ 24 до 30 фунтовъ и болѣе иль каждой десяти-пудовой четверти.»

Такъ ли это было на дѣлѣ, мы того рѣшить не можемъ, потому что метода, какъ метеоръ, блеснула только для одного Г. Шишкова, и вдругъ исчезла подъ непроницаемую завѣсою. Эта метода громко разнесла имя изобрѣтателя, и однако жъ, не смотря на золотую медаль перваго достоинства, не доставила свекло-сахарной промышленности ни какой пользы. Она предана забвенію самимъ изобрѣтателемъ!

Не странно ли, скажите сами, не жаль ли, что плодъ «двѣнадцати-лѣтняго соображенія» задушенъ при самомъ рожденіи и замѣненъ другою методою, которой выгоды, какъ нынче доказано плачевнымъ опытомъ нѣсколькихъ заводовъ, далеко не соответствують блестящимъ ожиданіямъ, и которая обнаружила только то, что неутомимый изобрѣтатель, схвативши чужую идею, не умѣлъ даже принаровить ее къ успѣшному ходу производства! Греческій огонь, древній цементъ, множество другихъ превосходныхъ способовъ потеряны: ученые дивились этому! Но не удивительнѣе ли, тысячу разъ не удивительнѣе ли то, что метода, увѣнчанная медалью въ 1834 году, была уже потеряна для свѣта въ 1835?

Мы сказали, что, оставивъ первую свою методу, Г. Давыдовъ ухватился за чужую идею «холодной вымочки».. Въ самомъ дѣлѣ, это идея Домбаля, и она давно извѣстна тѣмъ, которые читають журналы. Мы видѣли, что отъ усовершенствованія механическихъ искусствъ зависитъ успѣхъ и напихъ заводовъ; однако жъ и во Франціи, гдѣ механическія искусства совершеннѣе нашихъ, — и тамъ потеря сахарнаго начала значительна. Вотъ почему открытіе лучшаго способа извлекать сокъ, составляетъ и теперь предметъ усилій заводчиковъ. Много дѣлано было опытовъ, и все остались безъ

успѣха; но опытъ, произведенный Домбалемиъ, — извлечь изъ свекловицы сокъ, посредствомъ воды, увлекъ умы сахарныхъ заводчиковъ, породилъ множество другихъ идей, и теперь одушевляетъ новою дѣятельностью труды западныхъ сахароваровъ *. Такъ какъ этотъ способъ извлекать сокъ совсѣмъ отличенъ отъ прежняго, обыкновеннаго способа, и составляетъ основаніе особой методы, то мы будемъ говорить отдѣльно.

II. *Разложеніе соку, или отстой.* Если бѣ сокъ, вытекающій изъ прессовъ, состоялъ изъ воды и раствореннаго сахара, тогда было бы очень легко отдѣлить сахаръ: оставалось бы — выпарить сколько нужно воды, и дѣло съ концемъ; но то бѣда, что сокъ содержитъ въ себѣ множество постороннихъ веществъ. Въ немъ находятся растительная бѣлковина, животное — растительное вещество, или начало броженія, растительныя соли, имѣющія основаніемъ нашатырь, поташъ, известь; металлическія соли, — нашатырную соль (*hydro-chlorate d'ammoniaque*), сѣрно-кислую и фосфорно-кислую известь; кислоты, — пектическую, яблочную, и еще другія вещества **, но остальное въ такомъ маломъ количествѣ, что при производствѣ оно не имѣетъ ни какого вліянія на сахаръ. Ктому жѣ, при поврежденіи свекловицы всѣ составныя ея части, распущенныя въ сокъ, начинаютъ дѣйствовать другъ на друга и, взаимно измѣняясь, производятъ новыя вещества. Въ этомъ-то процессѣ животное-растительное вещество,

* Мысль — получать сокъ посредствомъ вымочки составляетъ предметъ занятій и нашихъ заводчиковъ. Теперь, многіе, убѣдившись въ неосновательности способа, представленнаго Г. Давыдовымъ, обратились къ многимъ другимъ опытамъ, которыхъ пользу должно было рѣшить производство въ прошедшую осень. Всѣ эти опыты известны теперь у насъ подъ общимъ названіемъ *новой методы*. Уважая порывы безкорыстнаго усердія образованныхъ нашихъ заводчиковъ къ этому полезному дѣлу, считаемъ нужнымъ здѣсь объяснить, что мѣтѣ, изложенное въ № V Б. для Ч. о *новыхъ методахъ*, должно относить только къ Французской методѣ Гюарда, на которую мы смотримъ какъ на спекуляцію, и къ методѣ Г. Давыдова, и именно къ той, на которую оны получили привилегію.

** *Essai d'Analyse de la betterave par Dubrunfaut. — Traité de Chimie par Thénard. — Analyse de la betterave, etc., par Payen.*

или начало броженія, болѣе всего дѣйствуетъ на сахаръ: оно образуетъ въ сокъ особенное вещество, волокнистое, липкое, которое дѣлаетъ сахаръ неспособнымъ къ кристаллизаціи.

Эта многосложность составныхъ частей, эта способность къ быстрому поврежденію сахару, причиною, что разложеніе соку есть самое трудное дѣло въ свеклосахарномъ производствѣ. Нѣтъ сомнѣній, что одна только Химія, которая положила начало этой промышленности, можетъ быть лучшею руководительницей къ дальнѣйшему усовершенствованію дѣла. И въ этомъ отношеніи нельзя не пожалѣть, что въ нынѣшнее время химики обращаютъ такъ мало вниманія на нашъ предметъ. При Наполеонѣ сильно имъ занялись, а послѣ, только Гг. Пайенъ, Пелюзэ, Дюбрено, старались нѣсколько озарить производство свѣтомъ науки, основывая свои замѣчанія на химическомъ разложеніи. У насъ, только Щегловъ и Ювскій слегка коснулись этого предмета. Мы ожидаемъ много полезнаго отъ трудовъ Г. Германна, Московскаго химика.

До-сей-поры всѣ усовершенствованія, сдѣланныя въ производствѣ, были собственно плодомъ усилій самихъ заводчиковъ, которые, при своихъ практическихъ работахъ, замѣчали недостатки и старались ихъ исправить. Но заводъ не лабораторія: здѣсь нельзя подвергать теоретическихъ предположеній непрерывнымъ опытамъ, и нельзя извлечь ни какихъ основательныхъ результатовъ. Вотъ почему успѣхи производства очень медленны, несмотря на то, что ими занимались люди образованные,—Домбаль, Креспель, Клемандо, графъ Бобринскій, и другіе.

Разложеніе соку или, какъ называютъ на заводахъ, *отстой*, дѣло такое важное, что мы должны нѣсколько подробнѣе рассмотретьъ эту часть производства. Постараемся быть совершенно удобопонятными и избѣгать ученыхъ химическихъ терминовъ.

Мы видѣли, что въ свекловичномъ сокѣ распущены многія разнородныя вещества, и что всѣ онѣ смышаны съ сахаромъ: какимъ же образомъ отдѣлить ихъ такъ, чтобъ остался одинъ сахаръ? Для-этого надобно прибѣгнуть къ химическому разложенію, то есть, надобно найти такое вещество,

*

которое, будучи положено въ сокъ, отдѣлило бы всѣ постороннія вещества въ плотную массу, и чтобы сахаръ остался распущеннымъ въ водѣ; сверхъ-того, надобно, чтобы это вещество не соединялось съ сахаромъ и чтобы не измѣняло его. До-сихъ-поръ еще не открыто такого вещества, которое бы вполне удовлетворяло этому требованію.

Для разложенія соку теперь употребляютъ обыкновенно два дѣйствителя, — сѣрную кислоту и известь. Употребленіе ихъ весьма разнообразно, что можно видѣть изъ слѣдующаго описанія всѣхъ способовъ отстоя.

Способъ Ашара. Самъ изобрѣтатель описываетъ его такимъ образомъ: «Сокъ, полученный изъ прессовъ, собирать въ глиняныя горшки, гдѣ его и окислять; на одно ведро соку положить 7 золотниковъ сѣрной кислоты, распущенной въ водѣ. Въ этомъ состояніи сокъ долженъ оставаться сутки, и тогда онъ разлагается, — сверху дѣлается чистымъ, а внизу оставляетъ осадъ. На другой день, сокъ сливать въ мѣдные котлы, на днѣ которыхъ долженъ быть насыпанъ мелко истертый мѣлъ: 122 золотника на 8 ведеръ соку. Мѣлъ надобно класть для того, чтобы насытить положенную кислоту и уничтожить прикосновеніе кислоты къ мѣди. Если въ сокъ не уничтожить кислоты, это будетъ вредно для сахару, и всѣ послѣдующія работы пойдутъ дурно. Сокъ, соединенный съ мѣломъ, мѣшаютъ долго, отчего образуется осадъ, состоящій большею частью изъ *сѣрнокислой извести*. Какъ скоро положили мѣлъ, тотчасъ замѣтно отдѣленіе пузырьковъ: это-дѣйствіе угольной кислоты, которая отдѣляется изъ мѣлу при насыщеніи сѣрной кислотой. Чтобы и ее уничтожить, надобно прибавить извести: 37 золотниковъ на 8 ведеръ соку*. Но извести здѣсь болѣе, чѣмъ нужно, чтобы насытить угольную кислоту: это для того, чтобы отдѣлить нашатырь, всегда находящійся въ свекловичномъ сокѣ и препятствующій добыванію сахару. Известь, соединяясь съ нашатыремъ образуетъ водосолетворную известь, которая находится въ сокѣ и не вредитъ производству. Когда все хорошо перемѣ-

* Если только для этого, то вѣтъ надобности класть известь, потому что угольная кислота легко отдѣлится въ видѣ газа при малѣйшей теплотѣ.

шано, подогреваютъ сокъ : при температурѣ 30° вливаютъ туда молоко , — одно ведро на 8 ведеръ соку ; потомъ продолжаютъ нагревать до 79°, а тамъ оставляютъ его остывать. Отъ дѣйствія теплоты бѣлковина, отдѣлившаяся изъ соку еще дѣйствіемъ кислоты и плавающая небольшими клочками, сгущается, а отъ прибавленія молока она еще болѣе дѣлается плотною. Увеличивая теплоту, бѣлковина, свертывается, захватываетъ всѣ частицы плавающія въ сокъ, поднимается вверхъ и образуетъ густую пѣну : внизу остается чистый сокъ.»

Мысль Ашара, что сѣрная кислота, положенная въ холодный сокъ, предохраняетъ его отъ порчи, увлекла меня употребить его способъ производства. Слѣдуя въ точности тому, какъ извѣнилъ его Креспель, я не имѣлъ успѣха. Тамъ сказано, что на 50 ведеръ соку надобно положить 3 фунта кислоты и 4 фунта извести. Этого мало: надобно было 9 фунтовъ извести, то есть, то количество, какое было употреблено для разложенія неокисленнаго соку. Способъ Ашара я употреблялъ болѣе мѣсяца съ испорченною и свѣжею свекловицею, и, для лучшаго соображенія, въ то же время производство шло и другимъ способомъ. Вотъ результатъ моихъ наблюдений :

При неиспорченной свекловицѣ и благоустройствѣ завода, гдѣ свекловичный сокъ скоро подвергается разложенію, способъ Ашара долженъ быть оставленъ: результатъ, получаемый этимъ способомъ, не лучше и не обильнѣе того, какой даютъ другіе способы отстоя, а между-тѣмъ онъ представляеть болѣе затрудненій въ ходѣ работъ, требуетъ матеріаловъ лишнихъ и которыхъ часто трудно достать; притомъ онъ ведетъ къ большимъ неудобствамъ, когда кислоты будетъ положено неумѣренно, чего мудрено избѣгнуть съ нашими мастерами.

Способъ Ашара можетъ быть употребляемъ съ пользою только тамъ, гдѣ нельзя имѣть успѣха отъ другихъ способовъ: то бываетъ въ то время, когда сокъ или свекловица повреждены; кислота, употребленная въ холодномъ состояніи соку, удерживаетъ растворимость животно-растительнаго вещества, и тѣмъ препятствуетъ усиленію броженію, но

отнюдь не въ состояніи уничтожить уже начавшагося броженія.

Многосложность способа Ашарова, неопредѣленность — сколько употреблять кислоты и извести, уничтоженіе кристаллизованнаго сахару при малѣйшемъ излишкѣ кислоты, вотъ причины, отчего его послѣдователи сгарались найти методу, которая была бы и проще и меньше сопряжена съ неудачами. Извѣстно было, что въ колоніяхъ, для разложенія тростниковаго соку употребляли одну известь, но первая мысль родилась у химика Лампадіуса приложить это вещество къ свекловичному. Гермстедтъ воспользовался его мыслию, и первый обнарудовалъ, что, употребивъ при отстоя одну известь, онъ получилъ песку 3%. Способъ этотъ быстро распространился, и теперь извѣстенъ подъ именемъ «колоніальнаго». На нашихъ заводахъ онъ одинъ только и въ употребленіи, однако жъ имѣетъ важныя недостатки. Если его придерживаются такъ потому что исполненіе его слишкомъ просто, — а это и нужно для нашихъ мастеровъ. Вотъ какъ колоніальный способъ употребляли на старыхъ заводахъ: огромный котель нальютъ сокомъ, нагрѣютъ его до 65° Реомюра, положить въ него известь, разведенную водою, размѣшаютъ ее съ сокомъ, потомъ усилить огонь и, какъ скоро сокъ закипитъ, огонь зальютъ и котель оставятъ въ покоѣ. Скоро сверху образуется плотная пѣна: ее снимутъ, а внизу останется чистый сокъ, который спускается въ чаны, гдѣ всѣ мелкія плавающія частицы осѣдаютъ на дно.

Здѣсь — видимый недостатокъ: такъ какъ котлы огромныя, то сокъ остается долго безъ разложенія, иногда часовъ шесть. Теперь на заводахъ, котлы обыкновенно — небольшіе, такъ что черезъ два часа сокъ подвергается разложенію; но чтобы еще лучше предупредить порчу соку, надобно еще ранѣе класть известь, и даже не худо облить и самую мезгу растворомъ извести.

Сколько же кладутъ извести? Простые сахаровары дѣлаютъ это наудачу. Казалось бы, что, нашедши одинъ разъ количество извести, необходимое для полученія хорошаго отстоя, можно было бы постоянно его употреблять, но на дѣлѣ это невозможно: одинъ и тотъ же зарядчикъ принужденъ

безпрестанно измѣнять количество извести, смотря по роду свекловицы, болѣе или менѣе позднему времени года и качеству земли, въ которой росли корни.

Такъ какъ колоніальной способъ у насъ общепотребителенъ, и заслуживаетъ особенное преимущество со времени введенія у насъ Дюмоновыхъ цѣдилокъ, то мы изложимъ его подробнѣе.

Подогрѣвши сокъ, начинаютъ прибавлять известь жидко разведенную водою: при всякомъ прибавленіи сокъ болѣе и болѣе измѣняется. Вотъ постепенное его видоизмѣненіе при обработкѣ свѣжей свекловицы. *Первая степень.* Если положимъ извести мало (на моемъ заводѣ отъ 6 до 8 фунтовъ на 50 ведеръ), сокъ начинаетъ разлагаться большими клочьями; цѣна неплотная; сокъ отстаивается скоро, красноватаго цвѣта. Сиропъ полученный изъ этого соку отдѣляетъ много пѣны, песокъ выходитъ темный и болѣею частію кислый, какъ-будто полученный изъ поврежденной свекловицы. *Вторая степень.* Если прибавимъ извести, то образуется цѣна сухая, гуща садится плотно, сокъ чище и свѣтло-янтарнаго цвѣта. При прежнемъ производствѣ, безъ Дюмоновыхъ цѣдилокъ, сиропъ, получаемый изъ этого соку, кипѣлъ безъ пѣны, но медленно и болѣею частію пригаралъ. *Третья степень.* Если еще прибавимъ извести, сокъ разлагается медленно, и сколько бы времени онъ не стоялъ, всегда видны въ немъ плавающія крупинки; на днѣ остается много жидкой гущи, запахъ сильный нашатырный; цвѣтъ соку еще свѣтлѣе предъидущаго. При прежнемъ производствѣ изъ этого соку нельзя было ничего получить, но теперь употребивъ способъ Клемандо уравниенія соку (neutralisation) и Дюмонову цѣдилку, можно добыть превосходный песокъ, хоть и въ меньшемъ количествѣ. *Четвертая степень.* Наконецъ, если, получивъ предъидущій сокъ, еще прибавимъ извести, весь сокъ превращается въ грязную массу, и сколько бы времени онъ ни отстаивался, никогда не разложится. Обыкновенно этотъ сокъ выливаютъ какъ ни къ чему не годный; однако жъ его можно поправить: стоитъ только смѣшать его съ сырымъ сокомъ, подварить, и тогда получимъ сокъ разложенный.

Изъ этихъ измѣненій легко видѣть неудобства, которыя встрѣчаются при старомъ производствѣ: положивъ извести мало, выходитъ дурной песокъ; прибавивши, сиропъ пригараеть и песокъ выходитъ еще хуже. Надобно замѣтить, что неудобства эти нѣ вездѣ одинаковы, и легко понять причину разности, обративъ вниманіе на то, что происходитъ съ сокомъ во время его разложенія. Мы уже сказали, что прежде всего начинаютъ подогрѣвать сокъ, чтобы дѣйствіемъ теплоты отдѣлить растительную бѣлковину, которая, свертываясь, увлекаетъ съ собою твердыя частицы; далѣе, при 65° Реомюра, кладутъ известъ: она тотчасъ начинаетъ разлагать щавеле-кислый и водо-хлорный поташъ и нашатырь; при этомъ разложеніи известъ соединяется съ кислотами, а основаніе двухъ солей, поташъ и нашатырь, дѣлаются свободными. Известъ соединившись съ кислотами, образуетъ другія соли, растворимыя и нерастворимыя: первыя остаются въ сокъ, а послѣднія осѣдаютъ на дно или соединяются съ пѣною. Такимъ образомъ сокъ, который поступилъ мутнымъ и темнымъ, становится чистымъ, светло-янтарнаго цвѣта, и заключаетъ въ себѣ воду, сахаръ кристаллизованный и жидкій, водо-хлорную известъ, поташъ, нашатырь, вещество красильное и часть бѣлковины.

Сокъ этотъ показываетъ всѣ признаки сильной щелочности. Прежде относили это къ распущенной извести, оставшейся въ сокъ, но чтобы увѣриться, что въ отстойномъ сокѣ нѣтъ извести, весьма легко повторить опыты, которые Г. Клемандо изложилъ въ своемъ сочиненіи *Considérations sur les agens employés dans la défécation*.

Причина щелочности не известъ, а освобожденные дѣйствіемъ извести поташъ и нашатырь, которыхъ количество бываетъ чрезвычайно разнообразно; они обильнѣе въ свекловицѣ, которая растетъ въ жирныхъ земляхъ, и при ея обработкѣ необходимо употребить болѣе извести, чтобы поташъ и нашатырь привести въ свободное состояніе. Но если свекловица произрастаетъ на песчаныхъ и мало удобренныхъ земляхъ, въ ней менѣе солей, и сокъ не бываетъ такъ щелоченъ. Но извѣстно, что жидкость, въ которой находится болѣе поташу, труднѣе выпаривается по причинѣ большаго сродства воды

къ поташу* : поэтому легко теперь объяснить, отчего колоніальный способъ въ иныхъ мѣстахъ употребляется съ успѣхомъ, а въ другихъ неудачно. Тамъ, гдѣ въ свекловицѣ мало поташныхъ солей, колоніальный способъ есть лучший; въ другихъ мѣстахъ онъ представляетъ большія неудобства, которые были поводомъ, что лучшіе Французскіе заводчики замѣнили его другимъ, известнымъ у насъ подъ именемъ *Французскаго способа*. Мы тотчасъ будемъ говорить объ немъ. Я описалъ колоніальный способъ такъ, какъ онъ издавна употребляется на нашихъ заводахъ, но надобно упомянуть и о другихъ видахъ колоніальнаго отстоя. У Г. Нейгардта сокъ, изъ прессовъ, поступаетъ въ небольшіе рычажные котлы; черезъ полчаса кладутъ известь и подогреваютъ; какъ скоро сокъ закипитъ, тотчасъ сливаютъ его въ цѣдилку, изъ которой прежде идетъ мутный, потомъ свѣтлый; этотъ поступаетъ въ другіе рычажные котлы, куда кладутъ животный уголь; здѣсь его немного подогреваютъ, и опять сливаютъ въ цѣдилки, изъ которыхъ онъ выходитъ уже чистымъ и поступаетъ въ выпарные котлы. Хотя это нѣсколько и многосложно, но здѣсь та выгода, что, очищая сокъ животнымъ углемъ, ослабляютъ его щелочность.

Пробовали дѣлать холодной отстой, то есть, производить разложеніе соку безъ огня. Способъ этотъ былъ подробно описанъ въ «Запискѣ свекло-сахарнаго завода Г. Мальцова на опытномъ хуторѣ». Но онъ оставленъ; надобно много времени, чтобъ бѣлковина сама собою отдѣлилась; известь не въ состояніи отдѣлить ея хорошо безъ содѣйствія огня, и притомъ ничего не прибавляется въ выходахъ.

Говоря о колоніальномъ способѣ, необходимо разсмотрѣть еще слѣдующіе вопросы: не вреденъ ли этотъ способъ для кристаллизованнаго сахару? и какого достоинства бывають произведенія?

Г. Пайенъ пишетъ, что свободный поташъ, распущенный въ отстойномъ сокѣ, измѣняетъ сахаръ, превращая его въ некристаллизующійся, и другой химикъ, Даниель, весьма

* Нашатырь не представляетъ ни какого затрудненія при выпариваніи, потому что отъ дѣйствія теплоты онъ легко отдѣляется съ парами.

подробно объясняетъ, какой вредъ производитъ известь въ сахаръ. Г. Клемандо растворилъ чистый песокъ въ сиропъ; половину этого сиропу варилъ онъ просто, а къ другой прибавилъ распущеннаго поташу: послѣдняя кипѣла долѣе, труднѣе, и песокъ вышелъ несравненно темнѣе чѣмъ изъ первой половины того же сиропу: слѣдственно поташъ измѣняетъ сахаръ.

Этого довольно, чтобы убѣдиться, что известь, отдѣляя поташъ, не есть лучший дѣйствительный при свекло-сахарномъ производствѣ.

Французскіе рафинёры говорятъ, что песокъ, полученный колоніальнымъ способомъ, хотя на-видь бываетъ прекрасенъ, издаетъ особенный запахъ и сохраняетъ непріятный вкусъ; что для рафинированія онъ не выгоденъ, и прочая. Все это, можетъ, было прежде, но теперь, когда стали употреблять цѣдялки Дюмона, неудобства можно считать за устраненныя.

Въ чемъ же состоитъ Французскій способъ?

Мы видѣли, что сокъ, получаемый колоніальнымъ способомъ, бываетъ очень щелоченъ, и видѣли всѣ неудобства отъ присутствія большаго количества поташу въ сокъ: это подало мысль Шапталю, и потомъ Домбалу, употребить средство противодѣйствующее щелочности. Всего дешевле была сѣрная кислота. Вотъ какъ они ее употребляли: въ сокъ кладутъ известь, и поступаютъ, какъ описано при колоніальномъ способѣ; когда сдѣлается разложеніе и спустятъ отстойной сокъ, тогда постепенно льютъ сѣрную кислоту, распущенную въ водѣ до 20° по ареометру, и продолжаютъ это до тѣхъ поръ, пока сокъ *уравняется*, то есть, пока въ немъ не будетъ замѣтно присутствія ни щелочности, ни кислоты.

Дюбренофъ предлагаетъ лить сѣрную кислоту тотчасъ послѣ извести, когда сокъ начинаетъ разлагаться, и совѣтуетъ уравнивать сокъ такъ, чтобы въ немъ оставалось немного щелочности.

Какъ же опредѣлить степень уравненія соку? Для-этого употребляютъ средства, извѣстныя въ Химіи подъ именемъ реагентовъ, или средствъ испытательныхъ, — фіялковый сиропъ и лахмусовую настойку. Если въ фіялковый сиропъ

налить соку, разложеннаго известью, онъ вдругъ, изъ голубаго цвѣта, перейдетъ въ зеленый: это признакъ избытка щелочности. Если въ лахмусовую настойку налить соку, пресыщеннаго кислотою, синій цвѣтъ ея измѣнится въ красный: это признакъ избытка кислоты. Уравнять сокъ — значитъ сдѣлать, чтобы онъ не перемѣнялъ цвѣта ни фіалковаго сиропа, ни лахмусовой настойки. Употребляютъ также бумажки, окрашенныя лахмусомъ и краснымъ инбиремъ, которыхъ приготовленіе подробно описано въ брошюрѣ Клемандо.

Употребляя однако жъ этотъ способъ отстоя, я никогда неимѣлъ успѣха. Какъ бы хорошо ни былъ уравненъ сокъ въ отстойныхъ котлахъ, при выпариваніи, когда дойдетъ до 25° плотности, въ немъ опять обнаружится сильное присутствіе щелочности. Притомъ, приливая кислоту тотчасъ послѣ извести, она соединяется съ нею и образуетъ сѣрно-кислую известь, которой, при выпариваніи, чрезвычайно много садится на днѣ котла. Если класть кислоту по окончаніи разложенія соку и тогда уже снимать цѣну, кислота, соединяясь съ нашатыремъ произведетъ сѣрно-кислую нашатырную соль, которая при выпариваніи, разлагается въ сѣрно-кислую соль, отличающуюся избыткомъ кислоты, — вещество вредное для сахару.

Чтобы избѣгнуть образованія этихъ веществъ, Г. Клемандо предлагаетъ такой способъ уравненія соли: когда спущенный въ выпарные котлы сокъ сгустится отъ 10° до 12° плотности, тогда начинать лить кислоту по немногу, и продолжать до тѣхъ поръ, пока сокъ не достигнетъ 20° густоты, наблюдая, чтобы сокъ не былъ окисленъ; при 25°, его совершенно уравниваютъ, а потомъ сгущаютъ до 30° плотности. Этотъ способъ уравненія дѣйствительно превосходенъ: я употреблялъ его нѣсколько лѣтъ, и нельзя было желать лучшаго. Одно неудобство, и довольно важное, — трудное исполненіе дѣла на нашихъ заводахъ. Чтобы объяснить это, надобно знать, какъ дѣйствуетъ сѣрная кислота на свекловичный сокъ. Я скажу свое мнѣніе, и считаю это тѣмъ болѣе необходимымъ, что понятія заводчиковъ относительно употребленія кислоты совсѣмъ противоположны: одни принимаютъ ее за главное основаніе успѣшнаго производства, другіе за пер-

вую причину поврежденію сахара. Кислота, *умѣренно* положенная въ холодной сокъ, полученный изъ неповрежденной свекловицы, не увеличиваетъ выхода песку, хотя и способствуетъ къ полученію скорого отстоя. Но если въ этотъ же сокъ положить много кислоты, такъ, чтобъ синій цвѣтъ лахмусовой бумаги измѣнялся, или, если и *умѣренно* окисленный сокъ будетъ оставаться долго безъ насыщенія мѣломъ или известью, въ такомъ случаѣ, при сгущеніи, образуется много пѣны и выходъ песку уменьшится. При испорченной свекловицѣ, когда сокъ немного поврежденъ, дѣйствіе кислоты необходимо: она удерживаетъ растворимость вещества растительно-животного, и осаждаетъ большую часть бѣлковины. Въ этомъ Ашаръ и его послѣдователи такъ были убѣждены, что совѣтовали даже окислять мезгу. Дюбренофъ подробно описалъ способъ, какъ получать сокъ изъ окисленной мезги, а нѣкоторые Французскіе заводчики окисляли мезгу газомъ, отдѣляемымъ изъ сѣрной кислоты. Какъ противники такъ и приверженцы кислоты согласны въ одномъ, — окисленного холодного соку не должно подваривать до того, пока онъ уравнился; въ противномъ случаѣ жаръ, придавая кислотѣ новую силу, еще болѣе подвергаетъ сахаръ измѣненію. Перейдемъ къ дѣйствию кислоты надъ разложеннымъ сокомъ.

Если употреблять кислоту, какъ употребляютъ Домбаль и Дюбренофъ, это ни куда не годится: мы уже видѣли, почему. Если принять способъ Клемандо, кислота дѣйствуетъ лучше, но только въ такомъ случаѣ, когда уравненіе производится съ чрезвычайною точностью; малѣйшій излишекъ кислоты, — и сокъ измѣнился; при сгущеніи образуется пѣна; сирощъ темнѣетъ въ холодильнике котлѣ; вмѣсто твердой корки образуется вязкая пѣна; песокъ пачочный — съ дурнымъ запахомъ. Все это имѣетъ мѣсто при небольшомъ излишкѣ кислоты: что жъ будетъ, если много окислить сокъ? Тогда, вмѣсто песку, выйдетъ густая пачочная масса: этотъ опытъ я дѣлалъ нѣсколько разъ, и, чтобъ убѣдиться въ подлинности, легко повторить его каждому.

Такъ, кислота, употребленная въ разложенный сокъ, отстой, тогда только не вредна, когда въ сокъ есть щелоч-

ность; но какъ скоро кислота, насытивъ щелочь, остается свободною, ничего не можетъ быть вреднѣе для сахару какъ этотъ дѣйствитель.

Теперь весьма легко понять, отчего сахарные заводчики такъ отращаются употребленія кислоты. Уравнять сокъ — дѣло не трудное. Но кто изъ нихъ захочетъ самъ заняться этимъ дѣломъ? И въ самомъ дѣлѣ, кому охота стоять безсмысленно подлѣ котла въ этой душной атмосферѣ, пресыщенной нашатырными парами? Вы необходимо должны доверитъ вашему сахаравару: но нашъ простой народъ способенъ ли къ такой лабораторной точности? И, что еще хуже, при общемъ сборѣ соку нѣтъ возможности его повѣрить. Кому жъ, уравнять сокъ при огнѣ во время ночнаго производства трудно и даже невозможно.

Таковы неудобства, которыя представляетъ уравненіе соку; и я не могъ ихъ избѣгнуть, находясь нѣсколько лѣтъ неотлучно при производствѣ. Я хотѣлъ замѣнить этотъ способъ колоніальнымъ, но, по свойству свекловицы, произрастающей на здѣшнихъ поляхъ, не имѣлъ успѣха.

Видя эти неудобства, долго изыскивалъ я способъ уничтожить дѣйствіе поташу помощію средства, болѣе мануфактурнаго.

Однажды, читая записки Пайена о животномъ углѣ, я остановился на той мысли, гдѣ онъ говоритъ, что животный уголь уничтожаетъ щелочную известь. Я зналъ, что этотъ уголь давно употребляется въ выпаренныхъ котлахъ, однако жъ зналъ и то, что дѣйствіе его очень слабо. Мнѣ хотѣлось испытать его въ большемъ количествѣ. То было весною. Произведеній на заводѣ не было ни какихъ; оставалось нѣсколько самой дурной, бастровой патоки. Нечего было дѣлать; я рѣшился попробовать, что выйдетъ изъ этой патоки. Не имѣя, на то время, ни какого ящика, я употребилъ мѣдную широкую трубу, вышиною въ три дюйма; насыпалъ мѣкаго животнаго угля на $2\frac{1}{2}$ аршина, сверху началъ лить разведенную патоку, а внизу поставилъ сосудъ, куда должна была она стекать, пройдя весь столбъ насыпаннаго угля. Черезъ сутки показались первыя капли, но это была уже не та патока, а патока бѣлая, чистая, совершенно

какъ густой сиропъ рафинада. Я удивился этому превосходному дѣйствию животнаго угля. Какъ скоро натекло ведро, я поспѣшилъ сгустить сиропъ, сливъ его въ маленькую форму, и получилъ самыя лучшія кристаллы леденцу. Чудное дѣло! Какимъ образомъ патока, изъ которой нашимъ обыкновеннымъ способомъ нельзя было получить ни зерна кристалла, здѣсь, отъ содѣйствія животнаго угля, дала лучшія призмы сахару! Того же года я сдѣлалъ нарочныя ящики, въ которые сыпалъ уголь, и пропускалъ черезъ него сгущенный сокъ. На другой годъ, одинъ листъ газеты «Севернаго Муравья» познакомилъ меня съ устройствомъ цѣдилки Дюмона, употребляемой на Французскихъ рафинерныхъ заводахъ. Эта цѣдилка показала мнѣ лучше многихъ ящиковъ, и тутъ же я употребилъ ее при своемъ производствѣ. Она чрезвычайно облегчила производство; доставила средство обходиться безъ кислоты, ускорила сгущеніе сиропа и дала возможность получать произведенія, какихъ прежде и не видали. Безъ-сомнѣнія, было бы лучше, если бы при такихъ цѣдилкахъ мы могли еще уравнивать сокъ, но это не подъ силу нашимъ рабочимъ: если щелочности много, будемъ употреблять болѣе угля, хотя и это не безъ убытка, какъ увидимъ послѣ.

Я замѣтилъ, что, при разложеніи соку, образуется пѣна и гуща, что по необходимости должно уменьшать его количество. Уменьшеніе бываетъ различно, смотря по добротѣ соку и количеству положенной извести, но, при хорошемъ отстоѣ, оно никогда не бываетъ болѣе 14 ведеръ изъ 100-ведеръ сыраго соку.

Изъ всего сказаннаго объ отстоѣ легко видѣть, что кислота и известь, эти дѣйствительныя, употребляемые при разложеніи соку, не суть самыя лучшія: образованіе большаго количества патоки, вѣроятно, должно отнести къ ихъ дѣйствию. Вотъ и другая причина несовершенства свекло-сахарнаго производства:

Сокъ, послѣ разложенія, заключаетъ въ себѣ болѣе всего воды. Воду отдѣляютъ весьма просто, — дѣйствиемъ теплоты. Прежде это дѣлали такимъ образомъ: отстойный сокъ, болѣею частію красноватаго, цѣбта наливали въ огромный круглый котелъ и нагрѣвали до тѣхъ поръ, пока онъ не по-

лучить плотности въ 28° по ареометру, что продолжалось иногда и болѣе двѣнадцати часовъ; потомъ поступалъ онъ для кларификаціи, то есть, клали животный уголь, кровь, подваривали и, когда пѣна подымется, сливали въ фильтръ. Все это было дурно, и теперь совершенно измѣнено.

Мысль пропускать отстойный сокъ чрезъ уголь, кажется, явилась у насъ изъ превосходнаго сочиненія Г. Клемандо, *Essai de Chimie et observations pratiques*.

Я прежде и самъ это дѣлалъ, но, замѣтивши, что сокъ, пропускаемый чрезъ уголь, иногда портился, вѣроятно отъ разжиженія; что онъ мало обезувѣчивался, что его количество уменьшалось и задерживался ходъ работы, я рѣшился испытать, такъ ли велики выгоды пропусканія соку чрезъ уголь, чтобъ онъ могли вознаградить эти потери. Для этого, предпринять былъ у меня слѣдующій опытъ: двѣсти ведеръ отстойнаго соку раздѣлилъ я пополамъ; сто ведеръ пропустилъ сквозь зернистый уголь, а другіе сто варилъ съ углемъ, положеннымъ въ выпарные котлы. Результатъ опыта склонилъ меня въ пользу послѣдняго средства, и я обрадовался, что, отъ этого производство мое дѣлалось проще. Знаю, что измѣненіе, которое я допустилъ, несоответствуетъ общепринятымъ теоретическимъ выводамъ, но въ мануфактурномъ дѣлѣ должно покоряться практикѣ.

Большею частью, на лучшихъ нашихъ заводахъ, выпариваніе производится тремя рычажными котлами: отстойный сокъ поступаетъ въ два котла, изъ которыхъ, выкипѣвши до половины, сливается въ третій. Здѣсь онъ сгущается до 30° , и потомъ его спускають въ ящики, гдѣ онъ процеживается сквозь полотно; гуща остается на полотнѣ, чистый сокъ переходитъ въ цѣдники Дюмона.

Прежде употребляли кровь, и то, что называли кларификаціей, считалось весьма важнымъ дѣломъ. Теперь, слава Богу, убѣдились, что кларификація приноситъ болѣе вреда нежели пользы. Притомъ какая неопрятность! И сколько пустыхъ и мѣлочныхъ заботъ! Теперь ее употребляютъ только старые заводчики, которымъ всего труднѣе разстаться съ привычными мнѣніями.

Выпариваніе у насъ вездѣ производится голымъ огнемъ. Главное условіе при выпариваніи состоитъ въ томъ, чтобъ

сокъ какъ-можно менѣе времени быть на огнѣ. Безъ-сомнѣнія успѣхъ этого зависитъ отъ устройства котловъ и печей. Теперь уже доказано, что, работая небольшими котлами, можно выпариваніе производить скорѣе чѣмъ въ прежнихъ огромныхъ сосудахъ. На нѣкоторыхъ заводахъ я видѣлъ котлы длинные, параллелограмные, которыхъ называютъ *посадными*; печи подъ ними дѣлаются съ различными перегородками и вертящимися дверцами. Какъ котловъ такъ и устройства печей я не могу одобрить, тѣмъ болѣе, что, имѣя у себя выпарную батарею, устроенную по плану Г. Дюбрено, опытомъ убѣдился въ ея преимуществѣ: тамъ, чтобы сокъ довести до 30°, надобно употребить часа четыре и даже болѣе, а у меня, на выпарной батарее, сокъ никогда не бываетъ на огнѣ болѣе двухъ часовъ, — выгода важна какъ для сбереженія горючаго матеріала и времени, такъ и для доброты соку.

Принимаясь говорить обо всѣхъ улучшеніяхъ въ свеклосахарномъ производствѣ, нельзя не упомянуть о выпарномъ снарядѣ Г. Давыдова, этомъ дивномъ изобрѣтеніи, — въ самомъ дѣлѣ, дивномъ: прочтите какъ самъ авторъ его описываетъ въ своей брошюркѣ: «Всѣ посадные, кларификаціонные и даже сиропные котлы, если употребить паръ «при давленіи двухъ атмосферъ, замѣняются однимъ выпарнымъ снарядомъ, на которомъ слабый свекловичный сокъ, «вмѣсто четырехъ и пяти часовъ времени, сгущается до «пробы въ теченіе *четырехъ минутъ* и *гдѣ притомъ со- «дѣйствіе работниковъ не нужно.*» Казалось бы, какъ нашимъ заводчикамъ не воспользоваться такимъ превосходнымъ изобрѣтеніемъ? Однако, до-сихъ-поръ ни одинъ не имѣетъ чуднаго снаряда, и даже самъ Г. Шишковъ, почтенный сотрудникъ по части всѣхъ открытій Г. Давыдова, громко превознося его изобрѣтеніе, предпочелъ не имѣть его у себя. Еще удивительнѣе, что Г. Давыдовъ, выдавая печатный планъ и описаніе новой методы каждому, кто у него купить право пользоваться его привилегіею, ничего не упоминаетъ объ этомъ снарядѣ, и вмѣсто его предлагаетъ старинный способъ выпариванія. Можетъ-быть снарядъ этотъ дорогъ? Совсѣмъ нѣтъ. Самъ изобрѣтатель говоритъ, что заводъ, перерабатывающій сто берковцевъ въ сутки,

весь, вместе съ этимъ снарядомъ, «стоитъ 12,000 рублей, какъ бы ни дороги были матеріалы въ томъ краѣ». Все это для насъ и для потомства погибло! Когда-то, при появленіи брошюрки, мы радовались, читая о блестящихъ усовершенствованіяхъ; теперь, послѣ столь быстраго замѣненія одной методы другою, послѣ неудачнаго хода второй прошедшею осенью на извѣстномъ заводѣ, теперь мы вполнѣ разочарованы и въ совершенномъ отчаяніи. Намъ остается только, для пользы самой промышленности; подробнѣе оцѣнить достоинство этихъ методъ: о первой мы, кажется, уже довольно говорили; о второй скажемъ въ особой статьѣ*.

* Въ то время, какъ Г. Давыдовъ публиковалъ о своей новой методѣ, онъ не имѣлъ у себя завода выстроеннаго по ея правиламъ: изъ донесенія Г. Дружинина видно, что этотъ почтенный свеклолюбецъ былъ только свидѣтелемъ опыта, произведеннаго въ небольшомъ видѣ, да и самъ изобрѣтатель, въ Запискахъ перваго Комитета Сахароваровъ, говорить: «по неудобству посуды и по испорченности свекловицы, Г. Дружинину невозможно было опредѣлить настоящихъ выходовъ сахаромъ.» Кромѣ-того, при торжественномъ объявленіи своихъ условій, Г. Давыдовъ приглашалъ подписавшихся и внесшихъ ему условную сумму, пріѣхать на его заводъ 10 или 16 августа, для практическаго узнанія производства; но теперь уже извѣстно, что и въ прошедшую осень «изобрѣтатель» новой методы не имѣлъ у себя завода для обработки *холодною вымочкою*. «Отсутствіе Д. А. Давыдова по отъѣзду въ С. Петербургъ за привилегією на его изобрѣтеніе отклонило его отъ своевременнаго устройства завода.» Такъ сказано въ предисловіи «Записокъ» втораго Комитета Сахароваровъ. Чѣмъ было опредѣлить достоинство блистательнаго открытія Г. Давыдова? Одинъ изъ почтенныхъ нашихъ заводчиковъ, такъ много жертвовавшій для усовершенствованія производства, рѣшился выстроить заводъ по методѣ Г. Давыдова и тѣмъ дать ему случай доказать справедливость своихъ обѣщаній. На этомъ-то заводѣ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, 1834 года, самъ «изобрѣтатель» дѣлалъ производство по своей методѣ. Къ тому времени, для убѣжденія въ ея выгодахъ, были призваны мастера изъ разныхъ заводоустройствъ и нѣсколько заводчиковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что отчетъ объ этомъ производствѣ былъ бы любопытенъ, и, кажется, что, для пользы общей, его, какъ исторію опыта, способнаго познакомить публику съ методами Г. Давыдова, слѣдовало помѣстить въ Запискахъ Комитета Сахароваровъ, тѣмъ болѣе, что очевидцемъ былъ и самъ Г. Шишковъ, которой такъ ревностно проповѣдовалъ ихъ чудеса въ «совѣщаніяхъ комитета». Однако

Намъ пишу о выпарномъ снарядѣ Г. Давыдова, вслѣдствіе не упомянуть о такомъ же снарядѣ Г. Скирмунта, предводителя Пинскаго уѣзда. Г. Скирмунтъ, въ 1831 году, взялъ привилегію на свое изобрѣтеніе. Желая (безденежно) всевозможнаго добра заводчикамъ, мы просимъ тѣхъ, которые видѣли оба снаряда, уведомить, не имѣютъ ли они между собою сходства.

Жъ объ этомъ производствѣ ничего не пишутъ: только изрядка слышится, что «вымочка шла какъ-то не совсѣмъ успѣшно». К чему скрываться? Если метода хороша, дайте намъ ея воспользоваться; если она дурна, не допускайте по-крайней-мѣрѣ, чтобъ ваши соотечественники, увлеченные плавильностью провозглашенныхъ выгодъ, разстроивали по ней свое состояніе и порой, чего добраго, лишились всего имущества. Впрочемъ теперь это ужъ не тайна, — производство по методу Г. Давыдова было такъ дурно, что «при самомъ началѣ работъ» заводъ надобно было остановить. Да и самъ изобрѣтатель теперь уже сознается въ своихъ ошибкахъ: прочтите послѣднюю статью въ Запискахъ второго Комитета Сахароваровъ: «Ошибки мои послужили поводомъ къ разнымъ несправедливымъ толкамъ и къ преждевременнымъ осужденіямъ, въ которыхъ недостатка не бываетъ.... Способъ мнѣ принадлежитъ по праву изобрѣтенія: сообщенія для устройства снаряда есть съ моей стороны порывъ добровольный (!?!). Если бы я сказалъ: устройте чаны произвольной ширины и пускайте сокъ въ нижній край; или: поставьте ваши чаны одинъ надъ другимъ, — я былъ бы правъ.» Это можно перевести по-Русски такимъ образомъ: «во Франціи появилась мысль — вымачивать свекловичную холодною водою; я подхватилъ ее, и былъ на нее привилегію, и продаю ее желающимъ; чтобы привести ее въ дѣйствіе, я придумалъ удивительные приборы и методы, — вотъ мой планъ, — по которому однако жъ я никогда самъ еще не работалъ; если выйдетъ не хорошо, я не виноватъ въ этомъ, — вы неправы; я желаю вамъ добра, и вы напрасно меня осуждаете.» Въ доказательство того, что этотъ переводъ взрешъ, вотъ собственныя слова привилегированнаго изобрѣтателя! «Пожелавъ избавить заводчиковъ отъ ошущей всякаго рода и упростить производство, я только сдѣлалъ предметомъ неопредѣленнаго осужденія!» И прочая. Конечно, это очень прискорбно: но зачѣмъ было назначать тарифъ для вашихъ желаній! Кто же продаетъ простые желанія? Этотъ родъ коммерціи еще у насъ неизвѣстенъ, и неудивительно, что противъ него возстали. Дурно думать «неопредѣленныя осужденія»: для избѣжанія подобнаго упрека, мы постараемся какъ-можно точнѣе опредѣлить, что заслуживаютъ изобрѣтенія автора, и потому должны посвятить ей цѣлую статью.

Давно замѣчено худое дѣйствіе голого огня на сахарные сиропы, и вотъ почему давно уже хотѣтъ употреблять для этого пары. Теперь уже много выдуманно паровыхъ снарядовъ: объ нихъ мы упомянемъ, разсуждая о сгущенія сироповъ.

III. *Обезцвѣчиваніе сиропу.* Сожъ, сгущенный до 30° и пропущенный сквозь полотно, поступаетъ въ цѣдилки Дюмона. Ни одно нововведеніе не распространилось у насъ такъ быстро какъ его цѣдилки, и это — лучшее доказательство ея пользы. Главной дѣйствительность здѣсь — животный уголь. Съ тѣхъ поръ какъ Ловицъ открылъ, что древесный и животный уголь имѣетъ свойство обезцвѣчивать жидкости, стали употреблять его на рафинерныхъ заводахъ, а потомъ и на сукло-сахарныхъ. Но прежде не умѣли употреблять его съ такою пользою какъ теперь, и этимъ обязаны мы Дюмону, Французскому рафинёру. Онъ изобрѣлъ слѣдующій снарядъ: деревянный ящикъ, вышиною 2 $\frac{1}{2}$ аршина, имѣетъ видъ усѣченной пирамиды и обложенъ внутри листовою полуженною мѣдью; внизу кладется мѣдная рѣшетка, и закрывается холстомъ; ниже ея есть кранъ; на рѣшетку укладываютъ уголь, превращенный въ порошокъ, наподобіе охотничяго пороху, и смоченный шестою частью воды противъ своего вѣсу. Уголь насыпается вышиною въ 1 $\frac{1}{2}$ аршина. Положивши уголь, закрываютъ его полотномъ, потомъ кладутъ другую рѣшетку и тогда уже начинаютъ лить горячій сиропъ въ 30° плотности. Сиропъ, проходя сквозь слой угля, выгоняетъ сперва воду, которою уголь былъ смоченъ, потомъ показывается самъ; сначала онъ жидокъ, а тамъ болѣе и болѣе густѣетъ. Продолжая течъ нитью, этотъ сиропъ поступаетъ въ сборный чанъ. Цвѣтъ его — прежде свѣтло-янтарный, но чѣмъ болѣе льютъ его, тѣмъ болѣе онъ краснѣетъ. Эту цѣдилку Дюмонъ ввелъ на своемъ заводѣ, и, для совершеннаго обезцвѣчиванія сироповъ, употреблялъ четвертую часть животнаго угля противъ вѣса сиропу.

Все это, кажется, и понятно и легко, но сколько было труда, когда я въ первый разъ вздумалъ ввести ее въ своемъ производствѣ: сиропъ или останавливался, или худо обезцвѣчивался, или слишкомъ разжижался. Да и теперь, для заводчиковъ, цѣдилка эта составляетъ немаловажную заботу, тѣмъ

болѣе, что здѣсь надобно принимать много мѣлочныхъ предосторожностей.

На разныхъ нашихъ заводахъ цѣдилки Дюмона измѣнены: имъ дали и фигуру и величину несравненно болѣе, смотря по количеству перерабатываемой свекловицы.

Успѣхъ хорошаго обезцвѣчиванія зависитъ, первое, отъ свойства самого сиропа: слишкомъ щелочные сиропы худо обезцвѣчиваются; второе, отъ угля: дурно пережженная кость даетъ животный уголь дурнаго свойства; онъ не долженъ имѣть стекловидности. Крупно истертый, безъ-сомнѣннѣя, облегчаетъ процѣживаніе, но тогда онъ составляетъ весьма важный расходъ: при растираніи камнемъ двѣ трети превращается въ мѣлкій порошокъ, который, будучи просѣявъ, весь пропадаетъ; сверхъ-того, крупный уголь хуже обезцвѣчиваетъ чѣмъ мелкій: восемь пудовъ крупнаго не могутъ такъ хорошо обезцвѣтить какъ три пуда мелкаго. Я всегда употребляю самый мелкій: оттого у меня выходитъ на берковецъ корней только 26 фунтовъ нежженныхъ костей, или 18 фунтовъ угля, — количество, которое однако жъ не все пропадаетъ, потому что уголь, бывшій въ дѣлѣ, опять можетъ быть оживленъ.

Способъ укладки угля есть также важная статья обезцвѣчиванія. Крупный уголь можно прямо сыпать, и сиропъ не будетъ задержанъ, но, при употребленіи мѣлкаго, весь успѣхъ зависитъ отъ способа укладки, въ которой требуется столько нѣжныхъ предосторожностей, что это легче понять глазами нежели изъ описанія. Лучшая примѣта хорошо наложенной цѣдилки состоитъ въ томъ, чтобы сиропъ вытекалъ у крана не толще какъ въ гусиное перо. Если онъ бѣжитъ во весь кранъ, это не хорошо: чѣмъ долѣе сиропъ въ соприкосновеніи съ углемъ, тѣмъ лучше онъ обезцвѣчивается. Надобно принять за правило: цѣдилки можете вы дѣлать въ ширину какъ хотите, но высота, занимаемая углемъ, никогда не должна быть увеличиваема: при крупномъ углѣ полтора аршина, при мелкомъ три четверти.

Для промыванія угля лучше употреблять отстойный сокъ нежели воду.

Можно ли, посредствомъ Дюмоновой цѣдилки, получать сиропъ совершенно бѣлый? Основываясь на томъ наблюденіи,

что чѣмъ болѣе угля, тѣмъ свѣтлѣе сиропъ, казалось бы, что это возможно; но вотъ въ чемъ дѣло: чѣмъ болѣе положимъ угля, тѣмъ жиже дѣлается сиропъ, и чтобы получить его такой плотности, какъ онъ былъ, надобно его варить; тогда, хотя и свѣтлѣе противъ прежняго состоянія, онъ однако жъ далеко не будетъ бѣлый. Впрочемъ, желая получить отличный сиропъ, можно дѣлать такимъ образомъ: сиропъ, поступившій прямо изъ котловъ, пропустить сквозь уголь, потомъ сгустить его до 30° , и опять на уголь; тамъ опять сгустить, и, сдѣлавши это нѣсколько разъ, безъ сомнѣнія вы получите сиропъ почти бѣлый, изъ котораго выйдетъ не песокъ, но уже сахаръ.

Нечего и говорить, что это можетъ быть только опытомъ, и отнюдь не есть дѣло мануфактурное.

Сознаваясь въ томъ, сколько облегчилось сахарное производство введеніемъ Дюмоновыхъ цѣдилокъ, мы однако жъ не скроемъ ихъ невыгодъ. Сиропъ, получаемый изъ цѣдилокъ, пятью градусами, и даже болѣе, жиже противъ того, какъ онъ поступилъ въ нихъ; количество сиропу уменьшается, и тѣмъ значительнѣе, чѣмъ хуже будетъ сдѣлана укладка угля. Эти неудобства довольно важны: надобно или обратить вниманіе на лучшее устройство цѣдилокъ, или пзыскивать другія вещества, которыя бы уничтожали красильное вещество съ большимъ успѣхомъ. Я имѣлъ нѣсколько удачныхъ опытовъ, употребляя, при разложеніи соку и для обезцвѣчиванія сиропу, хлоръ и алюминъ. Эти вещества сдѣлали бы много пользы для нашего производства, если бы только улучшить снаряды, посредствомъ которыхъ съ мѣньшимъ затрудненіемъ можно было бы ихъ получать въ большомъ количествѣ.

IV. Сгущеніе сиропу. Сиропъ въ 30° плотности не можетъ кристаллизоваться; надобно довести его до 40° . Казалось бы, что чистый отстойный сокъ можно прямо варить до этой густоты, но на дѣлѣ это невозможно: во время выпариванія, когда объемъ его уменьшается, всѣ постороннія, оставшіяся въ немъ, вещества сосредоточиваются и дѣлаютъ его мутнымъ. Продолжая до 40° , мы получили бы густую, вязкую массу. Вотъ почему, при 30° густоты, надобно его снова очищать, обезцвѣчивать и тогда уже продолжать вы-

називаніе, и это, у заводчиковъ, называется сгущеніемъ сиропа.

Для полученія кристаллизаціи есть два способа: первый состоитъ въ томъ, чтобы сгустить сиропъ до 35° плотности, разлить въ широкіе сосуды (противни) и поставить въ сушильнѣ, гдѣ температура постоянно должна быть отъ 28° до 35°. Здѣсь сиропъ медленно испаряется, кристаллы образуются на днѣ и бокахъ сосуда.

Ашаръ первый ввелъ этотъ способъ, а Креспель, Французскій заводчикъ, соединилъ въ своемъ производствѣ оба способа кристаллизаціи, — медленное, въ противняхъ, и обыкновенное, въ формахъ. Не помню, кто-то хотѣлъ и у насъ подражать этому, но скоро бросилъ.

Нѣсколько хорошихъ отзывовъ надъ этимъ способомъ кристаллизаціи на Французскихъ заводахъ заставили и меня испытать счастья. Для обоихъ способовъ употребилъ я одинъ и тотъ же сиропъ: правда, что въ противняхъ я получилъ песокъ съ большими кристаллами, но онъ былъ такъ слепень, въ кускахъ, что отъ этого дѣлался жирнымъ, съ дурнымъ запахомъ, и худо пробѣливался, тогда какъ песокъ, образовавшійся въ формахъ, былъ прекрасный. При этихъ опытахъ я имѣлъ случай убедиться въ справедливости замѣчаній Г. Клемандо, что кристаллизационные противни совсѣмъ не мануфактурная затѣя: они показываютъ младенчество фабричнаго производства.

Другой способъ состоитъ въ томъ, чтобы сиропъ вдругъ довести до такой густоты, чтобы, при охлажденіи, кристаллы сами собою въ немъ образовались. Достигнуть этого можно двумя средствами, — сгущая сиропъ парами, или голымъ огнемъ. Кто теперь не убѣжденъ, какую пользу принесли бы пары для нашего производства? Употребленіе паровъ мы почитаемъ столь важнымъ, что желали бы обратить здѣсь вниманіе заводчиковъ на всѣ изобрѣтенія паровыхъ снарядовъ: нѣкоторые изъ нихъ съ успѣхомъ употребляются на рафинерныхъ заводахъ.

Телоръ и Мартинд, Французскіе заводчики, впускали пары въ мѣдную трубку, извитую на днѣ котла, и, сгущая ихъ, такимъ образомъ нагревали сиропъ. Гайвардъ извѣнилъ нѣ

сколько этотъ снарядъ: у него пары, вмѣсто трубы, идутъ въ пустоту между двумя днами котла, отъ которыхъ нагревается и котель. Клемандо употребилъ разгоряченный воздухъ вмѣстѣ съ сжатіемъ паровъ, а Вильсонъ, вмѣсто паровъ, впускалъ въ змѣевикъ разжженное масло. Шампане изобрѣлъ особенный паровой снарядъ съ мѣдною сѣткою. Дюбаль сгущалъ сиропъ на тонкомъ мѣдномъ листѣ, подогреваемомъ снизу свободными парами. Хотя онъ долго употреблялъ этотъ способъ, однако самъ пишетъ, что процессъ идетъ медленно и требуетъ большаго строенія и издержекъ для устройства котловъ, изъ которыхъ отдѣляются пары.

Дюбренодъ упоминаетъ о снарядѣ, который состоитъ изъ длиннаго металлическаго листа, подогреваемаго снизу огнемъ или парами, свободными или сжатыми. По этому листу сиропъ течетъ медленно, тонкимъ слоемъ, и пока достигнетъ конца, изъ него отдѣляется столько воды, сколько нужно.

Пробовали ввести у насъ нѣкоторые изъ этихъ снарядовъ, но не знаемъ, чѣмъ кончились опыты; по отзывамъ Французскихъ заводчиковъ, всѣ эти снаряды имѣютъ большое неудобство, сопряжены съ опасностью и вводятъ въ значительныя издержки.

Снарядъ Говарда болѣе всѣхъ заслуживаетъ вниманія. Вотъ онъ: сиропъ нагревается въ закрытомъ котлѣ, у котораго внизу два дна съ пустотою. Въ эту пустоту впускаютъ пары, сжимаютъ ихъ, но сжатіе никогда не бываетъ сильно, потому что въ то же время, посредствомъ воздушныхъ насосовъ, уничтожается атмосферное давленіе, отчего сиропъ кипитъ при 45° или 47° Реомюра. Выгода чрезвычайная! Но устройство такого снаряда очень дорого; при томъ, онъ требуетъ такой точности въ обдѣлкѣ самыхъ мѣлочныхъ принадлежностей, такого неусыпнаго присмотра при дѣйствіи насосами, и частой починки, что даже во Франціи находятъ въ этомъ препятствіе для введенія его на рафинеріяхъ. Въ одной Англій могутъ приводиться въ дѣйствіе подобныя идеи. Говорятъ, что этотъ снарядъ введенъ на заводѣ Г. Берда: не съ измѣненіемъ ли Ротта?

Во Франціи на сахарныхъ заводахъ недавно показался еще новый способъ для сгущенія сироповъ, изобрѣтенный Г.

Брамъ-Шевалье. Онъ состоитъ въ томъ, что въ котель выпускаютъ столько горячаго воздуха, сколько нужно для уничтоженія давленія атмосфернаго воздуха, отчего сахарный сиропъ, находящійся въ безпрестанномъ движеніи, кипитъ при степени жара ниже 45° Реомюра. Въ Россіи этого снаряда ни гдѣ нѣтъ, и говорятъ, что онъ очень дорогъ.

У насъ многіе образованные заводчики, чувствуя недостатки сгущенія голымъ огнемъ, старались ввести паровые снаряды: я слышалъ, что на заводѣ графа Бобринскаго дѣлали опытъ устройства Гайвардова снаряда; на заводѣ Г. Бахметьева ввели снарядъ Телора и Мартинд; у князя Долгорукова я видѣлъ котель, вертящійся на оси и нагреваемый съ боковъ двумя чугунными плитами. Въ бытность мою на его заводѣ снарядъ этотъ не былъ еще въ дѣйствиіи. Любопытно знать успѣхъ.

О снарядѣ Кнеллера нечего и упоминать. Это болѣе игрушка нежели полезное изобрѣтеніе; но какъ онъ не дорогъ, то нѣкоторые изъ нашихъ заводчиковъ имѣютъ его единственно для того, чтобъ заводъ свой отличить какою-нибудь особенностью. Г. Шишковъ первый употребилъ его, и описалъ выгоды: 8 ведеръ сгущаются въ 2 часа и 30 минутъ; но какъ у насъ, просто на рычажныхъ котлахъ, такое же количество сгущается почти вдвое скорѣе, то всѣ похвалы достоинству снаряда падаютъ сами собою.

Вообще, сгущеніе на нашихъ заводахъ производится голымъ огнемъ и рычажными котлами. Все искусство въ томъ, чтобъ сиропъ сгустить до пробы. Пробы опредѣляются различными способами, — лучше и постояннѣе термометромъ. Нужно только имѣть навыкъ, чтобъ различать свойство сиропа: если сиропъ щелочный, онъ готовъ при 89° Реомюра; если кислый, надобно возвысить теплоту и болѣе чѣмъ до 91° . Прежде, сгущеніе сиропа составляло весьма трудное дѣло, но теперь, при введеніи Дюмоновыхъ цѣдилокъ, оно довольно просто. Впрочемъ успѣхъ сгущенія совершенно зависитъ отъ предъидущихъ работъ, и особенно отъ хорошаго разложенія соку.

У. Охлажденіе сиропа, или кристаллизація. Сгущенный сиропъ въ 40° плотности прямо сливается въ холодильный

котель, гдѣ онъ получаетъ начало кристаллизаціи. Для лучшаго образованія кристалловъ необходимо, чтобы въ сиропѣ температура уменьшалась постепенно; и чѣмъ медленнѣе, тѣмъ лучше. Поэтому холодильный котель долженъ стоять въ теплой комнатѣ. У насъ онъ обыкновенно ставится въ сушильнѣ, такимъ образомъ, что сиропъ, изъ рычажныхъ котловъ, прямо сливается въ него. Вотъ почему я советую дѣлать возлѣ этого котла печку: она можетъ сильно нагрѣваться тѣмъ огнемъ, который выходитъ изъ-подъ густительнаго котла и теперь пропадаетъ безъ пользы.

Въ комнатахъ, гдѣ разливаютъ сиропъ и гдѣ ставятъ формы, должна быть температура не менѣе 20° по Реомюру.

Въ холодильномъ котлѣ песокъ скоро начинаетъ садиться на днѣ и бокахъ, а вверху образуется корка; опытный заводчикъ узнаетъ по запаху и цвѣту этого сиропа каковъ будетъ песокъ. Наливши полный котель, даютъ ему остывать. Здѣсь очень важно не пропустить степени охлажденія: если разлить сиропъ въ формы, выше 70° , кристаллы будутъ образоваться медленно и песокъ сядетъ не плотно; если ниже 65° , сверху образуется толстая корка и песокъ дурно очистится отъ патоки. Слѣдственно лучшая температура для разливки сиропа между 65° и 70° .

Остывшій сиропъ разливается въ формы, которыя бываютъ разной величины, но большею частию употребляются вмѣщающія четыре ведра сиропа: ихъ называютъ *бастровыми*. Если сиропъ хорошо уваренъ, обыкновенно черезъ двое сутокъ весь песокъ садится въ формахъ и черезъ три недѣли готовъ къ пробѣлкѣ.

Общее мнѣніе — что хорошій сиропъ даетъ большіе кристаллы. Это несправедливо. Величина кристалловъ совершенно независитъ отъ свойства сироповъ, а отъ степени сгущенія: изъ самаго дурнаго сиропа можно получить большіе кристаллы, если сварить его слабо. Но какъ сиропъ, сваренный слабо, даетъ менѣе песку, то для заводчика невыгодно получать песокъ въ большихъ кристаллахъ, тѣмъ болѣе что и покупщики не обращаютъ на это вниманія: имъ нужна только бѣлизна песку. Я называю лучшимъ тотъ песокъ, который имѣетъ цвѣтъ свѣтло-бланжевый, мелкозернистъ, безъ

кислого запаха. Есть еще пески «кислые», которые обыкновенно бывают съ большими кристаллами: ихъ весьма легко отличить, какъ по виду такъ и по запаху, и нѣтъ надобности прибѣгать къ испытательнымъ бумажкамъ.

По окончаніи производства, патока переваривается на песокъ: такъ это было прежде, но теперь на заводѣ графа Бобринскаго съ успѣхомъ мѣшаютъ патоку съ отстойнымъ сокомъ въ выпарныхъ котлахъ. Если песокъ не очень темнѣетъ, то мысль эта прекрасная. Г. Гиршъ, подъ управленіемъ котораго находится заводъ графа Бобринскаго, получилъ, отъ этого прибавленія изъ берковца свекловицы $18\frac{1}{2}$ фунтовъ песку; безъ прибавленія, у него выходило песку $14\frac{3}{4}$ фунтовъ: слѣдственно прибавилось $3\frac{3}{4}$ фунта на каждый берковецъ корней.

Назадъ тому года четыре, Г. Давыдовъ хотѣлъ уничтожить формы и замѣнить ихъ огромными деревянными ящиками, выложенными внутри свинцомъ, съ трубочками внизу. По словамъ Г. Давыдова, сиропъ, налитый въ эти ящики, скоро превращается въ песокъ, который, «черезъ двѣнадцать дней послѣ наливація, можно выбить». Это подтверждаетъ и Г. Шишковъ. Какъ жаль, что всѣмъ изобрѣтеніямъ Г. Давыдова, которымъ такъ восхищается Г. Шишковъ, предопредѣлено недолговременное «бытіе»! Мы видѣли быстрое затмѣніе первой его методы: то же случилось и съ этими ящиками. Многіе изъ заводчиковъ, повѣривъ Г. Давыдову, успѣшили ввести ихъ на своихъ заводахъ, но такъ же скоро и бросили ихъ; по примѣру своихъ послѣдователей, и самъ изобрѣтатель отъ нихъ отказался, какъ видно изъ его описанія привилегированной методы, гдѣ онъ именно предписываетъ разливать сиропъ въ формы, да еще въ самыя маленькія.

VI. Пробѣлка песку. Цѣль пробѣлки — здѣлать песокъ, имѣющій свѣтло-желтый цвѣтъ, бѣлымъ. Почти на всѣхъ нашихъ заводахъ это происходитъ однимъ способомъ, — накладываніемъ бѣлой глины. Какъ скоро патока стечетъ, формы съ пескомъ переносятъ въ другую комнату, гдѣ температура должна быть умереннѣе; здѣсь накладываютъ жидкую бѣлую глину, приготовленную какъ надобно; чистая вода, отдѣляясь постепенно изъ глины, проходитъ сквозь

песокъ, омываетъ кристаллы и вмѣстѣ съ патокою вытекаетъ изъ нижняго конца формы. При пробѣлкѣ выходитъ два сорта патоки, — одна хуже, другая лучше. Отдѣливъ каждую особо, ихъ послѣ перевариваютъ: изъ лучшей получается весьма хорошій песокъ.

Самая послѣдняя патока, оставшаяся отъ нѣсколькихъ переварокъ, съ выгодою употребляется еще на винокуренныхъ заводахъ для усиленнаго броженія, или продается въ Москву. При пробѣлкѣ бываетъ утрата, и она тѣмъ значительнѣе, чѣмъ хуже песокъ. Изъ хорошаго песку, безъ переварки патоки, потеря бываетъ на $\frac{1}{3}$ противъ вѣсу желтаго песку, а при худомъ пескѣ отходить половина. Переваривши нѣсколько разъ патоку, мы получаемъ бѣлаго песку болѣе: 40 фунтовъ хорошаго желтаго песку даютъ 30 фунтовъ бѣлаго, и патоки низшаго сорта 12.

Французскіе заводчики, желая уменьшить эту утрату, выдумывали различные способы, чтобъ замѣнить глину. Г. Путѣ предлагаетъ пробѣлывать песокъ, сбрызгивая его водою до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлается влажнымъ, а тамъ класть его въ большія формы и ставить въ теплую комнату, гдѣ вода, обмывая кристаллы, вытекаетъ вмѣстѣ съ патокою изъ формы. Надобно только испытать этотъ способъ, чтобъ убѣдиться какъ онъ дуренъ. Пробѣлка бѣлымъ сиропомъ состоитъ въ томъ, чтобъ бѣлый очищенный сиропъ, плотностью въ 32° , постепенно наливать на песокъ, находящійся въ формахъ. Объ этомъ способѣ многіе упоминаютъ, но подробно всѣхъ описалъ его Г. Клемандо. Нѣсколько разъ повторялъ я его, и никогда онъ мнѣ не удавался: песокъ пробѣлывался неровно, дѣлался жирнымъ, и, чтобъ совершенно окончить пробѣжку, я долженъ былъ накладывать глину. Отдавая полную справедливость Клемандо, какъ лучшему Французскому заводчику, я сожалею, что опытъ мой не оправдалъ того, что онъ пишетъ. Предоставлю другимъ подтвердить его способъ, а до того времени буду повторять слова Шантала: «Теорія говорить, что такой-то способъ превосходенъ, а практика, что онъ никуда не годится.»

Мысль пробѣлывать сахаръ спиртомъ основана на томъ, что спиртъ уничтожаетъ красильное вещество, не разрушая

кристалловъ сахару. Этотъ способъ уже давно извѣстенъ. Еще Шапталъ употреблялъ его, и въ своей *Chimie appliquée à l'agriculture* онъ представляетъ причины, по которымъ его оставилъ: первая изъ нихъ та, что, со всѣми предосторожностями, какія онъ только могъ принять, выходило на каждую голову сахару $1\frac{1}{4}$ фунтъ спирту въ 35 градусовъ, что составляетъ слишкомъ значительную издержку. Сверхъ-того, какъ ни хорошо былъ высушенъ сахаръ, онъ всегда сохранялъ винный запахъ, который еще усиливается, когда головы будутъ завернуты бумагою. Шапталъ употреблялъ спиртъ для пробѣлки сахару, а я пробовалъ пробѣлывать спиртомъ свекловичный песокъ. Вотъ мой опытъ:

Отобраны были четыре рафинадныя формы самаго лучшаго и самаго дурнаго песку, въ каждой по 12 фунтовъ; двѣ формы, одна лучшаго а другая худшаго песку, пробѣлены глиною, а остальные двѣ спиртомъ въ 34° по ареометру Боме; спиртъ наливали постепенно, въ каждый разъ $\frac{1}{8}$ часть кварты; а подконецъ и менѣе: на каждую форму вышло $2\frac{1}{16}$ кварты. Температура комнаты, гдѣ стояли формы, была отъ 9° до 11°. Черезъ двадцать дней пробѣлка окончена и получено:

Изъ двадцати фунтовъ лучшаго песку:

Спиртомъ.		Глиною.	
блага песку.....	$8\frac{3}{4}$ фунт.	блага песку.....	$8\frac{1}{2}$ фунт.
патоки.....	$8\frac{3}{4}$	патоки.....	$6\frac{1}{2}$

Изъ двѣнадцати фунтовъ худшаго песку (отъ переварки патоки).

Спиртомъ.		Глиною.	
блага песку.....	$6\frac{3}{4}$ фунт.	блага песку.....	$6\frac{1}{4}$ фунт.
Патоки.....	$9\frac{1}{2}$	патоки.....	$8\frac{1}{2}$

Этотъ опытъ показываетъ, что хотя отъ спирту получаемъ песку болѣе, однако самый способъ хуже обыкновеннаго и вотъ причины: патока, полученная отъ пробѣлки спиртомъ, такъ насыщена имъ, что, при слабомъ огнѣ, загорается, и слѣдственно она никуда не годится, развѣ для перегонки, которая требуетъ новыхъ издержекъ и которой выгоды никогда не возмратятъ потери патоки; для каждаго 8 фунтовъ блага песку надобно употребить $2\frac{1}{16}$ кварты спирту, но какъ и въ Малороссіи, гдѣ водка очень дешева, это количе-

ство спирту стоит не менѣе 1 рубля 20 копѣекъ, следовательно на каждый пудъ бѣлаго песку прибавится 6 рублей, и если теперь продаемъ бѣлый песокъ по 30 рублей, то, пробывши спиртомъ, пришлось бы продавать по 36, — явная несообразность, которую, однако жъ намъ предлагаютъ въ новой методѣ какъ лучшей способъ пробывки. Это увидимъ мы, рассматривая, дастъ Богъ, новую методу.

Этимъ оканчиваю обзоръ производства, почти общаго на нашихъ заводахъ. Невольно рождается вопросъ: какія же выгоды доставляетъ оно? Въ первой статьѣ, я представилъ нѣсколько отчетовъ, которые могутъ послужить отвѣтомъ на вопросъ, а здѣсь еще присовокуплю отчетъ завода, который, по своей огромности, быстрому исполненію всего хода производства, и болѣе всѣхъ содѣйствуя къ распространенію въ Россіи этой промышленности, заслуживаетъ особеннаго вниманія и полнаго довѣрія. Я говорю о Михайловскомъ заводѣ, принадлежащемъ графу Бобринскому.

Г. Гиршъ, арендаторъ этого завода, въ Запискахъ Комитета Сахорваровъ, на 1835 годъ, помѣстилъ слѣдующій отчетъ: «Свекловицы поступило 31,929 четвертей; изъ нея получено песку бастроваго 9,920 пудовъ, песку паточнаго 4,480 пудовъ. Изъ этого числа продано въ Москвѣ 1,640 пудовъ 28 фунтовъ, а остальное количество перерафинировано, и добыто рафиниату 529 пудовъ, мяясу въ головахъ 1,158 пудовъ 24 фунта, битаго мяясу и лумпу 4,182 пуда 4 фунта, и двухъ сортовъ патоки 11,077 пудовъ 25 фунтовъ. Всего, продано бѣлаго сахару на 187,215 рублей 4 копѣйки, песку на 32,303 рубль 60 копѣекъ, и патоки на 39,493 рубля 96 копѣекъ. Всей выручки за 1833 годъ 259,012 рублей 60 копѣекъ.»

Слѣдственно выручки получено за каждую четверть 8 рублей 10 копѣекъ. Жаль, что здѣсь не представлено счета чистой прибыли. Это еще болѣе пояснило бы выгоды свекло-сахарной промышленности. Впрочемъ для заводчика это не будетъ такъ темно какъ для другихъ: видѣвши заводъ, намъ легко сдѣлать приблизительный расчетъ. 1. Переработка каждой четверти не станетъ болѣе 2 рублей, если не сласть процентовъ на вкладочный капиталъ, значительно

увеличившийся отъ бывшихъ перестроекъ и различныхъ издержекъ, бесполезныхъ въ обыкновенномъ ходѣ производства. 2. Заводъ покупаетъ свекловичную отъ крестьянъ экзопони, и платитъ по 2 рубля за четверть, цѣну неизвѣрно высокую, но назначенную самимъ графомъ, вѣроятно для того чтобы доставить болѣе выгоды крестьянамъ. Такимъ образомъ расходъ на каждую четверть будетъ 4 рубля: следовательно заводъ получаетъ чистой прибыли 4 рубля 10 копѣекъ, то есть, болѣе 50 процентовъ, на капиталъ, посвящаемый годишному производству. II. *Лялинь.*

НОВАЯ БОРОНА.

СКОРОДИЛЬНЫЙ ПОЛИСПАСТЬ.

Скородить, или бороновать пашню, весьма легко и не требуетъ почти ни какого искусства; поэтому скородбитами всегда бываютъ или подростки, мальчики, которые не умѣютъ и не въ силахъ еще пахать, или дѣвки; да и лошадей впрягаютъ въ бороны болѣею частію молодыхъ. Но до сихъ поръ скородбить можетъ съ успѣхомъ работать только на двухъ, много на трехъ, боронахъ, — и все оттого, что мы ни мало не заботимся объ улучшеніи своихъ прадедовскихъ земледѣльческихъ орудій: намъ — лишь бы больше сохъ да бороны выгѣзжало на десятины!

Г. Тэеръ въ своемъ «Рациональномъ Сельскомъ Хозяйствѣ» говоритъ, что одинъ работникъ можетъ скородить на нѣсколькихъ боронахъ, если, управляя непосредственно первою лошадию, другую привяжетъ поводомъ или къ поперечному бруску передней бороны, или къ самой бороны, или къ постройкѣ; если третью такимъ же образомъ привяжетъ къ другой, и такъ далѣе. Но, для возраженія противъ этого способа, стоитъ только упомянуть о несчастіи, которое легко можетъ случиться при первомъ испугѣ лошади. Ктому жъ у насъ и скородятъ преимущественно на молодыхъ лошадяхъ, которые почти всегда чрезвычайно пугливы и которыми, следовательно, при такой бороны, недолго повывломать себя ноги.

Я нашелъ способъ, по которому одинъ подростокъ весьма легко, безъ всякой опасности и съ великою пользою, можетъ скородить въ пять и болѣе боронъ. Приготовленія къ нему самыя немудренныя. Сажени въ двѣ легкій деревянный шестъ aa (фиг. I) по концамъ снабженъ, подъ прямымъ угломъ, тонкими деревянными дужками abd . У каждой дужки, свободная сторона bd , снабженная небольшимъ деревяннымъ гвоздемъ или шипикомъ k , длиннѣе той, ab , которою она прикреплена къ шесту. На хомутахъ крайнихъ лошадей (пусть ll , ll , представляютъ половины хомутовъ или деревянныхъ клещей хомутовыхъ), у самыхъ гужей, приделано по двѣ желѣзныя петли или по два пробойника, m , m . Стоитъ только продѣть концы дужекъ, разумѣется до шипиковъ, въ эти пробойники, потомъ привязать къ шесту aa запряженныхъ въ бороны лошадей, въ приличномъ одну отъ другой разстояніи, и бороны поставлены по новому способу.

Вмѣсто обыкновенныхъ боронъ, которыя при заворотѣ весьма часто вспрыгиваютъ одна на другую и такимъ образомъ замедляютъ работу, я употребляю мой скородильный полиспасть. Онъ тотчасъ же можетъ быть сдѣланъ. Надобно приготовить сухой нетолстый, деревянный брусокъ AA (фиг. II), вколотить въ него съ двухъ сторонъ по нѣскольку деревянныхъ или желѣзныхъ скобокъ, — именно, на задней сторонѣ, которой плоскость $\alpha\beta A\epsilon$ перпендикулярна къ поверхности земли, надо вколотить, напримѣръ пять скобокъ a , въ одинакомъ другъ отъ друга разстояніи, которое по-крайней-мѣрѣ на два вершка, должно превышать ширину бороны*; на верхней сторонѣ, которой плоскость $\nu\mu A\beta$ обращена вверхъ, достаточно и трехъ скобокъ b . Далѣе, надобно сдѣлать пять ровныхъ между собою боронъ H ; къ серединамъ изъ небольшихъ кривизнъ, къ передкамъ ихъ, привязать по небольшой двойной бичовкѣ c ; бичовки просунуть сквозь скобки, отчего получится пять петель, въ которыя стоитъ только продѣть тонкій деревянный шестикъ dd , — и составится полиспасть. А чтобъ прекратить прискочку боронъ, надобно приделывать на каждой изъ нихъ по скобкѣ k .

* Чтобы виднѣе были части чертежа, чертежъ сдѣланъ безъ всякаго размѣра.

Въ эти скобки просовывается тонкій деревянный шестыкъ, *ll*, который при очисткѣ боронъ отъ накопившихся между зубцами кореньевъ, травы, и прочаго, тотчасъ можетъ быть выдернуть. Къ верхнимъ тремъ скобкамъ прикрѣплены коромысла, или вальки, *mm*, посредствомъ бичовокъ *nn*, точно такимъ образомъ какъ бороны. Само собою разумѣется, что коромысла должны быть значительной длины, для того чтобы постронки *pp* расходились шире и не вытирали лошадямъ боковъ.

Одинъ подростокъ, кромѣ того что будетъ скородить въ пять боронъ тремя лошадьми, особливо на легкой почвѣ, можетъ въ тоже время и попасовать рабочихъ лошадей. Нужно только тотъ шестъ *aa* (фиг. I), къ которому привязываются лошади, замѣнить легонькими ясельками. Онѣ могутъ быть сплетены изъ молодой лозы и высушены. Ихъ можно прикрѣпить къ концамъ дужекъ *a, a*, за середины ихъ поперечныхъ сторонъ. Эти ясельки — великое дѣло. Онѣ могутъ быть принаровлены ко всякой упряжи, а главное — онѣ служатъ возбуждательнымъ средствомъ для лѣнливыхъ лошадей: надобно только насыпать въ нихъ съ гарнецъ овса, такъ, чтобъ лѣнливцы не могли его достать.

Въ заключеніе, излишнимъ даже считаю напомнить о томъ, что лѣнтяй скородить тотчасъ успѣетъ завозжать среднюю лошадь, добудетъ дощечку и усядется на третьей боронѣ.

Ф. Левдикъ.

=

*Скоростной помпостат
Т. Левука.*

Рис. I.

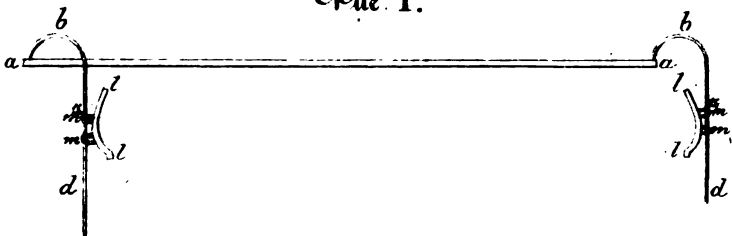
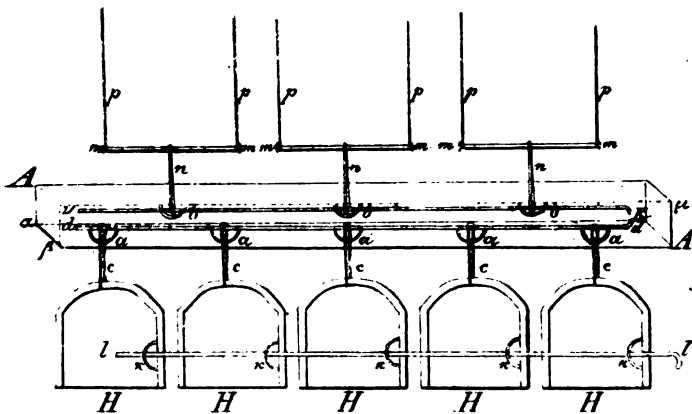

Рис. II.

КРИТИКА.

1. Статистическія Записки о внешней торговлѣ Россіи, составленныя Григоріемъ Небольсинымъ. Санктпетербургъ, 1835 года. Довъ части.

2. Государственная внѣшняя торговля 1834 года, въ разныхъ ея видахъ. Санктпетербургъ, 1835 года.

Съ удовольствіемъ начинаемъ мы критическое отдѣленіе Библиотеки для Чтенія на 1836 годъ «Статистическими Записками о внѣшней торговлѣ Россіи», Г. Небольсина, и съ прискорбіемъ должны открыть обзоръ ихъ замѣчаніемъ, что у насъ не постигаютъ еще различія между слогомъ частнаго, почтеннаго гражданина, который пишетъ себѣ счеты, письма, прошенія, дѣловыя бумаги, и тѣмъ, что на свѣтѣ называется — слогъ писательскій, *le style d'écivain*. Многіе чисто-сердечно думаютъ, что можно канцелярскимъ перомъ написать книгу хоть куда, и что весьма любезно — говорить съ публикою, имѣющею притязаніе на образованный тонъ и изящность, глаголомъ приказной бумаги. Удивляться мы и не думаемъ, зная, что большая часть сочинителей Русскихъ книгъ получаетъ въ канцеляріяхъ первое образованіе въ языкъ и слогъ; но надобно душевно сожалѣть, когда люди съ дарованіемъ и основательными познаніями не помнятъ, что на свѣтѣ есть чистый вкусъ и языкъ хорошаго общества. Писать другимъ языкомъ сочиненіе, превосходное по содержанію, методъ и занимательности

почти каждого факта, — совсемъ непростительно. Намъ очень прискорбно, что мы принуждены сказать это объ авторѣ «Статистическихъ Записокъ о вѣншей торговли Россіи.»

До-сихъ-поръ изученіе этого предмета было у насъ соединено съ большими трудностями. Чтобы слегка познакомиться съ исторіею Русской торговли и ея современнымъ движеніемъ, надобно было просмотрѣть многотомную компиляцію Чулкова, Коммерческую Газету съ начала ея изданія, ежегодные отчеты департамента Вѣншей Торговли и другіе матеріалы, недоступные и слишкомъ скучные для большинства публики. «Записки» Г. Небольсина суть первое сочиненіе, въ которомъ важнѣйшія свѣдѣнія, разбросанныя въ этихъ источникахъ, собраны и представлены въ прекрасномъ, систематическомъ порядкѣ. Его книга содержитъ въ себѣ много фактовъ достойныхъ вниманія, много данныхъ, которыя, съ извѣстною осторожностью, могутъ быть приняты въ основаніе чрезвычайно занимательныхъ политико-экономическихъ соображеній. Числа, составляющія отличительную принадлежность Статистики, мертвы и сухи только для того, кто не умѣетъ ими пользоваться: подъ рукою читателя, знакомаго съ предметомъ, они получаютъ жизнь и значеніе, и дѣлаются доводами въ пользу или противъ какой-нибудь теоріи народнаго хозяйства. Разсмотримъ главные выводы изысканій Г. Небольсина, и дополнимъ ихъ нѣсколькими любопытными цифрами изъ прекраснаго отчета о вѣншей торговлѣ 1834 года, составленнаго при правительственномъ мѣстѣ, въ вѣдомствѣ котораго находится эта важная отрасль народной промышленности.

Авторъ «Записокъ» раздѣлилъ свой трудъ на двѣ части. Въ первой показаны всѣ пункты, на которыхъ производится наша торговля съ другими государства-

ми, главныя статьи привоза и отпуска, мѣста, откуда товары привозятся и куда идутъ, способы и цѣны провоза, движеніе судоходства и свойство купеческихъ промысловъ; вторая содержитъ въ себѣ замѣчанія о вышѣйшемъ состояніи разныхъ отраслей внѣшней торговли и средствахъ къ ихъ распространенію, и представляетъ краткое обзорѣніе системы правительственнаго надзора и управленія.

Несмотря на огромное протяженіе Русскихъ границъ, Архангельскъ былъ долгое время единственнымъ мѣновымъ рынкомъ, гдѣ произведенія нашего отечества сходились съ издѣліями Европейской промышленности. Сначала право привозить туда товары принадлежало однимъ Англійскимъ судамъ. Въ 1648 году, Алексѣй Михайловичъ уничтожилъ эту монополию, и открылъ Бѣлое Море для всѣхъ народовъ. Въ первые годы царствованія Петра Великаго, Архангельская торговля достигла высшей степени своего развитія, по причинѣ запрещенія доставлять Рускіе отпускные товары по портамъ Балтійскаго Моря. Это цвѣтущее состояніе продолжалось до 1718 года, когда мѣры принятыя великимъ преобразователемъ въ пользу основанной имъ столицы перевели туда всѣ капиталы и сдѣлали Петербургъ главнымъ пунктомъ нашихъ торговыхъ сношеній съ западною Европою. Трудность доставки въ этотъ городъ естественныхъ произведеній изъ придвинскихъ губерній принудила правительство заняться оживленіемъ упавшей торговли Архангельскаго порта, и, въ 1762 году, онъ наконецъ былъ уравниенъ въ правахъ съ Санктпетербургскимъ. Съ того времени этотъ портъ служитъ главнымъ устьемъ для произведеній сѣверо-восточной Россіи, и ведетъ довольно значительную отпускную торговлю, которой ежегодный оборотъ простирается отъ 10 до 14 милліоновъ рублей. Привозъ иностранныхъ товаровъ гораздо слабѣе: онъ не превышаетъ суммы по-

лутора милліона въ годъ и видимо уменьшается, потому что тѣ губерніи, которыя прежде снабжались иностранными товарами изъ Архангельска, теперь получаютъ ихъ изъ Петербурга и даже изъ Одессы и Таганрога. Въ 1834 году этотъ портъ отпустилъ Русскихъ произведеній только на 8,464,600 и принялъ иностранныхъ на 659,500 рублей. Главною статьею отпуски былъ леиъ, котораго отправлено за границу на 2,069,800 рублей; въ числѣ привозныхъ товаровъ первое мѣсто занималъ сахарный песокъ. Изъ Коммерческой Газеты видно, что въ истекшемъ году торговые обороты Архангельскаго купечества усилились противъ третьегонихъ на сумму 10,751,600 рублей отпуски, и 729,000 рублей привоза.

Между-тѣмъ какъ древній Бѣломорскій портъ постепенно теряетъ свою значительность, Санктпетербургъ и Рига, его счастливые соперники, расширяютъ кругъ своей коммерческой дѣятельности и сосредоточиваютъ въ себѣ нашу сѣверную торговлю. Петръ Великій вполне достигъ своей цѣли: необычайныя мѣры, принятыя имъ для привлеченія въ любимую столицу капиталовъ и кунцовъ, оказались почти бесполезными, и Петербургъ, вскорѣ послѣ своего основанія, добровольно сдѣлался складочнымъ мѣстомъ Русскихъ отпускныхъ произведеній и главнымъ пунктомъ нашей привозной торговли, которая годъ-отъ-году усиливается, потому что этотъ портъ снабжаетъ иностранными товарами всю среднюю Россію и большую часть восточной. Нынче ежегодный оборотъ Петербургской торговли простирается отъ 150,000,000 до 160,000,000 рублей привоза и отъ 100,000,000 до 115,000,000 рублей отпуски. Таможенный доходъ постоянно превышаетъ 40,000,000 и возвышается иногда до 50,000,000 рублей. Главное мѣсто между отпускными статьями блестящаго Петербурга зани-

маеть сало, котораго вывозится за границу до 4,000 пудовъ въ годъ ; между привозными , сахарный песокъ и хлопчатая бумага. Во время навигаціи въ Петербургскомъ и Кронштатскомъ портахъ бываетъ до 1,500 купеческихъ судовъ , изъ которыхъ , 200 по большей мѣрѣ подъ Русскимъ флагомъ. Въ 1834 году число прибывшихъ сюда кораблей было 1815, а въ прошломъ, 1835, по показанію Коммерческой Газеты, оно простиралось только до 1,279. Торговый оборотъ Петербурга въ 1834 году , простирался на слѣдующія суммы:

Отпускъ.

Общій итогъ цѣвъ отпуска.....	109,064,860 руб.
Въ томъ числѣ сала на.....	40,933,630
пеньки на.....	11,368,600
мѣди.....	9,087,000
хлѣба.....	74

Привозъ.

Общій итогъ цѣвъ привоза.....	135,797,970 руб.
Въ томъ числѣ хлѣба на.....	12,550,800
Сахарнаго песку.....	19,231,970
Бумаги прядевой.....	28,441,300

Второе мѣсто въ системѣ портовъ Балтійскаго Моря принадлежитъ Ригѣ, гдѣ преимущественно находятъ сбытъ за границу естественныя произведенія Остзейскихъ, Бѣлорусскихъ и Литовскихъ губерній. Привозная торговля Риги гораздо слабѣе отпускной, по причинѣ совмѣстничества Петербурга и близости сухопутной границы. Ктому жъ ничтожная мануфактурная промышленность западныхъ провинцій почти не требуетъ сырыхъ матеріаловъ, которые въ огромномъ количествѣ привозятся въ Петербургъ, для потребленія Великороссійскихъ фабрикъ. Главныя предметы Рижскій привозной торговли суть напитки, рыба, са-

харный песокъ и въ особенности соль , которая при коммерческихъ сдѣлкахъ тамошнихъ кушцовъ между собою и съ лицами другихъ сословій часто замѣняетъ наличныя деньги. Сложность суммъ привоза равна 16 милліонамъ ; отпускъ простирается до 46 милліоновъ рублей. Общій оборотъ всѣхъ прочихъ Балтійскихъ портовъ едва составляетъ третью часть Рижскаго. Главныя изъ нихъ по привозу суть Ревель , Либава , Нарва и Перновъ ; по отпуску Либава , Перновъ , Ревель , Нарва. Кромѣ недостатка водяныхъ сообщеній , кругъ ихъ дѣйствія стѣсняется дурнымъ состояніемъ гаваней , въ которыхъ мелководіе фарватера годъ-отъ-году представляетъ болѣе трудности приходящимъ судамъ.

Центральный пунктъ Черноморской торговли есть Одесса , въ которой манифестомъ 1817 года учреждено порто-франко на тридцать лѣтъ. Благосостояніе этого города быстро увеличивается , и мы думаемъ , что существованіе порто-франко есть главная причина такого успѣшнаго развитія Одесской торговли , хотя авторъ «Статистическихъ Записокъ» поддерживаетъ мнѣніе , совершенно противное. Цѣнность иностранныхъ товаровъ , привозимыхъ въ Одессу , доходить до 15 милліоновъ рублей ; изъ нихъ двѣ трети отпускаются за черту порто-франко , внутрь имперіи , а прочіе потребляются на мѣстѣ. Сложность ежегоднаго отпуска Русскихъ произведеній составляетъ около 25 милліоновъ рублей. Транзитная торговля производится только съ одною Австрією , черезъ Радзивиловскую таможенную и нынче приходитъ въ упадокъ. Важнымъ препятствіемъ для оборотовъ Одесскаго купечества служатъ , по мнѣнію автора , недостатокъ капиталовъ : оно торгуется болѣею частью на кредитъ и по комиссіямъ отъ иностранныхъ торговыхъ домовъ. Мы съ этимъ несогласны : капиталы являются всюду , гдѣ только могутъ быть употреблены съ большою выгодною ; въ Одессѣ же

капиталовъ потому, что преимущественный характеръ ея торговли составляютъ отпуска хлѣба, — обороты самыя невѣрные и которые, въ нынѣшнемъ состояніи коммерческаго законодательства въ Европѣ, особливо въ Англии, можно только производить по комиссиі. Главныя статьи отпуска суть хлѣбъ, особенно пшеница, сало, кожи, пенька, ленъ и льняное сѣмя; изъ иностранныхъ товаровъ привозятся въ большомъ количествѣ виноградныя вина, фрукты, деревянное масло и мануфактурныя издѣлія. Въ 1834 году, Одесскій портъ отпустилъ за границу Русскихъ произведеній только на 17,855,900 рублей по причинѣ неурожая, прекратившаго торговлю хлѣбомъ. Цѣны привоза простирались до 14,425,500 рублей. Дѣятельность другихъ Черноморскихъ портовъ сильно стѣснена Одессою; впрочемъ выгодное географическое положеніе Измаила общаетъ ему значительное мѣсто между торговыми городами южнаго края Россійской Имперіи.

Книга Г. Небольсина содержитъ въ себѣ нѣсколько весьма дѣльныхъ замѣчаній о совмѣстничествѣ, которое возникло между Таганрогомъ и Керчью и угрожаетъ первому участію Архангельска. Такой переворотъ въ ходѣ Азовской торговли будетъ имѣть чрезвычайно важное вліяніе на промышленность юго-восточной Россіи. Несмотря на быстрое возвышеніе Одессы, Таганрогъ до-сихъ-поръ поддерживалъ свою торговую значительность посредствомъ обширныхъ внутреннихъ сообщеній и большихъ капиталовъ; онъ имѣлъ особенный кругъ дѣятельности и оживлялъ своими оборотами промышленность сосѣднихъ губерній. Теперь его участь едва-ли-сомнительно. Для предохраненія государства отъ заразы, правительство закрыло Азовское Море для иностранныхъ судовъ, не выдержавшихъ полного карантина въ Керчи, гдѣ они обязаны выгружать свои товары и терять

отъ тридцати до сорока дней. Подобныя мѣры безсомнѣнія имѣли бы слѣдствіемъ переходъ Азовской торговли изъ Таганрога и Мариуполя, гдѣ она прежде была сосредоточена, къ Еникольскому Проливу, въ Керчинскій портъ, если бы географическое положеніе этого порта не представляло для такой перемѣны почти непреодолимыхъ трудностей: онъ находится въ краю, чрезвычайно бѣдномъ естественными произведеніями, и не имѣетъ почти ни какихъ средствъ сообщенія съ внутреннею Россією. Каботажное судоходство, — единственный способъ доставленія туда товаровъ изъ Азовскихъ портовъ, — соединено съ большими невыгодами, и не можетъ замѣнить для Керчи прекрасной системы водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, которая переводила въ Таганрогъ богатства восточныхъ губерній. Для отвращенія этихъ неудобствъ, въ 1854 году составила въ Керчи компанія, которая предполагала уредить тамъ складочныя магазины Русскихъ товаровъ и такимъ образомъ привлечь заграничныхъ купцовъ; но недостатокъ акціонеровъ не дозволяетъ ей до-сихъ-поръ приступить къ торговымъ дѣйствіямъ.

Торговля съ Персією и Закавказскимъ Краемъ, по Каспійскому Морю, идетъ довольно слабо, несмотря на благоприятное положеніе и богатыя средства Астрахани и Баку. Причины, замедляющія ея развитіе, были однажды изложены Г. Небольсинымъ въ превосходной статьѣ его о Каспійской торговлѣ, статьѣ, изложенной прекраснымъ языкомъ и помѣщенной въ Б. для Ч.; — мы ихъ не повторяемъ. Главныя статьи отпуски въ Персію суть соль, нефть, шафранъ, металлы и мануфактурныя издѣлія; важнѣйшіе предметы привоза — шелкъ, шелковыя и шерстяныя издѣлія, бумага, фрукты и рыба. Въ 1854 году, общій оборотъ Астраханской торговли простирался до 2,727,170 рублей: въ томъ числѣ привезено иностранныхъ то-

варовъ на 912,400 рублей; отпущено за границу Русскихъ на 1,814,750 рублей.

Наша портовая торговля находится почти исключительно въ рукахъ иностранцевъ. Иностранныя конторы закупаютъ Русскія произведенія, отправляютъ ихъ за границу и продаютъ привозные товары. Описывая торговую дѣятельность Петербурга, Г. Небольсинъ вкратцѣ излагаетъ ходъ коммерческихъ оборотовъ во всѣхъ прочихъ Русскихъ портахъ. Мы приведемъ его слова, исправивъ нѣсколько слогъ.

«Петербургское купечество производитъ торговлю частью на собственные капиталы, но болѣе по коммиссіямъ; многіе иностранцы гости и иностранцы, состоящіе въ гильдіяхъ, торгуютъ не на собственные капиталы; а на принадлежащіе заграничному купечеству. Они принимаютъ отъ иностранныхъ торговыхъ домовъ порученія на закупку Россійскихъ товаровъ, объявляютъ ихъ въ таможню, платятъ пошлину, нагружаютъ корабли и отправляютъ по приказу своихъ доверителей, или продаютъ Россійскимъ купцамъ товары, привезенные на иностранныхъ корабляхъ, пользуясь за свои труды двумя процентами коммисіи, и получая сверхъ того коммисію за адресуемые къ нимъ корабли. Эта коммисіонная торговля бываетъ весьма прибыльна, если купецъ производитъ ее отъ многихъ большихъ домовъ; но требуетъ величайшей осторожности и предусмотрительности въ сдѣлкахъ, основанныхъ на контрактахъ, задаткахъ и болѣе или менѣе долгосрочномъ кредитѣ. Черезъ этихъ коммисіонеровъ производится преимущественно и отпускная и привозная торговля. Обыкновенный ходъ ея — слѣдующій: Русскіе купцы изъ внутреннихъ мѣстъ, съ приближеніемъ зимы, съезжаются въ Петербургъ для заключенія съ иностранными коммисіонерами контрактовъ о продажѣ товаровъ съ поставкою къ будущей веснѣ или лѣту; контракты заключаются на разныхъ условіяхъ: иногда всѣ деньги отдаются впередъ, иногда только часть, съ платежемъ остальныхъ при поставкѣ, которая не прежде можетъ воспослѣдовать, какъ черезъ семь или восемь мѣсяцевъ. Цѣны товаровъ естествен-

нымъ образомъ соразмѣряются съ такими условіями: онѣ разнствуютъ на нѣсколько процентовъ, то есть, товаръ, котораго вся цѣна платится впередъ, отдается нѣсколькими процентами дешевле того, который покупается съ платежемъ одной части денегъ впередъ, а другой при поставкѣ. Что касается до привозныхъ товаровъ, то они или выписываются Русскими купцами, которые для этого обращаются къ иностраннымъ комиссіонерамъ, или высылаются на комиссію иностранными купцами къ тѣмъ же комиссіонерамъ, у которыхъ Русскіе купцы ихъ покупаютъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, они продаются по большей части въ сроки на три, шесть или двѣнадцать мѣсяцевъ.

«Изъ коренныхъ Россійскихъ купцевъ, къ сожалѣнію, весьма немногіе имѣютъ непосредственныя сношенія съ иностранными государствами. Обороты ихъ простираются не болѣе какъ на семь милліоновъ рублей и ограничиваются главнѣйше выписываніемъ сахарнаго песку, бумажной пряжи, красокъ, табаку; отпускною торговлею занимаются они менѣе, рѣдко рѣшаясь отправлять товары отъ себя и на собственный счетъ. Нѣкоторые Московскіе купцы, пользуясь учрежденіемъ въ Москвѣ Складочной Таможни, привозятъ туда, болѣе черезъ посредство Петербургскихъ купцевъ, но частію и прямо изъ-за границы, бумажную пряжу, вина виноградныя, бумажныя и льняныя издѣлія, табакъ, сельди, драгоценныя камни, и прочая.»

Низкая цѣна Русскихъ отпускныхъ товаровъ въ сравненіи съ привозными есть результатъ безчисленныхъ причинъ, которыхъ мы не имѣемъ мѣста разбирать въ этомъ обзорѣ книги Г. Небольсина. Въ числѣ главнѣйшихъ можно упомянуть необразованность многихъ изъ нашихъ продавцевъ и проистекающія отъ этого ложныя понятія о существѣ выгодъ въ торговлѣ, такъ, что иностранныя дома предпочитаютъ вести дѣла съ ними черезъ комиссіонеровъ, избѣгая всячески прямыхъ сношеній; недостатокъ капиталовъ который заставляетъ Русскихъ купцовъ требовать огромныхъ задатковъ, иногда и цѣлой цѣны поставки впередъ, и

тѣмъ самымъ дѣлаетъ ихъ зависимыми отъ комиссіонеровъ; обложеніе Русскихъ кораблей во многихъ государствахъ обременительною пошлиною, что, хотя и происходитъ по правилу возмездія, тѣмъ не менѣе принуждаетъ здѣшнихъ негоціантовъ употреблять иностранныя суда и останавливаетъ развитіе Русскаго судоходства; ограниченіе сбыта нашихъ естественныхъ произведеній возвышеніемъ пошлины на иностранные товары для охраненія начинающей мануфактурной промышленности, и многія другія причины, которыхъ сложность, сцѣпленіе и часто неизбѣжность потребовали бы обширнаго развитія. Возвратимся еще разъ къ замѣчаніямъ Г. Небольсина.

«Что касается до сбыта Россійскихъ произведеній посредствомъ сѣверной торговли, то успѣхи ея совершенно зависятъ отъ потребностей Европейской промышленности въ сырыхъ матеріалахъ, которые она обрабатываетъ. Главныя статьи нашего отпуска, сало, пенька, ленъ, сѣмя, остаются въ постоянномъ требованіи, потому что ни какое другое государство не въ состояніи снабжать ими въ такомъ количествѣ и по такимъ цѣнамъ какъ Россія. Другіе предметы, напримѣръ, кожи, шерсть, железо, полотна, канаты, встрѣчаютъ болѣе сильное совмѣстничество, и отпускъ ихъ не можетъ почитаться столько же обезпеченнымъ. Хлѣбъ менѣе всѣхъ прочихъ произведеній представляетъ возможности къ постоянному сбыту, потому что спрашивается за границу только въ неурожайные годы. Къ невыгодѣ отъ столь ограниченаго числа предметовъ отпуска присоединяется еще другая, именно, что потребленіе ихъ сосредоточено наиболѣе въ одной Великобританіи, и слѣдовательно, приращеніе или упадокъ вывоза ихъ главнѣйше зависятъ отъ состоянія промышленности одного этого государства. Нѣтъ сомнѣнія, что при разнообразнѣйшей отпускной торговлѣ и при болѣе совмѣстничествѣ въ требованіи нашихъ произведеній, мы всегда могли бы находить вознагражденіе въ той или другой отрасли, на томъ или другомъ рынкѣ, не будучи подчинены Великобританской монополіи(?), которая впрочемъ весь

ма естественно приобрѣла господство въ нашей торговлѣ, потому что чрезвычайное возрастаніе мануфактурной и торговой дѣятельности Англій всегда обезпечивало сбытъ ей нашихъ сырыхъ матеріаловъ. Но въ то время, какъ успѣхъ земледѣлія и скотоводства въ другихъ государствахъ, споспѣшествуемые высокими пошлинами на иностранныя произведенія, стали уменьшать потребность въ главныхъ предметахъ торговли съ Россією и такимъ образомъ оставили для нашихъ произведеній единственный важный рынокъ, — Великобританію, послѣдняя, въ свою очередь, чтобы освободиться отъ необходимости (!) получать изъ одной Россіи сало, ленъ, пеньку, лѣсъ и хлѣбъ, употребляетъ всевозможныя усилія для произведенія ихъ на собственной почвѣ или для приобретенія ихъ изъ другихъ земель. Законами своими о хлѣбѣ, она допускаетъ сбытъ иностраннаго только при самыхъ высокихъ цѣнахъ; высокія пошлины на Балтійскій лѣсъ поощряютъ привозъ лѣса изъ Американской колоніи ея, — Канады; почти во всѣхъ колоніяхъ своихъ она дѣлала опыты надъ разведеніемъ пеньки и льну, стараясь также получать ихъ изъ Италіи и Венгріи. Южная Америка открываетъ себѣ надежду приобретать отъ тамошняго скотоводства важную статью привоза изъ Россіи, — сало.»

Для отвращенія опасности, которая угрожаетъ нашей внѣшней торговлѣ совершеннымъ застоємъ, авторъ «Статистическихъ Записокъ» совѣтуетъ Русскому купечеству искать новыхъ предметовъ отпущка и вступить въ непосредственныя сношенія съ Америкою, представляющею обширный и постоянный рынокъ для разныхъ нашихъ товаровъ, которые по своей дешевизнѣ легко могутъ вытѣснить оттуда произведенія такого же рода, доставляемыя другими Европейскими народами. Конечно, все это прекрасно, но мы боимся, что во всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ и предположеніяхъ автора есть болѣе добраго намѣренія, чѣмъ практическаго знанія торговли. Въ заведеніи прямыхъ сношеній съ Америкою встрѣтятся тѣ же преграды и невыгоды, которыя дѣйствуютъ у насъ

на низкую цѣнность нашихъ произведеній на-мѣсть, а «*монополія* Великобританіи», какъ авторъ выражается, монополія, отъ которой и онъ хочетъ освободиться, и Англія, по его мнѣнію, тоже, признаемся, располагаетъ насъ нѣсколько къ веселости. Почему Г. Небольсинъ не предложилъ себѣ вопроса: если бы Англія теперь вдругъ потонула въ океанѣ, что бы значила наша заграничная торговля и кому бы мы продавали наши произведенія? Ежели Англія старается добывать ленъ и пеньку изъ Италіи, другія произведенія изъ другихъ странъ свѣта, а не изъ Россіи, это не есть слѣдствіе вражды или зависти ея къ нашему отечеству, а только доказательство той истины, что ей невыгодно получать ихъ изъ Россіи. Слѣдовательно причины такого поворота требованій въ другую сторону таятъ здѣсь, на-мѣсть, а не въ такъ называемой Великобританской монополіи, отъ которой, намъ право, нечего уклоняться, потому что самая выгодная наша торговля происходитъ именно съ этою монополіею. Такія государства какъ Англія необходимы для торговли, и они-то суть лучшіе рынки для цѣлаго свѣта. Такихъ рынковъ было только четыре въ Исторіи, — Финикія, Карфагенъ, Голландія и Англія. Безъ нихъ нѣтъ торговли. Коммерческая польза каждаго народа состоитъ въ томъ, чтобы сблизиться съ такими государствами, поставленными всегда въ особенныхъ условіяхъ; чтобы облегчать пути торговыхъ связей съ ними, а не избѣгать ихъ «*монополіи*», которая есть душа торговаго свѣта и ни сколько не походитъ на то, что называютъ монополіей. Намъ кажется, что, для разсужденія объ этихъ предметахъ, втору слѣдовало болѣе вникнуть въ исторію болѣе старыхъ торговыхъ эпохъ образованнаго міра.

Во всякомъ случаѣ мы отдаемъ полную справедливость его патріотическимъ видамъ.

Сухопутная торговля Россіи съ ея Европейскими

сосѣдями производится очень дѣятельно, но и здѣсь большая часть выгодъ остается на сторонѣ послѣднихъ. Пользуясь недостаткомъ водяныхъ сообщений въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, которыя не имѣютъ возможности доставлять свои произведенія къ портамъ, Прусскіе купцы закупаютъ эти произведенія и потомъ отправляютъ изъ Данцига, Кенигсберга и Мемеля, въ Англію, Францію, Голландію и другія государства. Главныя статьи отпуска въ Пруссію суть хлѣбъ, ленъ, пенька, невыдѣланныя кожи, сало, лѣсъ, щетина, и прочая. Привозъ состоитъ изъ мануфактурныхъ издѣлій, сельдей и разныхъ напитковъ. Въ 1834 году, Россія отпустила за Прусскую границу своихъ товаровъ на 12,792,400 рублей, и получила оттуда на 16,451,600 рублей.

Кромѣ общихъ предметовъ Русскаго отпуска, Австрія получаетъ отъ насъ большое количество ютки и рогатаго скота, котораго ежегодно выходитъ туда болѣе 40,000 штукъ. Этотъ торгъ приноситъ одной Бессарабіи слишкомъ 3,000,000 рублей. Взамѣнъ нашихъ товаровъ, Австрія снабжаетъ насъ косами, серпами, шелковыми и бумажными издѣліями и виномъ. Впрочемъ привозъ Италіянскаго шелку замѣтно уменьшается по причинѣ возрастающаго употребленія на нашихъ фабрикахъ шелку Закавказскаго Края. Значительная часть мануфактурныхъ издѣлій, привозимыхъ въ Одесскій портъ, идетъ изъ Австріи въ видѣ транзита, черезъ Радзивиловъ. Перемены происшедшія въ таможенномъ устройствѣ обоихъ государствъ почти совершенно прекратили контрабандный торгъ, который прежде производился изъ Австрійскаго порто-франко, Бродъ. Въ 1834 году, вывезено товаровъ, черезъ таможи, учрежденныя на этой части Русской границы, на 10,542,800, привезено на 11,158,750 рублей.

По уничтоженіи таможенной линіи, отдѣлявшей

Бессарабію отъ прочихъ частей Имперіи, «Виды» нашей торговли съ этою областью болѣе не печатаются. Въ 1825 году мы отпустили туда товаровъ на 4,000,000 рублей, а въ 1831, отпускъ увеличился до 10,500,000. Часть этихъ товаровъ переходитъ изъ Бессарабіи въ Молдавію и Валахію.

Выпишемъ нѣсколько цифръ, показывающихъ ходъ нашей торговли съ царствомъ Польскимъ и Финляндіею въ теченіе послѣдняго десяти-лѣтія.

П о л ь с к а я .

	<i>Привозъ.</i>	<i>Отпускъ.</i>
1824.....	4,349,308 руб.....	2,945,883 руб.
1825.....	5,836,624	3,597,381
1826.....	7,144,824	6,007,449
1827.....	8,179,582	5,845,207
1828.....	8,088,299	6,414,754
1829.....	9,886,831	7,815,288
1830.....	8,051,835	7,953,028
1831.....	4,567,454	11,947,883
1832.....	2,919,460	13,435,904
1833.....	2,798,803	10,656,441

Ф и н л я н д і я .

	<i>Привозъ.</i>	<i>Отпускъ.</i>
1824.....	634,958 руб.....	1,540,271 руб.
1825.....	533,674	2,262,824
1826.....	516,608	2,156,652
1827.....	730,081	1,450,762
1828.....	580,464	1,343,069
1829.....	597,490	1,696,914
1830.....	614,448	2,642,911
1831.....	637,688	1,909,341
1832.....	1,015,607	3,360,565
1833.....	917,124	2,143,250

Само собою разумѣется, что за вычетомъ привоза изъ отпуска, осталъная часть цѣны получается изъ царства Польскаго, какъ и отъсюду, въ монетъ. Часть Русскихъ произведеній, отпускаемыхъ въ великое княжество Финляндское, идетъ оттуда въ Швецію,

особенно пенька, сало и сырая кожи. Судостроение и мореходство составляют главную отрасль промышленности этого края, котораго торговая дѣятельность преимущественно направлена къ Скандинавскому полуострову.

Недостатокъ предприимчивости, въ которомъ авторъ такъ часто укоряетъ Русское купечество, а по нашему недостатокъ образованности и капиталовъ, довольно многочисленныхъ для дѣятельности такой обширной имперіи, служитъ главнымъ препятствіемъ къ распространенію нашихъ торговыхъ связей и съ Азією. Торговля по Оренбургской и Сибирской линіямъ идетъ нѣсколько удачнѣе : она раздѣляется на караванную съ владѣніями Средней Азіи и мѣховую съ Киргизцами. Первые доставляютъ намъ значительное количество хлопчатой бумаги и бумажныхъ издѣлій, драгоцѣнные Персидскіе ковры, Кашмирскія шали, шелковыя издѣлія и другіе предметы, получая за нихъ произведенія Русской мануфактурной промышленности, металлы и мѣха. Мѣховой торговь съ Киргизцами теперь не такъ значителенъ какъ прежде, по причинѣ дурнаго состоянія, въ какомъ находится нынче ихъ скотоводство, и выгоднаго сбыта добываемой ими мягкой рухляди въ Бухаріи и другихъ пограничныхъ земляхъ. Главныя статьи нашего отпуски въ степь суть мука, табакъ, металлы и мануфактурныя издѣлія низкой доброты.

Торговля съ Китаемъ производится черезъ Кяхтинскую таможенную и Цурухатуевскую заставу. Она бываетъ обтовая, принадлежащая купцамъ первой гильдіи, и мелочная, которою занимаются мѣщане и Буряты. Кяхтинское купеческое сословіе раздѣлялось прежде на шесть компаній, — Московскую, Тульскую, Архангельскую, Вологодскую, Иркутскую и Тобольскую. Онѣ не имѣли общихъ капиталовъ, но назы-

вались компаніями, потому что каждая изъ нихъ торговала какимъ-нибудь особеннымъ товаромъ. Въ 1800 году, безпорядки, происшедшіе отъ соперничества между собою этихъ торговыхъ обществъ, побудили Коммерць-коллегію издать для тамошняго купечества особый Уставъ, который до-сихъ-поръ сохранилъ свою силу, несмотря на уничтоженіе компаній. О способъ торговли Китайцевъ, пріѣзжающихъ въ Кяхту Г. Небольсинъ говорить, что —

«Всѣ подданные Китайскаго государства имѣютъ право торговать въ Кяхтѣ, а пользуются имъ почти исключительно жители области Шань-си. Безпрерывныя сношенія съ соседственными Монголами доставили имъ случай познакомиться съ Русскими и вступить въ торговыя связи. Желая вести торговыя дѣла съ Русскими безъ посредства толмачей, они обучаются Русскому языку. На этотъ конецъ у нихъ въ каждой лавкѣ составляется особый словарь, въ которомъ подъ Китайскими словами подведены Русскія, написанныя по произношенію Китайскими буквами. Изъ этого составилось въ Кяхтѣ самое странное и искаженное нарѣчіе, на которомъ объясняются Китайцы съ Русскими. Нынѣ Россійское правительство открыло въ Кяхтѣ училище Китайскаго языка, которое будетъ содержаться отъ казны и торгующаго съ Китаемъ купечества; познаніе языка избавитъ отъ неясностей и затрудненій, встрѣчающихся при мѣнѣ съ Китайцами, и будетъ способствовать усиленію торговыхъ связей.

«Китайскіе купцы, торгующіе на Кяхтѣ, составляютъ товарищества; каждое изъ нихъ производитъ торгъ отдѣльно. Торговый домъ называется фузою; онъ имѣетъ известную фирму, состоящую обыкновенно изъ именъ трехъ вкладчиковъ, которыхъ капиталъ значительнѣе прочихъ. Внесенныя деньги дѣлятся на равныя части, какъ на акціи. Въ участники фузы принимаютъ и такихъ людей, которые хотя не вносятъ части, однако своими знаніями и связями могутъ быть полезны торговому дому: въ такомъ случаѣ, смотря по оказаннымъ услугамъ, предоставляется имъ вмѣсто жало-

ванья часть акціи, которая, состоя въ общемъ капиталѣ, приноситъ имъ тѣ же выгоды, какія получаютъ вкладчиками. Члены товарищества условливаются о времени для расчета прибыли отъ капитала, которое обыкновенно помагають черезъ пять лѣтъ, а самый капиталъ можетъ быть взятъ вкладчиками не прежде какъ черезъ десять лѣтъ, развѣ торговый домъ совершенно разстроится.»

Главную статью Китайской торговли составляетъ чай, котораго въ 1834 году привезено въ Россію на 7,043,000 рублей. Привозъ прочихъ товаровъ былъ очень незначителенъ. Цѣна отпуска простиралась до 7,353,600 рублей.

Книга Г. Небольсина есть настоящій архивъ свѣдѣній любопытныхъ и положительныхъ, — сколько оцѣнки, дѣлаемая по этой части, могутъ быть положительны. Мы читали ее, вообще, съ величайшимъ удовольствіемъ, то есть, сколько слогъ автора позволилъ это; но тѣ, у кого ухо не такъ раздражительно, найдутъ въ ней еще болѣе занимательнаго по предмету, который имѣетъ полное право на вниманіе каждаго Русскаго. Мы уже признались, что не раздѣляемъ всѣхъ мнѣній автора, особенно относительно его предположеній о средствахъ распространить нашу торговлю со стороны Запада, гдѣ этотъ вопросъ связанъ съ множествомъ обстоятельствъ, которыхъ онъ и не тронулъ. Многія другія статьи могутъ также подлежать спору или упреку въ односторонности. Сверхъ-того авторъ принадлежитъ къ той школѣ политическихъ экономистовъ, которая вѣритъ еще въ торговые балансы и утверждаетъ, что чѣмъ болѣе отпущено за границу и менѣе привезено товаровъ, тѣмъ лучше, — случай, въ которомъ мы имѣемъ обыкновеніе говорить — тѣмъ хуже! Тѣмъ хуже потому, что присутствіе большихъ массъ монеты въ привозѣ означаетъ всегда слабое состояніе торговли, въ которой только огромные итоги привоза и отпуска

имѣють настоящій вѣсь для государствъ. Но какъ бы то ни было, книга Г. Небольсина чрезвычайно любопытна.

Въ заключеніе приведемъ еще нѣсколько подробностей о нашей заграничной торговлѣ изъ «Видовъ государственной вышней торговли 1834 года.»

Въ теченіе этого года Россія выпустила за границу своихъ произведеній на 230,419,880 рублей; получила иностранныхъ на 218,093,352. Сверхъ того въ нее ввезено золота и серебра на 15,402,575 рублей. Этотъ итогъ 230,419,880 рублей представляетъ въ 1834 уменьшеніе объема нашей заграничной торговли почти на 20,000,000 рублей противъ 1833 года, въ которомъ отпускъ, и слѣдственно привозъ, потому что цѣнность ихъ всегда одинакова, простирались до 250,000,000.

Изъ отпускныхъ товаровъ вывезено :

Пеньки.....	2,824,933 пудовъ.
мѣди.....	317,222 пуда.
лѣснаго товара на....	8,985,489 рублей.
сырыхъ кожъ на.....	11,235,988 рублей.
сала.....	4,568,831 пудъ.

Неурожай заставили Россію прибѣгнуть къ иностранному хлѣбу, и этой одной статьи привезено въ 1834 году на 20,714,000 рублей.

Изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ самое большое участіе въ торговлѣ съ Россією, по обыкновенію, принимала Великобританія; она купила нашихъ произведеній на 105,677,842 рубля, и дала намъ своихъ на 63,536,295. Само собою разумѣется, что остальные 42 милліона она доплатила намъ драгоцѣнными металлами, — самымъ бесплоднымъ товаромъ въ отношеніи къ народному богатству.

«Виды» заграничной торговли за 1834 годъ составлены, какъ всегда, съ большимъ тщаніемъ и искус-

ствомъ : этимъ важнымъ пособіемъ къ соображеніямъ политическаго экономиста мы обязаны просвѣщенному усердію министерства Финансовъ и въ особенности департаменту Внѣшней Торговли, который старается поставить каждую статью, все, что можетъ возбуждать любопытство ученаго, въ настоящемъ свѣтъ и въ видѣ готовыхъ данныхъ.

Мы имѣемъ передъ собою, въ пространной выпискѣ, «Виды» Французской торговли, изданные почти въ то самое время въ Парижѣ тамошнимъ министерствомъ Торговли : *Tableau général du commerce de France pendant l'année 1834.*

Сравненіе этихъ «Видовъ», составленныхъ также очень искусно, съ нашими, не входитъ въ предметъ нашего разсужденія : замѣтимъ только, что заграничная торговля понизилась и тамъ въ 1834; въ этомъ году вывозъ и отпускъ Франціи былъ въ 720,194,000 франковъ, тогда какъ въ 1833 итоги ихъ представляли сумму въ 766,316,000; но обстоятельство, котораго нельзя пропустить безъ вниманія, относится къ странной разности въ итогахъ торговли между Россіей и Франціею, показанныхъ въ *Tableau général du commerce de France*, и тѣхъ, которые мы находимъ въ «Видахъ государственной внѣшней торговли».

Привозъ изъ Россіи во Францію :

по Французскимъ «Видамъ».....	17,660,028	фр.
по Русскимъ.....	10,671,770	руб.

Отпускъ изъ Франціи въ Россію :

по Французскимъ «Видамъ».....	6,910,547	фр.
по Русскимъ.....	12,530,647	руб.

Мы не въ состояніи объяснить этого разногласія : оно могло бы показывать, что Французы заплатили намъ массою товаровъ, стоившихъ у нихъ меньше чѣмъ 7,000,000 франковъ, за то, что мы имъ дали

разными произведеніями, и что стоило у насъ на-мѣ-
ствъ болѣе 10,500,000; но ближе всего отнести эту
разницу къ несовершенству средствъ нынѣшней тор-
говой Статистики и къ извѣстной доль произвола, го-
сподствующей въ оцѣнкахъ, которыя служатъ основа-
ніемъ всѣмъ вообще этого рода балансамъ.

=

*Путешествіе вокругъ свѣта, совершаемое по повелѣнію Госу-
даря Императора Николая I, на военномъ шлюпѣ Сенявинъ, въ
1826, 1827, 1828 и 1829 годахъ, флота капитаномъ Федоромъ Литке.
Санктпетербургъ, 1835. Часть II и III.*

Мы оставили Г. Литке и его ученыхъ сопутниковъ
въ унылыхъ окрестностяхъ Берингова Пролива *, се-
реди Чукчей, которыхъ такъ несправедливо очернили
прежніе путешественники и такъ занимательно опи-
сываетъ почтенный начальникъ шлюпа Сенявинъ:
выходъ послѣднихъ частей позволяетъ намъ съ ра-
достью возвратиться къ этому прекрасному ПUTE-
шествію, столько же по собственному влеченію,
сколько по общанію.

Но прежде чѣмъ снова отправимся съ шлюпомъ въ
Южное Море, бросимъ прощальный взглядъ на по-
чтенныхъ Чукчей, о характеръ которыхъ мы привели
уже нѣсколько отрывковъ въ первой статьѣ, и пред-
ставимъ здѣсь полный результатъ наблюденій надъ
этимъ народомъ, собранныхъ экспедиціею. Это самыя
подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія, какія только мы
имѣемъ объ одномъ изъ весьма любопытныхъ пле-
менъ.

Чукчи, какъ вѣроятно всѣмъ извѣстно, обитаютъ
въ самомъ сѣверо-восточномъ углу Азійскаго матери-
ка, гранича на югъ съ рѣкою Анадырюю, а на западъ

* Библіотека для Читанія, № 15, мартъ, 1835.

съ мысомъ Шеланскимъ. Они распространяются и на южномъ берегу Анадыри, но смѣшиваются уже тамъ съ Каряками. Ихъ — два племени, совершенно различныя въ образъ жизни, чертахъ лица, въ языкъ и происхожденіи, — кочевое, или Оленные Чукчи, и осѣдлое, которое называютъ Сидячими Чукчами. Оба племени очень хорошо знаютъ, что они не одинаковаго происхожденія: Сидячіе называютъ себя *Намолло*, а «Оленные» даютъ себѣ имя *Чаукчу*, которое путешественники несправедливо распространили на оба народа. Осѣдлые гораздо бѣднѣе своихъ кочующихъ сосѣдей, и, по необходимости, имѣя съ ними сношенія, учатся почти всѣ ихъ языку. «Языкъ Намолловъ, замѣчаетъ капитанъ Литке, весьма похожъ на Эскимосскій. Ихъ байдары, юрты и орудія, служатъ дѣльнейшимъ доказательствомъ единоплеменности ихъ съ Эскимосами. Но суть ли они остатки многочисленнаго племени, перешедшаго нѣкогда изъ Стараго Свѣта въ Новый, или сами перешли изъ Америки въ Азію, это вопросъ, подлежащій трудному рѣшенію.» Во всякомъ случаѣ, ихъ одноплеменность давно занимала этнографовъ, и уже покойный Клапротъ называлъ Чукчей «полярными Американцами въ Азіи». Оленные Каряки, съ которыми смѣшиваются Чукчи на югъ отъ рѣки Анадыри, принадлежатъ къ одному съ ними племени и говорятъ тѣмъ же языкомъ, который не противенъ для слуха, не имѣетъ вовсе гортанныхъ звуковъ, но изобилуетъ такими, какъ *кря, тилл, чхл*, и другими въ этомъ родѣ.

«Наружнымъ видомъ Оленные Чукчи мало отличаются отъ Сидячихъ, кромѣ роста, которымъ они превосходятъ послѣднихъ, чему много способствуетъ самый образъ ихъ жизни. Осѣдлые почти всѣ средняго роста; между Оленными встрѣчаются настоящіе гиганты, а большая часть выше средняго. Оба племени имѣютъ лица плоскія съ выдавшимися скулами; глаза небольшіе, но не стиснутые и почти всегда въ прямой

линіи; брови высокія. Въ лицахъ обоихъ племенъ та разность, что между Оленными больше овальныхъ окладовъ, при которыхъ скуловатость не такъ замѣтна, тогда какъ у Освдлыхъ болѣе встрѣчается круглыхъ лицъ, и иногда углы глазъ — поднятые. На лицахъ Оленныхъ Чукочь написана гордость и самонадѣянность, свойственныя народу непокоренному и считающему себя выше своихъ сосѣдей. Они всѣ кажутся толстыми, потому что сверхъ кухлянокъ надѣваютъ по двѣ и по три камлейки. Между Намоллами, Монгольскіе оклады наиболѣе замѣтны въ женщинахъ и дѣтяхъ. Первыя, всѣ безъ исключенія, плосколицы съ едва приметными носами. Молоденькія дѣвушки довольно пригожи; калмыковатость ихъ лица прикрашивается помнотую и свѣжестью румянца. Но въ наружности всѣхъ безъ исключенія старухъ встрѣчается все, что только можетъ сдѣлать ее отвратительною, — морщины, отвислыя губы, гноемъ наполненные глаза, и прочая.»

Таковы Чукоцкія фізіономіи. Оленные Чукчи любятъ щеголять своей одеждою, которую имъ готовятъ на особую Русско-Чукотскую статью, въ Ижигъ и на Колымѣ.

«Ихъ наряды суть суконные халаты, шерстяные колпаки, камен изъ крашенины или китайки, почти все безъ исключенія синяго цвѣта, который кажется любимымъ у Чукочь. Нѣкоторые имѣютъ полукафтаныя и брюки, а женщины набойчатые платки на головѣ. Очень обыкновененъ также родъ шапки, который ничему лучше нельзя уподобить, какъ фуражкѣ безъ тульи или фуражному околышу съ козырькомъ. Эти шапки оплетаются мелкимъ бисеромъ и опушаются мехомъ очень красиво.»

Всѣ эти наряды, разумѣется, остаются зимою. Мы почитаемъ себя счастливыми, что можемъ сообщить здѣсь и описаніе причесокъ Чукотскихъ дамъ, на которыя просимъ обратить нашихъ читательницъ все свое вниманіе: это важный матеріалъ для исторіи парикмахерскаго художества. Замѣтимъ напередъ,

что Чукчанки не любят много заниматься туалетомъ, и оттого почти не радуютъ о сохраненіи своей народной прически. Она состоитъ въ двухъ косахъ, сплетенныхъ на вискахъ и опущенныхъ внизъ, *à la juive*, «подобно отчаянію», какъ выражается Жюль-Жаненъ, или какъ въ Петербургъ прошлагодня пукли, *ad libitum*, только «довольно красиво, когда уборъ новъ», говоритъ капитанъ Литке. Но тѣ изъ Чукоцкихъ дамъ, которыя имѣютъ дурной вкусъ, не думаютъ о своей головѣ: у нихъ всегда включенные волосы и, вмѣсто косъ, на вискахъ висятъ два куска войлока. Это должно быть очень не къ лицу.

Филантропъ, рассматривая состояніе женщины въ Чукоцкомъ обществѣ, съ удовольствіемъ видитъ, что онъ, кромѣ немногихъ тягостныхъ обязанностей, какъ переставка юртъ и собираніе по тундрамъ ивняка, пользуются вообще довольно большимъ уваженіемъ. Чукча рѣдко рѣшается на что-нибудь, не посоветывавшись съ женою, и она часто настаиваетъ на своемъ вопреки мужу. Таковы Чукоцкіе нравы!

Перейдемъ къ Чукоцкому очагу, въ ихъ отрядный home: домъ — лучшая характеристика человѣка:

«Оленные Чукчи зиму и лѣто живутъ въ подвижныхъ палаткахъ; Намолы проводятъ зиму въ землянкахъ, а лѣто въ лахтачныхъ юртахъ, которыя ставятся слѣдующимъ образомъ. Заднюю, широкую сторону юрты, имѣющую отъ 8 до 10 шаговъ въ длину, составляютъ трое козелъ, или сошекъ, вышиною около четырехъ футовъ отъ земли, на которыя кладется жердь горизонтально; къ связямъ жерди съ сошками прикрѣпляются три главные шеста, соединяющіеся другими концами напередѣ юрты, сажени полторы отъ земли, и лежащіе тутъ на парѣ сошекъ, образующихъ входъ въ юрту. Эта рѣшетка покрывается лахтаками, которыхъ нижніе концы обременены большими камнями и сверхъ — того кругомъ зарыты мелкимъ камешникомъ или нескомъ. Въ та-

кой юртъ обыкновенно живетъ нѣсколько семей, — женатые сыновья и замужнія дочери, вмѣстѣ съ родителями, и такъ далѣе. Каждая семья занимаетъ подѣ пологомъ одно изъ отдѣленій, на которыя раздѣлена широкая сторона юрты. Пологи эти шьются изъ оленьихъ шкуръ въ видѣ колокола, подвѣшиваются къ стропиламъ и опускаются до земли. Два три человѣка, иногда и болѣе, съ помощію жарника, зажигаемаго въ холодное время, нагрѣваютъ воздухъ подѣ пологомъ, почти герметически заключеннымъ, въ самую большую стужу, до такой степени, что всякое одвѣніе дѣлается лишнимъ, но гдѣ дышать имъ могутъ однѣ только Чукоцкія легкія. Въ передней половинѣ юрты лежатъ всякій скарбъ и посуда, котлы, корзины, чемоданы изъ нерпичьихъ шкуръ, и прочая. Тутъ же очагъ, если можно такъ назвать мѣсто, гдѣ едва тлѣются собираемые по тундрамъ ивовые пруттики, а за нимъниемъ ихъ китовая въ жиру кость. Вокругъ юртъ на сушилахъ, изъ дерева или китовыхъ костей составленныхъ, развѣшено нерпичье масло, разрѣзанное на куски, черное и отвратительное. Когда отъѣзжаютъ на короткое время, всѣ пожитки складываютъ на сушила, покрываютъ лахтаками и крѣпко увязываютъ, и все это поручаютъ надзору оставшихся.

«Точно такія же юрты, но гораздо меньше, не болѣе сажени въ квадратъ и двухъ аршинъ въ вышину, берутъ съ собою на байдары. Ихъ ставятъ на привалахъ. Иногда довольствуются укрытіемъ подѣ байдарою.»

«Племя Намоловъ живетъ отъ Восточнаго Мыса или, можетъ-быть, отъ Губы Кулючинской, до рѣки Анадыря. Селенія ихъ, разсѣянные довольно рѣдко, имѣютъ обыкновенно не болѣе шести или восьми юртъ, иногда только двѣ или три. Невозможно съ нѣкоторою вѣроятностію опредѣлить ихъ числа; но, по числу видныхъ селеній, я не думаю, чтобы народонаселеніе простиралось свыше тысячи взрослыхъ обоого пола.»

Море есть единственный источникъ ихъ пропитанія: оно даетъ имъ и пищу и предметы для торговли.

«Лѣтомъ они бьютъ тюленей, которыхъ мясо составляетъ главную ихъ пищу. Его сушатъ на солнцѣ и сохраняютъ на

всю зиму. Моржей заносит во всѣ бухты зимою на льдахъ. Къ нимъ подкрадываются на байдарахъ, и колятъ ихъ жѣлезными копьями. Мясо ихъ ѣдятъ, шкуры выдѣлываютъ для собственнаго употребленія и на продажу. Клыки составляютъ самую дорогую статью ихъ торговли. Нищета уничтожаетъ разборчивость, и они ѣдятъ все, что попадется; одинъ родъ морской капусты они кушаютъ, какъ лакомство, безъ всякаго приготовленія. Выброшенный китъ есть дорогая находка. Они не бьютъ ихъ нарочно, какъ Чукчи, живущіе на Ледовитомъ Морѣ, и довольствуются только добровольною подачею моря. Мясо иногда варятъ, но часто просто подпекаютъ на огнѣ. Трудно вообразить себѣ что-нибудь отвратительнѣе, какъ видѣть ихъ съ жадностью раздирающихъ зубами кусокъ жилистаго мяса, отчасти сырой, частью сожженный; слѣды крови на лицѣ остаются видимы, пока не закроются другою грязью: сначала я думалъ, что всѣ они страдаютъ безпрестаннымъ кровотеченіемъ изъ носа. Нѣкоторыя съдомыя растенія они рубятъ и набиваютъ въ мѣшки въ прокъ.

«Ближайшіе къ устью Анадыря Намолы живутъ не много лучше, потому что промышляютъ на этой рѣкѣ дикихъ оленей, которыхъ обитающіе далѣе къ востоку не имѣютъ.

«Рыбы у нихъ весьма мало. Весною ловятъ вахню въ кошели, сдѣланные изъ расщепленныхъ китовыхъ усовъ. Въ закрытыхъ бухтахъ перетягаютъ съ одного берега на другой веревку изъ этнхъ усовъ, на которой навѣшаны кошели; рыба въ нихъ заходитъ и выталкивается. Пролетныя птицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ водятся въ изобиліи, и конечно служили бы имъ лучшею пищей нежели китовина и нерпачина; но, по странному капризу, они совсѣмъ не думаютъ о средствахъ промышлять ихъ. Въ Заливѣ Св. Креста куликовъ было такъ много, что они били ихъ камнями; но убитыхъ всегда отдавали намъ. Пребольшія чайки въ этомъ мѣстѣ ходятъ между ними какъ дворовыя птицы, и ихъ также не бьютъ.

«Единственное ручное животное у Намолловъ, собака, кажется одного рода съ Камчатскими, — животное веселое и ласкающееся ко всякому. Съ нимъ обращаются очень жестоко: случалось видѣть, что, наступя нечаянно на хвостъ, Чукча не

возметъ труда переставитъ ноги , и какъ-будто не замѣчаетъ визга собаки; и когда мы изъявляли сожалѣнiе, они еще прибавляли нѣсколько толчковъ. Лѣтомъ употребляютъ собакъ для бичеванiя байдаръ , а зимой вѣздятъ на нихъ въ саняхъ, загрывая по четыре въ рядъ.

«Намолы — добрый, смирный, робкій народъ, и безъ недоверчивости , когда не имѣютъ причины подозрѣвать насилiя; притомъ они очень веселы. Молодежь ихъ часто расшевеливала нашихъ матросовъ и заставляла ихъ бѣгать съ собой въ запуски, бороться, и прочая. Они искусны въ разныхъ гимнастическихъ играхъ ; мѣтко бросаютъ камни шаговъ за сто , бѣгаютъ колесомъ, и тому подобное. Дѣвушки прыгаютъ черезъ веревку , но не довольно искусно. Самая забавная вещь — скачка на лахтакахъ. Вокругъ цѣдой моржовой шкуры привязываются десять или двѣнадцать ремешковъ петель , за которыя берутся столько же , или больше, человекъ , и , подъ ладъ протяжной пѣсни , попеременно ослабляютъ и вытягиваютъ кожу , подбрасывая тѣмъ стоящаго на пей на сажень вверхъ и выше. Нужна большая снаровка, чтобы, упавъ съ такой высоты на слабую кожу, не потерять равновѣсiя и быть готовымъ вслѣдъ затѣмъ къ новому прыжку. Искусницы дѣлаютъ притомъ разные жесты руками и ногами, вертятся кругомъ, и тому подобное. Но всего смѣшнѣе , когда ливится неумѣющiй : потерявъ равновѣсiе, почти негдѣя уже поправиться; а держащiе кожу стараются между тѣмъ нарочно бросать его какъ можно выше , не дають ему скочить на землю, и заставляютъ падать на кожу то спиной, то навзничъ, пока онъ не вымоштитъ себѣ помилованiя.

«Изъ всѣхъ народныхъ плясокъ , которыя мнѣ случалось видѣть , Чукоцкая есть самая безпутная и неприятная. Нѣсколько женщинъ , ставъ рядомъ или въ кружокъ , не сходя съ мѣста, перепедаютъ съ одной ноги на другую, припѣваютъ криплымъ голосомъ , который можно только уподобить голосу человека, котораго давятъ, и дѣлаютъ притомъ самыя ужасныя кривлянья лицомъ и глазами , а иногда очень непристойныя тѣлодвиженiя. Есть много измѣненiй этой пляски, въ сущности одной и той же. Чукчи приходятъ отъ своихъ байдерокъ въ восторгъ, какого, конечно, не произведутъ бы въ нихъ Александрiйскiя танцовщицы.

«Всѣ безъ исключенія Чукчи, нами встрѣченные, страстные охотники до табаку, который употребляютъ они на всѣ возможные намеры, и больше всего курятъ. Каждый имѣетъ при себѣ трубку; ими шеголяютъ, оправляя ихъ въ жезъ и свинецъ, и носятъ въ чухлѣ за сапогомъ. Пристрастiе къ табаку такъ велико, что всѣ нужнѣйшія вещи ставятся ими ниже этого злыя; немнѣющій его предпочтетъ листь табаку топору или котлу. При встрѣчѣ, при прощаніи, табакъ необходимъ; безъ него нельзя свести знакомства съ самымъ послѣднимъ изъ Чукоць. Для сохраненія этой драгоценности, они изобрѣли трубки, которыя выдалбливаютъ изъ толстаго куска дерева; въ пустоту кладутъ мелкія деревянныя стружки, которыя отъ проходящаго черезъ нихъ дыма такъ впитываются табачнымъ масломъ, что скоро дѣлаются крѣпче (и стабьютъ, на ихъ вкусъ, лучше) самаго табаку. Эти стружки служатъ для напоенія другихъ стружекъ, и такъ до нѣсколькихъ разъ.»

Какъ всѣ народы восточной Сибири, Чукчи имѣютъ шамановъ, которые однакожь, сколько могли замѣтить наши путешественники, не пользуются здѣсь ни какимъ особеннымъ уваженіемъ, кромѣ правъ лечить больныхъ и предрекать счастье или несчастье здоровымъ. Правомъ жертвоприношенія пользуется всякой. Оленные Чукчи приносятъ въ жертву оленей, Намолы собакъ. По закланіи собаки, кладутъ ее брюхомъ на землю, разрѣзываютъ кожу на спиць, распливаютъ ротъ, растягиваютъ внутренности по землѣ въ разныхъ направленіяхъ, и жертва принесена. Насчетъ своей религіи Чукчи — большіе невѣжды: они сказывали «капиталу Лицьке», — такъ они называли нашего путешественника, — что имъ извѣстно только, что есть духи на небѣ и въ водѣ, что по смерти люди идутъ на небо, и что тамъ добрымъ бываетъ лучше нежели злымъ. Больше они ничего не знали.

Шаманы — большіе фокусники: одинъ изъ этихъ Чукоцкихъ Пинетти далъ Русскому мореходцу высокое понятіе о своемъ искусствѣ. Г. Литке находился въ

юртъ крещенаго Чукчи Хатыргина, и, замѣтивъ, что братъ его во все продолженіе бесѣды молчить въ углу съ какимъ-то юродивымъ видомъ, спросилъ, зачѣмъ онъ ничего не говоритъ. «Онъ почти вовсе не говоритъ, отвѣчалъ Хатыргинъ: зато онъ мастеръ бить въ бубны.»

«Мы догадались, что онъ шаманъ, и просили его показать намъ искусство и пошаманить, благополучно ли кончимъ мы нашъ путь. Подарки, сопровождавшіе просьбу, склонили его исполнить наше желаніе. Онъ ушелъ въ свой пологъ, изъ котораго скоро послышался голосъ, похожій на вой, то возвышавшійся, то понижавшійся, и сопровождаемый легкими ударами въ бубны тонкимъ китовымъ усомъ. Пологъ поднялся, и мы увидѣли нашего кудесника, качавшагося изъ стороны въ сторону и усиливавшаго постепенно свой голосъ и удары въ бубень, который онъ держалъ подъ самымъ ухомъ. Цѣль этой музыки есть, кажется, та, чтобъ оглушить и одурить шамана. Якутскіе шаманы достигаютъ того же, кружась на мѣстѣ. Затѣмъ началось колдовство. Сбросивъ съ себя кухлянку, онъ обнажился до пояса; взялъ гладкій камень, пошепталъ надъ нимъ, и далъ мнѣ его въ руки поддержать; потомъ; онъ взялъ его между двухъ ладоней, повелъ одной рукою вверхъ по другой, и — камень исчезъ! Онъ показывалъ желвакъ надъ локтемъ, гдѣ будто бы камень остановился. Желвакъ этотъ онъ перевелъ въ бокъ, и, вырвавъ оттуда камень, объявилъ, что все будетъ благополучно. Чистота его фокуса не принесла бы безчестія самому Боско или Пинетти. Похваливъ его искусство, мы подарили ему ножикъ. Принимая его, онъ сказалъ съ важностью, что хочетъ испытать его остроту, — вытянулъ свой языкъ, и сталъ его рѣзать.... Мы видѣли, какъ ротъ его наполнялся кровью.... Наконецъ, отрвавъ языкъ, онъ показалъ его намъ въ руку; но ужъ завѣвъ опустилась, потому что кусокъ мяса не такъ легко было спрятать какъ камень.»

Осѣдые Чукчи, живущіе ближе къ Берингову Пролу, имѣютъ постоянныя сношенія съ сосѣдними Американцами, которыхъ они называютъ *Экарнгау.те*.

Они посѣщаютъ другъ друга для торговли. Съ Русскими, или «огненными людьми», *Мельга тангенъ*, — такъ они величаютъ насъ потому, что не могутъ получить отъ насъ огнестрѣльнаго оружія, котораго продажа Чукчамъ запрещена, — Сидячіе Чукчи этой части берега не имѣютъ торговыхъ сношеній; они получаютъ нужныя Европейскія товары черезъ своихъ кочевыхъ сосѣдей. Оленьиыя Чукчи оставляютъ свои тундры въ концѣ зимы, такъ, чтобъ успѣть къ морю съ послѣднимъ снѣгомъ. Они остаются тутъ до исхода сѣнтября, и во все это время торгуютъ съ Осѣдлыми. Они берутъ отъ нихъ моржевые лахтаки на подошвы, невидѣланныя тюленьи шкуры для чемодановъ, китовый и тюлений жиръ, и моржевую кость, платя имъ за это живыми оленями, оленьими шкурками, мѣдными и желѣзными котлами и табакомъ. Иногда, но весьма рѣдко, они вьзять вмѣстѣ съ ними въ байдаркахъ на промыселъ тюленей. Откочевавъ въ тундры, они проводятъ первую часть зимы въ ловлѣ звѣрей, и идутъ потомъ торговать съ Русскими на Колымской, Икиганской и Анадырской ярмаркахъ, гдѣ запасаются на цѣлый годъ ножами, котлами, платьемъ, и болѣе всего табакомъ, для собственнаго употребленія и продажи Намолламъ. Несчастные Намоллы принуждены пріобрѣтать у нихъ любимое зѣлье за самую дорогую цѣну: они платятъ имъ за пудъ табаку двадцать красныхъ лисицъ, тридцать паръ моржевыхъ клыковъ и нѣсколько песцовъ, — сумму по крайней мѣрѣ въ пять сотъ рублей.

Зима быстро наступала, и шлюпъ долженъ былъ поспѣшить оставленіемъ Чукчей и Камчатки. Октября 30, ввечеру, Сенявинъ уже потерялъ изъ виду берега этого полуострова, и продолжалъ путь къ югу, для отысканія острововъ въ сѣверной части Каролинскаго Архипелага, которыхъ экспедиція не успѣла видѣть прошедшею зимою. Въ началъ ноябра, она была

подъ $8^{\circ} 47'$ широты и $203^{\circ} 55'$ долготы, и увидѣла берегъ. То была коралловая группа, окруженная весьма опаснымъ рифомъ. Спустиась вдоль южной ея стороны, шлюпъ скоро встрѣченъ былъ двумя лодками.

«Между островитянами отличался одинъ русыми волосами и необыкновенною въ сравненіи съ другими близкою тѣла; онъ изумилъ насъ, спрашивая чистымъ Англійскимъ языкомъ позволенія взойти на судно. Это былъ Англійскій матросъ, Вилліамъ Флордъ, оставшійся здѣсь съ одного китоловного судна. Онъ усердно просилъ, чтобы мы его взяли съ собою, въ чемъ натурально ему отказано не было. Онъ былъ осыпанъ вопросами, на которые на первый разъ отвѣчалъ только просьбою, чтобы его скорѣй приказали выбрить, остричь, вымыть и одѣть. Въ послѣдствіи, онъ сообщилъ намъ много любопытныхъ свѣдѣній о народѣ, съ которымъ жилъ два года.»

Наши моряки начали довольно дѣятельную торговлю съ жителями. Флордъ оказался простымъ малымъ, и рассказывалъ съ забавнымъ простодушіемъ, что эти дикари имѣютъ языкъ, очень похожій на Англійскій, потому что они переняли у него нѣсколько Англійскихъ словъ. «Вотъ, напримѣръ, слово *хорошо*, говорилъ онъ, на ихъ языкъ также *good*». Открытые острова были группа Муриллѣ, хотя капитанъ Литке полагалъ найти въ этомъ мѣстѣ группу Фалалу. Такъ же удачно опредѣлены положенія и другихъ группъ Каролинскаго Архипелага, открытыхъ прежними, путешественниками. Въмѣсто того, чтобы рассказывать обо всѣхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ нашими мореходцами въ запутанной дотолѣ географіи этого Архипелага, хотя это одна изъ важнѣйшихъ услугъ, оказанныхъ путешествіемъ Сенявина, мы приведемъ краткій отчетъ самого Г. Литке. Но прежде надобно сказать о современномъ состояніи извѣстій объ этой части Полинезіи, чтобы тѣмъ удобнѣе оцѣнить всю услугу, оказанную науку Русскими мореплавателями.

Каролинскій Архипелагъ носитъ это названіе въ честь Испанскаго короля Карла II. Испанскій мореходецъ Ласеано первый открылъ къ югу отъ Гуахана большой островъ, въ 1686 году, и назвалъ его *la Carolina*. Послѣ него другіе мореходцы, встрѣчая различные острова въ этихъ широтахъ, принимали ихъ за одно съ открытіемъ Ласеана и придавали имъ одинаковое имя. Такъ распространилось названіе «Каролиновъ» на всю группы, лежащую въ этой части Великаго Океана. Миссіонеры іезуитскаго коллегіума въ Манилѣ первые узнали, что эти острова обитаемы добрымъ и кроткимъ народомъ, который ведетъ торговлю и любитъ мореплаваніе. Этого было достаточно, чтобъ возбудить ихъ ревность. Отецъ Хуанъ Антонио Кантова, который жилъ на островѣ Гуаханѣ, отобралъ свѣдѣнія о Каролинахъ отъ занесенныхъ случайно на тамошній берегъ Каролинцевъ, въ 1721, и въ слѣдующемъ году посѣтилъ ихъ острова съ благочестивою цѣлію. Онъ нѣсколько разъ повторялъ свои экспедиціи, основалъ десять лѣтъ спустя постоянную миссію на островѣ Филаленѣ, въ группѣ Улююый, но былъ вскорѣ убитъ островитянами. Этимъ прекратились сношенія Испанцевъ съ Каролинскими Островами. Карты, составленныя Кантовою и другими миссіонерами, въ продолженіе цѣлаго столѣтія служили единственнымъ руководствомъ Европейскимъ географамъ и мореходцамъ.

«Миссіонеры, получая довольно точныя свѣдѣнія о числѣ и взаимномъ положеніи острововъ, не могли опредѣлить съ такою же точностью ихъ величины и взаимныхъ разстояній. Отъ этого, острова, въ самомъ дѣлѣ едва надъ водой приметныя, но имѣющіе непременно каждый свое имя, вышли у нихъ величиною въ нѣсколько миль, а группы десять миль въ окружности заняли пространства по нѣскольку градусовъ, и на ихъ картахъ составилъ неисходимый лабиринтъ острововъ; и этотъ лабиринтъ въ начальномъ своемъ

видѣ перешелъ на вѣв морскія карты. Мореходцы избѣгали его какъ Сциллы и Харибды; нѣкоторые, посмѣявъ другихъ, пересѣкая его въ разныхъ направленіяхъ, удивлялись, не находя и признаковъ земли тамъ, гдѣ полагали встрѣтить цѣлые архипелаги, а тѣ, кому удавалось открывать острова, не заботились о томъ, чтобы узнать ихъ природныя названія, и тѣмъ доказать тожество своего открытія съ прежними, но радовались только случаю обезсмертить имя какого-нибудь своего пріятеля или свое собственное, помѣстивъ его на картѣ. Не уничтожая старыхъ острововъ, они прибавляли еще новые, къ большому только замѣшательству; встречающіяся по нѣскольку разъ тѣ же самыя Индѣйскія имена, часто непонятныя отъ различнаго произношенія въ разныхъ группахъ архипелага и искаженныя несходнымъ правописаніемъ путешественниковъ, смѣшались съ Европейскими, иногда не менѣе странными: изъ всего этого произошелъ наконецъ такой хаосъ, что его отчаявались распутать самыя прозорливыя географы, и нѣкоторые рѣшились облегчить дѣло, разрубя Гордіевъ узелъ, то есть, не показывать острововъ этихъ на картахъ, въ предположеніи, что большая часть ихъ не существуетъ, и черезъ то впади въ противоположный недостатокъ. Но, въ самомъ дѣлѣ, трудно было избѣгнуть которой-нибудь изъ крайностей.»

Докторъ Шамиссо первый пролилъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ хаосъ. Онъ сравнилъ множество нѣкоторыхъ новѣйшихъ открытій съ старыми. Въ то же время, Французскій корветъ Уранія пересѣкъ этотъ архипелагъ отъ сѣвера къ югу, и его капитанъ, Г. Фреси-не, въ продолженіе двухъ-мѣсячнаго пребыванія на Королинскихъ Островахъ, успѣлъ собрать много любопытныхъ извѣстій объ ихъ этнографіи. Географія архипелага отъ него ничего не выиграла. Нѣсколько лѣтъ спустя Французскій капитанъ Дюперрѣ опредѣлилъ положеніе нѣкоторыхъ острововъ. Въ такомъ состояніи находились географическія свѣдѣнія о Каролинскомъ Архипелагѣ, когда Сенявинъ приступилъ къ изслѣдованію.

«Не считая острововъ Эапа и Паллы, до которыхъ наши изысканія не простирались, говоритъ капитанъ Литке, Каролинскій Архипелагъ состоитъ изъ 46 группъ, заключающихъ въ себѣ до 400 острововъ. Въ двѣ кампаніи Сенявина описано 26 группъ или отдѣльныхъ острововъ, изъ которыхъ 10 или 12 суть новое открытіе. Архипелагъ, кажется, довольно значительный! Не странно ли, что если бѣ, исключая высокіе Юаланъ, Пыйнипетъ и Ругъ, сплотить вмѣстѣ, кружкомъ, всѣ остальные острова, и надѣть ихъ на шпигъ Петропавловской крѣпости, то они едва покрыли бы весь Петербургъ съ загородными его домами! Таково строеніе коралловыхъ острововъ. Длины всѣхъ низменныхъ острововъ, сложенныхъ вмѣстѣ, (я не считаю рифовъ) составятъ 25 Нѣмецкихъ миль; ширина весьма не многимъ превосходитъ 100 сажень, а половина изъ нихъ уже того. Принявъ круглымъ числомъ 100 сажень, составитя площадь менѣе одной квадратной Нѣмецкой милы.»

Населеніе всего Каролинскаго Архипелага, за исключеніемъ острововъ Эапа и Паллы, капитанъ Литке приблизительно полагаетъ до девяти тысячъ человекъ. Весьма любопытно отношеніе числа жителей этихъ острововъ къ занимаемой ими площади землѣ.

«Населенность низменныхъ острововъ кажется съ перваго взгляда несоразмѣрно великою, равняясь 5,000 человекамъ на одну квадратную милю. Это далеко превосходитъ люднѣйшія части Европы. Но населенія коралловыхъ острововъ никакъ невозможно сравнивать съ населеніемъ материка. Тамъ по обыкновенному правилу политической ариѳметики исключаются $\frac{2}{3}$ на бесплодныя и неудобообитаемыя мѣста, и при всемъ томъ принимается, что квадратная миля можетъ прокормить 3,000 человекъ. На коралловыхъ островахъ нѣтъ бесплодныхъ мѣстъ. Узкая полоса, составляющая острова, вся покрыта приносящими плоды растеніями. Море плещетъ въ корни кокосовыхъ деревьевъ, которыхъ вершины, обремененныя плодами, часто висятъ надъ водою, въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ берега. То, что мы назвали бы болотомъ, есть лучшая почва для разныхъ растеній, которыхъ корни даютъ мучное вещество (*arum esculentum*, *arum macrorhi-*

зон, тасса pinatifida, и прочія). Поэтому, разность въ содержаніяхъ не такъ велика. Но если мы присовокупимъ высокіе острова, которыхъ на этомъ пространствѣ только три извѣстныхъ, то содержаніе совершенно пережьнится. Островъ Юаланъ содержитъ $1\frac{1}{2}$ квадратныя мили; Пыйнипетъ 6 квадратныхъ миль. Пространство Руга точно неизвѣстно; оба острова примѣрно можно положить въ $1\frac{1}{2}$ раза больше Пыйнипета, то есть, въ 9 квадратныхъ миль. Всѣ вмѣстѣ дадутъ $16\frac{1}{2}$, а съ низменными $17\frac{1}{2}$ квадратныхъ миль, или по 500 человекъ на квадратную милю, слѣдственно менѣе всѣхъ Европейскихъ государствъ, кромѣ Россіи и Швеціи. Это оттого, что на высокіхъ островахъ одинъ только берегъ заселенъ, а внутренность совершенно непроходимая.»

Сенявинъ не заходилъ только на весьма немногіе изъ тѣхъ острововъ, которыхъ точнаго описанія ожидаетъ давно Географія.

Каролинскій Архипелагъ раздѣляется на нѣсколько владѣній, которыя состоятъ изъ одного или нѣсколькихъ острововъ, и управляются независимыми царьками, *тамоль*. Г. Литке насчитываетъ ихъ двѣнадцать, не ручаясь впрочемъ, чтобъ это было полное число. Мы слишкомъ долго говорили о Каролинскомъ Архипелагѣ, и спѣшимъ къ Каролинскому человеку, который любопытнѣе архипелага. Слѣдующіе страницы представляютъ довольно живописную картину жизни этихъ островитянъ.

«Лодки, орудія, даже многіе обычаи и обряды, не менѣе наружнаго вида Каролинцевъ напоминаютъ островитянъ восточной Полинезіи. Лодки тѣхъ и другихъ одинаково дѣлаются изъ хлѣбнаго дерева, имѣютъ выстрѣлы съ одной стороны и снабжены треугольнымъ рогожанымъ парусомъ и греблями; корма и носъ одинаковы. Если одни украшаютъ лодки свои рѣзными изображеніями, а другіе лакомъ; если одни сплочаютъ по двѣ лодки вмѣстѣ, чтобы поднимали большее число воиновъ, а другіе приспособляютъ ихъ къ дальнимъ путешествіямъ, очевидную причину этому различію находимъ мы въ различномъ направленіи, которое взяло ихъ

образование : одни предались исключительно войнѣ, другіе мореплаванію и торговлѣ; у однихъ господствующая мысль — слава, у другихъ корысть; отъ этого — различіе въ нравахъ и, можетъ-быть, то примѣчательное обстоятельство, что Каролинцы не знаютъ идолопоклонства, столь общаго на другихъ архипелагахъ. Мирныя предпріятія ихъ, въ которыхъ страсти не участвуютъ, не могутъ не быть угодны Высшему Существу и не нуждаются въ кровавыхъ жертвахъ; успѣхъ предпріятій зависитъ отъ собственнаго ихъ искусства, и имъ нѣтъ надобности прибѣгать къ кровавымъ гаданіямъ для вопроешенія судьбы. Одинаковые топоры, каменные и изъ раковинъ, уды, *толъ* Каролинцевъ и *маро* восточнѣйшихъ Океанійцевъ, весьма сходныя пантомимныя пляски, одинакій способъ доставать огонь, печеніе плодовъ въ землѣ, *сека* на Юаланѣ и *кава* на Таити и другихъ островахъ, оба приготавливаемые изъ корня перечнаго растенія, — всѣ эти черты сходства неужли суть случайныя? Можно бы привести много другихъ примѣровъ, но кажется и этого довольно, чтобы убѣдиться въ происхожденіи отъ одного корня народовъ, о которыхъ говоримъ. Мы должны только замѣтить, что Каролинцы, какъ наружнымъ видомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, болѣе имѣютъ сходства съ жителями острововъ Тонга нежели съ островитянами другихъ мѣстъ Полинезій. Въ особенныхъ домахъ, посвященныхъ божествамъ, на островахъ Тонга нѣтъ безобразныхъ рѣзныхъ идоловъ; жрецы ихъ не составляютъ отдѣльнаго сословія, но смѣшиваются съ другими классами; память умершихъ старшинъ сохраняется въ поколѣніяхъ, и могилы ихъ чтятся священными; мужья обращаются съ женами уважительно, не отягчая ихъ работами; жены отличаются цѣломудріемъ и привязанностью къ мужьямъ, оба пола нравственною чистотою, необыкновенною на островахъ Общества, Сандвича, и другихъ; въ бесѣдахъ замѣчается особенная пристойность и вѣжливость. Всѣ эти черты различія между островитянами Тонга и другими, суть столько же сходствъ между ними и Каролинцами. Къ этому можно прибавить еще обряды, соблюдаемые при питіи *кавы* на Тонга, и *сека* на Юаланѣ.

«Подробное изслѣдованіе ихъ политическаго состоянія, релігіозныхъ понятій, преданій, познаній и искусствъ, вър-

нѣе могло бы привести насъ къ открытію ихъ происхожденія; но для изслѣдованій недостаетъ намъ до-сихъ-поръ достаточнаго основанія. Невѣроятно, чтобы страсть къ отдаленнымъ морскимъ путешествіямъ, часто съ цѣлыми семействами и безъ другой причины, какъ только чтобы повеселиться на другомъ островѣ; чтобы необходимое для этого наблюденіе свѣтилъ, раздѣленіе горизонта, наблюденіе лунныхъ періодовъ, — чтобы все это родилось первоначально между народцами, мелко разсѣянными по коралловымъ островамъ, которые скудно поддерживаютъ ихъ существованіе. Мы убѣждаемся, что они должны происходить отъ народа, пользующагося значительною степенью просвѣщенія, народа торговаго, мореходствующаго; и тутъ опять вѣроятность указываетъ намъ скорѣе на привычныя къ странствіямъ Индѣйскія племена нежели на домосѣдлыхъ Китайцевъ и Японцевъ.

«Морскія путешествія ихъ достойны удивленія. Кромѣ великой смѣлости, смѣливости, они обладаютъ и подробнымъ знаніемъ мѣсть. Они съ удивительною точностью опредѣляютъ взаимное положеніе всѣхъ острововъ своего архипелага, какъ мы многими опытами убѣдились; но, относительно разстояній, показанія ихъ гораздо менѣе опредѣлительны. Подобно всѣмъ необразованнымъ народамъ, они имѣютъ для этого одну только неопредѣлительную и измѣнную мѣру, — продолжительность пути. Отъ Улея до Фенса, — разстояніе по прямой линіи 410 миль, — считаютъ они съ хорошимъ вѣтромъ два, съ тихимъ три дня плаванія; обратно четыре дня, потому что надо лавировать; отъ Могмога пять дней. Отъ Улея до Намурека (150 миль) два дня. Всѣ разстоянія меньше 150 миль считаются въ одинъ день, хотя бы одно другаго было вдвое и трое меньше.

«Несчастные случаи бываютъ рѣже, нежели какъ при такомъ родѣ плаваній можно бѣ было ожидать: они случаются наиболѣе въ тѣ мѣсяцы, когда не бываетъ хлѣбныхъ плодовъ, въ мѣсяцы, соотвѣтствующіе зимнимъ сѣвернаго полушарія. Сильныя бури свирѣпствуютъ не чаще какъ чрезъ три или четыре года, но тогда нѣсколько лодокъ обыкновенно бываютъ ихъ жертвою. Одна изъ такихъ бурь случилась въ ноябрѣ. Она началась отъ юга и переходила чрезъ западъ къ сѣверу.

На группѣ Мурилѣ и соседственныхъ повалила она много хлѣбныхъ, деревьевъ и разбросала нѣсколько лодокъ. Въ это время года Каролинцы пускаются въ море не иначе какъ на большихъ лодкахъ; въ лѣтнее время даже и на малыхъ, поднимающихъ не болѣе четырехъ человекъ. Для плаваній своихъ стараются они избирать постоянныя погоды и лунныя ночи. Ночью правятъ по звѣздамъ и лунѣ, днемъ по солнцу; когда заоблачить, то, покуда выяснѣетъ, правятъ по вѣтру, и тутъ-то чаще всего сбиваются они съ пути. Они не имѣютъ надежныхъ примѣтъ для предузнаванія погоды; зато есть между ими колдуны, которые, махая навязанною на палочку травою и припѣвая, умѣютъ разгонять тучи. Пособій этихъ обыкновенно бываетъ достаточно, потому что плаваніе съ благополучнымъ вѣтромъ въ весьма рѣдкихъ только случаяхъ продолжается болѣе трехъ дней; лавируя противъ вѣтра менѣе рискуютъ миновать искомое мѣсто; а когда и минуютъ, то рано или поздно попадутъ на какой-нибудь островъ и тогда направляются вновь. Если, по-несчастію, не случится наткнуться ни на которую изъ группъ до Лугунора, то, продолжая лавировать, могутъ зайти Богъ-вѣсть куда, потому что, восточнѣе этой группы, острова разсыяны весьма рѣдко. Однимъ изъ такихъ случаевъ Каду попалъ на Радакъ. Ему не было надобности для того оставаться въ пути восемь мѣсяцевъ, какъ онъ рассказываетъ. Въ той соразмѣрности какъ они лавируютъ отъ Могмога въ Улеай, могъ онъ отъ Улеая на Радакъ вылавировать менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ. Мнѣ кажется физически невозможнымъ выдержать въ морѣ восемь мѣсяцевъ безъ всякихъ средствъ: неудивительно, что Каду и восемь недѣль могли показаться за столько же мѣсяцевъ....

«Въ плаваніяхъ, продолжающихся не долго, они совсѣмъ не ложатся спать; а когда плаваютъ нѣсколько дней, то уходятъ спать на малыхъ лодкахъ по одному, на большихъ по два, но не болѣе, подъ крышку стоящую на коромыслахъ. При большомъ ходѣ два, три и даже четыре человека должны быть на руль. Управленіе лодкою требуетъ безпрестаннаго вниманія. Старшины ихъ бываютъ обыкновенно лучшіе корячіе, отъ чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чтобы выразиться по-Европейски, старшинъ называли *Pulot* (Pilot).

«Путешествія ихъ не всегда имѣють цѣлю торговлю или нныя надобности, но иногда и просто развлеченіе; и тогда берутъ они съ собою и семейства свои. Жители Мурмлё и другихъ восточнѣйшихъ острововъ неохотно пускаются въ море съ женами, но западные ихъ сосѣди нерѣдко посѣщаютъ ихъ съ семействами. Въ 1829 году ожидали большое общество на Фанану.»

Осмотрѣвъ Каролинскій Архипелагъ, шлюпъ Сенявинъ продолжалъ возвратный путь на родину. Онъ чинился въ Манилль, и потому экспедиція не имѣла времени осмотрѣть ее, хотя, по своему положенію, это мѣсто кажется, предназначено быть средоточіемъ торговли Китайскаго Моря. Января 18, 1829, Сенявинъ, съ своимъ спутникомъ Моллеромъ оставили Манильскій заливъ, и, пройдя по восточной сторонѣ острововъ Натунасъ, а потомъ между островами Тамбеланомъ и Борнео и черезъ Гаспарскій Проливъ, 1 февраля бросили якорь въ виду берега острова Суматры, передъ входомъ въ Зондскій Проливъ. Жестокій юго-западнѣй вѣтеръ въ продолженіе цѣлыхъ пяти дней не позволялъ шлюпамъ войти въ проливъ. Шестаго февраля сдѣлалась лучшая погода и корабли двинулись въ путь. Они пробыли еще девять дней въ Зондскомъ Проливѣ: въ теченіе этого времени, отъ знойнаго, удушливаго воздуха, два раза открывалась холера между ихъ экипажами, и не ранѣе одиннадцатаго числа вышли они въ океанъ. Сенявинъ обогнулъ Мысь Доброй Надежды 2 апрѣля, и 18-го бросилъ якорь у Острова Св. Елены. Мая 10 оба шлюпа пересѣкли экваторъ, 28 іюня вошли въ Британскій Каналь и 30-го остановились, чтобъ привести въ порядокъ суда, въ одномъ изъ прекрасныхъ бассейновъ Гавра. Іюля 21, шлюпы опять вышли въ море, Моллеръ прямо къ Зунду, а Сенявинъ въ рѣку Темзу, для произведенія сравнительныхъ опытовъ надъ маятникомъ на Гринвичской обсерваторіи. Окончивъ ихъ,

Сепявинъ вышелъ 11 августа въ море, прошелъ Зундъ 18 августа и 25 уже положилъ якорь на Кронштатскомъ рейдѣ, послѣ трехъ-лѣтняго отсутствія (три года и пять дней). Сентября 4 Сепявинъ былъ осчастливленъ посвященіемъ Государя Императора, и въ тотъ же день втянулся въ гавань и спустилъ флагъ. Ученые путешественники возвратились въ свои семейства, и принялись за описаніе сдѣланныхъ открытій и наблюденій, которыя прибавили такую значительную массу новыхъ свѣдѣній къ нашимъ скуднымъ познаніямъ о географіи осмотрѣнныхъ ими морей. И такъ какъ эти моря лежатъ на большихъ торговыхъ радіусахъ и посвящаются кораблями всѣхъ народовъ, то, безъ всякихъ обольщеній патріотизма, молно поставишь открытія и наблюденія капитана Литке несравненно выше всѣхъ результатовъ знаменитой экспедиціи сирѣ Джонъ Росса, не исключая даже «открытія» магнитнаго полюса: мы желали бы видѣть ихъ окруженными полнымъ вѣнцомъ той истинной славы, которой они заслуживаютъ. Ежели, для громкости фразъ, непременно нужны магнитные полюсы, то кстади напомнить, что капитанъ Литке также имѣетъ на нихъ кой-какія права, потому что превосходныя его наблюденія надъ стрѣлкою болѣе всего способствовали Г. Ганстепу къ опредѣленію кривыхъ равнаго склоненія и начертанію магнитной карты земнаго шара, не съ однимъ, а съ четырьмя его полюсами.

Последній томъ «Путешествія» посвященъ ученымъ изысканіямъ членовъ Русской экспедиціи вокругъ свѣта. Мы не можемъ рекомендовать нашимъ читателямъ книги, которая бы, болѣе этой, стоила ихъ любопытства и приносила удовольствія своимъ содержаніемъ.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПЧЕЛОВОДСТВО, или *Правила для любителей пчелъ, извлеченныя изъ долговременнаго опыта, съ объясненіемъ оныхъ усовершенствованныхъ ульевъ. Сочиненіе Н. Витвицкаго. Санктпетербургъ, 1835. Двѣ части.*

Изученіе Естественной Исторіи насѣкомыхъ исполнено занимательности даже для того, кто не имѣетъ намѣренія исчерпать предметъ до дна, и довольствуется поверхностнымъ понятіемъ. Во всякой другой отрасли наукъ, свѣденія пріобрѣтаются, не иначе, какъ посредствомъ обширной налитанности, многочисленныхъ опытовъ и разсужденій; въ исторіи насѣкомыхъ, первыя главы открываютъ взорамъ совершенно новый міръ. Удивленный величіемъ картины, множествомъ и разнообразіемъ предметовъ, охваченныхъ однимъ взглядомъ, человекъ становится довольнымъ собою и природою, которой творенія возбуждаютъ въ немъ восторгъ и нѣкоторую гордость при мысли, что онъ ихъ постигаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти тысячи формъ живыхъ существъ, эти странные образы бытія, о которыхъ мы не имѣли никакого понятія, этотъ механизмъ иногда чрезвычайно сложный, иногда доведенный до величайшей простоты; нравы столь разнообразныя и столь совершенно согласныя со средствами пропитанія и движенія, неизмѣнный порядокъ, который царствуетъ среди наружнаго неустройства, — всѣ эти явленія, въ такой высокой степени достойныя упражнять мыслящую силу человека, представляются намъ въ царствѣ насѣкомыхъ на самомъ небольшомъ пространствѣ. Чтобы открыть подобныя явленія въ существахъ большаго размѣра, надобно пройти цѣлый міръ.

Съ другой стороны, изученіе этой отрасли естественныхъ наукъ, болѣе чѣмъ всякое другое, приводитъ наблюдателя къ сравненіямъ и нравственнымъ

размышленіямъ, которыя, очень часто, не слишкомъ для насъ выгодны. Общественность, лучшее созданіе нашей Философіи, созданіе длиннаго ряда вѣковъ, кажется, гораздо болѣе развита чѣмъ у насъ простымъ инстинктомъ пчель. Этотъ крылатый народъ былъ просвѣщенъ, еще въ то время, когда родъ человѣческій коснѣлъ въ невѣжествѣ; и даже теперь, какос государство можетъ выдержать сравненіе съ ульемъ, по мудрости его законовъ и точности, съ какою они приводятся въ исполненіе. Чудная монархія этихъ насѣкомыхъ сдѣлалась предметомъ изученія съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ началъ размышлять, и много сочиненій, теперь совершенно забытыхъ, было посвящено пчеламъ. Аристотель былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ: онъ передалъ потомству все, что въ его время знали и что его собственный геній прибавилъ къ прежнимъ открытіямъ; онъ писалъ о пчелахъ, но безъ точности и пріятности. Послѣдняго упрека нельзя сдѣлать *Виргилію*, котораго творенія переживутъ книги *Аристотеля*; но относительно вѣрности фактовъ, великій поэтъ также мало заслуживаетъ довѣрія, какъ и риторъ-естествоиспытатель. Вѣка, отдѣляющіе насъ отъ эпохи *Виргилія*, были болѣею частію потеряны для всѣхъ родовъ просвѣщенія; наконецъ настало вновь время наблюденій, полезныхъ изученій, хорошихъ книгъ. У пчель явились свои историки; наука сельскаго хозяйства обратила болѣе вниманія на ихъ труды; желаніе прибыли и любопытство вмѣстѣ вызывали къ новымъ изслѣдованіямъ объ этомъ народѣ, такъ хорошо устроенномъ и трудолюбивомъ. Литтература науки о пчеловодствѣ можетъ нынче похвалиться множествомъ отличныхъ сочиненій, къ числу которыхъ безспорно принадлежитъ и, вышедшая въ концѣ прошедшаго года, книга *Г. Витвицкаго*. Авторъ посвятилъ этой отрасли сельскаго хозяйства цѣлую жизнь; онъ изу-

чилъ почти все, что было писано объ его предметъ иностранными писателями, и подкрѣпилъ пріобрѣтенныя такимъ образомъ свѣденія, собственными наблюденіями. Мы хотимъ подѣлиться съ нашими читателями удовольствіемъ, которое доставилъ намъ Г. Витвицкій, и, обращаясь преимущественно къ ученой части его предмета, къ нравамъ и обычаямъ этихъ удивительныхъ насѣкомыхъ, предложимъ здѣсь нѣсколько занимательныхъ подробностей объ устройствѣ и жизни пчельнаго общества.

Всякому извѣстно, что улей заключаетъ въ себѣ три рода жителей, — матку, или царицу, рабочихъ пчелъ и самцевъ, или трутней. Рабочія пчелы отправляютъ всѣ труды, удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ, воспитываютъ поколѣніе, которое должно ихъ замѣнить, и заботятся о общей безопасности. Царица, или матка, есть природный вождь этого общества, обязаннаго ей своимъ бытіемъ и въ которомъ каждый членъ принадлежитъ къ числу ея дѣтей; ея права на владычество не могутъ быть оспорены. Обязанности трутней ограничиваются размноженіемъ рода. Царица узнается по длинному тѣлу, маленькимъ крыльямъ и особенному строенію жала. Цвѣтъ ея иногда бываетъ ярче чѣмъ у рабочихъ пчелъ и трутней; ножки у ней прекраснаго желто-золотаго цвѣта. Она кладетъ всѣ яйца, изъ которыхъ, въ непродолжительномъ времени, при попеченіи рабочихъ, выходитъ новая колонія, новое поколѣніе, назначенное поддержать народонаселеніе улья. Рабочія пчелы суть самки, у которыхъ не развиты личинки; ихъ бываетъ отъ двѣнадцати до двадцати тысячъ въ каждомъ ульѣ. Онѣ темнаго цвѣта и очень невелики, такъ, что ихъ можно счесть за самыхъ бесполезныхъ членовъ монархіи. Впрочемъ, подобное сужденіе можетъ имѣть мѣсто только въ такомъ случаѣ, когда не видно гибкаго хобота, кото-

рый имъ дала природа, и устройства ихъ лапокъ, снабженныхъ карманами, куда насѣкомое кладетъ запасъ, собранный хоботомъ съ цвѣточныхъ чашечекъ. Число трутней, которые занимаются однимъ дѣломъ и по одному разу, простирается отъ тысячи пяти сотъ до двухъ тысячъ; они являются въ началѣ апрѣля, и совершенно исчезаютъ къ половинѣ августа; они одною-третью болѣе рабочихъ и не имѣютъ жала. Полетъ ихъ сопровождается шумомъ, потому что у нихъ короткія крылья, которыми они должны дѣйствовать съ величайшею скоростью, для того чтобы удержаться на воздухѣ.

Къ стыду мужскаго пола, однѣ только пчелы самки обнаруживаютъ дѣятельность, ловкость, проворство и даже мужество, между-тѣмъ какъ самцы не удостоены даже чести носить оружіе. Многіе полагали, что трутни садятся на яйца и оплодотворяютъ ихъ, по мѣрѣ того какъ ихъ кладетъ царица, но, по всей вѣроятности, это мнѣніе основано на дурно сдѣланныхъ опытахъ. Г. Маррисъ, изъ Ислеворта, увѣряетъ, что ему часто случалось видѣть какъ самцы входятъ въ ячейки, гдѣ лежатъ яйца готовыя раскрытыя, но Докторъ Бивенъ думаетъ, что эти насѣкомыя искали покоя и равно входили въ чашечки пустыя и съ яйцами. Фабрицій того же мнѣнія. Искусный наблюдатель Дегеръ убѣдился, что самка клещака, оставляетъ свои яйца не прежде ихъ раскрытія, выспиваетъ ихъ до конца, и потомъ воспитываетъ свое новорожденное семейство. Лѣсной клопъ расточаетъ такія же попеченія своимъ дѣтямъ, которыхъ бываетъ отъ тридцати до сорока штукъ: нѣжная заботливость этой матери могла бы служить образцомъ самой бдительной курицы, и еще болѣе другимъ матерямъ, которыя стоятъ несравненно выше на лѣстницѣ умственныхъ силъ, а поручаютъ своихъ дѣтей присмотру наемниковъ.

Главная обязанность царицы состоитъ въ томъ, что она должна класть яйца въ ячейки, нарочно для этого приготовленные рабочими пчелами. Г. Денбаръ (Dunbar) составилъ удовлетворительное описаніе этой операціи, вовсе не согласной съ нашими понятіями о царскомъ величествѣ: онъ замѣтилъ, что когда царица наступаетъ время нести яйца, она просовываетъ голову въ каждую ячейку, чтобы удостовѣриться хорошо ли тамъ все приготовлено. Такой осмотръ продолжается одну или двѣ секунды: вынувъ голову, царица поворачивается и впускаетъ туда заднія кольца своего тѣла. Это дѣйствіе, болѣе продолжительное чѣмъ первое, имѣетъ цѣлю оставить яйцо на днѣ каждой ячейки. Такимъ образомъ царица обходитъ цѣлый рядъ ячеекъ, и уже потомъ приступаетъ къ слѣдующему. Посредствомъ этого способа, яйца находятся одно близъ другаго, удобно нагрѣваются, и превращенія, которыя должно испытать новое поколѣніе, совершаются съ болѣею безопасностью.

Для раскрытія яйца нужно не болѣе четырехъ дней; а по истеченіи пяти или шести, личинка занимаетъ все пространство своей кельи. Рабочія пчелы, которыя до тѣхъ поръ снабжаютъ ее пищею, перестаютъ ее кормить: онѣ закрываютъ ячейку крышкой изъ темнаго вещества. Крышка должна быть гибка и не мѣшать движеніямъ насѣкомаго, прядущаго изъ бѣлаго шелку ткань, въ которую оно завернется, по превращеніи своемъ въ куклу: эта операція продолжается шесть часовъ. Наконецъ, въ двадцать первый день своего существованія, считая съ той минуты когда яйцо было положено въ ячейку, молодая пчела раздираетъ свою оболочку, и выходитъ оттуда въ образѣ совершеннаго насѣкомаго, съ крыльями и всѣми членами.

Постепенныя превращенія царицы совершаются съ болѣею скоростью: младенчество ея не такъ про-

должительно, какъ младенчество будущихъ ея подданныхъ: яйцо, въ которомъ она находится, раскрывается въ три дня; она проводитъ пять дней въ видѣ личинки; когда жилище ея закрыто, она въ двадцать четыре часа выдѣлываетъ свою шелковую скорлупу, и тогда, истощенная трудомъ, впадаетъ въ безчувственность, которую называютъ «покоемъ», и которая продолжается до двѣнадцатаго дня ея жизни. По прошествіи четырехъ дней, превращенія ея оканчиваются, и царствованіе начинается.

Трутни образуются медленнѣе: имъ нужно двадцать четыре или двадцать восемь дней для достиженія вида совершеннаго насекомаго.

Молодая пчела, вырождаясь изъ куклы, раздираетъ зубами свою оболочку и выходитъ на волю. Услужливая работница овладѣваетъ новорожденною, занимается ея уборомъ, развиваетъ и гладитъ ея крылья; по окончаніи туалета, наставница и ея ученица вмѣстѣ улетаютъ за добычею въ поле. Маральди утверждаетъ, что онъ видалъ молодыхъ пчелъ, которыя, въ первый день своего превращенія, вылетали изъ улья и возвращались назадъ съ двумя большими шариками добычи. Впрочемъ, ихъ опытныя подруги не выпускаютъ ихъ натошакъ: онѣ угощаютъ ихъ медомъ до выхода на работу. Опустѣвшія ячейки молодыхъ пчелъ бываютъ старательно вычищены и приведены въ состояніе принять въ себя новыя яйца или медъ.

Но выходъ на волю царицы совершается не одними только силами ея царственной особы: когда кукла близка къ перерожденію, прибѣгаютъ рабочія пчелы, разрываютъ скорлупу, и лишь-только новорожденная начинаетъ пользоваться свободою, ея собственныя подданныя лишаютъ ея этой свободы. Онѣ, впрочемъ, боятся, чтобы съ нею не случилось несчастія при первомъ вылетѣ, и не хотятъ подвергать опасности та-

кой драгоценной жизни. Надобно также предохранить другихъ царицъ, которыя еще не вышли изъ скорлупы, отъ нападёній ихъ смертельной непріятельницы, то есть, ихъ старшей сестры. Если бы ей дать волю, эта сестрица безжалостно истребила бы подозрительныхъ соперницъ и все царское племя, котораго совмѣстничества она опасается. Англійскій натуралистъ Г. Бивенъ сообщаетъ объ этомъ предметъ занимательныя подробности.

Рабочія пчелы весьма искусно помогаютъ новой царицѣ выйти изъ оболочки. Онѣ сначала снимаютъ часть воска, который находится на крышкѣ ячейки, и, не разрывая этой крышки, дѣлаютъ ее прозрачною. Такое слабое препятствіе не можетъ болѣе удерживать насѣкомаго, которое готово вылетѣть; когда перерожденіе совершенно кончено, молодую царицу освобождаютъ отъ ея пеленокъ, и она, подобно пчеламъ двухъ низшихъ классовъ, охотно расправила бы крылья, чтобы улетѣть, но ей еще должно провести въ неволѣ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ ее щедро снабжаютъ пищею: въ крышкахъ ячеекъ наполненныхъ медомъ, дѣлаются отверстія, въ которыя узница опускаетъ свой хоботъ, и черпаетъ оттуда, сколько ей угодно; кромѣ того времени, когда она ѣстъ, она не перестаетъ издавать звуковъ въ родѣ пѣсни, которая переходитъ отъ одного тона къ другому. Гюберъ говоритъ что, онъ слушалъ пѣснь молодой царицы состоявшую изъ ряда одинаковыхъ звуковъ, или изъ щелканій, быстро слѣдующихъ одно за другимъ. Онъ полагаетъ, что рабочія пчелы принимали участіе въ этомъ концертѣ, и праздновали восшествіе на престолъ своей государыни; сверхъ того, онъ думаетъ, что молодыя царицы лишаются на нѣсколько дней своей свободы, длятого чтобы онѣ имѣли время укрѣпиться и могли летать, когда весь рой оставитъ родимый уліи для основанія новой колоніи.

Между-тѣмъ какъ одиѣ шлепы замедляютъ , по какимъ бы то ни было причинамъ, вылетѣ своей государыни , другія, напротивъ, убѣждаютъ ее летѣть вмѣстѣ съ роємъ, надъ которымъ ей определено царствовать, или, по-крайней-мѣрѣ, возвратитъ себѣ свободу. Такая противоположность въ поступкахъ жителей одного и того же улья казалась , многимъ наблюдателямъ , слѣдствіемъ нетерпѣнія, которое чувствуетъ большая часть членовъ общества привыкшаго къ порядку. Когда оно встревожено какими-нибудь необычными движеніями, оно старается отстранить отъ себя причину этихъ волненій , и какъ-можно скорѣе снова войти въ кругъ своихъ привычекъ. Если Гюберъ не ошибается, рои находятся подъ предводительствомъ старыхъ матокъ. Когда имъ надобно просьбы и нападенія окружающей толпы, онѣ умѣютъ напомнить ей должное почтеніе: стоитъ только издать звукъ , называемый «голосомъ верховной власти». Несмотря на то , Бонне утверждаетъ , что , ни въ какомъ случаѣ, дѣйствія матки не заключаютъ въ себѣ ничего повелительнаго: но Гюберъ удостовѣрился въ истинѣ приводимаго имъ факта посредствомъ многихъ наблюденій; онъ былъ свидѣтелемъ страннаго дѣйствія крика царицы и впечатленія, какое онъ производитъ. Одна молодая царица обманула бдительность своей стражи, и вышла изъ своей кельи ; она подошла къ ячейкѣ, гдѣ находилась ея соперница, еще не испытавшая послѣдняго превращенія, и готовилась ее умертвить, когда прибѣжали рабочія пчелы и принудили ее отступить въ довольно жалкомъ видѣ. Но вскорѣ она ободрилась, и умѣла воспользоваться преимуществами своего сана. Вскарabкавшись на медовый сотъ, махая съ величайшею скоростію крыльями , она издала свой грозный крикъ, и поразила имъ нападающихъ до такой степени , что онѣ сдѣлались неподвижными. Вонительница хотѣла возобновитъ свои покушенія , но,

на этотъ разъ , волшебство звука уже миновалось , и ее приняли такъ , что она вѣроятно потеряла охоту къ новымъ подвигамъ . «Голось верховной власти» почти вовсе не отличается отъ звука или пѣнія молодыхъ матокъ , когда онѣ выходятъ изъ ячеекъ . Имя , которое ему даютъ , слишкомъ пышно для того рода *рѣчи* , если , впрочемъ , этотъ звукъ имѣетъ какое-нибудь значеніе . Какъ бы то ни было , онъ всегда сильно дѣйствуетъ на пчелъ , и царица , желающая остановить ихъ непокорныхъ подданныхъ , всегда принимаетъ такое положеніе .

Послушаемъ теперь Г. Витвицкаго о томъ же самомъ предметѣ .

«Матка пчель не жужжитъ , но произноситъ пріятный звукъ . Во время удачнаго роенія , голось ея слышенъ иногда бываетъ въ такихъ полныхъ ульяхъ , изъ которыхъ за двѣ недѣли передъ тѣмъ вышло по одному рою . Чаше всего самки начинаютъ пѣть подъ вечеръ , но чтобы ихъ хорошо слышать , надобно ухо приложить къ улью . Пѣніе ихъ , состоящее въ звукъ *ту , ту , ту* , три раза въ тактъ повторяемъ , и которое не рѣдко слышится послѣ теплаго дождя , жалостно и такъ трогательно какъ звуки гармоники . Простонародіе толкуетъ это разнымъ образомъ ; но что пѣснь матки означаетъ радость , это заключать можно изъ того , что она поетъ , какъ скоро выпускаютъ ее на свободу , или когда она изъ кѣтки возвращается къ своему рою . Когда нѣсколько матокъ находится въ ульѣ , часть ихъ отзывается нѣжнымъ голосомъ , а другая часть громче .

«Жало матки нѣсколько длиннѣе нежели у рабочихъ пчель и нѣсколько загнутое внизъ , но она никогда его не употребляетъ для своей защиты . Иностранные пчеловоды утверждаютъ , что орудіе это служить ей опорой , когда она добивается владычества , сражаясь съ равными себѣ соперницами . Я нарочно собиралъ къ одному рою болѣе десяти матокъ и смотрѣлъ непрерывно , не произойдетъ ли между ними стычки , однако ничего подобнаго не замѣтилъ . Если въ рою находится послѣ роенія нѣсколько матокъ , общество

пчелъ избираетъ для себя изъ нихъ превосходнѣйшую, и принуждаетъ остальныхъ выйти изъ улья; если которая не послушается, рабочія пчелы щиплютъ ее до тѣхъ поръ, пока она не уберется или не погибнетъ на-мѣстѣ, и въ послѣднемъ случаѣ мертвую вытаскиваютъ сами изъ гнѣзда. Въ новомъ рою случается то же самое. Какъ скоро приготовленный улей нравится ему, рабочія пчелы заставляютъ подобнымъ образомъ сверхъ-комплектныя матки выходить прочь; но вновь избранная матка въ это жестокое преслѣдованіе ни сколько не вмѣшивается. Во время нападенія однихъ пчелъ на другія, въ рою происходитъ величайшее смятеніе; въ этомъ только одномъ случаѣ и матка принимается за орудіе на защиту подвластнаго ей общества.»

Существованіе матки необходимо для сохраненія цѣлаго улья. Однако случай можетъ преждевременно прекратить жизнь, столь драгоценную для цѣлаго народа. Этого несчастія нельзя назвать невознагради-мымъ: когда оно случается, пчелы избираютъ рабочую личинку и готовятъ ее къ высокому сану, который ей суждено занимать: съ того времени въ воспитаніи ея происходитъ большая перемѣна; ее окружаютъ изобиліе и даже роскошь; подданные стараются развить ея способности и придать имъ большую силу. Три смѣжныя ячейки превращаются въ обширную комнату, къ несчастію ихъ жительницъ: онѣ приносятся въ жертву общественному благосостоянію. Будущая государыня получаетъ особенную пищу, сберегаемую для царственныхъ насѣкомыхъ этого рода; ее выдѣлываютъ рабочія пчелы посредствомъ способовъ, которые употребляются только въ подобномъ случаѣ; она весьма возбуждательна, дѣйствуетъ сильнѣе меда, обыкновенной пищи пчелъ всѣхъ классовъ, изящнѣе на вкусъ и очень кисла. Царственныя личинки получаютъ ее въ такомъ изобиліи, что не могутъ всего съѣсть. Ширахъ, викарій Малаго Бауцена и секретарь Общества Пчеловодства,

которое составилось въ Верхней Лузаци, кажется, первый, открылъ или по-крайней-мѣрѣ обнаружилъ этотъ странный фактъ, и дальнѣйшія наблюденія подтвердили истину его мнѣнія. Многіе изъ членовъ общества, къ которому онъ принадлежалъ, убѣдились въ этомъ собственными глазами, а Гюберъ и Бонне отнесли это явленіе къ числу самыхъ достовѣрныхъ.

Правила восточнаго деспотизма приводятся въ исполненіе въ ульѣ. Царица, вступающая на престолъ, не имѣетъ причины опасаться честолюбія своихъ подданныхъ, но она страшится соперничества себѣ равныхъ, то есть, своихъ сестеръ, и принимаетъ дѣйствительныя мѣры для своей безопасности: первымъ ея дѣломъ бываетъ истребленіе царственныхъ личинокъ. Мы обязаы Г. Денбару любопытнымъ описаніемъ трагическихъ сценъ, происходящихъ во внутренности улья, и которыя, на бѣльнемъ театрѣ, не были бы недостойны Мельпомены.

Въ июль мѣсяцѣ, когда ульи наполнены сотами, пчелами и медомъ, и царица, достигшая до высшей степени плодородія, сносить по сту яицъ въ день, Г. Денбаръ отворилъ улей и коварнымъ образомъ захватилъ матку. Послѣ того, работы продолжались осьмнадцать часовъ, и жители улья, повидимому, вовсе не подозрѣвали испытанной ими потери; но лишь-только это несчастіе сдѣлалось извѣстнымъ, началось величайшее смятеніе. Все народоваселеніе столпилось у летика, подобно рою, который собирается улетѣть. На слѣдующее утро, наблюдатель увидѣлъ пять новыхъ царскихъ ячеекъ, построенныхъ какъ всегда дѣлается въ подобныхъ случаяхъ; а послѣ обѣда, были устроены четыре другія, въ соту, наполненномъ яйцами, которыя находились тамъ только два дня. Черезъ двѣ недѣли послѣ роковаго событія, которое лишило улей его царицы, вышла

молодая ея преемница, и тотчасъ направила шаги свои къ другимъ ячейкамъ очевидно съ враждебными намѣреніями. Встрѣтивъ сильный отпоръ рабочихъ пчель, она отошла въ другую сторону; но мучительная жажда истребленія заставила ее предпринять новыя покушенія, которыя имѣли также мало успѣха. Послѣ каждаго неудачнаго приступа, она обнаруживала упрямый гнѣвъ посредствомъ звука, похожаго на слогъ *пиль, пиль*; одна изъ ея сестеръ, готовая вылетѣть изъ своей скорлупы, ей отвѣчала, но гораздо тише, какъ — будто она охрипла. Это наблюденіе показало причину двухъ различныхъ звуковъ, которые раздаются при вылетѣ изъ улья новаго роя. Въ тотъ же день кончилось перерожденіе второй матки; она тотчасъ удалилась къ купѣ пчель, которыя выстроились въ ширенгу. Это было вечеромъ: на другое утро, Г. Денбаръ замѣтилъ, что ее сильно преслѣдуетъ старшая сестра. Наблюдатель, отозванный по нѣкоторымъ дѣламъ, былъ принужденъ оставить свой постъ, и возвратился черезъ полчаса: несчастная младшая царица лежала на полу, безъ-сомнѣнія убитая жестокою соперницею. Гюберъ говоритъ, что искусственныя матки нѣмы: предыдущія замѣчанія доказываютъ противное, потому что способность издавать звуки предшествуетъ даже совершенному развитію этихъ странныхъ существъ. Англійскій естествоиспытатель исправляетъ другое мнѣніе того же писателя: онъ утверждаетъ, что постоянная стража окружаетъ ячейки, въ которыхъ образуются матки. Въ самомъ дѣлѣ, эта стража мужественно защищаетъ ввѣренныя ей ячейки противъ единственнаго врага, который угрожаетъ имъ внутри улья, то есть, противъ той изъ цариць, которой сила или счастье помогутъ прежде другихъ вырваться изъ дѣтскихъ узь.

Теперь дознано, что рабочія пчелы суть самки: въ этомъ нельзя сомнѣваться, потому что личинки, при-

надлежащія къ ихъ роду, превращаются въ матокъ, обязанныхъ поддерживать народонаселеніе улья и производить рои, которые онъ высматываетъ въ новыя колоды. Известно впрочемъ, что рабочія пчелы также иногда кладутъ яйца, это очень понятно: часть пищи, назначенной для царственныхъ личинокъ, изъ нихъ вытекаетъ, другія личинки, плебейскаго происхожденія, ею пользуются и, болѣе или менѣе, дѣлаются участницами въ способностяхъ, составляющихъ принадлежность матки. Близость двора имѣетъ въ ульѣ вліяніе, котораго не могутъ порицать моралисты: она возвышаетъ и совершенствуетъ, а не унижаетъ и не возвращаетъ какъ часто случается въ человѣческихъ обществахъ. Странно, что самки, у которыхъ половые органы не совершенно развиты, хотя и онѣ могутъ класть яйца, производятъ только яйца самцовъ.

Царицу правильнѣе было бы называть маткою, — и Г. Витвицкій принялъ для ней это простонародное названіе, — потому что власть этой первой сановницы улья очень ограничена, а плодородіе ея необычайно. Натуралисты не согласны между собою относительно числа яицъ, которое она можетъ произвести; въ самомъ дѣлѣ, климатъ, воздухъ, пища и, быть-можетъ, другія мѣстныя обстоятельства, болѣе или менѣе измѣняютъ свойство этихъ насѣкомыхъ, такъ какъ и всѣхъ животныхъ. Гюберъ полагаетъ, что матка кладетъ въ апрѣлѣ и маѣ до 12,000 яицъ; въ августъ она несетъ снова, но уже не съ такимъ плодородіемъ. Реомюръ даетъ гораздо высшее поняніе объ этомъ производствѣ яицъ. По его словамъ, матка несетъ до двухъ сотъ штукъ въ день: это вдвое болѣе противъ мнѣнія Гюбера. Г. Ширахъ утверждаетъ что каждая царица производитъ отъ 70,000 до 100,000 яицъ въ одно время года: это число кажется преувеличеннымъ, однако, оно, весьма мало въ сравненіи съ удивительнымъ размноженіемъ нѣкоторыхъ другихъ насѣкомыхъ. Самка бѣ-

лаго муравья производить не менее шестидесяти яицъ въ минуту, слѣдовательно три тысячи шесть сотъ въ часъ, и восемьдесятъ шесть тысячъ четыреста въ день; ограничивая время кладенія яицъ однимъ мѣсяцемъ, мы получимъ 2,592,000 штукъ отъ одного только семейства.

Оплодотвореніе яицъ есть таинство, еще не разгаданное умомъ человека: ни одно изъясненіе неудовлетворительно; но кажется достовѣрнымъ, что матка общается съ самцомъ во время воздушной прогулки. Въ продолженіе своихъ наблюденій, Гюберъ не замѣтилъ чтобы это важное дѣйствіе совершалось внутри улья. Когда погода такая теплая что трутни рѣшаются вылетѣть, царица вылетаетъ также, потому что одна любовь можетъ заставить ее предпринять дальнее путешествіе. Мы должны благодарить Ломбара за наибольшее число фактовъ, посредствомъ которыхъ доказано, что сочетаніе происходитъ на воздухъ и на лету, подобно какъ у другихъ мухъ. Можно распространить эти замѣчанія на матку-муравья, какъ утверждаетъ Боннѣ въ своихъ «Созерцаніяхъ природы»; также на жука и стрекозу. Важность прогулки матки-пчелы такъ велика, что, безъ нея, нельзя ожидать размноженія; зато ея слѣдствія такъ сильны и продолжительны, что произведеніе яицъ и счастливое развитіе личинокъ и червячковъ однимъ разомъ обезпечивается на два года.

Когда царица рѣшается вылетѣть за трутнемъ, она выходитъ изъ улья, пробуетъ себя, поднимается, возвращается снова, и наконецъ улетаетъ, описывая большіе круги на воздухъ до тѣхъ поръ, пока совсемъ не скроется отъ глазъ. Черезъ полчаса послѣ ея отпавленія, она прилетаетъ назадъ, и видъ ея ясно показываетъ, что совокупленіе произошло. Иногда отлучка бываетъ не такъ продолжительна, но въ такомъ случаѣ это означаетъ, что она не имѣла ни какихъ по-

слѣдствій. «Странно, говорить Бонне, что наблюдатели замѣчали эти прогулки матки, не подозрѣвая ихъ причины.» Онъ видамъ молодыхъ царицъ, которыя приступали къ великому дѣлу два или три дня послѣ своего перерожденія. Этотъ важный фактъ опровергается многими писателями: Гейшъ (Huish) считаетъ совершенно доказаннымъ, что matka никогда не вылетаетъ изъ улья; но его наблюденія были, по-видимому, слишкомъ ограничены, и отдѣльныя явленія, подобныя этому, могли отъ него ускользнуть. Впрочемъ то, что онъ говоритъ, справедливо вразсужденіи первыхъ роевъ, всегда предводимыхъ маткою, которая ихъ произвела и слѣдовательно уже была оплодотворена; въ такомъ случаѣ, ничто не побуждаетъ ее вылетать изъ улья, — и такимъ образомъ утвердилось общее мнѣніе. Гюберъ и Сваммердамъ наблюдали обстоятельства совокупленія, въ томъ видѣ, какъ они здѣсь описаны, и полагаютъ, что это дѣйствіе, которое продолжается нѣсколько минутъ, достаточно для того, чтобы сообщить начало жизни не только яйцамъ образующимся въ то время, но и тѣмъ, которыя самка будетъ класть впослѣдствіи до самой своей смерти. Такое мнѣніе должно было встрѣтить противниковъ: въ ихъ числѣ былъ Гейшъ; онъ не хотѣлъ вѣрить въ возможность дѣйствія на то, что еще не существуетъ. Но обыкновенный паукъ производитъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, яйца, оплодотворенныя однимъ совокупленіемъ. По словамъ Одебера, травяная вошь обнаруживаетъ гораздо болѣе удивительную силу, потому что одинъ самецъ сообщаетъ жизнь и девяти или десяти поколѣніямъ, которыя въ теченіе года должны родиться отъ его самки, и тѣмъ, которыя произойдутъ отъ нѣсколькихъ тысячъ самокъ, обязанныхъ существованіемъ этому совокупленію. Безъ-сомнѣнія такая чудная способность распложенія постепенно ослабѣваетъ, и исчезаетъ въ срокъ, не опредѣленный на-

блюденіями; но фактъ неоспоримъ, и мы не имеемъ права его отрицать, и недовѣрять показаніямъ искусныхъ и правдолюбивыхъ наблюдателей потому только, что не можемъ объяснить его, равно какъ и многихъ другихъ явленій природы. Боннѣ распространяетъ только на пять поколѣній оплодотворяющее дѣйствіе самца травяной вши; но Ліоне считаетъ гораздо больше, также какъ Кирби и Спенсъ, которые съ полною довѣренностью полагаются на свидѣтельство опытнаго испытателя природы Г. Вольнофа (Wolpough): онъ удостовѣрился, что травяная вошь можетъ въ теченіе года видѣть свое двадцатое поколѣніе. Ограничиваясь пятью поколѣніями, Реомюръ вычислилъ, что семейство вши можетъ состоять изъ 5,904,900,000 штукъ. Можно возразить, что травяныя вши суть живородящія, и что ихъ способъ размноженія и его результаты не должны входить въ сравненіе съ тѣми явленіями, которыя мы замѣчаемъ у насѣкомыхъ, кладущихъ яйца. Но такое возраженіе основано на неполныхъ наблюденіяхъ, потому что теперь извѣстно, что вши не всегда бываютъ живородящія, что одинъ изъ видовъ этого рода никогда не производитъ живыхъ дѣтей, и что у прочихъ оба способа распложенія слѣдуютъ одинъ за другимъ или соединены вмѣстѣ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, дѣтородное вліяніе самца травяной вши еще болѣе неизяснимо нежели всѣ послѣдствія оплодотворенія пчелиной матки.

Чудесное дѣйствіе природы, сообщающее жизнь многочисленнымъ поколѣніямъ, производитъ еще другіе результаты, которыхъ непосредственная причина намъ неизвѣстна. Если царица совокупляется поздно, черезъ двадцать или двадцать четыре дня послѣ своего водворенія, то ея умственные качества по-видимому ослабѣваютъ. Во всѣхъ ея поступкахъ замѣчается разстройство: она кладетъ яйца рабочихъ пчелъ въ ячейки, построенныя для трутней, и яйца трутней въ ячейки

рабочихъ; иногда даже она заноситъ одно изъ этихъ яицъ въ царскую ячейку.

Каковы бы ни были причины, если совокупленіе матки съ самцомъ будетъ отсрочено на двадцать или двадцать одинъ день, отъ этого произойдетъ вознаграждаемое зло. Въмѣсто того, чтобы сначала нести яйца рабочихъ пчелъ, а потомъ яйца трутней въ обыкновенномъ порядкѣ, царица употребитъ на первое дѣйствіе только сорокъ пять часовъ, а въ остальное время будетъ производить однихъ самцовъ; слѣдующіе рои будутъ составлены не лучше, и такимъ образомъ кончится это бѣдственное царствованіе. Можно отчасти объяснить это явленіе тѣмъ, что зародышъ яицъ рабочихъ пчелъ ослабѣваетъ отъ долговременной отсрочки, тогда какъ зародыши яицъ трутней могутъ долѣе ожидать, чтобы ихъ оплодотворило начало жизни. Растительное царство представляетъ подобныя явленія, которыя по-видимому подтверждаютъ это объясненіе Г. Ренни: извѣстно что сѣмена наконецъ портятся, несмотря на всѣ старанія ихъ сохранить; но чтобы извлечь изъ этого замѣчанія новыя свѣдѣнія удобнѣе примѣняемая къ факту, о которомъ идетъ дѣло, надобно сдѣлать нѣсколько опытовъ надъ двудомными, діоіса, растеніями, и посмотреть, производятъ ли устарѣвшія ихъ сѣмена растенія обоихъ половъ въ такой же соразмѣрности какъ свѣжія.

Матки, отсрочившія время дѣторожденія, подвергаются большимъ перемѣнамъ въ расположеніи духа и даже наружномъ видѣ. Гюберъ замѣтилъ, что онѣ становятся короче, и что ихъ оконечности худѣютъ, между тѣмъ какъ на двухъ первыхъ кольцахъ близъ груди является необыкновенная опухоль. Короткость тѣла весьма невыгодна для кладенія яицъ, потому что матка не достаетъ до дна ячейки, и часто кладетъ яйца не туда, гдѣ должно, а такъ сказать, на удачу. Опу-

холь на кольцахъ отнимаетъ у нея возможность входить въ узкія ячейки. Какъ рои, происходящіе отъ такихъ несовершенныхъ матокъ, большею частію состоятъ изъ трутней, то есть, празднолюбцевъ, то число рабочихъ становится недостаточнымъ, улей терпитъ голодь, и внутреннія несогласія довершаютъ его гибель еще болѣе нежели недостатокъ пищи. Царица иногда переживаетъ свой народъ, но только нѣсколькими минутами, и умираетъ послѣдняя. Впрочемъ, рабочій классъ часто показываетъ менѣе великодушія и самоотверженія: наскучивъ кормить такъ много бесполезныхъ желудковъ, отъ которыхъ ему нельзя освободиться, онъ возмущается противъ своей государыни, предаетъ ее смерти, и оставляетъ улей съ тѣмъ, чтобы принскать себѣ новое убѣжище. Величайшій безпорядокъ господствуетъ въ семействѣ, котораго глава не въ состояніи болѣе исполнять своихъ высокихъ обязанностей. Самцы, чрезвычайно многочисленныя, превышаютъ сверхъ того, своею величиною, обыкновенныхъ трутней. Жадные тунеядцы, они овладѣваютъ ячейками матокъ, и рабочія кормятъ какого-нибудь празднаго царедворца, принимая его за члена царской фамиліи; но умная пчела скоро открываетъ свое заблужденіе, и трутень, который имъ воспользовался, дорого платитъ за свою хитрость: его убиваютъ безъ милосердія.

Нѣкоторые писатели утверждали, что рабочія пчелы переносятъ яйца съ одного мѣста на другое: это можетъ случиться въ самомъ дѣлѣ, когда матка положила ихъ въ ненадлежащее мѣсто. Но въ хорошо устроенномъ ульѣ, яйца не требуютъ ни какихъ другихъ попеченій, кромѣ того, что ихъ должно класть на дно ячеекъ, возвышенныхъ на двѣ линіи надъ сотами; это одно доказываетъ, что яйца не переносятся съ мѣста на мѣсто: къ подтвержденію доказательства надобно прибавить, что рабочія пчелы не

терпят ни малѣйшаго безпорядка, и уничтожаютъ яйца, положенныя не на своемъ мѣстѣ, даже такія, которыя должны умножить число ихъ подругъ. Но иногда случается, что матка, которой совокупленіе произошло въ надлежащее время и всѣ способности въ порядкѣ, несетъ яйца въ такомъ множествѣ, что не можетъ класть ихъ куда надобно, и что часть ихъ выпадаетъ изъ ячеекъ. Первымъ естествоиспытателямъ показалось, что эти яйца были перенесены туда рабочими пчелами. Г. Денбаръ былъ свидѣтелемъ ихъ уничтоженія: ихъ съ жадностью пожирала тѣ самыя пчелы, которыя старательно берегли бы ихъ, если бы они находились въ назначенныхъ мѣстахъ. Размѣщеніе яицъ ввѣрено царицѣ, и она занимается этимъ дѣломъ, слѣдуя своему природному инстинкту. Если мы иногда видимъ пчель, которыя перетаскиваютъ яйца, отсюда не должно еще заключать, что онѣ сносятъ ихъ въ одно мѣсто: это добыча, которую онѣ собираются пожрать.

Милосердіе не принадлежитъ къ числу качествъ, свойственныхъ животнымъ: пчеламъ оно вовсе неизвѣстно. Трутнямъ cadaго улья ежегодно приходится испытывать это, самымъ жестокимъ образомъ.

Къ концу іюля, послѣ вылета роевъ, всѣ трутни предаются смерти. Такъ какъ оплодотвореніе совершилось, время ихъ службы кончено, — и они дѣлаются дармоедами, подобно тѣмъ людямъ, къ которымъ причислилъ себя Гораций, —

Nos numerus sumus, et fruges consumere nati;

нѣжная внимательность любви исчезаетъ; вмѣсто ея являются угрозы и ненависть. Несчастные трутни, обреченные гибели, чувствуютъ угрожающую имъ опасность; тоска которая ихъ мучитъ не даетъ имъ успокоиться; они съ равнымъ ужасомъ стремятся изъ улья и снова въ него влетаютъ. Полагаютъ, что рабо-

чїя пчелы изгоняють ихъ изъ улья, не употребляя своихъ жалъ. Гюнтеръ говоритъ даже, что въ это время трутни достигаютъ послѣдняго срока своей жизни, что ихъ смерть естественна и ни мало не ускоряется дурнымъ обхожденіемъ съ ними рабочихъ. Боннѣ принимаетъ мнѣніе Гюнтера, или, по-крайней-мѣрѣ, онъ ему не противорѣчитъ. Гюберъ думаетъ иначе, и утверждаетъ, что трутни погибаютъ отъ жала своихъ гонительницъ. Онъ убѣдился въ этомъ посредствомъ многочисленныхъ наблюдений, сдѣланныхъ надъ ульями, составленными изъ большихъ стеклянныхъ листовъ. Кажется, что Реомюръ также это зналъ: онъ говоритъ, что несмотря на превосходство самцовъ относительно величинны, они не могутъ избѣгнуть ядовитаго орудія рабочихъ пчелъ. Пораженный однимъ ударомъ жала, трутень распускаетъ крылья и умираетъ.

Во всѣхъ другихъ родахъ животныхъ, живущихъ обществомъ, власть принадлежитъ мужскому полу. У пчелъ, которыя составляютъ замѣчательное исключеніе изъ общаго правила, кажется, что умерщвленіе самцовъ есть государственное дѣло, заранѣе обдуманное и приготовленное: оно откладывается до другаго времени, когда въ ульѣ нѣтъ царицы и предстоитъ необходимость воспитать и оплодотворить новую. Боннѣ замѣтилъ такую благоразумную предосторожность въ одномъ ульѣ, принадлежавшемъ къ пчельнику, въ которомъ избіеніе самцовъ совершалось съ нѣкотораго рода яростью. Это было въ началѣ осени, что заставило его подозрѣвать пчелъ въ намѣреніи сохранить въ обезсиленномъ ульѣ болѣе многочисленное народонаселеніе, для того чтобы его внутренность удобнѣе нагрѣвалась зимою. Подобный расчетъ и предусмотрительность могутъ показаться слишкомъ утонченными для насѣкомыхъ. Мнѣніе Гюбера вѣроятнѣе: онъ думаетъ, что пощаженные трутни со-

храняются для будущей матки. Это мнѣніе подтверждается снисходительностью къ самцамъ въ ульяхъ, гдѣ есть плодородныя рабочія пчелы и нѣтъ матки, и въ тѣхъ, гдѣ оплодотвореніе было замедлено. За исключеніемъ небольшого числа случаевъ, всѣ трутни исчезаютъ къ концу осени. Пощады нѣтъ даже для дѣтей: личинки и червячки исторгаются изъ ячеекъ и бываютъ умерщвлены, или лучше сказать, пожраны, потому что исполнительницы этихъ истребительныхъ мѣръ оставляютъ одни только скелеты своихъ жертвъ: ихъ желудокъ принимаетъ все, что имъ удастся собрать посредствомъ хобота и зубовъ. Въ этомъ отношеніи можно замѣтить нѣкоторое сходство между двумя близкими между собою родами, — пчелами и осами, но нравы послѣднихъ еще жесточе. Въ осиномъ гнѣздѣ, гдѣ нѣсколько матокъ царствуютъ надъ народонаселеніемъ не столь многочисленнымъ какъ народонаселеніе улья, онѣ поступаютъ подобно пашамъ, которые убиваютъ подданныхъ, для того чтобъ овладѣть ихъ состояніемъ: рабочія осы подвергаются такой же участи какъ самцы, и погибаютъ всѣ еще до наступленія зимы. Тираны пожираютъ соты, и, пресыщенные пищею, забиваются въ какую-нибудь щель, гдѣ ожидаютъ возврата весны. Если бы ихъ можно было тогда истребить, это было бы весьма выгодно для спокойствія и безопасности пчель.

Драгоценныя насѣкомья, которыя намъ доставляютъ медъ и воскъ, заслуживаютъ, чтобы мы занялись удовлетвореніемъ ихъ нуждъ. Книга Г. Витвицкаго содержитъ въ себѣ превосходныя наставленія пчеловодамъ относительно постройки улья и снабженія пчель пищею. Известно, что медовой сокъ есть произведеніе растительнаго царства пропускаемое въ видѣ пота листьями и стволами растѣній, которыя часто бываютъ имъ покрыты, когда, послѣ жаркаго дня, ихъ

сжимаетъ свѣжесть ночи. Травяныя вши собираютъ этотъ сокъ, и если не находятъ его готовымъ, извлекаютъ составныя его стихіи изъ самаго растѣнія, которое они сосутъ посредствомъ хобота; ихъ органы такъ хорошо устроены для превращенія пищи въ сладкое вещество, что оно въ большемъ изобиліи выходитъ черезъ истоки назначенныя для этого изверженія. Умный муравей, который въ странствованіяхъ своихъ доходитъ до мѣстъ, занимаемыхъ лѣсными вшами, искусно пользуется ихъ способностями и умѣетъ собирать съ нихъ дань. Естественныя испытатели Кирби и Спенсъ раскрыли эти таинства политики насѣкомыхъ. Можно найти въ ихъ превосходномъ «Введеніи въ Естественную Исторію насѣкомыхъ» много подробностей объ этомъ явленіи, одномъ изъ самыхъ любопытныхъ открытій новѣйшихъ наблюдателей, которые занимались малыми животными.

Давно говорятъ о дружескихъ отношеніяхъ, существующихъ между лѣсными вшами и муравьями; это можетъ видѣть всякой, въ хорошее время года, на листьяхъ растѣній, осыпанныхъ насѣкомыми обоихъ родовъ. Наблюдая со вниманіемъ, мы увидимъ, что единственная цѣль муравьевъ, во всѣхъ ихъ движеніяхъ, состоитъ въ собираніи сладкаго вещества, вытекающаго изъ вшей и справедливо названнаго ихъ молокомъ. Это вещество есть жидкость, почти такая же сладкая какъ медъ, и которой прозрачныя капли выходятъ изъ живота вшей, не только посредствомъ обыкновеннаго истока, но, сверхъ-того, черезъ двѣ трубочки, которыя находятся выше задняго прохода. Такъ какъ это насѣкомое безпрестанно сосетъ своимъ хоботомъ растѣніе, на которомъ оно расположилось, то извлекаемый имъ сокъ постоянно проходитъ черезъ органы пищеваженія, и изверженія не прерываются.

На случай когда тамъ нѣтъ муравьевъ для собиранія такихъ изверженій, вошь одарена способностью

бросать свою жидкость на нѣкоторое разстояніе, посредствомъ толчковъ, которые она въ извѣстные сроки даетъ своему тѣлу. Если бы ей нельзя было отбрасывать столь частыя и изобильныя изверженія, она скоро потонула бы въ нихъ; при сгущеніи этой вязкой жидкости, всѣ вши, которыя покрываютъ листь, стволъ и цѣлое растѣніе, и по большей части происходятъ отъ одной матери, были бы слѣплены вмѣстѣ, и оставили бы неподвижную массу, обреченную гибели: предусмотрительность природы избавила ихъ отъ этой опасности. Но, кроме-того, являются муравьи, которые совершенно устраняютъ всѣ неудобства, соединенныя съ организаціею этого насѣкомаго. Они съ большимъ вниманіемъ ожидаютъ минуты изверженія, и не теряютъ ни одной капли жидкости; этого мало: они умѣютъ заставлять вшей извергать сладкій сокъ и, можно сказать, ихъ *доить*. Часто, говоритъ Линей, муравьи взбираются на деревья, покрытыя травяными вшами, не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы вести съ ними войну, но потому что они пользуются ихъ молокомъ и считаютъ ихъ своимъ стадомъ. Гюберъ рассказываетъ, что травяная вошь охотно соглашается на просьбу муравья, который ее тихо ласкаетъ своими усиками, и расточаетъ ей такія же нѣжности какъ своимъ дѣтямъ; обильныя изліянія сладкаго сока щедро награждаютъ ловкаго тунеядца. Тотъ же естественный испытатель замѣтилъ, что вошь отбрасываетъ отъ себя обременяющую жидкость, отъ которой ее не освобождаютъ муравьи. Кажется, что такой способъ изверженія необходимъ для насѣкомаго, пока оно не имѣетъ крыльевъ и приковано къ растенію, которое питаетъ его. Одна вошь доставляетъ очень достаточную пищу для нѣсколькихъ муравьевъ; иногда послѣдніе учреждаютъ особенныя заведенія для насѣкомыхъ, которыя ихъ кормятъ,—строятъ въ безопасныхъ и закрытыхъ мѣстахъ, вблизи отъ муравейника, зданія,

куда переносят своих кормилицъ и поручаютъ ихъ надзору нарочно поставленной стражи : однимъ словомъ, это скотный дворъ, учрежденный у городскихъ воротъ для удобства горожанъ.

Къ исходу осени , хорошей улей вѣситъ отъ двадцати пяти до тридцати фунтовъ , и содержитъ въ себѣ, по-крайней-мѣрѣ , полмѣрки пчелъ. Но вѣсь улья не всегда можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ его достоинства; въ немъ часто бываютъ матеріалы, которые составляютъ бесполезную тяжесть и ни къ чему не служатъ. О формѣ и величинѣ улья было писано очень много , но до сихъ поръ , еще не дошли посредствомъ сравнительныхъ опытовъ до достовѣрныхъ результатовъ. Естественныиспытатели и любопытные предпочтительно употребляютъ стеклянные колокола , такіи какъ у садовниковъ , и покрываютъ ихъ сверху соломеннымъ ульемъ ; снявъ эту крышу можно видѣть что происходитъ внутри, не мѣшая работницамъ и не прерывая ихъ трудовъ. Посредствомъ такой хитрости можно, хотя и не безъ труда, быть свидѣтелемъ главныхъ дѣйствій царицы , — таинственныхъ дѣйствій, которыя самъ Реомюръ , изобрѣтатель стеклянныхъ ульевъ , разсмотрѣлъ только послѣ многолѣтнихъ неудачныхъ опытовъ. Когда царица удостоиваетъ свой народъ появленія , она всегда бываетъ окружена дюжиною тѣлохранителей, которые, по примѣру вожновъ , не спускаютъ глазъ съ своей государыни : это обстоятельство можетъ придавать болѣе величія царицѣ , но вовсе не удобно для наблюдателя. Вотъ что по-крайней-мѣрѣ замѣтилъ Реомюръ. Но Деибаръ утверждаетъ , что онъ видѣлъ совсѣмъ не то , а нечто получше военныхъ почестей , — именно поклоненія народа своей государыни. По словамъ этого наблюдателя, царица шествуетъ одна , безъ свиты и тѣлохранителей ; на пути ея нѣтъ никого ; рабочія пчелы стоятъ въ почтительномъ отдаленіи , нѣкоторые

изъ нихъ приближаются и ласкають усиками любящую мать, не обращая, по-видимому, ни какого вниманія на достоинство царицы. Работы прерванныя, на нѣсколько мгновений, снова продолжаются: публичныя церемоніи пчель не возбуждаютъ желанія и не налагають обязанности ничего не дѣлать. Доказательствомъ, что эти почести оказываются матери, а не государынѣ, можетъ служить то, что бесплодныя или еще дѣвственныя царицы ихъ не получаютъ. Эти обыкновенія, въ которыхъ можно предположить нравственную цѣль, обнаруживаются еще болѣе удивительнымъ образомъ, когда матка кладетъ яйца въ ячейки, приготовленныя для будущаго поколѣнія: она со всѣхъ сторонъ окружена сжатыми рядами зрительницъ, которыя образуютъ родъ покрыва, скрывающаго ее отъ нескромныхъ взоровъ, не мѣшая ей, впрочемъ, совершать свои движенія въ определенномъ пространствѣ. Безъ помощи ульевъ Гюбера и Денбара, мы не имѣли бы объ этомъ важномъ дѣйствіи ни какихъ понятій, кромѣ тѣхъ, которыя можно получить въ необыкновенныхъ случаяхъ, когда царица кладетъ яйца внѣ сотовъ. Реомюръ могъ замѣтить, въ своемъ стеклянномъ ульѣ, одно только искусство, съ какимъ рабочія пчелы сплетаютъ свои ножки, образуя изъ своего сцѣпленія родъ ткани, которая принимаетъ всѣ формы и по произволу свивается и развивается. Посредствомъ того же способа, онѣ составляютъ изящно развѣшанныя гирлянды, которыя представляютъ подобіе люстръ, украшающихъ наши комнаты, и виноградныхъ кистей. Сваммердамъ открылъ, что, изъ этихъ группъ, каждая пчела можетъ удалиться, не разрушая тѣмъ общаго порядка, и не оставляя пустаго мѣста тамъ, гдѣ прежде была. Пчелы улетаютъ, садятся на группу, даже проходятъ насквозь, для того что бы въ нее войти или выйти вонъ. Подобныя сцѣпленія и висѣніе на воздухѣ по-видимо-

му очень нравятся пчеламъ и нимало ихъ не утомляютъ; небольшое число тѣхъ, которыя непосредственно держатся за точку опоры и несутъ на себѣ тяжесть всѣхъ прочихъ, остаются въ такомъ напряженномъ состояніи по нѣскольку часовъ, и потомъ съ прежнею бодростью принимаются за работу.

Если бы за потерю любимаго существа не слѣдовало сожалѣніе, это показывало бы, что природа противорѣчитъ собственнымъ законамъ, чего она никогда не дѣлаетъ и не въ состояніи сдѣлать. Поклоненіе пчелъ безжизненнымъ остаткамъ своей матки иногда бываетъ весьма трогательно. По словамъ Гюбера, часто случается, что жительницы улья оставляютъ плодородную царицу, и тѣснятъ вокругъ изсохшаго трупа давно умершей ея предмѣстницы. Докторъ Ивенсъ приводитъ еще болѣе замѣчательныхъ примѣровъ общественной горести: царица опустѣвшаго улья лежала на медовомъ соту со всѣми признаками близкой смерти; подлѣ нея было шесть пчелъ, которыхъ головы были обращены къ больной и крылья находились въ безпрерывномъ движеніи; другія, въ большемъ числѣ, образовали окрестъ ихъ кругъ, стоя головами къ отверстію улья и высунувъ жала, какъ-будто онѣ приготовлялись отразить нападеніе. Имъ дали меду; пчелы, которыя находились вдали отъ царицы, тотчасъ воспользовались предложенною трапезою, но тѣлохранители отказались: они были слишкомъ озабочены. На слѣдующій день царица умерла; стража не оставила своего мѣста, и хозяинъ тщетно снабжалъ этотъ улей медомъ: число его жителей уменьшалось ежедневно; на четвертый день онъ былъ уже пустъ: всѣ пчелы погибли.

Но способность чувствовать сильную привязанность не есть единственное качество ичель: имъ можно дать нѣкоторое воспитаніе. Послѣ долговременныхъ

опытовъ и рѣдкаго постоянства, Вильдманъ дошелъ до того, что могъ по произволу управлять ульемъ : повелѣнія его исполнялись пчелами съ чудесною точностью. Онъ бралъ въ руки улей, переворачивалъ его, слегка стучалъ по дну и по сторонамъ, — и царица являлась на этотъ зовъ. Искусный естествоиспытатель тотчасъ узнавалъ ее и бралъ осторожно въ руки, стараясь не дѣлать ей вреда. Попавшись въ неволю, она не дѣлала ни какихъ покушеній улетѣть или ужалить; Вильдманъ заставлялъ ее пересбегать съ одной руки на другую, и наконецъ ставилъ на мѣсто улей, въ которомъ царствовалъ величайшій безпорядокъ, потому что пчелы летали взадъ и впередъ безъ всякой цѣли и опредѣленнаго направленія. Въ такомъ состояніи, онъ находились совершенно во власти того, кто поймалъ ихъ матку : куда бы онъ ее ни помещалъ, лишь-только ее замѣчали пчелы, вѣсть объ этомъ открытіи тотчасъ распространялась, и всѣ онъ къ ней слетались. Онъ сажалъ ее себѣ на голову, и народонаселеніе улья образовало ему родъ шапки; когда она была на его подбородкѣ, у него въ нѣсколько минутъ составлялась плотная борода, которая упала на грудь. Если при томъ случались зрители, онъ просилъ ихъ назначить мѣсто, гдѣ имъ угодно чтобы собралась крылатая толпа. Подражая сначала волшебникамъ, Вильдманъ произносилъ кабаллистическія слова, и наконецъ объяснялъ тайну своего всемогущества надъ существами, по-видимому такъ мало способными понимать мысль человѣка и съ нею сообразоваться. Описывая свои долгіе и отважные опыты надъ покорностью пчелъ, онъ совѣтуетъ читателямъ не приступать слишкомъ рано, и безъ большихъ предосторожностей, къ доставленію себѣ и другимъ такого рода удовольствій. Онъ напоминаетъ краткое и благородное оправданіе Фурія Крезина, земледѣльца столь же трудолюбиваго сколько смѣтливаго, кото-

рый был обвиненъ передъ Римскимъ народомъ въ колдовствъ за то, что его жатва была всегда богаче чьимъ у его сосѣдей: тотъ явился къ судьямъ съ плугомъ, двумя статными и хорошо откормленными волами, и дочерью дородною крестьянкою самаго цвѣтущаго здоровья. «Римляне, сказалъ онъ, вотъ въ чемъ состоитъ мое колдовство; не отъ меня зависитъ показать вамъ такимъ же образомъ мои долговременные труды, бдѣнія и заботы». — Англичане, говорилъ Вильдманъ, вотъ мои орудія; въ этомъ состоитъ тайна моего волшебства; прибавьте сюда, что мнѣ невозможно представить вашимъ глазамъ моихъ опытовъ, моихъ часто бесплодныхъ изслѣдованій и долговременныхъ наблюденій.

Но скромный Вильдманъ не говоритъ о томъ, что, для того чтобы подобные опыты были увѣнчаны успѣхомъ, не достаточно одного терпѣнія и отваги. Естественный испытатель, который не получилъ въ удѣлъ необыкновенной проницательности, искусства и наблюдательнаго ума, а этого не даетъ и самая опытность, потеряетъ время и труды; даже природныя качества и счастливыя способности ученаго не принесутъ, быть можетъ, пользы, если ему не помогутъ благопріятныя обстоятельства, которыхъ могущественное вліяніе въ состояніи отворать препятствія и приготовить средства для успѣшнаго хода дѣла. Здѣсь кстати будетъ привести слѣдующій анекдотъ, заимствованный изъ прекраснаго сочиненія доктора Бивена.

«Вообще думаютъ, что пчелы не трогаютъ тѣхъ, кто приближается къ нимъ безъ боязни: я узналъ по опыту, что это мнѣніе есть древнее заблужденіе, и могу привести, въ доказательство истины моихъ словъ, свидѣтельство Г. Гофера, статскаго совѣтника великаго герцогства Баденскаго. Этотъ помощникъ, владѣлецъ прекраснаго пчельника и большой почитатель

нравовъ и промышленности пчелинаго общества, захотѣлъ сдѣлаться соперникомъ Вильдмана и получить возможность похищать царицъ изъ среды ихъ подданныхъ. Сначала ему удалось по желанію; одна матка попалась въ его руки, и крылатый народъ поступилъ въ этомъ случаѣ такъ же какъ во время опытовъ Вильдмана. Къ несчастію, Г. Гоферъ занемогъ сильною горячкою, и нѣсколько времени не выходилъ изъ своей комнаты. Лишь-только его силы позволили ему выйти на воздухъ, онъ поспѣшилъ посѣтить своихъ пчелъ, взявъ улей, и, переверотивъ его съ полною увѣренностію, что онъ не подвергается ни какой опасности, сдѣлалъ сигналъ по которому должна была явиться царица: она не вышла, а неосторожный посѣтитель былъ принятъ какъ врагъ, и весь изжаленъ. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ безнаказанно подходить къ пчельнику. Такая необыкновенная переменна не можетъ быть слѣдствіемъ своенравія или прихоти, потому что она была продолжительна.

Къ этимъ доказательствамъ тонкости чувствъ, которою одарены пчелы, прибавимъ замѣчательный примѣръ ихъ смѣтливости: мы возьмемъ его изъ наблюдений Гюбера. Онъ однажды заперъ подъ стеклянный колоколь двѣнадцать пчелъ, того рода, надъ которымъ, въ то время дѣлалъ опыты, и положилъ къ нимъ десятокъ шелковистыхъ куколовъ заключенныхъ въ соту. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ не давалъ имъ ни какой пищи кромѣ цвѣточной пыли, pollen, безъ всякой примѣси воску, сколько возможно было ея собрать. Ячейки, въ которыхъ находились личинки, были очень неравны между собою, и по-видимому сильно тревожили пчелъ своею непрочностію; имъ надлежало также согрѣть личинокъ посредствомъ насиживанія, расположиться на соту и оставаться на немъ до тѣхъ поръ, пока не кончится желаемое превращеніе: состояніе сотовъ не позволяло имъ этого сдѣ-

лать; его должно было чѣмъ-нибудь подпереть. Но гдѣ взять матеріаловъ? Вотъ хитрое средство, которое онъ придумали. Двѣ или три пчелы уцѣплялись за сотъ своими ножками, опустивъ голову внизъ; подползли подъ него, не перемѣняя положенія, и потомъ приподняли его своими длинными лапками: такимъ образомъ, онъ служили подпорами зданію, которое нагрѣвали ихъ подруги. Такъ какъ положеніе пчелъ, исправлявшихъ должность каріатидъ, было неловко и утомительно, ихъ отъ времени до времени смѣняли другія: царица надзирала завѣсъ и хранила порядокъ. Показавъ многимъ особамъ это явленіе, столь достойное размышленій философа, Губеръ предложилъ своимъ uczniамъ медовые соты съ воскомъ: онъ тотчасъ принялся за постройку подпорокъ изъ воску, и очень скоро ихъ сдѣлали. Но этотъ воскъ былъ слишкомъ сухъ и не могъ служить матеріаломъ для прочнаго зданія; ломкіе столбы обрушились, и бѣдныя но мужественныя насѣкомья взяли опять за прежнее средство. Наконецъ наблюдатель, тронутый ихъ постоянствомъ, самъ укрѣпилъ сотъ на столѣ. Самые искусные наши архитекторы, быть-можетъ, не сумѣли бы, подобно этимъ пчеламъ, выйти изъ столь затруднительнаго положенія, съ такими малыми средствами.

Скажемъ еще нѣсколько словъ, о томъ какъ пчелы собираютъ цвѣточную пыль, которою онъ кормятъ личинокъ.

Всякой можетъ замѣтить суетливостъ и озабоченный видъ пчелы, собирающей съ цвѣтка плодотворную пыль, изъ которой она образуетъ два шарика, прилепленные къ ея ножкамъ такъ ловко, что они вовсе не стѣсняють ея движеній. Если погода очень сухая, частицы этого вещества не пристають одна къ другой, и пчела не можетъ слѣпить ихъ вмѣстѣ; въ такомъ случаѣ она покрываетъ ими свое тѣло, и возвращается въ

улей вся съ пыли, такъ, что ее можно принять за насъкомое другаго рода. Достигнувъ жилища, прилѣжная работница отряхаетъ съ себя драгоцѣнную пыль или предоставляетъ снять ее своимъ подругамъ. Реомюръ и нѣсколько другихъ наблюдателей говорятъ, что пчелы предпочитаютъ утро для собиранія своей жатвы, вѣроятно, по той причинѣ, что влажность, которую принимаетъ въ себя, ночью, цвѣточная пыль, даетъ насъкому возможность дѣлать шарики и удобнѣе переносить въ улей свою добычу. «Случается, говоритъ Реомюръ, что онѣ предупреждаютъ зарю; я заставлялъ ихъ за работою, въ такое время, когда темнота едва позволяла мнѣ ихъ видѣть: во время лѣтнихъ жаровъ онѣ обыкновенно продолжаютъ свои занятія до десяти часовъ; но, въ апрѣль и въ маѣ, или когда рой переселился въ новый улей, цѣлый день посвященъ трудамъ. Для бѣльшей выгоды и удобства, пчелы избираютъ влажныя и тѣнистыя мѣста, и часто залѣтаютъ очень далеко отъ прежнихъ своихъ жилищъ.

Когда работница возвращается въ улей, пчелы-кормилицы берутъ часть принесенной пыли, и, какъ кажется, ѣдятъ ее съ жадностью: это ничто иное какъ приготовленіе, безъ котораго личинки не могли бы переварить назначаемой имъ пищи. Остатокъ запаса складывается въ магазинъ для будущихъ нуждъ. Вотъ какъ происходитъ это хозяйственное дѣло: пчела прилѣтѣвшая съ добычею, ищетъ для нея приличной ячейки; когда выборъ сдѣланъ, она машетъ крыльями для увѣдомленія своихъ подругъ, которыя понимаютъ сигналъ и немедленно являються. Тогда нагруженная пчела кладетъ свои среднія и заднія лапки на край ячейки, отвязываетъ передними ногами шарики, и бросаетъ ихъ въ назначенную для того чашечку, и потомъ улетаетъ снова за добычею. Мѣспльщица входитъ въ чашечку, слегка смачиваетъ медомъ находя-

щееся тамъ вещество, переносить его на мѣсто, и въ заключеніе своего труда покрываетъ его тонкимъ слоемъ лаку.

Поэты, слишкомъ рѣдко заботясь объ изученіи природы, искажаютъ ее невѣрными картинами и отрицаютъ у нея болѣе красоту, нежели сколько могутъ ей сообщить своимъ воображеніемъ: они говорятъ, что пчела пролетаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, и обвиняютъ ее въ непостоянствѣ. Это совершенная клевета: теперь дознано, что пчелы собираютъ пыль съ цвѣтовъ одного рода, до тѣхъ поръ пока находятъ ихъ въ достаточномъ количествѣ. Кажется, что имъ было бы трудно мѣшать надлежащимъ образомъ пыль различныхъ родовъ.

Техническая часть пчеловодства, столь важная для сельскихъ хозяевъ, была бы не любопытна для большей части читателей. Тѣ, которые имѣютъ и любятъ пчель, или по-крайней-мѣрѣ любятъ доходы отъ нихъ, найдутъ въ сочиненіи Г. Витвицкаго важныя наставленія и весьма полезныя совѣты.

Но, похваляя содержаніе книги Г. Витвицкаго, мы должны изъявить сожалѣніе, что такой увлекательный и почти романической предмѣтъ, какова естественная исторія пчель, не изложенъ въ ней лучшимъ слогомъ и болѣе Русскимъ языкомъ.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЬТОШКА.

ДЕКАБРЬ, 1838.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

Земная ночь. Драма въ пяти актахъ, передѣланная изъ сочиненій Раупаха, В. Семеновымъ. СП.-бургъ, въ тип. III. Отдѣл. Собственной Е. И. В. Канцелярїи, 1835, въ-8., стр. 139.

Г. Раупахъ задалъ себѣ вопросъ: что для чловѣка должно быть священнѣе — отецъ или отечество? — и этою драмою старается разрѣшить его. Не входя въ споры объ удобствахъ великаго способа разрѣшать вопросы романами, сказками и театральными пьесами, можно сказать, что драма «Земная ночь» заслуживаетъ особенное вниманіе въ числѣ плодовъ неистоющаго пера Г. Раупаха. Основная мысль, около которой вращается завязка, взята изъ глубины чловѣческаго сердца и обставлена характерами, нечуждыми высокаго драматизма. Положеніе лицъ способно извлекать чистыя слезы изъ глазъ зрителей. Ринальдо, главное дѣйствующее лице, есть превосходный типъ сценической, хотя не новый, и уже былъ обработываемъ дарованіями, несравненно высшими Раупахова: случай даетъ ему знать, что отецъ его хочетъ быть извинникомъ. Что ему дѣлать? Сердце говоритъ — молчать; обязанность говорить — открыть заговоръ; Ринальдо колеблется, просить совѣта: но какой чловѣческой совѣтъ въ силахъ рѣшить эту ужасную задачу? Ринальдо отдается на произволъ своей совѣсти. Что скажетъ ему совѣсть? — Совѣсть повелѣваетъ прежде всего исполнить долгъ къ отечеству; огромность жертвы дѣлаетъ эту обязанность священнѣе; Ринальдо воображаетъ, что нашелъ истину; и вдругъ, когда уже все кончено, сердце говоритъ ему,

Т. XIV. — Отд. VI.

1

что онъ сдѣлалъ ужаснѣйшее преступленіе. Мы не хотимъ знать, кто этотъ Ринальдо, кто отецъ его, какъ называется ихъ отечество; въ Венеціи ли происходитъ дѣйствіе, во время Фаліеро, Фаледро, или въ другое: видя передъ собою человѣка въ борьбѣ съ двумя могущественнѣйшими чувствами, — долга обществу и долга природѣ, — прощаешь автору всѣ постороннія обстоятельства. Сюжетъ драмы есть одинъ изъ тѣхъ всеобщихъ вопросовъ, которые прилагаются ко всему человѣчеству, съ начала его существованія до послѣдняго дня планеты, съ одного ея конца въ другой, и которыми исключительно должна бы заниматься драма. Переименуйте всѣ имена лицъ, всѣ названія мѣстности, и интересъ останется тотъ же, потому что дѣло идетъ здѣсь не о частномъ историческомъ событіи, не объ драматизированномъ анекдотѣ, который для правдоподобія и убѣжденія требуетъ обстановки вѣрными обстоятельствами лицъ, характеровъ, нравовъ, мѣста, эпохи: это вопросъ отвлеченный и философическій; это вопросъ, котораго общественный человѣкъ никогда не разрѣшитъ, между-тѣмъ какъ онъ всегда будетъ его жертвою. Послѣ этого весьма понятно, почему авторъ назвалъ свою драму «Земною ночью», и что такое онъ хотѣлъ сказать этими двумя словами. Онъ очевидно оставялъ матеріальное событіе всторонѣ, и желалъ выразить эту ужасную борьбу сердца и обязанности, природы и закона нашей политической философіи, это неизяснимое положеніе человѣка, оставленнаго на произволъ противорѣчій своей совѣсти. Земная ночь — земной мракъ — въ душѣ, въ сердцѣ, въ разумѣ; ни одного луча небеснаго свѣта; человѣкъ — одинъ, кругомъ него земля со всеми своими требованіями. Постигнувъ мысль автора, выраженную въ заглавіи, вы должны смотрѣть на ходъ драмы совсѣмъ съ другой стороны, — со стороны отвлеченной идеи, а не историческаго факта. Сравненіе между способами, которые, для драматическаго выраженія этой идеи, употреблены авторомъ и его передѣльвателемъ, увлекло бы насъ въ подробности мелочной и бесполезной критики, и подобный разборъ, быть-можетъ, превзошелъ бы своей обширностью эстетическую важность самого сочиненія: довольно сказать, что итогъ достоинствъ, въ общей сложности, выходитъ въ пользу передѣлки. Г. Семеновъ

передалъ предметъ пьесы Раупаха прекрасными стихами. Въ оправданіе этой похвалы, выпишемъ слѣдующій отрывокъ.

Клара — невѣста Ринальдо; Контарини, отецъ ея, участвуетъ также въ заговорѣ. Заговоръ открытъ. Контарини сильно встревоженъ; передъ нимъ на колынахъ Клара.

Контарини.

«Какъ! въ сердцѣ ты любовь къ тому таишь,
Кто твоего отца на плаху продалъ;
Кто палачу понесъ его главу;
Кто въ судьи мнѣ враговъ моихъ поставилъ!
Объ немъ мечтать, объ немъ вздыхать ты смѣешь?
Къ нему питать преступную любовь?...
Нѣтъ! Нѣтъ! Кровь чуждая въ тебѣ течеть!
Кровь беззаконія!.... Нето давно бы
Въ груди твоей ее оледѣнилъ
Свирѣпый голосъ мщенія и злобы.

Клара.

Родитель, вѣрь!.... я не люблю его!
Я не хочу его любить!.... Онъ самъ
Природы всѣ расторгъ святыя узы.
Какъ духъ гробовъ онъ хладенъ для любви!
Отрава мнѣ — дыханіе его!
Клянусь тебѣ, что если хоть однажды
Глаза мои узрять его, — пусть вѣкъ
Мнѣ красное не свѣтитъ солнце болѣ!
Когда хоть разъ, хотя въ мечтѣ одной,
Его увижу образъ ненавистный, —
Пусть сонъ навѣкъ отъ глазъ моихъ бѣжить!

Контарини.

Ты мыслишь, — я словамъ твоимъ повѣрю!
Когда бъ мнѣ солнце не свѣтитъ клялось;
Когда бы бури стихнуть навсегда
Мнѣ обшались; еслибъ даже море
Дало мнѣ клятву не вздымать валовъ,
Я клятвъ ихъ еще бы могъ предаться;
Но двѣ пылкой, слабой и влюбленной
Безумецъ лишь одинъ повѣрить можетъ!

КЛАРА.

Не врешь ты? веди жь меня скорый
 Ко гробу матери!.... Надь милымъ прахомъ,
 Въ святилищѣ, обману недоступномъ,
 На прахъ вѣчности я дать готова
 Ужасную, неслышанную клятву;
 Надь знаменемъ священнымъ искупленья,
 Надь тѣломъ и надь кровію Господней,
 Въ бореньѣ жизни съ смертью, я готова
 Любви къ тебѣ принести послѣдню жертву,
 Отдать тебѣ все счастье мое,
 И повторить безтрепетно ту клятву!....

КОНТАРИИ.

Когда глава моя падеть на плаху,
 То съ ней и клятвы всѣ развѣтъ встрѣ!
 Кто мертвъ — не встанетъ болѣ, а живые
 И чувствуютъ и думаютъ живое.
 Мы всѣ рабы мгновенья и случая;
 И долготу и мѣру назначаютъ
 По прихоти они всѣмъ чувствамъ нашимъ;
 Но власти ихъ предѣлъ есть вѣрный, — смерть.
 Твоя же злоба пусть живетъ за гробомъ!
 Пусть въ вѣчности проклятемъ тяготѣтъ
 Надь ненавистною его главой!

КЛАРА.

Ты жизнь мнѣ далъ, родитель!.... Ты же былъ
 Виножникъ юности моей счастливой!
 Твоя любовь въ земной юдоли плача
 Мнѣ небо создало. О! Ради Бога!...
 Не отравляй ты самъ даровъ своихъ!
 Мнѣ душень свѣтъ, мнѣ жизнь могильный холодъ!
 Одѣты мракомъ небо и земля,
 И нѣтъ отраднаго луча надежды!....
 Возьми назадъ, возьми свой даръ, родитель!....
 Я дань твою на казнь благословляю.
 Оставь лишь душу мнѣ одну — даръ Божій;
 Пускай она въ певинной чистотѣ
 Къ началу вѣчному отыдетъ съ миромъ!

КОНТАРИИ.

Нѣтъ! жить должна для ненависти ты!
 Отрада мнѣ — одно лишь это мщенье!

Твое проклятіе его слѣдить
 Какъ привидѣнье въ день и въ ночь должно,
 Пока ему скорбь не изроетъ гроба.
 Кляни жъ его, спасти коль хочешь душу!
 Кляни скорвй! ужъ точить ножъ палачъ!

К л а р а .

Родитель! вѣтъ!.... уста мои безсильны!....
 Мнѣ матери завѣтъ претитъ проклятыя!....
 Молю тебя!.... Пусть вѣчный Судія
 Несчастнаго въ своей осудитъ правдѣ!

К о н т а р и н и .

Такъ будь же ты прокля....

К л а р а (*обнимая его колѣна.*)

Постой, жестокій!....

Я покорюсь твоей ужасной волѣ.
 Еще одна мольба! Внуши устамъ
 Слова, что грудь въ себя вмѣстить не можетъ.
 Замолкни сердце!.... Охладите чувства!....
 Пусть жизнь во мнѣ къ страданіямъ замреть!

К о н т а р и н и .

Да будетъ проклять въ вѣчность онъ! Да будутъ
 Всѣ прокляты намъ ревня его!
 И все, что мило для его души,
 Пускай съ нимъ адскія расторгнуть силы!
 Да будетъ въ зной лишень прохлады онъ,
 И въ холодъ крова, и въ болѣзнь покоя,
 И въ жажду питія, и пищи въ голодъ!
 Пусть онъ змию найдетъ на ловъ друга!
 Пусть самая молитва для него
 Не въ утѣшеніе, а въ кару будетъ!
 Пускай отъ горести, какъ тѣнь изсохнувъ,
 Своимъ убійцею онъ станетъ самъ!
 Пусть трупъ его земля не приметъ въ ядра!
 И прахъ его въ гробу не сыщеть мира!....
 Пусть отъ живыхъ проклятемъ отженясь
 Онъ заживо добычей ада станетъ!

К л а р а .

Остановись! У ногъ твоихъ, родитель,
 Молю пощады!.... Вспомни судъ небесъ!

КОНТАРИНИ (съ большимъ жаромъ).

Ты медлишь? А межъ-тѣмъ часы летать.
Такъ адское сама прими проклятье!

КЛАРА.

Да будетъ проклять въ вѣчность онъ! Да будутъ
Прокляты всѣ намрѣнья его!
И все, что мило для его души,
Съ нимъ адскія пускай расторгнуть силы!
(падаетъ безъ чувствъ.)

Князь Скопинъ - Шуйскій, или Россія въ началѣ
XVII столѣтія. Сочиненіе О. Ш. Сп.-бургъ, въ тип.
Медицинскаго Департаментѣ, 1835, въ-8. Четыре ча-
сти, стр. 344 - 347 - 297 - 389.

Любовь къ отечеству, которою проникнуть этотъ романъ,
даетъ ему право на вниманіе Русскихъ и одно изъ почетнѣй-
шихъ мѣстъ въ избранной библиотекѣ всякаго, кому дорого
отечество и отечественное. Но сверхъ-того сочинитель или
сочинительница умѣли обставить его многими сценами и де-
корациями, которыя обнаруживаютъ въ немъ познанія сѣрдца
человѣческаго и стариннаго Русскаго быта. Мы считаемъ дол-
гомъ сказать, что эпизодъ, который подъ названіемъ «Чернецъ
Уаръ» былъ напечатанъ въ прошломъ году въ Б. для Ч., за-
тѣмъ въ самомъ сочиненіи мѣстами несравненно высшаго до-
стоинства: если бы выборъ намъ былъ предоставленъ, мы от-
дали бь десяти другимъ главамъ преимущество перваго зна-
комства съ публикою передъ этимъ эпизодомъ. Разговорный
языкъ простолюдиновъ выдержанъ съ истинною оригиналь-
ностью: мы не слыхали его почти со временъ Юрія Мило-
славскаго. Неожиданная эта встрѣча дотога насъ обрадова-
ла, что, предоставляя самому читателю отыскивать другія
занимательныя сцены, которыхъ много въ «Князь Скопинъ-
Шуйскомъ», выписываемъ здѣсь одну, доставившую намъ,
по своей оригинальности, особенное удовольствіе.

Князя Шуйскіе, отправленные Самозванцемъ въ заточе-
ніе, должны протѣзжать черезъ Спасское Село. Священникъ
ожидаетъ ихъ къ обѣднѣ, попадвъ на завтракъ. Наконецъ

они прѣхали и отправились въ церковь; попадья въ избѣ хлопочеть о завтракъ.

— После обѣдни ударили въ колоколъ къ молебну.

— Ахти! вскричала попадья, сама стряпавшая съ работницами: пирога-то у насъ не поспѣеть! Это все злодѣй Филька; велѣно принести рыбу живую, онъ и притащи ея къ самой обѣднѣ! Ну, что, дѣвки, станешь теперь дѣлать?

— Не кручинься, Марья Васильевна, я сбѣгаю въ церковь, сказала старшая работница: авось молебень-то съ акаеистомъ; ты только поворачивай пирога, какъ разъ испечется.

— Прежде, нежели работница отошла отъ печи, вошла запыхавшись дьячиха.

— Ну, сватья, сказала она: счастлива ты, что не была въ церкви: надрогло бы сердечушко!

— Ой ты, все съ худыми вѣстями! Скажи: ка лучше, какой молебень поють? У меня свое горе; посадили пирога, да того и смотри, что сырой подадимъ. А рыба-то, рыба! такъ изъ леща жиръ и течеть!

— Хоть другой сажай; послѣ молебна велѣно и панихиду пѣть. Пословица-то вишь про всѣхъ годна: «громъ не грянетъ, дуракъ не перекрестится!»

— Эй, Агаѣя, чтобы тебя громомъ не оглушило! Ну такъ ли говорить о князьяхъ и боярахъ?

— А что, Марья Васильевна, много ли доселѣ князь Василій Ивановичъ и его братцы молились о сродникахъ? Словно они и забыли о жалостной ковчинѣ ихъ! Не я одна, и старики наши дивились этому: давно всѣ толковали, что оно не пройдетъ даромъ! Вотъ какъ нагрянула бѣда, и стали поминать невинныхъ мучениковъ.

— Въ добрый часъ, слава Богу; теперь у меня все поспѣеть. Аяютка, тебѣ нечего дѣлать; стелн-ка новую брань; да принеси вересу, послѣ покурить. Боярыня-то прихотлива: хоть одинъ пирожокъ побывалъ въ печи, а заболить головушка. — Ну, что же сватья? продолжала попадья, садясь на лавку: какихъ диковинъ ты наглядѣлась?

— Страшно и подумать, Марья Васильевна; а ужъ сказать-то не знаю какъ, отвѣчала дьячиха, посмотрѣвъ на работницъ.

— Э, матка! не одна ты была въ церкви; чай, теперь ребятнишки толкують обо всемъ, что тамъ приключилось.

— Слава Богу, что приставовъ-то не было, а то, Марья Васильевна, дьяконъ не снесилъ бы своей головушки. Да и отцу Николаю не уйти бы отъ бѣды!

— Пустое мелешь, съ досадою перервала попадья. Отцу Николаю нечего приставовъ бояться; и я дура, что слушаю твои враки. Бѣда! Страшно! А вымолвить нечего!

— Коли такъ , пускай же всѣ знаютъ , что дьяконъ помянулъ царемъ Василія Ивановича !

— Что ты, matka ! вскричала попадья. Неужто онъ до-свѣту пятакъ напился ? Кажись, за нимъ этого не водилось. Ахъ, онъ супостать, всѣхъ насъ погубить !

— И погубилъ бы, Марья Васильевна, да милостивъ Богъ ! Приставы зазвѣвались на улицѣ.

— Да полно же мнѣ сидѣть положе руки, сказала попадья : какъ взойдутъ вдругъ бояре, хоть за печь забейся ; страшно будетъ показаться.

«И вставъ, она начала шарить на полкѣ противъ печи.

— Бѣда моя, вскричала она : не могу найти ключа отъ коробки. Куда это я сунула его второпяхъ ?

— А это какой ключъ виситъ у тебя на поясѣ, Марья Васильевна ? сказала работница, подавъ ей посмотреть пирогъ , который совсѣмъ поспѣлъ и подрумянился.

— Ну, дѣвка, пирогъ-то у насъ знатный : хоть бы владыкѣ можно было покушать. Да и ключа мнѣ не искать ; быть тебѣ, Аксюшка, къ Спасову дню съ обновой.

«Присѣвъ на полъ , попадья обтерла подоломъ пыль съ лавки, потомъ выдвинула изъ подъ нея высокую осиновую коробку, отперла ее и сняла сложенную ряда въ три холстину, которою все было старательно прикрыто; положила на лавку нѣсколько выбойчатыхъ и стамедныхъ лоскутьевъ, три бумажные платка, китайчатый голубой сарафанъ съ мѣдными пуговицами, и другой кумачный на подкладкѣ, обшитый кругомъ шелковыми лентами. Между - тѣмъ какъ дьячиха смотрѣла на все это завистливыми глазами, попадья, продолжала выбирать изъ коробки разныя вещи, и вынула лежавшую въ самомъ низу шелковую ферезь, со всѣмъ приборомъ, запернутую въ подержанную скатерть.

— Аксюшка, сказала попадья, сложи - ка опять все въ коробку ; хоть уже не такъ, какъ у меня было, только скорѣе убери, чтобы по лавкамъ ни что не валялось. А мнѣ пора совсѣмъ снарядиться : того и смотри, что пожалуютъ гости. Вотъ и къ панихидѣ ударили !

«Засучивъ рукава, попадья затворила плотнѣе двери въ сѣни, и надъ стоящею близъ нихъ большою кадкою умылась изъ висшаго кувшина ; послѣ чего, она опять воротилась въ коморку, въ которой производилась стряпня, и черезъ нѣсколько минутъ вышла изъ нея, совершенно преобразившись !»

Но вотъ сцена, истинно - драматическая. Марина Мишехъ пріѣхала въ Тушинскій станъ ; ее приводятъ въ палатку Самозванца; она еще не видала его. Марина одна.

«Прямо против нея, изъ-за обложеннаго золотыми кружевами алаго бархата, показалась большая смуглая рука; потомъ и голова, обросшая черными, курчавыми волосами. Холодный потъ выступилъ на лицѣ Марины, но она не оробѣла, и поспѣшно вставъ, хотѣла увѣриться въ истиннѣ непостижимаго явленія.

— Мнѣ надо видѣться съ Царемъ, сказала она, съ величественнымъ видомъ, вошедшему челоуѣку: когда ты у него въ услуженіи, доложи.....

— Развѣ тебѣ неизвѣстно, прервалъ незнакомецъ, устремивъ на Марину до глубины сердца проникающій взоръ: что ежели кто на одно мгновеніе осмѣлится для потѣхи надѣть царскую одежду, тотъ жизнью заплатитъ за такую дерзость. Передъ тобою «Димитрій, Царь и Государь всея Россіи, повелитель многихъ княжествъ, Богомъ избранный и дарованный, Богомъ хранимый и чтимый»!

Марина помертвѣла.

— Прочь! закричала она, оттолкнувъ Самозванца, хотѣвшаго обвинять ее, и почти безъ дыханія упала на софу, на которой за нѣсколько минутъ сладостно поклонилась.

«Горячіе взоры преслѣдовали ее издалека, и сердце ея билось, готовое разлетѣться на части. Она все предвидѣла, приготовилась ко всему, кромѣ того, что съ нею происходило.

— Московскій Государь не ожидалъ такого приѣма отъ вдовы Отрепьева, съ насмѣшливымъ видомъ сказалъ Самозванецъ, подошедъ ближе.

— Мовша! вскричала Марина, зарыхаясь отъ отчаянія и гнѣва: какъ ты смѣлъ покуситься на такое дѣло? Какъ ты не подумалъ, что я могу узнать тебя, обличить.....

«Лжедимитрій захохоталъ; дикій смѣхъ его поразилъ Марину какъ отголосокъ страшной бури, какъ послѣднее хрипящее умирающаго.

— Такъ ты ждала здѣсь сына Іоаннова! сказалъ онъ: но почему могла бы ты узнать его? Ты никогда его не видала. Тебѣ давно извѣстно, что разстрига обманулъ тебя: ты ему верила, будто онъ Царевичъ, спасенный отъ убійцъ; повѣрь же мнѣ, что онъ владѣлъ моимъ наслѣдіемъ, что я истинный Димитрій.

— Развѣ я тебя не знаю съ малыхъ лѣтъ? Не ты ли кормился милостынею въ домъ отца моего, не тебя ли мой зять....

— Коли тебѣ дорога жизнь, съ бѣшенствомъ прервалъ Самозванецъ, не поминай прошедшаго даже въ глубинѣ души твоей! Такъ; ты, видала меня сиротою, мучимаго сильными, обруганнаго низшими, но мои чувства, мои дарованія были недоступны твоему понятію. Я любилъ тебя страстно съ перваго свиданія! Я рожденъ владѣть престоломъ.

«Марина хотѣла бѣжать: желѣзная рука притиснула ее къ стѣнѣ, обитой дорогимъ бархатомъ. Она звала на помощь отца, но ослабѣла-

шій голосъ едва простоналъ въ стувившемся отъ благовонныхъ куреній воздухѣ.

— Марина Отрепьева, береги себя! сказалъ свирѣпымъ голосомъ Самозванецъ. Меня ты не можешь погубить. Единоземцы твои, Ляхи, бывший твой король, Московскіе бояре и самъ отецъ твой, никогда не сомнѣвались, что Царевичъ Димитрій убить въ Угличѣ.....»

Окончаніе этой сцены должно читать въ самой книгѣ. Единственный упрекъ, который мы позволимъ себѣ сдѣлать роману, — относится къ излишеству дѣйствующихъ лицъ, отъ чего, въ толпѣ характеровъ, часто обрисованныхъ съ большимъ талантомъ, самый характеръ Скопина-Шуйскаго едва замѣтенъ. Но это не уменьшаетъ занимательности разсказа. Чистая нравственность водила перомъ автора и теплый патріотизмъ одушевлялъ его при проведеніи каждой черты повѣсти, которая оставляетъ въ умѣ читателя весьма пріятное впечатлѣніе.

Путешественникъ, повѣсть, переведенная съ Китайскаго языка *З. Леонтьевскимъ. Сп. — бурж., въ тип. департамента Внѣшней Торговли, 1835, въ — 8., стр. 168.

Эта повѣсть, твореніе Китайскаго Бальзака, переведенная на Маньджурскій языкъ еще въ 1710 году, слѣдственно очень старая повѣсть, всегда нова за Великою Стѣною и составляетъ доселѣ любимое чтеніе Китайцевъ и Маньджуровъ. Она весьма пріятно заняла насъ своей оригинальностью. Выписывать ея содержаніе — значило бы лишать читателей удовольствія узнать его при чтеніи самой книги. Подобные переводы соединяютъ въ себѣ два преимущества, которыхъ мудрый не презираетъ, — удовольствіе, приносимое затѣйливымъ вымысломъ и картину нравовъ и понятій отдаленнаго народа, картину гораздо вѣрнѣйшую всѣхъ описаній, которыми дарятъ насъ путешественники и наблюдатели. Мы сожалѣемъ только, что искусный переводчикъ подмѣняетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ живописную фразеологію подлинника совершенно Русскими выраженіями, что уничтожаетъ «физиогномію Китайской бесѣды, столько же любопытную для Европейца какъ и самыя нравы жителей «поднебесной» имперіи. Нельзя ли давать намъ побольше Китайскихъ повѣстей и романовъ, которые право

лучше Французскихъ? Мы ласкаемъ себя надеждой, что Г. Леонтьевскій откликнется на вызовъ, который, по прочтеніи его «Путешественника» повторять за нами всѣ читательницы.

Авторскій вечеръ: *Странный случай съ моимъ дядею. СПб.-бургъ, въ тип. департамента Вѣдшей Торговли, 1835, въ-12., стр. 174.*

Какихъ въ свѣтъ книжекъ нѣтъ! Есть напримѣръ «Авторскій вечеръ», въ которомъ неизвѣстный авторъ рвется на полторы сотни страницъ сказать что-то остроумное, и ровно ничего не говоритъ. Долгъ вѣрнаго летописца однако жъ повелѣваетъ намъ доложить, что неизвѣстный авторъ, кажется, хотѣлъ посредствомъ своей книжки объяснить свѣгу самымъ скучнымъ образомъ различіе между глаголами *показать* и *выказать*. Предметъ сочиненія — придирки къ нѣсколькимъ выраженіямъ нѣсколькихъ непоименованныхъ писателей, которыхъ авторъ очевидно не понимаетъ. Бываютъ странныя усердія! Кто-то хлопочетъ въ этой книжкѣ о правильности Русскаго языка, нарушая самъ правила его грамматики. У него всѣ *нелпыости* мужскаго рода; всѣ «кстати» превратились въ *кстать*; онъ пишетъ въ *май* мѣсяцъ; ему неизвѣстно даже то, что союзу *хотя* соответствуетъ *однако жъ*, а не *но*.

Чтенія о новѣйшей изящной словесности. *Сочиненіе Д. О. Л. Б. Вольфа, профессора Иенскаго университета. Переводъ съ Нѣмецкаго. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 474 и IV.*

Вотъ прекрасная и любопытная книга! Мы уже неоднократно пользовались ею для статей этого журнала, и съ удовольствіемъ сдѣлаемъ изъ нея еще одно извлеченіе, по случаю обновленія ея Русскимъ переводомъ, который показался намъ очень хорошимъ. Читайте «Чтенія» Вольфа о новѣйшей изящной Словесности: это богатый архивъ самыхъ пріятныхъ свѣдѣній и предметовъ для бесѣды людей образованныхъ.

Библиотека романовъ и историческихъ записокъ, издаваемая книгопродавцемъ Ф. Ротганомъ, на 1835 годъ.

СП.-бургъ, въ тип. Н. Греча, 1835, въ-12, Томы двадцатый и двадцать первый, стр. 205 и 214.

Слава, приобретенная этимъ незабвеннымъ изданіемъ, такъ велика, что она освобождаетъ насъ отъ обязанности упоминать объ немъ впередъ. Мы прощаемся здѣсь навсегда съ «Библіотекою Романовъ», сожальтя только объ одномъ, — что не можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ заключить въ свои объятія и оросить прощальными слезами послѣднихъ ея «большихъ» томовъ, потому что они, видно, еще не вышли, — хотя и обѣщали, злодѣи, выйти всѣ въ теченіе прошедшаго года, въ числѣ отъ двадцати четырехъ до тридцати! Вѣрьте же слову большихъ томовъ!

1. Любовь художника, драма въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ Нѣмецкаго. К. Р. *СП.-бургъ, въ тип. Ш. О. К. Внутренней Стражи, 1835, въ-12., стр. 36.*

2. Барскія причуды, или Картина Лифляндскаго воспитанія, комедія въ одномъ дѣйствіи. *СП.-бургъ, въ тип. Ш. О. К. Внутренней Стражи, 1835, въ-12., стр. 48.*

Объ эти брошюрки — произведеніе одной и той же особы, и посвящаются на вспоможеніе разнымъ бѣднымъ семействамъ, нуждающихся въ пропитаніи. Такая цѣль въ состояніи сообщить богатыя красоты самому бѣдному сочиненію.

Предметъ драмы или, какъ пишеть заглавіе, драммы, — мы полагаемъ, что въ такомъ случаѣ ужъ гораздо лучше писать драммы, — взять изъ жизни знаменитаго Гвидо Реня. Гвидо влюбленъ въ одну прекрасную дѣвушку; отецъ дѣвушки, Марчелли, страстный живописецъ, объявилъ, что выдастъ свою дочь только за художника, котораго произведеніе одержитъ первенство передъ другими. Гвидо получаетъ первенство и вмѣстѣ съ тѣмъ жену.

Содержаніе комедіи «Барскія причуды» еще простѣе. Госпожа Добросердова, мать огромнаго семейства, сидитъ за столомъ и шьетъ платье; за тѣмъ же столомъ сидятъ ея дѣти, всѣ за рукодѣльемъ. Приходитъ молочница и рассказываетъ, что дочь ея воспитывалась въ пансіонѣ, «баитъ по-Хранцузки» и проматываетъ послѣднія деньги. — Къ чему же вы-

полняешь ты ея глупыя прихоти? — «То-то и есть, моя-матушка, что глупо я сдѣлала! отказать бы, да и только. Вѣдь вконецъ меня разорила, окаянная, да и другимъ — то вздурила головы. Ономясь сосѣдки Сидоровны дочка, Дуня, пристала къ матеря, словно банный листъ, купи дискать и мнѣ такую шляпку: чѣмъ я хуже Ивановниной Маланьи? Мать, было, не хотѣла, да та ну плакать да плакать: что ты будешь дѣлать! Бѣдная старуха и купила ей шляпку. Полюбовалась дѣвка у зеркальца, и пошла на балконъ показаться въ новой шляпкѣ. Не прислонись, мое дитятко! кричала ей вслѣдъ Васильевна: перильцы-то вишь худы; того и гляди, что сломаются, и ты ушибеешься, мое красное солнышко! Не успѣла она и договорить, какъ дѣвка, словно снопъ, слетѣла всѣмъ тѣломъ мужику на голову.... Ай да шляпка! закричалъ народъ, захохотавъ, что есть моченьки. Дѣвка-то не ушиблась, а испужалась, да сханхузилась отъ насмѣшекъ; а что всего хуже, такъ на бѣду и шляпку измяла.» Кормилица уходитъ; приходитъ Г-жа Вѣтродумова и просить, чтобы достали ей подъ залогъ шаля семь сотъ рублей: госпожѣ Вѣтродумовой хочется быть на балѣ. Добросердова читаетъ ей нравоученіе; Вѣтродумова на то говорить: — «Вотъ жѣщанскія пѣсни! Я не пришла слушать ваши проповѣди!», и, хлопнувъ дверью, также уходитъ. Приходитъ «дѣвушка въ рубищѣ» и просить милостыни. Ей подають милостыню; дѣвушка въ рубищѣ уходитъ. Приходитъ господинъ Добросердовъ, начинаетъ играть съ дѣтьми въ жмурки и потомъ читаетъ имъ стихи:

«Суетенъ будешь,
Ты, человекъ,
Если забудешь
Краткій свой вѣкъ!
Время проходить,
Время летить,
Время проводить
Все, что ни льститъ!
Счастье, забава,
Свѣтлость коронъ,
Пышность и слава, —
Все только сонъ!....»

За этимъ слѣдуетъ опять нравоученіе, и конецъ.

1. Волшебникъ Гролино, или Торжество братской любви Линдора и Алины. Дѣтская повѣсть, съ механическими, подвижными картинками, представляющими разныя волшебныя превращенія, производимыя благотельною волшебницею Ниреею, М. Брестъ. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-8., стр. 135.

2. Забавная игрушка для малютокъ, составляющая полезную и пріятную Восточную сказочку въ двенадцати механическихъ картинкахъ, изображающихъ приключенія брата и сестры Линдора и Алины, дѣтей государя Кашемирскаго. Составлена по Французскому оригиналу. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-8., стр. 12.

3. ДѢТСКІЙ КАРАМЪЗНЪ, или Русская Исторія въ картинкахъ, издаваемая Андреемъ Прево, комиссіонеромъ Общества Поощренія Художниковъ. СП.-бургъ, въ тип. Гинце, 1835, въ большую 8.

4. ДѢТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ, или Сокращеніе всѣхъ наукъ. Съ гравированными картинками. Москва, въ тип. Семена, 1835, въ-8. Девять частей, стр. 51-82-72-93-79-67-39-54-53.

5. ДѢТСКІЙ ТЕАТРЪ. Сочиненіе В. Федорова. Изданіе второе, дополненное тридцатью пьесами. СП.-бургъ, въ тип. Крайя, издѣвіемъ купца Никифора Патрова, 1835, въ-16. Четыре части, стр. 386-244-222-189.

6. БИБЛИОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ СВѢДѢНІЙ О РОССІИ. СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1836, въ-12. Часть первая, стр. ХІІ и 216, съ картинкою.

Цѣлая груда дѣтскихъ книгъ! Станемте разсматривать ихъ по порядку, чтобъ которой-нибудь не пропустить, и, чего добраго, самой знаменитой. Ежели неравно мы проглядимъ какую-нибудь книгу, покорнѣе просимъ предостеречь насъ вовремя.

«Волшебникъ Гролино», и «Забавная игрушка для малютокъ» — одно и то же: первая пространнѣе, послѣдняя короче, но въ послѣдней примѣчательнѣе заглавіе. Одинъ перевелъ съ Французскаго сказку, другой перевелъ однѣ картинки и приложилъ къ картинкамъ свое сокращенное

описание. Изъ этого вышли двѣ книжонки, — одна тоненькая, другая еще тоньше, которыя однако жъ не обнаруживаютъ тонкости вкуса ни въ переводчикахъ, ни въ издателяхъ, ни въ рисовальщикахъ.

«Дѣтскаго Карамзина» можно рекомендовать всѣмъ отцамъ семействъ, какъ пріятный и полезный подарокъ для дѣтей: онъ заключается въ довольно хорошо литографированныхъ картинкахъ, на которыхъ изображены главнѣйшія событія нашей исторіи; къ картинкамъ приложено краткое и хорошее описание фактовъ, почерпнутое въ исторіи Карамзина. Это собраніе историческихъ литографій будетъ, повидному, выходить въ продолженіе цѣлаго года. Въ трехъ вышедшихъ тетрадяхъ помѣщено пятнадцать картинокъ: онѣ обнимаютъ періодъ времени съ кончины Гостомысла до убіенія Ярополка, включительно. Вообще изданіе опрятно и красиво. Сочиненіе рисунковъ принадлежитъ Г. Чорикову, а выполненіе ихъ на камнѣ Г. Щедровскому: малолѣтныя любители художествъ будутъ восхищены тѣмъ и другимъ, и мы не станемъ смущать ихъ невинной радости нашими замѣчаніями. Можно однако жъ упрекнуть издателя въ выборѣ сюжетовъ: больше половины картинокъ представляютъ или какое-нибудь убійство, или чью-нибудь кончину. Древняя наша исторія, какъ всѣ древнія исторіи, конечно изобилуетъ сценами убійствъ и раздоровъ; со всѣмъ тѣмъ можно найти въ ней и черты истиннаго геройства, и черты непоколебимой твердости, и даже великодушія, а такія черты всегда поучительнѣе кровопролитій и жестокостей.

«Дѣтская Энциклопедія» — въ девяти частяхъ: это было бы ужасно, если бъ издатель не придумалъ средства облегчить тяжесть частей дотого, что онѣ вошли всѣ въ два тома. Сочинитель, который повидному любитъ энциклопедическихъ дѣтей, — мы ихъ не любимъ, — сокращаетъ для нихъ всѣ науки. Сперва Мнѳологію. «Мнѳологія, говоритъ онъ, есть не иное что, какъ *связь* басенъ, которымъ древніе вѣрили какъ истинамъ религіи, но которыя служатъ нынѣ къ *украшенію поэзіи* и доставляютъ предметы живописцамъ и скульпторамъ; *сіе-то* самое заставляетъ всякаго, кто желаетъ научиться, стараться познать ее.» Не угодно ли знать, что сочинитель говорить о *слогѣ*? «Подъ словомъ *слогъ*, или *стиль*,

разумется способъ изложенія мыслей на письмѣ. Есть два способа изложенія, — языкъ разговорный и языкъ письменный. Наука разговорнаго языка состоитъ въ выборѣ словъ, въ произношеніи оныхъ, въ жестахъ и въ тонѣ. Наука письменнаго языка состоитъ въ правильномъ начертаніи знаковъ или буквъ, что называется письмомъ, въ правописаніи и въ разстановкѣ знаковъ препинанія». Слогъ есть способъ изложенія мыслей на письмѣ? Энциклопедія имѣетъ очень ясное понятіе о слогѣ! Что если дѣти повѣрятъ всемъ ея опредѣленіямъ? Но такъ какъ «Дѣтская Энциклопедія» напечатана въ два столбца, по-Французски и по-Русски, то дѣти, которыя понимаютъ Французскій языкъ и не станутъ читать Русскаго перевода, могутъ употреблять ее съ нѣкоторою пользою.

«Библіотека полезныхъ свѣдѣній о Россіи» состоитъ изъ отрывочныхъ статей объ исторіи, древностяхъ, этнографіи и достопамятностяхъ государства. Это простая компиляція безъ всякой системы. Незвѣстный ея сочинитель беретъ живьемъ или передѣлываетъ на новый ладъ страницы Карамзина, Бергманна, Левшина, Голикова, Фукса, Сѣвернаго Архива, и прочая, и прочая. Здѣсь есть осада Троицкаго Монастыря и Камчадалы, пребываніе Петра I въ Саардамъ и Туакская пещера въ Крыму, Соловецкій Монастырь и Суворовъ, Киргизы и старинные Петербургскіе дворцы. И, что примѣчательно, все это предназначено для наставленія «молодыхъ людей отъ пятнадцати до шестнадцати лѣтъ». Въ старые годы, то есть, до вымысленія юной исторической школы, — когда намъ бывало лѣтъ пятнадцать, мы уже вторично перечитывали всего Ричардсона, всего Фиббона, всего Голикова: теперь въ этомъ возрастѣ молодые люди должны еще пріобрѣтать «полезныя свѣдѣнія» безсвязными отрывками. Свѣтъ очевидно подвинулся впередъ! Мы не отвергаемъ удобства подобныхъ компиляцій и желаемъ даже, чтобы сочинитель «Библіотеки полезныхъ свѣдѣній о Россіи» продолжалъ это собраніе, или этотъ наборъ, пріятныхъ и разнообразныхъ статей, но совѣтовали бы ему ограничить кругъ пользы, предполагаемой отъ подобной книги, предѣлами десяти и одиннадцати-лѣтняго возраста. Это совершенно дѣтская книга, и какъ дѣтская, она очень

хороша. Напротивъ того, какъ чтеніе для юношей старшаго возраста, таже самая книга заслуживала бы строгое оужденіе. «Молодые люди» лѣтъ пятнадцати и шестнадцати оканчиваютъ курсъ въ гимназій, а многіе изъ нихъ слушаютъ и университетскія чтенія; они уже читали всего Карамзина, Бергманна и Фукса, а если не читали, такъ должны читать, — и учить ихъ Русской исторіи и статистикѣ отрывочками отнюдь не значить быть имъ полезными: подобное чтеніе причинило бы существенный вредъ ихъ образованію, освобождая ихъ отъ систематическаго изученія отечественныхъ предметовъ и замѣняя легко пріобрѣтаемыми свѣдѣніями правильное познаніе, основанное на трудолюбіи.

Книга для постепенныхъ переводовъ съ Русскаго языка на Нѣмецкій, составленная Егоромъ Гугелемъ, инспекторомъ классовъ Императорскаго Воспитательнаго Дома въ Гатчинѣ. Изданіе второе, исправленное и во многомъ дополненное. Сп.-бургъ, 1835, въ-8., стр. 214.

Это пособіе къ изученію Нѣмецкаго языка пользуется общимъ одобреніемъ и преподавателей и тѣхъ, которые по немъ учились. Второе изданіе «Книги для постепенныхъ переводовъ съ Русскаго языка на Нѣмецкій», которую авторъ значительно усовершенствовалъ, есть новая услуга, оказанная публикѣ Гг. Занкиными.

Сочиненія Карамзина. Изданіе третье. Сп.-бургъ, въ тип. Смирдина, 1835, въ-12. Тридцать томовъ.

Мы уже сказали въ предъидущей книжкѣ о выходѣ этого прекраснаго и чрезвычайно дешеваго изданія всѣхъ сочиненій величайшаго изъ нашихъ писателей. Читатели знаютъ наше мнѣніе о Карамзинѣ: мы не скрываемъ его недостатковъ и какъ изящнаго писателя, и какъ историка, но говоримъ, и готовы доказывать при всякомъ случаѣ, что поносители его дарованія, которыхъ, къ сожалѣнію, у насъ развелось въ послѣднее время довольно много, не понимаютъ и не въ состояніи понимать его: Карамзинъ есть писатель, которымъ должна гордиться Русская литература. Заслуги его чрезвычайны, и далеко превосходятъ его недостатки. Тотъ не знаетъ первой страницы Русской литературы, кто не читалъ

всего Карамзина. Мы никого не убеждаемъ подражать ему, ни въ слогѣ, ни въ теоріяхъ, но насъ возмущаетъ умышленная несправедливость, которая вздумала отказывать въ должномъ удивленіи его великимъ способностямъ и достоинствамъ.

Энциклопедическій лексиконъ. *СП.-бургъ, въ тш. Плюшара, 1835, въ - 8. Томы III и IV, стр. 550 и 420.*

Вотъ и два послѣдніе тома прошлогодней подписки. Третій томъ «Энциклопедическаго Лексикона» вышелъ въ половинѣ декабря, а четвертый въ послѣднихъ числахъ мѣсяца. Мы съ удовольствіемъ видимъ, что предсказанія наши сбываются: въ самомъ дѣлѣ, каждый новый томъ Лексикона значительно лучше предъидущаго; формы статей становятся болѣе приспособленными къ ихъ назначенію, сотрудники и редакція пріобрѣтаютъ нужную опытность въ дѣлѣ и применяютъ ее къ существенной пользѣ изданія. Мы настаивали и настаиваемъ на необходимости пріятнаго и изящнаго оженія статей: книга, писанная преимущественно для свѣтскихъ людей, должна говорить ихъ языкомъ, — языкомъ свѣтскимъ, прозрачнымъ, легкимъ, который, подъ искуснымъ перомъ, отнюдь не исключаетъ точности. Но должно отдать справедливость и въ этомъ отношеніи: слогъ статей «Энциклопедическаго Лексикона» очевидно совершенствуется въ-стѣ съ ихъ формою, и въ третьемъ томѣ мы примѣтили уже значительное эстетическое улучшеніе противъ перваго, хотя нѣкоторые изъ сотрудниковъ еще упорствуютъ въ *бумажной* фразеологіи, отвергаемой нынче хорошимъ вкусомъ. Но время подѣйствуетъ и на литературныхъ старообрадцевъ: Русь скоро образуется!

Въ третьемъ томѣ мы нашли столько хорошихъ, даже отличныхъ статей, что если бѣ онъ не заключалъ въ себѣ болѣе ничего, кромѣ сочиненій, на которыя сейчасъ укажемъ, и тогда уже это была бы превосходная книга, которую надобно непременно имѣть въ своей библіотекѣ. Само собою разумѣется, что мы обращаемъ преимущественное вниманіе на большія статьи. Архангельскъ и его губернія, Астрахань и его губернія, подали поводъ къ ряду весьма подробныхъ статей, которыя заслуживаютъ особенную похвалу между

статьями о Россіи: это почти трактаты. По части Географіи и Исторія третій томъ заключаетъ въ себѣ истинныя сокровища, тѣмъ болѣе драгоценныя для читателей «Энциклопедическаго Лексикона», что этого они не найдутъ ни въ одной Русской книгѣ, а въ другихъ языкахъ такіа свѣдѣнія скрываются въ сочиненіяхъ, доступныхъ только ученымъ по ремеслу. Къ этому разряду принадлежатъ въ особенности статьи — Арсакиды, Ассасины, Афганистанъ, Атабеки, Африка, Арменія, Атласъ, Ассирія, Ашантин и прочія. Это превращеніе свѣдѣній, которыя во всѣхъ литературахъ составляютъ еще достойніе избранныхъ, въ популярныя и ходячія, придаетъ Русскому конверсационскаму лексикону особенное достоинство и отличительный характеръ. По части точныхъ Наукъ и Художествъ мы читали прекрасныя статьи — Арифметика, Архитектура вообще и Корабельная Архитектура, Артезианскіе колодцы, Атмосфера, Астрономія, Археологія, Морская Артиллерія и многія другія. Нельзя однако жъ не замѣтить, что часть точныхъ Наукъ требуетъ еще существенныхъ улучшеній относительно слога и образа изложенія, именно, болѣе пріятной легкости въ словъ и болѣе простонародности въ формѣ. Мы слышимъ особенный упрекъ статьямъ по части Химіи, которая, будучи объясняема популярно, доставила бы сочиненію рядъ самыхъ занимательныхъ и любопытныхъ статей, — скажемъ даже, самыхъ полезныхъ въ обществѣ, потому что Химія проникаетъ нынѣ почти во всю отрасль домашнаго быта. Ученый ихъ авторъ совершенно забываетъ цѣль «Энциклопедическаго Лексикона». Для кого, напримѣръ, написалъ онъ статью «Ацеталь», испещренную аптечными формулами, техническими сокращеніями, титлами и химическими іероглифами? Для химика — она недостаточна: притомъ химикъ не пойдетъ въ «Энциклопедическій Лексиконъ» искать, что такое ацеталь; онъ его знаетъ, и у него есть Берзеліусъ, есть цѣлая химическая библіотека. Для свѣтскаго читателя? Что же свѣтскій читатель пойметъ въ этой статьѣ? Ничего! Къ счастью, химическихъ статей очень мало въ буквѣ А, которая оканчивается въ третьемъ томѣ, и мы надѣемся, что ихъ сочинитель, и всѣ тѣ, которые не хотятъ разстаться съ привычками записной учености даже въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», книгъ по существу своему

популярной, послушаются нашего совета. Ясность и удобопонятность — вотъ два слова, которыми Лексиконъ взялъ себя лозунгомъ. Вообще, *вся* сокращенія должны быть изъ него изгнаны: настоящій литераторъ пишетъ всегда полное слово, изъ уваженія къ читателю, котораго онъ можетъ затруднить своимъ сокращеніемъ, и къ самому себѣ, потому что всякое сокращеніе въ печати указываетъ на лѣнь въ авторѣ.

На четвертый томъ мы едва успѣли взглянуть и прочитали не болѣе четверти: здѣсь въ самомъ началѣ нашли мы превосходную статью «Бабериды», въ которой вся исторія Бабера и Великихъ Монголовъ изложена подробно и лучше нежели въ какой-либо всеобщей исторіи, — изъ числа намъ извѣстныхъ; далѣе, прекрасныя статьи — Бабочка, Баговуъ, Ваграціонъ, Баварія, Баденъ; далѣе отличную статью Г. Устрялова о Байеръ; любопытную статью о Банягъ и особенно замѣчательную по изложенію статью о Байронъ; Байкаль и Бальтійское Море описаны какъ-нибудь и желать лучше; далѣе Далѣе мы еще не читали, но вообще четвертый томъ нравится намъ еще болѣе третьяго. Въ заключеніе, мы утверждаемъ, что «Энциклопедическій Лексиконъ» есть превосходная книга, несмотря на свои мелкія неисправности, и *дѣлаетъ честь Россіи 1835 года*. Постепенное улучшеніе томовъ служить намъ порукою, что въ 1836 году онъ пріобрѣтетъ новую степень, согласнаго съ своей цѣлю, совершенства.

Очерки Константинополя. *Сочиненіе Константина Базили. Сп.-бургъ, въ тип. Греча, 1835, въ-8. Дѣль части, стр. XV и 276 — 285.*

Мы говорили довольно подробно, въ предшествующей книжкѣ Б. для Ч., о томъ, что должно думать о такъ называемыхъ путешествіяхъ и путешественникахъ по Оттоманскому Востоку, и это уже освобождало бы насъ отъ всѣхъ общихъ замѣчаній по случаю книги, которой только-что выписали здѣсь заглавіе. Но Г. Базили, сверхъ-того, какъ-бы угадывая нашу взыскательность, поддѣлъ насъ весьма искусно: онъ отказалъ своему сочиненію въ названія «путешествія,» и явился на сцену съ карандашемъ рисовальщика видовъ, а не съ перомъ судьи предмета, который,

книг мы сказали, требуетъ чрезвычайно разнообразныхъ познаній, долгаго наблюденія и особенной способности къ изисканіямъ. Мы несказанно благодарны Г-ну Базиліи за то, что онъ далъ своему произведенію скромный титулъ «Очерковъ», и еще очерковъ одного города Константинополя: по крайней мѣрѣ это позволяетъ намъ читать его книгу съ такою же легкою небрежностью, съ какой она написана. Какъ очерки, какъ скинцы, набросанные бѣгло и рѣзко, она весьма пріятна и любопытна, и мы еще мало читали на Русскомъ языкѣ «Очерковъ», написанныхъ такъ мило. Г. Базиліи имѣть способность переносить читателя на самое мѣсто. Наблюденіе его не глубоко, — не глубже того, какое обыкновенно выходитъ, когда наблюдать огромную имперію съ палубы военнаго фрегата; но рассказъ его живъ, выкидывая легкою рукою, и иногда облекается въ формы весьма поэтическія; притомъ онъ еще разнообразенъ, и вниманіе читателя не утомляется ни на минуту. Авторъ ведетъ насъ отъ предмета къ предмету съ искусствомъ настоящаго чтеца, говоритъ басенки, рассказываетъ анекдоты, сплетни, повѣсти и между-тѣмъ показываетъ тюрьмы, рынки, Турчанокъ, Босфоръ, Румили-Гусари, Хосревъ-пашу и самаго султана; сцены изъ кровавой драмы уничтоженія янычаръ, сцены жизни Махмуда, гаремныя затѣи, судьбу Греческихъ пльницъ и табачную промышленность. Взявшись за книгу, вы не выпустите ее изъ рукъ, пока не дочитаете до конца, — что въ нынѣшнемъ вѣкѣ очень рѣдко случается съ книгами.

Г. Базиліи провелъ въ Константинополь все свое дѣтство, и потомъ посѣщалъ его нѣсколько разъ въ зрѣломъ возрастѣ: многіе готовы принять это обстоятельство за непреложныя права автора на довѣренность читателя; для насъ оно объясняетъ только то, откуда происходитъ въ разныхъ мѣстахъ его «Очерковъ» примѣтный отблескъ Франко-Греческихъ новурій о Турецкомъ обществѣ, образъ мыслей Оттомановъ и нѣкоторыхъ статей ихъ религіи. Но этого рода неискренности и ошибочныя понятія, отъ которыхъ авторъ не совсѣмъ освободился, слишкомъ немногочисленны въ сравненіи съ массою новыхъ и любопытныхъ подробностей. «Въ моихъ очеркахъ», говоритъ Г. Базиліи, я соединилъ сохра-

*

ленные мною воспоминанія о Константинополѣ, дополнилъ ихъ свѣжими разсказами, собранными мною на-мѣстѣ, о недавнихъ важныхъ происшествіяхъ этой столицы и постарался изложить въ нѣсколькихъ картинахъ дѣла султана преобразователя, его удивительную судьбу и состояніе его столицы въ послѣднюю эпоху моего пребыванія въ ней». И «разсказы, собранныя на-мѣстѣ» объ этихъ происшествіяхъ, составляютъ, по нашему мнѣнію, самую любопытную часть его сочиненія, которой занимательность еще усиливается подробностями о жизни и характерѣ многихъ лицъ, играющихъ теперь важныя роли въ столицѣ Оттоманской имперіи. Что касается до «воспоминаній, сохраненныхъ» авторомъ, то между ними большая часть кажется намъ воспоминаніями изъ книгъ, читанныхъ нарочно для этого сочиненія.

Мы, вѣроятно еще возвратимся, при случаѣ, къ живописнымъ «Очеркамъ» Г. Базили, который, должно отдать справедливость, сдѣлалъ удивительные успѣхи въ языкѣ и слогѣ со времени перваго своего сочиненія, хотя нельзя еще сказать, чтобы въ нихъ не примѣчались кой-гдѣ неровности и замашки дурнаго вкуса.

Исторія крестовыхъ походовъ. Сочиненіе Г. Мишо, члена Академіи Французской. Съ планомъ Константинополя и географическою картою Даміетты, перевелъ съ Французскаго Иванъ Бутовскій. Часть третья, содержащая въ себѣ повѣствованіе о четвертомъ, пятомъ и шестомъ крестовыхъ походахъ. СП-бургъ, въ тип. Военной, 1835, въ-8., стр. VIII и 708.

Всѣ Русскіе читатели порадуются вмѣстѣ съ нами, вида въ летописи за прошлый мѣсяць столько хорошихъ, даже важныхъ сочиненій, приготовленныхъ для публики трудолюбіемъ нашихъ литераторовъ. Принужденные обозрѣвать двѣнадцать мѣсяцевъ сряду эту противно-словесную литературу, въ которой наибольшая часть новостей носить на себѣ печать самаго грубаго издѣлія и только изрѣдка попадаются книги, достойныя прочтенія, мы болѣе чѣмъ кто-либо чувствуемъ цѣну удовольствія оцутиться вдругъ въ кругу нѣсколькихъ книгъ занимательныхъ, ученыхъ и умныхъ. Мы желали бы

даже принять это за признак счастливой перемены въ направлѣніи литературныхъ трудовъ въ нашемъ отечествѣ, за доказательство рѣшительнаго стремленія къ предметамъ серьезнымъ, къ значительнымъ и важнымъ предпріятіямъ на пользу образованности, за событіе, которымъ знаменуется конецъ пустымъ упражненіямъ въ переводахъ и передѣлкахъ уродливыхъ плодовъ «юной словесности», мерзкой и безтолковой. Появленіе третьяго тома «Исторіи крестовыхъ походовъ» въ Русскомъ переводѣ, котораго двѣ первыя части вышли за двѣнадцать лѣтъ, кажется намъ очень хорошимъ предзнаменованіемъ, въ соединеніи съ выходомъ въ то же время другихъ значительныхъ и полезныхъ трудовъ. Г. Бутовскій извѣщаетъ въ предисловіи, что и остальные два тома этого прекраснаго творенія уже переведены и поступили въ типографію. Мы увѣрены, что трудъ его заслужить полную признательность публики, которая нынче оказываетъ явное предпочтеніе основательнымъ книгамъ, особенно, когда онѣ такъ превосходно написаны, какъ «Исторія крестовыхъ походовъ» Г-на Мишо, и такъ хорошо переведены, какъ этотъ третій томъ.

1. ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ СВѢТА, содержащее (въ себѣ) извлеченіе изъ путешествій извѣстнѣйшихъ донинѣ мореплавателей, какъ-то: Магелана, Тасмана, Дампіера, Ансона, Байрона, Валлиса, Картерета, Бугенвилля, Кука, Лаперуза, Блеля, Антрекасто, Вильсона, Бодена, Флиндерса, Крузенштерна, Портера, Коцебу, Фрейсине, Беллингсгаузена, Галля, Дюперре, Цальдинга, Бичи, Литке, Диллона, Лапласа, Морелля и многихъ другихъ, составленное Дюмонъ-Дюрвиллемъ, капитаномъ Французскаго королевскаго флота, съ присовокупленіемъ картъ, плановъ, портретовъ и изображеній важнѣйшихъ предметовъ въ природѣ и общежитіи во всѣхъ частяхъ свѣта, по рисункамъ Сенсона, который сопровождалъ Дюрвилля въ путешествіи его вокругъ свѣта. Москва, въ тип. Семена, 1835, въ-8. Часть первая, стр. IX, 394 и IX.

2. ВИДЫ, ПОРТРЕТЫ И ИЗОБРАЖЕНІЯ замѣчательнѣйшихъ предметовъ, и проч. Отдѣленіе первое. Рисунки къ

перво́му тому *Всеобщаго Путешествія*. Москва, 1835, св-4; листовъ, гравированныхъ на мѣди, 24.

Вотъ еще книга, чрезвычайно любопытная и очень хорошо избранная для перевода на Русскій языкъ, въ которой она принесетъ много удовольствія и пользы читающей публикѣ. Подобное этому сочиненію аббата Деламорта, переведенное подъ заглавіемъ «Всемирнаго путешествователя», имѣло у насъ три изданія и было читано всѣми. Но со времени выхода «Всемирнаго путешествователя» наши географическія познанія сдѣлали значительные успѣхи; мало извѣстныя тогда земли были изслѣдованы во всѣхъ отношеніяхъ, понятія о происхожденіи народовъ измѣнились, религій и летописи племенъ были разсмотрѣны учеными, даже самый языкъ получил новыя, болѣе изящныя формы. Надобность обновить эту книгу, сдѣлавшуюся необходимою для читающаго класса, была ощутительна. Въ Москвѣ и въ Петербургѣ искали замѣнить ее сочиненіемъ, болѣе полнымъ, болѣе соответствующимъ нынѣшнему состоянію науки, и въ одно время, здѣсь и тамъ, выборъ палъ на «Живописное путешествіе вокругъ свѣта», Voyage pittoresque autour du Monde; которое капитанъ Дюрвилль издалъ недавно въ Парижѣ. Г. Дюрвилль самъ путешествовалъ вокругъ свѣта, и болѣе чѣмъ кто-либо былъ способенъ, при своихъ познаніяхъ и литературномъ талантѣ, составить изъ всѣхъ извѣстнѣйшихъ путешествій и собственныхъ наблюденій одно систематическое путешествіе, которое представляло бы полную картину земель и народовъ и сводъ того, что объ нихъ извѣстно въ наше время. Сочиненіе его, съ самыхъ первыхъ выпусковъ, было принято во Франціи съ живѣйшимъ участіемъ и мгновенно нашло себѣ тысячи подписчиковъ. Чувствуя всю пользу, всю занимательность такого путешествія для нашей публики, Н. А. Полевой занялся тотчасъ въ Москвѣ переводомъ труда Г. Дюрвилля, и мы уже имѣемъ передъ собою первую часть этого важнаго сочиненія, гладко переданную по-Русски, напечатанную очень красиво и обогащенную особой тетрадю гравюръ. Такихъ частей будетъ шесть, и при каждой части — по двойной такой тетради рисунковъ, изъ чего составитъ богатый живописный атласъ. Всѣ шесть частей выйдутъ къ маю мѣсяцу.

И въ то же самое время, Г. Плюшаръ, объявилъ въ Петербургъ подписку на другой переводъ Дюрвилледа сочиненія, предпринятый здѣшними литераторами независимо отъ перваго, и сдѣлалъ приготовленія къ красивому его изданію, съ такимъ же атласомъ рисунковъ. Мы читаемъ въ программѣ, что этотъ переводъ будетъ выходить, подъ именемъ «Путешествія вокругъ свѣта», въ продолженіе двухъ лѣтъ ежемѣсячными тетрадами, которыя составятъ, всѣ вмѣстѣ, четыре тома. Такимъ образомъ случай даритъ насъ разомъ двумя изданіями одной и той же книги: они могли бѣ мѣшать другъ другу въ успѣхъ, если бѣ ея содержаніе не было такъ любопытно и нужда въ ней не была такъ ощутительна. Превосходныхъ сочиненій никогда не можетъ быть слишкомъ много. Мы увѣрены, что оба изданія найдутъ для себя въ Россіи достаточное число столь же ревностныхъ какъ и просвѣщенныхъ читателей, и что ни одинъ изъ двухъ издателей не скажетъ, что у насъ не для кого переводить хорошія книги. Русской публикѣ предсталъ первый случай — избирать, для своего покровительства, одного изъ двухъ ревнителей къ ея пользамъ и удовольствію; но она не затруднится, какъ поступить въ этомъ дѣлѣ: Русская публика поступитъ, какъ Русскій баринъ, котораго самолюбіе тронули со стороны великодушія, — купить оба перевода, сколько бы они ни стоили, и дѣло кончено. Нѣтъ сомнѣнія, что изданіе Г. Полеваго, которое будетъ готово все къ маю мѣсяцу, разоидетъ прежде, чѣмъ кончатся послѣднія тетради перевода издаваемаго Г. Плюшаромъ, и что, когда придетъ очередь этого, явятся новые читатели, которые мигомъ разберутъ все изданіе. Мы говоримъ это не въ утѣшеніе издателямъ, которые случайно сошлись на одномъ предпріятіи и могутъ опасаться оба вредныхъ послѣдствій нечаяннаго соперничества, но по искреннему убѣжденію, что въ Русскомъ умѣннн оцѣнить хорошее, въ Русской любви къ просвѣщенію и готовности покровительствовать своимъ участіемъ всему полезному, есть довольно мѣста для нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ такой книги какъ это прекрасное путешествіе, особенно когда вспомнишь, что «Истинный способъ быть счастливымъ и богатымъ» нашелъ для себя у насъ читателей

на три изданія а «Исторія о грабронъ рыцаръ Французъ Венціанъ» на цѣля девять.»

1. ПЛАВАНІЕ ПО БѢЛОМУ МОРЮ и Соловецкій Монастырь. Сочиненіе Я. Озерецковаго. СП.-бургъ, въ тип. Греча. 1835, въ-12., стр. 54.

2. Письмо о Богослуженіи Восточной Церкви. СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Соборной Е. И. В. Канцеляріи, 1835, въ-8., стр. 86.

Двѣ очень любопытныя брошюры: мы прочитали ихъ съ удовольствіемъ, и увѣрены, что многіе раздѣлятъ его съ нами.

Историческое обозрѣніе нравовъ и обычаевъ еслѣ народовъ, содержащее (вѣроятно, въ себѣ) сравнительное описаніе обыкновений, обрядовъ, жилищъ, пищи, одежды, свадебъ, похоронъ, игръ, празднествъ, войнъ, суеврій, кастъ, и прочая, у древнихъ и новѣйшихъ народовъ различныхъ странъ, предшествуемое аналитическимъ оглавленіемъ сочиненіе; Г. Б. Делпинга. Перевелъ съ Французскаго, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, Ю. Джульани, сотрудникъ по Энциклопедическому Лексикону. СП.-бургъ, въ тип. департамента Внѣшней Торговли, 1836, въ-12., стр. VI и 242.

Книга Г. Делпинга весьма занимательна и заслуживае быть переведенною нѣсколько лучше. Переводчикъ очевидно не владеетъ Русскимъ языкомъ: почти невозможно писать по-Русски болѣе неприятнымъ, болѣе канцелярскимъ и дисгармоническимъ образомъ. И, несмотря на все это, книга Г. Делпинга весьма занимательна.

1. КАРМАННАЯ книжка для сельскихъ хозяевъ, содержащая въ себѣ полное собраніе главнѣйшихъ правилъ сельскаго хозяйства и разныхъ системъ раздѣленія полей, со всеми исчисленіями, касающимися до полевыхъ работъ, удобренія полей, содержанія домашняго скота, опредѣленія посѣва и урожаевъ полевыхъ произведеній, и т. д.;

предыдущая из агрономическаго сочиненія Г. Шна и приложенная къ Россійскому полководству, Н. Пейкеромъ. Сп.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1835, въ-16, стр. XVI и 136.

2. ОСНОВАНІЯ ЛѢСОВОДСТВА. Сочиненіе Гейнриха Котты, королевско-Саксонскаго совѣтника Лѣснаго Правленія. Съ Нѣмецкаго перевелъ Дмитрій Языковъ. Императорскимъ Высочайше учрежденнаго Общества для Поощренія Лѣснаго Хозяйства. Сп.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1835, въ-8., стр. 428.

3. ПРАКТИЧЕСКОЕ ПЧЕЛОВОДСТВО, или правила для любителей пчелъ, извлеченныя изъ долговременнаго опыта, съ объясненіемъ вновь усовершенствованныхъ ульевъ. Сочиненіе Н. Витвицкаго. Съ двумя изображеніями пчельника и ульевъ, и съ таблицею расходовъ и доходовъ по пчельному хозяйству. Сп.-бургъ, въ тип. Ш. О. К. Внутренней Стражи, 1835, въ-8. Двѣ части, стр. 174 и 239.

«Карманная книжка для сельскихъ хозяевъ», Г. Пейкера, составленная съ тщаніемъ и по образцу, который заслужилъ полное одобреніе Германскихъ хозяевъ, есть весьма пріятное приношеніе практическаго любителя предмета въ пользу Русскихъ помѣщиковъ. Невозможно сочинить меньшей книги, въ которой бы заключалось болѣе полезнаго, поучительнаго и удобнаго къ употребленію. Каждый сельскій хозяинъ, и даже всѣ тѣ, которые управляютъ своими имѣніями издали, сидя въ городѣ, должны бѣ запастись этою прекрасною книжкою.

Двѣ остальные книги также были чрезвычайно нужны въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, и будутъ приняты съ благодарностью, особенно послѣдняя изъ трехъ, которая, несмотря на множество грамматическихъ ошибокъ, исполнена полезныхъ свѣдѣній и совѣтовъ. «Основанія Лѣсоводства» писаны собственно для Германіи и могутъ служить у насъ развѣ только сравнительнымъ руководителемъ: самъ авторъ говоритъ, что его книга есть только одно общее обозрѣніе. «Практическое пчеловодство», напротивъ, обнимая всю эту отрасль сельскаго хозяйства, входитъ въ малѣйшія подробности, рассматриваетъ ихъ съ искусствомъ знатока и наблю-

дателя, разсуждаетъ о дѣлѣ съ полнымъ знаніемъ и занимательностью. Въ сочиненіи Г. Витвидкаго есть много статей, обнаруживающихъ въ авторѣ ученныя занятія по этому предмету; много страницъ, если не совершенно новыхъ, по крайней-мѣрѣ наложенныхъ свѣжо и съ отчетливостью, которая приносить честь сочинителю. Всякій истинный хозяинъ долженъ прочесть эту книгу. Пчелы—предметъ такой любопытный, что мы въ скоромъ времени примемъ ее въ основаніе критическаго обзора, который можетъ сдѣлаться весьма занимательнымъ.

1. Геометрія для свѣтскихъ людей. *Сочиненіе Г. Марешаль-Дюплеси. Переводъ съ Французскаго. СПб.-бургъ, въ тип. Медицинскаго Департамента М. В. Д., 1835, въ-8., стр. 240.*

2. Геометрія для свѣтскихъ людей. *Чертежи. СПб. бургъ, 1835, въ большую 4., стр. 36.*

Есть книги для дѣтскаго возраста, слѣдственно должны быть книги и для свѣтскихъ людей. Дѣти и свѣтскіе люди составляютъ въ обществѣ два важные класса, которые очень похожи другъ на друга и ни сколько не похожи на прочіе: ихъ надобно забавлять, чтобы научить чему-нибудь; каждый урокъ, который вы имъ преподаете, долженъ быть посыпанъ сахаромъ или представленъ въ видѣ миленькой сказки; у нихъ свои манеры, свои обычаи, своя образованность, свои занятія, свои игры, даже свое педантство. Найдены способы объяснять дѣтямъ посредствомъ игрушекъ предметы самые важные, а Г. Борисъ Федоровъ открылъ даже способъ, посредствомъ дѣтскихъ театровъ, производить для отчизны великихъ людей. Что видя, Г. Дюплеси, счелъ нужнымъ, великихъ людей, которыхъ современемъ произведетъ дѣтскій театръ нашего великаго дѣтскаго драматурга, сдѣлать на всякой случай великими математиками. Онъ рѣшился, играя, изложить свѣтскимъ людямъ науку, изученіе которой до сихъ поръ принадлежало совсѣмъ не свѣтскимъ, и написалъ очень хорошую книгу. Честь и слава господиву Дюплеси; честь и слава его переводчику. Рекомендуемъ ихъ книгу всѣмъ порядочнымъ людямъ: она учить легко, просто, понятно; она даже овсѣмъ и не учить, а только открываетъ истины, — въ ма-

тематикъ кромя истины ничего и быть не можетъ, — но истины не вѣдкія, не укорительныя, отъ которыхъ нельзя похвалить при свидѣтеляхъ. Г. Дюпюссенъ самъ — человекъ свѣтскій, и знаетъ какія истины можно говорить въ глаза порядочному человеку. Мы искренно желали бъ предсказать этой книгѣ необыкновенный успѣхъ, и она безсомнѣнія пріобрѣтетъ его. Свѣтскіе люди обожаютъ всякую новость, а Геометрія будетъ удивительная новость въ нашемъ «свѣтѣ». Остается только желать, чтобы явился и грамматика для свѣтскихъ людей, и ариметика для свѣтскихъ людей, и..... Много кой-чего еще остается желать!

Геометрія издана опрятно, и даже красиво, съ прекрасными чертежами. Мы не сказали бы объ этомъ ни слова при ея внутреннемъ достоинствѣ, но надобно сообразоваться также съ ея назначеніемъ. Всякой можетъ взять ее въ руки, безъ перчатокъ. Такимъ образомъ переводчикъ сдѣлалъ истинный подарокъ свѣтскимъ людямъ: не къ новому ли году? Это очень вѣроятно. Тутъ должна скрываться эпитафия. Начинается годъ ученый!

Музеумъ машинъ и изобрѣтеній. *Изданіе Гельфера и комп. Ш.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1835, въ-8., стр. 139, съ 25 таблицами.*

Подъ этимъ заглавіемъ, и съ оберткою на четырехъ языкахъ, вышло описаніе всѣхъ паровыхъ механизмовъ и системы употребленія пара какъ перваго двигателя, отъ ихъ изобрѣтенія до нынѣшняго времени. Издатель, какъ видно изъ той же обертки, имѣетъ въ Петербургѣ фабрику инженерныхъ, хозяйственныхъ и математическихъ машинъ. Сочинителемъ «Музеума» должно, повидимому, признать Г. Жгерскаго, «разныхъ ученыхъ обществъ и иностранныхъ академій действительнаго члена», котораго имя мы нашли на одной страницѣ. Это имя мы, кажется, видѣли за нѣсколько лѣтъ и на одной огромной газетѣ, которая выходила здѣсь, подъ названіемъ «Купецъ», тоже на четырехъ языкахъ. У Г. Жгерскаго, видно, такая привычка, что онъ не въ силахъ писать иначе, какъ на четырехъ языкахъ вдругъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

=

— Важное событіе! А. С. Пушкинъ издалъ новую поэму, — подъ заглавіемъ «Востола, или Желанія сердца, повесть Виланда». Мы еще ея не читали, и даже не могли достать, но, говорятъ, что стихъ ея удивителенъ. Кто не порадуется появленію новой поэмы Пушкина? Истекшій годъ заключился общимъ восклицаніемъ: Пушкинъ воскресъ!

— Общество, составленное изъ графа Толстаго и Гг. Есипова и Языкова предприняло изданіе «Русскихъ классиковъ», которое выходитъ, по принятому теперь въ Парижѣ обычаю, тетрадями. Мы видѣли первую тетрадь этого чрезвычайно красиваго изданія: оно начинается Сатирами Кантемира, и будетъ заключать въ себѣ творенія Ломоносова, Тредіаковского, Сумарокова, Хераскова, Петрова, Богдановича, Хемницера, фонъ-Визина, Кострова, Княжнина, Муравьева, и другихъ. Нельзя не отдать полной справедливости усердію издателей и пользѣ ихъ прекраснаго предпріятія, но позволительно спросить ихъ — давно ли Тредіаковский попалъ въ Русскіе классики?

— «Чухинъ», давно ожидаемый романъ Ф. В. Булгарина, вышелъ въ послѣднихъ числахъ истекшаго года.

— К. П. Массадскій издаетъ свою повѣдку по Россіи. Статья его, помѣщенная въ нынѣшней книжкѣ журнала, заставляетъ думать, что авторъ избралъ для своей книги тотъ самый родъ повѣствованія, веселый, насмѣшливый, остроумный.

=

Я Н В А Р Ъ 1836.

НОВЫЯ КНИГИ

=

Басни Ивана Андреевича Крылова. *СП.-бургъ*, въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, 1835, въ-24, стр. 410 и XI.

Самое крошечное и самое прелестное изданіе неподражаемыхъ произведеній нашего знаменитаго баснописца, украшенное портретомъ автора, превосходно гравированнымъ въ Лондонѣ. Эта милая игрушка доставитъ удовольствіе всѣмъ почитателямъ Крылова, и въ особенности Русскому юношеству. Чрезвычайно умѣренная цѣна есть одно изъ пріятныхъ преимуществъ этого изданія и новый подвигъ А. Ф. Смирдина, котораго усиліямъ мы обязаны такимъ значительнымъ пониженіемъ цѣны на Русскихъ классиковъ.

Вастола, или Желанія. *Повѣсть въ стихахъ*, сочиненіе Виланда. Издалъ А. Пушкинъ. *СП.-бургъ*, въ тип. Д. Внѣшней Торговли, 1836, въ-8., стр. 96.

Пѣвецъ Кавказскаго плѣнника сдѣлалъ въ новый годъ непостоянный подарокъ лучшей своей пріятельницѣ, доброй, честной Русской публикѣ. Та, которая любила его какъ своего первенца, любила такъ искренно, такъ благородно, такъ безкорыстно; та, для чьего сердца имя его было нераздѣльно съ драгоценнѣйшею вещію въ мірѣ, — славою своего отечества, та самая, въ возмездіе за всѣ свои нѣжныя чувства, заслуживающія всякаго уваженія, получила отъ него, при визитномъ билетѣ, «Вастолу», съ двусмысленнымъ заглавіемъ. Первымъ ея движеніемъ было — посмотреть въ календарь, не пришлось ли, въ нынѣшнемъ году, въ новый годъ первое апрѣля. Нѣтъ! первое апрѣля будетъ перваго апрѣля, а теперь начало января, время изліянія дружескихъ чувствованій, время поклоновъ съ почтеніемъ и всякихъ маскарадовъ. Бѣдная Русская публика не знала что дѣлать, — гнѣваться ли за эту мистификацію, или приказать «кланяться и благодарить и въ другой разъ къ себѣ просить»?..... Посланецъ отпущенъ былъ безъ отвѣта.

Т. XIV. — Отд. VI.

Для многих еще не рѣшенъ вопросъ о «Востолѣ». Каждый толкуетъ по своему слово «издать», которое, какъ известно, принимается въ Русскомъ языкѣ также въ значеніи — написалъ и напечаталъ. Одни утверждаютъ, что это дѣйствительно стихи А. С. Пушкина; другіе, что они не его, а онъ только ихъ издалъ. Трудно повѣрить, чтобы Пушкинъ, вслѣдствіе Русской словесности, сдѣлался книгопродавцемъ и «издавалъ» книжки для спекуляцій. Мы сами сначала позволили себя увѣрить, что Александръ Сергѣевичъ играетъ здѣсь только скромную роль издателя, но одинъ почтенный «читатель» убѣдилъ насъ въ противномъ. Зашедши въ первыхъ числахъ января, въ книжный магазинъ С***, чтобы купить себѣ «Востолу», мы застали тамъ одного депутата отъ публики, одного читателя, который пришелъ туда съ той же цѣлю. Онъ держалъ въ одной рукѣ «Востолу» и пробѣгалъ ее глазами по неразрѣзаннымъ листамъ, а въ другой, протянутой къ прикащику магазина, красную ассигнацію. Совѣстливый книгопродавецъ, прежде чѣмъ взять деньги, спрашивалъ читателя, знаетъ ли онъ, что такое покупаетъ: «Если вы хотите купить поэму Пушкина,» говорилъ благородный прикащикъ, котораго за это, въ нынѣшнемъ же году, надобно представить къ Монтионовымъ преміямъ за добродѣтель, «то я долженъ предостеречь васъ, что вы ошибаетесь: это не Пушкина сочиненіе-съ!» Читатель посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ и вскричалъ:

— Какъ не Пушкина? Ба!.... будто-бы я Пушкина стиховъ не знаю!.....

— Увѣряю васъ, что не Пушкина-съ.

— Подите, сударь! Да кто, кромѣ Пушкина, въ состояніи написать у насъ такіе стихи?

И читатель сталъ тутъ же читать намъ вслухъ слѣдующіе стихи изъ «Востолы», постепенно одушевляясь ихъ красотами.

«Мѣщанка мать его, вдова весьма честная,
Ужъ нѣсколько годовъ пряденіемъ промышляя,
Кормила тѣмъ себя и милого сынка.
Ея рабочая, проворная рука
Не знала никогда покоя, и въ присядку
Трескучую свою вертѣла самопрядку;
Вертѣла у окна при солнечномъ лучѣ,

Вертѣла при свѣтъ,
 Вертѣла при лучинѣ,
 Не мысля о кручинѣ;
 Но слезно и за то всегда благодаря
 Небеснаго Царя,
 Когда на очажѣ для варева какого
 Горько у нее обѣденной порой
 Немного хворосту сухаго,
 Отъ коего потомъ всѣ угли кочергой
 Скорѣй вгребала въ печь, чтобъ въ бѣдности за дѣломъ
 Хотъ было ей тепло въ пріютѣ устарѣломъ.
 При тихой жизни, толь святой,
 Какъ нынѣ рѣдкія на свѣтъ
 Живуть, оставшія вдовой,
 Имѣя легкій трудъ въ предметъ.....
 Одна гнѣла се тоска,
 Одна заботила кручина,
 Что отъ Перфонтыюшки, любезнаго сынка,
 Хотъ онъ и дюжій былъ дѣтина,
 Ни шерсти нѣтъ, ни молока.»

— Кто у насъ въ состояніи, торжественно сказалъ читатель, произнесши послѣдніе стихисъ непритворнымъ энтузіазмомъ: кто у насъ въ состояніи такъ написать, кромѣ Пушкина?

Книгопродавецъ улыбался.

Читатель бросилъ съ гнѣвомъ ассигнацію на прилавокъ, и, не дожидаясь сдачи, побѣжалъ изъ магазина. Я слышалъ еще, какъ онъ говорилъ у дверей: «Да я знаю навѣрное, что это Пушкина книина! Вотъ наши, кого дурачить!»

Послѣ этого, я не смѣлъ и сомнѣваться, чтобы «Востола» не была дѣйствительно произведеніемъ А. С. Пушкина. Не вдаваясь въ объясненія съ книгопродавцами, я важно потребовалъ для себя одного экземпляра, заплатилъ деньги и ушелъ.

Я читалъ «Востола». Читалъ, я вовсе не сомнѣваюсь, что это стихи Пушкина. Пушкинъ даритъ насъ всегда такими стихами, которымъ надобно удивляться, не въ томъ, такъ въ другомъ отношеніи.

Нѣкоторые однако намѣкаютъ, будто А. С. Пушкинъ никогда не писалъ этихъ стиховъ; что «Востола» переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ; что Александръ Сергѣевичъ только далъ ему на прокатъ свое имя, для того чтобы

★

лучше покупали книгу, и что онъ желалъ сдѣлать этотъ благотворительный поступокъ. Этому быть не можетъ! Мы безпредѣльно уважаемъ всякое благотворительное намѣреніе, но такой поступокъ противился бы всѣмъ нашимъ понятіямъ о благотворительности, и мы съ негодованіемъ отвергаемъ все подобное намѣки, какъ клевету завистниковъ великаго поэта. Пушкинъ не станетъ обманывать публики двусмысленностями, чтобъ дѣлать кому добро. Онъ знаетъ, что долженъ публикѣ и себѣ. Если въ словѣ «издалъ» и не было двусмысленности, если бы оно и принято было здѣсь въ самомъ тѣсномъ его значеніи, онъ знаетъ, что человекъ, пользующійся литературною славою, отвѣчаетъ передъ публикою за примѣчательное достоинство книги, которую издаетъ подъ покровительствомъ своего имени, и что, въ подобномъ случаѣ, выставленное имя напечатывается всею святостью торжественно даннаго въ томъ слова. Онъ охотно вынетъ изъ своего кармана тысячу рублей для бѣднаго, но обманывать не станетъ, — ни васъ, ни меня. Дать свое имя книгѣ, какъ вы говорите, «плохой», изъ благотворительности?.... Невозможно! Невозможно! Не говорите мнѣ даже этого! Не повѣрю! Благотворительность предполагаетъ пожертвованіе, — труда или денегъ, — чего бы ни было, — иначе она не благотворительность. Согласитесь, что позволить напечатать свое имя — не стоитъ ни какихъ хлопотъ. Александръ Сергѣевичъ, если бъ пожелалъ быть благотворителемъ, написалъ бы самъ двѣ три страницы стиховъ, своихъ, прекрасныхъ стиховъ, и онъ принесъ бы болѣе выгоды бѣдному, которому бы онъ подарилъ ихъ, чѣмъ вся эта «Вастола». Люди добраго сердца оказываютъ благотворительность приношеніемъ нищеты какого-нибудь дѣйствительнаго труда, а не бросая въ лице бѣдному одно свое имя, для продажи, — что равнялось бы презрѣнію къ бѣдному и презрѣнію къ публикѣ, къ вамъ, ко мнѣ, ко всякому. Нѣтъ, нѣтъ! клянусь вамъ, это подлинныя стихи Пушкина. И если бы они даже были не его, ему теперь не оставалось бы ничего болѣе какъ признать ихъ своими, и внести въ собраніе своихъ сочиненій. Между возможностью упрека въ томъ, что вы употребили уловку (рука дрожить, чертя эти слова), и чистосердечнымъ принятіемъ на свой счетъ стиховъ, которымъ дали свое имя для успѣшнѣйшей ихъ продажи, выборъ не можетъ

быть сомнителенъ для благороднаго человѣка. Но этотъ выборъ не предстанетъ никогда Пушкину. «Вастола», мы увѣрены, дѣйствительно — его твореніе. Это его стихи. Удивительные стихи!

Поселенцы. *Повѣсть въ стихахъ*. П. С. Москва, въ тип. Степанова, 1835, вѣ-12, стр. 96.

Содержаніе весьма просто.

«Есть за Ураломъ сторона,
Гдѣ степь безмолвнаго Сагая,
У лона грознаго Алтая,
Ковромъ роскошнымъ послана.»

Въ одной изъ деревень этой стороны, въ числѣ поселенцевъ, живутъ Федоръ, или «Феодоръ» Диско, и Андрей Елимовъ. Первый влюбленъ въ дѣвушку Вѣру; второй за что-то вздумалъ погубить перваго, — оклеветалъ его, обвинилъ въ заговоръ, и Диско сосланъ въ Манусинскъ. Черезъ нѣсколько времени до Вѣры доходитъ слухъ, что онъ тамъ умеръ, и Вѣра рѣшается идти въ монастырь. Слухъ оказывается несправедливымъ: Диско оправданъ, и возвращается въ прежнюю деревню, гдѣ онъ женится на Вѣрѣ. Но Елимовъ еще не успокоился. Когда кончился брачный пиръ, этотъ поселенецъ зажегъ домъ, въ которомъ спятъ молодые, и ускакалъ въ сторону борзый конь —

«Несется... поводъ закусила;
Вотъ снова всадникъ, полный силъ,
Рванулъ, и конь осялъ: но мигомъ
Онъ вспрынулъ снова..... на утесъ;
Махнулъ, и дерзкимъ перепрыгомъ
На край оврага перенесъ.
Скользить, — упалъ, — и кровью брызнулъ
Разбитый черепъ взока.»

Между-тѣмъ молодые просыпаются:

«Вдругъ душно имъ. Проснулись оба;
Взглянули, — въ комнатѣ свѣтло,
А душно какъ въ объятяхъ гроба (?).
Туманъ взоръ, горитъ чело,
И сердце бѣдное трепещеть.
Глядеть, — а въ окна ярко блещеть

Не свѣтъ проснувшася дня, —
 Пожаръ. Бѣжать! Но жизнь поблекла.
 Мгновенье.... зазвенѣли стекла
 И море хлынуло огня.

Вдругъ свободно юнымъ стало;
 Ангель души ихъ принялъ,
 И понятно заблестало
 Имъ начало всѣхъ началъ.
 Безъ оковъ грѣхонаденья,
 Сбросивъ прахъ нѣмой земли,
 Въ неизмѣнныя селенья,
 Въ бездну неба потекли.
 Въ морѣ славы и сиянья,
 Въ безгрѣховной сторонѣ
 Тонуть сладостно онѣ (они);
 Неземное достоянье, —
 И взирають, какъ вдали
 Чуть примѣтенъ шаръ земли.»

Несмотря на эти стихи, въ повѣсти есть описанія, которыя не грѣхъ назвать поэтическими. Вотъ одно :

«Съ востока зыбкими волнами
 Струится свѣтлая заря,
 И вотъ румяными лучами,
 Черезъ воздушныя моря,
 Скользя по облачнымъ равнинамъ,
 Несется къ гордымъ исполинамъ.
 И вотъ, какъ радость, блескъ упалъ
 На голыя вершины скалъ.
 Тамъ, гдѣ громадныя граниты
 Идутъ обломками стѣны, —
 Румянцемъ утряннымъ облиты,
 Или порой обнажены,
 Высоко, гордо вдругъ взлетѣли
 И въ блескъ всѣ оледенѣли;
 А тамъ мѣстами свѣтъ нависъ
 Какъ было-мраморный корнизъ;
 У лона скалъ ковры изъ свѣга
 Даютъ стрѣлкамъ приютъ ночлега;
 Надъ ними сводъ, — небесный сводъ,
 Вселенной пышная порфира;
 И день и ночь лампы міра
 Горять на немъ, полны красотъ.»

Исторія поэзи. *Чтенія адъюнкта Московскаго Университета, Степана Шевырева. Томъ первый, содержащій въ себѣ исторію Поэзіи Индійцевъ и Евреевъ, съ приложеніемъ двухъ вступительныхъ чтеній о характерѣ образованія и поэзіи главныхъ народовъ новой западной Европы. Москва, въ тип. Семена, 1835, въ-8., стр. III—333.*

Объ этой книгѣ мы намѣрены говорить въ отдѣлѣ Критики. Она заслуживаетъ вниманіе читающей публики въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Памятныя записки титулярнаго совѣтника *Чухина, или Простая исторія обыкновенной жизни. Сочиненіе Ѳаддея Булгарина. СПб.-бургъ, въ тип. Смирдина, 1835, въ-12, стр. XXI и 241—249.*

Романъ *Ѳ. В. Булгарина* всегда — чрезвычайно пріятная находка въ нашей словесности: что ни говорите, господа критики, не многіе пишутъ у насъ такіе романы, какъ *Ѳ. В. Булгаринъ*. Клеветать на нихъ можно, потому что клевета самое легкое и вѣрное средство отмщенія таланту за свою посредственность: *la calomnie, monseigneur! la calomnie!* говоритъ *Базиль*: *c'est un excellent moyen et qu'on a tort de dédaigner*; но написать романъ, заслуживающій вниманіе образованнаго человѣка..... Попробуйте! Да вы уже пробывали. Чтò вышло толку? Сколько мы имѣемъ такихъ романовъ по-сю-пору? Ихъ можно перечестъ по пальцамъ: два, три, четыре..... десять, одиннадцать, много если двѣнадцать; и въ томъ числѣ цѣлая треть — романы *Булгарина!* Не горячитесь же, господа. Въ сочиненіяхъ этого писателя есть конечно недостатки, но есть и прекрасныя вещи, и, что всего лучше, вы въ нихъ встрѣтите всегда человѣка умнаго, съ которымъ пріятно побѣседовать наединѣ, — а это не бездѣлица въ нашемъ вѣкѣ. Вы встрѣтите его и въ этомъ романѣ. Впрочемъ, «это не романъ, не исторія; это даже не быль: одна глава здѣсь похожа на романъ другая на повѣсть, третья на исторію, четвертая на разговоръ очевидца, пятая на мемуары, шестая, седьмая, осьмая — ни на что не похожи. Тутъ слогъ романическій, тамъ историческій, тамъ эпистолярный, далѣе велеученый. Кое-гдѣ мысль, кое-

гдѣ чувство, тутъ правда, тутъ выдумка или догадка, ну, словомъ, сущая *чуха*.» Надобно знать, что это говорить самъ господинъ Булгаринъ, то есть, что онъ самъ на себя такъ клевететь. «Книга моя есть чуха, повторяетъ онъ, и я подобно баронамъ среднихъ вѣковъ, принявъ названіе по имѣнію, по моей книгѣ, назвался *Чухинъ*. А какъ у насъ еще не определена просодія, то я покорнѣе прошу васъ произносить мое названіе съ удареніемъ на послѣдній слогъ, на *инъ*.»

Несмотря на такое смиреніе со стороны автора, его «Записки Чухина» очень занимательны и имѣютъ большія достоинства. Булгаринъ неумеръ. Знаніе общества, колкая сатира, умная веселость и особенное изученіе сердца человѣческаго были всегда отличительными чертами его сочиненій; въ «Запискахъ Чухина» читатель найдетъ все это, и еще кое-что лишнее. Авторъ нападаетъ на общественное мнѣніе, на эту поспѣшность, съ которою обсуживаетъ оно человѣка по наружнымъ поступкамъ. Нападеніе не ново, но оно всегда занимательно, потому что каждый изъ насъ имѣетъ какой-нибудь счетецъ съ обществомъ и его мнѣніемъ. Авторъ сверхъ-того умѣлъ придать особенную увлекательность своему разсказу. Два эти тома читаются съ большимъ удовольствіемъ. Но мы уже сказали объ нихъ болѣе, чѣмъ хотѣли сказать на первый случай. Каждое сочиненіе господина Булгарина имѣетъ право на вниманіе серьезной критики: это дань отъ Русской словесности, въ которой онъ положилъ важныя заслуги, должная его таланту и славы, и мы, естественнымъ образомъ, перенесемъ наше сужденіе о «Запискахъ Чухина» въ отдѣленіе Критики, тѣмъ болѣе, что оно требуетъ развитія, для котораго эта Летопись слишкомъ тѣсна. Между-тѣмъ «Записки Чухина» будутъ прочитаны всей читающей публикою.

Повѣсти и разсказы Владимира Владиславлева. *СП.-бургъ. въ тип. И. Академіи Наукъ, 1835, въ-12. Двѣ части, стр. 290 — 274.*

Сочинитель этихъ повѣстей извѣстенъ уже нашимъ читателямъ: каждый изъ нихъ безъ-сомнѣнія вспомнить умную и изящную его повѣсть, «На балѣ и въ деревнѣ», одну изъ

лучшихъ, какія были напечатаны въ Б. для Ч. Она находится и въ этомъ собраніи «Повѣстей и разсказовъ», которыхъ всего здѣсь двѣнадцать.

Человѣкъ безъ притязаній прочитаетъ ихъ съ удовольствіемъ: они написаны гладкимъ и живымъ слогомъ; во многихъ мѣстахъ они исполнены чувства; иногда попадаются остроты, но остроты скромныя, простодушныя, неѣдкія. Судя по главнымъ дѣйствующимъ лицамъ, которые всё военныя, авторъ долженъ принадлежать къ этому благородному званію. Можетъ-быть повѣсти его обдумывались при блескѣ бивуачнаго огня, наканунѣ кровопролитнаго сраженія; можетъ-быть содержаніе ихъ взято изъ частной жизни, изъ опасныхъ приключеній его бивуачныхъ товарищей. Молодая читательница, пробѣгая его страницы, представитъ себѣ багровое зарево лагеря, расположившагося на ночлегъ, группы разставленныхъ часовыхъ съ гранеными штыками и ужасными усами, молодаго офицера лежащаго подъ буркою на дыкомъ камнѣ и мечтающаго о славѣ, о родинѣ, о возлюбленной. Ночь черная какъ крыло ворона; мороситъ дождь; вѣтеръ разноситъ дымъ клубами по всему стану, дрова трещать, часовые переключаются, толпа храбрыхъ воиновъ разсуждаетъ о предстоящемъ сраженіи, прилегшій въ сторонѣ юноша съ золотыми эполетами утопаетъ въ мечтахъ, и сонъ закрываетъ его томные, голубые глаза, увы, можетъ-быть въ послѣдній разъ..... Вдругъ вѣстовая пушка! Ура! На коней! Юноша! несчастный юноша!. ..Страшно и мило.

Послѣ разсказа «На балѣ и въ деревнѣ», изъ всѣхъ остальныхъ повѣстей и разсказовъ наиболѣе нравится намъ «Безпріютный»: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы читали эту повѣсть въ какомъ-то альманахѣ; альманахъ умеръ, повѣсть пережила его. Надобно было бы указать еще и на нѣкоторыя другія піесы, но мы увѣрены, что прекрасныя читательницы этихъ двухъ опрятныхъ и занимательныхъ томиковъ не нуждаются въ нашихъ указаніяхъ.

Основаніе Москвы, или смерть боярина Степана Ивановича Кучки. Историческій романъ, взятый изъ времени княженія Изяслава Мстиславича. Сочиненіе И....

К....ва. *СП.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1836. Четыре части, стр. VII и 189 — 194 — 168 — 162.*

Вамъ конечно случилось когда-нибудь видѣть или купить въ Москвѣ ножи, Тульскаго издѣлія, съ надписью Русскими буквами — Лондонъ. Что вы думаете объ этой надписи: смѣяться ли надъ ней, или ей удивляться? Не судите опрометчиво о томъ, кто первый начерталъ ее на самомъ тупомъ изъ Тульскихъ ножей: онъ могъ быть невѣжда, — и могъ быть гений. Эта надпись — ни верхъ глупости или *pas plus ultra* тонкой дальновидности, познанія человѣческаго сердца и умнаго расчета. Какъ плодъ глупости, она понятна безъ дальнихъ объясненій; но не всѣ, можетъ-статься, постигаютъ ея геніальность, если она сдѣлана съ намѣреніемъ. А это легко выводится изъ слѣдующаго разсужденія: что, если ея сочинитель, зная самъ по-Английски, нарочно выставилъ на ножахъ Лондонъ Русскими буквами, въ той мысли, что девять-десятихъ покупателей дрянныхъ ножей не въ состояніи прочесть слова *London*, написаннаго какъ слѣдуетъ, а съ перваго взгляда они и не подумаютъ, что у Англичанъ должна быть своя грамота и, прочитавъ слово Лондонъ, примутъ его ножи за настоящіе Английскіе? Въдъ это черта ума необыкновеннаго! Этотъ человѣкъ, если бъ онъ не дѣлалъ тупыхъ ножей, непременно открылъ бы законъ всемірнаго тяготѣнія и былъ бы Ньютономъ. Если правда, что человѣкъ родится на свѣтъ нарочно для того, чтобъ было кого надувать, я бы желалъ, чтобъ меня надували только такіе умы.

Вотъ почему я ставлю тупые Тульскіе ножи съ надписью Лондонъ несравненно выше творенія господина И. К....ва, «Основаніе Москвы», съ надписью Петербургъ.

На великую хитрость поднялся издатель этой книги, что на тупомъ Московскомъ романъ написалъ Петербургъ! Это совсѣмъ не остроумно. Я знаю, что въ книжной торговлѣ, Петербургскій умъ продается восьмидесятью процентами дороже Московскаго, и что «господа иногородные» обыкновенно спрашиваютъ — «Что это? Московскій романъ? Не хочу! давай намъ Петербургскихъ!» Я это знаю, но все-таки эта штука далеко не стоитъ желѣзнаго Тульскаго ножа съ

надписью Лондонъ. И я скорѣ куплю дюжину такихъ ножей чѣмъ одинъ романъ господина И. К.....ва.

Какъ я имѣлъ честь вамъ докладывать, это романъ Московскій, только напечатанный въ Петербургѣ, съ коварною цѣлю поддѣлать нашъ отличный Петербургскій умъ и въ надеждѣ, что «господа иногородные» не примѣтятъ; что это вовсе не Петербургскій умъ и примѣтутъ его за хороший сортъ ума. Но долгъ совѣсти не позволяетъ намъ потворствовать такимъ затѣямъ: мы спѣшимъ предостеречь всѣхъ «господъ иногородныхъ», чтобы они были осмотрительны при покупкѣ ума на ярмаркахъ и выписывая его изъ столицъ, потому что въ торговлѣ появился поддѣльный Петербургскій умъ, который никуда не годится. Въ доказательство того, что это Московскій романъ, можно представить первое обстоятельство—что онъ напечатанъ въ Петербургѣ съ одобренія Московской цензуры.

Если этого мало, можно представить кусокъ посвященія читательницамъ: «Забытый почти всѣмъ міромъ, я уже закопался въ несчастіяхъ. Пускай называютъ меня извергомъ, урожденцемъ снѣговыхъ степей Сибирскихъ, — я холодно улыбнусь имъ (снѣговымъ степямъ) и въ объятіяхъ вашихъ позабуду молву народную!»

Если мало посвященія, можно представить весь романъ:

«Эге-ге-ге! Я еще за тобой этой удали-то не зналъ, Василій Григорьевичъ. — Охо-хо-хо! бѣда какая стряслась надъ нами горемычными! — Да, такъ; точно ничего, проговорилъ ужасно Кучка, и въ забытѣ рухнулъ на дубовую скамейку. — Въстимо, что такъ, захрипѣлъ опять пришедшій. Онъ упалъ безъ чувствъ, но дикій, могильный его хохотъ еще вторило понятливое эхо. Онъ..... клятвопреступникъ. Кривой глазъ его сверкалъ ужасно, а здоровый принялъ видъ растопленного олова. — Бодрствуй и мсти! былъ отвѣтъ Юрія Войтишника. Мщеніе!..... Онъ бунтовщикъ, заговорщикъ! Двѣ стопы меда! — Сидѣло человекъ шесть здоровыхъ ребятъ съ отеками рожамъ, за дубовымъ столомъ, пристально потягивая романою. Ха, ха, ха! такъ-то мною играютъ адъ..... смерть..... проклятіе старику! Варваръ!..... злодѣй!..... Ты!.... Ты!..... спасти меня. Скажи мнѣ демонъ ада, чего ты отъ меня хочешь? чтобы я сдѣлался убійцею мо.....е.....го отца.....? Нѣтъ!.... Нѣтъ! у меня нѣтъ ни отца, ни матери! — И съ варварскою улыбкою возмилъ ножъ въ сердце преступника. Они снова замолчали и поняли другъ друга. — Какъ! это ты, Петръ,

братъ мо...мо....мо....ей Улиты? вскричалъ Василій. Проклятіе! Демьны! Пытки! Злодѣи, изверги! что вы надѣлали? Кровь, кровь! Пожаръ! Горить!.... Ромашея! Двѣ стопы меда! Хлопъ! Рѣжутъ! Рѣжутъ! Улита! Догнали! — Съ яростью бросается онъ въ средину убійцъ, спѣбая съ ногъ старика Антона, и падаетъ самъ, пронзенный во многихъ мѣстахъ. И наконецъ положили основаніе города Москвы.»

Вотъ вся исторія. Тутъ и оканчивается историческій романъ, «взятый изъ времени» княженія Изяслава Мстиславича. Авторъ говоритъ, что написалъ его *случайно*, а характеры *снялъ съ Исторіи*. Читая Карамзина, авторъ дошелъ до 1147 года; мысль молніей сверкнула въ его головѣ, и оставила впечатлѣніе глубокое, неизгладимое; онъ взялъ перо, думалъ, думалъ, и выдумалъ то, что мы сейчасъ рассказали. Во все это время божественный восторгъ игралъ его фантазіей. «Я *понялъ сущность матеріи*, заключаетъ онъ: но что же дѣлать, когда не умѣлъ выразить всего, что чувствовали душа и сердце? когда не умѣлъ безъ непростительныхъ ошибокъ обработать мое произведеніе?» Что дѣлать? Въ такомъ случаѣ, гораздо лучше дѣлать изъ матеріи, которой вы поняли сущность, ножи съ надписью Лондонъ.

Цѣль наша состояла единственно въ томъ, чтобы показать, что романъ этотъ — Московскій, хотя онъ и напечатанъ въ Петербургѣ: въ критику его мы не вдаемся.

Викторъ, или *Слѣдствія худаго воспитанія. Сочиненіе П. С.....ва. СПб.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1835, въ-8., стр. 189.*

Авторъ задаетъ себѣ такую тему: «одно зерно отъ порока нерѣдко отраждаетъ отъ себя огромный стебель беззаконій.

Является на сцену мальчишка, шалунъ, однимъ словомъ Викторъ. Виктора балуютъ; Виктора кормятъ конфектами, катаютъ въ салазкахъ; Виктору даютъ воробьевъ на растерзаніе. Шалунъ мальчишка растетъ; его отсылаютъ въ полкъ; онъ начинаетъ мотать, пить, волочиться; похищаетъ артефакты, проигрываетъ ихъ, женится, возвращается домой, умерщвляетъ жену своими измѣнами, матери даетъ приѣмъ лду, и наконецъ, остается одинъ съ огромнымъ имѣніемъ»

емъ и крошечнымъ сыномъ. Все это было только одно зерно порока: начинается стебель беззаконій. Викторъ знакомится съ однимъ отъявленнымъ мошенникомъ, такъ сказать — Галеринымъ; воруется съ нимъ у крестьянъ лошадей, заводитъ гаремъ, и напоследокъ становится атаманомъ разбойниковъ, продолжая всё жить въ своемъ помѣщичьемъ домѣ. Около его деревни нѣтъ проѣзда. Однажды ѣдутъ какія-то дамы, — мать съ дочерью; прѣзжаютъ на постоянный дворъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни разбойника Виктора; въ то же время прѣзжаетъ на этотъ дворъ какой-то военный, — молоденькой офицеръ. Ночью, Викторъ налетаетъ съ шайкою; начинается рѣзня; молоденькой офицеръ натурально остается побѣдителемъ, влюбляется на-мѣстѣ въ проезжую дѣвицу и, по праву спасителя, проситъ ея руки. Все идетъ хорошо: къ несчастію, оказывается, что помѣщикъ Викторъ, атаманъ разбойниковъ, — отецъ этого офицера. Нужна развязка. На этотъ юнецъ, Викторъ умираетъ въ конвульсіяхъ, какъ прилично разбойнику; шайка его взята земскою полиціей; молоденькой офицеръ отправляется въ Петербургъ, отыскиваетъ свою возлюбленную и, по ходатайству одного дѣда, получаетъ ея руку.

«Такимъ-то образомъ, говоритъ авторъ, небрежное воспитаніе Виктора обратилось къ гибели, бѣдствіямъ многихъ лицъ, и къ горестямъ, къ стыду невинному его сыну.»

Мы считаемъ не нужнымъ говорить о слогахъ и правописаніи этой ужасной исторіи.

Подарокъ служанкамъ. *СП.-бургъ, въ тип. Иверсена, 1835, въ-12., стр. 46.*

Это подарокъ самый дешевый, самый благочестивый, самый нравственный, какой только можно подарить молоденькой горничной и старой нянюшкѣ. За него не разсердятся. Онъ учитъ правдивости, прилежанію, кротости нрава, выбору знакомствъ, внимательности къ больнымъ, а на 46 страницъ учитъ тому, какъ защищаться отъ мужчинъ. Эта страница очевидно относится только къ молоденькимъ горничнымъ.

«Не допускайте никого дотрогиваться до васъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Изъявляйте тотчасъ вашъ полный гнѣвъ при

подобныхъ случаяхъ и будьте очень холодны, для сохраненія всего того, что вы должны почитать драгоценнымъ, а еще лучше будетъ когда вы выйдете изъ комнаты, не говоря ни слова. Остерегайтесь оставаться наединѣ съ мущиною, особенно впотмахъ. На твердость свою не полагайтесь въ этомъ случаѣ.»

Ночной соловей, или Два жениха, Русская повесть, сочиненія Н. З. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 36.

Это также долженъ быть подарокъ, но не служанкамъ, а вѣрно кучерамъ или дворникамъ. Послушайте Русскую повесть сочиненія господина Н. З.

«У одного Русскаго боярина была дочь Серафима, идеаль своего пола; въ великолѣпномъ же и огромномъ домѣ сего боярина квартировали два господина, — богатый, старый Нѣмецкій баронъ Эйнбахъ, и отставной гусарскій ротмистръ Красицкій, молодой человекъ съ прекрасною наружностью и отличнымъ воспитаніемъ, но весьма бѣднаго состоянія. Оба *сiи* соперника искали понравиться Серафимъ и ея отцу.»

Сей Красицкій подсмѣивается надъ барономъ; а *сей* баронъ поетъ:

«Какъ по улисъ Ванюша,
Во ндолю по широка, калюбникъ,
Шасто кадилъ, брадилъ. (bis)
На Парашкини во окошна,
На калюбишна окошна,
Шасто влядилъ и смотрилъ.» (bis)

И потомъ:

«Ти ни пой, мой салафей?
Не свисти й молотой!
Я по улисамъ пойду
Семирыхъ са лопъ возму!....»

Наконецъ *сей* Красицкій играетъ на гитарѣ козачка, а *сей* Эйнбахъ «пляшетъ и, сронивши съ себя парикъ, кричитъ: — Ахъ, по юлисъ молодець идотъ!»

Но повесть тѣмъ не кончилась: начинаются каламбурь.

Эйнбахъ. Какъ въ могъ надѣвися полюшить рукъ такой богатой вѣвсты, какъ Сарафанъ?

Красицкій. Не Сарафанъ, а Серафинны.

Эйбахъ. Полѣпнѣвъ на вашъ. Но мевъ кошится узваемъ какъ вашъ има и ошества?

Красицкій. Анатолий Михайловъ.

Эйбахъ. А, Наталия Михайловнищъ!

Красицкій. Меня зовутъ Анатолий.

Эйбахъ. А, Анатолий Михайловнищъ! Такъ ли? Прощу мой лупить и шаливать?

Красицкій. Первое (лупить) очень не мудроно, по гусарской совѣсти; а шали оставимъ носить, кому онъ приличны.

Поговоривши такимъ остроумныхъ образомъ, оба *сiи* соперника просятъ Русскаго боярина выдать за нихъ *сiю* Се-рафину. Русской бояринъ, — извольте замѣтить: бояринъ, — объявляетъ, что получить ее тотъ, кто принесетъ соловья, который поетъ въ саду. Сей Красицкій оказывается *силь* счастливецемъ; но прежде ловить галку продаетъ ее вмѣсто соловья *сему* барону за тридцать тысячь рублѣй, и «облупивши его по гусарской совѣсти», предлагаетъ еще жениться на одной изъ своихъ дальнихъ родственницъ.... О Боже, Боже! ты ли, Всемогущій, допускаешь такое поношеніе Русской словесности въ 1836 году?

Созерцательная жизнь Лудвига Ламберта, сочиненіе Бальзака. Переводъ съ Французскаго Александры Зражевской. СПб.-бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1835, въ-8., стр. XX, 200 и XXIV.

Людвикъ Ламбертъ — романъ мистическій. Это біографія молодаго мечтателя, съ которымъ авторъ воспитывался, — въ самомъ дѣлѣ или въ воображеніи, — и котораго онъ наблюдалъ въ странныхъ переходахъ его односторонняго, умственнаго развитія. Мистицизмъ героя обставленъ рядомъ занимательныхъ подробностей, между которыми особенно понравилось намъ описаніе школьной жизни; и хотя мы вообще не любимъ ни какихъ другихъ романовъ кромѣ романтическихъ, однако жъ готовы предпочесть это небольшое произведеніе очень многимъ изъ числа тѣхъ, которыми даритъ насъ юная словесность. Между повѣстями Г. Бальзака оно отличается еще тѣмъ, что не заражено его безнравственною философійю.

Что касается до перевода, то мы не можем похвалить его лучше, какъ напомнивъ читателямъ милый романъ «Лорнетъ», который такъ недавно и такъ искусно переданъ по-Русски Г-жею Зражевской. Въ остроумномъ предисловіи милая переводчица мимоходомъ уколола барона Брамбеуса булавкою. Вотъ уже два нападенія на барона со стороны двинца въ самое короткое время. Какой онъ счастливый!

Въ оправданіе нашей похвалы изящному переводу Г-жи Зражевской, мы готовы привести нѣсколько отрывковъ.

Что такое внутренній человекъ? Задавши себѣ такой вопросъ, Г. Бальзакъ начинаетъ писать повѣсть. Изъ этого вопроса рождается другой: какимъ образомъ внутренній человекъ дѣйствуетъ во внѣшней природѣ? Чтобы пояснить и то, и другое, Г. Бальзакъ беретъ генія, даетъ ему инстинктъ, этотъ гениальный инстинктъ, котораго не понимаетъ обыкновенный разумъ, и бросаетъ его въ міръ сущестственности. Само собою разумѣется, что для открытія путей гениальнаго инстинкта и опредѣленія его законовъ, надобно самому быть геніемъ. Если Г. Бальзакъ судить о геніи по наблюденію самого себя, это еще не поручительство для читателя въ удачности объясненій автора. Но Г. Бальзакъ могъ списывать то, что другіе объ этомъ сказали: и онъ дѣйствительно такъ сдѣлалъ. Если бъ онъ читалъ болѣе того, что уже было сказано и доказано, онъ бы списалъ еще лучше, и его повѣсть могла бы доставить удовольствіе даже опытнѣйшимъ соображеніямъ: теперь она въ состояніи казаться любопытною только тѣмъ, кто не знакомъ съ предметомъ. Мы представляемъ эти отрывки отнюдь не какъ мысли по чему бы ни было примѣчательныя, но просто какъ образцы перевода.

Ламбертъ и Г. Бальзакъ — еще дѣти; они учатся въ Вандомской школѣ. Въ одно воскресенье назначено ученикамъ гулянье къ замку Рошамбѣ.

«Ни я, ни Ламбертъ, не знали прекрасной долины Лоары, въ которой построенъ этотъ замокъ. Воображеніе наше еще наканунѣ переносилось на это гулянье, — источникъ неописанной радости во всемъ училищѣ. Мы проговорили о немъ весь вечеръ.»

На другой день, когда они были уже на мѣстѣ, Ламбертъ, взглянувъ съ изумленіемъ на окрестности, вдругъ сказалъ :

« — Представь! точно, все это я видѣлъ сегодня ночью во снѣ !

« Онъ узналъ и густую *связку* деревъ, гдѣ мы сидѣли, и расположеніе листьевъ, отъенокъ водъ, башни замка, всѣ мѣлочи отдаленія и мѣстности, которыя онъ видѣлъ въ первый разъ.

« Мы точно были тогда дѣти, — мнѣ только тринадцать, а Людовику пятнадцать лѣтъ; и хотя онъ могъ уже имѣть глубину человека гениальнаго, но мы оба неспособны были лгать въ самаго себя въ вещахъ нашей дружеской связи. Съ другой стороны, хотя Ламбертъ предчувствовалъ могуществомъ мысли важность событій, но еще не могъ сразу обънимать всей ихъ обширности. — Не бывалъ ли ты, спросилъ я, когда прежде въ Рошамбо? — Вопросъ мой поразилъ его. Но, обдумавъ прошедшее, онъ отвѣчалъ рѣшительно — Нѣтъ !

« Конечно, со многими случалось подобное видѣть во снѣ, — и это приключеніе ясно раскрываетъ силу и объемъ ума Ламберта (!). Въ самомъ дѣлѣ изъ одного этого онъ составилъ систему, какъ Кювие, въ другомъ родѣ вещей, изъ одного обломка мысли превосходное цѣлое.

« Въ эту минуту мы оба съли подъ тѣнь стараго дуба. И послѣ видѣ котораго размышленія Людовикъ сказалъ :

— Если видъ этого мѣстоположенія не самъ ко мнѣ приходилъ, что было бы глупо думать, то конечно я ходилъ къ нему. Если же я точно былъ тутъ, во время сна въ альковѣ, то не явно ли доказывается совершенное разлученіе между тѣломъ и внутреннимъ существомъ моимъ? (!). Если же они могли разстаться во время сна, то почему жъ я не могу равномерно разъединить ихъ на яву? — Не скрывается ли въ этомъ явленіи особенная наука? прибавилъ онъ сильно ударивъ себя по лбу. Если и не составляетъ оно основанія науки, то раскрываетъ въ человѣкѣ чудесную силу. Или по крайней мѣрѣ обличаетъ нѣрѣдко разъединеніе двойственной природы нашей, — ось около которой я уже столько времени обращаюсь. Наконецъ вотъ очевидное доказательство превосходства духовныхъ чувствъ надъ внѣшними! — Но, быть-можетъ, возразилъ онъ, помолчавъ и сопровождающа слова ужимкою сомнѣнія: въ насъ не двѣ природы? (Къ этому-то все и клонится!) Можетъ, мы просто одарены внутренними качествами ощущенія, способными утончаться, которыя, отъ упражненія и развитія, производятъ въ насъ явленія дѣятельности, пронизанія, видѣнія, еще непознанные. Въ нашей страсти къ чудесному, этомъ порожденіи гордости, мы преобразили эти дѣйствія въ созданія вымысла, потому что не понимаемъ ихъ. Ахъ, признаюсь мнѣ жалко будетъ разстаться съ моими призраками! Вѣрить двойственной природѣ и ангеламъ Сведенборга — потребность моя.

Это новое учение убивает их, а исследование наших невѣдомых свойств не есть ли вся наука?

И полуопечаленный онъ задумался. Быть-можетъ мечты дѣтства показали ему пелену, которую пора уже оставить.

— Зрѣніе и слухъ, сказалъ онъ, свѣясь своему выраженію, вѣроятно футляры чудеснаго инструмента!

Бывало, когда онъ разговаривалъ со мною о неба и адѣ, онъ всегда смотрѣлъ хозинномъ на природу, но, произнося эти слова, чреватые вожденіемъ, онъ парилъ по мѣстоположенію, и его лобъ, готовъ былъ, казалось, треснуть подъ напоромъ генія. Брызги ума его точно какъ-будто сверкали черезъ все органы, служащія выраженіемъ мыслительной силы; его глаза пламенѣли лучами думъ; поднятая рука, трепещущія губы, огненный взглядъ, искрились, говорили. Наконецъ голова его, отяжелѣвшая или утомленная быстрымъ полетомъ, склонилась на грудь. Малышка, этотъ исполнить согбенный, взялъ меня за руку, сжалъ ее въ своей влажной рукъ; съ такимъ-то лихорадочнымъ усиленіемъ искалъ онъ истины; и помолчавъ, сказалъ: — Я буду знаменить!»

Всего страннѣе въ этомъ отрывкѣ то, что въщій сонъ кажется Г. Бальзаку доказательствомъ генія. Если такіе обманы воспріимчиваго и легковѣраго воображенія суть признаки того геніяльнаго инстинкта, который заставляетъ великіе умы угадывать тайны природы, можно попасть въ генія за очень дешевую цѣну, — помощію нѣсколькихъ бутылокъ газа азотистой окиси или другаго какого-нибудь средства ускоренія быстроты крови въ мозговыхъ кровныхъ сосудахъ. Забавны также сомнѣніе и догадка, что *можетъ-быть* мы одарены просто внутреннею силою ощущенія: неужли еще неизвѣстно психологамъ, даже такимъ догадливымъ какъ авторъ «Ламберта», что мы видимъ не глазами, слышимъ не ушами, и такъ далѣе, но внутреннею силою духа, до котораго эти впечатлѣнія только доходятъ путемъ наружныхъ чувствъ? Но такова глубина Психологій Г. Бальзака. Мы уже сказали, что приводимъ не его мысли, которыя не стояли бъ этой чести, но образецъ перевода Г-жи Зражевской, который въ самомъ дѣлѣ обнаруживаетъ въ ней прекрасное дарованіе и хорошій вкусъ.

Первый ярусъ. *Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Съ Англійскаго. Москва, въ тип. Университетской, 1835, вѣ-8., стр. 112.*

Вы читаете заглавіе: заглавіе говоритъ, что это комедія и переводъ съ Англійскаго. Вы переходите къ предисловію: предисловіе говоритъ, что, если хочешь читать эту книгу, смотри на послѣсловіе. Вы отыскиваете послѣсловіе: оно говоритъ нижеслѣдующее: «Сперва я думалъ, что это переводъ съ Англійскаго; потомъ, что это подражаніе Англійскому; наконецъ я убѣдился, что это ничего не значить.»

Мы также думали, что эта комедія ничего не значить. Но вотъ стихи, которые заставили насъ думать совсѣмъ другое:

«Анюта.

Что

Вы это тамъ бормочете такъ про
Себя?

Скоундрель.

Я? Ничего.

Фурвенье.

Чай не дурна,

На брата коль.....

Госпожа Фешень.

А вамъ, сударь, вамъ, что
За дѣло до того?

Фурвенье.

А вы, такъ все бранитесь да ворчите
За каждое невинное и не-
Большое хоть веселье: Я же, вы
Ведь знаете, люблю повеселиться.»

Послѣ этого мы думаемъ, что комедія «Первый ярусъ» значить подражаніе стихамъ —

«Встры сѣверные ду-
Ють, гулять не пойдутъ.»

Оперы и водевили. *Переводы съ Французскаго. Дмитрія Ленскаго. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-8. Дѣль части, стр. 374—384.*

Въ напѣ водевильный вѣкъ, цѣлая груда водевилей, и еще въ переводъ Г. Ленскаго, не должны удивлять никого. Но Г. Ленской переводить и оперы, именно Французскія оперы, которыя впрочемъ почти то же, что водевили.

*

Оперы и водевили, предлагаемыя Г. Ленскимъ, большею частію извѣстны публикѣ. Во-первыхъ, «Невѣста», опера въ трехъ дѣйствіяхъ, слова Скриба, музыка Обера. Но Г. Ленской музыки не переводить; онъ переводитъ только слова: поэтому музыка Обера остается музыкою Обера, а слова Скриба становятся словами Г. Ленскаго, — и благо нтъ! «Невѣсту» итраютъ на Московскои и на Петербургскои сценѣ. Во-вторыхъ, «Людовикъ, или Ненависть и любовь», опера въ двухъ дѣйствіяхъ. Еще есть опера «Двѣ ночи», въ которой Г. Скрибъ и Бульи хотѣли дать публикѣ новаго Фигаро. Доброе намѣреніе всегда заслуживаетъ похвалы. Объ этой оперѣ Г. Скриба, помнится, Цицеронъ, или кто-то другой, сказалъ: *Dimidium operis, qui bene coepit, habet.* То есть, эту оперу въ сторону. Больше нтъ оперъ; остальное водевили. Три оперы, — три какихъ-нибудь оперы на восемь какихъ-нибудь водевилей, это очень довольо. Не знаемъ только, на которомъ изъ водевилей остановить вниманіе благосклонныхъ читателей. Впрочемъ, для чего жъ вниманіе? Водевили должны быть читаны безъ вниманія; они для того пишутся. Водевилей никогда не надобно читать. Если вы ихъ прочитаете, они перестаютъ быть водевилями; они становятся ничѣмъ, совершенно ничѣмъ, — натянутою прозою и перетянутыми стихами, — или ни прозою, ни стихами, — или прочитаннымъ водевилемъ, — или лекарствомъ отъ чтенія водевилей.

Мы сказали, что въ этихъ двухъ книгахъ восемь водевилей. Ихъ, можетъ-быть, и семь, а можетъ и девять. Однимъ водевилемъ больше, однимъ водевилемъ меньше, это все равно. Впрочемъ, мы готовы перечестъ. «Пиетро Дандини»: этотъ можно даже выпускать. «Кеттли»: Кеттли — можно удержатъ. Разъ! «Филиппъ»: два; «Мужъ и жена»: ну, этотъ на охотниковъ. Положимъ, три! «Первая любовь», послѣ «Мужа и жены». Такъ и быть, четыре! «Актриса, пѣвица и танцовщица»..... «Усы»..... Четыре! Собственно говоря Г. Ленской перевелъ только четыре водевила: остальное не знаемъ что оно такое.

1. Дѣтскій Павильонъ. Книжка, содержащая въ себѣ черты изъ Русской Исторіи, разныя повѣсти, разгово-

ры, анекдоты, стихотворенія, сказочки, и прочая; составленная, на 1836 годъ, Б. Федоровымъ. Сп.-бургъ, въ тип. Гинца, 1836, въ-16., стр. 320.

МОЕЙ МАЛЮТКЪ. Книга въ пользу воспитанія дѣтей. Сочиненіе Александра Грена. Сп.-бургъ, въ тип. Крыловскаго, 1835, въ-16., стр. 156.

3. ПОВѢСТИ ДЛЯ ДѢТЕЙ, Анны Зонтагъ, издательницы повѣстей для дѣтей перваго и втораго возраста. Переводъ съ Французскаго, М. Г. и И. Г. съ картинками. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12., стр. 234.

4. ЦВѢТЫ ПРАВДСТВЕННОСТИ, собранные изъ лучшихъ писателей, къ назиданію юношества, Михаиломъ Третьяковымъ. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-12., стр. 169.

5. Русскія повѣсти, рассказы и драматическія сочиненія, для юнаго возраста. Сп.-Петербургъ, въ тип. Визебера, 1835, въ-8. Часть первая, стр. 309.

Станемте опять обозрѣвать дѣтскія книги по порядку: о, теперь надѣмся не пропустить ни одной!

Книга «Моей малюткѣ» написана «въ пользу» воспитанія дѣтей: авторъ весьма основательно предпочитаетъ нравственность юношества правописанію и грамматикѣ Русскаго языка, «въ пользу» которыхъ онъ, кажется ничего не намѣренъ дѣлать. «Въ прекрасный майскій день, маленькой Николянька прогуливался въ прекрасномъ зеленѣющемъ лугу, принадлежащемъ къ дачѣ отца его.» Такъ начинается статья, которую авторъ назвалъ «Эхо», и она была бы не дурна, если бь можно было знать, кому собственно принадлежала дача, — отцу ли прекраснаго зеленѣющаго луга? или отцу прекраснаго майскаго дня? Въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что она не принадлежала отцу Николянькину, потому что въ подобномъ случаѣ авторъ сказалъ бы — «прилежащемъ къ дачѣ своего отца». Книжка написана въ православномъ духѣ сего и онаго, котораго вліяніе на образованіе ума и сердца зело благотѣльно и безцѣнно.

Господа «М. Г. и И. Г. съ картинками» не удовольствовались простымъ переводомъ прелестныхъ дѣтскихъ повѣ-

стей Г-жи Зонтагъ : они еще ихъ передѣляли , какъ только можно передѣлать , — передѣляли по-Московски , безъ пощады , безъ милосердія . Милостивые государи М. Г. и И. Г. съ картинками ! за что изволили вы такъ ихъ передѣлать ? Если бъ господа М. Г. и И. Г. не были люди съ картинками , мы бы , право , подумали , что они враги всему изящному !

«Цвѣты нравственности» растутъ всюду , но надобно уметь ихъ собирать и сушить . Авторъ этой флоры , или говоря ботанически , этого *hortus siccus* , «сухаго цвѣтника» нравственности , говоритъ , что «отдѣльные мнѣнія суть цвѣты въ сочиненіяхъ лучшихъ писателей : собирать *sim* мнѣнія , значить — собирать цвѣты или , лучше сказать , плоды въ вертоградѣ , насажденномъ и возвращенномъ.» Вотъ нѣкоторые изъ этихъ цвѣтовъ или , лучше сказать , плодовъ :

«Ругательство развратниковъ надъ честными людьми приноситъ *sim* послѣднимъ истинную честь.»

«Ложно честные люди суть тѣ , кои скрываютъ свои недостатки отъ другихъ и отъ самихъ себя . Истинно честные тѣ , кои совершенно ихъ знаютъ и въ нихъ признаются.»

«Имѣй добрую совѣсть , и будешь имѣть всегда радость.»

«Блаженъ тотъ , кто терпѣливъ въ скорби и вриемлетъ *omnium* такъ , какъ бы она приходила отъ судьбы.»

Примѣчательно , что , несмотря на свою сухость , всѣ эти цвѣты сохранили каждый подъ искусною рукою Г. Михаила Третьякова свой собственный запахъ : одни пахнутъ *sim* , другіе *onym* , третьи издають уопительное благоуханіе *коего* , и такъ далѣе .

Въ «Русскихъ повѣстяхъ и разсказахъ для юнаго возраста» есть страницы весьма занимательныя . Выпишемъ хоть одно небольшое мѣсто .

«Мы легкомысленны и забывчивы : намъ необходимо напоминаніе . Господь заключилъ его во всей природѣ , а болѣе всего въ тверди небесной . Подумайте о томъ , что я вамъ скажу : день опредѣленъ людямъ на то , чтобы они посвящали его дѣламъ своего земнаго назначенія , и въ это время они видятъ одну свою землю , въ голубомъ пространствѣ . Только необходимый свѣтильникъ , солнце , сіяетъ надъ ними , чтобы они могли ясно видѣть свой міръ и дѣлать то , къ чему здѣсь обязаны . Скоро заботы жизни утомляютъ людей и день сменяется ночью . Тогда сонъ доставляетъ людямъ отдохновеніе . Вы знаете ,

что онъ есть пособие и предвѣстіе смерти. Что же? Когда человекъ склоняется къ этому состоянію, темнота покрываетъ землю; она почти исчезаетъ отъ нашихъ глазъ, и въ высотѣ является безчисленное множество другихъ міровъ, — образъ вѣрности.»

Эту книгу можно рекомендовать смѣло отцамъ семействъ: мы желали бь однако жь болѣе легкости ея слогу.»

Лѣтописи Русской славы, со временъ воцаренія на Русскомъ престолѣ благословеннаго дома Романовыхъ. Сп.-бургъ, въ тип. Гинце, 1836, въ-16., стр. 87.

Небольшая книжечка въ хорошенькомъ переплетѣ, въ родѣ ручнаго календаря, съ означеніемъ подѣ каждымъ числомъ мѣсяца, вмѣсто праздниковъ, знаменитѣйшихъ побѣдъ Русскихъ надъ непріателемъ. Сверхъ-того приложены портреты Петра Великаго, Александра I, нынѣ царствующаго Гоеударя Императора Николая Павловича, Е.И.В. Великаго Князя Михаила Павловича, Суворова-Рымнинскаго, Кутозова-Смоленскаго, Дибича-Забалканскаго и Паскевича-Эриванскаго. Мы предпочитаемъ эту книжечку многимъ книгамъ.

Покотилова метода, или ученіе безъ складовъ; то есть, самый легчайшій способъ ученія, состоящій въ пяти урокахъ, коимъ малолѣтнихъ можно безъ затрудненія выучить совершенно читать не болѣе какъ въ два мѣсяца; составленъ изъ опытовъ многолѣтнихъ въ пользу юношества Россійской имперіи. Москва, въ тип. Пономарева, 1836, въ-24., стр. XI — 36.

CHRISTOMATHIA LATINA, in usum Scholarum Ecclesiasticarum, in seminario Petropolitano collecta, et in duas partes divisa. Mosquæ, typis Sanctissimæ Synodi, 1835, въ-8., стр. 183 — 204.

Христоматія эта есть распространеніе, и весьма хорошее, плана Lateinisches Lesebuch, Гедике: отрывки священныхъ и языческихъ текстовъ выбраны съ умѣніемъ и размѣщены съ приличною постепенностью. Можно сказать, что это очень хорошая христоматія. Она сверхъ-того отлично приспособлена къ своему назначенію.

Слова и рѣчи на разные дни и случаи, говоренныя Ярославской семинаріи профессоромъ, Демидовскаго мѣщца законоучителемъ, протоіереемъ Павломъ Соколовымъ. Ярославль, въ тип. Губернскаго Правленія, 1835, въ-8., стр. 280.

О должностяхъ челоѵка, сочиненіе Сильвіо Пеллико; переведено съ Итальянскаго Николаемъ Хрусталевымъ. Одесса, въ тип. Городской, 1835, въ-12., стр. 217.

Г. Сильвіо Пеллико, Италіанскій карбонаро, который заплатился за свои грѣхи въ Ломбардо-Венеціанскихъ тюрьмахъ и живетъ теперъ въ Парижѣ, такъ много испыталъ во время жизни, что имѣеть полное право писать о должностяхъ челоѵка. Въ подражаніе Цицерону, который написалъ тоже книгу о должностяхъ челоѵка, De officiis, онъ учитъ насъ, что должно дѣлать, а чего не дѣлать. Замѣчательно, что и Цицеронъ и Г. Сильвіо Пеллико, при всемъ томъ, надѣлали въ свою жизнь много глупостей. Но Г. Сильвіо Пеллико былъ прежде домашнимъ наставникомъ въ семействѣ одного Италіанскаго графа, и онъ съ тѣхъ поръ, кажется, сохранилъ страсть къ наставленіямъ. Впрочемъ, онъ говоритъ отъ глубины сердца; правила его дышатъ религіею и чистой нравственностью, къ которымъ онъ возвратился послѣ испытанныхъ заблужденій; но эти правила большею частію общія и всѣмъ извѣстныя. Самъ авторъ сознается, что, написалъ свою книгу для одного, что единственная цѣль его была изчислить обязанности, встрѣчаемыя челоѵкомъ на пути жизни, внушить ему, чтобы онъ былъ внимателенъ къ нимъ и исполнялъ ихъ съ благородной твердостью. Какъ бы то ни было, всякой благомыслящій челоѵкъ можетъ прочесть эту книгу безъ опасенія и даже съ удовольствіемъ: она покажетъ ему, что несчастіе не убиваетъ страдальца, одареннаго истинною вѣрою; что есть люди, которые среди самыхъ жесточайшихъ страданій, могутъ говорить съ той твердостью и безпристрастіемъ, которыя становятся намъ выше судьбы и случаевъ жизни.

О истинѣ. Сочиненіе І. Х. А. Гейкрота, профессора Психологіи Лейпцигскаго университета, и врача душев-

ныхъ болѣзней. Напечатано издѣніемъ князя А. Б. Голицына. Перевелъ съ Нѣмецкаго А. Накропинъ. Сп.-бургъ, въ тип. Шульца и Бенке, 1836, въ-8. Дѣль части въ одномъ томѣ, стр. XV и 176 — 146.

Профессоръ Гейнротъ, который принадлежитъ къ той же философической школѣ какъ и Шеллингъ, издалъ, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, книгу, переведенную нынче Г. Накропинымъ. Она имѣла нѣкоторый успѣхъ въ Германіи, гдѣ и цѣль автора, и его намѣтки, и его способъ изложенія и то, противъ чего онъ возстаетъ и что опровергаетъ, понятны почти всей читающей публикѣ, или по-крайней-мѣрѣ не чужды. Цѣль, къ которой стремится эта школа, никогда не находила въ насъ сочувствія, хотя главное ея средство, возстановленіе вѣрованія, не можетъ не заслуживать участія людей благомыслящихъ. Эта цѣль выражена въ Греческомъ эпиграфѣ книги Гейнрота: тотъ же лозунгъ избралъ себѣ Шеллингъ; и, почему жъ не сказать правды? — тотъ же и аббатъ де-Ламенѣ. Стремленіе этой школы въ Германіи скрытно, напечатлено Нѣмецкою осторожностью; стремленіе ея во Франціи болѣе явно и нагло, по мѣстнымъ обстоятельствамъ и особенному характеру народа. Въ Германіи учителя закона этой политической секты, которая хочетъ схватить въ свои руки знамя Константина Великаго и повторять ся слова — *In hoc signo vinces*, принимаютъ съ нѣкоторато времени странный титулъ «врачей душевныхъ болѣзней вѣка». Но какъ скоро они вылечатъ свой вѣкъ, они знаютъ, что сдѣлаютъ со здоровымъ!

Наблюдая эти душевныя мученія западной Европы, больной политическими теоріями, которыя принимаютъ тамъ всѣ возможные формы, даже христіанскаго благочестія, мы не можемъ не поздравить своего отечества съ незнаніемъ того, что она называетъ своими потребностями. Слава Богу, у насъ не нужно возстановлять вѣрованія, потому что оно стоитъ твердо и его не легко потрясти въ православной Россіи. Туманныя ученія Германскихъ философическихъ системъ упали прежде, чѣмъ успѣли проникнуть въ недра нашего отечества, и они уже не въ состояніи сдѣлать намъ того вреда, какой сдѣлали на родинѣ. Германскіе врачи душевныхъ бо-

лезней дечать у себя этотъ вредъ тѣмъ же логогривическими словами, которыя произвели его. Они не портятъ рамокъ своихъ философическихъ идей, а только бросаютъ ими въ лобъ своимъ противникамъ. Вотъ почему ихъ книги у насъ почти безъ приговора : онѣ опровергаютъ то, чего у насъ не существуетъ и воюютъ оружіемъ, вовсе неупотребительнымъ на Руси. Къ этому разряду принадлежить и книга Гейнротъ. Чтобы понимать самое ея заглавіе, «Объ Истинѣ», надобно знать исторію споровъ Нѣмецкой Философіи : начиная съ Канта до Гегеля, всѣ тамошніе умозрители добивались «безусловной истины». Гейнротъ, клонясь болѣе къ ученію и способамъ разсужденія Якоби чѣмъ къ другимъ, доказываетъ, что истина находится въ одной только откровенной религіи. Сочиненіе его одушевлено чистымъ и истиннымъ благочестіемъ, но, занятый болѣе опроверженіемъ своихъ противниковъ и стрѣляя ихъ ядрами, онъ употребляетъ безконечные объезды для достиженія цѣли, до которой можно дойти путемъ, гораздо прямѣйшимъ и болѣе удобнымъ. Цѣль школы, по-счастію, забыта имъ въ сочиненіи : онъ защищаетъ только свое положеніе, и съ этой стороны его книга можетъ составить весьма назидательное чтеніе. Она, конечно, помезна, по-крайней-мѣрѣ какъ лекарство, которое должно имѣть въ запасѣ на случай болѣзни. Легкое облако туманности и мистицизма носится надъ ея страницами. Такая книга, чтобы увлечь и восхитить читателя, должна быть написана превосходнымъ языкомъ и слогомъ : этого привѣтствія, къ крайнему прискорбію, мы не можемъ сдѣлать перу Г. Накропина, переводчика, и намъ остается только отдать справедливость добродушію намѣренію издателя его труда.

Минерва. Ивана Кронеберга. *Харьковъ въ тип. Университетской, 1835, въ-8. Четыре части, стр. 283—291—364—108.*

Подъ этимъ заглавіемъ Г. Кронебергъ издалъ свои брошюры. Если бы не тяжелый, старинный, книжный слогъ, можно было бы назвать это изданіе хорошею книгою ; а если бы было доказано, что книги, писанныя дурнымъ слогомъ,

приносить пользу, можно было бы даже, въ крайнемъ случаѣ, назвать его полезнымъ. Но опытъ вѣковъ убѣждаетъ въ противномъ: полезны только книги, писанныя хорошимъ слогомъ, чистымъ и изящнымъ языкомъ; однѣ онѣ живутъ, однѣ производятъ впечатлѣніе надъ читателями, и однѣ удостоиваются вторичнаго и третичнаго чтенія. Тѣ, которые пренебрегаютъ искусство слога, надѣясь на содержаніе своихъ сочиненій, ошибаются въ расчетъ: они пишутъ не книги, но только матеріалы для чужихъ книгъ; читателей у нихъ не бываетъ, они имѣютъ только грабителей. Жаль, что авторъ «Минервы» не проникнулся этой истиною.

Лучшія статьи ея — переводныя; между ними отличаются сужденіе о изобиліи предметовъ пластическаго Искусства у Грековъ и о причинахъ *онаго*, то есть искусства; о переселеніи твореній Искусства изъ завоеванныхъ земель въ Римъ, о рыцарской поэзіи Германцевъ; взглядъ на древнюю Грецію.

Г. Кронебергъ старается знакомить Русскихъ читателей съ духомъ Гёте, Шекспира, Горация; и между прочимъ представляетъ содержаніе всей Иліады. Право, удивительно, какъ Г. Кронебергъ, который такъ восхищается литературнымъ дарованіемъ Гёте, не предложилъ себѣ вопроса, какимъ образомъ этотъ Гёте достигъ той изящности, той сладости и свѣжести слога, что подъ его перомъ Нѣмецкій языкъ, какъ обыкновенно говорятъ, кажется вовсе не Нѣмецкимъ. А ларчикъ просто отпирался! Гёте отвергъ Нѣмецкій книжный языкъ, всѣ эти тяжелыя, подъяческія, ржавыя формы литературнаго періода Германцевъ, всѣ эти громадныя и безвкусныя груды предложеній и мертвыхъ словъ, и старался приблизиться къ живому, современному языку, къ настоящему языку Нѣмецкому, писать такъ, какъ говорятъ въ Германіи люди образованные и какъ самъ онъ говорилъ, придавая только выраженіямъ и оборотамъ лоскъ художественной отделки. Правда, Гёте никому не сказывалъ своего секрета, но тому, кто понимаетъ Гёте, легко отгадать тайну. Когда мы уже третій годъ повторяемъ, что надобно писать по-Русски языкомъ современнымъ, живымъ, единственнымъ языкомъ, который заслуживаетъ имени Русскаго и признанъ народомъ; когда мы совѣтуемъ дѣлать именно то, что дѣлалъ Гё-

те по внушенію геніальнаго инстинкта, вѣрнѣйшаго руководителя въ дѣлѣ вкуса и прекраснаго, Г. Кронебергъ намъ не вѣриды! Подите, толкуйте съ старыми привычками! Возвращаясь къ содержанію «Минервы», замѣтимъ еще «Краткое обозрѣніе Исторіи древнихъ рукописей съ IV по XV столѣтіе» (по Герену); и «Историческій взглядъ на литературу въ среднихъ вѣкахъ, съ 400 по 1500 годъ» (по Вахшеру).

Краткое свѣдѣніе о мѣстѣ погребенія Прокопія Николаевича Ляпунова. СПб.-бургъ, въ тип. Медицинскаго Департамента М. В. Д., 1835, въ-8., стр. 9.

Карамзинъ, какъ извѣстно, предполагалъ, что тѣло Ляпунова, искаженное злодѣями, осталось, можетъ-быть, «безъ христіанскаго погребенія и служило пщцею вранамъ». Г. Быстровъ, сочинитель этой любопытной брошюры, открылъ въ здѣшней Публичной Библіотекѣ, рукописный экземпляръ «Устава, сирѣчь Церковнаго Ока», который принадлежалъ Наоболочницкому монастырю прежняго города Старой Рязани, теперь довольно обширнаго села на правомъ берегу Оки, въ пятидесяти верстахъ отъ нынѣшней Рязани, и былъ подаренъ обителю Владиміромъ Ляпуновымъ, сыномъ знаменитаго воина - патріота. Этотъ экземпляръ помѣченъ рукою Владиміра, который даритъ его обителю съ тѣмъ, чтобы «книга сія Уставъ» не была ни продана, ни заложена и ни кому изъ монастыря не отдана, и чтобы монашествующая братья молилась «за меня Володимера и за жену мою и за дѣтей моихъ и родителей нашихъ, которые лежатъ въ обители сей, а по смерти моей и меня Володимера поминать меня какъ и прочихъ родителей моихъ.» Мы не приводимъ остальной части надписи, которая, со своимъ комментариемъ, составляетъ всю брошюру. Авторъ заключаетъ изъ этихъ словъ что тѣло Прокопія Ляпунова не испытало той позорной участи, о какой говоритъ Карамзинъ, и что оно погребено въ этомъ монастырѣ. Конечно, надпись на «Уставѣ» подтверждаетъ мнѣніе Г. Быстрова очень ясно, но сомнѣніе можетъ относиться къ слову *нашихъ* (родителей). «*наши* родители» также легко можетъ значить троихъ родителей, то есть, мать Владиміра и отца и мать его жены, какъ и четверыхъ.

Къ брошюру приложенъ списокъ надписи.

ОПИСАНІЕ ПРУССКАГО ГОСУДАРСТВА въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, составленное Ардаліономъ Ивановымъ, воспитателемъ и наставникомъ Императорскаго Училища Правовѣденія. СПб.-бургъ, въ тип. И. Глазунова, 1836, въ-8. Часть первая, стр. 201.

Пруссія есть такой политической феноменъ въ Европѣ, что мы непременно воспользуемся сочиненіемъ Г. Иванова, для того чтобы подвергнуть этотъ предметъ критическому обзору. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать выхода второй части; но позволительно спросить автора, при первой части: неужли въ двухъ томахъ описанія Пруссіи ничего не будетъ сказано объ ней въ отношеніяхъ административномъ и судебномъ, самой важной и самой удивительной чертъ этого государства? Ни заглавіе, ни предисловіе, не общають этого, но мы надѣемся, что книга сдержитъ болѣе, чѣмъ общають ея заглавіе и предисловіе.

НАСТАВЛЕНІЕ ЛЕГКИМЪ ВОЙСКАМЪ И ОФИЦЕРАМЪ, СЛУЖАЩИМЪ ВЪ ПЕРЕДОВЫХЪ ПОСТАХЪ. Составленное по наставленію Фридриха II своимъ офицерамъ графомъ де-Ла-Рошъ-Аймонъ. Переводъ съ осьмаго Французскаго изданія 1831 года; Санктпетербургскаго уланскаго полка поручика Булгарина. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. XVI-216.

«Воспитанная въ простотѣ праотеческихъ нравовъ, Наталья Кириловна и въ царскихъ палатахъ сохранила добродѣтели, украшавшія....» Это не то? «Преде мною былъ садъ; на деревьяхъ висѣли зрѣлыя виноградныя кисти. Пришелъ хозяинъ съ лѣстницею и началъ снимать виноградъ....» Также не то! Странно! На заглавіи сказано, что это наставленіе, составленное по наставленіямъ Фридриха II. Посмотримъ еще! «Вода прямо летитъ внизъ, почти не дотрогиваясь до утеса горы, и разбиваясь, такъ сказать, въ воздушномъ пространствѣ, падаетъ на землю, гдѣ находится.....» Это ни на что ужъ не похоже!

Повидимому, въ этой книгѣ — цѣлая полкнига чужая. Ежели это сдѣлано въ шутку, мы готовы смѣяться, вмѣстѣ съ тѣми,

которые подобно намъ , купивъ «Наставленіе легкимъ войскамъ», графа Эмона (переводчикъ утверждаетъ , что этотъ графъ назывался *Аймономъ*), нашли въ ней , отъ страницы 25 до 73 , отрывокъ какой-то Русской христоматіи , вклеенный вѣроятно по ошибкѣ , потому что ни одной изъ статей этого отрывка нѣтъ въ оглавленіи книги , такъ же какъ въ книгѣ нѣтъ половины главъ , показанныхъ въ оглавленіи. Покорнѣйше просимъ почтеннаго переводчика прислать намъ , взаменъ этого , другой экземпляръ «Наставленій , составленныхъ по наставленію», полный , безъ Натальи Кириловны , безъ виноградныхъ кистей и безъ писемъ Морица изъ Швейцаріи.

Опытъ сельскаго благоустройства , или полиціи. Сочиненіе Ф. Майера. Издавъ Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства. Москва , въ тип. Селивановскаго, 1835, въ-8., стр. XVI—372.

Первый опытъ сельскаго благоустройства , первая книга , въ которой управленіе крестьянами приведено въ нѣкоторую систему. Г. Майеръ самъ сознается , что его полезный трудъ не конченъ ; но онъ сдѣлалъ первый шагъ , — шагъ трудный , и по обширности нашего отечества , и потому что до-сихъ-поръ управленіе Русскимъ имѣніемъ не составило еще науки.

Подъ словами «сельское благоустройство» авторъ разумѣетъ ту часть сельскаго управленія , которая касается единственно до спокойствія селенія и благосостоянія крестьянъ ; словомъ то , что бы мы назвали сельскимъ внутреннимъ благочиніемъ. Его предметы — исполненіе обязанностей къ правительству ; безопасность жизни и здоровья жителей ; безопасность имущества , благосостояніе и доброе поведеніе крестьянъ. Въ концѣ книги присоединена статья о сбереженіи лѣсовъ. Вообще , эта книга заключаетъ въ себѣ множество прекрасныхъ правилъ , совѣтовъ и наставленій , которыми наши сельскіе хозяева и управители имѣній должны воспользоваться.

Г. Майеръ , чувствуя , какъ мы уже сказали , неполноту своего произведенія , предположилъ употребить на премію

за обработаніе статей, которыя признаны будутъ неудовлетворительными, тѣ деньги, какія выручатся изъ продажи книги, за уплатою расходовъ, сдѣланныхъ на ея напечатаніе. Вѣроятно, въ томъ числѣ будетъ учреждена одна премія за обработаніе языка и слога, которые мы, съ нашей стороны, признаемъ «недостаточными.»

ИЗЪОБРАЖЕНІЕ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПРАВЪ ДВОРЯНСКИХЪ, ОТНОСИТЕЛЬНО ИМПѢРІИ И ПРОЧАГО, СЪ ПОМѢЩЕНІЕМЪ ВЕЗДѢ ПРИЛИЧНЫХЪ ЗАКОНОВЪ ПО 1834 ГОДЪ, НЫНѢ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ. Сочиненіе Г. С. и кав. Ѳ. Крапчуновскаго. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-8., стр. 156.

Авторъ говоритъ сперва о судахъ, — о судѣ формальномъ, третейскомъ, совѣстномъ и словесномъ; потомъ о ходѣ дѣлъ по инстанціямъ, о переносѣ аппелляцій изъ одной инстанціи въ другую, — вообще о формахъ судопроизводства, далѣе о самыхъ дѣлахъ, — о дѣлахъ вотчинныхъ, долговыхъ, слѣдственныхныхъ и уголовныхъ; о наследствѣ, выкупѣ имѣній, призрѣніи малолѣтнихъ дворянскихъ сиротъ и вдовъ; о духовныхъ завѣщаніяхъ, и прочая. Тѣмъ, которые проиграли дѣло, книга Г. Крапчуновскаго можетъ доставить большое утѣшеніе.

ПОЛОЖЕНІЕ ОВЪ УПРАВЛЕНІИ ДОНСКАГО ВОЙСКА. СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ КЪ НАКАЗУ ГРАЖДАНСКОМУ УПРАВЛЕНІЮ ШТАТАМИ И ОБЩИМИ ПОЛОЖЕНІЯМИ. Сп.-бургъ, въ тип. Военной, 1835, въ-8. Дѣль книги, въ трехъ частяхъ, стр. 544 — 279 — 284.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Мы считаемъ своею обязанностью обратить вниманіе любителей музыки на три изданія, которыя пріобрѣтаютъ большой успѣхъ. «Семь Русскихъ народныхъ пѣсенъ», положенныхъ на одинъ голосъ, съ варіаціями и аккомпаниментомъ,

сочиненія Г. Рубини, заслуживаютъ полную похвалу въ отношеніи ко вкусу и нѣжности своей отдѣлки: эти мелодійныя, Русскія эха роскошно раздаются въ сердца. «Русскій пѣвецъ и фортепіанистъ», издаваемый Г. Снегиревымъ, — совершенно въ другомъ родѣ, но не менѣ исполненъ трогательныхъ народныхъ звуковъ и прекрасныхъ мотивовъ, варьированныхъ очень пріятно. «Музыкальная Библіотека» Г. Снегирева начинаетъ уже второй годъ своего существованія: она выходитъ по-мѣсячно, и это превосходныя учебныя тетради для юныхъ піанистовъ обоюга пола. «Музыкальная Библіотека» состоитъ изъ выбора пассажей и цѣлыхъ отрывковъ изъ лучшихъ оперъ и другихъ музыкальныхъ твореній; эти отрывки отысканы съ умѣніемъ, и расположены съ замысловатою постепенностью, переходя отъ легкихъ къ труднѣйшимъ.

— Между образованными занятіями особъ хорошаго общества во Франціи и Англій, Ботаника есть одно изъ первыхъ и самыхъ пріятныхъ. Эта восхитительная забава, которая въ отношеніи къ удовольствію и здоровью, право, стоитъ вышиванія въ пальцахъ, еще не составляетъ части сельскихъ упражненій нашихъ блистательныхъ дамъ и дѣвицъ, такъ часто скучающихъ лѣтомъ на дачѣ. Что можетъ быть пріятнѣе какъ бродить по лужайкамъ или углубляться въ рощи, для того чтобы знакомиться съ тихими ихъ жителями, съ туземцами-цвѣтками; изучать ихъ названія, свойства и привычки; дружить съ ними; видѣть вокругъ себя каждое утро сонмы этихъ милыхъ, пахучихъ друзей, ожидающихъ, чтобы вы каждого изъ нихъ узнали, назвали по имени, поласкали? У васъ, сударыня, не достанетъ сердца беззаботно раздавить ножкою вашего вчерашняго знакома; вы услышите его стонъ подъ башмакомъ, ужаснетесь прежняго своего жестокосердія. И чтобы достигнуть этого невинаго счастья, не надобно ни Латинскихъ книгъ, ни ученаго труда: есть собранія превосходно гравированныхъ и раскрашенныхъ растений; на каждой картинкѣ, — это настоящія картинки, — написано имя растительнаго жителя вашей окрестности; къ ней приложена страничка описанія его характера нравовъ и пользы или вредности. Такія собранія называются «Флорами». Вы берете съ собою нѣсколько тетрадокъ

этихъ рисунковъ, и отправляетесь «герборизовать», — одинъ, — а еще лучше съ сестрицею и молодымъ кузеномъ, который можетъ, въ нужномъ случаѣ, достать для васъ цвѣтокъ изъ воды, изъ мокраго мѣста, изъ крапивы. Набравъ самыхъ красивыхъ или интересныхъ растений, вы садитесь подъ деревомъ, раскладываете на колѣнахъ картинки и цвѣтки, кузень вамъ помогаетъ, вы общими силами отыскиваете портретъ растенія, сравниваете, сличаете, считаете листочки и прутики, находите. Какое восхищеніе! вы теперь его знаете; вы прочитали его имя, кузень вамъ прочитаетъ его исторію; пойдутъ замѣчанія..... Можетъ-быть вы вздохнете, размышляя о жизни этого нѣжнаго, беззащитнаго и скоропроходящаго существа. Но послѣ каждаго цвѣтка можно много смѣяться, и, по возвращеніи домой, опять смѣяться, показавъ цвѣтокъ дядюшкѣ, и спросивъ у него — какъ онъ называется? А потомъ сушеніе цвѣтковъ въ книгахъ? укладываніе «сухаго цвѣтника»? собираніе имьянъ?... Ахъ, сударыни, запаситесь флорами, когда мы поведемъ весной на дачи: я пойду съ вами герборизовать, — возьмите меня съ собою! Гг. Левинъ и Селезневъ озаботились уже о томъ, чтобы доставить намъ всѣ пріятности Ботаники: они издають «Петербургскую Флору», — шесть тетрадокъ, въ каждой по двадцати пяти прекрасно нарисованныхъ и раскрашенныхъ растеній; первая тетрадь уже вышла, послѣдняя выйдеть въ іюнь. Исполненіе приноситъ честь литографіи Г. Селезнева. Запаситесь этими красивыми тетрадками, и Петербургскія окрестности представятъ вамъ новыя, незнаемыя красоты.

— «Сынъ Отечества», послѣ многихъ опытовъ возстановить свою репутацію, рѣшился въ нынѣшнемъ году на полное и коренное возрожденіе. Мы уже имѣемъ передъ собою три его первыя книжки, въ зеленой оберткѣ, на бѣлой бумагѣ, напечатанныя красиво, и весьма почтенной толщины. Внутреннее его достоинство, кажется, будетъ соответствовать этимъ вещественнымъ улучшеніямъ: въ трехъ первыхъ книжкахъ есть уже нѣсколько хорошихъ статей, и одна даже прекрасная, которую, по ея краткости, мы здѣсь выпишемъ, и для того чтобы показать стремленіе «Сына Отечества» къ украшенію своихъ страницъ предметами чтенія, истинно достой-

ными любопытства публики, и для вознаграждения себя, чѣмъ-нибудь, за обильныя выписки, которыя «Сынъ Отечества», говорить, дѣлаетъ изъ нашего журнала.

«Какой-то въ древности вельможа

Съ богато убраннаго ложа

Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ.

Сказать простѣе, умеръ онъ ;

И, такъ, какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.

Тотчасъ допросъ ему: — Чѣмъ былъ ты? гдѣ родился? —

«Родился въ Персіи, а чпномъ былъ сатрапъ ;

«Но такъ какъ, живучи, я былъ здоровѣемъ слабъ,

«То самъ я областью не правилъ,

«А всѣ дѣла секретарю оставилъ.»

— Что жъ дѣлалъ ты? — «Пилъ, ѣлъ и спалъ,

«Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ.»

— Скорѣй же въ рай его! — «Какъ! гдѣ же справедливость?»

Меркурій тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.

— Эхъ, братецъ! отвѣчалъ Эакъ :

Не знаешь дѣла ты ни-какъ.

Не видишь развѣ ты — покойникъ былъ дуракъ !

Что, если бы съ такою властью

Взялся онъ за дѣла, къ несчастью ?

Вѣдь погубилъ бы цѣлый край !.....

И ты бѣ самъ слезъ не обобрался !

Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай ,

Что за дѣла не принимался. —

Вчера я былъ въ судъ, и видѣлъ тамъ судью :

Ну такъ и кажется, что быть ему въ раю !»

Не нужно и говорить, что это басня Крылова. Но можно прибавить, что заглавіе ей — «Вельможа», и что, еще до напечатанія въ «Сынъ Отечества» она уже ходила въ рукописи и повторялась всѣми наизусть въ Петербургѣ. Последнее обстоятельство показываетъ ея достоинство лучше всѣхъ похвалъ, какія мы могли бѣ воздать ей и вкусу владельцевъ журнала, которые поспѣшили сообщить ее своимъ читателямъ. Жаль только, что «Сынъ Отечества» слишкомъ мало распространенъ въ читающей публикѣ. Между статьями, которыя могли бѣ обратить на себя общее вниманіе, мы

упомянемъ очень хорошее разсужденіе о Руси и Рюссаландѣ, подписанное буквами *П. Б.*; занимательную повѣсть Г. Булгарина; «Шлиссельбургъ», Г. Массальскаго, и «Взглядъ на финансовую систему Великобританіи». Еженедѣльное обозрѣніе политическихъ происшествій дѣлается съ умѣніемъ и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ частей изданія. Есть и Критика, — то есть, критика на критики, — самый подозрительный и бесполезный родъ критики: мы объ ней ничего не скажемъ, потому что такихъ статей никогда не читаемъ. Приписываютъ эти статьи одному отставному сотруднику *Б. для Ч.*, — другой важный для насъ поводъ не читать ихъ. Но мы бы желали, чтобъ всѣ наши читатели могли ихъ хоть пробѣжать: это должно быть любопытно. Говорятъ, что тамъ обвиняютъ критики *Б. для Ч.* во всеобщемъ презрѣніи и въ зависти ко всякому успѣху. То или другое должно быть несправедливо: нельзя завидовать тому, что презираешь. Притомъ, презирать, благодареніе Господу Богу, всегда есть что, начиная съ такихъ обвиненій, а завидовать, покамѣстъ..... ну, право, нечему!

— «Санктпетербургскія Вѣдомости» возвышаются безпрерывно къ степени весьма занимательной и хорошо писанной газеты. Довольно сказать, что съ перваго января онѣ поступили подъ редакцію *А. Н. Очкина*, котораго изящное перо и вкусъ знакомы всѣмъ читателямъ нашего журнала. Быстрое улучшение ихъ содержанія, языка, слога и наружности, при другихъ, особенныхъ преимуществахъ, обѣщаетъ скоро сдѣлать ихъ газетою, которая предпочтительно будетъ читана даже въ отдаленныхъ частяхъ Россіи. Но, подлѣ этой похвалы, мы вынуждены обратиться къ ней съ рекламаціей: она сообщаетъ теперь, за новое и важное, открытіе какого-то Ганноверца надъ сохраненіемъ картофеля посредствомъ сушенія, между-тѣмъ какъ этотъ способъ открыть прежде однимъ нашимъ агрономомъ, *Г. Шелеховымъ*, и еще въ началѣ прошлаго года былъ описанъ имъ въ статьѣ «Картофель», помѣщенной въ *Б. для Ч.* Зачѣмъ лишать Русскаго всей картофельной заслуги, въ пользу Ганноверскаго Нѣмца? Это доказываетъ необходимость читать между прочимъ и Русскіе журналы.

— Библиотека для Чтенія надвѣтся помѣстить въ слѣдующей книжкѣ статью А. Марлинскаго, полученную въ исходѣ мѣсяца.

— Въ Москвѣ непрерывно выходятъ ничтожныя книжки, на которыхъ смѣтливые издатели нарочно выставляютъ заглавныя буквы именъ, а иногда и полныя имена, извѣстныхъ писателей, для того чтобы продавать ихъ «иногороднымъ» за сочиненія Марлинскаго, Ушакова, и такъ далѣе. Творцы этихъ уловокъ, кажется, отнюдь не чувствуютъ всей ихъ отвратительности. Недавно вышла тамъ одна повѣсть съ именемъ «А. Тимоѣева». Алексѣй Васильевичъ Тимоѣевъ, авторъ «Елизаветы Кульманъ», проситъ насъ уведомить читателей Б. для Ч., что онъ ни сколько не виноватъ въ этой знаменитой повѣсти. Намъ сказывали, что есть еще какая-то книжка, на заглавіи которой выставлены буквы О. С., и которую кочующіе книготорговцы выдаютъ за произведеніе Осипа Ивановича Сенковского.

=

VI.

С М Ъ С Ъ.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУКЪ. *Новый планетный миръ.*
Падучія звѣзды и метеоры становятся день-отъ-дня любопытнѣйшимъ предметомъ изученія. Ихъ долго почитали чѣмъ-то въ родѣ блуждающихъ огней, явленіями, болѣе достойными забавлять чѣмъ занимать собою ученыхъ; но теперь и они будутъ имѣть свое значеніе въ высотахъ небесной тверди. По случаю великолѣпнаго дожда свѣтистыхъ метеоровъ, который былъ видѣнъ въ Америкѣ и на островѣ Кубъ 13 ноября 1833 года и въ тотъ же день 1834 года, и о которомъ говорено въ 14 книжкѣ этого журнала (Смѣсь, стран. 68 и 69), мы изъявили мнѣніе, что эти огненные шары иногда горятъ за предѣлами нашей атмосферы и что всѣ теоріи, которыми старались ихъ объяснить, кажутся намъ недостаточными. Съ тѣхъ поръ какъ стали наблюдать съ точностью нѣкоторыя падучія звѣзды, можно было удостовѣриться, до какой степени эти пренебреженные явленія, эти такъ называемыя атмосферическіе метеоры, или ракеты воспламененнаго водороднаго газа, заслуживаютъ вниманія. Уже паралаксъ ихъ показываетъ, что онѣ должны быть гораздо выше чѣмъ предѣлы нашей атмосферы по общепринятымъ теоріямъ. Изыскывая направленіе, по которому обыкновенно движутся падучія звѣзды, дошли наконецъ до факта, что хотя онѣ, можетъ-быть, воспламеняются въ нашей атмосферѣ, однако не зараждаются въ ней, а приходятъ извнѣ. *Обыкновеннѣе направленіе* падучихъ звѣздъ, кажется, діаметрально противоположно движенію земли по ея орбитѣ. Мы считаемъ себя счастливыми, что такой знаменитый астрономъ, какъ Г. Араго подкрѣпляетъ теперь это мнѣніе учеными доказательствами, и хотя онъ думаетъ, что метеоры воспламеняются въ нашей атмосферѣ, однако жъ допускаетъ главное, — что они вступаютъ въ предѣлы ея извнѣ.

«Желательно было бы, говорить оны, чтобъ этотъ фактъ былъ основанъ на сводѣ множества наблюдений. Во время плаванія по океану, вахтеннымъ офицерамъ надлежало бы замѣчать часъ явленія каждой падучей звезды и особенно ея направленіе. Относя эти метеоры къ главнымъ членамъ созвездій, чрезъ которыя они проходятъ, можно рѣшить однимъ взглядомъ вопросъ объ ихъ пути. Во всякомъ случаѣ любопытно доказать, что Земля планета, почерпая доводы изъ такихъ непостоянныхъ явленій какъ падуція звезды. Теперь нѣтъ въ виду ни какой возможности объяснить странное явленіе метеоровъ, видѣнныхъ въ Америкѣ ночью съ 12 на 13 ноября 1833 года, если не предположимъ, что между большими планетами, — а къ ихъ разряду причисляемъ мы Цереру, Палладу, Юнону и Весту, — кружатъ около солнца тмы мелкихъ тѣлъ, которыя становятся видимы только при вступленіи въ нашу атмосферу, гдѣ они воспламеняются; что эти *звѣздодобія*, или астеронды, какъ выражается Гершель, движутся некотораго рода купами, но что есть и такія, которыя существуютъ поодиночкѣ. Тщательное наблюдение падуцихъ звездъ будетъ всегда единственнымъ средствомъ къ познанію этихъ любопытныхъ шаровъ.

«Мы сейчасъ упомянули о явленіи метеоровъ въ Америкѣ въ 1833 году. Эти метеоры слѣдовали одинъ за другимъ такъ быстро, что нельзя было ихъ перечестъ: по увѣренныимъ свѣданіямъ число ихъ полагаютъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ. Ихъ видѣли по всему восточному берегу Америки отъ Мексиканскаго Залива до Галифакса, съ девяти часовъ вечера вплоть до разсвѣта, а мѣстами и среди бѣлаго дня въ восемь часовъ утра. Всѣ эти метеоры выходили изъ одной точки неба, неподалеку отъ Льва, каково бы ни было положеніе этой звезды вслѣдствіе суточного движенія сѣеры. Вотъ, безъ-сомнѣнія, странный случай! Приведемъ же другой, который ему не уступить.

Въ 1799 году подобный дождь замѣченъ былъ въ Америкѣ Г. Гумбольдтомъ; въ Гренландіи Гернгутерами, въ Германіи многими особами и тоже въ ночь съ 11 на 12 ноября,

«Въ 1832 году Еврона была свидѣтельницей такого явленія, но въ меньшемъ размѣрѣ, также ночью съ 12 на 13 ноября.

«Эта почти - тождественность времени тѣмъ болѣе упомочивала насъ пригласить жореплавателей къ внимательному наблюдению того, что можетъ появиться на небѣ съ 10 по 15 ноября. Особы, ожидавшія этого феномена въ 1834 году при ясной погодѣ, дѣйствительно, замѣтили явные слѣды его въ ночь съ 12 на 13 ноября.»

Но вотъ Г. Берраръ прислалъ Г-ну Араго еще выписку изъ журнала брига Луарѣ, которымъ онъ начальствовалъ.

«13 ноября 1831 года, въ четыре часа утромъ, небо было совершенно ясно и роса очень сильна; мы видѣли много падучихъ звездъ и огромныхъ свѣтистыхъ метеоровъ. Въ теченіе болѣе чѣмъ трехъ часовъ они показывались, среднимъ числомъ, по два въ минуту. Одинъ изъ этихъ метеоровъ, который явился въ зенитѣ, чертя за собой предлинный слѣдъ отъ востока къ западу, имѣлъ видъ широкой огненной полосы, которая равнялась половинѣ луннаго диска и представляла очень ясно разные радужные цвѣта. Слѣдъ его видѣнъ былъ долѣе шести минутъ. Мы были тогда на берегу Испаніи, близъ Картагены.»

Наконецъ Г. Миліе пишетъ въ Академію, что, съ 12 на 13 ноября 1835 года, огненный метеоръ явился въ Энскомъ департаментѣ, и, упавъ на одну избушку, причинилъ пожаръ.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ надобно заключать, что огненный дождь, о которомъ мы говорили въ Б. для Ч., повторялся періодически въ одинъ и тотъ же день 1831, 1832, 1833, 1834 и 1835 года, и по-видимому въ одноиъ и томъ же мѣстѣ неба.

Такимъ образомъ, говорить Г. Араго, подтверждается болѣе и болѣе существованіе пояса, составленнаго изъ миллионовъ мелкихъ тѣлъ, которыхъ орбиты встрѣчаются съ плоскостью эклиптики въ той точкѣ, которую земля занимаетъ ежегодно отъ 11 до 13 ноября: *новый планетный мѣръ*, который начинаетъ открываться передъ нами!

Намъ кажется однако жъ, что эта блестящая теорія нѣсколько зыбка въ своихъ основаніяхъ: по-крайней-мѣрѣ многое ей противорѣчитъ. Высота небесной точки, откуда падаютъ эти метеоры, видимые въ одинъ и тотъ же часъ въ весьма отдаленныхъ мѣстахъ земнаго шара, высота эта такова, что почти невозможно предполагать, чтобъ они воспламеня-

*

лись въ нашей атмосферѣ : они, какъ кажется, вступаютъ въ нее уже воспламененные, хотя мы и не имѣемъ еще средствъ положительно объяснить рода горѣнія ихъ внѣ воздуха. Потомъ, такъ какъ огненные шары выходятъ изъ одной точки неба, то слѣдовало бы еще предполагать, что эти новыя планеты Г-на Араго не текутъ поопредѣленнымъ орбитамъ, но скорѣе стоятъ, скопленные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; что Земля, подходя къ извѣстной точкѣ своей орбиты, встрѣчаетъ цѣлую копь такихъ мыльныхъ планетъ, разбиваетъ ее и выбрасываетъ ихъ какъ-бы изъ одного гнѣзда. Мы невидимъ, почему земной шаръ, разогнавъ однажды эту стаю мелкихъ небесныхъ тѣлъ и очистивъ себѣ дорогу, долженъ встрѣчать на слѣдующій годъ и нѣсколько годовъ сряду новыя стаи на томъ же мѣстѣ. Впрочемъ, нельзя вѣрить, что миллионы этихъ невидимокъ кружатъ между большими планетами, не допустивъ предварительно, что вселенная препохлостроена, когда небесныя тѣла, имѣющія отдѣльное и независимое существованіе и движущіяся по своимъ собственнымъ орбитамъ, могутъ сталкиваться съ другими небесными тѣлами и теряться въ ихъ атмосферѣ. Всего очевиднѣе здѣсь то, что мы еще вовсе не имѣемъ понятія о происходящемъ внѣ нашей атмосферы, и что всѣ объясненія, которыя можемъ дать на нихъ при нынѣшнемъ состояніи наукъ, суть мечты и иллюзіи. Только одинъ фактъ совершенно доказанъ въ наше время, — что ничего въ природѣ не происходитъ случайно, — все предусмотрѣно и предустроено съ удивительной мудростью: слѣдственно падучія звѣзды и другіе метеоры не должны быть результатомъ случайныхъ встрѣчъ; они, конечно, падаютъ въ нашъ воздухъ вслѣдствіе гораздо высшаго преднамѣренія. Быть-можетъ, они назначены питать земную атмосферу газами и веществами, которыя жизнь планеты высасываетъ изъ нея и постепенно потребляетъ; быть-можетъ, это ежедневная, опредѣленная пища нашего шара, безъ которой онъ не жилъ бы. Земля, конечно, питается какъ и мы, какъ ея деревья, животныя, какъ все, что на ней существуетъ, и летучій кормъ ея готовится въроятію въ эфирныхъ пространствахъ, которыя она пробѣгаетъ, и падаетъ на нее огненною манною.

ГОДИЧНЫЙ СЪѢЗДЪ ГЕРМАНСКИХЪ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ. Германское Общество Естествоиспытателей и Врачей, Naturforscher und Aerzte, имѣло въ сентябрѣ мѣсяцѣ тринадцатое собраніе свое въ Боннѣ. Не обладая тѣми огромными средствами, которыя достались въ удѣлъ, младшему по времени учрежденія, обществу Англійскому, оно быть-можетъ не уступитъ ему въ массѣ учености, и профессоръ Окенъ въ нравѣ гордиться успѣхомъ своего начинанія, потому что онъ былъ первымъ дѣйствователемъ въ учрежденіи этихъ ученыхъ сеймовъ, какъ бы впрочемъ ни оспаривали ихъ относительную пользу для науки. Въ числѣ участивковъ нынѣшняго собранія были, кромѣ множества другихъ ученыхъ, Гг. Берзеліусъ, фонъ-Бухъ, Фрорипъ, Александръ и Адольфъ Броньяръ, Омалиусъ д'Аллауа, Литтровъ, Риттеръ, Жюссиѣ, Амперъ, Линкъ, Рюппель, Боклендъ, Лейель, Григори, Торнеръ и Лордъ Эдеръ (Adair). Первое общее засѣданіе кончилось большимъ обѣдомъ въ казино, гдѣ въ числѣ гостей было нѣсколько дамъ. Нѣкоторые утверждаютъ что эти обѣды, на которыхъ много ѣдятъ и еще больше пьютъ, составляютъ единственную прибыль науки отъ подобныхъ сборищъ. Здѣсь кстати замѣтить, что года за два Берлинскіе остроумцы вздумали изобразить обѣдъ ученаго общества въ каррикатурѣ, съ подписью: «Вотъ какъ естествоиспытатели испытываютъ естество! Wie die Naturforscher Natur forschen.»

На другой день начались частныя собранія, и тутъ Медицина и Геологія отличились особенной дѣятельностью. Въ химическомъ отдѣленіи прочитано было нѣсколько любопытныхъ замѣчаній касательно разложенія новыхъ растительныхъ началъ; въ зоологическомъ и ботаническомъ не было почти ничего особенно достойнаго вниманія, но по части Геологіи происходилъ жаркій и продолжительный споръ о теоріи возвышенныхъ кратеровъ Г. фонъ-Буха, и кончился, какъ обыкновенно, тѣмъ, что каждый изъ спорившихъ остался при своемъ собственномъ мнѣніи. Докторъ Абихъ, изъ Брауншвейга, представилъ и объяснилъ прекрасныя рисунки Этны и Везувія. Потомъ разсуждали Шмерлинговыхъ открытіяхъ въ Литтхскихъ костистыхъ ещерахъ, о замѣчаніяхъ фонъ-Гоффа касательно слѣдовъ

ступни въ Гильдбурггаузенскомъ песчаняѣ и доктора Бокленда о дивоверіюхъ. Въ слѣдующіе дни предпринято было нѣсколько удачныхъ поѣздокъ въ сосѣднія горы, но послѣдняя геологическая прогулка ознаменовалась довольно неприятнымъ случаемъ: два перые геолога въ свѣтъ, Гг. фонъ-Бухъ и Боклендъ, оба вывали изъ кареты и немного ушиблись. Этимъ объяснилась имъ землетрясенія.

При сравненіи Германскаго общества съ Великобританскимъ нельзя не замѣтить, что одно изъ важныхъ преимуществъ помянутаго состоитъ въ особомъ капиталѣ, определенномъ для разныхъ ученыхъ потребностей, тогда какъ въ Боннѣ надобно было прибѣгнуть къ подпискѣ, чтобъ доставить одному естествоиспытателю средства къ продолженію любопытныхъ геогностическихъ изслѣдованій въ Саксоніи. Другое преимущество Британскаго общества заключается въ немедленномъ обнародованіи подробныхъ отчетовъ его засѣданій, — отчетовъ, которые всегда заключаютъ въ себѣ что-нибудь новое и поучительное.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МОРСКИХЪ ПРИЛИВОВЪ. Г.

Симмонсъ Мекинтошъ, одинъ изъ многочисленныхъ корреспондентовъ Англійскаго журнала *Mechanics' Magazine*; грозить изложеніемъ своей электрической теоріи міра, и на первый случай сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о причинѣ морскихъ приливовъ. Читатели наши припомнятъ, что Г. Вевель давно и съ особеннымъ любопытствомъ занимается этимъ вопросомъ, для рѣшенія котораго Россія, Англія, Франція, Данія, Швеція и почти всѣ Европейскія державы предложили свою помощь Обществу Спесъшествованія Наукамъ.

«Давно уже извѣстно, говоритъ авторъ новой теоріи, что морскіе приливы и отливы тѣмъ или другимъ образомъ происходятъ отъ Луны, хотя объясненія, которыя доселѣ дѣлались по этому предмету, весьма сбивчивы и несовершенны: даже толкованіе Ньютона, хотя оно и лучшее, далеко отъ приличной удовлетворительности. Въ новолуніе, то есть, когда Солнце и Луна оба по одну сторону Земли, бываетъ большой приливъ. Ньютонъ полагаетъ, что совокупныя притяженія Солнца и Луны, дѣйствуя на Землю съ одного бока, подымаютъ приливы вышс, тѣмъ когда эти два

свѣтила дѣйствуютъ перознь. Это поматно до извѣстнаго предѣла. Не должно забывать, что большой приливъ бываетъ въ одно и то же время съ двухъ противоположныхъ сторонъ Земли, и что если мы захотимъ открыть причину сильнаго возвышенія воды съ той стороны, которая удалена отъ Луны и Солнца, то придемъ въ совершенное недоумвнїе. Ньютоновская теорїа подчиваетъ вмѣсто объясненїй извѣстными словами и фразами, въ которыхъ никто еще не могъ добиться смысла. Трудно понять на основанїи закона тяготвнїя, почему Луна должна притягивать океанъ на разстоянїи 360,000 верстъ и отталкивать на разстоянїи 372,000: это чуть ли не парадоксъ.

«Теперь разсмотримъ приливы по электрической теорїи. Въ металлическомъ шарѣ, назлектризованномъ положительно, электрическая жидкость распредѣляется ровно по всей поверхности; въ другомъ шарѣ, содержащемъ электричество въ естественномъ состоянїи, эта жидкость разлита также равномерно. Но если первый шаръ приблизить ко второму, не приводя ихъ въ соприкосновенїе, жидкость втораго шара отступаетъ въ ту сторону, которая дальше отъ перваго, такъ что, предположивъ второй шаръ состоящимъ изъ двухъ частей, мы найдемъ по ихъ разнятїи, что почти вся жидкость содержится въ той части, которая наиболѣе удалена отъ перваго, а ближайшая къ нему почти пуста, то есть, въ отрицательномъ состоянїи, и слѣдственно притягивается положительнымъ шаромъ, тогда какъ противоположная сторона имъ отталкивается.

«Мы знаемъ, что Земля насыщена электричествомъ; то же самое по всей взроятности должно полагать и о Лунѣ. Солнце и Луна, электризуя Землю въ одномъ направленїи, производятъ дѣйствїе, совершенно подобное замѣченному между двумя шарами: сторона, ближайшая къ Солнцу и Лунѣ становится отрицательною, и слѣдственно здѣсь морской приливъ происходитъ отъ притяженїя; но электричество Земли отталкивается въ другую сторону и производитъ тамъ приливъ противоположный. Всѣ другїя явленїя, связанныя съ морскими приливами, вытекаютъ изъ этого начала такъ просто, что я удерживаюсь на этотъ разъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ подробностей.»

Въ этихъ замѣчаніяхъ всего страннѣе невѣжливость, съ которою соотечественникъ Ньютона отзывается объ его теоріи, можетъ-быть вовсе ея не разумѣя. Не только малочисленные противники этой теоріи, но и многіе ея приверженцы кажется не знаютъ, что Ньютонъ самъ не почиталъ тяготѣнія физическимъ фактомъ. Въ своихъ «Математическихъ началахъ Естественной Философіи» онъ именно говоритъ: «Слова — притяженіе, влеченіе, или стремленіе къ центру, употребляю я безразлично одно вмѣсто другаго; однако жъ силы эти разсматриваю не физически, а математически. Почему предостерегаю читателя, чтобъ онъ не думалъ, будто я гдѣ-нибудь опредѣляю этими словами родъ или образъ дѣйствія или физическую причину и основаніе, или что я въ самомъ дѣлѣ и физически приписываю силы центрамъ, которые суть точки математическія, если говорю иногда, что центры влекутъ или упоминаю объ ихъ силахъ.»

Это предостереженіе чрезвычайно важно для славы Ньютонова ума, и мы нарочно выписали его здѣсь, чтобы напомнить многимъ послѣдователямъ великой теоріи Англійскаго математика, что они непрерывно заблуждаются, говоря о притяженіи небесныхъ тѣлъ какъ о существующей физической силѣ и для своей потѣхи пуская даже по ея лучу камешки съ Луны на Землю. Учитель никогда не говорилъ имъ, чтобъ это была вещественная сила, а понималъ подъ нею только видимый законъ взаимнаго соотношенія тѣлъ, котораго настоящая причина неизвѣстна и неразгадаема.

ДЕРЕВЯННО - ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА ВЪ ГЕРМАНИИ. Въ прошломъ 1834 году составился въ Лейпцигѣ комитетъ для устроенія желѣзной дороги между этимъ городомъ и Дрезденомъ. Изъ трехъ предположенныхъ линій избрана была та, которая идетъ лѣвымъ берегомъ Эльбы черезъ Мейсенъ. Такъ какъ правительство изъявило желаніе предоставить предпріятіе обществу акціонеровъ, то комитетъ долженъ былъ собрать свѣдѣнія, которыя бы могли внушить наиболѣе довѣрія капиталистамъ.

Не входя въ изложеніе всѣхъ мѣстныхъ причинъ, рѣшившихъ заключеніе комитета, мы скажемъ только, что, по самомъ зрѣломъ соображеніи, онъ положилъ устроить дере-

вляно-железную дорогу, Holz-Eisenbahn, по образцу тѣхъ многочисленныхъ дорогъ, которыя прорѣзываютъ теперь Сѣверную Америку. Эта система принята потому, что представляетъ значительныя сбереженія не только при постройкѣ, но и въ содержаніи: исчислено, что ежегодная поправка будетъ стоить не болѣе пяти тысячъ талеровъ, или шестнадцати тысячъ рублей. Железо, и безъ-того уже дорогое въ Германіи, поднялось бы еще выше отъ большаго требованія. Дерево напротивъ довольно дешево, и его почти такъ же легко достать какъ въ Америкѣ. Внутренняя торговля хотя и болѣе развита нежели въ Соединенныхъ Штатахъ, однако жъ не можетъ сравниться съ Англійскою, которой пути требуютъ необыкновенной прочности. Капиталы не рѣдки, но публика имѣетъ весьма мало довѣрія къ частнымъ предпріятіямъ, потому что, за исключеніемъ нѣсколькихъ, весьма маловажныхъ, они почти всѣ не удались; и эти безплодныя усилія, сопряженныя съ потерями, предупредили ее противъ всякаго соединенія частныхъ лицъ. Опыты устроенія желѣзныхъ дорогъ, дѣланные досель, не вполне удовлетворяли ожиданіямъ. Все это вело комитетъ къ той мысли, что дорога между Лейпцигомъ и Дрезденомъ должна быть устроена самымъ экономическимъ образомъ и въ самое ближайшее время для полученія немедленно видимыхъ результатовъ, для того чтобъ раздать акціонерамъ дивидендъ съ перваго года и чтобы провозгласить передъ публикой успѣхъ предпріятія. Тогда всякой удостовѣрится, что учрежденіе желѣзныхъ дорогъ полезно и прибыльно не только на трактахъ первостепенныхъ, но и на тѣхъ, которые принадлежатъ ко второму разряду. Комитетъ полагаетъ, что деревянная дорога соединитъ всѣ эти выгоды въ высокой степени.

И такъ рѣшено устроить деревянную дорогу, на первый случай объ одномъ проѣздѣ. Впослѣдствіи, если количество транспортовъ и сѣдоковъ увеличится до такой степени, что будетъ нужна еще пара колеи, то первая дорога чрезвычайно облегчитъ доставку матеріаловъ, и современемъ можно будетъ удѣлить часть прибыли на замѣнъ деревянныхъ лежней каменной подстилкою. Здѣсь не во всемъ можно согласиться съ мнѣніемъ комитета, который былъ по-видимому

слишкомъ занять экономическими расчетами и уступать слишкомъ много ихъ непосредственному влиянію. При устройствѣ дороги всего многостойнѣе расчистка, насыпи, прокопы и покупка земли; но эти издержки почти такъ же значительны для дороги объ одномъ проѣздѣ какъ и о двухъ. На первой необходимо имѣть встречные пункты, или разѣзды, которые содержатся къ цѣлой дорогѣ какъ 1 къ 20, а для дороги о двухъ проѣздахъ въ этомъ нѣтъ ни какой надобности.

По исчисленію комитета, издержки на каждую Саксонскую милю, или 32,000 футовъ, дороги объ одномъ проѣздѣ составляютъ 37,158 талеровъ, около 137,000 рублей, не считая расчистки, насыпей, прокоповъ, мостовъ и покупки земли отъ частныхъ владѣльцевъ. Это выходитъ почти 14,000 рублей за версту.

ДЖОНЪ ДИ, ДОКТОРЪ ЧАРОДѢЙСТВА. Мы говорили въ прошломъ году объ этомъ знаменитомъ колдунѣ по случаю Индѣйскихъ фокусниковъ (статья — Дивныя дивы). Авторъ «Жизнеописаній извѣстнѣйшихъ чародѣевъ» Lives of necromancers, собралъ объ немъ весьма любопытныя подробности, которыя имъ должны сообщить нашимъ читателямъ, тѣмъ болѣе, что уже нѣсколько разъ упоминали объ этой книгѣ. Джонъ Ди родился въ Лондонѣ 1527 года. Съ малолѣтства одолѣла его горячка знанія, отъ которой по-несчастью бываетъ столько же шутовъ, сколько ученыхъ. Пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, въ Кембриджскомъ университетѣ, онъ употреблялъ только четыре часа на сонъ, два на ѣду и на отдыхъ, а остальные восемнадцать посвящалъ ученію. Геній Механики вскорѣ открылъ ему нѣкоторыя изъ своихъ тайнъ. Онъ распоряжалъ представленіемъ одной Аристофановой пьесы, и въ числѣ прочихъ машинъ ввелъ при этомъ случаѣ искусственнаго жука, который улетѣлъ къ чертогамъ Юпитера, неся на сплывъ челоука съ корзиною, наполненною съестными припасами. Зрителя приписали это чудо Магін, и съ тѣхъ самыхъ поръ бѣдный Ди, прослывшій чародѣемъ, сталъ жертвою преслѣдованій, которыя превратились наконецъ въ общую

ненависть и принудили его искать убѣжища на материкѣ Европы.

Изъ Лувена, гдѣ его отличали герцоги Мантуйскій и Медина, отправился онъ въ Парижъ и преподавалъ точныя науки при большомъ стеченіи слушателей. Въ 1551-году Джонъ Ди воротился въ Англію. Здѣсь всѣ лорды любопытствовали его видѣть и слышать; король Эдуардъ VI оказывалъ къ нему уваженіе и назначилъ ему сто кронъ пенсіи; но докторъ Ди вскорѣ промѣнялъ ее на небольшую пребенду. Милость, которою онъ пользовался у двора, не измѣнилась и со вступленіемъ на престолъ королевы Маріи. Но впослѣдствіи его начали подозрѣвать въ сношеніяхъ съ домою принцессы Елисаветы: зависть, клевета, сплетни соединились противъ несчастнаго доктора; его обвинили къ тайныхъ умыслахъ на королеву и въ зломъ чародѣйствѣ, посадили въ тюрьму, освободили за неимѣніемъ улики, потомъ, подъ предлогомъ еретичества, передали епископу Боннеру, и наконецъ, послѣ строгаго заключенія, выпустили на волю. Эта временная бѣда не только не обезотважила ученаго доктора, но казалось придала ему новую силу. На другой же годъ онъ подалъ королевѣ прошеніе, чтобъ ему оказана была помощь въ изслѣдованіи памятниковъ классической древности, которое онъ будто-бы хотѣлъ предпринять.

Однако жъ подъ видомъ этихъ официальныхъ трудовъ скрывались совсѣмъ другіе, которыхъ ему нельзя было долго удержать въ тайнѣ. Астрологія занимала большую часть его времени. Сначала онъ открылся въ этомъ только очень не многимъ, но такъ удивлялъ ихъ своими предсказаніями, что искусство его сдѣлалось мало-по-малу общеизвѣстнымъ. Онъ былъ уже въ большой славѣ при воцареніи Елисаветы, и она послала своего любимца Роберта Додли, просить доктора Ди, чтобъ онъ тщательно разсмотрѣлъ звѣзды и донесъ ей, какой депь благоприятнѣе для ея коронаціи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Джонъ Ди опять поѣхалъ въ Лувенъ, занемогъ тамъ, и Елисавета отправила двухъ докторовъ для его излеченія. Онъ возвращается въ Англію; сама королева удостоиваетъ его посѣщенія, и осматриваетъ

его математическіе инструменты, снаряды и рѣдкости. Ди дѣлаеть много важныхъ открытій; слава его распространяется въ Испаніи, въ Нидерландахъ, во Франціи, въ Германіи, даже въ Россіи; но ему не надо ни славы, ни денегъ: онъ только хочетъ властвовать надъ невидимыми силами.

«Въ ноябрь 1582 года, говоритъ онъ въ своихъ тайныхъ запискахъ, совершалъ я однажды теплую молитву, — вдругъ явился мнѣ Уриль.» Отъ него будто-бы получилъ онъ тотъ выпуклый, кристалловидный камень, который не только представлялъ видѣнія, но и явственно произносилъ звуки: стоило лишь пристально въ него посмотреть. Можно было бесѣдовать съ фигурами, которыя являлись въ этомъ чудесномъ зеркалѣ, предлагать имъ вопросы и получать отвѣты. Но Ди скоро догадался, что вдвоемъ ловче пользоваться такимъ драгоценнымъ талисманомъ: одинъ превратится весь въ глаза и въ уши, чтобъ рассказывать слова его. Нѣтъ чародѣя безъ пособника.

Незадолго до полученія дивнаго камня, Ди вошелъ въ тѣсную связь съ однимъ Ворстерскимъ уроженцемъ, Эвардомъ Келли, который казался ему чрезвычайно способнымъ къ раздѣленію съ нимъ кабалистическихъ трудовъ. За пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ молодой адептъ согласился идти по стопамъ доктора и помогать ему въ рой и правдой въ его ученыхъ изысканіяхъ.

Келли началъ прежде свое поприще довольно неблаговиднымъ приключеніемъ: онъ оставилъ уши на безчестномъ столбѣ за поддѣлку фальшивыхъ документовъ. Дерзкій и хвастливый, несмотря на эту недобрую примѣту, онъ выдавалъ себя за искателя философскаго камня и знахаря въ Магіи; до знакомства своего съ докторомъ Ди, онъ однажды вырылъ на кладбищѣ покойника и хотѣлъ заставить его чарами высказать тайну будущности. Вотъ съ какимъ человекомъ связался этотъ Ди, знаменитый ученостью и уважасмый вѣнценосцами. Если бѣ по-крайней-мѣрѣ онъ держалъ въ рукахъ это низкое орудіе; но нѣтъ, наглый Келли скоро овладѣлъ своимъ учителемъ. Однажды онъ повелъ его въ графство Соммерсетъ къ знаменитымъ развалинамъ Гластонберійскаго аббатства. Тамъ въ грудахъ камней на-

ходятъ они древній сосудъ, налитый до половины «жизненнымъ эликсиромъ»: въ этомъ нельзя было сомнѣваться, потому что на сосудѣ сохранилось названіе безцѣнной жидкости и то, что онъ принадлежитъ къ десятому вѣку. Какое торжество для обоихъ пильгримовъ! Чего не сдѣлаютъ они съ такимъ сокровищемъ? Гдѣ остановятся?....

Однако жъ мы ничего не знаемъ о дѣйствіяхъ эликсира; известно только, что, долго спустя послѣ этого открытія, 2 декабря 1581 года, Ди съ товарищемъ вызывали въ первый разъ духовъ. Съ тѣхъ поръ это случалось очень часто, и они всегда тщательно записывали, что тутъ происходило. Тогда только и говорили, что объ ихъ опытахъ, какъ вдругъ одно очень простое обстоятельство дало другое направленіе усиліямъ обоихъ колдуновъ.

Панъ Сьрадзскій воевода Аласкій (Олескій?), наслышавшись о чудесахъ Елисаветина царствованія, изъ любопытства пріѣхалъ въ Англію. Королева и любимецъ ея графъ Лейстеръ сдѣлали Польскому магнату самый благосклонный пріемъ, и когда онъ изъявилъ желаніе познакомиться съ славнымъ докторомъ, графъ на одномъ выходѣ во дворецъ представилъ ему Ди и сказалъ чародѣю, что они въ тотъ же день будутъ у него обѣдать. Вѣроятно докторъ мало наживалъ своимъ жизненнымъ эликсиромъ, потому что едва успѣлъ притти домой, какъ послалъ къ графу съ чистосердечнымъ признаніемъ, что онъ не въ силахъ уподчивать такихъ гостей, не разорясь въ конецъ однимъ обѣдомъ. Лейстеръ доложилъ объ этомъ королеву, и она тотчасъ послала Ди пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ. Это обстоятельство было поводомъ къ самой короткой связи между имъ и Польскимъ воеводой.

Аласкій хотя и владѣлъ большими помѣстьями, но, разоривъ ихъ своей расточительностью, получалъ не много дохода. Докторъ Ди тотчасъ смѣтилъ, что можетъ имѣть въ немъ очень удобное орудіе къ достиженію своихъ честолюбивыхъ замысловъ; онъ льстилъ наклонности Поляка къ сверхъестественнымъ явленіямъ и раззадоривалъ его любопытство, выхваляя чудесныя дѣйствія философскаго камня. Аласкій сталъ часто посѣщать доктора, просилъ его, уговаривалъ, дѣлалъ такія выгодныя предложенія, что Ди и

Келли согласились наконецъ сдѣлать его участникомъ нѣкоторыхъ тайнъ. Они думали найти въ немъ настоящій золотой рудникъ и употребили всю хитрости своей науки, чтобы имъ воспользоваться. Магическое зеркало тотчасъ открыло имъ, что Польскій баринъ отъ разстроеннаго состоянія постепенно перейдетъ къ чрезвычайному богатству и сядетъ потомъ на престолъ; что онъ будетъ великимъ завоевателемъ и покоритъ себѣ обширныя государства. Панъ Аласкій безъ души отъ предсказателя; онъ видается съ нимъ каждый день, ласкаетъ его, жаждетъ знать объ его прежней жизни. Ди говоритъ ему только о настоящемъ, о преслѣдованіяхъ, которыми подверженъ онъ въ Англіи, и дѣло оканчивается тѣмъ, что Ди и Келли съ женами уѣзжаютъ потихоньку въ помѣстья Аласкаго, въ Сврадъ. Нѣсколько мѣсяцевъ трудился онъ надъ превращеніемъ металловъ въ золото, но ни какъ не могли добиться той степени жара, при которой совершается это превращеніе. Аласкій, видя, что финансы его все болѣе разстраиваются отъ издержекъ на безполезные опыты, вышелъ изъ терпѣнія и, чтобы сбыть съ рукъ дорогихъ гостей, отрекомендовалъ ихъ въ Прагу, Нѣмецкому императору Рудольфу II.

Этотъ государь показался имъ сначала очень стоворчивымъ человекомъ. Ди имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду; онъ открылъ ему, какія блага предназначены невидимыми силами его царствованію, если императоръ будетъ повиноваться высшей волѣ, которой онъ, докторъ Ди, вѣрный истолкователь. Рудольфъ, по его словамъ, долженъ былъ летѣть отъ побѣды къ побѣдѣ и помонить самаго султана въ Константинополь. Благосклонный приѣмъ внушилъ доктору Ди самыя лестныя надежды; въ восторгъ воротился онъ къ своему товарищу, и тотъ совѣтовалъ непременно просить вторичной аудіенціи. Но императоръ то былъ на охотѣ, то председательствовалъ въ совѣтѣ, то извинялся недостаточнымъ знаніемъ Латинскаго языка, на которомъ говорилъ съ нимъ докторъ. Напрасно Ди прибѣгалъ къ посредству Испанскаго посла Спинолы: Рудольфъ отвѣчалъ всегда съ холодною. Вдругъ получаетъ онъ черезъ нунція сильное увѣщаніе отъ папы насчетъ жительства въ его столицѣ двухъ чародѣевъ и еретиковъ: алхимики поняли, что имъ одно спа-

сеніе въ бѣгствѣ; отправились въ Краковъ, и какъ-то успѣли втереться къ Польскому королю Стефану Баторію. На основаніи философскаго камня и жизненнаго эликсира Рудольфъ долженъ былъ въ скоромъ времени погибнуть, Стефанъ взойти на престолъ Нѣмецкой имперіи. Между-тѣмъ расточатели славы, богатства и престоловъ, жили сами въ крайней бѣдности, скрывая ее сколько можно, чтобъ не уронить къ себѣ довѣрія, но король Стефанъ скоро отдѣлялся отъ чародвѣвъ. Случай привелъ ихъ въ Богемію и облизилъ съ однимъ богатымъ дворяниномъ Розенбургомъ, который повѣрилъ имъ и помогъ своимъ имѣніемъ.

Въ 1589 году королева Елисавета писала къ доктору Ди, приглашая его воротиться въ Англію. Этимъ новымъ знакомъ ея милости онъ былъ обязанъ повторительнымъ своимъ просьбамъ, а можетъ-быть и чудесному успѣху, которымъ наконецъ увѣнчались его усилія. Въ предшествовавшемъ году, послѣ многихъ тщетныхъ опытовъ, онъ, по словамъ его, превратилъ въ серебро большой кусокъ мѣди, вырѣзанный изъ стараго таза, и препроводилъ его къ королеву съ покорнѣйшею просьбою примѣрять этотъ кусокъ къ вырѣзкѣ для удостовѣренія въ справедливости его словъ. Въ теченіе этого года богатства обильно лились къ обоимъ чародвѣямъ, и они жили на барскую статью: выдавая замужъ одну изъ своихъ служанокъ, они истратили четыре тысячи фунтовъ стерлинговъ на свадьбу, которая праздновалась въ собственномъ ихъ домѣ. Розенбургъ, или жизненный эликсиръ, произвелъ столь удивительную перемену? Ди не говоритъ объ этомъ въ своихъ запискахъ: онъ только благодарить Бога, и очень пространно.

Въ тотъ же незабвенный 1588 годъ онъ разладилъ съ своимъ товарищемъ. Ди, человекъ степенный и добронравный, но гордый своей знаменитостью, возбуждалъ зависть въ Келли, который былъ невѣжда, шарлатанъ и плутъ въ высочайшей степени. Ему надобно играть второстепенную роль; онъ грозилъ доктору его бросить, а тотъ, чувствуя въ немъ нужду, удерживалъ его ласковыми словами. Однажды были они наединѣ въ своей лабораторіи и совѣщались съ духами: Келли вперилъ глаза въ магическое зеркало; Ди ждалъ его откровеній. Вдругъ тотъ воскликнулъ: — «Вотъ

что говорить мнѣ духи: Вы оба женаты; впередъ, для лучшаго скрѣпленія вашей связи, общитесь женами, какъ вы общились до сихъ поръ чувствами дружбы!» Надобно знать, что Келли жилъ худо съ женою, а Ди взялъ за себя молоденькую дѣвочку изъ хорошей семьи, кроткую, безпорочнаго поведенія, и имѣлъ отъ нея сына. Жена его товарища была безплодна. Ди остолбенѣлъ отъ такого велѣнія свыше и думалъ сначала, что это одинъ параболическій намекъ на водвореніе между ними согласія. Но Келли повторилъ приказаніе духовъ такими ясными словами, что не оставалось ни какого двусмыслія. Ди рѣшился повиноваться; Келли не хотѣлъ, отговариваясь тѣмъ, что быть-можетъ служители сатаны явились ему вмѣсто добрыхъ духовъ. Онъ снова посмотрѣлъ въ зеркало: духи объявили его недостойнымъ прорицать ихъ волю, потому что онъ первый ея ослушникъ. Келли собралъ въ чемоданъ свои пожитки, взялъ лошадь и ускакалъ.

Ди провелъ цѣлыя сутки въ молитвѣ; потомъ посвятилъ десяти-лѣтняго сына своего Артура въ таннства чаръ и велѣлъ ему смотрѣть въ магическое зеркало. Ребенокъ видѣлъ какіе-то сверхъестественные предметы, слышалъ смутные голоса, но ничего не могъ пересказать своему папенькѣ. Черезъ три дня Келли внезапно вошелъ къ нимъ въ лабораторію, схватилъ зеркало, ясно увидѣлъ въ немъ обелискъ съ четырьмя головами на вершинѣ, и узналъ въ одной изъ нихъ свою, въ другой докторову, а въ двухъ остальныхъ головы ихъ женъ. Голосъ опять повторилъ ему ужасныя слова; но какъ онъ все еще колебался, то невидимая рука похитила зеркало, и только черезъ нѣсколько ночей брачнаго объѣна нашлось оно подъ подушкой у докторши.

Съ тѣхъ поръ Ди, совершенно подвластный своему развратному товарищу, самъ сдѣлался шарлатаномъ и обманщикомъ. Однакожъ, черезъ нѣсколько времени, онъ пришелъ въ себя, и Келли представился ему такимъ мерзавцемъ, съ которымъ онъ не хотѣлъ имѣть ничего общаго. Возникли страшныя ссоры, надобно было разстаться, и 1 января 1589 Келли поспѣшно оставилъ своего товарища, взявъ съ собою много снарядовъ для выдѣлки золота и жизненный эликсиръ, который докторъ принужденъ былъ уступить въ его владѣніе.

Зовъ королевы Елисаветы немного успокоилъ разстроеннаго Ди. Ему было лестно возвратиться въ Англию подъ покровительство самой государыни, и онъ выѣхалъ изъ Требоны въ Богеміи въ трехъ блестящихъ каретахъ четвернею. Въ этихъ великолѣпныхъ экипажахъ было его семейство и онъ самъ; позади ѣхали три повозки съ его имуществомъ и прикрытіе изъ пятнадцати или двадцати солдатъ, которыхъ онъ нанялъ дорогою цѣной, опасаясь нападенія отъ своихъ многочисленныхъ непріятелей. Такъ по-крайней-мѣрѣ описываетъ онъ самъ возвратное путешествіе въ Англию. Какой блескъ! какая перемена въ положеніи бѣднаго ученаго, разорившагося своими химерами! Съ какимъ торжествомъ вступаетъ онъ теперь на родной берегъ!

Къ концъ года королева Елисавета удостоила его аудіенціи въ Ричмондѣ, почтенъ долго спрашивала о свойствахъ философскаго камня. Это вниманіе опять чрезвычайно подняло славу астролога: вѣтеръ счастья подулъ въ его сторону. Около того же времени шарлатанъ Келли, котораго волшебство тревожило Германскіе города, былъ заключенъ въ темницу по повелѣнію императора Рудольфа. Королева Елисавета не могла не принять участія въ судьбѣ бывшаго товарища любимаго ею колдуна: она отправила къ Келли нарочнаго съ утѣшеніями и надеждами на скорое избавленіе. Быть-можетъ, это и побудило Келли къ попыткѣ бѣжать въ Англию: онъ спустился на бѣльѣ изъ окна, но сорвался, упалъ въ ровъ и разшибся до смерти.

Между-тѣмъ Ди предпочелъ благоволеніе своей государыни всѣмъ сокровищамъ, которыми манили его иностранные взыченосцы: напрасно царь Θεодоръ Іоанновичъ предлагалъ ему двѣ тысячи фунтовъ стерлингъ оклада. Елисавета всенародно объявила себя его покровительницею; хотѣла, чтобъ онъ основался въ Ричмондѣ, и велѣла доставить ему все нужное для опытовъ надъ философскимъ камнемъ. Но, увы, Келли шарлатанъ, вдохновенный Келли потерялъ его чудесный эликсиръ и унесъ съ собою проріцанія въ могилу. Зеркало не представляло болѣе сверхъестественныхъ видѣній и въ камнѣ не было ни крошки философскаго свойства.

Ди опять впалъ въ ничтожество, и остатокъ его жизни былъ непрерывной цѣпью огорченій. Наконецъ и Елисавета

удостоверилась въ несбыточности его грезъ, и мало-по-малу лишила его своихъ благодѣній. Онъ описалъ ей всю затруднительность своего положенія, исчислялъ огромныя издержки, употребленныя на возвращеніе въ Англiю, и просилъ пособія. Королева опредѣлила ему небольшую сумму; потомъ отправила къ нему на домъ двухъ членовъ своего тайнаго совѣта для изслѣдованія настоящаго его положенія. Докторъ Ди подалъ имъ записку, намагавшую пятьдесятъ лѣтъ его жизни, съ множествомъ подлинныхъ документовъ и доказательствъ. Странно, что онъ не говоритъ въ ней ни слова о явленіи Уриила и о полученіи отъ него философскаго камня. Онъ проситъ пенсіи въ качествѣ разорившагося ученаго, опираясь на свои труды и открытія въ Физикѣ и Химіи. Продавъ тщетно около двухъ лѣтъ рѣшенія на свою просьбу, онъ писалъ къ архіепископу Витгену письмо, исполненное жалобъ не только на невниманіе правительства, но и на нелѣпыя басни, которыя разглашаютъ объ немъ съ давняго времени.

Въ 1596 году докторъ Ди получилъ мѣсто въ капитулѣ Св. Павла. При восшествіи на престолъ короля Іакова онъ еще сдѣлалъ послѣднее усиліе обратить на себя милость этого монарха; но тотъ едва удостоилъ его взгляда, и престарѣлый астрологъ умеръ въ 1608 году въ забвеніи и незвѣстности. Жена и сынъ опередили его въ могилѣ. Онъ погребенъ въ Мортлекъ, и щедрая рука, пожелавшая остаться незвѣстною, соорудила ему надгробный памятникъ.

Исторія любимца великой Елисаветы представляетъ трудную загадку на разрѣшеніе. Мудрецъ ли былъ докторъ Ди? сумасшедшій ли? или ученый честолюбецъ, который мечталъ найти въ чарахъ науки вѣрное средство къ достиженію своихъ цѣлей?

ЭТТРИКСКІЙ ПАСТУХЪ, ДЖЕМЪЗЪ ГОГГЪ. Писатель, прославившійся подъ этимъ именемъ и котораго сочиненія Б. для Ч. обязана многими занимательными страницами, уже не существуетъ. Джемъ Гоггъ умеръ въ началѣ декабря, какъ полагаютъ, на 63 году отъ рожденія, послѣ желчной лихорадки, которая удерживала его нѣсколько недѣль въ постели. Гоггъ, какъ онъ самъ любилъ рассказывать, родился

пастухомъ, потомкомъ многихъ пастушескихъ поколѣній; но и эта скромная доля не ускользнула отъ несчастія: еще по шестому году «Джеми стихотворецъ» долженъ былъ самъ добывать себѣ хлѣбъ, и нанялся для этого пасти коровъ къ сосѣднему мызинку, — занятіе, которое по его собственнымъ словамъ, всѣхъ ниже въ Шотландіи и однако жъ не лишено поэзіи.

«Однажды лѣтомъ, когда мнѣ было лѣтъ восемь, говорить Гоггъ, послали меня съ одной румяной девочкой пасти стадо барашковъ: у меня подъ надзоромъ были еще свои неутомимыя коровы; но такъ какъ она не имѣла собаки, а у меня была славная, то мнѣ велѣли не отходить отъ нея ни на шагъ. Никогда хозяйскій приказъ не исполнялся лучше этого. Я пасъ и коровъ и барашковъ, а Бетти только и знала что сидѣть за шитьемъ. Каждый день обѣдали мы вмѣстѣ у одного источника; послѣ обѣда я приклонялъ голову къ ней на колѣни, прикрывалъ ей босію ножку своей шинельюю и притворялся, будто сплю очень крѣпко. Однажды я услышалъ, что она говоритъ про себя: «Бѣдный мальчикъ! усталъ до смерти». Я заплакалъ, горько заплакалъ, и боялся, чтобъ мои горячія слезы не упали ей на колѣни. Мнѣ хотѣлось, чтобъ мой хозяинъ, молодой и прекрасный собою, влюбился въ эту девочку и взялъ ее за себя; я не могъ не дивиться отчего онъ такъ слѣпъ и глухъ, что не сдѣлаетъ этого. О! думалъ я тогда: будь я на его мѣстѣ, я бы зналъ что дѣлать.»

Сначала Гоггъ ничему не учился, кромѣ игры на скрипкѣ, и даже никогда не думалъ объ ученіи. Восемнадцати лѣтъ прочелъ онъ первую книгу въ стихахъ, и крайне жалѣлъ, зачѣмъ она не въ прозѣ, потому что была бы тогда не такъ мудрена. Спустя лѣтъ шесть онъ попытался заняться письмомъ. «Слагать пѣсни, говоритъ онъ самъ, мнѣ и тогда было не труднѣе нынѣшняго, и я такъ же былъ ими доволенъ. Но писать — вотъ задача! Я не придумалъ другаго способа кромѣ того, чтобъ писать слова по произношенію, и хотя, садясь за работу, я всегда снималъ есертукъ и камзолъ, однако жъ судорога сводила у меня руку, и я рѣдко могъ одолѣть болѣе четырехъ или пяти строкъ за одинъ присѣсть.»

Гоггъ безъ сомнѣнія былъ поэтъ съ большимъ дарованіемъ. Лучшее его произведеніе, *The Queen's Wake*, исполнено

фантазіи и, хотя не вездѣ одинаково, но блещитъ истинными красотою. У него столько Шотландской народности, что Англичанинъ не можетъ вполне цѣнить достоинства его поэзіи и дивится ему болѣе по наслышкѣ, чѣмъ по внутреннему сознанию. Объ его «Домашнемъ житьѣ-бытьѣ сирѣ Вальтера Скотта» мы говорили въ особой статьѣ и давали изъ него обширныя выписки. По случаю его кончины возвратимся еще разъ къ этому сочиненію, чтобъ извлечь изъ него нѣсколько чертъ жизни Эттрикского пастуха, тѣмъ болѣе занимательныхъ, что разсказъ будетъ всегда связываться съ подробностями о Вальтерѣ Скоттѣ, другѣ и нѣкоторое время соперникѣ Гогга. Двѣ статьи, слѣдующія непосредственно за этою, почерпнуты отсюда.

ФЕОДАЛЬНЫЙ ОВЪДЪ ВЪ ШОТЛАНДИИ. «Примѣчательнѣйшая странность, какую я замѣчалъ въ характерѣ сирѣ Вальтера, говоритъ Гоггъ, была чрезвычайное его благоговѣніе передъ мѣстной аристократіей. Уваженіе его къ титуламъ доходило почти до обожанія: не говоря о томъ, сколько я встрѣчалъ у него знати, приведу нѣсколько примѣровъ, до какой степени укоренилось въ немъ это чувство отъ чтенія старинныхъ лѣтописей. Во-первыхъ, онъ, какъ слѣдуетъ, признавалъ лорда Боклефа начальникомъ и главою всего клана (горнаго поколѣнія) Скоттовъ; потомъ онъ всегда оказывалъ чинопочитаніе Г. Гардену, какъ частному начальнику его рода, нѣкогда сильнаго и многочисленнаго, и Скоттъ очень любилъ разсказывать, что онъ самъ, отецъ его и дѣдъ ненарушимо соблюдали обычай — проводить у Гардена день Рождества Христова въ знакъ вассальскаго ихъ подданства. Онъ говорилъ объ этой подчиненности съ такимъ восторженнымъ удовольствіемъ, что, бывало, не знаешь, что подумать: какъ-будто собственная его знаменитость не озарила дома Гарденовъ лучемъ славы во сто разъ блистательнѣйшимъ того, который могло сообщить ему это гнѣздо мелкихъ и хищныхъ варваровъ, какъ бы ни были они отважны!

«Скоттъ происходилъ по матери отъ родоначальниковъ фамилій Гелибартонъ и Родерфордъ, и никогда не забывалъ

соединять всѣ три герба въ своемъ собственномъ. Онъ такъ часто мнѣ ихъ показывалъ и такъ часто толковалъ о своемъ тройномъ благородствѣ, что мнѣ казалось это изъ рукъ вонъ смѣшнымъ. Да вотъ еще одно обстоятельство, которое меня позабавило, но немного и разсердило.

Мы съѣхались однажды съ сирѣ Вальтеръ-Скоттомъ въ замкъ Боугиль, гдѣ герцогъ Карлъ Боклефъ угощалъ большое общество. Такъ какъ насъ было очень много, то въ столовой расположили два стола, одинъ вдоль, другой поперекъ комнаты: за первымъ дамы сидѣли вмѣстѣ съ мужчинами, но тутъ было одно лордство. Между-тѣмъ, я еще до обѣда говорилъ съ дамами, и такъ какъ всегда имѣлъ честь считаться любимцемъ прекраснаго пола, то вообразилъ себѣ, что онъ безъ меня быть не могутъ, и преспокойно усмѣяся съ ними рядомъ; но на другомъ концѣ залы былъ у меня пріятель, который лучше разсудилъ, гдѣ мое мѣсто. Сирѣ Вальтеръ, предсѣдательствовавшій за другимъ столомъ, всталъ и, обращаясь къ герцогу, покорнѣйше просилъ его позволить Г. Гоггу сѣсть за столъ къ нему, Скотту, — «потому что я не могу безъ него обойтись», говорилъ онъ, и прибавилъ слѣдующія слова изъ одной старой баллады:

«Если вы возьмете Гогговъ Фальдсгонскихъ,
Тò будетъ ущербъ владѣльцамъ Гардена.»

«Герцогъ, разумѣется, позволилъ мнѣ встать, и я долженъ былъ перейти подъ предсѣдательство сирѣ Вальтера. Когда наступило торжественное мгновеніе обѣда, Скоттъ не позволялъ ставить къ намъ на столъ ни одного блюда прежде чѣмъ поднесутъ его герцогу Боклефу и всѣмъ лордамъ. «Нѣтъ, нѣтъ», говорилъ онъ: это, въ буквальномъ смыслѣ, собраніе клана, и обѣдъ долженъ итти на феодальную стать. Онъ безъ-сомнѣнія будетъ единственный, какой мы увидимъ, пока живы.» Герцогъ тотчасъ уступилъ этой новой прихоти Скотта, но, кажется, блюда только ставили передъ лордовъ и потомъ немедленно подавали намъ.

«Заставивъ насъ выпить нѣсколько бокаловъ, передъ утромъ, когда надо было расходиться, герцогъ сталъ одной ногою на столъ, другою на стулъ, чтобы испытать довольно ли онъ пьянъ для этой ночи: онъ пригласилъ насъ послѣдовать

такому привѣру, и запѣлъ въ этомъ положеніи старую балладу *Jonу Сорѣ* : мы всѣ заревѣли хоромъ, вторя хозяину. Сирь Вальтеръ тоже поставилъ свою слабую ногу на столъ, и молодецки держался въ равновѣсіи : сердце радовалось, какъ его сильный и важный теноръ покрывалъ общій хоръ питуховъ. Вся эта сцена по-видимому чрезвычайно его занимала.

«Когда герцогъ всталъ изъ-за стола, чтобъ отправиться въ гостиную къ дамамъ, онъ назначилъ вмѣсто себя председателемъ сирь Александра Дона. Давно уже оба стола слились въ одинъ. Председатель тотчасъ предложилъ шампанскаго за здоровье герцога; тостъ былъ принятъ въ одинъ голосъ, и выпить по всѣмъ правиламъ застольнаго устава. Александръ Донъ предложилъ еще подражать герцогу во всѣхъ его вѣжливостяхъ, и мы должны были вторично стать одной ногой на столъ и пропѣть хоромъ балладу. Всѣ безъ исключенія старались повиноваться этому приказанію, и достойный президентъ спѣлъ намъ «Джони Коупъ» съ удивительнымъ разгуломъ. Однако жъ вскорѣ ужасный громъ извѣстилъ насъ о паденіи подъ столъ Скоттовъ, Эллоттовъ и даже нѣсколькихъ отпрысковъ вѣтви Тетовъ; но сирь Вальтеръ сохранялъ свое равновѣсіе, твердый какъ скала, и хохоталъ во все горло. Шутка такъ насъ развеселила, что нельзя было отстать отъ нея слишкомъ скоро. Маркизь Квинсберри, который тоже немножко председательничалъ, замѣтилъ, что такой удалый и вѣрный кланъ не можетъ разойтись безъ *God save the king* и что хотя уже пили за здоровье государя, но необходимо было кончить засѣданіе послѣднимъ тостомъ въ честь народнаго гимна. И такъ мы опять должны были вскарабкаться кое-какъ на стулья и столъ и въ этомъ положеніи пѣть во славу короля. Тутъ надобно было видѣть, какъ всѣ гости свалились подъ столъ одинъ за другимъ. Я самъ не взвидѣлъ подъ собой ногъ, далъ кувырка и прокатился до самой стѣны, къ крайнему удовольствію всего общества. Изъ тридцати или сорока человекъ, которые тутъ были, и шестеро не выдержали испытанія : сирь Вальтеръ Скоттъ опять восторжествовалъ ; онъ осушилъ послѣдніе стаканы безъ всякаго несчастія. Славная голова, во всѣхъ отношеніяхъ!»

Такъ еще пьютъ великіе умы въ Шотландіи!

ДРУЖБА ДВУХЪ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ. Гоггъ съ молодости вдавался въ разныя спекуляціи, которыя сначала ему удавались; потомъ, разстроившись въ денежныхъ обстоятельствахъ, онъ вздумалъ издавать еженедельный журналъ. Сирь Вальтеръ Скоттъ крѣпко отоовѣтывалъ ему пускаться на такое предпріятіе; однако журналъ состоялся и, при необыкновенной дѣятельности Гогга, пошелъ-было въ ходъ, какъ вдругъ нѣсколько острыхъ статейкъ сдѣлались причиною его паденія. Въ Единбургскомъ Annual Register явился въ 1811 году родъ табели о рангахъ тогдашнимъ Англійскимъ стихотворцамъ: въ ней Скоттъ поставленъ былъ на первомъ мѣстѣ, а Гоггъ на послѣднемъ. Пастухъ возразилъ на это въ своемъ журналѣ, The Spy, жаркою діатридой, въ которой онъ между-прочимъ говоритъ: «Право, забавно видѣть, съ какимъ искусствомъ ставятъ нынче одного писателя въ челъ школы, а другаго, который можетъ-быть получше его, въ самый хвостъ. Какъ можно выдавать самого себя за величайшаго гения въ цѣломъ мірѣ? Впрочемъ это оригинально, если и не такъ-то благородно. Но есть великіе писатели, которыхъ мелочность не можетъ долго скрываться, вопреки всѣмъ предосторожностямъ, и малѣйшій случай даетъ любопытству способъ снять съ нихъ затѣйливую личину.» Это намекало довольно ясно, что самъ сирь Вальтеръ воскурилъ себя такой пахучій ениміамъ. Правда ли это, или нѣтъ, но Скоттъ ужасно разсердился на Гогга, и хотя они вскорѣ помирились, однако Эттрикскій Пастухъ никогда не могъ совершенно изцѣлиться отъ подозрѣнія, что другъ его былъ грѣшенъ въ этомъ самохвальствѣ и въ униженіи своего соперника.

Надобно замѣтить, что въ началѣ своего поэтическаго поприща сирь Вальтеръ Скоттъ шелъ однимъ путемъ съ Гоггомъ, и только это литературное совмѣстничество можетъ объяснить какъ ту ссору, о которой мы сейчасъ говорили, такъ и слѣдующій, забавный поступокъ великаго романиста.

Онъ хотѣлъ купить одно помѣстье и сдѣлать въ немъ Гогга главнымъ скотоводомъ. Помѣстье перекупилъ кто-то другой, и это чрезвычайно раздосадовало Скотта, потому что Гоггъ отказался для него отъ другаго мѣста. «Чтобъ помочь бѣдѣ, говоритъ Гоггъ, онъ просилъ лорда Порчестера взять меня къ себѣ въ ту же должность: мнѣ обѣщали хорошенъ-

*.

кій домикъ, лошадь, кабриолеть и двадцать фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Я согласился на всѣ условія, которыя казались мнѣ выгоднѣе чѣмъ я могъ ожидать; но тутъ былъ еще одинъ уговоръ, — чтобъ я никогда не писалъ стиховъ и держалъ свой поэтическій талантъ подъ спудомъ. У меня хранится еще это письмо. Кто бы могъ подумать, что Вальтеръ Скоттъ предписывалъ мнѣ такой законъ? Однако это было сдѣлано по его внушенію. Я вполне убѣжденъ, что другъ мой, лордъ Порчестеръ, самъ никогда бы не захотѣлъ требовать отъ меня подобнаго обязательства. Я пренебрегъ договоръ и отказалъ въ своемъ согласіи.»

Можно себѣ представить, что чувствовалъ при этомъ Джемсъ Гоггъ, — поэтъ истинный, который потомъ въ такихъ трогательныхъ стихахъ излилъ свои жалобы на совершенно меркантильный образъ мыслей Скотта относительно дарованія собственнаго его друга. Кажется, что и въ апогей своей славы, великій романистъ былъ очень скупъ на помощь литературнымъ влияніемъ. Никогда не подавалъ онъ Гоггу другаго пособія кромѣ совѣтовъ, и постоянно отказывался упомянуть хоть словомъ объ его трудахъ въ которомъ-нибудь изъ лучшихъ журналовъ. Однажды онъ какъ-то согласился написать статью обо всѣхъ произведеніяхъ Гогга въ совокупности: прошелъ годъ, и ничего не вышло; наконецъ Гоггъ сталъ жаловаться, и сиръ Вальтеръ отвѣчалъ ему: «Видишь, Гоггъ, я, право, было-началъ; собралъ множество замѣтокъ, назначилъ нѣсколько выписокъ; но я увидѣлъ, что если захочу дать надлежащее понятіе о твоихъ успѣхахъ и твоемъ поэтическомъ гениі, то должно начать съ балладъ и слѣдовать до твоего «Бдѣнія Королевы». Мнѣ показалось, что мы съ тобой пишемъ совершенно въ одномъ родѣ, и что если бъ я сказалъ о тебѣ все, что ты заслуживаешь, публика могла бъ подумать, что въ тебѣ я расхваливаю самого себя.» Гоггъ, которому не очень нравилась эта излишняя совѣстливость, лишавшая его хорошей рекомендаціи передъ публикою, тотчасъ отвѣчалъ ему: «Но, любезный сиръ Вальтеръ, вы никакъ не можете полагать, чтобъ я принадлежалъ къ вашей рыцарской школѣ. Вы рѣшительно ея царь. Я властелинъ горы и школы чародѣйства, которая безконечно выше вашей.» Скоттъ нахмурился, и сказалъ: «Любезнѣйшій, чѣмъ

выше взойдешь, тѣмъ ниже падать,» — и онъ тотчасъ перемѣнилъ разговоръ.

Часто, особенно въ юности Скоттова дарованія, слава или тщеславіе его находило соперника въ успѣхахъ Гогга. Такъ, онъ узналъ однажды, къ своему прискорбію, что отрядъ Единбургской конницы предпочитаетъ его балладамъ Гогговъ. Несмотря на короткость свою съ сирь Вальтеръ Скоттомъ, Гоггъ очень долго вовсе не подозрѣвалъ въ немъ «великаго безыменника.» Книгопродавецъ Баллентинъ клялся ему, что это неправда, и онъ высказывалъ Скотту чистосердечно и безъ закрытія мнѣніе свое объ его романахъ. Однажды онъ судилъ объ нихъ съ большой подробностью, выставляя именно тѣ мѣста, которыя ему особенно нравились или казались вовсе неудачными. Скоттъ не защищался; но невинная пріятельская критика по-видимому очень его занимала.

По словамъ Гогга, рукопись поэмы *Magmion* была настоящая рѣдкость: Скоттъ написалъ ее всю безъ помарокъ въ письмахъ, которыя присылалъ къ книгопродавцу по почтѣ изъ разныхъ мѣстъ. «Когда онъ переписалъ набѣло свою *Lady of the lake*, говоритъ Гоггъ, онъ сказалъ мнѣ: «Я рѣшаюсь представить публикѣ нѣчто совершенно различное съ первыми моими произведеніями, различное и по предмету, и по размѣру стиховъ, и по слогу.» Вслѣдъ за этимъ предувѣдомленіемъ, онъ отворилъ бюро, и прочелъ мнѣ отрывокъ. — Не вижу ни какой разницы въ стихѣ между этимъ и другими вашими произведеніями, отвѣчалъ я: оно кажется мнѣ лучше только потому, что совершенно для меня ново. — Скотту не слишкомъ полюбилось мое замѣчаніе; онъ сказалъ, что я перемѣню мысли, когда прочту всю пьесу. Я хотѣлъ-было объяснитьсь, но тутъ вошелъ въ комнату сирь Джонъ Гопъ и положилъ конецъ нашему разговору.»

ВОСПОМИНАНІЯ О НИБУРЪ. Подъ этимъ заглавіемъ вышло на Англійскомъ языкѣ очень любопытное сочиненіе Нѣмецкаго путешественника Г-на Либера, который жилъ нѣсколько времени у знаменитаго Нибура надзирателемъ при его сынѣ. Пріѣхавъ безъ куска хлѣба въ Римъ, гдѣ Нибуръ находился тогда посланникомъ, Г. Либеръ былъ имъ облас-

кань и призрѣнъ съ такимъ радушіемъ, которое дѣлаетъ ему столько же чести, сколько лучшее изъ его открытій въ спорной области Исторіи. Г. Либеръ сообщаетъ много подробностей о частномъ характерѣ своего покровителя: начнемъ съ наружнаго его вида.

«Г. Нибуръ былъ малъ ростомъ и худощавъ, имѣлъ голосъ очень громкій. Онъ нехорошо видѣлъ вдаль и впадалъ иногда въ самыя странныя ошибки; очки были для него необходимы. Онъ велъ очень умѣренную жизнь, вино пилъ только съ водою, терпѣть не могъ курительнаго табаку, но нюхалъ такъ много, что наконецъ вынужденъ былъ перестать.

«Рѣдкая память дозволяла ему часто заниматься безъ пера: я иногда заставалъ его лежащимъ на софѣ съ какимъ-нибудь древнимъ авторомъ надъ головою, и онъ читалъ этакъ не для отдохновенія, а напротивъ часто предавался самымъ внимательнымъ изслѣдованіямъ. Память его была почти непостижима. Онъ помнилъ все, что когда-нибудь въ жизни случилось ему прочесть. Ему было около двадцати лѣтъ, когда онъ учился въ Единбургѣ, и я слышалъ разговоръ его съ однимъ Англичаниномъ о какой-то статистической выкладкѣ, которую онъ читалъ тогда въ газетахъ. Собесѣдникъ его, помнится, членъ парламента, не довольствовался его увѣреніемъ: Г. Нибуръ тотчасъ велѣлъ мнѣ взять бумаги и перо и продиктовалъ значительный рядъ чиселъ къ великому удивленію его гостя.

«Не менѣ замѣчательна была въ немъ та особенность, что онъ могъ заниматься и писать, какъ бы вокругъ него ни шумѣли. Ни игры его дѣтей, ни громкіе разговоры постороннихъ, не мѣшали ему, какъ скоро онъ садился за дѣло. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ рѣшительный весельчакъ, однако жъ онъ любилъ шутку и веселость. Онъ наслаждался фарсами Санъ - Карлино въ Неаполѣ, и въ бытность нашу тамъ, мы часто посѣщали этотъ храмъ истинной потѣхи».

Мы заключимъ эти выписки нѣсколькими мыслями Нибура, обнаруженными въ разговорахъ съ Г. Либеромъ.

«Дурной почеркъ, сказалъ онъ однажды, вещь неизвѣстная: это постыдная беспечность. Не безсовѣстно ли послать къ подобному себѣ созданію письмо, написанное дур-

ной рукою? Можетъ ли быть что-нибудь такъ непріятно въ мірѣ, какъ распечатать письмо, которое съ перваго взгляда говоритъ вамъ, что не скоро вы его разберете?»

Вотъ Нибурово мнѣніе о Торвальдсенѣ.

«У Торвальдсена нѣтъ той пластической вѣрности и твердости въ рукѣ, которою древніе отличаются въ такой высокой степени. Явно, что онъ работаетъ снаружи; у него вы видите только поверхность. Совсѣмъ другое въ созданіяхъ древнихъ художниковъ: они какъ-будто выросли изнутри».

Вотъ еще отзывъ его о Наполеонѣ.

«Наполеонъ школилъ людей какъ собакъ. Онъ топталъ ихъ ногами, а тамъ показывалъ имъ кусокъ хлѣба, поглаживалъ ихъ, и они же къ нему ластились: ни одинъ монархъ не имѣлъ столько безусловныхъ орудій своей безусловной воли какъ Наполеонъ».

Что касается до политическихъ мнѣній Нибура, то авторъ говоритъ, что знаменитый археологъ принадлежалъ въ этомъ отношеніи къ числу тѣхъ, которые болѣе оглядываются назадъ, чѣмъ смотрятъ впередъ, и что хотя сердце его лежало къ «Нѣмецкому отечеству», однако жъ онъ не любилъ новѣйшихъ политическихъ умозрѣній. Этотъ отзывъ тѣмъ достойнѣе вѣроятія, что самъ Г. Либеръ — либераль, и вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ какъ изъ Нѣмцевъ перекрестился въ Северо-Американцы.

ПОСВЯЩЕНІЕ АНТИПАРОССКОЙ ПЕЩЕРЫ. Такъ какъ нѣкоторые изъ нашихъ читателей не бывали на Антипаросѣ, а многіе давно уже не получаютъ оттуда ни какихъ извѣстій, то мы сообщимъ имъ новѣйшее описаніе знаменитой пещеры Греческаго Архипелага, напечатанное въ журналахъ однимъ Англійскимъ путешественникомъ.

«Мы прѣехали, говоритъ онъ, въ дрянную деревушку, столицу острова. Народъ, предувѣдомленный о прибытіи путешественниковъ, толпою вышелъ къ намъ на встрѣчу. Мы принуждены были на первомъ шагу купить нѣсколько медалей, чтобы избавиться отъ привязчивости туземныхъ антикваріевъ. Тутъ напали на насъ семеро или восьмеро купцовъ, у которыхъ также надобно было взять что-нибудь. Пока мы съ ними спорили, нашъ лоцманъ подошелъ къ како-

му-то человѣку и потребовалъ проводника. При этихъ словахъ, несмотря на всю и безъ того уже довольно шумную суматоху, раздались крики дюжины босоногихъ негодяевъ, которые бранились и дрались, оспаривая одинъ у другаго честь провожать насъ въ пещеру; они сдѣлали на насъ рѣшительное нападеніе: одни тащили насъ за платье, другіе хватали за руки, за ноги, а между-тѣмъ присутствующіе сохраняли неизмѣнное хладнокровіе. Мы должны были выбрать четырехъ человѣкъ, которые, не ожидая нашихъ приказаній, схватили веревки и лѣстницы и отправились впередъ. Мы послѣдовали за ними проходя по благоуханнымъ долинамъ, покрытымъ богатыми жатвами, взбираясь на холмы, усыянные кустарниками, и повременамъ, отдыхая подъ тѣнью столѣтнихъ смоковницъ и оливковыхъ деревьевъ. Пройдя верстѣ девять по прекраснѣйшей странѣ, мы наконецъ достигли цѣли путешествія. Въ верстѣ отъ моря мы увидѣли знаменитую пещеру въ склонѣ горы бѣлаго мрамора. Надъ отверстіемъ ея сгибался величественный сводъ, по которому стлались плющъ и дикій виноградникъ. Этотъ сводъ, покоящійся на огромныхъ сталактитахъ, подалъ мнѣ высокое понятіе о красотѣ внутренности грота. Тутъ были какъ-бы гиганскія колонны; тамъ какъ-бы колоссальныя статуи, еще только обтесанныя рѣзцемъ художника. При входѣ въ эту мрачную пещеру, холодъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ, и мнѣ пришли въ голову безсмертныя стихи Данте и его знаменитое описаніе ада.

«Между-тѣмъ, какъ проводжатыя наши дѣлали свои приготовления, мы, держа въ рукѣ факелы, ободряли другъ друга. Наконецъ надобно было повиснуть на адской лѣстницѣ: мы очутились въ довольно узкомъ корридорѣ, котораго стѣны покрыты прекраснѣйшими кристаллами. Въ концѣ этого наибольшаго прохода была перпендикулярная пропасть: мы спустились туда по веревкѣ; впрочемъ тутъ было не болѣе двѣнадцати футовъ глубины. Стѣны блистали и, казалось, загарались, какъ скоро мы приближались къ нимъ съ факелами. Глаза мои не могли долго сносить этого сіянія. Я хотѣлъ возвратиться, но проводники этому воспротивились, и очень хорошо сдѣлали, потому что въ некоторомъ разстояніи открывалась подъ нашими ногами бездна, и я не-

прежнѣно упалъ бы въ нее, если бы меня не удержали на-мѣ-
ствѣ. Пораженный опасностію, въ которой находился, я не
смѣлъ взглянуть туда. Но, увлеченные смѣлостію нашихъ
проводниковъ, мы обошли по краямъ пропасти и про-
никли въ другой корридоръ, въ которомъ сталактиты, сое-
диняясь между собою сводами и арками, напоминали намъ
готическую архитектуру. Почва была сыра и скользка; боясь
упасть, я хватался за все, что попадало мнѣ подъ руку, а
при крутыхъ спускахъ мы благоразумно подражали четверо-
ногимъ животнымъ. Мы перебрались черезъ самую опасную
часть пещеры, и потомъ шли спокойно, по-крайней-
мѣрѣ не подвергаясь уже ни какой опасности. Мы часто от-
дыхали на камняхъ: наконецъ мы остановились на нѣсколь-
ко минутъ въ нѣкотораго рода сѣняхъ, пока осветили боль-
шую залу, куда мы потомъ вошли. Все, что я слышалъ
объ ней, было несравненно ниже того, что представи-
лось глазамъ моимъ. Это скорѣе храмъ чѣмъ гротъ. Во-
образите себѣ залу во сто двадцать саженъ въ длину, сто
тринадцать въ ширину и шестьдесятъ въ вышину. Всѣ стѣ-
ны усыяны мириадами алмазовъ, которые разливаютъ вол-
ны свѣта; сводъ разсѣянъ на нѣсколько частей, опираю-
щихся на тонкія колонны; въ концѣ залы массивныя величе-
ственные пиластры, кажется, поддерживаютъ все зданіе; но-
статуи и группы, точно — произведенія искусства; на-
конецъ въ серединѣ залы родъ жертвенника, окруженнаго кра-
сивыми колоннами, на которыхъ возвышается балдахинъ. На
жертвенникѣ стоятъ какъ-бы подсвѣчники и другія утвари,
упомянутыя въ католическомъ богослуженіи. Велико-
лѣпное зрѣлище! Дрожащій свѣтъ факеловъ и дымъ ихъ
придавали что-то магическое всемъ окружающимъ пред-
метамъ. Не доставало только звуковъ органа. Въ этомъ
подземельѣ мысли мои невольно обратились къ величію Бо-
жію и красотѣ природы. Я вырвалъ имя мое на камнѣ по-
дѣ именъ разныхъ знаменитыхъ людей, которыхъ любо-
пытство завлекло также какъ и меня въ эту пещеру; взялъ
съ собою нѣсколько образчиковъ сталактитовъ, и сохранилъ
ихъ въ память разнообразныхъ ощущений, которыя испы-
тала во время посѣщенія Антипаросскаго грота.»

ДѢЙСТВІЕ ЛИБЕРАЛИЗМА И ОБЩЕСТВЪ ТРЕЗВОСТИ НА ВОДКУ И САХАРЪ. Чѣмъ мы; благонамѣренные люди, которые преспокойно пьемъ кофе и не думаемъ о политикѣ, виноваты передъ XIX вѣкомъ, что страдаемъ отъ его глупостей? Знаете ли, благосклонные читатели и читательницы, отчего такъ вздорожалъ сахаръ? Поблагодарите за то, во-первыхъ, почтенное сословіе Англійскихъ Виговъ. Лстыя безсмысленной толпы, они столько кричали противъ рабства негровъ въ своихъ колоніяхъ, что наконецъ принудили правительство согласиться на постепенное освобожденіе черныхъ невольниковъ, безъ которыхъ воздѣлываніе тростника въ Западныхъ Индіяхъ невозможно. Воспрещеніе торга неграми, которое, по договорамъ со всеми Европейскими государствами, приняла на себя либеральная Англія, уже произвело, въ послѣдніе годы, нечувствительное возвышеніе цѣнъ на сахаръ; но лишь-только утверждень былъ законъ о постепенномъ освобожденіи наличныхъ невольниковъ, какъ спекулянты приняли свои мѣры: какъ имъ извѣстна природная склонность негровъ къ лѣни, то они разочли, что освобождаемые каждый годъ невольники не станутъ работать, будутъ лежать на солнцѣ, и производство сахару будетъ годъ-отъ-году уменьшаться. Поэтому они закупаютъ сахаръ теперь, пока еще онъ дешевъ, чтобы потомъ продавать его дорого, будучи увѣрены, что цѣна не только не упадетъ, но еще должна возвышаться. Это одна причина. Другая заключается въ распространеніи обществъ трезвости въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ отъ этихъ ужасныхъ учрежденій болѣе трехъ милліоновъ честныхъ людей перестали пить ромъ и водку и пристрастились къ кофе и чаю: это чрезвычайно увеличило требованіе на сахаръ въ Соединенныхъ Штатахъ, куда прежде отправляли его очень мало. Третьею причиною нынѣшней дороговизны сахару въ Россіи былъ дурной урожай тростника на Островѣ Кубѣ, который доставляетъ намъ всю годичную пропорцію нашего потребленія, потому что высокая пошлина нашего тарифа обезпечиваетъ выгодный сбытъ у насъ только самому высокому сорту сахару, каковъ вообще тотъ, который производитъ Куба. Но эта причина только случайна, и прекратилась бы новымъ урожаемъ, тогда какъ двѣ предыдущія постоянны, и будутъ всегда дѣйствовать на возвыше-

не цены. Любопытно теперь взглянуть на дѣйствіе обществъ трезвости въ Англіи! тамъ напротивъ потребленіе горячихъ напитковъ усиливается по мѣрѣ распространенія этихъ непьющихъ союзовъ. Вотъ сколько вышли въ прошломъ году въ трехъ Соединенныхъ Королевствахъ:

	галлоны.	футы стерлинг.
Рому.....	3,345,177	цѣною на 1,505,140.
Водки.....	1,388,639 1,561,427.
Можжевельной.....	21,632 24,303.
Ликеровъ.....	9,901 9,799.
Разныхъ спиртовъ.....	32,497,806 5,246,874.
	<hr/>	<hr/>
всего	38,263,155	8,347,543.

Эта сумма равняется 208,000,000 рублей, и превосходитъ семью милліонами потребленіе 1833 года и одиннадцатью милліонами количество, выпитое въ 1832. Но здѣсь не столько еще виноваты общества трезвости, сколько тотъ же либерализмъ Виговъ, которые, въ угожденіе черни, отменили пошлину на солодъ, — пошлину, какъ они говорили, безнравственную. Въ 1834 году превращено тамъ въ солодъ 32,130,000 четвертей разнаго хлѣба.

ЗНАМЕНИТЫЙ ЖИДЪ ЯКОВНИЦЪ. Вотъ, до чего дошла бѣдная Европа: сынъ Израиля производитъ въ ней, по своему произволенію, мятежи и революціи, свергаетъ королей съ престоловъ, перемѣняетъ династіи! Жидъ возвелъ молодую дочь донъ Педра на Португальскій тронъ, жидъ заварилъ кашу въ Испаніи, и самъ же теперь управляетъ отечествомъ Альфонса и Изабеллы. Читатели наши вѣроятно пожелаютъ узнать исторію донъ Хуана-Альваресъ-и-Мендисаваль (Mendizabal), котораго имя попадаетъ нынче въ каждой газетѣ.

Рабби Мендисаваль родился 1790 года въ Кадиксѣ. Его отецъ былъ Гибралтарскій жидъ, и держалъ въ Кадиксѣ суконную лавку, въ которой юный *бохуръ*, нынѣшній первый министръ въ Испаніи, помогаль родителю владѣть аршиномъ. Изъ лавки онъ поступилъ на службу по комиссаріатской части во время народной войны противъ Наполеона, и былъ нѣкото-

рое время однимъ изъ чиновниковъ, пекшихся о обмундировкѣ войска. По возстановленіи законнаго короля на Испанскомъ престолѣ, религія молодого Мендисавала не дозволила ему оставаться долге на службѣ: онъ опредѣлялся прикащикомъ къ банкиру Бельтрану де-Лисъ; и, благодаря своей смѣтливости, вскорѣ сдѣлался торговымъ товарищемъ его дома. Въ этомъ званіи, онъ былъ главнымъ поставщикомъ провіанта для экспедиціи, которую Испанія приготовляла въ 1819 году на островъ Санъ-Леонъ съ намѣреніемъ отправиться въ Америку. Мендисаваль, котораго поставка припасовъ приводила въ ежедневное соприкосновеніе съ офицерами этого отряда, котораго деньги имѣли сильное на нихъ вліяніе и революціонныя мнѣнія вообще раздвѣлялись ими, былъ избрѣтателемъ и душою мятежа 1820 года. Онъ устроилъ заговоръ *saberas de San Juan*, и изъ маіора Кирогіи и капитана Ріего сдѣлалъ главныхъ лицъ въ королевствѣ. Когда Европа соединилась, чтобъ потушить эту безнравственную революцію, и Франція въ 1823 году по порученію державъ, хранительницъ благоденствія государствъ и народовъ, возстановила тамъ порядокъ, безпокойный жидокъ принужденъ былъ спастись въ Англію, гдѣ на пріобрѣтенный въ смутное время капиталецъ завелъ себѣ торговлю. Происки Англійскихъ радикаловъ, которые покровительствовали въ немъ свои безпокойныя правила, провозглашала его жертвою несправедливости, дали ему возможность выиграть въ судѣ Королевской Лавки (*King's Bench*) важный денежный процессъ противъ Испанскаго правительства и консула Махадо. Июльскій переворотъ во Франціи разстроилъ его коммерческія дѣла, и онъ, собравъ тысячь четыреста рублей, тайно ушелъ въ Парижъ, гдѣ тотчасъ связался съ Лафаетомъ, мѣстными якобинцами и Испанскими эмигрантами, между-тѣмъ какъ его кредиторы въ Лондонѣ принуждены были довольствоваться его счетными книгами и пустою кассою. Здѣсь онъ развернулъ въ полной мѣрѣ свою опасную дѣятельность, подговаривалъ, ободрялъ выходцевъ и наконецъ снарядилъ на привезенныя четыреста тысячь рублей извѣстную экспедицію, которая въ ноябрѣ 1830 года вторглась въ Испанію съ намѣреніемъ распространить по ней пламя мятежа и раздоромъ. Экспедиція была безъ труда развѣяна вѣрными долгу чести

Испанцами; Французское правительство перевело спасшихся эмигрантовъ отъ южной границы въ сѣверные департаменты; Мендисаваль долженъ былъ уходить отъ мщенія своихъ земляковъ, которыхъ онъ обманулъ увѣреніями въ удачу, и отъ неумолимости новыхъ кредиторовъ, которыхъ успѣлъ еще приобрести въ Парижѣ. Безъ гроша денегъ, онъ объявилъ, что ѣдетъ въ Лондонъ расплатиться съ своими заемщиками, но тѣ, лишь-только почтенный сынъ Израиля ступилъ на берегъ Темзы, посадили его въ тюрьму. Здѣсь-то, въ темницѣ; онъ началъ приводить въ дѣйствіе планъ возвращенія Португаліи донъ Педру, объявляя своимъ пріятелямъ, что въ Испанію надобно проникнуть черезъ Лисабонъ. Не платя своихъ долговъ, Мендисаваль нашелъ средство дѣлать изъ тюрьмы новые займы на имя донны Маріи-да-Глоріи, нанимать суда, вооружать бродягъ и управлять эскадрою и войсками, собиравшимися на островъ Белль-Иль; при семъ удобномъ случаѣ, изъ Португальскаго займа осталась у него копейка и для выкупа своей особы изъ заключенія. Онъ отправился въ Португалію, руководствовалъ тамъ взятіемъ Оporto, и, вопреки мнѣнію генераловъ донъ Педро, выполнилъ удачное движеніе на Альгарвию, которое предало Лисабонъ въ руки отца королевы. Тутъ Мендисаваль, съ Еврейскою смѣшленною, занялся устройствомъ финансовъ Португаліи и, при общемъ грабительствѣ побѣдителей, плотно набилъ свои карманы. Теперь онъ одинъ изъ богатѣйшихъ жидовъ въ Европѣ. Но этого ему было не довольно: онъ все-еще предвидѣлъ возможность устроить такимъ же образомъ финансы Испаніи, какъ устроилъ Португальскіе, и онъ рискнулъ еще разъ своими деньгами на любимую спекуляцію. Кончина Фердинанда VII подала ему прекрасный случай: Мендисаваль сыпалъ піастрами, чтобы возмущать столицу и провинціи; сидя въ Лондонѣ, этотъ Израильтянинъ учреждалъ на цѣломъ полуостровѣ революціонныя юнты, которыя наконецъ стѣснили дотогу власть Испанской королевы, что правительству не оставалось другаго средства, какъ призвать въ Мадридъ того же самаго жида, чтобы онъ выпуталъ его изъ сѣтей, въ которыя оно нопало по его милости; и вотъ онъ — первый министръ этого несчастнаго государства! Испанцы думаютъ, что они дерутся за отечество, за свободу, а выходитъ, что они де-

ругся только за то, чтобы рабья донъ Хуанъ-Альваресъ-и-Мендисаваль устроилъ ихъ финансы по-Еврейски. Впрочемъ это исторія всѣхъ либеральныхъ революцій.

ПЛЯЦА НАПОЛЕОНА. Опять Наполеонова шляпа! Это уже, по нашему счету, двѣсти восемьдесятъ вторая. Вотъ, что одинъ Французскій журналъ сообщаетъ объ этой новой шляпѣ великой головы.

Наполеонъ, говорятъ онъ, подарилъ свою старую шляпу генералу Дюпону, который на колѣняхъ просилъ у него, оставить ему что-нибудь въ знакъ памяти. «Возьми эту шляпу», сказалъ Наполеонъ: «она знаетъ мои сокровенныя думы; она сторожила и подслушала всѣ мои планы и проекты.» Дюпонъ хранилъ шляпу въ своемъ кабинетѣ, подлѣ бюста своего вождя. Онъ почти молился этой шляпѣ и берегъ ее какъ рѣдкую драгоценность. Дюпонъ лежалъ уже на одрѣ смерти: у изголовья положена была шляпа Наполеона. Друзья окружили одръ страдальца, который, приподнявшись немного, вперилъ угасающій взоръ на шляпу, уронилъ слезу, и сказалъ: Je me meurs.... Napoléon! Друзья, прощаясь съ Дюпономъ, взяли себѣ на память кое-что изъ вещей покойника, покада не пришла полиція для описи и приложенія печатей къ оставшемуся имѣнью.

Полковникъ Ламертенъ прибралъ къ рукамъ свою трезугольную шляпу, которую такъ боготворилъ покойникъ, полагая, что въ ней скрывается какое-нибудь сокровище. Ламертенъ, возвратясь домой, заперъ накрѣпко свои двери, и началъ жадными взорами разсматривать свою добычу. Онъ выдралъ изъ шляпы шелковую подкладку и кожу, вывернулъ все наизнанку, разсмотрѣлъ всѣ швы и складки, и не нашелъ въ ней ни какого клада. Шляпа была какъ всѣ шляпы: полковникъ обманулся въ своей надеждѣ. Вдругъ постучалъ кто-то въ двери. Ламертенъ отперъ, и къ нему вошелъ въ комнату другъ его, Sanagent, Санаржанъ.

— Шляпа, которую вы здѣсь видите, поручикъ, нюхала пороху побольше, нежели вы будете нюхать во всю вашу жизнь!

— Я не вижу въ ней ничего примѣчательнаго, полковникъ!

— Если бы вы знали кому она принадлежала.

— Ну, кому же?

— Маленькому капралу! Я получилъ эту вещь отъ Дюпона, и дарю ее вамъ, только съ условіемъ никому не говорить, что вы получили ее отъ меня.

Санаржанъ охотнѣе бы взялъ одинъ наполеондоръ чѣмъ шляпу Наполеона: онъ сухо поблагодарилъ полковника за подарокъ. На слѣдующій день назначенъ былъ обѣдъ и балъ у губернатора Парижа, Девала. Всѣ молодые офицеры Парижскаго гарнизона приглашены были на балъ; между ними и Санаржанъ, который тотчасъ отправился къ шляпнику, и велѣлъ ему изъ знаменитой шляпы Наполеона сдѣлать складную, *chapeau claqué*, въ новѣйшемъ вкусѣ. Онъ взялъ контрамарку шляпника и удалился.

Иногда имя человѣка дѣлается неистощимымъ источникомъ насмѣшекъ. Поручикъ Санаржанъ сносилъ тысячи глупостей и остротъ отъ своихъ товарищей, благодаря своей странной фамиліи, *Sans-argent*. Онъ не могъ зажать рта насмѣшника ни завтраками, ни пирушками. У него не было денегъ, и притомъ онъ не умѣлъ, благородныхъ гостей, каковы червонцы, залучить къ себѣ въ карманы, которые неумолимое время прогрызло насквозь.

Вечеромъ Санаржанъ пришелъ въ лавку шляпника и хотѣлъ представить контрамарку, но не тутъ-то было: онъ потерялъ контрамарку. Мастеръ никакъ не соглашался отдать шляпу, и Санаржанъ принужденъ былъ вѣхать на балъ безъ обновы.

Великолѣпныя залы губернатора наполнены были блестящимъ обществомъ. Начались танцы. Санаржанъ принадлежалъ къ числу нетанцующихъ. Промѣнявъ котильонъ на бутылку шампанскаго, онъ занялся разговорами. Каждый изъ гостей старался рассказать какую-нибудь странную исторію: между прочими и корнетъ Газаръ. Онъ признался, что вчера нашелъ на улицѣ контрамарку, явился съ нею въ шляпный магазинъ, и получилъ тамъ прекрасную шляпу, за которую заплатилъ только пять франковъ.

Корнетъ показалъ гостямъ щегольскую свою шляпу. Санаржанъ слышалъ это, но не вступился за свою собственность, выжидая благоприятной минуты.

Баль почти кончился. Свѣтало, и гости начали разъязжаться. Санаржанъ слѣдилъ корнета Газара, и когда тотъ вышелъ за двери, поручикъ заступилъ ему дорогу.

— Вы говорили о шляпѣ, которую присвоили себѣ посредствомъ найденной контрамарки.

— Точно такъ. Но развѣ это до васъ касается?

— Да, и очень много: я потерялъ эту контрамарку.

— Какъ васъ зовутъ?

— Санаржанъ.

— Ха, ха! этакъ говорить всякой sans argent! возразилъ смѣючись Газаръ.

— Мы насчетъ этого объяснимся въ другомъ мѣствѣ, а теперь прошу отдать мою шляпу.

— Вы шутите?

— Ни мало. Люди, владѣющіе чужимъ добромъ, недостойны называться офицерами; ихъ величаютъ.....

— Какой вы чудакъ! возразилъ Газаръ: вы бы давно сказали, что шляпа вамъ нравится, и вы хотите ее имѣть?

Въ эту минуту проходящій дозоръ вмѣшался въ ссору двухъ офицеровъ, и приказалъ имъ не шумѣть на улицѣ. Офицеры не послушали увѣщанія жандармовъ, и должны были отправиться вмѣствѣ съ предметомъ своего спора, шляпою, на гауптвахту. На другое утро ихъ выпустили изъ подъ ареста, но спорная шляпа осталась въ залогъ и ее препроводили въ руки юстиціи.

Война удалила обоихъ претендентовъ на шляпу изъ Парижа. Они отправились въ походъ съ своимъ императоромъ, а шляпа между-тѣмъ, какъ вещь конфискованная, была продана на аукціонѣ. Тряпичникъ купилъ ее. Своенравная судьба помѣстила шляпу завоевателя на рыночномъ прилавкѣ вмѣствѣ съ поношеною юбкою бѣлошвейки и съ войлочнымъ колпакомъ паяца. Какой-то работникъ Жакъ купилъ эту складную шляпу Наполеона и сдѣлалъ изъ нее круглую.

Въ торжественный день вступленія союзныхъ войскъ въ столицу Франціи, работникъ Жакъ, надѣвъ шляпу Наполеона, пошелъ встрѣчать монарховъ къ Сенмартенскимъ Воро-

тамъ. Радостно махалъ онъ этою шляпою, приветствуя Русскихъ усатыхъ гренадеръ, потому что онъ отъ души ненавидѣлъ похитителя престоловъ, Бонапарта, который забралъ у него трехъ сыновей въ рекруты. И Наполеонова шляпа радостно приветствовала Наполеоновыхъ побѣдителей!

Жакъ три года таскалъ шляпу великаго человѣка на своей нечесаной головѣ и промѣнялъ ее потомъ на фуражку у шляпника. Шляпникъ сдѣлалъ изъ нее родъ черной скуфейки. Барышникъ Шармѣ, у котораго было много денегъ но мало волосъ на головѣ, купилъ эту скуфейку, чтобы прикрыть ею свою лысину. Какая разница: этотъ черный лоскутъ покрывалъ сперва голову умнѣйшаго человѣка въ мѣрѣ, а потомъ смиренно умѣстился на глупомъ темени лошадинаго поставщика! Плышная голова барышника была настоящимъ островомъ Св. Елены для низложенной шляпы Наполеона.

Шесть лѣтъ носилъ онъ эту историческую святыню, которая такъ же украшала его чело, какъ лавры свиной окорокъ. Наконецъ истасканная скуфейка брошена была въ сорную яму. Бѣдный Саволръ вытащилъ ее крючкомъ изъ грязи; но судьба и тутъ хранила еще знаменитую развалину. Подобно рѣдкостямъ Геркуланума и Помпеи, которыя, пролежавъ въ землѣ нѣсколько тысячелѣтій, вышли опять на Божій свѣтъ и стали украшать кабинеты богачей, исторгнутая изъ сорной ямы шляпа очутилась въ Домѣ Инвалидовъ въ рукахъ больнаго Наполеоновскаго гвардейца, Виктора. Онъ вздумалъ чистить ею заржавленное свое ружье. Вотъ по-крайней-мѣрѣ употребленіе, достойное шляпы завоевателя! Старый гвардеецъ съ аршинными усами почувствовалъ, что близокъ часъ его смерти. Онъ снялъ со стѣны свое ружье, которое въ первый разъ согрѣто было порохомъ при Маренго, и началъ его чистить. Что за чудо! на лоскутѣ шляпы показался красноватый знакъ, который, болѣе и болѣе обнаруживаясь, превратился наконецъ въ коронованную литеру N на груди одноглаваго орла Наполеонова. Извѣстно, что этотъ гербъ находился на всѣхъ вещахъ, принадлежавшихъ императору Французовъ. Слезы брызнули изъ глазъ стараго инвалида, который какъ на яву увидѣлъ передъ собою обожаемаго имъ отца и коман-

дира. Онъ крѣпко прижалъ къ устамъ бѣдный остатокъ некогда грозной шляпы.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ: этотъ доскутъ слишкомъ знаменитъ для того, чтобы чистить имъ ружье простаго солдата; будь ты отнынѣ моимъ талисманомъ, моимъ хранителемъ, покуда смерть не позоветъ меня на вѣчную переключку. Тогда я прижму тебя къ груди моей, и умру спокойно! Ты, добрый товарищъ мой, пойдешь со мною въ могилу на вѣчное отдохновеніе.

Черезъ три недѣли послѣ этого, умеръ храбрый инвалидъ Викторъ. Это случилось 5 мая 1821 года, въ самый день кончины Наполеона.

ОБЪѢДЪ У ЛЕДИ БЛЕССИНГТОНЪ. Остроумный Американскій поэтъ Г. Виллисъ, сообщаетъ занимательныя подробности о вечерѣ, который онъ провелъ у графини Блессингтонъ, красавицы и писательницы, въ сообществѣ крошечнаго Томаса Мура и одного изъ нашихъ соотечественниковъ.

«Я прѣхалъ къ миледи въ восемь часовъ. Мура еще не было, но я нашелъ тутъ другихъ гостей, — Русскаго графа, который говорилъ на всѣхъ Европейскихъ языкахъ такъ же свободно какъ на своемъ собственномъ (вотъ какъ всегда превратно судятъ объ насъ иностранцы! а мы увѣрены, что нашъ графъ, на своемъ собственномъ языкѣ, говорилъ очень не свободно!); извѣстнаго Римскаго банкира; одного умнаго Англичанина, и графа д'Орсè, который глядѣлъ изъ окна въ паркъ: всѣ они убивали, какъ могли, печальный сумеречный получасъ передъ обѣдомъ.

«Г. Муръ!» закричалъ лакей у подъезда. — «Г. Муръ!» раздалось въ стѣнахъ, и съ лорнетомъ передъ глазами, поэтъ вошелъ, наткнувшись на софу отъ близорукости и отъ темноты въ комнатѣ. Съ перваго взгляда можно было узнать, что въ этой гостиной онъ у себя дома. Скользя микроскопической ногою къ леди Блессингтонъ, въ которую онъ былъ влюбленъ, когда еще ей было лѣтъ шестнадцать, и влюбленъ понынѣ, онъ привѣтствовалъ ее весело, свободно, и вмѣстѣ съ какимъ-то обоготворительнымъ почтеніемъ, достойнымъ перваго министра при дворѣ Любви. Съ прочими гостями, которые всѣ были ему знакомы, обходился онъ съ откровен-

ностью фаворита, увереннаго въ томъ, что его любятъ, и они привѣтствовали его соответственнымъ образомъ. Онъ переходилъ отъ одного къ другому, закидывая голову, чтобъ на нихъ смотрѣть, — на бѣду всѣ гости были высокаго роста, — и каждому сказалъ что-нибудь такое, что отъ инаго показалось бы особеннымъ отличіемъ, но изъ его устъ выходило такъ же свободно какъ дыханіе.

«Доложили о кушаньѣ. Русскій графъ взялъ подъ руку миледи, а я сѣлъ противъ Мура: волна свѣта падала на его Вакхическую голову, и зеркала, которыми выложена вся восьмиугольная комната, отражали каждое его движеніе. За столомъ онъ кажется немалого роста. Туловище у него длинно, голова и плеча также несоразмѣрно велики. При томъ онъ подымаетъ голову и вытягиваетъ шею, такъ, что, когда онъ сидитъ, малорослость его не примѣтна.

«Супъ протекъ въ дѣятельномъ молчаніи, которое ему подобаешь; но, при появленіи другихъ блюдъ, леди Блессингтонъ завела разговоръ съ тѣмъ неподдѣльнымъ блескомъ, которымъ она отличается передъ ея современницами. Вотъ одинъ изъ анекдотовъ, которые она намъ рассказывала. Сиръ Вильямъ Гель давалъ ей въ Неаполѣ рукописное сочиненіе о послѣднихъ дняхъ Вальтеръ Скотта. Это печальная лѣтонись слабоумія, и она оставлена подъ спудомъ, но въ ней есть два или три довольно интересныхъ обстоятельства. Вскорѣ по прибытіи въ Неаполь, сиръ Вальтеръ отправился съ своимъ докторомъ и нѣсколькими знакомыми въ большой музей. Случилось, что въ тотъ самый день собралось тамъ многочисленное общество ученыхъ и Итальянскихъ литераторовъ поговорить о новооткрытыхъ рукописяхъ. Тотчасъ узнали, что «Сверный колдунъ» тутъ, и отправили депутацию съ просьбою, чтобы онъ почтилъ ихъ своимъ предствительствомъ. Въ это время Вальтеръ Скоттъ былъ уже развалиной; онъ ничего не могъ упомянуть даже на минуту, а члены были у него такъ слабы какъ у ребенка. Онъ бродилъ между останками Помпей, ни сколько не занимаясь тѣмъ, что видѣлъ, когда докторъ объявилъ ему о просьбѣ общества. «Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ: я не знаю ихъ языка. Скажите имъ, что я нездоровъ, не могу». Онъ пролом-

*

жалъ ходить по музею и вдругъ черезъ полчаса обратился къ доктору съ вопросомъ: «Кто это хотѣлъ меня видѣть?» Докторъ объяснилъ. «Я пойду, сказалъ Вальтеръ Скоттъ: что жъ, если они хотѣтъ меня видѣть!» — и вопреки совѣту своихъ знакомцевъ, которые боялись, что это ему не под силу, онъ взобрался на лѣстницу и явился въ дверяхъ. Иступленные привѣтствія Итальянцевъ встрѣтили его на порогахъ: всѣ стали въ два ряда, нѣкоторые на колѣни; хватили его за руки, осыпали поцѣлуями, благодарили на своемъ страстномъ языкѣ за наслажденіе, которое разливалъ онъ во всемъ свѣтѣ, и посадили его въ кресла съ самыми пламенными выраженіями признательности за снисхожденіе на иль просьбу. Засѣданіе продолжалось, но, не разумѣя ни слова по-Италянски, сирѣ Вальтеръ скоро утомился; друзья его замѣтили это, извиняли его нездоровьемъ, и онъ всталъ, чтобы распротиться. Восторженные дѣти юга снова окружили его со всѣхъ сторонъ, опять цѣловали у него руки съ восклицаніями, даже со слезами, помогали ему итти и проводили ропотомъ благословеній, когда дверь уже скрыла его отъ ихъ глазъ. Авторъ описанія этой сцены изображаетъ ее самой трогательною, какую ему случилось видѣть.

«Послѣ обѣда рѣчь зашла о музыкѣ, и, хотя съ большимъ трудомъ, Мура усадили за фортепіано. Извѣстно, что прелесть его пѣнія можетъ сравниться только съ изяществомъ его словъ. Однако онъ не пускается въ арію: это родъ чудеснаго речитатива, въ которомъ каждый отгѣнокъ мысли высказанъ и выраженъ, и чувство быстро течетъ во вашими жилами, согрѣваетъ васъ до самыхъ вѣкъ и измѣкаетъ слезы у каждаго, въ комъ только есть душа и сколько-нибудь смысла. Я слыхалъ, что есть женщины, которыя падаютъ въ обморокъ отъ этого пѣнія.

«Мы всѣ усѣлись окомо фортепіано, и послѣ двухъ или трехъ пѣсень по выбору леди Блессингтонъ, Муръ, взявъ нѣсколько аккордовъ, спѣлъ романсъ *When first I met thee*, «Когда впервые тебя я встрѣтилъ», съ такимъ паѣосомъ, котораго невозможно описать. Когда вырвалось у него последнее слово, онъ всталъ, взявъ леди Блессингтонъ за руку, простился и ушелъ прежде, чѣмъ кто-нибудь успѣлъ вымолвить слово. Съ минуту послѣ того, какъ онъ затворилъ

дверь, всѣ еще хранили молчаніе. Что до меня, я желалъ бы снудть, гдѣ сидѣлъ, съ тѣми же слезами на глазахъ и съ тѣми же услажденіемъ въ сердцѣ.»

Все это очень хорошо, но между-тѣмъ леди Блессингтонъ и Г. Муръ издали въ прошломъ году одинъ прозаическую повѣсть, *The Fudges in England*, другая скучный романъ, *The two friends*. Романъ благородной леди рѣшительно плохъ. Мы хотѣли сдѣлать изъ него для нашихъ читателей такое же сокращеніе какъ изъ Флавіана, Генри Перси, летописи Александра Дюма и другихъ новѣйшихъ твореній, и не могли найти въ немъ ничего занимательнаго или мастерски разсказаннаго, кромѣ небольшого отрывка для Смѣси. Надѣемся, что обѣдъ леди Блессингтонъ былъ гораздо лучше ея послѣдняго сочиненія! Но мы не справедливо называемъ его послѣднимъ. Съ тѣхъ поръ она издала еще одну книгу, то есть, альманахъ съ прелестными гравюрами, *The book of beauty, for 1836*. Она издаетъ этотъ альманахъ уже другой годъ, то есть, издаетъ его одинъ Лондонскій книгопродавецъ и платитъ ей, какъ увѣрялъ насъ одинъ ея пріятель, тысячу фунтовъ (25,000 рублей) за редакцію. Въ альманахѣ есть очень милыя вещи : объ немъ сказано ниже, въ статьѣ объ Англійской Словесности.

ИТАЛІАНСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. *Norma, Норма*, опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка Беллини.

Нѣсколько лѣтъ уже, какъ *Норма* съ успѣхомъ играна и играетъ во всей Италіи, въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, въ Лондонѣ. Но только нынче представлена она въ первый разъ въ Парижѣ, почти въ тотъ же самый день какъ у насъ въ Петербургѣ. Ни въ Парижѣ, ни въ Петербургѣ не возбудила она меломаническаго восторга, донынѣ производимаго Фенеллою и Робертсомъ. Въ Петербургѣ, гдѣ эта опера не украшена отличными пѣніемъ и поддерживается только оркестромъ и декорациями, полу-успѣхъ ея очень легко объясняется. Но слава Беллини едва-ли утвердится оттого, что главная его опера такъ холодно припята въ Парижѣ, гдѣ она была подкрѣплена голосомъ Джуліи Гризи, Рубини, Тамбурины, Лаблаша, и гдѣ недавняя кончина юнаго композитора

привлекла всеобщее участіе къ первымъ представленіямъ его лучшаго произведенія, врантѣ воспламеннаго и до небесъ превознесеннаго. Содержаніе этой пьесы уже извѣстно всѣмъ посвящающимъ театрѣ, а прочіе знаютъ его изъ газетъ: притомъ оно взято изъ трагедіи Г. Сумѣ, тоже довольно извѣстной. Станемъ говорить только о музыкѣ.

Недостатокъ ея сюжета, подобно сюжетамъ всѣхъ Медей и Ариаднъ, состоитъ въ томъ, что онъ доставляетъ только одну блестящую роль, которая поглощаетъ всѣ прочія. Само собою разумется, что въ подобной пьесѣ, безо всякаго дѣйствія, необходимо понимать слова, заключающіяся во множествѣ речитативовъ. Такая опера можетъ произвести сценическое дѣйствіе на зрителя только тогда, когда играется на общепонятномъ языкѣ, когда слушатели знаютъ въ чемъ дѣло и въ состояніи постигать выразительность музыки, акомпанирующей непрерывнымъ жалобамъ и безконечнымъ разсказамъ. Въ Парижѣ Норму играютъ на Италіанскомъ языкѣ, въ Петербургѣ на Нѣмецкомъ: выраженіе, смыслъ музыки, нецостижимы для большинства зрителей, и они по-необходимости скучаютъ въ промежуткахъ между истинно прекрасными мѣстами, производящими большее впечатлѣніе.

Вообще, немногія части этой оперы поражаютъ публику: въ первомъ дѣйствіи молитва Нормы, дуэтъ и тріо, которое составляетъ финаль; во второмъ, дуэтъ Нормы съ Адальгизою и финаль. Въ этой оперѣ болѣе сильныхъ, глубокихъ, драматическихъ вдохновеній, но тѣ же самые недостатки, которые замѣтны въ другихъ произведеніяхъ Беллини. Инструментація слаба: въ ней есть мѣста незначительныя и неотдѣланныя; речитативы слишкомъ длинны, и тонъ разныхъ частей пьесы слишкомъ однообразенъ. Беллини не живописецъ, а рисовальщикъ: онъ набрасываетъ эскизы, и никогда ихъ не отдѣлываетъ. Норма болѣе другихъ его оперъ обработана, но и въ ней есть мѣста, какъ-бы неоконченныя. И несмотря на то, что тутъ много вдохновенія, лучшая опера Беллини, не Норма, а *Sonnambola*, Женщина-лунатикъ: стиль въ ней лучше приспособленъ къ сюжету, и оттого въ немъ болѣе единства; промежутки слабыя или незначительныя не такъ велики, и Беллини, ничего такъ не обработывалъ какъ финаль перваго акта этой оперы.

Надобно уважать Беллини за то, что онъ удался отъ Россиніевской манеры. Въ немъ это истинное достоинство, потому что онъ былъ человекъ простодушный, дѣйствовавшій по внушенію своего таланта и ничего не дѣлавшій по расчету. Онъ расходился со всеобщимъ учителемъ не потому, чтобы гонялся за оригинальностью, но потому, что этого требовало его внутреннее чувство и особенное направленіе его таланта. Жаль, что это расположеніе, прекрасное и весьма рѣдкое у музыкантовъ, какъ и у всѣхъ другихъ художниковъ, не было поддержано болѣе продолжительнымъ, болѣе основательнымъ музыкальнымъ воспитаніемъ. Во всякомъ родѣ сочиненія; подлѣ трехъ или четырехъ сильныхъ, плодотворныхъ идей, которыя сами собою, по вдохновенію, являются въ головѣ автора; есть мѣста дикія, пустыя; наполнить, оплодотворить ихъ можетъ только талантъ, знаніе и терпѣніе. Вотъ почему такъ уважается стиль; вотъ почему естественность и обиліе идей почти ничего не значатъ, если онѣ не соединены, не распределены искуснымъ, ученымъ образомъ, если формы, ихъ облекающія, не избраны со вкусомъ и разсудительностью; если фразы, если слова или ноты литературнаго или музыкальнаго творенія не выражаютъ и вмѣстѣ не украшаютъ мысли. Во всякомъ твореніи естественность, конечно, вещь важная, но правила нужны не менѣе.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. I. *Toniotto, Toniotto, или Пиемонтскій рекрутъ*, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, Гг. Альберта и Лабруссэ.

Дѣйствіе происходитъ въ Пиемонтъ и рекрута точно зовутъ Тониотто, или Тониоттомъ, какъ вамъ угодно, *ad libitum*. Въ началѣ пьесы, рекрутъ Тониотто, разумется, отправляется въ армию и, разумется, прощается со своею любезной. Бѣдный рекрутъ Тониотто! Во второмъ дѣйствіи, Марія, любезная Тониотто! плачетъ и горюетъ, и жалуется на судьбу - злодѣйку, и ждетъ своего милаго. Ждетъ, пождетъ, милой не является, и вдругъ приходитъ вѣсточка слезная, что милъ - другъ въ сырой землѣ лежитъ. Бѣдный рекрутъ Тониотто!

Наконецъ въ третьемъ дѣйстви Марія, которая слишкомъ бѣдна, чтобы проводить жизнь дѣвическую въ тоскѣ и одиночествѣ, выходитъ за Фракческо, пріятеля Тониотто. Она терпѣливо переноситъ супружеское благополучіе, и украдкою отъ мужа вздыхаетъ по любовномъ. Вдругъ недуманно, неожиданно, Тониотто возвращается, правду сказать не изъ могилы, но по-крайней-мѣрѣ изъ Сибири. Онъ спрашиваетъ: гдѣ отецъ его? — померъ; гдѣ Марія? — хуже чѣмъ померла, вышла замужъ и у ней двое дѣтей. Вотъ что значитъ ходить незваннымъ гостемъ въ Россію. Бѣдный рекрутъ Тониотто!

Есть и четвертое дѣвствіе. Тониотто умираетъ отъ любви; Марія не умираетъ, нѣтъ, потому что, во-первыхъ, это слишкомъ обыкновенно..... въ романахъ и драмахъ, а вторыхъ у ней есть дѣти.

2. Un Ménage anglais, *Англійскіе супруги*, мелодрама въ трехъ дѣвствіяхъ Гг. Лафорэ и графа Леона Абрантеса.

Длинная, страшная, водяная и растянутая мелодрама! И вотъ чѣмъ кончаются славы нашего вѣка. Отецъ выигрывалъ сраженія; мать, спустившись пониже, писала на продажу плохія повѣсти, а сынъ сочиняетъ уже глупыя мелодрамы! О суета суетствій и всяческая суета!

Вотъ эта сердитая мелодрама. Лордъ Моррей, старый морякъ, простился съ кораблемъ и женился на хорошенькой дѣвушкѣ, которая его не любитъ. Госпожъ его леди очень нравится, чтобъ не сказать болѣе, пріятель ея мужа, лордъ Мортимеръ. Долгое время эта преступная страсть скрывалась отъ нѣкогда зоркихъ глазъ стараго моряка; но наконецъ онъ видитъ, что чести его грозитъ крушеніе, слышитъ бурунъ въ сердцѣ жены своей, усматриваетъ подводный камень, о который должна разбиться ея добродѣтель. Потому онъ идетъ спать, между-тѣмъ какъ у жены его балъ.

Гости съезжаются; гости немножко удивляются, что мужъ не приглашенъ на балъ къ женѣ; но потомъ о мужѣ, какъ слѣдуетъ, забываютъ, а тутъ вдругъ онъ, съ закрытыми глазами, съ распростертыми руками, выходитъ изъ своей комнаты. Онъ спитъ: онъ лунатикъ, и не только ходитъ, но и говоритъ во снѣ. Музыка умолкаетъ, и лордъ Моррей принимается рассказывать, во всеобщее услышаніе, что жена его,

Клара и другъ его, Мортимеръ, его обманываютъ. Тутъ его будятъ, но уже поздно: онъ проспалъ честь свою, разболталъ свое безчестіе. Что жъ дѣлаетъ бѣдный лордъ лунатикъ? Чтобы опровергнуть свое собственное показаніе, онъ будто сходитъ съ ума. Его запираютъ въ домъ ума лишенныхъ, содержимый докторомъ Мильфортомъ, честнымъ и добрымъ врачомъ сумасшедшихъ. Лордъ Моррей проводитъ въ домъ Мильфорта цѣлые два мѣсяца, и всѣ считаютъ его сумасшедшимъ, за исключеніемъ одного только доктора Мильфорта, которому онъ ввѣрилъ свою тайну. Потомъ, когда злые языки замолчали, когда высшее Лондонское общество вполнѣ увѣрилось, что леди Моррей добродѣтельнѣйшая изъ женщинъ, докторъ Мильфортъ хочетъ освободить лорда. Онъ приглашаетъ къ себѣ леди Моррей и объявляетъ, что мужъ ея не сумасшедшій, что онъ только притворился безумнымъ, для того чтобы сохранить ея доброе имя и обмануть Лондонскихъ кумушекъ. Эта вѣсть какъ громомъ поражаетъ леди Моррей. Эхъ, докторъ, да надобно было ее предупредить! Въ первомъ дѣйствіи, леди Моррей, въ полной увѣренности, что мужъ ея только лунатикъ, еще не нарушила супружескихъ обязанностей; но потомъ, узнавъ, что мужъ ея неизлечимо помѣшанъ, она не почла пужнымъ далѣе отказывать любовнику. Лордъ Моррей это слышитъ. Есть отчего и въ самомъ дѣлѣ съ ума сойти!

При этой вѣсти лордъ Моррей приходитъ въ бѣшенство. На крикъ безумнаго прибѣгаетъ любовникъ жены его; крики мнимаго сумасшедшаго усиливаются. На усиленные крики сбѣгаются прислужники, схватываютъ, связываютъ бѣднаго лорда, и чѣмъ больше кричитъ онъ, тѣмъ крѣпче его держать; между тѣмъ любовники убѣгаютъ.

Кто бы это подумалъ? Даже и послѣ этой ужасной сцены, лордъ Моррей не лишился разсудка. Напротивъ, онъ сохранилъ всю свою ярость, и скачетъ за женою и ея похитителемъ. Вслѣдъ за ними прѣзжаетъ онъ въ одну деревню близъ Лондона, и тамъ, пока докторъ дерется на дуэли съ любовникомъ леди Моррей, лордъ Моррей убиваетъ жену свою. Потомъ, когда полиція хочетъ схватить преступника, докторъ, который между-тѣмъ убилъ своего противника, говоритъ, указывая на лорда Моррей: «Онъ помѣшанный, онъ мой!»

Мелодрама зъло плоха, а идея взята изъ книги.

3. *La Dame de Chateaubriand - Laval*, *Госпожа Шатобрианъ-Лаваль*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ и шести картинахъ, Гг. Мамьяна и Лежуа.

Францискъ I возвращается изъ Италіи съ любимцемъ своимъ графомъ Шатобрианомъ, сиромъ Лавалемъ. Сиръ Лаваль, храбрый солдатъ, благородный дворянинъ, влюбленный въ жену свою, не хочетъ везти ее ко двору: графъ знаетъ какъ проворно влюбляется Францискъ I. Онъ принимаетъ всѣ возможные предосторожности, чтобы заслонить жену свою отъ короля. Онъ приказываетъ женѣ запереться въ Лавальскомъ замкѣ и не выѣзжать оттуда, пока она не получитъ перстня, который у него на рукѣ. Бѣдняжка вздыхаетъ, и повинуется.

Между-тѣмъ, не знаю какъ, и не знаю почему, графъ Шатобрианъ представляетъ женѣ своей Франциска I, подъ именемъ простаго офицера; но она узнала короля и начинаетъ мечтать о благородномъ его взглядѣ, о нѣжной его улыбкѣ. Король, съ своей стороны, влюбляется въ молодую графиню и мечтаетъ объ ней день и ночь. Но онъ не знаетъ какъ бы заманить ее ко двору, потому что, несмотря на приказаніе мужа, Г-жа Шатобрианъ не ѣдетъ: она не получила завѣтнаго перстня. Король рѣшительно этого не понимаетъ; Бонниве, адмиралъ и повѣренный его, тоже. Наконецъ однако жъ Бонниве узнаетъ тайну перстня. Ай, ай!..... Г-жѣ Шатобрианъ посылаютъ поддѣльный перстень.

Что жъ ей дѣлать? Обманутая перстнемъ, она прѣзжаетъ ко двору. Король увидѣлъ ее, и признался ей въ любви; мужъ это узналъ и, догадываясь, что его одолжилъ Бонниве, вызываетъ адмирала на дуэль. Смертельно раненый, Г. Шатобрианъ доползаетъ до одной комнаты и застаетъ въ ней Франциска I съ своей женою. Тутъ его кладутъ въ постель, и Бонниве требуетъ его шпаги. Таковъ законъ поединка! Графъ отдаетъ свою шпагу. Эта сцена прекрасна.

Наконецъ, въ последней картинѣ, графъ Шатобрианъ встаетъ съ смертнаго одра. Здоровье его поправилось, шпагу онъ нашелъ другую: онъ хочетъ убить ея жену свою. Бѣдняжка, на колѣняхъ, проситъ помилованія. Графъ колеблется; онъ уже готовъ простить оскорбленіе,

вдругъ говорятъ , что Король идетъ. Францискъ I является, и графъ погружаетъ свою шпагу въ грудь жены. Конецъ драмы.

Безталанные авторы , изъ угожденія Г. Виктору Гюго, продолжаютъ затаптывать въ грязь одно изъ знаменитѣйшихъ именъ своей отечественной исторіи.

4. *La Tache de sang* , *Кровавое пятно* , водевиль..... виновать — мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ , Гг. Малльера и Булѣ.

Жили были два молодые челоѡвка и одна молодая дѣвушка. Дѣвушку зовутъ дѣвицею д'Этенъ ; она дочь генерал-лейтенанта, герцога и пера Французскаго королевства. Дѣвица д'Этенъ должна выйти замужъ за одного изъ этихъ двухъ молодыхъ людей , маркиза Сирваль , своего кузена , но она любитъ другаго изъ этихъ молодыхъ людей, Г. Артура, сына преступника , подвергшагося смертной казни. Чтобы ускользнуть отъ одного и соединиться съ другимъ , она убѣгаетъ изъ родительскаго дома. Она непременно хочетъ выйти замужъ за Г. Артура, котораго отецъ казненъ на эшафотѣ, и ни за что на свѣтѣ не хочетъ за Г. Сирваля, который, современемъ , будетъ перомъ Франціи.

Между этими двумя соперниками , между наследственной знатностью и наследственнымъ безчестіемъ , является четвертое лице, Делонѣ. Делонѣ — биржевой маклеръ, торговый коммиссіонеръ , ростовщикъ , все что вамъ угодно. Г. Сирваль продалъ этому Делонѣ фальшивое заемное письмо, и Делонѣ требуетъ отъ него по этому лжевекселю обратно триста тысячъ франковъ. Г. Сирваль беретъ пару пистолетовъ и грозитъ застрѣлить Г. Делонѣ. Это—новое средство платить долги. Испуганный Делонѣ возвращаетъ вексель , а между тѣмъ дѣвица д'Этенъ возвращается съ своимъ любовникомъ въ родительскій домъ.

Въ третьемъ дѣйствіи дѣвица д'Этенъ больна ; она при смерти. Сирваль проигрался впрахъ , и, къ довершенію злополучія, оказывается, что Делонѣ, платя обманщику его же монетою , далъ ему фальшивый лжевексель. Артуръ, влекомый любовью , хочетъ въ послѣдній разъ проститься со своею любезною. Герцогъ д'Этенъ , видя , что дочь его при смерти, соглашается отдать руку ея Артуру. Что же дѣлать

Сирваю? Делонé хочетъ отправить его на галеры, дядя лишаетъ его наследства, онъ погибъ. Тутъ ему приходится въ голову отравить свою кузину. Къ счастью, это ему не удается, и онъ, зная судьбу, которая его ожидаетъ, застрѣливается. Артуръ женится на Г-жв д'Этенъ, а Делонé, тронутый такими добродѣтелями, разрываетъ настоящій лжевексель

Эта мелодрама принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ стараются доказать, что несравненно лучше быть сыномъ чловѣка, подвергшагося смертной казни, чѣмъ племянникомъ герцога и пера. Надобно думать, что послѣ этого Французскіе отцы, которые любятъ своихъ дтей, всѣ велѣть отрубить себѣ головы на эшафотѣ, чтобы сыновья ихъ могли жениться на герцогиняхъ.

5. *La Femme du peuple*, *Простая женщина*, мелодрама въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Дюмерсана и Александра.

Марія-Іоанна, по мужу Дюблю, торгуетъ трупомъ и фосфорными огниwkами. Спичками и кремнями она содержитъ многочисленное семейство, мужа, спящую свою тещу, двоихъ дтей, изъ которыхъ сынъ стекольщикъ, а дочь занимается живописью на фарфорѣ и читаетъ *Поль-де-Кока* и *Жоржа Занда*.

Окончивъ дневную работу, Марія Дюблю возвращается домой, застаётъ спящую свою тещу безъ воды, и даетъ ей пить; застаётъ своего мужа, приготовляющагося ее бить, и говоритъ ему: Бей, но выслушай; наконецъ застаётъ дочь съ романомъ въ рукахъ и съ молодымъ чловѣкомъ на стулѣ. Марія Дюблю бросаетъ романъ за окно, выталкиваетъ молодого чловѣка за дверь, а мамзель Дюблю, видя это, бросается въ воду.

Вдругъ является какая-то герцогиня, и говоритъ Марію Дюблю: *Я была въ каллскъ*; дочь твоя топилась, я спасла ее, она теперь у меня. Марія Дюблю обнимаетъ герцогиню такъ, что та чуть-чуть не задохлась.

Во второмъ дѣйствіи, вы, конечно, боитесь за бѣдную герцогиню; вы, конечно, думаете, что эти господа, по всегдашнему своему похвальному обычаю, показавъ намъ добродѣтельную торговку сѣрыми спичками, выставятъ порочную герцогиню. По ихъ логикѣ, оно, конечно, такъ бы и следо-

вало; но напротивъ, герцогиня очень добрая и хорошая женщина. Одна бѣда, — она выходитъ замужъ. И за кого бы вы думали? За каторжника. Вообще нынче герцогини иначе и не выходятъ замужъ какъ за каторжниковъ; а судя по числу этихъ браковъ надобно полагать, что во Франціи, изъ двухъ мужчинъ одинъ, вѣрно, бѣжалъ съ галеры. Писатели юной словесности, по — крайней — мѣрѣ, отдають полную справедливость правамъ своего отечества. Какъ бы то ни было, но этотъ каторжникъ, Г. Сень-Фаръ, очень богатъ и любезенъ; онъ бросаетъ подъ ноги своей милой цвѣты и золото. Герцогиня очень его любитъ. Все готово къ свадьбѣ. Сень-Фаръ посылаетъ за своимъ нотариусомъ, герцогиня за своимъ, и когда ихъ нотариусы пришли, они приступаютъ къ подписанію свадебнаго договора. Но тутъ Марія Дюбю бросается между нихъ, и кричитъ, указывая на Сень-Фара: Стойте, это каторжникъ!

Герцогиня не выходитъ за Сень-Фара каторжника, но отдаетъ артистку мамзель Дюбю за артиста москѣ Альфонса. Это совершенно въ духъ юной Франціи.

6. *Les tribulations de la paternité*, *Хлопоты родительскаго званія*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи.

7. *Un tissu d'horreurs*, *Сцѣпленіе ужасовъ*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Г. Лари.

Въ первомъ водевилѣ два молодые человека хотять жениться, но ихъ хотѣнію противится двойное кровосмѣшеніе.

Во второмъ водевилѣ рѣчь идетъ объ одной женщинѣ, у которой четверо живыхъ мужей.

Хороша литература!

Но должно прибавить, что первое изъ этихъ изящныхъ произведеній, пропущенное ценсурой, освистано публикою и запрещено полиціей.

8. *Une loi anglaise*, *Англійскій законъ*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, Фурниѣ и Терниѣ.

За этими пятью примѣрами ужасной безнравственности, вотъ вамъ примѣръ ужаснаго невѣжества. Этотъ водевилъ, основанъ на слѣдующемъ предразсудкѣ Французовъ. Французы воображаютъ себя, будто-бы въ Англии мужъ, недовольный своей женою, можетъ, безъ дальнѣйшихъ церемоній, надѣть ей на шею веревку, свести на рынокъ и про-

дать какъ короону. Таково мнѣніе политическо-философическо-литературное, съ которымъ Французъ родится на свѣтъ и въ основательности котораго Парижанинъ совершенно убѣжденъ такъ, какъ на примѣръ, въ томъ, что въ Россіи свѣтъ круглый годъ не таетъ.

Лордъ Эльвортъ влюбленъ въ Парижѣ въ Евдоксію, девушку бѣдную, но честную и притомъ весьма искусную въ живописи. Евдоксія съ своей стороны любитъ Эльворта, который предлагаетъ ей свою руку и везетъ ее въ Лондонъ, чтобы тамъ на ней жениться.

Но передъ отъѣздомъ изъ Парижа, лордъ Эльвортъ, спрятавшись въ мастерской Евдоксіи, слышитъ какъ одинъ молодой человекъ говоритъ ей *ты*, а она увѣряетъ его въ любви своей. Лордъ Эльвортъ убѣжденъ, что Евдоксія — кокетка, что она его обманываетъ, и онъ думаетъ только о томъ, чтобы отмстить за себя.

Онъ везетъ доверчивую Евдоксію въ Лондонъ. Въ домѣ лорда все готово къ браку. Но какой ужасный бракъ! Свидѣтельными лорда избраны Лондонскіе палачи. Этого мало: роковая веревка уже готова, и едва только сдѣлается супругою лорда, Француженка будетъ отведена на рынокъ и продана. Что вы скажете о двухъ писателяхъ, до того невѣжественныхъ, что они выдумали подобную завязку? Вы знаете, что этотъ «Англійскій законъ» не что иное какъ старинный обычай Англійской черни, и что продаютъ женъ только пьяные матросы, чтобы избавиться отъ издержекъ развода со своими невѣрными супругами, да и то не иначе какъ съ согласія самой жены, которую обыкновенно покупаетъ ея любовникъ за нѣсколько копѣекъ и бутылку пива. Иначе, когда бѣ жена пожаловалась, то мужа-продавца отправили бы въ Ботани-Бей, если бѣ только не повѣсили. Ученые Гг. Фурниѣ и Терниѣ обратили въ законъ этотъ старинный, давно забытый обычай, преслѣдуемый самыми законами, и заставляютъ лорда, знатнаго барина, продавать свою леди на рынкѣ!

Къ счастью, другъ Евдоксіи, молочный братъ ея, тотъ самый, котораго братское «ты» вело лорда Эльворта въ такое несчастное заблужденіе, поспѣваетъ на помощь къ оскорбленной сестрѣ своей. И онъ пріѣзжаетъ кстати, потому

что безъ него бѣдную Евдоксію свели бы на рынокъ и продали первому барышнику. Молодой человекъ, въ негодованіи, указываетъ на мрачнаго лорда и говоритъ: Берегись, сестрица, онъ безумный!

При словѣ «сестрица», Эльвортъ въ испугѣ отступаетъ. Такъ это не любовникъ ея! Такъ она не обманщица! Эльвортъ, въ отчаяніи, хочетъ повѣситься на той же веревкѣ и наказать себя за свои гнусныя намѣренія; но кроткая, нѣжная Евдоксія останавливаетъ его, прощаетъ, и отдаетъ ему свою руку.

9. Six mois de fidélité, *Полгода вѣрности*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Ашиль и ***.

Если бы слѣдующая повѣсть не была рассказана однимъ знаменитымъ Французскимъ академикомъ, то я, право, не знаю какъ бы мнѣ рассказать вамъ ее, такъ много въ ней нынѣшней нравственности навыворотъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

«Я отправился изъ Страсбурга, говоритъ герой повѣсти, чтобы жениться на дѣвицѣ Аглаѣ де-ла-Ренери; я былъ молодъ и хорошъ, заранее рѣшился сохранять ей ненарушимую супружескую вѣрность, и мнѣ страхъ хотѣлось полюбоваться моею невѣстою, которой до того никогда не видывалъ. Остановившись на первомъ ночлегѣ, я требую постели и комнаты: нѣтъ ни комнаты ни постели. — Есть, правда № 8 и желтая кровать, говоритъ хозяйка трактира, но они заняты дѣвушкою, такою хорошенькою, такою интересною, такою черноволосою!.... она съ недѣлю назадъ здѣсь захворала. — Хозяюшка, милая хозяюшка, голубушка хозяюшка, дайте мнѣ комнату подлѣ № 8!..... Черноволосая дѣвушка стала плакать, говоря, что я ее перепугалъ.

«На другой день, сладостно мечтая, я снова пустился въ путь; но подлѣ города Труа каляска моя изломалась, и меня, почти безъ чувствъ, внесли въ барскій замокъ, стоявшій у самой дороги, — спокойное и гостепріимное жилище, въ которомъ я былъ принятъ съ полнымъ милосердіемъ. Владѣтель этого прекраснаго замка была владѣтельница; голосокъ былъ у нея нѣжный, ручка была бѣленькая, волосы были свѣтлорусые; вотъ и все: я видѣлъ только ея личико, ручки и волосы. Да впрочемъ и въ трактирѣ

Большаго Оленя, въ №. 8, я видѣлъ не болѣе этого. Впрочемъ, я не очень любопытенъ, когда тороплюсь къ невѣстѣ.

«На другой день я оставилъ этотъ древній замокъ и, освѣженный неожиданнымъ гостепріимствомъ, сѣлъ въ почтенную мою калыску. Я хотѣлъ уже закричать кучеру—Пошелъ! какъ вдругъ ко мнѣ протягиваютъ другую бѣленькую ручку, и голосокъ изъ-за вуали говоритъ мнѣ: Возьмите меня съ собою. Я тотчасъ закричалъ — Пошелъ!, и мы пустились въ путь всѣ трое, ручка, голосокъ и я.

«Повѣрите ли? это была племянница благородной владѣтельницы замка: ей хотѣлось поглядѣть Парижа, и она не могла устоять противъ увлекательности моей почтовой калыски. Вскорѣ въ мои руки была уже не одна ручка, а двѣ, и вмѣсто легкаго птичьяго голоса я слышалъ умный и занимательный разговоръ. Лица было видно мало: проклятая вуаль скрывала его черты, но не могла скрыть близости. Мнѣ было такъ весело угадывать взглядъ, таищійся подъ вуалью, улыбку, прятанную подъ цвѣтами ревниваго кружева! Красавица не хотѣла поднимать вуали до первой станціи; нечего дѣлать: надобно было повиноваться!

«На слѣдующей станціи не было уже вуали, но за то не было и красавицы. Куда жъ она девалась? Она была также далеко отъ меня, какъ № 8 и замокъ близъ Труа. Въ три дня потерять трехъ женщинъ! Правда, что моя невѣста была у меня въ перспективѣ. Между-тѣмъ я пріѣхалъ въ Парижъ и остановился въ Гамбургскомъ Отельѣ.

«Прежде всего побѣжалъ я къ пріятелю своему Францу: этотъ человекъ былъ родъ маленькаго Барраса, — такой же охотникъ до любви безхлопотной. Въ дверяхъ моего пріятеля была такая же тѣснота какъ у Барраса; Клара и Эмилія спорили о томъ, кому первой войти; Полина читала въ передней новый романъ; Констанція и Виргинія толковали съ Францемъ. — Э, братъ, это еще ничего! сказалъ мнѣ Францъ: пойдемъ-ка со мною сегодня на вечеръ; тамъ увидишь получше. Сказано, сдѣлано. Вечеромъ я отправился съ Францемъ въ одинъ большой домъ, въ которомъ собиралось лучшее общество. Тутъ было множество старухъ, которымъ хотѣлось быть молодыми, множество молодыхъ, которыя уже состарѣлись, но посреди всей этой преждевре-

женной старости и шестидесяти-лѣтней юности, была женщина дѣйствительно молодая, дѣйствительно прекрасная, — благородный видъ, благородный взглядъ, пристойная веселость и восхитительная смѣтливость. Вообразите мое удивленіе, когда я замѣтилъ, что прекрасная незнакомка — вмѣстѣ и блондинка и брюнетка! Длинныя золотыя кудри вились вдоль по лѣвой щекѣ, озаряемой кроткимъ свѣтомъ голубаго взгляда, а густыя черныя доконы отгвняли правую щеку, и съ этой стороны блестялъ, какъ брилліантъ, глазъ черный. Очарованіе было непостижимое! Существо двойственное, вдвойнѣ прелестное, въ которое надобно было вдвойнѣ влюбиться, справа и слева.

«Характеръ этой восхитительной женщины совершенно согласовался съ двуцвѣтными ея волосами и съ двойными ея взглядами. Если вы противились блондуру ея взгляду, у ней были рѣчи нѣжныя и увлекательныя, и голосъ какъ рѣчи, — тишина, спокойствіе, надежда на все, что есть въ надеждѣ прелестнаго. Съ другой стороны, если вы были подъ убійственнымъ огнемъ ея чернаго взгляда, въ ней являлась страсть пылкая, насмѣшливая, полная торжества и обаянія. Съ одной стороны Элоиза, съ другой пріятельница ея Г-жа д'Орбъ!

«Между-тѣмъ какъ блондурая сторона восхитительной незнакомки приняла меня весьма цѣломудренно, черноволосая говорила мнѣ: Приходите ко мнѣ завтра вечеромъ, послѣ театра; чтобы никто объ этомъ не зналъ, я спущу изъ окна веревочную лѣстницу.

«Но вообразите какое несчастіе! Въ Парижѣ все окна похожи одно на другое, и я ошибкою залѣзъ не въ то окно. «Помилуйте, сударыня, такъ вы не блондинка и брюнетка вмѣстѣ?» — У меня волосы русые. — «И вы меня не ждали нынче?» — Я, сударь, черезъ недѣлю выхожу замужъ. — И бѣдняжка принялась плакать какъ красавица изъ N° 8!

«Въ то время существовало Олимпическое Общество, въ которомъ пѣли и повременамъ бывали маскарады. Пріятель мой Францъ ввелъ меня въ Олимпическое Общество. Я очень люблю маскарады. Какъ весело оскорблять другъ друга подъ маскою! говорить правду въ глаза: Лгунь! — Кокет-

ка! — Злой! — Я былъ тутъ человѣкъ чужой, и правды мнѣ было говорить некому; отъ нечего дѣлать я принялся волочить за женщиною въ свѣтло-свромъ домино, и мы очень пріятно провели съ четверть часа наединѣ. Блондинка она была или брюнетка? Не знаю. На ней была маска.

«Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, утомившись балами и ночными свиданіями, я думалъ уже только объ Аглаѣ де-ла-Ренери. Наконецъ я увижу прелестную Аглаю! Я не шель, а леть. Вдругъ меня кто-то останавливаетъ; смотрю — гусарскій офицеръ. — Стой, сказалъ онъ: куда ты? — И потомъ, не дожидаясь отвѣта, онъ вскричалъ: — Я знаю, ты идешь въ этотъ домъ: ты хочешь жениться? Вынимай шпагу! Я сейчасъ убью тебя! Скорѣе, мнѣ некогда! — Онъ выхватилъ свою блестящую саблю. Я такъ испугался, что убилъ его со страху. И вотъ какъ иногда попадаешь въ герон!

«Только-что я отправилъ этого господина, какъ ко мнѣ подбѣгаетъ горничная, — премиленькая, замѣчу мимоходомъ. «Скорѣй, скорѣй, говоритъ она: барыня давно ждетъ васъ. — Она схватила меня за руку, потащила, и втокнула въ спальню прелестной новобрачной, которая спала, закинувъ объ руки на голову.

«Такимъ образомъ, вѣрность моя подвергалась жестокимъ, неожиданнымъ испытаніямъ, и черезъ полгода я возвратился въ Страсбургъ, какъ увѣхалъ оттуда, не видавъ моей Аглаи! Но только-что я возвратился домой, какъ является ко мнѣ братъ дѣвицы де-ла-Ренери и говоритъ, что сестра его Аглая была нѣсколько времени замужемъ, но теперь она вдова, потому что мужъ ея убитъ на дуэли въ первый день свадьбы. Теперь Аглая свободна и я могу получить ея руку. Де-ла-Ренери тотчасъ познакомилъ меня съ сестрою. Она была прелестна; я ей понравился. Созвали родныхъ, написали свадебный договоръ, заплатили мои долги, я женился, и всѣ были счастливы, начиная съ моихъ кредиторовъ, которые черезъ это много выигрывали, и до моихъ любовницъ, которыя отъ этого ничего не потеряли.

«И вечеромъ прелестнаго свадебнаго дня, жена моя все мнѣ во снѣ рассказала, что я уже встрѣчалъ ее разъ въ № 8 трактира Большаго Оленя; близъ Труа, два раза, въ замкѣ

и потомъ въ каретѣ; въ Парижѣ, три раза: въ одномъ домѣ неподалеку отъ Опернаго Театра, въ томъ самомъ, куда я вѣзъ въ окно; въ маскарадѣ, гдѣ я былъ въ черномъ домино, она въ свѣтлосеромъ; наконецъ въ спальнѣ, въ день свадьбы ея съ гусарскимъ офицеромъ, который былъ убитъ на дуэли.

«О, счастливая жена я! сказала Аглая.

«О, счастливъ мужъ, который такимъ образомъ обманывается, милая Аглая! вскричалъ я, обнимая ее.»

Вотъ маленькой романъ знаменитаго академика, прикрытый тюлемъ и принаровленный къ употребленію людей благонаправныхъ.

Изъ этого маленькаго романа извлеченъ почти слово въ слово хорошенькій водевиль, исполненный остроумія, вкуса и веселости.

10. *André*, *Андрей*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ Гг. Баяра и Лемуана.

«Андрей», романъ Г-жи Дюдеванъ (Жоржа Занда) перепечатанъ былъ въ Петербургскомъ журналѣ *Revue Etrangère*. Быть-можетъ, что онъ даже переведенъ по-Русски въ какомъ-нибудь журналѣ, котораго никто не читаетъ. А намъ почему знать, что такое пишется и переводится въ этихъ журнальцахъ? Мы никогда и въ глаза ихъ не видали. Надобно, поэтому, сперва пересказать нашимъ читателямъ содержаніе романа:

Выпустивъ въ свѣтъ своего каторжника философа, Тренмора, и свою гнусную Лелію, Г-жа Дюдеванъ наконецъ догадалась, какое пагубное дѣйствіе должны производить подобныя созданія, и написала, въ видъ оправданія, «Андрея», романъ, чуть-чуть не идилю, — такъ много въ немъ луговъ и цвѣтовъ. Маркизь Моранъ, одинъ изъ тѣхъ дворянъ, у которыхъ революція не отрубилла головы, но отняла имѣніе, родился въ замкѣ, изъ замка перешелъ въ избу, пахалъ землю, былъ мужикомъ, и опять воротился въ свой замокъ исправлять званіе маркиза. Онъ зачерствѣлъ въ деревенской жизни; плохой былъ онъ мужикъ и плохой маркизь. Онъ всю жизнь былъ вдвойнѣ невѣ духъ, вдвойнѣ деспотъ, вдвойнѣ эгоистъ. Жена его умерла съ горя и со скуки; теперь онъ мучить сына.

Этого сына зовутъ Андреемъ. Андрей совершенно—молодой человекъ работы Жоржа Занда. Слабый, робкій, трусливый, розовенькій и бѣленькій какъ женщина. Во всехъ романахъ Г-жи Дюдеванъ мужчина—жалкое существо въ сравненіи съ женщиною. Въ каждомъ изъ нихъ женщина играетъ лучшую роль, самую сильную роль, ту, которую прежде отдавали мужчинамъ, когда еще мужчины за что-нибудь считались. Въ романахъ этой госпожи не мужчина обольщаетъ женщину, а она его; не мужчина обманываетъ женщину, а она его. Если въ романѣ есть насиліе, похищеніе, выломанныя двери, подкупленные слуги, однимъ словомъ принадлежности бышеной страсти, все это дѣлаетъ не мужчина, а женщина. Если кто курить изъ длиннаго чубука, скачетъ на борзomъ конѣ, лазить по скаламъ, то ужъ конечно не герой, а героиня. Зато если есть въ нихъ существо тихое, смирное, кроткое, плаксивое, вѣжливое, до глупости преданное, это существо, конечно, не женщина, а мужчина. Въ этихъ чудовищныхъ произведеніяхъ всѣ роли перепутаны, всѣ страсти искажены; сильный полъ уступаетъ слабому, и Франція—царство амазонокъ, въ которомъ мужчины терпятъ только по нуждѣ, какъ смѣшную потребность.

Вотъ почему Андрей — молодой человекъ жиденькій, слабенькій, хворый мечтатель. Андрей родился, когда отецъ его былъ еще землепашцемъ; но подростая, Андрей, во вторичное царствованіе Бурбоновъ, сдѣлался барономъ, потомъ виконтомъ, потомъ графомъ. И у отца его снова явился замокъ.

Однажды, лежа на лугу подъ тѣнію ивы, Андрей мечтаетъ о прелестныхъ женщинахъ Байрона и Вальтеръ Скотта, и вдругъ видитъ на лугу дѣвушку въ бѣломъ платьѣ; головка ея скрывалась подъ соломеною шляпкой, гибкая талія подъ большимъ платкомъ. Дѣвушка, думая, что ея никто не видитъ, скользила по лугу какъ лучъ солнца; бѣгала отъ цвѣтка къ цвѣтку, отъ травки къ травкѣ; брала въ руки передникъ, и клала въ него цвѣты; нарвавъ цвѣтовъ, она съѣла на берегу ручейка, пѣть и вязать себѣ прелестный букетъ. Голосъ ея былъ сладостень, ручка была бѣла, щеки алмы какъ маковъ цвѣтъ. Окончивъ букетъ и пѣсню, она сняла съ себя шляпку повѣсила ее на руку, положила туда цвѣты и побѣжала, легко, какъ пчелка летитъ домой съ добычею.

И бѣдный Андрей влюбился въ неизвѣстную Галатею! Андрей несчастливъ, и вѣрнѣе тоску свою Жозефу Мартѣ, старинному своему пріятелю. Жозефъ Мартѣ добрый, славный малой; онъ отроду не бывалъ маркизомъ; онъ просто мѣщанинъ ближайшаго городка. Онъ силенъ, здоровъ, смѣлъ и веселъ; онъ принялъ маркиза Андрея подъ свое покровительство и любить его какъ сына. «Дѣло! сказалъ онъ: ты влюбился, Андрей; скажи же мнѣ въ кого.»—Да я объ этомъ то и спрашиваю!

Они пускаются отыскивать прелестную незнакомку. Мартѣ ищетъ ея между гризетками своего роднаго городка; Андрей воображаетъ, что она напротивъ дочь принца: Мартѣ стремится къ положительному, Андрей къ идеальному. А надобно вамъ знать, что въ ихъ городкѣ, который славится хорошенькими дѣвушками, есть порода гризетокъ, свѣженькихъ, аппетитныхъ, живыхъ, веселыхъ, которыя не вспоминаютъ о прошедшемъ, не заботятся о будущемъ, наслаждаются настоящимъ, смѣются, поютъ и танцуютъ. Жозефъ Мартѣ — другъ и пріятель всѣхъ хорошенькихъ гризетокъ своего роднаго городка.

Мартѣ говоритъ Андрею. «Если ужѣ ты влюбленъ, такъ тебѣ надобно гризетку. Идешь на мѣщанскій балъ, выбираешь хорошенькую дѣвушку, подаешь ей руку, и она соглашается. Зовешь ее танцовать, она соглашается. Предлагаешь проводить ее домой, она соглашается. Спрашиваешь, не прикрыть ли ее своимъ плащемъ; она соглашается. Просишь позволенія обнять ее, она соглашается. Кланяйся ей доземъ, поправляя ея шаль, хвали ея талию, но только не трогай ея. Похлопочи-ка этакъ дней пять или шесть, любезный другъ, и тогда увидимъ, что скажешь.»

Но робкій Андрей любить только одну женщину, свою прелестную незнакомку. Эта незнакомка, изволите знать, цвѣточница Женевьева.

То было существо рѣдкое, — жемчужина, забытая посреди цвѣтовъ, ея окружающихъ. Дѣлая цвѣты, она научилась любить ихъ. Она любила ихъ просто, цѣломудренно, дѣвственно, какъ любить сестеръ. Она жила одна, далеко отъ взглядовъ мужчинъ, которыхъ убѣгала не изъ ненависти, а изъ

презрѣли, не потому чтобы боялась любви ихъ, но потому что опасалась ихъ *скуки*. Это первообразъ Г-жи Дюдеванъ, которая презираетъ мужчинъ и скучаетъ со всеми ими, — за исключеніемъ одного только Г. Альфреда Мюссѣ.

Наконецъ, благодаря Мартѣ, Андрей и Женестьева, эти двѣ простодушныя страсти, встрѣчаются, и вотъ какимъ образомъ. Мартѣ, предводительствуя арміею гризетокъ, извлекаетъ Женестьеву изъ ея уединенія. Женестьева должна веселиться, пѣть и танцовать съ ними. Бѣдняжка повинуется Мартѣ и его пріятельницамъ. Она веселится, поетъ и танцуетъ, и не воображая себѣ, что все это дѣлается для одного Андрея.

Однажды, въ воскресенье, Мартѣ сдѣлать еще лучше. Онъ беретъ лошадей и бричку отца своего, сажаетъ туда самыхъ хорошенькихъ гризетокъ, разодѣтыхъ и смѣющихся. Онъ прячетъ въ этой толпѣ Женестьеву, и пускается во всю рысь. Онъ всѣхъ ихъ пригласилъ обѣдать.

Андрей былъ у отца, въ замкѣ Моранъ: вдругъ, видитъ онъ, на дворѣ являются Жозефъ Мартѣ, лошади, бричка, и съ Жозефомъ Мартѣ цѣлый баталіонъ гризетокъ и Женестьева, — сама Женестьева въ замкѣ Моранъ! Вы можете вообразить радость и безпокойство Андрея. Тутъ отецъ, тамъ Женестьева; къ счастью, тутъ и Жозефъ Мартѣ.

Пріѣздъ Жозефа Мартѣ въ замокъ Моранъ составляетъ хорошенькую комедію. Жозефъ смѣло и рѣшительно входитъ къ маркизу; тотъ еще не успѣлъ вымолвить ни слова, какъ онъ бросается ему на шею, крича: — Какъ я радъ, почтеннѣйшій маркизъ, что имѣю честь васъ видѣть! Вообразите себѣ, всѣ эти дѣвушки непремѣнно хотѣли къ вамъ пріѣхать? Эй вы, сударыни, кланяйтесь же маркизу! Маркизъ славный малый! ... Кстати, а лучше ли больному быку? — Лучше. — Слава Богу! Наконецъ мнѣ удалось созвать къ вамъ этихъ госпожъ на обѣдъ. Я зналъ, что вы мнѣ скажете спасибо. Да нашъ маркизъ самый вѣжливый человекъ во всемъ департаментѣ! Ну же, барышни, не конфузьтесь, скажите маркизу, какъ вамъ хотѣлось къ нему въ гости.

Вы можете вообразить удивленіе, досаду маркиза; но какъ въ самомъ дѣлѣ онъ былъ добрый малой, то, божусь вамъ,

задалъ обѣдъ всѣмъ этимъ гризеткамъ. Обѣдъ былъ веселье, сытенъ, приятенъ; маркизъ любилъ пить съ Жозефомъ Марто; притомъ всѣ эти хорошенькія личики возбуждали въ немъ невольную веселость. А какъ былъ счастливъ Андрей, сидя подлѣ Женевьевы! — совсѣмъ подлѣ, и притомъ у себя дома!

Обѣдъ кончился, и всѣ дѣвушки разбѣгаются, въ садъ, въ огородъ, вездѣ и всюду; хохоцутъ, бѣгаютъ и мнутъ траву, рвутъ и топчутъ цвѣты. Бѣдный маркизъ! Но какъ онъ вознамѣрился не сердиться, то и разлегся на софѣ, или лучше сказать на клокахъ и шляпкахъ этихъ барышень, спокойно ожидая конца опустошеній.

Чѣмъ дальше вы идете, тѣмъ болѣе Женевьева влюбляется въ свои цвѣты, Андрей въ Женевьеву; тѣмъ болѣе Марто — добрый и веселый простякъ; тѣмъ болѣе маркизъ — деспотъ, который давитъ своего сына. Андрей, побѣжденный этою властію безъ перевѣса, дѣлается больнымъ, и онъ уже при смерти, какъ вдругъ добрая Женевьева рѣшается пожертвовать собою, чтобы спасти его. Ночью, въ бурю, она садится за Марто на лошадь и переезжаетъ съ нимъ потокъ. Она рискуетъ своимъ добрымъ именемъ, она рискуетъ отцовскою лошадью. Они прѣехали въ замокъ.

Наконецъ они соединяются, и Андрей, противъ воли отца, женится на Женевьевѣ. А тамъ налегаетъ на нихъ нищета и жметъ ихъ своей желѣзною рукою. Этого мало: нищета принуждаетъ ихъ возвратиться къ отцу, отъ котораго они убѣжали, и тамъ Женевьева увядаетъ какъ цвѣтокъ Виргилія. Романъ Г-жи Дюдеванъ оканчивается, какъ и всѣ прочіе, скукою. Скука убиваетъ Индіану, Валентину, Лелію, Жака, Нуну креолку, скука убиваетъ и Женевьеву. Новая и странная развязка страсти! Женевьева не только умираетъ, измученная скукою, но передъ смертію она уже не любитъ Андрея, который съ своей стороны тоже давно объ ней не думаетъ. Въ такомъ случаѣ, къ чему же книга? Къ чему? Къ тому, чтобы представить вамъ два характера жалкихъ, неестественныхъ, — Андрея и Женевьеву, двѣ литературныя пошлости.

Изъ Марто, изъ маркиза, изъ гризетокъ, Г. Баяръ составилъ веселый, остроумный, занимательный водевиль. Пер-

вый актъ наполненъ живымъ, заразительнымъ смѣхомъ. Мартѣ, Генриетта, Женевьева, маркизъ, гризетки, которыя бѣгаютъ и поютъ, буря, которая промачиваетъ ихъ до костей, но не ищетъ имъ пѣть, все это удивительно мило и забавно. Во второмъ дѣйствіи—любовь Андрея и Женевьевы, умѣряемая веселостію Мартѣ и Генриетты, непрерывно возрастающее негодованіе маркиза и неожиданная развязка, которая начинается самоубійствомъ и оканчивается женитьбою, все очень занимательно и невольно возбуждаетъ улыбку и слезы.

II. En attendant, *Шокуда*, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ Гг. Баара и Фущѣ.

Въ этой маленькой драмѣ много хорошаго: во-первыхъ, тутъ есть идея, что довольно рѣдко; потомъ эта идея нова, что еще рѣже; наконецъ эта идея драматическая. Къ несчастію, изложеніе очень непонятно.

Эдгаръ Монсарранъ, одинъ изъ тѣхъ богатыхъ молодыхъ людей, которыхъ юность проходитъ въ игрѣ и праздности, пылаетъ нежною страстію, — какъ говорилось старину, — къ любезной и честной дамѣ, Г. жѣ Делонѣ. Напрасно прекрасный Эдгаръ преслѣдуетъ ее своими взглядами, желаніями, мольбами; напрасно предается онъ всему бѣшенству страсти молодого человѣка, который привыкъ безъ дальнихъ хлопотъ приобрѣтать любовь хорошенькихъ женщинъ: Г-жа Делонѣ воздерживаетъ своею добродѣтелію и своимъ хладнокровіемъ всю эту яростную страсть. И это тѣмъ болѣе дѣлаетъ ей чести, что судьба соединила ее съ однимъ изъ тѣхъ мужей, которыхъ уже одно имя—поношеніе. Объ немъ даже давно нѣтъ и слуху. Г. Делонѣ, разоривъ жену, покинулъ и ее и своихъ заимодавцевъ; уѣхалъ дѣлать долги и интриги куда-нибудь, гдѣ его еще не знаютъ. Такимъ образомъ молодая жена его осуждена на вдовство самое ужасное, — вдовство женщины, которой мужъ еще не умеръ.

Отвергнутый Эдгаръ бросился, очертя голову, въ распутство. Онъ съ бѣшенствомъ предался игрѣ, но любовь его къ Г-жѣ Делонѣ не остывала.

Трудно выразить отчаяніе матери Эдгара, женщины пожилой, добродѣтельной, которая видитъ, что сынъ ея, един-

ственнаея надежда и утѣшеніе, погразъ въ развратъ: она не знаетъ какъ извлечь его оттуда. Къ счастью, Г-жа Делонё, убѣгавшая Эдгара, является въ домъ его матери. Какимъ образомъ? Про то знаетъ одинъ Г. Баяръ. Какъ бы то ни было, Г-жа Монсарранъ, видя у себя невинный предметъ страсти Эдгара, старается ласками удержать у себя Г-жу Делонё, сама себя не отдавая отчета въ томъ, къ чему это должно повести. Эдгаръ, предувѣдомленный матерью, приходитъ, и она сама представляетъ Г-жѣ Делонё своего раскаявающагося сына. Бѣдняжка тщетно старается устоять противъ этой любви; она довольно сильна, чтобы противиться страсти прекраснаго Эдгара: но какъ защититься отъ матери и сына вмѣстѣ? Притомъ, Г-жа Монсарранъ разставила ей сѣти со всею ловкостью честной женщины. Что ей до того, что Г-жа Делонё погубить себя, лишь бы сынъ ея былъ любимъ! Что ей до чести Г-жи Делонё, лишь бы Эдгаръ оставилъ дурныя общества и дурныя привычки! И вотъ до какихъ заблужденій доводятъ иногда добродѣтель и материнская любовь.

Теперь какъ вы поняли все, что происходитъ въ первомъ дѣйствіи, не трудно будетъ показать вамъ, какъ много занимательности, движенія и жара во второмъ. Г-жа Делонё покорилась: она любитъ Эдгара, котораго сама мать бросила въ объятія любовницы. Эдгаръ съ своей стороны любитъ ее теперь, какъ прежде любилъ игру и развратъ. Страсть его, хотя и нѣжная, все же страсть. Эдгаръ опять отдѣленъ отъ свѣта преградою, которую низпровергнуть трудно. Г-жа Монсарранъ не предвидѣла этого препятствія: и какъ ей теперь преодолѣть его? какъ ей разрушить цѣпь, которую она сама сковала? Она думала, что страсть къ женщинѣ побѣдить легче чѣмъ страсть въ игрѣ. Она ошиблась: Эдгаръ, занятый одной своей любовью, забылъ и мать, и свѣтъ, и друзей.

Г-жа Монсарранъ, въ отчаяніи, бросается къ ногамъ Г-жи Делонё, и именемъ всей его будущности, знатности, богатства, умоляетъ возвратить ей сына. Его ожидаетъ женитьба! богатая партія! Бѣдная мать стоитъ на коленяхъ передъ женщиною, которую она сама погубила! Тутъ начинается прекрасная сцена. Г-жа Делонё, разстроенная

этою матерью въ слезахъ , вдругъ возстаетъ изъ глубины своей добродѣтели, и въ свою очередь сама поражаетъ, уничтожаетъ Г-жу Монсарранъ. Кто бросилъ ее безъ защиты въ объятія Эдгара? Кто удержалъ ее, когда она хотѣла бѣжать? Кто затворилъ двери этого дома , когда она спѣшила удалиться? Кто превозносилъ ей красоту , благородныя качества , пылкую страсть Эдгара? — И теперь , когда я люблю его, когда я отдалась ему , теперь я должна его покинуть, уступить его другой , его , Эдгара?..... Возьмите вашего сына, сударыня, но..... я васъ презираю!

Вся пьеса въ этой сценѣ ; но право немногія пьесы стоятъ одной этой сцены. Между-тѣмъ Эдгаръ узнаетъ, что единственное препятствіе, непозволявшее ему на всю жизнь соединить судьбы своей съ судьбою Г-жи Делонё, уничтожилось : мужъ умеръ ! Она свободна Эдгаръ прибѣгаетъ и находитъ мать свою у ногъ Г-жи Делонё , которая плачетъ и прощаетъ.

Желательно, чтобы этотъ водевилъ поскорѣ данъ былъ здѣсь въ Петербургѣ.

12. Za-ze-zi-zo-zu, За-зе-зи-зо-зу, родъ пустословія съ пѣніемъ и скачками ad libitum.

У принца За-зе-зи-зо-зу три сына, — Зизи, Зозо, Зузу. Всѣ трое влюблены въ принцессу Заза. Принцъ приказываетъ отрубить голову одному колдуну, и голова чародѣя начинаетъ говорить и пѣть. Вы не можете вообразить сколько каламбуровъ и глупостей въ этой отрубленной головѣ!

Голова говоритъ, что Зизи, Зозо, Зузу, могутъ жениться на принцессѣ Заза только тогда, когда принесутъ изъ далекихъ странъ какое-нибудь чудо. Однимъ словомъ, это прелестная Восточная сказка о коврѣ самолетъ, о лорнетѣ, который все видитъ, и о цвѣткѣ, который спасаетъ людей въ опасности.

Принцы пускаются путешествовать. Зизи прѣзжаетъ въ Землю Шахматовъ. Городъ представляетъ огромную шашечную доску; улицы разрисованы черными и бѣлыми квадратами; мужчины и женщины, черныя и бѣлыя, одѣты королями, королевами, конями, башнями и мужиками. Когда Зизи попался къ этимъ шутамъ и мужикамъ, королевы бѣлая и

черная выбираютъ его судьей своего спора объ одномъ коверѣ. Ученый Зизи читаетъ имъ басню Лафонтена «Просители и Судья»; и чтобы лучше объяснить ее этимъ головамъ изъ слоновой кости, садится на коверъ, и коверъ поднимается на воздухъ и летитъ съ нимъ по 75,000 миль въ минуту.

Таковы приключенія Зизи. Зозо не менѣе счастливъ. Онъ пристаетъ къ Острову Домино. Царица этого острова играетъ со всякимъ встрѣчнымъ въ домино, и заставляетъ играть принца Зозо. Домино сами собою смѣшиваются, ихъ разставляютъ, но вдругъ одна косточка, мужчина, падаетъ плашмя на полъ, какъ-будто настоящая косточка въ домино. Бѣднякъ, костяной съ одной стороны, изъ чернаго дерева съ другой, пролежалъ бы тутъ до конца спектакля, если бы самъ откупщикъ потѣшныхъ игръ царицы его не поднялъ. Правду сказать, это самая забавная сцена во всей пьесѣ.

Зозо выигрываетъ, очарованіе разрушается, всѣ эти мужчины и женщины выходятъ изъ своей костяной и деревянной оболочки и бросаютъ злую свою царицу въ огонь, что, вѣроятно, очень остроумно.

Между-тѣмъ, принцъ Зузу съ своей стороны долго странствовалъ въ воздушномъ шарѣ и наконецъ спускается на одинъ островъ, на которомъ царствуютъ король Трефъ, король Червей, король Бубенъ и король Пикъ. Эти почтенные государи сами рассказываютъ принцу Зузу, что они во власти какого-то злаго гѣнія, который разлучилъ ихъ съ подругами. Авторъ пьесы предполагаетъ, что король Червей влюбленъ въ даму Червей, и такъ далѣе. Замысловатый писатель сдѣлалъ идиллію изъ колоды картъ. Вы видите отсюда любовь червоннаго короля къ червонной дамѣ и ихъ чувствительныя объясненія. Трудно набрать въ одной пьесѣ болѣе глупостей.

Принцъ Зузу уноситъ отсель цвѣтокъ, который воскрешаетъ. Онъ встрѣчается съ принцемъ Зозо, который посредствомъ своего лорнета видитъ, что любезная ихъ принцесса умираетъ, и всѣ они на коверъ третьяго брата, Зизи, летятъ къ принцессѣ Заза и отцу своему За-зе-зи-зо-зу. Что вы объ этомъ скажете?

13. *Vive la Gaité!* Прологъ въ одномъ дѣйствіи Гг. Ромфора, Бразіе, Бронсаика и Лери.

Съ годъ назадъ въ Парижѣ сгорѣлъ театръ *la Gaité*. Въ пожарахъ театровъ всего опаснее то, что ровно черезъ годъ театръ выстроить снова и, для открытія, сыграть на немъ пьесу, написанную нарочно на этотъ случай. Во избежаніе подобнаго несчастія, надобно бы строить театры желѣзные. Безполезно рассказывать содержаніе этой пьесы. *Vive la Gaité* — вѣсть и каламбуръ и аллегорія. Довольно вамъ знать, что Парижскій театръ *la Gaité* снова выстроенъ, и что для открытія данъ былъ прологъ, сочиненный четырьмя водевиллистами, у которыхъ ума и на одного не станетъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. Мы ничего не сказали въ статьяхъ о Французскомъ театрѣ въ Парижѣ, что Г. Лемерсье, Наполеоновскій трагикъ, авторъ «Пинто» и «Агамемнона» и классикъ перваго разбора, перешелъ на сторону «юной школы» и, по призыву товарища своего, Г. Делавина, подарилъ сцену романтическою драмой, *L'héroïne de Montpellier*. Авторъ «Агамемнона», который подписалъ, одинъ изъ первыхъ, знаменитую челобитную Французской Академіи противъ романтизма, далъ формальную отпускную тремъ единствамъ и начинаетъ новое поприще тѣмъ, что уже въ первой сценѣ герой его драмы лѣзетъ по веровочной лѣстницѣ въ спальню героини. Остальнаго не стоитъ пересказывать. Дѣло въ томъ, что драма скучна и что она совершенно упала.

— Г. Эмиль Сувестръ, человекъ съ дарованіемъ, какъ-то можно видѣть изъ повѣсти, которую мы, съ небольшими улучшениями противъ подлинника, напечатали въ нынѣшней книжкѣ журнала, но человекъ, котораго умъ образовался по философіи великаго мудреца Бальзака, издалъ новое сочиненіе, *les derniers Bretons*, говорять, очень любопытное и оживленное духомъ мѣстности.

— *Le Livre mystique*, Г. Бальзака, состоитъ изъ трехъ повѣстей; изъ которыхъ двѣ очень хорошо известны любителямъ его мудрости: первая повѣсть *Louis Lambert*, — она, кажется, переведена и по-Русски; вторая повѣсть *Séraphitus*,

Séraphita, Séraphitum, которую авторъ имѣлъ мужество окончить для этого изданія; третья — Les proscrits.

— Литературныхъ новостей въ Франціи нѣтъ ни какихъ, кромѣ слѣдующаго замѣчанія въ журналѣ la France littéraire: «Последняя книжка Англійскаго журнала Edinburgh Review заключаетъ въ себѣ большую статью о Запискахъ лорда «Болингброка и разборъ многихъ важныхъ сочиненій, — Путешествія по Эѳіопіи, Исторіи Греціи, Плаванія по Дунаю, и прочая. У насъ во Франціи, нѣтъ ни одного періодическаго сочиненія, которое бы знакомяло такимъ образомъ съ достоинствомъ и содержаніемъ книгъ. Страсть, деньги, прихоть, управляютъ перомъ нашихъ фельетонистовъ. Всѣ заговариваютъ о новомъ водевилѣ; о хорошемъ сочиненіи никто.» Послѣ этого вы не станете удивляться, почему нѣтъ ни какихъ литературныхъ новостей изъ Франціи. Состояніе тамошнихъ журналовъ такъ жалко, что нельзя постигнуть, куда дѣвались наука и умъ Французовъ. Journal des Savans былъ единственное періодическое изданіе въ Парижѣ, которое можно было читать съ удовольствіемъ: нынче и онъ упалъ, ограничивается сухими критиками маловажныхъ сочиненій и какъ-бы избѣгаетъ хорошихъ книгъ и важныхъ ученыхъ вопросовъ.

— Мы помѣстимъ здѣсь, хотя это не касается до Франціи, занимательное извѣстіе, которое сообщаютъ Французскіе журналы: въ Опорто, въ одномъ монастырѣ, открыли Греческую рукопись Филона Вивлосскаго, въ которой содержится девять книгъ исторіи Финиксійской. Эта находка такъ важна для наукъ, что можетъ быть названа драгоценнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ нашего вѣка.

— Если кто любопытенъ знать, что такое дѣлаетъ Г. Гипзо, то мы можемъ прибавить, что онъ подписался на сто экземпляровъ политико-экономическихъ сказокъ, или «повѣстей», радикалки миссъ Мартино, для училищъ. Вотъ новое средство обучать юношество важной наукѣ, и любопытный способъ внушать ему здравыя и благонамѣренныя понятія!

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Миссъ Лендонъ проводила старый годъ тономъ новыхъ стихотвореній; но этотъ томъ,

несмотря на нѣкоторыя блестящія истиннаго дарованія, не прибавить ничего къ ея известности. Здѣсь все тотъ же гладкій, изящный, нарядный стихъ, который отличалась она съ самаго дѣтства; та же пансіонская сентиментальность изъ луннаго свѣта и музыки, которою по большой части замѣняется у ней сила мысли и чувствъ. Миссъ Лендонъ въ буквальномъ смыслѣ — избалованное дѣтя Критики: слишкомъ вѣжливые журналисты убаюкали этотъ поэтическій талантъ преждевременными восторгами и похвалами.

— Романовъ нынѣшній мѣсяць бездна, почти столько же какъ альманаховъ, а альманаховъ, безъ всякихъ шутокъ, больше пятидесяти; но объ нихъ послѣ.

— *Rienzi, the last of the tribunes*, Г. Эдуарда Больвера, удостоивается довольно скромныхъ похвалъ даже въ журналахъ партіи Виговъ. Исторія Ріенци, мученная столько разъ на Прокустовомъ ложѣ изящной Словесности, довольно известна; мнѣнія Г. Больвера еще лучше: поэтому легко себѣ вообразить, что герой романа представленъ у него съ самой выгодной, и слѣдственно съ одной только, стороны. Однако должно отдать справедливость безпристрастію автора хотя въ томъ отношеніи, что онъ надѣлилъ и аристократовъ однимъ очень благороднымъ характеромъ въ лицѣ Адріана Кастелло.

— Г. Джемъ написалъ также историческій романъ, *One in a thousand*. Онъ избралъ весьма живую эпоху Французской исторіи, — времена Генриха IV, и сохранилъ одежду вѣка довольно удачно; но въ характерахъ его нѣтъ той силы и той особенности, которая необходима въ романъ, будь онъ даже историческій. Его герои нѣчто въ родъ Мортонъ и Ивенделевъ Вальтеръ Скотта, — лица, которыя могутъ быть вездѣ, во всякое время и во всякихъ обстоятельствахъ. Завязка проста, остроумна, вѣдѣна съ большимъ искусствомъ; нѣкоторыя описанія въ самомъ дѣлѣ описательны: видно, что Г. Джемъ любитъ и наблюдаетъ красоты природы.

— Главныя достоинства романа *Mahmoud* заключаются въ картинахъ Восточной жизни. Главный недостатокъ, очень рѣдкій въ новѣйшей словесности, — обиліе происшествій и

характеровъ , которые мелькають какъ тѣни въ волшебномъ фонарѣ и наконецъ утомляютъ вниманіе. При всей жесткости слога , этотъ романъ можетъ понравиться тѣмъ , кто не знакомъ съ мрачною стороною Востока , но любители романческаго не найдутъ въ немъ ни какихъ особенныхъ красотъ.

— Gilbert Gurney, который немножко надовдалъ намъ своей длиннотою въ нѣсколькихъ нумерахъ *New Monthly Magazine*, сдѣлался, говорятъ, гораздо лучше, изданный особо въ трехъ томахъ. «На свѣтъ есть такіа превращенья!»

— Странное заглавіе другаго романа, *My aunt Pontypool*, можетъ возбудить надежду на забавное чтеніе; но надежда скоро исчезнетъ, потому что *My aunt Pontypool* — очень серьезный рассказъ, въ неизбѣжныхъ трехъ томахъ, о томъ, что происходило между богатой наследницею и бѣднымъ сержантомъ, между богатымъ полковникомъ и бѣдною дѣвушкою, наконецъ между плутомъ стряпчимъ и тетушкою Понтипуль. Въ продолженіе романа бѣдный сержантъ выслуживается въ адъютанты, и, силою своего ума и пары пистолетовъ, прокладываетъ себѣ дорогу къ гименею черезъ стряпчаго и черезъ какого-то несчастнаго любовника, *disappointed lover*. Тутъ встрѣчается нѣсколько очень трогательныхъ сценъ.

— Говорить ли еще объ историческомъ романѣ Г. Граттана, *Agnes de Mansfeldt*, гдѣ главную роль играетъ курфирсть и архіепископъ Кельнскій, а всѣхъ больше хлопочетъ извѣстный Скотусъ, Италіанскій графъ и колдунъ? На этотъ разъ довольно о романахъ. Перейдемъ къ альманахамъ.

— Г-жа Нортонъ украсила свой аристократическій *Keersake* произведеніями лорда Голленда, Мура, Марриета, Чамерса, и изящными гравюрами Торнера и Куттермоля. *The Flowers of loveliness* — великолѣпный съ двѣнадцатю группами женскихъ фигуръ, олицетвореніе цвѣтовъ, работы Парриса, и съ поэтическимъ комментаріемъ графини Блессингтонъ. Прекрасная графиня является еще съ бѣлыми блескомъ въ своемъ собственномъ альманахѣ, *The book of Beauty*, гдѣ крозь ея найдете вы Больвера, Лендора, Вашингтона Ирвинга, Берри Корнвалля, д'Израэли-Младшаго, Г-жу Голль, миссъ Лендонъ; и другихъ.

— Сирь Эгертонъ Бриджъ кончилъ свое прекрасное изданіе Мильтона, въ шести томахъ, съ гравюрами Торнера и многочисленными примѣчаніями.

— Pencilings by the way, изъ которыхъ мы дали небольшой отрывокъ въ этомъ номерѣ, отличаются живостью слога и остроумной наблюдательностью, хотя авторъ, въ качествѣ гражданина Соединенныхъ Штатовъ, впадаетъ иногда въ смѣшныя недоразумѣнія насчетъ обычаевъ и отличій Англійской аристократіи. Такъ напримѣръ, ленту какого-то ордена принялъ онъ за знакъ герцогскаго достоинства, и пресерьозно объясняетъ это открытіе своимъ соотечественникамъ.

— Мы уже говорили о кончинѣ знаменитаго Эттриксаго Пастуха, а здѣсь должны извѣстить ихъ о смерти одного изъ трудолюбивѣйшихъ ученыхъ нашего времени, Г. Томаса Тельра (Taylor). Кромѣ Орфическихъ гимновъ, Платина, Проклова комментарія къ Эвклиду и другихъ Греческихъ твореній, онъ перевелъ Павсанія, всего Платона и — всего Аристотеля! При этомъ онъ не ограничился однимъ текстомъ, но обогатилъ свой трудъ примѣчаніями множества древнихъ комментаторовъ, такъ, что переводъ его можетъ служить обильнымъ источникомъ при изученіи прекрасныхъ, хоть и отвлеченныхъ, мечтаній Греческой философіи.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. Любители положительныхъ политическихъ знаній приняли съ большимъ одобреніемъ первую часть книги Кёнигсбергскаго профессора Ф. В. Шуберта, *Handbuch der allgemeinen Staatskunde von Europa*. Это родъ статистики, съ тою только разницею, что здѣсь преимущественно обработано государствовѣдѣніе, о которомъ въ обыкновенныхъ статистикахъ сообщаются самыя поверхностныя понятія. Содержаніе и оцѣнка имуществъ, вообще численные выводы, составляютъ у Г. Шуберта нечто второстепенное: это факты, слишкомъ переменчивые для того, чтобъ быть главнымъ предметомъ подобнаго сочиненія, и дѣйствительно, едва-ли не лучше издавать ихъ періодическими таблицами, чѣмъ на ряду съ изображеніемъ государственныхъ, гражданскихъ и церковныхъ отношеній народа, неподлежащихъ такимъ быстрымъ переменамъ.

— Известный Клюберъ выдалъ дополнительный томъ, Supplementband, къ своему прекрасному собранію государственныхъ договоровъ. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ акты Вѣнскаго конгресса 1814 и 1815 годовъ.

— Russland's Helden Г. Дѣринга не представляетъ ничего возбуждающаго любопытство, кромѣ заглавія. Это краткіе и слишкомъ недостаточные очерки жизни двѣнадцати нашихъ героевъ, начиная съ Меншикова и до Дибича.

— Любители живописи съ удовольствіемъ прочтутъ вѣрную и довольно полную біографію Андрея дель-Сарто, сочиненіе Г. А. Реймонта. Они найдутъ въ ней подробныя извѣстія о произведеніяхъ этого художника и о тѣхъ картинахъ, которыя несправедливо приписываются его кисти.

— Liebesbriefe, Г. Гейнриха Лаубе, есть одна изъ тѣхъ дюжинныхъ повѣстей, отъ которыхъ порядочнымъ людямъ скоро будетъ стыдно писать повѣсти: не то ли самое было съ романтическими поэмами à la Byron? Герой Г-на Лаубе — графъ, который изъ Карльсбада переписывается съ своей любезною о вѣжныхъ связяхъ, возникшихъ между имъ, одной графинею и еще какою-то Франциской. Вдругъ откуда ни возмись «старый кавалеръ», ein alter Cavalier, и начинаетъ урезонивать молодаго вѣтреника, какъ стыдно любить трехъ женщинъ разомъ. Графъ вѣритъ кавалеру, который вышелъ напоследокъ его дядею, и женится на своей подругѣ Бланкѣ, — вѣроятно припѣвая Mais on revient toujours потому что это ужъ всегда такъ бываетъ. Всего лучше въ этой книгѣ то, что она посвящена блаженной памяти князю Пюклеру.

— Die Weissenburger, историческій романъ Г. В. Бальде, заслуживаетъ умѣренные похвалы. Не имѣвъ его въ рукахъ, мы не можемъ опредѣлить въ точности относительнаго достоинства ни похвалъ, ни книги.

— Г. Романгъ подарилъ литературу Германской философіи довольно хорошимъ разсужденіемъ о завѣтномъ вопросѣ über Willensfreiheit und Determinismus. Авторъ не рѣшилъ неразрѣшимаго, но по-крайней-мѣрѣ онъ изслѣдуетъ и объясняетъ вопросъ по-человѣчески, а не съ «площадки безконечнаго», Standpunct des Unendlichen, откуда

проповѣдываются за новость вещи, гораздо прежде и гораздо лучше сказанныя Платономъ и Спинозой. Г. Романгъ ревностный и искусный защитникъ благоразумнаго детерминизма, не скрываетъ, чѣмъ онъ обязанъ Спинозѣ и Шлейермахеру, и оттого онъ не чувствуетъ ни какой надобности прятаться за таинственными словами, которыя впрочемъ утратили теперь все свое могущество.

— Можно рекомендовать наставникамъ небольшое сочиненіе известнаго доктора Каппа, подъ заглавіемъ *Der wissenschaftliche Schulunterricht als ein Ganzes*. Каппъ — одинъ изъ первыхъ учениковъ знаменитаго Гегеля, но онъ, кажется, понялъ, что главная заслуга его наставника въ томъ, что тотъ систематически уничтожилъ такъ называемую идеальную Философію ею самою.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Французскія.

- SOUVENIRS SUR MARIE-ANTOINETTE** et sur la cour de Versailles, par la comtesse *d'Adhémar*, dame du palais. 4 vol.
- FRANCE HISTORIQUE ET MONUMENTALE**, histoire générale de France, expliquée par les monumens, par M. *A. Hugo*. Par livraisons.
- LES MONUMENS DE LA FRANCE**, classés chronologiquement et considérés sous le rapport des faits historiques et de l'étude des arts, par M. *Alexandre Delaborde*. 45 livraisons, 250 planches, grand folio.
- VOYAGE PITTORESQUE** dans les deux Amériques, résumé de tous les voyages, par M. *D'Orbigny*. 1 vol.
- VOYAGE PHILOSOPHIQUE** en Angleterre et en Ecosse, par M. *Hennequin*. 1 vol.
- FEUILLES DE VOYAGES**. Belgique, Hollande, Allemagne. Par M. *Amédée Clausade*. 1 vol.
- PROMENADES D'UN ARTISTE**, aux bords du Rhin, en Hollande, Suisse, Italie, etc. 2 vol.
- ENTRETIENS** sur le suicide, par Mgr. *Guillon*, évêque de Maroc. 1 vol.
- ENCYCLOPÉDIE** des sciences médicales, par MM. *Alibert, Bayle, Lisfranc, Ségalas, Serres, Virey, Velpeau*, etc. 100 livraisons.
- DICTIONNAIRE DES MÉNAGES**, à l'usage de la ville et de la campagne. 1 vol., par souscription.

DICTIONNAIRE DE CUISINE et d'économie ménagère, avec des ornemens représentant les attributs gastronomiques, par M. *Burnet* ex-officier de bouche. 1 vol. par souscription.

LA PALLANTIADÉ, poème épique en vingt-quatre chants, par le baron de *Hermann*. 2 vol.

LA MISSION DE JEANNE D'ARC, chronique en vers, par M. *Ozaneaux*. 1 vol.

ESSAI SUR LA POÉSIE ANGLAISE et traduction du Paradis perdu de Milton, par M. de *Chateaubriand*. 4 vol.

LE LIVRE MYSTIQUE, par M. de *Balzac*. 2 vol.

DEUX DRAMES, roman par Mme la princesse de *Craon*. 1 vol.

SILVIO, ou le Boudoir, roman, par *Mary Lafon*. 1 vol.

KUNEGONDE DE KIENAST, chronique silésienne du seizième siècle, par Mme *Jeannette Losavuis*. 1 vol.

LE TENTATEUR, roman, par M. *Jules Lacroix*, auteur d'une *Grossesse*. 1 vol.

LES DERNIERS BRETONS, par M. *Emile Souvestre*, auteur de *L'Echelle des femmes*. 2 vol.

MADAME DE PARABÈRE, roman. 2 vol.

VEILLÉES DE FAMILLE, contes instructifs et pièces morales en quatre langues, par MM. *Michaud* et *Charles Nodier*. 1 vol.

VELLINA, scènes et esprit des salons, par M. *Arbanère*. 2 vol.

LES ÉTUDIANS DE PARIS, scènes contemporaines, par *Emile R****. 1 vol.

LE DOUBLE RÈGNE, roman, par M. le vicomte d'*Arlincourt*. 2 vol.

LE BANIAN, roman maritime, par M. *Édouard Corbière*. 2 vol.

LES INSURGÉS, histoire normande de 1124, par M. *Auguste Guillemet*. 1 vol.

Английскія.

ON THE NATURE OF THOUGHT; or, the art of thinking and its connexion with a perspicuous sentence. By *John Haslam*. 1 vol.

ON THE EDUCATIONAL INSTITUTIONS of Germany. By *G. P. R. James*. 1 vol.

A POPULAR TREATISE on diet and regimen. By *H. W. Robertson*. 1 vol.

AN ESSAY ON WAGES. By *H. C. Carey*. 1 vol.

HISTORY AND DESCRIPTION of fossil fuel, the collieries and coal trade of Great Britain. By the author of the *Treatise on manufactures in metal*. 1 vol.

APPENDIX TO THE NARRATIVE of a second voyage in search of a north-west passage. By *Sir John Ross*. 1 vol. 4to.

SUPPLEMENT to capt. *Sir John Ross* narrative, etc. By *John Braithwaite*. 1 vol.

- EXPLANATION AND ANSWER to Mr. J. Braithwaite's Supplement, etc. By *Sir J. Ross*. 1 vol.
- A JOURNEY TO ST.-PETERSBURGH; and Moscow (Heath's Picturesque Annual). By *Leitch Ritchie*, Esq., with twenty five engravings after drawings by A. G. Vickers. 1 vol.
- PENCILLINGS BY THE WAY. By *N. P. Willis*. 3 vol.
- THE GUIDE TO TEXAS. By *N. J. O'Neill*. 1 vol.
- A VISIT TO TEXAS. 1 vol.
- RANDOM RECOLLECTIONS of the House of commons, from the year 1830 to the close of 1835. By One of no party. 1 vol.

-
- MY AUNT PONTYPOOL. A novel. 3 vols.
- AGNES BERLE. A novel. By the author of the Heiress. 3 vols.
- MAHMOUD. A novel. 3 vols.
- AGNES DE MANSFELDT, a historical tale. By *Thomas Colly Grattan*. 3 vol.
- ONE IN A THOUSAND; or the days of Henri Quatre. By *G. P. R. James*. 1 vol.
- GILBERT GURNEY. By the author of Sayings and doings. 3 vols.
- RIENZI, the last of the tribunes. By the author of Eugene Aram. 1 vol.
- THE VOW OF THE PEACOCK, and other poems. By *L. E. L.* (Miss London). 1 vol.
- FISHER'S DRAWING-ROOM SCRAP-BOOK for 1836, with poetical illustrations. By *L. E. L.* 1 vol.
- FLOWERS OF LOVELINESS, for 1836. 1 vol.
- THE JUVENILE FORGET ME NOT, for 1836 Edited by *Mrs. S. C. Hall*. 1 vol.
- THE NEW YEAR'S GIFT, for 1836. Edited by *Mrs. A. Watts*. 1 vol.
- THE BOOK OF BEAUTY, for 1836. Edited by the countess of Blessington. 1 vol.
- THE KEEPSAKE, for 1836. Edited by the Hon. *Mrs. Norton*. 1 vol.
- THE AMULET, for 1836. 1 vol.
- THE TOKEN, for 1836. 1 vol.

Нѣмецкія.

- UEBER WILLENSFREIHEIT und Determinismus mit sorgfältiger Rücksicht auf die sittlichen Dinge, die rechtliche Imputation und Strafe und auf das Religiöse. Eine philosophische Abhandlung. Von *J. P. Romang*. Bern.
- BEITRAG ZUR EMANCIPATION DER PHILOSOPHIE etc. von *Dr. J. Salat*.
- DER WISSENSCHAFTLICHE SCHULUNTERRICHT als ein Ganzes. Zweiter Beitrag zur Welthistorischen Ansicht alles Unterrichtes. Von *Dr. Friedrich Kapp*. Hamm.
- HANDBUCH DER ALLGEMEINEN STAATSKUNDE von Europa, von *Dr. Friedr. Wilh. Schubert*, ord. Prof. an der Univers. zu Königsberg. I Theil. Königsberg.

- ACTEN DES WIENER CONGRESSSES in den Jahren 1814 und 1815. Herausg. von Dr. *J. L. Klüber*. 9 Bd. Supplementband mit Register. Erlangen.
- DIE LANDSTÄNDISCHEN VERIRRUNGEN in Württemberg. Ein Beitrag zur Characteristik der Zeit. Stuttgart.
- CIVILISTISCHE VERSUCHE von *J. W. L. Ferd. Fuhr* und *Emil Hoffmann*. I Heft.
- DE FINIBUS INTER CIVITATEM ET ECCLESIAM CAUTE REGENDIS. Auctore Dr. *Frid. Haenel*. Dresdae.
- RUSSLAND'S HELDEN. Dargestellt von Dr. *Heinr. Döring*. Leipzig.
- ANDREA DEL SARTO. Von *Alfred Reumont*. Leipzig.
- SYNESIOS des Kyrenäers Aegyptische Erzählungen über die Vorsehung. Griechisch und deutsch von *Jo. G. Krabinger*. Sulzbach.
- DAS ATTISCHE THEATERWESEN. Von Dr. *G. C. W. Schneider*. Weimar.
- ANTHOLOGIA veterum latinorum epigrammatum et poematum. Editionem Burmannianam digessit et auxit *Henr. Meyerus Turicensis*. 2 Tom. Lipsiae.
- MONOGRAPHIA PSITTACORUM. Auct. *Wagler*. München.
- NEUES SYSTEM DER CHEMIE. Bearb. von *P. T. Meissner*. I Bd. Wien.
- J. W. DOEBEREINER'S neueste Erfahrungen und Beobachtungen. 3 Hft. Jena.
- DIE FORTUSLUNGE IM GEBORNEN KINDE. Für Pathologie, Therapie und gerichtliche Arzneiwissenschaft geschildert von *E. J. Jorg*. Grimma.

-
- LIEBESBRIEFE. Novelle von *Heinr. Laube*. Leipzig.
- DIE WEISSENBURGER in XV Jahrhundert. Historischer Roman von *Walther Balde*. Gotha.
- BIOGRAPHISCHE UND HISTORISCHE GEMÄLDE von *C. G. Förster*. Gera.
- PRINZ OTTO UND SEINE ZEIT. Historischer Roman von *B. S. Ingemann*. Aus dem Dänischen übersetzt von *L. Kruse*. Leipzig.

М О Д Ы .

=

Моды Парижскія. Последнія извѣстія ихъ Парижа — отъ 27 декабря (15 декабря по старому стилю). Въ публичныхъ собраніяхъ шляпки съ маленькими полями, les petits bords, еще не были многочислены, но всѣ, сколько ихъ ни было, находились на самыхъ благородныхъ и изящныхъ головахъ: черныя бархатныя съ розовыми или алыми перьями и съ райскими птицами были самыя замѣчательныя. Турбановъ мало,

а если и встречаются, то все белые и безъ райскихъ птицъ. Множество чепчиковъ, и все белые или розовые. Въ театрахъ бездна атласныхъ нелетринокъ на ватъ съ лебидьей опушкой и платьевъ бархатныхъ, изъ гладкаго и неразрѣзнаго бархата, сдѣланныхъ въ видѣ капотовъ. Молодые особы все носятъ прическу à la Грескуе; двойная золотая цѣпочка или два шелковые снурка, красные съ золотомъ, перекрещаются на ихъ головахъ; цвѣтовъ въ волосахъ вовсе не видно.

— До сей поры балные наряды были очень рѣдки: около половины декабря въ Парижѣ еще время городскихъ нарядовъ, — время шляпокъ-капотовъ съ цвѣтами и съ перьями, рединготовъ изъ перазрѣзнаго бархата, шерстянаго атласа и тысячи другихъ тканей, употребляемыхъ прихотью. Нынче типъ Парижской модницы — шляпка-капотъ палеваго цвѣта, изъ неразрѣзнаго бархата, съ перомъ plume-saule. На палевый цвѣтъ было такое требованіе, что теперь его почти нельзя достать въ цѣломъ Парижѣ. Послѣ палеваго, самый любимый цвѣтъ неразрѣзнаго бархата — яблочно-зеленый съ белымъ отливомъ. Нѣкоторое время съ уха съѣдали отъ бархата съ чрезвычайно мелкими полосками, но теперь предпочитаютъ на бархатѣ полоски толстыя, и чѣмъ онѣ выпуклѣе, тѣмъ красивѣе и благороднѣе. Маляновый цвѣтъ на шляпкахъ-капотахъ оставленъ и замѣненъ вишневымъ, который въ большомъ употребленіи даже для нарядныхъ шляпокъ и для шляпокъ съ маленькими полями; но если которая можетъ достать палеваго бархату, та самая счастливая женщина въ Парижѣ. Одна такая шляпка, изъ гладкаго бархата, украшеннаго тремя перьями, палевыми, курчавыми, съ белымъ инеемъ на концахъ перынокъ, произвела въ Италіанской Оперѣ неизъяснимое впечатлѣніе, и съ той поры темные бархаты потеряли всю прелесть: общій вкусъ преклонился на сторону свѣтлыхъ цвѣтовъ.

— Юбки все еще ширѣютъ, и неизвѣстно чѣмъ это кончится: если одного куска бархату недостаточно, берутъ два и три; такимъ образомъ одно платье стоитъ теперь болѣе, чѣмъ прежде стоили два. Мужья въ отчаяніи, предвидя совершенное разореніе. Вѣроятно по ихъ проискамъ, почти все платья стали шить для двойнаго употребленія, съ двумя корсажами, — вырѣзнымъ и высокимъ, такъ, чтобы они мог-

ли служить и въ концертъ и на вечеръ. Однако женщины съ характеромъ, которыя не обращаютъ большаго вниманія на эти расчеты мужниной экономіи, дѣлаютъ себѣ одно бархатное платье съ вырѣзнымъ корсажемъ, а другое съ высокимъ. Тѣ, которыя соглашаются на два корсажа къ одному платью, имѣютъ также по двѣ пары рукавовъ, — одной парѣ длинныхъ и другой короткихъ. Тогда одинъ корсажъ долженъ быть вырѣзанъ въ видѣ сердца и плоскій спереди; эполеты очень узкія, состоящія изъ нѣсколькихъ складокъ, которыя расходятся и исчезаютъ на груди, и рукавъ бархатный, короткий, совершенно плоскій, съ двумя бульонами изъ зебристаго тюля. Другой корсажъ, высокій, долженъ быть тоже гладкій, но, на зло мужьямъ, длинные рукава къ нему дѣлаютъ очень широкіе: они застегиваются у кисти и походятъ на мѣшки. Нѣкоторыя платья изъ Луксорскаго атласа дѣлаются такимъ образомъ: корсажъ вырѣзной; пелерина en pointe спереди и сзади, широко расходящаяся надъ рукавами и обшитая тройнымъ рюшемъ; изъ подъ пелеринны выходятъ двойные рукава, короткіе, открытые внизу и похожіе на колоколь или маленькую юбку, въ которой бѣлая и полная рука движется свободно съ несказанною прелестью.

— Во всѣхъ почти капотахъ, какого бы фасона они ни были, талъя сзади дѣлается со сборками внизу.

— *Качи*, о которыхъ мы однажды говорили, въ такой славу, что уже нельзя купить ихъ въ Парижѣ: многія дамы, незапасшіяся этою новостью въ самомъ началѣ, плачутъ; другія, увидѣвъ *качи* у своей пріятельницы, приходятъ въ бѣшенство. Но, сказать между нами, *качи*, которыми хотятъ замѣнить платки, не стоятъ этого: они очень гадки и совсѣмъ не живописны.

— Одно изъ прекраснѣйшихъ изобрѣтеній нынѣшней зимы, суть дамскія плафроки и сюртуки изъ красивыхъ матерій, широкіе, теплые, и которые чудесно драпируютъ молодую хозяйку, занимающуюся поутру дома своими дѣтьми или своими друзьями. Мы сообщимъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ рисунокъ этого прелестнаго неглижѣ.

Петербургскія моды. Открытіе публичныхъ баловъ Дворянскаго Собранія въ Петербургѣ составитъ эпоху въ дамскомъ туалетѣ. Лондонъ, Вѣна, Берлинъ, давно имѣютъ

свои моды, и Парижскія изобрѣтенія служатъ тамъ только пособіемъ воображенію дамъ, которыя любятъ поэзію наряда и сами создаютъ себѣ костюмы, а не образцомъ общаго вкуса. Въ Петербургѣ, напротивъ, почти все было списано съ Парижскихъ модъ; воображеніе щеголихъ, робкое и неободряемое, не смѣло дѣйствовать съ независимостью и искать въ самомъ себѣ средствъ возвышенія красоты новымъ и счастливымъ сочетаніемъ цвѣтовъ и формъ наряда: обыкновенно на балахъ встрѣчали вы тѣ же картинки, которыя на прошлой недѣлѣ получили съ почты при Французскомъ журналѣ. Это вѣрноподданничество деспотизму Парижскихъ модистокъ происходило именно отъ недостатка въ нашей столицѣ публичныхъ баловъ: общество, раздѣленное на небольшіе круги, гдѣ сосредоточивались забавы только извѣстнаго числа знакомцевъ, не чувствовало нужды разнообразить костюмы, и честолюбіе красоты, стѣсненное предѣлами знакомства, всегда готоваго пускаться въ замѣчанія, не осмѣливалось прибѣгать къ собственной изобрѣтательности. Необходимы многолюдныя стеченія дамъ различныхъ классовъ, чтобы мысль и вкусъ жительницъ какого-нибудь города проявились, усовершенствовались, и приняли самобытный характеръ. Балы Дворянскаго Собранія въ Петербургѣ будутъ отнынѣ источникомъ модъ для всей Россіи.

Первый балъ, 15 декабря, чрезвычайно блистательный, уже положилъ основаніе этому перевороту въ модахъ, разбудилъ всѣ воображенія, и доказалъ, что невозможно одѣваться по Парижскимъ картинкамъ, потому что вдругъ явятся на балъ двадцать, тридцать одинаковыхъ картинокъ, изъ которыхъ ни одна не побѣдитъ другой вкусомъ своего наряда и всѣ только составятъ толпу. Между-тѣмъ вотъ наблюденія, сдѣланныя нами надъ образомъ мыслей и направлениемъ умовъ Петербургскаго прекраснаго пола.

Почти всѣ дамы, которыя ѣздятъ на балы съ дочерьми, явились въ разноцвѣтныхъ атласовыхъ платьяхъ и бархатныхъ береткахъ съ перьями. Нѣсколько беретовъ было безъ перьевъ.

Молодыя дамы почти всѣ имѣли платья газовыя, изъ блондоваго тюля и другихъ легкихъ тканей. Господствующій цвѣтъ былъ бѣлый. Извѣстное число платьевъ розовыхъ и

голубыхъ, и еще меньшее пунсовыхъ, составляли исключеніе изъ правила. Почти всѣ молодыя дамы были въ прическахъ, и имѣли въ волосахъ цвѣты, но болѣе всего марабуты.

Дѣвицы, также почти всѣ въ бѣломъ, отличались въ особенностяхъ гладкой прическою, но почти столько же было и пуклей. Банты изъ волосъ попадались чрезвычайно рѣдко. Косы казались любимымъ украшеніемъ головы, и особенно косы изъ свернутыхъ волосъ, расположенныя двойнымъ кольцомъ съ пучкомъ пуклей всерединѣ.

Между прелестнѣйшими нарядами надобно упомянуть преимущественно тотъ, который изображенъ на прилагаемой картинкѣ по лѣвую сторону: платье газовое, съ розанами, и незабудками вокругъ розановъ, расположенными на платьѣ въ два расходящіеся ряда, соединенные поперечными полосками изъ голубыхъ лентъ, и такіе же розаны въ пукляхъ, окруженные также незабудками, съ гирляндю изъ незабудокъ надъ челомъ, производили обворожительный эффектъ. Другіе наряды, замѣчательные по своему вкусу, были слѣдующіе: платье изъ бѣлаго иллюзионнаго тюля съ полнымъ коралловымъ украшеніемъ, *rague*, необыкновенно хорошаго вкуса; такое же платье съ украшеніемъ изъ перламутровыхъ раковинъ; платье газовое нѣжно розоваго цвѣта, усыянное букетами, шитыми бѣлымъ серебристымъ шелкомъ, съ одной розою, приколотою въ пукляхъ съ лѣваго боку; бѣлое платье съ вѣнцомъ изъ марабутовъ вокругъ косы на головѣ и гирляндами изъ марабутовъ у нижней части рукавовъ; и прочая, и прочая.

На той же картинкѣ есть прелестный балный нарядъ, найденный нами на одной изъ послѣднихъ Парижскихъ гравиюръ: мы рекомендуемъ его соображенію молодыхъ особъ со вкусомъ.

Петербургскіе модные магазины представляли передъ праздникомъ видъ цвѣтистыхъ луговъ, но вообще тутъ не было ничего оригинальнаго. Въ одномъ только изъ нихъ, у мадмоазель Геліо*, гдѣ находилось множество прелестныхъ вещей, созданныхъ съ истинно поэтическимъ вдохновеніемъ, мы замѣтили преимущественно *очень милую* головную уборку

* На Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Чаплина.

изъ газа-паутины, въ которой розовое съ бѣлыми перемѣшаны были съ необыкновеннымъ вкусомъ : эта уборка — очарованіе! Между беретами, самыми обворожительными признами поствительницами два слѣдующіе : беретъ изъ бѣлаго газу, оставляющій, по обыкновенію, волосы открытыми, и украшенный четырьмя маленькими перьями, которыхъ концы вишневые; и резд изъ бархата oseille d'ours, съ бѣлыми нрабутами, которыхъ легкость можно уподобить только одному воздуху.

Въ разныхъ Петербургскихъ магазинахъ видно много атласовъ печатныхъ и вытканыхъ, brochés, много шерстяныхъ и Пекинскихъ кисей : между шерстяными киселями, самыя — съ красными разводами на черномъ полѣ, и съ ликовыми квадратами на шоколатномъ полѣ, усѣянные букетами (у Боля); прелестныя клетчатая (въ Англійскомъ магазинѣ), и прочая. Но магазинъ, въ которомъ вытѣшено зимой находится наиболѣе прелестныхъ предметовъ для туалета, есть безъ-сомнѣнія Magasin de Paris, Г-на Дарзанъ. Бальныя платья креповыя, бѣлыя, съ гирляндой у колы. вышитую разноцвѣтнымъ шелкомъ, который перемѣшивается зомотомъ и серебромъ и разтѣненъ чудесно, составили восхитительную новость. Другія платья имѣютъ вышивку въ видѣ передника; третья, нѣсколько простѣе но не менѣе плѣнительныя, вышиты только разноцвѣтнымъ шелкомъ. Платья креповыя, голубыя и розовыя, вышитыя бѣлымъ шелкомъ, какъ-нельзя болѣе красивы. Мы видѣли въ томъ же магазинѣ два бальныя платья, одно розовое, другое пурпурное, съ вышитыми гирляндами изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ зелеными листьями и разтѣненныхъ съ удивительнымъ искусствомъ, — которыя могли бы составить счастье самого угрюмаго мужа, если бы онъ подарилъ ихъ своей женѣ.

==

* Въ домѣ графа Строганова, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Гостиного Двора.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. 1. *Новое распределение животныхъ.* Г. Гумбольдтъ представилъ въ Академію, отъ имени Г. Эренберга, таблицу распределенія животнаго царства на двадцать девять классовъ. Это раздѣленіе основано на организаціи и общности типа въ системахъ чувствительной, сосудистой, мышечной, питательной и воспроизводительной. Двадцать два порядка принадлежатъ къ безпозвоночнымъ животнымъ, которыя, смотря по тому, есть ли у нихъ сердце или нѣтъ, дѣлятся на сердчатыхъ, cordata, и сосудчатыхъ, vasculosa. У послѣднихъ, сосуды не представляютъ ничего подобнаго бѣнію, и пищеварительный органъ или простой и одинокій, какъ у трубчатыхъ, или раздѣльный и многообразный какъ у гроздовидныхъ, gasemosa. Въ путешествіяхъ своихъ по Сиріи, Нубіи, Донголь, Чермному и Каспійскому Морямъ, и такъ далѣе, Г. Эренбергъ имѣлъ случай наблюдать множество организованныхъ существъ и продолжалъ свои микроскопическія изслѣдованія съ самаго того времени. Таблица представлена имъ только какъ очеркъ, ожидающій усовершенія и постепенныхъ развитій.

2. *Мадагаскарское кружевное растеніе.* Г. Делессеръ получилъ изъ Мадагаскара замѣчательное растеніе, присланное Г-мъ Гудо, который путешествуетъ теперь на счетъ Французскаго Музея. Оно принадлежитъ къ семейству наядъ и первоначально открыто Г. дю-Пети-Туаромъ, который назвалъ его *ouvirenda australis*. Листья его держатся на длинныхъ стебляхъ и, не имѣя мякоти, походятъ на кружево; они въ полфута длины и въ четверть фута ширины; съ каждой стороны главной жилки находится по пяти параллельныхъ жилокъ, пересѣкаемыхъ подъ прямымъ угломъ множествомъ еще мельчайшихъ нитей. Это растеніе найдено въ заливѣ Діего Соаресъ, въ водѣ, и корни его чрезвычайно питательны и пріятны.

ИСКУССТВЕННОЕ ОКАМЕНѢНІЕ ЖИВОТНЫХЪ. Во Флоренціи издана недавно брошюра о чудесныхъ открытіяхъ Джироломо Сегато, извѣстнаго своими картами Тосканы, Африки и Марокко : за точность описанія ручаются первые профессора тамошнихъ академій. Брошюра рассказываетъ,

Т. XIV. — Отд. VII.

что въ 1820 году Сегато путешествовалъ черезъ Африканскія пустыни для усовершенствованія своихъ картъ; въ долину между Второй Катарактою и Магребомъ настигла его одна изъ тѣхъ бурь, или точнѣе тѣхъ песочныхъ мятелей, которыя довольно обыкновенны въ Верхней Нуби. Когда вьюга перестала, и Сегато шелъ по свѣжимъ ея слѣдамъ, онъ открылъ въ одной изъ впадинъ, вырытыхъ вѣтромъ, остатки обугленного вещества, а потомъ и цѣлый обугленный трупъ, котораго кости и тѣло впрочемъ хорошо сохранились. Ему тотчасъ пришло въ голову, что обугленіе могло произойти только отъ горячаго песку: и если жаръ его въ этомъ случаѣ изсушилъ и обуглил животныя вещества, то могло быть, что удастся произвести что-нибудь подобное и искусственнымъ способомъ. По возвращеніи въ Италію, онъ началъ свои практическіе опыты, и наконецъ успѣлъ сообщить членамъ и тѣламъ животныхъ твердость и неразрушимую прочность. Кожа, мышцы, нервы, вены, жиръ, кровь, все подвергается этой перемѣнѣ, и нѣтъ ни какой нужды вынимать внутренности, потому что онѣ тоже отвердѣваютъ. Притомъ цвѣтъ, видъ и общій характеръ трупа ни сколько не измѣняется и не замѣтно ни малѣйшаго запаха; члены и суставы остаются такъ же гибкими и подвижными какъ при жизни. Когда тѣла пріобрѣтутъ эту окрѣпость, ни влага, ни воздухъ, ни тѣла, не вредятъ имъ; опытъ показалъ, что и даже оставаясь нѣсколько дней подъ водою, они не претерпѣваютъ ни какого ущерба. Всѣ ихъ измѣняется очень мало. Ни одинъ волосъ не выпадаетъ; птицы и рыбы не теряютъ ни кожи, ни чешуи, ни цвѣта, и такъ же совершенно предохраняются насѣкомыя и черви: по словамъ брошюры, кабинетъ Сегато представляетъ этому обильныя доказательства. Канарейка, пробывъ десять лѣтъ въ этомъ состояніи, сопротивлялась дѣйствию воды и червей. Въ первый годъ ее держали тридцать дней подъ водою, во второй болѣе сорока, и еще долѣе оставляли въ ящикѣ, нарочно наполненномъ червячками. Когда ее вынули, она была совершенно невредима. Подобные опыты и съ такими же успѣхомъ были дѣланы надъ другими животными. Рука женщины умершей въ чахоткѣ, представляетъ блѣдность и истощеніе, свойственныя этой роковой болѣзни, а пальцы

мужской руки остаются совершенно гибкими въ суставахъ и ни сколько не измѣняются. Еще замѣчательнѣе столъ, составленный изъ двухъ сотъ четырнадцати кусочковъ. Каждый приметъ ихъ за разные роды камней,— а это все патологическія части чловѣка!

Если Флорентинская брошюра не морочить какъ многія изъ ея сестрицъ, брошюръ, мы можемъ ласкаться надеждою, что современемъ изъ насъ будутъ строить дома, или покраеней-мвръ мостить нами улицы. Больше поэтическаго употребленія нашихъ туловищъ нельзя и ожидать при такихъ быстрыхъ успѣхахъ духа компаній и спекуляцій.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЖИВОТНЫХЪ ДЛЯ ТОПЛИВА. Животныя вещества, говоритъ ученый авторъ History of the fossil fuel, хотя рѣдко, однако употребляются иногда въ видъ топлива. Племена, кочующія въ той части Аравіи, которая смежна съ Египтомъ, представляютъ примѣръ такой особенности: значительную часть топлива, на которомъ эти Арабы варятъ свою пищу, получаютъ они изъ неистощимыхъ мумійныхъ ямъ, такъ часто описываемыхъ путешественниками. Чрезвычайная сухость тѣлъ и воспламеняемость веществъ, которыми они вѣроятно были напитаны при бальсамированіи, дѣлаютъ ихъ весьма пригодными къ этому употребленію. Но есть примѣръ еще болѣе замѣчательный: въ Буэносъ Айресъ было прежде очень мало дерева и такъ много скота, что тамъ топили горны живыми баранами. Этотъ фактъ, хотя и не подлежащій сомнѣнію, едвали бы могъ почестъся вѣроятнымъ, если бъ повелѣніе Испанскаго короля, запрещающее этотъ варварскій обычай, не хранилось до-сего-времени въ архивахъ Буэносъ-Айреса.

ВЛІЯНІЕ МИНЕРАЛОВЪ НА РАСТИТЕЛЬНОСТЬ. Г. Реймъ, исчисляя, въ своемъ трактатѣ о растительности, причины, которыя имѣютъ на нее вліяніе, упоминаетъ между-прочимъ о минералахъ. Во первыхъ, говоритъ онъ, растенія никогда не плодятся въ перегнанной водѣ; во вторыхъ, когда корень встрѣтитъ подъ землею камень, онъ обвивается вокругъ него и терпитъ большой вредъ, если ихъ разлучать. Въ Виртембергѣ, сажая яву, всегда зарывають съ нею камень, что-

бы она росла сильнѣе и крѣпче. Г. Реймъ, прибавляетъ, что если дерево станетъ засыхать, то, обложивъ его каменьями, часто удается возвратитъ ему жизненную силу. Если посадить два корня, одинъ съ мелкимъ углемъ, другой съ точенымъ талькомъ, послѣдній примется гораздо лучше перваго. Растѣнія всегда прозябаютъ изобильнѣе въ почвахъ, наполненныхъ желѣзными окислами, каковы напримѣръ базальтъ, порфиръ, и такъ далѣе.

ВЛІЯНИЕ МАТЕРИ НА ЗАРОДЫШЪ. Галлеръ первый ввелъ болѣе точности въ фізіологическіе опыты. До него не имѣли настоящихъ понятій о приложеніи искусства производить опыты къ этой наукѣ, объ анализѣ многосложныхъ явленій и приведеніи ихъ къ простѣйшимъ обстоятельствамъ. Съ того времени все устремилось къ ученому изслѣдованію, — и труды Бишэ, и не менѣе глубокіе, хотя болѣе ограниченныя, труды Легаллоа, и истинно важныя труды настоящей эпохи.

Бишэ, распространивъ изслѣдованія до первоначальныхъ сплетеней, до самыхъ стихій, составляющихъ органы, открылъ этому анализу путь болѣе обширный, а Легаллоа показалъ ему совершенно новый путь, обнаруживъ возможность опредѣлить точныя и вѣрныя границы свойствъ и дѣйствія нервныхъ средоточій.

Это будетъ вѣчною славою для Легаллоа. Прежде и не подозрѣвали, что вещество о которомъ мы говоримъ, способно къ такому строгому опредѣленію. Всѣмъ, занимающимся Фізіологіей, извѣстно знаменитое его сочиненіе, *Expériences sur le principe de la vie*, въ которомъ онъ опредѣлилъ такъ ясно точку черепнаго мозга (энкефала), откуда выходятъ первый двигатель дыхательныхъ движеній. После этого труда Легаллоа продолжалъ фізіологическія изысканія, и оставилъ по смерти своей бумаги, которыя по распоряженію Парижской Академіи Наукъ собраны и недавно изданы въ свѣтъ. Это произведеніе, которое, въ собственномъ смыслѣ, составляетъ только часть предъидущаго, заключаетъ въ себѣ очень любопытныя опыты, достойныя вниманія ученыхъ. Легаллоа предположилъ себѣ цѣлю опре-

дѣлать посредствомъ ихъ образъ пережитія зародышемъ матери.

Это пережитіе, разумѣется, двоякаго рода: одно принадлежитъ собственно зародышу, другое происходитъ отъ свойства отношеній зародыша къ матери.

Первое зависитъ отъ самой организаціи зародыша, и, потомъ, отъ поврежденій этой организаціи. Авторъ дѣйствительно занимался только тѣмъ, что зависитъ отъ поврежденій черепнаго мозга и становой мозговой жилы,— предметъ, о которомъ онъ уже превосходно рассуждалъ въ своемъ большемъ сочиненіи. Что касается до втораго, то его подробности своей совокупностью опредѣляютъ «вліяніе матери на зародышъ», изслѣдованіе ихъ составляетъ теорію этого вліянія. Въ отношеніи къ нимъ—то преимущественно и въ отношеніи къ этой теоріи, опыты, виды и факты, которые содержатся въ новомъ сочиненіи Легаллоа, представляютъ выводы драгоцѣнные и важные.

Извѣстно, сколько противоположныхъ мнѣній возникало, оставлялось и опять возраждалось касательно многосложнаго и частію еще весьма темнаго вопроса о вліяніи матери на зародышъ. Припомнимъ знаменитую задачу Гарвеля: «Отчего зародышъ, отдѣленный отъ матери и еще не дышавшій, можетъ нѣсколько времени переносить недостатокъ дыханія, и отчего не можетъ онъ пробыть безъ него ни одной минуты, если дохнулъ хоть одинъ разъ?»

Но сомнѣнія и опыты касательно этого вопроса, даже такіе опыты, о которыхъ стоитъ здѣсь упомянуть, относятся къ эпохѣ, гораздо ранѣе Гарвеевой.

Везаль говоритъ, что если вскрыть животъ беременной самки на сносяхъ и, вынувъ изъ матки одного дитеныща, положить его на столъ, не разрывая перепонокъ, тогда видно, что онъ дѣлаетъ тщетныя усилія, чтобъ дышать, и потомъ умираетъ, какъ-бы задохшись. Если разорвать перепонки вовремя и зародыша освободить, онъ скоро оживаетъ и начинаетъ дышать,—опытъ чрезвычайно замѣчательный, которому недостаетъ, для совершенной полноты, одного точнаго показанія, черезъ сколько времени зародышъ умираетъ, какъ-бы задохшись, и черезъ сколько можно еще возвратить его къ

жизни разрывомъ перепонокъ. Вотъ что хотѣлъ изслѣдовать Легаллоа.

Новые свои опыты производилъ онъ надъ беременными кроличихами, и, чтобъ можно было сравнивать, самки взяты имъ были въ одномъ и томъ же періодѣ беременности.

Періодъ, избранный авторомъ какъ самый благопріятный для предположенныхъ опытовъ, есть окончательный, соответствующій послѣднимъ часамъ тридцатаго дня, потому что дѣтвороженіе продолжается у этой породы ровно мѣсяць.

Легаллоа морилъ нѣсколько беременных кроличихъ посредствомъ задушенія, кровоиспущенія, голода, и такъ далѣе; и во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ замѣчалъ, сколько минутъ зародышъ, оставшійся въ утробѣ матери, переживалъ ее.

Такъ, напримѣръ, лишивъ жизни одну кроличиху погруженіемъ ея въ воду, онъ вынулъ изъ матки перваго зародыша черезъ пять минутъ и тотчасъ освободилъ его отъ перепонокъ; второй зародышъ былъ вынутъ черезъ девять минутъ, третій черезъ двѣнадцать, и всѣ три тутъ же стали дышать; еще двухъ вынулъ онъ, одного черезъ пятнадцать, другаго черезъ шестнадцать минутъ, по смерти самки: оба тоже начали дышать, но медленно и затруднительно; шестой зародышъ былъ вынутъ черезъ семнадцать минутъ, и дышалъ еще медленно; наконецъ восьмой, вынутый черезъ восемнадцать минутъ, не дышалъ вовсе.

Почти тотъ же семнадцатиминутный предѣлъ полученъ при умерщвленіи самки кровоиспущеніемъ; но онъ отступаетъ на двѣ или на три минуты далѣе, если зародыша вынуть изъ живой матки: это доказываетъ, что въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ обмираніе дитеныша начиналось вмѣстѣ съ матчинымъ.

Но есть еще третій предѣлъ, означающій черезъ сколько времени нѣтъ уже ни какой возможности возстановить дыханіе, даже посредствомъ вдунанія воздуха въ легкія черезъ дыхательное горло; и этотъ новый предѣлъ простирается до двадцать пятой минуты по смерти матки.

Опыты моренія матки голодомъ имѣли слѣдствіемъ то уско-

реніе родовъ, то, — что гораздо примѣчательнѣй, — замѣдленіе ихъ двумя или тремя днями.

Опыты для опредѣленія дѣйствія болѣе или менѣе глубокихъ поврежденій становой жилы и черепнаго мозга всѣхъ менѣе удовлетворительны. Изъ нихъ должно однако исключить опыты надъ дѣйствіемъ свѣченія становой жилы у затылка и пониже: они опредѣляютъ съ удивительной точностью, въ какомъ постепенномъ умаленіи молодое животное болѣе и болѣе теряетъ способность, которую имѣло оно при рожденіи, переживать нѣсколько времени эту операцію.

Такимъ образомъ, новорожденный кроликъ переживаетъ свѣченіе пятнадцать минутъ; пятиденный — только девять, десяти-денный — шесть, пятнадцати-денный — четыре, двадцати-денный — три, двадцатипяти-денный — двѣ съ половиной, тридцати-денный — двѣ. И, во всякомъ случаѣ, успѣхъ вдунанія воздуха слѣдуетъ точно такому же порядку: въ первый день рожденія вдунаніе удастся, то есть, оживляетъ еще и движенія, и кровообращеніе, и общую чувствительность, черезъ тридцать минутъ по разсѣченіи становой жилы; въ пятый день оно удастся только черезъ семнадцать минутъ, въ десятый — черезъ десять, въ пятнадцатый: — черезъ семь, въ двадцатый — черезъ шесть, въ двадцатьпятый — черезъ пять съ половиной, въ тридцатый — черезъ пять.

Что касается до общаго вывода новаго сочиненія Легаллоа, то есть, до самой теоріи вліянія матери на зародышъ, это вліяніе очевидно дѣйствуетъ въ видѣ пособія собственному дыханію зародыша, потому что, во-первыхъ, стоитъ лишь отдѣлить зародышъ отъ матки и оставить его въ перепонкахъ, и онъ задохнется; и стоитъ лишь освободить его во-время изъ перепонокъ, и онъ будетъ дышать и жить; во-вторыхъ, задушеніе матери влечетъ за собой задушеніе дитеныша и сокращаетъ его пережитіе; въ-третьихъ, одно сжатіе пуповины дѣйствуетъ подобно совершенному отдѣленію зародыша отъ матки; наконецъ, въ-четвертыхъ, даже когда, предоставленный самому себѣ, зародышъ уже не въ состояніи дышать, вдунаніе воздуха въ его легкія можетъ еще возвратить его къ дыханію и къ жизни. Такъ, материнское вліяніе обнаруживается доказаннымъ и постояннымъ образомъ въ пособіи собственному дыханію зародыша, сло-

вомъ, въ замѣненіе дыханіемъ пупочныхъ сосудовъ того дыханія, которое впоследствии должно совершаться сосудами легочными.

Но ограничивается ли оно этимъ дѣйствіемъ? Да и это дѣйствіе какъ происходитъ? Вотъ два вопроса которыхъ рѣшеніе могло бы дополнить теорію материнскаго вліянія и которые книга Легаллоа оставляетъ однако во всей ихъ темнотѣ и запутанности.

СТАТИСТИКА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА. Въ предпоследней книжкѣ Б. для Ч. мы обещали познакомить читателей съ содержаніемъ чрезвычайно любопытной и важной по своему предмету брошюры доктора Деппа, подъ заглавіемъ «Медико-статистическая записка объ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ въ теченіе 1830—1833 годовъ». Г. Деппъ, извѣстный съ самой выгодной стороны успѣшнымъ леченіемъ дѣтскихъ болѣзней, воспользовался случаемъ, исправляя званіе главнаго доктора здѣшняго Воспитательнаго Дома, чтобы сообщить публикѣ такія свѣденія, которыя должны обратить на себя вниманіе не только каждаго врача, но и каждаго образованнаго человѣка. Это явленіе въ области нашей статистической литературы тѣмъ пріятнѣе, что, по словамъ автора брошюры, она служитъ только первымъ опытомъ предпринятаго имъ подробнаго описанія вверенной ему части. Въ ожиданіи этого обширнаго труда, мы предложимъ здѣсь краткій обзоръ «Записки» Г. Деппа.

Санктпетербургскій Воспитательный Домъ раздѣляется на три большія отдѣленія, — воспитательные дома въ Петербургѣ и Гатчинѣ и такъ называемую Деревенскую Экспедицію. Питомцы принимаются только въ Петербургъ, остаются здѣсь до выздоровленій по привитію оспы и отправляются съ кормилицами въ деревни, откуда эти женщины взяты. Тутъ они поступаютъ въ вѣдѣніе Деревенской Экспедиціи, которая черезъ особенныхъ врачей печется объ ихъ здоровьѣ и старобостановленіи. Достигнувъ восемилѣтняго возраста, они перескочивъ въ Гатчинскій Воспитательный Домъ, и, послѣ недолгаго первоначальнаго приготовленія въ Лавкастерскихъ классахъ, смотря по способностямъ, назначаются или во уче-

ной части или въ работы и ремесла. Какъ пребываніе въ Гатчинѣ полезно дѣтямъ въ физическомъ отношеніи, тому служить доказательствомъ; что смертность въ послѣднее десятилѣтіе составляла тамъ среднимъ числомъ только $2\frac{2}{8}$ на сто.

Изъ Гатчинскаго заведенія воспитанники переходятъ опять въ Санктпетербургское, и здѣсь уже окончательно рѣшается ихъ будущая дорога; но во всякомъ случаѣ они получаютъ такое образованіе и пользуются, даже послѣ выпуска, такимъ покровительствомъ, которыя обезпечиваютъ ихъ на всю жизнь.

Воспитанники раздѣляются на возрастныхъ и грудныхъ. Возрастными называются вообще тѣ, которымъ болѣе десяти лѣтъ. Относительно къ этому разряду воспитанниковъ, авторъ сдѣлалъ замѣчательное наблюденіе: больныхъ женскаго пола обыкновенно вдвое болѣе противъ мужскаго. Г. Денпъ, по соображеніи всѣхъ прочихъ обстоятельствъ, приписываетъ это сидячей жизни цыгоницъ, при столѣ питательномъ и не совсѣмъ удобоваримомъ. Лучшимъ доказательствомъ справедливости его замѣчанія служитъ родъ болѣзней, которыми страдаютъ воспитанницы.

Въ числѣ прочихъ недуговъ, авторъ упоминаетъ о золотухѣ, которой дѣвочки также несравненно болѣе подвержены чѣмъ мальчики; о скорбутѣ, которымъ питомцы страдаютъ ежегодно съ февраля до маія и противъ котораго авторъ съ успѣхомъ употреблялъ свѣжіе лимоны и овѣжій воздухъ на дачѣ; о пляскѣ Св. Витта, которая сопротивлялась всѣмъ возможнымъ средствамъ и уступила только времени; о холерѣ, которую авторъ почитаетъ въ известной степени заразительною, и наконецъ объ острыхъ болѣзняхъ, изъ которыхъ скарлатина бываетъ у воспитанниковъ очень рѣдко: Г. Денпъ приписываетъ это неистиннейности ихъ кожи и относительной грубости толстокожия. Натуральной оспы не было ни на одномъ изъ воспитанниковъ, и потому въ деревняхъ, гдѣ они находятся, грѣшнѣе думать большую вѣру въ оспопрививаніе.

Смертность возрастныхъ питомцевъ опредѣляется въ общему ихъ числу какъ $4\frac{1}{8}$ ко 100.

Отдѣленіе грудныхъ младенцевъ помѣщено самымъ лучшимъ образомъ. Чтобы имѣть всегда достаточное число кормилицъ, положено не отказывать ни одной здоровой женщины, которая явится съ молокомъ. Случалось, что въ Воспитательномъ Домѣ было двѣсти кормилицъ лишннихъ, и всѣ онѣ получали обыкновенную плату: это необходимо, для того чтобъ крестьянки, которыя приходятъ издали, были всегда увѣрены въ пріемъ. Ежегодно поступаетъ болѣе четырехъ тысячъ кормилицъ; сверхъ-того позволено матерямъ кормить дѣтей своихъ дома, до раздачи ихъ на воспитаніе по деревнямъ.

Въ общемъ числѣ дѣтей содержаніе больныхъ къ здоровымъ равняется обыкновенно 1 : 6 $\frac{2}{3}$, — содержаніе не совсемъ выгодное, замѣчаетъ авторъ, но весьма сносное, если примемъ въ соображеніе, что между больными находятся также всѣ недоноски и дѣти, приносимыя въ домъ при смерти, которыя составляютъ среднимъ числомъ одну-шестую всѣхъ поступающихъ младенцевъ и которыя также вносятся въ общій списокъ и тотчасъ отправляются въ лазаретъ, хотя, нерѣдко, они умираютъ даже на лѣстницѣ.

То, что Г. Деппъ говоритъ о болѣзняхъ грудныхъ младенцевъ, конечно будетъ принято съ благодарностью врачами, посвятившими себя этой затруднительнѣйшей части искусства. Главныя болѣзни суть желтуха, молочница, роза, которой бываетъ около трехъ сотъ случаевъ въ годъ и которая происходитъ иногда отъ слишкомъ ранняго прививанія оспы; гнойное воспаленіе глазъ, которымъ страдаютъ всегда около сорока младенцевъ изъ пяти сотъ; болѣзнь сифилитическая, которая бываетъ почти на стѣ младенцахъ ежегодно и которая, по наблюденіямъ автора, рѣдко сообщается ребенку отъ зараженной матери, но болѣею частью наследуется отъ отца. «Успѣхъ леченія венерической болѣзни у новорожденныхъ, говоритъ авторъ, доселѣ былъ для меня весьма неблагопріятный. Всѣ дѣти, которыя при появленіи первыхъ признаковъ этой болѣзни, были отняты отъ груди, каково всегда дѣлается, чтобъ не заразить кормилицы, — безъ исключенія умирали». Замѣтимъ однако жъ къ чести женскаго пола, что нерѣдко видѣны были кормилицы, вопреки всѣмъ увѣщаніямъ, рѣшающіяся жертво-

вать собой для невернаго спасенія своихъ питомцевъ. Поносы часто свирѣпствуютъ эпидемически, особенно весною и лѣтомъ, и похищаютъ много дѣтей. Замѣчательно, что ни одинъ грудной младенецъ не страдалъ холерою въ то время, какъ она свирѣпствовала между взрослыми.

Оспа прививается слишкомъ шести тысячамъ дѣтей въ годъ и оспенной матеріи отпускается до семи тысячъ паръ стеклышекъ. Оспа не возобновлялась со времени самого Дженнера и ни сколько не выродилась, хотя Русъ и нѣкоторые другіе полагали, что она мало-по-малу измѣняется въ свойствахъ. Г. Деспъ подтверждаетъ полезность вторичнаго оспопрививанія спустя десять или пятнадцать лѣтъ послѣ перваго; однако изъ числа дѣтей, надъ которыми былъ сдѣланъ этотъ опытъ, только у трехъ на сто показалась опять настоящая предохранительная оспа.

Авторъ убѣдился на опытѣ въ справедливости принятаго нынче мнѣнія, что острая болѣзнь младенцевъ болѣшею частію конгестивнаго и воспалительнаго свойства. Введенная имъ съ 1830 года противувоспалительная метода леченія уменьшила смертность въ слѣдующей прогрессіи:

	<i>Поступило воспитанниковъ.</i>	<i>Заболѣло.</i>	<i>Умерло изъ ста поступившихъ.</i>
1826	4,080	1,642	21 $\frac{1}{2}$
1827	4,024	1,598	24 $\frac{1}{5}$
1828	4,072	1,714	22 $\frac{7}{10}$
1829	3,993	1,675	26 $\frac{3}{5}$
1830	4,090	1,885	22 $\frac{1}{5}$
1831	4,150	1,923	19 $\frac{7}{10}$
1832	4,229	1,874	17 $\frac{7}{10}$
1833	4,515	1,874	17 $\frac{1}{2}$

«Изъ этого обозрѣнія смертности, говоритъ Г. Деспъ, можно видѣть, что съ 1830 по 1833 годъ включительно, изъ 16,984 грудныхъ младенцевъ, умерло 3,274 въ самомъ домѣ. Придавъ къ этому 5,312 дѣтей, моложе одного года, которыя умерли въ то время въ деревняхъ, получимъ всего 8,586 дѣлей, умершихъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ на первомъ году жизни, что составляетъ почти половину поступившихъ въ это время младенцевъ. Такое содержаніе покажется съ перваго взгляда слишкомъ великимъ: по таблицамъ смерт-

ности, составленнымъ Зюсмильхомъ и Бауаномъ, должно бы быть только 25 умершихъ на 100, и даже по Симпсоновымъ таблицамъ смертности въ Лондонѣ только 32 на 100. Но если примемъ въ соображеніе, что нашъ климатъ, при воспитаніи дѣтей въ низшихъ сословіяхъ истинно Спартакскомъ, но небрежномъ, дотого усиливаетъ смертность ихъ въ первыхъ годахъ ихъ жизни, что число умирающихъ въ первые пять лѣтъ превышаетъ половину общаго числа умершихъ во всей имперіи, — въ Парижѣ умираетъ только одна треть; далѣе, если обратимъ вниманіе на безчисленные вредныя вліянія, которыми незаконнорожденные дѣти подвергаются вообще и которыя въ нашей сѣверной столицѣ преимущественно дѣйствуютъ на нихъ какъ до рожденія на свѣтъ, такъ при рожденіи и послѣ, — вліянія столь сильныя, что даже въ Берлинѣ мертворожденныхъ и умершихъ до году незаконныхъ дѣтей на половину болѣе противъ законныхъ; если еще вспомнимъ, что въ число принятыхъ включаются и тѣ, которыя принесены уже замертво, то представленное нами содержаніе покажется гораздо выгоднѣйшимъ. Но въ сравненіи съ многими подобными заведеніями въ чужихъ краяхъ оно можетъ быть названо блестящимъ. Въ Парижскомъ Воспитательномъ Домѣ, напримѣръ, въ первые пять дней умираетъ одна четверть всѣхъ новорожденныхъ, и двѣ трети въ теченіе перваго мѣсяца; у насъ напротивъ умираетъ нынче только одна-шестая: слѣдовательно въ Парижѣ смертность дѣтей въ первомъ мѣсяцѣ вчетверо болѣе чѣмъ у насъ. Въ Берлинѣ, гдѣ нѣтъ Воспитательныхъ Домовъ, смертность незаконнорожденныхъ еще ужаснѣе: по показанію Бремера, даже четверть изъ нихъ не переживаетъ перваго мѣсяца.»

Кругъ дѣйствій Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома всего лучше видѣнъ изъ слѣдующихъ числовыхъ показаній, которыя брошюра Г. Делпа сообщаетъ въ подробныхъ таблицахъ. Въ 1830 году поступило 4,125 питомцевъ обоюгаго пола, выпущено 440, умерло 3,074; въ 1831 поступило 4,162, выпущено 370, умерло 3,487; въ 1832 поступило 4,323, выпущено 252, умерло 3,155. Къ 1 января 1833 года всѣхъ питомцевъ, находящихся въ самомъ Воспитательномъ домѣ было 542 мальчика и 878 дѣвочекъ, всего 1,420 человекъ; внѣ

дома, и особенно по деревнямъ, 6,875 мальчиковъ и 8,087 дѣвочекъ, всего 14,962. Поэтому сложность всѣхъ питомцевъ вообще составляла 7,417 мальчиковъ и 8,965 дѣвочекъ, всего 16,362 человека.

СТАТИСТИКА ИЗЯЩНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЪ ВО ФРАНЦІИ. По показанію одного Французскаго ученаго журнала, во Франціи теперь 82 музея, 160 школъ изящныхъ художествъ, 2,230 артистовъ, которыхъ имена сдѣлались извѣстны ихъ произведеніями. Въ этомъ числѣ заключается 1,096 живописцевъ, 150 ваятелей, 113 гравёровъ, 263 архитектора и 309 рисовальщиковъ. Въ одномъ Парижѣ 35 училищъ изящныхъ искусствъ, 20 музеевъ, 773 живописца, 106 ваятелей, 102 гравёра, 195 архитекторовъ, и 209 рисовальщиковъ. Всего 1,385 артистовъ. Департаменты, замѣчательнѣйшіе послѣ Сенскаго по числу художниковъ и музеевъ, суть Сѣверный, Жирондскій, Ронскій, Нижне-Сенскій и департаментъ Сены и Оазы.

ГИЛЬОТИНА. Въ Парижѣ вышла любопытная переписка касательно введенія этого орудія въ 1792 году. Всякому извѣстно, что оно названо по имени одного доктора, Гильотена; но изъ вышедшихъ теперь документовъ очевидно, что докторъ былъ не изобрѣтателемъ этой машины, а только, послѣ многихъ бесполезныхъ попытокъ успѣлъ склонить Законодательное Собраніе къ обнародованію устава, по которому никто изъ приговоренныхъ къ смерти не долженъ былъ подвергаться другой казни кромѣ обезглавленія. Далѣе видно, что мастера, опасаясь народнаго мщенія, никакъ не соглашались устроить требуемое орудіе. Плотникъ, который обыкновенно работалъ для правительства, просилъ по четыре тысячи франковъ за каждую гильотину и то съ тѣмъ, чтобъ не заключать контракта на поставку и не расписываться въ полученіи денегъ. Правительство не согласилось на эти условія, и отыскало какого-то Шмита, который взялъ на себя работу, но тоже съ условіемъ, чтобъ имя его не было объявлено и чтобъ всѣ заказы изъ департаментовъ сообщались ему непосредственно отъ генеральнаго прокурора, Г. Радезиэ (Radésier).

ЧТО ТАКОЕ ТЕХАСЪ? Съ некотораго времени газеты и журналы часто упоминають о безпокойствахъ, о переворотѣхъ въ Техасѣ, и вѣроятно многіе изъ читателей предлагали себѣ затруднительный вопросъ, гдѣ же этотъ Техасъ, что онъ такое, и много, если какой-нибудь географическій словарь удовлетворялъ ихъ справедливое любопытство краткимъ, неопредѣлительнымъ показаніемъ границъ новорожденнаго края. Англійскій журналъ *Athenæum* сообщаетъ объ немъ слѣдующія подробности: мѣтъ за двадцать, пробывъ въ полтора ста тысячъ квадратныхъ верстъ величиною, означалъ на картахъ между Луизианою и Мексикою ту землю, которая называется Техасомъ и едва успѣла выйти въ *земли*, какъ ужъ въ ней завелись безпокойства и революціи. Техасъ простирается отъ рѣки Сабинны, разделяющей Мексику съ республикою Северо-Американскихъ Штатовъ, до Рио-Гранде и заключаетъ въ себѣ около восьми сотъ верстъ берега по Мексиканскому заливу. Въ 1805 году, когда Наполеонъ уступилъ Луизиану Северо-Американскимъ штатамъ, этотъ край былъ такъ мало извѣстенъ, что возникъ вопросъ—куда онъ принадлежитъ, къ Луизианѣ или къ Мексикѣ, и весьма вѣроятно, что въ то время все разсыпанное его населеніе не превышало семи или, много, десяти тысячъ душъ. Новорожденная Мексиканская республика, которая, въ первые годы своего существованія была довольно дѣятельна и предприимчива, вскорѣ замѣтила, что одна изъ лучшихъ областей союза лежитъ безъ всякой пользы и въ безплодіи. Тотчасъ были изданы колонизаціонныя постановленія и предоставлены разныя льготы выходцамъ и спекуляторамъ, которые захотятъ обязатся къ водворенію тамъ извѣстнаго числа семей. Одинъ изъ первыхъ и самыхъ предприимчивыхъ спекуляторовъ былъ Американскій гражданинъ, именовъ Остинъ. Въ 1821 году Мексиканское правительство дозволило ему ввести въ Техасъ триста семей. Онъ вскорѣ умеръ; сынъ его, полковникъ Остинъ основалъ поселеніе на рѣкѣ Брасосъ; но долженъ былъ бороться съ большими и неожиданными затрудненіями: два корабля, отправленные съ съѣзными припасами изъ Новаго-Орлеана, оба погибли; нѣсколько времени поселенцы должны были довольствоваться дикими лошадьми, которыхъ удавалось имъ поймать въ степи. Многіе изъ

нихъ воротились на родину, другіе разсыпались по разнымъ частямъ края. Однако полковникъ Остинъ успѣлъ наконецъ въ своемъ предпріятіи, и съ тѣхъ поръ владѣть тамъ отличными землями.

Эта удачная спекуляція побудила многихъ другихъ гражданъ Северо-Американскихъ Штатовъ послѣдовать его примѣру; въ последнее время составились въ Нью-Йоркѣ компаніи «заселенія Техаса», которыя разослали своихъ агентовъ даже въ Европу и старались увѣрить весь свѣтъ, что Техасъ-прекраснѣйшая и благополучнѣйшая страна въ цѣломъ мірѣ, какъ вдругъ, очень не кстати для акціонеровъ этихъ компаній, распространился слухъ о тамошней революціи, и благополучнѣйшая изъ странъ превратилась едвали не въ самую несчастную. Область Техасъ, дѣйствительно щедро надѣлена отъ природы: плодоносіе почвы, пріятность климата, смежность съ океаномъ, многочисленность рѣкъ, впадающихъ въ него и служащихъ самыми выгодными путями сообщенія, все это такія преимущества, которыя рѣдко соединяются въ одномъ и томъ же краѣ. На протяженіи восьми сотъ верстъ морскаго берега есть три значительныя пристани, — Гальвестонъ, Матагорда и Брасось Санъ-Яго въ устьѣ Ріо-Гранде. Первая изъ нихъ рѣшительно лучшая: Гальвестонская губа имѣетъ около пятидесяти верстъ въ длину и отъ двадцати до тридцати въ ширину. Рѣки Нечесъ, Св. Троицы, Санъ-Хасинто, Брасось, Колорадо, Ла-Бака, Гвадалупа, Нуэсесъ и многія другія, орошаютъ почву, которая, кромѣ разнаго лѣсу, производитъ сахаръ, хлопчатую бумагу, индиго, сарадинское пшено, табакъ и южныя плоды.

Нѣтъ ничего удивительнаго; что корыстолюбивые Северо-Американцы бросились въ спекуляціи на такую прекрасную землю, и можно себя вообразить ихъ изумленіе, когда, накупивъ акцій и приготовившись быть помѣщиками въ Техасъ, они узнали, что по законамъ Мексиканскимъ не могутъ владѣть тамъ ни вершкомъ земли, не принявъ католическаго вѣроисповѣданія. Что было дѣлать бѣднымъ Северо-Американцамъ? Они подумали, и рѣшились сдѣлать революцію. Вѣроятно все это кончится тѣмъ, что Техасъ перейдетъ подъ «покровительство» Соединенныхъ Штатовъ. На ихъ сторонѣ много силы и есть немножко справедливости.

СМРУЖЕСКОЕ СЧАСТІЕ ВЪ ИНДУСТАНЪ. Въ предпоследней книжкѣ мы обѣщали еще нѣсколько выписокъ въ великолѣпнаго «Восточнаго альманаха», The Oriental Annual. Онъ содержитъ въ себѣ столько любопытныхъ подробностей, что единственное затрудненіе состоитъ въ выборѣ того, что наиболѣе занимательно. Кажется, любопытнѣе всего «женщина».

Одинъ Индѣйскій мудрецъ говоритъ: «Женщина никогда не можетъ быть независима: въ дѣтствѣ она должна зависѣть отъ отца, въ молодости ~~отъ мужа~~, а въ старости отъ сыновей.» Этотъ Индѣйскій мудрецъ не читалъ ни Г-жи Дюдеванъ, ни Г. Бальзака; однако жъ теорія освобожденія женщины нигдѣ не могла бѣ быть такъ кстати какъ въ Индіи, гдѣ прекрасный, — и тамъ онъ очень прекрасный, — полъ содержится въ состояніи грубаго невѣжества и порабощенія, едн постижимомъ для читателей Французскихъ романовъ. Между-тѣмъ оно такъ укоренилось въ тѣхъ краяхъ, что кажется необходимою принадлежностью тамошняго общества; илѣйшее послабленіе со стороны мужа ведетъ къ явному возстанію противъ его правъ и наоборотъ тиранская строгость служить самымъ вѣрнымъ средствомъ къ поддержанію его власти. Одинъ изъ сотрудниковъ альманаха The Oriental Annual рассказываетъ слѣдующій случай, видѣнный имъ въ округѣ Кургъ.

«На тѣсномъ обгороженомъ мѣстѣ, за избушкой, увидѣли мы женщину привязанную къ столбу, и мужчину, который жестоко наказывалъ ее толстой бамбуковой тростью: иногда онъ ударялъ ее по голымъ плечамъ и она кричала самымъ пронзительнымъ и болѣзненнымъ голосомъ. Нѣсколько времени терпѣла она эту кару, не обнаруживая ни малѣйшаго желанія отомстить; наконецъ, выведенная изъ себя непреклонной строгостью своего мучителя, бросилась къ его ногъ, схватила за икру зубами, такъ что онъ завизжалъ какъ поросенокъ. Отпрыгнувъ въ сторону, онъ однако жъ снова принялся бить ее такъ немилосердо, что я боялся за цѣлость ея костей. Она сносила удары, не пикнувъ; только устремила на него свои большіе черные глаза съ выраженіемъ спокойнаго торжества, которое кажется говорило: «Теперь пожалуй убей меня, я отмщена!»

«Многіе смотрѣли на это съ совершенной беззаботностью, и отъ нихъ-то я узналъ, что это мужъ наказываетъ свою жену за какой-то поступокъ. Я не могъ долѣе сносить жестокости, съ которою бѣшеный Индѣецъ продолжалъ побои, и послалъ одного изъ моихъ туземныхъ слугъ уговорить его. Только-что тотъ хотѣлъ вступить въ семейное неудовольствіе, женщина порвала веревки, которыми была привязана, бросилась къ моему несчастному посланцу, ударила его въ животъ головой съ яростью раздраженной тигрицы, и потомъ засыпала такой краснорѣчивой бранью, что я не вспомнился отъ изумленія, хотя предстоящіе только улыбались на всю эту кутерьму. Какъ скоро она обратила въ бѣгство посланнаго отъ меня примирителя, тотчасъ же стала опять къ столбу, а нѣжный супругъ привязалъ ее и снова началъ тужить, какъ душѣ угодно.»

У одного поколѣнія, живущаго въ нѣкоторыхъ округахъ Майсора, есть довольно странный обычай: при выдачѣ замужъ старшей дочери, мать прокалываетъ ей уши, — это посвятительный обрядъ. Но прежде нежели совершать его, она должна лишиться первыхъ суставовъ на третьемъ и четвертомъ пальцѣ лѣвой руки. Операторомъ бываетъ деревенскій кузнецъ; онъ кладетъ палецъ на наковальню, ставитъ рѣзецъ на суставъ и однимъ ударомъ молотка отдѣляетъ, что нужно, а пациентка считаетъ эту операцію за сущую бездѣлку. Говорятъ, родители бываютъ такъ рады вступленію въ бракъ своихъ дѣтей, что будь у матери полсотни пальцевъ, она уступитъ кузнецу по суставу съ cadaго, лишь бы выдать замужъ свою дочь. Мы видели что ожидаетъ ея замужемъ; этого мало: умереть супругъ, вдова сожигается съ нимъ на кострѣ или зарывается живая въ землю.

Такъ какъ подробности послѣдняго обряда вѣроятно извѣстны не многимъ изъ нашихъ читателей, мы выпишемъ ихъ изъ альманаха:

«Когда женщина изъ касты ткачей жертвуетъ собою праху мужа, ее заживо спускаютъ съ нимъ въ могилу, вырытую близъ какой-нибудь священной рѣки, а если рѣка далеко, то въ священнѣйшемъ мѣстѣ, какое только есть по соседству. Яму копаютъ глубоко и обширно, и послѣ множества

приготовительныхъ обрядовъ , непонятныхъ и фантастическихъ , вдова навѣкъ прощается съ знакомыми , которые всегда бываютъ при такихъ печальныхъ случаяхъ , и спускается въ жилище смерти . Часто она до того опоена опіумомъ , что едва себя помнить и исполняетъ положенные обряды съ машинальнымъ безчувствіемъ . Какъ скоро она сойдетъ на дно могилы , лѣстницу вынимаютъ , и несчастная остается съ тѣломъ своего мужа , обыкновенно уже истлѣвающимъ ; она обнимаетъ его , прижимаетъ къ груди не показывая ни малѣйшаго отвращенія къ тяжкому запаху . Послѣ этихъ ужасныхъ ласкъ , она беретъ его къ себѣ на колѣни и даетъ знакъ начинать послѣднее дѣйствіе этой драмы , которая еще страшнѣе сожиганія на кострѣ . Тутъ прехладнокровно бросаютъ на нее землю , а двое сходятъ внизъ и утаптываютъ . Во время этого медленнаго , жестокаго обряда , несчастная жертва сидитъ какъ посторонній зритель , иногда ласкаетъ трупъ , смотритъ съ выраженіемъ высокаго торжества , какъ земля обнимаетъ ея тѣло : она предчувствуетъ почести , приготовленныя для нея въ небѣ божествомъ . Руки собственныхъ ея дѣтей быть-можетъ засыпаютъ ее въ эту минуту сырымъ прахомъ . Наконецъ , когда видна только голова , могилу заравниваютъ какъ можно скорѣе , и ближайшіе родственники пляшутъ на ней съ сумасбродными тѣлодвиженіями , обличающими бѣшенство , или восторгъ .»

ОВЩЕСТВО ФЕНСИГАРОВЪ ВЪ ИНДІИ. Фенсигары сбродъ всѣхъ кастъ и племень , разбойники , заимствовавшіе свое имя отъ орудія , котѣрымъ они совершаютъ убійства . Благодаря безопасности туземныхъ владѣтелей , эти головорѣзы пользуются относительной безнаказанностью ; ихъ ловкость равняется только звѣрству и свирѣпой радости , которыя обнаруживаютъ они въ своихъ злодѣяствахъ . Они боятся нападать на Европейскихъ жителей , но туземцамъ грозить отъ нихъ безпрестанная опасность .

«Шайка этихъ разбойниковъ , говоритъ *Oriental Annual* , содержитъ въ себѣ отъ двѣнадцати до шестидесяти или семидесяти человекъ . Они грабятъ всегда далеко отъ своего притона , не бываютъ дома иногда по нѣскольку мѣсяцевъ и , воз-

вратившись, проживаютъ добычу самымъ распутнымъ образомъ. Жертвою ихъ обыкновенно — путешественники, которые попадутся имъ на дорогъ. Въ одеждѣ богомольцевъ или подѣ видомъ семей, отправляющихся въ отдаленную часть края, они обманываютъ неосторожныхъ мирною, кроткою наружностью, и, отклонивъ такимъ образомъ всякое подозрѣніе, безъ труда прибираютъ ихъ къ рукамъ. Каждая шайка этихъ убійцъ имѣетъ начальника, у котораго они въ совершенномъ повиновеніи. Онъ управляетъ всѣми ихъ продѣлками, но вообще не принимаетъ въ нихъ личнаго участія, развѣ когда надо что-нибудь вывѣдать, и въ другихъ не слишкомъ опасныхъ случаяхъ, гдѣ нужно болѣе хитрости чѣмъ отваги и проворства.

«Обыкновенно совершаютъ они убійства слѣдующимъ образомъ: убаюкавъ свою жертву искуснымъ притворствомъ, одинъ изъ нихъ вдругъ накидываетъ ей на шею мертвую петлю, употребляя къ тому платокъ или узкій лоскутъ кисеи, и стигиваетъ ее изо всей силы. Въ ту же минуту товарищъ ударяетъ несчастнаго по поджилкамъ: онъ падаетъ и тѣмъ скорѣе задыхается въ петлѣ. Впрочемъ какъ скоро онъ упадетъ, они еще бьютъ его по вискамъ, пока страданіе его совершенно кончится: это обыкновенно дѣло одной минуты. Все идетъ такъ быстро и такъ ловко, что страдальцу некогда и подумать о сопротивленіи: какова бы ни была его сила, она никогда или почти никогда не пособитъ ему противъ этихъ наторѣлыхъ убійцъ.»

Ихъ вѣра освящаетъ всѣ злодѣянія; но если они нарушатъ въ чемъ-нибудь правила, установленныя между ними касательно совершенія убійства, это почитается оскорбленіемъ ихъ кровожаднаго божества, и они должны принести очистительную жертву. Такъ же строго исполняютъ они и всѣ обряды своего богослуженія.

«Нравственная испорченность этихъ несчастныхъ такъ велика, что они повидимому не подозрѣваютъ ничего унижительнаго въ своемъ звѣрскомъ ремеслѣ. Если ихъ спросить, какъ имъ не стыдно проливать такъ ужасно кровь человѣческую, они отвѣчаютъ: — «У меня и отецъ и мать были фенсигары; надобно жъ дѣлать то, къ чему они меня выростили. Да и какъ бы мнѣ жить, если бъ я не отправлялъ ремес-

*

ла, которое мнѣ вѣсѣхъ болѣе знакомо?» Имъ въ голову не приходитъ мысль, что грѣшнѣе убить челоуѣка чѣмъ другое животное, и такъ какъ они вообще вѣрятъ въ предопредѣленіе, то, бывъ пойманы, не обнаруживаютъ ни малѣйшаго страха къ смертной казни; они полагаютъ, что пришелъ ихъ часъ, и что всего лучше встрѣтить его съ мужествомъ, тѣмъ болѣе, что страхомъ не избѣгнешь судьбы, определенной въ томъ или другомъ видѣ каждому челоуѣку.

«Спросите пойманнаго фенсигара, чѣмъ онъ добывалъ хлѣбъ: онъ тотчасъ перечесть вамъ безъ зазрѣнія совѣсти всѣ свои убійства и расскажетъ съ дикимъ удовольствіемъ, какъ онъ славенъ между своими ловкими употребленіемъ петли.

«Всѣ фенсигары учатъ дѣтей своихъ ремеслу, развѣ они очень слабы или съ какимъ-нибудь тѣлеснымъ недостаткомъ: въ такомъ случаѣ ихъ предоставляютъ собственной склонности, и они обыкновенно проводятъ всю жизнь въ бездѣлствіи.

«Курсъ ученія постепенный: достигнувъ десяти лѣтъ, мальчикъ въ первый разъ сопровождаетъ фенсигаровъ на разбой; но его исподовою готовятъ къ этому, пріучая смотреть на разныя жестокости почти съ той поры, какъ онъ начинаетъ мыслить. Передъ посвященіемъ въ фенсигары, его отдаютъ подъ надзоръ пѣстуна, который по большей части ему родня и которому онъ долженъ оказывать величайшее почтеніе и покорность въ чемъ бы то ни было. Сначала мальчикъ у него только для прислуги, — подаетъ платье, бѣгаетъ на посылкахъ, готовитъ кушанье, моетъ бѣлье, и такъ далѣе. Иногда самъ отецъ бываетъ наставникомъ своего сына, но мальчикъ оказываетъ къ нему не болѣе послушанія какъ и къ постороннему пѣстуну: въ обоихъ случаяхъ и власть и повиновеніе ровно безпредѣльны.

«Если ребенокъ повстрѣчается съ путешественниками, и они стануть его спрашивать, онъ такъ пріученъ скрывать ремесло своихъ товарищей, что тотчасъ дастъ самый правдоподобный отвѣтъ кто они, куда идутъ и зачѣмъ, и такъ какъ онъ рассказываетъ все это съ дѣтской откровенностью, то никогда почти не возбудитъ подозрѣній. Если бѣ подозрѣніе и возникло, путешественникъ не имѣетъ ни какихъ

средствъ воспользоваться открытіемъ, а фенсигары, какъ скоро замѣтятъ за собою присмотръ, тотчасъ переменяютъ дорогу и ускользаютъ отъ самыхъ тщательныхъ преслѣдованій. Основной законъ ихъ общества — никогда не подвергаться вѣроятности быть узванными, если только можно этого избѣгнуть; и такъ ненарушимо соблюдаютъ они это правило предосторожности, что надежда самой богатой добычи не заставитъ ихъ преступить его тамъ, гдѣ грозитъ опасность.

«Всего ненавистнѣе въ характеръ фенсигаровъ то, что они часто давятъ людей изъ одного безчеловѣчія и для того, чтобъ упражняться въ своемъ ужасномъ искусствѣ: бываетъ слишкомъ много случаевъ, въ которыхъ они не могутъ оправдать своихъ злодѣйствъ даже корыстолюбіемъ. Замѣчательно, съ какимъ равнодушіемъ они смотрятъ на то, что ихъ почитаютъ извергами. Они сами признаютъ себя за звѣрей, одаренныхъ разумомъ, и этотъ даръ дѣлаетъ ихъ только опаснѣе для общества, съ которымъ они въ вѣчной войнѣ. Они безъ стыда приравниваютъ себя къ тиграмъ и утверждаютъ съ логическими доводами, вполне достойными ихъ ремесла, что какъ эти дикіе звѣри побуждаются необходимостью и исполняютъ свое предназначеніе терзая другихъ животныхъ, такъ и они истребляютъ только тѣхъ, кого имъ выгодно и кто составляетъ поэтому ихъ естественную и законную добычу. Притомъ же, говорятъ они, люди, которыхъ мы давимъ, предназначены быть убитыми; мы только исполняемъ неизбѣжный приговоръ судьбы. Фатализмъ лишаетъ ихъ всякой способности къ раскаянью.»

Любопытно было бы знать, не существуетъ ли у фенсигаровъ чего-нибудь подобнаго тому чиновачалію, какое было у Ассасиновъ. Легче представить себѣ общество людей слѣпымъ орудіемъ нѣкоторыхъ, чѣмъ поголовно безчеловѣчнымъ.

ПРОСТОНАРОДНЫЕ СВЯТОЧНЫЕ ОВРЯДЫ. Въ Англіи, за нѣсколько дней до Рождества начинаются въ большей части городовъ ночное пѣніе и музыка по улицамъ. Въ Голландіи восемь ночей передъ праздникомъ и восемь ночей послѣ, *кляпперманъ*, или сторожъ, возглашая часы, подъ утро приба-

вляеть къ этому смѣшную пѣсню, въ которой совѣтуетъ обывателямъ вѣсть кашу съ изюмомъ по случаю праздниковъ и класть въ нее патоки, отчего она будетъ еще вкуснѣе.

Обряды, которыми знаменуется канунъ Рождества, и которые были прежде общеупотребительны на западѣ Европы, дышать весельемъ, представляющимъ пріятную противоположность съ печальнымъ временемъ года. Дома и церкви украшаются вѣтвями всегда зеленыхъ деревьевъ, которыя обыкновенно покрыты въ эту пору спѣлыми ягодами. Веселыя пѣсни раздаются въ деревняхъ, слышится музыка ночныхъ сторожей; въ полночь начинаютъ звонить въ колокола: все это, вмѣстѣ съ воспоминаніями дѣтства, шевелить даже и самое лѣнливое воображеніе.

У простаго народа бездна смѣшныхъ преданій по случаю этого дня, и ночь передъ Рождествомъ бываетъ свидѣтельница множества суевѣрныхъ наблюденій. Въ цѣлой Англии существуетъ повѣрье, что если войти въ хлѣвъ ровно въ полночь, найдешь весь скотъ на козвѣняхъ. Многіе убѣждены, что пчелы покоются въ ульяхъ, привѣтствуя наступающій день праздника. Это повѣріе распространено почти во всей католической и протестантской Европѣ.

Вечеромъ женщины ни за что не оставятъ кудели на прялкахъ, чтобъ чортъ не вздумалъ съѣсть за работу вмѣсто нѣхъ. Молодыя дѣвки даютъ этому другой толкъ: онѣ говорятъ, что если не допрясть кудели наканунѣ Рождества, прялка пойдетъ за ними въ церковь при вѣнчаніи и мужа нѣхъ подумаютъ, что они Богъ-вѣсть какія лѣнтяйки. Если недосуго допрясть, онѣ по-крайней-мѣрѣ солятъ кудель, чтобъ сохранить ее отъ сатанинской силы. Если нитки останутся на мотвилѣ, нѣхъ не снимаютъ какъ обыкновенно, а разрѣзываютъ.

Изъ всѣхъ годовыхъ праздниковъ ни одинъ не отличается такимъ множествомъ обрядовъ, воспоминаній и примѣтъ, какъ Рождество. Надобно знать, что время, въ которое западные христіане празднуютъ его, соответствуетъ тому, которое языческіе Готы посвящали солнцу, по случаю зимняго солнцестоянія, и которое называлось у нихъ Юль, Yule, Jul.

Это торжество было у народовъ сѣверозападной Европы порою великихъ жертвоприношеній. Датчане приносили ка-

жется человѣчскія жертвы ; Готы кабана , потому что это животное посвящено солнцу , какъ у Персовъ конь . И до сего времени крестьяне въ этихъ краяхъ пекутъ въ Рождество кабановъ изъ тѣста , ставятъ ихъ на столъ вмѣстѣ съ другими яствами и не трогаютъ во весь праздникъ , думая , что отъ этого зависить ихъ благополучіе . Печеный кабанъ называется Julagalt . Въ другихъ мѣстахъ довольствуются печенымъ поросенкомъ .

Въ Шотландіи берегутъ послѣднюю горсть хлѣба , сжатую лѣтомъ , и раздають ее лошадямъ и коровамъ утромъ въ Рождество , чтобы предохранить ихъ на весь годъ отъ болѣзней . Встарину , первое блюдо , которое подавали въ этотъ день у каждаго добраго Англичанина , была кабанья башка въ укусъ и съ лимономъ въ пасти . При этомъ пѣли пѣсню , которая и теперь еще сохранилась въ одномъ Оксфордскомъ коллегіумѣ .

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Шотландіи есть примѣта , что кто первый отворить дверь въ праздникъ Юля , тотъ будетъ счастливъ во весь слѣдующій годъ , потому что онъ *впустилъ* Юля . Для этого языческаго божества иные по-сю-пору накрываютъ приборъ и ставятъ хлѣбъ съ сыромъ и какой-нибудь напитокъ . Каждый гость долженъ отвѣдать этой жертвы ; если жъ уйдетъ безъ этого , дурная примѣта .

Объ-Рождествѣ , въ Новый годъ , въ первый январскій понедѣльникъ и 3 мая суевѣрные люди въ Шотландіи ни за что не дадутъ угольевъ сосѣдямъ , опасаясь колдовства и порчи , какъ древніе Римляне .

Въ западныхъ областяхъ Англіи кланяются объ-Рождествѣ яблонямъ , чтобъ онѣ были плодоноснѣе на слѣдующій годъ . Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обыватели совершаютъ ходы по плодовымъ садамъ и кланяются одному какому -нибудь дереву , произнося родъ заклинанія или заговора ; послѣ того поливають дерево яблочнымъ сокомъ или разбиваютъ объ него кубокъ съ этимъ напиткомъ , все для урожая .

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ Рождественской ночи дѣлають особенныя свѣчки , такія толстыя , что онѣ горять съ вечера наканунѣ праздника до исхода слѣдующаго дня , и если погаснутъ прежде , это предзнаменуетъ несчастье въ семействѣ . Въ сѣверной Шотландіи лавочки дарятъ Юлевыя свѣчи

своимъ покупщикамъ : строгіе наблюдатели суевѣрныхъ обрядовъ даютъ имъ горѣть, пока онѣ сами погаснутъ ; другіе напротивъ задуваютъ ихъ прежде, и берегутъ огарки въ видѣ талисмановъ.

Въ Англіи есть множество другихъ суевѣрій, которыхъ мы не будемъ исчислять : ограничимся двумя или тремя приемами. Кто-нибудь изъ членовъ семейства встаетъ въ Рождество ранѣе всѣхъ другихъ и приготовляетъ завтракъ, который они должны скушать на постели. Завтракъ этотъ обыкновенно состоитъ изъ пирожковъ съ яйцами. На каждого человѣка въ домъ, печется по пирожку, и чей пирогъ развалится во время печенія, тому не дожить до будущаго праздника.

Наканунъ Рождества кладутъ въ огонь претолстое полѣно, которое должно горѣть во весь слѣдующій день, а если можно, и долѣе. Для зажженія его стараются имѣть головню, сбереженную отъ прошлогодняго полѣна и служившую предохранительнымъ средствомъ отъ всякой напасти. Пока Рождественское полѣно не потухнетъ, всей домашней чледи отпускается къ столу пиво.

29 декабря, когда празднуется память избіенія младенцевъ царемъ Иродомъ, встарину обыкновенно будили дѣтей плетью, чтобы хорошенько вбить имъ въ память это кровопролитіе и хоть сколько-нибудь дать почувствовать страданія юныхъ мучениковъ. День, въ который приходился этотъ праздникъ, почитали чернымъ во весь годъ и боялись больше нежели мы понедѣльника.

АНГЛІЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА. Первые Англійскія газеты обязаны своимъ происхожденіемъ политикъ лорда Бёрли, который, въ царствованіе королевы Елисаветы, когда Испанія угрожала Англіи вторженіемъ, велѣлъ издавать вѣдомости для обнародованія намѣреній непріятеля и мѣръ, какія должно противъ него принимать. Но только, во время войны Карла I съ парламентомъ, начали постигать всю важность, какую могли имѣть эти ежедневные листочки. Приверженцы короля и его противники равно старались употребить въ пользу газеты, перетолковывая происшествія каждый въ собственную выгоду и опровергая лож-

ныя извѣстія , въ которыхъ обѣ стороны взаимно обвиняли другъ друга.

Громкая и быстрая гласность всего , что печаталось въ этихъ первоначальныхъ газетахъ, внушила людямъ, которые желали объявить о своихъ требованіяхъ или предложеніяхъ, счастливую мысль помѣщать ихъ въ газетахъ. Обязанности редактора сдѣлались при этомъ столько же различными отъ прежнихъ, сколько онъ были несходны съ нынѣшними. Редакторъ, который всегда почти былъ вмѣстѣ и хозяиномъ и издателемъ своего журнала , болѣе походилъ на нынѣшняго маклера или аукціонера чѣмъ на директора огромнаго предпріятія, которое въ наше время бываетъ или литературнымъ , или политическимъ, или коммерческимъ. Въ доказательство, мы выпишемъ нѣсколько объявленій одного журнала, который издавался въ 1697 году:

«Мнѣ нужна кухарка для одного богатаго купца», лаконически объявляетъ редакторъ.

«У меня продается шоколатъ перваго сорта, говоритъ онъ далѣе, съ пряностями и ванилью или безъ *оныхъ*. Могу увѣрить, что нѣтъ ничего лучше для возстановленія слабыхъ желудковъ, для укрѣпленія силъ и содержанія въ бодрости: за доброкачественность я отвѣчаю.»

«Я знаю многихъ особъ обоего пола, для которыхъ родители желали бы найти хорошія партіи: Я буду за нихъ стараться, какъ скоро услышу объ людяхъ , которые по званію и по достатку покажутся мнѣ для нихъ соотвѣтственными. Если имъ угодно будетъ ко мнѣ пожаловать, я готовъ служить имъ со всей деликатностью и скромностью, какихъ они могутъ пожелать. Сами родители не доставятъ имъ больше удовольствія. Чѣмъ многочисленнѣе будутъ мои довѣрители, тѣмъ болѣе я буду въ силахъ сдѣлать каждому угодное.»

Изъ этого видно, что въ то время объявители обыкновенно скрывали свое имя, а всѣми ихъ дѣлами управлялъ газетчикъ. Онъ пріискивалъ мѣста, отдавалъ въ наемъ, продавалъ, и даже волочился за той, которая печатала у него объявленія. Нынче услужливость редактора нѣсколько ограниченнѣй. Зато новѣйшій журналъ есть такое предпріятіе, о которомъ въ старыя годы нельзя было и подумать. Кромѣ лицъ, занятыхъ типографическими подробностями, редакто-

ры, сотрудники, переводчики при каждомъ Лондонскомъ журналѣ составляютъ фалангу отъ десяти до двадцати литераторовъ, всегда готовыхъ приносить свои труды въ пользу предприятия по первому зову. Они умѣютъ всюду пробраться, — то въ шумныя собранія знати или чернорабочихъ, то на мѣсто казни какого-нибудь важнаго преступника, то въ Вестминстерское Аббатство на коронацію короля.

Новѣйшій Англійскій журналъ считаетъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ людей всехъ сословій. Знаменитѣйшіе государственные люди не пренебрегаютъ сношеній съ главнымъ редакторомъ журнала, и въ то же время простолюдинъ, который случайно увидѣлъ какое-нибудь происшествіе, сейчасъ бѣжитъ рассказать его въ ближайшую журнальную контору. Несмотря на всѣ предосторожности редакціи, она бываетъ невольною жертвою ложныхъ вѣстовщиковъ, которые, въ добавокъ, еще величаются именемъ журналистовъ и вредятъ въ общемъ мнѣнію хорошихъ литераторамъ.

Извѣстно, что первыми журналами Европа обязана Итальянцамъ. Слово *gazetta* происходитъ по мнѣнію однихъ отъ *gazza*, сороки, по причинѣ ея болтовни, а другіе производятъ его отъ названія мелкой Венеціанской монеты, которую платили за эти періодическіе листки. Первые публичные вѣдомости разносились въ Венеціи съ дозволенія правительства и выходили однажды въ мѣсяць; но до исхода шестнадцатаго столѣтія онѣ были рукописныя, вѣроятно, для того чтобъ препятствовать распространенію ихъ въ чужихъ краяхъ.

Въ теченіе почти всего семнадцатаго столѣтія журналы выходили въ Англій въ неопредѣленные сроки; потомъ начали ихъ издавать по одному или по два раза въ недѣлю, и наконецъ первый ежедневный журналъ возникъ по отреченію Іакова II, подъ названіемъ *The Orange Intelligencer*. Въ царствованіе королевы Анны, журналы стали примѣшивать къ политикѣ литературу; вскорѣ изыщный Аддисонъ вовсе изгналъ политикъ изъ своего занимательнаго листка *Spectator*: съ той поры литературные журналы и газеты въ собственномъ смыслѣ сдѣлались совершенно отдѣльными изданіями.

Первоначально форматъ журналовъ былъ очень малъ, но съ 1713 года пошлина, которою ихъ обложили, и другія обстоятельства заставили увеличить форматъ и вмѣстѣ цѣну. Несмотря на обиліе важныхъ происшествій, которыми ознаменовалась первая половина восемнадцатаго вѣка, редакторы были часто въ большомъ затрудненіи чѣмъ наполнить свои маленькіе столбцы. Въ 1750 году, Личестерскій Журналъ, который печатался въ Лондонѣ и пересылался въ провинцію по почтѣ, былъ вынужденъ давать извлечія изъ Библии, начиная съ Книги Бытія до десятой главы Исхода. Сравните этотъ недостатокъ въ новостяхъ съ удивительнымъ богатствомъ извѣстной нынѣшней газеты Times, которая даетъ въ каждомъ листѣ около полутора ста тысячъ словъ, то есть, около шестидесяти страницъ въ осьмушку обыкновенной печати!

Во всей Европѣ ведется обыкновение, что читатели журналовъ должны на нихъ подписаться, то есть, внести деньги впередъ: въ Англии это совсѣмъ иначе. Тамъ всякой, кто хочетъ читать газету, обращается къ журнальнымъ комисіонерамъ или маклерамъ, которые каждый день въ часъ раздачи являются въ контору журнала и покупаютъ столько экземпляровъ, сколько имъ нужно для заказчиковъ: число это измѣняется очень часто, потому что читатель можетъ ежедневно мѣнять журналъ по произволѣнію. Обыкновенная цѣна журнала семь гривенъ въ день; но комисіонерамъ дѣлается уступка.

Самый могущественный журналъ есть, какъ извѣстно, газета Times: ея расходуется десять тысячъ экземпляровъ ежедневно. За нею слѣдуетъ Morning Herald, котораго продается восемь тысячъ; Morning Chronicle около четырехъ тысячъ, и Morning Post, который особенно распространенъ въ высшемъ кругу.

Главный редакторъ хорошаго журнала получаетъ за труды отъ пятнадцати до двадцати пяти тысячъ рублей, а редакторскій помощникъ отъ десяти до пятнадцати тысячъ. Всѣ издержки по редакціи первостепеннаго утренняго журнала простираются до шести тысячъ рублей въ недѣлю. Вечерніе журналы обходятся гораздо дешевле, потому что большую часть новостей заимствуютъ они изъ утреннихъ, и

слѣдственно люди, которые надъ ними трудятся, получаютъ гораздо мѣншую плату.

Заклучимъ эту статью исчисленіемъ всѣхъ журналовъ, которые выходятъ въ Великобританскомъ королевствѣ и его колоніяхъ.

Лондонскіе журналы :

Ежедневные утренніе : The Times, Morning Advertiser, Morning Chronicle, Morning Herald, Morning Post, Public Ledger.....	6.
Ежедневные вечерніе : The Standart, Globe, Albion, Courier, Sun, True Sun.....	6.
Журналовъ, выходящихъ по три, по два и по одному разу въ недѣлю.....	41.

Областные журналы :

Англійскихъ.....	186.
Шотландскихъ.....	50.
Ирландскихъ.....	76.
Издаваемыхъ на островахъ Джерси, Гернси и Мень.....	11.
Гибралтарскій.....	1.
Восточно-Индійскихъ.....	26.
Западно-Индійскихъ.....	20.
Африканскихъ.....	13.
Австральскихъ.....	16.
Англо-Американскихъ.....	19.

Всего 471.

ТРАГЕДІИ ШЕКСПИРА НА СЦЕНѢ. Много было толковъ, отчего безсмертныя творенія перваго изъ новыхъ драматурговъ гораздо болѣе удивляютъ, нравятся, поражаютъ въ чтеніи нежели на сценѣ, тогда какъ другія, несравненно низшія плоды драматической поэзій иногда довольно долго увлекаютъ зрителей могущественнымъ театральнымъ эффектомъ. Еще недавно мы слышали мнѣніе какого-то критика, будто сценическій недостатокъ Шекспировыхъ пьесъ происходитъ оттого, что поэтъ, сочиняя ихъ для своихъ современниковъ, не рассчитывалъ на декорации и другія средства новѣйшей сцены. Эта мысль, если и допустимъ справедливость ея въ нѣкоторой степени, рѣшаетъ вопросъ только съ одной, и то съ самой матеріальной, стороны. Чтобы развернуть всю его обширность и значительность мы предложимъ соображенію нашихъ читателей сужденіе объ

этомъ извѣстнаго Англійскаго критика Лема, съ которымъ мы уже нѣсколько разъ сводили ихъ въ Б. для Ч.

«Мое мнѣніе можетъ казаться парадоксомъ, говоритъ Лемъ въ своихъ *Essays of Elia*, по не могу не почитать пьесъ Шекспира менѣе предназначенными для сцены чѣмъ созданія какого бы то ни было другаго драматурга. И причиной этому ихъ особенное превосходство. Въ нихъ слишкомъ много такого, что не входитъ въ область актерской игры, съ чѣмъ ни взглядъ, ни голосъ, ни телодвиженія не имѣютъ ни какой связи.

«Высшая слава сценическаго искусства — олицетвореніе страсти; и чѣмъ страсть грубѣе, чѣмъ она осязательнѣе, тѣмъ болѣе дѣйствующее лице овладѣваетъ глазами и слухомъ зрителей. Поэтому ссорныя сцены, въ которыхъ два лица заговариваютъ другъ друга до бѣшенства и потомъ къ удивленію постепенно затихаютъ, всегда производятъ сильное дѣйствіе. И очень не мудро: зрители возбуждаются здѣсь гораздо ощутительнѣй; они настоящіе судьи этого словеснаго боя, настоящій кружокъ, который давится и тѣснится около «умственныхъ пѣтуховъ». Здѣсь главное дѣло въ подражаніи разговорѣ. Но во всѣхъ лучшихъ драмахъ, и особенно въ Шекспировыхъ, образъ рѣчи, въ разговорѣ или въ монологѣ, есть только средство, и часто пренебрежимое средство, для ознакомленія читателя или зрителя съ внутреннимъ устройствомъ и дѣйствіями духа какого-нибудь лица въ той степени, въ какой бы онъ не могъ узнать ихъ иначе, развѣ обладая даромъ ясновидѣнія.

«Въ сценическомъ представленіи все сводится на декламацию. Каждое дѣйствующее лице обязано быть витіею: начиная съ шумливыхъ кощунствъ Балзета до трепетной женской робости, все ораторствуетъ. Страстные бесѣды Ромео и Юліи, эти серебряные звуки любви среди ночи; болѣе короткая и святая сладость разговора Отелло и Постума съ ихъ женами, всѣ эти нѣжные оттѣнки, которые такъ восхитительны въ чтеніи, какъ оскверняются, какъ уклоняются они отъ своей природы выставкою передъ многочисленнымъ собраніемъ, когда такія слова, какія Имогена обращаетъ къ своему мужу, выходятъ на заказъ изъ устъ

наемной актрисы, у которой на умъ совсѣмъ не Посттумъ, а зрители, суди ея ласкъ и любовныхъ восторговъ!

«Между отличительными чертами чуднаго Гамлетова характера, одну изъ самыхъ интересныхъ составляетъ та горечь души, которую онъ обнаруживаетъ въ поступкахъ съ Полоніемъ, и та жесткость, которую онъ даетъ чувствовать Офеліи. Эти признаки разстроеннаго духа, — если въ послѣднемъ они не соединены съ глубокой хитростью любви, чтобъ отчуждить Офелію притворной непривѣтливостью и приготовить ея сердце къ разрыву связи, которая не могла долѣе существовать среди важныхъ дѣлъ, предпринятыхъ Гамлетомъ, — эти признаки разстроеннаго духа, повторимъ мы, суть такія части Гамлетова характера, съ которыми примиряемъ мы удивленіе къ остальному только внимательною душой надъ его положеніемъ; мы извиняемъ ихъ послѣ и объясняемъ цѣлостью его характера, но въ то время, на первый разъ, онѣ кажутся намъ жесткими и неприятными. Между-тѣмъ актеръ до того чувствуетъ необходимость сильно дѣйствовать на зрителей, что онъ всегда преувеличиваетъ и напрягаетъ до высшей степени эти двумысленныя черты, эти мимолетныя безобразія характера. Онъ заставляетъ Гамлета грубо издѣваться надъ Полоніемъ, что совершенно унижаетъ его чувство приличій и чего нельзя оправдать ни какимъ объясненіемъ; онъ заставляетъ его показывать презрѣніе, подымать носъ передъ Офеліиннымъ отцемъ: это — презрѣніе въ самомъ грязномъ, въ самомъ ненавистномъ видѣ, но актеръ зарабатываетъ рукоплесканія. Всѣ говорятъ, что это естественно какъ-нельзя больше: то есть, слова презрительны, и актеръ выражаетъ презрѣніе, — это каждому очевидно; но сколько тутъ нужно презрѣнія и какого рода, объ этомъ никто не вздумаетъ спросить.

«При представленіи Ричарда III, мы видимъ только его злодѣйства: убійца передъ нами, но гдѣ высокій геній? гдѣ человѣкъ съ необъятной способностью? глубокомысленный остроумный, даровитый Ричардъ?

«Дѣло въ томъ, что Шекспировы характеры составляютъ болѣе предметы размышленія чѣмъ любопытства по своимъ поступкамъ; читая его великія злодѣйскія роли, Макбета, Ричарда, даже Яго, мы не столько заняты ихъ преступле-

ниднн , сколько честолюбіемъ , отвагою , умственной дѣятельностью , которыя выносятъ ихъ за всѣ рубежи нравственности . Поступки имѣютъ надъ нами такъ мало дѣйствія , что въ то время , какъ внутреннія побужденія и духъ въ его развратномъ величіи привлекаютъ къ себѣ все вниманіе , самыя злодѣйства сравнительно становятся ничѣмъ . Но на сценѣ поступки заслоняютъ собой побужденія .

«Взгляните на Лира : старикъ , который бродитъ по сценѣ съ посохомъ , изгнанный въ дождливую ночь своими дочерьми , — жалкая и неприятная картина . Хотѣлось бы дать ему убижище , помочь ему . Вотъ все , что вы чувствуете , смогри на Лира . Но Лира , Шекспирова Лира , нельзя выводить на сцену . Ничтожный механизмъ , которымъ передразниваютъ бурю , когда онъ вышелъ изъ дворца , такъ же способенъ изобразить ужасъ настоящихъ стихій какъ актеръ представить Лира : скорѣе олицетворите вы Мильтонова сатану или одно изъ Микель-Анджеловыхъ страшилищъ . Величіе Лира не въ тѣлесныхъ , но въ умственныхъ размѣрахъ ; взрывы его страсти такъ же ужасны какъ волканъ ; это вихри , которые крутятъ океанъ души и вскрываютъ его до дна со всѣми сокровищами . На сценѣ мы видимъ одни телѣсные недуги и немощь бышенства ; когда мы читаемъ , мы не видимъ Лира , мы сами Лиръ , мы у него въ душѣ ; насъ поддерживаетъ величіе , которое посмѣвается злобѣ и дочерей и вихря ; въ уклоненіяхъ его разсудка мы открываемъ чудесную умственную силу , не образованную по обычнымъ житейскимъ потребностямъ , но являющую свое могущество произвольно какъ вѣтеръ , который дуетъ , гдѣ хочетъ , надъ развратомъ и злобою людей . Что общаго глазамъ и голосу съ этимъ выпренимъ сравненіемъ его лѣтъ съ лѣтами небесъ , когда упрекая ихъ въ потворствѣ несправедливыхъ его дѣтямъ , онъ говоритъ : «Вы сами стары!» Какое тѣлодвиженіе приспособите вы къ этому ? какой взглядъ какой голосъ ?

«Лира рѣшительно нѣтъ возможности представить на сценѣ . Но сколько у Шекспира драматическихъ лицъ , которыя хотя и представимы , однако по какому-нибудь обстоятельству , по какой-нибудь принадлежности характера , не могутъ безъ неблагопріятнаго впечатлѣнія явиться передъ нашими

глазами. Возьмемъ на примѣръ *Отелло*. Ничто въ чтеніи не можетъ быть усладительнѣй, лестнѣе для благороднѣйшихъ чувствъ нашей природы, какъ молодая Венеціанка знатнаго происхожденія, какъ изъ любви и по сознанию достоинствъ своего любезнаго пренебрегаетъ всѣ отношенія родства, отечества и «цвѣта кожи», и выходитъ за чернаго какъ уголь Мавра : это совершенное торжество добродѣтели надъ случайностями и воображенія надъ чувствами. Дездемона видитъ цвѣтъ *Отелло* въ его душѣ. Но на сценѣ, когда воображеніе теряетъ свое господство надъ зрителемъ, не забываемъ ли мы о душѣ для цвѣта кожи? Не находимъ ли чего то отвратительнаго въ супружескихъ ласкахъ *Оттелло* и Дездемоны? И не перевѣшиваетъ ли дѣйствительное зрѣлище того прекраснаго впечатлѣнія, какое мы приобретаемъ читая? Причина очевидна: чувствамъ нашимъ представляется столько дѣйствительности, сколько нужно для произведенія на нихъ непріятнаго дѣйствія, тогда какъ у насъ слишкомъ мало вѣры во внутреннія побужденія для того чтобъ побѣдить этотъ первый, неизбѣжный предразсудокъ. Читая эту пьесу, вы смотрите глазами Дездемоны, но, смотря на нее, вы поневолѣ смотрите собственными глазами. На сценѣ мы видимъ тѣло и тѣлесное дѣйствіе; читая мы сознаемъ почти только душу и ея движенія : это кажется достаточно и для объясненія разности въ удовольствіяхъ, которыми даритъ насъ одна и та же пьеса при чтеніи и на сценѣ.

«Само собою разумѣется, что если въ естественныхъ характерахъ Шекспира есть что-то такъ исключительно относящееся къ воображенію, что они не могутъ сдѣлаться предметами чувствъ, не подвергаясь перемѣнѣ и ущербу въ своемъ достоинствѣ, тѣмъ менѣе можно допустить представленіе лицъ другаго рода, которые введены Шекспиромъ для сообщенія нѣкоторымъ сценамъ особенной дикости и сверхъестественной возвышенности. Страшныя пѣсни вѣдьмъ въ его *Макбетѣ*, несмотря на гротескъ нѣкоторыхъ снадобьевъ ихъ адскаго варива, не производятъ ли на насъ при чтеніи самаго ужасающаго дѣйствія? Не чувствуемъ ли мы заклятія вмѣстѣ съ *Макбетомъ*? Можетъ ли какое нибудь веселье соединиться съ чувствомъ присутствія этихъ вѣдьмъ? Но попытайтесь перенести ихъ на сцену, и онѣ

сейчасъ превратятся въ старыхъ бабъ, годныхъ только для потѣхи мальчишкамъ. Вопреки старому правилу «вѣрять собственнымъ глазамъ», зрѣніе здѣсь разрушаетъ вѣру, и смѣхъ, какой возбуждаютъ въ насъ эти созданія на сценѣ, служить какъ-бы выкупомъ за тотъ ужасъ, который они вселяли въ насъ при чтеніи, когда мы уступили поэту свой разумокъ какъ дѣти своимъ нянямъ и старшимъ; мы хохочемъ своему ужасу какъ тѣ же дѣти, которымъ почудилось что-то въ потьмахъ и которыя торжествуютъ, когда появленіе свѣчи вдругъ разсвѣтъ ихъ тщетные страхи.

«Духовъ и волшебствъ нельзя представить на сценѣ, даже нельзя ихъ нарисовать: можно только въ нихъ вѣрять. Тщательность и точность въ обстановкѣ, которыхъ требуетъ роскошь вѣка, производятъ въ этихъ случаяхъ дѣйствіе, совершенно противное предположенному. То, что придаетъ подражанію столько живости въ комедіяхъ и въ пьесахъ обыкновенной жизни, положительно разрушаетъ очарованіе тамъ, гдѣ драма обращается къ фантазіи. Зала или гостиная, бібліотека дверями въ садъ, садъ съ альковымъ, улица, площадь, это еще сносно на сценѣ; мы даемъ декораціямъ столько вѣры, сколько онѣ требуютъ, или лучше, мы мало объ нихъ заботимся; для насъ онѣ почти все то же, что надпись «Явленіе такое-то; Садъ.» Мы не воображаемъ себя въ саду, однако жъ готовы допустить, что это на него похоже. Но если посредствомъ писанныхъ деревьевъ и пещеръ, которыя, мы знаемъ, намалеваны, вздумаютъ насъ перенести на Волшебный Островъ въ Шекспировой «Бурѣ» и разыграть на скрипкѣ тѣ сверхъ естественные шумы, которыми онъ былъ наполненъ, — это ужъ ни на что не похоже!

«Съ костюмами то же самое, что съ декораціями. Когда вы читаете, вашему воображенію представляется именно столько внѣшностей, сколько нужно, чтобъ вы чувствовали себя между живыми, тогда какъ большая и лучшая часть его занята мыслями и внутреннимъ механизмомъ характера. Но на сценѣ, въ декораціяхъ, въ одеждѣ, самыя ничтожныя вещи представляютъ вамъ на судъ свою естественность, развлекаютъ ваше вниманіе и вредятъ главному интересу драмы.» Мы думаемъ, что объясненіе Шекспира есть вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшее истолкованіе разницы его гения съ

драматическими приёмами Г. Виктор Гюгò у котораго все основано на грубомъ матеріальномъ эффектѣ сцены, костюма и декораціи.

ОВИЩЕЕ МНѢНІЕ О ВИКТОРѢ ГЮГО ВО ФРАНЦІИ. Мистрисъ Троллопъ, отдылавъ Американцевъ и Бельгійцевъ, принялась теперь за Французовъ; и чтобы лучше ихъ отдылать, повхата сама въ прошломъ году къ нимъ въ гости. Новое ея сочиненіе отличается тѣмъ же острымъ наблюденіемъ и той же рѣзкостью слога, которые прославили ее между жспами. Замѣчанія ея объ Американцахъ возбудили много пылкихъ опроверженій, и со вѣсѣмъ тѣмъ были вполне подтверждены другими путешественниками. Надобно желать, чтобы современемъ подтвердилось и то, что она говоритъ о общемъ мнѣніи Французовъ о Викторѣ Гюгò. Эта часть ся книги показала намъ весьма примѣчательною: мы выпишемъ нѣкоторыя мѣста.

«Недавно я собрала здѣсь кой-какія любопытныя подробности о нынѣшнемъ состояніи Французской литературы. Такъ называемая «безалаберная школа», *l'école décausue*, отнюдь не въ такой здѣсь модѣ, какъ вамъ, господа, кажется, когда вы читаете Французскіе журналы: объ ней отзываются съ величайшимъ презрѣніемъ не только вѣрные приверженцы старины, но и люди нашего времени, люди отличные и по талантамъ и по своему положенію въ обществѣ.

«Это невыгодное мнѣніе особенно замѣтно въ отношеніи къ Виктору Гюгò, который приобрьлъ за границею такое громкое имя. Мнѣ не случилось встрѣтить ни одного чело-вѣка съ образованнымъ умомъ и чистою нравственностью, который бы не отказывалъ господину Гюгò въ той степени славы, на какую иностранные критики возводятъ его въ своемъ воображеніи. Напротивъ, я могу сказать, что Франція чуть-ли не краснѣетъ сама за этого писателя. Много разъ я спрашивала у того и у другаго, что они думаютъ о такой-то его піесѣ: отвѣтъ былъ всегда одинаковъ: — «Не знаю, я не видалъ ея.» — Но, можетъ-статься читали? — «Нѣтъ, я не умѣю читать сочиненій господина Гюгò.»

«Одинъ Французъ, замѣтивъ настоятельность моихъ рас-просовъ о степени репутаціи, которою пользуется въ Па-

рижъ Викторъ Гюгò какъ человѣкъ гениальный и драматическій писатель, сказалъ мнѣ, что, подобно большей части иностранцевъ, я вѣроятно смотрю на Гюгò и его творенія какъ на типъ или образецъ нынѣшней Франціи. «Позвольте увѣрить васъ, прибавилъ онъ, что вы ошибаетесь. Гюго — только глава особой котеріи, верховный жрецъ секты, которая не признаетъ ни какихъ умственныхъ и нравственныхъ законовъ, руководствовавшихъ доннѣ умъ человѣчскій въ его подвигахъ. Онъ достигъ этого званія между своими, это бесспорно; но внѣ его котеріи никто не признаетъ его владычества и его почти не читаютъ.»

«Такъ, или почти такъ, говорили мнѣ девять изъ десяти человѣкъ, къ которымъ я относилась. Мнѣ кажется это доказательствомъ здравомыслія и хорошаго вкуса, которые дѣлаютъ честь Французамъ. Я этому радовалась, тѣмъ болѣе, что вовсе не ожидала подобныхъ сужденій. Въ твореніяхъ Гюгò такъ много мишуры, и мѣстами и чистаго золота, что мнѣ казалось очень естественнымъ найти огромную массу благоговѣнія къ этому писателю въ сердцѣ каждаго молодого, и слѣдственно не довольно разсудительнаго, человѣка. Склонность Гюгò къ живописи порока и ужасовъ, его глубокое презрѣніе ко всему, что признано вѣками за хорошее въ нравственности, человѣчествѣ и во вкусѣ, могли, по моему мнѣнію, согласоваться съ безпокойнымъ духомъ нынѣшняго времени и стяжать одобреніе тѣхъ, кто этотъ духъ распространяетъ. Но вышло напротивъ. Отдаютъ справедливость дикой силѣ и выразительности нѣкоторыхъ его описаній; однако тѣмъ и оканчиваюгся всѣ тѣ похвалы твореніямъ Гюгò, которыя я слышала въ его отечествѣ.»

«Смѣлыя, неожиданныя и блестящія завязки его отвратительныхъ драмъ необходимо обращаютъ на себя нѣкоторое вниманіе при первомъ разѣ: денежные выгоды содержателей театровъ отъ представленія піесъ, производящихъ подобное дѣйствіе, такъ очевидны, что ежели сочиненія господина Гюгò находили для себя зрителей, этимъ доказывалось только систематическій упадокъ Искусства; но, спустя нѣкоторое время, на театральныхъ афишахъ вы уже не видите новыхъ піесъ господина Гюгò, потому что онъ, удовлетворивъ первому любопытству публики, никого не привлекаютъ

на дальнѣйшія представленія. И вотъ, что замѣчательно, — всѣ до единого, они исключены изъ репертуара.

Этотъ фактъ сообщенъ мнѣ однимъ знающимъ человекомъ и подтвержденъ впоследствии многими. Онъ лучше всѣхъ, самыхъ высокопарныхъ, критикъ, обнаруживаетъ то мнѣніе, какое имѣеть дублика о драмахъ прославленнаго писателя.

Романъ Notre-Dame de Paris остается понынѣ лучшимъ изъ всѣхъ его сочиненій. Но хотя въ этомъ твореніи есть мѣста, въ которыхъ описательный даръ автора проявляется съ большимъ блескомъ, однако и объ немъ отзываются болѣе съ негодованіемъ нежели съ похвалою. Въ самыхъ почтенныхъ и истинно почитаемыхъ обществахъ, я слышала острые насмѣшки насчетъ Виктора Гюгò, которыя въ этомъ случаѣ будутъ противуядемъ, гораздо дѣйствительнѣйшимъ чѣмъ самыя строгія осужденія ученой критики.

«Но, можетъ-статься, вѣрный витязь порока, летописецъ грѣха, нищеты и вѣчестія, господинъ Гюгò скажетъ намъ, что иностранцы лучше понимаютъ его превосходства чѣмъ Французы. Въ самомъ дѣлѣ Англійскій журналъ The Examiner провозглашалъ однажды, что романъ Notre-Dame de Paris долженъ стать наряду съ лучшими романами сирѣ Вальтера Скотта, и что онъ даже превосходитъ ихъ силою слога, жаромъ и вѣрностью въ изображеніи нравовъ взятой эпохи.»

«Что касается до послѣдняго преимущества, то я, находясь въ Парижѣ, имѣла случай слышать весьма оильное доказательство противнаго. Одинъ ученый законовѣдецъ, человекъ притомъ очень любезный, важный, и занимающій высокое мѣсто въ здѣшнемъ придворномъ кругу, показывалъ намъ однажды «Палаты Юстиціи». Введя насъ въ залу, гдѣ судятся преступники, онъ сказалъ, что эта зала описана Викторомъ Гюгò, и прибавилъ : «Господинъ Гюгò сдѣлалъ въ этомъ случаѣ большую ошибку, какъ онъ ошибается и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда хочетъ притвориться знающимъ старыя времена. При Людовикѣ XI уголовный судъ никогда не производился въ этомъ зданіи, и обряды, которые господинъ Гюгò описываетъ, гораздо больше походятъ на нынѣшніе чѣмъ на тѣ, которые онъ хотѣлъ описать.»

«Хотя общенародная поговорка, что о вкусах спорить не должно, обязывает насъ выслушивать терпѣливо всѣ людскіе толки, но, какъ бы то ни было, я не могу не дивиться, что снискался такой человекъ, который, сравнивая Виктора Гюгò съ сирь Вальтеромъ Скоттомъ, могъ найти палюму преимущества автору *Notre-Dame de Paris!*»

«Если бы погрѣшности писателей» безалаберной школы» были только литературныя, тогда, я думаю, очень немногіе взяли бы на себя трудъ ихъ обсуживать, и, такимъ образомъ, всѣ эти глупости померли бы тихою смертью тотчасъ послѣ своей попытки выглянуть на свѣтъ божій. Но сочиненіе господина Гюгò таковы, что могутъ вредить человечеству: они проповѣдуютъ ученіе — будто бы самыя чистыя, самыя сладкія склонности наши ведутъ насъ къ однимъ преступленіямъ, къ одному вѣроломству. Во всемъ, что онъ написалъ, я думаю, не найдется ни одной честной, невинной и святой мысли. Грѣхъ — его муза; ужасъ — его сопутникъ; стаи чудовищъ служатъ ему оригиналами, съ которыкъ онъ, всю жизнь списываетъ самыя отвратительныя портреты.

«Можно ли требовать еще лучшаго доказательства сумасшествія «безалаберной» части человеческого рода, когда мы видимъ, что люди этой части не только благоговѣютъ передъ уродливыми нелѣпостями, но даже думаютъ, или по крайней мѣрѣ, говорятъ, что авторъ этихъ нелѣпостей есть новый Шекспиръ? Шекспиръ! Чтобы воздать по заслугамъ писателю, оскорбляющему родъ человеческій пасквилями, которые онъ на него печатаетъ, нужно было бы оружіе крѣпче и острѣе того, какимъ можетъ управлять слабая рука женщины; но когда дѣло идетъ о сравненіи его съ Шекспиромъ, чувствую, что и я могу говорить. Какое великое право имѣетъ Шекспиръ на признательность, на любовь женщинъ! Ни одинъ человекъ, ни прежде, ни послѣ него, не проникалъ такъ глубоко въ сокровенныя изгибы нашего сердца; онъ одинъ умѣлъ изобразить насъ въ лицахъ Порціи, Дездемоны, Джульеты, Констанціи, Герміоны, Изабеллы, Корделии, Волоніи, Имогены. Посмотримъ же теперь, чѣмъ обязаны мы новѣйшему нашему портретисту. Кто его герои? Лукреція Борджія, Машинька Делормъ, Бланка, Магелона, Тисбелъ, ея соперница и образецъ супругъ Катери-

на, и еще нѣсколько дамъ на эту же статью, не считая героини его романа, Эсмемальды, которую Г. Бомверъ называетъ «нѣжнѣйшею женщиною, какая только была когда-либо изображена перомъ романиста», — Эсмемальды, которой всѣ прелести заключаются въ пѣніи и шласскѣ по улицамъ, и которая — нѣжное созданіе! — бывъ похищена молодымъ вонномъ въ ночной схваткѣ, вѣпшастся ему на шею, божится, что онъ чрезвычайно пригожъ, и съ этого времени оказываетъ къ нему самую неотвязную склонность, любить его съ какимъ-то чудеснымъ упрямствомъ, тогда какъ онъ не платитъ ей ни малѣйшей взаимностию, и только однажды, ночью, пьяный, оскорбляетъ ее своею наглою ласкою. Подлинно «нѣжная женщина»!

«Когда за границую говорятъ объ этомъ писателѣ, всегда приводятъ его успѣхи доказательствомъ господствующаго во Франціи умственнаго и нравственнаго разврата. Это было бы основательно, если бы отечественная репутація господина Гюго въ самомъ дѣлѣ была такова, какъ думаютъ ея приверженцы. Но, вмѣсто того, мнѣніе объ немъ соотечественниковъ служитъ двинимъ доводомъ, что ни сила воображенія, ни красота слога, ни жаръ въ живописи страстей, не доставятъ нынче автору прочной славы во Франціи, когда онъ, при всѣхъ этихъ достоинствахъ, оскорбляетъ добрые нравы и вкусъ. Если кто сомнѣвается въ этомъ, того я отсылаю къ источнику моихъ разысканій, — къ самой Франціи. Впрочемъ, есть одинъ фактъ, который можно видѣть и не ѣздя за-море: редакция Французскаго журнала *Revue de Paris*, желая сказать что-нибудь о новѣйшей драмѣ, не придумала ничего лучше какъ перевести цѣликомъ статью объ этомъ предметѣ, напечатанную въ *Quarterly Review*, и указала на источникъ, откуда взяла ее. (Эта статья и другая въ томъ же духѣ изъ *Edinburgh Review*, журнала противоположнаго цервому, были напечатаны въ Б. для Ч. въ теченіе 1834 года).

«Когда бы сочиненія Виктора Гюго были извѣстны только въ его отечествѣ, въ такомъ случавъ мнѣ пора бы ужъ васъ отъ него избавить; но, по-несчастію, они распространились всюду съ Парижскими лентами, и многіе иностранные критики увѣряютъ положительно, будто-бы Гюго низвергнулъ Расина. Поэтому я прошу еще нѣсколько минутъ терпѣнія:

позвольте представить вамъ обоихъ этихъ писателей. Я буду великодушна, — покажу вамъ господина Гюго въ *Le Roi s'amuse*, пьесъ, которая, по одному очень благоприятному для автора обстоятельству, была запрещена и черезъ это прославилась болѣе всѣхъ другихъ его драмъ.

«Въ первомъ припадкѣ радости, которую авторъ, добившись неумышленно такой чести, что пьесу его запретили, онъ кажется, совершенно лишился разсудка, и вотъ что онъ изволилъ написать въ предисловіи къ *Le Roi s'amuse*, между прочими вспышками безумія:

«Авторъ сперва сомнѣвался. Поступокъ былъ произвольный до невѣроятности. Авторъ никакъ не могъ думать, чтобы были такъ наглы, такъ глупы. Министръ далъ повелѣніе, отнялъ у автора его пьесу, отнялъ его право, отнялъ его собственность. Оставалось только посадить его, поэта! въ Бастилію. Да полно, было ли въ самомъ дѣлѣ что-нибудь такое, что называютъ июлскою революціею? Зачѣмъ эта цѣра? Кажется, наши ценсурные мастера думаютъ, что *Le Roi s'amuse* наноситъ ущербъ ихъ нравственности. Тѣ которые управляютъ нами, разъ уже сказали это о моихъ сочиненіяхъ: я велѣлъ имъ молчать. Знайте, что я не пишу вещей безнравственныхъ. Одного моего имени довольно для устранения такой мысли (!!!). *Le Roi s'amuse*, изволите видѣть, оскорбляетъ стыдливость Парижской полиціи! Она нашла ее неблагопристойною! Надзиратели питейныхъ домовъ зажмурили глаза! Видокъ покраснѣлъ!.... Тсъ, друзья мои! молчите объ этомъ. Давно ли запрещено волочиться на сценѣ за трактирной-служанкой? Авторъ хочетъ, чтобы искусство было целомудренно, а не лицемерно. Онъ весьма сожалѣетъ, что июльская революція кончилась такимъ образомъ.

«За этимъ слѣдуетъ краткое изложеніе гнусной и нелѣпой интриги, которой, героиня по-обыкновенію, обольщенная и погибшая дѣвушка. Въ заключеніе, господинъ Гюго говоритъ съ напыщенностью: «Основаніемъ одного изъ лучшихъ сочиненій автора былъ рокъ. Основаніемъ этого — Провидѣніе.»

«Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы кто ни-будь собралъ и напечаталъ отдѣльно всѣ предисловія господина Гюго. Не

медя въ минуты, я купила бы эту книжку, и она служила бы мнѣ неистощимымъ источникомъ потѣхи. Господинъ Гюгò говорить въ предисловіяхъ своихъ такимъ тономъ, которому, ~~предетъ-быть~~, нѣтъ примѣра въ литературѣ. Въ предисловіи, которое я приводила, онъ пишетъ еще: «Люди, «которые къ намъ придирается, право, мало выиграють «оттого, если мы, люди обречшіе себя Искусству, бросимъ «свои добросовѣстные, тихіе, искренные, душевные, — свои святые труды.»

«Скажите, что другое какъ не совершенное безуміе, могло поселить въ головѣ господина Гюгò мысль будто-бы скропаніе нѣсколькихъ неблагопристойныхъ драмъ есть «святой» трудъ?

«Но, возвращаясь къ дѣлу, рассмотримъ слегка основаніе, на которое опирается «безалаберная школа» драматическихъ писателей, ставя себя выше своихъ предшественниковъ, классиковъ.

«Это основаніе замѣчается въ томъ, что, будто-бы, они, «безалаберные» писатели, ближе къ природѣ. И чѣмъ они это доказываютъ? Если вы, — отъ чего, Боже, сохрани васъ, читали всѣ піесы господина Гюгò, я увѣрена, что вы не нашли въ нихъ ни одного лица, съ которымъ бы могли породниться душою, ни одного мнѣнія, ни одного чувства, которое бы нашло отголосокъ въ сердцѣ вашемъ. Было бы, кажется, гораздо естественнѣе краснорѣчиво-величественными стихами Расина раздражить ваше воображеніе до того, чтобы вы раздѣляли чувства его высокихъ героевъ, чѣмъ унижать вашу душу и ваше сердце до такой степени, чтобы вы вѣрили, будто имѣете нѣчто общее съ типами Виктора Гюгò. Но если бы это было и наоборотъ если бы картины изобрѣтенныя этимъ новымъ Шекспиромъ, въ самомъ дѣлѣ были болѣе сходны съ истинною испорченностью человѣческихъ нравовъ чѣмъ творенія низвергнутого имъ чистаго, благороднаго писателя, — все-таки я буду утверждать, что есть основательная причина писать для театра піесы, подобныя Расиновымъ. Начто намъ забавлять себя зрѣлищами порока во всемъ его безобразіи? Начто представлять нашимъ глазамъ однѣ только самыя гнусныя сграсти? «Театръ не дѣлаеть и не можетъ сдѣлать насъ лучшими.»

О, ежели такъ, то надобно бросить наши обработанные сады съ ихъ бархатной муравкою, съ мраморными нишестами, съ плодами всѣхъ климатовъ; надобно все это бросить, и идти на прогулку въ чертово болото, а если тамъ случится упасть, завязнуть въ гнилой и вонючей тьме, надобно считать себя мысляю, что чертово болото ближе къ природѣ ежели садъ.»

Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ мы предложимъ гораздо пространнѣйшее извлеченіе изъ книги мистриссъ Троллонъ.

НОВОЕ СОЧИНЕНІЕ ПОКОЙНАГО КНЯЗЯ ПЮКЛЕРЪ-МУСКАУ. Этотъ покойный князь живетъ теперь въ Парижѣ и пишетъ въ Германію письма къ пріятельницамъ. Изъ этихъ писемъ онъ составилъ недавно книгу, которая вышла по-Нѣмецки и по-Французски подъ заглавіемъ «Письма-летописи.» Парижъ восхищаетъ князя. Онъ ходитъ всюду, заглядываетъ во все углы, знакомится со всеми, и потомъ описываетъ все и во все тѣмъ же рѣчнымъ пріятельницамъ. Форма сочиненія очень пошла, но содержаніе его очень разнообразно и заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей о нынѣшнемъ Парижѣ. Мы выищемъ здѣсь наблюденія его свѣтлости надъ тамошними театрами.

«Нигдѣ, ни въ какой другой столицѣ, говоритъ онъ, не увидите вы спектаклей великолѣпнѣе тѣхъ, какими отличается театръ Большой Оперы подъ искуснымъ управленіемъ Г. Верона, хотя иногда встрѣчаются и здѣсь несовершенства. Недавно я видѣлъ вновь поставленную оперу «Донъ Жуанъ». Меня вездѣ и всегда восхищаетъ это торжество музыкальнаго искусства, эта поэтическая гармонія, почерпнутая изъ самыхъ сокровенныхъ тайниковъ природы и, по своему богатству, по вѣрности звуковъ, ни съ чѣмъ несравнимая, развѣ только съ безсмертными произведеніями Шекспира. Оркестръ и хористы исполняли свое дѣло какъ-нельзя лучше; но танцы, показались мнѣ весьма неумѣстными и худо придуманными. Также не вполнѣ доволенъ я пѣвцами: они опять принимаются за старую свою привычку кричать, которая дѣлала Французскую оперу смѣшною и дикою, и отъ которой, съ такимъ трудомъ, отучилъ-было ихъ

России. Появленіе въ концѣ пьесы толпы мертвецовъ и адскихъ духовъ несообразно съ правилами хорошаго вкуса, и, по моему мнѣнію, прежнее окончаніе «Донъ Жуана», написанное Моцартомъ и брошенное всѣми театрами, заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе поразительности и драматическаго интереса чѣмъ всѣ эти выходы изъ преисподней и другія шутовскія затѣи, которыми помрачаютъ великое твореніе. Моцартова развязка состоитъ въ томъ, что Донъ Жуанъ, при страшныхъ порывахъ музыки, увлеченъ командоромъ въ недра земли; послѣ чего веселый финаль означаетъ возвращеніе гостей, не знающихъ ничего о случившемся. Это точно такъ, какъ бываетъ на свѣтѣ. Но опера «Густавъ» представляется чудесно, и нельзя видѣть ничего совершеннѣе. Музыка очень хороша. Она написана Оберомъ, который, мимоходомъ сказать, человекъ очень остроумный и милый въ обществѣ. Въ этой оперѣ мнѣ удалось видѣть впервые то, чего не найдете вы почти ни на одномъ театрѣ въ Европѣ, — согласіе во всѣхъ частяхъ спектакля до ничтожнѣйшихъ мелочей, отъ первой пѣвицы и перваго пѣвца до фигурантовъ и декораций. Вамъ кажется, будто вы точно во внутренности королевскихъ палатъ, и вы видите передъ собою настоящій дворъ, настоящихъ вельможъ въ ихъ собственной сферѣ, а не актеровъ со звѣздами изъ фольги и съ лентами изъ гаруса. Я помню, когда въ Берлинѣ давали «Донъ Карлоса»: меня больше всего забавляли лохмотья, въ которыхъ наряжены были гранды, составляющіе свиту Филиппа II. Можно было подумать, что и самъ герцогъ Лерма взялъ на прокатъ у вѣтошника маскарадный нарядъ для свиданія съ его величествомъ. Здѣсь все великолѣпно и прилично: маскарадъ, которымъ оканчивается опера Густавъ, заставляетъ васъ совсѣмъ позабыть, что вы сидите въ театрѣ. Вообразите себѣ двѣ тысячи свѣчей и болѣе шести сотъ человекъ, одѣтыхъ въ пышные наряды и болѣею частію маскированныхъ прекрасно и замысловато. Я увѣренъ, что при Стокгольмскомъ дворѣ не бываетъ маскарадовъ лучше этого, и что сама существенность ни чѣмъ не превосходитъ этой искусно устроенной и прелестной поддѣлки.

«Комическая Опера, Feydeau, гдѣ ни музыка, ни пѣніе, не составляютъ главнаго, также очень удовлетворительна

для людей со вкусомъ. По пьесамъ, которыя тамъ даются, по игрѣ актеровъ и по особенной свѣжести декораций, этотъ театръ мнѣ нравится болѣе всѣхъ въ Парижѣ. Зала расположена прекрасно, и освѣщеніе одно изъ самыхъ превосходныхъ. Любимая моя опера, которую я видѣлъ два раза съ равнымъ удовольствіемъ, — *Ré-aux-Clercs*. Постановка въ отношеніи къ костюмамъ и декорациямъ, право, удивительна. Я еще не видалъ драматическаго лица, представленнаго лучше маркиза Комменжа, котораго роль здѣсь разыгрывается съ совершенствомъ. Сюжетъ оперы весьма занимателенъ отъ начала до конца. Декорация, представляющая часть города — *Ré-aux-Clercs*, съ старымъ Лувромъ и частію древняго Парижа, производитъ большой эффектъ. И надобно замѣтить, что въ эту эпоху Парижъ, съ своими готическими замками, которые возвышались въ разныхъ мѣстахъ надъ зубчатыми стѣнами домовъ, былъ гораздо живописнѣе чѣмъ нынѣ, въ дни правильности и однообразія.

Во Французскомъ Театрѣ я былъ только однажды, — хотѣлъ видѣть Скрибова *Bertrand et Raton*, отличнѣйшее произведеніе въ своемъ родѣ, то есть, въ родѣ пьесъ, примѣняющихся къ современнымъ происшествіямъ и лицамъ въ Парижѣ. Нельзя лучше играть роль Ратона, какъ она играется на этомъ театрѣ. Актеръ, во многихъ мѣстахъ, удивительно хорошо подражаетъ оригиналу, или по-крайней-мѣрѣ тому лицу (*Лафитту*), у котораго, какъ полагаютъ, заимствованы нѣкоторыя черты для этого характера. Пьеса очень забавна, и вообще представленіе идетъ какъ-нельзя желать лучше.

Въ Одеонѣ я видѣлъ драму Александра Дюма, «*Генрихъ III*». Она весьма дурно была разыграна.

«Мнѣ было любопытно видѣть представленіе котораго-нибудь изъ поэтическихъ, хотя очень странныхъ, произведеній Виктора Гюгô. Прочитавъ поутру въ журналѣ, что на театрѣ *Портъ-Сенмаргенскомъ* дають «*Лукрецію Борджіа*», я рѣшился прѣхать еще до поднятія занавѣса. Прежде всего меня поразило, что «*Лукрецію Борджіа*» здѣсь представляютъ какъ мелодраму, съ музыкой въ промежуткахъ разговора. Это можно допускать въ спектаклѣ мимическомъ; тамъ оно кстати. Но въ поэмы, которую авторъ и сего пріятели при-

числяютъ къ самымъ высокимъ произведеніямъ въ трагическомъ родѣ, несносно слышать отрывистые аккорды послѣ каждой тирады. Это — что-то площадное, ребяческое, на сколько несообразное съ благородствомъ и важностью трагедіи. Впрочемъ пѣса была разыграна съ большимъ искусствомъ; изложеніе предмета показалось мнѣ превосходнымъ, а конецъ третьяго дѣйствія извлекъ у меня нѣсколько слезъ. Но тутъ и прекратилась вся занимательность: катастрофа не тронула меня ни сколько; трагедія превращается въ ничтожную мелодраму, и я не могъ въ ней замѣтить ничего хорошаго, кромѣ той сцены, въ которой Лукреція и мужъ ея укоряютъ другъ друга. Здѣсь поэтъ воскресаеъ на одно мгновеніе. Мамзель Жоржъ, которой лице по-сю-пору чрезвычайно красиво, когда черты ея въ поковъ, — занимаетъ роль Лукреціи, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заставляетъ удивляться своей искусной, глубоко обдуманной, игрѣ. Но у ней недостаетъ той трагической выразительности, которая происходитъ прямо изъ души артиста и которою въ такой высокой степени обладали Тальма, миссъ О'Ниль и Нѣмецкій актеръ Флеккъ. Искусство и навыкъ могутъ близко подражать этому дару, но они никогда не найдутъ вѣрнаго пути къ сердцу зрителя, если даръ не дастъ самую природою. Оттого мамзель Жоржъ, въ жаркія минуты игры, дѣлаеъ отвратительныя гримасы. Притомъ она очень блѣдна, никогда не румянится, и имѣеъ большой ротъ съ альми, каршинными губами и такъ похожалцемъ на Піеррб, что почти нѣтъ возможности, глядя на нее, не помереть со смѣху. Роль Дженнаро была играна однимъ актеромъ безъ всякаго чувства. Это — какой-то трагическій денди, которому все наскучило, на котораго ядъ уже не производитъ нимальшаго дѣйствія, такъ, что онъ, кажется, пьетъ его вмѣсто негуса, и который закальваетъ свою мать съ такимъ же равнодушіемъ, съ какимъ бы онъ раздавилъ комара. Роль повѣреннаго Лукреціи была лучше сѣиграна: она и хорошо обработана самимъ авторомъ. Появленіе восьми гробовъ и продолжающіея послѣ опущенія занавѣса крики одного изъ отравленныхъ, распростертаго на полу съ своими товарищами, показались мнѣ глупымъ фарсомъ. Не такими средствами надобно достигать возрожденія драматическаго искусства. Кому жъ, отнимите у пѣсы невѣроятную завязку, будто-бы

Лукренія такъ долго не узнавала своего сына, — и всѣ эти убійства, которыя можно было бы отворотить, сдѣлаются лишними, какъ и совершенно лишень весь пятый актъ, придуманный только для того, чтобы растрогать зрителя сценой, неестественною и натянутою.

«На одномъ изъ меньшихъ театровъ даютъ, чуть-ли не въ сотый разъ, мелодраму «Вѣчный Жидъ». Это самая безнравственная и неблагопристойная пьеса, какую только я знаю, сущій наборъ глупостей, а не пьеса, и успѣхъ ея — для меня загадка. Правда, что одни только низшіе классы общества забавляются этимъ вздоромъ, но такой вкусъ между ними показываетъ въ нихъ весьма низкую степень умственной образованности.

«На театрахъ la Gaîté и l'Ambigu, гдѣ я, бывало, не безъ удовольствія смотрѣлъ нѣкоторыя мелодрамы, нынче вошло въ обычай давать представленія, въ которыхъ акты удивительно коротки, а антракты до невѣроятности длинны, такъ, что кто побывалъ въ этихъ театрахъ однажды, тотъ уже не захочетъ идти туда въ другой разъ.

«Театръ Водевильей держится въ прежнемъ достоинствѣ. Комикъ Арналь превосходенъ, и я убѣжденъ, что если бѣ доктора прописывали больнымъ хандрою смотрѣть на его игру, это средство имѣло бы очень полезное вліяніе на здоровье. Одна изъ лучшихъ его ролей — роль Теофила въ пьесѣ La Vocation. Тутъ Арналь представляетъ семинариста, который хочетъ избѣжать всѣхъ мірскихъ соблазновъ, но случайно остается наединѣ запертый съ хорошенькой дѣвушкой и — она обольщаетъ его.

«Парижъ теперь бѣденъ хорошими актрисами. Въ числѣ тѣхъ, которыхъ я видѣлъ, отличаются мадамъ Вольни (Леонтина Фё), на театрѣ Гимназіи, и мамзель Дежазё, въ Палё-Рояль. Онѣ обѣ обладаютъ замѣчательными талантами и пріятною игрою. Последнюю я видѣлъ только разъ, и она мнѣ показалась прелестной. Это было въ маленькой пьесѣ, «Новый Олофернъ». При поднятіи занавѣса, дѣвица Дежазё лежитъ и качается въ койкѣ, весело куря сигарку. Въ концѣ пьесы она должна притворяться влюбленною въ молодого неприятельскаго генерала. Цѣль этаго притворства — отру-

бить генералу голову; но легко угадать, что, вместо того, она выходит за него замужъ.»

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Valentine, Валентина*, драма въ двухъ дѣйствіяхъ Гг. Скриба и Мельвиль.

Одна изъ величайшихъ странностей нашего времени есть, такъ называемая, *женщина*. Скажите, что такое сдѣлалось съ нею? Какая чудная перемена произошла, въ послѣднія десять лѣтъ, въ физическомъ, политическомъ, философическомъ и нравственномъ состояніи «женщины», какъ говорится нынче! Прежде женщина была существо довольно счастливое; лѣтъ десять назадъ, женщинамъ еще не на что было жаловаться, кромѣ только глупыхъ шутокъ и плоскихъ насмѣшекъ Словесности и Комедіи. Въ царствованіе Наполеона онѣ еще были княгиня, графиня, баронессы; въ царствованіе Г. Скриба, были еще по-крайней-мѣрѣ богатая ищанки, окруженныя всеми наслажденіями роскоши и всемъ возможнымъ благополучіемъ. Онѣ сидѣли въ прелестныхъ уборныхъ, въ богатыхъ гостиныхъ, въ красивыхъ садахъ. Романисты и поэты, другъ передъ другомъ, надѣляли ихъ самыми роскошными нарядами, самыми нѣжными, изящными страстями, и всякой отдавалъ ихъ за самыхъ любезныхъ молодыхъ полковниковъ. Тогда была пословица — «Парижъ рай для женщинъ, адъ для лошадей».

Съ нѣкотораго времени, — если вѣрить Французскимъ романистамъ и драматургамъ, — лошадиный адъ сдѣлался и женскимъ адомъ. Въ книгахъ и на театрѣ только и видишь женщинъ, которыя сохнутъ, чахнутъ, изнываютъ подъ желѣзнымъ ярмомъ мужчины, и наконецъ падаютъ жертвою, — не любви, но своихъ несчастій, «тайныхъ бѣдствій своего женскаго пола и брака». Слыша, какъ онѣ стонутъ и плачутъ, видя, какъ онѣ ломаютъ себѣ руки, какъ талии ихъ сгибаются подъ бременемъ страданій, подумаешь, право, что всѣ эти ужасы происходятъ посреди какого-нибудь племени дикарей, гдѣ жены состоятъ на правахъ и исполняютъ самыя низкія обязанности. Бѣдняжки! ихъ закутываютъ въ шелкъ и бархатъ, надѣваютъ имъ на бѣлоснѣжную шейку жемчужныя ожерелья, въ уши даютъ брилліантовые серьги; строятъ для нихъ дворцы изъ мрамора съ расписыванными потоло-

ми, собираютъ для нихъ изъ всѣхъ странъ свѣта самыя рѣдкія растенія, окружаютъ ихъ благовоніями и гармонією: но, увы, онѣ за мужемъ за какимъ - нибудь честнымъ извергомъ рода мужескаго, злодѣемъ, который входя въ комнату, забываетъ снять шляпу!

О горе! трикратное горе! эти нѣжныя растенія воздѣлываются рукою грубаго садовника, мужа, который не хочетъ, чтобы первый попавшійся перескакивалъ черезъ заборъ супружества и за-разъ срывалъ цвѣтокъ, который онѣ такъ долго, такъ нѣжно хранили и лелѣли! О мужа жестокіе и безчеловѣчные! Они непрерывно заняты дѣлами, они работаютъ день и ночь, одинъ отправляется каждое утро въ судъ, другой въ департаментъ, третій ведетъ свой полкъ на битву, и они не хотятъ, чтобы ихъ нѣжныя половинны, — какъ говорилось встарину, — разогнали скуку одиночества невинною бесѣдою съ какимъ - нибудь юношею, блѣднымъ какъ его перчатки, которому нечего и дѣлать какъ толковать о любви!

Вотъ величайшее изъ несчастій несчастныхъ женъ новѣйшаго романа, которыхъ вѣчныя, однообразныя жалобы замѣнили живыя и веселыя насмѣшки прошедшаго вѣка надъ женщинами и бракомъ. Въ то время всѣ смѣялись надъ «мужемъ» и выставляли женъ торжествующими надъ глупостью и легковѣрностью дражайшихъ своихъ супруговъ; нынче объ нихъ жалуютъ, оплакиваютъ ихъ злополучную судьбу, ихъ тайныя скорби, хотятъ освободить ихъ отъ власти мужчинъ, а объ несчастныхъ мужахъ толкуютъ какъ о чудовищахъ, какъ о бѣлыхъ медвѣдяхъ. Вы, конечно, знаете женщинъ Шекспира, Расина, Шиллера, женщинъ столь трогательныхъ въ несчастіи, столь твердыхъ при ударахъ судьбы, столь благородныхъ въ страстяхъ. Посмотрите же теперь на женщинъ Г-жи Дюдеванъ, Гг. Бальзака, Сувестра и комп., на эти несчастныя, плаксивыя созданія, которыя падаютъ поминутно въ обморокъ, и имъ даютъ нюхать спиртъ; умираютъ, и ихъ возвращаютъ къ жизни поцѣлуемъ; которыя ратрепавъ волосы, — не свои, а накладные, — играютъ роль отчаянныхъ! Эти женщины плачутъ, какъ птица поетъ. Онѣ плачутъ, глядя однимъ глазомъ на зеркало, другимъ на любовника. Сбираясь упасть въ обморокъ, онѣ разчисляютъ

эффектъ, который должны произвести падая, знаютъ навѣрное, сколько вершковъ ноги должно выставить изъ подъ бѣленькаго платья, когда онѣ будутъ въ обморокъ, Смѣшныя несчастія! глупыя страданія! просторная чувствительность! Да и приключенія ихъ также странны какъ и чувствованія. Одну прославляютъ преступницей за то, что она вѣрна мужу; другая убѣгаетъ съ корсеромъ, потому что боится матери; третья упрекаетъ мужа, что у нихъ золотушныя дѣти; четвертая, супруга военнаго, беретъ любовника, назначаетъ ему свиданіе и, какъ мужъ возвращается, прячетъ любовника въ кабинетъ, но такъ неудачно, что раздавливаетъ ему дверью палець, — и любовникъ не крикнулъ! Подивитесь благородству чувствъ любовника! Ну, какой мужъ не зареветь, когда ему прижмутъ палець дверью? Слѣдственно, мужья — изверги, и женщины должны имѣть только любовниковъ. Много еще можно было бы привести примѣровъ. Всѣ эти исторіи одна вѣроятнѣе другой. Женщины два раза покинутыя. Женщины разъ пять обольщенныя. А между — тѣмъ все — женщины несчастныя; и не только несчастныя, — ужасно несчастныя. А между — тѣмъ какія онѣ все — образцы добродѣтели! Есть женщины, молодыя и прекрасныя, которыя изъ экономическихъ своихъ денегъ платятъ любовникамъ. Есть и такія, которыя ѣдутъ на балъ, когда отецъ ихъ, Горіодъ, умираетъ, и которыя однако жъ женщины самой нѣжной чувствительности. Есть иныя съ черными глазами, иныя съ голубыми, иныя съ однимъ глазомъ чернымъ, другимъ голубымъ; есть даже одна съ золотыми глазами. И всѣ онѣ столько же несчастны, сколько велики, благородны и достойны лучшей участи, по увѣренію вышерѣченной компаніи, къ которой присталъ нынче и Г. Скрибъ.

Г. Скрибъ, со всѣмъ своимъ искусствомъ и умнѣемъ шутить, вздумалъ поставить на театръ одну изъ тѣхъ нелѣпностей, которыя называются «сценами частной жизни». И ему такъ хотѣлось списать романъ Г-жи Дюдеванъ, что онъ не замѣтилъ, что вся эта исторія любовника, закладеннаго въ стѣнѣ, списана съ его, Скриба, оперы «Каменщикъ»!

Какъ бы то ни было, какой-то Наполеоновскій полковникъ, Г. Вальдини, женатъ уже два года на милой, тихой, робкой, нѣжной, слабой и прочая женщинѣ, и уже два года

мучить ее грубыми словами и повелительными взглядами: она бдѣнька не знаетъ, какъ ей вынести мучительства этого бандита. И въ самомъ дѣлѣ Г. Вальдини ужасенъ. Во-первыхъ онъ ревнивъ, во-вторыхъ грубъ, въ третьихъ жестокъ, а въ четвертыхъ онъ женатъ на двухъ женахъ. Еще прежде Валентины, женился онъ въ Испаніи на одной Италіянкѣ, которая не хуже его самага. Онъ дрожитъ передъ первою женою, также какъ вторая передъ нимъ.

Изнывая подъ тяжкимъ гнетомъ супружества, Валентина однако жъ любитъ втайнѣ одного молодого Испанца, Лару. Она долго противилась этой любви, считая ее преступною; но узнавъ изъ письма Италіянки, что Вальдини не законный мужъ ея, она предается своей страсти и назначаетъ Ларѣ свиданіе ночью, въ своей спальнѣ. Вы можете вообразить, съ какимъ восторгомъ тотъ является. Но, увь, посреди ихъ нѣжныхъ разговоровъ, на дворѣ слышится конскій топотъ. Мужъ пріѣхалъ домой! Вальдини, какъ всегда, сердитъ и бѣшенъ; сердце Валентины разрывается отъ однихъ звуковъ его голоса. Но что случилось съ нею, когда мужъ находитъ веревочную лѣстницу и открываетъ чуланъ въ стѣнѣ, въ которомъ спрятался любовникъ! Испанецъ тутъ; онъ безъ оружія; онъ скорѣе умирать, чѣмъ предать свою любезную: онъ погибъ.

Вальдини, замысливъ мщеніе, велитъ подать ужинъ и посылаетъ за каменщикомъ. Ужинъ приносятъ, каменщикъ является съ лопаткою, глиной и кирпичами. Валентина садится подлѣ мужа; каменщикъ принимается за работу. Валентина трепещетъ, мужъ смотритъ на нее и ѣстъ, каменщикъ поетъ и работаетъ. Это страшно, тѣмъ болѣе, что стѣна поднимается быстро. Но что жъ дѣлаетъ Валентина? Нѣтъ ни какой возможности спасти несчастнаго, который за нее умираетъ! Вальдини торжествуетъ, Валентина терзается.

Но вдругъ, у дверей останавливается карета. Это Италіянка; это настоящая, первая синьора Вальдини пріѣхала за — мужемъ. Вальдини внѣ себя отъ страха, забываетъ мщеніе и бѣжитъ отъ первой жены. Валентина бѣжитъ къ Ларѣ и съ нимъ убѣгаетъ.

Г. Скрибу рѣдко удавалось написать что-нибудь хуже этого. Это еще безтолковѣе романа Г-жи Зандъ. Но за то какъ

много ужаса разбросано въ этой драмѣ, какъ дрожши въ все время за Валентину и Лару, и какъ стыдишься послѣ, что ищешь слабость дрожать!

2. L'Éclair, *Молнія*, комическая опера въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Сень-Жоржа и Планара, музыка Галеви.

Дѣйствіе происходитъ въ Бостонѣ. Оно, конечно, немножко странно: Американцы, которые вздыхаютъ какъ настуха времянь Людовика XV, Американки, которыя поютъ дуэты съ Золовою арфой: мистриссъ Троллопъ, капитанъ Базиль Голль, Г. Токвилъ, Г. Бомонъ, не такъ представляютъ намъ господъ толстыхъ Съверо-Американскихъ купцевъ, которые на желѣзныхъ дорогахъ, на пороходахъ, въ трактирахъ, во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ жизни, считаютъ и вычисляютъ, курятъ и плюютъ, и съ одинаковымъ раченіемъ расчитываютъ богатство и банкротство. Мы еще никогда не слыживали, чтобы въ Америкѣ распѣвали романсы и вѣжничали какъ въ Испаніи.

Какъ бы то ни было, въ одномъ богатомъ домѣ, на морскомъ берегу, молодая Американка, Генриетта, и вдовствующая Американка, Г-жа д'Арбель, ждутъ не слишкомъ терпѣливо, молодого своего родственника Джорджа, которому представлено право на любой изъ нихъ жениться. Онъ поютъ интродукцію и тутъ является Джорджъ. Онъ далеко вѣхалъ верхомъ, усталъ, измучился, проголодался. Бѣднякъ едва въ состояніи пропѣть съ ними трію. Пропѣвъ трію, онъ садится за столъ, и ѣсть и пьетъ отъ чистаго сердца. Только что онъ принялся за третій стаканъ Бордесскаго вина, какъ въ залу входитъ молодой морякъ, Ліонель, офицеръ съ корабля, который стоитъ въ виду берега на якорѣ. Ліонель въ парадномъ мундирѣ, съ кортикомъ и эпалетами; онъ нарядился, какъ видно, для того чтобы веселѣе стрѣлять на берегу птичекъ. Онъ увидѣлъ отворенную дверь, и вошелъ; увидѣлъ накрытый столъ, и сѣлъ. Молодымъ людямъ знакомиться не долго: Джорджъ и Ліонель тотчасъ подружались, а морякъ, какъ гость, долгомъ почитаетъ пропѣть, въ угоду хозяйину, большую арію.

Только что Ліонель пропѣлъ, какъ небо покрывается тучами, вѣтеръ бушуетъ, волны шумятъ; и морякъ спѣшитъ въ лодку, чтобы отправиться на корабль. Но буря засти-

гаетъ его на пути. Къ счастью, Генриетта, двѣтушка, которую мы сейчасъ видѣли, спасаетъ Ліонеля; но, увы, бѣдникъ не видитъ уже своей спасительницы, — молнія лишила его зрѣнія! Г. Жаненъ говоритъ, что авторъ «Жидовки» нашель въ этомъ мѣстѣ нѣсколько превосходныхъ музыкальныхъ фразъ отчаянія.

Во второмъ дѣйствіи, Ліонель уже сорокъ дней слѣпъ. Его перевезли къ дяди Генриетты, милліонщику и окулисту. Генриетта не слѣпа: она видитъ, что Ліонель очень хорошъ, и она заботится объ немъ и за нимъ ухаживаетъ; да и Ліонель, хотя и слѣпъ, тотчасъ узнаетъ ручку, голосъ, походку, шопотъ платья Генриетты: напрасно другая сестра хочетъ обмануть его, онъ тотчасъ узнаетъ и милый голосъ и маленькую ручку. Все это происходитъ въ хорошенькой сценѣ и прелестномъ кватуорѣ. Тутъ же надобно замѣтить дуэтъ между Ліонелемъ и Генриеттою и арію buffa —

J'ai fait ma philosophie
A l'université d'Oxford.

Подвергнувъ испытанію слухъ и ослѣзаніе Ліонеля, Генриетте хочетъ попробовать и третье его чувство, то, котораго у него недостаетъ — зрѣніе. Она срываетъ съ него повязку.... О чудо! Ліонель уже не слѣпъ; онъ видитъ, — видитъ двухъ женщинъ: одна стоитъ направо другая налево; одна молоде, другая прекраснѣе. Которую выбрать? Ліонель, неблагодарный Ліонель, не ждетъ, чтобы ему протянули знакомую ручку, чтобы съ нимъ заговорили знакомымъ голоскомъ: онъ бросается къ ногамъ которая прекраснѣе, къ ногамъ Г-жи д'Арбель. Генриетта падаетъ въ обморокъ. Вообразите, въ какомъ смущеніи бѣдный Ліонель!

Въ третьемъ дѣйствіи Генриетта уже далеко отъ Бостона. Все семейство въ отчаяніи никто не знаетъ гдѣ она; только, она написала письмо, въ которомъ общаетъ возвратиться какъ скоро Ліонель и Г-жа д'Арбель будутъ обвѣнчаны. Двѣ недѣли уже какъ они женятся; они уже обвѣнчаны, и Генриетта является О, какъ она несчастлива! Но не можете вообразить всего ея восторга, когда она узнаетъ, что Ліонель и Г-жа д'Арбель совсѣмъ не женаты, что они нарочно распустили этотъ слухъ, чтобы заставить ее возвратиться,

*

что Лионель всегда любилъ и всегда будетъ любить ее. Все улаживаютъ какъ нельзя лучше: Лионель женится на Генриеттѣ, а Джорджъ, котораго, во всѣ три дѣйствія, сестрицы пересылали одна къ другой, очень радъ, что въ концѣ пьесы можетъ жениться на остальной, хорошенькой вдовушкѣ, Г-жѣ д'Арбель.

По словамъ Г. Жанена музыка этой оперы весьма замѣчательное произведеніе, доказывающее богатство и разнообразіе таланта Г. Галеви. Опера имѣла успѣхъ тѣмъ большій, что и самая пьеса, какъ и музыка, исполнена прелести, ума, изобрѣтательности и вкуса.

3. Gasparo, *Гаспаро*, комическая опера въ одномъ дѣйствіи; слова Вандербурга и Дефоржа, музыка Г. Ришод.

Въ прошломъ мѣсяцѣ разбойники были главные герои въ Парижѣ. Первый разбойникъ. Въ 1799 году, Шампюніе, главнокомандующій Италіанской арміею, дрался отъ нечего дѣлать съ Италіанскими лаццарони. Эти несчастные рѣшились наконецъ разстаться на время съ макарони и солнцемъ и сражались какъ львы, чтобы скорѣе, такъ или иначе, кончить. Начальникъ одной изъ этихъ шайкъ, Гаспара-Гаспароне, сильно стѣсненный Французскимъ генераломъ, хочетъ по-крайней-мѣрѣ получить честную капитуляцію, и для этого похищаетъ одну Французскую даму, Г-жу Боваль, жену майора въ дѣйствующей арміи. Бѣдняжка ужасно несчастна; Гаспаро-Гаспароне радуется, надѣясь, что капитуляція этимъ обезпечена. Къ несчастію, ревность Дзанетты разстроиваетъ весь планъ его. Дзанетта, какъ вы конечно догадываетесь, любовница бандита. Дзанетта — женщина съ душою пламенною, взорами огненными, умомъ недалекимъ, большая искусница на гитарѣ и на кинжалѣ. Она ревнуетъ какъ львица, и предаетъ своего нѣжнаго и вѣрнаго любовника Гаспаро-Гаспароне.

Къ счастью, въ то время, какъ Шампюніе идетъ, чтобы захватить Гаспара-Гаспароне и всю его шайку, является добрый священникъ, который нѣкогда спасъ жизнь генерала Шампюніе, а теперь выпрашиваетъ помилованіе всей шайкѣ. Шампюніе прощаетъ. Онъ говоритъ Гаспару-Гаспароне и его товарищамъ: «Вы не будете повѣшены», но прибавляетъ: «Вы пойдете у меня въ авангардъ».

Гаспароне, какъ вы изволите видѣть, — честный бандитъ, добрякъ, сродни Скрибову Фра-Диаволу. Г. Рифф, по сказанію Жанена, окружилъ піеску невинною музыкою, очень сообразною съ простотою дѣйствія и нелѣпостями чувствованій самой оперы.

4. Леона, *Леона*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ Гг Сень-Жоржа и Лёвена.

Еще разбойникъ. Этого ужъ зовутъ Цамбуло. Но онъ не такой добренькій разбойникъ, какъ Гаспароне, а челоуѣкъ ужасный, который исполняетъ ремесло свое добросовѣстно. Онъ убиваетъ за деньги и убиваетъ въ срокъ.

Одна молоденькая, добренькая Италіянка, да еще Корси-канская Италіянка, Леона, влюблена во Французскаго провинціальнаго франтика, одного изъ тѣхъ господъ, которые непрерывно твердятъ: *C'est fashionable! c'est artistique!* — съ желтыми перчатками, съ козлиной бородою, — однимъ словомъ, франта первой руки. Влюбленная Леона слышитъ однажды отъ самаго своего любезнаго Родольфа, что онъ хочетъ ѣхать. Родольфъ долженъ ѣхать, чтобы сложить съ себя клятву, данную въ Парижѣ, и потомъ жениться на Леонѣ! Эту клятву онъ произнесъ у ногъ одной своей родственницы, которую нѣкогда обожалъ и которая, какъ онъ думаетъ, и теперь его обожаетъ. Надобно разстаться. Леона бѣсится. Родольфъ не уѣдетъ!

Леона заказываетъ у Цамбуло маленькую рану въ руку милого Родольфа, хорошенькую, ничтожную ранку, только дюйма на два стали въ тѣло, чтобы невѣрный не могъ уѣхать. Торгъ заключенъ; деньги за рану отданы впередъ, и дня черезъ три, въ ближнемъ лѣсу, дѣло сдѣлано. Раненаго Родольфа привозятъ къ Леонѣ.

Леона въ восхищеніи: Родольфъ не уѣдетъ! Но Леона плачетъ: бѣдный Родольфъ раненъ, страдаетъ; кровь его лилась подъ ударомъ кинжала, и за этотъ ударъ заплатила она, Леона! Она тѣмъ болѣе горюетъ, что Родольфъ получаетъ изъ Парижа письмо, въ которомъ его уведомляетъ, что ожидающая его родственница вышла замужъ и забыла его клятвы въ работномъ своемъ ящикѣ, вмѣстѣ съ послѣднимъ вышиваньемъ. Получивъ эту вѣсть, Родольфъ объявляетъ Леонѣ, что онъ свободенъ и принадлежитъ ей одной. Въ ту же

минути входить лекаръ изъ ближняго села: за нимъ посылала Леона.

Этотъ лекаръ не-кто иной какъ самъ Цамбуло! У него два ремесла: утромъ онъ лечитъ, вечеромъ убиваетъ. Вы можете вообразить ужасъ Леоны. Оставшись на единъ съ Родольфомъ, Цамбуло признается ему въ своемъ и Леонинномъ преступленіи. Надобно знать, что Родольфъ нѣкогда спасъ отъ висѣлицы этого самаго Цамбуло, когда еще онъ не отирая своего двойнаго ремесла, не отравлялъ лекарствами и не убивалъ кинжаломъ. Парижанинъ сердится: въ Парижъ такъ не нѣжничаютъ. Но что дѣлать? Леона такая добрая дѣвушка! она такъ любитъ своего Родольфа! Притомъ этотъ родъ любви очень разителенъ. Конецъ концовъ, Родольфъ, пожуривъ свою Леону, прощаетъ ее, и для *вѣщшаго* исправленія ея нравственности увозитъ въ Парижъ.

Этотъ водевилъ можно бы сократить на половину; но въ немъ есть нѣсколько хорошенекхъ сценъ, и онъ былъ принятъ съ большимъ одобреніемъ.

5. *Le Vagabond, Бродяга*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Гг. Мальяна и Кормона.

Вы, вѣрно, видѣли у Юнкера и въ окнахъ другихъ магазинововъ на Невскомъ Проспектѣ довольно плохую гравюру съ картины Греніе. Она называется *Le pauvre sujet*, «Негодяй». Человѣкъ, еще довольно молодой, дурно одѣтый, съ видомъ безпечнымъ и суровымъ съ трубкою на шляпѣ, — султаномъ, достойнымъ этой шляпы, идетъ по улицѣ; за нимъ жена и трое малолѣтнихъ дѣтей. Женщина прекрасна, но на лицѣ ея написано страданіе; дѣти слабы и бездушны. Ужасная нищета тяготитъ надъ этимъ семействомъ. Отецъ, и мать, и дѣти, — безъ куска хлѣба, безъ убѣжища. Куда жъ идутъ они? Богъ знаетъ. Картина печальная!

Эта блѣдная, безцвѣтная гравюра поставлена на сцену.

Пьеръ Мальяръ былъ нѣкогда честнымъ и добрымъ работникомъ; но потомъ онъ душой и тѣломъ предался лѣности и пьянству. Тутъ явилась нищета и обобрала бѣднаго Мальяра. Нищета унесла постель молодой женщины и трои дѣтей ея; нищета вырвала у несчастныхъ послѣдній кусокъ чернаго хлѣба: теперь всему семейству остается одна надежда, — милостыня или воровство.

Между-тѣмъ въ одной фермѣ случился пожаръ: жители деревни производятъ разысканія; Пьера Мальяра, какъ безпріютнаго, берутъ по подозрѣнію подъ стражу; бѣдная жена, бѣдные дѣти, въ отчаяніи. Тутъ Мальяръ кается въ своей лѣности, но поздно. Къ счастью, проѣзжаетъ какой-то маркизъ, добрый и полезный маркизъ, какихъ видишь только въ водевиляхъ, да и то изрѣдка. Ремесломъ онъ фабрикантъ и филантропъ. Въ качествѣ филантропа, онъ подаетъ Мальяру руку помощи; въ качествѣ фабриканта, дѣлаетъ Мальяра прикащикомъ на своей фабрикѣ. Но посудите только что случилось бы съ Мальяромъ и его семействомъ, если бы этотъ маркизъ былъ простой, ординарный, а не водевильный маркизъ, а не филантропъ и фабрикантъ?

Этотъ водевиль имѣлъ большой успѣхъ: зрители плакали, это очень весело.

6. *La Fiole de Cagliostro, Кальострова баночка*, водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Знаменитый шарлатанъ Кальостро, который такъ удачно насмѣхался надъ умными людьми своего времени, преслѣдуемый въ Голландіи, искалъ убѣжища въ домѣ одной пожилой дамы, которая питала большое уваженіе къ его гению и могуществу. Старушка была въ восхищеніи, что имѣетъ честь принимать у себя въ домѣ челоуѣка великаго и гонимаго. Чародѣй, чтобы доказать ей свою благодарность, составилъ воду, которая должна была возратить ей красоту юности, всю рѣзвую прелесть, весь розовый, бархатистый цвѣтъ персика, однимъ словомъ всѣ принадлежности пятнадцати-лѣтняго возраста. Эта дивная вода заключалась въ баночкѣ съ таинственною надписью. — Сударыня, сказала Кальостро старой своей хозяйкѣ: надобно пить эту воду маленькими приѣмами, послѣ каждаго приѣма лягте почивать и ждите, покуда возвратится молодость. Такъ она и сдѣлала. Она выпила рюмочку чудной воды, и жидкость капля-по-каплѣ пролилась ей въ душу. Какой-то живительный жаръ протекалъ по еѣ жиламъ: да! это не обманъ чувствъ; точно, сердце ея бьется скорѣе прежняго, старая кровь уступаетъ мѣсто самой текучей, самой чистой росѣ, какая только когда-либо охаращивала нѣжную и бѣлую женскую кожу. Старушка въ восхищеніи, и ложится спать въ объятіяхъ новой своей молодости. О, какіе сны дом-

жны были въ эту ночь ей привидѣться! Сколько цвѣтовъ у ногъ ея! сколько стиховъ для ея сердца! сколько жгучихъ взглядовъ на лицѣ ея!

На этотъ разъ Кальостро не солгалъ. Онъ точно далъ ей живую воду; она точно, послѣ перваго пріема, помолодѣла двадцатью годами, — или по-крайней-мѣрѣ такъ ей кажется; а если это не правда, то лжетъ зеркало. Но, о горе! служанка нашей старушки, молодая Маргарита, тоже захотѣла напиться живой воды, и невольно выпила всю баночку. Бѣдная Маргарита! ей хотѣлось скинуть съ плечъ только годка два, три, а она отъ сильнаго рѣвѣна чудной воды отступила въ жизни до самаго младенчества. Оно, впрочемъ, и не мудрено. Если начнешь молодѣть, то остановится трудно!

Бѣдная старушка, видя, что въ баночкѣ Кальостро не осталось ни капли живой воды, сначала ужасно было разсердилась, за то, что лишилась такимъ образомъ дальнѣйшей своей молодости. Но, впрочемъ, она была добра, и притомъ разсудила, что первымъ пріемомъ сбросила съ плечъ, изъ шестидесяти лѣтъ, двадцать, а въ тѣ времена сорока-лѣтняя женщина была еще молодая женщина. Сверхъ-того, она *приняла во уваженіе* и то, что на ней лежитъ долгъ пещись о бѣдной Маргаритѣ, которая, по ея неосторожности, сдѣлалась десяти-лѣтнею дѣвочкою.

Такимъ образомъ, ловкій плутъ Кальостро выманилъ у доброй старушки значительную сумму денегъ за то, что доставилъ ей цѣлую ночь пріятнѣйшихъ въ жизни сновъ и снялъ съ ея ума цѣлыхъ двадцать лѣтъ, — а эти двадцать лѣтъ тяготили болѣе ея умъ чѣмъ голову. Наконецъ, вмѣсто горничной, когорую онъ увезъ, Кальостро оставилъ старушкѣ десяти-лѣтнюю дѣвочку на воспитаніе.

Анекдотъ извѣстный, — который вы, конечно, уже не разъ слыхивали; его приписывали то графу Сень-Жермену, то Кальостро. Недавно Г. Рожѣ-де-Бовуаръ вздумалъ рассказать его еще разъ въ «Артистѣ» и потомъ въ Café Procope, откуда и взятъ водевиль, который имѣлъ большой успѣхъ.

•• Мы говорили здѣсь только о лучшихъ піесахъ: было еще десятокъ водевилей, очень плохихъ, для которыхъ у

нась уже пять и мѣста въ нынѣшнемъ мѣслцѣ. Представимъ, лучше, драматическую статистику Франціи за 1835 годъ. Въ теченіе прошлаго года играли въ Парижѣ новыхъ пьесъ:

Италянскихъ оперъ	3.
Большихъ Французскихъ оперъ.....	1.
Комическихъ оперъ,	6.
Комедій.....	10.
Драмъ, мелодрамъ, водевилей, и проч.	190.
Всего.....	210.

Г. Скрибъ написалъ только семь пьесъ. Г. Баяръ только восемь. Г-на Анселдъ освистали только шесть разъ. Годъ былъ совсѣмъ несчастливый!

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. Вторая половина декабря и первая января всегда противны Словесности въ Парижѣ. На это время всякая литература отменяется: господствуютъ однѣ только словесность конфектная и словесность альманачная, которая не стоитъ даже конфектной. Драматурги закрываютъ годъ «обозрительными водевилями», *vaudevilles-revues*, въ которыхъ каждый театръ пересмѣиваетъ пьесы, игранныя на другихъ театрахъ. Книгопродавцы, страшась вліянія баловъ, всегда пагубнаго для книгъ, которыхъ все достоинство состоитъ въ новости, ожидаютъ, пока публика охрипнетъ отъ тонкой пыли паркетовъ и начнетъ кашлять отъ простуды, полученной на холодныхъ лѣстницахъ при ожиданіи экипажей, и не выпускаютъ ничего примѣчательнаго: между-тѣмъ вы видите только книжки для подарковъ, *livres d'étreppes*. Такимъ образомъ, литературныя новости состоятъ большею частію въ объявленіяхъ о выходѣ разныхъ книгъ къ концу января. Замѣчательнѣйшія между ними суть поэма въ двухъ томахъ, *Le curé de campagne*, Г. Ламартина, и Шатобриановъ переводъ Мильтона. Г. Викторъ Гюгъ издастъ также томъ поэзій. Г. Александръ Дюма воротился въ Парижъ изъ путешествія по Италіи и Сициліи; съ тремя оконченными драмами, — *Paul Jones*, *Don Juan à Paris* (этой драмѣ уже дѣлаются репетиціи), и третью неизвѣстнаго заглавія, и съ цѣлою кучею «Впе-

чатлвнй», Impressions, которыя, какъ извѣстно, не напечатлвваются въ читателв. Le chemin de traverse, Г. Юліа Жанена, еще не вышелъ, хотя былъ уже объявленъ въ газетахъ, и также ожидаетъ насморка благосклонныхъ читателей, которые теперь танцуютъ. Что касается до Французскихъ альманаховъ, то они едва-ли стоятъ упоминанія: это наборъ статей, иногда пріятныхъ, но большею частію безъ всякой занимательности; наборъ обставленный дурными оттисками гравюръ, для которыхъ Парижскіе книгопродавцы покупаютъ въ Лондонѣ избитыя доски, служившія уже Англійскимъ альманахамъ, Annuals. То же самое должно сказать о безчисленныхъ компиляціяхъ, которымъ во Франціи даютъ пышное названіе pittoresques, «живописныхъ»: ни ихъ содержаніе, ни ихъ плохія картинки, не оправдываютъ громкихъ похвалъ, которыми ихъ надвѣляютъ журналы и газеты по ходатайству издателей и для привлеченія публики. Въ числѣ альманаховъ, должно однако отличить переводъ Англійскаго Oriental annual, издаваемый Гг. Беллизаромъ и Дюфуромъ, а между «живописными» изданіями, новый переводъ книги «О подражаніе Иисусу Христу», съ десятью гравюрами То-ни Жоанно, готическою рамкою и заглавнымъ листомъ, расписаннымъ красками, и Histoire de l'Ancien Testament, par Rouvumont, съ семьюстами красивыми виньетками.

— Не обижая ничего родительскаго самолюбія, можно сказать, что вообще «дѣти нашего вѣка» суть самые упрямые, и своенравные мальчишки, какихъ я знаю. Ихъ, видно, мало сѣкли. Одинъ изъ этихъ невинныхъ недорослей, Г. Альфредъ Мюссэ, издалъ свою неповѣдь, — «Исповѣдь дитяти своего вѣка», La Confession d'un enfant du siècle. Мы читали изъ нея странные отрывки.

— Прежде упрекали Нѣмцевъ въ томъ, что они живутъ за облаками и питаются туманными отвлеченностями, не видя подъ собой ни людей ни земли. Нынче это въ полной мѣрѣ можно сказать о Французахъ, которые сдѣлались совершенными мечтателями, въ самомъ смѣшномъ значеніи этого слова. Не говоря уже о «женщинѣ», о возрожденіи рода человѣческаго, о Платоновой республикѣ, о пересозданіи общества, и цѣлой дюжинѣ другихъ нелѣпостей, которыя не

на шутку занимають умы Французскихъ писателей, Востокъ сдѣлался для нихъ чѣмъ-то похожимъ на царство Попа Ивана, куда стремились мечты и надежды среднихъ вѣковъ. Мы уже говорили о духѣ, въ какомъ писаны Французскія путешествія по Востоку; но вотъ Г. Баррѣ (Barrault) является съ новою книгою, *Orient et Occident, études politiques, morales et religieuses*. Если бъ дать волю Г-ну Баррѣ, онъ тотчасъ перестроилъ бы Востокъ и соединилъ его съ Западомъ въ одно тѣло и одну душу, — и онъ знаетъ, какъ это сдѣлать. Онъ путешествовалъ по Востоку, и видѣлъ все, — исключая только восточнаго человѣка и восточнаго общества. Г. Баррѣ удивительный философъ, политикъ и моралистъ, и книга его преудивительна.

— Между новыми романами, рассказами и мемуарами, которые теперь пользуются извѣстнымъ успѣхомъ въ Парижѣ, надобно упомянуть «Велину», Г. Арбанера: это картина борьбы страстей въ высшемъ обществѣ, гдѣ однако жъ страсти сидятъ, играютъ въ карты и танцуютъ очень дружно, не вдаваясь въ борьбу; *Un automne au bord de la mer*, Г-на Баршу, сочиненіе, въ которомъ авторъ развиваетъ «сильно и драматически» неудачи, приключенія и воспоминанія, терзающія человѣка въ различные эпохи жизни; записки, *Souvenirs*, Г-жи Мерленъ, графини и красавицы, и записки Г-жи Лебрень, бывшей живописицы. Г-жа Тастю всё издастъ милыя книги для дѣтей: и давно она перевела «Робинсона Крузоэ»; теперь вышло ея *Education maternelle*; госпожа Дюдеванъ всё бранится въ *Revue des deux mondes* съ мужчинами и называетъ ихъ грубьянами, измѣнниками и безчувственными.

— Вышли также изъ печати третій выпускъ сочиненія Г. Капфига, *Richelieu, Magasin, la Fronde et le règne de Louis XIV*, вторая часть перваго тома *Histoire de la marine française*, Г. Евгенія Сю, и два первые тома *Mémoires du prince de la Paix*.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. N° III *Miscellanies*, Вашингтона Ирвинга содержитъ въ себѣ Испанскія легенды, Ле-

gends of the conquest of Spain. Въ легендѣ о донѣ Родерикѣ вполне выражается то очаровательное впечатлѣніе, которое произвелъ на Ирвинга и прелестный край и его прелестныя обитательницы. Предметъ не новъ; онъ перебивалъ въ рукахъ многихъ отличныхъ дарованій: Скоттъ въ донѣ Родерикѣ, Соути въ Родерикѣ, последнемъ изъ Готтовъ, Локкартъ въ своихъ прекрасныхъ Испанскихъ и Мавританскихъ балладахъ и Гиббонъ въ «Разстройствѣ и паденіи Римской имперіи», сообщили много поэтического и историческаго объ этомъ замѣчательномъ періодѣ; однако жъ большая половина легендарной жатвы повидимому еще ожидала искуснаго жнеца. «Въ слѣдующихъ страницахъ, говорятъ Ирвингъ, авторъ рѣшился почерпнуть предметы въ плѣнительныхъ родникахъ Испанской летописи, и почерпнуть глубже нежели обыкновенно дѣлали тѣ, которые писали въ новѣйшее время о любопытной эпохѣ Арабскаго завоеванія. Всѣ факты, которые здѣсь изложены, какъ бы ни казались они безразсудными, взяты изъ мудрыхъ и почтенныхъ летописцевъ стараго времени; они выросли рядомъ съ давно признанными истинами и могли бы быть подкрѣплены учеными ссылками на поляхъ книги.» Покореніе Испаніи Маврами составляетъ главный предметъ новаго произведенія Ирвингова живописнаго пера; главные дѣйствующія лица — Родерикъ, графъ Худіанъ, дочь его прекрасная Флоринда, и Муса и Тарикъ, Арабскіе военачальники.

— Вѣроятно, краснорѣчивый Кольриджъ во всю жизнь свою не наговорилъ того, что приписано ему въ теченіе года по его смерти. Вотъ ужъ третій или четвертый сборникъ воспоминаній о Кольриджѣ, его писемъ и бесѣдъ, и этимъ еще на кончится: всякой, кому покойный сказалъ когда-нибудь *How do you do*, считаетъ себя вправѣ печатать объ немъ воспоминанія.

— Въ числѣ новыхъ книгъ читатели найдутъ *A voyage round the world*, Г. Вильсона. Такъ какъ это заглавіе можетъ ввести въ непріятную ошибку, мы почитаемъ долгомъ предупредить, что его не слѣдуетъ принимать въ слишкомъ точномъ смыслѣ; это маленькая ипербола: рассказъ автора ограничивается одною Австраліей и заключаетъ въ себѣ мало любопытнаго.

— Пятый и последний томъ «Исторіи Британскихъ колоній» Г. Монгомери Мартина вышелъ изъ печати. Здѣсь описаны Европейскія колоніи Англичанъ, — острова въ Средиземномъ Морѣ и Нормандскіе, Менъ и Гелиголандъ. Мы уже не разъ обращали вниманіе нашихъ читателей на эту важную и любопытную книгу и давали изъ нея въ отдѣленіи Смѣси нѣсколько выписокъ.

— History of the United States of North America Г. Джемва Грэма (Graham) — сочиненіе, богатое фактами, и выполненное съ большимъ тщаніемъ; но должно замѣтить, что эта исторія Соединенныхъ Штатовъ оканчивается именно той эпохою, когда Соединенные Штаты начинаютъ свое независимое существованіе. Два первые тома вышли еще въ 1827 году, но впоследствии они были переданы авторомъ.

— Нынѣшнюю зиму повѣсти и романы падаютъ въ Англіи цѣлыми сугробами, какъ у насъ снѣгъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ почетное мѣсто принадлежало роману The Outlaw. Дѣйствіе происходитъ въ концѣ царствованія Іакова II, и завязка основана на заговорахъ, которые составлялись противъ этого слабаго короля. Характеровъ множество и, разумѣется, такихъ, какими тѣ смутныя времена могутъ служить романисту, — ревностные католики и протестанты, военный народъ и добрые Лондонскіе граждане, цыганки и искатели приключеній. Несмотря на это разнообразіе дѣйствующихъ лицъ, талантъ Г-жи Голь блещетъ гораздо болѣе въ краткихъ повѣстяхъ чѣмъ въ немножко длинномъ романѣ.

— Капитанъ Марриетъ издалъ въ видѣ альманаха рассказы The Pirate и The tree cutters съ гравюрами Стенфилда. По своей увлекательности они не уступаютъ другимъ произведеніямъ этого автора, хотя интересъ ихъ ограничивается моремъ. Въ Pirate картина морскаго разбоя выполнена съ удивительнымъ дарованіемъ.

— Norman Leslie, Американца Фе, заслуживаетъ похвалы; прочіе романы и повѣсти не стоятъ упоминанія.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. Энциклопедіоманія, которою въ послѣднее десятилѣтіе Нѣмцы заразили почти всю

Европу, продолжаетъ господствовать въ самой Германіи и, кажется, съ возрастающею силою. Кроме известнаго «Конверсаціонсъ-лексикона для образованныхъ сословій», издаваемого теперь осмысленнѣе тисненіемъ, кроме «Берлинскаго Историческаго Словаря», котораго недавно вышелъ третій томъ, кроме «Всеобщей Энциклопедіи Пирера», Новѣйшей — Менцеля и Военной — фонъ - деръ-Люе, въ прошломъ году окончено изданіе «Конверсаціонсъ-лексикона для всѣхъ сословій», который продается по четыре рубля, и другой энциклопедіи, въ болѣе обширномъ размѣрѣ, предпринятой за нѣсколько лѣтъ фонъ-Лихтенштерномъ и поступившей впоследствии подъ редакцію А. Шиффера. Теперь издается въ Вѣнѣ Oesterreichische National - Encyclopädie, которая содержитъ въ себѣ алфавитное изложеніе всѣхъ достопримѣчательностей Австрійской имперіи въ отношеніи къ природѣ, жизни и учрежденіямъ, промышленности и торговлѣ, заведеніямъ частнымъ и общественнымъ, образованію и наукѣ, литературѣ и искусству, географіи и статистикѣ, исторіи генеалогіи и биографіи. Все сочиненіе составитъ шесть большихъ томовъ, листовъ въ пятьдесятъ каждый, и будетъ стоить около тридцати шести рублей.

— Новое изданіе стихотвореній I. Г. Фосса, въ одномъ томѣ, отличается противъ прежняго значительными дополненіями, хорошею біографіею автора и наконецъ превосходнымъ его портретомъ, въ которомъ вѣрно переданы черты знаменитаго пѣвца Луизы.

— Г. Леопольдъ Шеферъ издалъ «Второе Полугодіе» своего *Laieubrevier*, — сочиненія, которое съ самаго начала привлекло къ себѣ вниманіе Германской публики. По своему тихому, чувствительно-мистическому характеру и по духу снисходительности, благоволенія и любви, который въ ней господствуетъ, эта книга составляетъ отрадный антидотъ противъ безчувственныхъ порывовъ буйной страсти, выводимой въ большей части новѣйшихъ произведеній. Она понравится всякому, кто приобрѣлъ весьма простое и однако жъ довольно рѣдкое сознаніе, до какой степени мысли и чувства человѣка опредѣляютъ житейскія его отношенія, если получать однажды твердое направленіе.

— С скромною сочинительницею известных *Bilder des Lebens* продолжает свои посильные труды въ пользу женскаго образованія. Прекрасное нравственное направленіе, свѣтлый взглядъ въ глубины женской души, и особенное искусство въ изложеніи, — вотъ общія качества, которыми отличаются ея произведенія, *Des Lebens Wechsel* и третья часть *Мнемозины*, собраніе милыхъ повѣстей, писемъ и статей.

— *Kronen und Ketten* — довольно плохой историческій романъ Г. Э. Дуллера. Проблески дарованія, которое авторъ обнаруживаетъ почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, теряются въ ложномъ стремленіи къ эффекту, производимому убійствомъ, бѣшенствомъ и тому подобными пружинами. Не ищите тутъ ни психологическаго развитія характеровъ, ни согласія съ Исторіей въ подробностяхъ: все это требуетъ труднаго ученаго приготовленія, съ которымъ молодые романисты не хотятъ имѣть дѣла.

— Любите вы повѣсти съ разбойниками? Прочтите *Das Gelübde* Г. Генриха Вальха. А повѣсти съ духами и привидѣніями? Опять таки прочтите *Das Gelübde*: въ этихъ двухъ томахъ есть и разбойники и привидѣнія. Согласитесь, что это ужъ довольно страшно; но придадимъ къ этому страшную семи-лѣтнюю войну и еще страшныя ущелья Гарца, и право есть отъ чего въ отчаянье прійти.

— Недавно вышла третья часть драматическихъ произведеній барона фонъ - Цедлица: она содержитъ въ себѣ пьесы *Turturell, Herr und Sklave* и *Die Zwei Nächte zu Valladolid*, которыя всѣ три можно бы отдать за одну порядочную.

— «Баллады и Романсы» Г. Н. Фогля найдутъ себѣ читателей даже послѣ Гётевыхъ и Уландовыхъ, хотя мы отнюдь не думаемъ равнять ихъ съ этими образцами. Тутъ есть нѣсколько пьесъ, которыя производятъ сильное драматическое впечатлѣніе.

НОВЫЯ КНИГИ.

Французскія.

- ETUDES sur l'histoire de France et sur quelques points de l'histoire moderne, par M. *Auguste Trognon*. 1 vol.
 HISTOIRE NUMISMATIQUE de Napoléon, par M. *Rougeot de Briel*. 2 vol., cent planches. Par souscription.

-
- LA CHUTE DE L'EMPIRE, drame-épopée, avec des considérations sur l'avenir de l'Europe. 1 vol.
 NAPOLEON, poème épique, par *Edgar Quinet*. 2 vol.
 DEUX DRAMES, par madame la princesse de Craon. 1 vol.
 TROIS ANS APRÈS, roman de mœurs, par Mme *Tullis Monneuse*. 1 vol.
 MON VOYAGE AU MEXIQUE, ou Le colon de Guazacoalco, par *Pierre Charpenne*. 2 vol.
 UN AUTOMNE au bord de la mer, par le baron *Barchou de Penhoën*. 4 vol.

Англійскія.

- HISTORY OF THE BRITISH COLONIES. By *R. Montgomery Martin*. Vol. V.
 HISTORY OF THE UNITED STATES of North America. By *James Graham*. 4 vols.
 HISTORICAL ESSAY on the bards, jongleurs and trouveres, Norman and Anglo-Norman. By the abbé *De la Rue*.
 A FAMILIAR HISTORY OF BIRDS. By the rev. *E. Stanley*.
 A VOYAGE ROUND THE WORLD. By *T. B. Wilson*.
 VOYAGE ROUND THE WORLD, By *James Holman*. Vol. IV.
 LIFE AND TIMES OF GENERAL WASHINGTON. By *Cyrus R. Edmonds*. 2 vols.
 LETTERS, conversations and recollections of *S. T. Coleridge*. 2 vols.
 MY NOTE-BOOK. By *J. Macgregor*. 3 vols.

-
- MISCELLANIES. By the author of *The Sketch Book*. N° III. Legends of the conquest of Spain.
 THE COMIC ANNUAL for 1836.
 THE OUTLAW. By the author of *The Buccaneer*. 3 vol.
 THE CABINET OF MODERN ART, and literary souvenir. Edited by *Alaric A. Watts*. Second series.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пѣсня на Новый годъ. <i>А. В. Тимофеева</i>	5.
Востокъ. Покойнаго <i>А. С. Грибоедова</i>	6.
Бѣднякъ. <i>В. Александрова</i>	8.
Ночь Родительской субботы, Баллада. <i>И. И. Козлова</i> ..	12.
Гнѣздо голубки. <i>Г. Катенина</i>	14.
Чувство дочери. <i>М — и Л — ой</i>	17.
Море ***.....	19.
Два мальчика, Басня. <i>И. А. Крылова</i>	65.
Всадникъ. <i>А. В. Тимофеева</i>	66.
Кудри. <i>В. Бенедиктова</i>	68.
Отплытіе витязя, Баллада. <i>И. И. Козлова</i>	70.
Дальніе звуки бала. <i>Князя М. Голицына</i>	71.
Оклеветанный, Подражаніе псалму. <i>И. Карелина</i>	73.
Малороссійская хата. <i>Ө. Н. Глинки</i>	74.

ПРОЗА.

Новый годъ въ Москвѣ въ 1636, 1736 и 1836. <i>Н. А. Полеваго</i>	21.
Новая Ладога. <i>К. П. Массальскаго</i>	41.
Кто сумасшедшіе? <i>Г. Безгласнаго</i>	50.
Судьбы сердца, Повѣсть. <i>Н. И. М — а</i>	77.
Сказка о Георгіи Храбромъ и о волкѣ. <i>Казака Луганскаго</i>	133.
Очерки военныхъ сценъ 1812 — 1814. <i>Князя Н. Б. Голицына</i>	145.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Свѣтская женщина. Парижскіе нравы. Сочиненіе <i>Г. Эмиля Сувестра</i>	1.
---	----

✓ Свѣтъ, какъ онъ есть. Изъ <i>The Student</i> Г. Эдуарда Большера.....	65.
✓ Трехсказочный паша. Сочиненіе капитана Марріета, <i>The Pasha of many tales</i>	81.
I. Повѣсть погонщика верблюдовъ.....	92.
II. Странствованія Гуккабака.....	104.
III. Чудесная повѣсть о Ханъ.....	122.
✓ Последний день Помпен, сочиненіе Г. Большера.....	143.
✓ Монахины, новый романъ Г. Купера.....	203.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Нынѣшнее состояніе теоріи электричества.....	1.
Последнее путешествіе капитана сиръ Джонъ Росса...	25.
✓ Подвигъ Русскихъ плѣнныхъ въ 1711 году. <i>Д. И. Язы-</i> <i>кова</i>	73.
Нынѣшнее состояніе ученія о звукѣ.....	77.
✓ Томасъ Юнгъ. Статья Г. Араго.....	101.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Брачныя конторы.....	1.
Кассы бережливости, <i>les caisses d'épargne</i>	16.
Свекло-сахарное производство, и изобрѣтенія Г. Да- видова. <i>II. Аллина</i>	23.
Новая борона. Скородильный полиспасть (съ рисун- комъ). <i>Ф. Левдика</i>	68.

V.

КРИТИКА.

Статистическія записки о вѣншей торговли Россіи, Г. Небольсина. — Государственная вѣншая тор- говля 1834 года.....	1.
Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное на военномъ шлюпѣ Сенявинъ, въ 1826 — 1829, флота капита- номъ О. Литке, Часть II и III.....	21.
Практическое пчеловодство, или Правила для любите- лей пчелъ, извлеченныя изъ долговременнаго опы- та, сочиненіе Г. Витвицкаго.....	41.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Декабрь, 1835. Новыя книги.....	1.
Разныя извѣстія.....	30.
Январь, 1836. Новыя книги.....	31.
Разныя извѣстія.....	61.

VII.

СМѢСЬ.

Январь.

Парижская Академія Наукъ :

Новый планетный міръ.....	1.
Послѣдній годичный сѣздъ Германскихъ естествоиспытателей.....	5.
Электрическая теорія морскихъ приливовъ.....	6.
Деревянно-железная дорога въ Германіи.....	8.
Джонъ Ди, докторъ чародѣйства.....	10.
Эттрикскій пастухъ, Джемсъ Гоггъ.....	18.
Феодальный обѣдъ въ Шотландіи.....	20.
Дружба двухъ литераторовъ.....	23.
Воспоминанія о Нибуръ, его секретаря.....	25.
Посвященіе Антипаросской пещеры.....	27.
Дѣйствіе либерализма и Обществъ Трезвости на водку и сахаръ.....	30.
Знаменитый жидъ якобинецъ.....	31.
Превращенія шляпы Наполеона.....	34.
Обѣдъ у леди Блессингтонъ.....	38.
Италянскій театръ въ Парижѣ :	
Норма, опера Беллини.....	41.
Французскій театръ въ Парижѣ :	
Toniotto, драма. Un ménage anglais, мелодрама графа Абрантеса. La dame de Châteaubriand-Laval, мелодрама. La femme du peuple, мелодрама. Les tribulations de la paternité, водевиль. Un tissu d'horreurs, водевиль. Une loi anglaise, водевиль. Six mois de fidélité, водевиль Г. Ашиля. André, водевиль Баяра. En attendant, водавиль Баяра. Za-ze-zi-zo-zu. Vive la Gatté!.....	43-64.

Словесность во Франціи.....	64.
Словесность въ Англіи.....	65.
Словесность въ Германіи.....	68.
Новыя книги : Французскія. Англійскія. Нѣмецкія....	70.
Моды : Парижскія. Петербургскія (съ картинкою)....	73.

ФЕВРАЛЬ.

Парижская Академія Наукъ :

1. Новое распредѣленіе животныхъ.....	79.
2. Новое кружевное растеніе.....	—
Искусственное окаменѣніе животныхъ.....	—
Употребленіе животныхъ для топлива.....	81.
Вліяніе минераловъ на растительность.....	—
Вліяніе матери на зародышъ.....	82.
Статистика Санктпетербургскаго воспитательнаго дома.	86.
Статистика Изящныхъ Художествъ во Франціи.....	91.
Гильотина.....	—
Что такое Техасъ?.....	92.
Супружеское счастье въ Индостанѣ.....	94.
Общество Фенсигаровъ въ Индіи.....	96.
Простонародные святочные обряды.....	99.
Обзоръ Англійской журналистики.....	102.
Трагедія Шекспира на сценѣ.....	106.
Общее мнѣніе о Викторѣ Гюгѣ во Франціи ; новое со- чиненіе мистриссъ Тролоупъ.....	112.
Новое сочиненіе покойнаго князя Пюклеръ-Мускау....	119.
Французскій театръ въ Парижѣ :	
Valentine, новая драма Г. Скриба. L'Eclair, но- вая опера Г. Галеви. Gasparo. Léona. Le Vaga- bond. La Fiole de Cagliostro. Число новыхъ пьесъ, игранныхъ въ прошломъ году.....	124.
Словесность во Франціи.....	135.
Словесность въ Англіи.....	137.
Словесность въ Германіи.....	139.
Новыя книги : Французскія. Англійскія. Нѣмецкія....	142.
Моды : Парижскія. Петербургскія (съ картинкою)....	145.

=

44.
55

3

